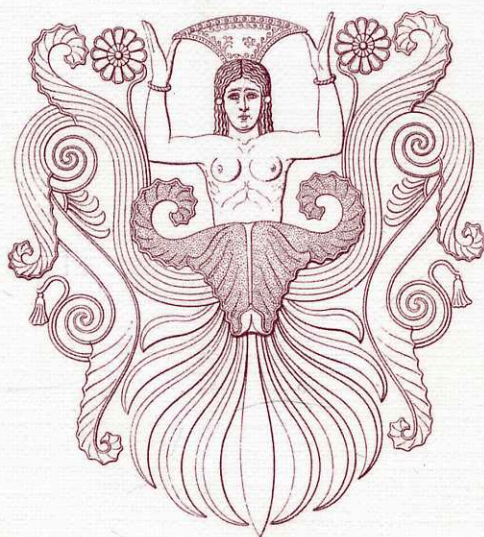

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН

НАСЕЛЕНИЕ, ЯЗЫКИ,
КОНТАКТЫ

Санкт-Петербург
2011

**THE ACADEMY OF SCIENCES OF RUSSIA
INSTITUTE FOR HISTORY
OF MATERIAL CULTURE
INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES**

**RUSSIAN MINISTRY OF CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM**

**THE SOUTH-RUSSIAH CENTRE
FOR ARCHAEOLOGICAL STUDIES**

**THE PHENOMENON
OF BOSPORAN KINGDOM:
POPULATION, LANGUAGES,
CONTACTS**

**PROCEEDINGS
OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE**

**“Nestor-Historia” Editors House
Saint-Petersburg
2011**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ**

**ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН
НАСЕЛЕНИЕ, ЯЗЫКИ,
КОНТАКТЫ**

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**Нестор-История
Санкт-Петербург
2011**

УДК 930.26:947.011
ББК 63.4:63.3(0)329.48
Б85

Печатается по решению
Учёного Совета ИИМК РАН

Редколлегия:

*М.Ю. Вахтина, Е.В. Грицик, Н.К. Жижина, С.В. Иванов,
В.Ю. Зуев, С.В. Кашаев, О.Ю. Соколова, В.А. Христановский*

Б85 **Боспорский феномен:** Население, языки, контакты: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.). — СПб. : Нестор-История, 2011. — 712 с.

ISBN 978-5-98187-8263-3

Крупнейшая в Российской Федерации Международная научная конференция, посвящённая проблемам истории и культуры Северного Причерноморья, в девятый раз собирает археологов, историков, искусствоведов и филологов. Тема конференции 2011 года — население, языки, контакты. Данное издание рассчитано на специалистов и широкий круг читателей, интересующихся проблемами древней истории.

УДК 930.26:947.011
ББК 63.4:63.3(0)329.48

На первой странице: Нимфей, фрагмент фриза, IV в. до н.э.

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
Проект 11-01-14-019г

ISBN 978-5-98187-863-3

© Коллектив авторов, 2011
© Издательство «Нестор-История», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема очередного – IX – «Боспорского феномена» определилась (можно сказать даже «предопределилась») ещё два года назад, при подведении итогов предыдущей конференции. Лихорадочные поиски места для завершения конференции привели на Таможенный переулок, в здание Института лингвистических исследований РАН. Получив здесь приют, оценив все преимущества этого помещения и гостеприимство его хозяев, мы решили превратить случайный контакт в целенаправленное сотрудничество. Поиски научных сюжетов, представляющих взаимный интерес и дающих возможность привлечь к участию в конференции учёных-лингвистов, подвели к ещё одному новому аспекту рассмотрения «боспорского феномена», обозначенному словами, вынесенными в название на этот раз: «население, языки, контакты». В ходе подготовки конференции у нас появился ещё один соорганизатор – Южно-Российский центр археологических исследований (ЮРЦАИ), который внёс свой существенный вклад в её проведение. Полноценная конференция с предварительной публикацией всех полученных материалов не могла бы состояться без гранта, полученного от Российского гуманитарного научного фонда.

Количество тезисов, полученных Оргкомитетом к 15 апреля (последнему объявленному сроку их подачи), оставляло организаторам надежду на сравнительно небольшую (по количеству участников) конференцию, которая легко вписывается в уже привычные четыре рабочих дня (со вторника по пятницу) и в сборник материалов (среднего размера). В октябре Оргкомитет и редколлегия сборника привычно решают неразрешимые проблемы: как предоставить на конференции слово всем, пожелавшим принять в ней участие (более 100 человек), как успеть обсудить их доклады, сообщения, постеры, как втиснуть все представленные к публикации материалы в один том (несмотря на грант РГНФ, на двухтомник денег явно не хватает). Проблемы хлопотные, нервные, но при этом несущие в себе и стимул для поисков их решения: значит конференция ещё «не выдохлась», и по-прежнему пользуется «широким научным спросом».

Популярность (можно даже нескромно сказать «престижность» конференции) имеет свои издержки, которые отчетливо проявились при подготовке этого издания. К тому, что абсолютное меньшинство строго соблюдает установленные сроки подачи заявок на участие в конференции и присылки тезисов, что далеко не все считаются с необходимостью «вписаться» в тему очередной конференции, что некоторые авторы не соблюдают формально-технические требования к материалам для публикаций, усугубляя и без того непростую работу по «унификации» всего полученного материала и созданию справочно-библиографического аппарата и оригинал-макета в целом, уже

(увы!) как-то привыкли. Что делать! Не может быть закон (или правило) выше жизни. Новым истораживающим явлением стало существенное превышение предельного объёма некоторых полученных материалов. По жанру это уже не тезисы, не материалы конференции, а научные статьи, которые могут (и должны) публиковаться в сборниках статей. На этот раз в порядке исключения, отдавая должное их научной значимости, мы решили их напечатать. Но впредь редколлегия будет вынуждена гораздо строже следить за соблюдением всеми участниками конференции правил и рамок, установленных для всех.

Несвоевременная подача материалов (и ограниченные возможности членов редколлегии) не позволили осуществить полноценную научную редактуру всего сборника. Впрочем, возможно, это и не требуется в изданиях такого рода. Ведь главная наша задача, как уже отмечалось и ранее, – предоставить каждому автору (участнику) возможность высказаться и в ходе обсуждения услышать мнение собравшихся коллег. Судить о научной значимости выступления или публикации – дело участников конференции. Именно поэтому некоторые материалы сборника по настоянию авторов даются в их собственной редакции (иногда даже без стилистической правки).

В 2011 г. исполнилось ровно 20 лет с тех пор, как Нимфейскую археологическую экспедицию Государственного Эрмитажа возглавила Ольга Юрьевна Соколова, член Оргкомитета и редколлегии «Боспорского феномена». Отдавая дань её труду и результатам работы экспедиции под её руководством, мы публикуем подборку нимфейских материалов.

В этом году мы отмечаем и две памятные даты. Семидесятилетие со дня рождения и тридцатилетие ухода из жизни Людмилы Владимировны Копейкиной, которая за столь небольшой, отпущенный ей срок, сумела стать (и остаться) одним из лучших исследователей материалов архаического периода греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья и Борисфена-Березани. И десятилетие (уже десятилетие!) со дня безвременной кончины Евгения Яковлевича (Жени) Рогова, замечательного археолога, прекрасного человека, нашего друга, вместе с которым задумывались и проводились наши первые «Феномены». Посвящённые им мемориальные заметки завершают сборник.

Что же касается будущего – впереди юбилей! В 2013 г. – X Боспорский феномен. Надеемся, что он состоится.

Оргкомитет конференции

I
НИМФЕЙ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И НАХОДКИ

D. Braund

Gylon, Athens and the Bosphorus

The problematic story of Gylon has received much scholarly attention, but insufficient attention has been given to the crucial text, Aeschines 3.171-2. On the usual interpretation Gylon was an Athenian commander who betrayed Nymphaeum to the Bosporans around the end of the Peloponnesian War, so that Satyrus rewarded him with Cepi. Later, he sent his daughters to marry well in Athens. One became the mother of Demosthenes. Seen thus, Gylon's story shows the Bosporans acting *against* Athens, expanding their control in the Crimea. This paper aims to show that (i) much of this has no evidential basis; (ii) a better version is available; (iii) Athens and Satyrus did not clash over Nymphaeum. (This is the development of an argument which I first advanced in *The Cauldron of Ariantas*.) The key point is that Aeschines was interested in Gylon only as a means to attack Demosthenes, his grandson. In 330 his story was almost forgotten: neither Xenophon (who had been to the south Black Sea soon after Gylon's "treachery") nor any other historian mentions it. Plutarch (*Demosthenes*, 4) doubts Aeschines' account: "*As for what Aeschines the orator has said about Demosthenes' mother, namely that she was the daughter of a certain Gylon who was in exile from Athens on account of treachery, and of a barbarian woman, we cannot say whether his words are true or are insults and lies*".

(I) *What Aeschines does NOT say*. Let us examine Aeschines' claims more closely.

"This man's (= Demosthenes') father was Demosthenes of Paeania, a free man: for there is no need to lie about that. But, as for how things stand with regard to his mother and his grandfather on his mother's side, I myself will tell. Gylon belonged to the deme Cerameis. He, having betrayed to the enemies Nymphaeum in the Pontus, at a time when the city held this place, became an exile from the city through a charge of impeachment, the death sentence having been passed against him, without waiting for judgment to be given. And he arrives in the Bosphorus and there takes as a gift from the tyrants the so-called "Gardens" (= Cepi) [172], and he marries a woman who is rich, by Zeus!, and brings him a lot of gold, but is a Scythian by blood. From her are born two daughters, whom he sent here with much money. He paired one of them with a man who shall be nameless, lest I give offence to many. Demosthenes of Paeania married the other one, ignoring the city's laws: from her was born

the busybody and informer Demosthenes. It follows that from his grandfather he would be an enemy to the people, for you condemned his forbears to death. And on his mother's side he is a Scythian, a barbarian, playing the Greek in his speech."

Aeschines continues to make allegations of all kinds. That was usual enough in the speeches of fourth century Athens. In the quoted text, Aeschines claims:

Nymphaeum was held by Athens and Gylon committed treason by handing it to Athens' enemies. But how did Athens "hold" Nymphaeum? What was Gylon's position there? Scholars have imagined an Athenian garrison or cleruchy, without ancient evidence. We know only that Nymphaeum (like many others) was a member of the Athenian empire, paying one talent (Craterus). Garrisons and he rest were not usual in these cities. We have no idea whether Gylon had some official position there. Further, Aeschines' description of Nymphaeum's location is vague: "in the Pontus" need mean no more than "in the Black Sea region". He does not name the Bosporan kingdom here. Nor are the "enemies" identified. There is absolutely no indication that they are the Bosporans. They could be anti-Athenian groups inside Nymphaeum and/or the Spartans, active from Byzantium.

Gylon became an exile from Athens, without waiting for judgment. He was condemned to death. But Aeschines' expression here is very unclear, so that editors are tempted to emend the Greek text. It is not clear that Gylon was an exile formally. The chronology is also unclear, for Aeschines muddies the narrative.

As an exile, he went to the Bosphorus, where Satyrus gave him Cepi. Apparently he had first returned from Nymphaeum to Athens, because he is said to have arrived in Bosphorus after going into exile. However, Aeschines does not say (as scholars often do) that the gift of Cepi was a reward for the betrayal of Nymphaeum. Linking Nymphaeum with Cepi makes a better story, but Aeschines does not do that.

At Cepi, it seems, Gylon married a "Scythian woman" (elsewhere a "nomad"). Gylon wanted her wealth, implies Aeschines.

He sent his two daughters to be married in Athens. Aeschines talks only about Demosthenes' mother and her attractive wealth. The marriage was illegal, he claims, but he fails to explain how prominent Athenians could have agreed to marry these ladies in the face of legal restrictions.

Demosthenes had inherited his badness and hostility to Athens, from his mother's family. He was not an Athenian, either legally or morally. Aeschines introduces the story of Gylon in order to make that conclusion possible.

(II) *Towards a better interpretation.* Plutarch doubted Aeschines' account of Gylon. Certainly Aeschines could easily make claims in 330 to an audience which did not remember events a lifetime before. Without his

grandson Demosthenes, no one would have given Gylon a thought. Aeschines needed even to explain where Nymphaeum was and that Athens once “held” it. The audience’s ignorance about Gylon at Nymphaeum is important, because it was only the audience’s knowledge and sense of plausibility that prevented orators from making any claim they liked. We need only consider other claims of Aeschines about Demosthenes: slave, coward, deserter, hermaphrodite, prostitute, oathbreaker, religiously polluted, as well as liar, cheat and thief etc. Such outrageous claims were the established norm among these orators (e. g. Classen, *Rhetorica* 9. 1991. 195–207). So, what Aeschines says about Gylon might have no foundation, as Plutarch warns. However, Gylon was certainly Demosthenes’ grandfather. He also had a link with Nymphaeum and Cegi: otherwise these places made little sense. Nymphaeum was in the Athenian empire, dissolved in 404. Probably Gylon fared well in Bosphorus, presumably at Cegi, but it is unclear whether the family’s links there began with Gylon or earlier (cf. Dinarchus).

Gylon’s “Scythian nomad” wife was probably a lady of the Bosphoran elite, suiting his (ill-defined) role at Cegi. This was a trivial distortion by the standards of Athenian politics, where Athenians were often called foreigners. The Athenian orator Euathlus is a “Scythian wilderness” through his “Scythian” blood (Ar. *Acharbians*, 703–718). Athenian Hipponicus is also a “Scythian” (Cratinus, fr. 492 K-A). The archon Pythodorus was mocked as “Scythodorus” (“Scythian-gift-man”: schol. Ar. *Peace*, 605). The dramatist Acestor was called Sacas (Ar. *Birds*, 31 etc.). Similarly, Aeschines calls Demosthenes a Scythian here and elsewhere because of this Bosphoran (?) grandmother. The idea that Demosthenes was not legally an Athenian citizen is absurd. If Gylon’s daughters were not considered Athenian enough to bear legitimate Athenian children, they would not have found good marriages. Since Pericles’ citizenship law of 451 was re-enacted in 403/2, Gylon’s marriage was probably earlier. So Gylon probably had Cegi before 403/2, though some uncertainty remains.

What happened at Nymphaeum? Probably we shall never know the details, but we can develop a general picture. Treason seems unlikely. It would have been remembered and probably recorded in the histories of the time. Gylon’s subsequent conduct is not that of a simple traitor. From Nymphaeum he seems to have returned to Athens, where he was impeached. Would a traitor have sent his daughters to marry in the city he had “betrayed”, and would important Athenian families have accepted these ladies as wives? Even their apparent wealth was not enough. All this suggests that the reality was more complex than Aeschines implies. In any case, *how* could Gylon have “betrayed Nymphaeum to the enemy”: it is not at all clear that he had any official role there, or that Nymphaeum was under close Athenian control. Of course, the suggestion that Gylon was a traitor suits Aeschines’ characterisation of his grandson, Demosthenes, while his Scythian blood could explain his dislike of Philip.

However, Gylon seems to have been found guilty of something, whether or not that was his conduct at Nymphaeum. For we know he was fined (D. 28. 1–4). The legal details of Aeschines' version of Gylon's conviction are problematic and have caused much debate. He seems to give us a distorted account to suit his own purposes, so that the death penalty against Gylon explains Demosthenes' "hostility" to the Athenians. Whatever happened at Nymphaeum, the Bosphorans will have had a close interest without doubt, but there is no sign of their direct involvement. They appear in Aeschines' account only when Gylon returns to the region and receives Cēpi. If Gylon somehow had the position and power to "hand over" Nymphaeum to the enemy, the Bosphorans were not the enemy, as we shall see.

(III) *Athens and Satyrus, a friendly relationship.* Fortunately we know about other dealings between Satyrus and Athens at around the time of Gylon's adventures, although close chronology remains a serious problem. Lysias' speech *For Mantiitheus* tells the story of a young aristocrat who was said to have been involved with the so-called Thirty Tyrants, who established a short and murderous regime in Athens after Spartan victory in 404. A key part of Mantiitheus' defence is that he could not have been involved with them, because he had fled Athens and was at that time in the Bosphorus with Satyrus. We cannot know whether Mantiitheus was guilty or not, but his defence argument is important because it makes sense only if Satyrus was on good, or at least reasonable, terms with Athens around the end of the Peloponnesian War.

We have also Isocrates' *Trapeziticus*, which centres upon the story of a prominent Bosphoran (unnamed) who arrived in Athens with shiploads of grain at around the same time. Chronology is problematic again. The speech was delivered in the 390s, but it relates to events which are earlier. However, his whole story implies a positive relationship between Athens and Satyrus. Moreover, the speech shows us that there was a community of Bosphorans resident in Athens and in close touch with Satyrus. It could be expected to put pressure on the Athenians to follow the king's wishes (at least with regard to matters of the Bosphorus). The important fact is that neither in this speech nor in the speech for Mantiitheus is there any hint that there was ever any problem at all of any kind between Satyrus and Athens. Instead, we have a picture of harmony. If Gylon had somehow betrayed Nymphaeum to the Bosphoran king and had been brought to trial, convicted and then fled to the Bosphorus and been rewarded for his treason with Cēpi (as scholars tend to say), the picture of harmony between Athens and Satyrus in two different speeches by two different authors seems very hard to explain. Both speeches were designed to win the sympathy and support of their audiences: their consistently positive handling of Satyrus makes no sense if he was somehow Athens' enemy in this way, not only taking Nymphaeum from Athens but also sheltering and rewarding a rogue Athenian traitor. In the *Trapeziticus*, in particular, it would have

been very easy for the speaker to present Satyrus in a negative way, but he does exactly the opposite. Finally, he concludes his speech by asking the Athenian audience to remember all that Satyrus has done for them in the past. Certainly he means especially the provision of grain and contractual matters, but he would surely not have encouraged them to think about Satyrus' record in this speech of the 390s, unless that record was good. In that context, it seems to make no sense at all to suppose that the Bosphorans were the enemy to whom Gylon betrayed Nymphaeum (to use the formulation of Aeschines).

Conclusions. Scholars have been willing to accept Aeschines' allegations against Gylon, despite the fact that so many of his other allegations (e.g. that Demosthenes was an hermaphrodite) are obviously absurd, and despite the fact that Athenian orators routinely make outrageous claims about matters which their audiences are in no position properly to recall or assess. Scholars have also added a lot to what Aeschines actually says, for example that Gylon handed Nymphaeum to the Bosphorans and had Cepi as his reward. Even Aeschines does not go so far as to say that, while we have seen that our other evidence shows Athens and Satyrus on good terms through this period. There seems no doubt that the usual narrative cannot be retained. However, long-established versions of history are not easily or quickly changed, even where there is nothing to support them. Accordingly, I am sure that some will want to keep the familiar version of the story, even in the face of the foregoing arguments and the text of Aeschines himself.

The real and abiding difficulty is to provide a new narrative. Of course, the problem is that we cannot accept what Aeschines tells us and certainly should not supplement it with baseless imaginings. We can say only that something happened when Gylon was at Nymphaeum, that he fled from the city to the Bosphorus (probably to avoid court proceedings, whether or not these had anything to do with what had occurred at Nymphaeum), and that he made a life for himself there, presumably at Cepi. It is not wholly clear when he married, though it is usually supposed that he married his "Scythian nomad" (i. e. the Bosphoran lady) after he had gone to Cepi, for Aeschines seems to suggest as much. As we have seen, the marriage most probably took place before 403/2. Gylon had left Athens, but his abiding ties with the city are demonstrated by the stories of his daughters. He himself may have returned to the city, at least for a visit to arrange their marriages. In fact, there was nothing very unusual in the fact that he had left the city around the end of the Peloponnesian War. We have seen how Mantitheus claimed to have done the same and also gone to the Bosphorus for refuge in these difficult years, which entailed not only defeat but the regime of the Thirty. Others had left too, such as Thrasybulus and Conon, who would return as heroes. Gylon was clearly no hero: his story was obscure and there was a suggestion of a problem at Nymphaeum. But no more.

Чаши с медальоном из Нимфея

В общей массе археологических находок эллинистического времени из раскопок Нимфея выделяется небольшая группа чаш с медальоном на внутренней поверхности дна. По форме – это полусферические чаши со слегка выпуклыми, почти прямыми стенками, на невысоком плоском поддоне с горизонтальными каннелюрами на внешней поверхности или без них и иногда с росписью в стиле «керамики западного склона» внутри (Watzinger. 1901. S. 70. Abb. 7). Чаши являются подражанием металлической посуде и существуют с середины IV в. до н.э. до I в. до н.э. Находки их немногочисленны, самые ранние экземпляры найдены среди материалов афинской агоры, развитие данного типа чаш прослежено S. Rotroff на материалах чернолаковой керамики (Rotroff. 1997. P. 107).

Фрагменты чаш с медальоном, представленные среди нимфейских находок, отличаются цветом глины и лака, характерных для изделий пергамских керамических мастерских (Schäfer. 1968. S. 28, 33). Глина чистая, хорошо отмученная, с очень редкими включениями мела или слюды, лак иногда с металлическим блеском, ровный, густой, коричневый или черный, на одном экземпляре красный. На двух фрагментах (Рис. 1. 1–2) медальоны окружены рисунком из точек, нанесённых белой краской, и имеют сходные изображения – в центре, окруженная рельефным ободком и резной линией, в довольно высоком рельефе находится голова Пана в венке из виноградных листьев, повёрнутая влево, в одном случае – со свирелью. Похожие фрагменты чаш с медальоном, предположительно Пан или Дионис, имеют аналогии среди материалов афинской агоры (Sparkes, Talcott. 1970. P. 285. Pl. 28; Rotroff. 1997. No. 378, Pl. 36. P. 282), некрополя Ольвии (Парович-Пешикан. 1974. С. 92) и датируются второй половиной III – началом II в. до н.э. Два других фрагмента (Рис. 1. 3–4) – без росписи внутри. Дно чернолаковой чаши с рельефным медальоном – предположительно, целующиеся Эрот и Психея – без росписи (Рис. 1. 3), склеено из 4-х фрагментов, лак с металлическим оттенком, глина характерна для изделий пергамских керамических мастерских, датируется примерно 185–150 гг. до н.э. (Rotroff. 1997. P. 283. No. 385). Второй фрагмент – дно краснолаковой чаши с рельефным медальоном на внутренней стороне дна, с изображением Геракла в львиной шкуре и палицей, идущего влево, на фоне виноградной лозы (Рис. 1. 4), и частично сохранившейся надписью – [...]ΟΥ. Близких аналогий не найдено. Судя по глине и лаку, относится также к изделиям мастерских Пергама. Данные образцы высококачественных изделий из Малой Азии, наряду с находками других сосудов – канфаров,

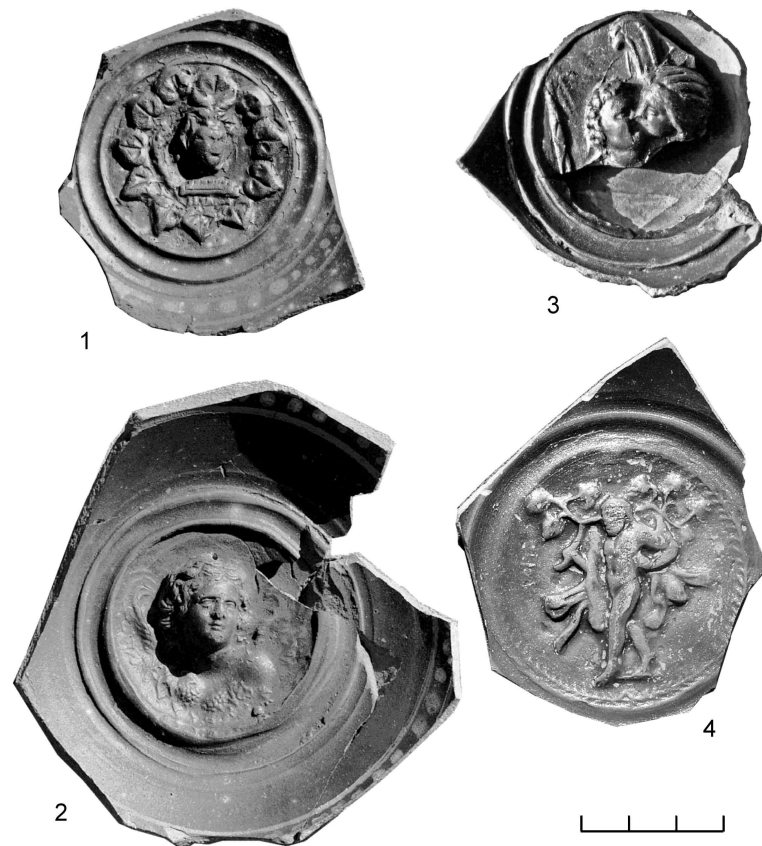

Рис. 1.

чаш, лутериев, позволяют предположить достаточно тесные и продолжительные связи Нимфея с одним из крупнейших центров керамического производства эллинистического времени – Пергамом.

Литература

- Парович-Пешикан. 1974 – *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. К., 1974.
- Sparkes, Talcott. 1970 – *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. // AA. 1970. Vol. XII.
- Rotroff. 1997 – *Rotroff S. I.* Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // AA. 1997. Vol. XXIX.
- Schäfer. 1968 – *Schäfer I.* Hellenistische Keramik aus Pergamon. Berlin, 1968. Pergamensche Forschungen. Bd. 2.
- Watzinger. 1901 – *Watzinger K.* Vasenfunde aus Athen // AAn. 1901. Bd. XXVI.

Граффити на краснолаковой керамике из Нимфея

1. Характеристика группы нимфейских граффити на краснолаковой керамике

В Гос. Эрмитаже хранится коллекция керамических изделий, обнаруженных при раскопках Нимфея в 1939–1991 гг.¹ В этой коллекции 32 краснолаковых сосуда с граффити, три из которых – археологически целые, остальные сохранились фрагментарно.

Большая часть сосудов (25 экз.) представлена формами Понтийской сигиллаты (Pontic Sigillata), производившейся на протяжении второй половины I–III в. н.э. в различных мастерских на территории Причерноморья (Журавлёв. 2007. С. 366). На двух тарелках имеются характерные для Понтийской сигиллаты клейма *planta pedis*; такое клеймение бытовало во второй половине I – первой четверти II в. н.э. (Журавлёв. 2001. С. 90). Орнаментация поясами насечек (rouletting), представленная на шести изделиях, практиковалась как минимум до третьей четверти II в. н.э. (Журавлёв. 2005. С. 149). Один фрагмент донца принадлежит тарелке группы Восточной сигиллаты А (Eastern Sigillata A), центры производства которой, локализуемые в сиропалестинском регионе, функционировали со второй половины II в. до н.э. до конца II в. н.э. (Domžalski. 1997. P. 99; Hayes. 2008. P. 2, 19–20). Один сосуд с частично сохранившимся трёхстрочным клеймом относится к группе Восточной сигиллаты В (Eastern Sigillata B), которая происходит из района на юго-западе Малой Азии и датируется I – первой половиной II в. н.э. (Журавлёв. 1997. С. 232–234). Несколько экземпляров не удалось отождествить с продукцией известных нам центров производства.

Большинство граффити расположено на малообозримых частях сосудов – на внешней стороне доньев (12) и внешней стороне стенок (10). В некоторых случаях надписи присутствуют и на внешней стороне донца, и на внешней стороне стенки (2). Есть граффити, процарапанные на внутренней поверхности изделий (5), а также продублированные с обеих сторон донца (3).

Все надписи можно отнести к категории меток владельцев. По формальным признакам они делятся на буквенные (16), небуквенные (15) и смешанные (1).

Буквенные метки собственности представляют собой сокращения имён владельцев. Лишь в одном случае имя было написано целиком: оно восстанавливается как *Ἀπολλωίδης* (№ 15). С другой

¹ Выражаю глубокую признательность руководителю Нимфейской археологической экспедиции старшему научному сотруднику Гос. Эрмитажа О. Ю. Соколовой за возможность работать с материалами и содействие в работе.

стороны, граффито может быть истолковано также как посвящение Аполлону.

Среди сокращений насчитывается пять двухбуквенных: АТ (№ 4), ЕР (№ 7), КІ (№ 10), []А (№ 13), АΨ или АФ (№ 5). Остальные надписи – однобуквенные: А (№ 1–3), Е (№ 6), Z (№ 8), К (№ 9), Λ (№ 11), Π (№ 12), Δ или Δ (№ 16).

В одном случае из-за плохой сохранности сосуда нет возможности определить, состояло ли граффито только из *альфы* или ей предшествовали другие буквы (№ 14). В основном, буквы выполнены в курсивной манере письма.

Знаки небуквенного характера, служившие альтернативой буквенным обозначениям, выполняли ту же функцию – идентифицировали предмет как личную собственность. Это более простой способ обозначения принадлежности, который был доступен как сведущим, так и несведущим в грамоте людям. Данная группа надписей представлена крестами, различными комбинациями из пересекающихся линий и знаками.

Кресты процарапаны на шести сосудах (№ 17–22). Один крест, небольшой и аккуратно прочерченный, также может быть интерпретирован как буква (№ 17). Остальные, выполненные более небрежно и крупно, скорее являются метками небуквенного характера. В двух случаях изображение креста присутствует на обеих сторонах доньев чаш (№ 19–20); в двух других случаях, наряду с крестообразными знаками, на сосудах процарапаны также пересекающиеся линии (№ 21–22). Помимо упомянутых, в коллекции насчитывается ещё шесть граффити из пересекающихся линий (№ 23–28). Два из них выглядят как две параллельные линии, пересекаемые третьей (№ 22с, 23); среди нимфейских надписей на краснолаковой керамике они не единичны. Два граффити представляют собой некие знаки, возможно, тамгообразные (№ 29–30), а одно является частью знака либо изображения (№ 31).

К категории смешанных отнесены надписи разного характера, процарапанные на одном сосуде: крест на внешней стороне донца и латинская буква R на внешней стороне стенки (№ 32). Это единственный в коллекции случай использования букв латинского алфавита.

II. Каталог²

1. Фрагмент дна с частью стенок краснолаковой тарелки на кольцевом поддоне с орнаментом из двух кругов насечек. Pontic Sigillata. Вторая половина I – третья четверть II в. н.э. d = 5,4 см, h = 2,2 см. Участок Г. Инв. НФ.69.68. Граффито на внешней стороне дна: А.

² В каталоге приняты следующие сокращения: D – диаметр венчика, d – диаметр основания донца, H – высота, h – сохранившаяся высота.

2. Фрагмент дна с частью стенок глубокой краснолаковой чаши на кольцевом поддоне с рифлением на внешней поверхности стенок. Pontic Sigillata. Вторая половина I–III в. н.э. d = 5,8 см, h = 3,6 см. Раскоп ВС. Инв. НФ.66.306. Граффито на внешней стороне дна: А.

3. Фрагмент дна с частью стенок и закраины краснолаковой тарелки с вертикальным бортиком. Pontic Sigillata (Hayes. 1985. Forma I). Вторая половина I–II в. н.э. D = 14,0 см, d = 5,8 см, H = 4,2 см. Участок Г. Инв. НФ.68.137. Граффито на внешней стороне стенки: А.

4. Фрагмент дна с частью стенок краснолаковой чаши на низком кольцевом поддоне с орнаментом из круга насечек. Римский период. d = 10 см, h = 1,5 см. Раскоп ВС. Инв. НФ.68.104. Граффито на внешней стороне дна: АТ (лигатура).

В лапидарных надписях Боспора первых веков новой эры засвидетельствованы имена Ἄττας, Ἀταμάζας, Ἀτακοῦας (КБН. Указатель имён собственных. С. 856).

5. Фрагментированная краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком. Pontic Sigillata (Hayes. 1985. Forma I). Вторая половина I–II в. н.э. D = 15,5 см, d = 5,6 см, H = 4,5 см. Участок М. Инв. НФ.89.107. Граффито на внешней стороне дна: АΨ или АΦ.

6. Дно с частью стенок краснолаковой чаши с вертикальным бортиком на плоском вогнутом поддоне. Pontic Sigillata (Hayes. 1985. Forma VI). Вторая половина I – начало III в. н.э. d = 5,8 см, h = 4,3 см. Участок Г. Инв. НФ.69.77. Граффито на внешней стороне стенки: Е.

7. Дно с частью стенок краснолаковой чаши с вертикальным бортиком на плоском вогнутом поддоне. Pontic Sigillata (Hayes. 1985. Forma VI). Вторая половина I – первая половина II в. н.э. d = 5,3 см, h = 4,3 см. Раскоп ВС. Инв. НФ.64.182. Граффито на внешней стороне стенки: ЕР.

В боспорских надписях римского времени имена, начинающиеся с Ер-, встречаются часто; наиболее распространёнными были имена Ἐρωϛ и Ἐρμῆϛ (КБН. Указатель имён собственных. С. 866–867).

8. Фрагментированная краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком на кольцевом поддоне. Римский период. D = 22 см, d = 8,8 см, H = 7,3 см. Участок М. Инв. НФ.88.249. Граффито на внешней стороне стенки: Z.

9. Фрагмент стенки краснолаковой чаши. Pontic Sigillata. Вторая половина I–III в. н.э. Размеры 6,8 × 3,3 см. Участок Г. Инв. НФ.68.142. Граффито на внешней стороне: К.

10. Дно с частью стенок краснолаковой чашечки на кольцевом поддоне. Pontic Sigillata. Вторая половина I–III в. н.э. d = 3,5 см, h = 1,3 см. Случайная находка на городище. Инв. НФ.64.191. Граффито на внешней стороне дна: К1.

В лапидарных надписях Пантикапея засвидетельствовано имя Κίωολις (КБН 961; I в. н.э.), в надписях Танаиса – Κίμβρος (КБН 1279, 15; 225 г. н.э.).

11. Фрагмент дна с частью стенок краснолаковой тарелки с орнаментом из круга насечек. Pontic Sigillata. 2-я половина I – третья четверть II в. н.э. d = 8,0 см, h = 2,3 см. Участок М. Инв. НФ.91.160. Граффито на внутренней стороне дна: Λ.

12. Фрагмент дна с частью стенок краснолаковой тарелки на кольцевом поддоне с орнаментом из семи кругов насечек. На дне и стенке – отверстия для ремонта, в отверстии на дне сохранилась свинцовая скоба. Римский период. d = 9,4 см, h = 3,5 см. Участок М. Инв. НФ.91.161. Граффито на внешней стороне стенки: Π.

13. Фрагмент дна краснолаковой тарелки на низком кольцевом поддоне с орнаментом из круга насечек и частью трёхстрочного клейма в прямоугольной рамке: []ΠΣ/ []ΔΩ/ []ΟΥ. Eastern Sigillata В. Вторая половина I в. н.э. d = 9,2 см. Инв. НФ.91.163. Участок Г (яма 45). Граффито на внешней стороне дна: []Α.

Надпись состояла из двух букв, верхние части которых не сохранились. От первой буквы осталась нижняя часть вертикальной галсту.

14. Фрагмент дна краснолаковой чаши на кольцевом поддоне с орнаментом из круга насечек. Pontic Sigillata. Вторая половина I – третья четверть II в. н.э. d = около 10 см. Участок Г. Инв. НФ.73.520. Граффито на внутренней стороне: []Α.

15. Фрагмент стенки с частью закраины глубокой краснолаковой чаши с отогнутым наружу венчиком. Pontic Sigillata (Domžalski, Zin'ko. 2000. Form 15. P. 79). Вторая половина I–II в. н.э. Размеры 6,0 × 4,5 см. Случайная находка на городище. Инв. НФ.64.194. Граффито на внешней стороне стенки: []ΩΝΙΔ[]

В граффито восстанавливается имя Ἀπολλωνίδης, очень популярное на Боспоре, в т. ч. в Нимфее: оно упоминается дважды (как имя и патронимик) в лапидарной надписи, синхронной граффито (КБН 935; вторая половина I – первая половина II в. н.э.).

Возможен и другой вариант прочтения граффито: [Ἀπόλλ]ωνι Δ[], где первая часть – это имя Аполлона в Dat. Sing., а вторая – начало эпikleзы, либо имени посвяtitеля.

16. Дно с частью стенок толстостенной краснолаковой чаши на плоском поддоне с рифлением на внешней поверхности стенок. Pontic Sigillata (Hayes. 1985. Forma VI). Вторая половина II–III в. н.э. d = 4,4 см, h = 4,0 см. Раскоп В. Инв. НФ.60.234. Граффито на внешней стороне стенки: Δ или Δ

17. Фрагментированная краснолаковая чаша с вертикальным бортиком на плоском поддоне. Pontic Sigillata (Hayes. 1985. Forma VI). II – начало III в. н.э. D = 11,1 см, d = 4,5 см, H = 7,0 см. Раскоп

BC (винодельня). Инв. НФ.54.486. Граффито на внешней стороне дна: **крест**.

18. Дно краснолаковой чаши на кольцевом поддоне. Pontic Sigillata. Вторая половина I–III в. н.э. d = 4,1 см. Участок М. Инв. НФ.79.94. Граффито на внутренней стороне: **крест**.

19. Фрагмент дна с частью стенок краснолаковой чаши на кольцевом поддоне. Pontic Sigillata. Вторая половина I–III в. н.э. d = 5,6 см, h = 2,0 см. Раскоп BC. Инв. НФ.64.61. Граффити на внешней и внутренней сторонах дна: **крест** (на обеих сторонах).

20. Фрагмент дна с частью стенок краснолаковой чаши на кольцевом поддоне. Pontic Sigillata. Вторая половина I–III в. н.э. d = 3,8 см, h = 1,5 см. Раскоп BC (яма С). Инв. НФ.67.41. Граффити на внешней и внутренней сторонах дна: **крест** (на обеих сторонах)

21. Дно с частью стенок краснолаковой чаши на кольцевом поддоне. Pontic Sigillata. Вторая половина I–III в. н.э. d = 4,0 см, h = 2,4 см. Инв. НФ.66.57. Раскоп BC (яма Ж). Граффити на внешней и внутренней сторонах дна: а – **крест** (на внутренней стороне); b – **три параллельные линии, пересекаемые под прямым углом другой линией** (на внешней стороне).

22. Фрагмент дна с частью стенок краснолаковой чаши с вертикальным бортиком на плоском вогнутом поддоне. Pontic Sigillata (Hayes. 1985. Forma VI). Вторая половина I – начало II в. н.э. d = 4,6 см, h = 4,9 см. Участок Г. Инв. НФ.70.179. Граффити на внешней стороне дна и внешней стороне стенок: а – **крест** (на дне); b – **крест** (на стенке); с – **две параллельные линии, пересекаемые третьей** (на стенке).

23. Фрагментированная тонкостенная краснолаковая чаша с вертикальным профилированным бортиком на низком кольцевом поддоне. Римский период. D = 11,5 см, d = 5,4 см, H = 6,0 см. Участок М. Инв. НФ.89.105. Граффито на внешней стороне дна: **две параллельные линии, пересекаемые третьей**.

Аналогичный знак представлен в граффито № 22с, а также в граффито на краснолаковой тарелке из раскопок Нимфея 1995 г. (Domžalski, Zin'ko. 2000. P. 77. Fig. 1, 3).

24. Фрагмент дна с частью стенок краснолаковой чаши на кольцевом поддоне. Pontic Sigillata. Вторая половина I–III в. н.э. d = 4,1 см, h = 1,7 см. Инв. НФ.66.58. Раскоп BC (яма Ж). Граффито на внутренней стороне дна: **две линии, пересекаемые третьей**.

25. Фрагмент стенки краснолакового открытого сосуда. Pontic Sigillata. Вторая половина I–III в. н.э. Размеры 6,9 × 3,5 см. Участок Г. Инв. НФ.69.74. Граффито на внешней стороне: **пересекающиеся линии**.

26. Фрагмент дна краснолаковой тарелки на кольцевом поддоне с орнаментом из трёх кругов насечек и клеймом *planta pedis*. Pontic

Sigillata. Вторая половина I – первая четверть II в. н.э. d = 6,0 см. Раскоп С. Инв. НФ.56.99. Граффито на внешней стороне: **пересекающиеся линии**.

27. Фрагмент дна краснолаковой тарелки на кольцевом поддоне с орнаментом из четырёх кругов насечек. Eastern Sigillata A. Конец II в. до н.э. – I в. н.э. d = 7,0 см. Раскоп В. Инв. НФ.60.221. Граффито на внешней стороне: **пересекающиеся линии**.

28. Фрагмент дна с частью стенок краснолаковой тарелки на кольцевом поддоне. Римский период. d = 8,6 см, h = 2,0 см. Инв. НФ.72.698. Граффито на внешней стороне дна: **пересекающиеся линии**.

29. Фрагмент стенки глубокой краснолаковой чаши. Pontic Sigillata. Вторая половина I–III в. н.э. Размеры 5,1 × 4,4 см. Участок Г. Инв. НФ.68.138. Граффито на внешней стороне: **изображение в виде ветви с загнутым концом**.

По своим очертаниям граффито напоминает тамгу. Идентичной тамги найти не удалось, однако известны подобные знаки в виде ветви, в т. ч. с загнутым концом (Драчук. 1975. Табл. XXI, 12, 54, 55; XXIII, 6–8). Граффиты в виде тамг встречаются на керамических изделиях с хоры Боспора, в т. ч. – на краснолаковых сосудах (Сапрыкин, Масленников. 2007. № 669, 835, 875, 1085–1096, 1221, 1259 и др.).

30. Фрагмент дна, стенок и закраины краснолаковой тарелки с вертикальным бортиком с орнаментом из двух кругов насечек. Pontic sigillata (Hayes. 1985. Forma I). Вторая половина I – третья четверть II в. н.э. D = 14,6 см, d = 7,0 см, H = 4,1 см. Инв. НФ.66.126. Раскоп ВС (яма И2). Граффито на внешней стороне стенки: **знак в виде трезубца**.

Аналогичные знаки встречаются среди тамг Северного Причерноморья как сами по себе, так и в составе сложных знаков (Драчук. 1975. Табл. XIII, 2, 11–15; XXI, 52; XIII, 1–45). Подобные изображения засвидетельствованы среди боспорских граффити (Сапрыкин, Масленников. 2007. № 195, 212, 1169 и др.).

31. Фрагмент закраины с частью стенки краснолаковой чаши с загнутым внутрь краем с отверстием для ремонта. Pontic Sigillata. Вторая половина I–III в. н.э. D = 11,5 см, размеры 6,0 × 5,1 см. Участок М. Инв. НФ.78.157. Граффито на внешней стороне стенки: **часть знака или рисунка**.

32. Дно с частью стенок и закраины краснолаковой тарелки с вертикальным бортиком с орнаментом из двух кругов насечек и клеймом *planta pedis*. Pontic Sigillata (Hayes. 1985. Forma I). Вторая половина I – первая четверть II в. н.э. d = 6,0 см, h = 3,2 см. Раскоп ВС. Инв. НФ.66.305. Граффиты на внешней стороне дна и внешней стороне стенки: а – **крест** (на дне); б – **R** (на стенке).

Не исключено, что крестообразный знак является буквой.

III. Выводы

Несмотря на то что сама по себе представленная группа граффити малоинформативна, анализ этого материала и его сопоставление с другими нимфейскими надписями на керамике, а также с аналогичными группами материала из других центров Северного Причерноморья позволяют сделать выводы о некоторых аспектах жизни города в первые века новой эры.

Из всех граффити, найденных в ходе раскопок Нимфея в 1939–1991 гг., а их общее количество составляет более 800 экз., только 32 прочерчены на краснолаковой керамике – основном виде столовой посуды римского времени. Аналогичную закономерность обнаруживает и анализ материалов последующих лет раскопок: надписи на краснолаковой керамике крайне немногочисленны (Nawotka. 1999. P. 85–98).

При сравнении граффити на краснолаковых сосудах с надписями на других типах керамики нимфейской коллекции, подавляющее большинство которых относится к более раннему времени – классическому и эллинистическому периодам, выявляется их резкое отличие. В материалах классического и эллинистического времени, наряду с одно- и двухбуквенными сокращениями, присутствует немало более распространенных надписей, состоящих из трёх–пяти букв, целых слов и сочетаний; небуквенных граффити значительно меньше, чем буквенных. Иную картину мы видим при анализе граффити на краснолаковой керамике римского времени: буквенные граффити, за исключением одного, состоят из одной-двух букв, причём однобуквенные преобладают, а количество небуквенных существенно увеличивается, достигая половины от общего числа надписей. Такие особенности присущи не только рассматриваемой коллекции, но прослеживаются также на материалах последующих лет раскопок Нимфея.

К сожалению, мы не имеем возможности сравнить нимфейские граффити на краснолаковой керамике с аналогичными группами находок из других боспорских городов, т. к. нет сводных публикаций подобной тематики. Опубликованные материалы из раскопок сельских поселений Боспора свидетельствуют о том, что эта группа находок весьма представительна и составляет 35–38 % всех буквенных граффити на посуде (Сапрыкин, Масленников. 2007. С. 14). Интересно также отметить, что надписи на краснолаковой керамике из варварских могильников – позднескифского Усть-Альминского и сарматского Бельбек IV – по информативности, разнообразию и относительному количеству превосходят нимфейские (Пуздровский. 1997. С. 167–180; Журавлёв. 1997. Рис. 1–5).

Перечисленные характеристики надписей на краснолаковой керамике – немногочисленность, небуквенный характер многих из них, предельная незамысловатость буквенных граффити – свидетельствуют о существенном снижении уровня грамотности у населения

Нимфея в первые века нашей эры. Наличие среди граффити тамгообразных знаков указывает на присутствие в городе жителей сарматского происхождения.

Литература

- Драчук 1975 – Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. К., 1975.
- Журавлёв. 2001 – Журавлёв Д. В. К вопросу о клеймах *planta pedis* на римской керамике // ANAXAPΣIΣ. 2001. ХСб. Вып. XI.
- Журавлёв. 1997 – Журавлёв Д. В. Краснолаковая керамика группы Eastern Sigillata В из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии. М., 1997.
- Журавлёв. 2005 – Журавлёв Д. В. Краснолаковые понтийские тарелки с вертикальным бортиком из могильника Бельбек IV // ХСб. 2005. Вып. XIV.
- Журавлёв. 2007 – Журавлёв Д. В. Понтийская сигиллата из могильников Бельбек III и Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // БИ. 2007. Вып. XVI.
- Пуздровский. 1997 – Пуздровский А. Е. Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993–1995 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1.
- Сапрыкин, Масленников. 2007 – Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора // БИ. 2007. Suppl. 1.
- Domžalski. 1997 – Domžalski K. Terra Sigillata from Nymphaion. Survey 1994 // Archeologia. Warszawa, 1997. XLVII (1996).
- Domžalski, Zin'ko. 2000 – Domžalski K., Zin'ko V. N. Roman fine pottery from rescue excavations conducted outside the defensive walls of the town of Nymphaion in 1995 // Archeologia. Warszawa, 2000. L (1999).
- Hayes. 1985 – Hayes J. W. Sigillate orientali // Ceramica fine Romana dell'basino Mediterraneo (tardo-ellenismo e primo impero). Atlante delle forme ceramiche. Vol. II. Enciclopedia dell'arte antica. Classica e orientale. Roma, 1985.
- Hayes. 2008 – Hayes J. W. Roman Pottery. Fine-Ware Imports // AA. 2008. Vol. XXXII.
- Nawotka. 1999 – Nawotka K. Graffiti and Dipinti of Nymphaion 1993–1997 // Archeologia. Warszawa, 1999. XLIX (1998).

А. Е. Петракова

Аттическая белофонная керамика в городах Северного Причерноморья: к вопросу о распространении и культурных контактах

Материалы из раскопок на территории Северного Причерноморья в совокупности с опубликованными материалами, находящимися на хранении в ГЭ, ГМИИ, ГИМ, а также в причерноморских музеях Украины и России, дают довольно скромную картину присутствия аттической белофонной керамики в сравнении с традиционной черно- и краснофигурной аттической керамической продукцией. Находки представлены главным образом лекифами и алабастрами,

т. е. наиболее распространёнными формами, покрывавшимися белой облицовкой. Среди них преобладают белофонные вазы с чернофигурными и контурными росписями, относящиеся к эпохе поздней архаики и ранней классики. Количество же полихромных белофонных сосудов эпохи классики весьма ограничено и сводится, главным образом, к погребальным лекифам, в большинстве случаев не имеющих подтверждённого документами происхождения, но предположительно происходящими с территории Северного Причерноморья (Горбунова. 1973. С. 16–41; 1979. 37–48). Кроме того, имеется некоторое количество поздних чернофигурных чаш с белой облицовкой.

Белофонные вазы изготовлялись теми же гончарами и вазописцами афинского Керамика, что и современные им изделия в традиционных техниках – черно- и краснофигурной. Они были результатом творческих исканий мастеров, экспериментировавших с облицовками (белой, кораллово-красной), применением пигментов, сочетанием разных техник росписей на одной вазе и проч. Но в отличие от сосудов с кораллово-красной облицовкой или выполненных в технике Сикса, белофонные вазы изготавливались в течение весьма долгого периода (со второй четверти VI в. до н.э. до конца V в. до н.э.) и пользовались значительной популярностью, судя как по сохранившемуся количеству, так и по широте экспорта. Экспорт белофонных лекифов, как чернофигурных, так и полихромных, охватывал в VI–V вв. до н.э. весьма обширную территорию (Beazley. 1946; Kurtz. 1975; Wehgartner. 1983; Koch-Brinkmann. 1999; Oakley. 2004): за последние двести лет они были найдены практически во всех основных центрах античного мира, включая Северное Причерноморье. Чернофигурные и контурные белофонные алабастры, чаши, кратеры, гидрии, амфоры, пиксиды, киафы и другие формы, обстоятельства находок которых зафиксированы документально, происходят (помимо Греции), главным образом из раскопок на территории Италии; также известны гидрия из Ливии (Moore et al. 1987. Pl. 27, 132), алабастр из Турции (CVA Karlsruhe 3. Taf. 25, 1–4), группа алабастров из Испании, амфора из Нимфея, алабастры из Ольвии и Пантикапея. Большинство известных контурных и полихромных белофонных ваз, отличных по форме от лекифов, происходят из некрополей Италии (Mertens. 1977). До недавнего времени материалы раскопок заставляли предположить отсутствие специального интереса к этому виду импортной продукции у жителей Северного Причерноморья (в сравнении с данными из других центров античного мира), а наличие этого вида аттической керамики в Причерноморье объяснять просто отправкой партий товара, в которые белофонные чернофигурные и контурные вазы попадали наравне с обычными чернофигурными тех же форм, периодов и мастерских. С точки зрения внешнего вида, отличие чернофигурных ваз с белой облицовкой от чернофигурных

сосудов без белой облицовки не столь велико, как у контурных и полихромных белофонных ваз от современных им краснофигурных (Mertens. 2006; Cohen. 2006). Поэтому попадание белофонной чернофигурной керамики в одну партию товара с обычной чернофигурной вряд ли следует рассматривать как пример специального интереса именно к данной продукции аттических мастерских.

Материалы раскопок последних пятнадцати лет³ предоставляют новые сведения относительно присутствия белофонной аттической продукции в Северном Причерноморье, в первую очередь – контурной и полихромной. Они заставляют нас пересмотреть вопрос о характере присутствия белофонных аттических ваз в этом регионе, а также обратиться к ранее не публиковавшимся фрагментам из археологических раскопок в фондах ГЭ. Среди изученных материалов преобладают чернофигурные и контурные белофонные сосуды, специальное внимание к которым позволило изменить представление о количестве белофонных аттических ваз в Северном Причерноморье, а также – о разнообразии форм (напр., среди пантикапейских материалов был обнаружен фрагмент пиксиды – не самой распространённой полихромной белофонной формы).

Следует отметить, что ещё в 1979 г. К. С. Горбунова выдвинула предположение о том, что хотя находки белофонных алабастров встречаются и в других центрах античного мира, города Пиренейского п-ова и Северного Причерноморья выглядят приоритетными направлениями экспорта этой продукции (Горбунова. 1979. С. 46–47). Однако в том случае речь шла о не очень дорогой продукции, среди которой преобладали стандартные сетчатые алабастры, алабастры с неграми и алабастры с бытовыми и мифологическими сценами из мастерской т. н. Мастера Эмпория.

Раскопки последних лет в различных центрах Северного Причерноморья ввели в научный оборот находки новых, зачастую редких для белофонной продукции форм керамики, расписанных известными вазописцами. Среди них в первую очередь следует назвать чашу (расписанную снаружи в краснофигурной технике, а внутри – с белофонным декором), фрагмент которой был найден в Ольвии (раскопки В. Назарчука) и чашевидный кратер (фрагмент), обнаруженный в Мирмекии (раскопки А. Бутягина). Чаша является гораздо более редкой формой для белофонной полихромной аттической продукции по сравнению, например, с лекифами, кратер же (в силу своих размеров) – крайне редкой формой для белофонных полихромных ваз. Находка обломка белофонного кратера в Мирмекии в 2004 г.

³ Автор выражает искреннюю признательность О. Е. Буравчук, О. Ю. Соколовой, Ю. И. Ильиной, А. М. Бутягину, С. Л. Соловьеву, Д. Е. Чистову за консультации и предоставление сведений о фрагментах белофонной керамики из раскопок последних лет для изучения.

была столь неожиданной, что сделавший её участник экспедиции первоначально предположил в ней современный рисунок фломастером, сделанный поверх древнего керамического фрагмента и под видом курьёза принёс обломок руководителю экспедиции.

Лекиф (ГЭ. Инв. Б.3162), купленный у Гохмана и, по его словам, происходящий из Ольвии, датируется 490–480-ми гг. до н.э. и относится к работам Мастера Бовдоин (Горбунова. 1973). Фрагмент пантикапейской пиксиды (ГЭ. Инв. П.1875.455) относится к рубежу первой и второй четверти столетия. Белофонные пиксиды похожей формы датируются 470–460-ми гг. до н.э. и атрибутируются Мастеру Лондон D 12, Мастеру Сотби, кругу Мастера Пентесилеи и др. (Roberts. 1978). Подобного цвета облицовка и сочетание использования чёрного контура одежд с мелкими складками золотистого цвета появляется в работах 500–480-х гг. до н.э. (как килик [Мюнхен. Инв. 2645] и ойнохоя [Британский музей. D 13], атрибутированные Мастеру Брига, или лекиф [Музей Гетти. Инв. 86.АЕ.770], атрибутированный Дурису), встречается у вазописцев из мастерской Сотада, датируемых 460-ми гг. до н.э. (Williams. 2006). Фрагмент мирмекийского лекифа из раскопок 2006 г. (пол. № М.206-98) по форме, типам орнамента и цвету облицовки следует отнести к произведениям второй четверти V в. до н.э. Лекиф из Нимфея (ГЭ. Инв. Ннф.76.23) может быть отнесён к мастерской мастера Тюмбоса, также датируемой второй четвертью столетия. Фрагмент ольвийской чаши возможно соотносить с работами одного из современников Мастера Виллы Джулия, Мастера Сабурова или Мастера Пентесилеи, работы которых датируются 470–450-ми гг. до н.э. Мирмекийский кратер является памятником эпохи высокой классики и принадлежит к работам мастерской Мастера Ахилла, скорее всего – к работам Мастера Фиалы 440–430-х гг. до н.э. (Петракова. 2007). И наконец, фрагменты лекифа из Темир-Горы (ГЭ. Инв. ТГ.19), атрибутированные Мастеру Мидия, датируются 420-ми гг. до н.э. (Beazley. 1963. P. 1690. No. 16bis). Таким образом, перечисленные находки показывают постоянство интереса к белофонной контурной и полихромной аттической продукции в Северном Причерноморье на протяжении всего V в. до н.э. и на весьма протяжённой территории – от Ольвии на западе до кургана Темир-Гора на востоке.

Хотелось бы отметить особо мирмекийский кратер. Большинство белофонных кратеров происходит из раскопок на территории Италии: знаменитые кратеры Мастера Фиалы из Агридженто на Сицилии (Oakley. 1990. No. 53) и из Вульчи (Ibid. No. 54), фрагменты из Тарента с изображением менады с тирсом (D'Amicis et al. 1994. No. 111.1), а также с сатиром и менадой (Ibid. Nos. 111.2–3), фрагменты из Локр (Beazley. 1963. P. 619. No. 11bis), Популонии (Oakley et al. 1997. Fig. 1–4) и др. Редким примером находки белофонного

кратера вне Италии и материковой Греции является фрагмент из Тарса (Beazley. 1963. P. 619. No. 12), атрибутированный мастеру Виллы Джулия. Находка фрагмента белофонного кратера в Мирмекии – пока единственное свидетельство экспорта такой экстраординарной продукции в Северное Причерноморье. А находка его именно в Мирмекии заставляет в очередной раз задуматься об оценке места Мирмекии среди других городов Боспорского царства.

На базе всех имеющихся материалов раскопок мы можем сделать вывод, что экспорт белофонной чернофигурной продукции в Северное Причерноморье был систематическим, по крайней мере в эпоху архаики и ранней классики. Она представлена разными вазовыми формами, с разнообразным декором и датировками – от последней трети VI в. до н.э. до середины V в. до н.э. Ещё более интересные данные даёт анализ контурных и полихромных фрагментов из старых раскопок, а особенно – раскопок последних лет. Пусть пока и малочисленные, они представляют собой разнообразие форм (в т. ч. редких) и вазописцев, работавших в разные периоды, начиная с ранних белофонных полихромных мастеров и заканчивая поздними, современными последнему периоду производства этой продукции. Таким образом, мы можем предположить, что и экспорт белофонной контурной и полихромной продукции в Северное Причерноморье также имел систематический характер. Кроме того, наличие крайне редких для белофонной техники форм, в т. ч. – вне погребального контекста, с которым традиционно связываются белофонные лекифы (Oakley. 2004), заставляет предположить наличие особого интереса к вазам именно этой техники, что, в свою очередь, свидетельствует о восприятии белофонной керамической продукции жителями Причерноморья (по крайней мере – частью населения) аналогичном восприятию этой продукции жителями Аттики.

Литература

- Горбунова. 1973 – *Горбунова К. С.* Белые лекифы в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973.
- Горбунова. 1979 – *Горбунова К. С.* Аттические алабастры, найденные в некрополях Северного Причерноморья (из коллекции Государственного Эрмитажа) // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.
- Петракова. 2007 – *Петракова А. Е.* Фрагмент белофонного кратера из Мирмекии // СГЭ. 2007. Вып. LXV.
- Beazley. 1946 – *Beazley J. D.* Attic White Lekythoi. Oxford, 1946.
- Beazley. 1963 – *Beazley J. D.* Attic Red-Figure Vase-Painters. 2nd ed. Oxford, 1963.
- Cohen. 2006 – *Cohen B.* Outline as a Special Technique in Black- and Red-figure Vase-painting // The Colors of Clay. Special Techniques in Athenian Vases. Los Angeles, 2006.
- CVA Karlsruhe 3 – *Corpus Vasorum Antiquorum.* Deutschland. Bd. 60. Karlsruhe, 1990. Bd. 3.

- D'Amicis et al. 1994 – *D'Amicis A. et al.* Catalogo del Museo Nazionale Archeologico di Taranto I.3. Atleti e Guerrieri, Tradizioni aristocratiche. Taranto, 1994.
- Koch-Brinkmann. 1999 – *Koch-Brinkmann U.* Polychrome Bilder auf weissgrundigen Lekythen: Zeugen der klassischen Malerei. München, 1999.
- Kurtz. 1975 – *Kurtz D. C.* Athenian White Lekythoi: Patterns and Painters. Oxford, 1975.
- Mertens. 1977 – *Mertens J.* Attic White-ground – its development on shapes other than lekythoi. New York, 1977.
- Mertens. 2006 – *Mertens J.* Attic White Ground: Potter and Painter // The Colors of Clay. Special Techniques in Athenian Vases: Exhib. cat. Los Angeles, 2006.
- Moore et al. 1987 – *Moore M. B. et al.* The Extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Libya, Final Reports III. Philadelphia, 1987.
- Oakley et al. 1997 – *Oakley J. H. et al.* Athenian Potters and Painters // The Conference Proceedings. Oxford, 1997.
- Oakley. 1990 – *Oakley J. H.* The Phiale Painter (Kerameus 8). Mainz, 1990.
- Oakley. 2004 – *Oakley J. H.* Picturing Death in Classical Athens. The Evidence of the White Lekythoi. Cambridge, 2004.
- Roberts. 1978 – *Roberts S.* Attic pyxis. Chicago, 1978.
- Wehgartner. 1983 – *Wehgartner I.* Attisch Weissgrundige Keramik. Maltechniken, Werkstätten, Formen, Verwendung. Mainz, 1983.
- Williams. 2006 – *Williams D.* The Sotades Tomb // The Colors of Clay. Special Techniques in Athenian Vases: Exhib. cat. Los Angeles, 2006.

В. Ю. Зуев, О. Ю. Соколова

Библиография исследований Нимфея. 1991–2011 гг.⁴

1991

- Горлов Ю. В., Безрученко И. М.* Малые города Боспора (к постановке проблемы) // Проблемы истории Крыма: Тез. докл. Симферополь, 1991. Вып. 1. С. 36–38.
- Грач Н. Л.* Полевой сезон 1987–1988. Нимфейская экспедиция // СГЭ. 1991. Вып. 54. С. 63–64.
- Качарава Д. Д., Квирикелия Г. Т.* Города и поселения Причерноморья античной эпохи: Малый энциклопедический справочник. Тбилиси, 1991. С. 178–181.
- Лаврова Н. П.* Памятники культуры и искусства, приобретённые Эрмитажем в 1986 г. // СГЭ. 1991. Вып. 54. С. 72.
- Молева Н. В.* О некоторых особенностях погребального обряда на Боспоре (По материалам антропоморфных изваяний) // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб., 1991. С. 130–136.
- Федосеев Н. Ф.* Три новых клейма на тонкостенных сосудах // СА. 1991. № 2. С. 244–247.

⁴ Помимо посвящённых непосредственно Нимфею работ, в списке приводятся данные о публикациях, в которых есть упоминания о Нимфее, его хоре или издание отдельных находок, сделанных в разное время в Нимфее.

Цецхладзе Г. Р. Клеймо Диоскуриды из Нимфея // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 95–97.

Rolle R. Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig, 1991. S. 102. Abb. 6.

1992

Алексеев А. Ю. Скифская хроника (Скифы в VII–IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк). СПб., 1992. С. 116–121.

Виноградов Ю. А. О полисах на Боспоре // Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура: Материалы к конф. в Херсонесском заповеднике 26–30 октября 1992 г. Севастополь, 1992. С. 21–22.

Мельников О. Н. Нимфей и монеты с надписью ΣΑΜΜΑ // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Мелитополь, 1992. С. 60–61.

Трейстер М. Ю. Бронзолитейное мастерство Боспора // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 66–110. [См.: стр. 79–80, илл. 5, 4].

Tsetskhladze G. R., Vnukov S. Y. Colchian amphorae: typology, chronology and aspects of production // The Annual of British School at Athens. L., 1992. No. 87. P. 357–386.

1993

Зуев В. Ю. Эпиграмма из Нимфея в переписке Великого Князя Константина Константиновича с М. И. Ростовцевым // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 160–165.

Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. К. С. 4, 47–49, 52, 58, 67, 79, 88, 92, 160, 174, 207. Рис. 1; 23, I, 7.

Кунина Н. З. Памяти Нонны Леонидовны Грач (1929–1991) // РА. 1993. № 1. С. 268–269.

Кунина Н. З., Неверов О. Я. Памяти Нонны Леонидовны Грач (1929–1991) // ВДИ. 1993. № 1. С. 236–237.

Соколова О. Ю. Исследования Нимфея в 1991–1992 гг. // ОАС. 1991–1992 гг. 1993. С. 6–7.

Соловьёв С. Л. Раскопки на хоре Нимфея в 1992 г. // Там же. С. 5–6.

Федосеев Н. Ф. Уточнённый список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе // ВДИ. 1993. № 3. С. 85–104. [См. стр. 91, рис. 2].

Яковенко Э. В. Снаряжение верхового коня из боспорских некрополей (V в. до н.э.) // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1993. Ч. II. С. 84–91.

Aus der Schatzkammern Eurasiens. Meisterwerke antiker Kunst: Katalog. Zürich, 1993. Kat. Nr. 77, 78, 85.

Hind J. G. F. Archaeology of the Greeks and barbarian peoples around the Black Sea (1982–1992): Nymphaion // Archaeological Reports. L., 1993. Vol. 39. P. 100–101.

Olimpizm in Antiquity. Lausanne, 1993. P. 72. [парал. изд. на франц. языке].
Treister M. Yu., Vinogradov Yu. G. Archaeology on the Northern coast of the Black Sea // *AJA*. 1993. Vol. 97. No. P. 521–563.

1994

- Зинько В. Н.* Раннесредневековые жилищно-хозяйственные комплексы на поселениях Героевка II и Героевка VI // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): Тез. докл. Симферополь, 1994. С. 18–20.
- Зинько В. Н., Соловьев С. Л.* Раскопки на поселении Героевка-2 в 1992 году // БСб. 1994. 4. С. 159–163.
- Молев Е. А.* Боспор в эпоху эллинизма. Нижний Новгород, 1994. С. 13.
- Соколова О. Ю.* Работы Нимфейской экспедиции // Археологические исследования в Крыму 1993 г. Симферополь, 1994. С. 240–241.
- Соколова О. Ю.* Раскопки Нимфея // АО 1993 г. 1994. С. 206.
- Соколова О. Ю.* Раскопки Нимфея в 1991–1992 гг. // Крымский музей. Симферополь, 1994. № 1. С. 148.
- Усачёва О. Н., Кошеленко Г. А.* Об одной загадке боспорской историографии // РА. 1994. № 3. С. 65–70.
- Федосеев Н. Ф.* Матрица с изображением грифона из Нимфея // ВДИ. 1994. № 4. С. 75–77.
- Kunina N. Z.* Bosporan Kingdom // The State Hermitage. Masterpieces from Museum's Collections. L., 1994. P. 292–331. Cat. Nos. 286–291, 318.
- Kunina N. Z.* Glass // Ibid. P. 250–259. Cat. Nos. 225–241.
- Schiltz V.* Les Scythes et les nomades des steppes 8^e siecle avant J. C. – Ier siecle apres J. C. Paris, 1994. P. 35, 123, 127, 128. Figs. 12, 20, 98: A, B, C, G, H.
- Williams D., Ogden J.* Greek Gold. Jewellery of the Classical world. L., 1994. P. 113–114, 132–135. Cat. Nos. 76–80, 110, 120.

1995

- Виноградов Ю. А.* О полисах в районе Боспора Киммерийского // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 65–69.
- Власова Е. В.* Фрагмент посвятельной надписи из Нимфея // *Nuperboreus*. 1994–1995. Т. I. Вып. 2. С. 133–137.
- Гаген Л. П.* Исследования и реставрация комплекса античных фресок III в. до н.э. из Нимфея // Тез. III Грабаревских науч. чтений. М., 1995. С. 18–19.
- Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV вв. до н.э.: Каталог выставки. СПб., 1995. С. 132–135, 173–174, 260. Кат. № 76–80, 110. Рис. 2, 3.
- Кунина Н. З.* Раннехристианская стеклянная чаша из Нимфея // СГЭ. 1995. Вып. 56. С. 46–48.
- Семёнов Г. Л.* Праздник Плоифесии в Нимфее // Эрмитажные чтения. Памяти В. Г. Лукониной. СПб., 1995. С. 222–227.

- Соколова О. Ю.* Исследования Нимфея в 1994 году // ОАС. 1994 г. 1995. С. 11–12.
- Соловьёв С. Л., Власова Е. В., Бутягин А. М.* Раскопки на хоре Нимфея в 1994 году // Там же. С. 13–14.
- Яйленко В. П.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 204–272.
- Яковенко Э. В., Славин Н. А.* Стоял над проливом город // Берега Тавриды. № 2–3. 1995. С. 246–256.
- Ballesteros Pasto L.* Notas sobre una inscripción de Nimfeo en honor de Mitridates Eupátor, reu del Ponto // Dialogues d'histoire ancienne. Besancon, 1995. Vol. 21. Part 1. P. 111–117.
- Casson L.* Ships and Seamanship in the Ancient World. Baltimore; L., 1995. P. 449–450.
- Karasiewicz-Szczygiorski R.* II Konferencja «Nymphaion, historia i struktura polis greckiej». Igolomia, 4–5 maja 1995 r. // KwHKM. 1995. Vol. 43. No. 4. P. 545–550.
- Kunina N., Scholl T., Sokolova O., Wąsowicz A.* The Bibliography of Nymphaion // Archeologia. Warszawa, 1995. Vol. XLV. P. 79–89.
- Olszaniec W.* Źródła pisane do dziejów Nymfajonu. Zebrał i opracował // Ibid. P. 79–89.
- Solov'ev S. L., Zin'ko V. N.* Research on the chora of Nymphaion. Study problems // Ibid. P. 73–78.
- Wąsowicz A.* Nymphaion project // Ibid. P. 69–72.

1996

- Власова Е. В.* Новый эпиграфический памятник из Нимфея // ПАИБ. С. 25.
- Жаркевич А. Н.* Организация археологического паркового комплекса «Нимфей» // ПАИБ. С. 29–30.
- Зинько В. Н.* Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 12–20.
- Каспаров А. К.* Остатки животных из Нимфея (фаунистический состав и облик костного материала) // ПАИБ. С. 39–42.
- Кунина Н. З.* Раннехристианская чаша из Нимфея // Науч. конф. памяти А. В. Банк (1906–1984): Тез. докл. СПб., 1996. С. 39.
- Никонов А. Н.* Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского // ПАИБ. С. 54–57.
- Санжаровец В. Ф.* Тюркские топонимы (гидронимы, оронимы, эргонимы) Керченского полуострова. Послевоенные судьбы // ПАИБ. С. 122–124.
- Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 149–151, 182, 271.
- Соколова О. Ю.* Исследования Нимфея в 1995 году // ОАС. 1995 г., 1996. С. 13–14.
- Соловьёв С. Л.* Некрополь Нимфея (Итоги и задачи изучения) // ПАИБ. С. 68–69.

- Соловьёв С. Л., Бутягин А. М., Власова Е. В.* Керченская экспедиция: раскопки некрополя Нимфея в 1995 г. // ОАС. 1995 г. 1996. С. 9–13.
- Karasiewicz-Szczygiorski R.* «Nymphaion: historia i struktura polis greckiej». III konferencja IAE PAN. Igolomia, 8–11 maja 1996 // KwHKM. 1996. Vol. 44. No. 4. P. 463–466.
- Kasparov A. K.* New data on faunal remains from Nymphaion and neighbouring settlements // *Archeologia*. Warszawa, 1996. Vol. XLVI. P. 77–80.
- Kunina N., Scholl T., Sokolova O., Wasowicz A.* The Bibliography of Nymphaion. Addenda and corrigenda // *Ibid.* P. 89–90.
- Morrison J. S.* Greek and Roman Oared Warships. L., 1996. P. 207–214. No. 13.
- Neverov O. Ya.* Les bagues et les pierres gravees provenant de Nymphaion // *Archeologia*. Warszawa, 1996. Vol. XLVI. P. 71–75. Pl. XI–XIV.

1997

- Аветиков А. А.* Охранные раскопки некрополя Нимфея // Археологические исследования в Крыму 1994 г. Симферополь, 1997. С. 8–10.
- Виноградов Ю. А., Рогов Е. Я.* Некоторые закономерности становления и развития греческих государств в Северном Причерноморье // Европейская Сарматия: Сб. статей к 60-летию Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина. СПб., 1997. С. 66–72. STRATUMplus + Петербургский археологический вестник.
- Гавриленко Л. С.* Исследования античной фрески из Нимфея III в. до н.э. // Реставрационный сборник. СПб., 1997. С. 31–36.
- Гаген Л. П.* Реставрация античной фрески из Нимфея III в. до н.э. // Реставрационный сборник. СПб., 1997. С. 23–30.
- Жижина Н. К.* Комплекс гипсовых рельефов из земляного склепа некрополя Нимфея и вопросы реконструкции декора боспорских деревянных саркофагов римского времени // ТГЭ. 1997. Т. XXVIII. С. 149–166.
- Зайцева К. И.* Культовые чаши V–I вв. до н.э. из Северного Причерноморья // ТГЭ. 1997. Т. XXVIII. С. 38–53.
- Зинько В. Н.* Охранные археологические исследования на хоре Нимфея // Археологические исследования в Крыму 1994 г. Симферополь, 1997. С. 119–124.
- Зинько В. Н.* Охранные исследования некрополя Нимфея // Бахчисарайский историко-археологический сб. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 67–75.
- Зинько В. Н.* Сельскохозяйственная округа Нимфея в VI–IV вв. до н.э. // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект: Тез. докл. междунар. науч. конф. 29.08–01.09.97 г. Севастополь, 1997. С. 29–31.
- Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Керамика салтово-маяцкого типа с ранне-средневековых памятников в окрестностях Нимфея // Междунар. конф. «Византия и Крым». Севастополь, 6–11.06. 1997 г.: Тез докл. Симферополь, 1997. С. 42–43.

- Кунина Н. З. Античное стекло в собрании Эрмитажа: Каталог. СПб., 1997. С. 20, 21, 268, 277, 287, 303, 315, 317, 331. Кат. № 78, 126, 131, 168, 250, 253, 302, 303, 315, 395. Илл. 79, 147, 167, 168, 197.
- Кунина Н. З. К вопросу о стеклоделии на Боспоре // ТГЭ. 1997. Т. XXVIII. С. 134–148.
- Кунина Н. З. О боспорском стеклоделии в I–III вв. н.э. // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997. С. 39–82.
- Неверов О. Я. Оттиски печатей на керамических изделиях из Северного Причерноморья // Там же. С. 107–126.
- Неверов О. Я., Пиотровский М. Б. Эрмитаж. Собрания и собиратели. СПб., 1997. С. 205, 206, 207, 226–227.
- Соколова О. Ю. Исследования Нимфея // Археологические исследования в Крыму 1994 г. Симферополь, 1997. С. 240–242.
- Соколова О. Ю. Исследования Нимфея в 1996 году // ОАС. 1996 г. 1997. С. 22–27.
- Соколова О. Ю. Новые находки из Нимфея // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997. С. 143–147.
- Соколова О. Ю. Полевые сезоны 1989–1991 гг. Нимфейская археологическая экспедиция // СГЭ. 1997. Вып. 57. С. 79.
- Соловьёв С. Л., Бутягин А. М., Власова Е. В. Исследования некрополя Нимфея и сельских памятников Гермонассы // ОАС. 1996 г. 1997. С. 16–22.
- Чистов Д. Е. Слой пожара в боспорских городах первой половины IV в. до н.э. (по материалам городищ Мирмекия и Нимфея) // V міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. Київ, 22–24 квітня 1997 року: Наукові матеріали. К., 1997. С. 198–199.
- Domžalski K. Terra sigillata from Nymphaion. Survey 1994 // Archeologia. Warszawa, 1997. Vol. XLVII. P. 95–109.
- Kunina N. Z. A glass portrait from Nymphaion // Ibid. XLVII. P. 51–53. Pl. XVI.
- Schneider G. Compositional analysis of terra sigillata from Nymphaion // Ibid. P. 109–112.
- Scholl T., Zin'ko V. Archeologiczna mapa Nymphaion // KwnHKM. 1997. Vol. 45. Fasc. 1. P. 61–65.
- Σοκολάβα Ο. Γ., Σολβιοφ Σ. Α. Το αρχείο του Ελληνιστοῦ της Μαύρης Θάλασσης // Ελληνική Διασπορά. Δεκέμβριος, 1997. № 23. S. 14–18.
- Zin'ko V. N. Geroevka-2. A rural settlement in the chora of Nymphaion (Ancient period) // Archeologia. Warszawa, 1997. Vol. XLVII. P. 85–94.
- Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold. Bonn, 1997. Bd. I. S. 130–137.

1998

- Беленький Д. Б. Прогноз локализации гавани Нимфея на основе палеогео-морфологической реконструкции береговой линии // ПИФК. 1998. Вып. V. С. 27–37.

- Бутягин А. М.* Варвары на поселениях архаического Боспора: по материалам лепной керамики из ранних комплексов Нимфея и Мирмекия // Поселения: социум, культура, среда: Материалы тематической науч. конф. Санкт-Петербург, 6–9 октября 1998 г. СПб., 1998. С. 141–144.
- Винокуров Н. И.* Композитные винодельни Боспора // ДБ. 1998. Т. 1. С. 19–22, 24, 29, 31, 37, 39, 41, 48, 59. Рис. 1, 62; 4.
- Григорьев Д. В.* К вопросу о военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э. // ПИФК. 1998. Вып. V. С. 38–43.
- Долинская Н. В.* Стилистическая характеристика и пропорциональный анализ архитектурных ордерных деталей из г. Нимфея (по материалам раскопок 1996–1997 гг.) // Труды молодых ученых СПбГАСУ. СПб., 1998. Ч. III. С. 127–132.
- Зинько В. Н.* Нимфей // Археологические прогулки по античной Керчи. Керчь, 1998. С. 22–27.
- Зинько В. Н.* Нимфейский полис // БФ. 1998. С. 29–33.
- Зинько В. Н.* Погребальные комплексы с хоры Нимфея // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 173–185.
- Зинько В. Н.* Хора Нимфея в VI–IV вв. до н.э. // ДБ. 1998. Т. 1. С. 86–104.
- Зубарев В. Г.* Античная география Европейского Боспора по Клавдию Птолемею // ДБ. 1998. Т. 1. С. 105–124.
- Никонов А. Н.* Загипленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского (в связи с проблемой изменения уровня моря) // РА. 1998. № 3. С. 57–66.
- Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л.* Результаты исследования состава боспорских монет VI–II вв. до н.э. из собрания Государственного Эрмитажа // ДБ. 1998. Т. 1. С. 226–236.
- Соколова О. Ю.* Бюст Изиды из Нимфея // БФ. 1998. С. 39–40.
- Соколова О. Ю.* К вопросу о памятниках ионийского ордера из Нимфея // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского: Тез. докл. СПб., 1998. С. 85–88.
- Соколова О. Ю., Чистов Д. Е.* Работы Нимфейской экспедиции в 1997 г. // ОАС. 1997 г. 1998. С. 16–19.
- Соловьёв С. Л., Бутягин А. М.* Землянки на хоре Нимфея // РА. 1998. № 2. С. 138–148.
- Столба В. Ф.* Второй Эльтегенский клад боспорского серебра второй половины V в. до н.э. (IG 1004) // Шестая Всероссийская нумизматическая конф.: Тез. докл. СПб., 1998. С. 18–20.
- Чистов Д. Е.* Акрополь Нимфея в первой половине IV в. до н.э. // Поселения: социум, культура, среда: Материалы тематической науч. конф. Санкт-Петербург, 6–9 октября 1998 г. СПб., 1998. С. 136–138.
- Чистов Д. Е.* Исследования последних лет в юго-западной части городища Нимфей // БФ. 1998. С. 33–38.
- Butjagin A. M.* Archaic dug-outs at Nymphaion // Archeologia. Warszawa, 1998. Vol. XLVIII. P. 61–70. Pl. XXII–XXIII.

- Fedoseev N. F.* Monument funeraire de la necropole de Nymphaion // *Ibid.* P. 71–72. Pl. XXIV.
- Fedoseev N. F., Zin'ko V. N.* Ceramic stamps from the rural settlement of Geroevka-II (The chora of Nymphaion) // *Ibid.* P. 55–60. Pl. XVII–XXI.
- Jijina N.* Nymphaion Necropolis in Bosphoros // *Necropoles et pouvoir. Ideologies, pratiques et interpretations.* Paris; Lyon; Athenes, 1998. P. 199–216. *Travaux de la Maison de l'Orient Meditteraneeen.* No. 27.
- Stolba W. F.* ΣΑΜΜΑΣ Zur Prägung eines bosporanischen Tyrannen // *Stephanos nomismatikos: Edith Schönert-Geiss zum 65. Geburtstag.* Berlin, 1998. S. 601–610.

1999

- Берзина С. Я.* Корабль «Исида» в контексте взаимоотношений Египта и Боспора в конце IV – первой половине III в. до н.э. // *БГН.* 1999. С. 8–9.
- Боровкова В. Н. А. В.* Новиков – городской голова, банкир, любитель и коллекционер древностей // *Коллекционеры и торговцы керченскими древностями.* Керченские древности. Керчь, 1999. Вып. 4. С. 74–79.
- Боровкова В. Н.* На землях древнего Нимфея // *Там же.* С. 69–73.
- Бутягин А. М.* Некоторые проблемы греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI–V вв. до н.э. // *Античный мир: Материалы науч. конф.* Белгород, 1999. С. 69–74.
- Бутягин А. М.* Некоторые проблемы изучения архаического Нимфея // *БГН.* 1999. С. 10–11.
- Виноградов Ю. Г.* Вотив Комосарии из Нимфея // *БГН.* 1999. С. 20.
- Винокуров Н. И.* Виноделие античного Боспора. М., 1999. С. 24, 28–29, 52–53, 68, 112–113, 118. Табл. В, 120; С, 122, 128. Рис. 20, 6–7; 22, 1–2; 23, 1–2; 47, 2.
- Гаген Л. П.* Опыт реставрации экспонатов из собрания Отдела Античного мира Государственного Эрмитажа // *БГН.* 1999. С. 21–23.
- Галченко Н. В.* Охранные исследования античного городища Нимфей и формирование Керченского Государственного историко-культурного заповедника // *БГН.* 1999. С. 23–25.
- Грач Н. Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
- Рец.: *Wąsowicz A.* Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999 // *Archeologia.* Warszawa, 2000. Vol. LI. P. 140–141.
- Давыдова Л. И.* Архаическая и классическая скульптура из Северного Причерноморья в собрании Эрмитажа в контексте торговых связей Причерноморья в VI–IV вв. до н.э. // *Trade on the Black Sea in the Archaic and Classical Periods: Historical Perspective of the Silk Road. The 9th International Symposium on the Ancient History and Archaeology of the Black Sea Area. 20–23 September 1999. Vani. Abstracts of Papers.* Tbilisi, 1999. P. 40–41.
- Давыдова Л. И.* Скульптурные фрагменты из раскопок Нимфея // *БГН.* 1999. С. 25–26.

- Долинская Н. В.* К вопросу об интерпретации одного из участков Нимфейского комплекса // Труды молодых ученых СПбГАСУ. СПб., 1999. Ч. III. С. 109–113.
- Древний город Нимфей: Каталог выставки. СПб., 1999.
- Жаркевич А. Н.* Концепция развития и градостроительной организации охранной зоны археологического памятника Нимфей // БГН. 1999. С. 26–28.
- Зинько Е. А.* Сакральная скульптура с сельской округи Нимфея // БФ. 1999. С. 188–194.
- Зинько В. Н.* Гидротехнические сооружения в окрестностях боспорского города Нимфея // БФ. 1999. С. 142–148.
- Зинько В. Н.* Итоги и перспективы исследований нимфейской хоры // БГН. 1999. С. 32–34.
- Зуев В. Ю.* Ещё раз об эпиграмме из Эль-Тегеня (ответ М. И. Ростовцева В. В. Латышеву) // БГН. 1999. С. 34–37.
- Кунина Н. З.* Нонна Леонидовна Грач // БГН. 1999. С. 5–7.
- Кунина Н. З.* Миниатюрный стеклянный портрет из Нимфея // Из истории античного общества: Межвузовский сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 1999. Вып. 6. С. 177–182.
- Лебедева Е. В.* Греческая расписная керамика первой половины VI в. до н.э. из раскопок Мирмекия и Нимфея (опыт сравнительного анализа) // БГН. 1999. С. 44–46.
- Лифшиц Ю. А.* Опыт консервации архитектурных остатков в полевых условиях (на примере раскопок Нимфея) // БГН. 1999. С. 47–50.
- Молев Е. А.* Нимфей и Боспор при Сатире 1 // БГН. 1999. С. 54–55.
- Молев Е. А.* О времени установки статуи Митридата Евпатора в Нимфее // Античный мир: Материалы науч. конф. Белгород, 1999. С. 85–91.
- Молева Н. В.* Антропоморфные памятники из некрополя Нимфея // БГН. 1999. С. 55–58.
- Молева Н. В.* Антропоморфные памятники из некрополя Нимфея // Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999. С. 315–328.
- Молева Н. В., Христановский В. А.* Собака в сакральной жизни античного Боспора // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. 21–22 мая 1999 г.: Тез. докл. М., 1999. С. 79–80.
- Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999. 680 с. [См.: стр. 57, 59, 63, 69, 78, 81, 119, 125–129, 130–133, 267–269, 318, 463, 464, 466, 468, 482, 550].
- Неверов О. Я.* Геммы и перстни из Нимфея // Из истории античного общества: Межвузовский сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 1999. Вып. 6. С. 182–190.
- Неверов О. Я.* Коллекция А. В. Новикова // БГН. С. 58–60.
- Неверов О. Я.* Памятники глиптики из Нимфея эпохи архаики и классики // Trade on the Black Sea in the Archaic and Classical Periods: Historical Perspective of the Silk Road. The 9-th International Symposium on the

- Ancient History and Archaeology of the Black Sea Area. 20–23 September 1999. Vani: Abstracts of Papers. Tbilisi, 1999. P. 60.
- Павличенко Н. А.* Две новые надписи из Нимфея // БФ. С. 186–187.
- Сенаторов С. Н.* О лепной керамике варварского поселения на месте Нимфея // БГН. 1999. С. 60–66.
- Смекалов С. Л.* Измерение координат археологических памятников Керченского полуострова при помощи GPS // БФ. 1999. С. 365–366.
- Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л.* О смене источников серебра для монетной чеканки Боспора VI–V вв. до н.э. // ДБ. 1999. Т. II. С. 203–212.
- Соколова О. Ю.* Конская узда V в. до н.э. из некрополя Нимфея // БФ. 1999. С. 184–186.
- Соколова О. Ю.* Основные итоги раскопок Нимфея (1939–1998) // БГН. 1999. С. 68–71.
- Соколова О. Ю.* Полевые сезоны 1992–1994 гг. Нимфейская экспедиция // СГЭ. 1999. Вып. 58. С. 84–85.
- Соколова О. Ю.* Работа Нимфейской археологической экспедиции (1994–1999 гг.) // Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр. К., 1999. С. 149–152.
- Соколова О. Ю., Павличенко Н. А., Каспаров А. К.* Новые находки на территории нимфейского некрополя // Нуревboreus. 1999. Т. V. Вып. 2. С. 326–340.
- Соколова О. Ю., Чистов Д. Е.* Работы Нимфейской экспедиции в 1998 г. // ОАС. 1998 г. 1999. С. 16–19.
- Сударев Н. И.* Детские погребения Боспора VI–III вв. до н.э. // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. 21–22 мая 1999 г.: Тез. докл. М., 1999. С. 109–111.
- Сударев Н. И.* Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // ДБ. 1999. Т. II. С. 213–231.
- Тереценко А. Е.* Электровый кизикин из Нимфея // БГН. 1999. С. 71–72.
- Толстиков В. П.* К проблеме землетрясения III в. до н.э. на Боспоре (по материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // БГН. 1999. С. 72–75.
- Трейстер М. Ю.* Об одной из боспорских мастерских торевтики IV в. до н.э. // БГН. 1999. С. 75–77.
- Федосеев Н. Ф.* Ещё раз о переправе через Боспор Киммерийский // АИБ. 1999. Т. III. С. 61–102.
- Чистов Д. Е.* Оборонительные сооружения Нимфея // БГН. 1999. С. 87–89.
- Щеглов А. Н.* К изучению канализационных устройств в домостроительстве Нимфея IV в. до н.э. // БГН. 1999. С. 91–94.
- Höckmann O.* Graffiti of Hellenistic Ships from the Aphroditeion at Nymphaion // БГН. 1999. С. 94–97.
- Höckmann O.* Naval and Other Graffiti from Nymphaion // ACSS. 1999. Vol. 5. No. 4. P. 303–356.
- Scholl T., Zin'ko V.* Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warsawa, 1999. Bibliotheca Antiqua. Vol. XXIII.

Vinogradov Ju. G. Der Staatsbesuch der «Isis» im Bosporos // ACSS. 1999. Vol. 5. No. 4. P. 271–302.

2000

- Виноградов Ю. Г., Золотарёв М. И.* Божественная египетская триада в Херсонесе Таврическом // ΣΥΣΣΤΙΑ: Сб. статей памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2000. С. 284–294.
- Зайцева К. И.* Лепные чашки на ножках конца VII–I вв. до н.э. из Северного Причерноморья. Ч. I // АВ. 2000. № 7. С. 140–153.
- Зинько В. Н.* Нимфей и варвары // I БЧ. 2000. С. 61–65.
- Колтухов С. Г.* К истории ограбления некрополя Нимфея // Пилигримы Крыма – Осень'99 (Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме). IV Крымская междунар. научно-практ. конф. Крым, Симферополь, 16–17 октября 1999 г.: Материалы. В 2-х т. Симферополь, 2000. Т. 2. С. 10–15.
- Кунина Н. З.* Стекланный скульптурный портрет из Нимфея // ΣΥΣΣΤΙΑ: Сб. статей памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2000. С. 251–254.
- Неверов О. Я.* Отгиски печатей на керамических изделиях из Северного Причерноморья // Античное Причерноморье: Сб. статей по классической археологии. СПб., 2000. С. 24–45.
- Сенаторов С. Н.* Кизил-кобинская керамика VIII–VI в. до н.э. из Нимфея // Таманская старина. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.): Тез. докл. междунар. конф. Тамань, 9–16 октября 2000 г. СПб., 2000. Вып. 3. С. 85–88.
- Соколова О. Ю.* Боспорский город Нимфей. Итоги и перспективы исследования // Пантикапей – Боспор – Керчь. 26 веков древней столице: Материалы междунар. конф. Керчь, 2000. С. 116–119.
- Соколова О. Ю.* Исследования Нимфея в 1999 г. // ОАС. 1999 г. 2000. С. 17–20.
- Соколова О. Ю.* Некоторые результаты раскопок Нимфея (1991–1999 гг.) // Таманская старина. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.): Тез. докл. междунар. конф. Тамань, 9–16 октября 2000 г. СПб., 2000. Вып. 3. С. 140–142.
- Соловьёв С. Л.* Полевые сезоны 1992–1994 гг. Керченская археологическая экспедиция // СГЭ. 2000. Вып. 63. С. 85–86.
- Соловьёв С. Л.* Хора Борисфена, Ольвии, Нимфея и Гермонассы: результаты исследований и сравнительного анализа // Таманская старина. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.): Тез. докл. междунар. конф. Тамань, 9–16 октября 2000 г. СПб., 2000. Вып. 3. С. 140–142.
- Суриков И. Е.* По поводу древнегреческих монет с легендой ΣΑΜΜΑ // Восьмая Всероссийская нумизматическая конф.: Тез. докл. М., 2000. С. 6–7.
- Фролова Н. А.* Монеты Нимфея (Некоторые проблемы исследования чеканки Нимфея) // ДБ. 2000. Т. 3. С. 340–354.
- Чистов Д. Е.* Акрополь Нимфея в первой половине IV в. до н.э. // ΣΥΣΣΤΙΑ: Сб. статей памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2000. С. 242–251.

Sokolova O. Yu. Investigations of an early Hellenistic shrine in Nymphaeum // ACSS. 2000. Vol. 6. № 3–4. P. 155–172.

2001

- Арбузова Т., Галченко Н.* Нимфей // Пам'ятки України: Історія та культура. Науковий часопис. Спецвыпуск. 2001. № 3. С. 24–27.
- Арсентьева Е. И.* История создания эрмитажной коллекции краснофигурных ваз // Судьбы музейных коллекций: Материалы VII Царскосельской науч. конф. СПб., 2001. С. 178–185.
- Бутиягин А. М.* Земляночное строительство на архаическом Боспоре (генезис и развитие) // БФ. 2001. Ч. I. С. 36–41.
- Виноградов Ю. Г., Молчанов А. А.* Еще раз о монетах ΣΑΜΜΑ // Девятая Всероссийская нумизматическая конф.: Тез. докл. и сообщений. СПб., 2001. С. 17–18.
- Зинченко С. А.* Нашивные бляшки с изображением оленя из некрополя Нимфея (К вопросу об особенностях функционирования одного канонического образа) // БФ. 2001. Ч. I. С. 115–123.
- Зинько В. Н.* Становление Нимфейского полиса // БФ. 2001. Ч. I. С. 102–104.
- Кузнецов С. В.* Античные шлемы в курганах скифской военной элиты // БФ. 2001. Ч. II. С. 132–137.
- Кунина Н. З.* Стекло из Нимфея в коллекции Эрмитажа // П БЧ. 2001. С. 69–71.
- Масленников А. А.* Сельские поселения Европейского Боспора (Некоторые проблемы и итоги исследований) // БИ. 2001. Вып. I. С. 75–100.
- Мельников О. Н.* Нимфей, скифский вождь Савмак и «измена Гилона» // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 410–435.
- Мельников О. Н.* Нимфей, скифский вождь Саммак и «измена Гилона» // Нумизматика і фалеристика. 2001. № 2 и 3.
- Молева Н. В.* Сакральные памятники Боспора VI – начала V в. до н.э. // БФ. 2001. Ч. I. С. 131–133.
- Охрименко Т. И.* Коллекция керамической тары из фондов Керченского Государственного историко-культурного заповедника // П БЧ. 2001. С. 193–196.
- Пантелеев А. В.* Находки костей северной олуши (*Sula bassana*) в Крыму античной эпохи // БФ. 2001. Ч. I. С. 274.
- Санжаровец В. Ф.* Из истории происхождения названий географических объектов Керченского городского побережья // 175 лет Керченскому музею древностей: Материалы междунар. конф. Керчь, 2001. С. 161–166.
- Сенаторов С. Н.* Бронзовые наконечники стрел из Нимфея. I. По материалам раскопок 1939–1941 гг. // БФ. 2001. Ч. I. С. 108–115.
- Смекалов С. Л.* Измерение координат археологических памятников Керченского п-ова при помощи GPS в 2000 г. // БФ. 2001. Ч. II. С. 249–253.
- Соколова О. Ю.* К вопросу о торговых связях Нимфея в VI в. до н.э. // БФ. 2001. Ч. I. С. 105–107.

- Соколова О. Ю. Новая надпись из Нимфея (предварительное сообщение) // ДБ. 2001. Т. 4. С. 368–376.
- Соколова О. Ю. О керамическом производстве в Нимфее // П БЧ. С. 140–144.
- Соколова О. Ю. Полевые сезоны 1995–1997 гг. Нимфейская экспедиция // СГЭ. 2001. Вып. 59. С. 85–86.
- Соколова О. Ю. Работы Нимфейской экспедиции в 2000 г. // Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр. К., 2001. С. 218–220.
- Соколова О. Ю., Долинская Н. В. Нимфейский пропилон. Вопросы реконструкции и датировки // 175 лет Керченскому музею древностей: Материалы междунар. конф. Керчь, 2001. С. 66–69.
- Соколова О. Ю., Чистов Д. Е. Нимфейская экспедиция в 2000 г. // ОАС. 2000 г. 2001. С. 14–16.
- Соловьёв С. Л. Полевые сезоны 1995–1997 гг. Античная комплексная археологическая экспедиция // СГЭ. 2001. Вып. 59. С. 86–88.
- Суриков И. Е. Нумизматическое свидетельство о самосской колонизации Причерноморья // ПИФК. 2001. Вып. X. С. 92–93.
- Тохтасьев С. Р. Эпиграфические заметки // ANAXAPΣIΣ. Памяти Ю. Г. Виноградова. Севастополь, 2001. С. 155–168. ХСБ. Вып. XI.
- Чистов Д. Е. Система искусственных террас на южном склоне Нимфейского плато // БФ. 2001. Ч. I. С. 123–126.
- Baranova T. A., Chekhova E. A., Krachun N. V. Conservation of fragments of wooden sarcophagi from Nymphaeum // Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage museum. Leiden; Boston; Köln; Brill, 2001. P. 279–281. Colloquia pontica. Vol. 7.
- Butjagin A. M., Solovyev S. L. Archaeological research at the chora of Nymphaeum // North Pontic Archaeological Recent Discoveries and Studies. Leiden; Boston; Köln; Brill, 2001. P. 259–284. Colloquia Pontica. Vol. 6.
- Fornasier J., Böttger B. Das Bosporianische Reich (Der Nordosten der schwarzen Meeres in der Antike). Mainz am Rhein, 2001. S. 24–25. Abb. 4; Abb. 5.
- Gagen L. P. Restoration of a third-century BC fresco from Nymphaeum // Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage museum. Leiden; Boston; Köln; Brill, 2001. P. 239–248. Colloquia pontica. Vol. 7.
- Kruglov A. V. A cornelian seal from Nymphaeum and question of archaizing // Ibid. P. 231–238.
- Neverov O. Ya. Impressions of seals on northern pontic pottery // Ibid. P. 17–37.
- Nonna Leonidivna Grach // ACSS. 2001. Vol. 7. № 1–2. P. 1–4.
- Sheinina E. G. Conservation of plaster-cast appliques from the Nymphaeum sarcophagi // Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage museum. Leiden; Boston; Köln; Brill, 2001. P. 269–277. Colloquia pontica. Vol. 7.
- Smolyanitskaya O. L., Slavoshevskaya L. V., Svetlichnaya V. Mycological analysis of the wooden sarcophagi from the necropolis of Nymphaeum // Ibid. P. 265–268.
- Sokolova O. Yu. A New Architectural Monuments from Nymphaeum // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Local Populations of the

- Black Sea Littoral and their Relations with the Greek, Roman and Byzantine World and Near Eastern Civilisations. Abstracts. Ankara, 2001. P. 66–67.
- Zaitseva K. I. Ritual stemmed cups from the northern pontus: 1st century BC – 4th century AD // Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage museum. Leiden; Boston; Köln; Brill, 2001. P. 39–70. Colloqua pontica. Vol. 7.
- Zhizhina N. Wooden sarcophagi with plaster-cast appliques from Nymphaeum // Ibid. P. 249–263.
- Zin'ko V. N. Summary of Results of the five-year rescue excavations in the European Bosphorus 1989 – 1993 // Ibid. P. 295–317.

2002

- Горская О. В. Культы Нимфея по материалам граффити // БФ. 2002. Т. I. С. 114–121.
- Данильченко С. А. Чернолаковая керамика из нимфейского святилища Деметры // БФ. 2002. Т. I. С. 121–126.
- Зинько В. Н. Новый грунтовой могильник на хоре Нимфея // БИ. 2002. Вып. II. С. 219–248.
- Зинько В. Н. Погребальные памятники сельской округи боспорского города Нимфея // БФ. 2002. Т. I. С. 105–114.
- Ильина Ю. И. Расписная греческая керамика в некрополях Боспора // БФ. 2002. Т. I. С. 172–177.
- Каспаров А. К. Об орудии для обработки дерева из городища Нимфей. Могли ли изготовители саркофагов пользоваться костяными орудиями? // БФ. 2002. Т. I. С. 126–129.
- Молева Н. В. Древности эпох камня и бронзы на античных памятниках Боспора // АМА. 2002. Вып. 11. С. 200–205.
- Русяева А. С. К истории изучения монет Нимфея // Ш БЧ. 2002. С. 206–211.
- Соколова О. Ю., Павличенко Н. А. Новая посвятельная надпись из Нимфея // Нурerboreus. 2002. Т. VIII. Вып. 1. С. 99–121.
- Соколова О. Ю., Чистов Д. Е. Исследование Нимфея в 2001 г. // ОАС. 2001 г. 2002. С. 14–17.
- Соловьёв С. Л. Некрополь Нимфея: аспекты погребальной практики населения ионийского полиса // БФ. 2002. Т. I. С. 98–105.
- Столба В. Ф. Проблемы нумизматики Нимфея: несколько замечаний // Нурerboreus. 2002. Т. V. Вып. 8. С. 13–42.
- Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- Чистов Д. Е. Скифы и Нимфей в V в. до н.э. // Ш БЧ. 2002. С. 259–265.
- Шамрай А. Н. Подводно-археологические объекты в территориальной структуре Нимфея // Ш БЧ. 2002. С. 266–275.
- Шестаков С. А. Первобытные археологические находки на античных поселениях Керченского полуострова // Ш БЧ. 2002. С. 276–279.
- Čhistov D. E., Domžalski K. Nymphaion – results of excavations in sector N, 1994–1998 // Archeologia. Warszawa, 2002. Vol. LII. P. 97–137.

Sokolova O. Yu. New Material from the Excavation of Nymphaeum // The Black Sea Region in Greek, Roman and Byzantine Times. *Talanta*, 2002. Issue 32/33. P. 81–90.

Sokolova O. Yu. Nimphea. Confin de Oikoumene. Fondos Arqueologicos del Ermitage: Catálogo. València.

2003

Материалы Нимфейской экспедиции. СПб., 2003. Вып. 1. 24 рис. VIII табл. фото.

Рец.: *Wasowicz A.* Материалы Нимфейской экспедиции. СПб.: Изд. ГЭ, 2003. Вып. 1 // *Archeologia*. Warszawa, 2004. Vol. LIV. P. 87–88.

Буйских А. В. О коллекции античных архитектурных деталей из собрания Керченского лапидария // IV БЧ. 2003. С. 32–37.

Домжальский К., Чистов Д. Е. Итоги работ на участке «Н» (1994–1998) // Материалы Нимфейской экспедиции. СПб., 2003. Вып. 1. С. 1–37.

Зинько В. Н. Нимфейский полис и скифы в VI–V вв. до н.э. // IV БЧ. 2003. С. 103–112.

Зинько В. Н. Хора боспорского города Нимфея. Симферополь, Керчь, 2003. БИ. Вып. IV.

Каспаров А. К. Фаунистические материалы из комплексов на участке «Н» // Материалы Нимфейской экспедиции. СПб., 2003. Вып. 1. С. 38–43.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003. С. 14, 17, 19, 39, 48, 62, 65, 71, 76, 84, 90, 103, 114, 149, 184, 186, 197, 201, 204, 205, 208, 215, 216, 218, 222, 226, 233, 234, 238, 261, 267, 269, 270, 271, 277, 286, 287, 296, 317, 320, 327, 331. Табл. 3, 6; 4, 2; 8, 1; 31, 2; 37, 1; 39, 5; 40, 4; 41, 3; 47, 1; 56, 4; 57, 4, 5; 66, 4; 87, 3; 90, 1; 97, 1; 101, 4.

Соколова О. Ю. Выставки: «Древний город Нимфей» // СГЭ. 2003. Вып. 60. С. 158–159.

Соколова О. Ю. Исследования Нимфея в 2002 г. // ОАС. 2002 г. 2003. С. 36–41.

Соколова О. Ю. Научные заседания и конференции: Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья // СГЭ. 2003. Вып. 60. С. 228–229.

Соколова О. Ю. Нимфей. Керчь, 2003 (листовка).

Соколова О. Ю. Нимфейская экспедиция в 2001–2002 гг. // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. К., 2003. С. 264–265.

Соколова О. Ю. Полевые сезоны 1998–2000 гг. Нимфейская экспедиция // СГЭ. 2003. Вып. 60. С. 119–121.

Суриков И. Е. Нимфей и Афинский монетный декрет // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конф.: Тез. докл. и сообщений. СПб., 2003. С. 11–18.

- Хербих Т.* Геофизические исследования на городище Нимфей в 1993 г. // Материалы Нимфейской экспедиции. СПб., 2003. Вып. 1. С. 44–45.
- Sokolova O. Yu.* Nymphaeum // Ancient Greek colonies in the Black Sea. Publications of the Archaeological Institute of Northern Greece. Thessaloniki, 2003. Vol. II. № 4. P. 759–802.

2004

- Арсентьева Е. И.* Алтарь из Нимфея. Попытка реконструкции // СГЭ. 2004. Вып. 61. С. 54–60.
- Жижина Н. К., Зуев В. Ю., Калашиник Ю. П.* К юбилею Нины Залмановны Куниной // БФ. 2004. Т. I. С. III–X.
- Журавлёв Д. В.* Ολίβοϛ из Пантикапея или ещё раз об интимной жизни в античном Северном Причерноморье // ДБ. 2004. Т. 7. С. 129–149.
- Зинько В. Н.* Проблемы датировки ранних поселений хоры Пантикапея и Нимфея // БФ. 2004. Т. I. С. 14–20.
- Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю., Зинько А. В.* Исследования хоры Нимфея и городища Тиритака // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. К., 2004. С. 129–133.
- Зинько В. Н., Тохтасьев С. Р.* Эпитафия Гефестиона из Нимфея // БИ. 2004. Вып. VII. С. 112–124.
- Зуев В. Ю.* Материалы к библиографии Нины Залмановны (Питкиной) Куниной // БФ. 2004. Т. I. С. X–XVI.
- Ильина Ю. И.* О. Я. Неверову – 70 лет. Приветствие юбиляру // БФ. 2004. Т. II. С. I–VII.
- Ильина Ю. И.* Материалы к библиографии О. Я. Неверова // БФ. 2004. Т. II. С. VII–XXIV.
- Корпус Боспорских надписей: Альбом иллюстраций. СПб., 2004. Кат. 911–937. С. 377–378.
- Кунина Н. З.* Античное стекло. In Vrevi. СПб., 2004. С. 28–29.
- Кунина Н. З.* Миниатюрный скульптурный портрет императрицы Ливии из боспорского города Нимфея // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего colloquium (с международным участием) ООМИИ им. М. А. Врубеля. Омск, 2004. С. 58–61.
- Мирмекийский клад. Новые открытия на Боспоре Эрмитажной археологической экспедиции: Каталог выставки. СПб., 2004. С. 20, 80. Кат. № 100.
- Намойлик А. С.* Граффити из раскопок Нимфея (1939–1991 гг.) в собрании Государственного Эрмитажа // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской междунар. науч. конф. (12–16 сентября 2004 г.). К.; Судак, 2004. Ч. I. С. 86–94.
- Неверов О. Я.* Боспорский город Нимфей и Эрмитаж // Эрмитаж. Журнал. СПб., 2004. № 1. С. 69–70 (с паралл. изд. на англ. яз.).
- Санжаровец В. Ф.* Историческая и современная топонимия северо-восточных и южных окраин города Керчи // На Керченском плацдарме.

- К 60-летию освобождения Керчи: Сб. науч. статей. Керчь, 2004. С. 184–215. Военно-исторические чтения. Вып. 2.
- Сенаторов С. Н.* Лепная керамика айвазовского типа второй половины VI – начала III в. до н.э. из Нимфея // БФ. 2004. Т. I. С. 148–151.
- Соколова О. Ю.* Керамический комплекс из нимфейской винодельни № 4 (раскопки 1985 г.) // БФ. 2004. Т. I. С. 142–148.
- Соколова О. Ю.* Комплекс находок эллинистического времени из Нимфея (раскопки 1984 года) // Эллинистические штудии в Эрмитаже: Сб. статей. К шестидесятилетию М. Б. Пиотровского. СПб., 2004. С. 175–185.
- Соколова О. Ю.* Лучшие находки из Нимфея за десять лет // СГЭ. 2004. Вып. 62. С. 91–96.
- Соколова О. Ю.* Нимфей // Исторический и зелёный туризм в Восточном Крыму: Материалы научно-практ. конф. Керчь, 2004. С. 113–121.
- Соколова О. Ю.* Нимфей. Тиритака. Мирмекий. Порфмий. Китей // *Катюшин Е. А., Крыжицкий С. Д., Кутайсов В. А., Марченко Л. В., Николаенко Г. М., Новиченкова Н. Г., Самойлова Т. Д., Соколова О. Ю., Толстиков В. П.* Античные памятники Крыма. К., 2004. С. 89–134.
- Соколова О. Ю.* Нимфейская экспедиция в 2003 г. // Археологические экспедиции за 2003 год: Сб. докл. СПб., 2004. С. 106–113.
- Соколова О. Ю.* О фортификационных сооружениях Нимфея // В БЧ. 2004. С. 329–332.
- Соколова О. Ю.* Полевые сезоны 2001–2002 годов. Нимфейская археологическая экспедиция // СГЭ. 2004. Вып. 61. С. 107–109.
- Сударев Н. И.* Кремация на Боспоре в VI–II вв. до н.э. Типы и хронология // БФ. 2004. Т. I. С. 208–219.
- Сударев Н. И.* Погребения с элементами скорченности костяка в некрополях Боспора VI–II вв. до н.э. // ДБ. 2004. Т. 7. С. 332, 334, 335, 337–339. Табл. 1; 2.
- Суриков И. Е.* Древнегреческие монеты с легендой ΣΑΜΜΑ: к оценке хода дискуссии // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 316–317.
- Суриков И. Е.* ΣΑΜΜΑ: к оценке хода дискуссии // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конф.: Тез. докл. и сообщений. М., 2004. С. 26.
- Тереженко А. Е.* Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI–V вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. 24 с.
- Тереженко А. Е.* О времени нимфейской чеканки // БФ. 2004. Т. II. С. 184–189.
- Чистов Д. Е.* Саламанка: Нимфей. Греческий город на краю Ойкумены // СГЭ. 2004. Вып. 59. С. 195.
- Kalashnik Yu. P.* Greek Gold. From the Treasure rooms of the Hermitage. Hermitage Amsterdam, 2004. P. 35, 40–41, 80. Cat. № 10; 15; 48.
- Kalashnik Yu. P.* Greeks in the Northern Black Sea Region // Μουσείο Ερμιταζ της αγιασ Πετροπολησ. Οι Ελληνικοι Θησαυροι. Αθηνα. Εφεσσος, 2004. P. 93, 123, 134, 188.

2005

- Болдырев С. И.* Кто чеканил монеты SAMMA? // БФ. 2005. С. 375–378.
- Жижина Н. К.* Четыре гипсовые аппликации I–II вв. из раскопок Нимфея // СГЭ. 2005. Вып. 63. С. 77–82.
- Зинько В. Н.* Кризис хоры городов западного побережья Боспора Киммерийского в последней трети IV в. до н.э. // VI БЧ. 2005. С. 111–116.
- Зинько В. Н.* Население хоры полисов западного побережья Боспора Киммерийского в VI–I вв. до н.э. // БИ. 2005. Вып. IX. С. 22–42.
- Музы и маски. Театр и музыка в античности. Античный мир на петербургской сцене: Каталог выставки. СПб., 2005. Кат. № 96, 164.
- Смекалова Т. Н., Смекалова С. Л., Иванов И. И.* Попытка реконструкции системы клеров городов Европейского Боспора по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок // VI БЧ. 2005. С. 257–269.
- Сенаторов С. Н.* К вопросу о происхождении Восточно-Крымской керамики айвазовского типа // БФ. 2005. С. 293–299.
- Соколова О. Ю.* В. Ф. Гайдукевич и исследования Нимфея // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья: Материалы науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения В. Ф. Гайдукевича. СПб., 7–8 апреля 2005 г. СПб., 2005. С. 51–54.
- Соколова О. Ю.* Нимфейская экспедиция в 2003–2004 г. // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. К.; Запоріжжя, 2005. С. 281–282.
- Соколова О. Ю.* Нимфейская экспедиция в 2004 г. // Археологические экспедиции за 2004 год: Сб. докл. СПб., 2005. С. 111–114.
- Соколова О. Ю.* Полевой сезон 2003. Нимфейская экспедиция // СГЭ. 2005. Вып. 63. С. 139–138.
- Karageorghis V. et al.* Ancient Cypriote art in Russian museums. Nicosia, 2005. P. 126–127. Cat. N 52.
- Sokolova O. Yu.* The fortification system of Nymphaeum // The Black Sea Area and its Relationship with Ancient Central and Eastern Europe (1st Millennium BC – 5th Century AD). Third International Congress on Black Sea Antiquities (Pontic Congress). Prague, 11–18 September 2005. Preliminary Program: Abstracts of Papers and Posters. Prague, 2005. P. 71–72.
- Sokolova O. Yu.* Nymphaeum archaeological expedition of State Hermitage Museum // Hyperboreus. 2005. T. XI. Fasc. 2. P. 298–301.

2006

- Завойкин А. А.* Об институте династических имен Спартокидов // ДБ. 2006. Т. 10. С. 214–262.
- Зинько В. Н.* Постройки VI–V вв. до н.э. полисной хоры европейского Боспора // VII БЧ. 2006. С. 133–143
- Зинько В. Н.* Хора городов европейского побережья Боспора киммерийского в III–II вв. до н.э. // БИ. 2006. Вып. X. С. 61–79.
- Зинько В. Н.* Хора полисов Боспора и кризисные ситуации VII–V вв. до н.э. // БИ. 2006. Вып. XI. С. 3–28.

- Кунина Н. З. Стекланный кувшин IV в. н.э. из некрополя Нимфея // БИ. 2006. Вып. XI. С. 196–200.
- Санжаровец В. Ф., Стародубцев В. М. Топонимы крепости Керчь и её окрестностей // Науч. сб. Керченского заповедника: К 180-летию Керченского Музея Древностей. Керчь, 2006. Вып. 1. С. 297–323.
- Смекалова Т. Н. Сравнение ортогональных систем размежевания земель на Европейском Боспоре и в Херсонесе (Тарханкутский п-ов) // ДБ. 2006. Т. 10. С. 389–415.
- Смекалова Т. Н., Смекалов С. Л. Попытка реконструкции системы дорог и клеров городов европейского Боспора (по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок) // БИ. 2006. Вып. X. С. 27–60.
- Соколова О. Ю. О культе Диониса в Нимфее // VII БЧ. 2006. С. 261–264.
- Соколова О. Ю. Полевой сезон 2004. Нимфейская археологическая экспедиция // СГЭ. 2006. Вып. 64. С. 67–72.
- Тохтасьев С. Р. К политической истории Боспора III в. до н.э. // ДБ. 2006. Т. 10. С. 416–428.
- Тохтасьев С. Р. Новые материалы по истории койне // ИЯКФ: Материалы междунар. конф. 19–21 июня 2006. СПб., 2006. X. С. 294–305.
- Трейстер М. Ю. Гарнитура украшений из погребения № 1 Старшего Трёхбратнего кургана // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.): Материалы междунар. науч. конф. Тамань (Россия), октябрь 2000 г. СПб., 2006. С. 164–190.
- Dupont P. Amphores «samiennes» archaïques de Mer Noire (approche archéométrique) // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.): Материалы междунар. науч. конф. Тамань (Россия), октябрь 2000 г. СПб., 2006. С. 64–75.

2007

- Александр Великий. Путь на Восток: Каталог выставки. СПб., 2007. С. 195. Кат. № 178.
- Аромат древности: Каталог выставки. СПб., 2007. С. 95, 130. Кат. № 36, 66.
- Боги на монетах. Древняя Греция. Рим. Византия: Каталог выставки. СПб., 2007. С. 235. Кат. № 312.
- Гаврилюк Н. А., Соколова О. Ю. Лепная керамика Нимфея // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. Запорожье, 2007. С. 258–342.
- Данильченко С. А. Чернолаковый кратер из святилища Деметры // БФ. 2007. Т. 1. С. 124–126.
- Журавлев Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л. Светильники VI – первой половины III в. до н.э. Коллекция светильников. К., 2007. Т. I. С. 34, 35, 38, 39, 53, 63, 68, 77, 79, 80, 86, 98, 99, 112, 133, 139, 143, 146, 149, 155, 160–164, 183, 184. Кат. № 6, 9, 18, 19, 61, 62, 84, 95, 114, 120–122, 124, 140, 164, 168, 193, 249, 263, 264, 276, 283, 284, 289, 290, 303, 317, 320, 321, 324–326, 387–390.

- Мельников О. Н. Нимфей, скифский вождь Самма(...) и две измены Гилона // БФ. 2007. Т. 2. С. 331–337.
- Намойлик А. С. Граффити на чернолаковой керамике из святилища Деметры в Нимфее // БФ. 2007. Т. 2. С. 317–325.
- Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage. Los Angeles, 2007. P. 59, 134–136, 156, 175–179, 187–188, 198, 202–203, 204–205. Cat. Nos. 42, 62, 78–80, 86, 101, 102, 103a, 103b. Ill. 7, 2a, 3a; 97b.
- Sokolova O. Y. City of Nymphaeu: Excavation Results (1991–2000) // Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th–1st Centuries BC: Proceedings of the International Conference. October 2000, Taman, Russia. 2007. P. 113–116. BAR. International Series. № 1729.

2008

- Ганимед с орлом. Искусство двухфигурной композиции: Каталог выставки. СПб., 2008. С. 177. Кат. № 98.
- Соколова О. Ю. Греческие города Керченского полуострова // Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. III: Северное Причерноморье: пространство взаимодействия цивилизаций. М., 2008 С. 341–370.

2009

- Античная архитектура. Лапидарная коллекция. К., 2009. Т. IV. Кн. 1. С. 55–56, 66, 83, 127. Кат. № 31–33, 43, 59, 110.
- Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым. В 6-ти томах. Париж, 1843. Т. 5, 6. Симферополь, 2009. С. 5–67.
- Море и мореходство в античной культуре: Каталог выставки. СПб., 2009. С. 99, 104, 107, 109, 113. Кат. № 18, 124, 125, 130, 132–137, 150, 151.
- Строкин В. Л. Нимфей – Самма? – Нимфей // ДБ. Т. 13. 2009. С. 359–392.
- Petrakova A. Russia The State Hermitage Museum. St. Petersburg. Fasc. X. Attic Black-figure drinking cups. Part III. Roma, 2009. P. 12–13, 17, 18–19, 20–23, 25–26, 28, 31. Pl. 2, 1; 4, 3; 5, 4, 5; 6, 2, 7; 7, 1–4; 8, 2; 10, 2; 11, 2; 12, 11–12; 14, 1, 4; 16, 1, 2, 6, 8, 9; 17, 5, 7; 19, 6. CVA. Fasc. XVIII.

2010

- Журавлев Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л. Светильники второй половины III в. до н.э. – IV в. н.э.: Импортные эллинистические светильники. Боспорские светильники эллинистического и римского времени. Коллекция светильников. К., 2010. Т. II. С. 28, 42, 47, 48, 67, 71–73, 75, 76, 86, 89, 91, 92, 102–104, 149, 154, 184, 185, 189, 190, 199, 206, 246, 250, 258, 259, 261, 266, 267, 270, 271, 303. Кат. № 418, 439, 445, 447, 491, 504–507, 510, 514, 519, 543, 553, 556–559, 587, 588, 590, 682, 689, 746–748, 755, 759, 778, 791, 883, 889, 908, 909, 917, 925, 927, 931, 934, 1014.

- Намойлик А. С.* Граффити на амфорах из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа // ДБ. Т. 14. 2010. С. 397–450.
- Паруса Элады.* Мореходство в античном мире: Каталог выставки. СПб., 2010. С. 34, 88–89, 221, 224–225, 228–229, 230–231, 233–235, 248–249, 252, 253. Кат. № 17, 18, 138, 139, 143, 145–148, 150–154, 167, 170, 171.
- Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. СПб., 2010. Т. I. С. 256–257, 304–306; 346–348. Прим. 140–159. Т. II. С. 210–213. Рис. 488–498.
- Соколова О. Ю.* Античный город Нимфей // *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. СПб., 2010. Т. I. С. 470–485.
- Стеклянная феерия.* Античное стекло в Эрмитаже: Каталог выставки. СПб., 2010. С. 78, 115, 120, 195, 218, 221, 239, 258. Кат. № 65, 103, 106, 176, 197, 203, 225, 242.
- Суриков И. Е.* ΣΑΜΜΑ: о нескольких новых гипотезах // ДБ. 2010. Т. 14. С. 468–483.
- The Immortal Alexander Great. The Myth. The Reality. His Journey. His Legacy.* Hermitage Amsterdam, 2010. P. 155. Cat. 122.

2011

- Зинько В. Н.* Греки и варвары на берегах пра-Чурбашского залива в VI–V вв. до н.э. // XII БЧ. 2011. С. 133–139.
- Кучеревская Н. Л., Соколова О. Ю.* Плита с тамгообразными знаками из Нимфея // XII БЧ. 2011. С. 218–223.
- Шестаков С. А.* Охранные раскопки и наблюдения в Эльтигене // Науч. сб. Керченского заповедника. Симферополь, 2011. Вып. III. С. 287–301.

II БОСПОР И ЕГО ПЕРИФЕРИЯ

А. А. Масленников

О боспорской государственности⁵

Есть понятия, представления или некие иные исторические реконструкции, которые как бы настолько очевидны, привычны и общеприняты, что над их содержанием обычно не задумываются вовсе или задумываются крайне мало и редко. В приснопамятную социалистическую эпоху так, по поводу и без повода, обстояло дело с цитатами классиков известной идеологии. В науке же вообще нередко нечто похожее – естественный для процесса познания этап закрепления полученных знаний, на завершающей стадии превращается иногда в то, что мы обычно называем догматизмом. Но бывает, что просто однажды неосторожно или случайно сказанное – накрепко, как живучий «штамп», входит в научный оборот, продолжая существовать уже как абсолютно естественная, не требующая доказательств или удобная своей абстракцией истина. Хорошо, если только абстрактная, а не ошибочная. Думается, примеры такого рода имеются в самых разных научных дисциплинах. В «нашем же случае» позволю себе усомниться в термине, устоявшемся среди антиковедов, а точнее тех, кто занимается античным Боспором. Речь пойдёт об определении «греко-варварское боспорское государство».

Трудно сказать (да и недосуг выяснять), кто первый использовал это ставшее потом чрезвычайно расхожим словосочетание. Во всяком случае, мы встречаемся с ним в научных и популярных работах, по крайней мере, трёх-четырёх поколений отечественных (и не только) историков и археологов. И многие – наверняка пользуются им как бы а priori, совершенно не задумываясь. А между тем, на наш взгляд, делают это напрасно. И ежели всё-таки таким вопросом задаются, то этот термин понимается обычно двояко. В широком смысле, в нём видят симбиоз двух основных этнокультурных компонентов. В узком – собственно, некую особую форму государственности (или ещё уже – государственной власти), существовавшую в определённых исторических условиях на конкретной территории. Но так ли всё это, исходя из современного (читай – с учётом современной фактологии, а вовсе не претензий автора на оригинальность)

⁵ Тезисы подготовлены в рамках работ по проекту РГНФ №10-01-00161а «Античный Боспор и археология: историко-культурные реконструкции на археологическом материале».

видения соответствующих явлений и процессов в этом отдалённом уголке античной Ойкумены?

Сначала обратимся к «широкому» варианту толкования. Здесь наша задача в значительной степени облегчена. Совершенно случайно получилось так, что именно вопросы местного культурогенеза в его археологических проявлениях автор (насколько позволяли его ограниченные знания и более чем скромные способности) постарался осветить в двух предшествующих докладах и тезисах, подготовленных для конференций и чтений, уже состоявшихся в этом году. Если резюмировать их очень кратко, то выводы эти таковы: как и почти всякий конкретно-исторический пример культуры в её самом широком смысле (толковании), культура Боспора была многообразной, саморазвивающейся, контактирующей. Анализ всех её возможных составляющих убеждает нас, что это был вполне обычный вариант окраинного античного (греческого, эллинистического или римско-провинциального) культурного «пространства». О всякой конкретике и степени влияния разного рода варварских компонентов можно говорить не в большей мере, чем применительно к любому другому аналогичному региону античного мира. Иными словами, примеров какого-то действительно выдающегося, совершенно уникального греко-варварского культурного симбиоза мы на Боспоре не наблюдаем. Приоритет античных норм, традиций, установлений, представлений и институтов в самых разных областях духовной и материальной культур сохранялся вплоть до конца существования самого этого государства. И в этом плане говорить об особом греко-варварском характере Боспорского царства (и тем более об относительно непродолжительном периоде до образования ононого) оснований не больше, чем для любого его античного соседа по северопричерноморской или иной «окраине». (Эволюция взглядов на данную проблему, безусловно, достойна историографических изысканий. Но это – уже отдельная тема.)

Второй, «узкий» вариант трактовки вообще, как нам представляется, ещё категоричнее. В самом деле, «государственность», по видимому, явление (и, соответственно, понятие) несколько более ограниченное, нежели «цивилизация». А последняя – лишь этап развития «нечто» ещё более широкого – мировой человеческой культуры. При всём многообразии определений считается, что основными признаками цивилизации являются: наличие письменности (как универсальной коллективной памяти и инструмента управления); высокий уровень опыта организации регулярных работ значительных коллективов, предполагающий закрепившееся на практике общественное разделение труда и соответствующий управленческий аппарат; устойчивая социальная стратификация общества, и отвечающие ей формы политической (властной) организации и общественного

сознания. (Разумеется, автор не философ и далеко не специалист в области истории науки. И, здесь, как и в других примерах такого рода «обобщений», наверняка в чём-то неправ или ограничен. Но мы сознательно не приводим ссылок хотя бы на энциклопедические словари. Ведь, в конце концов, каждый вправе подумать на эти «высокие» темы и сам. У нас же теперь нет обязательно цитируемых классиков, хотя знакомство с ними небезынтересно, полезно, а то и необходимо.)

Государство (государственность) это ... да, пожалуй, известную ленинскую фразу не обойдешь! Как бы её не перефразировали и не переосмыслили, мы постоянно и, так сказать, на личном опыте убеждаемся, что её суть верна и неизменна. Так или иначе, при всём разнообразии конкретных проявлений, это особая, оптимальная для данного времени и места форма организации (общественного устройства) классового (сословно-стратифицированного) общества. «Государство появляется там и тогда, где и когда ...» И ещё: это более или менее устойчивый, закреплённый законодательно, идеологически и специальными структурами порядок соотношения общественных и личных интересов, свобод и ограничений. (То есть почти цитируя не менее известное определение: «общественный», но не всегда «договор».) Уместования на эту тему можно было бы продолжать, но в данном случае это неуместно. Так или иначе, но все согласятся с главным: государственность – определённый этап развития некоторых исторических обществ. Или, если более прямо, – этносов. И последнее совсем немаловажно. Как известно, практически все государства древности полиэтничны. Но значит ли это, что все этносы стояли у истоков каждой конкретной «государственности»? Как правило (а может быть и вообще исключительно), государства возникали благодаря мощному «импульсу» из какого-то одного центра, какого-то одного этноса. Как бы ни была сложна сама по себе проблема соотношения этноса и государства, в нашем конкретном случае её решение однозначно. Боспорское государство появилось вследствие колонизации греками данной территории. Никакого иного государства здесь, да и по соседству не было ни в тот момент, ни столетиями позднее, как бы мы не определяли уровень развития сопредельных с ним варварских народов (этносов). Это (Боспор) был изначально локальный вариант (один из вариантов?) пришлой, т. е. античной цивилизации. Формы же этой государственности и режимы власти, как мы знаем, были различными (полисы, тирании, союзы полисов, монархия протоэллинистического, эллинистического или вассальная монархия позднеэллинистического типа). (Вряд ли Боспор в IV–VI вв. н.э. был неким подобием варварских королевств в западной Европе. Впрочем, при гуннах, на рубеже V–VI вв., так сказать, между Диуптуном и Юстином I или Юстинианом ... может быть.)

Никаких иных кроме античных признаков или черт государственности на Боспоре не засвидетельствовано. Но не менее, если не более важно, – и рядом с ним тоже. Да и то дело. Варварский мир по соседству был неоднородным, а главное, непостоянным. И то и другое пояснять, думаю, излишне. Главное другое. Что бы ни писалось и ни говорилось в разное время относительно уровня социально-экономического развития этих сопредельных народов, нет ничего, что безусловно свидетельствовало бы о достижении ими этапа хотя бы самой ранней государственности. Не считать же, в самом деле, таковым признаком упоминания некоторых античных авторов и эпиграфических документов о скифских, сарматских и синдских «царях» и даже их именах. Разумеется, на сей счёт существуют и иные точки зрения, предполагающие наличие государства у царских и тем более т. н. поздних скифов и синдов. Но даже если последние и располагали своими столицами с дворцами, мавзолеями, оборонительными сооружениями и ремесленными мастерскими (Неаполь, «Старополь» и Лабрит?), не забудем, что всё или почти всё это были «реплики» античного происхождения. И тут скорее следует говорить об варварско-греческом подобии государств, поставив последнее слово в неизбежные кавычки. Ну что, скажите, могли принести варвары и перенять или принять греки в смысле государственных институтов и традиций, не говоря уже о таком неременном признаке государственности, как письменность! Ведь даже в первых веках нашей эры, о которых не так давно принято было писать как о времени сарматизации, на Боспоре требовался аланский переводчик!

Как известно, конкретно-исторические типы государственности зависят, главным образом, от двух важнейших «факторов»: той или иной социальной структуры общества и той или иной формы собственности. И то и другое предполагает наличие как доминирующих, господствующих соответствующих «компонентов», так как бы и не основных. И с этой точки зрения наши поиски на Боспоре неких социально-сословных групп и форм собственнических отношений не приведут далее общих утверждений о вероятном наличии на части сельской территории неких общинных институтов и даже зон общинного землевладения. Но ведь всё это вовсе не противоречит и собственно античной «практике». Инкорпорация чисто варварских сельских общин в соответствующие боспорские «структуры» теоретически возможна и даже, не исключено, временами имела место. Но насколько это обстоятельство было решающим или вообще что-то значило в условиях политического господства иного этноса и иного способа хозяйствования? Думается, сомнительно.

Совершенно особый «разговор» – полиэтничный состав населения. Это представляется действительно бесспорным. Но в каком из известных нам античных государств в этом отношении всё обстояло

иначе? И неэллинское происхождение части местной, в данном случае боспорской элиты и даже правящего «дома» (своего рода «варяги», например, как считают некоторые исследователи: Спарток, Асандр, Фофорс и Диуптун), ничего не меняет в плане истоков существенных признаков государственности. Скорее наоборот, ирано-фракийские и негреческие имена боспорских правителей только подтверждают известную поговорку об отсутствии пророков в своём отечестве. Так что, если упомянутое словосочетание и уместно, то только в данном контексте. Да и то дело! Что все эти варвары могли принести в античный мир, кроме некоторых черт гораздо более простого (если не сказать убогого) быта, довольно примитивных хозяйственных навыков, стадиально отсталых (хотя порой и весьма сложных) религиозно-мифологических представлений и столь же «вчерашней» социальной организации. Разве только военные навыки и элементы вооружения, да рабочие руки. Но первые, как мы знаем, супротив «правильного строя» (пока этот строй сохранялся) «пасовали», а вторые – В производстве материальных благ в целом они использовались, но вот – культурных ценностей – вряд ли.

Полагаю, автор не сказал выше ничего нового. Разве только как бы подвёл некоторые итоги, да и то не всегда убедительно. Но с «мифами» время от времени приходится расставаться.

В. В. Вахонеев

Первые греческие колонисты на Боспоре Киммерийском

Изучение процесса Великой греческой колонизации является одной из фундаментальных проблем антиковедения. В течение более ста лет она продолжает привлекать внимание историков и археологов. Однако приходится согласиться, что многие вопросы, связанные этой проблематикой или вообще не раскрыты, или являются слишком спорными. Следует также отметить, что, несмотря на то что исследованиям истории и археологии Боспора посвящены сотни монографий, ни в одной из них вопросу колонизации региона не уделено должного внимания. Актуальность данной проблематики в последнее время ещё более повысилась в связи с появлением новых археологических материалов, которые за последнее десятилетие существенно увеличили наши знания о колонизационном периоде. Порою исследователи пытаются обратиться к этой проблеме на конференциях, однако большинство статей носит довольно общий характер, что не приводит, за редким исключением, к пересмотру концепций освоения побережий Боспора Киммерийского, высказанных 50 лет назад.

«Колонизация» региона не была единомоментным явлением, этот процесс растянулся во времени, что необходимо учитывать при

построении любых гипотез. Детальное изучение всего комплекса источников позволяет говорить о четырёх основных этапах освоения района (по В. Д. Кузнецову и Г. А. Кошеленко): предварительный этап – до начала VI в. до н.э. (ознакомление с регионом, основание Таганрогского поселения и, возможно, Анапского); 590–560 гг. до н.э. (первая «массовая» волна, основание большинства поселений); 540-е гг. до н.э. (основание Фанагории) и 490-е гг. до н.э. (массовое освоение хоры) (Кошеленко, Кузнецов. 1996). Как кажется, эти этапы отличаются друг от друга не только хронологически, но и по другим причинам.

К сожалению, сегодня мы мало что знаем о Таганрогском поселении в связи с тем, что оно было практически полностью уничтожено. Большинство исследователей склонны сравнивать его с Березанским поселением (справедливости ради необходимо отметить, что в этот же период возникает и Истрия): они основаны примерно в один хронологический период, и, возможно, цели основания были схожи (поиск металлов, менее вероятно, что и торговые связи). Интересно отметить, что все эти три поселения (Истрия, Борисфен и Таганрогское) были основаны в устьях наиболее крупных речных магистралей Геродотовой Скифии – Истра, Борисфена и Танаиса. Однако материалы лесостепи не показывают картину оживлённой торговли (Бутягин. 2009. С. 62), а если импорт туда и поступал, то, очевидно, с Березанского поселения (Vachtina. 2005. P. 35).

Причины появления греков в период второго этапа освоения, также как и их политический статус, гораздо чаще подвергались рассмотрению разными исследователями. Все выводы достаточно гипотетичны, но наряду с этим не приходится ожидать появления новых данных (напр., эпиграфических документов), которые пролили бы свет на проблему.

Неоспоримым оказывается факт, что все основанные в первой половине VI в. до н.э. поселения являлись крайне немногочисленными, к тому же и внешний их облик был достаточно примитивным. В своё время это привело к заключению о том, что большинство этих поселений были результатом внутренней «колонизации», проведённой более развитыми полисами для освоения и защиты хоры. Однако внешний облик тех же самых «более развитых» полисов практически ничем не отличался от остальных (разве что географическая позиция Пантикапея, основанного на высоком холме, была более выгодной).

Традиционно считается, что первой была основана в 590-е гг. до н.э. будущая столица Боспора – Пантикапей. В дальнейшем появляются другие греческие апойки: Мирмекий, Тиритака, Нимфей, Гермонасса, Патрей, Кепы, т. н. Торик и то поселение, которое в настоящее время разрушено морем и от которого сохранился лишь т. н. Тузлинский некрополь. Все они возникают, как показывает керамический

материал, на рубеже первой – второй четвертей VI в. до н.э. Однако интересно отметить, что за весь период многолетних исследований на территории Боспора не открыто ни одного жилого комплекса первых поселенцев первой половины VI в. до н.э. Первые, надёжно зафиксированы жилища сегодня датируются временем не раньше середины VI в. до н.э. Для этого времени ранняя керамика обнаружена в ямах-западинах и в слоях поселений. Открытые в Пантикапее, Нимфее и Мирмекии заглубленные комплексы – землянки и полуземлянки – относятся к середине – третьей четверти VI в. до н.э.

Вероятно, в ближайшем будущем может быть вновь реабилитирована гипотеза о том, что первоначально несколько десятков лет первой половины VI в. до н.э. эти посёлки являлись сезонными (Ростовцев. 1918. С. 77–78). Этим можно объяснить их немногочисленность и примитивностью облика. Только с этой точки зрения можно доказать недавно выдвинутую идею А. М. Бутягина об изначальном политическом устройстве боспорских поселений. По мнению исследователя, в то время, когда греческие колонисты на берегах Боспора составляли небольшие группы населения, не представлявшие на первом этапе основы для гражданской общины, эти поселенцы сохраняли за собой гражданство метрополии (Бутягин. 2009. С. 61). Появляется закономерный вопрос: что могло привлечь греков и побудить их основать сезонные стоянки в данном регионе? Очевидно, ответ следует искать в природных богатствах края, в первую очередь рыбных. Именно тут можно было выловить достаточно редкие для Средиземноморья виды пресноводных рыб (прежде всего осетровых, а также тунца и пеламиду). Не случайно название будущей столицы переводится как «рыбный путь», а на её монетах классического периода имелись изображения белуги, севрюги и осетра (Stolba. 2005. P. 122–123. Fig. 3).

С середины столетия отмечается появление первых стационарных жилищных комплексов, а иногда и фортификационных сооружений на боспорских поселениях (Мирмекий, Порфмий). Можно предположить, что вследствие экономических и социальных проблем, с которыми столкнулись малоазийские полисы, они вынуждены были в данный период основывать новые апойкии. Детальное рассмотрение ситуации в метрополиях достаточно правдоподобно свидетельствует о необходимости проведения процесса выселения части населения вследствие ограниченности хоры – точнее, её насильственного ограничения. Район Боспора Киммерийского для этих целей подходил лучше всего: давно разведанная территория, природные богатства, удобные места для создания полноценных апойкий. Тут нельзя не вспомнить свидетельства античных авторов о том, что Милет основал огромное количество апойкий (*Strab.* XIV. 1, 6; *Plin. Nat. Hist.* V. 112; *Sen. Consol. Ad Helv.-sc.* II).

Остановимся на вопросе близкого расположения поселений друг от друга. Несмотря на то что, к примеру, расстояние между Мирмекием и Пантикапеем составляет лишь приблизительно пять-шесть километров (четыре километра по морю), всё же между ними есть существенные естественные границы. Имеется в виду наличие, в первую очередь, реки Мелек-Чесме, которая и сегодня протекает в центре Керчи. В античные времена она имела достаточно большую дельту. Есть свидетельства о том, что ещё в XVIII в. она была пригодной для судоходства. Подобные границы (в виде гряд) существовали и между другими поселениями.

Резюмируя сказанное, отметим, что проблема колонизации Боспора Киммерийского ещё долгое время будет не решена из-за ограниченности источниковой базы. Тем не менее имеющиеся данные позволяют разделить этот процесс на этапы. Для каждого из них были характерны свои причины и специфика освоения территорий. Если на первом этапе основными причинами были поиск металлов и ознакомление с районом, а на втором – вылов ценных видов рыб, то третий связан с основанием полноценных апойкий.

Литература

- Бутягин. 2009 – *Бутягин А. М.* К проблеме освоения Северного Причерноморья // Х БЧ. 2009.
- Кошеленко, Кузнецов. 1996 – *Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д.* Основные проблемы греческой колонизации территории Боспора Киммерийского // *От ελληνες στη μαυρη θαλασσα. Διεθνές αρχαιολογικό συνέδριο. Θεσσαλονίκη*, 1996.
- Ростовцев. 1918 – *Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
- Stolba. 2005 – *Stolba V. F.* Fish and Money: Numismatic Evidence for Black Sea Fishing // *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region*. 2005. BSS. 2.
- Vachtina. 2005 – *Vachtina M. Ju.* Greek Archaic Orientalising Pottery from the Barbarian Sites of the Forest-steppe Zone of the Northern Black Sea Coastal Region // *Ibid*.

В. П. Толстиков

К проблеме «взаимовлияния» эллинской и варварских культур на Боспоре в VI–V вв. до н.э.

Проблема, вынесенная в заголовок доклада, на протяжении многих десятилетий остаётся одной из наиболее дискутируемых в науке. Нет необходимости перечислять все точки зрения, отмечу лишь, что, насколько можно судить, сегодня всё меньше сторонников имеет теория, согласно которой влияние «варварских» народов на художественную культуру ионийских полисов Северного Причерноморья по силе воздействия и глубине проникновения было сопоставимо с влиянием эллинской культуры на них (Канторович. 2010. С. 289–314).

Говоря кратко, ионийскими колонистами и их потомками на территории Боспора Киммерийского был сформирован локальный вариант эллинской культуры, который, в частности, в области художественной обработки металла и торевтики учитывал особенности мировоззрения, обычаи и верования скифо-меотской элиты. Изделия боспорских мастеров из драгоценных металлов, а именно: декоративные элементы конской упряжи, обкладки ножен мечей, горитов, рельефные чаши и ритоны, пекторали, браслеты, поступавшие в виде даров или по обмену, высоко ценились туземной воинской аристократией, формируя постепенно её новый вкус, служа одним из действенных факторов её эллинизации.

Более того, первоначально развивавшееся по своим законам самобытное и яркое прикладное искусство скифо-меотского мира примерно с V в. до н.э. постепенно попадает под влияние греческого боспорского искусства, отчасти замещается им и ко второй половине III в. до н.э. деградирует и утрачивает свою самобытность.

Из сказанного тем не менее не следует, что автор исключает взаимовлияние двух, сосуществовавших на Боспоре культур – скифо-меотской и эллинской. Вопрос ставится иначе: в каких областях и формах проявлялись и могут быть прослежены эти взаимовлияния?

Нет сомнения в том, что эллинские колонисты на Европейской и Азиатской сторонах Боспора в силу жизненной необходимости достаточно быстро ознакомились с особенностями быта, боевыми приемами, вооружением, обычаями и верованиями туземных обитателей. Одним из наиболее показательных свидетельств тому может служить состав и типология предметов вооружения в греческих погребениях конца VI–V в. до н.э. на Боспоре (Завойкин, Сударев. 2006а; 2006б).

В условиях степного Восточного Крыма и Прикубанья греки, надо полагать, быстро оценили значение и преимущества верховой езды и широкого применения лука и стрел. Эффективная, проверенная временем скифская тактика конного боя и соответствующий комплект вооружения (Мелюкова. 1964; Черненко. 1968) были, очевидно, достаточно рано по достоинству оценены и заимствованы боспорскими греками. Это оказалось тем более возможно, что традиция использования конницы не была чужда и самим ионийским эллинам, имея достаточно долгую историю. В Милете – метрополии большинства боспорских апойкий – в VI в. до н.э. основными противоборствующими внутривосточными силами являлась землевладельческая аристократия и торговая олигархия, представители которой вели между собой жестокую борьбу за власть. Это обстоятельство могло способствовать тому, что, как и в ряде других центров Ионии, конница, формировавшаяся из представителей аристократических родов, сохраняла свои ведущие позиции, а процесс формирования

тяжеловооружённой пехоты и соответственно фаланги был далёк от завершения. Также не надо сбрасывать со счёта мощный «фактор врага», против которого следовало воевать адекватным образом: в течение VII – первой половине VI в. до н.э. Лидийское царство, обладавшее сильной конницей, было главным противником ионийских полисов.

Другим фактором, препятствующим превращению фаланги гоплитов в решающую боевую силу на Боспоре в указанный период, могла быть относительно невысокая численность населения ранних апойкий, что не позволяло формировать достаточно крупные и эффективные фаланги.

Можно полагать, что принесённая переселенцами из Ионии традиция, в соответствии с которой именно коннице, возглавляемой представителями аристократических родов, отводилась ведущая роль в военной системе полиса, нашла на обоих берегах Боспора объективные условия для дальнейшего существования и развития.

Последнее десятилетие VI – начало V в. до н.э. характеризуется периодом интенсивной урбанизации боспорских центров. Фиксируется также приток новых групп переселенцев-эпойков из Ионии, обусловленный, по-видимому, прежде всего трагическими событиями, связанными с подавлением персами Ионийского восстания и разгромом в 494 г. до н.э. Милета. И этот же период отмечен дестабилизацией военно-политической ситуации и серьезными испытаниями для молодых полисов Боспора Киммерийского (Vinogradov. 1980; Толстиков. 1985; Виноградов. 2002).

Источником военной опасности для боспорского эллинизма могли быть новые группы кочевников. Их появление в крымской степи во второй половине VI столетия фиксируется значительным количеством погребений воинов-кочевников с оружием. Исследователи обращают внимание на характерный факт «рассеянности одиночных могил, в которых погребены почти исключительно представители воинского сословия» (Колотухин. 2000).

В заключение я хочу привести ещё одно археологическое свидетельство, полученное в ходе раскопок объединённой российско-украинской Боспорской экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина и ИА НАН Украины⁶ в 2010 г., которое, как мне представляется, имеет непосредственное отношение к заявленной мной теме.

На Новом Верхнем Митридатском раскопе впервые был открыт участок непо потревоженного слоя, площадью около 25 м², надёжно датированного концом VI – первой четвертью V в. до н.э. В нём залегало частично расчленённое конское захоронение, ориентированное по оси З–В (Рис. 2). На грудной части конского костяка *in situ* в определённой

⁶ Руководитель экспедиции с украинской стороны – доктор ист. наук А. В. Буйских.

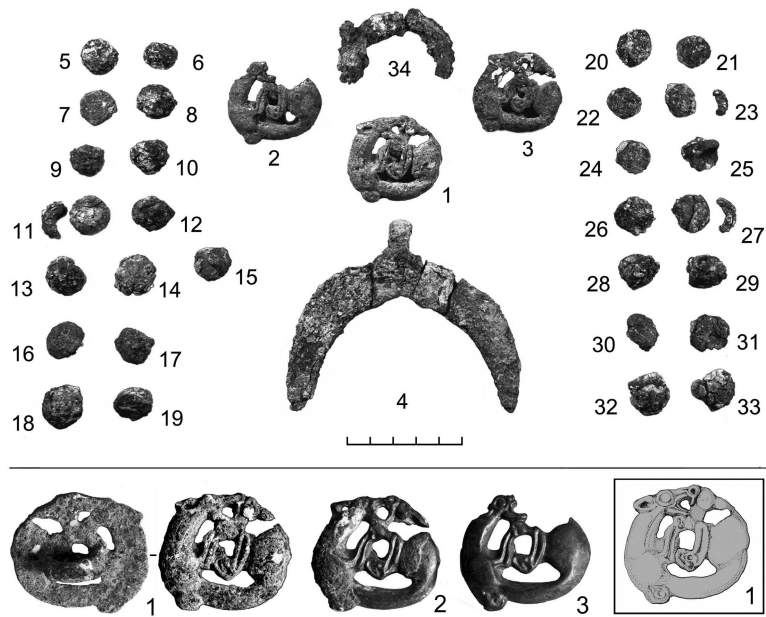

Рис. 1. Пантикапей. Детали сбруи из захоронения коня, внизу – три ажурные бляхи в виде свернувшегося хищника (справа – прорисовка)

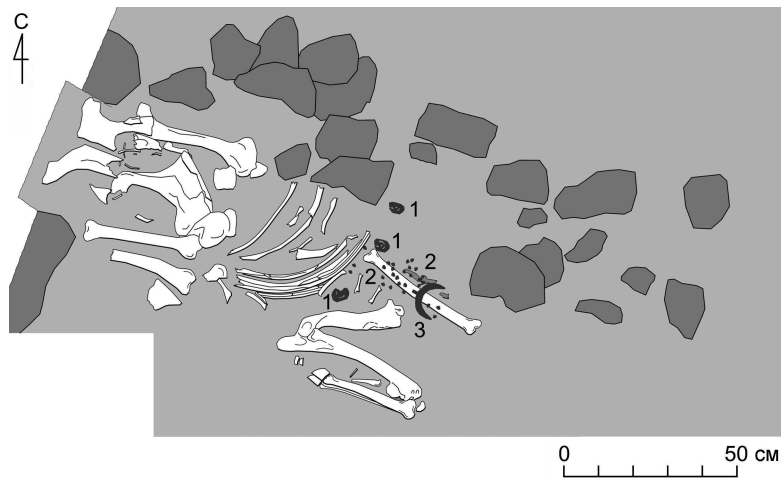

Рис. 2. Пантикапей. Захоронение коня в слое конца VI – начала V в. до н.э.:
1 – ажурные бляхи в виде свернувшегося хищника;
2 – мелкие сферические бляшки; 3 – подвеска-лунница

системе располагались элементы декора нагрудного ремня сбруи (Рис. 1): 29 мелких полусферических бляшек; три крупные, отлитые в форме прорезные бляхи в виде свернувшегося хищника (волка?), с вертикальными петлями на тыльных сторонах; а также большая подвеска-лунница. Речь идёт о бронзовых элементах конской упряжи, выполненных в *скифском зверином стиле*. Непосредственно под остовом коня обнаружены три, врытые в слой горла эолийских амфор, образовывавшие в плане треугольник.

Есть основания полагать, что мы имеем дело с жертвоприношением, со свидетельством некоего магического ритуала, совершённого, и это следует особо подчеркнуть, на главном теменосе Пантикапея – на Верхнем плато его акрополя, в непосредственной близости от главного храма Пантикапейского полиса – периптера Аполлона, алтарей и других сакральных сооружений (Рис. 2).

На мой взгляд, это захоронение частично расчленённой и обезглавленной туши коня *стенной породы с элементами сбруи, оформленной в скифском зверином стиле*, приобретает особый смысл именно в контексте напряжённой военно-политической ситуации, фиксируемой археологически для 90-х – 80-х гг. V в. до н.э. Оно, например, может служить ещё одним свидетельством попытки обитателей Пантикапея противодействовать угрозе со стороны кочевников, в данном случае с помощью некоего магического ритуала.

Литература

- Виноградов. 2002 – Виноградов Ю. А. Особенности и историческое значение объединения Археанактидов на Боспоре Киммерийском // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002.
- Завойкин, Сударев. 2006а – Завойкин А. А., Сударев Н. И. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I // ДБ. 2006. Т. 9.
- Завойкин, Сударев. 2006б – Завойкин А. А., Сударев Н. И. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. II // ДБ. 2006. Т. 10.
- Канторович. 2010 – Канторович А. Р. Меото-скифское искусство Прикубанья // Античное наследие Кубани. М., 2010.
- Колотухин. 2000 – Колотухин В. А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь, 2000.
- Мелюкова. 1964 – Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М., 1964. САИ. Вып. Д1-4.
- Толстиков. 1985 – Толстиков В. П. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1985. № 3.
- Черненко 1968 – Черненко Е. В. Скифский доспех. К., 1968.
- Vinogradov. 1980 – Vinogradov Ju. G. Die historische Entwicklung der Poleis der nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v. Chr. // Chiron. 1980. 10.

Раннебоспорские землянки: свидетельство контактов с местным населением или модификация эллинских традиций?

Изучение вопросов, связанных с межэтническими и межцивилизационными контактами в древности, как правило, усложняется не вполне удовлетворительным состоянием источниковой базы. Разрозненные факты, оказывающиеся в распоряжении учёных, чаще всего допускают различные интерпретации, порой – диаметрально противоположные.

Одной из проблем, дискутирующихся ныне в историографии Боспора, является следующее обстоятельство: большое распространение земляночного и полуземляночного домостроительства на раннем этапе существования греческих колоний в регионе. Лишь через несколько десятилетий после их основания происходит широкий переход к возведению наземных жилых построек. Касательно этиологии феномена на сегодняшний день выявились три основные точки зрения:

1. «...Следует согласиться с теми исследователями, которые видят в земляночном домостроительстве один из феноменов греческой колонизации Северного Причерноморья, объясняя его *влиянием материальной культуры местного населения*». Эллы восприняли «традицию домостроительства *варварских племён Прикубанья...*» (Виноградов. 1995. С. 158–159; курсив здесь и далее мой. – И. С.).

2. «Греческие колонисты приносят с собой *собственную традицию земляночного домостроительства*. Вряд ли можно говорить даже о заимствовании идеи, т. к. грекам, несомненно, было знакомо строительство землянок» (Бутягин. 1999. С. 22–23).

3. «Представляется, что необходимость греков жить на протяжении 70–80 лет в столь некомфортных, малопригодных для них условиях, на которые их обрекают современные исследователи, стала бы веской причиной лишь для того, чтобы признать несостоятельность их колонизационных усилий в данном регионе...» (Завойкин. 2009. С. 186–193).

На последней точке зрения, высказанной совсем недавно, имеет смысл остановиться несколько подробнее. Как видим, А. А. Завойкин в принципе отрицает реальность «земляночного периода». Обосновывает он свою позицию с помощью двух групп аргументов: археологического и общеисторического характера.

На археологических аргументах остановимся лишь вкратце, поскольку сознаю собственную недостаточную компетентность в данной сфере. Однако сразу бросается в глаза вот что. Да, А. А. Завойкину удаётся вполне успешно показать: в ряде случаев то, что принималось исследователями за остатки землянок, в действительности

было ямами, погребами, подвалами и т. п. Но, подчеркнём, именно *в ряде случаев*, а не во всех; таким образом, проблема смягчается, но не снимается, полностью и безоговорочно доказать фиктивность «земляночного периода» не получается. В результате по ходу своего пассажа о землянках (или «землянках») А. А. Завойкин от первоначальных категоричных утверждений переходит уже к более «примирительным» формулировкам, напр.: «...“Наземное домостроительство” в Пантикапее началось не через 70–80 лет после его основания, а значительно раньше <...> И в Тиритакке <...> наземное домостроительство фиксируется <...> лет через 20–30 после того, как она была основана» (Там же. С. 191). Таким образом, речь следует вести уже не о полном отрицании «земляночного периода», а о том, что он: а) не имел абсолютного характера; б) был не столь продолжителен, как ранее представлялось. В этом автор, пожалуй, и прав.

Что же касается общеисторических соображений А. А. Завойкина, он с иронией пишет по поводу доводов сторонников концепции «земляночного периода»: «От этой “закономерности” веет некой мистикой, будто оракул, благословивший колонистов на поиски новой родины, наложил запрет первым двум-тремя поколениям жить в обычных греческих домах... Уклоняясь от обсуждения вопроса, какие, собственно, ресурсы были необходимы для того, чтобы семья могла позволить себе постройку сырцового дома, вынужден заострить внимание лишь на том обстоятельстве, что семьи были разные и по численности, и по достатку даже на первых порах. Следовательно, если только не предполагать какую-то “запрещающую регламентацию” со стороны гражданского коллектива, ничто не мешало бедным жить как им хочется, а другим – обеспечить себе и своей семье привычный образ жизни. Ведь речь идёт не об общественных постройках, а о частном домостроительстве» (Там же. С. 186–187).

В связи с приведёнными суждениями хотелось бы заметить следующее. В том-то всё и дело, что общественные постройки для греков полисной эпохи были приоритетнее частных. Нужно учитывать менталитет эллинов, этих «полисных существ» (пожалуй, именно такой перевод аристотелевского ζῶον πολιτικόν будет корректнее, чем традиционное «политическое животное»), для которых сфера публичного была несравненно важнее, нежели сфера частного.

Несомненно, первое, о чём заботились на новом месте, – нормальное функционирование гражданской и религиозной жизни (для этого нужны были общественные постройки и храмы), второе – безопасность (элементы оборонительных структур), и только в третью очередь думали о комфорте частной жизни. Греки были людьми в целом не изнеженными (это в их среде возникло дожившее до наших дней представление о «восточной роскоши» как чём-то предосудительном), они вполне могли при необходимости на протяжении

десятилетий мыкаться в условиях, которые нам не показались бы человеческими, – лишь бы с полисом было всё в порядке. Это для нас, людей постиндустриальной эпохи, в особенной степени важны такие вещи, как домашний уют, бытовые удобства и т. п., а для грека было значительно важнее, чтобы существовали, скажем, пританей и святилища. Особенно учитывая тот хрестоматийный факт, что у себя дома грек-гражданин проводил меньше времени, чем в центрах гражданской жизни города.

Сказанным объясняется многое: и тот факт, что в Пантикапее, возможно, уже в «земляночный период» возводится на акрополе храм Аполлона (Там же. С. 187. Прим. 35), и то обстоятельство, что в раннем Мирмекии «поселение, состоявшее из комплекса грубых полуземлянок, было укреплено согласно греческим традициям» (Виноградов. 1995. С. 158).

Итак, на наш взгляд, историческую реальность «земляночного периода» (пусть не как общеобязательного, но как достаточно распространённого явления) следует всё-таки признать, вопреки мнению А. А. Завойкина. Другое дело, что продолжительность этого периода, похоже, несколько преувеличена в предшествующей литературе и в действительности составляла не два-три поколения, а одно-два; в этом с А. А. Завойкиным следует согласиться.

Но почему же всё-таки землянки? Как мы видели, Ю. А. Виноградов, вслед за рядом других специалистов, считает возможным говорить о заимствовании идеи у местных варварских племён. Между тем А. М. Бутягин справедливо указывает на ряд принципиальных различий в конструкции греческих и варварских построек интересующего нас типа, прибавляя то не менее резонное соображение, что применительно к таким простейшим строениям, как землянки, вряд ли вообще имеет смысл говорить о заимствовании идеи.

Среди причин первоначального обитания эллинских колонистов в землянках называют, напр., ограниченность экономического и демографического потенциала первопоселенцев, их желание «присмотреться» к малознакомой местности, прежде чем прочно в ней обосновываться, и т. п. Как мне представляется, необходимо уделить должное внимание ещё одному фактору, который до сих пор как-то не принимался в расчёт, а именно фактору климатическому.

Как известно, «нормальный» древнегреческий жилой дом весьма мало приспособлен к такому природному явлению, как длительные холода. В силу ряда своих особенностей он не мог (в отличие, напр., от русской избы или от той же землянки) долго хранить тепло. Да, собственно, греки метрополии и не ощущали в этом особой нужды: сам тип эллинского (и в целом средиземноморского) жилища был порождён весьма мягкими климатическими условиями.

Далее, не менее хорошо известно, что Причерноморье (особенно Северное) воспринималось людьми античности как страна с чудовищно суровым климатом. В связи с этим от времён Геродота до времён Овидия и позже постоянно циркулировали разного рода гиперболизированные рассказы. Не место здесь разбираться, сколько в этих «страшилках» истины, а сколько преувеличений, и в какой мере они отражают реальные условия в регионе. Ясно, во всяком случае, что они запечатлели общераспространённые представления, а только это сейчас для нас и важно.

Зимние холода, несомненно, должны были стать одним из главных «бичей» для греческих колонистов по их прибытии в Понт. От этих холодов нужно было как-то спастись, а привычный для эллинов тип жилища, повторим, такой защиты не обеспечивал. Как ни парадоксально, неказистая землянка лучше выполняла эту функцию, особенно если теплоизоляцию усиливали обмазкой стен и пола, а А. М. Бутягин как раз подчёркивает, что эллинские жилые землянки в Северном Причерноморье, в отличие от заглублённых хозяйственных помещений, имели обмазку (Бутягин. 1999. С. 23).

Надо сказать, что ещё лучшую защиту от холода давали бы бревенчатые постройки, и можно предполагать, что таковые также использовались. Картина «грек в избе» выглядит курьёзом, однако исключать подобные реалии тоже не стоит (разумеется, какие-то археологические следы изба вряд ли оставила бы). Впрочем, ввиду ограниченности лесных ресурсов на Боспоре такой вариант не мог стать основным.

И, наконец, последний вопрос: почему же впоследствии произошел переход от землянок к «нормальным» греческим домам? Как мне представляется, следует говорить о постепенной акклиматизации, после которой понтийские холода не казались уже чрезмерными и не заставляли прятаться от них. Сами колонисты, скорее всего, так и не смогли до своей смерти полноценно акклиматизироваться; совсем другое дело – их дети, которые родились уже в условиях нового климата и для которых он поэтому был привычным и не вызывал дискомфорта. Акклиматизация детей поселенцев была облегчена ещё и генетическим фактором: ведь матерями большинства из них наверняка были местные жительницы (у греков был обычай женщин в колонизационные экспедиции не брать).

Сказанное объясняет разрыв в поколение и больше между основанием боспорских колоний и окончанием «земляночного периода»: последнее могло произойти тогда, когда родившиеся в колониях дети выросли и стали главами ойкосов, а их отцы уже ушли из жизни. Иными словами, боспорское земляночное строительство не имело прямого отношения к влиянию туземцев, а было обусловлено совсем другими причинами.

Литература

- Бутягин. 1999 – *Бутягин А. М.* К вопросу о генезисе земляночного домостроительства в Северном Причерноморье // VI Чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения: Тез. докл. М., 1999.
- Виноградов. 1995 – *Виноградов Ю. А.* Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ. 1995. № 3.
- Завойкин. 2009 – *Завойкин А. А.* О «больших» и «малых» боспорских городах // ДБ. 2009. Т. 13.

С. Ю. Сапрыкин

Боспорские Спартокиды и западнопонтийские города

Из памятников боспорской эпитафии эпохи Спартокидов, т. н. проксений, две позволяют уверенно говорить об отношениях с полисами Западного Причерноморья. При публикации одной из них – проксении Левкона I из Пантикапея – первоиздателя (Виноградов и др. 2002. С. 62–69) не обратили внимания на то, что ателия, проксения и право энктесис даны Левконом, сыном Сатира, и сыновьями Аполлонию, сыну Нумения, гражданину Аполлонии Понтийской. Вторая проксения найдена в Фанагории, но первоиздатель (Яйленко. 2001. С. 474–479; 2010. С. 62–69) не сумел восстановить первые её строчки. В них с достаточной долей уверенности можно прочитать, что проксения, право энктесис и ателия были даны Левконом и Перисадом и Спартоком – сыновьями Левкона, аполлониату Ономарху, сыну (...)⁷.

Внимание Левкона I к Аполлонии Понтийской объяснялось не только коммерческими интересами, в этом был политический расчёт. Между 355–347 гг. до н.э. македонский царь Филипп II укреплял позиции во Фракии, где соперничал с Афинами. Он готовился к войне со скифским царем Атеем, который распространил господство в Подунавье и стал проникать в некоторые районы Фракии. В этот период, как следует из стратегемы Полиена о Мемноне, родосском полководце, изгнанном из Персии по подозрению в заговоре против царя и временно в 353–349 гг. до н.э. находившимся при македонском дворе, появилась угроза войны между ним и боспорским правителем Левконом I. Это могло случиться только при участии Филиппа II, его непосредственного покровителя (*Polyaen.* V. 44). Левкон I имел тесные связи с Афинами и их союзниками в Причерноморье и Эгеиде, установил дружественные отношения со скифами (*Polyaen.* VI. 9. 4) (Яковенко. 1981. С. 257; Шелов-Коведяев. 1985. С. 135; Сапрыкин.

⁷ Подробный анализ и реконструкцию обеих надписей см.: Сапрыкин, Федосеев. 2011/2012.

2004. С. 319, 320). При подготовке к войне с Атеем македонскому царю требовалось обеспечить нейтралитет Боспора и Афин, отношения между которыми были очень тесными (Павленков. 1994. С. 47–49). Для этого Мемнон (и стоящий за ним Филипп II) отправили в Пантикапей посольство с предложением о дружбе и гостеприимстве, но главной их целью было собрать сведения о военном потенциале вероятного противника. Для этого был приглашен известный кифаред Аристоник из Олинфа, который во время выступления в театре боспорской столицы должен был сосчитать возможное количество граждан, способных составить боеспособное войско (Сапрыкин. 2004. С. 320). Распространение македонского господства во Фракии и Подунавье, угроза скифского вторжения заставила Аполлонию Понтийскую и Месембрию, издревле связанных тесными узами с афинянами, установить дружественные отношения с Атеем и Филиппом II. Не имея намерения вступить в конфликт с Македонией и не желая нанести ущерб торговле с Афинами, Левкон решил укрепить связи с Аполлонией, выступившей в качестве посредника между Филиппом II и скифским царем Атеем (*Justin.* IX. 2. 1). Тем самым он избежал вероятной войны. Институт проксении был использован при этом как нельзя кстати: он открывал возможности политического воздействия на местную элиту и создавал основу для заключения дипломатического союза (Marek. 1984. S. 335–355).

Политику сближения Боспора с западнопонтийскими полисами продолжил Перисад I. Из раскопок дворца Спартокидов на акрополе Пантикапея происходит фрагмент проксенического декрета сына Левкона и сыновей, принятого в честь некоего сына Боспориха, вероятнее всего, истрийца. Эту надпись предлагалось датировать временем Спартока V или Перисада III (Толстиков, Виноградов. 1999. С. 291–299; Виноградов и др. 2002. С. 72), но ряд признаков указывает на Перисада I как на автора этого декрета. Есть основания полагать, что укрепление связей с Истрией находилось в русле антимакедонской политики Боспора, которая наметилась при Левконе I. В 328 г. до н.э. приднепровские скифы опустошили хору Боспорского государства, вызвав трудности в экономике и сбыте хлеба (*Dem. Adv. Phorm.* 8). Это было следствием их усиления после поражения в 331 г. до н.э. в Скифии македонского полководца Зопириона, по следам которого Александр Македонский отправил к скифам и на Боспор своего посла, т. к. имел планы в будущем организовать военный поход в Понт со всем своим войском и флотом (*Arr. Anab.* IV. 1. 1–2; 15. 1–6; *Curt.* VII. 6. 12). В этих условиях боспорские правители, остро чувствовавшие нарастание македонской угрозы через Фракию и Подунавье, продолжали укреплять позиции среди греков левопонтийского побережья, предоставляя их представителям проксении.

На основании сообщения Диодора Сицилийского о благодеянии Эвмела, принявшего у себя 1000 каллатийцев во время осады их города Лисимахом в 310–309 гг. до н.э. (*Diod. XX. 25. 1(Loeb) = SC. I, 2. P. 477, 478*), можно уверенно говорить о продолжении в конце IV в. до н.э. антимакедонской политики Боспора. В связи с этим важным событием в истории Каллатиса и Боспора и всего Причерноморья в целом следует обратить пристальное внимание на каллатийскую проксению конца IV в. до н.э., данную сыновьям Эвполема, от имён которых на камне сохранились лишь отдельные буквы и остатки этника [...] $\kappa\alpha\iota\omicron$ (Рис. 1). В ней говорится о том, что два брата (...)ас и Фи(...), будучи прекрасными мужьями и благорасположенными в отношении возвращения граждан Каллатиса в родной город, получили привилегии, полагающиеся иностранцам-проксенам (ISM III. 2). А. Аврам предположил, что декрет был принят в 311/310 г. до н.э. – между 313 г. до н.э., когда Каллатис в первый раз осадил Лисимах и Антигон Одноглазый пытался помочь осаждённым, но был разбит где-то в районе Херсонеса Фракийского (*Diod. XIX. 73*), и в 310/309 г. до н.э., когда началась вторая осада города и ему на помощь пришел Эвмел (Saitta. 1955. P. 115, 116; Hauben. 1973. P. 256–267). По мнению А. Аврама, который опирался на точку зрения Г. Саитты, изгнанники смогли вернуться в Каллатис по условиям мира 311 г. до н.э., заключенного между Антигоном и Деметрием с одной стороны, и Птоломеем, Кассандром и Лисимахом – с другой. Тогда город восстановил свободу и автономию, ради которых поднял восстание в 314 г. до н.э. (Avram. 1999. P. 227, 228)⁸.

Тщательный анализ соответствующих пассажей Диодора (*Diod. XIX. 73. 1; XX. 25. 1*) показывает, что Лисимах, узнав об изгнании своих гарнизонов из Истрии, Одесса, Каллатиса и других полисов и о заключении ими союзного договора с фракийцами и скифами, быстро расправился с участниками антилисимаховской коалиции из числа греческих западнопонтийских городов, переманил на свою сторону фракийцев и изгнал скифов за пределы своей территории.

Лишь Каллатис, инициатор восстания, остался непокоренным, поэтому Лисимах расположился перед ним лагерем для ведения осады. Когда отряды Антигона по суше и по морю подошли к Фракии на помощь осаждённым, Лисимах отозвал часть войск для похода на юг к Фракийскому Херсонесу, а необходимые для продолжения осады силы оставил под стенами Каллатиса. В результате ему удалось быстро разгромить фракийцев, перешедших на сторону Антигона,

⁸ Последнее едва ли было возможно: по условиям мира 311 г. до н.э. свобода даровалась тем полисам, которые входили в состав государственных образований диадохов (Will. 1979. P. 61–65). Каллатис же в результате восстания и создания им коалиции против Лисимаха в его владения уже формально не входил, поэтому свобода и автономия ему отнюдь не гарантировались. Это препятствовало возвращению изгнанников.

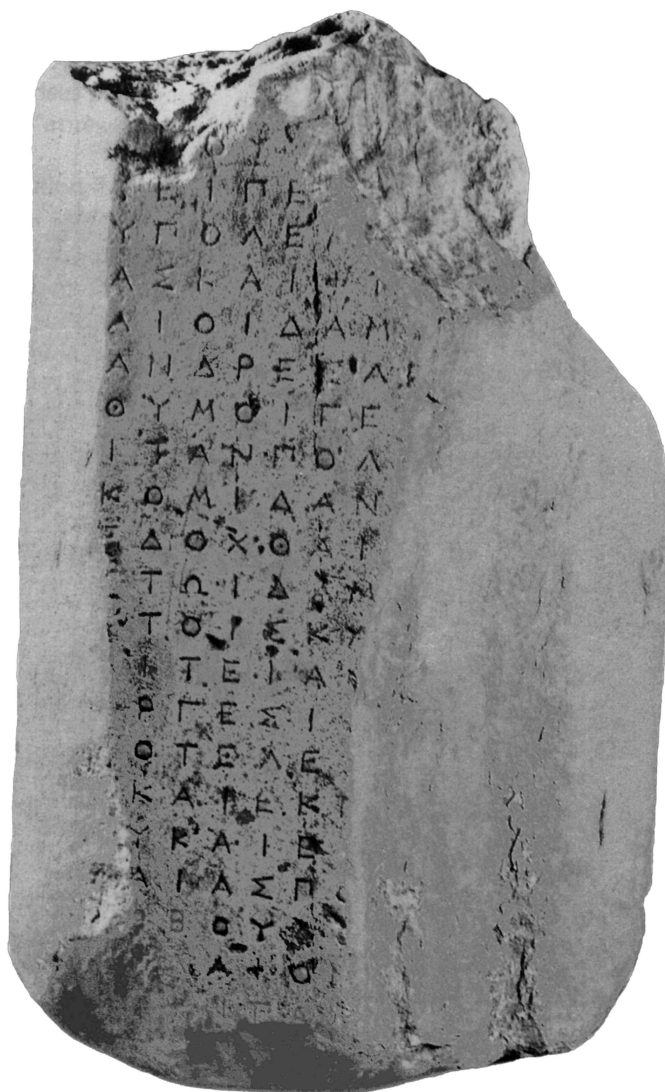

Рис. 1. Проксенический декрет из Каллатиса (по: Avgam. 1999)

и усилить своё войско. До 311 г. до н.э. он в Добрудже не появлялся, т. к. был занят борьбой с Антигоном, поэтому осада Каллатиса велась долго и недостаточно активно. И только получив по миру 311 г. до н.э. Фракию в полное владение, Лисимах решил взять, наконец, непокорный город.

Длительная осада Каллатиса (313–309 гг. до н.э.) вызвала голод среди горожан и привела к потере ими окрестных владений, поэтому боспорскому тирану Эвмелу пришлось в срочном порядке оказывать каллатийцам помощь (Possenti. 1901. P. 66; Geyer. 1928. Sp. 4; Блаватская. 1957. С. 98–100; Gattinoni. 1992. P. 124).

Ход событий, связанный с непрерывной осадой Каллатиса, заставляет по-иному, нежели это сделал А. Аврам, взглянуть на упомянутую выше проксению. Этникон проксенов, среди возможных вариантов, может быть дополнен как [Ἰθῶν]αἰοί, [Μυτιλήν]αἰοί или даже [Κυτ]αἰοί (первое более вероятно). В таком случае каллатийцы приняли проксенический декрет в честь двух братьев-афинян, которые помогли вернуться на родину каллатийцам, поселенным Эвмелом на Боспоре в 313–309 гг. до н.э. (существует предположение, что это произошло в 307–306 гг. до н.э., см. Блаватская. 1957. С. 101). Возможно, что каллатийцы возвращались отдельными группами и одна из них воспользовалась кораблями афинян, что не случайно. Во второй половине IV и до начала III в. до н.э. (см. IG II². 653) Боспор поддерживал тесные отношения с Афинами, там находилось множество афинских навклеров и торговцев, которые получили ателию от Сатира I, Левкона I и его сыновей Спартока I и Перисада I. При плавании с Боспора они нередко пользовались маршрутом вдоль левопонтийского побережья и вполне могли взять на борт группу каллатийцев, пожелавших отбыть на родину. Это могло произойти в 304 г. до н.э. в год смерти Эвмела или вскоре после него. Накануне решающего столкновения с Антигоном в 301 г. до н.э. Лисимах ослабил давление на западнопонтийские полисы, превратил их в союзников, в результате они получили ограниченные политические свободы. В 304 г. до н.э. Истрия даже заключила с Милетом договор об исополитии (ISM I. 62), Каллатис также мог частично восстановить политику, что способствовало возвращению части изгнанников с Боспора.

Таким образом в правление Эвмела наблюдался определенный интерес к западнопонтийским греческим полисам, что принято объяснять его попытками укрепить своё положение в условиях усиления македонского господства в причерноморском регионе и добиться сплочения вокруг него всех припонтийских греков (Блаватская. 1957. С. 99; Vinogradov. 1987. S. 45). Однако благодеяние боспорского правителя каллатийцам было прямым следствием их участия в создании антимакедонской антилисимаховской коалиции в составе Истрии, Одесса, Аполлонии и других городов региона, а также фракийцев и дружественных Боспору скифов⁹. Это стало продолжением

⁹ Скифы упоминаются Диодором как союзники Сатира во время борьбы с Эвмелом за престол и как предоставившие убежище его сыну Перисаду, бежавшему к их царю Агару от преследований со стороны Эвмела (XX. 22; 24).

политики его предшественников усиливать влияние в Западном Причерноморье, особенно в греческих полисах, партнерах Боспора, создавших коалицию, способную пресечь попытки македонских правителей господствовать в Причерноморье. Вследствие эллинофильской позиции Боспора по отношению к западнопричерноморским грекам, отдельные их представители, например, Дифил, сын Мнесифонта, из Одесса (КБН 237; вторая половина IV в. до н.э.), и Демофон, сын Горгия, из Каллатиса (КБН 252; III в. до н.э.), спокойно проживали в Пантикапее.

Литература

- Блаватская. 1957 – *Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII–I вв. до н.э. М., 1957.
- Виноградов и др. 2002 – *Виноградов Ю. Г., Толстиков В. П., Шелов-Коведяев Ф. В.* Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 2002. № 4.
- Павленков. 1994 – *Павленков В. И.* Пролог македонской экспансии в Причерноморье // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1994.
- Сапрыкин. 2004 – *Сапрыкин С. Ю.* Заметки по истории Боспорского царства // ДБ. 2004. Т. 7.
- Сапрыкин, Федосеев. 2011/2012 – *Сапрыкин С. Ю., Федосеев Н. Ф.* Особенности проксенической деятельности Боспора // Аристей. 2011/2012. 4 (В печати).
- Толстиков, Виноградов. 1999 – *Толстиков В. П., Виноградов Ю. Г.* Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. М., 1999.
- Шелов-Коведяев. 1985 – *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985.
- Яковенко. 1981 – *Яковенко Э. Я.* Об этнокультурной принадлежности населения хоры Боспора Европейского // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981.
- Яйленко. 2001 – *Яйленко В. П.* Вторая фанагорийская проксения // ДБ. 2001. Т. 4.
- Яйленко. 2010 – *Яйленко В. П.* Тысячелетний Боспорский рейх. М., 2010.
- Avram. 1999 – *Avram. A.* Inscriptions grecques et latines de Scythie Mineure. Paris, 1999. Vol. III.
- Gattinoni. 1992 – *Gattinoni F. L.* Lisimaco di Tracia. Un sovrano nella prospettiva del primo ellenismo. Milano, 1992.
- Geyer. 1928 – *Geyer F.* Lysimachos // Real-Encyclopaedie Pauly-Wissowa-Kroll. 1928. Bd. XIV.
- Hauben. 1973 – *Hauben H.* On the Chronology of the Years 313–311 // American Journal of Philology 1973. 94.
- Marek. 1984 – *Marek Chr.* Die Proxenie. Frankfurt am Main; Bern; New York, 1984.
- Possenti. 1901 – *Possenti G. B.* Il re Lisimaco di Tracia. Torino, 1901.
- Saitta. 1955 – *Saitta G.* Lisimaco di Tracia // Kokalos. 1955. 1.
- Vinogradov. 1987 – *Vinogradov J. G.* Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // Acta Centri Historiae Terra antiqua Balcanica. Trinovi, 1987. II.
- Will. 1979 – *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique. Nancy, 1979. T. I.

Боспор и Понт до Митридата Евпатора

Возникшее на развалинах империи Александра Македонского Понтийское царство сравнительно быстро расширяет свою территорию и уже в начале III в. до н.э. (с присоединением Амастрии около 278 г. до н.э.) выходит к Чёрному морю. Дальнейшие действия понтийских владык, направленные на подчинение греческих городов побережья, не могли не привлечь к себе внимания правителей Боспора. Об этом свидетельствуют как претензии самого Боспора на ведущую роль в бассейне Чёрного моря, ярко проявившиеся ещё совсем недавно, в период правления Эвмела (Молев. 1976. С. 7), так и перенос основного направления торговых связей Боспора в начале III в. до н.э. на южнопонтийские города (Брашинский. 1983. С. 180–181), что обеспечило стабильность его экономического развития.

Однако прямых сведений письменных источников о характере боспоро-понтийских отношений в то время практически нет. Да и из косвенных данных, пожалуй, только мирный договор понтийского царя Фарнака со своими противниками в ходе войны 183–179 гг. до н.э., текст которого сохранил Полибий (*Pol.* XXV. 2, 1–14), даёт нам некоторые основания интерпретировать в самых общих чертах характер боспоро-понтийских отношений. Дата заключения этого договора определяется 179 (Сапрыкин. 1996. С. 76–77) или 180 (Молев. 1994. С. 112; 2003. С. 239) гг. до н.э., что для нас сейчас не суть важно. А важно, как могли реагировать на события в Малой Азии, прямо их не затрагивающие, правители Боспора.

Совершенно очевидно, что действия Фарнака в этой войне являлись продолжением генеральной линии внешней политики его предшественников и были направлены на расширение владений Понта именно в Малой Азии (Mc. Ging. 1986. P. 25–34; Сапрыкин. 1996. С. 71). Присутствие же в его мирном договоре Херсонеса и сарматского царя Гатала и последующее заключение отдельного договора с Херсонесом даёт основания предполагать и некоторое расширение внешнеполитических задач, ставившихся в то время Фарнаком.

Правда, не вполне ясен принцип, по которому Херсонес и Гатал были включены в договор. Херсонес, по мнению С. Ю. Сапрыкина, сохранял нейтралитет в ходе войны Фарнака с соседями и был включен в договор благодаря своей метрополии Гераклея Понтийской, уже имевшей к тому времени тесные связи с Римом (Сапрыкин. 1986. С. 194–195; 1996. С. 79). Вполне возможно! Но как оказался в списке гарантов договора сарматский царь Гатал? По мнению большинства исследователей, Гатал был включен в договор Фарнака как

сторона, дружественная Понту (Ломоури. 1979. С. 54; Пальцева. 1979. С. 75; Сапрыкин. 1979. С. 56). Когда и благодаря каким обстоятельствам установились эти отношения – вопрос остаётся открытым, равно как и местонахождение его царства.

Археологические свидетельства (малоазийские вещи), позволяющие хоть как-то мотивировать возможности контактов сарматов и Понта, концентрируются в Северном Причерноморье в районе Прикубанья. Это дало основание в своё время М. Ю. Трейстеру (1994. С. 201) объяснить возникновение сарматской школы художественной торевтики именно контактами сарматов с понтийским царством времени Фарнака I. Не исключено, что именно там, в Прикубанье, находилось и царство Гатала (Полин. 1992. С. 92–94; Марченко. 1996. С. 124–126; Молев. 1998. С. 37–39).

Но было ли это то самое царство, которое в конце III в. до н.э. в лице царицы Амаги пришло на помощь Херсонесу (*Pol.* VIII. 56)? Сторонником этой версии был В. М. Зубарь. Он опирался на два косвенных аргумента. Во-первых, на расчёты своих коллег А. В. Симоненко и Б. И. Лобая, которые полагали, что сарматы, при наличии запасных лошадей, могли передвигаться со скоростью около 50–70 км в сутки (Симоненко, Лобай. 1991. С. 78–79; Симоненко. 2001. С. 122–123) и, следовательно, даже если ставка Амаги находилась в Прикубанье, сарматский конный отряд мог пройти за трое суток до резиденции скифского царя и неожиданно обрушиться на ничего не подозревающего противника (Зубарь. 2004. С. 90).

Во-вторых, тоже косвенным основанием для него служили следы пожара в Неаполе Скифском, датируемые первой четвертью II в. до н.э. (Зайцев. 1995. С. 84; 1997. С. 36–37). Правда, позднее, проанализировав всю совокупность материалов исследования Неаполя, Ю. П. Зайцев передатировал следы пожара временем около 130 г. до н.э. и признал маловероятной связь пожара с набегом Амаги или сатархов (Зайцев. 2003. С. 42). Да и трёхдневная конная скачка по территории противника незаметно для него тоже может быть признана возможной лишь с очень большими оговорками (Молев. 2003. Р. 212). Тем не менее главное для нас, что на сегодня по всей совокупности имеющихся данных царство Гатала, вероятнее всего, располагалось в Прикубанье, т. е. вблизи Боспора.

Таким образом, ближайшие соседи Боспора и несомненные объекты его внешнеполитической деятельности присутствуют в договоре Фарнака, в то время как сам он отсутствует. Этот факт, на мой взгляд, может говорить лишь о том, что захват Синопы, основного торгового контрагента боспорян, Фарнаком и наличие у границ Боспора союзного Понту сарматского царя Гатала, вызвали негативную реакцию правившего в то время на Боспоре Перисада III и обусловили его нейтралитет в конфликте малоазийских коллег. Причём

в отличие от нейтралитета Херсонеса и других греческих полисов, нейтралитет Боспора был враждебен по отношению к Фарнаку.

Тем не менее уже вскоре ситуация меняется. Этому способствовал рост экономического сотрудничества городов Боспора и Понта. Как показывают материалы археологии, в течение второй половины II в. до н.э. происходит расцвет южнопонтийских городов, что способствует увеличению товарооборота их с городами Боспора (Andreas. 1987. S. 110–118). Среди прочих товаров на Боспор начинает поступать золотистая бронза, из которой чеканилось большинство монет Понта (Голенко. 1969. С. 133). Происхождение некоторых типов понтийских монет монетариями Пантикапея. Всё это позволяет говорить о сближении двух государств, начавшемся незадолго до полного подчинения Боспора Понту.

Литература

- Брашинский. 1984 – *Брашинский И. Б.* Торговля // АГСП. 1984.
- Зайцев. 1995 – *Зайцев Ю. П.* Хронология Неаполя Скифского // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1995.
- Зайцев. 1997 – *Зайцев Ю. П.* Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ. 1997. № 3.
- Зайцев. 2003 – *Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь, 2003.
- Зубарь. 2004 – *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. К., 2004.
- Ломоури. 1979 – *Ломоури Н. Ю.* Из истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979.
- Марченко. 1996 – *Марченко И. И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996.
- Молев. 1976 – *Молев Е. А.* Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов, 1976.
- Молев. 1994 – *Молев Е. А.* Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.
- Молев. 1995 – *Молев Е. А.* Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995.
- Молев. 1998 – *Молев Е. А.* К вопросу о местоположении царства Гатала // Проблемы истории и творческое наследие профессора Н. П. Соколова. Нижний Новгород, 1998.
- Молев. 2003 – *Молев Е. А.* К вопросу о херсонесско-боспорских отношениях в IV–II вв. до н.э. // Историки в поисках новых смыслов. Казань, 2003.
- Пальцева. 1979 – *Пальцева Л. А.* Херсонес и понтийские цари // Античный полис. Л., 1979.
- Полин. 1992 – *Полин С. В.* От Скифии к Сарматии. К., 1992.
- Сапрыкин. 1979 – *Сапрыкин С. Ю.* Херсонес и Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1979. № 3.
- Сапрыкин. 1986 – *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.
- Сапрыкин. 1996 – *Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. М., 1996.
- Трейстер. 1994 – *Трейстер М. Ю.* Сарматская школа художественной торевтики // ВДИ. 1994. № 1.
- Andreas. 1987 – *Andreas M.* Der Überseehandel von Pontos // Geographica historica. Bonn, 1987. Bd. 4.

- Mc. Ging. 1986 – Mc. Ging B. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986.
- Molev. 2003 – *Molev E. A.* Bosphoros and Chersonesos in the 4th–2nd Centuries BC // The Cauldron of Ariantas. 2003. BSS. 1.

Ю. В. Артюхин

Роль природных катаклизмов в нарушении торгово-экономических связей Боспорского царства

Палеогеографические реконструкции свидетельствуют, что начало колонизации греками побережья Чёрного моря происходило на фоне низкого стояния его уровня (Скиба, Щербаков, Куприн. 1975; Островский и др. 1977; Федоров. 1978). Существуют значительные отличия оценок падения уровня в период т. н. фанагорийской регрессии от –12 м до –6 м в Балтийской системе высот (БС). Они могут объясняться, помимо разброса данных вследствие искажающего влияния факторов среды, значительной пространственно-временной неравномерностью вертикальных тектонических движений. Однако не вызывает сомнения тот факт, что торгово-экономические и этнические связи древних греков с окрестными регионами и народами происходили в условиях более широкой, чем в нынешнее время, прибрежной части Чёрного моря и отсутствия древнего аналога Азовского моря.

Исследователи до недавнего времени были согласны с тем, что в пределах дна современного Азовского моря в рассматриваемую эпоху простиралась степная равнина, по которой протекали многочисленные реки (Панов. 1964. С. 136; Атлас... 1967. С. 20). Однако опубликованные до настоящего времени реконструкции слишком схематичны, не учитывают всю гамму природных процессов, а данные античных авторов вообще игнорируют. Есть основания полагать, что в пределах центральной части нынешнего дна Азовского моря, оконтуренной изобатами 12–12,5 м, существовало довольно крупное озеро, питаемое не только реками ПалеоСалгир, Молочная, Корсак, Лозоватка, Обиточная и Кильтичия, но и подземным стоком (Рис. 1). Его размеры в разные периоды могли существенно меняться. Другие реки Северного и Восточного Приазовья несли свои воды в русло ПалеоДона.

Особняком стоит вопрос об относительно обособленной водной системе в пределах днища современных Утлюкского лимана и северной части Сиваша. Нельзя игнорировать факт существования Перекопского рва, о чем свидетельствовали Геродот и надписи на Певтингеровой карте (Подосинов. 2001. С. 29). Феофил Беэр, отталкиваясь от античных источников, отмечал, что древние греки по этому каналу: «из Меотиса к Некропилу взад и вперёд плавали» (Беэр. 1767.

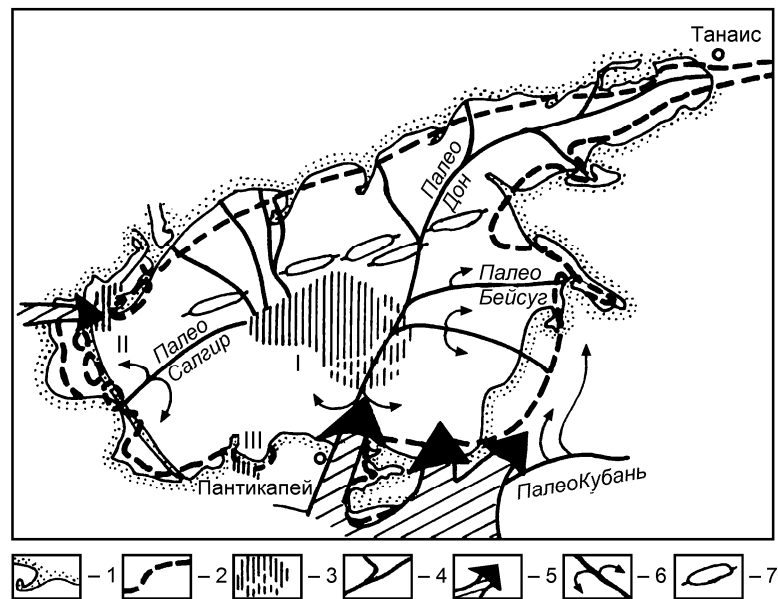

Рис. 1. Схема гидрографической сети в пределах Меотийско-Азовской котловины, обеспечивавшей торгово-экономические связи древнегреческих городов-полисов в раннеантичную эпоху и деформация водных путей в результате ингрессии черноморских вод на рубеже эпох. Береговые линии: 1 – современного Азовского моря; 2 – Джеметинского моря (не позднее II в. до н.э.). 3 – пресные водоемы (озёра и лагуны) в эпоху расцвета Боспорского царства; 4 – речная сеть до I в. до н.э.; 5 – ингрессия черноморских вод в Меотийско-Азовскую котловину на фазе нимфейской трансгрессии; 6 – растекание речных вод в результате гидравлического подпора стока; 7 – антиклинальные структуры (нефтегазоносные купола). Римскими цифрами обозначены: I – Меотийское озеро (прерывистая штриховка показывает менявшиеся границы водоема); II – Утлюкско-Арабатская лагуна; III – Акташская лагуна

С. 43). Непонятно, к какой эпохе относить эти сведения. Если опираться только на материалы Геродота, то описание относится к ранней эпохе греческой колонизации, когда море просто не могло заполнить упоминаемый ров. Вместе с тем нельзя исключить, что ещё существовал левый рукав ПалеоДнепра (Борисфена), впадавший в Джарылгачский и Каркинитиский заливы. Не могли ли существовать естественные или искусственные условия, при которых часть вод Борисфена направлялась не в Понт Эвксинский, а в упоминаемый канал? Сбрасываемая на восток вода могла образовать небольшое озеро между северным флангом современной Арабатской стрелки и косой Бирючий остров. Радиоуглеродные датировки автора свидетельствуют,

что к началу греческой колонизации Приазовья единой косы Бирючий остров–Федотова не существовало, но был крупный ракушечный остров. Его тело создавало барьер, с востока и юго-востока подпруживающий озеро-лагуну. Так что с геоморфологической точки зрения нельзя априори отметить сообщение Геродота о плавании даже в период фанагорийской регрессии от Ахиллова бега к гавани Кремны (Кавказ и Дон... 1990. С. 29).

В пределах заболоченной Меотийской равнины существовали источники весьма ценного минерального сырья. Изучение геологического строения и датировки ракушечных отложений Арабатской стрелки по ^{14}C (от 5300 до 7400 лет) показывают, что даже в раннеантичную эпоху в пределах северной части современного Сиваша скорее всего существовали мелководные водоемы, в которых происходила естественная осадка солей. С востока они прикрывались цепочкой лёссовых островов, до сих существующих в природе и впервые упоминавшихся Страбоном. Они соединялись древними ракушечными грядами.

Севернее Меотийского озера располагалась система антиклинальных структур типа куполов, являющихся естественными ловушками углеводородов (нефти и газа). Поскольку коренные породы на всем этом пространстве разбиты поперечными и продольными разломами на систему блоков (клавиш), то здесь могли существовать зоны естественного высачивания нефтей. Возможно, что именно эти месторождения нефти могли использоваться древними греками для решения многих хозяйственных задач. Соответственно, описанная система рек, озер и каналов в раннюю эпоху колонизации обеспечивала как торговые, этнические связи, так и широкое использование минерально-сырьевой базы.

Торговые контакты Боспорского царства начали прерываться в середине I в. до н.э., по мере того как уровень Чёрного моря стал повышаться, а его воды постепенно заполняли Киммерийский Боспор. Этот процесс, носивший характер пульсаций, сопровождался гидравлическим подпором стока ПалеоДона и возникновением землетрясений, вследствие возрастания статических и динамических нагрузок на раздробленные коренные породы дна. Однако до настоящего времени гидрологический фон поступления черноморских вод в Меотийскую котловину в условиях нимфейской трансгрессии количественно не охарактеризован ни одним из исследователей. Возьмём за основу предварительной оценки объём воды современного Азовского моря, включив в него объём на заполнение котловины Сиваша и учтя возвышение уровня выше современного на 2 м. По одним палеогеографическим оценкам подъём уровня с отметки –10–11 м до 2 м БС происходил в течение 300–350 л., по другим – 800 л. (Островский и др. 1977. С. 132). Расчёты показывают, что поступление воды из

Чёрного в Азовское море при трансгрессии могло обеспечивать чрезвычайно сложные гидрологические условия в северной части Киммерийского Боспора. Неким аналогом природных условий того периода может служить ураганный шторм в Керченском проливе в ноябре 2007 г., когда даже современные суда были неспособны продолжать безопасное плавание. Древнегреческие суда, направлявшиеся из Понта Эвксинского в Меотийское озеро, вынуждены были перемещаться по узкому проливу (примерно вдвое уже современного) с гидрологическими условиями близкими к горной реке (при скоростях течений до 1–1,5, а при ураганных штормах 2 м/с и более). Из-за подмыва берегов в пролив периодически сбрасывались огромные массы оползневых тел (эффект Сциллы и Харибды), вызывающих как возникновение волн типа цунами, так и блуждание по дну крупных отмелей и банок. Плавание в подобных условиях не только из Понта Эвксинского в Меотийское озеро, но и обратно должно было приводить к потерям судов, а в отдельные периоды вообще было невозможно. Логично предположить, что греки вынуждены были разделять грузопотоки, одни только в пределах Понта Эвксинского, другие – внутри Меотийского озера. Для доставки грузов от портов одного моря к портам другого скорее всего использовались сухопутные караваны, как в пределах Таманского, так и Керченского п-овов. Вполне возможно, что для защиты этих караванов от набегов варваров как раз и использовались некоторые оборонительные валы.

Сброс воды из Понта Эвксинского в Меотийское озеро происходил и через Перекопский ров (Рис. 1). В этих условиях стало невозможно морское сообщение с Ольвией и другими городами северо-западной части Понта. Существенно осложнил торговые связи Боспорского царства с народами Западного Кавказа гидравлический подпор стока ПалеоКубани. Море подтопило обширное низинное пространство Таманского п-ова между высоким берегом Горгиппии и береговыми обрывами, с запада обрамляющими Соленое озеро и Кизилташский лиман (Рис. 1). ПалеоКубань не всегда могла преодолеть волновой напор моря. Поэтому её воды стали растекаться на запад и северо-запад, затапливая обширное предельтовое пространство, практически вплоть до лёссового останца в пределах современного г. Приморско-Ахтарска, а возможно и севернее. Именно в результате этого явления произошло обособление Фонталовского и Фанагорийского отрогов полуострова, превратив его в архипелаг.

Катастрофическое изменение гидрологического и климатического фона обитания греков по берегам Понта Эвксинского, Киммерийского Боспора и Меотийского озера неизбежно должно было вызывать серьезные нарушения экономики Боспорского царства и торговых связей с соседними регионами. Следует учитывать, что в описываемый период произошло сокращение урожайности зерновых культур, изменение

условий нереста и нагула многих видов рыб, игравших важную роль в экономике Боспорского царства и государств Средиземноморья. Ингрессия морских вод временно прекратила миграцию рыб из Палеодона и Меотийского озера в Понт Эвксинский и обратно. Нарушилась сложившаяся система рыбодобычи, сначала в пределах Малого и Большого Ромбитов, а позже – и в устье Танаиса. Тот факт, что эти события не нашли отражения в письменных источниках, возможно, объясняется тем, что описанные катаклизмы совпали по времени с социально-политическим кризисом Боспорского царства, полисов Древней Греции, в т. ч. и в результате нарастающего давления со стороны Рима.

Литература

- Атлас... 1967 – Атлас литолого-палеогеографических карт СССР. М., 1967. Т. 4.
 Беэр. 1767 – *Беэр Ф.* География Российская. СПб., 1767.
 Кавказ и Дон... 1990 – Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону, 1990.
 Островский и др. 1977 – *Островский А. Б., Измайлов Я. А., Балабанов И. П. и др.* Новые данные о палеогидрологическом режиме Чёрного моря в верхнем плейстоцене и голоцене // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М., 1977.
 Панов. 1964 – *Панов Д. Г.* Развитие берегов Азовского моря в голоцене // Теоретические вопросы динамики морских берегов. М., 1964.
 Подосинов. 2001 – *Подосинов А. В.* Крым и Керченский пролив античной географии // БФ. 2001. Ч. 2.
 Скиба, Щербаков, Куприн. 1975 – *Скиба С. И., Щербаков Ф. А., Куприн П. Н.* К палеогеографии Керченско-Таманского района в позднем плейстоцене и голоцене // Океанология. 1975. Т. XV. Вып. 5.
 Федоров. 1978 – *Федоров П. В.* Плейстоцен Понто-Каспия. М., 1978.

А. Е. Терещенко

Мотив «терзания» в пантикапейской чеканке

Пантикапейские монеты типа «Av. Голова бородатого сатира в $\frac{3}{4}$ в плющевом венке влево. Rv. Лев, терзающий оленя, вправо, сверху надпись ПАНТИ» (Рис. 1. 1) известны уже достаточно давно (Бурачков. 1884. Табл. XIX, 46). Датируются они 340–330 гг. до н.э. (Зограф. 1951. С. 245. Табл. XL, 24; Шелов. 1956. С. 215. № 46), 369–359 гг. до н.э. (Анохин. 1986. С. 140. № 98) или 360–350 гг. до н.э. (Анохин. 1999. С. 60). Вместе с тем рисунок оборотной стороны этих монет настолько выбивается из общего ряда пантикапейской эмиссии, что вновь заставляет обратить на себя самое пристальное внимание.

Начнём с того, что реверсный сюжет данных экземпляров звучит откровенным диссонансом в довольно плавной (если не сказать монотонной) гамме развития монетной типологии боспорской чеканки. Что характерно, ни до, ни после выпуска этой серии в чеканке домитридатовского Боспора никогда не фигурировали два (или более) персонажа, объединённые общим сюжетом. Более того, невзирая на длительное использование образа льва в монетном деле Пантикапея, у нас нет ни малейшего основания признавать данную сцену логически вытекающей из предыдущей практики.

Последнее замечание необходимо ввиду того, что при рассмотрении, например, чеканки Велии/Элеи, в которой монеты с рисунком «лев, нападающий на лань (оленья)» предваряются типом «лев, грызущий конечность (кость) животного» (Рис. 1. 13, 13а), подобный вывод может выглядеть как нечто, само собой разумеющееся. Наблюдаем ли мы в этом случае прямое развитие сюжета? Маловероятно. Тем не менее определённая внутренняя логика здесь присутствует.

Обратимся к географическим характеристикам сюжета «терзания». В частности, если взглянуть на территориальное расположение монет с изображением льва, нападающего на травоядное (бык, лань/олень)¹⁰, то вырисовывается вполне чёткая картина. Основной массив такого рода чеканки находится на юго-западном побережье Малой Азии (Рис. 2). Сразу отметим, что в эмиссии Ликии, а также киликийских Мириандроса и Тарсосу в качестве жертвы выступает бык (Рис. 1. 5, 5а, 6, 8). На европейской территории, в Халкидике, такой набор животных использовался в чеканке Аканфа (Рис. 1. 7, 7а). Не вызывает сомнения то, что указанный вариант сформировался под лидийским влиянием, поскольку именно в чеканке этого государства (которое считается «родиной» электровой монеты), мы впервые обнаруживаем противостояние льва и быка (Рис. 1. 4).

При дальнейшем движении к югу на смену быку приходит лань/олень (Рис. 1. 9–12а). Весьма любопытно, что в Тарсосу использовались оба варианта. Данный тип (назовём его для удобства «персидским») обнаруживается и среди уже упомянутых монет Элеи/Велии (Рис. 1. 13, 13а), что позволяет предполагать некоторую связь указанного полиса именно с этой частью малоазийского побережья.

Возвращаясь к монетному делу Пантикапея, необходимо констатировать тот чрезвычайно странный факт, что никто из отечественных исследователей, за исключением В. А. Анохина, не попытался объяснить появление этого сюжета. Его версия выглядит следующим образом: в период с 360 по 350 гг. до н.э. между Херсонесом и Ольвией

¹⁰ Ввиду ограниченности объёма статьи здесь не рассматриваются типы, на которых вместо льва фигурирует собака (сицилийский Пиакос) или грифон (кападокийская чеканка), а в качестве жертвы выступает, например, кабан (Стагира, Халкидика).

Рис. 1. 1 – Пантикапей; 2 – Херсонес Таврический; 3 – Керкинитида; 4 – Лидия (560–546 гг. до н.э.); 5 – Ликия (460–440 гг. до н.э.; неизвестный династ); 5а – Ликия (380–370 гг. до н.э.); 6 – Мириандрос (361–334 гг. до н.э.); 7 – Халкидика, Аканф (500–480 гг. до н.э.); 7а – Аканф (424–380 гг. до н.э.); 8 – Киликия, Тарсос (361–334 гг. до н.э.); 9 – Тарсос (425–400 гг. до н.э.); 9а – Тарсос (361–334 гг. до н.э.); 10 – Библос (350–333 гг. до н.э.); 11 – Самария (375–333 гг. до н.э.); 12 – Кипр, Китион (449–425 гг. до н.э.); 12а – Китион (361–312 гг. до н.э.); 13. Лукания, Велия (600–400 гг. до н.э.); 13а – Велия (430–370 гг. до н.э.)

вспыхнула война за обладание западным побережьем Таврики, в которой Ольвия потерпела поражение. Согласно же исследованию Ю. Г. Виноградова и В. В. Крапивинной, в это время между Ольвией и Левконом I существовал договор о симмахии (Виноградов, Крапивина.

1995. С. 74). Как пишет автор: «трудно сказать, как Левкон реализовал условия этого договора – пока единственным свидетельством его реакции является демонстративный характер нового монетного типа, символизирующий враждебное отношение Боспора (лев) к Херсонесу (лань)» (Анохин. 1999. С. 57).

Рассмотрим подробнее ситуацию с Ольвией. Версия, выдвинутая Ю. Г. Виноградовым и В. В. Крапивиной, основывается на анализе надписи на мраморной стеле, обнаруженной в этом полисе. По мнению авторов, надпись содержит текст о даровании проксении боспорскому царю Сатиру I, а также договор о союзе и взаимопомощи с его сыном Левконом (Виноградов, Крапивина. 1995. С. 69–78). Данная интерпретация была подвергнута серьёзной критике со стороны В. П. Яйленко, предложившего собственный вариант прочтения. В частности, поскольку в ольвийской надписи в действительности присутствует только одно имя – Сатир, то наиболее реальной кандидатурой для носителя этого имени мог выступать Сатир – тиран Гераклеи Понтийской, правивший в 352–345 гг. до н.э. (Яйленко. 2010. С. 84–86). Как считает В. П. Яйленко, в 352–345 гг. до н.э., когда был заключён договор, «угрозу Ольвии могло представлять передвижение скифов Атея из Нижнего Побужья в Добруджу» (Там же. С. 87). Далее уважаемый исследователь пишет, что свидетельства внешней угрозы в середине IV в. до н.э. наблюдаются во всём Северо-Западном Причерноморье. От западного побережья Крыма, где зафиксировано строительство новых оборонительных стен в Керкенидите и гибель поселения Панское I, до восточной части европейской области Боспорского царства, о чём может свидетельствовать гибель в пожарах западных комплексов Мирмекия. «Вероятно, причиной всех этих событий послужил переход нижнеднепровских скифов Атея в Добруджу, наряду с той малоизвестной нам причиной, которая вынудила их к этому переселению – скорее всего, давлением кочевников Задонья» (Яйленко. 2010. С. 89).

Учитывая вышеизложенное, что можно сказать в качестве комментария к версии, предложенной В. А. Анохиным? Прежде всего следует обратиться к монетному делу Северо-Западного Крыма, в котором также присутствуют подобного рода сюжеты.

Херсонес: «Ав. Двуликая голова, буквы – НР. Rv. ХЕР, лев, терзающий быка, вправо» (Рис. 1. 2). Медь. Около 350–330 гг. до н.э. (Зограф. 1951. С. 243. Табл. XXXV, 11; Анохин. 1977. С. 137, № 57). Третья четверть IV в. до н.э. (Туровский. 1997. С. 54, № 53). Керкенидида: «Ав. Крылатая Ника с пальмовой ветвью, идущая вправо, справа надпись КАРК. Rv. Лев, терзающий быка, вправо, внизу палица и надпись НЕРАКЛ» (Рис. 1. 3). Около середины IV в. до н.э. (Зограф. 1951. С. 245. Табл. XXXVIII, 15).

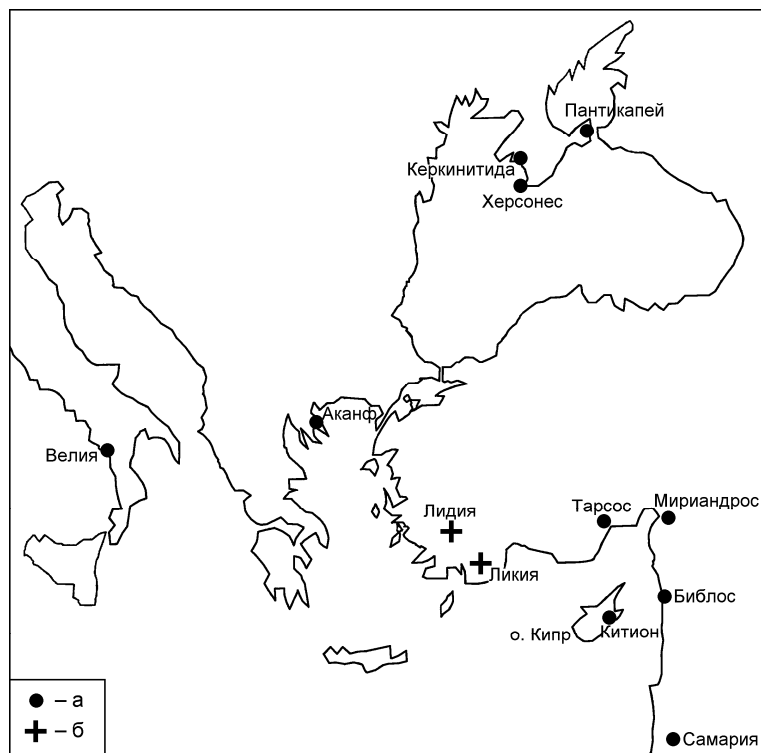

Рис. 2. Карта Причерноморья и Восточного Средиземноморья.

а – полисы, чеканившие монету со львом, нападающим на травоядное (бык, лань/олень); б – нелокализованные центры, чеканившие монету со сценой «терзания»

Полемика об истоках появления подобного рисунка в чеканке отмеченных полисов в отечественной науке велась давно и весьма активно (см., напр.: Рогов. 2005. С. 188–191), но при этом пантикапейские монеты в силу непонятных причин оставались за рамками внимания. Результатом такого игнорирования и стала версия В. А. Анохина, являющаяся, по сути, копией предположения Б. В. Кёне, согласно которому реверсный рисунок – это аллегорическая картина покорения Херсонесом (лев) варварской страны Тавриды, олицетворяемой быком (Кёне. 1948. С. 160). Основную же особенность указанных выпусков превосходно охарактеризовал Е. Я. Рогов: «почти одновременное появление сюжета “благого” терзания на монетах сразу двух соседних городов Керкинитиды и Херсонеса, притом что этот сюжет в монетах городов Северного Причерноморья более не повторяется, представляет собой явление в высшей степени исключительное» (Рогов. 2005. С. 191).

Однако в определении истоков этого образа в чеканке Херсонеса и Керкинитиды довлеет мнение А. Н. Зографа, предположившего влияние скифской культуры на его формирование. Утверждая, что, при всей близости мотивов, малоазийские типы не дают полных аналогий, «гораздо более решительную аналогию, именно в силу такого же соотношения размеров фигур, дают золотые четырёхугольные бляшки <...> Чертомлыцкого кургана» (Зограф. 1927. С. 395). Правда, на чертомлыцких украшениях группа обращена влево и жертвой является не бык, а олень, но, по-видимому, это не представлялось чем-то существенным в глазах уважаемого исследователя. Однако наибольшее соответствие изображению на херсонесских и керкинитидских монетах наблюдается в чеканке Мириандроса (Рис. 1. б).

Не лишним будет вспомнить то, что, согласно мнению А. Н. Зографа, «общий прототип херсонесской монеты и чертомлыцкой бляшки <...> был продуктом <...> пантикапейских мастерских» (Зограф. 1927. С. 396). При этом пантикапейские монеты с аналогичным сюжетом опять-таки не указываются.

Как представляется, чрезвычайно важной особенностью мотива «терзания» является то, что он, вероятнее всего, напрямую связан с сакральными идеями верховного владычества. Теперь обратим внимание на местонахождение тех греческих полисов, которые ввели этот сюжет в свой арсенал монетных типов – все они располагаются по границам эллинского мира. Было бы весьма заманчиво объяснить появление греческих монет этого вида соседством варварского населения с их институтом царской власти, но, к сожалению, у нас для этого практически нет никаких данных.

Попробуем взглянуть на эту проблему с другой стороны. Вполне очевидно, что для греческого монетного дела рассматриваемый сюжет являлся заимствованием. Отсюда возникает вопрос, почему Херсонес и Керкинитиды остановили свой выбор на лидийском типе, а Пантикапей – на его персидской трактовке. Вероятно, В. А. Анохин отчасти прав и лань действительно была одним из символов Херсонеса, вследствие чего предпочтение оказалось отдано лидийскому варианту. Но чем вызвано обращение к этому сюжету? Е. Я. Туровский считает наиболее вероятной трактовку образа терзания как символа победы Херсонеса, связанной с покорением окрестных таврских племён около 325 г. до н.э. (Туровский. 1997. С. 39). Е. Я. Рогов, пытаясь объяснить появление этого сюжета одновременно в эмиссии двух полисов, предположил, что он знаменует освобождение Керкинитиды от скифской зависимости. Херсонес же в этом предприятии выступал в качестве основного союзника «и, быть может, участника» (Рогов. 2005. С. 191).

Как видим, пантикапейский выпуск опять остаётся, так сказать, за кадром. Между тем ближайшее по времени политическое событие

рассматриваемого периода, которое непосредственно касалось Боспорского царства, – война царя Перисада со скифами, упомянутая Демосфеном в речи против Формиона (*Dem.* 34. 8). Сама речь датируется примерно 328 г. до н.э. (Виноградов. 2005. С. 276).

В любом случае, синхронность чеканки этого вида монет в трёх полисах может сигнализировать о каких-то событиях, имевших серьёзное значение не только для Северо-Западного Крыма, но и для всего Северного Причерноморья в целом.

Литература

- Анохин. 1977 – *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. К., 1977.
 Анохин. 1986 – *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. К., 1986.
 Анохин. 1999 – *Анохин В. А.* История Боспора Киммерийского. К., 1999.
 Бурачков. 1884 – *Бурачков П. О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Чёрного моря. Одесса, 1884. Ч. I.
 Виноградов. 2005 – *Виноградов Ю. А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
 Виноградов, Крапивина 1995 – *Виноградов Ю. Г., Крапивина В. В.* Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995.
 Зограф. 1927 – *Зограф А. Н.* Две группы херсонесских монет с заимствованными типами // Известия ГАИМК. 1927. Т. V.
 Зограф. 1951 – *Зограф А. Н.* Античные монеты. М.; Л., 1951. МИА. № 16.
 Кёне. 1948 – *Кёне Б. В.* Исследование об истории и древностях города Херсонеса Таврического. СПб., 1948.
 Рогов. 2005 – *Рогов Е. Я.* Греки и варвары в Западном Крыму // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
 Туровский. 1997 – *Туровский Е. Я.* Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э. Севастополь, 1997.
 Шелов. 1956 – *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956.
 Яйленко. 2010 – *Яйленко В. П.* Тысячелетний рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М., 2010.

В. Л. Строкин

Афины и финансовая политика Спартокидов

Феномен длительных союзнических отношений между тираническим Боспором и демократическими Афинами неизменно находится в центре внимания многих поколений исследователей. Вместе с тем такой важный аспект этих взаимоотношений, как финансовый, по сей день в значительной мере остаётся в тени. Хотя такое положение вещей во многом объясняется крайней скудностью соответствующих

литературных источников, однако некое поле деятельности здесь составляет уже сам факт существования оживленных торгово-экономических связей между обоими государствами в конце V–IV в. до н.э. Таким образом, имеет смысл попытаться несколько расширить наши представления о мероприятиях ранних Спартокидов в заявленной сфере за счёт привлечения новых источников, как внешних (в данном случае афинских), так и внутренних: главным образом нумизматических памятников Боспора.

Ещё Д. Б. Шелов обратил внимание на то, что с приходом к власти Левкона I «Происходит и некоторое изменение в монетной системе Пантикапея, меняется значение отдельных номиналов» (Шелов. 1956. С. 87), а главное их набор: «если в V в. наиболее постоянной единицей системы в чеканке боспорских городов был диобол, то теперь основным номиналом серебра является триобол <...> В этом можно видеть переход от исконного азиатского шестеричного деления статера, заимствованного боспорскими греками из Ионии вместе с самой чеканкой, к четверичному, общепринятому в греческом мире. Такой переход должен быть объяснен сдвигами, которые произошли в экономике Боспора за этот период, возросшим значением торговых связей с областями материковой Греции, прежде всего с Атикой» (Там же. С. 115). Но этим, похоже, дело не ограничилось.

Принято считать, что медная монета появилась на Боспоре в первой четверти IV в. до н.э. и выпускалась совместно с серебром и отчасти с золотом вплоть до начала денежного кризиса III в. до н.э., когда местный рынок надолго оказался в её безраздельной власти. Но при этом зачастую упускается из виду одна существенная деталь. Д. Б. Шелов неопровержимо доказал, что «Вторая серия золотых пантикапейских статеров, так же как и первая, не имеет соответственной медной чеканки» (Там же. С. 103). Это тем более так, поскольку предпринятую недавно О. Н. Мельниковым попытку заполнить данную лакуну медью нескольких типов (Анохин. 1986. № 111–113) без «хохолка» на головах сатиров (Мельников. 2002. С. 165 сл.; 2009. С. 132–134) нельзя признать удачной. Дело в том, что медная монета получила широкое распространение в греческом мире (с лёгкой руки Филиппа II Македонского) лишь в третьей четверти IV в. до н.э. (Зограф. 1951. С. 172), а стартовый рубеж для второго периода меди на Боспоре фиксирует редчайшая монета с «головой бородастого сатира в фас и головой быка» (Анохин. 1986. № 126), у которой, кстати сказать, есть точный и притом значительно менее редкий аналог в серебре (121). Поскольку время бытования фасовых голов в Причерноморье вообще и на Боспоре в частности установлено вполне надёжно: 350–340-е гг. (Бертъе-Делагард. 1906. С. 222, 224; Шелов. 1956. С. 95), это позволяет относить к началу третьей четверти IV в. до н.э. упомянутую монету типа 126 и её медный аналог с головой сатира

в профиль (114), а вслед за ними поставить серию меди типа 111–113 (как без «хохолка», так и с оным). Таким образом, выясняется, что производство медной монеты на Боспоре, едва начавшись, вскоре прекратилось (где-то в 370-х гг.) и возобновилось лишь в третьей четверти IV в., т. е. несколькими десятилетиями спустя. Для осмысления этой весьма неожиданной ситуации обратимся к близким по времени финансово-эмиссионным мероприятиям главного торгового партнера Пантикапея.

Примечательно, что как раз в годы формирования афино-боспорских союзнических отношений в денежном хозяйстве Аттики происходят большие перемены. Их суть состоит в одновременном прекращении выпуска серебряной монеты и введении в обращение медной, курс которой был принудительно приравнен к старому серебру. Причём запущенная в оборот в 406/5 г. медь была полностью изъята оттуда (в два этапа) в 393/2 г. (Head. 1911. P. 373; Стрелков. 1999. С. 36). Сопоставление этих данных с отмеченной выше эмиссионной ситуацией на Боспоре фактически лишает нас свободы выбора, вынуждая прийти к следующему заключению.

Первая из упомянутых реформ (406/5 г.) спровоцировала Пантикапей на эмиссию медных монет, тогда как вторая (393/2 г.) – привела к длительному (почти полувековому) перерыву в их производстве. Между тем последний факт раскрывает суть денежной реформы Сатира I: медь была призвана не дополнить или же подменить собой мельчайшие номиналы серебра (как традиционно считается), но заменить серебро как таковое – в противном случае следовало бы ожидать продолжения медной чеканки при Левконе I (когда серебро выпускалось регулярно). Таким образом, выясняется прелюбопытная деталь: по случаю введения в обращение медной монеты Сатир полностью свернул производство серебряной. Это подтверждается ещё и тем, что лишь одна из пяти монет старейшего блока меди Пантикапея (см. ниже) – с «головами бородатого сатира и барана» (Анохин. 1986. № 88) – имеет аналог в его раннем серебре (80), что явным образом диссонирует с эмиссионной практикой этого центра V – первой половины IV в. до н.э. (когда монеты различных номиналов, входящие в одну серию, наделялись либо идентичными, либо аналогичными реверсными сюжетами).

За дополнительной информацией обратимся к ранней меди Пантикапея иных типов: с «головами бородатого сатира и коня» (Анохин. 1986. № 87), а также с «головами бородатого сатира и осетра» (81). Прежде всего бросается в глаза близость метрологических параметров этих монет и упомянутой монеты с «бараном» (88), чем подразумевается последовательный характер их выпуска. Особого внимания заслуживает и тот факт, что реверсный сюжет монеты типа 87 (голова коня) явно заимствован из чеканки ΣΙΝΔΩΝ, что в свете

повествования Полиена (VIII. 55) о вмешательстве Сатира I во внутренние дела Синдики в последние годы его жизни представляется весьма симптоматичным (ср. Анохин. 1999. С. 58). Что до монеты с «головами бородатого сатира и осетра» (81), то, глядя на символ Керченского пролива (Блаватский. 1985. С. 56, 58. Примеч. 12), невольно возникают ассоциации с предпринятой Сатиром в конце V в. до н.э. масштабной военной экспансией, нацеленной на консолидацию земель, расположенных по обеим сторонам этой главной судорожной магистрали боспорского региона (Завойкин. 2004. С. 90, 91). Однако наличие краткой формы надписи (ΠΑΝ), нетипичной для этого времени, указывает на более позднее происхождение монеты – конец 390-х гг. – и наводит на мысль, что перед нами – специальный выпуск, посвящённый памяти усопшего тирана (в 393/2 г. – *Diod.* XIV. 93. 1). Очевидно в ранний блок меди входит и монета типа 96 с «луком» (ср. Анохин. 1986. С. 32). Судя по легенде (ΠΑΝ), она непосредственно примыкает (скорее всего, «снизу») к только что упомянутой монете с «осетром» (81). Об этом же может свидетельствовать и реверсный сюжет, прекрасно иллюстрирующий военную атмосферу последних лет правления Сатира I. По всей видимости, замыкает первый период меди на Боспоре публикуемый здесь редкий вариант монет с «головами юного сатира и быка» (Рис. 1). На это указывают как «ранняя» стилистика, выгодно отличающая данную монету от монет обычного вида (114) – ср. рис. 1. 1 и 1. 2 (вес 1, 23 г и 0,98 г, диам. 10 и 10–10,5 мм соответственно), так и реверсный сюжет – бычья голова показана в профиль, а буква Π находится не слева, как обычно, а под ней. Последний нюанс ясно даёт понять, что одна из самых популярных схем размещения букв легенды на монетах Пантикапея IV в. здесь находится ещё в стадии формирования, а присутствие таких же бычьих голов в ранней нумизматике Феодосии (Коваленко, Молчанов. 2005. С. 60, 61. Рис. 1, 6, 9, 12–16), где, кстати сказать, есть такой же период меди (ок. 405–393/2 гг.) (Строкин. 2011. С. 39–44), подразумевает некую причастность данной эмиссии к событиям боспоро-феодосийской войны, которую, как известно, начал Сатир I (незадолго до смерти), а довёл до победного конца его сын Левкон. В завершение обзора ранней меди Пантикапея следует отметить два существенных момента: каждая из монет этого блока представляет собой значительную редкость (кроме несколько более многочисленных монет с «конём»), чем создаётся реальная возможность их существования в указанный период времени (ок. 405–390 гг.), а явное наличие мемориального аспекта в выпуске меди с «конём» (87) и «осетром» (81) лишней раз свидетельствует об отсутствии в городе параллельной серебряной чеканки.

В этой связи нельзя не упомянуть о неизбежных последствиях прекращения выпуска монет из драгметаллов. Во-первых, по закону

Рис. 1

Коперника – Грэхема, худшая монета (в данном случае медная) вытесняет из обращения лучшую, т. е. серебряную – последняя становится объектом накопления сокровищ; во-вторых, автоматически запускается механизм инфляции – естественный в этих условиях рост недоверия к медной монете ведёт к её быстрому обесценению, тем самым обесмысливая выпуск широкого спектра номиналов. Именно так было на Боспоре в период денежного кризиса III в. до н.э., когда местный рынок заполнили медные оболы типа «сатир – лук, стрела, ПАН» (133), со временем деградировавшие до величины халка. Очевидно аналогичным образом дело обстояло и в рассматриваемое время. Судя по величине и весу основной массы ранней пантикапейской меди – с «бараном» (88), «осетром» (81), «быком» и отчасти с «конём» (87), – это монеты одного и того же достоинства; на роль «половинного» номинала может претендовать лишь монета с «луком» (96). Кроме того, в собрании ГИМ имеется крошечная медная боспорская монетка (вес 0,32 г, диам. 6 мм) с муравьем на аверсе и неясным реверсным сюжетом: «жезл (?), спираль (?), змея (?)» (Фролова. 1996. С. 67. Табл. XII, 18). Судя по типу л. с., перед нами – медный тетартеморий – тот же сюжет и примерно ту же величину монетного кружка имеет данный номинал древнейшего боспорского серебра (Анохин. 1986. С. 7). Это позволяет прийти к твердому убеждению, что в своей реформаторской деятельности Сатир пошёл за Афинами «до конца», приравняв медь к старому серебру, и таким образом медные монеты с «бараном» (88), «осетром» (81) и «быком» (Рис. 1. 1) в действительности являются диоболами, с «луком» (96) – оболлами, а с «конём» (87) – гемидрахмами и диоболами (вес 1,17–2,03 г, диам. 10,5–17,5 мм (см.: Шелов, 1956. С. 214. Табл. III. 38, 39. С. 215. Табл. IV. 50; Анохин. 1986. С. 139. № 88, 87, 81; Строкин. 2009. С. 378. Прим. 38; Гарбузов и др. 2011. Рис. 11, 14). Уместно при этом заметить, что отчётливо прослеживаемое по нумизматическим данным стремление тирана обустроить денежную систему Боспора «по образу и подобию» афинской находит естественное объяснение в сложившемся на исходе V в. тяжёлом финансовом положении Пантикапея, обусловленным послевоенной разрухой и необходимостью основательно закрепиться на только что завоеванных обширных территориях (ср.: Шелов-Коведяев. 1985. С. 117–119). Излишне доказывать, что введение в оборот неполноценной монеты,

а по сути своей дензнака, предоставляло Сатиру редкую возможность успешно решать многие текущие проблемы в государстве минимальными средствами и при этом направлять в казну львиную долю поступавшего извне серебра. Разумеется, такая грабительская по своей сути финансовая политика способна давать лишь кратковременный эффект – как уже говорилось, медная мелочь не только не могла долго обращаться по столь неимоверно завышенному курсу, но в сущности изначально была обречена на девальвацию вплоть до возвращения «на круги своя», т. е. до уровня халка и его фракций. Поэтому есть все основания полагать, что кризисные явления в экономике, вызванные насаждённой Сатиром сугубо «медной» денежной системой, не заставили себя долго ждать, и идея об их преодолении путем возвращения к проверенному временем серебру, что называется, носилась в воздухе, а «реверсивная» реформа Афин 393/2 г. лишь ускорила процесс её реализации на практике. Так или иначе, но куда важнее подчеркнуть то, что эта, по всей видимости, первая по счёту денежная реформа Левкона I (ок. 390 г. до н.э.) не привела к тотальному изъятию меди из оборота (в отличие от Аттики) – судя по присутствию монет с «конём» (87) вкладах начала I в. до н.э., она продолжала обращаться на местном рынке и после вхождения Боспорского царства в Понтийскую державу Митридата VI Евпатора.

Литература

- Анохин. 1986 – *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. К., 1986.
Анохин. 1999 – *Анохин В. А.* История Боспора Киммерийского. К., 1999.
Бертье-Делагард. 1906 – *Бертье-Делагард А. Л.* Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. 1906. Т. XXVI.
Блаватский. 1085 – *Блаватский В. Д.* Древнейшее свидетельство о Синдике // Античная история и археология. М., 1985.
Гарбузов и др. 2011 – *Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Строкин В. Л., Сударев Н. И.* Динамика освоения сельских территорий греческих центров Таманского п-ова в VI–V вв. до н.э. // ДБ. 2011. Т. 15.
Завойкин. 2004 – *Завойкин А. А.* Фанагория во второй половине V – начале IV в. до н.э. // ДБ. 2004. Suppl. I.
Зограф. 1951 – *Зограф А. Н.* Античные монеты. 1951. МИА. № 16.
Коваленко, Молчанов. 2005 – *Коваленко С. А., Молчанов А. А.* О монетной чеканке Феодосии в V–IV вв. до н.э. // ВДИ. 2005. № 1.
Мельников. 2002 – *Мельников О. Н.* К вопросу о проблемах нумизматики Боспора IV–III вв. до н.э. // Ш БЧ. 2002.
Мельников. 2009 – *Мельников О. Н.* Нумизматика и синойклизм Фанагории и Гермонассы // V Кубанская археологическая конференция. Пересыпь, 2009.
Стрелков. 1999 – *Стрелков А. В.* Афинский монетный декрет // НЭ. 1999. XVI.
Строкин. 2009 – *Строкин В. Л.* Нимфей – Самма (?) – Нимфей // ДБ. 2009. Т. 13.
Строкин. 2011 – *Строкин В. Л.* Афинский след в монетном деле Феодосии // ПИФК. 2011. № 1.

- Шелов. 1956 – Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956.
Шелов-Коведяев. 1985 – Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985.
Head. 1911 – Head B. V. Historia numorum. Oxford, 1911.

О. Н. Мельников

**Влияние Рима на монетное дело Боспора римского периода
(16 г. до н.э. – 341/342 г. н.э.)**

Изучая по данным нумизматики влияние Рима на Боспор, А. Л. Бертъе-Делагард (1911. С. 211, 214) сделал вывод о том, что от 16 г. до н.э. до 80/81 г. н.э. право чеканки золота на Боспоре принадлежало Риму, а «местным владыкам <...>, как и сенату в Риме, оставлен чекан только меди». Исследователь считал золото с монограммами «ДΥМ», «ΚΝΕ», «ΠΑΡ», «ΠΑ» битым под непосредственным контролем римских «чиновников поставленных и на то уполномоченных Августом», чем объяснил «частую и странную перемену монограмм», полагаемых сокращениями имён чиновников (Там же. С. 155, 212); это мнение поддержали и некоторые современные исследователи (Фролова. 1968. С. 46; Болдырев. 2002. С. 58–59; Абрамзон, Фролова. 2007–2008. С. 293). И лишь для золота с приставкой царского титула «ΒΑ-» А. Л. Бертъе-Делагард допустил предоставление «какого-либо участия в выгодах чекана на этом металле боспорским царям». В доказательство он привлек средний вес статов Боспора и римских ауреусов, равный при Асандре, но ставший к 80/81 г. н.э. у статов выше, чем у ауреусов. Это обстоятельство А. Л. Бертъе-Делагард (1911. С. 209, 213, 214) объяснил императорским приказом строго соблюдать норматив боспорской монеты, в то время как с монетами самого Рима дозволялись махинации. Однако стабильность веса боспорских статов при падении веса ауреусов делает более адекватным мнение А. Н. Зографа (1938. С. 288) не о покорном следовании за римской монетно-весовой системой, но о соблюдении Боспором собственного интереса в авторитете своей монеты. Вместе с тем, отсутствие **контроля** Рима над весом статов Боспора отнюдь не отрицает римского **влияния** (выделено нами. – О. М.) на местное монетное дело. Это естественно как на фоне подстройки соседствующих с Боспором провинциальных и клиентных денежных рынков под римскую монетную систему, так и с учётом берущих начало с конца 40-х гг. I в. до н.э. непосредственных политических и экономических контактов между Римом и Боспором (Бертъе-Делагард. 1911. С. 207–209; Трейстер. 1993. С. 53 сл.). Такое влияние выражалось в форме свободного (без слепой имитации) и постепенного согласования с доминирующей на традиционном рынке

экономических связей Боспора монетной системой империи с приобретением местных специфических черт, часто существенно отличающихся от римского оригинала (Карышковский. 1953. С. 184; Фролова. 1997. С. 219; Мельников. 2005; 2006).

Помимо опровержения мнения о римских чиновниках (Мельников. 2004. С. 255 сл.), якобы скрытых за монограммами на боспорском золоте, существует и наиболее полярная версия о чеканке статов с монограммами «ΔΥΜ», «ΚΝΕ», «ΠΑΡ», «ΠΑ» «несмотря на портреты Августа и Агриппы, <...> и без санкции Рима» (Сапрыкин. 2002. С. 210).

Нет сомнений, что технические и финансовые параметры монетного дела устанавливал именно владелец монетной регалии, сам же и контролирующий степень их соблюдения. Т. Н. Смекалова и Ю. Л. Дюков (Дюков. 2001. С. 103–104; Смекалова. 2001а. С. 336, 337, 344, 345) пришли к выводу о том, что «состав золотых монет Боспора, по-видимому, только до времени Рискупорида II (I-го. – *О. М.*) **в какой-то степени** (выделено нами. – *О. М.*) контролировался со стороны Рима». Это заключение как бы накладывает «в какой-то степени» некое ограничение на сложившееся у части исследователей представление о контроле Рима за качеством боспорских статов и даже за количеством (Зограф. 1938. С. 288) и весом (Фролова. 1968. С. 58) бронзовой монеты. Однако доля золота в монетах напрямую затрагивала интересы владельца монетной регалии, а потому должна была контролироваться им не просто «в какой-то степени», но **полностью**. Поэтому монетное право на Боспоре надо закрепить **полностью** либо за Римом, либо за царями Боспора. «Стабильный» состав золота в статерах (Фролова. 1997. С. 89) не может служить доказательством римского нормативно-технического контроля над ними. Так же и надчеканку «голова Септимия Севера» на бронзовых монетах едва ли можно рассматривать как «свидетельство подтверждения санкцией Рима их номинальной стоимости», как полагал А. Н. Зограф (1938. С. 287–288, 301). Этому не соответствует нумизматический анализ (подробности будут изложены в иной публикации), указывающий на узко политическую зависимость Боспора от Рима, которая сама по себе ещё не означает использование монетного права на Боспоре непосредственно самим Римом.

Проримская типология боспорских монет свидетельствует всего лишь о разрешении Рима на владение царями Боспора монетной регалией; из чего только и можно исходить при рассмотрении каждого «подозрения» на вмешательство Империи в местное монетное дело, например, в начале правления – 137–141 гг. – Антонина Пия (ср.: Бертье-Делагард. 1913. С. 133, прим. 43; Фролова. 1972. С. 191; 1997. С. 143; Смекалова. 2001а. С. 338). В оплату своих политических целей Рим поступался прямой финансовой выгодой, субсидируя царей

Боспора монетным правом, в котором мог «в какой-то степени» (Анисимов. 1989. С. 96) (весьма жёсткой на первых порах) **обращать внимание лишь на типологию в её политико-пропагандистской функции**. Отсюда следует не столько «поощрительное» отношение Рима к чеканке боспорского золота, какое вслед за А. Н. Зографом (1951. С. 192, 203; 1955. С. 159) полагают некоторые исследователи (Смекалова, Дюков. 2001. С. 104; Смекалова. 2001а. С. 345), сколько римский нейтралитет, прямо не сдерживающий, но и не «поощрявший» такую чеканку.

Редкость имперских монет на денежном рынке Боспора (Голенко. 1957. С. 203) нельзя объяснить невыгодностью курса их местного обмена, как полагает, например, В. А. Сидоренко (2003. С. 285–286), но можно считать лишь следствием запрета боспорских царей (как владельцев монетной регалии) на такое обращение.

Основываясь на неоднозначном сообщении Лукиана (1935. С. 543; 1960. С. 271), часть исследователей полагает, что со времён, по крайней мере Евпатора, Рим финансировал Боспор, в частности его золотую чеканку (Ростовцев. 1917. С. 129–130; Жебелёв. 1934. С. 674; Дьяков. 1942. С. 32; Гайдукевич. 1949. С. 333; Зограф 1951. С. 192, 203; Доватур. 1959. С. 38; Шелов. 1981. С. 60–62; Фролова 1982. С. 57; 1997. С. 146; Анохин 1986. С. 105–109; Сапрыкин 2009: 331). Причём указания на поставку металла для чеканки боспорских статеров в слитках (Ростовцев 1918. С. 160; Блаватский 1964. С. 146) сменялось утверждениями об этом металле как золотых ауреусах (Винокуров. 1988. С. 198 сл.), серебряных денариях (Фролова. 1982. С. 58–60; 1991. С. 105; 1992. С. 194–195; 1997. С. 146) и – для чеканки денег из аурихалка – латунной монеты (Смекалова. 2001а. С. 338–340, 343, 344; 2001б. С. 28 сл.). Мотивируется это тем, что якобы «выплата субсидий в слитках <...> была крайне невыгодна для выплачивающей стороны и не могла найти применения на практике при <...> соотношении сил <...> между Римом и Боспором» (Фролова. 1982. С. 59). В цитате подразумевается, по-видимому, превышение номинальной стоимости монеты из драгметаллов на 20–25 % цены металла этой монеты (Volin. 1958. P. 47, 81, 88, 190, 201–202, 213, 232). В этих процентах номинальной наценки содержался (за вычетом затрат на монетное производство) доход от монетной регалии, который Рим не имел при выдаче металла слитками. Так бы оно и было в боспорском случае, если бы речь шла о выплатах за конкретные товары или отдельные услуги. Однако финансовые субсидии (о регулярных, в лучшем случае, римских субсидиях Боспору можно говорить лишь для времени не ранее готских войн III в.) (*Zosim. I. 31–33*) (Зубарь. 1998. С. 80–82, 107–108, 136) не прямо поступали в боспорское денежное обращение, но могли использоваться на его пользу лишь опосредованно. Ведь если бы Рим вливал субсидии **(безвозмездную**

помощь) непосредственно в боспорское монетное производство именно деньгами (ходячей монетой), то он нёс бы потери от затрат на изготовление этих, но уничтожаемых при переделке в другую монету денег в драгметалле на 20–25 %, а в латуни – до кратности в несколько раз от их стоимости (покупательной способности) на собственном рынке империи.

Невозможно согласиться с мнением А. Н. Зографа (1938. С. 300; 1951. С. 200; 1955. С. 159) о стремлении Рима не допустить чрезмерных эмиссий на Боспоре бронзовой монеты, дабы предотвратить её обесценивание, которое якобы вело к падению стоимости римского серебряного денария на пограничных Боспору территориях. Это, поддержанное некоторыми исследователями (Абрамзон. 1995. С. 50; Смекалова. 2001а. С. 336, 337, 339, 341; 2001б. С. 27, 31–32) положение, несостоятельно по следующим причинам:

1) Монеты Боспора за пределами его прямого финансового доминирования не обращались в качестве денег. Даже высокопробный золотой статер Боспора начала римского периода, попадая за границу экономического и политического контроля Боспора, превращался просто в слиток металла, т. е. терял 20–25 % своей стоимости как ходячей монеты. Эта потеря номинальной стоимости боспорских монет не позволяла им конкурировать с монетой имперской на территориях её денежного хождения.

2) Ни чрезмерные выпуски бронзы, ни падение её веса не могли ни понизить стоимость римских денариев, ни «обесценить» золотые боспорские статеры, чего особенно опасается Т. Н. Смекалова (2001а. С. 336, 337; 2001б. С. 24, 27). Так как, по её мнению, «уменьшение рыночной стоимости золотой боспорской монеты повлекло бы и падение курса денария в пограничных с Боспором областях», то она полагает, будто допустимое количество бронзовой монеты на рынке Боспора контролировалось, по крайней мере при Савромате I Римом (Смекалова. 2001б. С. 26–27). Однако опасения по поводу стабильности покупательной способности монет из драгметаллов беспочвенны потому, что цена таких денег на 75–80 % обеспечивалась составляющим их металлом. Падение же стоимости боспорской бронзовой монеты увеличило бы курс статера по отношению к этой бронзе, но оставило бы неизменной стоимость статера и его курс по отношению к серебряному денарию. Также и «уменьшение рыночной стоимости золотой боспорской монеты» (из-за увеличения лигатуры) привело бы к повышению по отношению к ней курса серебряного денария при неизменности его покупательной способности. Что же касается «обеспечения» курса бронзы золотом (Зограф. 1938. С. 300; 1951. С. 200), то оно было всего лишь дополнением (хоть и основным) к финансово-экономическому авторитету государства. Чрезмерная же чеканка бронзы могла лишь понизить её курс к золоту.

А если бы при этом государство настаивало на неизменности этого курса, то население стало бы изымать золото из оборота, оставляя в нём лишь бронзу. Именно последнее обстоятельство (вероятно, проверенное на практике) и было сдерживающим фактором (но не римский контроль в этом качестве) от чрезмерного увлечения боспорских властей бронзовыми эмиссиями, причём не только в римский период, но и на протяжении всей истории боспорского монетного дела, когда практиковались параллельные эмиссии монет в драгоценном металле и бронзе.

Таким образом, вместе с получением от императора Рима права на царствование, цари Боспора получали и полную монетную реглалию при единственной в ней обязанности соблюдать типологическую лояльность Риму.

Литература

- Абрамзон. 1995 – *Абрамзон М. Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М., 1995.
- Абрамзон, Фролова. 2007–2008 – *Абрамзон М. Г., Фролова Н. А.* Корпус боспорских кладов античных монет. Симферополь; Керчь, 2007–2008. Т. I.
- Анисимов. 1989 – *Анисимов А. И.* Неопубликованная монета и некоторые вопросы чеканки Рискупорида II (68–93 гг.) // ВДИ. 1989. № 1.
- Анохин. 1986 – *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. К., 1986.
- Бертье-Делагард. 1911 – *Бертье-Делагард А. Л.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД. 1911. Т. XXIX.
- Бертье-Делагард. 1913 – *Бертье-Делагард А. Л.* Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. 1913. Т. II.
- Блаватский. 1954 – *Блаватский В. Д.* Архаический Боспор. // МИА. 1954. № 33.
- Болдырев. 2002 – *Болдырев С. И.* Монетные комплексы Боспора рубежа нашей эры как исторический источник // ДБ. 2002. Т. 5.
- Винокуров. 1988 – *Винокуров Н. И.* Проблема римских денежных субсидий Боспорскому царству (по данным нарративных и нумизматических источников) // Тез. докл. Крымской науч. конф. «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988. Ч. III.
- Гайдукевич. 1949 – *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Голенко. 1957 – *Голенко К. В.* Клад монет, найденный в 1951 г. в Патрæ // СА. 1957. № 2.
- Доватур. 1959 – *Доватур А. И.* Реметалк и Евпатор // ВДИ. 1959. № 4.
- Дьяков. 1942 – *Дьяков В. Н.* Таврика в эпоху римской оккупации // Учёные записки Московского государственного педагогического института. 1942. Т. 28.
- Жебелёв. 1934 – *Жебелёв С. А.* Основные линии экономического развития Боспорского государства // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. Л., 1934. Вып. 8.
- Зограф. 1938 – *Зограф А. Н.* Реформа денежного обращения в Боспорском царстве при Савромате II // ВДИ. 1938. № 2.
- Зограф. 1951 – *Зограф А. Н.* Античные монеты. 1951. МИА. № 16.

- Зограф. 1955 – Зограф А. Н. Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. Т. I.
- Зубарь. 1998 – Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.). К., 1998.
- Карышковский. 1953 – Карышковский П. О. Боспор и Рим в I в. н.э. по нумизматическим данным // ВДИ. 1953. № 3.
- Лукиан. 1935 – Лукиан. Собр. соч. М.; Л., 1935. Т. II.
- Лукиан. 1960 – Лукиан. Александр, или Лжепророк // Поздняя греческая проза. М., 1960.
- Мельников. 2004 – Мельников О. Н. Первые проявления личностной коммеморативности в монетном деле Боспора Римского периода – монеты с монограммой «BAE» // Сугдейский сборник. К.; Судак, 2004. Вып. I.
- Мельников. 2005 – Мельников О. Н. Эволюция монетной системы Боспора греко-римской стадии (16 г. до н.э. – 14 г. н.э.) // Сугдейский сборник. К.; Судак, 2005. Вып. II.
- Мельников. 2006 – Мельников О. Н. О монограммах боспорских дупондиев с «пятиколонным храмом» // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы III Судакской междунар. науч. конф. (18–21 сентября 2006 г.). К.; Судак, 2006. Т. II.
- Ростовцев. 1917 – Ростовцев М. И. Понт, Вифиния, Боспор // Русский исторический журнал. 1917. № 1–2.
- Ростовцев. 1918 – Ростовцев М. И. Медь Динамии и Аспурга // ИТУАК. 1918. Вып. 54.
- Сапрыкин. 2002 – Сапрыкин С. Ю. Аспург, царь Боспора // ДБ. 2002. Т. 5.
- Сапрыкин. 2009 – Сапрыкин С. Ю. Савромат II и фиасы Боспора // ДБ. 2009. Т. 13.
- Сидоренко. 2003 – Сидоренко В. А. Банковские операции при храмах на Боспоре в I в. до н.э. – II в. н.э. (по материалам граффити) // БИ. 2003. Вып. III.
- Смекалова. 2001a – Смекалова Т. Н. Боспор в сфере влияния Римской империи // ДБ. 2001. Т. 4.
- Смекалова. 2001b – Смекалова Т. Н. Ещё раз к вопросу о составе сплава боспорских монет первых веков новой эры // ПИФК. 2001. Вып. XI.
- Смекалова, Дюков. 2001 – Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л. Монетные сплавы государств Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира. СПб., 2001.
- Трейстер. 1993 – Трейстер М. Ю. Римляне в Пантикапее // ВДИ. 1993. № 2.
- Фролова. 1968 – Фролова Н. А. Монетное дело Рискупорида II // НЭ. 1968. VII.
- Фролова. 1972 – Фролова Н. А. Из истории Боспора в середине II в. н.э. // ВДИ. 1972. № 1.
- Фролова. 1982 – Фролова Н. А. О римско-боспорских отношениях в I – середине III в. н.э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. К., 1982.
- Фролова. 1991 – Фролова Н. А. К проблеме чеканки монет Боспора с I в. до н.э. по 341–342 г. н.э. // Древнее Причерноморье. II чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского: Тез. докл. юбилейной конф. 9–11 марта 1991 г. Одесса, 1991.
- Фролова. 1992 – Фролова Н. А. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – середины IV в. до н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
- Фролова. 1997 – Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). М., 1997. Ч. I.
- Шелов. 1981 – Шелов Д. Б. Римляне в Северном Причерноморье во II в. до н.э. // ВДИ. 1981. № 4.
- Bolin. 1958 – Bolin S. State and currency of the Roman Empire to 300 A. D. Stockholm, 1958.

М. В. Скржинская

Вазы с накладными рельефами как источник знаний боспорян о редких сюжетах греческих мифов

В конце V в. до н.э. в афинских керамических мастерских начали делать сосуды, украшенные накладными рельефами. Образцом для них послужили драгоценные металлические вазы с рельефным декором. В отличие от таких монохромных металлических изделий краснофигурные вазы с многоцветными рельефами блистали разными красками и позолотой, что придавало им особую привлекательность. Они были дорогими штучными изделиями, и до наших дней уцелело немногим более сотни образцов, обнаруженных в разных частях греческой ойкумены (Zervoudaki. 1968). В их числе около десятка найдено в некрополях Пантикапея и один лекиф – в кургане Большая Близница на азиатской стороне Боспора. Большинство этих ваз хранится в Эрмитаже, а две оказались в собрании Лувра. О подобных находках на территории других античных государств Северного Причерноморья, насколько мне известно, в научной литературе есть лишь упоминание о фрагменте из хищнических раскопок Ольвии (ОАК за 1912 г. 1916. С. 35).

Состоятельные боспоряне стали приобретать такие вазы вскоре после их появления. Об этом свидетельствует ойнохоя из Змеиново кургана, она считается лучшим образцом из подобных уцелевших ваз конца V в. до н.э. (Korcke. 1969. S. 546). На ойнохое помещены иллюстрации двух мифов, в которых участвуют шесть персонажей, и около трёх написаны их имена. В группе, украшающей одну сторону вазы, сидящий полуобнаженный юноша назван Адонисом, а стоящая рядом женщина – Пейто. Афродита и крылатый Эрот легко определяются и без поясняющих надписей. Перед нами иллюстрация мифа о прекрасном юноше Адонисе, которым пленилась Афродита. Её сын Эрот и постоянная спутница Пейто, богиня убеждения и красноречия, помогают возбудить ответное чувство у Адониса. Изображения Адониса, божества восточного происхождения, впервые появляются на аттических вазах в конце V в. до н.э. (LIMC. Bd. 1. S. 228), так что боспорянин приобрел одну из ранних ваз с этим мифическим персонажем. Однако образованные эллины знали мифы об Адонисе ещё в архаический период. Тогда об этом божестве писали поэты Гесиод (фр. 139), Сафо (фр. 23), Паниасис (*Apollod. Bibl. III. 14, 4*). Поэтому пантикапейский владелец вазы, покупая дорогую ойнохую для своего парадного сервиза, знал этот миф. Вероятно, разливая вино из этой ойнохой, он с гордостью обращал внимание гостей на сосуд с редким для того времени декором и объяснял, что на нём изображено.

На другой стороне вазы находится иллюстрация к эпизоду из троянского цикла мифов. На это указывает надпись Тевкр – так звали брата Аякса, а о подвигах самого Тевкра все знали по нескольким эпизодам из «Илиады». В сказаниях о конце Троянской войны говорилось, что Аякс перед самоубийством поручил брату позаботиться о своем сыне Эврисаке, которого родила Текмесса, захваченная в плен после падения Трои (*Soph. Ai.* 569–576). На ойнохое фигура Тевкра помещена рядом с женщиной, держащей на коленях ребенка. Это Текмесса с младенцем Эврисаком. Во второй половине V в. до н.э. этот второстепенный эпизод из троянских сказаний получил широкую известность среди афинян, благодаря трагедиям Софокла «Аякс» и «Эврисак». Владелец вазы, вероятно, был в числе многих боспорян, приезжавших в Афины и посещавших театр. Представляется весьма вероятным, что боспорянин сам приобрел дорогую ойнохую с входящим в моду декором и с иллюстрациями мифов, которые на Боспоре знали немногие образованные люди.

Все остальные интересующие нас вазы датируются IV в. до н.э. Ещё один эпизод из заключительного этапа Троянской войны украшает лекиф с тремя фигурами (ДБК. Табл. 48; Zervoudaki 1968. S. 24. Nr. 28). Мастер представил момент смерти Приама: Неоптолем хватает царя, напрасно ищущего спасения у алтаря Зевса, а Гекуба в ужасе убегает.

Среди ваз с рельефными фигурами, обнаруженных на Боспоре, самой широкой известностью пользуется большой лекиф с подписью мастера Ксенофанта, который сделал его в 80-е годы IV в. до н.э. (ДБК. Табл. 45, 46; Виноградов. 2007). Эту вазу часто включают в отечественные и зарубежные работы об античном искусстве. По остаткам разных красок и позолоты можно представить многоцветную красоту лекифа. Сюжет декора сосуда уникален и поэтому затруднителен для понимания.

Ксенофант изобразил двенадцать охотников; они поражают орлиноголового и львиноголового грифонов, а также двух кабанов и лань. Около семи персонажей написаны их имена: пять персидских и два греческих. Такое большое количество имён указывает, что перед нами иллюстрация литературного сочинения, а не устного предания, т. к. в фольклоре собственными именами наделяются обычно лишь два-три главных героя. Из произведения о совместной охоте персидских и греческих героев Ксенофант выбрал пять эпизодов. Центральный и главный из них посвящён едущему на колеснице Абракому, который поражает копьём кабана; кроме того, мастер изобразил всадника Дария, убивающего лань, Артамиса и Сейсама нападающих на грифонов, и греческих охотников Клития и Эвриала, которые травят кабана с помощью собаки. Присутствие фантастических грифонов явно указывает на мифологический сюжет, а не на

изображение реальной охоты, как полагали некоторые исследователи (Скржинская. 1999. С. 121–130).

В недавно опубликованной работе, посвящённой этому замечательному лекифу, Ю. А. Виноградов (2007. С. 41, 42) справедливо написал, что ваза изготовлена по специальному заказу боспорянина. Я не могу согласиться с утверждением исследователя о том, что лекиф заранее сделан для погребальных целей. По мнению учёного, в декоре вазы отразилось представление эллинов о загробной жизни, а все детали многообразных верований скомпонованы самим древним художником, причём основные моменты композиции представляют воплощение пожеланий боспорянина.

Трудно представить, как заказчик и исполнитель собрали для своего замысла в одной композиции героев из разных времён, причём преимущественно персов: Абраком, сатрап Сирии, стал почему-то центральной фигурой, хотя естественнее в таком случае были бы цари Дарий или Кир, оказавшиеся на втором плане; Артамиса и Сейсама вспомнили из трагедий Эсхила, давно к тому времени не шедших на сцене, а греческих героев взяли из числа второстепенных лиц в сказаниях об аргонавтах.

Гораздо вероятнее поставить декор лекифа Ксенофанта в ряд иллюстраций мифов, известных в литературной обработке, где все эти герои объединялись в одном сюжете. На вазах V–IV вв. до н.э. мастера часто использовали готовые композиции из больших живописных произведений, приспособляя их к возможности отобразить на сосуде (Горбунова, Передольская. 1961. С. 104). Скорее всего, Ксенофант по желанию своего заказчика воспроизвел на лекифе понравившуюся ему картину, иллюстрирующую предание о мифической охоте персидских и греческих героев, и конечно художник и покупатель знали содержание литературного произведения, в котором были названы имена участников этой охоты.

Мне кажется, что лекиф, наполненный благовонным маслом, предназначался для использования на симпозиумах, когда гости умащались благовониями. Ксенофант, сделав бросающуюся в глаза надпись о своем авторстве, рассчитывал не на короткий период, когда лекиф могли увидеть во время похорон, а на частые застолья, чтобы многие боспоряне и их гости узнали, какие замечательные сосуды можно заказать их мастеру. В могилу, кстати довольно скромную по инвентарю, лекиф попал как любимый предмет покойного.

В коллекции ваз, найденных на Боспоре, есть ещё один меньший по размеру лекиф с подписью Ксенофанта. Мастер украсил сосуд тремя рельефными фигурами охотников, для которых использовал формы рельефов, изготовленные для большого лекифа: это всадник Дарий, убивающий ланя, Артамис, замахнувшийся секирой на кабана, и охотник, спускающий собаку. На малом лекифе отсутствуют

надписи имён и нет фантастических животных, а раскраска фигур иная, чем на большом лекифе. Таким образом, перед нами сцена некой реальной охоты; такие сюжеты встречались также на других вазах с накладными рельефами (Zervoudaki. 1968. S. 27, 28. Nr. 37–39), поэтому этот лекиф сделан не по специальному заказу, а просто для продажи.

В третьей четверти IV в. до н.э., вероятно для ритуальных целей и по желанию лица, причастного к элевсинским обрядам, был изготовлен привезённый на Боспор лекиф с изображением шести персонажей Элевсинских мистерий (Zervoudaki. 1968. S. 9. Nr. 22). Наверное, вазы с подобными изображениями могли приобретать лишь приобщённые к таинствам (Clinton. 1992. P. 9). Неслучайно знаменитая элевсинская пелика из Павловского кургана близ Пантикапея находилась в захоронении жрицы Деметры. На лекифе мы видим сходную композицию и тех же персонажей, но в меньшем числе: в центре сидит Деметра, рядом с ней Кора с факелом, над ними Триптолем на колеснице, запряжённой змеями, а по бокам Дионис, Афина и Геракл. К сожалению, неизвестны обстоятельства находки этого сосуда, находящегося теперь в Лувре.

Большая гидрия украшена иллюстрацией мифа о споре Афины и Посейдона за обладание Аттикой (Соколов. 1983. № 37; LIMC. Bd. 1. S. 291. Nr. 38; Bd. 2. S. 997. Nr. 453). Рельефные фигуры богов были окрашены в разные цвета, а некоторые позолочены. Наверное, по желанию боспорского заказчика, изображения спорящих богов, стоящих около оливкового деревца, воспроизводят скульптуры Фидия, находившиеся в центре западного фронтона Парфенона. Этот храм, построенный за несколько десятилетий до изготовления гидрии, вызывал всеобщее восхищение. Глядя на вазу, боспоряне вспоминали своё посещение афинского акрополя, а тем, кто там не бывал, рассказывали об удивительном храме и его декоре с изображением кульминационного момента предания о том, как Афина и Посейдон стремились завоевать первенствующее положение в Аттике: богиня дарила оливковое дерево, а Посейдон – соляной источник. Фигурка Ники, летящей к Афине, символизировала её победу в состязании.

Лекифы с изображениями Зевса, похищающего Европу, и со сценами в гинекее имеют декор с сюжетами, достаточно широко распространёнными на расписных вазах. Как и малый лекиф Ксенофанта, эти сосуды сделаны, вероятно, в расчёте на широкий спрос у покупателей. В IV в. до н.э. на Боспоре сосуды с иллюстрациями мифа о похищении Европы часто использовались в погребальном ритуале, т. к. боспоряне придавали этому мифу символическое значение перехода души умершего из мира живых в царство мёртвых. Поэтому лекиф с фигурой Европы, сидящей на быке, поместили

в одну из могил кургана Большая Близница (ОАК за 1866 г. 1868. С. 77. Табл. II). То же самое можно сказать и о лекифе с изображением приготовления к свадьбе (Zervoudaki. 1968. S. 9. Nr. 22); вазы с подобными изображениями часто клали в могилы девушек, не успевших выйти замуж (Скржинская. 2010. С. 263–267).

Подводя итог анализа vaz с накладными рельефами, можно сказать, что лучшие из них выполнены по индивидуальным заказам боспорян. Эти вазы украшают редкие и порой уникальные иллюстрации литературных произведений на мифологические темы. Сюжеты такого декора с многофигурными композициями дают представление об образовании и литературных вкусах состоятельных боспорян, а также о том, какие изысканные произведения аттических мастеров входили в парадный сервиз, использовавшийся в Пантикапее во время симпозиумов в конце V–IV в. до н.э. Родные умерших нередко помещали в могилы вазы, которые любили их владельцы, и таким образом многие вазы с рельефными фигурами попадали в погребения.

Литература

- Виноградов. 2007 – *Виноградов Ю. А.* Большой лекиф Ксенофанта. СПб., 2007.
- Горбунова, Передольская. 1961 – *Горбунова К. С., Передольская А. А.* Мастера греческих расписных vaz. Л., 1961.
- Соколов. 1983 – *Соколов Г. И.* Античное Причерноморье. Л., 1983.
- Скржинская. 1999 – *Скржинская М. В.* Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3.
- Скржинская. 2010 – *Скржинская М. В.* Древнегреческие праздники в Элладе и в Северном Причерноморье. СПб., 2010.
- Корске. 1969 – *Корске G.* Reliefkeramik Klassischer Zeit // AAn. 1969. № 4.
- Zervoudaki. 1968 – *Zervoudaki E. A.* Attische Reliefkeramik des späten V und des IV Jahrhunderts v. Chr. // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Ableitung. 1968. 83.

А. Н. Матукина

Идеальный тип боспорянина в эпитафиях позднеэллинистического времени

Изучение различных аспектов ментальности древнегреческого общества – устойчивых духовных ценностей, форм организации мышления, картины мира – может значительно расширить наши представления об особенностях античной эпохи в истории Северного Причерноморья. Одной из важных составляющих понятия «ментальность» является представление о человеке как части мироздания и в т. ч. о чертах, составляющих идеальный тип человека. Несмотря на перспективность таких исследований, специалисты, занимающиеся

историей Боспора, не уделяли значительного внимания разработке вопросов, относящихся к предмету исторической антропологии, хотя свидетельства источников дают основание для подобного анализа.

В греческой общественной мысли классического и эллинистического времени существовало несколько терминов, обозначающих совокупность черт, присущих идеальному человеку: например, *αρετή*, *καλοκαγατία*, *αυδρογατία*. Отличаясь по времени и причинам появления, а также смысловым особенностям, все эти термины основывались на идее всестороннего развития человека и гармоничного существования человека и полиса.

Наиболее ранним и самым распространённым понятием, использовавшимся для характеристики идеального человека, было *αρετή* – многозначное слово, обозначающее превосходные качества, красоту, честь, доблесть, славные деяния и высокое мастерство и объединявшее все эти признаки в одном общем понятии: «добродетель и нравственное совершенство». *Αρετε* не было простым обобщением названных характеристик, но являлось самостоятельным философским термином, существовавшим уже в период архаики.

Другим понятием, использовавшимся для обозначения идеального типа человека, стало словоупотребление «*καλοκαγατία*», «*καλος και αγαθος*». Появившееся в середине V в. до н.э. как попытка более чётко, чем прежде, обозначить различие между аристократией и прочими социальными группами, это сочетание ранее самостоятельных слов со временем (в эллинистическую эпоху) либо превратилось в единое понятие, употребляемое в отношении достойных представителей любого класса (а не только аристократии) (Donlan. 1973. P. 373–374), либо использовалось в двух значениях: как описание социального статуса или моральных и гражданских доблестей (Cairns. 1997. P. 74–76). У всех трактовок понятия «*καλοκαγατία*» есть общая черта: в их основе лежит представление о гармоничном сосуществовании высоких интеллектуальных, физических, моральных и нравственных качеств, а также соответствующий им образ жизни (Подробный анализ этого понятия см.: Лосев. 1992, 1994; Никитюк. 1994. С. 111–116; Mooney, Coad. 2006).

Рассмотрим, в какой степени эти идеи были развиты на Боспоре в период позднего эллинизма. Источником для исследования послужили метрические эпитафии, найденные на территории боспорского государства, большая часть которых относится к периоду I в. до н.э. – I в. н.э.

По данным эпитафий, взрослый мужчина-гражданин выполнял в обществе несколько важнейших функций. На первом месте стояла защита своего отечества. Человек, достойный памяти потомков, – всегда «сын своей отчизны» (CIRB 1057 – стела Тимофея, сына Да-сея, I–II вв. н.э.; CIRB 1192 – стела Гастия и Адиманта, I в. н.э.).

В интересующий нас период понятие «отечество» изменило своё значение: перед нами уже не симмахия (или амфиктиония) полисов, дающих своим гражданам возможность владеть землёй и отстаивать политические интересы с помощью инструментов демократии, но единое монархическое государство во главе с правителями Пантикапея. Защита родины стала одновременно и защитой правящей пантикапейской династии. С одной стороны, осознание себя гражданином Боспорского царства укрепляло связи между эллинами из ранее независимых полисов, с другой – употребление двойного демотикона (напр., «пантикапеец» и «боспорянин») свидетельствует о большом значении городской общины некоторых боспорских городов. Соответственно, одной из наиболее достойных черт мужчины была воинская доблесть и победы в битвах с врагами. О них говорится в эпитафиях на стелах Аристона, сына Аристона (CIRB 133; I в. н.э.), Левкия, сына Левкия (CIRB 136; I в. н.э.), Менодора, сына Аполлония (CIRB 131; I в. до н.э. – I в. н.э.).

Другим важным делом было создание семьи и рождение детей. Даже упоминание того, что мужчина скончался до брака (CIRB 142), указывает не на возраст умершего, а на преждевременную (ведь главная задача ещё не выполнена) смерть: не так важно, сколько лет было мужчине, важно, успел ли он оставить после себя потомство. В качестве примера приведём эпитафии Гастия и Адаманта, сыновей Хорегиона (CIRB 1192; I в. н.э.), и Менодора, сына Аполлония. Погребальная надпись должна сообщать прохожим о главном достоинстве или главном деле жизни умерших; о Гастии мы узнаём, что он оставил двоих детей, об Адаманте – что у того была дочь. Среди наиболее ценных личных качеств было и уважение к родителям: в эпитафии Эммиды, матери Энея, говорится о «сладостных дарах», которые боги ниспослуют сыну (который, вероятнее всего, и заказал эпитафию, увековечив более себя, нежели мать) за почтение к родителям (CIRB 122; I в. до н.э.).

Естественно, что канон доблести включал в себя представления и о внешнем облике, уме и чертах характера человека. Эпитафия Аполлония, сына Аполлония (CIRB 119; I в. до н.э.), сообщает нам о наиболее ценных качествах умершего: он был красив (*κάλλος*), любезен и благосклонен (*χάρις*) и наделён здравым смыслом (*φρόνησις*). Нужно отметить, что прилагательное *χάρις* многозначно и наряду с указанным значением может означать благоволение, расположение, честь, услугу, наслаждение, уважение и благодарность. Описание умершего даёт представление о его внешнем облике (прилагательное *κάλλος* подразумевает физическое совершенство), уме и моральных качествах. Как видим, именно единство этих достоинств образует канон доблести (*αρετή*), «сломленный» после смерти Аполлония. То же единство трёх добродетелей было присуще, как сообщает эпитафия,

Саббиону, сыну Стефана (CIRB 146; II в. н.э.) – возможно, одному из немногих известных нам боспорских поэтов. Со смертью Саббиона «погибло всё доблестное, что было в нём»: добрый нрав ($\eta\theta\omicron\varsigma$), разум ($\nu\omicron\upsilon\varsigma$), расцвет ($\alpha\kappa\mu\eta$). В конце эпитафии ещё раз говорится о добром нраве умершего, который был «ласков со всеми». Вновь упоминаются интеллектуальные способности и черты характера; нет указаний на внешний облик, но сказано, что Саббион умер в лучшую пору своей жизни – $\alpha\kappa\mu\eta$ (время высшего расцвета, в т. ч. расцвета телесного).

Сочетание мудрости и особенных черт характера, упоминаемых как главное достоинство человека, мы видим в эпитафии Стратоника, сына Зенона, «хранившего разумность и славные нравы» (CIRB 145; I в. н.э.), и надписи на могильной плите Смикра (CIRB 118; III–II вв. до н.э.). О Смикре мы знаем, что он отличался справедливостью, «которая внедрена была в уме природою от рождения», и, как следствие, пользовался большим доверием со стороны сограждан. Известно, насколько высоко в Греции классического и эллинистического периодов ценились верность и преданность в отношениях с друзьями (Свенцицкая. 1992. С. 149–191); таким же было отношение к этим качествам на Боспоре (CIRB 134 – эпитафия Гелиодора, сына Гелия, I в. н.э.).

К какому слою населения относились заказчики рассмотренных эпитафий и те, кому они предназначались? Некоторые имена умерших и их отцов свидетельствуют, что их носители происходили из аристократических кругов (Стратоник, Аристон, Стефан, Зенон, Хариксен), другие могли принадлежать как знатным, так и простым гражданам (напр., теофорные имена Апполоний и Тимофей). О том, что значительная часть имён в упомянутых нами эпитафиях принадлежит людям, имевшим большой вес в боспорском обществе, косвенно говорит и формулировка отдельных эпитафий («стяжал славу у царей и народа» или выражение «при жизни был ласков со всеми», употреблявшееся, как правило, в отношении лиц, обладавших властью (Свенцицкая. 2000. С. 245–246), и сам факт постановки каменного надгробия с эпитафией, требовавший значительных материальных затрат (Даниленко. 1968. С. 12–13). Кроме того, выбор метрической формы эпитафии указывает на происхождение заказчика из наиболее образованного слоя боспорского общества, который мы можем назвать интеллигенцией.

В приведённых примерах существительное *αρετε* многозначно и обозначает множество черт, призванных дать читателю представление о совершенстве, присущем умершему. Та же многозначность названного понятия была характерна для всей античной литературы, где смысловые оттенки *αρετη* зависели от пола, возраста, рода занятий и социального положения погребённого. Примеры такого употребления встречаются как на аттических стелах, так и в эпитафиях Северного Причерноморья (Реек. 1960. No. 6; Денисова. 1988).

I в. до н.э. стал одним из наиболее нестабильных и драматических периодов в истории Боспорского царства. К началу этого столетия объединение боспорских городов окончательно превращается в качественно новое государственное образование: в состав государства входят Нимфей, Феодосия и племена в Азии, меняется титулатура боспорского монарха, появляется этникон «боспорянин». Один из правителей государства, Перисад V, передаёт царство Митридату VI Евпатору. Уже находясь в составе Понтийского царства, Боспор переживает ряд политических и экономических потрясений (Митридатовы войны, восстание Савмака, ухудшение отношений с соседними варварскими племенами, разрушительное землетрясение 60-х гг. и сопутствующий экономический и демографический кризис), которые не могли не повлиять на изменение традиционных мировоззренческих представлений боспорян.

В этих условиях происходит трансформация многозначного, как уже отмечалось, понятия *арете*: поскольку окончательно формируется идея принадлежности гражданина именно монархическому государству, Боспорскому царству, развивается идея новой гражданственности, обязательной и почётной принадлежности к общему делу, в т. ч. делу защиты своего отечества. В понятии *арете* на первый план выходит значимость человека в общегосударственной жизни, его заслуги перед отечеством, личностное развитие человека в приложении к интересам государства. Говоря об *арете* боспорских граждан, мы должны помнить, о какой «отчизне» идёт речь и почему столь большое внимание в эпитафиях уделяется «почестям со стороны царя». В то же время эта гражданственность сочетается с вниманием к отдельному человеку, его чувствам, переживаниям, привязанностям.

Несмотря на то что ни в одной надписи нет словоупотребления *καλος καί αγαθος*, мы видим, что это понятие (в значении сочетания моральных и гражданских добродетелей) стало неотъемлемой частью представлений об идеальном человеке. Мы не можем установить точно, относилось ли оно только к представителям высшего класса, или было одинаково употребимо для всех слоёв общества.

В представлениях об идеальном типе человека в эллинистическом боспорском обществе нашли отражение как традиционные воззрения, привнесённые из метрополии, так и новые черты, появившиеся в результате самостоятельного развития боспорского общества и государства. Те же тенденции были характерны и для других государств античного мира в эллинистический период.

Литература

Даниленко. 1968 – Даниленко В. Н. Стелы эллинистического Херсонеса как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1968.

- Денисова. 1988 – *Денисова В. И.* Стихотворная древнегреческая надпись из Ольвии // СА. 1988. № 1.
- Лосев. 1992, 1994 – *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Т. VIII, кн. 2. М., 1992, 1994.
- Никитюк. 1994 – *Никитюк Е. В.* К развитию представлений об идеальном человеке в греческой литературе V–IV вв. до н.э.: понятие и образ у Ксенофонта // Вестник СПбГУ. Серия 2. 1994. Вып. 1 (№ 2).
- Свенцицкая. 1992 – *Свенцицкая И. С.* Человек и мир в восприятии греков эллинистического времени // Эллинизм: восток и запад. М., 1992.
- Свенцицкая. 2000 – *Свенцицкая И. С.* Эллины античного мира в кругу друзей // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 2000.
- Donlan. 1973 – *Donlan W.* The origin of Kalos kagatos // The American Journal of Philology. 1973. Vol. 94. No.4 (Winter, 1973).
- Cairns 1997 – *Cairns D. L.* Review of F. Bourriot 'Kalos Kagathos–Kalokagathia // The Classical Review (New Series). 1997. 47.
- Mooney, Coad. 2006 – *Mooney T. B., Coad G.* Kalos Kai Agathos: Homeric Origins. Singapore, 2006. Singapore Management University. Social sciences & humanities working paper series.
- Peek 1960 – *Peek W.* Griechische Grabgedichte. Berlin, 1960.

Н. В. Молева

Проблема дат для боспорских антропоморфных изваяний с надписями

В лапидарной коллекции керченского заповедника насчитывалось 11 антропоморфных изваяний с греческими надписями¹¹. Они происходят из трёх боспорских городов: Пантикапей – 6, Тиритака – 1 и Геромнасса – 4. Долгое время их датировка по особенностям эпиграфики являлась отправной точкой для определения хронологических рамок существования таких памятников. Они получались неудовлетворительно широкими: от III в. до н.э. до начала IV в. н.э. Упоминание негреческих имён на некоторых из них привело первых исследователей изваяний к выводу, что, будучи варварскими по своей форме, они с эллинистического времени стали использоваться боспорскими греками, являя собой яркий пример культурного синкретизма (Иванова. 1950. С. 192). Заметим, однако, что варварские традиции III в. до н.э. и III в. н.э. – это совсем не одно и то же. Вместе с тем именно факт наличия надписей обратил внимание некоторых исследователей на эти изваяния и с начала XX в. начинается формирование

¹¹ В настоящее время в Керченском лапидарии имеется только 8 таких изваяний (Инв. 166, 180, 229, 231, 263, 702, 805, 1166).

коллекции антропоморфных памятников в фондах Керченского историко-археологического музея, а также их публикация в изданиях того времени (Шкорпил. 1911. С. 107, 119; 1917. С. 119. Рис. 11; Марти. 1910. С. 11–15; 1913. С. 31. № 5; Kiseritzky, Watzinger. 1909. Nr. 757, 759–763).

В настоящее время подобные изваяния известны в древнегреческих, особенно – в малоазийских некрополях. Начиная с ахейского времени (Троя), стала очевидной их принадлежность античной городской культуре и связь с погребальными культами. Что же касается антропоморфной формы как таковой, то она была свойственна многим архаическим культурам, существовавшим и до и после греков и всегда имевшим яркие этнические особенности (Молева. 1991. С. 71–74)

Вопрос о том, насколько правомерно датировать боспорские антропоморфные изваяния по надписям, имеющимся на некоторых из них, давно назрел. В этом небольшом исследовании попытаемся в нём разобраться.

К концу XX – началу XXI в., когда количество боспорских антропоморфных изваяний только на европейской стороне Боспора превысило полторы сотни, стало очевидным, что такие памятники использовались в погребальном обряде очень часто, являя собой модификацию статуи-полуфигур или герм в их живописном варианте. Обстоятельства находок более половины из них позволили разработать классификацию и датировку таких изваяний (Молева. 2002. С. 37–69). Сейчас нам известно, что, появившись на Боспоре ближе к концу IV в. до н.э., они получили самое широкое распространение в эллинистический период (III–I вв. до н.э.). В первые века нашей эры они наряду со статуями-полуфигурами и гермами, были вытеснены рельефными стелами. Однако их использование – как правило, вторичное – продолжалось. Антропоморфные памятники находят в конструкциях и перекрытиях могил этого времени, в кладках крепостных сооружений и сакральных комплексов. Совсем редко фиксируется вторичное использование старых изваяний, их применение в качестве надгробий.

С учётом разработанной нами классификации и датировки боспорских антропоморфных изваяний, о памятниках с надписями можно сказать следующее.

Только 4 надгробия из 11 представляют собой случаи, когда надписи на них синхронны времени изготовления памятников. Все они относятся к эллинистическому периоду. Три датируются III в. до н.э.¹², происходят с Тамани и, вероятно, имеют отношение к некрополю Гермонассы (КБН 1071, 1072, 1073). Одно из них содержит

¹² Здесь и далее использованы датировки надписей, предлагаемые авторами КБН.

греческое имя и патронимик: «Нимфагор, сын Гикесия» (КБН 1072). Два других содержат негреческие имена – Бакюайон, сын Мосхиона (КБН 1071) и Ханак, сын Фата (КБН 1973). Все надписи каллиграфически высечены в районе груди (в верхней части туловища). Формы головы и шеи, а также пропорции изваяний, чёткие боковые грани, зашлифованность лицевой поверхности камня свидетельствуют об их изготовлении в III в. до н.э. и нанесении надписей в то же время.

Ещё одно антропоморфное изваяние, содержащее рельеф и надпись, опубликовано в 2010 г. (Молева. 2010. С. 150–151. Рис. 1). Это надгробие Диогена, сына Аристокла. Его центральная часть занята рельефом в прямоугольном углублении. На нём представлены стоящая мужская и женская фигуры в сцене прощания. Вытянутые пропорции фигур и хорошая передача объёма являются характерными признаками эллинистического времени. Под рельефом, в нижней части надгробия, размещена плохо сохранившаяся трёхстрочная надпись (остались только две строки): «Диоген, сын Аристокла и ...». По эпиграфическим признакам надпись может быть датирована II в. до н.э.¹³ Пропорции изваяния, особенности обработки камня, форма головы позволяют отнести изготовление этого надгробия также ко II в. до н.э.

Остальные семь памятников являют собой диссонанс между своим внешним обликом и надписями, высеченными на них. В некоторых случаях такое несоответствие ещё более усиливается нанесёнными на изваяниях рельефами. Представим их в хронологическом (по надписям) порядке.

Наиболее известным (и единственным, сделанным из мрамора) является надгробие Поплия, сына Косса (КБН 496)¹⁴. Памятник имеет чёткие антропоморфные геометрические очертания с идеально круглой головой, плавно переходящей в шею, затем – в прямые маленькие плечи. Очевидно, это изваяние являлось верхней частью гермы. По своим пропорциям оно аналогично высокой расписной герме, представленной на живописной стеле Апфы, жены Афиней (IV в. до н.э.; Иванова. 1961. С. 107. Илл. 51). Судя по этому изображению, традиция ставить над могилами умерших гермы антропоморфных очертаний существовала на Боспоре уже с середины IV в. до н.э. В верхней (голова) и нижней частях этого надгробия вырезаны два рельефа в прямоугольном и фигурном углублениях: вверху – всадник и слуга, внизу – сцена прощальной трапезы. Между рельефами, в области шеи размещена двухстрочная надпись, в которой не уместились две последние буквы слова «χαίρε». Авторы КБН датируют эту надпись не

¹³ Консультанты при реконструкции имён – Э. И. Соломоник и Е. И. Леви.

¹⁴ Найдено в 1973 г. на Тамани. Сейчас – в экспозиции Керченского музея (Инв. КЛ-1166; высота – 97 см).

ранее середины I в. н.э. Не вызывает сомнений, что к этому же времени относятся рельефы.

Таким образом, вполне закономерным выглядит предположение о том, что это изваяние – точнее, его верхняя часть, являлись изначально (вторая половина IV – первая половина III в. до н.э.) верхней частью высокой, мраморной, быть может, расписной гермы. В I в. н.э. (скорее всего, во второй его половине) оно было использовано повторно, как хороший мраморный камень и украшено двухъярусным рельефом и надписью.

Следующее надгробие, также датированное по надписи I в. н.э. (КБН 410), изначально представляло собой поясное антропоморфное изваяние близких к предыдущему геометрических очертаний (круглая голова плавно переходит в невысокую шею, затем – в прямые скруглённые плечи; туловище прямоугольное). Оно представляло собой контур человеческой фигуры в поясном изображении. В центральной части туловища вырезана двухстрочная надпись: «Эвдия, жена Менодота, прощай»¹⁵. Вероятно, этот памятник был использован в античный период трижды. Формы и пропорции, способы обработки камня свидетельствуют об изготовлении его в III в. до н.э. Обстоятельства находки и надпись указывают на то, что в I в. н.э. он вторично был использован как надгробие (кстати, по изначальной своей форме – это мужской памятник, а надпись – женская). Ещё раз он был применён как плита перекрытия над могилой II в. н.э. Таким образом, он неоднократно использовался на протяжении 500 лет.

Ещё одно антропоморфное изваяние, судя по надписи – не ранее конца I, а скорее – II в. н.э., было установлено над могилой Музы, жены Эрота (КБН 625). Двухстрочная надпись вырезана на уровне плеч достаточно небрежно. Поверхность головы и шеи занимает рельеф в прямоугольном углублении, представляющий стоящую женскую фигуру в позе печали. Надпись и рельеф синхронны и по времени изготовления, и по своему содержанию. Что же касается пропорций и формы этого памятника, отметим, что антропоморфные изваяния с широкой, большой, овальной головой появляются позже круглоголовых, во второй половине III–II в. до н.э. В первые века нашей эры, как это видно на примере представленного надгробия, они нередко используются повторно.

Хорошо известно антропоморфное изваяние с надписью II в. н.э. «Плотион, сын Прота, прощай» (КБН 702)¹⁶. Оно представляет собой

¹⁵ Найдено в Керчи в 1902 г. на Предельной улице (некрополь Пантикапея); входило в состав перекрытия могилы более позднего времени, чем надпись. Хранится в Керченском лапидарии (Инв. КЛ-805).

¹⁶ Найдено в Керчи в 1867 г. (гора Митридат). Входило в состав перекрытия могилы более позднего времени, чем дата надписи. Хранится в Керченском лапидарии (инв. КЛ-180).

поколенное схематическое изображение человеческой фигуры с круглой головой, резко (без шеи) переходящей в прямые широкие плечи. Туловище прямоугольное, в нижней его части имеется шип для крепления в постаменте. Надпись, выполненная крупными буквами, занимает центральную часть туловища. По форме головы, пропорциям и тщательной обработке камня, это надгробие было, вероятно, изготовлено в III в. до н.э. Тот факт, что памятник был найден в перекрытии могилы позднего римского времени вместе с рельефными стелами II в. до н.э. (КБН 589, 704), подтверждает возможную первоначальную дату его изготовления. Вместе с тем ясно, что его использовали трижды: в III в. до н.э. и во II в. н.э. (надпись вторична) как надгробия, а в конце II–III в. н.э. в закладе (плиты перекрытия) могилы.

Следующее антропоморфное изваяние с надписью «Дама, сын Дамы, прощай» датировано временем не ранее II в. н.э., возможно, и III в. н.э. (КБН 720)¹⁷. Надпись небрежно вырезана большими неровными буквами в две строки и размещена по центру туловища. Пропорции и абрис самого памятника (широкая голова в виде горизонтального овала, короткая шея, маленькие плечи, прямоугольное туловище) указывают на то, что это надгробие изначально было изготовлено во II в. до н.э. В первые века нашей эры оно использовалось, скорее всего, повторно. Тогда же была нанесена надпись.

Ещё одно, довольно большое антропоморфное изваяние с надписью (две строки, вырезанные по линейкам в верхней части туловища) сохранилось частично (нет головы): «Эрот, сын Зенона, прощай» (КБН 721)¹⁸. По характеру письма оно датируется не ранее конца II в. н.э., а возможно, и III в. н.э. Тщательная обработка лицевой поверхности памятника, чёткие боковые грани, сами его пропорции (поясное изображение с широкими скошенными плечами) свидетельствуют о том, что изначально он был изготовлен во второй половине III–II в. до н.э., а в конце II в. н.э. использован в качестве надгробия повторно; тогда и была нанесена надпись.

Последнее антропоморфное изваяние с двухстрочной надписью, вырезанной в центральной части туловища очень крупными буквами: «Нейкос», датировано III в. н.э. (КБН 910)¹⁹. Несмотря на отсутствие головы, такие характерные его черты, как заострённые приподнятые плечи, прямоугольное (поколенное) туловище, остатки шипа для крепления в постаменте в нижней части, указывают, что этот

¹⁷ Памятник куплен Керченским музеем в 1892 г. Предположительно найден на Аджимушкской дороге. Хранится в Керченском лапидарии (инв. КЛ-182).

¹⁸ Надгробие также куплено музеем в 1892 г. Вероятно, найдено у Братской церкви. Хранится в Керченском лапидарии (инв. КЛ-166).

¹⁹ Найдено в 1946 г. при раскопках помещения III–IV вв. н.э. в Тиритаке В. Ф. Гайдукевичем. Хранится в Керченском лапидарии (инв. КЛ-263).

памятник был первоначально изготовлен в III в. до н.э. В III в. н.э. он использовался как надгробие, вероятнее всего, вольноотпущенника (отсутствие патронимика и теофорное имя свидетельствуют об этом). Обстоятельства же его находки в вымостке пола здания III–IV вв. н.э. (Гайдукевич. 1952. С. 120) раскрывают последний, третий этап существования этого изваяния на протяжении 500–600 лет.

В заключение отметим следующее. Далеко не всегда можно датировать антропоморфные надгробия по содержащимся на них надписям. Важным условием для определения времени изготовления таких памятников являются их формы, пропорции и способы обработки камня. Неоднократное использование этих изваяний на протяжении 300–500 лет в качестве надмогильных памятников, плит перекрытия погребений в первых веках нашей эры, а также в вымостках и конструкциях зданий свидетельствуют о том, что апотропеистическое значение антропоморфной формы долго сохраняется и продолжает жить в религиозном сознании боспорян.

Литература

- Гайдукевич. 1949 – *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. Л., 1949.
- Гайдукевич. 1952 – *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1925–40 гг. // МИА. 1952. № 25.
- Иванова. 1950 – *Иванова А. П.* Боспорские антропоморфные надгробия // СА. 1950. XIII.
- Иванова. 1961 – *Иванова А. П.* Скульптура и живопись Боспора. К., 1961.
- Марти. 1910 – *Марти Ю. Ю.* Новые боспорские надгробия, приобретенные музеем Мелек-Чесменского кургана в 1907–1908 гг. // ЗООИД. 1910. Т. XXVIII.
- Марти. 1913 – *Марти Ю. Ю.* Новый эпиграфический материал из Керчи и её окрестностей // ЗООИД. 1913. Т. XXXI.
- Молева. 1991 – *Молева Н. В.* О происхождении боспорских антропоморфных надгробий // СА. 1991. № 2.
- Молева. 2002 – *Молева Н. В.* Классификация и датировка боспорских антропоморфных изваяний // Очерки сакральной истории Боспора. Нижний Новгород, 2002.
- Молева. 2010 – *Молева Н. В.* Боспорские антропоморфные надгробия с греческими надписями в лапидарной коллекции Керченского музея // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2010. Вып. 13.
- Шкорпил. 1911 – *Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, найденные в 1910 г. // Известия ИАК. 1911. Вып. 40.
- Шкорпил. 1917 – *Шкорпил В. В.* Новонайденные боспорские надписи // Известия ИАК. 1917. Вып. 63.
- Kiseritzky, Watzinger. 1909 – *Kiseritzky G., Watzinger G.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.

Северное Причерноморье и Ахемениды: некоторые аспекты взаимоотношений

Взаимоотношения этносов Северного Причерноморья с «мировой империей» Ахеменидов в конце VI и в V в. до н.э. в литературе, за единичными исключениями (Fedoseev. 1997; Яйленко. 2004. С. 56, 59), выглядят de facto как малоактивные. Принято думать, что Империя не оказала серьезного воздействия ни на политическую жизнь народов региона, ни на выявляемые археологами аспекты их культуры (скифский «звериный стиль», наборы парадной посуды, костюмный декор и др.). Во многом это связывают с победой коалиции во главе с Идантирсом над войсками Дария I в Скифии (примерно между 514 и 509 гг. до н.э.) и её последствиями.

Вместе с тем ещё в ранний период правления Дария I (522–486 гг.) в Накш-и Рустаме, в 10 км от Парсы/Персеполя, был высечен рельеф над его гробницей с новаторской композицией «Трон Империи, поддерживаемый народами» с 30 подвластными этносами (Walser. 1966. Abb. 1; Schmidt. 1970. Figs. 39–52). Принято думать, что он сделан раньше сопроводительной большой надписи (по Ктесию, гробница завершена евнухом Багапатом в 493 г. – за 7 лет до смерти «царя царей») ²⁰. Среди покорённых Дарием народов здесь изображены *saka rādrāya* – «кочевники за [Чёрным] морем» (№ 24). Характерно, что их представитель стоит между других этносов северо-западного «угла» Империи – ионийских греков и фракийцев/македонян (в том же порядке они даны затем и в сопровождающей надписи). Однако уже в середине правления Дария на восточной лестнице Ападаны Персеполя среди делегаций, вручающих символические дары на Науруз для царя, показаны всего 23 этноса и *saka rādrāya* среди них отсутствуют (хотя их «соседи» – ионийцы и фракийцы – там представлены) ²¹. Этот народ всего через несколько лет после первого упоминания исчез из персидских документов, притом исчез навсегда.

²⁰ Копия этой композиции, созданной при самом могущественном правителе Империи, механически воспроизводилась затем для гробниц более поздних Ахеменидов, независимо от реальных границ державы, поскольку она стала одним из государственных символов.

²¹ Эта лестница была повреждена в ранний период ислама, но соседняя (восточная) лестница (копирующая её изображения и сооружённая в конце правления того же Дария или начале правления Ксеркса) хорошо сохранилась.

Принято думать, что включение, а потом молниеносное исключение причерноморских «скифов»²² из подобных списков народов представляет собой либо приём имперской пропаганды в начале неудачной в целом «скифской» войны, либо же просто отражает незначительность этих событий для персидской политики (Дандамаев 1985. С. 111; Алексеев. 2003. С. 163). Локализация двух «соседей» *saka parađraua* в Накш-и Рустаме на стыке Чёрного и Эгейского морей породила также их идентификацию с малочисленными «скифоидными» памятниками северной периферии Балкан (Полин. 1994. С. 97). Большинство же коллег отождествляют *saka parađraua* с тем этносом, который воевал непосредственно с Дарием в степях Украины. Все эти четыре предположения представляются мне сегодня недостаточно обоснованными.

Во-первых, нетрудно убедиться, что в число народов на гробнице Дария Великого (как и в другие серии изображенных этносов времени его царствования: рельефы в Бисутуне/Бехистуне и на лестнице Ападаны) во всех остальных, достоверных случаях вошли только реально завоёванные (или вновь приведённые к покорности после больших восстаний) этносы, платившие дань. Во-вторых, столь же очевидно, что в подобные официальные списки вошли лишь крупные и по разным причинам значимые для Империи этносы/страны²³; малочисленных же «скифских» обитателей северных границ Балкан таковыми считать трудно (как известно, большинство памятников «скифов» VI в. до н.э. находились на противоположном крае Причерноморья – на Северном Кавказе). В-третьих, размещение этносов рядом в изобразительных и лапидарных памятниках времён Дария I во многих случаях означает не прямое территориальное соседство, а причисление к определённому сектору одной из зон по мере удаления от столицы Персиды (см., напр., Tourovets. 2001)²⁴. В-четвёртых, как ни велики путаница, наслоения и иные деформации

²² Термин *saka* для имперской администрации, похоже, означал вообще номадов степной и полупустынной зон Евразийского степного пояса (для кочевых этносов горных и пустынных районов Ближнего Востока, Ирана и Афганистана он тогда не употреблялся).

²³ В ряде случаев явно подразумевается не крупный этнос, а именно *страна*. Это очевидно для презентации полиэтничного населения Западной Индии и можно обоснованно предполагать, например, для Хорезма, включающего как оседлые, так и кочевые этносы этой группы оазисов (если иметь в виду только оседлых хорезмийцев, то невозможно объяснить серьёзное и длительное сопротивление Хорезма имперской армии во второй половине V в. до н.э., закончившееся победой сепаратистов и ярко отразившееся в официальном искусстве: Яценко. 2011а).

²⁴ Эти зоны были отнюдь не равномерными по ширине и отнюдь не круглыми по контуру, если их нанести на современные карты, составленные с помощью новейшего геодезического оборудования и космических снимков и уже не учитывающие дни пути по тогдашним главным маршрутам и т. п.

в текстах историков V в. Геродота и Ктесия, из «Персидской истории» последнего следует, что незадолго до вторжения самого Дария в Скифию имел место другой конфликт, успешный для персов: поход через Чёрное море сатрапа Каппадокии Ариарамна²⁵ (причём, если для Ктесия этот конфликт важен и непосредственно связан с последующими событиями, то Геродот вообще ничего не знает о нём). В-пятых, основные детали костюма изображённого представителя *saka paradraua* (кафтан со скошенными назад полами; головной убор с длинным острым верхом и длинным назатыльником) имеют аналогию только у «архаических скифов» VII–VI вв. и неизвестны позже (Яценко. 2011б. Рис. 22–23, 2)²⁶.

В ситуации с кратковременным появлением в числе подданных Дария *saka paradraua* нам кажется наиболее приемлемым видеть в них «скифов», побеждённых Ариарамном. Вместе с тем, что именно в эти годы в европейских степях произошли, видимо, серьёзные культурные и политические перемены, связанные с проникновением с востока новой орды «скифов»-сколотов. Кажется справедливым замечание, что «хронологический стык двух Скифий совпадает по времени с походом Дария» (Алексеев. 2003. С. 190). Однако представляется, что господство пришельцев могло установиться не при Ариапифе, а раньше, когда федерацией из трёх племён правили Идантис, Таксакис и Скопасис, разгромившие Дария²⁷. Утверждение их доминирования могло быть облегчено поражением северокавказских «архаических» скифов Скифарба от войска Ариарамна.

Сегодня в Центральной Турции (в Татарлы) известна гробница V в. до н.э., которая, возможно, принадлежала одному из высокопоставленных участников похода Ариарамна. На деревянном гробе (Sumner. 2007. Fig. II) сохранилась красно-бело-чёрная роспись со сценой сражения персидского войска во главе с полководцем с кочевниками (в каждой группе было, видимо, по 12 человек), костюм

²⁵ «Поскольку Дарий приказал сатрапу Каппадокии Ариарамну пойти на скифов и полонить мужчин и женщин, тот, выступив на 30 пентеконтерах, захватил пленных, причём был схвачен и брат скифского царя [Скифарба – Я. С.] Марсагет...».

²⁶ В персидском искусстве конца VI в. до н.э. кафтаны с подобными полами были важным элементом этнического стереотипа и позже изображались лишь у таких этносов Средней Азии, как хорезмийцы и *saka haumavarga*, а также у соседних со Скифией фракийцев/*skudra* (Яценко. 2011а); но головные уборы у них другие. Любопытно, что облик *saka paradraua* на гробнице практически идентичен таковому у живших за Сырдарьей *saka tigrauda* (№ 15).

²⁷ А. Ю. Алексеев придаёт большое значение тому, что Геродот специально не отмечает близкое родство Идантиса и Ариапифа и потому видит именно здесь время установления новой власти (Алексеев. 2003. С. 188). Однако на ранней стадии доминирования нового этноса изначальное установление стабильной династии отнюдь не обязательно.

которых по всем критериям соответствует только «архаическим скифам» (Яценко. 2009. С. 223).

Следующий этап военных конфликтов Империи со скифами может отражать знаменитая цилиндрическая печать с битвой четырёх воинов – двух персов и двух кочевников, приобретенная в 1857 г. парижской Национальной Библиотекой из Paolin Collection (см. фото: Collon. 1987. P. 744)²⁸. Западные исследователи сегодня убеждены в том, что здесь представлены центральноазиатские номады; однако такие элементы костюма, как горизонтальный подол кафтана и декор штанов из вертикальных полос на их изображениях в детализированных батальных сценах отсутствуют (Яценко. 2011a), но характерны для «классических» скифов-сколотов. Стилистически и композиционно эта печать наиболее близка образцам с батальными сценами, использовавшимися в правление Ксеркса I (486–465 гг. до н.э.) (Wu. 2010. P. 550–552). Это означает, что знатный заказчик печати мог отразить здесь участие в одной из компаний против скифов на Балканах. Как известно, в 495 г. состоялся скифский поход в принадлежавшую персам Фракию, а царь Ариапиф в 70-х годах женился на дочери царя фракийцев-одриссов Тера, и этот союз во многом мог иметь антиперсидскую направленность.

Литература

- Алексеев. 2003 – *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003.
- Дандамаев. 1985 – *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
- Дьяконов. 1956 – *Дьяконов М. М.* История Мидии. М.; Л., 1956.
- Полин. 1994 – *Полин С. В.* О походе Дария в Причерноморскую Скифию // Древности скифов. К., 1994.
- Яйленко. 2004 – *Яйленко В. П.* Военная акция Дария I на Киммерийском Боспоре // БФ. 2004. Ч. I.
- Яценко. 2009 – *Яценко С. А.* О нескольких вероятных изображениях скифов в греческом и персидском искусстве // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запорожье, 2009. Т. XV.
- Яценко. 2011a – *Яценко С. А.* Враги из Средней Азии в искусстве империи Ахеменидов // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 2.
- Яценко. 2011b – *Яценко С. А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). 2-е изд. М., 2011. – <http://www.narodko.ru/article/yatsenko/eurazia/glava1/>.
- Collon. 1987 – *Collon D.* First Impressions: Cylinder Seals in the Ancient Near East. L., 1987.

²⁸ К сожалению, прорисовка целого ряда деталей персонажей (напр., у левого скифа – глаз, мнимого «стоячего воротника», странного изгиба бортов вверху) у М. М. Дьяконова явно неточна (ср.: Дьяконов. 1956. Рис. 50), но она была использована В. А. Ильинской и другими коллегами.

- Fedoseev. 1997 – *Fedoseev N. F.* Zum achaemenidischen Einfluss auf die historischen Entwicklung der nordpontischen griechischen Staaten // AMIT. 1997. Bd. 27.
- Schmidt. 1970 – *Schmidt E. F.* Persepolis. Royal Tombs and Other Monuments. Chicago, 1970. Vol. III.
- Summerer. 2007 – *Summerer L.* Picturing Persian Victory: The Painted Battle Scene on the Munich Wood // ACSS. 2007. Vol. 13.
- Tourovets. 2001 – *Tourovets A.* Délégations de l'escalier est de l'Apadana (Persépolis) // AMIT. 2001. Bd. 33.
- Walser. 1966 – *Walser G.* Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis. Historische Studien über den sogenannten Tributzug an der Apadanatreppe. Berlin, 1966.
- Wu. 2010 – *Wu X.* Enemies of Empire: A Historical Reconstruction of Political Conflicts between Central Asia and Persian Empire // The World of Achaemenid Persia. History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East. L., 2010.

М. Ю. Трейстер

Ахеменидские «импорты» на Боспоре Киммерийском. Анализ и интерпретация

В работах последних десятилетий, посвящённых истории Боспорского государства, выдвигались как предположения о политической зависимости Боспора эпохи Археанактидов от Ахеменидского государства (Fedoseev. 1997. S. 309–319; Кошеленко. 1999. С. 130–142), так и критика их (Молев. 2001а; 2001б. С. 29–33). Недавно Й. Нилинг высказался в пользу того, что разрушения Пантикалея и других боспорских городов в первой четверти V в. до н.э. могло быть результатом персидской экспансии, а в дальнейшем при правлении Археанактидов и вплоть до экспедиции Перикла, т. е. с 480 до 438/437 гг. до н.э., Боспор находился под политическим и экономическим влиянием Персии (Nieling. 2010. P. 123–136). Это заставляет нас ещё раз критически рассмотреть археологические источники, в т. ч. те, которыми отчасти оперировали и Н. Ф. Федосеев, и Й. Нилинг. К последним относятся находки ахеменидских печатей (Fedoseev. 1997. S. 310–311; Treister. 2010. P. 234–236; 250–256. Fig. 8; Nieling. 2010. P. 131–133), серебряных и бронзовых сосудов ахеменидского круга (Treister. 2010. P. 223–227, 230–234). Их рассмотрение в контексте распределения ахеменидских импортов к северу от границ державы Ахеменидов позволяет понять общие черты и различия в распределении таких импортов на Боспоре, в находившейся на окраине Персидского государства и в буферной зоне территории современной Грузии, а также среди кочевников Северного Причерноморья и Южного Приуралья.

Серебряные и бронзовые сосуды

Произведения торевтики ахеменидского круга, найденные на территории Боспорского царства и прилегающих к нему областей, очень

немногочисленны (Рис. 1). Серебряный ритон с протомой горного козла, найденный в мужском погребении Семибратнего кургана № 4, можно рассматривать как произведение ахеменидского стиля, выполненное, вероятнее всего, в малоазийской мастерской, в первой половине, возможно, первой четверти V в. до н.э. (Там же. Р. 223–227). Бронзовая фиала первой половины IV в. до н.э. из Жирного кургана у ст. Темижбекской в Прикубанье относится к группе т. н. глубоких ахеменидских чаш, находки которых происходят преимущественно из Восточного Средиземноморья, Малой Азии и Ирана (Там же. Р. 231, 233. Fig. 6). Серебряная фиала из гробницы № 3 кургана на Зеленской горе находит параллели по форме в погребениях Македонии и Пропонтийской Фракии последней трети IV в. до н.э.; её декор обнаруживает близость оформлению бронзовой фиалы из Ура и серебряных из Фракии и Амударьинского клада. В целом же чашу можно рассматривать как изделие, выполненное в позднеахеменидской традиции (Там же. Р. 231–232, 234. Fig. 7). Произведения ахеменидской торевтики могли вызывать подражания, изготовленные в местных мастерских, комбинирующие характерные для ахеменидских прототипов формы и отдельные элементы декора с признаками, типичными для изделий т. н. греко-скифского стиля. Именно так, на мой взгляд, следует интерпретировать рог с протомой барана и горизонтальными каннелюрами на раструбе из Куль-Обы (Там же). Типологически этот феномен вписывается в традицию, получившую распространение и в других областях античного мира. В любом случае, однако, работавший в IV в. до н.э. мастер кульобского рога должен был быть знаком с произведениями ахеменидской торевтики.

Печати

Большинство найденных в Северном Причерноморье ахеменидских печатей с достоверным происхождением (Рис. 1) найдены на территории Боспорского царства (13 из 15; ещё пять печатей были предположительно обнаружены на Боспоре или приобретены в Керчи, или происходят из керченских коллекций). Из 13 печатей известного происхождения шесть – из некрополя Пантикапея; по две – из курганных некрополей Горгиппии и Нимфея, по одной – из Семибратнего кургана № 3, Большой Близницы и Фанагории (Там же. Р. 234–236; 250–256). Более или менее близки к датам погребений обе находки из погребений некрополя Нимфея (курган № 24/1876, гробница № 19 с погребением воина; женское погребение в кургане № 5/1868) первой половины V в. до н.э. и первой половины IV в. до н.э., соответственно (Там же. Р. 254–255. Nos. 10–11), а также печать первой половины IV в. до н.э. из Семибратнего кургана № 3 (Там же. Р. 254. No. 9), погребение в котором связывают с последним синдским царем Гекатеем (Власова. 2001. С. 131). Значительная же часть печатей V–IV вв. до н.э. происходит из более поздних комплексов

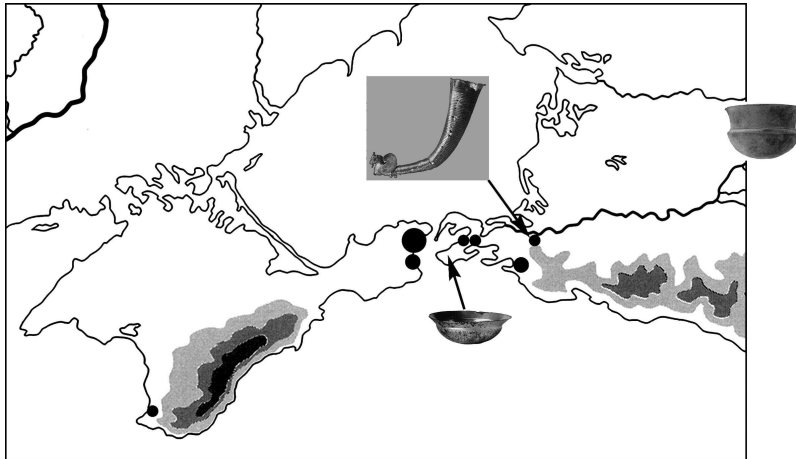

Рис. 1. Сосуды из металла и печати ахеменидского круга в Северном Причерноморье. Находки печатей обозначены кружками, размер которых пропорционален количеству находок

некрополей Азиатского Боспора и Пантикапея, в частности из сравнительно скромного по набору инвентаря женского погребения № 25/1907 на г. Митридат конца IV – начала III в. до н.э. (Treister. 2010. P. 253–254. No. 8), из относящейся к III в. до н.э. гробницы, открытой Д. В. Карейшей 24 декабря 1834 г. (Там же. P. 253–254. No. 3; см. о контексте: Тункина. 2010. С. 559. Прим. 7; о датировке погребения: Трейстер. 2010. С. 595).

Происходящие с территории Боспора печати представлены различными типами. Большинство из них скарабеоиды (некоторые обнаруживают близкие параллели по сюжетам, надписям и оформлению дужек среди находок из Лидии). Три из точно найденных на Боспоре (Treister. 2010. P. 252. Nos. 1, 3–4) и вероятно ещё две, также происходящие из этого региона печати, – цилиндрические.

Обратимся поэтому к датировке и контекстам находок цилиндрических печатей. Нет никакой информации о контексте находки цилиндра с надписью Артексеркса (вероятнее всего: Артаксеркса I), приобретенного ГМИИ им. А. С. Пушкина из собрания Е. П. Федоренко (Шилейко. 1925. С. 17–19; Strelkov. 1937. P. 17–21. Figs. 1–2: Артаксеркс III; Schmidt. 1957. P. 10. Note 43; Никулина, 1994. С. 85, 135. Прим. 29. Рис. 418; Kaptan. 2010. P. 367–368. Note 9b с лит.), а также эрмитажного цилиндра, поступившего из коллекции А. М. Звенигородского и датируемого временем не ранее конца V в. до н.э. (Treister. 2010. P. 256. No. 16; Kaptan. 2010. P. 367–368. Note 9c

с лит.)²⁹. Стилистический анализ позволяет относить указанные печати к группе западно-ахеменидских (Kartan. 2010. P. 367–368). Датированный началом IV в. до н.э. цилиндр был найден в упомянутом выше погребении середины III в. до н.э. кургана в окрестностях Анапы. Из двух других цилиндрических печатей, которые датируются суммарно V в. до н.э. и V–IV вв. до н.э., одна, как отмечалось выше, была обнаружена в богатом погребении некрополя Пантикапея III в. до н.э., о контексте же второй находки информации у меня нет (Treister. 2010. P. 252–253. No. 4).

Неоднократно высказывались мнения о том, что в Ахеменидском государстве цилиндрические печати использовались для документов царской администрации (Collon. 1987. P. 90; Klochkov. 1996. P. 39; Cat. London. 2005. P. 189). Предполагается, что некоторые печати, найденные на Боспоре, могли принадлежать высокопоставленным ахеменидским чиновникам и дипломатам, находившимся на Боспоре (Шилейко. 1925. С. 18; Nieling. 2010. P. 132). Опубликованные в последнее десятилетие корпусы печатей из архивов, позволяют, однако, скорректировать эту точку зрения – очевидно, что для ахеменидской эпохи тип печати не являлся определяющим критерием для её использования как официальной или частной (Kartan. 2002. P. 26)³⁰, хотя царские имена встречаются только на цилиндрах и количество таких примеров очень незначительно (см.: Root. 1979. P. 119–122 со списком из 15 цилиндров с царскими именами; Schmitt. 1981. S. 32–33; Kartan. 2002. P. 26). Высшим чиновникам царской администрации могли принадлежать печати высокого качества с арамейскими надписями (Garrison, Root. 2001. P. 8. Note 25). Хотя оттиски печатей на Persepolis fortification tablets показывают преимущественное использование цилиндров по сравнению с коническими печатями (294 и 18 из 312 идентифицированных печатей, опубликованных в томе 1, соответственно); среди них преобладают печати, принадлежавшие поставщикам (Ibid. P. 533–534). На табличках архива из сокровищницы в Персеполе среди идентифицированных оттисков 77 печатей, 43 – выполнены цилиндрами, 34 – коническими печатями и перстнями (Schmidt. 1957. P. 4). Среди печатей, оттиски которых сохранились на табличках из Персеполя, выделяют официальные и частные (Hallock. 1977. P. 127–133; Garrison. 1991. P. 3; 1996. P. 25). Подобно

²⁹ Возможно, и ещё позднее – см. атрибуцию Д. Бордмана: Артаксеркс III (Boardman. 2000. P. 160. Fig. 5.6). Н. М. Никулина (1994. С. 85; ср. С. 135. Прим. 29) относит его ко времени или Артаксеркса II, или Артаксеркса III.

³⁰ К этой же точке зрения присоединяется и Э. Дазинберр, отмечающая примеры использования официальными лицами конических печатей на табличках «Фортификационного» архива в Персеполе, которой автор искренне признателен за консультацию (e-mail от 3.03.2011). Цилиндры могли принадлежать не только официальным, но и частным лицам (Boardman. 2000. P. 152–153).

тому, как цилиндры могли использоваться как печати частных лиц, известны и случаи, когда высокие официальные лица, такие как Гобрый, сподвижник Дария I и отец его полководца Мардония, запечатывал документы не цилиндром, а конической печатью (см. печать Гоброя: Boardman. 2000. P. 165–166. Fig. 5, 23; Gates. 2002. P. 106. Fig. 1; P. 108).

Итак, из рассмотренных печатей корректно рассматривать как «официальную», принадлежавшую высокому должностному лицу, лишь «московский» цилиндр с надписью Артаксеркса. Кому бы ни принадлежали рассматриваемые печати, нет практически никаких сомнений в том, что они «путешествовали» вместе со своими владельцами (см., напр., Kaptan. 2010. P. 367), поэтому представить их в качестве предметов торговли (ср. Молев. 2001б. С. 31–32) очень трудно.

Интерпретация

Наиболее ранние находки произведений тореvтики и глиптики ахеменидского стиля появляются на Боспоре Киммерийском и в Синдике не позднее второй четверти V в. до н.э., т. е. при царствовании Артаксеркса I.

По количеству найденных предметов тореvтики ахеменидского круга Боспор уступает не только Южному Приуралью с его многочисленными и разнообразными изделиями, но и Колхиде и Кавказской Иберии. Ни возможное изготовление ритона из Семибратних курганов в мастерской, расположенной на территории Малой Азии, ни особенности погребального инвентаря, найденного в кургане № 4, не дают каких либо оснований для интерпретации находки как свидетельства прямых контактов с державой Ахеменидов. Впрочем, размеры ритона и высочайший уровень его исполнения не противоречат возможной интерпретации его как дипломатического дара, что вполне согласуется и с гипотезой о том, что Семибратние курганы были некрополем царей Синдики (Власова. 2001. С. 130).

На этом фоне заслуживает особого внимания очень высокая концентрация печатей ахеменидских типов на Боспоре. Найденные на Боспоре 13 (а возможно, 18) печатей значительно превышают количество подобных находок не только в античных городах Северного Причерноморья (цилиндр из Херсонеса: Treister. 2010. P. 255–256. No. 15) и в погребениях кочевников Евразии V–IV вв. до н.э.³¹: курганах Европейской Скифии (цилиндрическая печать из кургана № 19 Холодного Яра в районе Смелы: Treister. 2010. P. 255. No. 13) и Южного Приуралья (пирамидальная восьмигранная печать из кургана

³¹ Ещё одна цилиндрическая печать была найдена в погребении I в. до н.э. в Косике в Нижнем Поволжье (Klochkov. 1996. P. 38–43. Fig. 1; Cat. Rome. 2005. P. 135. No. 90). Ср.: Boardman. 2000. P. 242. Note 73.

№ 2/1911 в Покровке: Ростовцев. 1918. С. 21. № 1. Табл. VI, 10–12; Cat. Mantua. 1998. No. 259), но и расположенной на дальней периферии Ахеменидской державы³² (Knauss et al. 2010. P. 117) территории Иберии (шесть печатей, включая одну цилиндрическую, в т. ч. одна из погребения IV в. до н.э. и три – из погребальных контекстов первых веков нашей эры: Dzhavakhishvili. 2007. P. 117–128). Насколько мне известно, на территории Колхиды (современной Западной Грузии), вероятнее всего не включенной в Ахеменидское государство, ахеменидские печати не были найдены³³. Вряд ли можно считать такое распределение случайным. Очевидно, что сверхвысокая концентрация ахеменидских печатей в целом, в т. ч. цилиндрических именно на Боспоре по сравнению как с окраинами державы Ахеменидов, так и с миром кочевников Евразии (Рис. 2), отражает особый характер отношений Ахеменидского и Боспорского государств. Вопрос, однако, заключается в том, каким образом можно интерпретировать данный феномен.

Несмотря на то что большинство найденных на Боспоре печатей попадали в погребения лишь в IV–III вв. до н.э., среди них есть не менее пяти экземпляров, которые по иконографии и стилистическим признакам относятся к V в. до н.э., при этом один из скарабеоидов был найден в погребении воина первой половины V в. до н.э. в курганном некрополе Нимфея. Из ранних печатей три экземпляра являются цилиндрическими. Оснований для вывода о том, что все такие печати могли быть каким-то образом связаны с официальными представителями Ахеменидского государства на Боспоре в первой половине – середине V в. до н.э. нет. Речь идет не только об отсутствии строгой корреляции между формой печати и её функцией и принадлежностью (см. выше) или о том, можем ли мы считать, что печати V в. до н.э. попали на Боспор непосредственно после того, как они были вырезаны, или позднее³⁴; очевидно, что в двух из пяти случаев дата самих печатей противоречит высказанному Й. Нилингом предположению. Итак, анализ археологических источников не позволяет предполагать ни участие в какой-либо форме Ахеменидского государства в военных действиях, повлекших к разрушению боспорских городов в первой четверти V в. до н.э., ни пребывание на Боспоре ахеменидских официальных лиц и послов в сравнительно короткий

³² Для сравнения укажем, что в погребениях элиты некрополя столицы Лидии, Сардах, были найдены 34 ахеменидские печати, в т. ч. 15 пирамидальных и всего 3 цилиндрические (Dusinbette. 2010. P. 324–327).

³³ Из погребения IV в. до н.э. № 24 в Вани происходит пирамидальная нововавилонская печать VI в. до н.э. (Kacharava, Kvirkevelia. 2008. P. 293, 295. Fig. 49).

³⁴ О длительном использовании печатей свидетельствует корреляция оттисков на табличках из архива в Сокровищнице Персеполя (см. по этому поводу, напр., Kartan. 2002. P. 27).

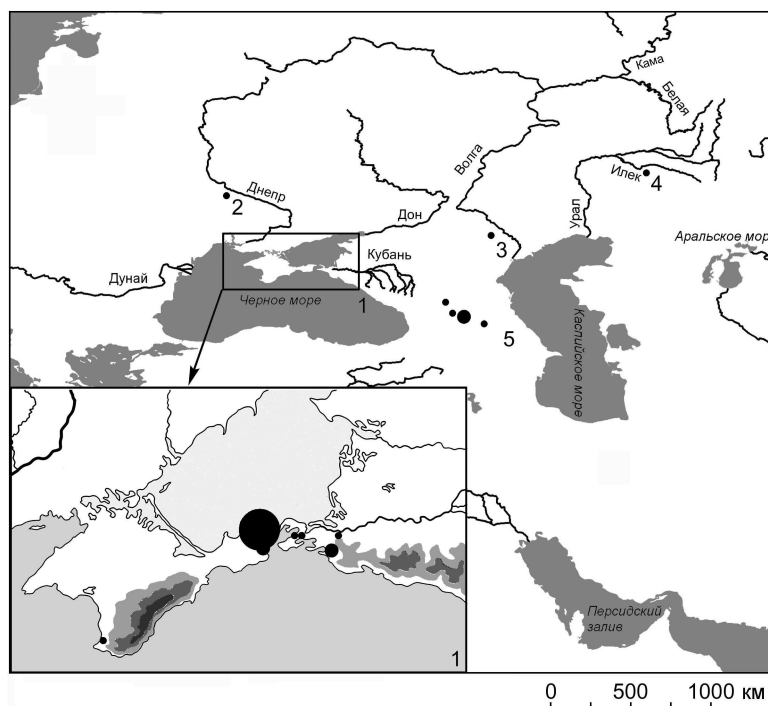

Рис. 2. Печати ахеменидского круга на периферии Ахеменидского государства и к северу от его границ. 1 – Северное Причерноморье; 2 – Холодный Яр, курган № 19; 3 – Косика, погребение № 1/1984; 4 – Покровка, курган № 2/1911; 5 – Кавказская Иберия

период после этих событий. Очевидно, однако, что находки печатей могут свидетельствовать как о торговых контактах, так и о связях дипломатического уровня, в т. ч. о посещениях Боспора официальными представителями Ахеменидского государства, а их концентрация подтверждает высокую интенсивность таких связей и даже их глобальную (для своего времени) значимость в рамках контактов Персидского государства со своими северными соседями и кочевым миром Евразии. Нет никаких оснований утверждать, что такие связи оборвались после середины V в. до н.э.

Литература

- Власова. 2001 – Власова Е. В. Семибратние курганы // БФ. 2001. Ч. 2.
 Кошеленко. 1999 – Кошеленко Г. А. Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М., 1999.

- Молев. 2001a – *Молев Е. А.* Диодор как источник о подчинении Боспора Ахеменидам // *Античное общество-IV: Власть и общество в античности*. СПб., 2001. <http://www.centant.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/molev.htm>.
- Молев. 2001б – *Молев Е. А.* О возможности персидского протектората над Боспором (по поводу статьи: Федосеев, 1997) // БФ. 2001. Ч. 1.
- Никулина. 1994 – *Никулина Н. М.* Искусство Ионии и ахеменидского Ирана по материалам глиптики V–IV вв. до н.э. М., 1994.
- Ростовцев. 1918 – *Ростовцев М. И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг., 1918. МАР. Вып. 37.
- Трейстер. 2010 – *Трейстер М. Ю.* О хронологии некоторых погребальных комплексов из раскопок Д. В. Карейши и А. Б. Ашика 1834–1835 гг. // *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. СПб., 2010. Т. I.
- Тункина. 2010 – *Тункина И. В.* Раскопки Д. В. Карейши и А. Б. Ашика в Восточном Крыму (1831–1835 гг.) // Там же.
- Шилейко. 1925 – *Шилейко В. К.* Печать царя Артаксеркса // *Жизнь Музея*. 1925. № 1.
- Boardman. 2000 – *Boardman J.* Persia and the West. L., 2000.
- Cat. London. 2005. – *Forgotten Empire. The World of Ancient Persia*. L., 2005.
- Cat. Mantua. 1998. – *L'uomo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni*. Venezia, 1998.
- Cat. Rome. 2005. – *I Tesori della Steppa di Astrakhan*. Milano, 2005.
- Collon. 1987 – *Collon D.* First Impressions. Cylinder Seals in Ancient Near East. L., 1987.
- Dusinberre. 2010 – *Dusinberre E. R. M.* Anatolian Crossroads: Achaemenid Seals from Sardis and Gordion // *The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East. Proceedings of a conference at the British Museum. 29th September – 1st October 2005*. L., 2010.
- Dzhavakhishvili. 2007 – *Dzhavakhishvili K.* Achaemenid Seals found in Georgia // *ACSS*. 2007. Vol. 13.1–2.
- Fedoseev. 1997 – Fedoseev N. F. Zum achämenidischen Einfluss auf die historische Entwicklung der nordpontischen griechischen Staaten // *AMIT*. 1997. Bd. 29.
- Garrison. 1991 – *Garrison M. B.* Seals and the Elite at Persepolis. Some Observations on Early Achaemenid Persian Art // *Ars Orientalis*. 1991. Vol. 21.
- Garrison. 1996 – *Garrison M. B.* A Persepolis Fortification Seal on the Tablet MDP 11 308 (Louvre Sb 13078) // *Journal of Near Eastern Studies*. 1996. Vol. 55.
- Garrison, Root. 2001 – *Garrison M. B., Root M. C.* Seals on the Persepolis Fortification Tablets. Vol. 1. Images of Heroic Encounter Chicago, 2001. The University of Chicago Oriental Institute Publications. Vol. 117.
- Gates. 2002 – *Gates J. F.* The Ethnicity Name Game: What Lies behind “Graeco-Persian”? // *Ars Orientalis*. 2002. Vol. 32.
- Hallock. 1977 – *Hallock R. T.* The Use of Seals on the Persepolis Fortification Tablets // *Seals and Sealing in the Ancient Near East*. Malibu, 1977. Bibliotheca Mesopotamica. Vol. 6.
- Kacharava, Kvirkvelia. 2008 – *Kacharava D., Kvirkvelia G.* Recent Archaeological Finds on the Upper Terrace of the Vani Site // *ACSS*. 2008. Vol. 14.3–4.

- Kaptan. 2002 – *Kaptan D.* The Daskyleion Bullae; Seal Images from the Western Achaemenid Empire. Leiden, 2002. Achaemenid History. XII.
- Kaptan. 2010 – *Kaptan D.* Clay Tags from Seyitömer Höyük in Phrygia // The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East. Proceedings of a conference at the British Museum. 29th September – 1st October 2005. L., 2010.
- Klochkov. 1996 – *Klochkov I. S.* Two Cylinder Seals from a Sarmatian Grave near Kosika // ACSS. 1996. Vol. 3.1.
- Knauss et al. 2010 – *Knauss F., Gagoshidze I., Babaev I.* A Persian Propyleion in Azerbaijan. Excavations at Karacamirli // Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers. 2010. BSS. 11. <http://www.pontos.dk/publications/books/bss-11-files/bss-11-knauss>.
- Nieling. 2010 – *Nieling J.* Persian Imperial Policy Behind the Rise and Fall of the Cimmerian Bosphorus in the Last Quarter of the Sixth to the Beginning of the Fifth Century BC // Ibid. <http://www.pontos.dk/publications/books/bss-11-files/bss-11-nieling>.
- Root. 1979 – *Root M. C.* The King and Kingship in Achaemenid Art. Leiden, 1979. Acta Iranica. Vol. 19.
- Schmidt. 1957 – *Schmidt E. F.* Persepolis II: Contents of the Treasure and Other Discoveries. Chicago, 1957. The University of Chicago Oriental Institute Publications. Vol. LXIX.
- Schmitt. 1981 – *Schmitt R.* Altpersische Siegel-Inschriften. Wien, 1981.
- Strelkov. 1937 – *Strelkov A. S.* The Moscow Artaxerxes Cylinder Seal // Bulletin of the American Institute for Iranian Art and Archaeology. 1937. Vol. 5.
- Treister. 2010 – *Treister M.* 'Achaemenid' and 'Achaemenid-inspired' Gold- and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire // Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers. 2010. BSS. 11. <http://www.pontos.dk/publications/books/bss-11-files/bss-11-treister>.

Е. В. Власова

Предметы вооружения из кургана Куль-Оба

Среди найденного в кургане Куль-Оба были предметы вооружения, как боевого, так и защитного. Согласно отчёту проводившего раскопки Поля Дюбрюкса, в числе находок – железные наконечники пик или дротиков, поножи, шлем, «царский» меч, плеть, деревянный колчан, покрытый «полоской электрума, на которой оттиснуты барельефы», несколько сотен бронзовых наконечников стрел, ножи и камень «для заточки оружия» (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 169–173, 175, 181–182, 184–185, 189; Gavignet et al. 2000. P. 350, 355, 361–362, 371). Также был найден боевой пояс.

К кульобским вещам ошибочно относят железную чешуйку панциря с золотым покрытием (Черненко. 1968. С. 36. Рис. 8, № 4; Дюбрюкс. 2010. Т. II. С. 107. Рис. 237), идентичную двум другим,

приобретённым князем В. В. Кочубеем в Крыму (ДБК. III. Табл. XXVII, № 3. С. 181–182; ABC. Pl. XXVII, № 3. P. 74–75).

Не все упомянутые Дюбрюксом вещи дошли до нас. Не сохранились железные «наконечники двух пик или дротиков с острием в 9 вершков, не включая ту часть, в которую входило древко или рукоять» (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 181)³⁵, причём остриё этих пик имело «форму выемчатых кинжалов с упором посередине» (Gavignet et al. 2000. P. 350), а также «[некоторая толика] пик и дротиков» (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 185) и «подобие шлема, известного под названием горшка и из того же металла, что и поножи» (Там же. С. 181). Из нескольких сотен стрел до Эрмитажа дошло 87 (Инв. К-О. 108), из которых одна – повреждённая двухлопастная, а остальные – трёхлопастные и трёхгранные нескольких разновидностей (Власова. 2011. С. 83–85), но близкие по составу металла, как определил С. В. Хаврин в Лаборатории научно-технологической экспертизы Эрмитажа, близкие по составу металла. Древки стрел были сделаны из берёзы, согласно определению М. И. Колосовой, сотрудника Лаборатории физико-химических методов исследования материалов Эрмитажа.

Кульобские бронзовые кнемиды с золотистым отсветом из Куль-Обы многим казались позолоченными. Например, отвозивший кульобские вещи в Санкт-Петербург и стремившийся примазаться к их открытию чиновник Д. В. Карейша сообщил, что поножи «бронзовые позолоченные» (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 216). Согласно отчёту Дюбрюкса, в числе находок – две пары поножей: одни – у погребённого, названного «царём», другие – в углублении рядом с костями лошади³⁶. Помещённые при «царе» «поножи из бронзы или золочёного серебра», одна – слева, другая – справа, до нас не дошли. Другие «подобия сапог “или поножей” из бронзы или позолоченного серебра, без стопы, но “с наколенниками и такой работы, что на них отпечатаны мышцы ноги”», были разделены между Эрмитажем и Керченским музеем древностей (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 172, 184; Gavignet et al. 2000. P. 361). Информация о позолоте поножей попала в ДБК (I. С. XXIV), откуда переходила в другие работы (Мелюкова. 1964. С. 75).

Правая поножь, хранившаяся в Керчи, пропала во время Великой Отечественной войны, левая хранится в Эрмитаже (Инв. К-О. 107. Длина 41,5 см). Отсутствие позолоты на бронзе показала экспертиза сохранившегося экземпляра, которую провёл С. В. Хаврин.

³⁵ О том, что эти изделия были железные (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 169), в русском переводе (Там же. С. 181) пропущено.

³⁶ В комментарии Ю. А. Виноградов ошибочно утверждает, что в описании П. Дюбрюкса упоминаются три поножи (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 202–203. *35), а не четыре, как на самом деле (Там же. С. 170, 172), и трактует передачу формы «мышц икры и коленной чашечки» как «орнаментацию» (Там же. С. 200. *35).

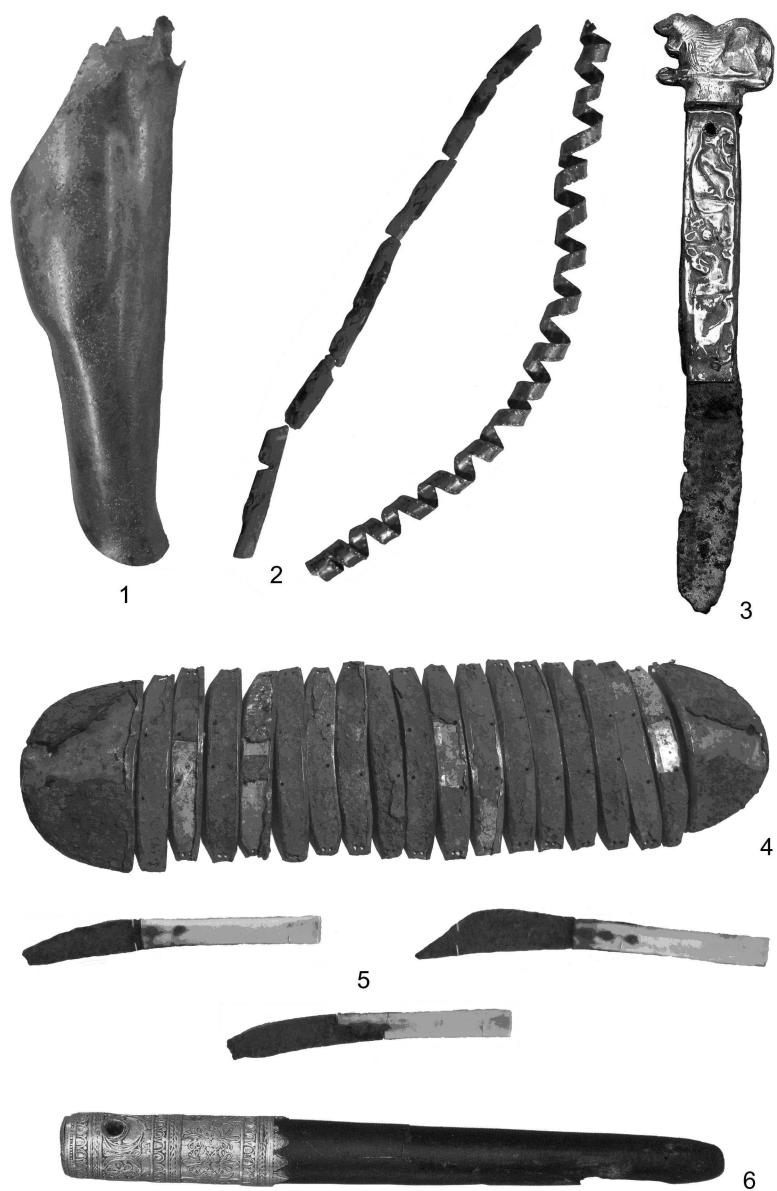

Рис. 1. Предметы вооружения из кургана Куль-Оба:
1 – кнемида; 2 – рукоятка плети; 3 – нож; 4 – пояс; 5 – ножи; 6 – оселок-точило

Эрмитажная кнемида (ДБК. I. С. XX; Мелюкова. 1964. С. 75–76. Табл. 16, № 10; Галанина. 1965. С. 12. С. 17, № 2; Черненко. 1968. С. 187, № 12) сделана из бронзового с золотистым оттенком листа с пластической проработкой деталей, соответствующих структуре голени. Передний нижний край отогнут вперёд и закруглен к углам. Повреждения в верхней и средней части. Покрыта темной патиной. Кульобская поножь по форме аналогична поножам из кургана Кекуватского, из Мастюгинских курганов № 2–3, из кургана № 493 Ильинцов (Галанина. 1965. С. 10. Рис. 2. С. 17, № 1. С. 21, № 17; Мелюкова. 1964. С. 75; Манцевич. 1973. С. 29, 32). Их относят «ко времени расцвета скифской культуры, к IV–III вв. до н.э.» (Мелюкова. 1964. С. 76; Черненко. 1968. С. 187, № 12); кульобскую кнемиду датируют IV в. до н.э. (Галанина. 1965. С. 17, № 2).

Отсутствие отверстий для крепления по краям, по мнению Л. К. Галаниной, «по-видимому, свидетельствует о том, что такие пластины надевались поверх гамаш или имели приклеенную подкладку», и могли крепиться завязанными вокруг щиколотки ремешками, как изображено на золотом гребне из кургана Солоха (Галанина. 1965. С. 14, 16). По мнению А. И. Мелюковой, «греческие по происхождению» поножи были произведены или импортированы Пантикапеем (Мелюкова. 1964. С. 76).

Возможно, на основании сообщения Карейши о том, что «на ногах же покойника находились остатки истлевших лат» (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 216), в ДБК (III. С. 198. Табл. XXVIII, № 9; ABC. P. 78–79. Pl. XXVIII, № 9) ошибочно посчитали за «наконечники поножей, у которых верхняя часть железная, а нижняя – золотая», железные с золотым покрытием пластины, относящиеся к поясу, что убедительно показала А. П. Манцевич (1941. С. 26. Рис. 9. С. 27, 29, № 14; Мелюкова. 1964. С. 74; Черненко. 1968. С. 24. Рис. 8, 4. С. 35–36, 57, 59–60. Рис. 31, № 10. С. 62, 68, 117, 172, № 44. С. 179, № 35; Дюбрюкс. 2010. Т. II. С. 107. Рис. 237). Это – 19 пластинок (Инв. К-О.34). Из них 17 продолговатых узких дугообразно изогнутых (7,5 × 0,7 см) со слегка суженными концами, где железная основа покрыта с вогнутой стороны пластинкой листового золота с продольным рельефным ребром, края которой загнуты на оборотной стороне; на концах и в центре – по два отверстия. На концах у кульобского пояса – две полукруглые изогнутые пластинки (7,3 × 4,4 см), также на железной основе, покрытой с вогнутой стороны листовым золотом, загнутым на обратной стороне; по закруглённому краю 17 мелких отверстий; на одной пластине – одно, на другой – два больших круглых отверстия, очевидно, для прикрепления завязок пояса. Обычно основу портупейного пояса представляли три слоя кожаного ремня, поперёк которого нашивались узкие пластинки – прямые или дугообразно изогнутые, как на поясах из Куль-Обы, Чертомлыка, Солохи,

Талаевского кургана, Толстой Могилы и курганов ст. Елизаветинской (Манцевич. 1941. С. 21, 23–29. Рис. 4, № 6–9; 1987. С. 84–85. Кат. 58; Алексеев и др. 1991. Рис. 71. Кат. 75, 178, 179). Прямые пластины изображены на поясе каменного изваяния из Крыма, дугообразные – на поясе каменного изваяния из Краснодарского края (Ольховский, Евдокимов. 1994. Кат. 105, 119). Узкие пластины чаще были бронзовыми, реже – железными. Располагались они так же, как чешуйки панциря, т. е. одна чешуйка прикрывала частично вторую. Золотая узкая пластина, похожая по форме на кульобскую, происходит из кургана Огуз (Манцевич. 1941. С. 21, 27. Рис. 10), а концевая напоминает пластину из Солохи (Манцевич. 1987. С. 84–86. Кат. 58). Пояса такого устройства происходят из кургана № 401 Журовки, кургана № 1 Галушина, кургана № 63 Берестеняг и изображены на фигуре всадника на гребне из Солохи, а также у скифов на кульобском сосуде (Манцевич. 1941. С. 27. Рис. 1–3).

Своим появлением чешуйчатые пояса обязаны панцирям, которым аналогичны по принципу устройства. «Отсутствие чешуйчатых поясов на Востоке, в Греции и в других местах Древнего мира даёт возможность считать этот вид панοπлии местным по происхождению» (Мелюкова. 1964. С. 75).

Пояса использовались для подвески оружия (горита с луком, меча, секиры, плети-нагайки) и оселка для его заточки. В Куль-Обе при «царе» находился «зеленоватого цвета камень, круглый, очень твёрдый, который служил для заточки оружия» (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 172, 184. Т. II. С. 108. Рис. 242; Gavignet et al. 2000. P. 361). В действительности этот камень (Инв. К-О.36. Длина – 17 см) – чёрный, круглый в сечении, сужающийся к нижнему концу (ДБК. Табл. XXX, 7; ABC. Pl. XXX, 7; Артамонов. 1966. Табл. 212; Piotrovsky et al. 1986. Pl. 176; Уильямс, Огден. 1995. С. 142, № 84; ZGE. I. S. 165–166. Nr. 71). На верхнем конце, вставленном во втулку, сделано круглое горизонтальное отверстие для подвешивания. Втулка – из листового золота, украшенная орнаментом. На верхушке – девятилепестковая розетка с гранулами между кончиками лепестков, на цилиндрической части – два пояса с орнаментом: в верхнем – чередующиеся семилепестковые розетки с зернью в каждом лепестке и между ними и стилизованные двойные цветки лотоса, в нижнем – симметрично расположенные, обращённые друг к другу основаниями на волютах пятилепестковые пальметки. Между верхушкой и верхним поясом – полосы с мелкими зёрнышками, с овами и зернью внизу между ними, с плетёнкой; между поясами – полосы с овами и зернью, плетёнкой; на конце втулки – полосы с овами и зернью, плетёнкой и поясик с треугольниками из зерни вершинами вниз. Между поясами и узкими полосами – проволока. Такие камни называют оселками для заточки металлических орудий, точильными камнями, точилами, точилками.

Рис. 2. Предметы вооружения из кургана Куль-Оба (1, 3–5) и кургана у с. Великая Белозёрка (2): 1 – ножны меча; 2 – деталь ножен меча; 3 – ножны меча и рукоятка меча; 4 – рукоятка меча; 5 – меч

Уильямс и Огден считают, что для заточки «такие предметы вряд ли были удобны» и предполагают, что он мог использоваться как пробирный камень. Это маловероятно. Разнообразные точильные приспособления, среди которых оселки, найдены на городищах и в погребальных комплексах Скифии (Шрамко. 1973. С. 44–46. Рис. 2). Точильные камни – один из атрибутов на скифских изваяниях (Ольховский, Евдокимов. 1994. С. 62, 64–65. Табл. 10–11). Высказывалось предположение не столько об утилитарном, сколько о культовом назначении оселков (Грязнов. 1961. С. 142; Раевский. 1983. С. 54). По-видимому, в них соединялись две функции: утилитарная и культовая (Ольховский, Евдокимов. 1994. С. 65). Состояние кульбовского камня свидетельствует о его интенсивном использовании. Камни с золотыми втулками, гладкими и орнаментальными, найдены в нескольких курганах. С одинаковыми орнаментальными втулками камней нет, но такие детали орнамента, как плетёнка, овы, пальметки, есть на втулках камней из Малой Близницы (Piotrovsky et al. 1986. Pl. 177) и Талаевского кургана (Там же. Pl. 175). В Куль-Обе (Копейкина. 1986. С. 61–62, 155. Кат. 34–35) и других курганах встречены золотые треугольные бляшки с псевдозернью, как и их изображения на памятниках искусства из разных регионов (Манцевич. 1987. С. 65–66). Камень из Куль-Обы датируют IV в. до н.э. (Piotrovsky et al. 1986. Pl. 176), 400–350 гг. до н.э. (Уильямс, Огден. 1995. С. 142, № 84; ZGE. I. S. 165–166. Nr. 71).

Из упомянутых в отчёте Дюбрюкса семи железных ножей, в Эрмитаже хранятся четыре: нож с однолезвийным клинком, горбатой спинкой и костяной рукояткой, два ножа с прямым режущим нижним краем, дуговидной спинкой и костяной рукояткой, а также подобной формы нож, но с золотой обкладкой рукоятки. Золотое навершие рукоятки сделано в виде профильной фигуры крылатого льва с раскрытой пастью с вытянутыми вперёд передними лапами и стоящими (*как бы идущими*) задними. На продольной части рукоятки – две с повёрнутыми назад головами геральдически расположенные фигуры пантер. Аналогичные по форме ножи найдены в Чертомлыке и других памятниках (Власова. 2011. С. 83–85).

От плети из кожи, превратившейся в прах³⁷, окруженной «узкой лентой из тонкого золотого листа» (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 172, 184; Gavignet et al. 2000. P. 361), которую Д. В. Карейша назвал «кнутовище, обвитое золотом» (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 216), сохранились лишь остатки рукоятки, которая состояла из деревянной основы и закрученной на неё спиралью золотой ленты с точками по краям

³⁷ В отчёте Дюбрюкса, хранящемся в Архиве ГЭ (Ф. 1. Оп. I. 1831 г. Д. 19. Л. 86): “dont le cuir, réduit en poussière” – «из кожи, превратившейся в прах»; в отчёте Дюбрюкса, хранящемся во Франции (Gavignet et al. 2000. P. 361): “dont le cuir, réduit presque en poussière” – «из кожи, почти превратившейся в прах».

(Инв. К-О.44. Длина 30,5 см). По определению М. И. Колосовой, для основы был взят сандал. Ленты для рукоятей нагаек найдены в Мас-тюгинском кургане № 2 (Либеров. 1965. С. 81. Табл. 21, 16), в Чертомлыке (Алексеев и др. 1991. С. 170–171. Кат. 74). Изображения нагаек есть на нескольких каменных изваяниях (Ольховский, Евдокимов. 1994. С. 65–66. Табл. 12).

В отчёте Дюбрюкса упомянут «царский» железный меч, которому «окись уже не оставила всей ширины»³⁸, покрытая золотым листом с барельефами рукоять и «чехол для лука, сделанный из дерева, обратившегося в прах», который был покрыт «полоской электрума» с оттиснутыми изображениями (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 172, 184. Т. II. С. 107. Рис. 238–239).

Меч (Инв. К-О.113. Длина 76,5 см), сильно испорченный коррозией, фактически представляет собой клинок треугольного обоюдо-острого меча с ребром в средней части с обеих сторон (Сокольский. 1954. С. 133, 144. Табл. II, 6; Горелик. 1993. С. 33, 246–247. Табл. XV, 26). Снятый слой ржавчины сделал ромбовидный в сечении клинок тонким, почти плоским и изрядно сузил его в ширине. По мнению Н. И. Сокольского (1954. С. 144), длина меча должна была быть около 0,9 м, что превосходит скифские акинаки и греческие ксифосы, а сходство кульобского меча с мечом из Семибратних курганов «может свидетельствовать о синдо-меотском влиянии, проникавшем в скифскую среду». М. В. Горелик (1993. С. 33) отметил, что к V в. до н.э. выработался оригинальный тип синдо-меотского меча с клинком вытянуто треугольной формы, без перекрестия с брусковидным навершием, который в IV в. до н.э. широко распространился на территории от Закавказья до Дона.

У железной рукояти меча с золотой обкладкой (Инв. К-О.32. Длина 13,5 см) утрачено навершие (ДБК. Табл. XXVII, 10; ABC. Pl. XXVII, 10; Артамонов. 1966. Табл. 208). На обкладке оттиснуты изображения: на крестовине слева – животное в профиль с подогнутыми ногами (козел?), справа – животное в профиль с длинным хвостом, бегущее влево (собака? волк?); с боков – две узкие пластины с поперечными ребрами; под крестовиной в средней части – ряд вертикальных параллельных рельефных линий. Стилистически подобным рельефом украшены рукояти кульобских зеркала и ножа (Piotrovsky et al. 1986. Pl. 178 & 174), а также мечей из кургана Мирзы Кекуватского (ДБК. III. Табл. XXVII, 9; ABC. Pl. XXVII, 9) и Чертомлыка (Артамонов. 1966. С. 62. Ил. 118). Стилистическое сходство этих золотых обкладок позволяет предположить, что они могли быть изготовлены в одной местной мастерской. Близки к кульобской рукояти рукоять меча из кургана № 10 у Елизаветовской и рукояти мечей из других курганов (Сокольский. 1954. С. 141; Манцевич. 1987. С. 69).

³⁸ В русском переводе (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 184) слово «железный» пропущено.

Упомянутая в отчёте «полоска электрума», которую считали накладкой на горит, является накладкой из золотого листа на ножны меча (Инв. К-О.33. Длина 68,5 см). На ней – рельефное изображение зверей (ДБК. Табл. XXVI, 2; ABC. Pl. XXVI, 2; Артамонов. 1966. Табл. 208, 209; Мелюкова. 1964. С. 62–63. Табл. 17, 5; Дюбрюкс. 2010. Т. II. С. 107. Рис. 239). На выступе-лопасти в расширяющейся верхней части ножен – профильное изображение гиппокампа, у морды которого – большое сквозное отверстие для крепления. По всей длине меча – две профильные сцены борьбы животных. Первая группа состоит из оленя, на которого с обеих сторон нападают крылатый дракон и лев. Во второй группе – пантера, кусающая сзади за ляжку убегающего козла. В нижней части меча – львиная маска в фас, на верхнем крае – две птичьи головы в профиль, между клювами которых – трёхлепестковая пальметка. Обрамление по краям накладки – жемчужная нить. У хвоста пантеры нанесена надпись: ΠΟΡΝΑΧΟ. На загнутых внутрь краях – ряд частых сквозных отверстий. Для нанесения изображений на золотой лист для одной вещи использовалось несколько матриц, поэтому на разных вещах иногда изображения совпадают не полностью, а частично. Так на накладках ножен мечей из Куль-Обы и кургана № 30 у с. Великая Белозерка Запорожской обл. совпадает только сцена нападения крылатого дракона и льва на оленя (Отрошенко. 1984. С. 121–126; Gold der Steppe. 1991. S. 304. Kat. Nr. 89; Алексеев. 2003. С. 247–248). Кульобская накладка, как и накладка из кургана 10 у ст. Елизаветовской, была сделана для ножен меча с треугольным клинком (Мелюкова. 1964. С. 63). Разнообразные мечи в ножнах изображены на каменных изваяниях, но их формы не повторяют абсолютно точно кульобскую (Ольховский, Евдокимов. 1994. С. 73, 75. Табл. 18. *Ср.* Кат. 153).

В вооружении из кургана Куль-Оба – соединение греческого, восточного, скифского, синдо-меотского: кнemiды – греческого или боспорского происхождения, пояс – местное изделие, изобретённое на основе восточных и греческих панцирей, синдо-меотского типа меч, скифская плеть-нагайка, стрелы нескольких разновидностей, но изготовленные, по-видимому, в мастерских одного центра, ножны для меча скифского типа, золотая обкладка которых, вероятно, изготовлена на Боспоре. Этот этнический симбиоз на Боспоре отразился не только в вооружении, но и в боспорской ономастике, культуре и в погребальных памятниках. Существуют различные мнения об этническом происхождении боспорских правителей. Симбиоз демонстрирует даже титулатура боспорских правителей: ἀρχὼν καὶ βασιλεὺς – архонт для греков и царь для местного населения. Существуют различные мнения о том, кто погребён в Куль-Обе: скифский царь, боспорский царь, скифский номарх или скифский аристократ. Можно говорить об этническом симбиозе на территории Боспора и в XIX в., когда был открыт курган, и в настоящее время.

Литература

- Алексеев. 2003 – *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003.
- Алексеев и др. 1991 – *Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р.* Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. К., 1991.
- Артамонов. 1966 – *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л., 1966.
- Ашик. 1848 – *Ашик А. Б.* Боспорское царство. Одесса, 1848. Т. II.
- Власова. 2011 – *Власова. Е. В.* Стрелы и ножи из кургана Куль-Оба // Древнее Причерноморье. Одесса. 2011. Т. IX.
- Гайдукевич. 1949 – *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Галанина. 1965 – *Галанина Л. К.* Греческие поножи в Северном Причерноморье // АСГЭ. 1965. Вып. 7.
- Горелик. 1993 – *Горелик М. В.* Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). М., 1993.
- Грязнов. 1961 – *Грязнов М. П.* Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. Л., 1961.
- Либеров. 1965 – *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону. М., 1965. САИ. Вып. Д1-31.
- Манцевич. 1941 – *Манцевич А. П.* О скифских поясах // СА. 1941. VII.
- Манцевич. 1973 – *Манцевич А. П.* Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. 1973. Вып. 15.
- Манцевич. 1987 – *Манцевич А. П.* Курган Солоха. Л., 1987.
- Мелюкова. 1964 – *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М., 1964.
- Ольховский, Евдокимов 1994 – *Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л.* Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994.
- Отрощенко. 1984 – *Отрощенко В. В.* Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. К., 1984.
- Дюбрюкс. 2010 – *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. СПб., 2010. Т. I–II.
- Раевский. 1983 – *Раевский Д. С.* Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983.
- Сокольский. 1954 – *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33.
- Черненко. 1968 – *Черненко Е. В.* Скифский доспех. К., 1968.
- Шрамко. 1973 – *Шрамко. Б. А.* Точильні знаряддя скіфської доби // Археологія. 1973. 11.
- Gold der Steppe. 1991 – *Gold der Steppe.* Archäologie der Ukraine. Schleswig, 1991.
- Gavignet et al. 2000. – *Gavignet J.-P., Ramos E., Schiltz V.* Paul Du Brux, Koul-Oba et les Scythes: présence de Paul Du Brux dans les archives françaises // Journal des Savants. Paris, juillet-décembre 2000.
- Piotrovsky et al. 1986 – *Piotrovsky B., Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Leningrad, 1986.

Морские монстры в религиозно-мифологических представлениях боспорян и скифов

В Греции, судя по памятникам искусства, морские монстры (гиппокампы, тритоны, морские драконы, а также Скилла), хотя нередко и изображались для символического обозначения моря или в сюжетных композициях (особенно на вазах), однако не имели сколько-либо серьезного мифологического значения. Существует устойчивое представление о том, что на Боспоре и в Скифии отношение к этим мифологическим существам ничем не отличалось от того, которое было характерно для Греции. Так, М. В. Скржинская утверждает, «что жители Боспорского царства знали популярные во всем греческом мире мифы о фантастических морских обитателях, но они не играли существенной роли в религиозных представлениях боспорян» (Скржинская. 2010. С. 305). А ещё за четверть века до киевской исследовательницы Л. В. Копейкина писала: «Образ дракона, как и ряда других фантастических существ греческой мифологии, например гиппокампа, не нашел ассоциаций в скифской мифологии» (Копейкина. 1986. С. 48). Однако рассмотрение памятников, происходящих с территории как Боспора, так и Скифии, и относящихся преимущественно к позднеклассическому и раннеэллинистическому времени³⁹, даже в первом приближении позволяет усомниться в обоснованности подобных суждений.

Ключевым памятником религиозной истории Боспора является курган Большая Близница. Отсюда происходят золотые височные подвески с изображениями гиппокампов, на которых восседают женские персонажи (нерейды) в роскошных одеяниях, держащие в руках части защитного доспеха. Уже тот факт, что эти подвески украшали головной убор погребённой здесь жрицы местной Великой богини, которая представлялась в образах греческих богинь – Деметры, Афродиты или Афины (Шауб. 1987; 2007а), заставляет серьёзно задуматься о семантике подобных монстров.

Из другого женского погребения (кремации) этого же кургана происходит ещё одно изображение морского чудовища, которое пожирает барса (Minns. 1913. P. 427. Fig. 318, 32). Данное изображение находит полную аналогию в представленном на скифских навершиях, а также на ажурной пластине из Александропольского кургана (см.: Мелюкова. 1981. С. 43. Рис. 12, 2) образе грифогиппокампа, пожирающего барса (Там же. С. 38–39. Рис. 9; С. 42. Рис. 11).

³⁹ Если датировка предметов с изображением морских монстров не выходит за рамки IV в. до н.э., она не оговаривается.

С. Б. Охотников и А. С. Островерхов (1993. С. 66) высказали предположение, что в этой сцене грифогиппокамп выступает в качестве одной из анималистических инкарнаций Ахилла. Гипотезу украинских археологов развил автор данной статьи, который, проанализировав мифологические свидетельства и археологические данные о культе Ахилла в Северном Причерноморье, пришел к выводу, что под именем гомеровского героя здесь выступает могучее местное божество смерти и возрождения, паредр Великой богини (Шауб. 2002а; 2002б; 2007а. С. 182 сл.). А. В. Белоусов (2007) в своих исследованиях пришел к аналогичным выводам, усмотрев в образе nereid, «провожающих бога на смерть и празднующих его возрождение», «множественные ипостаси местной Великой богини». Вероятно, корректнее было бы говорить о nereidaх как о служительницах всеобъемлющей Великой богини (наподобие амазонок, семантическая связь которых с Великой богиней наглядно прослеживается на предметах с их изображениями, найденных в Большой Близнице; см.: Шауб. 1987; 1993; 2007а. С. 109 сл.; 2008. С. 28–42). Но если амазонки скорее воплощали смертоносный аспект Великой богини, то nereidaы, несомненно, мыслившиеся как существа амбивалентные, в значительной степени представлялись носительницами возрождающего начала. Подобно тому, как Великая богиня на «боспорских пеликах» часто изображалась в виде протомы амазонки в окружении протом лошади и грифона, так nereidaы Большой Близницы (в отличие от скромно одетых nereid греческой вазописи) представлены в роскошном облачении богини, с полосом и покрывалом на голове (жрицы, погребённые в Большой Близнице, несомненно, воплощали образ своей богини). Стоит заметить, что на височных подвесках из Куль-Обы, аналогичных рассмотренным выше, место nereid занимает Афина – ещё один греческий образ, в котором представлялась Великая богиня (Шауб. 1999).

О связи nereid и везущих их морских монстров с представлениями боспорян о смерти и возрождении наглядно свидетельствует знаменитый анапский саркофаг (о нём см.: Иванова. 1958; Сокольский. 1969), предмет, специально предназначенный для погребения, а потому все его украшения должны были иметь глубоко символический смысл. Аспект возрождения здесь подчёркивается пышной резной растительностью, которая со всех сторон вертикально фланкирует изображение морских монстров, везущих nereid. Думается, что эта растительность намекает на присутствие здесь Великой богини (как, впрочем, и на ряде других семантически значимых вещей, найденных в курганах Боспора и Скифии; ср. Шауб. 2007а; 2008). Этот «жизнеутверждающий аспект» подчёркивается также тем, что все резные украшения саркофага были позолочены. Гиппокампы, причём в сочетании с вьющимся растением, присутствуют и ещё на одном

боспорском саркофаге I–II вв. н.э. (Сокольский. 1969. Табл. 37–38). Знаменательно, что со всех четырёх сторон этот саркофаг украшали дельфины – символы возрождения (Шауб. 2008).

В аналогичном смысле нужно рассматривать и изображения морского фиаса, среди участников которого видная роль принадлежит Европе на быке (Шауб. 2000; 2007а), на краснофигурных аттических рыбных блюдах из тризн боспорских курганов (прежде всего – из Большой Близницы; Шауб. 1987), а также изображения везущих nereид морских монстров, фланкирующих летящего Эрота, на краснофигурной пелике из одного из курганов Юз-Обы (Толстой, Кондаков. 1889. С. 69. Рис. 95). Напомним, что пелики специально изготавливались для погребальных церемоний.

Кроме вышеупомянутых памятников, изображения морских чудовищ, везущих nereид, встречаются на золотых бляшках из кургана Малая Близница (ОАК за 1882–1888 гг. 1891. Табл. VII, 7) и на золотом эллинистическом медальоне из Керчи (ДБК. Табл. XXIV, 13). Рейнак (Reinach. 1892. Р. 71) видит здесь не морского монстра, а дельфина. Нужно отметить тот факт, что если для ювелиров Греции было характерно изображение nereид на дельфинах (см., напр., Уильямс, Огден. 1995. С. 89, 91. Рис. 42, 43), то в Северном Причерноморье, за исключением этого сомнительного случая, nereид всегда везут морские монстры. Изображения морских монстров без nereид представлены: на золотом перстне из женского жреческого погребения в Павловском кургане (Артамонов. 1966. № 275); на золотом браслете из женского погребения в кургане Карагодеуашх (Minns. 1913. Р. 217. Fig. 119, III, 8); на золотом украшении башлыка из мужского погребения того же кургана (Ibid. Р. 219. Fig. 122). Бронзовые морские драконы украшали и погребальную колесницу, а скульптурные полуфигуры тритонид – конские удила погребённой здесь лошади (Власова. 2004. С. 167, 168. Рис. 19–20, 24). Самое раннее на Боспоре изображение морского дракона найдено в кургане Куль-Оба. Это две золотые бляшки конца V в. до н.э. (Дюбрюкс. 2010. С. 121. Рис. 292). Гиппокамп украшает также боковую лопасть золотой обкладки ножен меча погребённого здесь «царя» (Там же. С. 107. Рис. 239). Золотую диадему «царицы», захороненной в этом же кургане, украшает изображение мужского аналога змееной богини – одной из главных ипостасей Великой богини. Растительный побег, который выходит из его туловища, завершается туловищем гиппокампа (Шауб. 2007б). Возможно, что и сама Великая богиня присутствует здесь в виде пышной пальметки. Не исключен и андрогинный аспект образа этого «Владыки зверей», хотя аргументация Ю. Устиновой (Ustinova. 2005. Р. 78), видящей в этом персонаже бородатую Афродиту, неубедительна (Шауб. 2007а. С. 155; 2007б). Этот персонаж имеет полную аналогию в метопиде и пластинах от парадного

головного убора женщины, похороненной в погребении I кургана 8 Песочинского курганного могильника близ Харькова (Бабенко. 2005. Фот. 12; реконструкция головного убора: Там же. С. 248. Рис. 15, 3). О подобном, но многокрылом и птиценогом персонаже, стоящем на крылатых морских драконах и держащем их за рога, из кургана Соболева Могила, мы уже писали (Мозолевский, Полин. 2005. Табл. 17, 3; Шауб. 2007а. С. 156), равно как и о Скилле, которая на Боспоре могла мыслиться как некий аналог змееногой богини (Шауб. 2009). Наше предположение о важной роли не только Скиллы, но и других морских монстров в загробных представлениях боспорян может быть подкреплено параллелью из Этрурии. Здесь на погребальных урнах II в. до н.э. представлены морские чудовища, находящиеся по обеим сторонам от крылатой богини, которая на некоторых памятниках ещё и змеенога (Perugia. 2004. Nos. 179–186.). На некоторых урнах богини едут на этих монстрах (Ibid. Nos. 6, 191 и др.). Этруские свидетельства являются чрезвычайно важными, поскольку тамошные сюжеты восходят к единому с греками эгео-анатолийскому мифологическому пласту и сохраняют архаические варианты мифа (Шауб. 2008).

И, наконец, ещё один памятник, бесспорно свидетельствующий о служебной роли морских монстров в почитании великого женского божества на Боспоре. Речь идёт о золотой боспорской диадеме начала III в. до н.э. из Мюнхена, на которой представлена крылатая богиня с двумя подобными чудовищами по сторонам (Deppert-Lippitz. 1985. S. 275. Taf. 28).

В Скифии, кроме уже упомянутых выше памятников, морские монстры представлены в таких крупнейших курганах, как Чертомлык, Чмырева могила, Деевский, Рыжановский, а также Александропольский (относящийся уже к началу III в. до н.э.). Особенно интересны морские монстры, представленные на предметах из Чертомлыка. Рыбий плавник вокруг рельефной конской головы на знаменитой ритуальной серебряной амфоре, найденной в этом кургане, неопровержимо свидетельствует о том, что здесь представлен не Пегас (как принято считать), а крылатый гиппокамп (Артамонов. 1966. № 162–176). Тот факт, что его голова помещена в центре пышной пальметки, на побегах которой антитетически изображены сидящие птицы, и в которой, как уже отмечалось выше, можно видеть растительную эпифанию Великой богини, ещё раз свидетельствует о связи морских монстров с нею и об их служебной роли в её почитании. Подобное существо представлено в этом кургане и на золотой ленте от ритуального головного убора (Ростовцев, Степанов. 1917. С. 82–83; ДГС. 1866. Табл. XXXIV, 7). На аналогичных золотых лентах от ритуальных головных уборов представлены подобные же существа и в Рыжановском (Ростовцев, Степанов. 1917. С. 77. Табл. VI, 3) и Девском (Там же. 1917. Табл. VII, IX) курганах.

Наиболее оригинальным из всех происходящих из Скифии изображений морских монстров является гиппокамп с рогами оленя, представленный на 63 золотых бляшках, найденных в кургане Чертомлык (Алексеев. 1986. С. 69. № 34). Этот образ элафогиппокампа явно связан с ритуальным комплексом коня-оленя, столь ярко представленным в кургане Пазырык на Алтае и фиксируемом в Большой Близнице (Шауб. 2007а. С. 282–283).

Кроме уже упоминавшейся золотой ажурной пластины с грифогиппокампом, терзающим барса, из Александропольского кургана (также из лошадиной могилы) происходит и рельефная золотая бляха (негреческого характера) с изображением гиппокампа (Толстой, Кондаков. 1889. С. 94). В этом же кургане найдено золотое ажурное украшение в виде вставших на дыбы антитетических морских драконов (Там же. 1889. С. 98. Рис. 86). Грифогиппокампы представлены также на двух серебряных позолоченных фаларах II в. до н.э., хранящихся в Новочеркасском музее истории донского казачества (Ильюков. 2000. С. 133–136). Единственное известное нам изображение nereиды на гиппокампе, происходящее из Скифии, выполнено на тондо серебряного килика, обнаруженного в кургане Чмырева могила (Онайко. 1970. Табл. XV, № 400). Кстати, на двух найденных здесь же серебряных фиалах представлены две ипостаси Великой богини: стилизованная змееногая, которую автор называет «сиреной» (Там же. С. 100. Табл. XIV, № 397.) и в виде «рогатого бюста» – в авторской интерпретации «Пана» (Там же. С. 100. Табл. XIV, № 396). Аналогичная рогатая богиня в полный рост представлена на одной южноиталийской вазе (Шауб. 2007а. С. 308. Рис. 371).

Насколько можно судить по приведённым выше памятникам, разница в бытовании изображений морских монстров в Скифии и на Боспоре оказывается, по сути, незначительной. Она заключается лишь в большем количестве и более ярко выраженной монструозности в изображении морских чудовищ в Скифии, а также в непопулярности здесь сюжета с nereидами. Если для боспорян можно найти причины своеобразного развития у них семантики как образов морских монстров, так и nereид в греческой архаике или её рудиментах, то в чём причина популярности изображения морских чудовищ у сухопутных варваров? Самое простое объяснение – что диковинное обличье этих монстров в греческом искусстве полностью соответствовало характерным особенностям искусства скифов с его пристрастием к композитным образам. Изображения греческих морских чудовищ получили у скифов семантическую нагрузку, очень близкую к той, которая, как мы попытались показать, была характерна и для Боспора. Тот факт, что и на Боспоре, и в Скифии греческие иконографические образы морских монстров получили схожую и нехарактерную для классической Греции семантику, является, на наш взгляд, ещё одним красноречивым свидетельством греко-варварских взаимовлияний в религиозной сфере.

Литература

- Алексеев. 1986 – *Алексеев А. Ю.* Нашивные бляшки Чертомлыкского кургана // Античная тюретика. Л., 1986.
- Артамонов. 1966 – *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Л.; Прага, 1966.
- Бабенко. 2005 – *Бабенко Л. И.* Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков, 2005.
- Белоусов. 2007 – *Белоусов А. В.* Ахилл и амазонки на белом острове // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб., 2007. Т. XI.
- Власова. 2004 – *Власова Е. В.* Курганы Васюрина гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2004.
- ДГС. 1866 – Древности Геродотовой Скифии. СПб., 1866.
- Дюбрюкс. 2010 – *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. СПб., 2010. Т. II.
- Иванова. 1958 – *Иванова А. П.* Анапский саркофаг и деревянная резьба на Боспоре в эпоху эллинизма // ТГЭ. 1958. Т. II.
- Ильюков. 2000 – *Ильюков Л. С.* Два серебряных фалара из станицы Атаманской Краснодарского края // Донская археология. 2000. № 3–4.
- Копейкина. 1986 – *Копейкина Л. В.* Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная тюретика. Л., 1986.
- Мелюкова. 1981 – *Мелюкова А. И.* Краснокутский курган. М., 1981.
- Мозолевский, Полин. 2005 – *Мозолевский Б. Н., Полин С. В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. Бабина, Водяна и Соболева Могилы. К., 2005.
- Онайко. 1970 – *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. М., 1970. САИ. Вып. ДИ-27.
- Охотников, Островерхов. 1993 – *Охотников С. Б., Островерхов А. С.* Святилище Ахилла на острове Левке (Змеинном). К., 1993.
- Ростовцев, Степанов. 1917 – *Ростовцев М. И., Степанов П. К.* Эллино-скифский головной убор // Известия ИАК. Пг., 1917. Вып. 63.
- Скржинская. 2010 – *Скржинская М. В.* Фантастические обитатели морских глубин в мифологии жителей Боспорского царства // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб., 2010. Ч. II.
- Сокольский. 1969 – *Сокольский Н. И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья М., 1969. САИ. Вып. ГИ-17.
- Толстой, Кондаков. 1889 – *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Классические древности южной России. Древности скифо-сарматские. СПб., 1889. Вып. II.
- Уильямс, Огден. 1995 – *Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н.э. СПб., 1995.
- Шауб. 1987 – *Шауб И. Ю.* Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства // КСИА. 1987. Вып. 191.
- Шауб. 1993 – *Шауб И. Ю.* Амазонки на Боспоре // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993.
- Шауб. 1999 – *Шауб И. Ю.* Афина на Боспоре // БГН. 1999

- Шауб. 2000 – *Шауб И. Ю.* О семантике образа Европы // ΣΥΣΣΤΙΑ. Памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2000.
- Шауб. 2002а – *Шауб И. Ю.* Ахилл – бог Северного Причерноморья // «Новый часовой». 2002. № 13–14.
- Шауб. 2002б – *Шауб И. Ю.* Ахилл на Боспоре // БФ. 2002. Ч. I.
- Шауб. 2007а – *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э. СПб., 2007.
- Шауб. 2007б – *Шауб И. Ю.* Образ «Владыки зверей» на Боспоре и в Скифии // БФ. 2007. Ч. 1.
- Шауб. 2008 – *Шауб И. Ю.* Италия–Скифия: культурно-исторические параллели. М.; СПб., 2008.
- Шауб. 2009 – *Шауб И. Ю.* О семантике изображения Скиллы на зеркале из Артюховского кургана // БФ. 2009.
- Deppert-Lippitz. 1985 – *Deppert-Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein, 1985.
- Minns. 1913 – *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
- Perugia. 2004 – *Cante M., Manconi D., Cipollone M.* Perugia. Museo Archeologico Nazionale dell'Umbria. Perugia, 2004.
- Reinach. 1892 – *Reinach S.* (éd.). Antiquités du Bosphore Cimmérien. Paris, 1892.
- Ustinova. 2005 – *Ustinova Y.* Snake-Limbed and Tendril-Limbed Goddesses in the Art and Mythology of the Mediterranean and Black Sea // *Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC – first century AD)* / Braund D. (ed.). Exeter, 2005.

С. Б. Буйских

Боспор в контексте феномена сероглиняной гончарной керамики

В керамическом комплексе Пантикапея, как и всего Боспора (больших и малых городов, сельских поселений, некрополей городов и их сельских округ) среди многочисленной и разнообразной категории простой столовой посуды исследователями уверенно выделяется особая группа находок, а именно монохромная серая гончарная керамика (или сокращённо СГК) с разной степенью и типами лощения (от светло-серого до тёмно-чёрного), либо с покрытием, отчасти имитирующим лак, а также без лощения и обмазки. Весьма часто она повторяет формы красноглиняной керамики (Кругликова. 1957. С. 102–103), что связано со спецификой обжига – серый цвет при производстве обуславливался перекрытием доступа воздуха в гончарную печь, красный, наоборот – его поступлением туда.

Пропорции, назначение и формы боспорских сероглиняных сосудов достаточно разнообразны. Это, в первую очередь, различные типы кувшинов и мисок, а также – рыбные блюда, ойнохойи, кратеры,

канфары, столовые амфоры, гидрии, пелики, котелки, лутерии, диносы, ритоны, флаконы, амфориски, светильники, чашечки, гуттусы и др. (Кругликова. 1954. С. 82 сл.; 1957. С. 136–137; Капошина. 1959. С. 132 сл.; Худяк. 1962. С. 43–44, 53, 57–58). Сероглиняная гончарная керамика использовалась в быту боспорского населения на протяжении всей истории античного Боспора с VI в. до н.э. по III–IV вв. н.э. (Кругликова. 1954. С. 84). Давно определенная в историографии как собственная продукция керамических мастерских Боспора (Гайдукевич. 1952. С. 201–203; Кругликова. 1954. С. 78, 84; 1957. С. 136–137; Капошина. 1959. С. 132–137), она и сейчас многими исследователями традиционно соотносится с местным, т. е. античным боспорским керамическим производством (см., напр., Корпусова. 1983. С. 44; Кастанаян, Арсеньева. 1984. С. 232; Алексеева. 1997. С. 179; Коровина. 2002. С. 36–37).

Вместе с тем существует и другая точка зрения. Так, например, ещё М. М. Худяк, в своё время открывший гончарные печи в Нимфее, по составу глины разделял СГК на местную и привозную (Худяк. 1962. С. 43–44). В современной литературе вопрос о местной принадлежности СГК тоже решается неоднозначно. Ряд учёных считает, что характер глиняного теста СГК может указывать на различные центры её производства (Гаврилов. 2004. С. 72), в частности (по крайней мере, для периода архаики), на восточногреческие мастерские (Онайко. 1980. С. 75), другие же убеждены в том, что единого мнения о центрах производства многих форм СГК, находимых как на Боспоре, так и в других местах, в науке пока не существует (Зинько. 2007. С. 53).

В этой связи уместно будет привести точку зрения выдающегося исследователя боспорских древностей (и в частности керамического комплекса Боспора) И. Б. Брашинского. Размышляя о месте производства СГК, он подчёркивал, что вопрос об этом «решается порою как будто слишком прямолинейно и упрощённо» (Брашинский. 1980. С. 73). При том, отмечал исследователь, что такая керамика, кроме Пантикапея, изготавливалась практически в каждом крупном производственном центре как Северного Причерноморья, так и метрополии, и везде считается собственной, местной продукцией – «бросается в глаза поразительное сходство ряда типов этой керамики в различных центрах, а часто и особенностей глиняного теста, из которого она изготовлена» (Там же). Это обстоятельство, по мнению И. Б. Брашинского, сближает боспорскую сероглиняную керамику с ольвийской, западнопонтийской и даже с афинской. «Поэтому – заключал он, – едва ли будет правильным признание всей простой керамики во всех случаях местной. Она, вне всякого сомнения, служила и предметом “международной” торговли» (Там же).

По всей вероятности, И. Б. Брашинский был прав. Тем более что СГК, в принципе, считается общим для всего Северного Причерноморья специфическим явлением, можно сказать – феноменом, присутствующим всем без исключения его основным античным центрам (Каспанаян, Арсеньева. 1984. С. 232; Крапивина. 2007. С. 98). В этой связи представляется целесообразным провести здесь хотя бы краткий сравнительный ретроспективный обзор суждений относительно СГК в смысле определения её как местной продукции гончарных мастерских или импортной по другим регионам Северного Причерноморья.

В Нижнем Поднестровье Днестровский лиман служит своеобразной границей между двумя основными комплексами СГК. Среди серой кружалной керамики Тиры и античных памятников её окружения выделяются сосуды херсонесских, боспорских и ольвийских мастерских, с ощутимым преобладанием влияния и продукции последних (Самойлова, Строкин. 1982. С. 142–143; Хромова. 2008. С. 46). В Никонии же и на его хоре по большинству показателей СГК тяготеет к истрийско-фракийским традициям её производства (Хромова. 2008. С. 46), а ряд форм (для периода архаики) связывается с продукцией малоазийских центров (Секерская. 1989. С. 40).

В Нижнем Побужье только для начального этапа греческой колонизации предполагается отнесение СГК из раскопок Березани, Ольвии и хоры к импортной малоазийской (ионийско-золийской) продукции (Буйских. 2006. С. 31; 2007. С. 38). Затем, начиная с третьей четверти VI в. до н.э., ольвийская СГК традиционно и не без оснований относится к продукции местных гончарных мастерских (Крапивина, 1987; 2007), что подтверждается (включая VI–V вв. до н.э.) их археологически зафиксированными остатками и наличием керамического брака (Буйских. 2006. С. 32; 2007. С. 39), а для IV–II вв. до н.э. и специальными анализами (Книпович. 1940. С. 159; Кульская. 1940. С. 183; Кульская. 1958. С. 77, 82).

Среди исследователей Херсонеса единого мнения относительно интерпретации СГК из его раскопок не существует. Одни из них считают, что это полностью местная керамика, причём ошибочно включают в неё и керамику, традиционно интерпретировавшуюся в литературе как ольвийскую (Егорова. 2006. С. 17; 2009. С. 66). Другие же более склонны заносить СГК в разряд импортной, поставлявшейся в Херсонес и на его хору либо из Ольвии (Виноградов. 1990. С. 52; Рогов. 2000. С. 272–273; Котенко. 2011. С. 70), либо из южнопонтийско-малоазийского региона (Золотарёв. 1988. С. 24; Ушаков, Струкова. 2009. С. 135–136).

Теперь обратимся к памятникам варварского хинтерланда. В отношении интерпретации СГК античного облика находимой здесь, преобладающей является точка зрения, согласно которой её импорт непосредственно в варварскую среду или технологии её производства

так или иначе были связаны с греческой колонизацией и появлением на побережье Чёрного моря античных центров (Березань, Ольвия, Истрия, Боспор) и началом функционирования их гончарных мастерских (Бруяко. 1992; Смирнова. 1999. С. 54–55; Кашуба, Левицкий. 2009. С. 249, 257). Активная деятельность этих мастерских и привела к распространению СГК в варварской среде Поднепровья, Побужья, и Поднестровья. Недавно высказана также точка зрения, что подобные небольшие греческие керамические мастерские работали и непосредственно на территории варварских поселений (Вахтина. 2004. С. 57).

Что же касается присутствия СГК в комплексах варварских памятников, расположенных территориально ближе к Боспору, и в частности скифских, то, например, простую гончарную сероглиняную керамику из Елизаветовского могильника В. П. Шилов относил к продукции местных гончарных мастерских (1959. С. 24). По И. Б. Брашинскому, однако, оснований для таких заключений нет, т. к. елизаветовская СГК находит прямые параллели (как по типам и формам, так и по особенностям глины и характера обработки) в материалах Боспора и других греческих центров (Брашинский. 1980. С. 67–68).

Сероглиняную гончарную керамику, имевшую хождение в меотто-сарматской среде Восточного Приазовья и Прикубанья, Н. В. Анфимов считал работой местных варварских мастеров, выпускавших свою продукцию под ощутимым античным влиянием (Анфимов. 1951. С. 190). К выводу о тесной связи меотской сероглиняной керамики с античным гончарным производством пришел и К. Ф. Смирнов, что, на его взгляд, выражалось «в довольно многих формах, представляющих собой сильно переработанные на свой манер реплики греческой – точнее, боспорской посуды» (Смирнов. 1958. С. 302).

* * *

Подведём некоторые итоги. На Боспоре СГК достаточно давно и стабильно классифицируется как продукция местного керамического производства ещё с позднеархаического времени, хотя в массиве этой группы столовой посуды и допускается возможность присутствия продукции и других (пока, как правило, неподдающихся точному определению центров). Окончательно не решенными остаются вопросы происхождения СГК (своё производство или обширные и регулярные поставки извне?) и для других античных центров Северного Причерноморья, за исключением, быть может, только Ольвии.

На наш взгляд, помимо специфических признаков боспорских глин и глиняного теста (Кругликова. 1957. С. 102–103; Капошина. 1959. С. 132–133), характерных для СГК (включая содержащиеся в них примеси, включения, вкрапления, а также учитывая цвет, структуру, характер выделки, плотность, твёрдость и т. д.), её отнесение к местной дополнительно объясняется относительной массовостью её находок, разнообразием форм сосудов и полифункциональностью их

применения. Изделия из СГК встречаются как в жилищно-хозяйственных комплексах Боспора, так и при исследовании объектов сакрального назначения и погребальных памятников. Вероятно, как и для Ольвии (Буйских. 2006. С. 51), СГК Боспора может считаться одним из наиболее характерных элементов, составляющих основу его материальной культуры и служить (естественно, в соответствующем контексте) надёжным этнопоказателем греческого населения региона.

В принципе, на сегодняшний день мы можем, хотя и предположительно, но уверенно говорить о том, что Боспор в течение достаточно продолжительного периода был не только в состоянии полностью обеспечивать себя сероглиняной гончарной керамикой, но и мог поставлять её в другие античные центры (в частности в Тиру) и племенам ближнего (Степь) и, возможно, и дальнего (Лесостепь) варварского окружения. О выделении же СГК в качестве надёжного показателя межполисных торгово-ремесленных контактов, взаимобмена гончарной продукцией, технологическими идеями, приёмами, новшествами, а возможно и мастерами (школами мастеров?) – без проведения специальных анализов говорить трудно. В силу этого роль Боспора в контексте феномена сероглиняной гончарной общепонтийской (и, более того, – общегреческой) керамики ещё предстоит выяснить. Наше обращение к этой теме имело целью лишь привлечь к ней заинтересованное внимание исследователей. Настоящая же разработка проблемы составляет актуальную задачу будущих и, для придания им большей эффективности, желательно, междисциплинарных исследований.

Как и для других центров Северного Причерноморья (Ушаков, Струкова. 2009. С. 138), контрапунктом её решения для Боспора должен стать вопрос – заключался феномен СГК (особенно для раннего периода) в синхронном и широком импорте этой группы столовой посуды из какого-то мощного керамического центра (или центров) метрополии в северопонтийские полисы, либо появление СГК в Северном Причерноморье (как на греческих, так и на варварских памятниках) является уникальным для античности примером достаточно быстрого распространения на значительной территории хорошо налаженной технологии производства керамики столь специфического облика, формы, цвета и стиля⁴⁰.

Литература

- Алексеева. 1991 – *Алексеева Е. М.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991.
Анфимов. 1951 – *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23.

⁴⁰ Возможно, это действительно было связано с «необычайной подвижностью греческих мастеров» (Вахтина. 2004. С. 57).

- Брашинский. 1980 – *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980.
- Бруяко. 1992 – *Бруяко И. В.* Причерноморье и Прикарпатье в раннескифскую эпоху. (К проблеме взаимных контактов на примере серой гончарной керамики) // Киммерийцы и скифы. Мелитополь, 1992.
- Буйских. 2006 – *Буйских С. Б.* Серая керамика как этнопоказатель греческого населения Нижнего Побужья в VI–I вв. до н.э. // БИ. 2006. Вып. XI.
- Буйских. 2007 – *Буйских С. Б.* Серая гончарная керамика Ольвии и её хоры VI–I вв. до н.э. (Историографический аспект) // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. СПб., 2007.
- Вахтина. 2004 – *Вахтина М. Ю.* Греческая архаическая столовая керамика в варварских памятниках Северного Причерноморья: время и пути распространения // В БЧ. 2004.
- Виноградов. 1990 – *Виноградов Ю. Г.* Ольвиополиты в Северо-Западной Таврике // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990.
- Гаврилов. 2004 – *Гаврилов А. В.* Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.
- Гайдукевич. 1952 – *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. 1952. № 25.
- Егорова. 2006 – *Егорова Т. В.* Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- Егорова. 2009 – *Егорова Т. В.* Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 2009.
- Зинько. 2007 – *Зинько В. Н.* Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI–I вв. до н.э.) // БИ. 2007. Вып. XV.
- Золотарёв. 1988 – *Золотарёв М. И.* Отчёт о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1988 г. // НА ИА НАНУ. 1988/49, ф. е., № 23036.
- Капошина. 1959 – *Капошина С. И.* Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи // МИА. 1959. № 69.
- Кастанаян, Арсеньева. 1984 – *Кастанаян Е. Г., Арсеньева Т. М.* Керамика // АГСП. М., 1984.
- Кашуба, Левицкий. 2009 – *Кашуба М. Т., Левицкий О. Г.* По следам ранней гончарной сероглиняной керамики Восточно-карпатского региона // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2009. Т. XV.
- Книпович. 1940 – *Книпович Т. Н.* Керамика местного производства из раскопа И // Ольвия. К., 1940. Т. I.
- Коровина. 2002 – *Коровина А. К.* Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М., 2002.
- Корпусова. 1983 – *Корпусова В. Н.* Некрополь Золотое. (К этнокультурной истории европейского Боспора). К., 1983.
- Котенко. 2011 – *Котенко В. В.* Сіролощена кераміка з поселення Маслини // Археологія. 2011. № 1.
- Крапивина. 1987 – *Крапивина В. В.* Простая столовая керамика // Культура населения Ольвии и её округи в архаическое время. К., 1987.
- Крапівіна. 2007 – *Крапівіна В. В.* Сіроглиняна кераміка Ольвії VI–V до н.е. // Археологія. 2007. № 1.

- Кругликова. 1954 – *Кругликова И. Т.* О местной керамике Пантикапея и её значении для изучения состава населения этого города // МИА. 1954. № 33.
- Кругликова. 1957 – *Кругликова И. Т.* Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI–III вв. до н.э. // МИА. 1957. № 56.
- Кульская. 1940 – *Кульская О. А.* Химико-технологическое исследование ольвийских керамических изделий // Ольвия. К., 1940. Т. I.
- Кульска. 1958 – *Кульска О. А.* Хіміко-технологічне вивчення кераміки з Ольвії // АП. 1958. Т. VII.
- Онайко. 1980 – *Онайко Н. А.* Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980.
- Рогов. 2000 – *Рогов Е. Я.* Ольвиополиты в Северо-Западном Крыму // ΣΥΣΤΗΤΑ. СПб., 2000.
- Самойлова, Строкин. 1982 – *Самойлова Т. Л., Строкин С. В.* Керамика северопонтийских городов из Тиры // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. К., 1982.
- Секерская. 1989 – *Секерская Н. М.* Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н.э. К., 1989.
- Смирнов. 1958 – *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у станицы Пашковской // МИА. 1958. № 64.
- Смирнова. 1999 – *Смирнова Г. И.* Ещё раз о серой кружалной керамике из раннескифских памятников Среднего Поднестровья // АСГЭ. 1999. Вып. 34.
- Ушаков, Струкова. 2009 – *Ушаков С. В., Струкова Е. В.* Сероглиняная керамика с чёрным покрытием из раскопок ХСVII квартала Херсонеса Таврического // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009.
- Хромова. 2008 – *Хромова В. О.* Комплекс сіроглиняної гончарної кераміки Нижнього Подністров'я VI–IV ст. до н.е. – загальний огляд // Проблеми історії та археології України. Харків, 2008.
- Худяк. 1962 – *Худяк М. М.* Из истории Нимфея. Л., 1962.
- Шилов. 1959 – *Шилов В. П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 годах // Исследования Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону. 1959. № 1 (3).

М. А. Котин

Сосуды с зооморфными ручками на Боспоре

На рубеже эр среди материалов из раскопок боспорских памятников появляются сосуды, сделанные на гончарном круге и реже лепные, изготовленные из местной, хорошо отмученной глины, с тщательно обработанной поверхностью, иногда даже покрытые глазурной краской. Интересной деталью является наличие на этих сосудах зооморфных ручек, т. е. ручек, исполненных в виде животных. До сих пор в отечественной науке нет однозначного мнения об этносе,

который оставил эту группу керамики. Это связано с тем, что сосуды с зооморфными ручками были распространены на значительной территории Прикубанья, Придонья, Поволжья, Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии.

Чаще всего при рассмотрении зооморфных сосудов их отождествляют с носителями сарматской культуры (Скалон. 1941; Кастанаян. 1951; Кругликова. 1954; Виноградов. 1961). Однако есть и другая точка зрения, согласно которой эти сосуды связываются с носителями местных варварских культур (на Боспоре, в частности, с меотскими племенами), а не с влиянием и проникновением сарматов, хотя и с оговоркой, что на каком-то этапе сарматские племена могли производить данный тип сосудов (Абрамова. 1969; Масленников. 1990). Не вдаваясь в подробности этой дискуссии отметим, что в пользу сарматского происхождения подобных изделий может свидетельствовать тот факт, что сосуды с зооморфными ручками (хоть и со схематичными изображениями) были распространены на территории сарматских племён, а также то, что появление этих сосудов на территории Боспора совпадает со временем проникновения сарматов. Появление сосудов с зооморфными ручками у сарматов В. Б. Виноградовым связывается с материальной культурой сарматских племён (Виноградов. 1961. С. 40). Среди погребального инвентаря богатых сарматских захоронений очень часто встречаются металлические изделия в виде животных (фибулы и подвесные фигурки животных на котлах, пряжках, различных хозяйственных и бытовых предметах), изготовленные из золота, серебра и бронзы, что позволяет, по мнению В. Б. Виноградова, говорить о возникновении особого ювелирного стиля у аристократической верхушки сарматских племён (Там же). Изделия этого стиля очевидно послужили основой для возникновения сарматской зооморфной керамики. Прямыми предшественниками для появления последней явились, вероятно, алебастровые туалетные сосудики с ручкой в виде лежащего зверя. Наиболее ранние находки подобных сосудиков относятся к I в. до н.э. и уже к концу I в. н.э., т. е. в период расцвета сарматской зооморфной керамики они полностью исчезают (Котин. 2009. С. 59). Поэтому появление зооморфных ручек, по мнению В. Б. Виноградова, следует считать проявлением самобытности культуры, т. к. зарождение и развитие зооморфного стиля на ручках происходит внутри одного этноса и без вмешательства извне (Виноградов. 1961. С. 40).

В пользу меотского происхождения сосудов с зооморфными ручками говорит тот факт, что, во-первых, большинство их выполнено на гончарном круге (Абрамова. 1969. С. 70). По мнению М. П. Абрамовой, сосуды, обнаруженные в погребениях, должны быть отнесены к погребениям местного населения, в частности к меотам, которые были «гораздо более развитые по сравнению с сарматами племени,

у которых гончарный круг появился ещё в IV в. до н.э.» (Там же). Во-вторых, все сосуды с зооморфными ручками можно разделить на две группы по качеству передачи животных – реалистические и схематические изображения. Сарматское Поволжье – это область, где зооморфные мотивы на керамике наиболее схематичны. Эти сосуды появляются в Поволжье в III–II вв. до н.э. (Там же). В это же время зооморфные ручки появляются и в джетыясарской культуре, где бытуют до II–IV вв. н.э. Среди зооморфных изображений здесь можно выделить баранов, собак (волков), медведей, лошадей, а также множество весьма схематичных изображений (Рапопорт и др. 2000. С. 176). Интересно также то, что, как показали исследования последних лет, носители этой культуры были знакомы с гончарным кругом, но по каким-то причинам практически не пользовались им (Там же. С. 155).

Появление сосудов с зооморфными ручками у меотов, которые «были более развитые», скорее всего связано с проникновением в эти регионы сарматов, т. к. лепные сосуды всё-таки есть как с реалистическими, так и схематическими сюжетами. Кроме того, подобные сосуды у племён, которые знали гончарный круг, не отмечены. По всей видимости, меотские гончары, как и мастера Европейского Боспора, начали изготавливать сосуды с зооморфными ручками, ориентируясь на вкусы сарматского населения. В пользу этого свидетельствует тот факт, что в первых веках нашей эры появляются сосуды, сделанные из местной хорошо отмученной глины на гончарном круге. Интересно и то, что часть зооморфных ручек выполнены в одном стиле, что позволяет отнести их к продукции одной мастерской (Кругликова. 1954. С. 90). В связи с этим сосуды с ручками, выполненными в реалистическом стиле, но найденные не на сарматских памятниках, могут говорить не о несарматском происхождении данных ручек, а о некоем влиянии сарматских племён на продукцию гончарных мастерских, которые подстраивались к вкусам пришлого населения. Следует также отметить, что зооморфные мотивы применялись и в краснолаковой керамике (Журавлёв. 2000), причём находки таких сосудов были зафиксированы не в Восточном Крыму или Прикубанье, а в Юго-Западном Крыму (могильники Бельбек IV и Усть-Альминский), что может свидетельствовать о большом спросе на них в этих регионах.

Среди реалистических изображений на ручках, найденных на Боспоре, можно выделить следующих животных – кабан, баран, лошадь, собака (волк), птица. Следует отметить, что кабан встречается исключительно на территории Европейского Боспора, а баран – на территории Азиатского Боспора (Котин. 2009. С. 60). Сосуды с ручками в виде других животных не имеют чётких границ распространения. Ручки в виде кабана во всех случаях расположены в средней части

сосуда, задними лапами упираясь в плечики, а передними – в горло сосуда; морда кабана при этом располагается рядом с венчиком или упирается в него. Само животное изображалось с горбатой спиной, вытянутой мордой, и с широко расставленными четырьмя ногами, каждая из которых дана отдельно; на месте ушей наклеплены шарики.

Сосуды с ручками в виде барана были распространены в Прикубанье и Придонье. Они, в отличие от сосудов с ручками в виде кабана, разные по форме и само изображение барана также варьируется. Фигурки животных выполнены суммарно, но тем не менее можно отметить общие традиции в их изображении – ноги представлены двумя сплошными массивами, при этом передние немного короче задних. Исключение представляет фрагмент зооморфной ручки из коллекции, хранящейся в Эрмитаже, где ноги барана широко расставлены. Хвост очень часто отсутствует, голова снабжена парой загнутых вперёд, в два завитка, рогов (Котин. 2009. С. 60). Однако расположение ручки в виде барана такое же, как и ручки в виде кабана: передними ногами на плечике сосуда, задними – на средней части тулова, конец морды близок или упирается в горло (венчик).

Рассмотрев два наиболее часто встречаемых типа с чёткими ареалами распространения, мы можем перейти к другим типам зооморфных ручек, которые встречаются повсеместно как в Прикубанье и Придонье, так и на Керченском п-ове, и пока не имеют каких-либо чётких границ. Одним из таких типов является изображение лошади, характерные детали которого – вытянутая длинная морда и высоко торчащие уши, передние и задние ноги слиты в отдельные массивы, наличие хвоста варьируется, очень редко показаны седло и фалары на плечах и бедрах (Там же). Изображения лошадей достаточно часто встречаются в памятниках сарматской культуры I тыс. до н.э. Это, по всей видимости, связано с тем, что лошадь играла огромную роль в жизни и хозяйственной деятельности сарматов.

Особый тип сарматских зооморфных ручек составляют ручки в виде собаки. Среди них выделяются два способа передачи фигуры животного: рельефный и скульптурный. В первом случае собака располагалась на нижнем прилепе ручки с расставленными лапами (или припавшую на передние лапы), заострённой мордой, закрытой или открытой пастью, чётко выделенными торчащими ушами и поднятым кверху хвостом (Кастанаян. 1951. С. 247). В случае скульптурного варианта собака изображалась с заострённой мордой, острыми небольшими ушами (Виноградов. 1961. С. 34). Очень редко обозначались ноздри, глаза и шерсть (Котин. 2009. С. 61).

К следующему типу относятся сосуды, ручки которых выполнены в виде птиц. Данный тип представлен наиболее разнообразно, т. е. способы передачи птиц весьма многочисленны. Можно отметить ручки в виде фигурок птиц, стоящих ногами на плечиках сосуда,

хвост опущен и сливается со стенками, образуя отверстие ручки, а его отогнутый кончик направлен вверх. По сторонам головы наклеены большие шарики, передающие глаза. Голова птицы с длинной шеей и загнутым клювом направлена к горлу сосуда. Крылья слегка раздвинуты в стороны, образуя при взгляде сзади почти ромбическую фигуру (Марти. 1937. С. 39). Встречаются изображения птиц, которые располагались на верхней части ручки, – некое подобие рельефных изображений собак в нижних прилепах ручек. В некоторых случаях на спине и крыльях птицы прослеживаются короткие врезные штрихи, обозначающие оперенье (Котин. 2009. С. 61).

Среди сосудов с ручками, выполненными в схематическом стиле, можно выделить несколько групп: сосуды с изображением круглых налепов – глаз; сосуды, у которых ручки отличаются от простых лишь выступами – ушками или рогами, расположенными там, где обычно помещается голова животного; керамика, имеющая ручки с сосцевидными выступами в верхней части; сосуды, объединяющие некоторые из перечисленных признаков; сосуды, у которых задние конечности зверька и иногда хвост передаются как налепы, берущие начало на нижнем конце ручки и идущие вниз (Там же. С. 62). Многочисленные археологические находки подтверждают, что все эти виды керамики бытуют одновременно с описанными выше сосудами, имеющими сравнительно реалистические изображения животных. Но если сосуды со скульптурными изображениями животных бытуют до конца II в. н.э., то ручки в виде животных, выполненных схематично или с отдельными элементами животного, существуют до конца III в. н.э. Постепенно ручки теряют всякое сходство с фигурками зверей, получая позднее новое функциональное назначение: на некоторых сосудах они снабжены сквозным отверстием и, вероятно, исполняют роль носика (Кругликова. 1954. С. 101).

Применение в качестве ручек на сосудах фигурок животных являлось художественным образом оберега, в котором выражались религиозные представления. Изображение животного на сосудах, по всей видимости, восходит к глубокой древности и первоначально связывалось с тотемическими представлениями. Исходя из того что некоторые изображения имеют свой ареал распространения, можно предположить, что они на ранних этапах являются определённым маркером отдельных племён, которые составляли сарматскую этническую общность. В связи с этим интересны переводы аланских имён из Танаиса, среди которых выделяются такие говорящие имена, как «Лошадь», «Баран», «Овца», «Бык», «Кабан», а также «Принадлежащий к кабаньей стае» и «Принадлежащий к кабаньей стае с р. Дану (Дон)» (Яценко. 1998. С. 55). Но уже на поздних этапах изображения теряют свою принадлежность отдельным племенам и становятся весьма распространёнными видами художественного украшения сосудов.

Литература

- Абрамова. 1969 – *Абрамова М. П.* О керамике с зооморфными ручками // *СА.* 1969. № 2.
- Виноградов. 1961 – *Виноградов В. Б.* К вопросу об изображении животных на сарматской керамике // *Археологический сборник МГУ.* 1961.
- Журавлёв. 2000 – *Журавлёв Д. В.* О сарматских мотивах в краснолаковой керамике // *ΣΥΣΤΗΤΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева.* СПб., 2000.
- Кастанаян. 1951 – *Кастанаян Е. Г.* Сарматские сосуды из Тиритаки // *СА.* 1951. XV.
- Котин. 2009 – *Котин М. А.* Сарматские зооморфные сосуды на Боспоре // *Белгородский диалог – 2009. Проблемы Российской и всеобщей истории.* Белгород, 2009.
- Кругликова. 1954 – *Кругликова И. Т.* О местной керамике Пантикапея и её значении для изучения состава населения этого города // *МИА.* 1954. № 33.
- Марти. 1937 – *Марти Ю. Ю.* Путеводитель по Керченскому археологическому музею им. А. С. Пушкина. Симферополь, 1937.
- Масленников. 1990 – *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990.
- Рапопорт и др. 2000 – *Рапопорт Ю. А., Неразик Е. Е., Левина Л. М.* В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М., 2000.
- Скалон 1941 – *Скалон К. М.* Изображение животных на керамике сарматского периода // *Тр. ОИПК.* 1941. Т. I.
- Яценко. 1998 – *Яценко С. А.* Имена аланов из Танаиса второй половины II – первой половины III в. н.э. как исторический источник // *Донская археология.* 1998. № 1.

Н. Л. Кучеревская, Н. Ф. Федосеев

Некоторые проблемные вопросы в изучении тамг Боспорского царства

Одной из составляющих феномена Боспорского царства являются многочисленные находки тамг с середины I в. по III в. н.э. При доминирующем распространении греческого языка тамгообразные знаки встречаются на различных предметах, но чаще всего на лапидарных памятниках. Только в коллекции керченского лапидария сейчас хранится более 30 памятников с тамгами (Кучеревская. 2011). Некоторые данные о тамгах содержатся в архиве Керченского музея (Баукова. 2009). К их числу следует добавить ещё несколько памятников.

Тамги зафиксированы последними раскопками на стенах склепов кызаульского некрополя. В склепе № 6 и 7 знаки были нанесены во второй камере монументальных склепов на стене напротив входа. Эти тамги аналогичны: слева знак в виде перекрестья \perp , далее триденс $\Gamma\Gamma$ (Рис. 1). В склепе № 7 справа зафиксирован ещё и знак Π (Рис. 1. 2). В склепе № 6 возможно также был этот или другой знак, однако ввиду того, что склеп использовался в более позднее время под жилище (Федосеев. 2006), сохранность стен не позволяет с уверенностью это утверждать. Тем не менее тамги в этих склепах, явно элитных захоронениях этого некрополя, свидетельствуют о высоком статусе погребённых не

только в масштабах кызаульского поселения, но и всего Боспора. Если склеп № 6 не содержал материала периода погребений, то в склепе № 7 найдены артефакты, датирующие его II–III вв. н.э.

Знаки и принадлежали одному из наиболее политически и экономически активных сармато-аланских кланов, обитавших в Крыму в середине I – середине II в. н.э. Из них знак представлен в двух «энциклопедиях» различных регионов: в Восточном Крыму (Соломоник. 1959. № 58; Яценко. 2001. Рис. 13, II), а также на мраморном льве из Ольвии (Там же. Рис. 5/10). Эта тамга была популярна и в более позднюю эпоху – у средневековых аланов в VII–X вв.

Тамга хронологически определена С. А. Яценко серединой I – серединой III в. н.э. (Там же. Рис. 5/50); он известен в Танаисе в середине II – середине III в. н.э., где изображен неоднократно (Там же. Рис. 6/28). Этот же знак, в числе других, вырезан на мраморном пьедестале из Херсонеса (Соломоник, 1959, № 62).

Тамга в виде перекрестья , несмотря на простоту начертания, не относится к числу распространенных знаков Северного Причерноморья, возможно, из-за того, что он воспринимается часто как христианский символ. Эта форма знака зафиксирована в бассейнах Амударьи и Сырдарьи ещё в VI–II вв. до н.э. (Яценко. 2001. Рис. 27/150). Следует отметить древнее происхождение этих знаков – тамга встречается уже в VI–II вв. до н.э. в Хорезме на кирпичях (Там же. Рис. 27/3), а знак в виде креста характерен для пазырыкской культуры Южного Алтая (Там же. Рис. 35/6). Оба эти знака известны также среди петроглифов Южного Алтая (Там же. Рис. 35/35, 42).

Ранее тамги были зафиксированы на стенах расписных склепов Пантикапея (склеп Алкима, сына Гегесиппа; склеп «сабазиастов»; двойной склеп 1873 г.; Стасовский склеп). Тамги зафиксированы на некрополях Илурата, Артезиана, Нимфея (Грач. 1999. С. 126. Табл. 158). До сих пор нет специального исследования, посвящённого анализу тамг на некрополях Боспора. Между тем сделанные наблюдения позволяют утверждать, что для каждого некрополя характерен свой набор тамг. Примерно одно время возникновения Илурата, Артезиана и кызаульского поселения (I в. н.э.) даёт основания предполагать, что это была единовременная государственная акция, инициируемая, скорее всего, Митридатом Евпатором и возглавляемая одним из боспорских кланов, маркировавшим тамгами принадлежавшую ему территорию. Не исключено, что к этому списку поселений следует добавить и Акру, где зафиксирован «начальник города» (Сапрыкин, Федосеев. 2008) – должность, появившаяся после присоединения Боспора к Понтийскому царству. Первоначально (а возможно и впоследствии) эти поселения имели статус военных крепостей.

Такой же крепостью, по всей видимости, было поселение в районе еникальского маяка, где была обнаружена надгробная стела (КБН 738; Рис. 2. 1), использованная вторично для нанесения тамги Тиберия

Юлия Евпатора . Опубликованный И. В. Тункиной (2010. Рис. 198) рисунок подполковника Плахова позволяет не только уточнить место находки, но скорректировать чтение на надгробии: в КБН восстановлено: «Констанцию и Мирмеку (памятник) поставил Зотих». Однако очевидно, что это обычная эпитафия. Примерное восстановление:

KON(AYOS? UIE)
MU(REINOS? KAI)
ANT(I)SVENHS SWTHRIO
CAIRETE

Из списка имён КБН следует исключить Констанция, Зотиха и, возможно, в данном случае Мирмека. Надпись под рельефом в настоящее время практически не видна.

Аналогичным образом тамга нанесена на обратную сторону стелы, сопровождающей надпись Герака, сына Понтика, главного аланского переводчика (КБН 1053). Такие стелы использовались вторично для маркировки территории.

С этой же целью были нанесены тамги и на плиты⁴¹, происходящие из Львиного кургана в Керчи. Одна плита из инкерманского из-

вестняка со знаком покрывала спину льва, другая, аналогичная (209 × 180 × 24 см) была обнаружена «в двух шагах к северу от ямы со львом». По её краю, как писал К. Е. Думберг, «вырезаны загадочные каракули» (Думберг. 1894). Судя по всему, эти плиты находились практически на поверхности, и тамги на них были нанесены после того, как лев был спрятан в яме. Плиты не сохранились, но, к счастью, в отчёте есть её фотография (рис. 2. 2). Погребение, к которому относится лев, было совершено в 14/15 г. н.э.

В скоплении тамгообразных знаков на плите перекрытия из Львиного кургана преобладают изображения «триденсов», их насчитывается не менее четырёх. Они выполнены довольно небрежно и разным почерком. Среди них преобладает изображение в виде перевернутого трезубца с удлинённой средней линией . Из производных от «триденса» тамг выделяется знак , имеющий в верхней части горизонтальную черту. Он встречается как в середине I – середине II в. н.э. на Кубани (Яценко. 2001. Рис. 5/49), так и в середине II – середине III в. н.э. на территории Западного и Центрального Крыма

⁴¹ Нынешнее местонахождение их неизвестно.

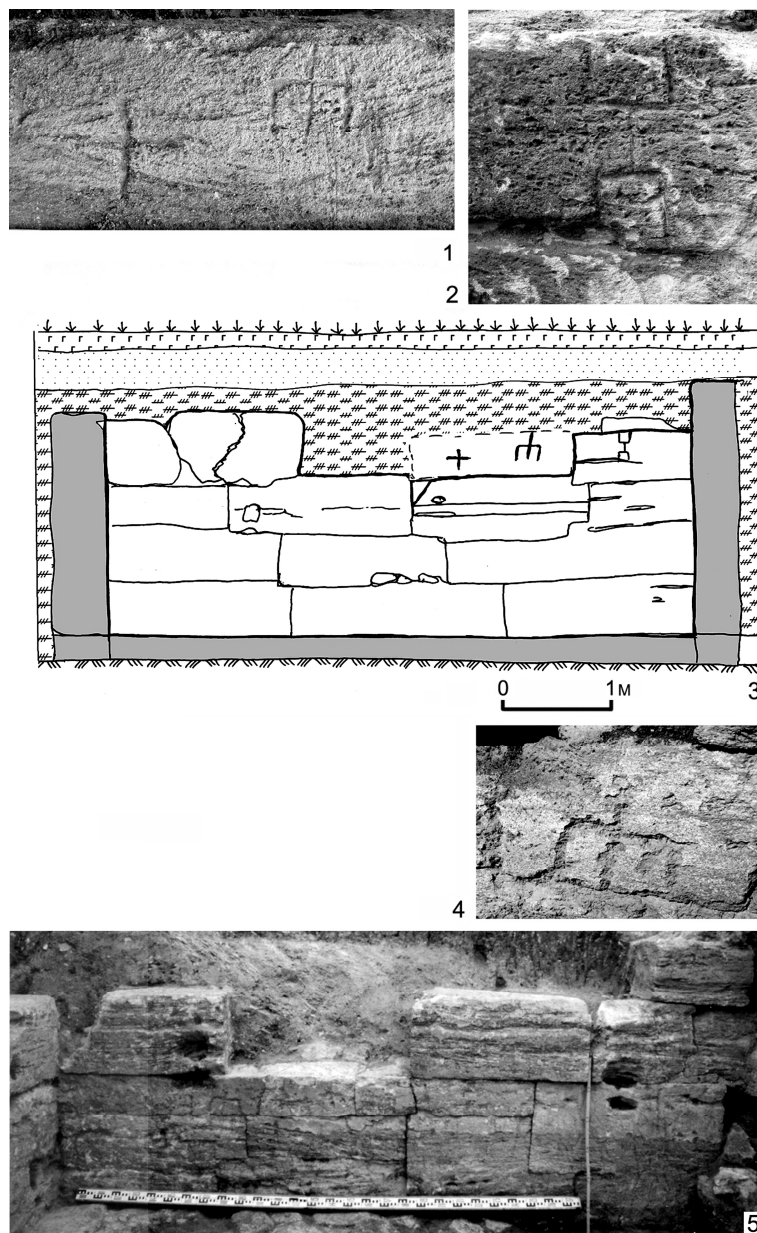

Рис. 1. Кыз-аул, тамги на стенах склепов № 6 и 7:
 1–3 – склеп № 7, северный борт; 4–5 – склеп № 6, восточный борт

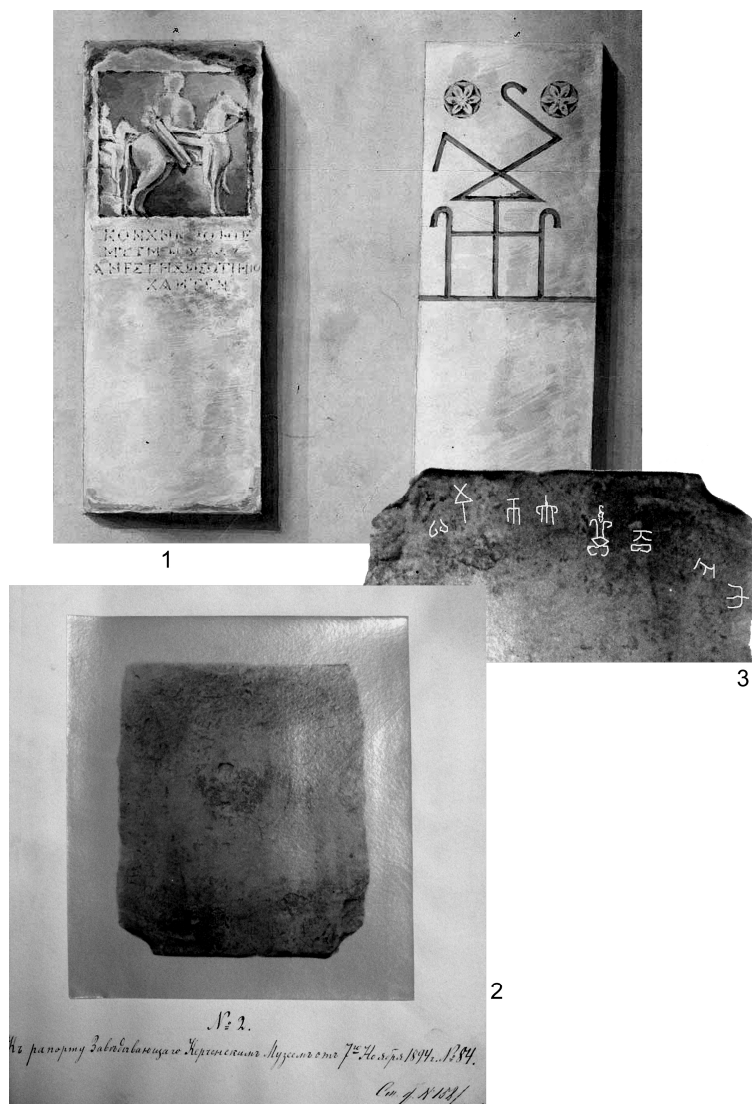

Рис. 2. 1 – надгробная стела (КБН 738; по: Тункина. 2010);
 2 – плита из Львиного кургана (НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894 г. № 158);
 3 – прорисовка знаков на плите из Львиного кургана
 (Яценко. 2001. Рис. 6/12). Знак $\begin{matrix} \wedge \\ \uparrow \end{matrix}$, является производным от тамги
 царицы Динамии (8 г. до н.э. – 11/14 гг. н.э.). Он имеется на каменной
 плите из Танаиса (Соломоник. 1962. Рис. 9; Яценко. 2001. Рис. 15/13).

Похожий знак , но более упрощённой формы (без верхних боковых ответвлений) был известен уже при Ахеменидах (Яценко. 2001.

Рис. 32/147). Знак встречается в Неаполе среди граффити на стенах бытовых построек середины II – середины III в. н.э. (Там же.

Рис. 6/7). Над этим знаком угадываются очертания тамги , выполненной в более мелком масштабе. Этот знак, датированный серединой II – серединой III в. н.э., встречается в катакомбе 20 в Клин-Яре III (Там же. Рис. 6/114), на керченской «писаной» плите» (Там же. Рис. 9) и на утраченной ныне стеле Басиликона из Керчи (IOSPE. IV. 359; Kieseritzky, Watzinger. 1909. № 728; Соломоник. 1959. № 25).

В правой части плиты имеются знаки и , производные от монограмм греческих букв «К» и «В»⁴². Обе тамги известны уже VI–II вв. до н.э. в бассейнах рек Амударья и Сырдарья (Яценко. 2001. Рис. 27/133, 28/79). Тамга , похожая по написанию на знак , была изображена на агатовом амулете, датированная серединой I – серединой II в. н.э., из кургана 6/11 в Чертовицком I (Там же. Рис. 5/127); такой же знак найден на гончарной посуде середины II – середины III в. н.э. в Чертовицком III (Там же. Рис. 6/119).

Знаки локализованы только в одной части плиты – на верхней её грани. Судя по неоднородной патине, эта часть находилась на поверхности и знаки оставляли те, кто с середины I до III в. н.э. использовал этот курган для последующих погребений.

Таким образом, представленные памятники позволяют ответить на вопрос о назначении тамгообразных знаков: они маркировали кладбище на Львином кургане и предназначались для определения родов, к которым отнесено это кладбище. Тамги на стенах склепов служили той же цели – погребения в них совершали более 200 лет и для определения, какому из родов они принадлежали, нанесена была маркировка напротив входа. Так, к примеру, вторая камера кызаульского склепа № 7 площадью 70 м² содержала ещё костницу (1,06 × 0,5 м, глубиной 0,79 м) в полу, где зафиксированы останки не менее 36 индивидуумов. Тамги на оборотной стороне стел ставились на границе участка и маркировали территорию, обозначая её принадлежность. Аналогичным образом плиты с крупным изображением тамги в стенах фортификационных сооружений призваны были сообщать, что это поселение находится под управлением рода, обозначенного этой тамгой.

⁴² Эти тамги иллюстрируют один из источников образования новых форм знаков из букв алфавитов. Знаки, производные от греческих букв, сарматами воспринимались как тамги (Яценко. 2001. С. 25–26).

Литература

- Баукова. 2009 – *Баукова А. Ю.* Пам'ятки з сарматськими знаками з розкопок 1947 р. у Керчі // Археологічні дослідження Львівського університету. 2009. Вип. 12.
- Грач. 1999 – *Грач Н. Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
- Думберг. 1894 – *Думберг К.* О исследовании Львиного кургана в г. Керчи. С приложением 20 листов рисунков, чертежей и фотографий и 1 эстампажа // НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894 г. № 158.
- Кучеревская. 2011 – *Кучеревская Н. Л.* Памятники с тамгообразными знаками из коллекции Керченского лапидария: каталог // Научный сборник Керченского историко-культурного заповедника. Симферополь, 2011. Т. 3.
- Сапрыкин, Федосеев. 2008 – *Сапрыкин С. Ю., Федосеев Н. Ф.* Новые свинцовые пластины с надписями из Восточного Крыма // ВДИ. 2008. № 3.
- Соломоник. 1959 – *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959.
- Соломоник. 1962 – *Соломоник С. И.* Нові пам'ятки з сарматськими знаками // АП. 1962. Т. XI.
- Тункина. 2010 – *Тункина И. В.* «Отец боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. СПб., 2010. Т. I.
- Федосеев. 2006 – *Федосеев Н. Ф.* Ойкоз среди могил // VII БЧ. 2006.
- Яценко. 2001 – *Яценко С. А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Kieseritzky, Watzinger. 1909 – *Kieseritzky G., Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.

С. В. Воронятов

**Наконечник копья с сарматской тамгой из погребения,
открытого в 1841 г. в Керчи: к функции и статусу предмета**

Захоронение IV в. н.э., открытое А. Б. Ашиком в 1841 г. в кургане близ Аджимушкских каменоломен (Ашик. 1848. Ч. II. С. 47, 48), притом что оно никогда не являлось предметом всестороннего исследования, можно назвать довольно известным комплексом. С ним, как и с «погребением с золотой маской» (Тайна... 2009), связано некоторое количество загадок и «ребусов», объективно обусловленных методическим уровнем археологических раскопок в середине XIX в.

Процесс «разгадывания» одной из таких загадок можно проследить в истории идентификации одного предмета комплекса, который в разное время в литературе фигурировал либо как рукоять кинжала, либо как втулка наконечника копья (Щукин. 2005. С. 427).

В публикации А. Б. Ашика читаем: «Подле правой руки скелета находились: меч, пика, лезвие ножа и золотое украшение с резьбой, которым были обвиты ручка и ножны ножа; и наконец, род кинжала, которого золотая рукоять украшена вставленными по бокам

сердоликами, обделанными в золото; на верхней части рукояти находится круглый агат, по середине которого, вделаны мозаикой зеленые и красноватые камни, обделанные в золото» (Ашик. 1848. Ч. II. С. 47; здесь и далее курсив мой. – С. В.). В «Древностях Босфора Киммерийского» помимо описания было опубликовано и само изображение кинжала. Кроме упоминания о том, что его рукоятка покрыта золотым листом, также сказано, что на ней есть совершенно ясное изображение монограммы (ДБК. С. 186. Табл. XXVII, 7).

Интерпретация интересующего нас предмета, изложенная в первых публикациях, просуществовала без изменений до середины XX в. Упоминания о кинжале с обложенной золотом и украшенной сердоликами рукояткой можно встретить в работах М. И. Ростовцева (1925. С. 246), В. Гинтерса и В. Ф. Гайдукевича. На страницах монографий двух последних авторов дается описание отделки кинжала и воспроизводится его рисунок из таблицы ДБК (Ginters. 1928. Taf. 27, c; Гайдукевич. 1949. С. 424. Рис. 80).

Насколько мне удалось проследить по литературе, первыми исследователями, изучившими *de visu* т. н. «кинжал» и обнаружившими несоответствие рисунка самому артефакту, были Н. И. Сокольский и Э. И. Соломоник. В статье о боспорских мечах Н. И. Сокольский в подстраничной сноске пишет о создавшемся в литературе неверном представлении об этой вещи (Сокольский. 1954. С. 160). Э. И. Соломоник в своей монографии приводит музейный инвентарный номер предмета и его «купированное» изображение (Соломоник. 1959. С. 128, 129). Оба археолога при этом никак не поясняют логику своих исследований, в результате которых выяснилось, что кинжала в том виде, в котором он опубликован⁴³, вероятно, никогда не существовало, а украшенная золотом и камнями «рукоятка кинжала» является втулкой наконечника копья⁴⁴.

Пытаясь понять, чем руководствовались Н. И. Сокольский и Э. И. Соломоник, революционно изменив атрибуцию интересующей вещи, я осмотрел её в экспозиции Галереи Драгоценностей № 1 Государственного Эрмитажа. При взгляде на предмет вопрос по поводу его интерпретации в качестве рукояти кинжала снимается. Уверенности в том, что предмет не является ручкой кинжала, добавляет тот факт, что экспонируемая рядом т. н. верхняя часть рукояти – «*круглый агат, по середине которого, вделаны мозаикой зеленые и красноватые камни, обделанные в золото»* (Ашик. 1848. Ч. II. С. 47),

⁴³ Уже на иллюстрации, опубликованной в ДБК, можно видеть, что между рукоятью и перекрестьем кинжала есть пробел. Это обстоятельство наводит на мысль, что обе части могут не являться составляющими одного предмета.

⁴⁴ Можно также отметить, что в инвентарной книге, зарегистрированной в ГЭ в 1950 г., интересующий нас предмет уже записан как втулка наконечника копья (Инв. П. 1841.20).

своими размерами демонстрирует, что она не имеет никакого отношения к предмету, названному А. Б. Ашиком рукоятью⁴⁵. Да и сама конусовидная форма предмета свидетельствует о том, что Н. И. Сокольский и Э. И. Соломоник вполне справедливо атрибуировали исследуемую вещь как втулку наконечника копья (Сокольский. 1954. С. 160; Соломоник. 1959. С. 128. № 66). Наконечник, судя по сохранившейся железной части втулки, был изготовлен из железа. Была ли покрыта золотым листом только втулка или наконечник был украшен целиком, сказать сегодня сложно.

Вековая история с «кинжалом-наконечником копья» после более чем лаконично изложенных исследований Н. И. Сокольского и Э. И. Соломоник продолжилась в конце XX в. Во второй раз после А. Б. Ашика путаницы в ситуацию невольно добавили современные исследователи. Два разных изображения этого предмета – фотография и прорисовка, – сделанные в разное время, в одной статье одновременно фигурировали и как втулка наконечника копья, и как рукоятка кинжала, увенчанная агатовой пронизью (Шаров. 1998. С. 12). Золотая обкладка с сердоликами по-прежнему соотносилась с рукоятью кинжала (Яценко, Малашев. 2000. С. 245).

В статье О. В. Шарова 2003 г. была указана большая часть работ, излагающих неверную интерпретацию интересующего нас предмета, в ряде случаев подкреплённую ошибочной графической реконструкцией (Šarov. 2003. S. 38).

Возможно, следует допустить, что помимо пики⁴⁶, упомянутой А. Б. Ашиком, в погребении было ещё одно копьё, фрагмент которого век спустя после раскопок распознали хранители Государственного Эрмитажа, а также Н. И. Сокольский и Э. И. Соломоник. Поскольку А. Б. Ашиком в описании упоминается меч, следует считать справедливым предложенное С. И. Безугловым соотношение халцедонового навершия с мечом, остатки которого хранятся в эрмитажной коллекции (Безуглов. 2000. С. 173). Железный клинок кинжала с бронзовым перекрестьем⁴⁷, рисунок которого фигурирует в ошибочной реконструкции (Рис. 1. 1), лишается в таком случае навершия и рукояти, украшенной золотым листом и сердоликами.

⁴⁵ На это обстоятельство мне любезно указал Ю. П. Калашник – хранитель предметов из драгметаллов, происходящих из «погребения 1841 г.», за что приношу ему свою искреннюю признательность. Справедливое мнение о том, что навершие, оказавшееся на проверку халцедоновым, могло относиться только к длинному мечу, высказал С. И. Безуглов (2000. С. 173).

⁴⁶ Изображение её наконечника впервые опубликовано: Паруса Эллады. 2010. С. 206, 207. № 120.

⁴⁷ Приношу благодарность Д. Е. Чистову – хранителю железных предметов из «погребения 1841 г.» за возможность ознакомиться с коллекцией.

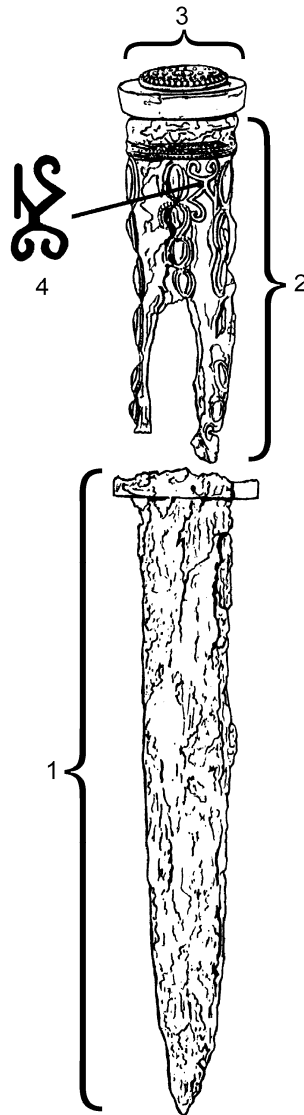

Рис. 1. «Сборка» описанного А. Б. Ашиком (1848. Ч. II. С. 47) кинжала, опубликованная в ДБК (Табл. XXVII, 7): 1 – клинок железного кинжала с бронзовым перекрестьем; 2 – железная втулка наконечника копья, покрытая золотым листом с серделиковыми вставками; 3 – халцедоное навершие с розеткой в технике перегородчатой инкрустации; 4 – тамга. На выноске – правильно ориентированная тамга (4); на изображении та же тамга ориентирована, как и втулка копья (2), «вверх ногами»

Не остаётся сомнений в том, что под описанием кинжала А. Б. Ашика и рисунком, опубликованным в ДБК, скрываются три разных предмета, искусственно соединённых в один (Рис. 1): 1) железный клинок кинжала с бронзовым перекрестьем; 2) втулка железного копья, покрытая золотым листом; 3) халцедоновое навершие рукояти длинного меча.

После изложенной истории можно только констатировать, что сомнения исследователей в добросовестности А. Б. Ашика как раскопщика (Яценко, Малашев. 2000. С. 247; Бутягин. 2009. С. 11, 14) вполне обоснованы.

Проделав вынужденное, но необходимое историографическое исследование, перейдём к основной теме данной работы. В «погребении 1841 г.», судя по всему, действительно присутствовало копье с украшенным золотым листом железным наконечником. Среди древностей Боспора данный наконечник является вещью уникальной. Поскольку он или, по крайней мере, его втулка не только богато украшена, но и содержит изображение сарматской тамги (Рис. 1. 4)⁴⁸ – монограммы по тексту ДБК. В алано-сарматских древностях такая категория предметов с сарматскими знаками, как наконечники копий, неизвестна, что делает ситуацию ещё более увлекательной.

Единственными аналогиями наконечнику в этой категории, как неоднократно отмечал С. А. Яценко, являются наконечники германских копий II–III в. н.э. с сарматскими клановыми знаками (Яценко. 1994. С. 188; Яценко и др. В печати). Тамги на германских наконечниках, за исключением одного сомнительного случая (наконечник из Недобоевиц), всегда инкрустированы серебром на лопастях пера, а не на втулках. Но это обстоятельство не мешает сблизить боспорский наконечник с германскими.

С альтернативными точками зрения об обстоятельствах попадания клановых сарматских знаков к германцам можно ознакомиться в недавно появившихся работах (Yatsenko. 2010. P. 144, 145; Яценко и др. В печати; Воронятов, Мачинский. 2010. С. 66–69). В данном же исследовании главным вопросом является функциональное назначение необычного наконечника копья.

Его можно называть парадным, как это делает С. А. Яценко по отношению к германским наконечникам. Но если логически пойти в рассуждениях дальше, то можно попытаться предположить, в каких ситуациях и в каком качестве использовалось копье с украшенным наконечником.

⁴⁸ Необходимо заострить внимание ещё и на том, что А. Б. Ашик упоминает таинственное изображение в виде двух соединённых букв, сделанное из серебра и обнаруженное между конскими костями, где-то над пирамидальным склепом «погребения 1841 г.». Судя по символу, приведённому в тексте (Ашик. 1848. Ч. II. С. 47), это таинственное изображение является тамгой, очень близкой к тамге на втулке наконечника копья.

В недавних работах была выдвинута гипотеза о том, что германские наконечники с инкрустированными серебром знаками могли исполнять роль боевых значков, штандартов или эволюционных предшественников такой вещи, как знамя (Воронятов, Мачинский. 2010. С. 71; Воронятов. В печати). Собственные германские знаки и сарматские тамги на наконечниках, по сути, являются сакрально-геральдическими символами и автоматически передают данную характеристику наконечникам, на которых они изображены. И я полагаю, что такую же сакрально-геральдическую функцию мог нести наконечник копья с сарматской тамгой из «погребения 1841 г.». Присутствовало ли на данном копье некое полотнище или пра́пор, мы не знаем, но исключать этого нельзя. Тем более что отличительные военные значки в римское время на Боспоре существовали. Свидетельством этого является роспись одной из стенок ниши-лежанки Стасовского склепа (II в. н.э.), открытого в 1872 г. в Керчи (Гайдукевич. 1949. С. 420. Рис. 77). Роспись содержит изображение четырёх боспорских воинов-пехотинцев, возглавляемых знаменосцем (Там же. С. 418). Военный значок в его руках представляет собой римский вексиллум – небольшое прямоугольное матерчатое полотно с кистями, закреплённое на поперечной древку копья перекладине, находящейся ниже наконечника (Горнчаровский. 2009. С. 175. Рис. 81).

Резюмируя, можно предположить, что втулка наконечника копья из «погребения 1841 г.» может являться дошедшим до нас в фрагментированном состоянии войсковым значком, по неизвестным нам причинам помещённым в гробницу «боспорского военачальника», погребённого в Пантикапее во второй трети IV в. н.э. (Малашев. 2000. С. 212). Мнение о том, что изображённую на втулке наконечника тамгу можно считать царским знаком (Яценко. 2001. С. 60), позволяет также предполагать, что реконструируемый военный значок мог быть личным стягом неизвестного боспорского правителя.

Считая изложенную гипотезу наиболее соответствующей реальности, не могу не упомянуть ещё один вариант определения функционального назначения боспорского наконечника копья.

Нельзя исключать, что наконечник мог всего лишь украшать парадное копье неизвестного боспорского царя в торжественных церемониях, некоторые знания о которых мы можем почерпнуть из изображения на серебряной чаше с конным портретом византийского императора Констанция II из Керчи. «Чаша украшена триумфальной сценой, изображающей императора верхом на коне в сопровождении оруженосца и богини победы Ники» (Засецкая. 1994. С. 225). В правой руке у Констанция II копье. Вероятно, у такой особы, как император, было не простое копье, а оформленное соответствующим образом, как и многие другие предметы, изображённые на чаше: рукоять меча, портупея, пояс, сбруя коня и пр. (Засецкая. 2008. Рис. 12).

Подобное парадное копье могло быть положено и в могилу, открытую А. Б. Ашиком в 1841 г.

Примечательным в этой аналогии является то, что не только копье, но и некоторые другие предметы из «погребения 1841 г.» находят соответствия в изображении на керченской чаше. И. П. Засецкая отмечает сходство изображенной упряжи коня и богато оформленных конских наборов, найденных в Северном Причерноморье (Засецкая. 2008. С. 13). Также следует отметить оформление рукояти меча, которое венчает навершие, отдаленно напоминающее халцедоновый диск, фигурирующий в комплексе «погребения 1841 г.».

В аналогии, связанной с экипировкой византийского императора, смущает только тот факт, что на втулке наконечника из «погребения 1841 г.» изображен сарматский клановый знак. Это обстоятельство заставляет меня всё же рассматривать как наиболее вероятную гипотезу предположение, что данный наконечник копья выполнял сакрально-геральдическую функцию и был частью личного или войскового значка.

Литература

- Ашик. 1848 – *Ашик А.* Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса, 1848. Ч. II.
- Безуглов. 2000 – *Безуглов С. И.* Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000.
- Бутягин. 2009 – *Бутягин А. М.* Вокруг маски // Тайна золотой маски: Каталог выставки. СПб., 2009.
- Воронятов. В печати – *Воронятов С. В.* Алано-сарматские мотивы в инвентаре «королевского» погребения позднеримского времени около Мушова в южной Моравии // Золото, конь и человек: Сб. к 60-летию А. В. Симоненко. (В печати).
- Воронятов, Мачинский. 2010 – *Воронятов С. В., Мачинский Д. А.* О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // Германия–Сарматия II. Калининград; Курск, 2010.
- Гайдукевич. 1949 – *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Горончаровский. 2009 – *Горончаровский В. А.* Военное дело и военно-политическая история Боспорского царства от правления Фарнака до начала Готских войн // Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб., 2009.
- Засецкая. 1994 – *Засецкая И. П.* О месте изготовления серебряных чаш с изображением Констанция II из Керчи // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
- Засецкая. 2008 – *Засецкая И. П.* Сарматы в Северном Причерноморье // Сокровища сарматов: Каталог выставки. СПб., 2008.
- Малашев. 2000 – *Малашев В. Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000.
- Паруса Эллады. 2010 – *Паруса Эллады.* Мореходство в античном мире: Каталог выставки. СПб., 2010.

- Ростовцев. 1925 – *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. Известия РАИМК. Вып. VI.
- Тайна... 2009 – Тайна золотой маски: Каталог выставки. СПб., 2009.
- Сокольский. 1954 – *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33.
- Соломоник. 1959 – *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959.
- Шаров. 1998 – *Шаров О. В.* Погребения сарматской знати на Боспоре // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998.
- Щукин. 2005 – *Щукин М. Б.* Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
- Яценко. 1994 – *Яценко С. А.* Аланы и аорсы в Северном Причерноморье в период готского вторжения: анализ тамг аристократического некрополя Пантикапея второй половины III в. н.э. // Древнее Причерноморье. Одесса, 1994.
- Яценко. 2001 – *Яценко С. А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Яценко, Малашев 2000 – *Яценко С. А., Малашев В. Ю.* О полихромном стиле поздне-римского времени на территории Сарматии // STRATUMplus. 2000. № 4.
- Яценко и др. В печати – *Яценко С. А., Добжанская Г., Пивоваров А. В.* Германские парадные копыя II–III вв. н.э. с сарматскими знаками // Сб. ГИМ памяти И. И. Гущиной. М. (В печати): <<http://www.formuseum.info/2009/04/26/jacenko3.html>>.
- Ginters. 1928 – *Ginters W.* Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928.
- Šarov. 2003 – *Šarov O.* Die Gräber des sarmatischen Hochadels von Bospor // Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrhundert nach Christus. Neumünster, 2003.
- Yatsenko. 2010 – *Yatsenko S. A.* Marks of the Ancient and Early Medieval Iranian-Speaking Peoples of Iran, Earsten Europe, Transoxiana and South Siberia // Traditional Marking Systems. L., 2010.

О. В. Шаров

Тамга конского убора из погребения с Золотой маской в Керчи

Одним из самых ярких комплексов Боспора поздне-римской эпохи является знаменитая могила «царицы с Золотой маской», открытая А. Б. Ашиком в 1837 г. на Глинище в Керчи (Ашик. 1850; ДБК). Все предметы из этого комплекса, несмотря на значительное время, прошедшее со времени его открытия, всё ещё требуют своего детального изучения (Шаров. 2009; Трейстер. 2009). В данной заметке я хотел бы остановиться только на находке в этом погребении двух серебряных головных конских уборов, украшенных золотыми тиснёнными бляшками с вставленными в оправу сердоликами.

Узда, поступившая в Императорский Эрмитаж в 1838 г., состоит из 24 бляшек (Рис. 1); узда, поступившая в 1851 г. – из 9 бляшек (см.: ДБК. Табл. XXIX, 6; Толстой, Кондаков. 1889. С. 155. II. Рис. 137).

Рис. 1. Парадный конский убор из погребения с Золотой маской в Керчи, 1837 г.

Камни-кабошоны были закреплены с помощью мастики на серебряную пластину-основу, а сверху наложена тонкая золотая пластина с специальной прорезью для вставки. На этой золотой пластине орнамент в виде псевдофилиграни вокруг каста и по краю в виде зигзага выполнен по специальной матрице в технике басмы. Бляшки крепились к ремням упряжи с помощью четырёх заклепок, которые вставлялись с внешней стороны и расклепывались на двух тонких длинных серебряных пластинках с оборотной стороны, которые и соединяли ремни с бляшками. Важно отметить, что тип узды из керченского комплекса 1837 г. весьма оригинален – в дошедших до нас деталях упряжи нет колец-распределителей различных ремней оголовья и все бляшки крепятся прямо на ремни, а сами ремни крепятся друг к другу внахлест, с помощью всё тех же узких пластинок, без использования круглых и прямоугольных разделителей ремней (Šarov. 1994; 2004). Наиболее близкой аналогией этому типу конского убора является изображение парадной упряжи коня на знаменитом керченском серебряном блюде с триумфом императора из склепа Гордиковых (Мацулевич. 1926. Табл. 1; Засецкая. 1993. Табл. 8, № 5; Сокровища сарматов. 2008. Рис. 12, № 94). Мы видим части оголовья и поперся (нагрудного украшения), прямоугольные бляшки которых украшены в центре овальными и прямоугольными вставками, и эти полихромные бляшки покрывают все ремни упряжи. При

этом следует отметить и некоторые различия, в частности, в головном уборе коня на блюде показаны кольца-распределители ремней и отсутствуют детали украшения наносника, которые, напротив, представлены в комплексе с Золотой маской. В комплексе 1837 г. бляшки расположены через равномерное расстояние друг от друга и не украшают полностью ремни оголовья. В нагрудном украшении коня на керченском блюде полихромные бляшки чередуются с неукрашенными, чего не наблюдается в узде керченского комплекса 1837 г.

На концах ремней этих сбруй висят серебряные бляшки, покрытые также золотыми пластинами без вставок камней (две в конском уборе 1838 г. – ГЭ. Инв. Р. 50; и одна в конском уборе 1851 г. – ГЭ. Инв. Р. 51), на которых оттиснут одинаковый знак – тамга одного из царей боспорской династии (Шкорпил. 1910). Следует отметить, что данная тамга состоит из двух знаков: 1 – из «наиболее распространенного царского знака на Боспоре», по выражению Е. М. Алексеевой, или знака Рискупорида II (III) по В. В. Шкорпилу, и 2 – шестилучевой звезды слева вверх (Рис. 2).

Обратимся сначала к первому знаку. Долгое время существовала точка зрения В. В. Шкорпила, что эта тамга Рискупорида II (III), правившего в 211–228 гг. Э. В. Соломоник определила, на основании изучения надписи и изображений на плите из Танаиса (Соломоник. 1959. № 13; IOSPE. II. 431; ГЭ. Инв. ТН. 299), что именной знак царя Рискупорида II (III), правившего в 211–228 гг., имеет совсем иные очертания (без правого выступа в верхней части) и родственен знаку своего отца – Савромата II (174–210 гг.).

С. А. Яценко оспорил это мнение, считая, что издатель танаисской плиты В. В. Латышев был прав, и на плите имеются утраты, ввиду которых знак достоверно восстановить нельзя (Яценко. 2001. С. 53–54). Он склоняется к тому, что перед нами один и тот же знак, известный более как знак Рискупорида II (III). Попробуем с этим разобраться.

Первый знак, вытисненный на бляшках узды из погребения с Золотой маской, встречен на целом ряде надгробий, датированных I–II вв., в частности, это надгробия № 7, 8, 44, 48, 50 (Соломоник. 1959). Этот знак также встречен среди тамг, украшавших стены под штукатуркой Стасовского склепа 1872 г. (Там же. С. 108. № 52), который также датируется серединой II в. н.э. Первый знак, вытисненный на бляшках узды из погребения с Золотой маской, выбит также на боспорских плитах вместе с ещё двумя типами тамгообразных знаков, которые, в свою очередь, часто изображались на обоях пряжек и наконечниках ремней вместе с тамгой Тиберия Евпатора (154–170 гг.) (Соломоник. 1959. С. 134, № 76, 84, 85, 86). Эти тамги встречены также только в контексте находок, относимых ко II в. н.э. (Соломоник. 1959. № 35, 48, 52, 76). Вероятно, это тамги или именные знаки

Рис. 2. Наконечник ремня узды с изображением тамги из погребения с Золотой маской в Керчи, 1837 г.

правителей, близких по времени эпохе Тиберия Евпатора (154–170 гг.) или Савромата II (174–210 гг.), тамги которых твёрдо установлены и документированы надписями (КБН 1241). Это вполне может быть знак неизвестного правителя, который мог править Боспором в 170–174 гг., когда не чеканились боспорские монеты. В этом случае может быть понятной близость тамги Савромата II к этому знаку, который отличается только завитком слева в верхней части. Таким образом, если рассматривать первый знак на бляшках узды из погребения с Золотой маской отдельно, то следует сказать, что он известен нам лишь в археологическом контексте II в. н.э. и его можно было бы предварительно отнести к именованным знакам неизвестного царя Боспора, правившего в 170–174 гг. между Тиберием Евпатором и Савроматом II.

Второй знак, расположенный на бляшках узды слева сверху по отношению к первому знаку, представляет собой вытянутую шестилучевую звезду. Обычно шестилучевая звезда не рассматривается как знак-тамга, а является символом астральных культов целого ряда божеств греческого и иранского пантеона. Помещали этот знак на монетах и боспорские правители, начиная с рубежа V–IV вв. до н.э. вплоть до I–II вв. н.э. Некоторые авторы считают шестилучевую звезду и полумесяц знаками боспорской иранской династии римской эпохи, ведущей своё происхождение через Динамию и Асандра от Ахеменидов. Можно предположить, что знак шестилучевая звезда менял или дополнял смысловую нагрузку основного – первого знака, но что именно он подчёркивал в данном случае – связь с каким божеством или культом Боспора – остаётся только гадать. С. А. Яценко отметил этот важный дополнительный элемент на бляшках конского убора из погребения с Золотой маской, что позволило ему приписать данную тамгу, состоящую из двух знаков, боспорскому царю Рескупориду V (242–276 гг.). При этом он опирался более не на анализ тамг и поиски параллелей этому сложному знаку, а на дату полихромного стиля парадной конской упряжи из погребения с Золотой маской. Остановимся на дате конского убора.

Согласно классификации полихромных украшений Шарова-Казанского, данная парадная конская гарнитура принадлежит к группе Силистрия-Керчь (Silistra-Kertch), которая датируется второй половиной III – второй третью IV в. н.э. и имеет распространение в Римской империи, у германцев, в Юго-Западном Крыму и в сармато-аланском мире (Sharov, Kazanski. 2006). Нужно отметить, что бляхи конской сбруи в форме сердца, обнаруженные в могиле 1837 г., так же как и в могиле 1841 из Аджимушкай, имеют параллели в контексте сарматского погребения Нагорное 9, гарнитура которого отнесена В. Ю. Малашевым к группе ПВ (вторая половина III в. н.э.), и в могиле 152 Нейзаца (Храпунов. 2003. Рис. 3, 1–3, 6), где представлен, кроме этого, и умбон первой половины III в. н.э. (группа ПА).

Тем не менее, несмотря на эти параллели деталям конского убора, керченская гробница 1837 г., скорее принадлежит, по мнению В. Ю. Малашева, к группе ПШВ (320/330–360/370 гг.). С погребениями группы ПШВ её сближают особенности сбруйного набора: наличие прямоугольных блях, идентичных бляхам из гробницы 1841 г. по В. Шкорпилу (Малашев. 2000. С. 202. Рис. 12, Б, 4), и близость бляхи сердцевидной формы бляхе из гробницы 1841 г. по А. Б. Ашику (Там же. Рис. 10, Г, Л). Я уже отмечал ранее в других работах, что в одну группу полихромных изделий попали керченские комплексы, у которых сбруйные ремни относятся к различным орнаментальным стилям. Чтобы более чётко определить их хронологический статус, необходимы дополнительные критерии. Для В. Ю. Малашева полихромный

стиль является ведущим признаком более ранней группы ША. Этот исследователь предлагает в качестве критериев для выделения группы ША появление в этой группе пряжек типа П-9 или пряжек типа Келлер А-В-С, поясных полихромных наконечников типа НЗб, наконечников типа Н5 и Н6 с круглыми и секировидными окончаниями, колец-разделителей конской упряжи с тремя зажимами. Этих хроноиндикаторов нет в погребении с Золотой маской, но есть в погребении Аджимушкой 1841 и погребении Керчь 1891. Я уже писал выше, что узда в этих керченских погребениях сделана *совершенно другим способом*.

Важно ещё раз отметить, что не только сам тип узды из погребения с Золотой маской оригинален, там нет колец-распределителей ремней, все бляшки крепятся на ремни узкими пластинками (Sarov. 1995), но оригинален и тиснёный орнамент змейками по контуру, который более нигде не был встречен. В бляшках, происходящих из погребения с Золотой маской, отверстия для вставок не напаяны, а вырезаны в верхней золотой пластине, а затем края отжаты наружу для получения каста. Сердоликовые вставки прикреплены на серебряную основу и прикрыты сверху золотой бляшкой. Добавлением к этому является также тип серебряных пряжек с удлинёнными узкими обоймами и удлинённо-овальными гранёными рамками, которые крепили ремни поводий к трензельным кольцам. Пряжки из погребения с Золотой маской занимают промежуточное положение между самыми ранними пряжками типа П1 и пряжками типа П8 с гранёной рамкой и гранёным язычком с уступом сзади, которые характерны для периода ПВ по В. Ю. Малашеву. На основании этих данных я отношу погребение с Золотой маской к фазе ПВ по В. Ю. Малашеву (250/260–290/300) и считаю, вслед за С. А. Яценко и М. М. Казанским, двойной знак-тамгу на бляшках конской упряжи с большой долей вероятности знаком боспорского царя Рискупорида V (241–276 гг.).

В. В. Масакин

Римские шарнирные дуговидные фибулы Боспора

Среди римских фибул, найденных на Боспоре, особого внимания заслуживают изделия двух типов: «Алезия» и «Авцисса». И те и другие являлись, прежде всего, военным типом застёжки и распространялись, в первую очередь, вместе с римской армией. Поэтому появление значительного количества находок за пределами римских границ объясняется чаще всего военными контактами. С другой стороны, известно, что в римских провинциях такие застёжки использовались и гражданским населением. По этой причине они могли распространяться и торговым путём.

В любом случае, если речь не идёт об отдалённых регионах, концентрация находок таких изделий является одним из свидетельств проявления интереса Рима (военного, торгового) к той или иной территории, в данном случае, к Боспору.

Всего удалось учесть 27 экземпляров фибул рассматриваемых типов.

Фибулы типа «Алезия»

На территории Боспора найдены три фибулы «Алезия», две из них – в погребениях некрополя Южная Озерейка на юго-восточной окраине Азиатского Боспора, одна – в кургане Ак-Бурун в окрестностях Пантикапея.

Фибулы типа «Алезия» появляются, вероятно, в Испании ещё в конце первой половины I в. до н.э. и широко распространяются после середины столетия. Около 20/10 гг. до н.э. они вытесняются фибулами «Авцисса», с которыми какое-то время сосуществуют. Особенности морфологии рассматриваемых застёжек позволяют уточнить их датировку.

Фибула из могилы 96 (Рис. 1. 1) имеет дужку с продольной прорезью, украшенную гравированными линиями, на конце ножки – поперечное отверстие, в которое вставлена кнопка. Она относится к типу 21a3 по М. Фужеру (Feugère. 1985), типу 1d по С. Деметцу (Demetz. 1999). Наиболее близкие аналогии происходит из Сьон в Южной Швейцарии (Рис. 1. 2) и Кьюзи в Северной Италии (Рис. 1. 3), которые датируются широко. Близкие фибулы с прорезью встречаются в Северной Италии, на Северо-Восточном побережье Адриатики, в Южной Галлии и Северной Испании (Рис. 1. 4, 7–10). Часть из них обладает признаками (характерная кнопка на конце ножки, рельефная дужка, трубчатый шарнир закрытого типа), которые позволяют их рассматривать в качестве переходных между фибулами «Алезия» и «Авцисса». Среди относительно «узко» датирующихся экземпляров следует назвать находки в лагере флота во Фрежюсе (Forum Iulii) в контексте времени Августа-Тиберия (Рис. 1. 10), в лагере Дангштеттен (Рис. 1. 11, 12), существовавшем в 15–9/7 гг. до н.э. Находки подобных фибул в Северной Испании (Рис. 1. 8) М. Марине связывает с действиями римлян во время кантабрийских войн 29–19 гг. до н.э. (Magine. 2001). Таким образом, датированные находки фибул этого типа относятся к последней трети I в. до н.э. Косвенным подтверждением такой даты может быть и то, что в одной из могил I хронологической группы некрополя, к которой относятся и оба погребения с фибулами «Алезия», найден тетрахалк Асандра (30–16 гг. до н.э.). В Северном Причерноморье две близкие фибулы найдены в позднескифском Усть-Альминском некрополе (Рис. 1. 5, б). Особенности их конструкции, в т. ч. шарнир закрытого типа, также позволяют отнести их к последней трети I в. до н.э.

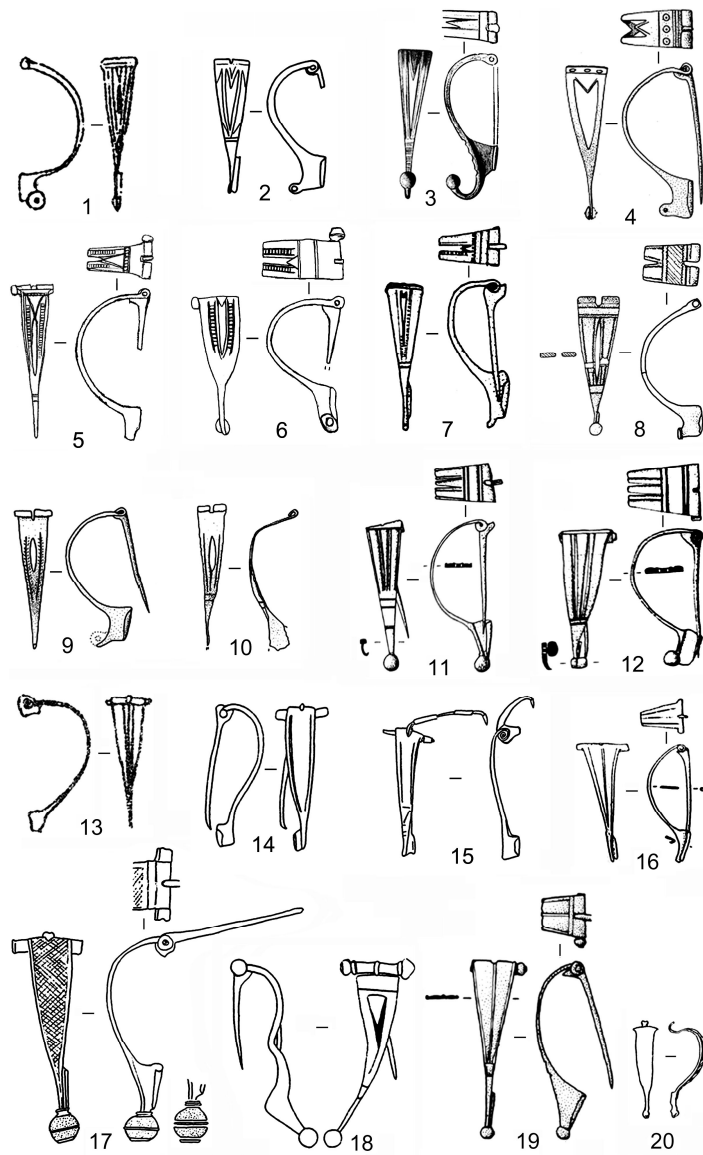

Рис. 1. Римские фибулы Боспора и некоторые аналогии:
 1, 13 – Южная Озерейка; 2 – Сьон; 3 – Кьози; 4 – Ниссан-ле-Энсерюн;
 5, 6 – Усть-Альма; 7 – Басальделла; 8 – Пена Амайа; 9 – Тулуза; 10 – Фрежюс;
 11, 12 – Данштеттен; 14, 18 – Гурзуфское Седло; 14 – Кизил-Кая;
 16 – Северная Италия; 17 – Мон Берни; 19 – Буа-де-Лан; 20 – Танаис

Фибула из могилы 49 некрополя Южная Озерейка (Рис. 1. 13) с гладкой дужкой, украшенной тремя продольными линиями, и короткой ножкой без кнопки, близка варианту 22a1 по М. Фужеру (Рис. 1. 16), который также можно рассматривать в качестве переходного к фибулам «Авцисса». Серия аналогичных застёжек найдена в Горном Крыму: в святилище Гурзуфское Седло (Рис. 1. 14), на поселении Кизил-Кая (Рис. 1. 15).

Золотая шарнирная фибула с крупным шаром на конце ажурной ножки из кургана Ак-Бурун в окрестностях Пантикапея, хранящаяся в ГЭ, не опубликована, описание её известно из статьи М. Б. Щукина (1989. С. 68). К сожалению, обстоятельства этой находки пока не выяснены и нуждаются в дополнительном изучении. В качестве близкой аналогии исследователь приводит фибулу из Мон Берни во Франции (Рис. 1. 17). Эта застёжка относится к очень небольшой группе изделий, выделяющихся внутри типа 22a1 М. Фужера рядом признаков, прежде всего – крупной шаровидной кнопкой на конце ножки. К ней можно добавить застёжки из Санцено и Алезии. Эти фибулы, также как и рассмотренные выше, являются переходными к «Авциссам». Основанием для датировки типа является экземпляр из Буа-де-Лан на юге Франции (Рис. 1. 19), один из немногих, найденных в относительно «узко» датированном контексте, относящемся к последней трети I в. до н.э. К этому же типу относится бронзовая фибула с ажурной дужкой из святилища Гурзуфское Седло (Рис. 1. 18).

Возможно, к поздним вариантам фибул «Алезия» принадлежит и небольшая застёжка с маленькой кнопкой на конце ножки из могилы 88 некрополя Танаиса (Рис. 1. 20).

Фибулы типа «Авцисса»

Удалось учесть 21 экземпляр фибул типа «Авцисса» и их дериватов, обнаруженных на территории Боспора. Пять фибул, найденных в Пантикапее (четыре из них – в городском слое; Рис. 2. 2, 5–8), и фибула из могилы 47 некрополя Горгииппии (Рис. 2. 1) относятся к наиболее раннему варианту 22a2a по М. Фужеру. Застёжки этого варианта датируются 20-ми гг. до н.э. – рубежом нашей эры. По наблюдению М. Ю. Трейстера, отметившего необычно высокую концентрацию находок фибул «Авцисса» в городских слоях Пантикапея, ранние экземпляры в деталях оформления спинки образуют единую стилистическую группу и отличаются от западных аналогий (Трейстер. 1993). Действительно, все пантикапейские экземпляры, кроме одного (Рис. 2. 2), имеют не треугольную дужку, характерную для западных фибул (Рис. 2. 3, 4), а прямоугольную пластинчатую, все – с продольными ребрами. Представляется, что, касаясь проблемы происхождения этой группы изделий, следует обратить внимание на другую группу застёжек, синхронных фибулам «Алезия» и «Авцисса»,

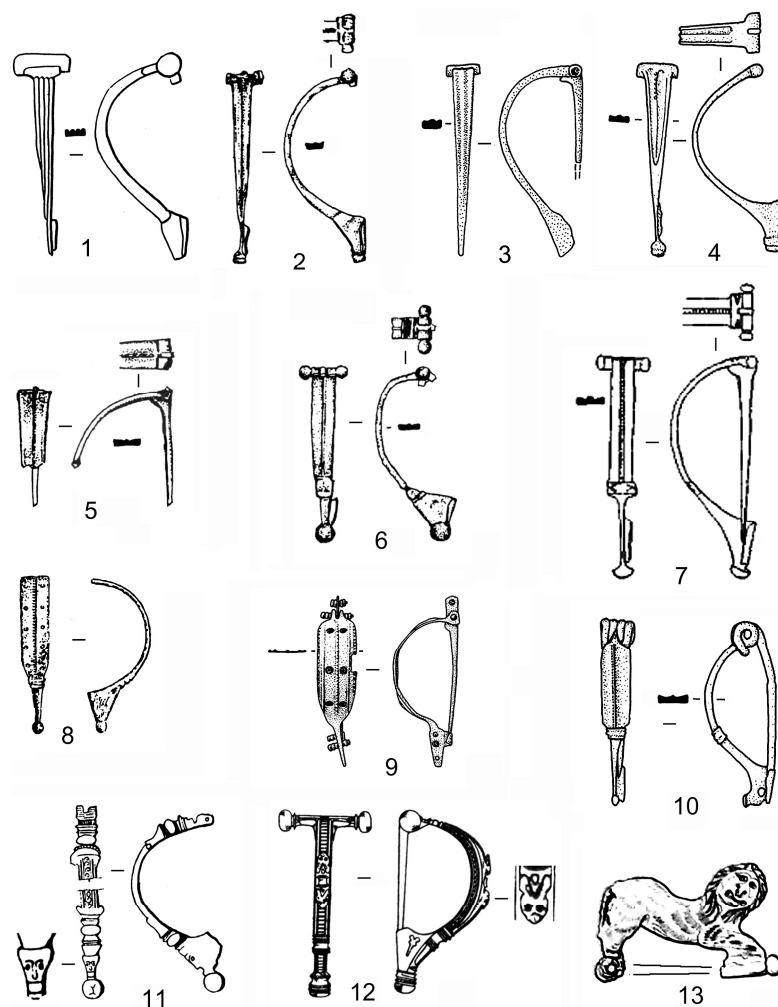

Рис. 2. Римские фибулы Боспора и некоторые аналогии: 1, 11 – Горгиппия;
 2, 5–8 – Пантикапей; 3 – Фрежюс; 4, 10 – Сан Джорджио ди Ногаро;
 9 – Газиантеп; 12 – Кадра; 13 – Анапа (Горгиппия?)

относящихся к типу «Езерине». Эти пружинные застёжки имеют пластинчатую спинку, оформленную очень близко рассматриваемым (Рис. 2. 10). Особый интерес в этом отношении представляет фибула из музея города Газиантеп на юге Малой Азии (Рис. 2. 9). Это шарнирная застёжка, сочетающая в себе признаки фибул «Езерине»

и «Алезия» с широкой пластинчатой дужкой, украшенной «жемчужным» орнаментом и врезными окружностями, аналогично экземпляру из Пантикапея. М. Фужер и Ф. Булган отмечают, что подобное оформление дужки практически неизвестно на западных фибулах. Появление такой застёжки на юге Малой Азии (историческая Коммагена) исследователи, исходя из её конструктивных особенностей, объясняют контактами с римской армией, связанными с участием Коммагены в военной коалиции на стороне Антония, и относят ко времени, непосредственно предшествующему битве при Акции (Bulgan, Feugère. 2007). В таком случае можно предположить, что данный экземпляр отражает начало производства в мастерских Малой Азии фибул по римским образцам, а находки из Пантикапея – их дальнейшее развитие.

Бронзовая фибула, инкрустированная серебром, из могилы 51 некрополя Горгиппии (Рис. 2. 11), близкая варианту 22a2a, выделяется высоким уровнем ювелирного исполнения и по характеру декора принадлежит к единичным экземплярам. Её отличают сложнопрофилированная дужка и ножка, украшенная изображением звериной головы. Стилистически сопоставимая серебряная фибула, дужка которой также декорирована изображениями звериных голов, найдена в погребении 4 некрополя Кафра в Швейцарии с монетами Августа (Рис. 2. 12). Э. Этглингер относит её к продукции италийских мастерских и датирует позднеавгустовским временем.

Наибольшим количеством (13 экз.) представлены «классические» «Авциссы», найденные в Пантикапее, Ново-Отрадном, Золотом, Танаисе, Горгиппии, Фанагории (Рис. 3. 1–10). Они относятся к варианту 22b2. Фибулы этого варианта появляются в 20–10 гг. до н.э., но наиболее распространены в первой половине I в. н.э.

Фибула из могилы 61 некрополя Горгиппии (Рис. 3. 11), имеющая круглую в сечении дужку, принадлежит к варианту 22с. В Северном Причерноморье известны ещё две аналогичные находки: в святилище Гурзуфское Седло (Рис. 3. 12) и в Херсонесе. Изделия этого варианта, по-видимому, синхронны «классическим» «Авциссам».

По особенностям конструкции к этому же варианту близка фибула из Пантикапея (Рис. 3. 13). Она выделяется завитком на конце ножки в виде стилизованной лебединой головки. Шарнирные фибулы разных вариантов с завитком характерны для Северной и Центральной Италии и Северо-Западной части Балканского п-ова (Рис. 3. 14–16).

Вероятно, к дериватам фибул «Авцисса» относится застёжка, найденная в Пантикапее на Митридате в 1972 г. (Рис. 3. 17). Две аналогичные фибулы обнаружены в святилище Гурзуфское Седло (Рис. 3. 18, 19), одна из них – с монетами Августа и Тиберия. Ещё одна происходит из некрополя Бельбек IV в Юго-Западном Крыму (Рис. 3. 20). Дериватом «Авцисс» является и фибула из Танаиса (Рис. 3. 21).

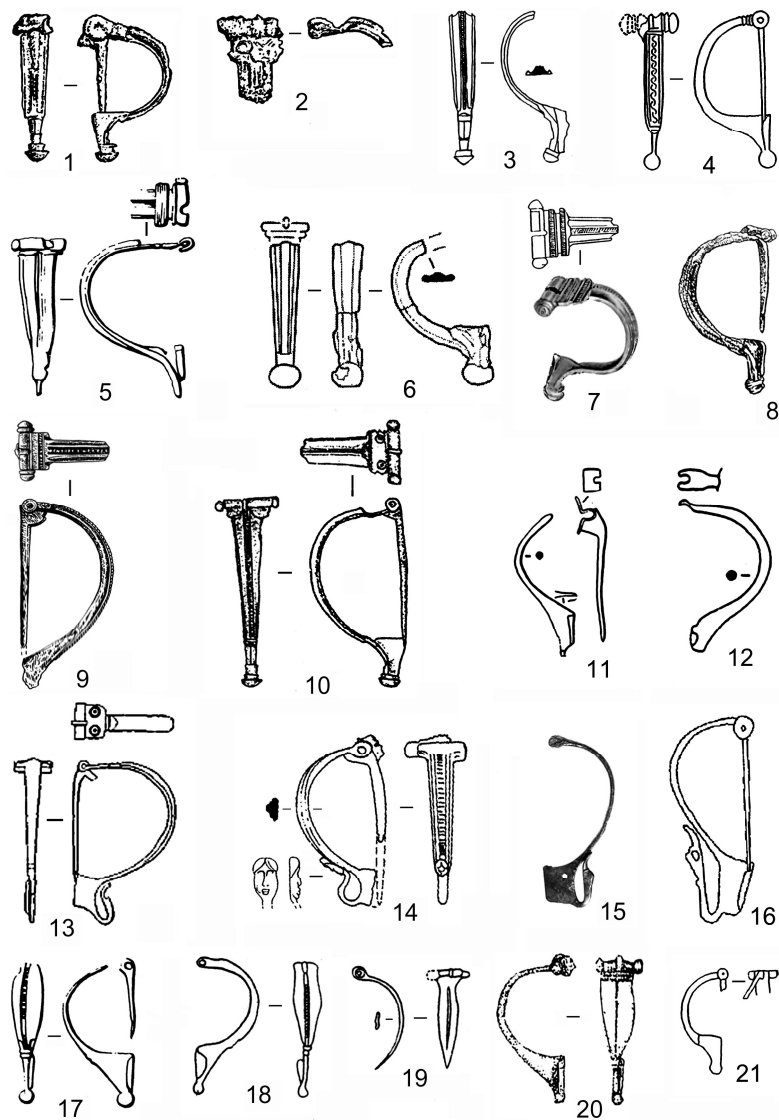

Рис. 3. Римские фибулы Боспора и некоторые аналогии:

1–2, 5, 6, 7, 13, 17 – Пантикапей; 3, 21 – Танаис; 4 – Золотое; 8 – Фанагория;
 9 – Ново-Отрадное; 10, 11 – Горгиппия; 12, 18, 19 – Гурзуфское Седло; 14 – Эмона;
 15 – Падуя; 16 – Орвието; 20 – Бельбек IV

Анализ рассмотренных фибул позволяет выделить два хронологических периода, вероятно, отражающих различия в механизмах их распространения и бытования на Боспоре.

1. Последняя треть – четверть I в. до н.э. К этому периоду относятся единичные фибулы поздних разновидностей «Алезий» или, скорее, переходных форм от «Алезий» к «Авциссам». В Северном Причерноморье параллели этим изделиям представляют находки из памятников варварского населения Крыма (Гурзуфское Седло, Кизил-Кая, Усть-Альма).

Особого внимания заслуживает золотая фибула из кургана Ак-Бурун. Необходимо отметить, что находки раннеримских шарнирных фибул, выполненных из золота, – явление исключительное. В этом смысле с фибулой из кургана Ак-Бурун сопоставима золотая застёжка типа «Алезия», украшенная гранатовой вставкой, из святилища Гурзуфское Седло. О статусе людей, которым могли бы принадлежать подобные фибулы, можно судить из письма Марка Юния Брута, упомянутого Плинием Старшим (*Pl.* XXXIII.39). В письме, написанном перед битвой при Филиппах в 42 г. до н.э., т. е. именно тогда, когда носили застёжки типа «Алезия», Брут возмущается тому, что фибулы военных трибунов, являвшихся высшими офицерами в легионах, сделаны из золота. В этом же контексте следует рассматривать золотую, по-видимому, шарнирную фибулу, с дужкой в форме льва и с шаровидной кнопкой на конце приёмника, происходящую из Анапы (Рис. 2. 13). А. К. Амброз предположительно отнес её к прикубанским брошам (Амброз. 1966. С. 34). Между тем близкие фибулы, выполненные из бронзы, относящиеся к эпохе Августа, известны на территории римских провинций.

С кратковременным присутствием в Пантикапее какого-то военного контингента, прибывшего из Малой Азии, вероятно, можно связать группу найденных в городском слое ранних «Авцисс», учитывая их стилистические особенности. Принадлежали ли они римским военнослужащим или людям, прибывшим на Боспор, например, со Скрибонием или Полемоном, трудно сказать. Можно лишь предположить, что появление римских фибул на Боспоре в последней трети – четверти I в. до н.э. связано с военно-политическими событиями этого времени. Примечательно, что почти все римские фибулы, относящиеся к этому периоду, известные на варварской территории Крыма, найдены в святилище Гурзуфское Седло наряду с деталями римского военного снаряжения и представляли собой, очевидно, трофеи.

2. Конец I в. до н.э. – первая половина I в. н.э. Этот период характеризуется распространением фибул «Авцисса» «классического» варианта, хорошо представленных и на других причерноморских памятниках. Учитывая большое количество находок в Северном Причерноморье, можно полагать, что в этот период фибулы поступали,

преимущественно, в результате торговых контактов. Примечательно, что на территории Боспора и варваров Крыма пока отсутствуют экземпляры с надписью, в отличие от Нижнего Дона, Прикубанья и Северного Кавказа, где такие фибулы хорошо известны. Традиция ставить штамп относится к позднему периоду производства «Авцисс», ко времени около 20–40-х гг. н.э. (Böhme-Schönberger. 1998). Возможно, что в это время фибулы «Авцисса» не поступали на Боспор и в крымский Барбарикум или попадали ограниченно. С другой стороны, нельзя исключить, что это связано с тем, что существовали различные пути проникновения фибул в разные области Северного Причерноморья. Известно, что на территории Империи находки фибул с надписью наиболее характерны для Италии, Далмации и Британии и относительно редко встречаются на территории Галлии, Германии и Испании. Возможно, на Боспор и к крымским варварам поступали изделия мастерских, расположенных в тех регионах империи, где традиция штамповать фибулы не получила распространения.

Литература

- Амброз. 1966 – *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1966. САИ. Вып. Д1-30.
- Трейстер. 1993 – *Трейстер М. Ю.* Римляне в Пантикапее // ВДИ. 1993. № 2.
- Щукин. 1989 – *Щукин М. Б.* Фибулы типа «Алезия» из среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже нашей эры // СА. 1989. № 3.
- Böhme-Schönberger. 1998 – *Böhme-Schönberger A.* Die provinzialrömischen Fibeln bei Almgren // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. Wünsdorf, 1998.
- Bulgan, Feugère. 2007 – *Bulgan F., Feugère M.* Les fibules romaines du musée de Gaziantep // *Anatolia Antiqua*. 2007.
- Demetz. 1999 – *Demetz S.* Fibeln der Spätlatène- und frühen römischen Kaiserzeit in den Alpenländern. Rahden, 1999.
- Feugère. 1985 – *Feugère M.* Les fibules en Gaule Meridionale de la conquête à la fin du Ve siècle apres J. C. Paris, 1985. *Revue Archéologique de Narbonnaise*. Suppl. 12.
- Marine. 2001 – *Marine M.* Fibulas romanas en Hispania: La Meseta. Madrid, 2001.

С. Л. Смекалов

Ещё раз к вопросу о производстве зерна и численности населения Европейского Боспора⁴⁹

Вопрос о производстве зерна на Боспоре и связи объёма этого производства с численностью населения неоднократно поднимался различными исследователями. Основой для подсчётов в большинстве

⁴⁹ Работа выполнена по гранту РФФИ № 08-06-00303 «Демографическая топография античного Боспора».

случаев служили гипотетическая площадь землепользования, косвенно связываемая с общей территорией государства, и предполагаемая урожайность зерна в древности. Источники, которые так или иначе используются во всех построениях – это данные о хлебном экспорте из Боспора в Афины, приводимые Демосфеном о 400 000 медимнах зерна (*Dem.* 20. 32) и Страбонам о 2 100 000 медимнах (*Strabo.* 7. 4. 6).

В настоящей работе предложена попытка оценки зернового производства на основе современных данных о качестве почв Керченского п-ова. Такой подход был намечен в работе А. В. Одрина (2004. С. 51–55), однако ни в этой работе, ни в автореферате диссертации (Одрін. 2007) непосредственно численные оценки не представлены.

Для оценки плодородия почв полуострова в древности послужили сведения о состоянии современного почвенного покрова. Для этого нами была использована карта категорий пригодности почв для использования в земледелии, обработанная средствами геоинформационной программы (Атлас. 2003. С. 31). В соответствии с этой картой (Рис. 1) современные земли Керченского п-ова относятся к четырём категориям: I – почвы «пригодные», с потенциальным плодородием в условных единицах 61–80 баллов. Рекомендуемые виды землепользования – выращивание зерновых и овощных, плодовых (фрагментарно) культур, виноградарство. II – почвы «ограниченно пригодные (удовлетворительно)». Потенциальное плодородие в баллах 51–60. Рекомендуемые виды землепользования – выращивание относительно нетребовательных к почвам культур. III – почвы «малопригодные». Потенциальное плодородие в баллах 31–50. Рекомендуемые виды землепользования – выращивание кормовых, зерновых, эфиромасличных культур; культурные пастбища. IV – почвы «потенциально пригодные». Потенциальное плодородие в баллах 20–30. Рекомендуемые виды землепользования: культурные пастбища, выращивание эфиромасличных культур; частичное исключение из сельскохозяйственного оборота.

Использование современных почвенных карт не может не вызывать критики, и, возможно, земли Керченского п-ова в античное время были более плодородными, чем сейчас, однако прямые исследования захоронённых древних почв проводились лишь для ряда памятников (см., напр.: Бахманова. 2006. С. 62–88; Чендев, Куликов. 2004. С. 44–54). В то же время исследование, выполненное для Таманского п-ова (Гарбузов. 2009. С. 123–140), показало хорошую согласованность территориального распределения известных античных поселений и конфигурации наиболее плодородных в настоящее время земель. Использование данных о плодородии земель Керченского п-ова позволило сделать следующие выводы:

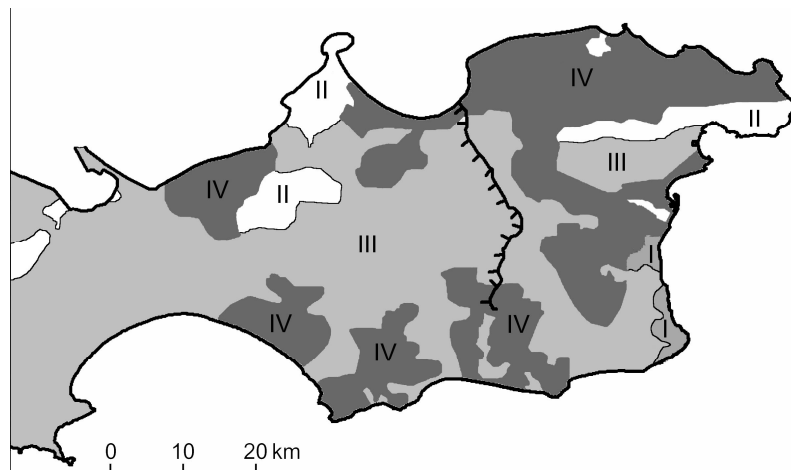

Рис. 1. Керченский п-ов,

карта категорий пригодности почв для использования в земледелии:

I – почвы «пригодные»; II – почвы «ограниченно пригодные (удовлетворительно)»;
 III – почвы «малопригодные»; IV – почвы «потенциально пригодные»

1. Анализ территориального распределения известных античных памятников, выполненный при помощи геоинформационной системы, не позволяет, в целом, выявить связи их положения с плодородностью прилежащих земель. Вероятно, это объясняется тем, что большая часть земель Керченского п-ова относятся к категориям II, III, IV и положение границ зон почв не является существенным, т. к. все эти почвы не являются в целом «хорошими» для земледелия. Единственное исключение составляет прибрежная полоса Чёрного моря от Нимфея (Героевское) до мыса Такиль, где на землях с наивысшим для Керченского п-ова плодородием сконцентрировано большое число древних поселений.

2. Площади земель, пригодных для выращивания зерновых (почвы категорий I, II, III), в период максимальной экспансии Боспорского царства в IV–III вв. до н.э. (территория Керченского п-ова до Ак-Монайского перешейка) составляли для почв видов I и II не более 26000 га, почв вида III – не более 130000 га. Если принять, что почвы I и II (средняя урожайность 57 баллов) использовались полностью, и урожайность на них составляла 7 ц/га, (согласно Кутайсов. 2002. С. 291–307), а для почв III (урожайность 40 баллов) принять коэффициент использования по площади 60 % – среднее (по: Кузнецов. 2000. С. 107–120) и урожайность 5 ц/га ($40/57 \times 7 = 5$ ц/га), то общий объём зернового производства мог составлять 572 000 ц. Максимальное

население Европейского Боспора при годовой норме потребления 237 кг (Foxhall, Forbes. 1982. P. 41–90) могло достигать 240 000 чел. Если уменьшить годовой сбор зерна на экспорт 400 000 медимнов (167 000 ц) зерна по Демосфену, то полученный остаток 405 000 ц мог обеспечивать существование около 170 000 жителей, что близко к среднему значению по В. Д. Блаватскому (1953. С. 179), хотя результаты получены совершенно другим путём.

3. В I–IV вв. н.э., после кризисных явлений II–I вв. до н.э., большинство известных поселений Европейского Боспора локализуется восточнее Узунларского вала (к сожалению, имеющиеся знания не позволяют достоверно оценивать динамику самого процесса исчезновения и возникновения поселений с конца III в. до н.э. по рубеж эр). Соответственно уменьшились и возможные площади обрабатываемой земли. Площадь земель с почвами I и II категорий составляет 14 700 га, а земель III категории 41 000 га. Проведя подсчёты, аналогичные проделанным выше, можно получить годовой сбор зерна 226 900 ц и соответствующее население 95 000 чел. (предположив, что внешняя торговля в это время пренебрежимо мала). Если принять, что обрабатывали 100 % земель не только категорий I и II, но и категории III, эти значения возрастут до 307 900 ц и 130 000 чел. соответственно.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что зерновой потенциал Боспорского царства мог быть весьма значительным, хотя заложенная в расчётах урожайность была ниже, чем приведённая у многих исследователей, и рассмотрение проводилось лишь для Европейского Боспора. Наверное, полученные цифры можно назвать «минимальной оценкой максимального возможного зернового потенциала и численности населения». Наиболее спорным в предлагаемых расчётах является степень использования земель категории III. Для прояснения этого вопроса необходимо комплексное исследование глубинных территорий Керченского п-ова, которые наименее изучены в настоящее время, в т. ч. с проведением палеоботанического анализа погребённых почв.

Литература

- Атлас. 2003 – Атлас Автономной Республики Крым. К., 2003.
- Одрин. 2004 – *Одрин А. В.* Земельные ресурсы и зерновое хозяйство Боспора в VI–IV вв. до н.э. // БФ. 2004. Ч. 1.
- Одрин. 2007 – *Одрин О. В.* Ресурсний потенціал та структура господарської діяльності античних держав Північного Причорномор'я у VIII ст. до н. е: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 2007.
- Бахманова. 2006 – *Бахманова А. Н.* К вопросу о датированных погребённых почвах, эволюции почв и древних сельскохозяйственных земляных сооружениях Керченского полуострова // ДБ. 2006. Т. 10.

- Блаватский. 1953 – *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных городах Северного Причерноморья. М., 1953.
- Гарбузов. 2009 – *Гарбузов Г. П.* Районирование античных агроландшафтов Таманского полуострова // ДБ. 2009. Т. 13.
- Кузнецов. 2000 – *Кузнецов В. Д.* Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 2000. № 1.
- Кутайсов. 2002 – *Кутайсов В. А.* Проблемы аграрной истории Северного Причерноморья // ПИФК. 2002. Вып. XII.
- Чендев, Куликов. 2004 – *Чендев Ю. Г., Куликов А. В.* Антропогенные модификации почв в окрестностях античного Китея // РА. 2004. № 3.
- Foxhall L., Forbes. 1982 – *Foxhall L., Forbes H. A.* Sitometreia: the role of grain as a staple food in classical antiquity // Chiron. 1982. 12.

А. М. Бутягин

Меоты в Мирмекии в VI–V вв. до н.э.

Среди древних варварских народов, окружавших древнегреческие города Боспора, меоты занимают особое место. В отличие от степных кочевников, которые, возможно, присутствовали у границ греческих территорий время от времени (что, конечно, несколько не уменьшает их военную мощь и влияние на политику колоний), племена Прикубанья постоянно находились в контакте с греческими поселенцами. Наличие среди них земледельцев ещё более усиливало контакты, с одной стороны, в силу общей опасности перед степняками, с другой – в связи с заинтересованностью боспорян в хлебной торговле. Несмотря на то что меоты контактировали, в первую очередь, с греческими обитателями Таманского п-ова, следы их присутствия обнаруживаются и на поселениях к западу от пролива.

Многолетние исследования позднеархаических слоёв Мирмекии позволяют выделить целый ряд признаков меотского присутствия на памятнике. Прежде чем приступить к их рассмотрению, следует отметить, что синды, которых античная традиция и эпиграфические источники отличают среди меотских племён и чья принадлежность к ним иногда ставится под сомнение, пока практически неотличимы по археологическому материалу. Нет никаких сомнений, что именно синды в силу своего проживания возле греческих колоний и своих земледельческих занятий больше всего привлекали внимание боспорян, однако выделить их по массе археологического материала пока весьма трудно.

Традиционно для выделения тех или иных этнических компонентов на памятнике используются данные, полученные при анализе лепной керамики, и, если таковые имеются, материалы некрополя поселения. Мирмекийская лепная керамика не раз становилась объектом рассмотрения, в т. ч. и на этой конференции. Среди материала,

происходящего из комплексов и слоёв VI – начала V в. до н.э. чётко выделяется группа вещей, которую можно связать с меотскими памятниками Прикубанья. Это горшки с невыделенным загнутым внутрь краем (иногда называемые баночными), горшки с прямым невысоким горлом и серолощёные миски с загнутым внутрь краем, отличающиеся тщательным лощением и полукруглыми выступами под краем снаружи. Их количество относительно высоко в комплексах и слоях середины – третьей четверти VI в. до н.э. Постепенно их количество уменьшается, а в первой четверти V в. до н.э. находки ярко выраженной керамики такого облика становятся чрезвычайно редки. Впрочем, встречаются лощёные миски, но без характерного выступа, так что их связь с меотской культурой весьма гипотетична. Предполагается, что в ходе второй половины VI в. до н.э. представители меотской культуры в Мирмекии более-менее эллинизировались, отказавшись от использования характерной лепной посуды.

В связи с недавней полной публикацией находок из раскопок некрополя хутора Рассвет, можно отметить некоторое соответствие между материалами, открытыми при раскопках этого варварского могильника и слоёв Мирмекии. В разделах, посвящённых горшкам и мискам, можно ясно видеть, что в составе погребальных комплексов присутствуют упомянутые выше формы, однако практически единичны в погребениях. В то же время здесь присутствуют горшки с отогнутым краем, отличным даже от характерного s-образного, а также миски с подрезкой с внутренней стороны или с небольшим венчиком, отогнутым наружу. Находки подобных сосудов в Мирмекии единичны или вообще отсутствуют.

Такое отличие удивляет, тем более что сходство материала из Мирмекии с материалами из Елизаветинского городища, поселения Венцы и ряда других памятников, в т. ч. и архаических слоёв Тирамбы и Торика, более полное. Маловероятно, что эти отличия связаны с разницей в характере комплекса (погребение и слой города). Традиционно считается, что некрополь у хут. Рассвет принадлежал синдам, тем более что он действительно находится на территории, которая, судя по письменным источникам, была занята синдами. В то же время Е. М. Алексеева отмечала, что он может быть связан с керкетами, проживавшими поблизости от синдов. Также предполагалось, что племена региона могли иметь сходную материальную культуру и слабо различаться. Различия между находками в Мирмекии и в некрополе у хут. Рассвет позволяют предположить, что различия в материальной культуре между населением этого района Прикубанья и теми представителями меотского населения, которые контактировали с Мирмекием, были довольно значительны.

Ещё одним фактором, позволяющим говорить о связях с меотскими племенами, возможно, является захоронение из некрополя

Мирмекия, случайно открытое в 1938 г. От других оно отличается находкой железного меча и ножа. Датируется погребение второй четвертью V в. до н.э. Дискуссия о принадлежности и причинах резкого увеличения захоронений с оружием в некрополях греческих городов до сих пор не завершена. Учитывая сходство погребальной традиции, а также большее распространение подобных захоронений на Таманских некрополях первой половины V в. до н.э., можно предположить, что могилы с оружием могли принадлежать выходцам из меотских племён, проживавшим в греческих поселениях. Увеличение захоронений с оружием объясняется, конечно же, обострившейся военной ситуацией (собственно, это так и объясняется сторонниками греческой принадлежности подобных комплексов). Однако принадлежность могил к выходцам из меотской среды могла бы, в частности, объяснить наличие в могилах исключительно варварских форм мечей и других необычных для греков предметов вооружения, в то время как в слоях поселений присутствует оружие греческих форм.

Таким образом, можно констатировать, что представители меотских племён присутствовали в составе населения Мирмекия по крайней мере с середины VI в. до н.э. Возможно, впоследствии удастся более подробно определить, к каким из известных нам племён они относились. К концу столетия они в целом эллинизировались в плане материальной культуры, но, возможно, сохранили некоторые особенности погребального обряда, с новой силой проявившиеся в первой половине следующего столетия с изменением внешней обстановки на Боспоре.

В. Н. Зинько

Население Тиритаки в VI–V вв. до н.э.

Проблеме этнокультурного состава населения боспорского города Тиритака на раннем этапе его истории исследователями уделялось незначительное внимание. Лишь В. Ф. Гайдукевич, публикуя результаты раскопок тиритакского архаического дома, особо отмечал присутствие среди вещей, отвечающих обычному греческому культурному обиходу, типичной «скифской» лепной чашки (Гайдукевич. 1952. Рис. 100, 1). Эту находку В. Ф. Гайдукевич считал весьма симптоматичной, т. к. она показывает, что в обиход боспорских греков стали проникать предметы местной культуры с очень ранней поры. Всё это как бы в миниатюре отражает «процесс культурного взаимодействия и взаимопроникновения, который затем будет проходить красной нитью через всю социально-политическую и культурную историю Боспорского царства» (Гайдукевич. 1952. С. 86).

Впоследствии анализируя лепную керамику из ранних слоев Тиритаки, Е. Г. Кастанаян отмечала, что она занимала в обиходе жителей довольно скромное место, т. к. выходцы из варварской среды не могли составлять значительного контингента среди населения античного города (Кастанаян. 1981. С. 111). По мнению исследовательницы, эта ранняя лепная керамика делится на две группы: 1 – нелощённая керамика, представлена горшками с округлым туловищем и отогнутым наружу краем с ямочным орнаментом. Такие сосуды, датируемые VI–IV вв. до н.э., находят ближайšie аналогии среди раннескифской керамики (Там же. С. 112). Вторую группу лепной посуды составляла лощёная керамика с резным орнаментом, ближайшим районом распространения которой является горный и степной Крым, где сосредоточены таврские поселения (Там же. С. 113). По мнению Е. Г. Кастанаян, в боспорский город уже с начала существования проникал какой-то небольшой процент негреческого населения, как скифского, так и таврского (Там же. С. 114). Хотя ею же была особо отмечена лепная чашка, найденная в одном из помещений дома на участке XIV, о которой в своё время писал В. Ф. Гайдукевич, называя её типично «скифской». По мнению Е. Г. Кастанаян, такие чаши характерны для меотского населения Прикубанья в VII–V вв. до н.э. (Там же. С. 56).

Проведённые в конце XX в. широкомасштабные раскопки некрополя Тиритаки, а несколько позднее и города, дали значительные новые результаты. В первую очередь это касается самого раннего этапа, связанного с основанием греческой апойкии. В последние годы в центральной части Тиритаки (участок XXVI) открыты первые постройки эллинских переселенцев, которые датируются второй третью VI в. до н.э. (Зинько. 2010). Однако помимо обломков амфор и столовой посуды, каких-либо фрагментов лепной керамики в засыпи этих заглублённых сооружений не выявлено.

Лишь через несколько десятилетий после основания колонии начинается планомерная застройка Тиритаки сырцово-каменными домами с внутренними дворами. Начало этого второго этапа в жизни апойкии можно датировать началом последней трети VI в. до н.э. Ещё В. Ф. Гайдукевич, основываясь на остатках сырцово-каменных домов в западной и восточной частях города, сделал заключение о широком заселении всего верхнего плато городища в позднеархаическое время (Гайдукевич. 1958. С. 179). Это предположение было подтверждено раскопками 2007–2010 гг., когда в центральной части Тиритаки на площади более 1000 м² были исследованы остатки ранней квартальной застройки из сырцово-каменных построек. Здесь открыто несколько городских усадеб, которые состояли из нескольких помещений и внутреннего двора. В планировочном отношении среди них выделяются дома типичной схемы с одно-, двух-

и трёхсторонним расположением крытых помещений вокруг внутреннего двора. Дома строились вплотную друг к другу и образовывали небольшие кварталы, занимавшие до 5 га территории города.

При исследовании слоёв и построек последней трети VI – первой четверти V в. до н.э. были найдены многочисленные фрагменты привозных амфор и столовой посуды, среди которых на 37 обломках встречены граффити⁵⁰. Наряду с т. н. бытовыми граффити найдены фрагменты чернолаковой посуды с остатками посвящений, свидетельствующих, по заключению А. С. Русяевой, о частном почитании божеств, среди которых предположительно установлен Аполлон Дельфиний – верховный покровитель Милета и милетских колонистов. На некоторых фрагментах аттических кубков полностью сохранились имена жителей Тиритаки, среди которых – редкие греческие имена Антес и Пифоман. Кроме того, выделяются отдельные граффити в виде перекрещивающихся линий и символических знаков, а также нечитаемого набора букв и разнотипных схематических рисунков, которые обычно связываются с магическими представлениями эллинов. Очевидно, они относятся к наиболее ранним на Боспоре и в значительной степени пополняют эту разновидность сакральных граффити новыми типами. Исключительное место в аспекте изучения магических представлений боспорских эллинов занимает граффито с надписью и разнообразными схематическими рисунками и наколами на специально изготовленном для этой цели остраконе из донца чернолакового килика. Оно, несомненно, относится к уникальным из всех известных в понтийском регионе. По палеографии все граффити соответствуют относительной датировке керамики последней третью VI – первой четвертью V в. до н.э. во взаимосвязи со строительными комплексами. Они свидетельствуют как о грамотности жителей ранней Тиритаки, так и о небрежном отношении к начертанию даже одной или двух букв, а также магических знаков и рисунков. Лишь на предполагаемых посвящениях божествам тиритаки более старательно и аккуратно прочерчивали слова.

В отличие от построек первого этапа в слоях и домах второго этапа было найдено и незначительное количество обломков лепных сосудов (не более 2–4 %). Они обычно достаточно невыразительны, но среди них можно выделить как фрагменты венчиков горшков типа 1 по К. К. Марченко, так и керамику, характерную для кизилкобинской культуры. Аналогичные группы лепной керамики была выявлены и при исследовании небольшого раннего сельского поселения к северо-западу от Тиритаки, которое датируется последней третью VI – первой четвертью V в. до н.э. (Зинько. 2007. С. 57–59).

⁵⁰ В настоящее время А. С. Русяевой подготовлена публикация этих граффити, за что я ей очень признателен.

Однако в количественном отношении лепной керамики, по сравнению со столовой посудой, здесь встречено несколько больше, чем в аналогичный период в городских слоях. Кизил-кобинский сосуд встречен и в раннем погребальном комплексе тиритакского некрополя (Бессонова. 1972).

В целом можно предположить, что не ранее конца VI – начала V в. до н.э. среди ионийского населения Тиритаки появляются отдельные представители варварских племён, пользующихся лепной керамикой, характерной для скифов, тавров и меотов. Это определённым образом отличает Тиритаку-колонию от близлежащих городов, где варвары присутствовали изначально. Так, на месте, где был основан Нимфей, длительное время существовало варварское поселение. Причём количественное преобладание на некоторых участках фрагментов лепной кизил-кобинской посуды VIII – первой половины VI в. до н.э. над греческой керамикой второй – третьей четверти VI в. до н.э., может свидетельствовать и о совместном проживании греков и варваров на территории Нимфея в первой половине VI в. до н.э. (Сенаторов. 2006. С. 147). Позднее, в середине – третьей четверти VI в. до н.э. здесь в землянках всё ещё проживали носители кизил-кобинской культуры (Бутягин. 1999. С. 114). И в этих комплексах доля лепных сосудов достигает примерно трети от всей керамики. В Мирмекии доля лепной посуды в составе керамического материала возрастает к середине VI в. до н.э. примерно до 20 % от неамфорной керамики, после чего постепенно снижается вплоть до конца столетия, составляя чуть более 10 %. Первоначальное разнообразие типов, среди которого встречаются фрагменты керамики, характерной как для кизил-кобинской культуры, так и Прикубанья, уменьшается фактически исключительно до горшков типа 1 по К. К. Марченко (Бутягин. 2011).

Возведённые в Тиритаке дома с некоторыми перестройками существовали до первых десятилетий V в. до н.э., когда погибли в результате сильного пожара на рубеже первой – второй четверти V в. до н.э. Причём какой-то катаклизм, сопровождаемый пожаром, происходил на Тиритаке и ранее – в конце VI в. до н.э., после чего город был обнесён крепостной стеной. В. Ф. Гайдукевич полагал, что ранняя стена Тиритаки была рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать неожиданному набегу и проникновению на территорию города конных групп степных кочевников (Гайдукевич. 1952. С. 89). В первой четверти V в. до н.э. гибнет в пожаре и раннее сельское поселение к северо-западу от Тиритаки (Зинько. 2007. С. 59).

Всё это, вероятно, можно связывать с появлением в конце VI – начале V в. до н.э. в степном Крыму новой волны близкородственных скифам номадов (Алексеев. 1992. С. 38), известных по письменным источникам как сколоты, или «царские» скифы. Об усилении

скифского присутствия в районе Боспора Киммерийского, возможно, свидетельствует и сообщение Ктесия Книдского о пленении брата скифского царя во время морской экспедиции каппадокийского сатрапа Ариарамна (*Ctesias Cnid.* 16). Вероятно, с конце VI в. до н.э. какая-то группа скифов обитала более или менее постоянно у побережья пролива (Маслеников. 1999. С. 175). Однако в ближайших окрестностях Тиритаки отсутствуют какие-либо археологические объекты, которые могли бы свидетельствовать о присутствии здесь номадов в V в. до н.э., в отличие от близлежащего Нимфейского полиса. Войдя в боспорское объединение во главе с тиранами Пантикалея, Тиритака до конца V в. до н.э. становится южным крепостным форпостом нового государственного образования на европейском побережье Боспора Киммерийского. Это, вероятно, в какой-то мере препятствовало проникновению в состав его населения значительных групп варваров.

Литература

- Бутягин. 1999 – *Бутягин А. М.* Особенности домостроительства архаического Боспора // БФ. 1999.
- Бутягин. 2010 – *Бутягин А. М.* Мирмекий: малый город Боспора в зеркале варварского влияния // XII БЧ. 2011.
- Гайдукевич. 1952 – *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
- Гайдукевич. 1958 – *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // МИА. 1958. № 85.
- Зинько. 2003 – *Зинько В. Н.* Хора боспорского города Нимфея // БИ. 2003. Вып. IV.
- Зинько. 2004 – *Зинько В. Н.* Поселения VI в. до н.э. Европейского побережья Боспора Киммерийского // БИ. 2004. Вып. V.
- Зинько. 2007 – *Зинько В. Н.* Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI–I вв. до н.э.) // БИ. 2007. Вып. XV.
- Зинько. 2010 – *Зинько В. Н.* Основание и становление Тиритаки // ДБ. 2010. Т. 13.
- Кастанаян. 1981 – *Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика боспорских городов. М., 1981.
- Сенаторов. 2006 – *Сенаторов С. Н.* Лепная керамика эпохи бронзы – раннего железа из Нимфея // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. СПб., 2006.

Курган у села Баксы в Восточном Крыму⁵¹

Среди боспорских курганов немало таких, которые, с одной стороны, можно признать общеизвестными в силу их частых упоминаний в научной и популярной литературе, а с другой – малоизвестными по причине очень слабой изученности. В ряду последних с уверенностью можно назвать курган, расположенный рядом с селом Баксы (ныне Глазовка). Место для его сооружения было выбрано не случайно – с вершины кургана открывается прекрасный вид на пролив и азиатскую часть Боспора. Соответственно, со стороны современной паромной переправы с таманской стороны на крымскую этот курган, лежащий между двумя грядами холмов, воспринимается как некий ориентир, как знак, указывающий направление движения внутрь территории европейского Боспора, к его столице.

Этот курган раскапывался замечательным российским учёным Н. П. Кондаковым в 1882 и 1883 гг. (ОАК за 1882–1888. 1891. С. IV–VIII, XXX–XXXI). Автор раскопок называл его «громадным», и действительно курган выглядел тогда весьма впечатляющим: диаметр насыпи – более 85 м, окружность основания – почти 190 м, высота – 10,6 м. Параметры Баксинского кургана вполне подходят под категорию царского. В. С. Ольховский, считавший этот курган скифским, отмечал, что в Крыму среди скифских памятников самыми крупными являются насыпи знаменитой Куль-Обы и кургана у с. Баксы (Ольховский. 1991. С. 145).

Весьма внушительная по размерам насыпь Баксинского кургана имела совсем непростую структуру. Она почти вся состояла из камня, при этом южная и западная части представляли собой природную скалу с каменными подсыпками, а северная и восточная, в основном, состояли из камней с незначительными грунтовыми прослойками. В высшей степени любопытно, что камни наваливались сюда не бессистемно, а по продуманной методике. Насыпь была укреплена шестью стенами, огибавшими эту часть кургана вокруг центра; стены были сложены из не крупного дикарного камня. Эти шесть стен заслуживают самого серьезного внимания. Можно признать, что насыпь сооружалась очень тщательно, можно сказать, старательно, что, естественно, требовало очень большого труда. Всё это заставляет полагать, что курган был возведён для погребения весьма высокопоставленной персоны. В его насыпи были обнаружены обломки

⁵¹ Работа выполнена в рамках проекта «Курганные древности Боспора Киммерийского» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 29 «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

краснофигурного кратера, который Н. П. Кондаков связывал с тризной и обращал внимание на «небывалые размеры» сосуда, имевшего более 71 см в диаметре.

Каменный склеп с уступчатым перекрытием находился в северо-западной части кургана. С запада в склеп вёл дромос, оказавшийся по каким-то причинам разобранным. Сам склеп был заглублён в материк почти на 1 м; его размеры составляли приблизительно 4,16 × 3,55 м (14,55 м²) при высоте 5,35 м. Западная его стена при этом изнутри, снизу доверху, была обложена дополнительной, грубо исполненной кладкой. Камни для неё, возможно, были взяты из разрушенного дромоса. Пол склепа был вымощен каменными плитами и засыпан толстым слоем древесных опилок.

По замечанию исследователя, общий вид внутреннего пространства склепа позволял считать, что он не был ограблен (ОАК за 1882–1888 гг. 1891. С. V). Основное пространство склепа занимал большой деревянный саркофаг, который на момент обнаружения оказался упавшим. Он имел обильную и разнообразную орнаментацию. Н. П. Кондаков отмечал при этом, что «на акротерии фронтона лицевой стороны находилось символическое изображение египетского солнечного крылатого диска из раскрашенной фанерки» (НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1882 г. № 19. Л. 22). На фразу Н. П. Кондакова практически не обратили внимания. Между тем следует признать, что это украшение является уникальным для боспорских саркофагов. Изображение крылатого солнечного диска по своему происхождению связано с Древним Египтом, но для времени классической Греции оно, скорее всего, свидетельствует о другом направлении культурных связей. Имеется в виду Персия, где египетский солнечный диск вошёл в символику верховного божества Ахуры Мазды.

От скелета усопшего сохранилось всего три сустава от пальцев и несколько фрагментов черепа, которые были найдены не в саркофаге, а в дромосе. Это обстоятельство Н. П. Кондаков признал весьма важным и загадочным (ОАК за 1882–1888 гг. 1891. С. VI), таковым оно остаётся до сих пор. Из погребального инвентаря в саркофаге среди густых слоёв опилок был найден бронзовый стригиль с фигурной ручкой. Здесь же был обнаружен большой железный меч с эфесом, обтянутым золотым листом, на котором был оттиснут грубый узор. Рядом находились четыре подобным образом украшенные пуговицы, принадлежавшие, очевидно, поясу или перевязи меча. В саркофаг были положены также два деревянных посоха (трости). Верхняя часть одного из этих посохов, изготовленного из изгиба корня молодого дерева, хранится в фондах Гос. Эрмитажа. Его ручка оформлена в виде головы собаки с прижатыми ушами, держащей в широко раскрытой пасти пойманную добычу (Сокольский. 1971. С. 232. Табл. XXXIV, 4).

По трём сторонам от саркофага найдены остовы трёх коней. Об их количестве исследователь судил на основании обнаруженных здесь трёх комплектов железных удил грубой работы (ОАК за 1882–1888 гг. 1891. С. VI). Ноги одной лошади оказались перекрытыми досками саркофага, что позволило предположить, что кони были убиты в склепе около тела усопшего. Правильнее, очевидно, считать, что кони были убиты до того, как в склеп был внесён саркофаг. Без сомнения, здесь были принесены немалые жертвы и совершены обильные возлияния – слой опилок, покрывавший пол, пропитался каким-то «жироватым красным осадком» (Там же. С. VII).

Сбоку от саркофага была найдена фрагментированная остродонная амфора. Стоявшая в углу краснофигурная пелика, на которой изображена сцена жертвоприношения, также была обнаружена разбитой. Н. П. Кондаков посчитал, что изящный стиль этой вазы не гармонирует с найденными здесь грубыми изделиями из золота, что позволило ему высказать предположение о двух одновременных захоронениях в склепе. Ваза, по его мнению, принадлежала к первому, которое было потревожено или даже разрушено во время вторичного использования склепа (Там же). Точка зрения Н. П. Кондакова о двух одновременных погребениях кургана Баксы была поддержана целым рядом исследователей.

Несмотря на явную неполноту погребального инвентаря, сохранившиеся предметы дают основание для одного важного заключения. С одной стороны, в саркофаге был обнаружен стригиль, т. е. предмет, необходимый для грека-палестрита. С другой – вместе со стригилем находился меч, украшенный грубыми золотыми накладками, а в склепе были убиты три коня, что связывает этот комплекс уже не с греческим, а с варварским миром. Смешанный греко-варварский характер погребения является одной из самых ярких и показательных его особенностей.

Почти через 70 лет после раскопок Н. П. Кондакова курган у с. Глазовки (Баксы) был осмотрен В. В. Веселовым. В юго-западной части перед склепом он обнаружил золотые бляшки: несколько небольших, круглой формы с изображением двенадцатилепестковой розетки и одну более крупную, представляющую голову льва с раскрытой пастью (Веселов. 1959. С. 233. Рис. 10, 1, 2). Вслед за ним на кургане были проведены небольшие работы Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР во главе с В. Ф. Гайдукевичем. Археологи открыли здесь полуразрушенную и опустошенную плитовую гробницу, с которой они связали обнаруженные в юго-западной части кургана три золотые бляшки в форме розетки и две в виде львиной головы. Все они вполне идентичны находкам, сделанным В. В. Веселовым. Кроме бляшек, были обнаружены обломки краснофигурной пелики первой половины IV в. до н.э. (Пругло. 1963. С. 72–73).

Золотые бляшки Баксинского кургана чрезвычайно любопытны. Изучившая их В. И. Пругло пришла к заключению, что они относятся к рубежу V–IV вв. до н.э. или к первой половине IV в. до н.э. Любопытно при этом, что манера изображения львиной головы аналогична предметам персидского искусства эпохи Ахеменидов. Исследовательница предположила, что бляшки были изготовлены в одной из мастерских Пантикапея, где, очевидно, работали греко-персидские мастера. Б. Шефтон полностью согласился с интерпретацией В. И. Пругло, но датировал бляшки V в. до н.э. (Shefton. 1982. P. 154). Заключение о близости баксинских бляшек персидским образцам представляется в высшей степени значимым, если вспомнить обнаруженное в склепе украшение саркофага в виде крылатого солнечного диска, также входящее в круг ахеменидских древностей.

Курган у села Баксы ставит перед исследователями большое количество весьма непростых вопросов:

1. Почему в саркофаге не обнаружено костных остатков погребённого?
2. Действительно ли в склепе было сделано два захоронения?
3. Зачем был разобран дромос?
4. Почему западная стена склепа была обложена грубой каменной кладкой?
5. Чем можно объяснить относительную бедность сделанных здесь находок?
6. С чем связана ахеменидская символика некоторых обнаруженных вещей?
7. Наконец, кто был погребён в этом кургане?

Однозначных и бесспорных ответов на все эти вопросы вряд ли можно ожидать. Однако, прежде всего, обратимся к хронологической атрибуции этого комплекса. Выше было сказано, что Н. П. Кондаков полагал, что в склепе Баксинского кургана было сделано два захоронения, раннее он относил к концу IV – началу III в. до н.э., а позднее – считал совершенным на четыре–пять веков позднее. В наши дни такая хронологическая атрибуция представляется крайне маловероятной. Более того, внимательное рассмотрение имеющейся документации позволяет вообще усомниться в обоснованности точки зрения о двух сделанных здесь захоронениях (Сокольский. 1969. С. 40). Разнотильность вещей, на которой Н. П. Кондаков строил своё заключение, как известно, является характерной чертой, в особенности для греко-варварских погребальных комплексов Боспора и, в общем, не может быть надёжным основанием для вывода о двух одновременных захоронениях в склепе.

Для более адекватного представления о датировке кургана обратимся к вещевому материалу, происходящему из его насыпи, т. е. связанному с тризнами по усопшему, а затем – к находкам из самой

погребальной камеры. В насыпи, как известно, были обнаружены обломки большого краснофигурного кратера. Они были всесторонне изучены Б. Шефтоном, который датировал сосуд концом V в. до н.э. или, может быть, чуть более поздним временем (Shefton. 1982. P. 149).

Кроме обломков кратера в насыпи были найдены амфорные клейма. В собрании Гос. Эрмитажа хранятся пять фасосских клейм, происходящих из Баксинского кургана. В. Ф. Гайдукевич датировал этот набор рубежом V–IV вв. до н.э. (Gajdukevič. 1971. S. 278), и он, как сейчас представляется, лишь незначительно его удревнил. Современные исследования фасосских клейм позволяют считать, что тризны на кургане были произведены в первой четверти IV в. до н.э.

Из всех находок, происходящих из склепа, хорошо датирована лишь краснофигурная пелика. Специальное изучение этого сосуда показывает, что он относится к концу V в. до н.э. (Beazley. 1963. P. 1346. No. 1; Hooker. 1950. P. 35. No. 4; Горбунова, Передольская. 1961. С. 107. Рис. 52; Передольская. 1971. С. 54).

Но когда же было совершено единственное погребение в кургане Баксы? М. И. Ростовцев датировал склеп первой половиной IV в. до н.э. (Ростовцев. 1925. С. 395), Э. В. Яковенко относил его к концу V в. до н.э. (Яковенко. 1974. С. 68), основываясь на хронологической атрибуции краснофигурной пелики. Н. И. Сокольский датировал баксинский склеп в широких пределах IV в. до н.э. (Сокольский. 1971. С. 232; ср. Савостина. 1986. С. 96). Д. Браунд считает, что погребение здесь было совершено около конца V в. до н.э., возможно, чуть ранее или чуть позднее (Braund. 2009. P. 117). Приведённые выше хронологические разработки некоторых находок позволяют считать, что погребение в склепе Баксинского кургана было совершено в самом начале IV в. до н.э., вероятнее всего, не позднее двух первых десятилетий столетия.

Н. П. Кондаков полагал, что курган у с. Баксы принадлежал некрополю одного из греческих городков, расположенных на берегу Керченского пролива около переправы, – Порфмию или Парфению (НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1882 г. № 19. Л. 20). С этим мнением уважаемого исследователя очень трудно согласиться по той причине, что культура этих небогатых городков никак не соответствует погребению в кургане столь высокого ранга. Баксинский курган, скорее всего, был связан с элитой Пантикапея, а точнее, с элитой государства, которое стало формироваться вокруг него при ранних Спартокидах. Курганы первой половины IV в. до н.э. вообще не очень богаты драгоценными предметами, во всяком случае, они значительно скромней комплексов второй половины столетия. Однако имеющиеся находки из Баксинского кургана дают основания считать, что здесь был погребён представитель высшего слоя боспорской элиты. Более того, рассматриваемый памятник вполне можно считать царским.

Н. П. Кондаков и А. А. Толстой в конце 80-х гг. XIX в. писали, что среди боспорских курганов ни один не отождествлён с погребением какого-нибудь выдающегося лица (Толстой, Кондаков. 1889. С. 22). В наши дни ситуация осталась на том же уровне – в боспороведении не очень приняты рассуждения по поводу принадлежности отдельных погребальных памятников конкретным историческим личностям. В скифологии же они в последние годы стали довольно популярными. Как ни мало мы знаем о погребениях боспорских владык IV в. до н.э., всё-таки надо полагать, что они совершались в особых местах, отличались богатством и крупными размерами надмогильных сооружений. К таковым, несмотря на ограбленность, следует относить Царский и Золотой курганы. Первый из них обычно связывается с Перисадом I (Gajdukevič. 1971. S. 272), а второй, вероятнее всего, принадлежал его трём сыновьям, но прежде всего Евмелу, захватившему власть в результате междоусобицы 310/9 г. до н.э. (Виноградов. 2007. С. 17).

Хронологическая атрибуция погребения у с. Баксы лучше всего может соответствовать боспорскому владыке Сатиру I, много сделавшему для расширения своих владений и умершему в 389/88 гг. до н.э. Выше обращалось внимание на некоторые особенности Баксинского кургана, которые можно признать единственными в своем роде, уникальными для Боспора. В их ряду следует отметить и два деревянных посоха, обнаруженных в саркофаге. В погребальном комплексе столь высокого ранга эти предметы, как представляется, имели не бытовое, а символическое значение. У многих народов, как известно, посох рассматривался (да и до сих пор рассматривается, особенно в религиозной сфере) как важнейший вещественный символ власти. Из кургана происходят два посоха, и этот факт заслуживает самого серьёзного внимания. Если эти предметы трактовать как некие символы власти, то приходится признать её дуалистичность. На Боспоре эта дуалистичность может рассматриваться как власть над двумя частями государства – европейской и азиатской. К тому же давно и хорошо известно, что боспорские владыки носили титул архонтов в отношении греческих городов и царей для варварских племён.

Совсем не случайными в связи с этим представляются обнаруженные рядом с курганом золотые бляшки, оформленные в ахеменидском стиле (имеются в виду не только бляшки в виде львиных голов, но и двенадцатилепестковых розеток, чрезвычайно популярные в искусстве Персии) и украшение в виде крылатого солнечного диска на деревянном саркофаге. Если первые, в принципе, могут свидетельствовать о художественных вкусах отдельного человека, то второе – это уже символ, прочно вошедший в атрибутику власти персидских царей. Величайшая монархия Азии не могла не оказывать влияние на историческое развитие Боспора (и не только Боспора!) уже

одним фактом своего существования. Спартокиды, создававшие территориальное государство, несомненно, пытались в чём-то копировать Персидскую державу, использовать некоторые элементы её обширного опыта в области государственного устройства.

Подводя итог сказанному, можно высказать предположение, что в Баксинском кургане был погребён один из потомков Спартока I, вероятно, Сатир I. Учитывая греко-варварский характер этого погребения, можно считать, что вопрос о варварском происхождении основателя династии представляется более чем вероятным.

Литература

- Веселов. 1959 – *Веселов В. В.* Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова // СА. 1959. XXIX–XXX.
- Виноградов. 2007 – *Виноградов Ю. А.* Золотой курган (Алтын–Оба) // БИ. 2007. Вып. XVII.
- Горбунова, Передольская. 1961 – *Горбунова К. С., Передольская А. А.* Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961.
- Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991.
- Передольская. 1971 – *Передольская А. А.* Кто же расписал пелику из Баксы? // Культура и искусство античного времени. Л., 1971.
- Пругло. 1963 – *Пругло В. И.* Золотые украшения звериного стиля из Баксинского кургана // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея 1961 года. Одесса, 1963.
- Ростовцев. 1925 – *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. Известия РАИМК. Вып. VI.
- Савостина. 1986 – *Савостина Е. А.* Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. 1986. № 2.
- Сокольский. 1969 – *Сокольский Н. И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969. САИ. Вып. Г1-17.
- Сокольский. 1971 – *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.
- Толстой, Кондаков. 1889 – *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. I. Классические древности Южной России. СПб., 1889.
- Яковенко. 1974 – *Яковенко С. В.* Скiфи Схiдного Криму в V–III ст. до н.е. К., 1974.
- Beazley. 1963 – *Beazley J. D.* Red-figure Vase Painters. 2nd ed. Oxford, 1963.
- Braund. 2009 – *Braund D. C.* The Baksy krater, Teutaros and Heraklion: Herakles and the Scythian bow in Graeco-Scythian art and culture(s) // БФ. 2009.
- Gajdukevič. 1971 – *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971.
- Hooker. 1950 – *Hooker E.* The Sanctuary and Altar of Chryse in Attic Red-Figure Vase-Painting // JHS. 1950. Vol. LXX.
- Shefton 1982 – *Shefton B.* The krater from Baksy // The Eye of Greece. Studies in the Art of Athens. Cambridge, 1982.

Ю. А. Виноградов, Е. В. Логдачёва, С. В. Швембергер

**Компьютерные трёхмерные реконструкции расписных склепов
Боспора Киммерийского. Склеп 1872 г. (Стасовский)⁵²**

Культура Боспорского царства подарила нам немало памятников классической древности, заслуженно вошедших в сокровищницу мирового культурного наследия. Среди таких памятников, сохранившихся на берегах Керченского пролива, одними из самых ярких, безусловно, являются расписные склепы. Наиболее ранние из них относятся к IV в. до н.э. Самая многочисленная группа, принадлежащая к I–III вв. н.э., находится на северном склоне горы Митридат. Эти погребальные сооружения, вырубленные в скале, иногда называют катакомбами. Все они были ограблены, вероятно, ещё в древности. Стены и потолки таких склепов были покрыты разнообразными изображениями, основной смысл которых заключается в представлении о блаженном существовании умерших в загробном мире, а также о путях достижения этого мира.

Интерес исследователей различных стран (Россия, Украина, Швейцария) к изучению боспорских расписных склепов в последнее время возрастает. Поддерживая этот процесс, мы решили попытаться, используя копии росписей, выполненных художниками в XIX – начале XX в. (Ф. И. Гросс, М. В. Фармаковский и др.), и современную технику 3D графики, создать серию реконструкций этих склепов (Виноградов, Швембергер. 2009. С. 152–155; Виноградов и др. 2010 С. 13–15). Мы хотим, с одной стороны, привлечь к ним внимание более широкого круга учёных, а с другой – опубликовав их в Интернете, сделать эти яркие памятники достоянием широкой публики, т. е. всех лиц, интересующихся древней историей и культурой. В 2009–2010 гг. на основании копий росписей, снятых Ф. И. Гроссом сразу после открытия памятника, нами была создана компьютерная реконструкция т. н. двойного склепа, открытого на северном склоне горы Митридат в 1873 г. (Виноградов, Швембергер. 2009. С. 152–155). В настоящее время завершена реконструкция Склепа 1872 г. (Стасовского) (Рис. 1; 2). Реконструкции обоих склепов (видео- и интерактивная версия) доступны на сайте www.bosporuscrypt.ru (русскоязычный сайт) и на сайте 3dmultimedialab.com. Реконструкция Двойного склепа (склепа 1873 г.) была впервые представлена нами на конференции «Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира» (СПб., 2009).

⁵² С 2010 г. работа выполняется в рамках проекта РГНФ № 10-04-12106в «Мультимедийная информационная система “Расписные склепы Боспора Киммерийского”».

Рис. 1. Склеп 1872 г. Компьютерная реконструкция

Рис. 2. Склеп 1872 г. Компьютерная реконструкция

Склеп 1872 г. (Стасовский) является одним из самых знаменитых памятников Северного Причерноморья, сохранивших древние росписи. Он был открыт на северном склоне горы Митридат в Керчи в 1872 г. и впервые описан известнейшим российским художественным критиком и искусствоведом В. В. Стасовым. Склеп, вырубленный в грунте, имел обычную для подобных сооружений форму. Узкий вход ведёт в погребальную камеру с севера. Сама камера имеет в плане форму неправильного четырёхугольника, его высота тоже неодинакова, несколько увеличиваясь к задней (южной) стене.

В росписях Стасовского склепа сочетаются два стиля: инкрустационный (более ранний) и цветочный (более поздний). Вероятнее всего, склеп надо датировать началом II в. н.э. (Ростовцев. 1914. С. 293–345; Ернштедт. 1955. С. 276–283). Роспись нижних частей стен выполнена в инкрустационном стиле, т. е. подражающем инкрустациям из разноцветных мраморных плиток. В таком же стиле, но в ярко выраженном «шахматном» порядке исполнена декорация потолка над тремя лежанками, на которые были уложены тела усопших. Остатное пространство потолка заполнено орнаментом из лепестков, цветов и листьев. Здесь изображены также т. н. мешки-гирлянды, игравшие важную роль в погребальной символике того времени. Такие сильно вытянутые мешки набивались листьями, побегам, вероятно, лепестками цветов, на обоих концах они имеют длинные тесёмки. Среди листьев и лепестков изображены птицы, порхающие или сидящие в различных позах.

В подобной манере расписаны боковые стены склепа (восточная и западная). Здесь, кроме лепестков и листьев, представлены пейзажи некой волшебной страны, в которой по траве среди деревьев бродят различные звери, некоторые из них объединены в пары: пантера и кабан, олень и собака; имеется также изображение льва и, вероятно, медведя. Есть основания считать, что особое значение в этой стране имели птицы, прежде всего павлины. На левой боковой стене главной ниши над львом представлена фигура крылатого гения, в левой руке несущего за ноги птицу, правой рукой он как бы отпускает на волю другую птицу. Почти нет сомнения, что эти птицы символизируют человеческие души. Изображение гения имеется также на восточной стене. На сей раз этот персонаж связан не с птицами, а с гирляндами, но, опять же, в левой руке он несёт одну гирлянду, а из правой выпускает другую.

На левом простенке задней (южной) стены большой интерес представляет батальная сцена, на которой изображён поединок всадника, вооружённого длинным копьём и облачённого в панцирь и шлем, с пешим противником (Виноградов, Горончаровский 2009. С. 214. Рис. 109). Во всаднике, конечно, следует видеть знатного боспорянина. Его противник – бородатый воин без шлема и панциря, вероятнее всего, варвар. В правой руке он держит короткий меч, а в левой – ромбовидный щит. Композиция не оставляет сомнения, что победителем в поединке непременно станет всадник.

На правом простенке южной стены представлена ещё одна батальная сцена, в которой участвует большее число воинов (Там же. С. 214. Рис. 108). Главный герой, опять же, несомненно, боспорянин, здесь тоже изображён на коне, облачённым в шлем и панцирь, в руках он сжимает длинное копье. Всадник мчится вправо, за его спиной развеивается плащ. Сзади от него представлены два пеших воина,

вооружённые овальными щитами и копьями. Они также облачены в шлемы и панцири. Навстречу главному боспорскому всаднику на белом коне скачет противник, скорее всего, варвар. Он изображён с непокрытой головой и развевающимися волосами. Противник в руках сжимает небольшой лук, из которого он собирается пустить стрелу. За спиной этого всадника изображён ещё один конный воин с длинным копьём в руках, как представляется, боспорянин. На нём вновь видим шлем и панцирь. В центральной части этой композиции фрагментарно сохранилось изображение павшего конного воина. Его голова отрублена; лошадь, стараясь подняться, опирается на передние ноги. Сломанное копье дополняет изобразительную схему, связанную с трактовкой поражения и смерти воина.

На правой боковой стене главной ниши представлен отряд пеших воинов, изображение которых как бы продолжает картину конного боя (Там же. С. 176). Всего пеших воинов пятеро, слева от всех стоит знаменосец в тяжёлом вооружении. Обеими руками он сжимает древко копья, к которому прикреплено знамя. Форма этого знамени характерна для римских вспомогательных войск (т. н. *vexillum*). Справа от знаменосца изображена фигура тяжеловооружённого воина в шлеме и панцире. В левой его руке находятся овальный щит и два коротких копья. Три других воина этой композиции изображены меньшими по размерам, чем фигуры двух первых воинов, они не имеют шлемов и панцирей. Тем не менее каждый из них вооружён овальным щитом и парой копий.

Компьютерные реконструкции склепов выполнены с помощью стандартных приемов трёхмерного (3D) моделирования и анимации (использовалось популярное приложение 3Ds Max компании Autodesk; Виноградов, Швембергер. 2009. С. 152–155). Реконструкция Склепа 1872 г. сделана на основании акварельных копий, снятых с росписей М. В. Фармаковским в 1909 г. Процесс создания трёхмерных компьютерных реконструкций исторических памятников подробно изложен нами в разделе «Методика» сайта www.bosporuscrypt.ru (Е. В. Логдачёва, С. В. Швембергер. Проблемы и методики трёхмерной реконструкции). Основная проблема, которая возникает при создании исторических компьютерных 3D реконструкций, заключается в оценке степени достоверности предлагаемой модели. Для её решения необходим анализ исходных материалов, имеющихся у авторов. В связи с этим представляется бесполезным попытаться сравнить графические материалы, использованные авторами при создании реконструкций двух склепов (Двойного склепа 1873 г. и Склепа 1872 г.).

Как было указано выше, для реконструкции Двойного склепа 1873 г. были использованы копии росписей, сделанные Ф. И. Гроссом. Копии рисунков Ф. И. Гросса и М. В. Фармаковского значительно отличаются друг от друга по манере исполнения, по технике и, как

представляется, по отношению к оригиналу. Копии Ф. И. Гросса представляют собой раскрашенные (иллюминированные) прорисовки; создаётся впечатление, что он был скорее чертёжником, нежели художником. Копии М. В. Фармаковского гораздо более живописны, они написаны крупным, широким, пастозным мазком. Автор стремился запечатлеть мельчайшие детали сохранившихся росписей, на которые Ф. И. Гросс порой не обращал внимания. С другой стороны, нельзя быть вполне уверенным, что эти мелкие детали аутентичны, поскольку поверхность стен отличается неровностями, а росписи в большинстве случаев выполнены весьма грубо. Тем не менее, работая над нашими реконструкциями, мы старались следовать авторам копий (для Двойного склепа 1873 г. – Ф. И. Гроссу, для склепа 1872 г. – М. В. Фармаковскому) с максимально возможной точностью.

Реконструкция склепа 1873 г., выполненная на основе копий Ф. И. Гросса, выглядит более «аккуратной», стены склепа ровные, линии углов прямые. Напротив, склеп 1872 г., реконструкция которого предпринята на основе копий М. В. Фармаковского, предстаёт перед нами как архитектурное сооружение, в котором невозможно найти даже одну прямую линию. Оно напоминает скорее пещеру, своды которой её создатели лишь слегка выровняли (хотя склеп, безусловно, пещерой не является). Означают ли отмеченные различия, что эти склепы были построены по-разному, или их росписи отражают индивидуальные художественные манеры двух художников? Мы надеемся понять это, работая над реконструкциями других склепов и привлекая для этого новые материалы. Вполне очевидно, что во втором случае в реконструкцию привносится некоторый субъективный фактор. Это заставляет нас помнить о том, что реконструкция исчезнувшего памятника представляет собой лишь более или менее обоснованную версию его облика. О воссоздании первоначального вида таких памятников вряд ли можно мечтать!

В ближайшие годы авторы проекта намерены создать компьютерные реконструкции всех боспорских расписных склепов, копии с росписей которых хранятся в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН. Среди них, прежде всего, выделим расписной склеп Большой Близницы, комплекс Васюринской горы, склеп Деметры. В перспективе предполагается провести детальное изучение всех этих памятников в отношении их хронологии, особенностей художественных приёмов росписей, построения изобразительных композиций, семантики входящих в них образов и т. п.

Литература

- Виноградов, Горончаровский. 2009 – *Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб., 2009.

- Ростовцев. 1914 – *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914.
- Ернштедт. 1955 – *Ернштедт Е. В.* Монументальная живопись Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. Т. I.
- Виноградов, Швембергер. 2009 – *Виноградов Ю. А., Швембергер С. В.* Новое в изучении боспорских расписных склепов (Двойной склеп 1873 г.) // БФ. 2009.
- Виноградов и др. 2010 – *Виноградов Ю. А., Логдачёва Е. В., Швембергер С. В., Щербачев П. Н.* Некоторые перспективы в изучении боспорских расписных склепов // Интернет и современное общество: Тр. XIII Всероссийской объединённой конф. СПб., 2010.
- www.bosporuscrypt.ru; www.3dmultimedialab.com

И. В. Тункина

К вопросу о греческом характере курганного некрополя Феодосии (по материалам раскопок 1851–1852 гг.)⁵³

Курганный некрополь Феодосии, по сравнению с некрополями других севернопричерноморских центров, изучен крайне слабо. Так, М. И. Ростовцев ошибочно утверждал, что подробного отчёта о расследовании некрополя Феодосии мы не имеем (Ростовцев. 1925. С. 251–252). Однако отчёты о раскопках 1851–1852 гг., проводившихся местными антиквариями – архим. Иосифом (Карамурзой), Е. Ф. де Вильнёвым, а также князем А. А. Сибирским, сохранившиеся в архивах Санкт-Петербурга и Одессы, не были востребованы современниками и следующими поколениями археологов (Петрова. 2002. С. 598–607; Петрова, Карпенко. 2004. С. 37–47; Тункина. 2011. С. 189–222).

Раскопки архим. Иосифа (Карамурзы) осенью 1851 г. Один из курганов античного некрополя Феодосии был «разрыт» осенью 1851 г. корреспондентом Одесского общества истории и древностей (ООИД), «армяно-католическим священником» Иосифом (Карамурзой). При раскопках был найден небольшой «глиняный саркофаг», который был «разбит» нетерпеливыми искателями золота, и что было в нём найдено, осталось неизвестным, – удалось собрать только обломки керамид, на которых оказались клейма (орёл на дельфине, клеймо астинома *Hístiaios II*⁵⁴). Судя по описаниям и рисункам, была

⁵³ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 09-06-00103), программ фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» и Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

⁵⁴ Здесь и далее определения керамических клейм принадлежат В. И. Кацу и Н. А. Павличенко, за что выражаю им искреннюю признательность.

открыта черепичная гробница с трупосожжением – «треугольное» погребение, сложенное из синопских клеймёных керамид в виде карточного домика, которое не может датироваться позднее начала 340-х гг. до н.э.

Раскопки курганного некрополя Феодосии А. А. Сибирским и Е. Ф. де Вильнёвым 18–21 августа 1852 г. В августе 1852 г. камер-юнкер князь А. А. Сибирский был послан министром уделов графом Л. А. Перовским в Феодосию специально для проведения археологических исследований с целью определения местоположения античного города. Рапорты князя в столицу в некоторой степени дополняются сведениями из отчётов хранителя Феодосийского музея древностей Е. Ф. де Вильнёва в ООИД. Работы проводились в семи курганах на вершине Феодосийской горы, возвышающейся над карантинном и господствующей над бухтой Текие. Крупные курганы были раскопаны не полностью – судя по плану, насыпи исследовались А. А. Сибирским либо крестообразно траншеями до материка, либо глухой траншеей от края насыпи до центра кургана; во многих курганах археологи дошли до слоя угля и пепла, не углубляясь ниже. Из семи раскопанных курганов в первых шести оказались только сожжённые кости, перемешанные с пеплом и углём – остатки кремаций и тризн, над которыми были насыпаны курганные насыпи. В них были обнаружены только «уголь, пепел, амфоры и разбитые лакриматории» (лекифы). В седьмом «маленьком» кургане, «достаточно отдалённом» от предыдущей группы, сначала был найден уголь с обломками глиняной амфоры и кусками какого-то медного окислившегося предмета, возможно, ножа или стригиля. Согласно де Вильнёву, 18 августа «на небольшой глубине в толстом слое пепла» были найдены «амфора, наполненная жжёными остатками костей; металлический предмет, сильно окисленный, предназначение которого трудно определить; две разбитые глиняные вазы, именуемые этрусскими (краснофигурные вазы. – *И. Т.*); терракота, представляющая обнажённую женщину с красиво уложенными волосами», «заплетёнными на замечательный манер, почти на римский» (статуэтка Афродиты). Напротив, по А. А. Сибирскому, здесь оказалось трупоположение – «тело было положено просто в землю, без всяких признаков каменной или деревянной гробницы», т. е. в простую грунтовую яму. Погребённая, «как оказалось по принадлежностям убора», лежала с запада на восток, ногами к востоку. Здесь были найдены обломки «простой глиняной амфоры, подвергнувшейся сожиганию». В изголовье стояла расписная «ваза с крышкой» с остатками «рисунка альфреско, изгладившегося от сырости, но в котором приметны листья и цветы или плоды» (согласно де Вильнёву, «замечательная ваза с двумя ручками и крышкой»), возможно, расписной кратер. «При всей красе формы, состав глины довольно груб», – заметил А. А. Сибирский.

Здесь же, с левой стороны изголовья, находились две «раздавленные чашечки из тонкой глины и два аррибалла» (по де Вильнёву, «две вазы с узким горлом, раскрашенные», скорее всего краснофигурные лекифы или алабастры). С правой стороны изголовья были найдены «статуэтки, глиняные раскрашенные рельефы (один в виде женской маски, другой с изображением крылатого гения), две маленькие головки (женская и раскрашенная головка Сатира), глиняный голубок, медное зеркальце».

В погребении нашли «много великолепных фигурок из глины, раскрашенных разными цветами», т. е. раскрашенных терракот. Это глиняные «раскрашенные рельефы» (терракотовые протомы или медальоны) – один в виде женской маски («раскрашенная женская маска», возможно, протома Деметры), другой с изображением «крылатого гения» (по де Вильнёву, «две раскрашенные маски»), статуэтки в виде «крылатых гения и женщины, держащие в руках кроталы», которые кн. А. А. Сибирский «намеревается сам издать», две маленькие головки, отломанные от статуэток – женская («головка женщины») и раскрашенная головка Сатира (по де Вильнёву, «голова Силена прекрасной работы»), глиняный голубок («маленький голубь»), а также медное зеркальце (бронзовое «маленькое карманное зеркальце круглой формы»). В погребении нашли также «золотые круглые оттиски, принадлежавшие, очевидно, к нашивкам головного убора» (де Вильнёв пишет о пяти пластинках с двумя вариантами оттисков и полагает, что это украшения одежды с дырочками (проколами) по краям: первый – мужская голова «с короткой стрижкой без каких-либо атрибутов», второй – женская голова в профиль «также без каких-либо отчётливых мифологических атрибутов»), золотую пуговку («застежка из золота в форме пуговицы»), золотой амулет в виде бычьей головы «прекрасной работы» («маленькая голова быка из золота прекрасной работы»); серебряные браслеты («два серебряных браслета»), совершенно окислившаяся серебряная пряжка («застежка пояса из серебра») и две монеты (о последних де Вильнёв в одном рапорте умалчивает, в другом говорит лишь об одной серебряной монете «с изображением, похожим на маленькую головку быка и надписью ΘΕ-ΟΔ-ΕΩ»).

Хранитель феодосийского музея упоминает также «многочисленные кусочки листового золота», «бронзовый предмет в форме длинной булавки» («длинная шпилька; без сомнения, украшение для волос»), небольшую «бронзовую вазочку», «пять жемчужин от ожерелья» и названные в рапорте А. А. Сибирского терракоты: статуэтку с изображением стоящей «беременной» женщины «в задрапированной одежде»; «статуэтку, представляющую женщину с головой обезьяны, сидящую с протянутыми вперёд (поднятыми?) руками, на голове кусок материи» (Е. Ф. де Вильнёв замечает, что «две последние

статуэтки грубой работы, они похожи на терракоты из керченских погребений»); глиняные «украшения для гроба, образующие угол и представляющие крылатый дух, держащие в одной руке треножник для приношений, в другой – чашу, эта вещь великолепной работы», «различные фрагменты, служившие украшениями могилы». Согласно А. А. Сибирскому, из двух монет, покрытых толстым слоем окисла, одна оказалась серебряной «и потому скорее могла быть очищена»: «на лицевой стороне мужская голова в каске, обращённая влево». Оборот: «бычья голова впрямь, украшенная жертвенными повязками. Во круге с трёх сторон ΘЕ-ΟΔ-ΕΩ» (букраний, украшенный тенями). Найденная князем первая серебряная монета Феодосии весом 2,2 г для науки того времени оказалась уникальной – она датируется рубежом V–IV вв. до н.э. (Шелов. 1956. С. 213. № 22. Табл. II, 22). По серебряной монете женское погребение датируется первой четвертью IV в. до н.э., скорее всего его началом.

Раскопки Е. Ф. де Вильнёва в августе и ноябре 1852 г. По поручению ООИД хранитель Феодосийского музея Е. Ф. де Вильнёв провёл раскопки четырёх курганов. В первом из курганов, к СЗ от насыпей, исследованных А. А. Сибирским в августе 1852 г., под толстым слоем земли, за которым следовал слой камней, на глубине двух аршин (1,42 м) в направлении В–З были найдены три разбитые амфоры. Затем в слое пепла, перемешанном со жжёными костями и углём, обнаружили пять золотых пластинок двух типов; 15 (в другом рапорте – 8) маленьких золотых предметов «овальной формы, похожих на серьги, но служивших украшением на одежде женщины (фрагменты ожерелья или серёг – «восемь маленьких предметов овальной формы»; фрагменты ожерелья – «семь соединённых маленьких предметов круглой формы с отверстиями в центре» или «семь других маленьких вещей из золота круглой формы, просверленные в центре»), два глиняных лакриматория (сосуды для благовоний, скорее всего, лекифы. – *И. Т.*); фрагменты предмета из сильно окисленной меди».

Во втором кургане (в другом рапорте он назван третьим курганом), расположенном там же, на глубине $1\frac{3}{4}$ аршина ($\approx 1,24$ м) найдены разбитая маленькая амфора, жжёные кости, пепел, уголь и два разбитых глиняных лакриматория (лекифа?).

В третьем кургане (в другом рапорте – во втором кургане) на глубине 1 аршина (0,71 м) была найдена «небольшая могила из камней, покрытая плитами» (1,5 аршина [$\approx 1,07$ м] в длину и приблизительно столько же в ширину). В ней оказались терракотовые статуэтки с изображениями «муз» – стоящей женщины в «задрапированной одежде» с маской в руках (Талия?), сидящей улыбающейся женщины с лирой (Эрато?), «23 позолоченных глиняных зёрнышка («шарика из обожжённой глины, позолоченные и проколотые на

одном конце») с отверстиями на одном из концов», две монетки из сильно окисленной бронзы, два маленьких браслета (круглый и плоский) из серебра плохого качества, маленькая золотая серьга, четыре фрагмента предмета из позолоченного серебра (один кусок плоской формы с отверстием в центре, величиной «приблизительно в монету 10 копеек серебром», другой представляет «открытый рот животного с высунутым языком»), три бусинки (зёрнышка) из позолоченного серебра с отверстиями (два овальной, третья – круглой формы), глиняный сосуд, многочисленные фрагменты какого-то предмета из сильно окисленной бронзы. В ходе раскопок насыпь кургана была снесена и практически сровнена с землей.

В четвёртом кургане, начинающем цепочку курганов, наиболее близко расположенных к городу, на глубине $\frac{3}{4}$ аршина ($\approx 0,53$ м) найдена разбитая амфора Гераклеи Понтийской с энглифическим клеймом на горле с именами Эугитиона и Молосса – остатки тризны 80–70-х гг. IV в. до н.э. На аршин ниже были найдены три амфоры средней величины, в самой большой из них оказались жжёные кости, под ней – разбитая чернолаковая «ваза» («маленькая ваза, разбитая, чёрного цвета»), пепел, глиняный лакриматорий, многочисленные кусочки бронзы и окисленные гвозди.

В октябре 1852 г. кто-то тайно вскрыл один из курганов, находящийся рядом с насыпями, раскапывавшимися А. А. Сибирским. Там оказалось погребение в плитовой гробнице в виде длинного каменного ящика из больших камней, перекрытого плитами. Де Вильнёв тщетно взывал к местной полиции, обращая внимание на факт незаконных раскопок: позднее ещё один из курганов, не исследованный де Вильнёвым, в ночное время был расхищен местными «счастливчиками».

Архивные документы в какой-то мере помогают реконструировать и уточнить состав и хронологию комплексов, из которых происходят важнейшие хроноиндикаторы – черепичные и амфорные клейма, монеты и пр. Они проясняют крайне скудную информацию о курганном некрополе античной Феодосии, подтверждая вывод о его чисто греческом характере и преобладании в нём погребений с кремацией (Петерс. 1984. С. 63; Долгоруков. 1984. С. 96; Качарава, Квирквелия. 1991. С. 294–295; Катюшин. 1998. С. 32–39; 2004. С. 137–138; Katyushin. 2003. Р. 645–649; Гаврилов. 2003. С. 80).

Литература

- Гаврилов. 2003 – *Гаврилов А. В.* Феодосия и её округа в античную эпоху // ПИФК. 2003. Вып. XIII.
- Долгоруков. 1984 – *Долгоруков В. С.* Курганы Боспора // АГСП. 1984.
- Катюшин. 1998 – *Катюшин Е. А.* Феодосия. Каффа. Кефе. Феодосия, 1998. 2007. 2-е изд.
- Катюшин. 2004 – *Катюшин Е. А.* Феодосия // Античные памятники Крыма. К., 2004.

- Качарава, Квирквелия. 1991 – *Качарава Д. Д., Квирквелия Г. Т.* Города и поселения Причерноморья античной эпохи (малый энциклопедический справочник). Тбилиси, 1991.
- Петерс. 1984 – *Петерс Б. Г.* Феодосия // АГСП. 1984.
- Петрова. 2002 – *Петрова Э. Б.* О начальном периоде археологических исследований в Феодосии: Вильнёв, Сибирский, Айвазовский // ПИФК. 2002. Вып. XII.
- Петрова, Карпенко. 2004 – *Петрова Э. Б., Карпенко А. В.* Письма Е. Ф. де Вильнёва в ООИД: 150 лет с начала археологических раскопок в Феодосии // Историческое наследие Крыма. 2004. № 3–4.
- Ростовцев. 1925 – *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Тункина. 2011 – *Тункина И. В.* Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей, 1771–1871. К., 2011.
- Katyushin. 2003 – *Katyushin Y. A.* Theodosia // *Ancient Greek Colonies in the Black Sea / Grammenos D. V., Petropoulos E. K. (eds.).* Thessaloniki, 2003. Vol. 1. Publication of the Archaeological Institute of Northern Greece. No. 4.

М. Ю. Вахтина

Об оборонительных сооружениях и планировке Порфмия

Античный город Порфмий, расположенный к северо-востоку от Керчи на западной окраине современного с. Жуковка, по-видимому, был укрепленным поселением с момента его основания около середины VI до н.э. и до середины I в. до н.э. (или чуть более позднего времени), когда, покинутый жителями, он прекратил своё существование. Раскопки выявили оборонительные сооружения, соответствующие двум периодам истории города: начальному, архаическому, и заключительному, позднеэллинистическому. Попытаемся понять, как топография этого малого боспорского города и его фортификационные системы соотносятся с теми данными об облике греческих городов, которые известны нам по раскопкам в Греции и Малой Азии.

Порфмий был основан на небольшом скальном плато, откуда хорошо просматривались сухопутные и морские пути, в частности традиционная переправа через Керченский пролив (Вахтина. 2010. С. 435). О важности этого пути для Боспора архаического времени красноречиво свидетельствует само название этого поселения, происходящее от греческого слова «переправа». Размеры возвышенности, на которой располагался город, ограничивали его территорию, не превышавшую 0,7 га. Общеизвестно, что во все времена определяющим моментом при выборе места для основания города было понятие обороны. Идеальным местом считалась возвышенность, доступная со стороны моря и сухопутных путей, где можно было возвести укрепления, служившие защитой для населения в минуту

опасности. Такие «поселения на вершине холма» (hilltop-sites) были особенно характерны для Малой Азии (Winter. 1971. P. 3–4). К ним относят Милет (Калабак-тепе), древнейшие поселения в Эфесе, Ларисе, Аспендосе, Перге, Магнезии-на-Сипилуме и многие другие (Ibid. P.16). Все эти центры на раннем этапе своего существования имели сравнительно большие акрополи, вмещавшие всё население. Укрепления греческих городов (имевшие разные размеры), могли представлять собой часть поселения, где, в случае опасности, могли укрыться все его жители; известны и города, где в пределах обнесённой стенами территории постоянно проживало всё население. Отмечено, что греческие центры Ионии, возникшие в архаическое время, имели акрополи больших размеров по сравнению с городами материковой Греции. Эту особенность связывают с необходимостью противостоять местному населению, по-видимому, не всегда настроенному миролюбиво (Ibid. P. 16–18). Порфмий также можно отнести к таким «поселениям на вершине холма». Очевидно, на протяжении начального периода существования всё население Порфмий постоянно проживало под защитой городских укреплений, следы освоения близлежащей округи за пределами городских стен прослеживаются со времени не ранее второй половины IV–III в. до н.э. (Вахтина. 2002).

Порфмий – «пограничный» город, расположенный на восточной границе Европейского Боспора, в непосредственной близости от других «малых» боспорских городов – Парфения и Мирмекия. К востоку и северо-востоку от него, в прибрежной части мыса Фонарь в районе современного Маяка, вероятно, находились и другие небольшие «опорные» греческие поселения (Бейлин. 2006). Некоторую аналогию этой цепочке поселений можно увидеть в системе укрепленных поселений и башен, расположенных в классическое время вдоль границ Аттики (Chandler. 1926; McKesson. 1991). Эти небольшие укрепленные пункты находились на возвышенностях сравнительно недалеко друг от друга в пограничных районах, наиболее опасных для вторжения врагов.

Наиболее выразительные остатки древнейших укреплений Порфмий были обнаружены в восточной его части, где было выявлено основание архаической оборонительной стены (Vakhtina. 2003. P. 40. Fig. 3, 4; Вахтина. 2006. С. 33–35. Рис. 2–4; 2009. С. 94–95. Рис. 4–8). Эта стена в древности шла в направлении СВ–ЮЗ по естественному склону плато, на котором было основано городище. В основании открытой стены лежал ряд крупных известняковых блоков (длиной до 1–1,2 м и шириной до 0,5–0,6 м); на этот нижний ряд кладки были уложены камни меньшего размера, пространство между ними было заполнено небольшими камнями (Рис. 1. 1). Кладка иррегулярная, рядовая. Максимальная сохранившаяся высота цоколя стены – 1,2 м, длина – 12,8 м, толщина – 1–1,1 м. Судя по сохранившимся развалам,

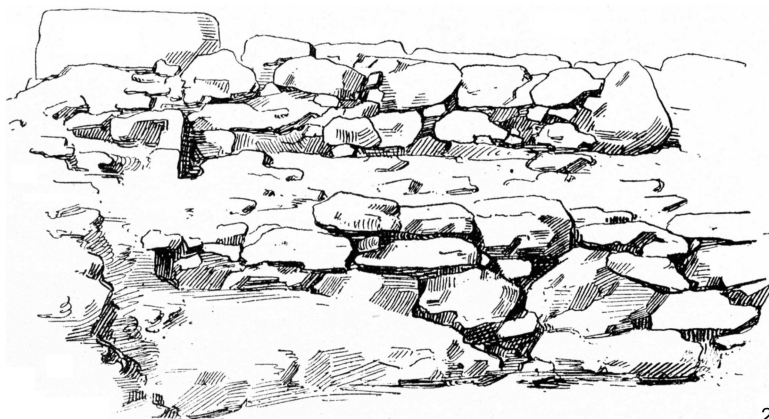

Рис. 1. Цоколи архаических стен:

1 – Порфмий; 2 – Врулия (Родос; по: Kinch. 1914); 3 – Смирна

верхняя часть стены была сложена из сырцовых кирпичей. Южный её конец был пристроен к природным скальным выходам; здесь конструкция имела вид ломаной линии, образуя нечто вроде бастиона. Южная линия обороны Порфмия сохранилась гораздо хуже. В этой части памятника укрепления шли вдоль южной границы плато, имевшего здесь крутой склон. Здесь также были использованы огромные естественные скальные глыбы известняка, служившие основанием стены. Они иногда слегка подтёсывались, а перемычки между ними заполнялись мелкими камнями, иногда природные выходы известняка «достраивались» кладкой из более мелких камней. Ещё один фрагмент ранней оборонительной стены городища был обнаружен при раскопках жилых кварталов позднеэллинистического времени в юго-западной части памятника (Вахтина. 2009. Рис. 9). Кладка основания архаической стены Порфмия по технике и времени возведения близка кладке цоколя стены, открытой в близлежащем Мирмекии (Вахтина, Виноградов. 2001. С. 43. Рис. 1, 2). Стены из сырцовых кирпичей на каменном цоколе известны по памятникам материковой и Восточной Греции и характерны для эпохи архаики, толщина таких стен обычно была небольшой, высота же могла быть различной (Winter. 1971. P. 69–70). В качестве примера можно привести оборонительные стены небольшого военного поселения во Врулии (Родос; Рис. 1. 2). Поселение во Врулии было полностью окружено сырцовой стеной на каменном основании, ширина которой не превышала 1,3 м (Kinch. 1914. S. 3). Это основание демонстрирует определённое сходство со стенами Порфмия и Мирмекии. Однако, на наш взгляд, по технике возведения ближайшими аналогиями стенам этих малых боспорских городов являются архаические стены Смирны (Рис. 1. 3); верхние их части также были сложены из сырцового кирпича (Nicholls. 1959. S. 79–104). Кладка цоколя стены в Абае (Фокида) также несколько напоминает кладку цоколя древнейшей порфмийской стены (Scaranton. 1941. P. 32. Fig. 6). Возведение стен из кирпича-сырца на каменном цоколе было не только менее затратным и трудоемким, чем постройка стен целиком из камня, использование кирпича-сырца также значительно убыстряло строительство (Долгоруков. 1982. С. 182). Таким образом, и выбор места для небольшого укрепленного поселения, и древнейшие оборонительные стены Порфмия характерны для греческого мира эпохи архаики.

Во второй половине III в. до н.э. в Порфмии были возведены новые оборонительные сооружения и жилые кварталы (Рис. 2. 1). Они возводились по единому плану. Материалы раскопок позволяют достаточно достоверно реконструировать планировку поселения (Кастанаян. 1968; 1971; 1972; 1983; Шургая. 1984). Примечательно, что в эллинистическое время территория, ограниченная оборонительными

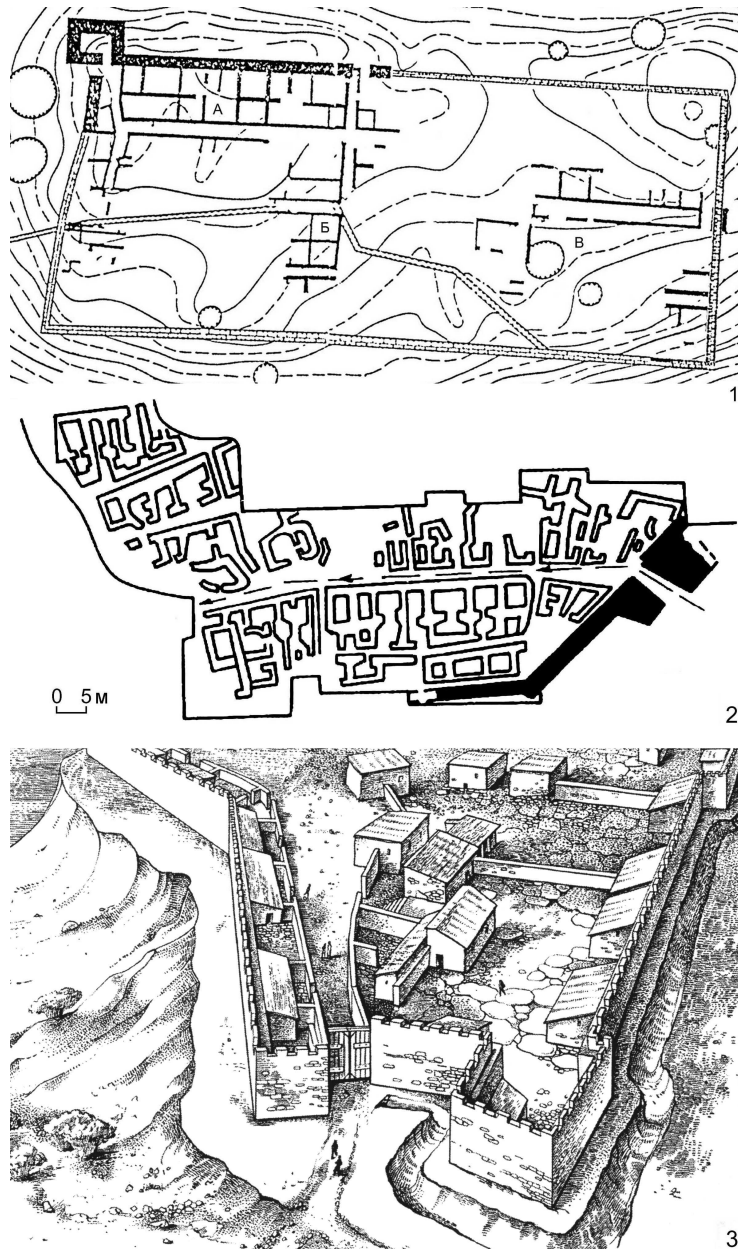

Рис. 2. Поселения Восточного Крыма эллинистического времени: 1 – Порфмий; 2 – Семёновка; 3 – Золотое Восточное (реконструкция). 2, 3 – по: Масленников. 1998

стенами, имела меньшую площадь, чем на начальном этапе существования города – раскопки показали, что трасса восточной эллинистической оборонительной стены шла западнее по сравнению с трассой восточной архаической. В III–II вв. до н.э. к востоку от эллинистической оборонительной стены располагался большой строительный комплекс, находившийся, таким образом, за пределами акрополя. В это же время в непосредственной близости от Порфмий существуют небольшие сельские дома-усадьбы, самые ранние из них, очевидно, появились во второй половине IV в. до н.э. Вероятно, ситуация, сложившаяся в это время, была более благоприятной, чем в предшествующую эпоху, и позволяла части жителей селиться за пределами укрепленной территории, правда, на достаточно близком расстоянии.

Новые оборонительные сооружения предназначались не только для защиты жителей города, но являлись также важным звеном в фортификационной системе Боспора в целом. О том, что «новый Порфмий» был сооружён как крепость, свидетельствует тот факт, что городские кварталы возводились одновременно с оборонительными стенами, по единому плану с регулярной планировкой. Оборонительные стены города и его жилые постройки были ориентированы по сторонам света. Стены, частично выявленные по всему периметру города, были сложены из крупных, почти необработанных глыб мшанкового известняка, грубо стёсанных по фасадам. Они возводились на бутовом фундаменте высотой 1 м, который иногда выступал за внутреннюю линию стены на 0,3 м. Облик порфмийских эллинистических стен близок стенам, служившим укреплениями других греческих центров этого времени, напр., Эретрии, Кастраки (Арголида) (Winter. 1971. P. 155. Fig. 137–138: P. 86. Fig. 65), Ано Лиозии (Mussche. 1963. S. 36. Taf. 112, *a–b*).

В Порфмии была раскрыта башня, прямоугольная в плане, находившаяся в северо-западном углу крепости (Кастанаян. 1983. Рис. 1; Вахтина. 2009. Рис. 29). Её сохранившаяся часть позволила В. П. Толстикову создать убедительную реконструкцию (Tolstikov. 1997. S. 226. Fig. 23). Северная и западная стены башни достигали 2 м в ширину, восточная – 1,2 м, южная – 1,5 м. Внутрибашенное помещение имело площадь 26 м², в восточной его части была расчищена вымостка из плоских плит. Вход в башню находился в её южной стене. Порфмийская башня принадлежит к прямоугольным в плане башням, которые, как и круглые, были широко распространены в эллинистическое время (Winter. 1971. P. 195. Fig. 193a). Она выдавалась вперёд за пределы крепостной стены, давая возможность, в случае, если враг прорвётся к укреплениям, обстреливать его через бойницы. Внутрибашенное помещение, вход в которое был в южной её стене, обращённой к городу, могло служить складом оружия

и боеприпасов. Поиски остатков второй башни по трассе северной оборонительной стены в северо-восточной части возвышенности, на которой располагался город, результатов не дали. Возможно, башня, открытая Е. Г. Кастанаян в 1970-х гг., была единственной, т. к. с других сторон плато имело более крутые склоны и для отражения возможных нападений здесь достаточно было крепостных стен.

Башня фланкировала ворота в западной оборонительной стене. Расположение городских ворот под прикрытием башен тоже весьма характерно для античной фортификации. Подобным образом, например, расположены ворота в западной оборонительной стене в Праволе (Этолия – Woodhouse. 1897. Fig. 9), фланкированные прямоугольной в плане башней.

Представляется очевидным, что оборонительные сооружения эллинистического Порфмия были возведены с учётом опыта современного ему античного фортификационного искусства, с начала IV в. до н.э. вступившего в эпоху расцвета (Garlan. 1985. P. 248–249).

Однако гораздо труднее найти близкие аналогии планировке эллинистического Порфмия, своеобразие которой заключалось в том, что жилые кварталы были пристроены вплотную к крепостным стенам (Рис. 2. 1). Некоторые соответствия можно обнаружить лишь в планах греческих городов, расположенных преимущественно на окраинах античной ойкумены, например, Истрии (Soja. 1986. Fig. 291), эллинистических центров Сирии (Leriche. 1986. Fig. 223, 224. Рис. 7). А. А. Масленников сравнил планировку «нового» Порфмия с планировкой укрепленного сельского поселения у с. Семёновка (Рис. 2. 2), существовавшего в то же время (Масленников. 1998. С. 143. Рис. 94). В качестве ещё одной аналогии может служить и городище Сююрташ (Золотое Восточное – Масленников. 2007. С. 410–411. Рис. 171б) (Рис. 2. 3), а также некоторые другие памятники Крымского Приазовья (Maslennikov. 2007. Fig. 3–6).

Таким образом, если оборонительные сооружения позднего Порфмия представляются характерными для эпохи эллинизма и легко находят аналогии среди памятников античной фортификации, то по особенностям планировки этот памятник наиболее близок укрепленным усадьбам и поселениям Восточного Крыма. Не исключена возможность, что подобный тип планировки является изобретением боспорских строителей. Несомненно, они опирались на достижения античного градостроительства, для которого было характерно сочетание накопленного опыта и новаций, учитывающих конкретные особенности местности, назначение возводимых построек и т. п. В данном случае опыт, достижения греческого искусства фортификации были приспособлены к конкретным реалиям жизни на Европейском Боспоре III–I вв. до н.э.

Литература

- Бейлин. 2006 – *Бейлин Д. В.* Античные укрепления Европейского берега северной переправы через Боспор Киммерийский // VII БЧ. 2006.
- Вахтина. 2002 – *Вахтина М. Ю.* Материалы домашнего святилища из усадьбы близ Порфмия // БФ. 2002. Ч. 1.
- Вахтина. 2005 – *Вахтина М. Ю.* Античный Порфмий. Основные этапы существования // VI БЧ. 2005.
- Вахтина. 2006 – *Вахтина М. Ю.* Об архаическом Порфмий // БИ. 2006. Т. XIII.
- Вахтина. 2010 – *Вахтина М. Ю.* Порфмий // *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. СПб., 2010. Т. I.
- Вахтина, Виноградов. 2001 – *Вахтина, М. Ю., Виноградов, Ю. А.* Ещё раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // БФ. 2001. Ч. I.
- Долгоруков. 1982 – *Долгоруков В. С.* Укрепления раннегреческого города // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.
- Кастанаян. 1971 – *Кастанаян Е. Г.* Раскопки Порфмия // АИУ. 1971. Вып. 3.
- Кастанаян. 1972 – *Кастанаян Е. Г.* Раскопки Порфмия в 1968 г. // КСИА. 1972. Вып. 130.
- Кастанаян. 1973 – *Кастанаян Е. Г.* 1983. Порфмий // Centre d'archéologie Méditerranéenne de l'Académie Polonaise des Sciences. Etudes et Travaux. 13.
- Кастанаян. 1975 – *Кастанаян Е. Г.* Итоги раскопок Порфмия эллинистической эпохи // НОСА. 1975. Ч. 2.
- Масленников. 1998 – *Масленников А. А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998.
- Масленников. 2007 – *Масленников А. А.* Крымское Приазовье в античную эпоху (опыт региональной истории) // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М.; К.; Запорожье, 2007.
- Шургая. 1984 – *Шургая И. Г.* Порфмий // АГСП. 1984.
- Chandler. 1946 – *Chandler L.* The North-West Frontier of Attica // JHS. 1926. Vol. 46.
- Coja. 1986 – *Coja M.* Les fortifications grecques dans les colonies de la côte septentrionales de la Mer Noire // La Fortification dans l'histoire du monde Grec. Paris, 1986.
- Garlan. 1985 – *Garlan Y.* Fortifications et histoire grecque // Problèmes de la Guerre en Grèce ancienne. Civilisations et Sociétés. Paris, 1985. 11.
- Kinch. 1914 – *Kinch K.* Vroulia. Berlin, 1914.
- Leriche. 1986 – *Leriche P.* Fortifications Grecques: Bilan de la Recherche au proche et Moyen Orient // La Fortification dans l'histoire du monde Grec. Paris, 1986.
- Maslennikov. 2007 – *Maslennikov A. A.* Small and Poorly Studied Townes of the Ancient Kimmerian Bosporos // Ancient Creek Colonies in the Black Sea. 2007. Vol. II. BAR. 1675.
- McKesson. 1991 – *McKesson J.* Camp II. Notes on the Towers and Borders of Classical Boiotia // AJA. 1991. Vol. 95, no. 2.
- Mussche. 1963 – *Mussche H. F.* Die profanen und militärischen bauten // Monumenta Graeca et Romana. 1963. Fasc. 2.
- Nicholls. 1959 – *Nicholls R. V.* Old Smyrna: the Iron Age Fortifications and Associated Reminds on City Premier // BSA. 1958–1959. Vol. 53–54.
- Scranton. 1941 – *Scranton L. R.* Greek Walls. Cambridge, 1941.

- Tolstikov. 1977 – *Tolstikov V. P.* Descriptions of Fortifications of the Classical Cities in the Region to the North of the Black Sea // Ancient Civilizations. Leiden, 1997. No. 4, 3.
- Vachtina. 2003 – *Vachtina M. Ju.* Archaic Buildings of Porthmion // The Cauldron of Ariant. 2003. BSS. 1.
- Winter. 1971 – *Winter F. E.* Greek Fortifications. L., 1971.
- Woodhouse. 1897 – *Woodhouse W. J.* Aetolia, its Geography, Topography and Antiquities. Oxford, 1897.

А. Л. Ермолин, Н. Ф. Федосеев

Переправа – Порт-Мион – «традиционный Порфмий»

Тройственность в названии данного сообщения обозначает три проблемы: 1) определение места переправы через Боспор; 2) локализация боспорского города Порфмий, упоминаемого античными авторами; и 3) может ли поселение, названное М. Ю. Вахтиной «традиционным Порфмием», именоваться им. Поводом для обращения к этой теме стала новая публикация рукописи Поля Дюбрюкса (2010), в комментарии к которому и изложены итоговые сведения о раскопках «традиционного Порфмия» (Вахтина. 2010. С. 426–436).

Переправа. Вопрос о переправе через Боспор Киммерийский не столь прост, как представлялось до сих пор. Говоря о водной переправе, надо учитывать цель переправы. Если это касается отдельных людей или небольших групп, то через пролив можно было переправиться из любого ближайшего прибрежного поселения. Если говорить о больших количествах людей и грузов, то для этого необходимы уже не рыбацкие лодки, а торговые корабли. Нужны также причалы для погрузки и разгрузки как на европейской стороне, так и на азиатской. То есть надо переправляться из порта в порт, что можно было сделать как из Пантикапея, так и из любого другого порта, оборудованного причалами.

Прежде всего, необходимо более дифференцированно подходить к понятию «переправа» и разграничить их на «зимние» и «летние». Ранее утверждалось, что основная переправа через Боспор существовала в районе косы Тузла (Федосеев. 1999). Этот факт никем не оспаривается, несмотря на то что факт существования самой косы не доказан. Скорее всего, течение Кубани, направленное из Таманского залива, смывало все песчаные наносы из Азова. Коса появилась после того, как Кубань поменяла своё русло, и стала впадать в Чёрное море. К сказанному следует добавить данные течения в проливе: по В. Л. Болдыреву береговое течение около косы Тузла идет поперёк пролива (рис. 1. 2), что могло помочь при переправе. На карте Будащева 1812 г. показана отмель, отходящая от мыса Ак-Бурун (рис. 1. 1), уничтоженная прокопкой фарватера.

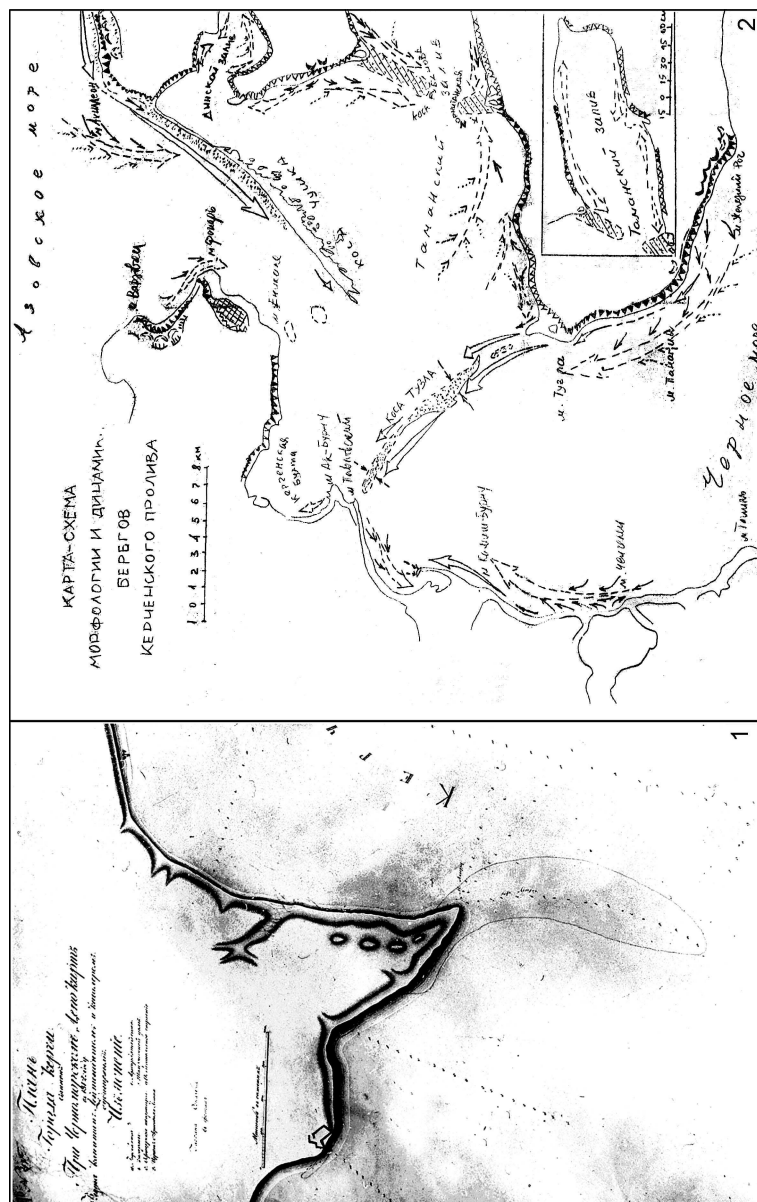

Рис. 1. 1 – фрагмент карты Будашева, 1812 г.;
 2 – береговые течения в Керченском проливе (по: Болдырев. 1961)

Сужение древнего пролива по изобатам в 4–5 м наблюдается в районе Тузлы и Павловского маяка (Колтухов. 2005. С. 89). Таким образом, даже при отсутствии косы Тузла, в этом районе существовали отмели (Федосеев. 1999. Рис. 7), которые позволяли перейти вброд пролив в летний период. Маркерами переправы в этом месте служит наличие поселений по обоим берегами пролива – Корокондама и Ак-Бурун-1.

Казалось бы, зимняя переправа доступна из любой точки пролива, однако это не так. Конечно, при суровой зиме, когда лёд с Азовского моря нагоняется в пролив, который быстро замерзает, переправа возможна практически везде в районе пантикапейского залива. Эти случаи зафиксированы современной историей⁵⁵. По весне, при подвижке льда, под действием ураганных штормовых ветров лёд устремлялся в Керченский пролив. Его сила натиска непредсказуема. Он торосами выходил на косу Чушка. Современные суда зачастую не могут противостоять подвижке льда и их выбрасывает на мелководье. Наиболее удобным для переправы является самое узкое место на Керченском проливе. Оно находится у крепости «Керчь» от бухты Павловской, проходит через Керчь-Еникальский канал на отмели по направлению 125°–130° – это расстояние около одного километра до Средней косы по восточной стороне береговой черты косы по мелководью, где глубина составляет 0,5–1 м по плотному каменисто-песчаному грунту. Средняя коса никогда не испытывала какого-либо натиска льда или разрушения береговой черты. На этом участке Керченского пролива в любую погоду высота волны не превышает двух метров⁵⁶.

Зимняя переправа существовала в месте сближения двух берегов Керченского пролива. Маркерами переправы в этом месте служит наличие поселений по обоим берегами пролива – Ахиллион и поселение на мысе Фонарь. Есть современные свидетельства, при достаточно низкой температуре –18°–20° с 11 по 18 января 1942 г., когда в южной части пролива от Еникале до Керчи и далее была чистая вода, в районе рыбацкого поселка Жуковка лёд сковал пролив. Именно здесь работала ледовая переправа⁵⁷. Маршрут начинался с Кордона Ильича и выходил на Крымский берег севернее Глейки. Интересно, что кавалерийские части и обозы шли на увеличенных дистанциях. Всадники спешили и вели лошадей в поводу. Среди проводников

⁵⁵ 9 ноября 1993 г. замёрзли и Керченский пролив на значительной части, и Азовское море. Лёд продержался до 27 ноября 1993 г.

⁵⁶ Наблюдения Константина Смолиуса, диспетчера Керченского района Госгидрографии, капитана дальнего плавания, лоцмана международного класса.

⁵⁷ С Таманского п-ова в Крым было переправлено: людей – 96 618, лошадей – 23 903, автомашин – 6519, орудий калибра 122-мм – 30, орудий 76-мм – 103, орудий зенитных – 122, орудий 45-мм – 45, тракторов – 46, танкеток – 10, повозок – 8222, кухонь – 10.

оказался рыбац, который в годы Гражданской войны также в период ледостава помогал отрядам Красной Армии перейти по льду из Крыма на Тамань⁵⁸.

Из этих фактов следует, что переправа севернее мыса Фонарь вполне реальна, а переход кавалерийской дивизии и повозок, вполне соответствует переправе кочевников, описанной древними авторами, которые сообщают, что переход осуществлялся по льду, причём не только пешком, но и на груженых повозках. Мнение о том, что такие перекочевки были сезонными и они проходили через Керченский пролив, было высказано 30 лет назад (Вахтина и др. 1980). Но в этой работе не было сказано о месте переправы (переправ). На наш взгляд, это было возможно в районе мыса Фонарь. По утверждению А. Е. Кислого, переправа в этом месте существовала и до греческой колонизации (Кислый. 2005).

Оба берега переправы должны быть удобны как для выхода на лед, так и для выхода на противоположный берег. Со стороны азиатского Боспора переправа проходила по нескольким полосам, но все они сходились на пятисотметровом участке северней мыса Фонарь на европейской стороне (рис. 2).

Особенность передвижения кочевников заключается в том, что после переправы скот должен идти впереди обоза, необходима перспектива дальнейшего беспрепятственного движения вперёд. По возможности, на пути не должно быть глубоких поперечных оврагов, заболоченных участков и полей грязевых вулканов. На пути движения должны быть источники воды и хотя бы прошлогодняя трава для питания животных. Если бы эта переправа осуществлялась в районе локализации «традиционного Порфмия», то, сойдя на берег, можно было попасть в ловушку, т. к. склоны горы Хрони непроходимы для обоза. Что касается береговой линии западнее, то она просто не подходит для переправы по причине обрывистого берега. Зато за самим мысом Фонарь, к западу от пос. Подмаячный, находится совершенно подходящая лощина с пологим выходом к морю и на восточный склон горы Хрони. От береговой линии до вершины восточного склона всего 2 км, и сейчас там имеется полевая дорога. Более идеального места для выхода на берег с перспективой дальнейшего движения на европейском берегу Боспора нет. Разведками на грядах, ограничивающих долину с запада и востока, были выявлены оборонительные валы. Эти сооружения представляют собой не ров и вал в классическом их виде, а эскарпированные склоны в сторону долины с отвалом грунта вниз, в сторону долины (рис. 2). Функционально они предназначались для ограничения движения групп

⁵⁸ Воспоминания генерал-лейтенанта инженерных войск А. Смирнова-Несвицкого (www.battlefield.ru/ru/articles/170-kerch-ice-crossing.html?start=3).

переправившихся кочевников к востоку и западу и направление их в «нужное русло». Этот участок берега вполне соответствует требованиям к ледовой переправе, он расположен в конце плеса (это самая крайняя точка Азовского моря) и выше переката (выше самого мелкого участка Керченского пролива).

Именно в этом районе находятся памятники, которые вслед за П. Дюбрюксом ряд исследователей считали Порфмием. Порт-Мион П. Дюбрюкса располагался в бухте в створе Еникальского маяка, на мысе Фонарь.

Порт-Мион. Основными источниками об этом поселении остаются П. Дюбрюкс и В. В. Веселов. В 2002 г. А. Е. Кислый исследовал здесь участок в 32 м², где был выявлен и античный материал (Кислый. 2005. С. 224). Архивный материал введен в научный оборот И. В. Тункиной (Дюбрюкс. 2010. Рис. 198) и накопленный материал позволяет утверждать, что это поселение существовало с V–IV вв. до н.э. вплоть до гибели Боспорского государства. Буквально ещё недавно здесь можно было видеть оборонительный ров с многочисленными фрагментами боспорских керамид в нём. Проведение систематических раскопок здесь может не оправдать надежд – памятник практически полностью разрушен. Для добычи камня весь верхний слой был сдвинут и только под ним мог сохраниться нетронутым культурный слой.

В непосредственной близости от него, на расстоянии 0,8 км от берега Азовского моря, на северной окраине поселка Подмаячное К. Э. Гриневичем, а затем В. В. Веселовым описано городище (Маяк 1). Там же, в 150 м к востоку от него, на возвышенности были найдены остатки ещё одного поселения с материалом III–II вв. до н.э. В 2008 г. в северной части поселения были обнаружены остатки усадьбы, стены которой видны на полевой дороге, идущей на гору Хрони (найлены фрагменты боспорской черепицы, в т. ч. и клейменной). При обследовании поселения Маяк 1 обнаружен материал от эпохи поздней бронзы – раннего железа, V–III вв. до н.э. С поселением связаны две линии рвов, одни из них (южный) частично распахан, второй (северный) перерезает поселение. Вероятно, рвы предназначались для предотвращения движения с переправы в сторону Пантикапея. На высоте, расположенной в 150 м восточнее, был выявлен материал I в. до н.э. – III в. н.э., но поселение сильно повреждено карьером, остались практически только зольники и ров с северной стороны. По местоположению памятника можно предположить, что это была небольшая крепость, которая контролировала саму переправу и дорогу с переправы вглубь полуострова, т. е. небольшой город-крепость у переправы, которая, видимо, и носила название Порфмий.

Что же касается стен и башни, указанных на плане Дюбрюкса, то стена могла быть составляющей системы обороны и находилась

в линии рва, являясь его продолжением на выходе скалы. По тому факту, что на этом месте существовало поселение как до Боспорского царства, так и во время его процветания и заката, можно судить о стратегическом значении этой точки на карте Боспора. Укрепления же Порфмия, как сама крепость, так и стена с башней со стороны переправы, выглядели довольно внушительно и оставались сверху и в стороне от переправляющихся через Боспор Киммерийский как в Европу, так и в Азию. При дальнейшем передвижении наблюдение и контроль за передвижением передавался от крепости к крепости.

«Традиционный Порфмий». Это поселение было обнаружено В. В. Веселовым 21 мая 1950 г., который ассоциировал его с поселением перевозчиков и рыбаков, древним Порфмием. Этой точки зрения придерживается и современный автор раскопок М. Ю. Вахтина. В качестве аргумента она приводит «прекрасный вид на окрестности и дороги, как сухопутные, так и морские»; «на южной части плато, на котором в древности располагался город, стоит створный маяк, на который ночью ориентируются паромы, идущие с другого берега пролива»; «более выгодное стратегическое положение»; «наличие пахотных земель и источников воды»; «в древности море подходило ближе и берег здесь удобен для строительства гавани» (Вахтина. 2010. С. 435).

Какие же существуют контраргументы? Вид в районе мыса Фонарь более живописен, и здесь скорее дело вкуса, который в систему аргументации включать не следует. Створный знак на плато предназначен не для ночного плавания, а является ориентиром для захода в порт, построенного в XX в. и для аргументации в локализации античного городища значения не имеет. Что касается стратегического положения, то каждое древнегреческое поселение основывалось с учётом решения той или иной стратегической задачи, и какое поселение находилось «в более выгодном стратегическом положении» ни в коем случае не может влиять на локализацию Порфмия.

Более подробно следует рассмотреть возможность устройства в районе «традиционного Порфмия» гавани. Как известно, в результате фанагорийской регрессии уровень Чёрного моря поднялся как минимум на 5 м. В результате этого произошло затопление низменных участков, размыв берегов и образование аккумулятивных форм – кос, перемычек-пересыпей. В Керченском проливе, соответственно, уровень был ниже, но, с учётом заиливания, береговая линия проходила на современной глубине с отметкой 3,5–4 м. Соответственно, береговая линия в районе современной переправы была восточнее на 400–500 м. Сегодня между «традиционным Порфмием» и постройками на берегу пролива находится заболоченная низина, с отметкой около 0. Кроме того, в низину врезаются три оврага, через которые происходит сброс дождевых и талых вод с площади около 50 км².

В верховьях оврага, расположенного к востоку от поселения, находится грязевая пучина, следовательно долина регулярно подвергалась и подвергается заиливанию. В результате образовался выступ, вдающийся в Керченский пролив. На время существования этого поселения (VI – середина I в. до н.э.) оно находилось на удалении от 1,1 до 1,3 км от побережья и портом быть не могло.

Ещё один контраргумент привела сама М. Ю. Вахтина: «произведения античных авторов, (упоминающие Порфмий), создавались после того, как античное поселение у села Жуковка, судя по археологическим данным, было оставлено жителями» (Вахтина. 2010). Самый ранний из них Страбон пишет, что Порфмий находился напротив Ахиллиона, в самом узком месте (*Strabo*, XI.2.6). Это же сообщает и Псевдо-Арриан (*Ps.-Arr. Periplus M. Eux.* 69, 70, 117). При наличии в восточной части полуострова нескольких крепостей, реально существующих в это время, маловероятно, что упоминалось поселение, брошенное более чем полстолетия назад.

Корректировка необходима и для определения хронологических границ «традиционного Порфмия»: исследователи датируют его основание второй половиной VI в. до н.э. Архаические слои выявлены не на плато, а на восточном склоне на площади 400 м², там же выявлена архаическая «оборонительная стена» длиной 12,8 м, толщиной 1–1,1 м, верхняя часть стены была сложена из сырцовых кирпичей (Вахтина, Виноградов. 2001). Подобные стены вряд ли могли быть оборонительными даже в VI в. до н.э., сложенные из бутового камня без связующего раствора, они не могли быть высокими, т. е. являлись стеной хозяйственно-жилого комплекса (как напр. – усадьба Андреевка Северная, поселение Южно-Чурубашское). Нет никаких оснований проецировать архаический дом на склоне на всё плато. В конце IV – начале III в. до н.э. население проживало в небольшой усадьбе к востоку от плато (Вахтина. 2003). Укрепленное поселение на плато возникло в конце первой трети III в. до н.э. О том, что это была именно единовременная, плановая акция свидетельствует не только регулярная застройка, но и наличие большого количества черепицы с надписью BASILIKH, что определяет принадлежность этих построек (не черепичных мастерских!) царскому двору.

Подобные поселения появляются по побережью Азовского моря и Чёрного моря, в это же время пустеет степная часть Керченского п-ова. После каких-то глобальных катаклизмов (войн, засухи, истощение земли, а скорее – всех вместе) население вынуждено искать пропитания и защиты на морском побережье. Соответственно, население близлежащего поселения в районе Парфения, а также «традиционного Порфмия», общими усилиями строят крепость и живут там до середины I в. до н.э.

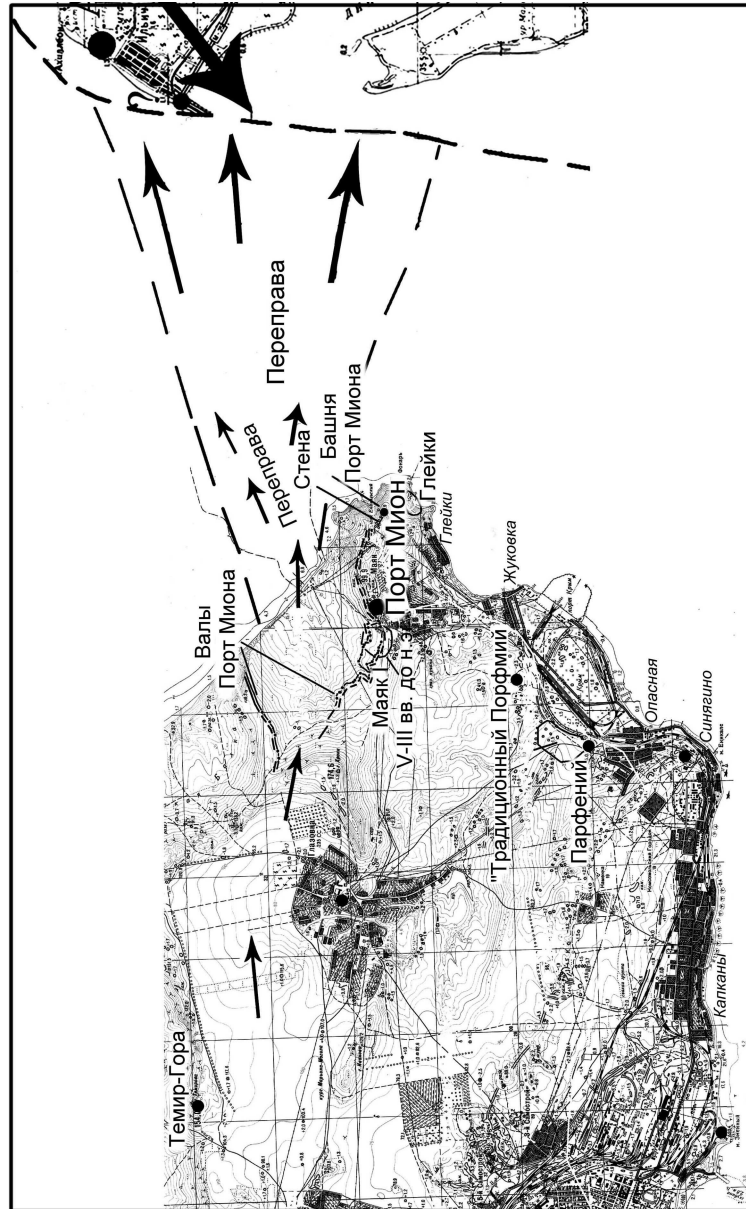

Рис. 2. Восточная часть Керченского п-ова с местоположением ледовой переправы и Порт Миона (Порфмия)

Что же касается т. н. Парфения, то разведками установлено, что площадь поселения (V – середина III в. до н.э.) составляет около 30 га, оно представляло собой деревню (по классификации И. Т. Кругликовой), состоящую из отдельно стоящих усадеб. На краю обрыва в районе современных построек (свинарников), находилось святилище – зольник. Около середины III в. до н.э. жизнь на поселении прекращается и только где-то в I в. до н.э. – начале I в. н.э. строится небольшая крепость, просуществовавшая до середины III в. н.э.

Не исключено, что это поселение на месте крепости Еникале и «традиционный Порфмий» – составные части одного укрепленного поселения III–I вв. до н.э.

Существует также ещё одно мнение Д. Браунда, который полагает, что Парфенион (Strabo, Ptolemy) и Порфмион/Порфмия/Порфмий (Anon., Stephanus) названия одного и того же пункта, но в различное время (Braund. 2009). Это мнение было бы интересно обсуждать, если абстрагироваться от археологических реалий, которые доказывают нам наличие как минимум двух центров, и поэтому логично предположить существование как Порфмия, так и Парфения.

Считаем совершенно справедливым замечание М. Ю. Вахтиной (2010. С. 436), что многие вопросы можно решить только при плановых масштабных археологических исследованиях памятников этого района.

Литература

- Болдырев. 1961 – *Болдырев В. Л.* История развития и современная динамика косы Чушка // Труды Института океанологии АН СССР. 1961. Т. 48.
- Вахтина. 2003 – *Вахтина М. Ю.* Материалы домашнего святилища из усадьбы близ Порфмия // БФ. 2003. Ч. 2.
- Вахтина. 2010 – *Вахтина М. Ю.* Порфмий // *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. СПб., 2010. Т. I.
- Вахтина и др. 1980 – *Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Рогов Е. Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонны миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4.
- Вахтина, Виноградов. 2001 – *Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А.* Ещё раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // БФ. 2001. Ч. 1.
- Веселов. 1959 – *Веселов В. В.* Разведки на Керченском полуострове // СА. 1959. XXIX–XXX.
- Дюбрюкс. 2010 – *Дюбрюкс Поль.* Собрание сочинений. СПб., 2010. Т. I
- Кислый. 2005 – *Кислый А. Е.* Поселение Глейки II – новые данные о «Боспорском феномене» // ДБ. 2005. Т. 8.
- Кислый. 2008 – *Кислый А. Е.* Почему поселение Глейки в Восточном Крыму требует археологического доисследования // Историческое Наследие Крыма. 2004. 8. = Памятники Крыма. Историческое наследие Крыма. 2008. 22–23.

- Колтухов. 2005 – *Колтухов С. Г.* Тузлинский историко-географический район Боспора Киммерийского в античную эпоху // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2005. Вып. 1.
- Федосеев. 1999 – *Федосеев Н. Ф.* Ещё раз о переправе через Боспор Киммерийский // АИБ. Керчь, 1999. Вып. III.
- Braund. 2009 – *Braund D.* Bosporan crossings: Porthmion, Parthenion, Akhilleion and Herakleion // ДБ. 2009. Т. 13.

З. В. Ханутина

Терракоты из погребально-поминальных комплексов Илуратского плато

В ходе многолетних археологических исследований на Илуратском плато были открыты, исследованы и доследованы после грабителей более 230 погребальных и поминальных комплексов, в основном локализующихся на трёх участках: скальном могильнике, расположенном к югу от городища Илурата; скально-грунтовым – к западу и юго-западу от первого; грунтовым могильнике – на противоположной северо-восточной части плато.

Среди вещевых находок – керамических и стеклянных сосудов, бусин, оружия, предметов и украшений из металла, кости, известняка, в основном датирующихся I–III вв. н.э., были и терракоты. Некоторые изделия коропластики, найденные на Илуратском плато, уже опубликованы (Кубланов, Хршановский. 1989. С. 18–20; Горончаровский. 2000. С. 255–257; Молева. 2008. С. 142–145; Ханутина. 2008. С. 139–141; и др.) В данной статье впервые предпринимается попытка обобщить и систематизировать сведения обо всех найденных здесь археологически целых терракотах, проследив на их примере соотношение греческих и варварских элементов, весьма характерное для коропластики Боспора в целом (см., напр.: Пругло. 1970. С. 117; Кобылина. 1961. С. 13; Денисова. 1981. С. 78–80; и др.).

Первые терракотовые фигурки, найденные на Илуратском плато за пределами городища, описаны в публикации результатов археологических изысканий 1947 г. отряда Ленинградского государственного педагогического института под руководством М. М. Кубланова. Так, в числе вещевых находок, обнаруженных на участке № 2 (нумерация участков М. М. Кубланова; восточный склон Илуратского плато), упоминаются «несколько фрагментированных терракот, из которых одна изображает торс женщины, задрапированный в одежды, другая – мужчину, положившего растопыренные пальцы на бедро». Автор датирует их римским временем и считает, что «по характеру глины и обжига, они, скорее всего, не импортные, а являются изделиями местного художественного ремесла» (Кубланов. 1948. С. 44).

При изучении одного из «каменных кругов» на участке № 3 также была найдена «фрагментированная терракота, изображающая сидящую женщину (может быть богиню Кибелу)» (Там же. С. 46). Исследователь относил материал, найденный на этом участке, к III–IV вв. н.э. Местонахождение этих находок в настоящее время неизвестно.

В 1972 г. на южном участке некрополя, при исследовании вырубного склепа № 24 была найдена терракота, изображающая скачущего всадника, – сюжет весьма распространенный в Северном Причерноморье (ГМИР. Ф. II. Инв. А-1189/135. Некрополь Илурата, вырубной склеп Н-24, 1972 г.).

В. И. Пругло в статье, посвящённой терракотовым статуэткам всадников на Боспоре, делит подобные изображения на два основных типа: всадник на мчащемся галопом коне и статичная фигура всадника на коне стоящем или идущем мерным шагом (Пругло. 1977. С. 177). Статуэтка, найденная на Илурате (высота 8 см), относится к первому типу. Позы всадника и коня динамичны: конь мчится галопом, голова вытянута вперёд, хвост продолжает линию тела и передних ног, вытянутых в прыжке. Всадник сидит на коне верхом, повернувшись вправо, правая рука поднята и согнута в локте так, словно он собирается метнуть копье. За спиной по ветру развеивается плащ. Статуэтка выполнена из двух форм, внутри полая, оборотная сторона заглажена. Фигурка исполнена схематично, детали не проработаны. Глина красная с белыми вкраплениями, тонкого помола, сверху покрыта светлой обмазкой. Утрачены часть хвоста и морды лошади, кисть руки всадника. Время и место её изготовления – I–II вв., Боспорское царство. Несколько таких статуэток было найдено в Пантикапее (Силантьева. 1974. С. 34–35, Табл. 46, 1–4; Кобылина. 1974. С. 53. Табл. 63, 7). Наиболее близкая аналогия из этих статуэток датируется тем же временем (Силантьева. 1974. С. 35. № 205. Табл. 46, 4). Помимо Пантикапея подобные статуэтки встречались в Фанагории (Кобылина. 1961. С. 119), в Феодосии (Кобылина. 1970. С. 82. Табл. 26, 4), на городище у с. Михайловка (Петерс. 1970. С. 114. Табл. 54, 7) и в других античных поселениях. Фрагменты ещё одной подобной терракоты, изображающей скачущего всадника, были найдены на юго-западном участке Илуратского плато в 2005 г. при раскопках склепа № 220 (хранится в фондах КИКЗ. НИ-05; К.о. 29).

Как отмечают М. М. Кобылина и В. И. Пругло, широкое распространение статуэток всадников на Боспоре на протяжении достаточно длительного времени (III в. до н.э. – II в. н.э.) связано с сарматизацией Боспора, постепенным уменьшением доли античных сюжетов в боспорской коропластике при сохранении и развитии типов, близких вкусам и религиозным представлениям «варварских» кочевых народов (Кобылина. 1961. С. 155 и далее; Пругло. 1977. С. 181–182). Выдвигая (справедливую на мой взгляд) гипотезу о связи статуэток

скачущего всадника с традициями населения Боспора, В. И. Пругло высказывает предположение, что истоки образа всадника могут уходить в киммерийскую эпоху, когда, наряду с культом Великой богини-матери, особым почитанием у синдо-меотских племён пользовался конный бог. Наиболее ранние изображения конного бога встречаются на изделиях торевтики конца IV – начала III в. до н.э. – серебряном ритоне из кургана Карагодеуаш и золотой пластине из Мерджан (Пругло. 1977. С. 181). Но при этом Пругло отмечает некоторое сходство терракотовой статуэтки, изображающей статичного всадника, найденной в Мирмекии и датированной первой половиной III в. до н.э., с греческими статуэтками, найденными на Родосе и в Коринфе, которое указывает на возможное заимствование этого типа из античного мира.

В свою очередь в античной коропластике прообразом конного всадника, возможно, являются архаические терракотовые статуэтки VI в. до н.э. из Беотии. Изображение всадника (часто неразделимо слитого с конём) являлось отражением греческого культа обожествления или героизации умершего. «В представлении греков конь был тесно связан с заупокойным культом, на нём герой совершал путешествия в загробном мире. По преданию, родоначальником беотийцев считался Беот, сын бога-коня Посейдона, покровителя коневодства, и Меланиппы, что в переводе с греческого означает «чёрная кобыла». Возможно, поэтому воплощение мёртвого героя в виде всадника особенно подходило местным мастерам» (Ходза. 2005. С. 10–11).

Исследователи (см., напр., Кобылина. 1986. С. 23) отмечали, что для античного искусства, в т. ч. и коропластики VI–IV вв. до н.э., наряду с поисками новых изысканных и выразительных форм, наблюдается стремление сохранять верность традиции, древнему архаическому образу. Возможно, уже по каким-то другим, «местным» причинам это проявлялось и в коропластике Боспора. Когда здесь угадывают классические античные традиции, образ всадника на коне оказывается близок номадам-кочевникам и продолжает вдохновлять коропластов (Силантьева. 1974. С. 36. № 225–228. Табл. 50, 2–4). И хотя эти статуэтки мало похожи на всадников эллинистического времени – грубо слеплены вручную, непропорциональны и примитивны, они тем не менее остаются в рамках того же сюжета, прошедшего через века. Возможно, в первые века нашей эры они обретают иной смысл, обусловленный варварским миропониманием, но в основе их прообраз неразделимо связанных человека и коня.

При большом разнообразии сюжетов и типов терракотовых статуэток, по-видимому, наиболее распространёнными на протяжении всей истории Боспорского царства являлись различные изображения женских божеств. На раннем этапе они, чаще всего, атрибутируются

как изображения Афродиты, Деметры и Коры, позже Артемиды и Кибелы (Кобылина. 1961. С. 29, 48, 57).

Среди терракот, найденных на Илуратском плато, представлены три основных типа изображения богинь, сложившихся ещё в архаический период (Там же. С. 26–33): стоящая богиня в длинной одежде и высоком головном уборе – калафе или стефане; богиня, сидящая на троне в торжественно-неподвижной позе, и протома – погрудное изображение богини, которое нередко изготовлялось односторонним для подвешивания или прикрепления к стене.

Истинной жемчужиной археологического собрания илуратских терракот является статуя (высота 62 см), изображающая античную богиню, стоящую в полный рост, возможно Деметру или Афродиту, культ которых был распространен в начале новой эры в Северном Причерноморье. По своим размерам и художественным достоинствам это одна из самых выдающихся терракотовых статуй, имеющихся в коллекциях музеев России (ГМИР. Ф. II. Инв. А-1234. Некрополь Илурата. Северный участок. 1984 г.). Она была найдена разбитой на крупные куски в тризне грунтового некрополя, расположенного на северном участке Илуратского плато (Горончаровский, Хршановский. 1986. С. 163–164; Кубланов, Хршановский. 1989. С. 18–19; Рис. 6; Хршановский. 2010. С. 605–606. Рис. 18, 1).

Богиня изображена в величественной, но естественной и свободной позе. Она опирается на скрытую складками одежды левую ногу, слегка развернув и согнув в колене правую. Лицо хранит холодное замкнутое выражение, симметрично завитые локоны уложены на прямой пробор. На голове у неё стефане, поверх которой накинута гиматий, прикрывающий плечи и спину; нижний край его, свернутый жгутом, переброшен через левую руку и живописными складками спускается ниже колен. Легкий хитон высоко подпоясан, из-под его края выступает носок обутой левой ноги.

Статуя отгиснута в форме, глина боспорская, красная. Наиболее близкая аналогия – голова терракотовой статуэтки Афродиты в стефане из Кеп (Николаева. 1974. С. 15. Табл. 10, 2), датируемая I в. до н.э. – I в. н.э., на основании чего можно датировать статую с некрополя Илурата тем же временем.

Определить имя богини, несмотря на выдвигавшиеся гипотезы (Кубланов, Хршановский. 1989; Горончаровский. 2000), ввиду отсутствия бесспорных атрибутов, не представляется возможным. В то же время не вызывает сомнений, что она выполнена по греческим образцам и является наиболее ранней из найденных на Илуратском плато терракот.

Тип сидящей на троне богини представлен на некрополе Илурата тремя находками. В южной части Илуратского плато, при раскопках склепа № 32 (единственного склепа с уступчатым сводом), была

найдена фрагментированная статуэтка Кибелы, сидящей на троне, высотой 15,5 см (Рис 1. 1, 2; ГМИР. Ф. П. Инв. А-1189/389. Некрополь Илурата. Н-32, 1972 г.). Богиня имеет высокий головной убор с покрывалом, спускающимся на плечи, хитон высоко подпоясан. В правой руке Кибела держит чашу, возле левой руки – вертикально расположенный тимпан, у ног лежит львёнок. Статуэтка оттиснута в форме, внутри полая, обратная сторона заглажена. Детали проработаны слабо. Глина красная с белыми и тёмными вкраплениями. Утрачены фрагмент торса, левое предплечье, часть покрывала. Близких аналогий статуэтка не имеет. Датируется приблизительно II–III вв. н.э.

Вторая терракота, изображающая сидящую богиню, была найдена в осыпи среди грунтовых могил I – начала II в. н.э. на северном участке Илуратского плато (КИКЗ. НИ-07. К.о. 12. Северный участок. Большой раскоп. Осыпь. 2007 г.). У богини, сидящей на кубовидном троне, непропорционально большая голова, лицо проработано слабо. Разделённые на пробор волнистые пряди спускаются на плечи. Сзади на волосы наброшено покрывало. Богиня одета в длинный хитон, из под которого видны ступни ног, обутой в сапожки или башмачки. В сомкнутых на талии руках богиня держит круглый предмет, вероятнее всего чашу. Статуэтка оттиснута в двухсторонней форме, полая внутри, на спине овальное отверстие. Высота 9 см. Глина светло-красная, грубоватая, в изломе серая с белыми включениями. На внешней поверхности – следы белой обмазки. Близких аналогий нет. Датируется приблизительно II в. н.э. (Молева. 2008. С. 145).

Третья находка представлена большим фрагментом типичной статуэтки (отсутствуют голова, левые плечо и рука), датируемой II–III вв. В правой руке богини – патера. Статуэтка внутри полая, внизу открытая. Глина боспорская, с белыми включениями (КИКЗ. НИ-05. К.о.36. Некрополь Илурата. Склеп № 220. 2005 г.). Наиболее близкая аналогия: Силантьева. 1974. С. 36. № 216. Табл. 48, 5.

Терракота была найдена в дромосе склепа № 220, второго (первым был склеп № 213) необычно крупного и фундаментального погребального сооружения юго-западной части илуратского некрополя. Его особенностями являются выдающиеся размеры, наличие двух камер и полуциркульный свод. Здесь же были найдены фрагменты статуэтки скачущего всадника (см. выше).

При раскопках камеры монументального склепа № 225 скально-грунтового некрополя на юго-западном участке Илуратского плато в 2008 г. была найдена хорошо сохранившаяся протома богини (утрачены нижняя левая часть плеча и груди). Богиня имеет высокий головной убор, напоминающем полос, украшенный тремя круглыми налестками. Сверху на полос накинута покрывало, обрамляющее овальное лицо с длинным узким носом. Богиня украшена серьгами в

виде двойных полушарий. Интересной особенностью является довольно чётко проработанное ожерелье с удлинёнными амфоровидными подвесками (Мордвинцева, Трейстер. 2007. Т. 2. С. 69). Глина боспорская, кирпичного цвета, грубая, с крупными белыми включениями, многочисленными кавернами и трещинами. Протома оттиснута в форме, имеет только лицевую сторону, внутренняя часть не обработана, видны отпечатки пальцев мастера. Высота 17 см. Полных аналогий не обнаружено. Датируется приблизительно II в. н.э. (КИКЗ. НИ-08. К.о. 23. Н-220. 2008 г.). Близкий иконографический тип: Силантьева. 1974. С. 36, № 215. Табл. 48, 4; Кобылина. 1961. Табл. XXXVII, 3; подробнее см.: Ханутина. 2008. С. 139–141).

Небольшой фрагмент ещё одной близкой по типу протома (плечо и грудь богини) был обнаружен при исследовании дромоса того же склепа (КИКЗ. НИ-07. К.о. 1. Н-220. Дромос. 2007 г.).

В первые века нашей эры на Боспоре (в основном среди городского населения) получают распространение новые типы культовых и ритуальных терракот: грубо вылепленные изображения богини, чаще всего – сидящей на троне, и разнообразные статуэтки служителей культа богини – жрецов или мистов (подробнее см.: Кругликова. 1966; Марченко. 1974). Фигурки вылеплены без соблюдения пропорций, руки сидящей богини обычно несоразмерно велики по отношению к телу, у других статуэток соотношение размеров тела, головы, рук и ног также нередко нарушено. В верхней и нижней части терракот, изображающих мистов, часто делались специальные отверстия, сквозь которые продевался стержень или шнурок для подвешивания глиняных ног и фаллоса (Марченко. 1974. С. 38; Сазанов. 1985. С. 19).

Фрагменты терракот такого типа неоднократно встречались в комплексах на Илуратском плато. Один из них был найден в 1972 г. на южном участке, в ходе раскопок ритуальной площадки (№ 23) со следами тризны. В толстом слое золы, оставшемся после большого погребального костра, среди многочисленных фрагментов керамики (преимущественно краснолаковых тарелок) и других предметов, была найдена кисть левой руки ритуальной терракотовой статуэтки, выполненной из коричневой глины, держащая чашу или лепешку (ГМИР. Ф. II. Инв. А-1189/257. Некрополь Илурата. Н-23. 1972 г.).

На том же скальном некрополе при исследовании двухкамерной катакомбы № 37 – одной из значительных монументальных построек этого типа – была найдена часть торса ритуальной терракотовой статуэтки с сохранившейся левой рукой. Колоколообразной формой торса фигурка напоминает статуэтку миста, на шее – крупный округлый амулет. Статуэтка оттиснута в форме, полая внутри. Глина плотная, мелкого помола, с сиреневым оттенком, покрыта светлой обмазкой (ГМИР. Ф. II. Инв. А-1236/9. Некрополь Илурата. Н-37. 1984 г.).

Рис. 1. Терракотовые статуэтки некрополя Илурата:
1, 2 – статуэтка Кибелы (прорисовка, фотография); 3 – погремушка (фотография)

Фрагменты ещё одной ритуальной терракоты – подвесные нога и фаллос, а также часть головы в характерном головном уборе с пятью выступами, были обнаружены также в тризне, но на противоположном – северном участке Илуратского плато. Они выполнены из коричневой, хорошо промытой глины с блёстками, мелкого помола. (ГМИР. Ф. II. Инв. А-1238/21а–в, 22. Некрополь Илурата. Северный участок. 1985 г.). Голова близкой по типу терракоты (миста) в таком же головном уборе была найдена при исследовании зольника Илуратского городища. В. Ф. Гайдукевич датировал её III в. н.э. (Гайдукевич. 1950. С. 202). Встречались на городище и другие ритуальные терракоты II–III вв.

Достаточно редкой находкой на Боспоре (всего около 10 экз.) является терракотовая погремушка-колыбель (Рис. 1. 3), обнаруженная на юго-западном участке Илуратского плато в 1988 г. в одном из детских погребений (№ 85). Погремушка (длина 11 см) выполнена из красной боспорской глины с обильными чёрными включениями. Она состоит из двух частей: нижней, имеющей форму полого полуцилиндра, и верхней – прямоугольной с двумя фигурными выступами на торцах и рельефным изображением лежащего обнаженного младенца (Амура?) со скрещенными ножками, поднятой вверх левой и опущенной вниз правой рукой. Под головой младенца, вероятно, находится подушка с бахромой по краям, переданной рядом параллельных черточек. Лицо не проработано. Внутри погремушки находились три шарика из глины с грубо обработанными неровными краями. (ГМИР. Ф. II. Инв. А-1252/62. Некрополь Илурата. Н-85. 1988 г.). Можно предположить, что погремушка, найденная в детском погребении, выполняла не только и, скорее всего, не столько роль игрушки, сколько оберега (шум погремушки должен был отпугивать вредоносные силы). Хочется отметить, что хотя могила датирована (по другим, находившимся в ней, артефактам) II–III вв. н.э., наша погремушка имеет сходство с гораздо более ранней погремушкой, найденной в Керчи, в земляной гробнице на горе Митридат, датированной V в. до н.э. (ГЭ. Инв. П-1853-56; Романовская. 1974. С. 163. Рис. 3, 1). В Средиземноморском регионе подобные погремушки-колыбельки появляются уже с VI–V вв. до н.э. На Боспоре они зафиксированы не ранее I в. н.э.

Всего на некрополях Илуратского плато с 1972 по 2008 г. было найдено (включая фрагменты) 42 терракотовых изделия. Среди фрагментов встречались детали статуй и статуэток, протом и масок.

Возможно, особенностью терракот, обнаруженных в погребально-поминальных комплексах Илуратского плато при сравнении их с терракотами, найденными на городище, является (при наличии общих типов) некоторое преобладание эллинского начала. Даже при варваризованных внешне формах, в них чаще просматривается

ориентация на античный эстетический идеал, угадываются античные корни, используется античная технология. При этом в погребально-поминальных комплексах пока не обнаружены примитивные, вручную вылепленные статуэтки II–III вв. найденные, напр., в домашнем святилище на городище Илурата (Шургая. 1986. С. 218. Рис. 1, 2).

Литература

- Гайдукевич. 1950 – *Гайдукевич В. Ф.* Боспорский город Илурат // СА. 1950. XIII.
- Гайдукевич. 1958 – *Гайдукевич В. Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // МИА. 1958. № 85.
- Горончаровский. 2000 – *Горончаровский В. А.* Терракотовая статуя женского божества из раскопок некрополя Илурата: Афродита или Фортуна? // ΣΥΣΤΙΠΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000.
- Горончаровский, Хршановский. 1986 – *Горончаровский В. А., Хршановский В. А.* У стен древнего Илурата // Ноосфера. Л., 1986.
- Денисова. 1981 – *Денисова В. И.* Корoplastика Боспора. Л., 1981.
- Кобылина. 1961 – *Кобылина М. М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагорин. М., 1961.
- Кобылина. 1970 – *Кобылина М. М.* Терракоты из Феодосии // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. САИ. Вып. Г1-11.
- Кобылина. 1974 – *Кобылина М. М.* Мастерские пантикапейских корoplastов // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1974. САИ. Вып. Г1-11. Ч. III.
- Кобылина. 1986 – *Кобылина М. М.* Роль традиции в греческом искусстве // Проблемы античной культуры. М., 1986.
- Кругликова. 1966 – *Кругликова И. Т.* О культе верховного женского божества на Боспоре во II–III вв. н.э. // Культура античного мира. М., 1966.
- Кубланов. 1948 – *Кубланов М. М.* Итоги археологических изысканий в районе дер. Ивановки (Керченский полуостров) в 1947 году // Записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1948. Т. 68.
- Кубланов. 1983 – *Кубланов М. М.* Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1983.
- Кубланов, Хршановский. 1989 – *Кубланов М. М., Хршановский В. А.* Некрополь Илурата: раскопки 1984–1988 годов // Проблемы религиоведения и атеизма в музеях. Л., 1989.
- Марченко. 1974 – *Марченко И. Д.* Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1974. САИ. Вып. Г1-11. Ч. III.
- Молева. 2008 – *Молева Н. В.* Терракотовая статуэтка сидящей богини из Илурата // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. СПб., 2008.
- Николаева. 1974 – *Николаева Э. Я.* Терракоты города Кеп // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1974. САИ. Вып. Г1-11. Ч. IV.
- Петерс. 1970 – *Петерс Б. Г.* Терракоты из городища у с. Михайловка // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. САИ. Вып. Г1-11.
- Пругло. 1970 – *Пругло В. И.* Терракоты из Илурата // Там же.
- Пругло. 1977 – *Пругло В. И.* Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура античного мира. М., 1977.

- Романовская. 1984 – *Романовская М. А.* Две терракоты из Ново-Отрадного // СА. 1974. № 1.
- Сазанов. 1985 – *Сазанов А. В.* Происхождение одной группы боспорских ритуальных терракот // КСИА. 1985. Вып. 182.
- Силантьева. 1974 – *Силантьева П. Ф.* Терракоты Пантикапея // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1974. САИ. Вып. Г1-11. Ч. III.
- Ханутина. 2008 – *Ханутина З. В.* Терракотовая протома из Илурата // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. СПб., 2008.
- Хршановский. 2010 – *Хршановский В. А.* Погребально-поминальные комплексы второй половины I – первой половины II в. н.э. на некрополе Илурата // ДБ. 2010. Т. 14.
- Шургая. 1986 – *Шургая И. Г.* Аграрная магия на Илурате // Проблемы античной культуры. М., 1986.

И. А. Тульпе, В. А. Хршановский

Новый комплекс хазарского времени на Илуратском плато

В 2009–2010 гг. в северной части Илуратского плато (около 15 км к юго-западу от современной Керчи) при исследовании грабительского шурфа было открыто сооружение, получившее порядковый № 228, с керамическим комплексом хазарского времени. Комплекс состоял из трёх сосудов: развала красноглиняной круглодонной амфоры с бороздчатым туловом, нижней части пифоса и впушенного в пол (материальный суглинок) лепного горшка. Возможно, к нему относилась и украшенная рифленным горизонтально-линейным орнаментом верхняя часть сосуда, сделанного на медленном круге. Помещение, в котором они находились, было (судя по всему, преднамеренно) до самого верха завалено (заложено?) камнями и щебнем, среди которых, преимущественно в нижнем слое, попадались и гладко отёсанные блоки известняка правильной формы (возможно, от разрушенного античного склепа), и известняковые алтарики-жертвенники.

Сооружение в плане представляло собой правильный прямоугольник, вытянутый в направлении ЮВ–СВ. Его размеры (по внутреннему контуру): длина – 4,6–4,7 м, ширина – 3–3,1 м. Толщина стен – 0,6–0,7 м, высота – 0,6–1,1 м (Рис. 1). В юго-восточной части сооружения был открыт (первоначально принятый за его стену) ряд из трёх состыкованных друг с другом, гладко отёсанных блоков известняка в форме «квадров» (0,25 × 0,25; 0,25 × 0,25–0,14; 0,26 × 0,18 м), длиной (от восточного угла к южному) соответственно – 0,7 м, 1,3 м и 0,85 м. В южной (на 0,08 м более высокой, чем северная) части последнего блока, стыкующегося с юго-западной стенкой, на верхней грани имелось чашевидное углубление (диаметр – 0,3 м, глубина – 0,1 м), в котором была обнаружена *in situ* ножка эллинистической синопской амфоры.

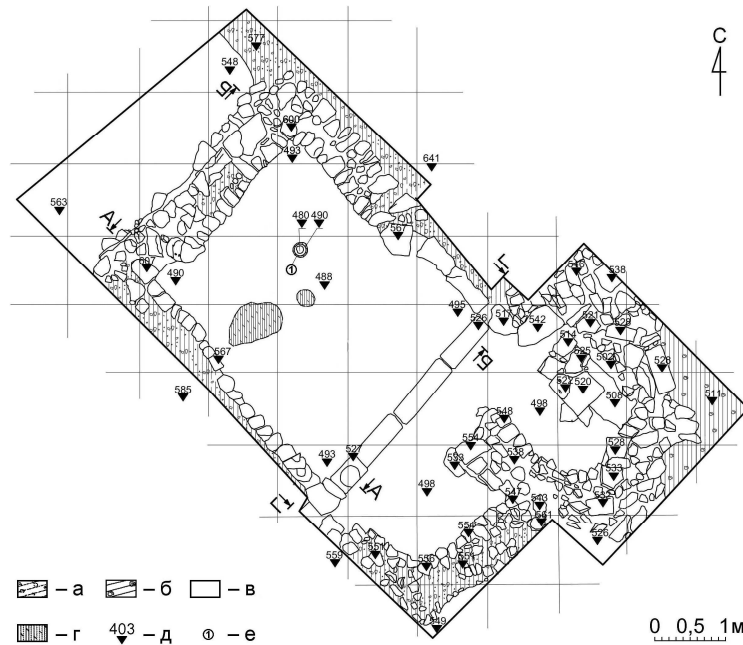

Рис. 1. Илуратское плато, сооружение № 228: сверху – общий вид с северо-запада; внизу – план. Условные обозначения: а – щебень; б – скопления раковин виноградных улиток; в – грунт заполнения (серый суглинок с включениями щебня и раковин улиток-виноградниц); г – грунт со следами жжения; д – высотные отметки; е – лепной сосуд с камнем внутри

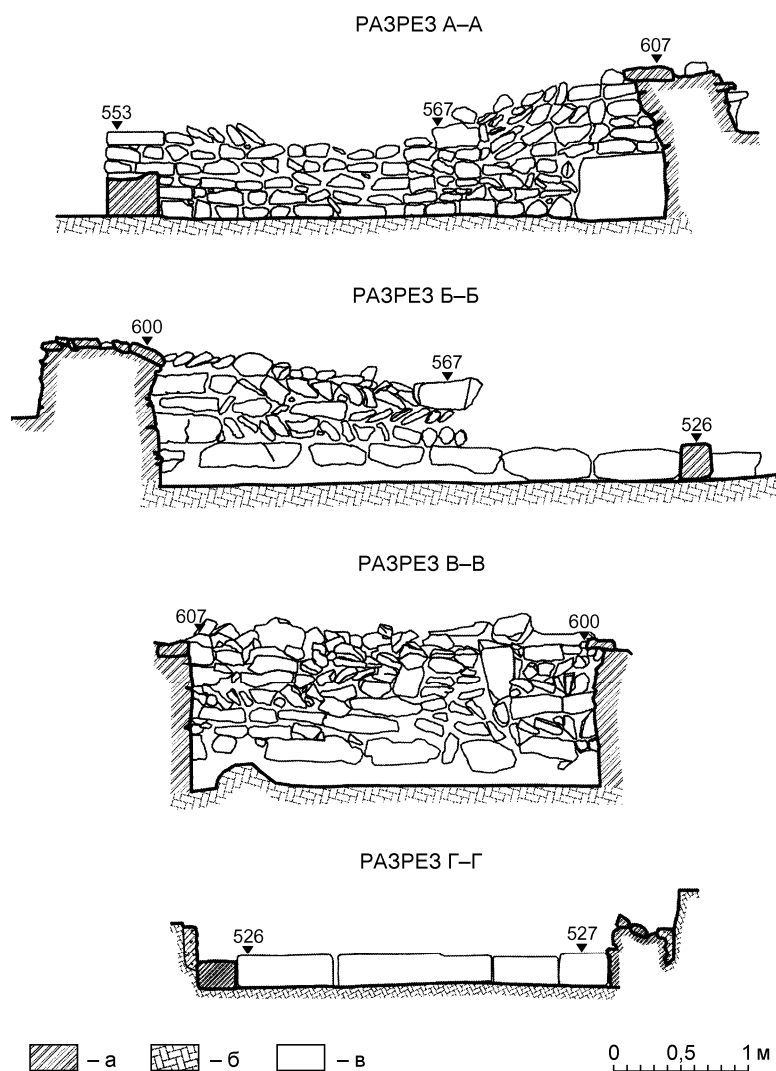

Рис. 2. Илуратское плато, сооружение № 228, разрезы и фасировка стен.

Условные обозначения: а – известняк; б – грунт; в – грунт заполнения (серый суглинок с включениями щебня и раковин улиток-виноградниц)

Три стены комплекса, в основном, были сложены из небольших плоских камней (Рис. 2). Цокольный ряд северо-восточной стенки образовывали шесть грубо обработанных плоских камней. Угловой

(восточный) камень имел длину 0,4 м, высоту 0,16 м и ширину не менее 0,2 м (уходит в северо-восточную бровку). Следующие за ним (с юго-востока на северо-запад) имели длину, соответственно, 0,6 м, 0,65 м, 0,55 м, 0,4 м, 0,4 м и 0,75 м при ширине не менее 0,3 м и высоте 0,16–0,2 м. Три небольших блока (длиной 0,4–0,5 м, высотой 0,1–0,2 м) были образованы и верхние ряды кладки этой стены в северном углу. Восточнее же, над нижними цокольными блоками прослеживаются четыре ряда кладки (высотой 0,45–0,6 м) из небольших плоских камней и плиток, поставленных под углом на рёбра, напоминающих кладку «ёлочкой». В северном углу стена сохранилась на высоту 0,9–0,95 м, в восточном (частично разрушенная современными грабителями) – на 0,6–0,7 м. Толщина её достигала 0,5–0,6 м за счёт двухрядной кладки.

Юго-западная стенка в западном углу сохранилась на высоту до 1,1 м, в южном – до 0,6 м. В отличие от противоположной (северо-восточной) она, за единичным исключением, не имела в основании блоков. Нижние пять рядов были аккуратно сложены постелистой кладкой (без перевязи) из небольших уплощённых (со следами подработки) камней-плиток, примерно одного размера (0,15–0,25 × 0,05–0,1 м). По нескольким плиткам в южном и западном углах можно предположить, что её верхний ряд (или ряды) также были надстроены в иной (более поздней) строительной технике – кладкой «ёлочка». Лишь в самом западном углу нижние ряды кладки заменял блок известняка, высотой 0,45–0,5 м, длиной не менее 0,7 м (уходит в северо-западную стенку). Над ним стена до самого верха была сложена, как и её основание, из небольших уплощённых камней-плиток. Толщина стены достигала 0,5 м, и, скорее всего, как и противоположная, была двухрядной.

Северо-западная стена, судя по всему, сохранилась полностью. На всём протяжении её высота составляет 0,95–1 м. Кладка этой стены отличается от юго-западной. В основание её были положены четыре грубо обработанных уплощённых камня, размером (с запада на север) 1,1 × 0,15–0,2; 0,55 × 0,15–0,2; 0,4 × 0,2–0,25 и 0,4 × 0,1–0,15 м. В западной половине стены второй и третий ряды образовывали уплощённые, грубо обработанные камни меньшего размера: от 0,25 × 0,05–0,1 м до 0,55 × 0,05–0,1 м. Над ними до самого верха шли ещё три ряда из более мелких плоских камней и плиток. В восточной половине, в верхней части кладки обращают на себя внимание два почти одинаковых подквадратных блока (0,3 × 0,35 м, толщиной 0,15–0,2 м), поставленных на рёбра как своеобразный «панцирь» поперёк стены. Пространство между ними, шириной 0,4–0,5 м, с самого верха до камней нижнего ряда было заложено плоскими плитками (размером от 0,1 × 0,05 м до 0,1 × 0,25 м). В северном углу расположение небольших плоских плиток между камнем цоколя стены, средним

и верхним горизонтально лежащими блоками также напоминает кладку «ёлочкой». Северо-западная стена, как и две предыдущие, была двух (или даже трёх) рядной, и толщина её достигала 0,6–0,7 м.

Как уже отмечалось, хорошая сохранность стен была обусловлена тем, что после последнего использования сооружение было преднамеренно до самого верха заложено камнями. По всей вероятности, наброска должна была перекрыть найденные под завалом камней в северо-западной части сооружения (кв. В–Д4–6), на уровне пола развала красноглиняной амфоры с рельефом по тулову, нижнюю половину пифоса и вкопанный в пол (кв. Д4) лепной горшок.

С достаточно большой долей вероятности можно предположить, что найденные в одном слое сосуды (амфора, пифос и лепной горшок) были использованы одновременно. Пифос и лепной горшок не дают узкую датировку, как и найденные в нижнем слое единичные фрагменты керамики. Самым надёжным хронологическим ориентиром является красноглиняная круглодонная амфора (реконструируемая высота – до 40 см, диаметр горла – 6–6,5 см; Рис. 3. 1). По своим размерам и типу (короткое горло, валикообразный венчик, овальные в сечении со сглаженным ребром на внешней стороне, ручки, прижимающиеся верхним концом к горлу под самым венчиком, сильно выраженная бороздчатость) она относится ко 2 варианту по классификации Якобсона и надёжно датируется VIII–IX вв. (Якобсон. 1979. С. 31. Рис. 13, 2, 4; см. также: Якобсон. 1959. С. 307–309. Рис. 161, 2; Плетнева. 1967. С. 129–130. Рис. 33, 1). Нижняя половина пифоса (Рис. 3. 2) не может внести коррективы в датировку комплекса.

В непосредственной близости от развала амфоры и в том же слое (над полом) была найдена верхняя часть кухонного горшка с резко отогнутым профилированным венчиком, горизонтально-линейным и линейно-волнистым орнаментом на тулове (Рис. 3. 3), которые часто встречаются на поселениях «салтовской» культуры (Плетнева. 1967. С. 105–106. Рис. 25, 4–7), но в не меньшей степени они характерны для Таврики VIII–IX вв. в целом (Якобсон. 1979. С. 60. Рис. 33, 1). Фрагменты такой керамики неоднократно встречались в ходе раскопок и в верхних слоях среди наброски камней и щебня. Помимо них кухонная гончарная керамика в грунте заполнения была представлена стенками красноглиняных сосудов (кувшинов) с туловищем, украшенным концентрическими кругами (иногда с бегущей волной) из светлого ангоба. Они также были распространены в Таврике в VIII–IX вв. (Там же. С. 62. Рис. 33, 3–6). В частности, красноглиняные сосуды с близким по типу орнаментом были обнаружены при раскопках Скалистинского могильника в комплексах того же времени (Веймарн, Айбабин. 1993. С. 190–192. Рис. 4, 7; 7, 10–12 и др.). Лепной горшок с яйцевидным туловом, слабо профилированным венчиком и плоским дном, впущенный в пол сооружения (Рис. 3. 4) находит аналогии

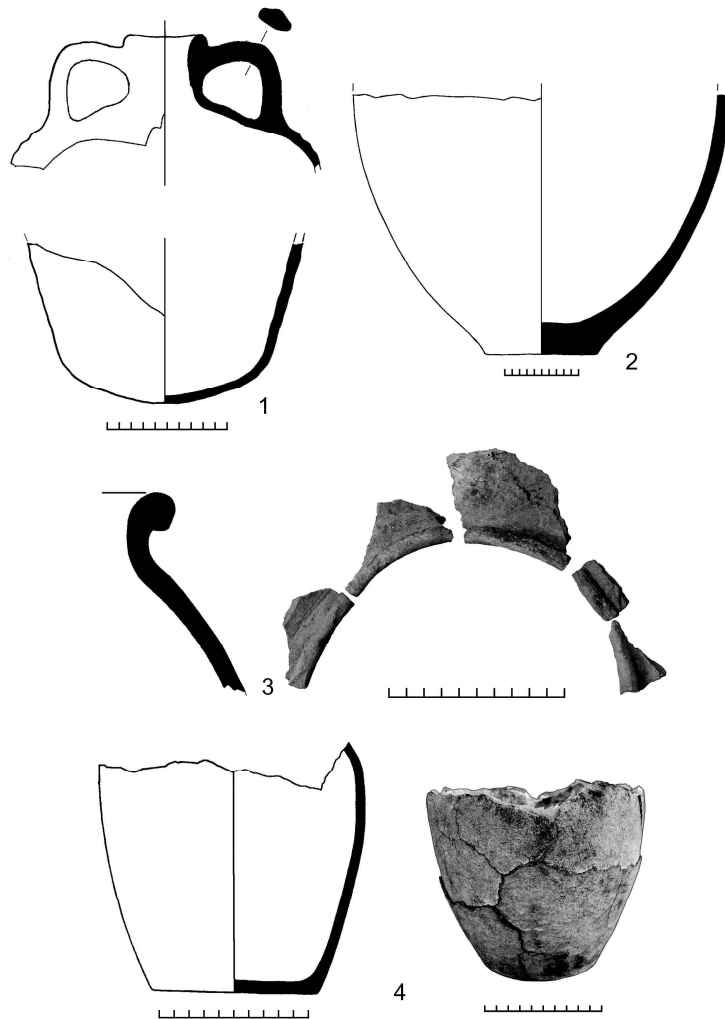

Рис. 3. Илуратское плато, сооружение № 228, комплекс керамики:
 1 – круглодонная амфора; 2 – нижняя половина пифоса; 3 – верхняя часть
 кухонного горшка с линейно-волнистым орнаментом; 4 – лепной горшок

в кухонной керамике салтовской культуры (Плетнева. 1967. С. 105. Рис. 25, 1–3) и датируется тем же временем (Там же. С. 104). По последним данным лепные горшки такого типа не выходят за середину IX в. н.э. и со второй половины столетия полностью преобладает кружальная керамика.

Соответственно VIII – первой половиной IX в. можно датировать последнее использование сооружения № 228. Тогда же, возможно, были подремонтированы некоторые участки стен при помощи строительных приёмов (панцирная кладка, кладка «ёлочкой»), характерных именно для этого времени.

В. Ф. Гайдукевич в ходе раскопок городища Илурата открыл помещения (№ 19 и 20) со стенами из плит, поставленных на ребро, в которых находились обломки сероглиняных горшков, сделанных на ручном гончарном круге и украшенных горизонтальными бороздками и гребенчатым волнистым орнаментом. Он связывал их с поселениями, появившимися на месте античного Илурата в VIII–IX вв. (Гайдукевич. 1958. С. 135–136). Следы их пребывания он обнаружил и за пределами городища, на прилегающей к нему территории внутри т. н. каменных кругов (Там же. С. 138). Позже следы этой культуры были зафиксированы М. М. Кублановым и в одном из «кругов» в юго-западной части плато. Однако, помимо средневекового, там имелся материал, датирующийся позднеантичным временем – III–IV вв. н.э. (Кубланов. 1983. С. 122. Прим. 17). Он же обнаружил в верхнем горизонте катакомбы № 19 следы кремации с развалами круглодонных амфор, датированных им VII–VIII вв. н.э. (Там же. С. 124–126. Рис. 13, 1–2). Ещё в одном «каменном круге», расположенном в северо-западной части плато, ближе к городищу, В. А. Горончаровским была открыта стенка, сложенная в «ёлочку», появившаяся, судя по всему, также при его вторичном использовании. Два подобных сооружения («святилища» № 67 и 161) с преобладающим позднеантичным материалом находятся в непосредственной близости от сооружения № 228. В одном из них (№ 67) находилась впускное погребение гуннского времени (первой половины V в. н.э.) (Хршановский. 1988. С. 16–27), что даёт *terminus ante-quam* для «каменных кругов» такого типа на Илуратском плато. Следовательно предположение В. Ф. Гайдукевича о том, что они служили основанием для средневековых юрт, не находит подтверждения.

По античному в своей основе, а не средневековому типу кладки можно предположить, что время постройки сооружения № 228 (так же как и исследованных «каменных кругов») – III–IV вв. н.э. В пользу этого говорят и встречавшиеся в каменной наброске профильные фрагменты позднеантичных амфор (розовоглиняных и поздних узкогорлых, светлоглиняных). Нельзя исключить, что и сооружение № 228, в свою очередь, было построено на месте другого, более раннего античного сооружения (склепа с полуциркульным сводом?), блоки от которого присутствовали среди камней и щебня. Возможно, уцелевшей его частью являются выделяющиеся среди всех остальных (размером, правильностью формы, тщательностью обработки) блоки, ограждающие сооружение с юго-востока.

В 2011 г. в прирезке к юго-востоку от ряда блоков была открыта юго-восточная часть сооружения (Рис. 1). Линии юго-западной и северо-восточной стен были прослежены, соответственно, на 2,2 и 3,5 м. Кладкой из небольших уплощённых камней, высотой до 0,6 м здесь было выгорожено пространство (1,5–2,2 × 4 м), разделённое на две части стенкой (1 × 0,9 м, высотой 0,4–0,5 м), вытянутой в направлении СЗ–ЮВ. Каждая из двух частей – южная (1 × 1,3 м) и северная (1,5 × 1,5 м) по отношению к продольной оси сооружения, производила впечатление сакрального помещения (своеобразной «апсиды»), предназначенного для совершения ритуальных действий. В пользу этого предположения говорили две фрагментированные тщательно обработанные прямоугольные плиты (0,45 × 0,6 м; алтари?), обнаруженные в первой, а также плитка правильной округлой формы (диаметр 0,25 м) и (алтарная?) конструкция из нескольких плит, среди которых выделялась плита подквадратной формы (0,5 × 0,6 м), во второй.

О возможном изначально «небытовом» назначении сооружения № 228 могут свидетельствовать как некоторые особенности конструкции: чашевидное углубление (алтарь (?)) на одном из блоков и более поздняя (отличающаяся по культуре кладки и выходящая за ширину первоначального сооружения) выгородка с двумя апсидами (?) и алтарными (?) плитами в юго-восточной части, так и наличие типологически близких поминальных комплексов (тризн из нескольких глиняных сосудов) в культуре хазарского времени (Плетнева, 1967. С. 85. Рис. 22, 3).

О вторичном его использовании (возможно, в том же качестве) также могут свидетельствовать особенности конструкции: отсутствие юго-восточной стенки; чашевидное углубление (алтарь?) на одном из блоков; сосредоточение керамических развалов в северо-западной половине сооружения; наличие типологически близких поминальных комплексов (тризн из нескольких глиняных сосудов) в культуре хазарского времени (Плетнева. 1967. С. 85. Рис. 22, 3).

Если верно предположение о том, что в северо-западной стенке был заложен входной проём, это могло быть связано с преднамеренной переориентацией комплекса в пространстве, что объяснимо в случае его ритуального назначения. Отсутствие каких бы то ни было следов длительного использования наводит на мысль о том, что оно, возможно, носило небытовой и нерегулярный характер. После завершения ритуальных действий использованные при (или для) их совершения амфора, пифос, кухонный горшок с горизонтально-линейным орнаментом, впущенный в пол лепной горшок и ножка эллинистической амфоры, лежавшая в чашевидном углублении блока, были преднамеренно и целенаправленно заложены камнями – дикарными и обработанными. При интерпретации этого сооружения

как жилого помещения такое действие не находит ни аналогий, ни объяснения.

Наконец, в слоях каменной засыпки есть «универсальные» вне-временные находки, маркирующие ритуально-поминальные комплексы: кости животных (лошади, коровы, овцы или козы и собаки), кремневые отщепы (см. об этом: Тульпе, Хршановский. 1997. С. 155–166), гранитные сколы, астрагал, яйцевидные гальки, плохо читаемый фрагмент терракотовой статуэтки, оселок и т. п.

Однако окончательно о функциональном назначении сооружения № 228 можно будет судить после дальнейших археологических исследований этого участка и поисков аналогичных комплексов в культуре позднеантичного и раннесредневекового Боспора.

Литература

- Веймарн, Айбабин. 1993 – *Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Скалистинский могильник. К., 1993.
- Гайдукевич. 1958 – *Гайдукевич В. Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // МИА. 1958. № 85.
- Кубланов. 1983 – *Кубланов М. М.* Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы // Научно-атеистические исследования в музеях: Сб. науч. трудов ГМИРиА. Л., 1983.
- Плетнева. 1967 – *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. 1967. МИА. № 162.
- Тульпе, Хршановский. 1997 – *Тульпе И. А., Хршановский В. А.* Кремни в погребально-поминальной обрядности античного Боспора // Боспор и античный мир: Сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 1997.
- Хршановский. 1988 – *Хршановский В. А.* Позднеантичные погребения на некрополе Илурата // Научно-атеистические исследования в музеях: Сб. науч. трудов ГМИРиА. Л., 1988.
- Якобсон. 1959 – *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. 1959. МИА. № 63.
- Якобсон. 1979 – *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

Н. И. Винокуров

Греко-варварское взаимодействие в Крымском Приазовье в римское время (по материалам некрополя городища Артезиан)

Многолетние раскопки некрополя городища Артезиан позволили получить большое количество новых сведений о погребальной и материальной культуре, обычаях и религиозных воззрениях военных поселенцев, жителей одной из царских крепостей в Крымском Приазовье. Время бытования некрополя укладывается в хронологические рамки одного из самых драматичных и интересных периодов развития Боспора – рубеж нашей эры – I–II вв. н.э.

За время исследовательских работ удалось полностью раскопать более 250 погребальных комплексов на площади 3280 м². Выборка полученных материалов довольно широка и вполне репрезентативна для дальнейшей работы по сопоставлению их с синхронными могильниками Европейского Боспора.

На изученных участках артезианский некрополь представляется довольно однородным. Среди погребальных сооружений некрополя преобладали прямоугольные грунтовые могилы (иногда с округлёнными углами) с заплечиками для установки каменного перекрытия из одной–четырёх каменных плит. Грунтовые могилы с подбоем в целом не характерны для некрополя. Всего найдено 15 таких могил. Ещё малочисленной плитовые гробницы, которых найдено 7. Детских захоронений в каменных саркофагах – 14. Подкурганных монументальных каменных склепов обнаружено 8. Могил с захоронениями собак – 4, с захоронениями лошадей – 15. Таким образом, как и на других боспорских могильниках, в целом преобладали грунтовые могилы, прежде всего – с каменным перекрытием, а подбойные могилы и земляные склепы – малочисленны. Преобладает труположение, кремации не выявлены.

Благодаря раскопкам широкими площадями удалось установить зависимость плотности расположения захоронений от социального ранга умерших, выделить в центральной зоне могильника несколько участков, отделённых друг от друга дорогами и дренажными каналами. Вполне допустимо, что эти участки отражают не только различные хронологические зоны освоения территории могильника, но и определённые социально-религиозные, родовые и не исключено – этнические различия в составе населения царской крепости.

Своего рода центрами притяжения или, правильней говоря, композиционного оформления некрополя, оказываются подкурганные каменные склепы – захоронения аристократической, наиболее зажиточной и родовой прослойки населения крепости. Такое выделение верхушки, погребаемой особым образом, является знаковым для традиционных обществ. Древние тем самым переносили бытовавшие социальные реалии, имущественную и, видимо, религиозно-этническую дифференциацию на представление о загробном существовании.

Эти погребальные сооружения отличаются размерами, конструктивными особенностями, различной ориентировкой по отношению друг к другу, но всегда долговременно использовались. Каменные склепы имели дромос и прямоугольную в плане погребальную камеру. Конструкция стен склепов и находки клиновидных камней в заполнении предполагают наличие полуциркульного свода, высотой от пола камеры не менее 2,2–2,6 м. Вероятно, склепы были перекрыты курганными насыпями. Они были хорошо заметны на поверхности,

что обусловило ограбление склепов ещё в античное время и частичную выборку их стен.

Склепы выступали сакральной и организационной доминантой некрополя. Это были коллективные усыпальницы, которые не только демонстрировали власть, богатство и доблесть умерших и их ещё живших родственников, но и устанавливали определённые правила упорядоченной Законом жизни, где земное и небесное находилось в определённом строгом взаимодействии. Именно вокруг склепов концентрируются остальные могилы некрополя, образуя своеобразные скопления.

При проведении астроархеологического исследования некрополя поселения Артезиан в качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предположение, что ориентация большей части погребений, ориентированных по осям ЮЮЗ–ССВ, ССЗ–ЮЮВ, связана с годовым движением Солнца, а именно, с зимним заходом и летним восходом последнего. Однако она не подтвердилась. Как показали измерения, генеральная ось группы захоронений ЮЮЗ–ССВ отклоняется на $29,5^\circ$ к западу от линии центрального меридиана. В этой точке в I–II вв. н.э., которыми датируются исследуемые погребения, Солнце не заходило и не восходило. Сказанное относится и к Луне, т. к. плоскость её орбиты наклонена лишь на 5° к плоскости эклиптики и этого значения недостаточно для видимого захода или восхода в указанных точках. Ориентация основной группы погребений в направлении $29,5^\circ$ к западу от центрального меридиана, видимо, была привязана к конкретному астрономическому моменту, а именно, к верхней кульминации Сириуса и Близнецов – созвездий-символов смерти и возрождения. Иными словами, кульминация в полночь зимнего солнцестояния этих светил была необходимым условием для ориентации генеральной оси погребений в указанном направлении, где в этот момент располагался астромифологический комплекс охоты, вероятно ассоциировавшийся с представлениями о божественной охоте после смерти. Эти представления сформировались не столько в среде населения Боспора, этническое разнообразие которого, несомненно, повлияло на синкретический характер его культуры, в т. ч. и погребальной, но прежде всего восходят к древнейшим космогоническим мифам, истоки которых следует искать в глубокой древности.

Вполне допустимо, что обнаруженные на различных участках некрополя компактные группы могил (скопления, кусты), действительно были погребальными участками близких родственников или социально-возрастных групп. Нельзя исключать, что здесь же могли хоронить людей, не объединённых родством с большинством захоронённых, – из зависимых категорий населения: домочадцев, слуг или рабов. Наличие разнообразного и богатого инвентаря в одних могилах и отсутствие его в других может свидетельствовать как

о социальной, так и религиозной дифференциации населения городища. В то же время не выявлены отдельные участки могильника сформированные по половозрастному принципу, с преимущественно детскими, женскими или мужскими (воинскими) захоронениями.

Как показывают материалы некрополя, стремление древних хоронить одновременно или с определёнными временными промежутками от трёх до пяти умерших в одной грунтовой могиле предполагает устойчивость, прочность и консерватизм родственных связей, являясь косвенным показателем преобладания малой семьи. Однако большее количество погребённых в склепах, возможно, свидетельствует о сохранении родовых (клановых) взаимоотношений в наиболее богатых семействах поселения.

Находки оружия в могилах, боевые прижизненные травмы, выявленные на костяках людей и лошадей – яркие проявления сложной военной ситуации на пограничной со степью боспорской территории. Однако в целом боевые травмы на костных останках погребённых на некрополе, как показывает исследования антропологов, довольно редки. Преобладали переломы конечностей – рук, ног, реже – рёбер и ключиц. Получены ли эти травмы во время боевых действий или во время повседневной обычной деятельности – определить невозможно. Только в некоторых бесспорных случаях, можно предполагать боевые ранения.

Присутствие в составе населения крепости определённого воинского контингента, по крайней мере военных поселенцев, часть из которых являлась всадниками, не вызывает особых сомнений. Нельзя исключать, что в составе гарнизона присутствовали отдельные воинские подразделения царской армии или наёмники. В этой связи не кажутся случайными находки фрагментов терракотовых фигурок вооружённых всадников и надгробной стелы с изображениями кавалеристов: Состибия, сына Диониса, и двух его сыновей – Дисака и Падафа.

Значительное преобладание в могильнике грунтовых гробниц с заплечиками и относительно малое количество других типов захоронений может, на первый взгляд, говорить о довольно однородном характере совершения погребальной церемонии. Но настаивать на этой версии преждевременно, пока в достаточной степени не изучены периферийные участки некрополя. Здесь чаще встречаются погребальные комплексы, которые выпадают из «общего контекста» захоронений некрополя. Так, в некоторых подбойных могилах выявлены следы погребальных ритуалов, связанных с посмертными манипуляциями с телом умершего: черепа умерших были намеренно размозжены. Судя по их состоянию, можно предположить, что удары по черепу наносили после смерти индивида непосредственно в могиле. Для этого использовался тупой, довольно тяжёлый предмет

с округлой ударной частью (комель шеста, основание дубины или нечто подобное). Голова при этом намеренно разворачивалась вправо, лицом на С или на ССЗ. Не исключено, что в данном случае зафиксирован обряд обезвреживания, бытовавший в погребальной культуре у какой-то сравнительно немногочисленной части населения городища Артезиан, практиковавшей захоронение близких родственников в нескольких подбойных могилах, имевших один общий входной колодец.

В непо потревоженных грабителями могилах преобладало трупоположение на спине, с вытянутыми вдоль корпуса руками и прямыми ногами. Иногда ноги покойных связывались (перекрещивались). Только одно погребение, скорее всего средневековое, совершено в позе «адорации» – на правом боку, с подогнутыми ногами, руки согнуты в локтях, пальцы рук, сложенные «в замок», находились перед грудью.

В погребениях, где кости были перезахоронены, погребальный обряд мог быть проведен по обряду «выставлений» – обычай, долгое время бытовавший у населения, близких к Боспору территорий. Кости после «выставлений» могли помещать в могилы в упакованном виде (в коробах, корзинах, ящиках и т. п.) вместе с обычными захоронениями или просто присыпать грунтом в неглубоких ямах. При этом они могли выглядеть компактным скоплением костей. На некрополе городища Артезиан в ограбленных могилах встречались подобные скопления костей, однако все они, как показывает стратиграфия, были связаны не с погребальным обрядом, а с позднейшим грабительским проникновением.

Неограбленные могилы без инвентаря (правильней говоря, без сохранившегося инвентаря) единичны. В основном это были подбойные захоронения. Скорее всего это не случайно, и их наличие отражает какие-то, пока ещё трудноуловимые этносоциальные или религиозные реалии.

При анализе погребальных комплексов артезианского некрополя обращает на себя внимание то, что детские погребения существенно отличаются от взрослых. Они расположены ближе к поверхности – почти под дерном, преимущественно в могилах с заплечиками и каменных саркофагах, а не в коллективных усыпальницах. Отличен набор и качество инвентаря, сопутствующего детским захоронениям. Присутствие в могилах небольших сосудиков для жидкостей (молока, вина или воды), как и глиняных или стеклянных инвентариев для благовонного масла – довольно типичное сочетание находок для детских захоронений. Не менее характерны для них разнообразные украшения, ожерелья, непременно, а может и обязательным элементом которых были изделия из египетского фаянса с плодородной символикой, металлические браслеты и фибулы.

Детские захоронения не образовывали компактные группы, как на некрополе Танаиса, а были рассредоточены по всей площади могильника. Обращает на себя внимание довольно чётко зафиксированная тенденция: стремление древних хоронить детей в непосредственной близости от могил взрослых родственников, а то и непосредственно в могилах. Вполне возможно, что речь идёт о вторичных захоронениях, совершаемых в могильные холмики или в могилы родителей или близких родственников.

Захоронения совершались как в саркофагах, гробах и на погребальных ложах, так и без них. В нескольких погребениях открыты десятки гипсовых налепов, раскрашенных чёрной, синей и розовой красками, с изображением круговых розеток, торса Деметры, Кору, головы Медузы-Горгоны, букrania – головы быка – ипостаси Диониса, головы льва – возможного символа Кибелы.

Представления военных поселенцев – жителей городища Артезиан – о посмертном существовании душ умерших нашло своё выражение в особенностях погребального обряда и наборе погребального инвентаря. В инвентаре непо потревоженных погребений встречались наборы краснолаковой посуды, включавшие в себя краснолаковые блюда, миски на круговом поддоне с клеймом *planta pedis* на внутренней поверхности, иногда в обрамлении одного–трёх кругов косых насечек, краснолаковые и стеклянные кувшинчики, стеклянные унгентарии. Для женских и детских погребений типичны наборы бус, бронзовые браслеты, серьги, колечки, остатки благовоний, косметических средств и опиума в деревянных шкатулках, для мужских – кинжалы, мечи, наконечники стрел, металлические детали одежды и экипировки. Размещение сопровождающего инвентаря, соответственно жертвенной пищи и питья, в могилах детей и взрослых для некрополя достаточно стандартно: преимущественно – в ногах погребённых, крайне редко – около головы. Украшения располагались в области головы (серьги и иглы-заколки для волос или головного убора), бусы (в области груди и шеи), браслеты – на запястьях рук, кольца – на пальцах. Детали одежды – металлические иглы-заколки для одежды и фибулы, части поясов, пряжки и застёжки от ремней на поясе и обуви.

Традиционным для античных некрополей первых веков нашей эры (артезианский не был исключением) являлось то, что умершего, на пути в страну мертвых, сопровождали керамические сосуды с питьём: вином, мёдом, водой или молоком, едой, обычно, представленной мясом на косточке или фруктами. Напутственную мясную пищу помещали в краснолаковую посуду, гораздо реже использовали для неё простую гончарную керамику. Применение лепной посуды в погребальной практике – единично. Она найдена только в детских захоронениях.

Важно отметить, что краснолаковая керамика являлась наиболее употребляемой при совершении тризн. Вполне возможно, что намеренно разбитые на мелкие обломки краснолаковые кубки, фиалы, тарелки и чаши, открытые в тризнах, привлекали древних красным цветом покрытия – символом жизни, крови и возрождения. Стоимость такой керамики была, надо полагать, выше, чем простой гончарной или лепной. Но близких и родственников умерших это не останавливало. Создаётся впечатление, что на совершении тризн и собственно погребений не экономили. К примеру замечу, что из всех захоронений только в одном случае зафиксировано помещение в могилу краснолаковой чаши с заведомым браком и в нескольких – сосудов, бывших в долгом употреблении, со сколами, потертостями и утратами.

На некрополе Артезиана были открыты и исследованы сопутствующие захоронения собак и лошадей, совершённые в овальных ямах неправильной формы. Лошади были погребены с железными псалями и пряжками, входившими в состав уздечного набора и упряжи. Планиграфически и стратиграфически они были связаны с наиболее богатыми воинскими могилами, со скоплениями погребений около каменных склепов, где покоилась наиболее родовитая часть населения городища Артезиан. Как правило, захоранивали одно животное, но в одну могилу б/2000 были положены три лошади и собака. Не исключено, что так опосредованно проявляется «близнецная» культовая традиция. Однако следует отметить, что захоронения лошадей и собак на некрополях и святилищах исследователи связывали с транспортировкой душ умерших в потустороннее пространство. Впрочем, в этих интерпретациях нет противоречия, т. к. мифологическая традиция, связанная с погребениями животных, многослойна и многозначна. Впрочем, и на других погребальных памятниках Боспора нередко встречались захоронения лошадей.

Для реконструкции представлений о потусторонней жизни важно следующее: лошади вполне готовы к движению: они сориентированы как к СЗЗ, так и к ЮВВ. Одни двигаются по направлению к стране мёртвых, другие – в сторону грядущего возрождения. Но поза лошадей не показывает их спящими, как представляется по первому впечатлению, напротив, – они находятся в пиковой концентрации движения – в прыжке или в полёте. Вот почему у них неестественно сильно подогнуты под туловище ноги, приподняты вверх шеи, а головы немного запрокинуты или обращены назад. Именно так, предельно динамично, передаётся движение на канонически закреплённых сюжетах рельефов, фигурок животных, изваянных в «зверином стиле». Это был именно небесный, космогонический полет, символизирующий путь души умершего человека, успешное попадание его в заданном направлении с помощью «небесного» животного, направлении, указанном и апробированном предками, героями и богами.

В какой-то степени его можно связывать с представлениями о великой небесной охоте и идеей возрождения.

В целом погребальный обряд некрополя Артезиан, сочетавший элементы преимущественно греческого и отчасти варварского происхождения, сходен с синхронными боспорскими могильниками, открытыми в Крымском Приазовье, например, в районе современных поселков Ново-Отрадное и Золотое. Полиэтническое происхождение местного населения при сходстве материальной культуры вряд ли вызывает сомнение. Преимущественно греческий (боспорский) облик материальной и духовной культуры населения городища очевиден, хотя намеренные прижизненные деформации на отдельных черепах взрослых заставляют думать о его смешанном этническом составе. В ряде случаев индивиды с деформированными черепами захоронены с соблюдением всех норм, присущих греческому (боспорскому) погребальному обряду. Человеческие останки с прижизненно деформированными черепами в научной литературе традиционно связываются с носителями негреческого происхождения. К сожалению, плохая сохранность антропологических материалов не позволяет достоверно определить наличие или отсутствие искусственной деформации на всех черепах. Однако в ряде случаев её признаки выявляются достаточно отчётливо. Обряд деформации не был строго привязан ни к социальному рангу индивида, ни к его происхождению, что, конечно, не исключает его приуроченности к какой-либо иной системе стратификации общества. Так, следует отметить, что все выявленные случаи деформации определены на мужских черепах. Частота и наличие по меньшей мере трёх вариантов искусственной деформации черепа среди населения городища в I–II вв. н.э., в основном греческого по материальной культуре и погребальному обряду, является необычным явлением.

Вполне вероятно, что следы искусственной прижизненной деформации могут быть выявлены у погребённых на многих античных некрополях Боспора (не только на некрополе Илурата и Артезиана), что вновь ставит вопрос об этнической атрибуции погребений с деформированными черепами и возможности вообще связывать данный обряд с каким-либо определённым этносом, а не с определённым маркером малоизвестной социальной стратификации боспорского общества.

На основании датировок погребального инвентаря основной массив погребальных объектов, выявленных на одиннадцати раскопах, относится к периоду I–II вв. н.э., более поздние объекты – единичны. Для понимания последовательности освоения территории некрополя и установления его разновременных участков важны случаи взаимного перекрытия или прорезания одних погребальных сооружений другими. Но не исключено, что выявленные случаи прорезания

появились в результате захоронения родственников на «семейных» участках.

Датировка первой хронологической группы могил на некрополе – не позднее первой трети – середины первого века нашей эры. Их появление следует связывать с населением крепости до её тотального разгрома в начальный период боспоро-римской войны в 44/45 гг. н.э.

Вторая группа могил формировалась на протяжении достаточно долгого временного промежутка на границе I–II вв. н.э. За этот период на исследованном участке некрополя образовалось несколько скопления гробниц вокруг каменных склепов. Показательно, что склепы явились «центрами притяжения» могил этой хронологической группы. Некоторые гробницы прорезали друг друга. Видимо, они соответствуют наиболее благополучному и интенсивному периоду жизни городища, росту различных групп нового (?) населения крепости, результатом чего явилось сравнительно высокая плотность размещения могил.

Погребения третьей группы появились на затронутых раскопками участках некрополя одними из последних: не ранее середины – второй половины II в. н.э. Это было время стабильного и спокойного развития городища, закончившегося в середине – конце второго века нашей эры в связи с возникновением какой-то внешней угрозы, что привело к серьезной реконструкции пришедших в ветхость оборонительных сооружений и городища в целом.

По материалам некрополя первое массовое ограбление наиболее значимых погребальных сооружений прослеживается после сейсмической катастрофы середины – второй половины III в. н.э. Возможно, в этот период произошла и смена основного состава населения, по крайней мере, фиксируются существенные изменения в строительных традициях и материальной культуре городища Артезиан.

В. Г. Зубарев

К вопросу о западной границе Боспора во второй половине IV – начале V в. н.э.⁵⁹

Вопрос о границах Боспорского царства в различные периоды его истории чрезвычайно сложен ввиду отрывочности имеющихся в нашем распоряжении источников. Тем более интересно в этой связи письменное свидетельство, дающее указание на западную границу Боспора в позднеантичный период.

⁵⁹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 10-01-00161а «Античный Боспор и археология: историко-культурные реконструкции на археологическом материале».

Такое свидетельство имеется в повествовании о крепости Херсон Константина Багрянородного, где в третьем эпизоде говорится об установке пограничных знаков в месте под названием Кафа, а в четвёртом эпизоде – аналогичных знаков «в Кивернике, далеко от страны херсонитов».

В своё время мы уже высказывали предположение, что за приукрашенным и насквозь мифологизированным повествованием Константина Багрянородного стоят какие-то реальные события в истории Боспора. В частности первый эпизод можно было бы связать с действиями римских войск и борьбой Тейрана с остатками участников похода 275–276 гг. (Зубарев. 2006. С. 189–190).

Второй эпизод более конкретен и несколько отличается по характеру как от первого, так и от последующих эпизодов, прежде всего тем, что основные действия развиваются за пределами Крыма, на Истре. Это обстоятельство позволяет сопоставить данный эпизод со свидетельством другого античного историка Зосима (*Zosim.* II. 21).

Согласно этому источнику сарматы, живущие у Меотийского озера под предводительством царя Равсимода, переправившись через Истр, вторглись в римские земли и были разбиты Константином. Причём среди прочих был убит и Равсимод.

Место действия то же, однако варваров разбил сам Константин, а не откликнувшиеся на его просьбу херсониты. Что касается гибели сарматского царя, то весьма любопытен в этой связи четвёртый эпизод Херсонского повествования, в котором очередной Савромат гибнет в мифическом личном поединке с протевомом страны херсонитов Фарнаком. Между этими событиями произошло столкновение в местности Кафе и установление соответствующей границы с Боспором (третий эпизод).

Вряд ли описываемые события сильно расходятся во времени. Скорее всего, они произошли в конце первой четверти IV в. н.э. и непосредственным их результатом стало изменение западных рубежей Боспорского царства.

За доказательствами нашего предположения обратимся к данным археологии.

В период экспансии Боспора в западном направлении (I–II вв. н.э.) по линии Узунларского вала были построены хорошо укрепленные поселения, служившие, по нашему мнению, опорной базой для продвижения боспорян на запад. В ходе варварских походов все они подверглись разрушению, и некоторое время находились в запустении. На городище «Белинское» в северной части Узунларского вала восстановительные работы были осуществлены при Фофорсе и Радамсаде в конце III – начале IV в. н.э. Одновременно осуществлялась реконструкция цитадели и оборонительных стен Киммерика в южной части вала (Голенко. 2007. С. 184). В. К. Голенко считал возможным

связывать эту реконструкцию с изменением боспорских границ после поражения Боспора в третьей боспоро-херсонесской войне (Там же). Однако такие масштабные работы вряд ли возможны были после поражения. Скорее следует говорить о возобновлении экспансии Боспора на запад по аналогии с первыми веками.

По-видимому, на начальном этапе продвижение в западном направлении было вполне успешным, однако завершилось оно компромиссным решением по границе в районе Кафы (эпизод третий). Вторая попытка оказалась менее удачной, и это весьма пагубно отразилось на городище «Белинское».

Анализ археологического материала позволяет довольно точно определить дату разрушения.

Речь идёт о находке двенадцати статеров Фофорса и Радамсада, обнаруженных на дне хозяйственной ямы 7 внутри помещения 5 на северном участке городища. Поскольку монеты были найдены на самом дне ямы, они могли попасть туда только тогда, когда она ещё была пуста или в процессе засыпки. Следует также иметь в виду, что на момент разрушения помещения 5 яма уже была засыпана (Юрочкин, Зубарев. 2001. С. 455–456). Анализ всех материалов из ямы позволяет прийти к выводу о дате заполнения ямы не позднее рубежа первой и второй четверти IV в. н.э. (Там же. С. 465). Определение монет, найденных в яме, осуществлялось до их реставрации. В настоящее время установлено, что датой выпуска наиболее поздней монеты в комплексе является не 322 г. н.э. (Там же. С. 466), а 318 г. н.э. Радиоуглеродный анализ кусочков древесного угля из слоя пожара, синхронного времени разрушения помещения 5, в качестве наиболее вероятной даты показал конец первой четверти IV в. н.э. А в слое, перекрывающем строительные остатки этого времени, найдена монета Рескупорида VI 322 г. н.э. Таким образом, заполнение ямы произошло в интервале между 318 и 322 г. н.э.

Это обстоятельство важно не только для установления хронологии отдельных категорий находок, но и для понимания тех исторических процессов, которые протекали на Боспоре в этот период. Мы уже связывали разрушения конца первой четверти IV в. н.э. с событиями, упомянутыми у Зосима (Зубарев. 2005. С. 126–127). Анализ монетных находок лишней раз подтверждает правильность такой интерпретации событий. Отметим также, что именно на это время приходится и совместное правление Радамсада и Рескупорида VI. Соправительство царей на Боспоре, как правило, было связано с угрозой нависшей опасности (Фролова. 1997. С. 135) или с проведением активной внешней политики (?).

Прямым следствием этого поражения стало уничтожение оборонительных сооружений по всему периметру городища. На одном из участков северной линии оборонительной стены были обнаружены

большие блоки жёлтого ракушечника, некогда составлявшие кладку стены. Эти блоки были буквально свалены вниз. Их методично разбирали до самого фундамента, а остатки фундамента были засыпаны бытовым мусором. Больше оборонительные стены по периметру городища не восстанавливали, хотя жизнь здесь продолжалась ещё целое столетие.

На наш взгляд, именно это уничтожение фортификационных объектов городища подтверждает изменение западной границы Боспора. Возможно, здесь оставалась какая-то сторожевая башня или небольшая цитадель, подобно той, что имела место на Опуке (данные магниторазведки позволяют сделать такое предположение), однако больше городище уже никогда не возрождалось в прежнем статусе. И заключительная фраза четвёртого эпизода 53 главы Константина Багрянородного вполне этому соответствует – «с тех пор, впрочем, царство савроматов в Боспоре было уничтожено».

Таким образом, в конце первой четверти IV в. н.э. западная граница Боспорского царства проходила по Узунларскому валу и сохранялась в таком виде, по крайней мере, до первой четверти V в. н.э., когда городище было окончательно заброшено.

Литература

- Голенко. 2007 – *В. К. Голенко*. Древний Киммерик и его округа. Симферополь. 2007.
Зубарев. 2005 – *В. Г. Зубарев*. К вопросу о периодах дестабилизации на Боспоре во второй половине III – начале V веков н.э. // VI БЧ. 2005.
Зубарев. 2006 – *В. Г. Зубарев*. Из истории Боспорского царства во второй половине III – начале V в. н.э. // БИ. 2006. Вып. XI.
Фролова. 1997 – *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора. М., 1997. Ч. II.
Юрочкин, Зубарев. 2001 – *Юрочкин В. Ю., Зубарев В. Г.* Комплекс с монетами IV в. из раскопок городища «Белинское» // ДБ. 2001. Т. 4

Н. Н. Болгов, М. Л. Рябцева, А. М. Болгова

Ещё раз о Саваге – магнате из Китея (V в.)⁶⁰

В исследовании боспорской истории до сих пор почти неразработанной остаётся просопографическая и биографическая тематика. За небольшим исключением нет специальных работ, которые были бы посвящены отдельным персоналиям истории Боспора. Вдвойне это относится к позднеантичному периоду (Болгов, Красникова. 2010).

⁶⁰ Работа подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., Госконтракт ПЗ22 «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия».

Материалы к биографии боспорского магната V в. Савага уже были предметом рассмотрения в литературе (Виноградов. 1998; Храпунов. 2002), как и попытки её реконструкции. Но тем не менее к этой биографии, по нашему мнению, можно предложить ряд уточнений. Если принять дату надписи царя Дуптуна (КБН 67) за 502/503 г., предложенную нами ранее (Болгов. 2006. С. 90–101), то получится несколько иная и наиболее непротиворечивая, по нашему мнению, картина.

Упоминание в датированных боспорских надписях V в. № 2 («дуптуновской») и 3 («таманской») одного имени – Савага (хотя в первом случае – Сеавага; такое прочтение Ю. Г. Виноградов опускает, не комментируя, и использует прочтение Саваг), во втором случае – Савагаска) в принципе не противоречит близкой датировке этих надписей (надпись № 3 здесь хронологически привязывается Виноградовым к надписи № 2 именно на основании употребления одного и того же имени знатного боспорянина). Но имена здесь не стопроцентно совпадают, хотя в надписи № 3 возможно и чтение Савагас.

В этой связи ещё раз необходимо напомнить о не столь значительном (скорее всего, чисто фонетическом) отличии имени Савага из керченского склепа 491 г. (как и из таманской надписи № 3, и из царской надписи № 2) от имени Забага из китейского склепа (КБН 944). Скорее всего, китейский Забаг жил несколько ранее керченского Савага (Ермолин, Юрочкин. 2008. С. 51–72).

Китейский Забаг, по чтению Ю. Ю. Марти и В. Ф. Гайдукевича, имел патронимик – сын Тасия. Поэтому он, конечно, не идентичен другому Савагу, сыну Аристора из надписи № 4 (478/479 г.), который жил, скорее всего, позднее китейца. Других принципиальных различий с остальными надписями с именем Савага, кроме указанных хронологических – нет. От отождествления китейского Забага с его почти тезками мы воздержались бы в первую очередь в силу убедительного хронологического разрыва.

В свою очередь, независимо от хронологии, ещё раз укажем на то, что имя китейского Забага и имя Фаиспарты с филактерия из-под Акры (надпись № 5а) найдены в одной территориальной микроне – юго-восток европейского Боспора (район города Китея) – и относятся к одной исторической эпохе – позднеантичному Боспору. И этот факт нуждается в особом осмыслении, поскольку в керченском склепе 491 г. была похоронена пара с теми же именами – Саваг и Фаиспарта. Принадлежность к одному «знатному семейству», клану, роду в истории обычно может быть прослежена, в т. ч. и по лингвистическим корням, антропонимике, к чему Ю. Г. Виноградов отнесся скептически. Так что, по нашему мнению, связь между местной, локальной аристократией и столичной знатью позднего Боспора

всё же существовала, пусть вышеуказанное предположение весьма хрупко.

Что же касается реконструированной Ю. Г. Виноградовым на таком материале биографии боспорского вельможи Савага, сына Аристона, то в ней всё же остаётся ряд узких мест. Если с отождествлением Савага, сына Аристона (надпись № 4), и Савагаска из надписи № 3 всё же можно согласиться, при отождествлении имён из надписей № 5а и 5 (по давней уже традиции), то Саваг (или Севаг) из надписи № 2 («дуптуновской»), как и сама её датировка 483 годом, оказываются под сомнением в силу замечаний общеисторического характера.

Итак, Саваг, сын Аристона (как следует из надписи № 4 по Ю. Г. Виноградову) в 478/479 г. «недавно приобрел» участок рыбопромысловых угодий в районе Гермонассы. *Комит* Саваг известен также на Тамани (тот же район Гермонассы) и из надписи христианфиаситов КБН 1099 (без даты, но шрифт и контекст V в., по мнению В. П. Яйленко). Знатный вельможа Саваг был похоронен в 491 г. с женой Фаиспартой в столице – Пантикапее. В районе Акры – Китея был найден филиктерий (амулет) того же времени с именем Абрагадзы – дочери Фаиспарты (надписи № 5а на пластинках филиктерия вообще не датированы, но в литературе существует хронологическая привязка этих надписей к надписи № 5 из склепа 491 г. на том основании, что в них упоминается одно и то же имя, а также христианского характера надписи; с этим можно согласиться) (Яйленко, 2005). Надпись царя Дуптуна упоминает сына *протевона* (В. В. Латышев) или *комита* (Н. И. Храпунов) Савага; этот сын (Атгас) – сам протокомит (глава сельского округа). Датировка дуптуновской надписи 502 годом делает упоминание здесь сына Савага, уже сделавшего карьеру, более логичным (сам Саваг умер в 491 г.), чем в 483 г. Наконец, в китейском склепе IV в. упоминается Забаг (Саваг), сын Тасия. От прямого отождествления китейского Забага с его почти тезками мы воздержались бы. Тем не менее, «родовыми землями» клана Савагов, носивших одно и то же (или почти одно и то же) имя, должен считаться всё же район Китея – Акры (три упоминания), а не Гермонассы (два упоминания), где Саваг Аристонов лишь *приобрёл* владения и, очевидно, лишь поэтому стал здесь влиятелен. Такие совпадения вряд ли случайны.

Итак, китейский магнат Саваг на царской службе сохраняет свои родовые владения и приобретает новые в другой, азиатской части Боспора. В самое «тёмное» время «протектората» гуннов-утигуров над Боспором (последняя четверть V в. – начало VI в.) государство здесь сохраняется, но опирается оно на «сильных людей», местных магнатов, женившихся на своих землячках (Фаиспарта), делавших карьеру в столице или там, куда их назначал царь (Гермонасса), христиан

по вероисповеданию, но с очень эклектичным мировоззрением, полных магических представлений. За родовыми землями на период их отсутствия «присматривали» наследники (дочь Абрагадза).

Считать такое государство сильным и самодостаточным в духе византийского этатизма (Ю. Г. Виноградов) вряд ли возможно. Стержнем континуитета и сохранения традиций на Боспоре были в большей степени локальные микрзоны и консервативный уклад жизни на протяжении тысячелетия, а также кланы местной знати, в силу античных традиций ещё привязанные к государству, которое было необходимо хотя бы как символ и гарант сохранения традиции.

Таким образом, «боспорский феномен» тысячелетнего самостоятельного существования на периферии ойкумены, в т. ч. вне универсальной империи античного мира, сложно организованного античного локального потестарного сообщества приобретает наиболее своеобразные черты именно в период поздней античности, накануне включения в состав Византии в 20–30-е гг. VI в., что видно, в т. ч. и по материалам к биографии Савага.

Литература

- Болгов. 2006 – *Болгов Н. Н.* Ещё раз о Боспоре на рубеже V–VI вв. // Ирснона. Античный мир и его наследие. Белгород, 2006. Вып. 3.
- Болгов, Красникова. 2010 – *Болгов Н. Н., Красникова Е. А.* Позднебоспорские портреты. Белгород, 2010.
- Виноградов. 1998 – *Виноградов Ю. Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1.
- Ермолин, Юрочкин. 2008 – *Ермолин А. Л., Юрочкин В. Ю.* «Склеп Савага» на Европейском Боспоре // Херсонесский колокол. Симферополь, 2008.
- Храпунов. 2002 – *Храпунов Н. И.* К дискуссии о «Надписи Дуптуна» // БФ. 2002. Т. 1.
- Яйленко. 2005 – *Яйленко В. П.* Магические надписи Боспора // ДБ. 2005. Т. 8.

А. В. Зинько

Этноконфессиональный состав населения боспорского города Тиритаки в V–VI вв.

В первые века боспорский город Тиритака являлся довольно значительным боспорским центром рыбозасолочного дела и виноделия (Зинько. 2006). Основная масса горожан были потомками прежнего боспорского населения – «боспорцы-боспоряне», в основе которого был греческий этнический и культурный компонент. Пережив, в отличие от других городов европейского побережья Боспора Киммерийского, варварские нашествия второй половины III–IV в. Тиритака в последующие два столетия продолжала играть существенную роль в истории Боспорского царства.

На рубеже IV–V вв. возле границ Боспора появляются гунны. Абсолютную дату вторжения новых кочевников на территорию Боспорского царства исследователи, как правило, определяют по археологическим материалам. В боспорских городах с гуннским нашествием ранее связывали слои разрушений и пожаров, датированные В. Ф. Гайдукевичем по археологическим керамическим комплексам концом IV в. (Гайдукевич. 1952. С. 105–127, 133, 134). Однако, по мнению А. И. Айбабина, такая керамика типична для комплексов V–VII вв., а названные слои разрушений должны датироваться не 376 г., а не ранее конца VI в. (Айбабин. 1999. С. 57). Опираясь на уточненную хронологию захоронений кочевников, археологических комплексов боспорских городов и поселений, А. И. Айбабин предположил, что гунны появились в Восточном Крыму уже после своего утверждения в Северном Причерноморье – на рубеже IV–V вв. или в самом начале V в. Племена гуннов вошли на Крымский п-ов с севера и захватили крымские степи вместе с западной частью европейского Боспора, разрушив город Феодосию. Впоследствии они использовали данный регион для сезонного выпаса скота (Там же. С. 73, 77). Однако сведений о том, насколько гунны вмешивались во внутренние дела Боспорского государства в конце IV – первой половине V в., пока нет.

Неизвестно насколько действительно мирным было для Боспорского царства новое вторжение гуннских племён во второй половине V в. Так, Прокопий Кесарийский сообщает, что «утигуры одни завладели страной, не доставляя римлянам никаких затруднений, т. к. по месту жительства они совершенно не соприкасались с ними» (*Procopius*. Р. 18–20). Однако некоторые исследователи полагают, что Боспорское государство было захвачено гуннскими племенами и оставалось под гуннским протекторатом, по крайней мере, до начала VI в. (Амброз. 1992. С. 71).

Города и поселения востока европейской части Боспорского царства и сама столица не пострадали ни во время вторичного гуннского вторжения на полуостров, ни после захвата ими крымской степи и примыкавшего к Феодосии региона. Археологические комплексы V – начала VI в. исследованы в боспорских городах Тиритаке, Китее, в Зеновом Херсонесе, а также в сельских поселениях (Масленников. 1990. С. 156–167).

Интересные материалы о жизни и этно-конфессиональной принадлежности городского населения Боспорского царства в V в. получены в ходе исследования Тиритаки. Так, в центральной части этого боспорского города раскопано несколько достаточно больших городских усадеб, которые частично перестраиваются в середине – второй половине V в. (Зинько. 2008. С. 333). Здесь же, на границе двух кварталов, на протяжении нескольких столетий функционировало

святилище, которое было окончательно заброшено не позднее середины V в. Неоднократные перестройки уничтожили большую часть культовых предметов из святилища, поэтому неизвестно, кому оно было посвящено, каких божеств в нём почитали (Зинько. 2007. С. 178). Прекращение существования языческого святилища в центре Тиритаки хорошо согласуется с общей тенденцией превращения христианства в государственную религию Боспорского государства во второй половине V в.

Проведённый анализ лепной керамики из раскопок Тиритаки не даёт явных свидетельств значительных этнических изменений в позднеантичный период. Это позволяет говорить об отсутствии значительных этно-культурных инфильтраций на протяжении V–VI вв. Скорее всего, состав жителей города, несмотря на все перипетии боспорской истории, менялся мало.

В то же время в заполнении одной из хозяйственных ям, датированной первой половиной V в., среди различной амфорной тары были обнаружены два фрагмента, на которых красной краской нанесены изображения минор в виде семисвечников. Возможно, представители иудейской общины появляются в это время и здесь (Зинько. 2011).

На рубеже V–VI вв. Византийская империя активизирует свою политику на Боспоре. С этими событиями В. Ф. Гайдукевич связывал сооружение ранневизантийской базилики в Тиритаке. Вероятней всего, строительство таких храмов в окрестностях Боспора производилось византийскими властями, видевшими в насаждении христианства одно из надёжнейших средств обеспечения власти Византии над варварами. Не подлежит сомнению, что Тиритаке придавалось серьёзное значение в конце V – первых десятилетиях VI в., когда Византийская империя стремилась утвердиться на берегах Боспора Киммерийского.

В первой половине VI в. строительство идет и в центральной части города, где возводятся новые производственные и хозяйственные комплексы. Так, недавно археологическими исследованиями в большой городской усадьбе были открыты ванны для обработки кожи (Зинько. 2010). Во дворах и постройках городских усадеб Тиритаки VI в. исследовано значительное количество хозяйственных ям и пифосов, которые служили для хранения зерна, вина и рыбы. Особый интерес представляет вкопанный в землю пифос, окружённый небольшой каменной загородкой, примыкающей к двухкамерному дому. На его горле по сырой глине было прочерчено граффито в виде равностороннего креста и надписи на греческом языке «ΦΙΛΕ». Археологический материал из заполнения пифоса и из жёлто-суглинистого слоя, перекрывавшего постройки и прилегающий двор, свидетельствует о прекращении жизни в этой городской усадьбе

одновременно с другими строительными комплексами в третьей четверти VI в. (Зинько и др. 2004. С. 133).

Все эти находки свидетельствуют о том, что в VI в., как и ранее, жители Тиритаки – в основном этнически однородное население, владевшее греческим языком и исповедовавшее христианство. Они занимались различными ремеслами, промыслами и сельским хозяйством. Этнический состав жителей Тиритаки был не такой пёстрый, как в близлежащей столице Боспора, где наряду с прежним местным боспорским, греко-варварским в основе, населением в 527–528 гг. в составе византийских полков из Подунавья появляются представители германских племён – готы, которые, видимо, поселились в столице вместе с семьями. Тогда же здесь распространяются отсротогские и гепидские пальчатые фибулы, большие пряжки с орлиноголовыми и прямоугольными щитками (Айбабин. 1999. С. 100).

На Боспоре, как и в других районах эллино-римского мира, помимо государственных институтов, общинная организация и сообщества, объединявшие людей по профессиональному или религиозному признаку, играли чрезвычайно важную роль (Блаватский. 1985. С. 244). В V–VI вв. в самоуправлении отдельных общин и территориально-хозяйственных районов выросла роль представителей христианской церкви, которые объединяли вокруг себя население. В период значительного ослабления центральной власти объединение вокруг христианской церкви значительной части населения, вероятно, способствовало сохранению Боспорского царства как единого политического целого и его ориентации на Византийскую империю (Зубарь. 2000. С. 42).

Город Тиритака не был полностью разрушен в 576 г., постройки следующего строительного периода существовали с конца VI в. и весь VII в. Эти предположения были подтверждены и современными археологическими раскопками в центральной части города Тиритаки (Зинько. 2008. С. 337). Однако численность населения значительно сократилось и оно сконцентрировалось в приморской части, хотя отдельные постройки функционируют и в бывших центральных кварталах города.

Литература

- Айбабин. 1999 – *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Амброз. 1992 – *Амброз А. К.* Хронология раннесредневековых древностей // БСб. 1992. 1.
- Блаватский. 1985 – *Блаватский В. Д.* Боспор в позднеантичное время // Античная археология и история. М., 1985.
- Гайдукевич. 1952 – *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25.

- Зинько. 2006 – *Зинько А. В.* Рыболовный промысел в Тиритаке в III в. н.э. // БИ. 2006. Вып. XI.
- Зинько. 2007 – *Зинько А. В.* Особенности религиозной жизни Тиритаки V–VI вв. н.э. (по материалам археологических раскопок) // БФ. 2007. Ч. 1.
- Зинько. 2008 – *Зинько А. В.* Боспорский город Тиритака в ранневизантийскую эпоху. По материалам раскопок 2002–2005 гг. // Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2008. ТГЭ. Т. XLII.
- Зинько. 2010 – *Зинько А. В.* О кожевенном деле в боспорском городе Тиритака // XI БЧ. 2010.
- Зинько. 2011 – *Зинько А. В.* Амфоры с минорами из раскопок ранневизантийской Тиритаки // XII БЧ. 2011.
- Зинько и др. 2004 – *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю., Зинько А. В.* Исследования хоры Нимфея и городища Тиритака // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. К., 2004.
- Зубарь. 2000 – *Зубарь В. М.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III–первая половина VI в.). К., 2000.
- Масленников 1990 – *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990.
- Procopius. – *Procopius.* History of the wars / With an English translation by H. B. Dewing. Cambridge, Massachusetts, MCMXIV. Vol. I.

Е. Д. Артеменко

Раннесредневековое изваяние из Керчи: к интерпретации сюжета

Цель данной работы – попытаться определить символику и смысловое содержание одной раннехристианской скульптуры из фондов Керченского историко-культурного заповедника.

В лапидарии КРУ «Керченский историко-культурный заповедник» хранится скульптура КЛ 1008, изображающая животное, поедающее рыбу (Рис. 1. 1). Высота скульптуры – 0,45 м. Изваяние состоит из двух элементов: постамента и собственно изображения животного. Постамент круглой формы диаметром 0,25 м, в его нижней части чётко выделяется кольцевой элемент. На оборотной стороне граница между постаментом и изображением животного незаметна. В верхней части туловище животного сужается, здесь намечается изгиб, который не прослеживается далее, поскольку верх изваяния отломан.

Достаточно долгое время эта скульптура оставалась беспаспортной. В 2008 г. в архиве КРУ КИКЗ удалось найти документ о времени её поступления в музей. В т. н. Деле Думберга, хранящемся в архиве КИКЗ, указывается, что директором Керченского музея древностей

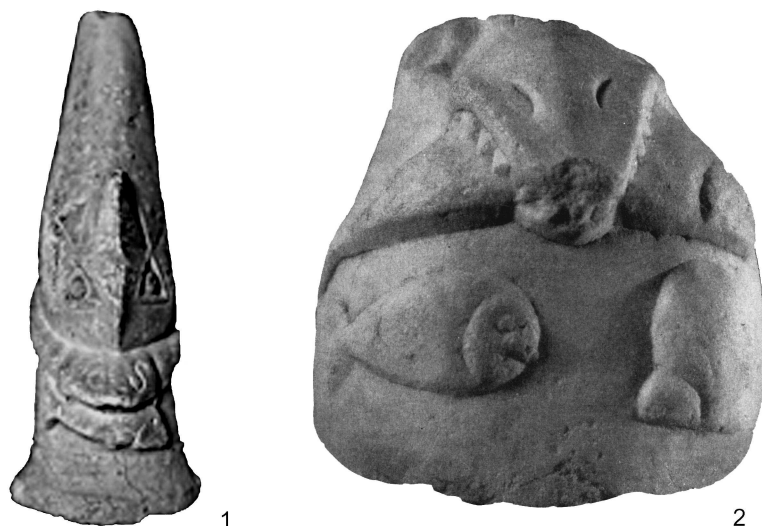

Рис. 1. 1 – КИКЗ, скульптура животного, поедающего рыбу;
2 – Херсонес, мраморная скульптура «Чудовища, пожирающего рыбу»

К. Е. Думбергом в 1899 г. «у керченского мещанина Игнатия Семёнова было куплено за 15 руб. 35 коп., найденное в его дворе по Шлагбаумскому переулку за № 20 мраморное изваяние дельфина с отломанным хвостом, держащего во рту рыбу» (Архив КИКЗ. Оп. 2. Ед. хр. 103. Л. 150). Позднее научные сотрудники КИКЗ В. Н. Холодков и О. А. Иванина атрибуировали её как «Трапезофор. Аллегория гонений на христиан: дельфин, охотящийся на рыбу. VI в.». Эта трактовка вызывает ряд вопросов: действительно ли это трапезофор, представленный в виде дельфина, и таково ли его идейное содержание?

Трапезофор – это стол на одной или четырёх ножках, чаще всего зооморфного вида, несущий на себе четырёхугольную или круглую столешницу. Ножки стола были рассчитаны на значительный вес, имели широкое основание и обладали достаточным сопротивлением поперечному сжатию. Однако керченская скульптура отличается сужением и изгибом в верхней части, что ставит под сомнение возможность его использования как подставки под тяжелую столешницу. По-видимому, это изваяние представляло собой не трапезофор, а скульптурное изображение некоего животного, поедающего рыбу. На первый взгляд, мраморное изваяние КЛ 1008 общими очертаниями напоминает дельфина в момент броска на глубину за добычей. Однако при сравнении с другими мраморными скульптурами, где атрибуция дельфина бесспорна, возникают сомнения в такой трактовке. Керченская скульптура отличается необычной трактовкой глаз: в виде

равнобедренных треугольников вершиной вверх, ширина которых подчеркнута рельефной линией. Внутри каждого из треугольников-глаз видно глазное яблоко, на котором выделен зрачок. Над глазами видны подтреугольной формы детали, напоминающие ресницы. Такая необычная форма глаз позволила скульптору придать взгляду животного напряжённость, холодную отстранённость от зрителя.

Деталь, которая на первый взгляд выглядит как клюв дельфина, является гребнем плавника, вертикально разделяющего лицевую часть скульптуры. Плавник имеет заострённое ребро – такая деталь усиливает жёсткость и динамичность образа. Рот выделен в виде горизонтальной плоскости, объём которой подчеркнут двумя S-образными знаками. Таким образом, при наличии сходства с дельфином эта скульптура имеет также и массу отличий. Может ли это означать, что ваятель проявил воображение и фантазию, изображая реальное животное? Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть смысловое содержание образа дельфина в античной культуре и христианской религии.

В античной мифологии образ дельфина символизирует море, свободу, благородство. Дельфин рассматривается древними как царственная рыба, благожелательная к людям. Образ дельфина был воспринят христианской символикой. В ней дельфин связан с Иисусом Христом как Спасителем, являясь символом воскресения и спасения (Топоров. 1982. С. 393). Связь между христианской и античной символикой дельфина несомненна: в обоих случаях этот образ представляется благожелательным к людям, возвышенным и положительным. Ввиду ряда объективных причин для раннехристианского времени характерны такие изобразительные сюжеты, в которых христианская символика (дельфин с корзиной хлеба и вином на спине, пальма, чаша, птица, якорь) не вызывала подозрений у язычников (Дьяченко. 2005. С. 168), поскольку были привычными и очень распространёнными. Образ дельфина с корзиной хлеба и вином на спине имел самое серьёзное идейное содержание: это Иисус Христос, дающий людям в спасительную пищу Своё Тело и Кровь (Там же). Древнехристианское искусство основывалось на классическом искусстве (Козлов. 1898. С. 5), следовательно, в христианской символике образ дельфина наполнен исключительно положительным, божественным идейным содержанием. Более того, в христианской символике рыба имела высокий статус, связанный с образом Иисуса Христа, поэтому морское животное, поедающее рыбу, никоим образом не может быть дельфином. Прежде всего потому что рыба формально обозначала Иисуса Христа – «если вы из пяти греческих слов $\text{Ιησοῦς Χριστός Θεοῦ Υἱός Σωτήρ}$ отделите первые заглавные буквы и соедините вместе, то получите одно слово ΙΧΘΥΣ – рыба, под именем её таинственно разумеется Христос: потому что в бездне настоящей смертности, как бы

в глубине вод, он смог оставаться живым, т. е. безгрешным» (Августин. 2000. С. 863). Эта же символика была присуща образу рыбы и метафорически, поскольку она символизирует веру, чистоту, таинства крещения и причастия, где заменена хлебом и вином (Топоров. 1982. С. 393). В том же логическом ряду стоит евангельский мотив насыщения Иисусом Христом людей рыбой и хлебом, где рыба и хлеб символизируют христианское учение. Эта символика получает продолжение в образе апостолов-рыбарей Петра и Андрея, ставших «ловцами человеков». Исходя из указанной аллегии, под рыбой, которую предстояло улавливать Петру и Андрею, подразумевалась вся христианская паства, спасенная из волн греховного моря, т. е. рыба становится обозначением верующего христианина. Другой мотив в христианском изобразительном искусстве, а именно – гонения на христиан в первые века нашей эры – сохраняется достаточно длительное время. Христиане для римских властей поначалу были лишь одной из многих религиозных групп, и власть интересовала только степень их лояльности (Свенцицкая. 1988. С. 163). Со второй половины II в. н.э. участились случаи преследования христианских групп и отдельных проповедников. Апогеем преследования христиан стало правление императора Диоклетиана. Согласно изданным им четырём эдиктам, требовалось разрушать христианские храмы, сжигать книги, упорствующих в вере лишать гражданских прав (Поснов. 1991. С. 103); верующих и церковнослужителей позволялось заключать в тюрьмы и применять к ним пытки и казни, требуя отречения. Все эти события оставили глубокий след в истории христианской церкви, которая ясно сознавала величие подвига своих «свидетелей крови» (Там же. С. 105), как именовали мучеников за веру. Память о них бережно хранилась и передавалась новым поколениям верующих, получая воплощение в некоторых образцах скульптуры. Так, например, на территории Херсонеса в последней четверти XIX в. была обнаружена мраморная скульптура «Чудовища, пожирающего рыбу» (Рис. 1. 2), датируемая первой половиной IV в. н.э. (Античная скульптура... 1976. С. 176–177. № 577). Изображение морского чудовища фигурирует и в одном из сюжетов Ветхого Завета, изображённых на христианских саркофагах второй половины III в. н.э.: это сюжет о пророке Ионе⁶¹, получивший очень широкое распространение в раннехристианском искусстве. Смысл помещения изображения Ионы на саркофагах заключался в следующем: «Как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Мф. 12, 40). Поэтому изображение пророка Ионы, извергнутого из пасти кита, символизировало воскресение

⁶¹ Саркофаг в храме Санта Мария Антиква (Рим), саркофаг Базбии, «саркофаг с Ионой» (Солонков. 2007).

Христово и всеобщее воскресение. Весьма примечательно изображение кита как морского чудовища с плавниками и рыбьим хвостом (Солонков. 2007). Этот ветхозаветный сюжет, часто сравниваемый с чудесами, описанными в Новом Завете, был очень популярен в раннехристианском искусстве, подтверждая, что Господь властен спасти верующего от, казалось бы, неминуемой смерти.

Два изобразительных сюжета раннехристианского периода имеют общую деталь: морское чудовище страшного вида, но неопределённой формы в первом случае и сходное с гигантской рыбой или китом во втором. Первый сюжет – аллегория преследования христиан – был актуален до первой четверти IV в. н.э.⁶² (Античная скульптура... 1976. С. 177). Второй сюжет – о пророке Ионе – был популярен и позднее, поскольку в V в. в христианском изобразительном искусстве получила распространение более сложная концепция – взаимного соответствия Ветхого и Нового Заветов. Поэтому символика керченской скульптуры имеет весьма сложный характер. Морское чудовище, внешне напоминающее гигантскую рыбу или кита, поедающее рыбу, символизирует преследователей христиан, обрекавших их на мученическую смерть. В то же время пророк Иона, поглощённый чудовищем-китом, был им извергнут, став символом воскресения. Подобно ему, мученики за христианскую веру, в самой своей смерти за Христа, тоже обрели надежду на спасение и воскресение. Эти две логические линии и получили своё воплощение в скульптуре из Керченского музея.

Датировка керченской скульптуры затруднена отсутствием близких аналогий и точных данных о месте и обстоятельствах находки. Херсонесская скульптура при общем сюжетном сходстве отличается от керченской более низким уровнем исполнения, небрежными очертаниями, слабой проработкой деталей. Изваяние же из Керченского заповедника поражает детальной проработкой, изяществом линий, чувством стиля и стремлением автора следовать классическим образцам античного искусства, придав скульптуре заметно выраженное эмоциональное напряжение. Совокупность этих особенностей позволяет предположить, что это изваяние было создано в Византии в конце V–VI в. н.э., когда скульпторы времён раннего христианства подражали классическим образцам.

Таким образом, мраморное изваяние КЛ 1008 из Керченского заповедника является скульптурой сложного идейного содержания, соединяя в себе мотивы популярных в поздней античности и раннем средневековье сюжетов: о преследовании язычниками христиан и пребывании пророка Ионы в чреве кита.

⁶² В 313 г. Константин совместно с Лицинием издали Миланский эдикт, предоставивший гражданам империи свободу вероисповедания. Христианство по этому эдикту становилось «дозволенной религией», имущество, отобранное у церкви во время гонений, возвращалось.

Литература

- Августин. 2000 – *Августин, блж.* О граде Божиим. М., 2000.
- Античная скульптура... 1976 – Античная скульптура Херсонеса. К., 1976.
- Козлов. 1898 – *Козлов А. Н.* О развитии христианского искусства и основах его применения к церковной живописи. М., 1898.
- Поснов. 1991 – *Поснов М. Э.* История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.). К., 1991.
- Дьяченко. 2005 – *Протоиерей Григорий Дьяченко.* Православный храм. К., 2005.
- Свенцицкая. 1988 – *Свенцицкая И. С.* Раннее христианство: страницы истории. М., 1988.
- Солонков. 2007 – *Солонков Е. А.* Изображения событий библейской истории на рельефах раннехристианских саркофагов в доконстантиновское время // XII Междунар. Кирилло-Мефодиевские чтения, посвящённые Дням славянской письменности и культуры (Минск, 24–26 мая 2006 г.): Материалы чтений «Церковь и социальные проблемы современного общества». Минск, 2007 (цит. по материалам сайта «Приход иконы Всех скорбящих Радость», <http://www.sobor.ru/>).
- Топоров. 1982 – *Топоров В. Н.* Рыба // МНМ. 1982. Т.2.

А. А. Завойкин

Эллины Таманского полуострова и их соседи: первые контакты⁶³

В историографии давно сложилось представление, что с самого момента колонизации побережий Боспора Киммерийского греки вступили в тесные взаимоотношения с окрестными варварскими народами, поскольку, например, местообитание колонистов на азиатской стороне пролива определяется древними авторами как «Синдика» (е. г.: *Ps.-Scyl. Per. 72*). Начиная свои работы «в Синдике», В. Д. Блаватский предполагал, что за пределами городов, на сельской территории размещались, наряду с усадьбами греков, деревни местного населения, т. е. синдов, которые быстро были интегрированы в сложившееся здесь общество. Обильные и разнообразные находки предметов греческой культуры, полученные при раскопках сельских поселений, по мысли исследователя, говорят о том, что синды подверглись быстрой и глубокой эллинизации (Блаватский. 1952. С. 79–80). В свою очередь, элементы местной культуры (наряду с самими её носителями) стали проникать в греческую среду. В частности, это получило отражение в распространении кухонной лепной посуды как на поселениях хоры, так и в городах. В целом эта концепция выглядит стройной и логичной. Но со временем стали возникать вопросы, которые изменили взгляды исследователей на ситуацию на восточном побережье пролива.

⁶³ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ, № 10-01-00161а: «Античный Боспор и археология: историко-культурные реконструкции на археологическом материале».

Выяснилось, что степень «эллинизации» культуры населения, обитавшего за пределами городских стен была такова, что, собственно говоря, не обнаруживались какие-либо черты варварской культуры, помимо лепной керамики. К этому стоит добавить, что никаких «деревень» или «усадеб» VI–V вв. до н.э. на Таманском п-ове мы вообще не знаем. На сегодняшний день исследована единственная наземная постройка конца VI – первых десятилетий V в. до н.э. и единичные объекты хозяйственного назначения, которые принято называть «землянками» или полуземлянками; кроме них – огромное количество простых хозяйственных ям. В этой связи было даже высказано предположение (Виноградов. 2009. С. 69 – с лит.), что в раннее время сельские поселения в основном имели сезонный характер, т. е. были обитаемы только в пору интенсивных сельскохозяйственных работ. И если греки в остальное время могли проживать в своих городских домах, то куда должны были уходить синды, где жили они? Трудно предположить, что все они тоже обитали в греческих городах. Однако ни одного «стационарного» поселения синдов на Таманском п-ове не было обнаружено. Как, впрочем, и ни одного достоверно варварского некрополя. Отдельные погребальные комплексы (или отдельные черты погребального обряда или конструкций)⁶⁴ некоторые исследователи связывают с негреческим населением. Но, пожалуй, не имеется ни одного⁶⁵ бесспорного случая выделения погребального комплекса, связанного с туземным этносом⁶⁶. Хотя, в принципе, нельзя сомневаться в том, что в некрополях греческих городов и в раннее время могут присутствовать захоронения варваров. Видимо, их немного и они остаются для нас почти неуловимы.

Складывается впечатление, что стабильного и сколько-нибудь многочисленного варварского населения на Тамани в раннее время не было. И земли эти можно было назвать Синдикой только в «макрогеографической» системе координат (подобно тому, как Скифской землей назывались все территории, которые входили в зону влияния этого кочевого народа). Насколько вообще можно судить, территории обитания синдов начинались, говоря языком Страбона (XI. 2,

⁶⁴ В том числе – использование сырцового кирпича при сооружении погребальных конструкций. Как будто известны кирпичные постройки на поселениях синдов, а грекам этот строительный материал был неведом!

⁶⁵ Особняком стоит лишь ранний комплекс на лимане Цокур, скорее всего, связанный с миграциями скифов, о чем неоднократно говорилось исследователями (напр.: Вахтина. 1991).

⁶⁶ Даже наиболее «варварский» (по высокой доле предметов вооружения в могилах) некрополь у пос. Пересыпь 1 (ошибочно называемого «Тирамбой»), который, к примеру, связывали с дандариями (Масленников. 1977; ср.: 1981. С. 32–35; Сударев. 2005б), не может безоговорочно считаться негреческим (Завойкин, Сударев. 2006. С. 101–106). В целом, см. Сударев, 2005а.

10), «за Гипанисом»⁶⁷ (т. е. в современном Анапском р-не). К сожалению, исключая погребальные памятники царского ранга (Семибратние курганы, от середины V в. до н.э.), мы имеем довольно общее представление о погребальных⁶⁸, и уже совсем смутное – о поселенческих памятниках синдской культуры.

Что же мы имеем «в сухом остатке»? В том, что контакты между греками и их соседями были – сомневаться невозможно. Обилие лепной керамики в культурных отложениях греческих поселений нельзя целиком объяснять ссылками на то, что лепная посуда была также известна и грекам. Могли ли эти сосуды использоваться в качестве тары для перевозки продуктов животноводства (напр., творог, сметана и т. п.) или промыслов (мед) в процессе торговли? Возможно, но лишь отчасти. В основном это кухонный инвентарь, который изготавливали и использовали на месте. Вполне уместным кажется предположение исследователей, что эта производственная традиция получила распространение на греческих поселениях благодаря местным варварам, в особенности – через женщин, которых брали в жёны колонисты и их потомки ввиду численного преобладания в составе переселенцев молодых неженатых мужчин. В данной связи особое внимание обратим на весьма показательный факт: только в Фанагории в слоях VI–V вв. до н.э. не были обнаружены обломки лепной керамики⁶⁹. Вполне вероятно, эта исключительность объяснима тем, что в 540-х гг. до н.э. сюда выселилась часть гражданской общины Теоса и демографическая структура основанного Фанагорийского полиса изначально была более или менее сбалансированной по соотношению мужского и женского населения.

Изучение хронологии и структуры греческого импорта в Прикубанье (в основном, правда, в районах более удалённых от Тамани) показывает, что сколько-нибудь массовый характер торговые (и иные) отношения начинают приобретать лишь с конца VI – начала V в. до н.э. (Малышев. 2000; Улитин. 2006), притом для наиболее раннего отрезка времени характерно, что предметы импорта попадают, прежде всего, в «статусные» захоронения местной знати (А. А. Малышев ряд ранних комплексов связывает с «дипломатическими дарами» греков социальной верхушке меотов). По-видимому, следует признать, что вкус к предметам и товарам эллинской цивилизации⁷⁰ вырабатывался

⁶⁷ Представления великого географа о расположении там Гермонассы и Апатура, исходя из современных палеогеографических выкладок, ошибочны.

⁶⁸ По-видимому, правы исследователи, относящие к синдам т. н. каменные некрополи Анапского р-на (см. Население архаической Синдики. 2010. С. 254–256).

⁶⁹ Например, в Патрее лепная керамика надёжно фиксируется в самых ранних слоях и комплексах (см. Абрамов, Захаров. 2007. Рис. 5. 8, 9).

⁷⁰ Вероятно, особую роль в этом «цивилизаторском» процессе играло приобщение варваров дару Диониса.

у прикубанских варваров постепенно. Очевидно, на территориях, примыкавших к Тамани, это происходило раньше, чем в глубинке⁷¹. По крайней мере уже в начале V в. до н.э. в контактной зоне двух цивилизаций формируется эмпорий на Семибратнем городище (Лабрис; см. Горончаровский, Иванчик. 2010. С. 228), а рядом с ним несколькими десятилетиями позднее (середина V в. до н.э.) появляются грандиозные курганы властителей этих земель, богатство которых (царей Синдики), надо думать, возрастало на реализации властных полномочий по отношению к этому главному пункту посреднической торговли. Не исключено, что уже предки Гекатея приняли на себя не только контроль, но функцию охраны торгового пути, поскольку от этого зависело их собственное благосостояние.

Однако этот симбиоз, как мы видели, сложился не сразу. Непосредственно ему предшествовали (470-е гг. до н.э.) военные события, результатом которых стали разрушения в городах, а затем упадок хозяйства на сельских территориях (Завойкин. 2010; Гарбузов, Завойкин. 2010). Но эти события стали лишь максимальным проявлением той системы отношений, которые сопровождали контакты греков и варваров, возможно, почти с момента появления колонистов на Таманском п-ове или несколько позднее. Первые же реальные следы военного конфликта находим в Кечах, в комплексах третьей четверти VI в. до н.э. (Кузнецов. 1992. С. 29, 42); последней четвертью того же столетия датируются следы разрушений в Патрее (Абрамов. 2006. С. 11 сл.), а примерно рубежом VI–V вв. до н.э. – в Фанагории (Кузнецов. 2009. С. 193–194). Разумеется, невозможно утверждать, что все эти следы разрушений (со следами пожаров и наконечниками стрел) связаны исключительно с агрессией варваров. Но трудно допустить и то, что, едва обосновавшись на свободных от другого населения землях, в общем-то небольшие полисы вскоре стали воевать друг с другом, например, вследствие земельных тяжб. По-видимому, логично предполагать, что местное население, по меньшей мере, внесло свою лепту в картину относительно неспокойной жизни греческих поселений на Таманском п-ове во второй половине VI – первой половине V в. до н.э., которая нам рисуется по результатам раскопок.

Подводя итог, выделим два этапа в развитии взаимоотношений греков Таманского п-ова и окрестных варваров, символически разделённых появлением в середине V в. до н.э. первых царских курганов близ Семибратнего городища. Для раннего этапа характерны первые торговые и матримониальные контакты греков и варваров, а также, время от времени, грабительские набеги последних на греческие поселения. Парадоксальным образом, в это время наблюдается

⁷¹ Инвентарь погребений некрополя у хут. Рассвет демонстрирует проникновение греческого импорта уже во второй половине VI в. до н.э. (Население архаической Синдики. 2010).

интенсивный процесс освоения эллинами сельских территорий (Абрамов, Паромов. 1993. С. 71 сл.). Для позднего примечательно нарастание объёмов греческого импорта в Прикубанье, осуществляемого через обустроенный на Семибратнем городище эмпорий, контролируемый властителями Синдики⁷². Явных следов военных конфликтов для второй половины V в. до н.э. на греческих поселениях этого времени мы не находим. Но, странным образом, именно в это время фиксируется спад в сельскохозяйственном секторе экономики и, вследствие того – в импорте продуктов из Средиземноморья (Гарбузов, Завойкин. 2010; Абрамов. 2010. С. 19).

В иных исторических условиях, после того как полисы Боспора были объединены властью Спартокидов, отношения греков и исконных жителей Прикубанья строились по другому сценарию. Начальная фаза этих новых отношений получила отражение в сочинении Полиена (VIII. 55). Занятно, что первым шагом и тогда стало вступление в брачные отношения: в этот раз дочери греческого тирана (Сатира I) и синдского царя (Гекатея).

Литература

- Абрамов. 2006 – *Абрамов А. П.* Комплекс амфор последней четверти VI в. до н.э. из Патрея // ДБ. 2006. Т. 9.
- Абрамов. 2010 – *Абрамов А. П.* Динамика торговых связей Патрея во второй половине VI – V вв. до н.э. по материалам керамической тары // ДБ. 2010. Т. 14.
- Абрамов, Захаров. 2007 – *Абрамов А. П., Захаров Е. В.* Комплекс первой четверти V в. до н.э. из Патрея // ДБ. 2007. Т. 11.
- Абрамов, Паромов. 1993 – *Абрамов А. П., Паромов Я. М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БСб. 1993. Вып. 2.
- Блаватский. 1952. *Блаватский В. Д.* Первый год работы Синдской экспедиции // КСИИМК. 1952. Вып. XLVIII.
- Вахтина. 1991 – *Вахтина М. Ю.* «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора: Межвуз. сб. Белгород; Воронеж, 1991.
- Виноградов. 2009 – *Виноградов Ю. А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // БИ. 2006. Вып. XXII.
- Гарбузов, Завойкин. 2010 – *Гарбузов Г. П., Завойкин А. А.* О состоянии хоры центров Азиатского Боспора в середине – второй половине V в. до н.э. // ДБ. 2010. Т. 14.
- Горончаровский, Иванчик. 2010 – *Горончаровский В. А., Иванчик А. И.* Синды // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. I.
- Завойкин. 2010 – *Завойкин А. А.* Амфорный склад № 2906 и некоторые проблемы истории ранней Фанагории // ПИФК. 2010. № 1.
- Завойкин, Сударев. 2006 – *Завойкин А. А., Сударев Н. И.* Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I // ДБ. 2006. Т. 9.

⁷² В этом контексте, вероятно, и следует рассматривать такой феномен, как «(монета) синдов», которая обслуживала торговый обмен между греками и их соседями.

- Кузнецов. 1992 – *Кузнецов В. Д.* Раскопки в Кепях 1984–1989 гг. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
- Кузнецов. 2009 – *Кузнецов В. Д.* Фанагория в архаическое время // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. Краснодар, 2009.
- Мальшев. 2000 – *Мальшев А. А.* Боспор и Прикубанье во второй половине V – середине III в. до н.э. // ДБ. 2000. Т. 4.
- Масленников. 1977 – *Масленников А. А.* К вопросу о погребениях дандариев // История и культура античного мира. М., 1977.
- Масленников. 1981 – *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981.
- Население архаической Синдики. 2010 – Население архаической Синдики по материалам некрополя у хут. Рассвет. М., 2010. Некрополи Черноморья. Т. III.
- Сударев. 2005а – *Сударев Н. И.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- Сударев. 2005б – *Сударев Н. И.* К вопросу об этнической принадлежности погребений с оружием из боспорских некрополей VI–III вв. до н.э. // VI БЧ. 2005.
- Улитин. 2006 – *Улитин В. В.* Торговые связи племён Прикубанья с античным миром в конце VII – первой половине I в. до н.э. (по данным амфорной тары): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.

Д. В. Журавлёв, У. Шлотцауер

Греки и варвары на берегах Боспора Кубанского

Лавинообразный поток публикаций по античной истории современного Таманского п-ова за последнее десятилетие привёл не только к увеличению доступной базы источников (ср.: Паромов. 1992; Абрамов, Паромов. 1993), но и позволил вплотную подойти к решению ряда принципиальных и спорных вопросов (см., напр.: Завойкин, Гарбузов. 2011; Журавлёв, Шлотцауер. 2011).

Одной из главных интриг недавнего времени является открытие морского пролива – *Боспора Кубанского*, соединявшего в античное время Чёрное и Азовское моря и, вероятно, до рубежа н.э. являвшегося судоходным. Очевидно, что греческая колонизация современного Таманского п-ова шла одновременно через Боспор Киммерийский и через Боспор Кубанский. Об этом свидетельствует синхронность появления памятников на берегах Таманского залива и Ахтанизовского лимана (вторая четверть VI в. до н.э.) (Рис. 1), керамический материал из которых обнаруживает близкое сходство (Журавлёв и др. 2011. С. 106–114; Журавлёв, Шлотцауер. 2011. Рис. 23, 27). На сегодняшний день опубликован ряд ранних находок с поселений Голубицкая 2 и Ахтанизовская 4 (Ломтадзе, Камелина. 2008), расположенных напротив друг друга у места слияния пролива с Меотидой.

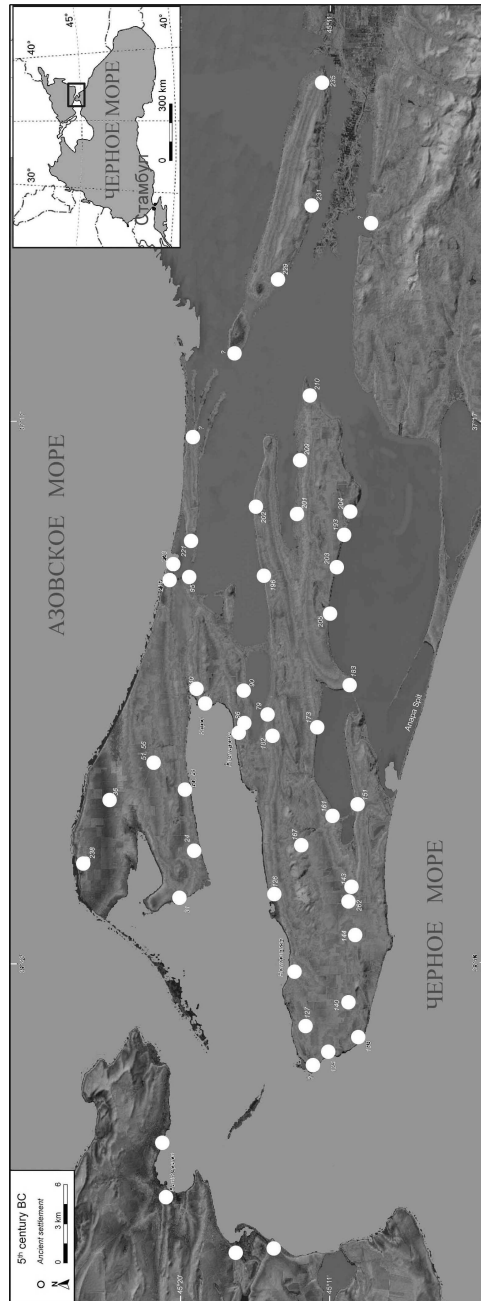

Рис. 1. Греческие поселения на берегах Босфора Кубанского в V в. до н.э.
Карта составлена Д. Кельтербаум

До недавнего времени многие исследователи писали о поселениях, возникающих в ходе вторичной колонизации во «внутренней» части Таманского п-ова (Паромов. 2006. С. 370–372). На наш взгляд не вызывает сомнений, что значительное число поселений, в т. ч. и очень крупных, располагалось именно по берегам пролива (Рис. 1; Журавлёв, Шлотцауер. 2011). Недавние открытия в Анапском р-не святилища Деметры (?) и целого ряда греческих поселений, основанных ещё в VI в. до н.э., являются прекрасным подтверждением этого – все эти памятники были ориентированы на второй пролив (Чевелёв и др. 2011. С. 403–411).

Ещё одним дискуссионным вопросом является количество древних островов, располагавшихся на месте современного Таманского п-ова. Ещё со времён Дюбуа де Монпере возникла теория о существовании рукавов Кубани – проток, разделявших массив Таманского п-ова на три основных острова: Киммерийский, Фанагорийский и Синдику. Соответственно, предполагалось, что образовывали эти острова т. н. Субботин Ерик и Шемарданский рукав (см., напр.: Сокольский. 1976. Рис. 1; Паромов. 2006. С. 370–372). Нельзя сказать, что эти положения были восприняты всеми исследователями единодушно. Пожалуй, первым, кто активно и очень аргументировано возражал против этого, был товарищ Председателя Российского императорского исторического музея И. Е. Забелин. Он писал: «Дюбуа направил одно русло Кубани в Таманский залив, куда она будто бы впадала во времена Страбона <...> Этот, в полном смысле книжный, учёный поток Кубани был принят в науку за неопровержимую истину, которая уже не требовала ни разбора, ни сомнений, не требовала даже и доказательств <...> соображение Дюбуа стало приниматься уже за свидетельство самого Страбона» (Забелин. 1878. С. 1–2). К сожалению, эти мудрые слова оказались надолго забыты. Возражения против существования этих протоков высказывались и другими исследователями (Горлов. 2007. С. 94; Гарбузов. 2009. С. 137–138. Рис. 11).

Для проверки этих данных нами были проведены бурения по трассе предполагаемых протоков. Результаты этих бурений показательны – никаких судоходных протоков в античное время в этих местах не существовало⁷³. Таким образом, остров был единым, что, вероятно, находит отражения и в эпиграфических источниках, упоминающих «остров» ὀ'επι τῆς νήσου. Подобная реконструкция даёт возможность, помимо прочего, и к определённой ревизии данных Страбона, а также других античных географов, оставивших описание Азиатского Боспора.

⁷³ Это не исключает, впрочем, возможности существования небольших локальных русел или протоков в разные периоды. Подробная работа на эту тему готовится к печати.

Очевидно, уже первые поселения, основанные на берегах Боспора Кубанского, в VI в. до н.э. имели оборонительные сооружения. Достоверно это известно о поселении Голубицкая 2, расположенном на западной оконечности одноименного острова. К сожалению, никаких других данных о хронологии многочисленных фортификационных сооружений на других памятниках (Стрелка 2, Ахтанизовская 4 и т. п.) пока нет.

Вопрос о назначении первых фортификационных сооружений также неоднозначен. Рвы и валы в равной степени могли возводиться как для защиты от варваров, так и против возможных пиратских набегов. Тем не менее находка на поселении Голубицкая 2 двух костяных коньков для катания по льду невольно заставляет вновь вернуться к сообщению Геродота о замерзающем проливе и перемещении через него больших масс кочевников (Журавлёв, Шлотцауер. 2010. С. 101–102). Многочисленные находки бронзовых наконечников стрел, в т. ч. и скифских типов, фиксируются на Голубицкой 2⁷⁴ и Ахтанизовской 4⁷⁵.

Поскольку основные работы экспедиции сосредоточены на поселении Голубицкая 2, кратко упомянем и материалы эллинистического времени, обнаруженные здесь. Уже после разрушения оборонительных сооружений на периферии поселения появляются многочисленные хозяйственные ямы, содержащие разнообразие находки IV–II вв. до н.э. Одну из таких ям можно условно считать ботросом святилища Деметры и Коры, поскольку здесь найдено много фрагментов терракотовых статуэток, в т. ч. две целые фигуры богинь крупного размера (Рис. 2).

Собственно, об этническом составе обитателей Голубицкой 2 и о роли «варварского компонента» среди них нам известно крайне мало. Некоторое количество греческих граффити на сосудах различных форм пока мало информативно. Традиционно в таких случаях привлекается лепная керамика (о лепной керамике Голубицкой 2 см.: Камелина. 2009. С. 155–160). Обычно считается, что вся лепная керамика делалась непосредственно на месте. Комплекс лепной посуды с поселения представлен большим количеством тарной и столовой керамики различных форм (Рис. 3). Начатая программа археометрических исследований методом нейтронной активации в Бонне⁷⁶ помогла выделить несколько групп посуды различных категорий и сопоставить их с найденными на поселении обмазкой, керамическим

⁷⁴ Помимо наших находок, ряд стрел известен и из публикации А. В. Строкина (2010. Рис. 4, 1–42), хотя достоверным источником эту работу мы считать не можем.

⁷⁵ Благодарим Г. А. Ломтадзе за информацию.

⁷⁶ Археометрические исследования позволили поставить точку и в более чем столетней дискуссии о локализации центра производства, производившего рельефную керамику с клеймом KIPBEI. Согласно данным анализов, этот центр – Кимы.

Рис. 2. Поселение Голубицкая 2,

терракотовые статуэтки из ямы эллинистического времени

браком и слабообожжёнными грузилами. Состав лепной посуды кардинально отличается от них, что позволяет предполагать их *не местное происхождение*. Попутно заметим, что большинство лепных сосудов – горшки, крышки и т. п. – легко могли служить для транспортировки и попали к жителям поселения в качестве тары.

Ещё один ключевой памятник, на котором ведутся работы экспедиции – т. н. святилище Артемиды Агротеры на горе Бориса и Глеба (Журавлёв и др. 2010а. С. 567–570). Эта гора образует мыс, глубоко вдающийся в современный Ахтанизовский лиман, и, соответственно, в античное время омывалась водами Боспора Кубанского. Великолепный обзор окрестностей с вершины горы, равно как и её расположение непосредственно на берегу пролива, делали это место идеальным для святилища. С помощью магнитной разведки нами обнаружены аномалии, которые, возможно, связаны с постройками предполагаемого святилища, а в периферийной части памятника в шурфах обнаружен культурный слой античного времени. Помимо керамических фрагментов здесь представлены и обломки черепицы (Журавлёв и др. В печати).

Интересно отметить, что и на Стрелке 2, и на Голубицкой 2, и на Ахтанизовской 4 керамика римского времени отсутствует. Это прекрасно сочетается с данными радиоуглеродного анализа, полученными

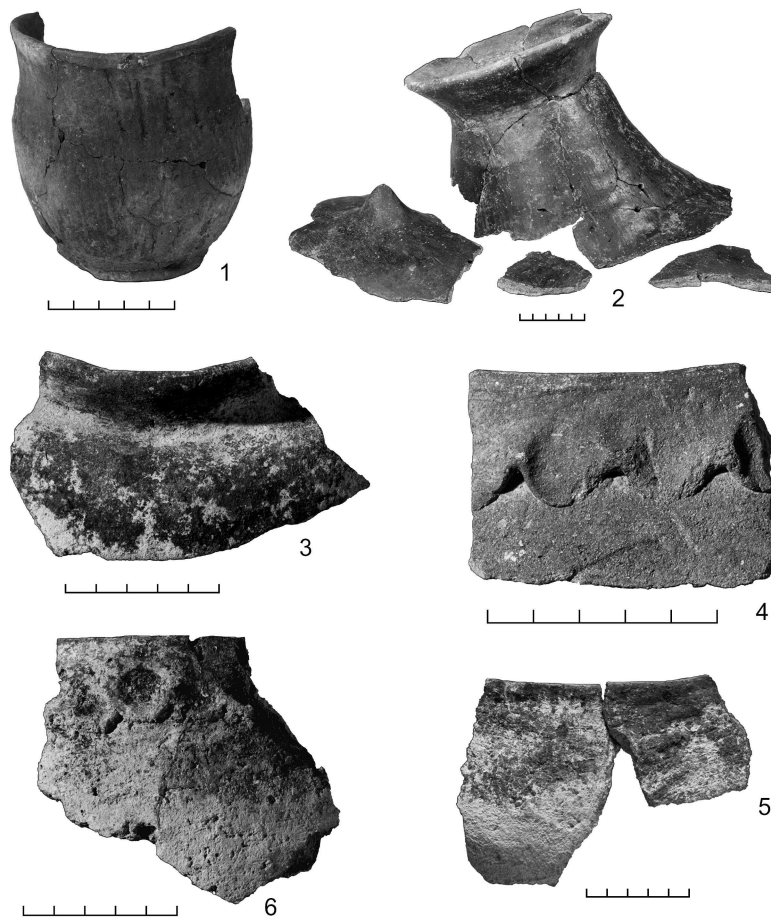

Рис. 3. Поселение Голубицкая 2, лепная керамика VI–V вв. до н.э.

для отложений из буровых скважин, который подтверждает, что судходный пролив к рубежу нашей эры перестаёт существовать. Соответственно, с заиливанием пролива пропал смысл существования целого ряда достаточно крупных населённых пунктов (Журавлёв и др. 2010б. С. 176–177). Данные В. Л. Строкина о происхождении римских монет с территории поселения Голубицкая 2 (Строкин. 2010. С. 461) полностью достоверными мы считать не можем, поскольку они основаны на информации, полученной от «чёрных археологов». Святилище на горе Бориса и Глеба, где известны находки римского времени (Сокольский. 1957. С. 244–246), даже лишившись паломников, прибывавших на кораблях, могло продолжать функционировать,

ориентируясь на сухопутные пути (см. напр.: Паромов. 1998. Рис. 2, поселение Ахтанизовская 9 [№ 100]).

Работы на обоих берегах Боспора Кубанского успешно продолжают многими археологами из различных российских и зарубежных научных центров. Надеемся, что исследования ближайших лет позволят приоткрыть ещё одну страницу истории Азиатской части Боспорского царства.

Литература

- Абрамов, Паромов. 1993 – *Абрамов А. П., Паромов Я. М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БСб. 1993. 2.
- Горлов. 2007 – *Горлов Ю. В.* К изучению сельской округи Фанагории // ДБ. 2007. Т. 11.
- Гарбузов. 2009 – *Гарбузов Г. П.* Районирование античных агроландшафтов Таманского полуострова // ДБ. 2009. Т. 13.
- Журавлёв и др. 2010а – *Журавлёв Д. В., Ломтадзе Г. А., Шлотцауер У.* Памятники северо-востока Таманского полуострова // Античное наследие Кубани. М., 2010.
- Журавлёв и др. 2010б – *Журавлёв Д. В., Шлотцауер У., Камелина Г. А., Кельтербаум Д.* Поселение Стрелка 2 на Таманском полуострове (Предварительная информация) // ДБ. 2010. Т. 14.
- Журавлёв и др. 2011 – *Журавлёв Д. В., Кельтербаум Д., Поротов А. В., Шлотцауер У.* Боспор Кубанский // XII БЧ. 2011.
- Журавлёв, Шлотцауер. 2010 – *Журавлёв Д. В., Шлотцауер У.* Поселение Голубицкая 2 и греческая колонизация Таманского полуострова: новые данные // Восток, Европа, Америка в древности: Сб. науч. трудов XVI Сергеевских чтений. М., 2010.
- Журавлёв, Шлотцауер. 2011 – *Журавлёв Д. В., Шлотцауер У.* Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова // *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры.* М., 2011. (В печати).
- Журавлёв и др. В печати – *Журавлёв Д. В., Шлотцауер У., Кельтербаум Д., Камелина Г. А., Ломтадзе Г. А.* Работы в северо-восточной части Таманского полуострова // АО 2008 г. (В печати).
- Забелин. 1878 – *Забелин И. Е.* Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Востора Киммерийского // Труды III археологического съезда. К., 1878. Т. 2.
- Завойкин, Гарбузов 2010 – *Завойкин А. А., Гарбузов Г. П.* О первом этапе освоения греками Таманского полуострова // ДБ. 2010. Т. 14.
- Камелина. 2009 – *Камелина Г. А.* Лепная керамика из раскопок поселения Голубицкая 2 на Таманском полуострове // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. Краснодар, 2009.
- Ломтадзе, Камелина. 2008 – *Ломтадзе Г. А., Камелина Г. А.* Первые итоги исследования античного памятника на северо-востоке Таманского полуострова – «Ахтанизовская 4» // ДБ. 2008. Т. 12.
- Паромов. 1992 – *Паромов Я. М.* Археологическая карта Таманского полуострова / Депонирована в ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992 г.
- Паромов. 1998 – *Паромов Я. М.* Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. 1998. Т. 1.

- Сокольский. 1957 – *Сокольский Н. И.* Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове // *СА.* 1957. № 1.
- Сокольский. 1976 – *Сокольский Н. И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.
- Строкин. 2010 – *Строкин В. Л.* Монеты с поселения Голубицкая 2 // *ДБ.* 2010. Т. 14.
- Чевелёв и др. 2011 – *Чевелёв О. Д., Кацаев С. В., Сударев Н. И.* Новые исследования в Анапском районе Краснодарского края // *ХП БЧ.* 2011.

В. А. Горончаровский

Синдика в период возведения Семибратних курганов⁷⁷

Практически все исследователи, занимавшиеся изучением погребальных комплексов Семибратних курганов, которые считаются местом захоронения синдских царей, подчёркивали принципиальную важность разработки их хронологии для истории Синдики V – начала IV в. до н.э. (см., напр.: Силантьева. 1967. С. 46–48; Бутягин. 1996. С. 44–45; Виноградов. 2005. С. 257). Дополнительную информацию в этом отношении даёт тщательное изучение архивных и опубликованных материалов к чему призывал ещё М. И. Ростовцев. До сих пор, фактически начиная с Л. Стефани, господствовала точка зрения, согласно которой Семибратние курганы делились на две группы: старшие, датируемые в пределах V в. до н.э., и младшие, которые относили к IV в. до н.э. Более дробная схема была предложена А. Ю. Алексеевым: 460–425 гг. до н.э. – старшая группа, 425–375 гг. до н.э. – младшая группа (2003. С. 296).

Если свести воедино данные о Семибратних курганах, то становится очевидным, что обряд погребения в них прошёл в своём развитии не два, а три этапа:

1. В третьей четверти V в. до н.э. захоронения совершали в сырцовых склепах (С.к. 2 и 4), возведённых на материке. Погребённых помещали в специальные отделения, отгороженные стенкой из сырцовых кирпичей или досками. В пределах склепа или отдельно захоронены лошади, число которых может достигать тринадцати.

2. В последней трети V в. до н.э. для захоронений использовались каменные гробницы, впущенные в угол сырцового склепа. С.к. 5 является сооружением переходного типа, поскольку склеп в нём был сооружён на материке в отличие от более позднего С.к. 6, где погребальная камера врезана в материк. Наблюдается постепенное увеличение предметов греческого импорта, вплоть до использования

⁷⁷ Работа выполнена в рамках проекта «Курганные древности Боспора Киммерийского» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 29 «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

деревянного резного саркофага. Число захоронённых лошадей снижается до семи.

3. Начиная с рубежа V–IV вв. до н.э. погребения связаны с отдельными каменными гробницами вытянутой формы, впущенными в материк (С.к. 1, 3, 7). По соседству с ними располагаются сырцовые склепы с конскими костяками. В одном случае зафиксировано такое новшество как каменная крепида курганной насыпи (С.к. 7).

К середине V в. до н.э., когда был насыпан первый из Семибратних курганов, Синдика уже прошла начальный этап развития внешних контактов как со скифами, так и с греками. Сам факт основания в земле синдов греческих полисов говорит об установлении между ними каких-то отношений уже в ранний период истории Боспора.

О дальнейшем их углублении свидетельствует появление на морском побережье в конце VI в. до н.э. Синдской гавани. Несколько позднее, не ранее самого начала V в. до н.э., в глубине варварской территории на левом берегу Кубани, был основан город, известный как Лабрис (Семибратнее городище). Вскоре овальная форма прибрежной части Лабриса (около 6 га), явившаяся результатом первоначальной беспорядочной застройки, была зафиксирована единовременным строительством оборонительных сооружений. Поскольку уже во второй четверти V в. до н.э. город одновременно расширяется в южном направлении в пределах дополнительной оборонительной линии (около 2,5 га), возведение ранних укреплений можно рассматривать как одну из первых акций созданной при Археанактидах для отражения скифской опасности симмахии, в которую вошли и синды (Толстиков. 1984. С. 32 сл.; Шелов-Коведяев. 1985. С. 77).

Как показывает история Боспора, в случае необходимости ведения масштабных военных действий против какого-нибудь кочевого народа, всегда приходилось прибегать к помощи союзного племени, обладавшего сильной конницей. Судя по всему, первый удачный опыт такого рода был поставлен в отношении синдов, освоивших в низовьях Кубани область, пригодную для ведения скотоводческого хозяйства⁷⁸. В период нарастания скифской угрозы синды могли заключить оборонительный союз с соседними народами и постепенно занять в нём доминирующее положение, связанное с отчуждением у местного населения части земледельческо-скотоводческой продукции. Представляется вероятным, что в состав синдского племенного союза входили тореты, дандарии и псессы, упомянутые в самом раннем варианте титулатуры Левкона I, фиксирующем его власть над Синдикой в качестве архонта (Соколова, Павличенко. 2002. С. 99–121).

⁷⁸ Интересно, что триста лет спустя расселенная на Азиатском Боспоре для защиты его восточных границ другая кочевая группировка – аспургиняне – существует примерно в тех же границах, что и Синдика: между Фанагорией и Горгиппией (*Strab.* XI. 2. 11).

Поскольку по отношению к перечисленным племенам Левкон также именуется архонтом, создаётся впечатление, что, став преемником последнего синдского царя Гекатея, он автоматически приобрел права на зависимые от синдов земли.

Возвращаясь к теме греко-синдских взаимодействий отметим, что увеличение не позднее конца второй четверти V в. до н.э. площади городской застройки Лабриса могло быть связано с прибытием сюда небольшой группы эпойков (порядка 130–150 семей; Горнчаровский. 2009. С. 156). Не исключено, что в дальнейшем Лабрис приобрёл статус полиса, оставшись, однако, подконтрольным племени синдов в лице их вождей и представителей знати. Этот вариант соответствует третьей модели взаимодействия между кочевниками и городами по А. М. Хазанову. Обычно строительство городов в степной зоне осуществлялось не самими кочевниками, а оседлыми жителями из других стран и регионов (Хазанов. 2008. С. 422–423). Возможно, этот этап в жизни Лабриса, обусловленный притоком греческих колонистов, связан с кризисом, который около середины V в. до н.э. переживают сельские поселения на хоре античных городов Азиатского Боспора (Завойкин. 2010. С. 209–211), когда скифская угроза уже была ликвидирована. Соответственно созданная для её отражения симмахия неизбежно должна была переродиться в новую систему отношений между её участниками. Надо полагать, что в этой ситуации синды и их союзники, привыкшие пользоваться благами эллинской цивилизации, попытались реализовать свой возросший военно-политический потенциал в отношении контроля над сельской территорией Таманского п-ова. Данная модель, видимо, предполагала не только регулярное получение даров, но и обеспечение за плату беспрепятственных поставок продуктов и необходимых товаров в боспорские города. Определённые доходы должна была приносить и охрана от нападений других варваров торговых путей, которые вели в район меотских городищ Среднего Прикубанья, где одной из основных зерновых культур являлась пшеница (Анфимов. 1951. С. 144 сл.). Со второй половины V в. до н.э. здесь наблюдается увеличение поступления античного импорта, в составе которого явно преобладают предметы роскоши (Мальшев. 2000. С. 107).

Вероятно, правители синдов, продолжая большую часть года вести кочевой образ жизни, имели в Лабрисе постоянную резиденцию, а после смерти удаивались захоронения под расположенными на возвышенности курганными насыпями, видными с любой точки городской территории. Более или менее постоянно могли появляться здесь и представители кочевой аристократии, для которых контакты с греками, видимо, служили фактором, укреплявшим их экономические и социальные позиции. Очевидно, отмеченные обстоятельства и обусловили в дальнейшем особую роль Лабриса как

в формировании в Синдике элементов государственности раннего типа, так и в событиях военно-политического характера.

Об этническом составе первоначального населения Семибратнего городища пока судить сложно, но, по крайней мере, с конца второй четверти V в. до н.э., Лабрис, видимо, существовал как греческий центр в Синдике. Возможно, именно здесь была налажена чеканка монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ (Смекалова и др. 2007. С. 34–36)⁷⁹, что может означать только одно – «(монета) синдос» (Тохтасьев. 2001. С. 64). Чеканка таких монет демонстрирует неравноправный характер отношений синдских царей с тем городом, где она производилась. Данную ситуацию можно сопоставить с положением эллинов в рамках возникшего в начале V в. до н.э. Одрисского царства, где граждане отдельных греческих полисов и жители эмпориев в глубине варварской территории, не будучи собственниками земли, платили царю подати (Высокий. 2003. С. 53). Кроме того, ему и знатым фракийцам подносили дары золотом и серебром и всё это помимо искусно и пёстро расшитых и простых тканей и всякой утвари (*Thuc.* II, 97, 3). Собственно такой же набор «даров» мы видим в составе погребального инвентаря Семибратних и Малых Семибратних курганов, что даёт возможность говорить о существовании сходных взаимоотношений между верхушкой синдского общества и греческими поселенцами, прежде всего расположенного неподалеку от места царских захоронений Лабриса.

Высказанные выше соображения диктуют необходимость вновь затронуть дискуссионную проблему существования синдского государства. С одной стороны сам факт производившейся от лица синдос монетной чеканки говорит насколько далеко вперёд ушли они в общественном развитии по сравнению с соседними варварскими племенами. С другой – существование на протяжении нескольких десятилетий в неизменном виде легенды ΣΙΝΔΩΝ указывает на длительное сохранение элементов родоплеменной структуры власти, когда руководство племенем осуществляется от имени его членов, а царь выступает как «первый среди равных». Титул «царь», употребляемый по отношению к Гекатею у Полиена (*Polyaen.* VIII. 55) и в посвящении из Лабриса (Тохтасьев. 1998. С. 286–301; 2004. С. 144–156), следует рассматривать лишь как признание его значимости в роли вождя сильного в военном отношении племенного союза. Правда, в последнем из упомянутых источников в связи с отношениями Гекатея и Октамасада, его сына (от меотянки Тиргатао?), как будто можно говорить об уже возникшем как раз тогда институте

⁷⁹ По сообщению В. Л. Строкина (Темрюк) к настоящему времени для Семибратнего городища известно уже около 50 случайных находок синдских монет почти всех известных типов.

престолонаследия (Тохтасев. 2001. С. 68). Впрочем, это не исключает того, что переход верховной власти у синдов мог происходить не в силу прямой преемственности, а решаться каждый раз заново при ограничении возможности выбора членами одного и того же рода.

Таким образом, приходится констатировать, что синды остановились буквально на пороге возникновения собственного государства (ср.: Шелов-Коведяев. 1985. С. 133), влившись в состав соседнего Боспора в силу тесных династических связей с его правителями. Само имя Гекатей говорит о том, что его мать могла быть эллинского происхождения, возможно, родственница боспорского царя Сатира I, учитывая его активную заинтересованность в синдских делах. Впоследствии именно Сатир вернул царю синдов Гекатею утраченную по неизвестным причинам⁸⁰ власть и тем самым ещё больше подчинил Синдику своему влиянию. Сложившуюся ситуацию наглядно демонстрирует обращённое к Гекатею требование боспорского правителя жениться на его дочери, предварительно устранив прежнюю жену. Эта вторичная женитьба, вероятно, поставившая под вопрос наследственные права Октамасада, в конечном итоге вызвала затяжную войну, развязанную Тиргатао при содействии иксоматов и других меотских племён на территории Азиатского Боспора около 390 г. до н.э. Первый этап её завершился трёхсторонним соглашением между Тиргатао, Гекатеем и Сатиром I, который дал в качестве заложника своего сына Метродора. Ситуация резко изменилась после организованного Сатиром неудачного покушения на Тиргатао, убийства Метродора и новых военных действий, развернувшихся на Азиатском Боспоре.

Возможно, с этими событиями, если принять гипотезу Э. Зимон, связаны рельефы, найденные при раскопках античной усадьбы Юбилейное I на Таманском п-ове. Она считает, что они имеют отношение к героону, воздвигнутому Левконом I в память об умершем отце и погибшем брате. В таком случае мраморный надгробный рельеф с двумя героизированными фигурами воинов изображает почти одновременно ушедших из жизни Сатира I и его младшего сына Метродора (Зимон. 1999. С. 303). На известняковом рельефе со сценой сражения, скорее всего, представлена не амазонамахия, а схватка между принявшими участие в конфликте варварами. В сцене сражения, которое идёт с переменным успехом, в самом значимом нижнем ярусе изображений, победителем оказывается всадник, расположенный справа. Он единственный, у кого на голове налобная

⁸⁰ Можно предположить, что уже в тот момент верхушка синдского общества оказалась расколотой на две партии, своего рода «иранскую» и «греческую», которую возглавил Гекатей. Его женитьба на Тиргатао в начальный период правления, видимо, является отражением временного компромисса с антиэллинскими настроениями части синдской знати (ср.: Блаватская. 1959. С. 103–105; Шелов-Коведяев. 1985. С. 133–134).

повязка типа диадемы, которая могла служить символом верховной власти. Ещё одной специфической деталью в изображении этого персонажа являются подвешенные к уздечке две отрубленные головы. В обоих случаях правильные черты лица в обрамлении коротко остриженных волос трактованы достаточно реалистично, чтобы утверждать, что они принадлежат не варварам, а скорее всего, грекам. Таким образом, для боспорского зрителя в отношении данного рельефа не должно было остаться сомнений, где здесь изображён враг. Противостоящего всаднику воина с копьём и горитом логично интерпретировать как образ представителя синдской знати, что наглядно подчёркивает большая гладкая гривна на его шее. Как резонно заметил Р. Штупперих, дошедший до нас рельеф мог иметь парное к нему изображение по другую сторону от входа в героон, где исход сражения с врагами Боспора был уже иным (Штупперих. 2001. С. 86).

Имя Октамасада в связи с событиями второго этапа войны с Тиргатао и иксоматами не упоминается, но его участие в них весьма вероятно. Именно тогда он мог, «лишая отца власти», захватить его резиденцию в Лабрисе и контроль над Синдикой. В условиях продолжавшейся осады Феодосии новый боспорский царь Левкон I поставил перед своим братом Горгиппом задачу достижения мира любой ценой и в данном контексте Гекатей в сообщении Полиена вообще не фигурирует. Судя по титулатуре Левкона в посвящении из Лабриса, изгнать узурпатора стало возможным только после захвата Феодосии. Обычно это событие относят к концу 80-х – началу 70-х гг. IV в. до н.э., но осада города могла успешно завершиться гораздо раньше, уже в первые годы правления Левкона I (Молев. 1997. С. 75). В ходе последовавших вслед за этим военных действий в Синдике Гекатею были возвращены его владения, а относительно дальнейшей судьбы Октамасада мы не знаем ничего. Если допустить, что он вскоре погиб, то появляется гипотетическая возможность связать сравнительно невзрачный С.к. 3 с захоронением погребённого без особой пышности царского сына.

Последний период правления Гекатея, судя по всему, оказался недолгим, и тогда уже ничто не могло помешать Левкону I в силу родственных связей с угасшим царским родом включить всю территорию синдов в состав своих владений. С большой долей вероятности можно предположить, что последний синдский царь при этом был похоронен со всеми приличествующими почестями там же, где нашли последнее пристанище его предки и ближайшие родственники. В подобном случае Александр Македонский, стремившийся обосновать в глазах новых подданных преемственность своей власти над Персией по отношению к погибшему Дарию III, распорядился торжественно похоронить его, как подобает, «в царской усыпальнице, где были похоронены и другие персидские цари» (*Arr.* III. 22. 14).

Такой ситуации как нельзя лучше соответствует не наспех произведенное погребение в С.к. 3, отдельными исследователями отводившееся Гекатею (Бутягин. 1996. С. 45; Алексеев. 2003. С. 209; Власова. 2005. С. 73), а С.к. 1 – самый поздний (рубеж первой – второй четверти IV в. до н.э.) и одновременно самый большой среди Семибратних (высота – 14,9 м, окружность – 260 м, гробница площадью 23 м²), в конструкции которого наиболее ощутимо влияние боспорской архитектуры. По высоте он уступает только Царскому (18,5 м) и Кара-Обе (25,6 м), а сразу по двум показателям лишь Золотому кургану (склеп 31 м², общая высота > 21 м).

Итак, если подвести итоги, следует признать Семибратние курганы местом захоронения нескольких поколений одного рода, представители которого правили Синдикой на протяжении почти ста лет и, видимо, имели резиденцию в соседнем городе Лабрисе (Семибратнее городище). Линия из пяти курганов (С.к. 2, 4–7), судя по анализу находок и конструкции погребальных сооружений, возникла в процессе постепенного возведения соответствующих насыпей в направлении с запада на восток. С.к. 3, втиснутый в пространство между С.к. 2 и 4, является более поздним по отношению к С.к. 7. Вероятно, это объясняется как невозможностью по условиям рельефа местности продолжить цепочку курганов далее к востоку, так и спешкой при погребении, когда изначально не ставилась задача сооружения крупного погребального памятника. Самым поздним в этой группе является стоящий отдельно С.к. 1, расположенный к югу от С.к. 2.

Период возведения Семибратних курганов практически совпадает со временем расцвета т. н. Синдского царства, отмеченного чеканкой нескольких серий серебряных монет от лица всего племени. Это свидетельствует о большой роли племенной знати, погребальные памятники которой, синхронные царским, но меньших размеров (Малые Семибратние курганы), рассеяны на территории к западу от Лабриса. Состав находок даже из этих ограбленных комплексов говорит о значительной роли синдской аристократии в сфере внешних сношений той области, где обращались престижные предметы, определявшие место человека в социальной структуре.

Литература

- Алексеев. 2003 – Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб., 2003.
- Анфимов. 1951 – Анфимов Н. В. Земледелие у меото-сарматских племён Прикубанья // МИА. 1951. № 23.
- Блаватская. 1959 – Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959.

- Бутягин. 1996 – *Бутягин А. М.* Хронология Семибратних курганов и история Синдика // Курганы: историко-культурные исследования и реконструкции. СПб., 1996.
- Виноградов. 2005 – *Виноградов Ю. А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в античную эпоху. СПб., 2005.
- Власова. 2005 – *Власова Е. В.* Семибратние курганы. Синды // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья: Материалы науч. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения В. Ф. Гайдукевича. СПб., 2005.
- Высокий. 2003 – *Высокий М. Ф.* Эллины в Одрисском царстве в V–IV вв. до н.э. // *Studia historica*. 2003. Vol. III.
- Горончаровский. 2009 – *Горончаровский В. А.* Лабрис (Семибратнее городище) и синды (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2008 гг.) // *БИ*. 2009. Вып. XXII.
- Завойкин. 2010 – *Завойкин А. А.* Периодизация освоения греками Таманского полуострова в VI–V вв. до н.э. (соотношение письменных и археологических источников) // *АМА*. 2010. Вып. 14.
- Зимон. 1999 – *Зимон Э.* Заключение // Таманский рельеф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья. М., 1999.
- Мальшев. 2000 – *Мальшев А. А.* Боспор и Прикубанье во второй половине V – середине III в. до н.э. // *ДБ*. 2000. Т. 3.
- Молев. 1997 – *Молев Е. А.* Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Нижний Новгород, 1997.
- Силантьева. 1967 – *Силантьева Л. Ф.* Семибратние курганы и их значение для изучения культуры синдов // Тез. докл. науч. сессии Гос. Эрмитажа. Л., 1967.
- Смекалова и др. 2007 – *Смекалова Т. Н., Горончаровский В. А., Дюков Ю. Л.* Магнитометрическое исследование Семибратнего городища и монеты синдов // XIV Всероссийская нумизматическая конф. СПб., 2007.
- Соколова, Павличенко. 2002 – *Соколова О. Ю., Павличенко Н. А.* Новая посвятельная надпись из Нимфея // *Hesperoboreus*. 2002. Vol. 8. Fasc. 1.
- Толстиков. 1984 – *Толстиков В. П.* К вопросу об образовании Боспорского государства // *ВДИ*. 1984. № 3.
- Тохтасьев. 1998 – *Тохтасьев С. Р.* К чтению и интерпретации посвятельной надписи Левкона I с Семибратнего городища // *Hesperoboreus*. 1998. Vol. 4. Fasc. 2.
- Тохтасьев. 2001 – *Тохтасьев С. Р.* Ещё раз о синдских монетах и Синдском царстве // *БФ*. 2001. Ч. I.
- Тохтасьев. 2004 – *Тохтасьев С. Р.* Боспор и Синдика в эпоху Левкона I // *ВДИ*. 2004. № 3.
- Хазанов. 2008 – *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. СПб., 2008.
- Шелов-Коведяев. 1985 – *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. М., 1985.
- Штутперих. 2001 – *Штутперих Р.* Рельеф с изображением битвы скифов, найденный на Таманском полуострове // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.; СПб., 2001.

О восточной границе Боспорского царства

Тема восточной границы Боспорского государства сама по себе весьма обширна, интересна и уже не раз поднималась среди исследователей древней истории региона. Вернутся к ней нас побудил ряд обстоятельств, среди которых наши наблюдения, археологические исследования последнего времени на обозначенной территории, и конечно же, интерес к судьбе тех меотских племён, которые были покорены греками.

Довольно длительное время о восточных приобретениях Боспора исследователи могли судить, опираясь только на сообщения античных авторов и посвятельные надписи, среди которых особенно полезными являлись титулатура пантикапейских правителей, где последовательно перечислялись и постепенно добавлялись названия племён, над которыми простиралась архонтская, а в дальнейшем – и царская власть. Процесс движения на восток со временем подтвердился и исчерпывающим археологическим материалом и на данный момент этот факт не вызывает никакого сомнения. Также нет сомнений в том, что «пограничным форпостом» азиатской части Боспора является Краснобатареиное городище. И если И. С. Каменецкий, вслед за Н. А. Захаровым и Н. В. Анфимовым, во многом предположил его античный характер (Захаров. 1937; Анфимов. 1948; Каменецкий. 2001), то исследования последних лет его доказали (Малышев и др. 2008; Шевченко. 2009). Масштабная фортификационная система Краснобатареиного городища предназначена для решения серьёзных стратегических и оборонительных задач. Система включает в себя две «цитадели», ров, вал, усиленный башнями, и ещё один вал протяжённостью 3 км, перегораживающие долину от р. Кубани вплоть до горных отрогов (Шевченко. 2009. С. 435). Человеку и тем более государству свойственно чётко определять свою территорию. Его граница во избежание недоразумений и неприятностей должна быть весьма внятно обозначена. И, по нашему мнению, восточный рубеж Боспора этим требованиям соответствует.

Как показали исследования, проведённые археологическими отрядами ЮРЦАИ в 2009 и 2010 гг. в Крымском р-не Краснодарского края, соседние с Краснобатареиным городищем меотские памятники прекращают своё существование. Расширение жизненного пространства городища, а также стремление обезопасить прилегающие территории в приграничной зоне предредило судьбу находящегося чуть южнее меотского поселения Псиф-3. Расположенное на западном берегу р. Псиф, оно, судя по материалам, гибнет в огне пожара во второй половине IV в. до н.э. Напомню, что к этому же времени

относятся керамические комплексы и боспорские монеты, маркирующие нижние слои Краснобатареиного городища (Там же. С. 437). В таком случае, вряд ли случайно одновременное основание одного и гибель другого. На небольшом меотском поселении Посегун, расположенном на противоположном восточном берегу р. Псиф, происходит отток населения и запустение, что, на наш взгляд, напрямую связано с уничтожением западного соседа Псиф-3.

Однако местное население откатывается недалеко. Продолжает функционировать могильник Фурожан-3, расположенный всего в нескольких километрах к востоку от р. Псиф. Отмечу, что на сегодняшний день он является самым западным из обнаруженных и исследованных ныне закубанских меотских могильников IV в. до н.э. В его материалах присутствует амфорная тара второй половины столетия. Причём, судя по отдельным профильным фрагментам амфор из обширного поминального комплекса, ритуальные действия на могильнике продолжались и в III в. до н.э. В погребениях много оружия: мечи, крупные наборы копий, стрелы. Обилие инвентаря говорит в пользу того, что население, оставившее этот могильник, было свободным.

Итак, приведённые выше данные позволяют с большой долей вероятности предполагать, что один из отрезков восточной границы Азиатского Боспора проходил по р. Псиф (Рис. 1). С одной стороны реки – укреплённые линии Краснобатареиного городища, с другой – следы постоянного пребывания свободного варварского населения. В пользу этого предположения говорит удобное географическое положение рубежа (об этом мы уже высказывались в печати) и отсутствие восточнее античных памятников.

Ранее высказывалось мнение, согласно которому граница государства проходила по линии Старонижестеблиевская–Крымск–Раевская (Аптекарев. 1987. С. 29–30; 1989, С. 63–65). Основным аргументом в пользу данной точки зрения является то, что находки монет почти всегда, за исключением случаев их вторичного использования, соответствуют территории их обращения, а значит территория эта, включая и население, фактически находилась в юрисдикции Боспора (Аптекарев. 1987. С. 30). Мы с этим отчасти согласны, однако следует учитывать, что слабой стороной в доказательной базе тезиса стал сам опорный материал – монеты. Уточним, что как бы ни было замкнуто денежное обращение, в любом случае, исключать проникновение монет в контактные зоны невозможно. В таком случае, 20-километровый отрезок между р. Псиф и г. Крымском, где присутствуют и монеты, и свободные варвары, как раз такой зоной и является.

В данной работе речь шла всего лишь о небольшом участке пограничной линии Боспорского государства, но очевидно насколько важна её конкретизация. Решение этого вопроса ведёт к пониманию целого ряда проблемных моментов, в числе которых локализация

перечисленных в титуле Пантикапейских правителей покорённых меотских племён, которые, по нашему мнению, обитали западнее указанной границы и были включены в состав Боспорского государства и стали неотъемлемой его частью.

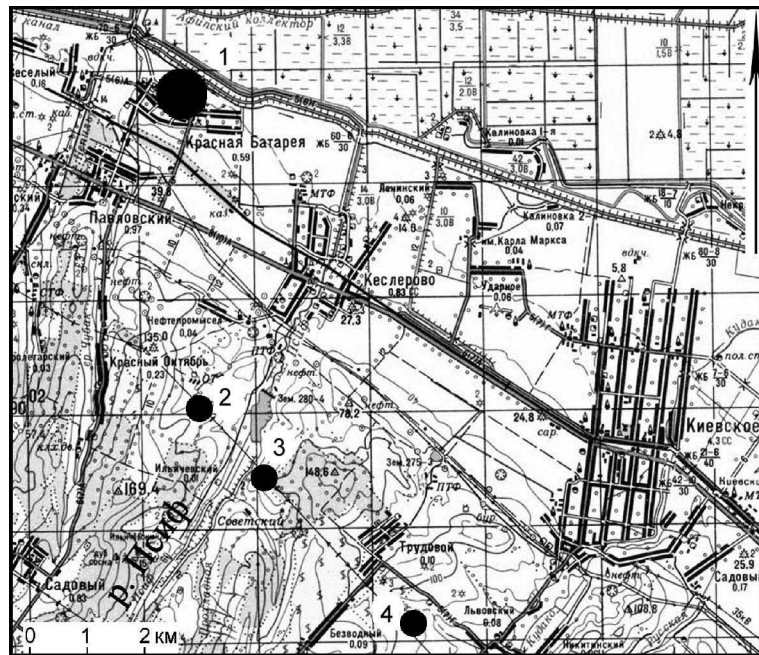

Рис. 1

Литература

- Анфимов. 1948 – *Анфимов Н. В.* Городище восточной окраины Боспорского государства // Историко-археологический сборник. М., 1948.
- Аптекарев. 1987 – *Аптекарев А. З.* К вопросу о восточной границе Боспорского царства во второй половине IV – первой половине III в. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье–Приазовье. Новочеркасск, 1987.
- Аптекарев. 1989 – *Аптекарев А. З.* К вопросу о восточной границе Боспорского царства во второй половине IV – первой половине III в. до н.э. // Первая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1989.
- Захаров. 1937 – *Захаров Н. А.* Пограничное укрепление Боспорского государства на Северном Кавказе и Краснобатарейное городище // СА. 1937. II.
- Каменецкий 2001 – *Каменецкий И. С.* У границ Азиатского Боспора // МИАК. Краснодар, 2001. Вып. 1.
- Мальшиев и др. 2008 – *Мальшиев А. А., Гольева А. Н., Новичихин А. М.* Новое в изучении периферийных районов Азиатского Боспора // КСИА. 2008. Вып. 222.

Шевченко. 2009 – Шевченко Н. Ф. Краснобатареиное городище. Старые проблемы, новые исследования // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009.

В. В. Улитин

Упадок греко-меотской торговли в первой половине III в. до н.э. и начало заката боспорского хлебного экспорта

Одним из важных аспектов проблемы кризиса III в. до н.э. в Северном Причерноморье является сокращение боспорского зернового экспорта. Одним из если не основных, то, по меньшей мере, важных источников поступления зерна для державы Спартокидов были меотские земли Прикубанья (из последних работ см., напр.: Каменецкий. 1999. С. 236; Одрин. 2004; Малышев. 2000. С. 104; Улитин. 2006а. С. 128–136; Терещенко. 2010. С. 57). Данная работа представляет собой попытку определить более чётко взаимосвязь ситуации на меотских территориях и начала упадка боспорского хлебного экспорта.

К моменту первых кризисных явлений греко-меотская торговля осуществлялась главным образом в форме натурального обмена (Брашинский. 1972. С. 24), на основе которого и был достигнут во второй – третьей четверти IV в. до н.э. наивысший пик импорта греческих товаров к меотам. К этому же периоду по данным письменных источников относится и расцвет боспорского хлебного экспорта. Часть меотских территорий была вовлечена в денежное обращение (Брашинский. 1972. С. 24; Аптекарев. 1989; Малышев. 2000. С. 112–115), но это произошло уже в самом конце периода расцвета греко-меотской торговли. Наиболее ранние монеты конца третьей – начала последней четверти IV в. найдены на Краснобатареином городище в Закубанье (Шевченко. 2009. С. 436) и на Елизаветинском в Среднем Прикубанье (Анфимов. 1966). В денежное обращение были вовлечены не только проживавшие в поселениях со смешанным населением греки, но и меоты, о чём косвенно свидетельствуют сами находки монет в слоях; вместилища кладов из Старонижестеблиевской и Славянска-на-Кубани – меотские сероглиняные кувшины; некоторые погребения из раскопок Елизаветинского могильника № 1 – с монетами и одновременно с характерным для меотского погребального обряда помещением миски под головой (Берлизов, Анфимов. 2006. С. 124–125, 127).

По материалам амфорной тары выявлена следующая динамика развития торговли (Улитин. 2006б. С. 17–19. Рис. 2): после достигнутого пика во второй и третьей четверти IV в. до н.э. в последней четверти того же столетия происходит уже достаточно заметное

снижение объёмов поступления вина (примерно на 20 %). В первой четверти III в. до н.э. оно было уже резким (почти в три раза по сравнению с последней четвертью IV в.), достигнув своего максимума во второй четверти того же века. В дальнейшем за весь доримский период развития греко-меотской торговли, несмотря на некоторое её оживление в третьей четверти III и второй половине II в. до н.э., даже уровень первой четверти III в. до н.э. достигнут не был.

В научной литературе назывались различные факторы, оказавшие влияние на кризисные явления III в. до н.э. в Северном Причерноморье (см., напр., обзор точек зрения в работах: Виноградов и др. 1997; Виноградов. 1997. С. 104–107; Завойкин. 2004. С. 68). Точка зрения, соотносящая их с дестабилизацией военно-политической обстановки, связанной с передвижениями сарматских племён, лучше всего объясняет изменения, произошедшие не только в Северном Причерноморье в целом, но и в Прикубанье.

Наиболее подробно взаимосвязь упадка греко-меотской торговли с изменениями военно-политической ситуации в Прикубанье, с упрочнением здесь позиций сарматов, была показана И. И. Марченко (1996. С. 116–120). Предположение И. С. Каменецкого о том, что уменьшение объёмов товарного хлеба у меотов было следствием стремительного роста народонаселения (Каменецкий. 1999. С. 236), не представляется убедительным.

Заметному сокращению импорта вина к меотам уже в последней четверти IV в. до н.э. может быть предложено следующее объяснение. Материалы амфорных комплексов свидетельствуют о том, уже с середины IV в. объём импорта вина в Северное Причерноморье если ещё и не снижается, то перестаёт расти, причём из-за факторов, действовавших в самом Северном Причерноморье (Монахов. 1999. С. 418–419). Уже в последней трети IV в. импорт вина в Горгиппию снижается почти в 2,5 раза (Кас. 2010), а на Семибратнее городище в Прикубанье и на Елизаветовское в дельте Дона – в два раза (Кац. 2007. С. 385). Есть основание предполагать, что сокращение объёмов импорта вина связана с сокращением зернового экспорта. Оно, в свою очередь, было связано с уже давно отмеченным исследователями ухудшением военно-политической обстановки в Северном Причерноморье с середины IV в. (Виноградов, Горончаровский. 2009. С. 89–90). Два довольно точно датируемых события должны были отразиться на боспорской торговле – война Перисада со скифами около 328 г. до н.э., вызвавшая застой в торговле, и усобица 310–309 гг. сыновей Перисада I (Виноградов, Горончаровский. 2009. С. 90–96). Об обострении обстановки в самом Прикубанье свидетельствует сооружение оборонительных систем на городище № 2 у хут. им. Ленина и Старокорсунском городище № 2 (Марченко. 1996. С. 116–117; Лимберис, Марченко. 2009. С. 220). В степях правобережья

Кубани появляются сарматские племена, связываемые с сираками письменных источников (Марченко. 1996. С. 84–85, 113–117). На греко-меотских торговых связях, во-первых, должна была отразиться уже сама война 310–309 гг., с которой в частности, вероятно, связано разрушение оборонительных стен Семибратнего городища (Анфимов. 1958. С. 52). Во-вторых, установление сарматского господства в последнем десятилетии IV в. в степях Прикубанья, о чем свидетельствуют уничтожение оборонительных сооружений части меотских городищ, прекращение сооружения богатых меотских курганов после конца IV в., предполагаемое уничтожение меотской знати (Марченко. 1996. С. 117). В отношении экспортных возможностей Боспора в последнем десятилетии IV в. большой интерес представляет комедия Менандра «Самиянки», в которой путешествие её героя, купца Демеи, на Боспор отражает реалии конца IV в. до н.э. (Маринович, Кошеленко. 1999). Как отмечалось, этот источник, с одной стороны, действительно, свидетельствует о сохранении торговых связей Афин с Боспором (Маринович, Кошеленко. 1999. С. 98; Завойкин. 2004. С. 174), а с другой, есть параллели в ситуации в описываемый период (306–301 гг. по Л. П. Маринович и Г. А. Кошеленко) и в период войны Перисада I со скифами (застой в торговле) (Маринович, Кошеленко. 1999. С. 92). Есть все основания считать, что сложное положение в торговле хотя бы отчасти было вызвано ситуацией в Прикубанье в последнем десятилетии IV в., когда сираки устанавливают своё господство, а меоты вследствие этих событий не могут производить и поставлять в прежнем объёме зерно. С другой стороны, учитывая последствия событий конца третьей – начала последней четверти IV в. до н.э. для хоры Нимфея (Зинько. 2005. С. 77), можно предполагать, что возможности для экспорта зерна не были очень благоприятными и на европейской стороне Боспора. Существуют и иные подтверждения заметного снижения в конце IV в. до н.э. зернового потенциала Боспора. В эпиграфических источниках среди целого ряда областей, откуда в конце IV в. до н.э. поступало зерно в Афины, Боспор не упоминается (Хабихт. 1999. С. 74, 86–88); в т. ч. во время острого хлебного голода 300 г. до н.э. в Афинах (Там же) Боспор, вероятно, не смог помочь городу. Сокращение объёмов греко-меотской торговли в последней четверти IV в. до н.э. становится более понятным, если предположить, что оно не было плавным в течение всего этого промежутка времени, а пришлось главным образом на последнее десятилетие IV в. до н.э. Не исключено, что уже с этого времени могло начаться резкое сокращение торговли.

В первой четверти III в. до н.э. объёмы торговли резко снижаются. Здесь продолжают сказываться последствия сиракских завоеваний. Сокращаются не только объёмы, но и ассортимент поступавшего вина и ареал импорта. По отсутствию амфорного импорта

на меотских памятниках Усть-Лабинской локальной группы можно судить о почти полном прекращении торговли с Боспором населения этой территории до конца III в. до н.э. Неблагоприятная для развития торговли обстановка подтверждается зарытием кладов монет (Аптекарев. 1989; Абрамзон, Фролова. 2007–2008. С. 105–108, 113–123) и прекращением существования некоторых меотских памятников (Прикубанский могильник по данным И. И. Марченко и Н. Ю. Лимберис, могильник Лебеди III по данным И. С. Каменецкого). Зарытие кладов, с одной стороны, свидетельствует о сохранении этих территорий в зоне денежного обращения и в составе Боспора (Аптекарев. 1989), о том, что и они были охвачены денежным кризисом, с другой – о возникшей угрозе, опасности, связанной, скорее всего (по крайней мере, для кладов с территории Приазовской низменности), с сираками (Молев. 1994. С. 44). Наиболее ранние сарматские курганы, связываемые с сираками, довольно близки территориально тем меотским поселениям Приазовской низменности, где происходило зарытие кладов, а затем прекратил существовать ряд поселений (Марченко. 1996. Рис. 1). В слоях меотских Елизаветинского и Краснобатареиного городищ монеты периода кризиса, как и на Боспоре, наиболее многочисленны. Судя по декрету в честь Спартока III (284 г. до н.э. по Х. Хайнену), хлеб в Афины в 80-х гг. III в. до н.э. поступает, но в скромных объёмах (Хайнен. 1999), а сам декрет, по мнению исследователей, является наиболее поздним письменным свидетельством о ввозе боспорского зерна в Афины (Кузнецов. 2000. С. 117). Показательно и наблюдение М. Г. Абрамзона о временном исчезновении в первой половине III в. до н.э. мотива колоса из пантикапейской чеканки, который вновь появляется на монетах в правление Левкона II (Абрамзон. 1997. С. 80–81). Сокращение объёмов хлебной торговли Боспора приходится на период ещё до гибели поселений на хоре Европейского Боспора (что справедливо отмечено, напр., А. Е. Терещенко – 2010. С. 58), произошедшей уже во второй четверти века (Масленников. 1999. С. 184), а на Таманском п-ове какие-то проявления кризиса хоры на протяжении III в. до н.э. отсутствуют (Паромов. 1994. С. 9–10). Это позволяет во многом связывать начало заката боспорской зерновой торговли с ситуацией в Прикубанье (Улитин. 2006а. С. 135–136).

Во второй четверти III в. до н.э. объёмы торговли снижаются до минимума. Сказалось, вероятно, прекращение существования части меотских поселений (Старонижестеблиевское, Виноградный 1), что могло происходить не только из-за активности сираков, но также и в результате внутрисударственных междоусобиц (Шевченко. 2004. С. 417). Кроме того, вероятно, ослабевает контроль Боспора над частью меотских территорий (Молев. 1994. С. 50), включённых в его состав ещё во второй – третьей четверти IV в. до н.э., некоторые из них могли быть утрачены. Судя по материалам Горгииппии, импорт

вина в боспорские города не только не достигал уровня IV в. до н.э., но и продолжал быстрыми темпами снижаться (Кас. 2010).

Произошедшее резкое сокращение объёмов поступления меотского зерна очень заметно и негативно сказалось на положении Боспора. Есть все основания считать, что это было одной из основных причин сокращения возможностей царства по экспорту зерна, вследствие чего, во-первых, уменьшился ввоз вина и к меотам, и в боспорские города, а во-вторых, сократился приток золота и серебра на Боспор, что способствовало прекращению чеканки золотых и серебряных монет и развитию денежного кризиса (Терещенко. 2010. С. 58).

Проведённый анализ греко-меотской торговли времени её кризиса позволяет предполагать, что закат боспорской хлебной торговли мог быть во многом связан с резким сокращением меотского зернового экспорта.

Литература

- Абрамзон. 1997 – *Абрамзон М. Г.* Хлебная торговля и её символы на античных монетах // Торговля и торговец в античном мире. М., 1997.
- Абрамзон, Фролова. 2007–2008 – *Абрамзон М. Г. Фролова Н. А.* Корпус боспорских кладов античных монет. Т. 1. (1834–2005). Симферополь; Керчь, 2007–2008.
- Анфимов. 1958. – *Анфимов Н. В.* Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958.
- Анфимов. 1966 – *Анфимов Н. В.* Денежное обращение на Елизаветинском городище – эмпории Боспора на Средней Кубани // ВДИ. 1966. № 2.
- Аптекарев. 1989 – *Аптекарев А. З.* К вопросу о восточной границе Боспорского царства во второй половине IV первой половине III в. до н.э. // Первая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 1989.
- Берлизов, Анфимов, 2006 – *Берлизов Н. Е., Анфимов И. Н.* Елизаветинский могильник № 1 (по данным рукописного архива Н. В. Анфимова // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2006. Вып. 6.
- Брашинский. 1972 – *Брашинский И. Б.* Характер греко-варварской торговли античного Причерноморья и некоторые вопросы методики её исследования // Обмен и торговля в древних обществах. Л., 1972.
- Виноградов, Горончаровский. 2009 – *Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб., 2009.
- Виноградов и др. 1997 – *Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я.* Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. 1997. № 3.
- Виноградов. 1997 – *Виноградов Ю. Г.* Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE² 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3.
- Завойкин. 2004 – *Завойкин А. А.* Краткий очерк истории Боспора VI – первой четверти III в. до н.э. // ПИФК. 2004. Вып. XIV.
- Зинько. 2005 – *Зинько В. Н.* Хора городов западного побережья Боспора Киммерийского в IV – нач. III в. до н.э. (по письменным и археологическим источникам) // БФ. 2005.

- Каменецкий. 1999 – *Каменецкий И. С.* Греки и меоты // БФ. 1999.
- Кац. 2007 – *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII.
- Кузнецов. 2000 – *Кузнецов В. Д.* Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 2000. № 1.
- Лимберис, Марченко. 2009 – *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Результаты исследований оборонительных сооружений Старокорсунского городища № 2 // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. Краснодар, 2009.
- Малышев. 2000 – *Малышев А. А.* Боспор и Прикубанье во второй половине V – середине III в. до н.э. // ДБ. 2000. Т. 3.
- Маринович, Кошеленко. 1999 – *Маринович Л. П., Кошеленко Г. А.* Куда и зачем плавал Дея? // Закон и обычай гостеприимства в античном мире: Докл. конф. М., 1999.
- Марченко. 1996 – *Марченко И. И.* Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996.
- Масленников. 1999 – *Масленников А. А.* Греки и варвары на «границах» Боспора (Взгляд на проблему к концу тысячелетия) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М., 1999.
- Молев. 1994 – *Молев Е. А.* Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.
- Монахов. 1999 – *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999.
- Одрин. 2004 – *Одрин А. В.* Земельные ресурсы и зерновое хозяйство Боспора VI–IV вв. до н.э. // БФ. 2004. Ч. 1.
- Паромов. 1994 – *Паромов Я. М.* Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- Терещенко. 2010 – *Терещенко А. Е.* Истоки экономического кризиса III в. до н.э. // РА. 2010. № 4.
- Улитин. 2006а – *Улитин В. В.* Роль Прикубанья в экономической истории античного мира // Академклуб. Исторические науки. Вып. 2. Античная история и классическая археология. М., 2006.
- Улитин. 2006б – *Улитин В. В.* Торговые связи племён Прикубанья с античным миром в конце VII – первой половине I в. до н.э. (по данным амфорной тары): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
- Хабихт. 1999 – *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999.
- Хайнен. 1999 – *Хайнен Х.* Афинский почетный декрет в честь Спартока III (GIG. II. 653) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М., 1999.
- Шевченко. 2004 – *Шевченко Н. Ф.* Виноградный 1 – поселение эпохи эллинизма в степном Закубанье // В БЧ. 2004.
- Шевченко. 2009 – *Шевченко Н. Ф.* Краснобатареиное городище. Старые проблемы, новые исследования // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. Краснодар, 2009.
- Кас. 2010 – Кас V. The Greek Amphora Stamps from Gorgippia // Colloque international «Analyse et exploitation des timbres amphoriques grecs». Athenes, 3–5 fevrier 2010. Resumes. <http://www.efa.gr/Recherche/Manif/timbres/resumes.pdf>.

Утерянный фригийский шлем из кургана Большая Близница

В ходе раскопок кургана Большая Близница на Таманском п-ове в 1860-е гг., в погребении «воина» был найден бронзовый шлем т. н. фригийского типа. Богатое погребение датируется концом IV – началом III в. до н.э. (Schwarzmaier. 1996. S. 115). Шлем сначала хранился в Керченском музее, но, к сожалению, был утрачен во время Второй мировой войны (Алексинский. 2005. С. 25). Форма шлема теперь известна лишь благодаря двум графическим изображениям XIX в., одно – Н. Кондакова, другое – Л. Стефани (рис. 1. 1, 2). Оба изображения отличаются друг от друга передачей бортика, отделяющего налобную часть от тульи шлема⁸¹.

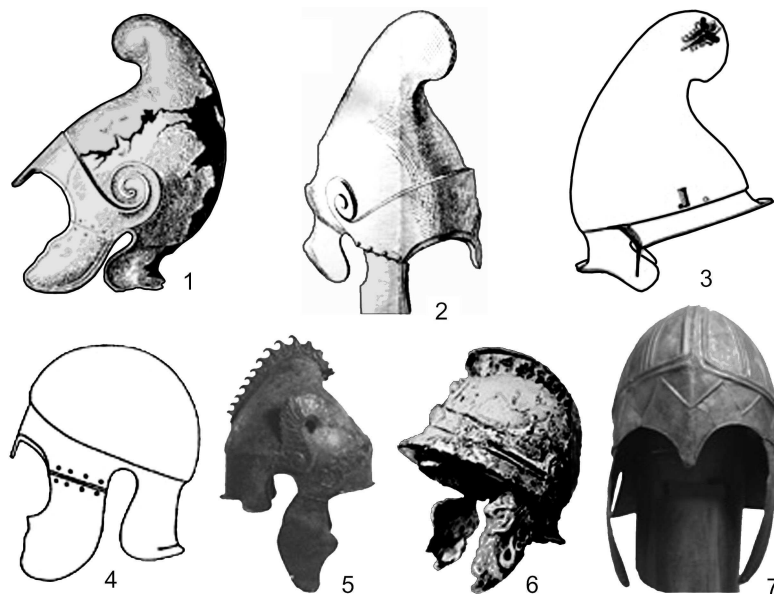

Рис. 1. Шлемы: 1 и 2 – Большая Близница (по: Pflug. 1988. Abb. 14 и Schröder. 1912. Weil. 12, 5); 3 – Витца (по: Waurick. 1988. Abb. 34); 4 – халкидский шлем V-го типа (по: Pflug. 1988. Abb. 2); 5 – «Conversano», Бари (по: Pflug. 1988. Abb. 14); 6 – Керчь, 1834 г. (по: Pflug. 1988. Abb. 50); 7 – Мезмай

⁸¹ Выражаю свою благодарность Д. Алексинскому за указание на эти различия и полезное обсуждение вопроса о происхождении данного шлема. Хочу также поблагодарить В. Р. Эрлиха за обсуждение данных тезисов и О. Брелову за редакцию языка текста.

Вопрос о месте производства шлема из Большой Близницы до сих пор остаётся без ответа. Большинство исследователей считает его греческим импортом (см. напр.: Черненко. 1968. С. 97; Алексинский. 2005. С. 26).

Сам термин «фригийский» означает характерную форму шлема с высокой тульей, загнутой вперёд по образцу «фригийской тиары» или колпака, как упоминается у Алкифрона ‘...τιάρη Φρυγίω...’ (*Алкифрон. Epistolae* 3, 59). Гётц Ваурик выделяет четыре группы шлемов фригийского типа (Waurick. 1988. S. 163). Типичный представитель основной группы – шлем из Витцы в Греции (Рис. 1. 3). Форма шлема из Большой Близницы сильно отличается от основной формы фригийских шлемов. Она соединяет характерную фригийскую форму высокой тульи-«колпака» с лицевыми элементами халкидских шлемов. Таким образом, наш шлем по классификации Ваурика принадлежит к т. н. халкидскому варианту фригийских шлемов. Шлемы данного типа встречаются в основном на территории древней Фракии, т. е. в современной Болгарии (Рис. 2А).

Судя по сохранившимся изображениям шлема из Большой Близницы (Рис. 1. 1, 2), его форму можно охарактеризовать следующим образом. Шлем имеет высокую колпакообразную тулью, характерную для всех фригийских шлемов. Её задняя часть повреждена. Тулья сужается кверху и заканчивается загнутой вперёд закругленной вершиной. Налобная часть высока. Она завершается и разделяется от верхней части шлема бортиком в форме широкой арки, спускающейся с середины лба к бокам шлема, где она заканчивается большими волютами. В задней части шлема – короткий изогнутый назатыльник с маленьким выступом наружу, спускающийся по обеим сторонам в округлившие «складки». На тулье перед «складками» имеются высокие, узкие, округлые вырезы для ушей. Такие же вырезы есть и на лицевой части элементов халкидских шлемов – широкие надбровные вырезы встречаются в середине и переходят в короткий остроконечный наносник. Эти вырезы обрамлены тонкой полосой-бордюром, которая то ли обозначается всего лишь орнаментальной линией (по рисунку Кондакова), то ли выступает невысоко от поверхности остального лба (по Стефани). По бокам шлема опускаются от края тульи подвижные нащечники, следы крепления которых видны по нижнему краю тульи и верхнему краю нащечников – по четыре круглых отверстия от шпеньков. Нащечники длинные, с округлым окончанием и волнообразным фронтальным краем, что соответствует халкидским формам.

Изображение бортика, и, соответственно, разница между объёмами тульи и налобной части, отличается на рисунках Кондакова и Стефани. У Кондакова (Рис. 1. 1) тонкая линия арки оказывается «впущенной» в поверхность, этим разделяя верхнюю и нижнюю части,

у которых поверхность находится на равной высоте и одинакова в объёме. По сторонам шлема эти линия становятся тонкими рельефными «ветвями», закручивающимися в большие волюты. Совершенно другое изображение бортика у Стефани (Рис. 1. 2) – он представляет всю налобную часть, выступающую от тульи. Соответственно, выются здесь не тонкие рельефные ветви, а толстые рельефные полосы в более сжатые волюты. Таким образом, создаётся впечатление, что объём шлема под бортиком больше, чем объём над ним.

Арочная форма нашего бортика уникальна среди всех фригийских и халкидских шлемов, у которых бортик почти всегда оформлен в виде стрельчатой или «щипцовидой» линии. Арочный бортик иногда встречается у шлемов группы «Conversano» (по классификации Ваурика), которые соединяют укороченную колпаковидную тулью с немного редуцированными лицевыми элементами халкидского типа (напр. шлем из Бари; Рис. 1. 5). Шлемы «Conversano» встречаются в основном в Южной Италии. Намного чаще арочный бортик встречается у т. н. аттических шлемов «с козырьком» (по Ваурику: Waurick. 1988. S. 170–171)⁸², в форме короткого выдающегося вперёд козырька на лбу, переходящего в волюты на боках тульи. Шлемы такого типа встречаются в Греции и Италии, но чаще – в Причерноморье (Ibid. S. 171). Из этих шлемов самый географически близкий пример к нашему шлему – шлем из Керчи (курган 1834 г.; Рис. 1. 6).

К группе халкидского варианта фригийских шлемов относятся ещё три шлема: один из Олонештского клада (Молдавия – Chernenko. 1996. No. 590) и два парадных шлема из Болгарии: один – из Азеновграда (Vokotroulou. 1982. Abb. 17), другой – из Плетены (Алексинский. 2005. Илл. 14). Болгарские шлемы имеют особые нащечники, оформленные в виде мужской бороды. У всех экземпляров имеется бортик в форме щипцов, отделяющий тульи от нижней части шлема. Самая существенная разница между этими тремя экземплярами и шлемом из Большой Близницы – оформление халкидских элементов на лицевой части шлема, точнее, вырез для глаз и наносника, а также форма бортика. На вышеуказанных шлемах вырезы для глаз, по сравнению с настоящими халкидскими шлемами, сильно редуцированы, в результате надбровный край шлема более похож на выющуюся линию. Наносники у этих шлемов или сильно удлиненные (Плетена), или сильно укороченные (Азеновград), или вообще отсутствуют (Олонешты). У шлема из Большой Близницы эти элементы оформлены по образцу V-го типа по классификации Пфлуга (Pflug. 1988. S. 138, Abb. 4; Рис. 1. 1): ясные широкие вырезы для глаз, солидный короткий наносник.

⁸² По классификации Черненко это вторая группа южногреческих (фракийских) шлемов (Chernenko. 2006. S. 89).

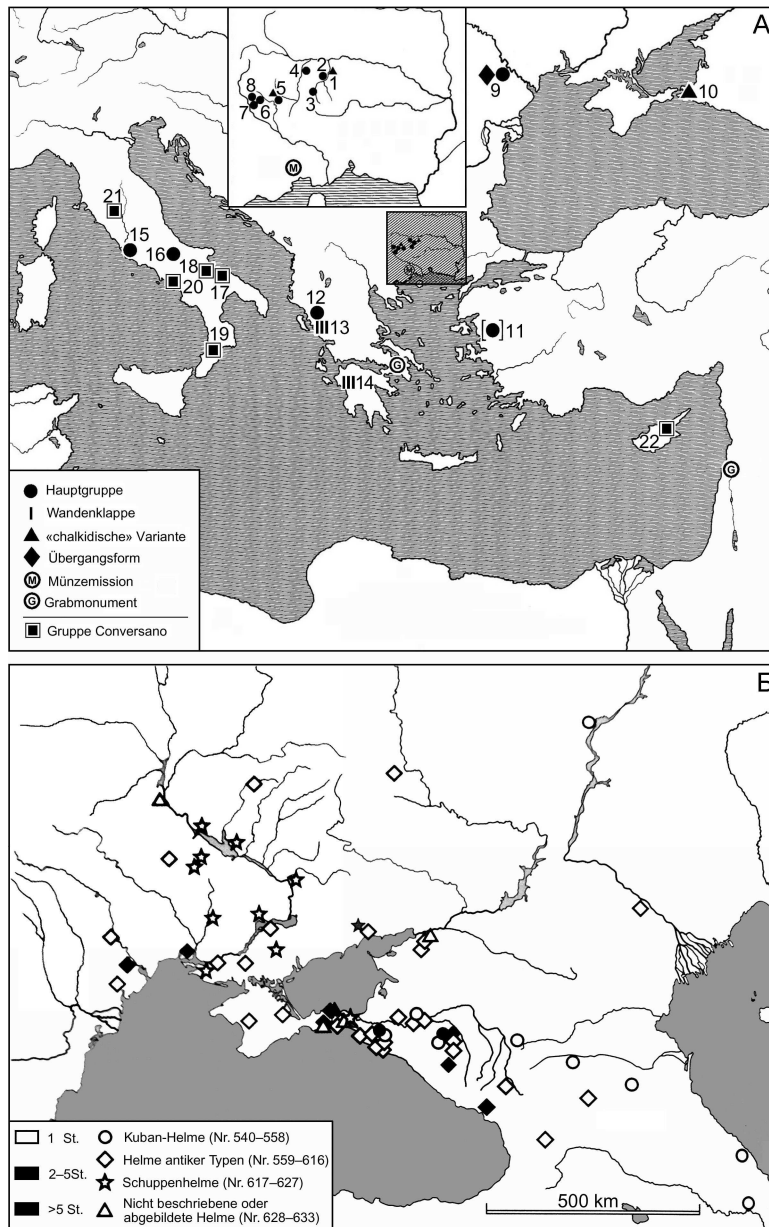

Рис. 2. А – Карта распространения фригийских шлемов.
 Б – Карта распространения шлемов на Северном и Восточном Причерноморье

Вопрос о происхождении шлема из Большой Близницы оказывается сложным. Весьма важно, что это уникальное сочетание разных фригийских и халкидских элементов вместе с арочным бортиком с волютами больше нигде не встречается, ни среди находок шлемов античного мира, ни на древних изображениях⁸³. Несмотря на мнение большинства исследователей, считающих его греческим импортом, надо признать, что на самом деле очень мало того, что бы указывало на греческое происхождение этого шлема. Вопрос усложняется тем, что на территории самой Греции количество известных нам находок шлемов в эллинистических комплексах очень мало. Следовательно, недостаточно собственно греческого сравнительного материала для нашего шлема.

Однако некоторые элементы шлема указывают на возможное его происхождение из района Западного или Северного Причерноморья. Известный нам материал показывает, что главным местом распространения фригийских шлемов является не Греция, а древняя Фракия в Западном Причерноморье, по соседству с Боспором (Рис. 2А). Таким образом, вполне логично обратить наше внимание к Фракии.

С другой стороны, наличие халкидских элементов на лицевой части нашего шлема требует обратить внимание на территорию Северного Причерноморья, где находим самую большую в античном мире концентрацию шлемов эллинистического времени (рис. 2Б). Среди них доминирует именно *халкидский тип*, который явно пользовался здесь популярностью. Он повлиял и на местную продукцию, например в Закубанье, где он вызвал к жизни местный вариант кубанских клепаных шлемов (Эрлих. 1996). Это – шлем из ст. Даховской (находился до войны в Ростовском музее; Chernenko. 1996. No. 612) и два шлема из ст. Мезмай (ныне в Краснодарском музее; Рис. 1. 7)⁸⁴. Кроме общей куполообразной формы, главными признаками халкидского влияния являются широкие вырезы для глаз и короткий наносник. Шлемы данного типа показывают локальное приращение к этим элементам и их производство в «халкидском» стиле.

Именно такое «халкидское» оформление характеризует элементы на лицевой части шлема из кургана Большая Близница и указывает на связь с вышеописанными особенностями, которые наблюдаются в Северном Причерноморье.

На Западное и Северное Причерноморье указывает арочное оформление бортика с волютами на нашем шлеме. Подобные бортики

⁸³ На античных изображениях часто представлены шлемы с колпаковидными тульями и арочным бортиком, но без халкидской лицевой части – это, например, рельеф на фризе храма Афины в древнем Пергаме (ныне в Пергамон Музее, Берлин; Алексинский. 2005. Ил. 19).

⁸⁴ Весьма благодарна Е. А. Хачатуровой за возможность ознакомиться и работать со шлемами из Мезмая в Краснодарском музее.

имеются на шлемах т. н. аттического типа «с козырьком», которые чаще всего происходят из погребальных комплексов в Западном и Северном Причерноморье.

Таким образом, мы предлагаем следующий вывод. Шлем из Большой Близницы был изготовлен мастером в Северном или Западном Причерноморье, хорошо знающим основную фригийскую форму и также «халкидские» детали греческих шлемов. Сочетание элементов разных стилей, включая бортик, указывает скорее на северо-причерноморское производство данного шлема, где мастер постарался использовать атрибуты любимых им халкидских шлемов.

Уникальная форма шлема и его сочетание с другими богатыми предметами из гробницы указывает на то, что шлем очень ценился. Возможно, он был куплен воином из погребения или подарен ему, или захвачен им в качестве трофея в ходе военных действий, которые были частым явлением на территории Боспора во второй половине IV в. до н.э., возможно именно во время военных действий между Сатиром II, Пританом и Евмелом в 310/309 до н.э.

Литература

- Алексинский. 2005 – *Алексинский Д.* Ранние эллинистические шлемы с тигровидной тульей из Восточного Средиземноморья // *Para bellum!* 2005. № 25.
- Черненко. 1968 – *Черненко Е. В.* Скифский доспех. К., 1968.
- Эрлих. 1996 – *Эрлих В. Р.* Об одной серии шлемов из Закубанья // *РА.* 1996. № 3.
- Kondakov et al. 1891 – *Kondakov N., Tolstoj J., Reinach S.* Antiquités de la Russie méridionale. Paris, 1891.
- Pflug. 1988 – *Pflug H.* Chalkidische Helme // *Antike Helme.* Mainz, 1988. RGZM Monographien. Bd. 14.
- Schröder. 1912 – *Schröder B.* Thrakische Helme // *Jahrbuch des kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts.* Berlin, 1912. Bd. 27.
- Schwarzmaier. 1996 – *Schwarzmaier A.* Die Gräber in der Gr. Blisniza und ihre Datierung // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.* Berlin, 1996. 3.
- Stephani. 1867 – *Stephani L.* Compte-Rendu de la Commission Imperial Archéologique pour l'année 1866. St. Petersburg, 1867.
- Vokotopoulou. 1982 – *Vokotopoulou J.* Phrygische Helme // *AAAn.* 1982. Bd. 93.
- Waurick. 1988 – *Waurick G.* Helme der hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer // *Antike Helme.* Mainz, 1988. RGZM Monographien. Bd. 14.

С. В. Кашаев

Демографическая характеристика и погребальный обряд некрополя Артюшенко-2

Результаты раскопок некрополя Артюшенко-2 много раз представлялись на различных конференциях и в публикациях. Объем накопленного материала позволяет рассмотреть ещё один его аспект.

В данной работе представлены демографическая характеристика некрополя Артюшенко-2 и некоторые сведения о погребальном обряде, связанные с ориентацией и положением костяков. Эти данные дают представление о количестве погребений и захоронённых, их гендерном составе, возрасте смертности и т. д.

За время исследования (2003–2010 гг.) на некрополе вскрыта площадь 2914 м², на которой исследовано 110 погребений, из которых 9 сильно повреждены современными грабителями. Самые ранние захоронения датируются по инвентарю концом VI в. до н.э., а самые поздние – первой четвертью II в. до н.э. Наибольшее количество исследованных погребений относятся к началу V – началу IV в. до н.э., небольшая часть – к IV–III вв. до н.э., отдельные – к началу II в. до н.э.

Погребения V–IV вв. до н.э. расположены на всей площади исследованного участка. На самых северных и самых восточных исследованных квадратах, помимо ранних, находятся могилы IV–II вв. до н.э. Это позволяет предположить, что топографически некрополь развивался с юго-запада на восток и северо-восток. Таким образом, на южных и западных участках могильника находятся погребения архаического периода, а на северных и восточных участках – могилы периода эллинизма. Всего было исследовано 110 погребений. Их характеристики приведены в Таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Характеристика погребений

Погребения	Кол-во	%
Индивидуальные	76	69,1
Парные	19	17,2
Кенотафы	8	7,3
Детские в амфорах	7	6,4
Всего погребений	110	100

Таблица 2

Гендерный состав погребённых

Пол	Кол-во	%
Мужчины	50	40,00
Женщины	46	36,80
Дети	26	20,80
Неопределимые	3	2,40
Всего костяков	125	100

Если к общему количеству обнаруженных костяков (125) добавить количество кенотафов (8), получится, что на исследованном участке было захоронено 133 человека.

Положение многих костяков, обнаруженных в повреждённых современными грабителями могилах, определить не удастся. В них кости находились в грабительском отвале в заполнении прокопов. Положение детей, захоронённых в амфорах, также неопределимо, а в кенотафах костяки отсутствовали. Положение погребённых отражено в Таблице 3.

Таблица 3

Положение погребённых

Положение	Кол-во	%
Вытянуто, на спине	97	72,9
Подогнутые ноги (скорченное)	3	2,2
Кремация	2	1,5
Неопределимые	13	9,8
Кенотафы	8	6,0
Кости смещены	3	2,3
Детские в амфорах	7	5,3
Всего захоронённых	133	100

В ориентировке преобладает положение погребённых головой на восток – 46 человек, на восток с небольшим отклонением северу – 31 человек, на северо-восток – 11 человек и юго-восток – 3 человека. Таким образом, общее количество погребённых с восточной ориентацией – 91 человек (68,4 %; см. Табл. 4).

Таблица 4

Ориентировка погребённых

Ориентировка	Кол-во	%
В	46	34,6
В с отклонением к С	31	23,3
СВ	11	8,2
ЮВ	3	2,3
З	4	3,0
С	3	2,3
Ю	2	1,5
ЮЗ	2	1,5
Неопределимые	13	9,8
Кенотафы	8	6,0
Кости смещены	3	2,3
Детские в амфорах	7	5,2
Всего захоронённых	133	100

Из 110 погребений 65 относятся к V в. до н.э. (59,1 %; Табл. 5), причём большинство из них датируются первой половиной V в. до н.э.

(49,1 %) и 11 – второй половиной V в. до н.э. К IV в. до н.э. относится 9 погребений, к III в. до н.э. – 4 погребения, к началу II в. до н.э. – 3 погребения. Довольно значительную часть невозможно точно датировать из-за отсутствия в них погребального инвентаря или повреждения грабителями.

Т а б л и ц а 5

Датировка погребений

Дата	Кол-во	%
Четвёртая четверть IV в. до н.э.	1	0,9
Первая половина V в. до н.э.	54	49,1
Вторая половина V в. до н.э.	11	10,0
Первая половина VI в. до н.э.	6	5,5
Вторая половина VI в. до н.э.	3	2,7
III в. до н.э.	4	3,6
Первая четверть II в. до н.э.	3	2,7
Не датруемые	28	25,5
Всего погребений	110	100

Возраст захоронённых представлен на диаграмме (Рис. 1) и на Таблицах 6 и 7. Пик смертности мужчин приходится на 25–35 л. Предположительно это может быть связано с участием в военных конфликтах. Косвенно это подтверждает наличие оружия в погребениях молодых мужчин. В старшем возрасте – после 35 л., смертность постепенно уменьшалась. Можно предположить, что смертность после 35 л. была связана в большей степени с естественными причинами. К сожалению, сохранность костяков очень плохая, что не позволяет судить о причинах смерти.

Т а б л и ц а 6

Возраст и количество захоронённых мужчин

Возраст	Кол-во	%
16–20 л.	1	2,0
20–25 л.	4	8,0
25–30 л.	11	22,0
30–35 л.	13	26,0
35–40 л.	7	14,0
40–45 л.	4	8,0
45–50 л.	4	8,0
50–55 л.	4	8,0
55–60 л.	2	4,0
Всего мужчин	50	100

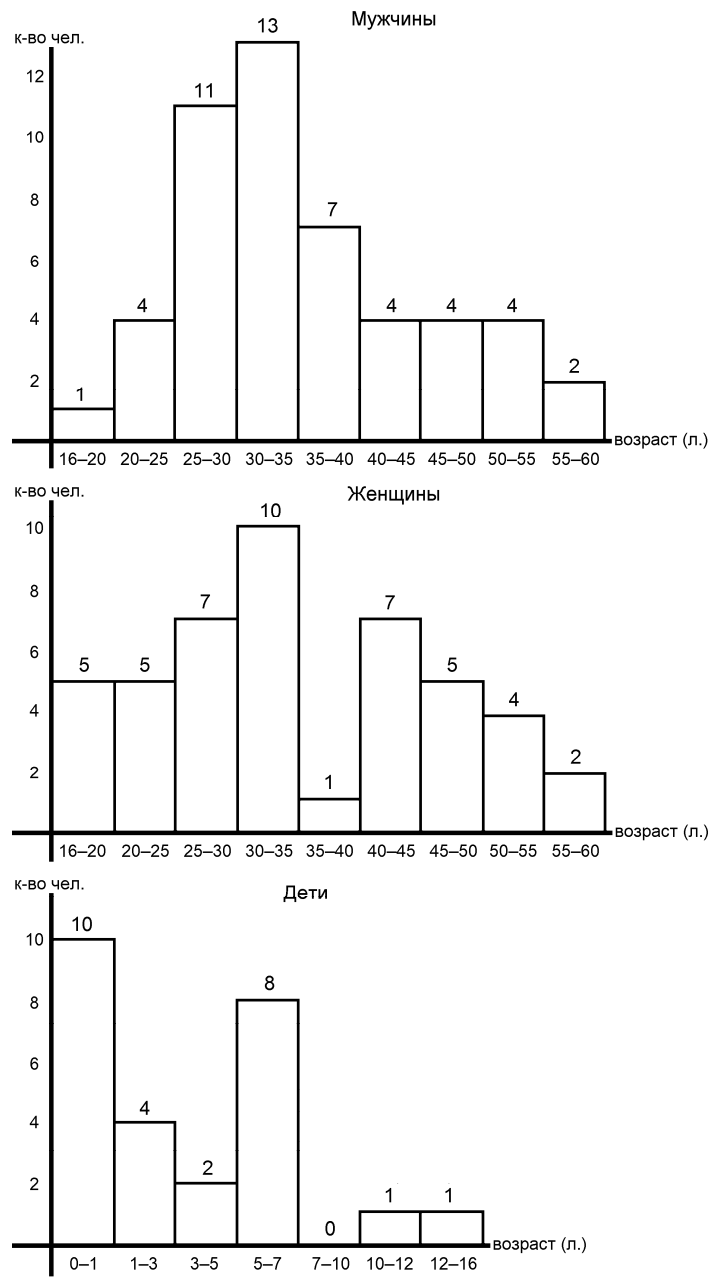

Рис. 1. Возраст и количество захоронённых в некрополе Артюшенко-2

В отличие от молодых мужчин, смертность молодых женщин возраста 16–25 л. была значительно выше (Табл. 7. Рис. 1). Можно предположить, что это связано с первыми и последующими родами. Пик смертности женщин также приходится на 25–35 л. После 35 лет смертность женщин резко падала, затем вновь возрастала и снижалась уже постепенно. Как и у мужчин, смертность женщин после 35 лет, предположительно, была связана в основном с естественными причинами.

Таблица 7

Возраст и количество захоронённых женщин

Возраст	Кол-во	%
16–20 л.	5	10,9
20–25 л.	5	10,9
25–30 л.	7	15,2
30–35 л.	10	21,7
35–40 л.	1	2,2
40–45 л.	7	15,2
45–50 л.	5	10,9
50–55 л.	4	8,6
55–60 л.	2	4,4
Всего женщин	46	100

Пики детской смертности приходились на два возраста (Табл. 8. Рис. 1). 10 детей умерло в возрасте до 1 г. После 1 года детская смертность постепенно снижалась и достигала второго максимума между 5 и 7 годами. После 7 лет дети умирали мало, следующее увеличение смертности приходится уже на взрослый возраст и связано с другими причинами.

Таблица 8

Возраст и количество захоронённых детей

Возраст	Кол-во	%
0–1 г.	10	38,5
1–3 л.	4	15,4
3–5 л.	2	7,7
5–7 л.	8	30,8
7–10 л.	0	0
10–12 л.	1	3,8
12–15 л.	1	3,8
Всего детей	26	100

Представленная статистика показывает половозрастной состав захоронённых в некрополе Артющенко-2 и даёт представление о таких элементах погребального обряда, как типы погребений, положение и ориентация погребённых. Все эти данные важны не только для выявления специфики жизни на поселении Артющенко, но и даёт возможность рассматривать его некрополь в сравнении с другими некрополями Боспора и Северного Причерноморья в целом.

Я. М. Паромов

Ранние погребения с оружием в могильниках Таманского полуострова

Главной задачей данной публикации является утверждение позиции автора (получившей по некоторым причинам неверное толкование) относительно особой группы погребений конца VI–V в. до н.э. – погребений т. н. воинов.

В 1989 г. при раскопках некрополя Тирамбы (грунтовый могильник 1 в пос. Пересыпь) мною были исследованы два погребения указанного времени. Одно из них (могила 1/191) представляло собой типичное погребение воина, совершённое в грунтовой яме, ориентированной по направлению ЗЮЗ–ВСВ. На дне ямы в вытянутой позе, на спине, черепом к ВСВ лежал скелет взрослого мужчины. Руки его были немного согнуты в локтях и разведены в стороны, ладони, судя по положению лучевых костей, обращены вниз. Правая нога вытянута по оси погребения, стопа отогнута вперёд, левая – чуть согнута в колене и отставлена, стопа повернута налево. Поперёк ног, рукоятью к правому бедру, а остриём к левому колену, наискось лежал железный меч с брусковидным навершием и почковидным перекрестием. Справа от погребённого, вдоль длинной стенки ямы лежало копье с железным втульчатым наконечником и втоком, около левой руки – маленький оселок. У западной стенки, в ногах, найдены остатки заупокойной пищи в виде костей барана. В одну из них был воткнут железный нож. В изголовье, в юго-восточном углу ямы, стояла красноглиняная протофасосская амфора; за правым плечом погребённого, ближе к стенке лежал чернофигурный лекиф. На среднем или безымянном пальце правой руки был надет бронзовый щитковый перстенёк с неясным изображением; у шеи, ближе к левому плечу – две бронзовые разъёмные подвески-пронизи. По амфоре и лекифу погребение было датировано серединой V в. до н.э. (Паромов. 1989. С. 10–13). Следует отметить, что подобные и близкие по обряду погребения были найдены не только в некрополе Тирамбы, но ещё в восьми или девяти могильниках Таманского п-ова.

Н. И. Сударев предложил мне совместную публикацию этого погребения, взяв на себя анализ находок и уточнение их датировок. Однако в итоге он взял на себя гораздо больше. В статье, которую я не видел до её выхода, внимание было сосредоточено на этнической принадлежности раскопанного погребения и говорилось, что мы предполагаем греческое происхождение захоронения, как и других погребений данного некрополя (Паромов, Сударев. 2000. С. 207–210). Это не моя точка зрения. Я этих взглядов не придерживался и не придерживаюсь. Напротив, скифские и меотские типы оружия, способ его ношения и размещения в могиле, присутствие в погребении оселков и ножей, наличие остатков заупокойной пищи и амфор с киафами всегда казались мне общепризнанными чертами местных обрядов погребения, свидетельствующими об участии в формировании населения Азиатского Боспора представителей местных племён. Известно, что с самых ранних этапов боспорской культуре был присущ синкретический характер. Ведущую роль в ней играло греческое, эллинское начало. Однако не следует умалять и оставлять без внимания местные черты этой культуры.

Хорошо, что свои подходы к вопросу об этнической принадлежности ранних погребений с оружием Н. И. Сударев изложил в отдельной статье (2005) и повторил в соавторстве с А. А. Завойкиным (Завойкин, Сударев. 2006). В части историографии эти работы идентичны. По мнению авторов, «некоторые исследователи (М. И. Ростовцев, В. Ф. Гайдукевич, Н. П. Сорокина, А. К. Коровина) считают, что погребения с оружием принадлежат негреческому населению» (Там же. С. 101). Не будем останавливаться на этом. Высказывания перечисленных учёных о некрополях Гермонассы, Тирамбы, Тузлы, хут. Кротенко и других могильниках Таманского п-ова хорошо известны. Важнее следующее. «Однако ряд авторов придерживается мнения Б. В. Фармаковского [1903, с. 23], что это захоронения греков [Цветаева, 1951, с. 68; Сокольский, 1954, с. 126; Кастанаян, 1959, с. 257–295]» (Там же). К этому следует проявить особое внимание.

В качестве главной опоры А. А. Завойкин и Н. И. Сударев привлекают данные по некрополю Ольвии более столетней давности (раскопки 1901 г.). Нужно ли говорить, что современное представление об этом памятнике сложилось позже и звучит по-иному? «Особенно показательные результаты даёт ольвийский некрополь VI–V вв. до н.э. Факт присутствия в нём могил с негреческим обрядом погребения не может вызывать сомнений. Это относится, прежде всего, к группе скорченных погребений, наличие которых в некрополе Ольвии VI–V вв. до н.э. может быть установлено как по отношению к раскопкам досоветского периода, так и в расследованиях недавнего времени. Кроме погребений в скорченном виде, могут быть указаны и другие, принадлежность которых скифам также вероятна, а иногда

и бесспорна. Среди них характерны т. н. погребения скифов-воинов с типичным для скифского ритуала инвентарем – мечом, стрелами, точилом» (Книпович. 1956. С. 133).

В работе Г. А. Цветаевой, на которую ссылаются А. А. Завойкин и Н. И. Сударев, содержится критика М. И. Ростовцева по поводу ранних погребений с оружием в могильнике Пантикапея, однако своё отношение к этим погребениям Галина Александровна высказала достаточно определённо: «Говоря об общем характере некрополя VI–V вв. до н.э., следует отметить, как вывод, что он всё же не был по составу погребённых в нём абсолютно греческим, хотя греческий обряд погребения вероятно преобладал. Видимо, население города этого времени состояло не только из одних греков, т. к. всё развитие Пантикапея с момента основания его как торгового города было связано с участием в его жизни представителей местных племён, не говоря уже о том, что сам город был основан на месте догреческого поселения» (Цветаева. 1951. С. 67, 68). Примерно о том же писал и Н. И. Сокольский (1954. С. 126). В рамках своего исследования, посвящённого боспорским мечам, он отмечает, «что по своему этническому составу население Боспорского государства с самого его возникновения, т. е. с первой четверти V в. до н.э., было неоднородным. На территории Боспора проживали, кроме греков, и представители местных племён и народностей».

Более всего Н. И. Сударев и А. А. Завойкин обращаются к большой статье Е. Г. Кастанаян (1959) о взаимодействии греческих и варварских элементов в культуре Боспора VI–IV вв. до н.э. В ней дан подробный анализ зарубежной литературы о греческих некрополях того времени в сопоставлении с отечественными исследованиями могильников «варварского окружения колоний». В немногих словах Елизавета Григорьевна показывает, что в Греции обычай класть в могилу оружие исчезает уже в архаическую эпоху. Греческие некрополи того времени крайне бедны (в самосском могильнике, например, половина погребений была без вещей, а в других найдены лишь мелкие туалетные сосуды). Во многих областях законы запрещали класть в могилу приношения выше определённой нормы. Наличие оружия в боспорских гробницах, по её мнению, роднит погребальный ритуал боспорских городов с погребальным обрядом скифских захоронений (Кастанаян. 1959. С. 269, 270, 294). Несмотря на некоторые противоречия, содержащиеся в статье, Е. Г. Кастанаян приходит к выводу, что такие черты погребального обряда местного населения, как «сырцовые гробницы, скорченное положение погребённых, подбойные гробницы, наличие красной краски, земляные гробницы, крытые брёвнами, растительные подстилки из камки под покойниками, наличие среди погребального инвентаря ножей, оселков, конской упряжи, – указывают на этническую смешанность населения

боспорских городов и даже его столицы уже в начальный период существования, в особенности с V в. до н.э.» (Там же. С. 287). Таким образом, приведённые выше высказывания дают достаточно ясную общую картину. Вероятно, не только города и некрополи Боспора, но и сельские поселения и могильники были полиэтничными.

Ниже перечислены известные на сегодняшний день ранние погребения воинов на Таманском п-ове. Следует отметить, что в этот перечень не вошли погребения из курганов, разрушенные могилы, а также захоронения, совершённые по обряду кремации. Наиболее характерной чертой рассматриваемых погребений является железный меч (преимущественно акинак), находившийся чаще всего на поясе погребённого в положении, особенности которого были отмечены ещё А. А. Миллером (1925).

В могильнике у мыса Тузла, вероятно связанном с древней Корондамой, было найдено 18 погребений воинов: 16 – в 1911 г. (Шкорпил. 1914. С. 25–58. № 61, 70, 86, 92, 93, 98, 99, 107, 108, 113, 120, 133, 149, 151, 177, 181), два – в 1913 г. (Сорокина. 1957. С. 13–21. № 7, 11).

В некрополе Тирамбы (грунтовый могильник 1 в пос. Пересыпь), кроме погребения, описанного в начале статьи, найдено 13 захоронений: два – в 1940 г. (№ 5, 6), четыре – в 1959–1965 гг. (Коровина. 1968. С. 66–74. № 3, 4, 18, 34), семь – в 1966–1970 гг. (Коровина. 1987. С. 4–27. № 53, 68, 71, 85, 95, 143, 145).

В могильнике у хут. Кротенко, связанном с поселением Тамань 1 (Пятиколодезное), в 1911 г. было исследовано восемь погребений воинов (Шкорпил. 1914. С. 59–70. № 185, 200, 205, 209, 212, 218, 219, 221; Коровина. 1962. С. 301–307, 312).

В некрополе Гермонассы в разные годы раскопано семь подобных захоронений. Шесть исследовано на Западном участке: три в 1931 г. (Гайдукевич. 1959. С. 158–165. № 5, 13, 16), два – в 1935 г. (Там же. С. 171–173. № II. 3; II. 8) и одно – в 1940 г. (Там же. С. 179–181. № 1). Ещё одно погребение воина было выявлено на Южном участке в 1956 г. (Сорокина. 1961. С. 49, 50. № 11/4).

В грунтовом могильнике Кеп исследовано шесть подобных захоронений: четыре – в 1961 г. (Сокольский. 1961. С. 6–49. № 74, 76, 124, 140), одно – в 1962 г. (Сокольский. 1962. С. 135, 136. № 155) и ещё одно – в 1966 г. (Сокольский. 1966. С. 31, 32. № 368).

В 1951 г. при раскопках могильника поселения Тамань 6 (Суворовское) было выявлено погребение, определённое исследователями как погребение воина синда (Блаватская. 1951. С. 11, 12. № 2; Сокольский. 1954. С. 144).

В 1990 г. при раскопках Патрея (поселение Гаркуша 1) встречено захоронение, близкое рассматриваемым (Сударев. 1994. С. 111–113).

Особого внимания заслуживает некрополь Артющенко-2, исследуемый Таманским отрядом Боспорской экспедиции ИИМК РАН. За последнее десятилетие в нём выявлено 66 погребений преимущественно V в. до н.э. 17 из них представляют захоронения воинов. В них наиболее ярко и полно выражены те черты погребального обряда, о которых говорилось выше (Кашаев. 2009; 2010).

Литература

- Блаватская 1951 – *Блаватская Т. В.* Отчёт о раскопках Суворовского поселения в 1951 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 646.
- Гайдукевич. 1959 – *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. № 69.
- Завойкин, Сударев. 2006 – *Завойкин А. А., Сударев Н. И.* Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I // ДБ. 2006. Т. 9.
- Кастанаян. 1959 – *Кастанаян Е. Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности // МИА. 1959. № 69.
- Кашаев. 2009 – *Кашаев С. В.* Некрополь Артющенко-2 // БИ. 2009. Вып. XXII.
- Кашаев. 2010 – *Кашаев С. В.* Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007–2008 гг. // ЕУМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открьтия. М.; К., 2010. Вып. 1.
- Книпович. 1956 – *Книпович Т. Н.* Население Ольвии в VI–I вв. до н.э. по данным эпиграфических источников // МИА. 1956. № 50.
- Коровина. 1962 – *Коровина А. К.* Некрополь около мыса Панагии // АИБ. Симферополь, 1962. Вып. II.
- Коровина. 1968 – *Коровина А. К.* Тирамба (городище и некрополь). Итог археологических работ экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1959, 1961–1963 и 1965 годы // СГМИИ. 1968. Вып. IV.
- Коровина. 1987 – *Коровина А. К.* Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // Сообщения ГМИИ. М., 1987. Вып. VIII.
- Миллер. 1925 – *Миллер А. А.* Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом // Известия РАИМК. Л., 1925. Вып. IV.
- Паромов. 1989 – *Паромов Я. М.* Отчёт Разведочного отряда Таманской экспедиции за 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Паромов, Сударев. 2000 – *Паромов Я. М., Сударев Н. И.* Новые погребения из раскопок некрополя у пос. Пересыпь («Тирамба») // ДБ. 2000. Т. 3.
- Ростовцев. 1925 – *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Сокольский. 1954 – *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33.
- Сокольский. 1961 – *Сокольский Н. И.* Отчёт Таманской экспедиции за 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2291.
- Сокольский. 1962 – *Сокольский Н. И.* Отчёт Таманской экспедиции за 1962 г. // Там же. № 2524.
- Сокольский. 1966 – *Сокольский Н. И.* Отчёт Таманской экспедиции за 1966 г. // Там же. № 3262.

- Сорокина. 1957 – *Сорокина Н. П.* Тузлинский некрополь. М., 1957.
- Сорокина. 1961 – *Сорокина Н. П.* Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 годах // КСИА. 1961. Вып. 83.
- Сударев. 1994 – *Сударев Н. И.* Погребения в районе поселения Гаркуша I (Патрей) // БСб. 1994. 4.
- Сударев. 2005 – *Сударев Н. И.* К вопросу об этнической принадлежности погребений с оружием из боспорских некрополей VI–III вв. до н.э. // VI БЧ. 2005.
- Фармаковский. 1903 – *Фармаковский Б. В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // Известия ИАК. 1903. Вып. 8.
- Цветаева. 1951 – *Цветаева Г. А.* Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. 1951. № 19.
- Шкорпил. 1914 – *Шкорпил В. В.* Отчёт о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // Известия ИАК. 1914. Вып. 56.

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко

Меотские канфары из могильника городища Спорное (к вопросу об античном влиянии на меотскую керамику)⁸⁵

Влияние античных традиций на сероглиняную керамику прикубанских меотов всегда отмечалось исследователями (Анфимов. 1951. С. 172; Смирнов. 1958. С. 302, 308; Каменецкий. 1987; Лимберис, Марченко. 1999; 2001а). Этому вопросу была также посвящена работа Н. В. Анфимова, в которой автор отмечает бросающееся в глаза сходство форм и деталей оформления некоторых видов меотских сероглиняных сосудов IV–II вв. до н.э. с образцами боспорской керамики. В этой статье он уделил специальное внимание канфарам, выделив шесть типов с признаками античного влияния, и датировал их (Анфимов. 1986. С. 127, 128. Табл. 2). Ранее, в рамках третьей хронологической группы Усть-Лабинского могильника Н. В. Анфимов выделил семь типов канфаров, отметив близость к античным образцам только для типа 7 (Анфимов. 1951. С. 177, 180. Рис. 10). Особенность работ этого исследователя состоит в том, что он никогда не публиковал комплексы полностью, и даже их состав перечислял крайне редко, поэтому в большинстве случаев неясно, на какие хронологические реперы он опирался при датировке. То, что было очевидным для Н. В. Анфимова, нередко вызывает у нас сомнение и поэтому нуждается в проверке.

Вопрос об античном влиянии на меотскую керамику тесно связан с проблемой появления гончарного круга у оседлого населения

⁸⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и администрации Краснодарского края, проект № 10-01-38114а/Ю «Комплексное исследование археологических материалов из меотского некрополя городища Спорного».

Прикубанья. Первые исследователи меотской культуры связывали это событие с широким распространением античного импорта в середине IV в. до н.э. (Анфимов. 1951. С. 205; Смирнов. 1958. С. 308). Позднее, очевидно на основании новых материалов, Н. В. Анфимов пересмотрел свою позицию, отнеся начало использования меотами гончарного круга к грани V–IV вв. до н.э. (Анфимов. 1986. С. 125). В настоящее время все исследователи, занимающиеся меотской культурой, согласны с тем, что замена лепной чернолощёной керамики на сероглиняную начинается ещё в V в. до н.э. (Каменецкий. 1989. С. 225, 235). Об этом свидетельствуют и погребения с сероглиняными сосудами местного производства, сопровождающиеся античными и другими импортами первой четверти V в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2001б. С. 74, 75). Эти факты позволяют отнести появление гончарного круга в Прикубанье к середине V в. до н.э. (Лимберис. 1994. С. 38, 39).

Форма канфара, в отличие от сероглиняных мисок и кувшинов, которые имеют местные прототипы в лепной чернолощёной керамике VI–V вв. до н.э., была полностью заимствована меотскими гончарами у греков. Ничего похожего на эти сосуды в раннемеотский период не встречается. В могильнике городища Спорное канфары местного производства были найдены в 12 погребениях.

Высокие канфары-кубки с шипами в верхней части ручек происходят из погребений 79 и 92 (Рис. 1. 1, 2). Эти сосуды двучленны – они имеют «тулово» (округлённое или выделенное ребром) и вытянутое «горло», равномерно расширяющееся к устью или с прогнутыми стенками. Ручки крепятся нижними концами к наиболее расширенной части тулова, верхними – к венчику. Венчик гладкий. В верхней части ручек имеются уплощённые выступы-упоры, приподнятые или горизонтальные. Оба сосуда имеют низкий конический полый поддон. Высота сосудов – 16,6 см и 16 см, диаметр тулова – 10 см и 7 см, диаметр устья – 11,6 см и 13 см. Тулово канфара из погребения 79 украшено с одной стороны «ёлочным» орнаментом, нанесённым углублёнными линиями по сырой глине.

Эти сосуды не только копируют форму аттических чернолаковых канфаров, но и выдержаны в тех же пропорциях (Rotroff. 1997. Nos. 22–33). Несколько таких сосудов было найдено в могильнике Старокорсунского городища № 2 (СК-2 66в, 97в, 164в). Не у всех канфаров прослеживается чёткое деление тулова на две части, но это признак не хронологический, а типологический, что можно наблюдать на сосудах из одного погребения (СК-2 164в). Все комплексы из Старокорсунской относятся к третьей четверти III в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2005. С. 236. Рис. 7, 7; 15, 8, 16; 17, 2, 3). Аналогичный канфар из Марьянского кургана (ОАК за 1912 г. 1916. Рис. 72, верхний ряд, в середине) на основании общепринятой даты ранее мы

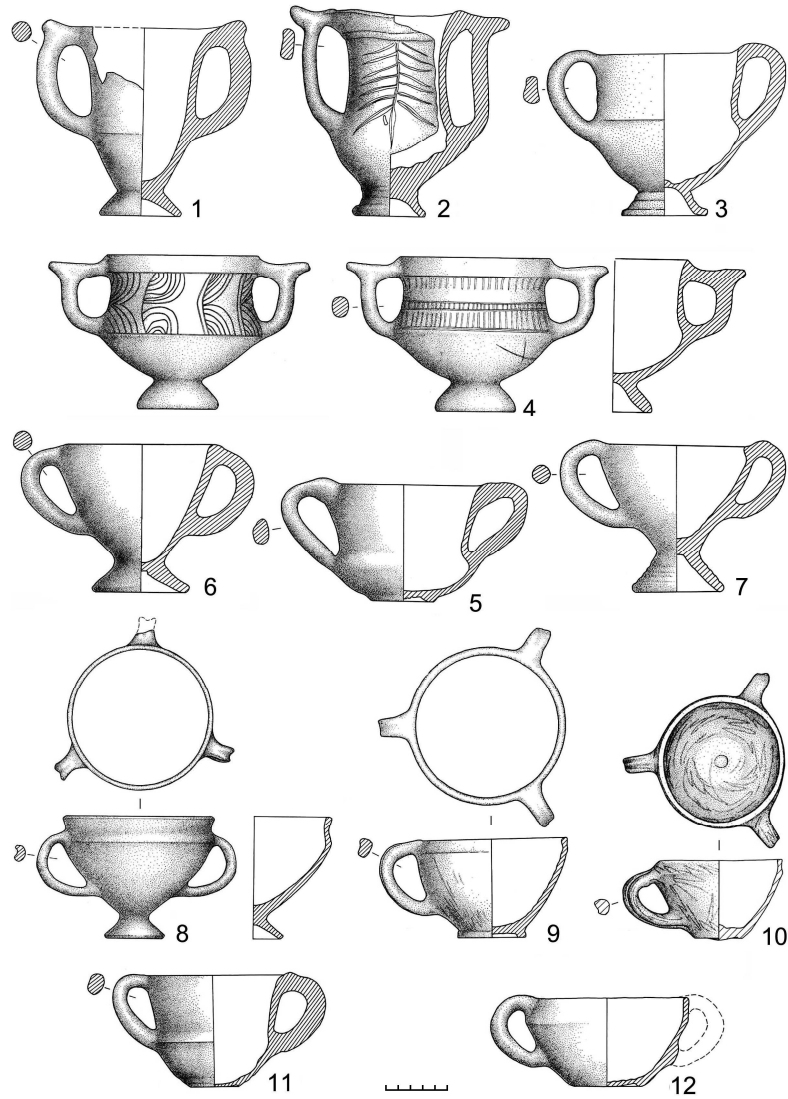

Рис. 1. Сероглиняные канфары меотского производства из могильника городища Спорное: 1 – погребение 92; 2 – погребение 79, № 1; 3 – погребение 24; 4 – погребение 33; 5 – погребение 20; 6 – погребение 89; 7 – погребение 149; 8 – погребение 19; 9 – погребение 96; 10 – погребение 211; 11 – погребение 79, № 2; 12 – погребение 66

относили ко второй половине IV в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 1999. С. 238). Но впоследствии, заново проанализировав марьянский комплекс, мы изменили своё мнение относительно времени появления канфаров в меотской среде, отнеся его к середине – второй половине III в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2005. С. 236). Н. В. Анфимов датировал канфары типа марьянского из разных меотских могильников III–II вв. до н.э. (Анфимов. 1986. С. 128. Табл. 2, 5).

Погребение 92 на основании приведённых аналогий можно датировать третьей четвертью III в. до н.э.

Датировка погребения 79 не представляется столь же однозначной, т. к. в комплексе присутствует второй канфар колоколовидной формы, с ребром, как бы делящим сосуд на две части («тулово» и «горло»), гладким венчиком и плоским дном. Ручки массивные, крепятся верхними концами к венчику (Рис. 1. 11). Высота – 8,7 см, диаметр устья – 10,8 см. Такая форма канфаров была распространена в Ольвии в VI–IV вв. до н.э. Ближе всего канфару из погребения 79 некоторые сосуды третьей группы, которые датируются концом V – первой четвертью IV в. до н.э. (Зайцева. 1984. С. 111. Табл. IV, 4; VI, 19), хотя они и на кольцевом поддоне. По-видимому, канфар из погребения 79, представляет собой реплику какого-то образца из Ольвии или с Боспора. Особенно интересно, что колоколовидные канфары стали широко использоваться в погребальном обряде меотов только со второй половины II в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2005. Хронол. табл.). Для датировки погребения 79 также важна форма миски с треугольным в сечении бортиком, которые бытовали во второй четверти IV – третьей четверти III в. до н.э. (Там же. С. 233). Наличие в комплексе высокого канфара-кубка даёт возможность датировать погребение серединой – второй половиной III в. до н.э.

Низкие канфары-кубки, также копирующие греческие сосуды классического типа, были найдены в погребениях 24 и 33. Тулово этих сосудов расширено, имеет выраженный переход к горлу или отделено ребром; поддон полый, конический.

Канфар из погребения 33 отличается формованным венчиком, выделенным выступающим ребром. Ручки с шипами, причём плоские площадки для упора расположены немного ниже края сосуда. Стенки горла слегка прогнутые, орнаментированы с одной стороны прочерченными по сырой глине вертикальными и горизонтальными линиями, с другой – дугообразными, расположенными по вертикали (Рис. 1. 4). Высота – 12,7 см, диаметр тулова – 13,1 см, диаметр устья – 12,3 см. Классическая форма чернолаковых канфаров с шипами на ручках и литым венчиком относится ко второй половине – последней четверти IV в. до н.э. (Rotroff. 1997. No. 36–42; Sparkes, Tallcott. 1970. Nos. 701–704). Меотские канфары, копирующие греческие сосуды этого типа, Н. В. Анфимов датировал IV в. до н.э.

(Анфимов. 1986. С. 127. Табл. 2, 1). Однако в погребениях могильника № 3 хут. Ленина таких канфаров нет, а усть-лабинский канфар является случайной находкой (Анфимов. 1951. С. 180. Рис. 10, 11). Только один канфар, близкий по профилировке усть-лабинскому и также с приподнятыми шипами, был найден вместе с синопской амфорой в погребении 56 могильника № 2 хут. Ленина (раскопки А. З. Аптекарева 1980 г.). По клейму астинома Фэмия, сына Феопита этот комплекс датируется третьей четвертью III в. до н.э. (Монахов. 2003. С. 150. Табл. 102, 4; Лимберис, Марченко. 2005. С. 236, 237). По-видимому, погребение 33 из Спорного нужно отнести к середине – второй половине III в. до н.э., о чём свидетельствует и другой инвентарь (зеркала, наборы бус и горгонейоны).

Канфар из погребения 24 имеет гладкий венчик и гладкие ручки. Стенки горла вертикальные (Рис. 1. 3). Высота – 13,1 см, диаметр тулова – 12,5 см, диаметр устья – 11,7 см. Аналогичный канфар происходит из комплекса СК-2 631з, который по клейму на родосской амфоре датируется концом III в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2005. С. 225, 237. Рис. 42, 3). По аналогии этим же временем можно датировать и погребение 24.

Канфар из погребения 20 также имеет классическую форму и пропорции (низкое тулово и высокое расширяющееся к устью горло с гладким венчиком), но поддон у него кольцевой (Рис. 1. 5). Высота – 9,2 см, диаметр тулова – 11,4 см, диаметр устья – 12,8 см. В погребении была найдена низкая сероглиняная чашечка с отогнутым краем. Такие сосуды, по нашим данным, появились в середине III в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2005. С. 239. Рис. 1, 11, 12; 15, 11; 17, 15). К началу II в. до н.э., о чём уже говорилось, относится погребение 149, где также найдена похожая чашечка (Бочковой и др. 2005. С. 173. Рис. 17, 1). Погребение 20, вероятно, следует датировать концом III – началом II в. до н.э.

Канфары-чаши на коническом полове поддоне с округло-коническим туловом, плавно расширяющимся к устью, были найдены в трёх комплексах. Одинаковые двуручные канфары из погребений 89 и 149 (Рис. 1. 6, 7) имеют гладкие плавно изогнутые ручки. В ограбленном в древности погребении 89 кроме канфара сохранился только нож. Второй комплекс с родосской амфорой по магистратскому клейму Содама датируется началом II в. до н.э. (Там же. С. 173). В могильнике Старокорсунского городища № 2 чашевидные канфары происходят из комплексов середины III – начала четвёртой четверти II в. до н.э., а самый поздний сосуд был найден в погребении с родосской амфорой 107–88 гг. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2005. С. 237, 238. Рис. 1, 19; 26, 12; 35, 9; 36, 5).

Третий канфар (погребение 19) – трёхручный, с ребром ниже венчика, к которому крепятся верхние концы ручек (Рис. 1. 8). Такое

ребро, образующее невысокий бортик, и аналогичное крепление ручек имеет чашевидный канфар из комплекса СК-2 164в третьей четверти III в. до н.э. Трёхручные канфары с шипами в верхней части ручек были найдены в погребениях СК-2 188в и 417з. Период бытования трёхручных канфаров на коническом поддоне в целом ограничивается второй четвертью II в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2005. С. 229, 237. Рис. 17, 5; 19, 11; 38, 6). Этим временем можно датировать и погребение 19. В последней четверти II в. до н.э. конический поддон чашевидных канфаров сменяется кольцевым, а к I в. до н.э. эти сосуды становятся плоскодонными (Там же. С. 238).

В погребениях 66, 96 и 211 были найдены *канфары-чаши с усечённо-конической формой тулова и ребром (бортиком) ниже венчика*.

Канфар на скрытом кольцевом поддоне из погребения 66 с двумя массивными ручками, верхние концы крепятся к венчику (Рис. 1. 12). Высота – 7,4 см, диаметр устья – 12,2 см. Керамический комплекс погребения, кроме канфара, представлен двумя красноглиняными сосудами (кувшин и миска) и лепным горшком. Красноглиняная керамика, как мы считаем, боспорского производства, появилась у меотов во второй половине II в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2005. С. 232. Хронол. табл.). Аналогия канфару имеется в погребении Л-8 могильника городища № 3 хут. Ленина (раскоп I, погребение 19, 1983 г.) с маленькой амфорой неустановленного средиземноморского центра производства, которая была нами датирована четвертой четвертью II в. (Там же. С. 229, 238. Рис. 50, 12). К этому же времени можно отнести и погребение 66 из Спорного.

Канфар на кольцевом поддоне из погребения 96 имеет три ручки, которые крепятся верхними концами к венчику (Рис. 1. 9). Высота – 7,6 см, диаметр устья – 11,5 см. Комплекс датируется по амфоре круга Родоса второй половиной II в. до н.э. (Бочковой и др. 2005. С. 173).

Канфар из погребения 211 также трёхручный. Дно его можно считать плоским (есть небольшая выпуклость в центре). Ручки крепятся верхними концами чуть ниже венчика (Рис. 1. 10). Высота – 6,1 см, диаметр устья – 9,4 см. По аналогии с канфаром из погребения 96 комплекс нужно датировать второй половиной II в. до н.э. Этому периоду соответствует и форма других сероглиняных сосудов (Лимберис, Марченко. 2005. Хронол. табл.).

Таким образом, форма классического канфара развивалась и видоизменялась в варварской среде, что связано с процессом развития гончарного производства и с постепенным освоением меотскими мастерами более сложных технических приемов. Незнакомый и, казалось бы, чуждый меотам тип сосуда, благодаря мастерству и фантазии гончаров, приобрёл, в конечном счёте, лаконичную форму, не только востребованную в быту, но и незаменимую в погребальном обряде на протяжении трёх столетий.

Литература

- Анфимов. 1951 – *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. 1951. МИА. № 23.
- Анфимов. 1986 – *Анфимов Н. В.* Античное влияние в меотской керамике // Проблемы античной культуры. М., 1986.
- Бочковой и др. 2005 – *Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // МИАК. 2005. Вып. 5.
- Каменецкий. 1987 – *Каменецкий И. С.* Античные влияния на керамику донских меотов // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье–Приазовье. Новочеркасск, 1987.
- Каменецкий. 1989 – *Каменецкий И. С.* Меоты // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. Археология СССР.
- Лимберис. 1994 – *Лимберис Н. Ю.* Раннемеотские погребения у хутора им. Ленина // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1994.
- Лимберис, Марченко. 1999 – *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Меотские реплики древнегреческих канфаров // БФ. 1999.
- Лимберис, Марченко. 2001а – *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Импортная и местная керамика из погребений нового меотского могильника в Прикубанье // БФ. 2001.
- Лимберис, Марченко. 2001б – *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Погребения VI–V вв. до н.э. из грунтовых могильников меотских городищ правобережья Кубани // МИАК. 2001. Вып. 1.
- Лимберис, Марченко. 2005 – *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Хронология керамических комплексов с античными импортами // МИАК. 2005. Вып. 5.
- Монахов. 2003 – *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Северном Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003.
- Смирнов. 1958 – *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у станицы Пашковской // Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. 1958. МИА. № 64.
- Rotroff. 1997 – *Rotroff S. I.* Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // AA. 1997. Vol. XXIX. Part 1, 2.
- Sparkes, Tallcott 1970 – *Sparkes B. C., Tallcott L.* Black and Plain Pottery of 6th, 5th Centuries B.C. // AA. 1970. Vol. XII.

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко, С. Ю. Монахов

Новая «прикубанская» серия эллинистических амфор

В настоящее время можно говорить о выделении новой, достаточно представительной серии эллинистических амфор. При некоторой вариабельности морфологических характеристик, все эти сосуды характеризуются единством глиняного теста, отличающегося очень тонкой структурой, цветом от розового до светло-красного, с редкими включениями золотистой или серебристой слюды. Встречаются и

другие примеси: песок, известняковые включения. Глина очень плотная, по внешней поверхности хорошо заглажена, ангоб в цвете глины, иногда – лощение.

Первый из известных нам сосудов этой серии был обнаружен в богатом погребении № 237 некрополя Танаиса (Шелов. 1970. С. 143; 1975. С. 45, 83; Арсеньева. 1977. С. 36 сл. Табл. XI, XII; Монахов. 1999. С. 553 сл. Табл. 233). Все остальные находки происходят из двух меотских грунтовых могильников правобережья среднего течения Кубани. Наибольшее количество амфор (13) было найдено в некрополе Старокорсунского городища № 2, ещё 8 сосудов – в погребениях могильника городища № 3 хут. им. Ленина. Профильные фрагменты таких амфор часто встречаются и в культурных слоях этих памятников. Именно поэтому мы предлагаем назвать всю эту серию амфор «прикубанской». Предварительная хронология амфор была разработана на основании их взаимовстречаемости в комплексах с меотскими сероглиняными канфарами (Лимберис, Марченко. 2005. С. 228, 229, 237, 238).

На сегодняшний день мы имеем более двух десятков целых сосудов «прикубанской» серии, которые с учётом морфологии и уточненной хронологии можно распределить на три типа.

Тип I – «танаис». Единственная амфора этого типа из погребения № 237 некрополя Танаиса отличается ярко выраженным пифоидным обликом: широкое яйцеобразное тулово, которое более или менее плавно переходит в короткое припухлое горло, отделённое желобком от плеча. Венец валикообразный, ножка кубаревидная, с чёткими гранями (Рис. 1. 1).

Необходимо ещё раз уточнить хронологию танаисского комплекса. Найденная в нём синопская неклеимёная амфора относится к варианту ШС, который, по нашим представлениям, появляется в Синопе не ранее конца III в. (Монахов. 1992. С. 177. Табл. 11, № 68), но в основном датируется первой половиной II в. Однако главным хронологическим репером для комплекса является родосская амфора «поздней серии варианта вилланова» с клеймом магистрата Архилаида, который традиционно включается в III хронологическую группу. Временные рамки этой группы за последние десятилетия несколько раз незначительно корректировалась (Grace. 1985. No. 1. P. 10; Монахов. 2003. С. 119. Табл. 83). По последней схеме Г. Финкельштейна эпоним Архилаид включается в подгруппу Ше, т. е. датируется 169–161 гг. до н.э. (Finkielsztejn. 2001. P. 158; Кац. 2007. С. 216, 420. Прил. III). Исходя из узкой хронологии клейменной родосской амфоры, весь комплекс, в т. ч. и интересующий нас сосуд, должен датироваться в пределах 60-х гг. II в. до н.э., или, если брать шире, – второй четвертью этого столетия.

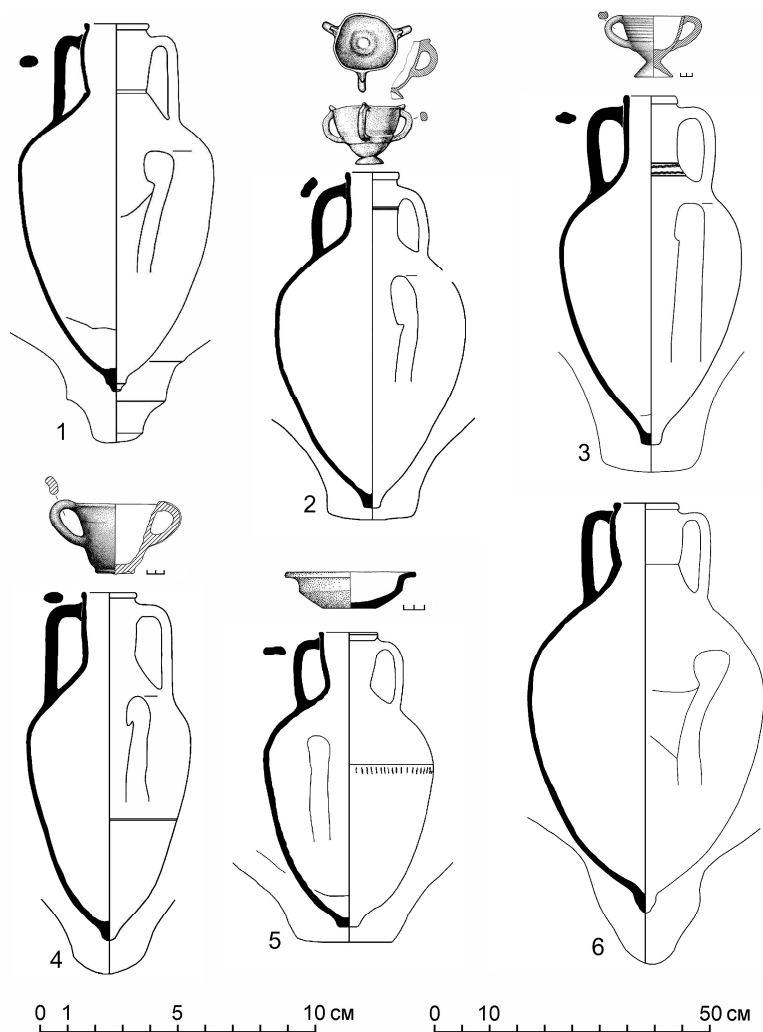

Рис. 1. Амфоры «прикубанской» серии: 1 – тип I «танаис» (погребение 237 некрополя Танаиса); 2–4 – тип II «старокорсунский» (2 – вариант II-A, погребение 417з; 3 – вариант II-B, погребение 291в; 4 – вариант II-C, погребение 499з); 5 – тип III «хуторской» (погребение 14, раскоп V, 1983 г.); 6 – амфора из некрополя Арпи

Остальная выборка амфор «прикубанской» серии по морфологическим характеристикам может быть распределена по двум типам: тип II – «старокорсунский», включающий 3 варианта, и тип III – «хуторской». Относительная хронология типов основана на наличии

в комплексах меотских сероглиняных канфаров – трёхручных на полых конических поддонах и двуручных на кольцевых поддонах. Канфары, в свою очередь, коррелируют с немногочисленными импортными сосудами, родосскими клеймёнными амфорами, бронзовыми зеркалами, лепными и сероглиняными меотскими курильницами.

Тип II целесообразно назвать «старокорсунским», поскольку большинство амфор происходит из некрополя *Старокорсунского городища № 2*. Тара этого типа, при той же примерно профилировке пифоидного тулова, имеет ряд существенных отличий, позволяющих выделить три варианта сосудов.

Вариант II-А. Для амфор этого варианта характерно широкое пифоидное тулово с плавным переходом к горлу. Само горло относительно невысокое, слегка припухлое или цилиндрическое. Венцы различной профилировки – валикообразные или высокие уплощённые с подрезкой, иногда отогнуты наружу. Ножка короткая, чаще с округлённым основанием (Рис. 1. 2). Наиболее ранние погребения № 417з и 258з могильника *Старокорсунского городища № 2* с амфорами этого варианта относятся ко второй четверти II в. до н.э. Три погребения того же могильника можно широко датировать второй половиной II в. до н.э. – № 602з, 498з, 145в. Последней четвертью II в. до н.э. датируются погребения № 475з могильника *Старокорсунского городища № 2*, № 13 (2007), № 30 (2008) могильника *городища № 3 хут. Ленина*.

Вариант II-В. У амфор этого варианта тулово также пифоидной профилировки, но горло чаще всего цилиндрическое (у двух сосудов слегка припухлое) и, как правило, чётко отделяется от плечиков. Основание горла часто выделено двумя-тремя желобками, в одном случае – орнаментальным пояском из волнистых линий. Желобки могут располагаться и выше основания горла, посередине или под венчиком. Венец в основном валикообразный, может быть слегка отогнутым, трапециевидным или уплощённым, с подрезкой. Ножка короткая цилиндрическая с плоским или закругленным основанием (Рис. 1. 3). Погребение № 188в могильника *Старокорсунского городища № 2* мы датировем второй четвертью II в. до н.э., возможно, началом второй половины II в. до н.э., погребения № 38 (2009) и № 67(2010) могильника *городища № 3 хут. Ленина* – второй половиной II в. до н.э. К началу последней четверти II в. до н.э. относится погребение № 291в могильника *Старокорсунского городища № 2*, а погребения № 205з того же могильника, № 11 (раскоп II 1983) и № 19 (раскоп I 1983) могильника *городища № 3 хут. Ленина* датируются в пределах последней четверти II в. до н.э.

Вариант II-С. Базовым морфологическим признаком, позволяющим отделить этот вариант тары от предыдущего, является заметная грацильность профилировки этих амфор с плавным переходом от горла

к плечу, явная уплощённость венца, иногда отогнутого наружу, едва выделенная ножка со слабо округлённым основанием (Рис. 1. 4). Известны три амфоры из погребений № 499з и 158в могильника Старокорсунского городища № 2 последней четверти II в. до н.э. и погребения № 228з/236з того же могильника второй половины II в. до н.э.

Тип III – «хуторской». Сюда относятся два сосуда из могильника городища № 3 хут. Ленина. Тулово пифоидное, плечи округлённые, горло короткое воронковидное, заметно суженное в основании, но без подрезки или желобка, венчик уплощённый, слегка отогнут, ножка едва выделена, с плоским основанием (Рис. 1. 5). Погребение № 14 (раскоп V, 1983 г.) датируется последней четвертью II в. до н.э. Амфора из погребения № 5 (2007) в целом повторяет морфологию предыдущего сосуда. Погребение ограблено в древности, хронологические привязки отсутствуют. В целом этот тип амфор пока может быть широко датирован в пределах второй половины II в. до н.э.

Таким образом, на сегодняшний день можно достаточно уверенно считать, что с конца III и на протяжении всего II в. до н.э. некий неизвестный нам центр (центры?) амфорного производства достаточно активно поставлял местному населению своё вино в керамической таре. Характер глины очень хорошего качества с примесью мелкой слюды свидетельствует о глубоких традициях керамического производства. Концентрация практически всех находок на территории расселения меотских племён и то обстоятельство, что по всем данным именно на Боспоре в эпоху эллинизма активно развивается товарное виноделие, позволяют в осторожной форме предположить, что местом производства этих амфор был один из центров Боспорского царства (возможно, Горгиппия). Косвенным подтверждением может быть то, что в составе инвентаря меотских погребений II в. до н.э. встречается довольно много красноглиняной керамики разных форм (кувшины, миски, кружки и др.), которые по цвету глины, примесям, способам обработки поверхности (лощение, ангоб) повторяют технологию изготовления рассматриваемых амфор. Маловероятно, чтобы такая посуда поступала из Средиземноморья, тем более что красноглиняную керамику в изобилии производили ближайшие боспорские города, и меоты покупали её, чтобы внести разнообразие в свои «серые сервизы». Особенно трудно представить, чтобы в средиземноморских мастерских изготавливали кружки с горизонтальными ручками по типичной сарматской моде. Следует отметить и орнаментацию основания горла одной из амфор прочерченными волнистыми линиями (погребение № 291в могильника Старокорсунского городища № 2), что характерно для иных категорий керамики. Подобный орнамент нередко встречается на импортных красноглиняных кувшинах и кружках с горизонтальной ручкой из сарматских погребений степного Прикубанья (Марченко. 1996. Рис. 24, 13, 14;

Лимберис, Марченко. 2007. С. 30, 36. Рис. 26), а также на сосудах из грунтовых меотских погребений (Лимберис, Марченко. 2005. Рис. 44, 48). Учитывая достаточно выраженное разнообразие морфологических признаков всей серии «прикубанских» амфор, нельзя исключить, что они производились не в одном, а в нескольких центрах Боспора одновременно.

Единственной аналогией из Средиземноморья, причём не прямой, является амфора из т. н. могилы амфор некрополя Арпи в Южной Италии. Эта амфора отличается от «прикубанской» серии большими размерами и широким туловом яйцевидной формы, ножка кубаревидной профилировки, как у косской тары эллинистического времени. Горло ярко выраженное припухлое, при валикообразном венце (Рис. 1, 6), как у амфоры из Танаиса. Аналогии этому сосуду в публикации не приводятся. Автор предположительно отнёс интересующую нас амфору к продукции Коса и датировал комплекс второй половиной II в. до н.э. (Volpe. 1995. P. 222, 231–237. Fig. 147). Для определения узкой хронологии этой амфоры и комплекса в целом весьма важной представляется найденная там же партия амфор типа Коринф А' (которые, кстати говоря, могут быть как коринфского, так и керкирского производства). Все существующие на сегодняшний день хронологические разработки по амфорам типа Коринф А' дают однозначный вывод – самые поздние серии датируются в пределах середины – второй половины III в. до н.э. (Koehler. 1978; Келер. 1992. С. 271. Табл. 2-с). В связи с этим, целесообразно ограничиться этой датировкой и для интересующей нас амфоры.

У нас нет оснований включать амфору из Арпи в общую типологию «прикубанской» серии, поскольку мы не имеем описания глины, да и морфологические характеристики её явно выделяются. Тем не менее можно в осторожной форме предположить, что такой тип амфор мог зародиться в одном из средиземноморских центров и уже оттуда был воспринят и тиражировался в видоизмененной форме в Причерноморье. Нужно надеяться, что новые находки дадут более ясное понимание этого сюжета. Ведь не секрет, что наши представления о масштабах и характере торговых контактов в античную эпоху частенько явно примитивизируются. Удивление вызывает находка пунийской амфоры в Причерноморье (Marcenko et al. 2000. С. 162. Рис. 55, 1), а с другой стороны – синопской клеймёной амфоры на крайнем западе Средиземноморья – у Балеарских островов (Монахов. 1999. С. 372 сл.).

Литература

- Арсеньева. 1977 – *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. М., 1977.
Кац. 2007 – *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007.

- Келер. 1992 – *Келер К.* Общая типология и хронология коринфских транспортных амфор // Греческие амфоры. Саратов, 1992.
- Лимберис, Марченко. 2005 – *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. 2005. № 5.
- Лимберис, Марченко. 2007 – *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Раскопки курганной группы «Пластуновская-52» // МИАК. 2007. Вып. 7.
- Марченко. 1996 – *Марченко И. И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996.
- Монахов. 1992 – *Монахов С. Ю.* Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Саратов, 1992.
- Монахов. 1999 – *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999.
- Монахов. 2003 – *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003.
- Шелов. 1970 – *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970.
- Шелов. 1975 – *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н.э. М., 1975.
- Finkielsztejn. 2001 – *Finkielsztejn G.* Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 a 108 av. J.-C. environ. Premier bilan. Oxford, 2001. BAR International Series.
- Grace. 1985 – *Grace V.* The Middle Stoa Dated by Amphora Stamps // *Hesperia*. 1985. Vol. 54.
- Koehler. 1978 – *Koehler C. G.* Evidence Around the Mediterranean for Corinthian Export of Wine and Oil // *The Proceedings of the Ninth Conference on Underwater Archaeology*. Texas, 1978.
- Marcenko et al. 2000 – *Marcenko K., Zitnikov V., Kopylov V.* Die Siedlung Elizavetovka am Don. M., 2000.
- Volpe. 1995 – *Volpe G.* Contenitori da Trasporto // *Arpi. L'ipogeo della Medusa e la necropoli*. Bari, 1995.

А. Н. Ворошилов

О всадниках Фанагории

Боспор Киммерийский являлся буферным государством между Римом и миром варваров-сарматов, в связи с чем не мог не испытывать серьезнейшие влияния обеих этих держав. Процессы взаимопроникновения столь разных культур протекали довольно активно, затронув практически все стороны жизни боспорского населения и в первую очередь – военное дело. Отразились они и на паноплии боспорских воинов. Традиция повсеместного применения эллинским населением Боспора варварских типов оружия, появившись ещё в эпоху архаики (использование греками скифских акинаков и стрелкового оружия), просуществовала вплоть до конца античной эпохи.

Римское влияние на развитие вооружения Боспора заметно менее существенно, чем сарматское (Сокольский. 1954. С. 169; Горончаровский, Тихонова. 2005. С. 143, 145). Связано это вероятно с тем, что на территории Боспорского государства не было постоянного присутствия римских войск. В то время как доля сарматского элемента в боспорской армии с рубежа эр постоянно возрастала. На это указывают погребения «сарматской знати» в некрополях боспорских городов (Шаров. 2011), а также появление в составе правящей элиты Боспора выходцев из сарматской среды (Виноградов, Горончаровский. 2009. С. 291). На фоне возрастающего значения кавалерии в боспорской армии первых веков нашей эры заимствование эллинами сарматских типов вооружения выглядит вполне закономерным явлением.

Изучение боспорского вооружения невозможно без анализа изобразительных и археологических источников, а также их соотнесения. Удачным опытом подобного исследования является работа М. Ю. Трейстера (2010), в которой представлена самая полная на сегодняшний день сводка надгробных стел Боспора с изображениями оружия первых веков нашей эры, а также погребальных комплексов, которые соотносятся с этими изобразительными источниками. При этом отмечается дефицит археологических материалов – комплексов погребений с оружием из боспорских некрополей первых веков нашей эры, которые могут быть сопоставлены с изобразительными источниками (Трейстер. 2010). В свете затронутых в этом исследовании вопросов интересными представляются находки, сделанные в 2010 г. отрядом Фанагорийской экспедиции ИА РАН под руководством В. Д. Кузнецова (2010). Речь идёт о двух воинских погребениях, которые хорошо соотносятся с изображениями всадников на боспорских стелах.

В Фанагории оружие (особенно клинковое) является редким элементом погребального инвентаря. Большинство найденных здесь мечей и кинжалов римского времени обнаружены в ограбленных ещё в древности грунтовых склепах. За редким исключением (Сокольский. 1954. С. 154–155; Шавырина. 1983. С. 72; 2000. С. 360) они представляют собой экземпляры плохой сохранности или невыразительные обломки, которые не позволяют судить в полной мере даже о морфологии оружия. Кроме того, подавляющее большинство этих находок не опубликовано. В связи с этим каждый новый комплекс с сохранившимся *in situ* оружием представляет особый интерес. Кратко рассмотрим воинские погребения римского времени из раскопок Восточного некрополя Фанагории в 2010 г.

Погребение 138/2010 принадлежало мужчине возраста ок. 25 л.⁸⁶, который был похоронен практически в полной боевой амуниции.

⁸⁶ Антропологический материал из раскопок 2010 г. обработан М. В. Добровольской.

Захоронение совершено в грунтовой яме, погребённый уложен на спину, вытянуто, головой на ЮВ. Правая рука располагалась вдоль тела, левая – кистью в области паха. Заслуживает внимания и положение ног – они были скрещены в щиколотках (правая нога на левую). Остатки дерева над скелетом и отпечатки деревянных досок на дне могилы под костями свидетельствуют, что захоронение было совершено в деревянном гробу. Все предметы вооружения и снаряжения сохранились в погребении *in situ*. У левого плеча погребённого обнаружена бронзовая фибула. В области живота найдены фрагменты погребального венка из фольги жёлтого металла. У пояса обнаружен плоский каменный оселок с отверстием для подвешивания. Длинный (около 1 м) железный меч был уложен под углом к оси корпуса погребённого и пропущен между его ног, при этом рукоять меча располагалась у левого бедра, рядом с оселком. По сохранившимся отпечаткам деревянной рукояти удалось реконструировать её форму, напоминающую рукоять современной шашки. Отпечатки дерева на обоюдоостром клинке меча свидетельствуют о наличии деревянных ножен. К деталям ременной гарнитуры меча относится бронзовая рамка D-образной формы, лежавшая на клинке в 1/3 его длины от рукояти, а так же ещё одна бронзовая рамка неправильной подпрямоугольной формы. У правого бедра располагался короткий (около 0,35 м) железный кинжал с прямым перекрестьем и кольцевым навершием, хранившийся, судя по отпечаткам дерева на клинке, в деревянных ножнах. Рядом с рукоятью и у острия клинка сохранились бронзовые детали портупейной гарнитуры, их расположение свидетельствует о ношении кинжала широко распространённым в сарматской среде и на Боспоре способом – пристёгнутым к правому бедру (Хазанов. 2008. Рис. 9; Симоненко. 2010. Рис. 40). У стоп воина обнаружено около полутора десятка железных наконечников стрел и фрагменты древков. Вдоль стенки могилы слева от воина лежало небольшое копье. По многочисленному инвентарю погребения датируется второй половиной I в. до н.э. – началом I в. н.э.

Погребение 141/2010 принадлежало мужчине 30–39 л., имевшему на вооружении длинный железный меч с широким клинком. Захоронение совершено в грунтовой яме, погребённый был уложен на спину, вытянуто, головой на СВ. Руки располагались вдоль тела, кистями на бедренных суставах. Под скелетом зафиксирован тёмный тлен органической подстилки. В правой руке мужчина держал нагайку. Вдоль правой ноги (частично под ней) рукоятью у кисти правой руки лежал длинный (около 1 м) железный меч без перекрестья. Вокруг хвостовика его рукояти зафиксированы следы красного красителя и бронзовая деталь декора. На клинке, частично под правым коленом воина обнаружено скопление находок связанных с ременной гарнитурой, крепившейся к деревянным ножнам меча. Это янтарная

подвеска с пропущенной петлей кожаного ремня, серебряная и бронзовая пряжки, бронзовые наконечники и обоймы портупейных ремней, распределители. У стоп найдены фрагменты железной фибулы, а рядом с левой голенью – бронзовая пряжка. По инвентарю погребение датируется второй половиной II – первой половиной III в. н.э.

Обнаруженное в воинских захоронениях оружие и снаряжение, его положение в могиле свидетельствуют в пользу того, что мы имеем дело с погребениями боспорских всадников. Подтверждает это и уникальная для фанагорийского некрополя находка нагайки.

Попробуем соотнести рассмотренные археологические реалии с изображениями на боспорских надгробных стелах. «Всаднические» кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестием присутствуют на 52 надгробиях (в 47 случаях – у всадников), при этом практически везде они находятся на правом бедре, иногда видны ремни, при помощи которых они крепились (Трейстер. 2010. С. 486, 494). М. Ю. Трейстер, исходя из пропорций фигур воинов, определил длину этих кинжалов – до 0,3–0,35 м. Эти размеры в полной мере согласуются с длиной кинжала из погребения 138/2010. Что касается длинных мечей, то их изображения на левом боку всадника известны, но довольно редки, значительно чаще длинный меч изображался пристёгнутым к гориту (Там же. С. 488). В связи с этим необходимо упомянуть обнаруженные в погребении 138/2010 железные черешковые наконечники стрел, компактно расположенные слева от ступней, которые изначально могли находиться в несохранившемся горите или колчане.

До недавнего времени единственной достоверной совместной находкой кинжала с кольцевым навершием и длинного меча являлся комплекс погребения 227/1996 некрополя Китея (Там же. С. 508, 510). Датируется он второй половиной II в. н.э., т. е. синхронен воинскому погребению 141/2010 из Фанагории. Принимая во внимание то обстоятельство, что комплекс из Китея был частично ограблен, а первоначальное положение вещей нарушено, рассмотренное выше погребение 138/2010 – единственный известный на сегодняшний день не только в некрополе Фанагории, но и на всем Боспоре комплекс, в котором *in situ* обнаружены кинжал с кольцевым навершием (у правого бедра) и длинный меч (у левого бедра). Положение клинкового оружия в этой могиле, вероятно, отражает реальные способы его подвески всадниками и хорошо соотносится с изображениями на стелах. Кроме того здесь представлен максимальный набор элементов паноплии, присущих конным воинам, изображенным на сценах надгробных рельефов: кинжал, меч, копье, горит или колчан (?).

М. Ю. Трейстер выдвинул гипотезу о статусном значении на Боспоре такого боевого оружия, как короткие кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестием, их владельцев он связывает

с «аспургианами» – воинами сарматского и меотского происхождения, для вооружения которых, помимо кинжала, характерны и длинные всаднические мечи (Там же. С. 529). Именно из них формировались отряды боспорской конницы, употреблявшие такое оружие для охраны рубежей Азиатского Боспора (Сапрыкин. 2002. С. 177–203; Горончаровский. 2006. С. 45). Приняв эту гипотезу, можно интерпретировать фанагорийские всаднические захоронения как погребения профессиональных воинов, служивших в кавалерийских подразделениях столицы Азиатского Боспора. Эти комплексы уступают по богатству элитным воинским захоронениям (Шаров. 2011) и могут быть отнесены к средней прослойке фанагорийского общества.

В заключение хотелось бы отметить, что в непосредственной близости от погребения 138/2010 был обнаружен несколько более поздний склеп 145/2010, в качестве заклада которого вторично использовано крупное известняковое надгробие. На нём сохранилось изображение батальной сцены с участием двух всадников и оруженосца с большим щитом. Один из всадников повержен и полулежит на земле, в руках другого – занесённое копье. Хотя достоверных подтверждений нет, не исключено, что надгробие первоначально могло быть установлено над указанным всадническим погребением.

Литература

- Виноградов, Горончаровский. 2009 – *Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб., 2009.
- Горончаровский, Тихонова. 2005 – *Горончаровский В. А., Тихонова Т. С.* Короткие мечи I–II в. н.э. из раскопок некрополя Горгиппии // БФ. 2005.
- Горончаровский. 2006 – *Горончаровский В. А.* Аспургиане и военно-политическая история Боспорского царства на рубеже нашей эры // БФ. 2006.
- Кузнецов. 2010 – *Кузнецов В. Д.* Отчёт Фанагорийской экспедиции за 2010 г. // Архив ИА РАН.
- Сапрыкин. 2002 – *Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
- Симоненко. 2010 – *Симоненко А. В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
- Сокольский. 1954 – *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33.
- Трейстер. 2010 – *Трейстер М. Ю.* Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н.э. // ДБ. 2010. Т. 14.
- Хазанов. 2008 – *Хазанов А. М.* Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008.
- Шавырина. 1983 – *Шавырина Т. Г.* Раскопки некрополя Фанагории в 1978 г. // КСИА. 1983. Вып. 174.
- Шавырина. 2000 – *Шавырина Т. Г.* Западный некрополь Фанагории (раскопки 1991–1999 гг. Общий обзор) // ДБ. 2000. Т. 3.

Шаров. 2011 – Шаров О. В. К вопросу о «сарматской знати» на Боспоре в позднеримскую эпоху // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: Материалы VII науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Ростов-на-Дону, 2011.

О. М. Ворошилова

Об имитациях деталей ременной гарнитуры из некрополя Фанагории

Инвентарь захоронений, являясь одной из важнейших составляющих погребального обряда, содержит информацию, напрямую связанную с мировоззрением древнего населения. Среди разнообразных категорий сопутствующего инвентаря выделяются вещи, специально созданные для использования в погребальной церемонии. К данной категории находок на наш взгляд принадлежат изделия из золотой или серебряной фольги, имитирующие детали ременной гарнитуры – пряжки и наконечники ремней. Они происходят из трёх грунтовых склепов некрополя Фанагории (Шавырина. 1991. С. 31–32; 1992. С. 28–32; Шавырина. Ворошилова. В печати).

В двух склепах (1/1991⁸⁷, 3/1992) были найдены имитации деталей ременной гарнитуры, выполненные из золотой фольги и в одном склепе (167/2011) – из серебряной. На все изделия с помощью штампа и/или чеканки нанесён рельефный орнамент.

В склепе 1/1991 в гробу 4 в области пояса погребённого находились три «пряжки» и два «наконечника ремня» из золотой фольги.

Две «пряжки» практически идентичны и имели длину 4 см (Рис. 1. 1). Их щиток и рамка изготовлены из одной заготовки. Рамка гладкая, овальной формы, расширяется в противоположной от щитка части. Щиток обрамлён рельефным орнаментом в виде бордюров с косым рифлением, образующим замкнутую прямоугольную область, внутри которой изображён выпуклый диск. От него в две стороны горизонтально расходятся зигзагообразные линии. Язычок выполнен из отдельной детали в виде подпрямоугольной ленты, расширяющейся от основания язычка. Узкий конец язычка пропущен в отверстие заготовки у основания рамки и свёрнут в петлю, что придаёт ему подвижность. Широкий конец язычка расположен на рамке.

Третья «пряжка» длиной 3,2 см (Рис. 1. 2). От вышеописанных она отличается, прежде всего, рельефным орнаментом в центральном поле щитка. Здесь находится изображение стоящего (пьющего?) коня с опущенной к чаше головой. Чаша (котёл?) имеет полусферическую форму. Подобные пряжки происходят из склепа в некрополе у мыса Тузла (Зеест. 1953. С. 158. Рис. 63, 1, 3, 4).

⁸⁷ Номер погребения/год раскопок.

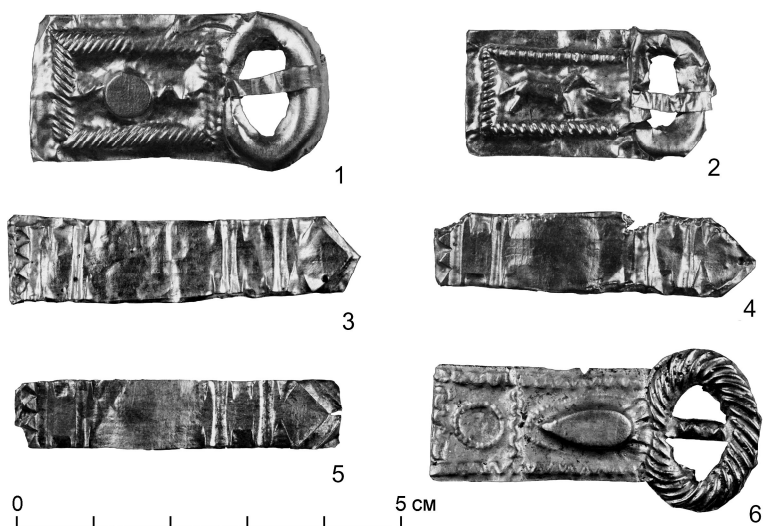

Рис. 1. Имитации деталей ременной гарнитуры из некрополя Фанагории

Найденные рядом с пряжками «наконечники ремней» имели размеры $4,5 \times 1$ см (Рис. 1. 3, 4). Каждый из них изготовлен из одной подпрямоугольной заготовки. Переднее окончание наконечника заострено, основание обрезано под прямым углом, вдоль него проходит поперечный орнаментальный пояс из выпуклых равнобедренных треугольников. Кроме того, с обеих сторон наконечника изображены геометрические фигуры, напоминающие обоймы. Окончание оформлено в виде выпуклой геометрической фигуры подромбовидной формы.

В склепе 3/1992 в двух гробах также были обнаружены имитации деталей ременной гарнитуры из золотой фольги. В гробу 1 на костях таза погребённого лежали два «наконечника ремня», размером $4-4,5 \times 1$ см (Рис. 1. 5). От вышеописанных они отличаются только тем, что углы прямоугольной заготовки в передней части наконечника не загнуты, рельефный же орнамент полностью соответствует изображениям на экземплярах из склепа 1/1991.

В гробу 3 обнаружены четыре одинаковые имитации пряжек (Рис. 1. 6) и три щитка без рамки, аналогичные щиткам «пряжек». Две пряжки лежали в области тазовых костей погребённого ребёнка, одна обнаружена между коленями, ещё одна – у правой стопы. Щитки без рамок найдены также в районе стоп.

Каждая из «пряжек» изготовлена из заготовки длиной 4,5 см. Рамка овальной формы, украшена косым рифлением, по центру язычка проходит волнистая линия. Прямоугольный щиток оконтурен

по краям рельефным бордюром в виде волнистой линии, образующим прямоугольное поле, которое делится такой же линией на две неравные части. В большей части (рядом с рамкой) нанесено выпуклое каплевидное изображение, обрамлённое по контуру орнаментом, имитирующим зернь. В меньшей части поля таким же орнаментом изображено кольцо с незамкнутыми концами. Каплевидный рельеф, вероятно, является подражанием каменной вставке, окружённой зернью.

Имитации пряжки и наконечника ремня из серебряной фольги обнаружены в склепе 167/2011. Они располагались в области тазовых костей погребённого. Рамка пряжки также овальной формы. На прямоугольном щитке – рельефное изображение лошади с опущенной над сосудом головой. Эта композиция аналогична сюжету на одной из золотых «пряжек» склепа 1/1991.

В состав погребального инвентаря, помимо имитаций деталей ременных гарнитур, входили вещи, позволяющие датировать рассмотренные комплексы III – началом V в. н.э.

Особый интерес вызывает то обстоятельство, что в захоронении склепа 1/1991, помимо описанных выше имитаций деталей ремней, был найден железный меч длиной 0,52 м. Он был вложен в деревянные ножны, украшенные серебряными пластинками с рельефными ромбами. Детальными гарнитуры ремней меча являются обнаруженные здесь же две бронзовые пряжки, которые относятся к ступени D2 центральноевропейской системы хронологии, т. е. к 380/400–440/450 гг. (Щукин. 2005. С. 552–553. Таб. V, 23–25). В этой же могиле обнаружены железные удила, лежавшие под гробом. По типологии, предложенной А. Е. Пуздровским, они относятся к типу 1 – двусоставные кольчатые удила (Пуздровский. 2007. Рис. 101). Такие принадлежности узды были широко распространены как на территории Крымской Скифии (Там же. С. 141–142), так и на Среднем и Нижнем Дону (Гущина. 1961. С. 246. Рис. 3, 1, 4; Шелов. 1961. С. 30–31. Табл. XXXII, б). Примечательно, что в одном из гробов склепа 167/2011 также найдены фрагменты длинного меча. Ещё один меч был обнаружен в погребении с «пряжками» из некрополя у мыса Тузла (Зеест. 1953. С. 158. Рис. 63, 1). Похожие имитации пряжек и наконечников ремней известны в погребении 227/1996 некрополя Китея, датирующимся второй половиной II в. н.э. (Трейстер. 2010. С. 508. Рис. 13). Они располагались в области пояса и ног погребённого. Пряжка имеет прямоугольную рамку и щиток, украшенный косыми насечками. На наконечниках ремня, помимо рельефного орнамента, изображены тамгообразные знаки, которые принято отождествлять со знаком боспорского царя Евпатора (Там же. С. 527). В погребении были найдены фрагменты меча и кинжала.

Принимая во внимание то обстоятельство, что в большинстве погребальных комплексов с находками имитаций ременных гарнитур

обнаружено клинковое оружие и предметы конской узды, можно предположить, что перед нами черты единого погребального обряда, характерного преимущественно для воинских захоронений.

Не вызывает сомнений, что рассмотренные детали ременных гарнитур изготовленные из фольги, не могли выполнять функций (крепление ремней) реальных пряжек и наконечников, как и не служили накладками на детали ремней из бронзы или железа. На наш взгляд изготавливались они специально для погребальной церемонии и были призваны имитировать значительно более дорогие реальные детали ременных гарнитур из золота или серебра. Именно поэтому изготовлены они довольно детально, на некоторых даже присутствует подвижный язычок (Рис. 1. 1, 2). Использование имитаций деталей ременных гарнитур исключительно в обрядовой практике даёт нам основание называть их погребальными.

Литература

- Гущина. 1961 – *Гущина И. И.* Случайная находка в Воронежской области // СА. 1961. № 2.
- Зеест. 1953 – *Зеест И. Б.* Земляные склепы некрополя Тузлы // КСИИМК. 1953. Вып. 51.
- Пуздровский. 2007 – *Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- Трейстер. 2010 – *Трейстер М. Ю.* Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н.э. // ДБ. 2010. Т. 14.
- Шавырина. 1991 – *Шавырина Т. Г.* Исследования некрополя Фанагории (западный участок) на территории «МТФ» совхоза «Приморский» // Архив ИА РАН. Р-1. 1991. № 16867.
- Шавырина. 1992 – *Шавырина Т. Г.* Отчёт о работе Фанагорийского отряда Таманской экспедиции ИА РАН в 1992 г. // Архив Фанагорийской экспедиции. 1992.
- Шавырина, Ворошилова. В печати – *Шавырина Т. Г., Ворошилова О. М.* Западный некрополь Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 гг.). (В печати).
- Шелов. 1961 – *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса. М., 1961. МИА. № 98.
- Щукин. 2005 – *Щукин М. Б.* Готский путь. СПб., 2005.

А. П. Медведев

Об эллинском и варварском в культуре населения Фанагории I–V вв. н.э.

Проблема греко-варварского взаимодействия в античную эпоху остаётся одной из ключевых тем истории и археологии Северного Причерноморья. За редким исключением, у современных исследователей нет сомнений в том, что именно кочевые скифы, а затем сарматы и аланы были той доминирующей силой, которая во многом определяла военно-политическую и культурную ситуацию не только

в степях Восточной Европы, но и в окрестностях античных городов. Наиболее ярко греко-варварское взаимодействие проявилось в культуре и этническом составе населения античного Боспора. Об этом недвусмысленно свидетельствуют как письменные, так и археологические источники. Все исследователи в той или иной степени признают присутствие сарматского, а позже аланского этнокультурного компонента в Фанагории первых веков нашей эры. Мнения сильно расходятся лишь при оценке «веса» последнего в жизни этого и других городов Азиатского Боспора. По понятным причинам следы пребывания варваров полнее всего проявляются в материалах некрополей, в особенности, в некоторых специфических чертах их погребальной обрядности, в составе и характере сопровождающего инвентаря, а также в антропологии погребённых. Именно эти материалы служат основанием для оценки степени сарматизации или варваризации фанагорийского населения. Автору довелось наблюдать археологические следы этого явления в материалах Восточного некрополя Фанагории в процессе его раскопок в 2005–2007 гг. Здесь получена весьма представительная выборка из 120 погребальных комплексов от начала эллинистической эпохи до середины V в. н.э.

Во всех исследованных нами эллинистических захоронениях отсутствуют сколь-нибудь явные признаки варварского (меотского или сарматского) обряда и инвентаря. Да и позже, в конце I в. до н.э. – начале II в. н.э. в фанагорийском некрополе ещё продолжали доминировать старые эллинские погребальные традиции. Но уже с этого времени (ступень B₁) всё заметнее проявляются местные варварские элементы: простые подбойные могилы, перекрещенные в голених ноги, кисть одной из рук на нижней части живота⁸⁸, мясная заупокойная пища (иногда вместе с ножом), подсыпки из светлого песка и др. (около 20 % погребений). С I в. н.э. в сопутствующем инвентаре появляются сероглиняные сосуды с зооморфными ручками. С этого же времени на могилах начинают ставить каменные надгробия, на которых высечены героизированные изображения умерших в виде конных воинов в характерной одежде и с оружием кочевников (Кобылина. 1956. С. 100–101). С наступлением нашей эры стали более заметны антропологические различия среди фанагорийцев, в частности, получает довольно широкое распространение узколикий краниологический тип (Герасимова. 1976. С. 112). С рубежа I–II вв. даже

⁸⁸ Начиная с диссертации И. С. Каменецкого 1965 г. некоторые исследователи не рассматривают такие обрядовые признаки как перекрещенные в голених ноги и кисти рук на нижней части живота в качестве сарматских на том основании, что они встречаются не только у сарматов, но также у меотов и в античных некрополях. Однако мы обращаем внимание на то, что в первые века нашей эры этот обычай широко распространяется в Сарматии там, где его до прихода сарматов не было, например, в Степном Причерноморье (Симоненко. 1993. С. 79) и в Лесостепном Подонье (Медведев. 2008. С. 54).

в «Аллее курганов» появляются впускные сарматские погребения. Так, в насыпи кургана, раскопанного в 2003 г., оказалось около десятка таких захоронений. Само по себе их открытие может свидетельствовать о том, что с этого времени фанагорийский некрополь, в т. ч. наиболее престижная курганная его часть, стали использоваться какой-то группой бывших номадов как семейно-родовое кладбище. Обращает на себя внимание впускное мужское погребение с обычным греческим золотым венком на голове, но сопровождаемое длинным сарматским мечом с прямым перекрестием, без металлического навершия. Однако фанагорийские надписи I – первой половины II в. ещё не дают заметного увеличения имён сармато-иранской группы (Даньшин. 1992. С. 219).

Лишь со второй половины II в. (конец ступени В₂) археологические материалы фанагорийского некрополя свидетельствуют о заметном усилении сарматского компонента. Возрастает удельный вес вышеперечисленных «варварских» признаков погребальной обрядности (свыше 30 %). С рубежа II–III вв. в некрополе заметно преобладание северной ориентировки погребённых, характерной для поздних сарматов. С этого же времени в Фанагории встречаются первые захоронения с искусственно деформированными черепами, что является бесспорным признаком позднесарматской традиции. В керамическом комплексе всё более заметную долю составляет негреческая сероглиняная лощёная посуда, иногда с характерными зооморфными ручками, выполненными в виде фигурок кабанов, баранов и других животных. Сарматизация фанагорийцев выражалась в широком распространении традиционного для номадов костюма и позднесарматских типов вооружения, а также в использовании женщинами бронзовых зеркал-подвесок, в т. ч. орнаментированных сарматскими знаками-тамгами. При этом повышенная концентрация последних в античных городах по сравнению с исконно сарматскими степными районами могла быть своеобразной реакцией этноса мигрантов на господствующее иноэтничное культурное окружение. С другой стороны, хорошо известно, что начиная с Аспурга, сарматские знаки составляли основу боспорских царских тамг. Неоднократно зафиксированный факт встречаемости на боспорских надгробиях и в официальных надписях сарматских знаков также свидетельствует о мере варваризации культуры Боспора первых веков нашей эры.

Материалы фанагорийского некрополя показывают, что варвары-переселенцы, влившиеся в состав городского населения, активно воспринимали боспорскую культуру, но при этом сохраняли и некоторые традиции своего этноса. Эпиграфика показывает довольно резкий прирост иранских имён фанагорийцев, доля которых к началу IV в. достигает 30 % (Даньшин. 1992. С. 174). При этом в эпитафиях встречаются иранские имена с греческими отчествами, а иногда

и наоборот, что явно свидетельствует о далеко зашедшем на Боспоре процессе ассимиляции греков и варваров. Присутствие сарматов и алан среди населения азиатского Боспора прямо фиксируется в эпиграфическом материале (КБН 837, 1053; IG. XIV, 1636). Для нашей темы весьма важно, что в известном рассказе Константина Багрянородного о войне Херсонеса с Боспором (*De adm. imp.* 53) упоминается «страна боспорианов и Сарматов» (Βοσποριανοὶ καὶ Σαρμάται). Запечатлённый в этом источнике дуализм, вероятно, отражал реальное этническое состояние населения Боспора, по крайней мере, с конца III в., а может быть и раньше (Грацианская. 2009. С. 106–107).

Не исключено, что это смешанное греко-сарматское население могло быть известно христианскому епископу Ипполиту Портскому, автору «*Liber generationis*» (GLM. 1878. P. 160–170). Это хронографическое сочинение, заверенное не позднее 235 г. н.э., представляло одну из первых попыток связать профанную географию античного мира с традиционной библейской генеалогией (Lietzmann. 1913. Coll. 1877). Следует заметить, что оригинал сочинения Ипполита Портского до нас не дошел, зато сохранился его латинский перевод. Именно в нём находится интересный и кажется, нигде более не встречающийся древний этноним «греко-сарматы»: *Sarmatarum autem gentes*⁸⁹ et inhabitationes: Амахобии, Граэско-сарматае – «А сарматов племена и поселения: амаксобии, греко-сарматы» (Lib. gen. 34). К сожалению, в тексте хроники не содержится каких-либо конкретных географических привязок для локализации греко-сарматов. Этот этноним можно было бы считать умозрительным конструктом епископа из Порты, своего рода очередной «мнимой реальностью» (Подосинов. 2001. С. 183–191), существовавшей лишь в голове христианского писателя и его современников, тем более что, в древней географической традиции можно найти подобные смешанные этнонимы-гибриды, начиная с «эллино-скифов» Геродота и кончая «готто-греками» (Γοτθοῦρακοί) на западном побережье Малой Азии напротив о. Лесбос. Однако открытие в некрополе Фанагории (да и в других городах Боспора) серии погребений с сарматскими чертами и смешанным греко-сарматским погребальным обрядом ещё раз заставляет задуматься об истинном этническом облике жителей этого города к началу позднеантичной эпохи. Не есть ли это главный результат того самого явления, который традиционно принято называть сарматизацией?

А. А. Масленников, а недавно и С. Ю. Сапрыкин, проанализировали основные составляющие этого процесса на Боспоре (Масленников. 1990. С. 9–15, 218–219; Сапрыкин. 2006. С. 236–244). В исследованиях антиковедов акцент сместился на внутренние процессы

⁸⁹ Выделенные курсивом слова отсутствуют в рукописях *Liber generationis* и вставлены в текст издателем А. Ризе.

развития боспорского общества, и прежде всего на эллинизацию варваров, что, безусловно, имело место. Однако, как мне представляется, всё это не может опровергнуть один непреложный факт – сармато-аланскую окраску массовой культуры населения Фанагории, которая ярко проявляется в материалах некрополей к III в.

К сожалению, в Восточном некрополе Фанагории открыты единичные захоронения ступени С₃. Они пока не позволяют сделать сколь-нибудь обоснованные заключения об этническом составе её населения на протяжении большей части IV в. Однако в 2005 г. здесь исследована весьма представительная серия погребений последней четверти IV – первой половины V в. (ступени D₁–D₂). Они наглядно показали, какой в действительности стала массовая культура и погребальная обрядность населения Фанагории финала позднеантичной эпохи. На исследованном участке некрополя в это время хоронили людей, которые скорее уже были варварами, нежели греками. Обращает на себя внимание обилие сармато-аланских элементов в культуре и обрядности этого населения (Медведев. 2007. С. 224–229). Весьма показательна серия сероглиняных лощеных кувшинов с полыми носиками-сливами, а иногда и с зооморфными ручками, а также группа лепной керамики, среди которой преобладали горшки, украшенные врезным геометрическим орнаментом. В то же время посуда, изготовленная в античной керамической традиции, представлена в наших раскопках всего 4 находками. С другой стороны, в фанагорийском некрополе пока не встречено ни одной Т-образной катакомбы, характерной для центральнокавказских алан и алантанаитов IV в. н.э. (Безуглов. 1990. С. 80–87). Судя по всему, в Фанагории конца IV – середины V в. обосновалась какая-то иная группа варваров позднесарматского круга, которой не был свойственен обычай погребения в раннеаланских катакомбах.

В погребениях этого времени наблюдается слияние сарматской традиции с античной и даже германской. Например, одиночное погребение № 30 совершено в склепе, в деревянном гробу, с мелом и зеркалом типа Чми-Бригечио, но с парой двупластинчатых фибул на груди (Медведев. 2009. С. 168–176). Германский, скорее всего, готский элемент присутствует в ряде фанагорийских погребений ступеней D₁–D₂, на что уже обращалось внимание и ранее (Казанский. 1999. С. 278, 279, 281, 282). При этом, судя по всему, он появился в Фанагории задолго до середины V в. – времени переселения на азиатскую сторону Боспора готов-тетракситов (*Procop. Bell. Goth. VIII, 4–5*). Следует отметить, что хотя большинство раскопанных в 2005 г. захоронений датируется раннегуннским временем, специфически гуннских элементов в их инвентаре или обряде не выявлено. По данным археологии в составе населения Фанагории конца IV – первой половины V в. гуннов, скорее всего, ещё не было.

Литература

- Безуглов. 1990 – *Безуглов С. И.* Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9.
- Герасимова. 1976 – *Герасимова М. М.* Население античной Фанагории по палеоантропологическим данным // КСИА. 1976. Вып. 145.
- Грацианская. 2009 – *Грацианская Л. И.* К хронологии античных херсонесских сюжетов Константина Багрянородного (De administrando imperio. Cap. 53, lin 1–492) // Х БЧ. 2009.
- Даньшин. 1992 – *Даньшин Д. И.* Население Фанагории в I в. до н.э. – IV в. н.э. (этнический состав и этнокультурные традиции): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Казанский. 1999 – *Казанский М.* Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. К., 1999.
- Масленников. 1990 – *Масленников А. А.* Население Бопорского государства. М., 1990.
- Медведев. 2007 – *Медведев А. П.* Позднеантичный некрополь Фанагории (раскопки 2005 г.) // БФ. 2007. Т. 1.
- Медведев. 2008 – *Медведев А. П.* Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008.
- Медведев. 2009 – *Медведев А. П.* Два позднеантичных склепа Восточного некрополя Фанагории // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб., 2009.
- Подосинов. 2001 – *Подосинов А. В.* «Мнимые реальности» в античных представлениях о Восточной Европе // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2001.
- Сапрыкин. 2006 – *Сапрыкин С. Ю.* К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры // Северное Причерноморье в эпоху Античности и Средневековья. М., 2006.
- Симоненко. 1993 – *Симоненко А. В.* Сарматы Таврии. К., 1993.
- Харматта. 1967 – *Харматта Я.* К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. М., 1967.
- GLM – Geographi latini minores / A. Riese (ed.). Heilbronn, 1878.
- Lietzmann. 1913 – *Lietzmann H.* Hippolytos // Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1913. Bd. 8.

Н. И. Сударев, А. А. Крайнева, Г. К. Русин

Погребальные памятники поселения Волна-4

Поселение Волна-4 располагается в 4–4,2 км к СВ от современного пос. Волна Темрюкского р-на Краснодарского края. Оно расположено на высоте 74–79 м над уровнем моря, на высокой равнине, полого и равномерно повышающейся на ЮЮВ, к подножию горы Зеленской На карте В. В. Соколова памятник обозначен как «городище XIV» (Соколов. 1919. С. 46), а на карте А. А. Миллера (Археологическая карта... 1930–1931 гг.) – предположительно под № 13.

Археологические исследования на данном памятнике были начаты в 1954 г. Синдским отрядом Таманской экспедиции ИИМК АН

СССР (Блаватский. 1959. С. 41–44). Тогда был исследован небольшой (64 м²) участок в центральной части памятника, на котором были прослежены поселенческие слои и строительные остатки VI–III вв. до н.э. Кроме того, к ЮЮВ от раскопа был выявлен некрополь, относящийся, по мнению исследователей, к данному поселению. В 1985 г. памятник был обследован экспедицией ИА АН СССР под руководством Я. М. Паромова (1986. С. 63–65).

Систематические исследования поселения «Волна-4» Восточно-Боспорской археологической экспедицией ИА РАН ведутся с 2006 г. по настоящее время. За этот период была исследована территория памятника общей площадью около 19 500 м². Почти вся она распашана, северный сектор (0,5 га) – плантажным плугом. Кроме того, из-за строительства нефтеналивного порта, к моменту начала работ часть территории к востоку от выявленных условно границ памятника была снята строительной техникой на значительную глубину.

В ходе проведённых исследований было установлено, что памятник представляет собой сельское поселение с разрежённой структурой и межусадебной и приусадебной территорией. Зафиксировано два периода жизнедеятельности и многочисленные хозяйственно-строительные комплексы, связанные с ними. Было установлено, что поселение в той или иной форме существовало с последней четверти VI в. до н.э., что подтверждается керамическим материалом из слоя и комплексов северо-западной части поселения. При этом основная часть датирующего керамического материала на поселении относится к третьей четверти V – последней четверти IV в. до н.э. После небольшой хронологической лакуны начала III в. до н.э. на памятнике прослеживаются отдельные комплексы середины III в. до н.э. Кроме того в северной части поселения, в верхних слоях были обнаружены единичные находки фрагментов стенок амфор и красноглиняных сосудов VII–VIII вв. н.э. Строительные остатки этого времени на данной территории найдены не были, однако присутствие в верхних слоях датирующих фрагментов говорит о том, что она не оставлялась без внимания и в более позднее время.

В процессе раскопок поселения в 2006–2007 гг. в его юго-восточной и северо-восточной частях было выявлено большое количество погребений эпохи бронзы, которые мы делим на две группы – южную и северную.

В южной группе исследовано 13 погребений. Все они совершены по обряду трупоположения, положение сохранившихся костяков скорченное – на спине или на боку, с подогнутыми ногами. Ориентация костяков преимущественно головой на С или СВ. Часть погребений перекрыта плитами, часть – катакомбы с закладными камнями, один из которых является якорным. В погребальном обряде большинства захоронений прослежено использование охры, инвентарь

представлен фрагментированными лепными сосудами. Датируются погребения эпохой ранней и средней бронзы.

В непосредственной близости от этой группы погребений было открыто несколько хозяйственных ям поселения Волна-4.

Кроме того, к западу от южной группы захоронений было обнаружено парное погребение античного времени, относящееся к поселению Волна-4 (Рис. 1). Могильная яма имела подпрямоугольную форму и была вытянута по линии ЮЗ–СВ.

Погребение 1 (женское) располагалось в северной части ямы вытянуто на спине, головой на СВ. Руки вытянуты вдоль тела, у правой руки находились чернолаковая солонка и амфориск тёмно-синего финикийского стекла с цветными прожилками. *Погребение 2* (мужское) располагалось в южной части ямы, вытянуто на спине, головой на СВ. Руки вытянуты вдоль тела. На шее погребённого находилась серебряная гривна, у левой руки – фрагмент втулки копья. Инвентарь погребения позволяет датировать его третьей четвертью V в. до н.э. (Sparkes, Talcott. 1970. Nos. 816–818).

Северная группа насчитывает 9 погребений. Их близкое расположение относительно друг друга позволяет с достаточной долей уверенности предположить, что они составляют единый погребальный комплекс – курган. Центральным в кургане является погребение, перекрытое каменными плитами. Остальные были, по-видимому, впускными. Погребения совершены по обряду трупоположения в ямах в скорченном положении; форма ям не прослеживалась. Сохранность костяков очень плохая, их ориентация (там, где это удалось установить) – головой на В. В пяти погребениях зафиксирован инвентарь, представленный фрагментированными лепными сосудами. Следы охры выявлены только в центральном погребении. Судя по отсутствию в слоях поселенческого культурного слоя, можно говорить о том, что в античную эпоху курган, скорее всего, ещё читался на рельефе местности.

В 2010 г. исследовалась северная часть поселения. В ходе работ, на расстоянии около 30 м к северо-западу от северной группы погребений, было выявлено два погребения эпохи бронзы в катакомбах с закладными камнями, расположенных в одном стратиграфическом горизонте на расстоянии 2,5 м друг от друга. Ориентация костяка в первой катакомбе – на восток, положение – вытянуто на спине. Во второй катакомбе – на запад, лежа на боку, с подогнутыми ногами. В обоих погребениях отсутствовал инвентарь; следы охры отмечены во второй катакомбе.

В 150 м к северо-востоку от северной группы погребений в охранной зоне поселения «Волна-4» был выявлен погребальный комплекс из 6 погребений, зафиксированных в разных стратиграфических горизонтах. Погребение в каменном ящике незамкнутой формы

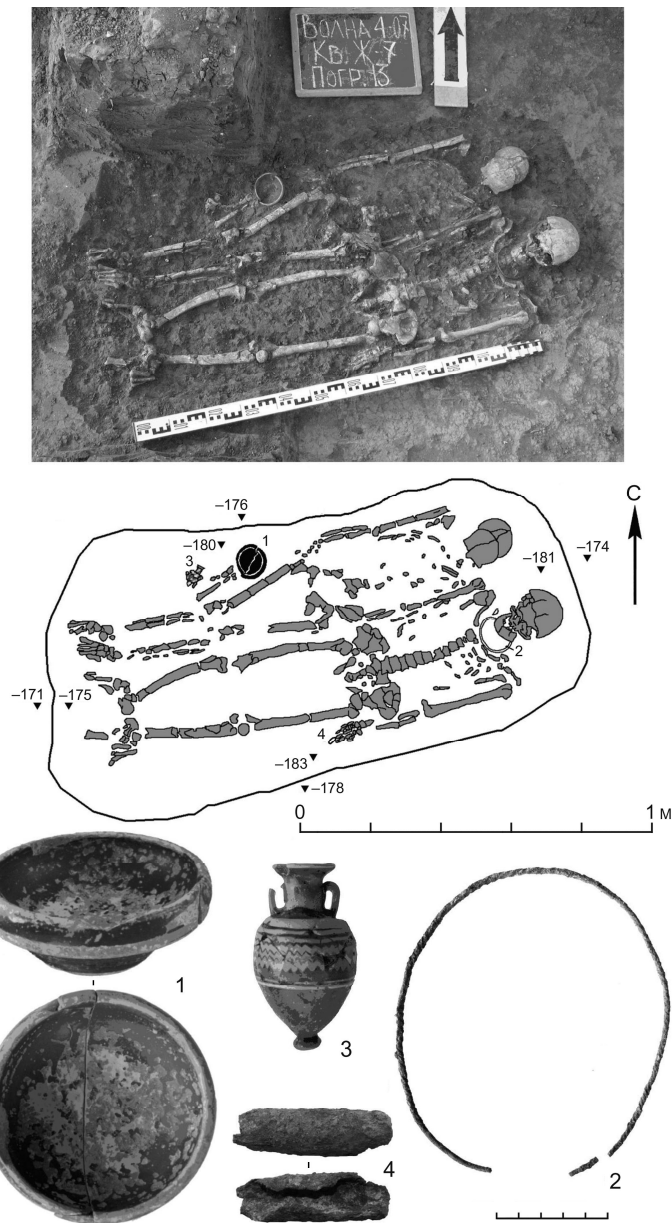

Рис. 1. Поселение Волна-4, южная группа погребений, античное погребение, фотография, план, инвентарь: 1 – чернолаковая тарелка; 2 – серебряная гривна; 3 – бальзамарий финикийского стекла; 4 – железная втулка копья

с положением покойника вытянуто на спине, по инвентарю можно отнести к поздней античности – раннему средневековью. С севера к погребению примыкала каменная конструкция, состоящая из вертикальных плит, поставленных по периметру, с заполнением из ракушки внутри (*жертвенник*), вероятно, синхронного с погребением периода (Рис. 2).

К юго-востоку от жертвенника были зафиксированы остатки погребения (фрагменты берцовых костей), практически уничтоженного плантажной распашкой. К северу от жертвенника в материковом грунте было выявлено ямное пятно. В северном направлении была расчищена могильная яма, судя по её размерам, погребение было детским. Отсутствие костяка в погребении обусловлено несформированностью костной структуры у детей и агрессивным воздействием на неё грунта. Подобная картина является характерной для детских погребений эпохи бронзы и нередкой – в зависимости от характера грунтов – для эпохи античности.

К западу от жертвенника обнаружено и исследовано погребение с положением покойника вытянуто на спине, возможно относящееся к эпохе раннего средневековья. Косвенным подтверждением такой датировки может служить небольшая глубина, на которой оно было расположено, а также наличие железного ножа. К юго-западу от жертвенника исследовано погребение катакомбного типа с положением покойника скорчено на боку, относящееся к эпохе бронзы.

К юго-западу от жертвенника выявлена входная яма катакомбы эпохи бронзы, располагающейся под жертвенником и погребением в каменном ящике, в наиболее раннем археологическом горизонте данного комплекса. Это погребение являлось центральным и самым ранним в данном кургане.

На основании проведённых исследований, а также анализа характера расположения погребений, данный погребальный комплекс можно уверенно определить как остатки кургана, насыпь которого не сохранилась вследствие многолетней плантажной распашки территории, а также строительства военной дороги.

В данном кургане наибольший интерес представляет погребение в каменном ящике и жертвенник, несомненно, являющиеся одним комплексом. От ящика сохранилось несколько плоских вертикально поставленных плит; покойник был вытянут на спине и ориентирован головой на запад. Перекрытие ящика состояло из каменной плиты над черепом и деревянных плах (сохранилось несколько фрагментов в центральной и восточной части погребения). Инвентарь (серебряный перстень с тёмным камнем и бронзовый перстень со щитком – рис. 2. 1, 2) позволяет отнести погребение к поздней античности – раннему средневековью.

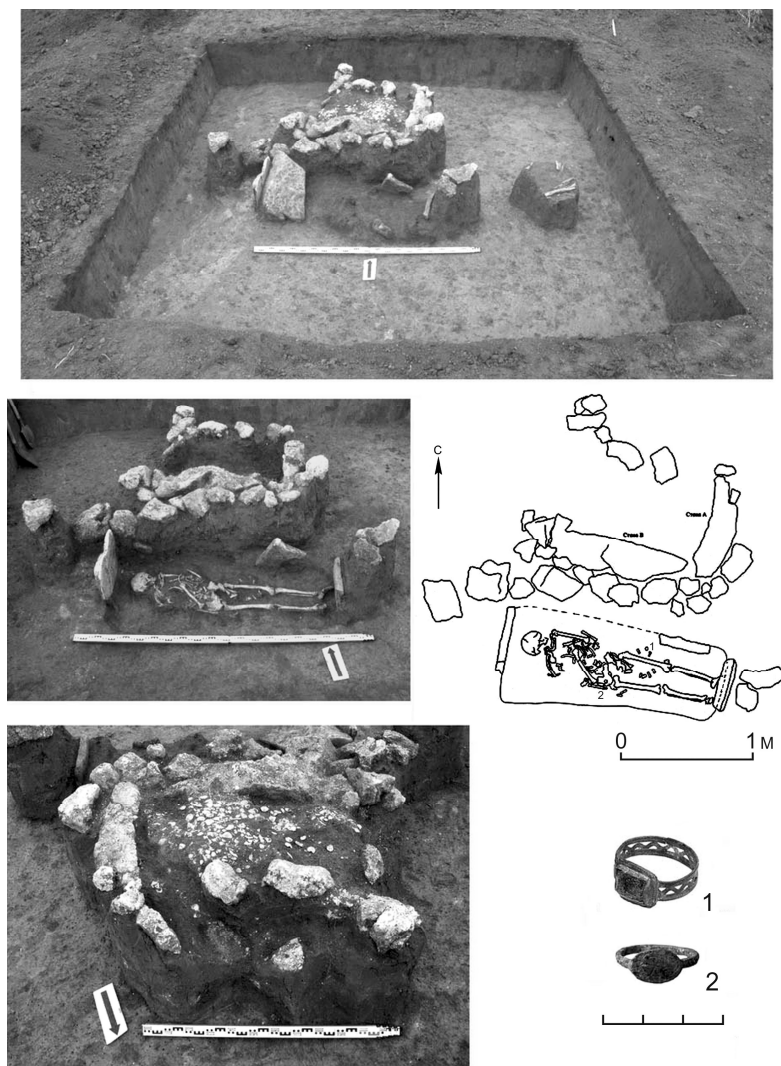

Рис. 2. Поселение Волна-4, северо-восточная группа погребений, жертвенник и погребение 2, фотографии, план, инвентарь: 1 и 2 – серебряный и бронзовый перстни

Особый интерес вызывает вплотную примыкающая с севера к погребению каменная конструкция подпрямоугольной формы, выложенная из камней ракушечника. Кладка состояла из внутреннего и внешнего рядов камней, причём камни ракушечника внутренней

кладки были либо обработаны, либо подобраны из окатанных. Внешний ряд состоял из необработанных камней ракушечника. Западная часть кладки отсутствовала. Сохранившиеся камни обкладки сложены в один слой. Заполнение конструкции состояло из створок раковин гребешков и устриц, мощностью до 0,3 м. В заполнении жертвенника votивный инвентарь не обнаружен (Рис. 2).

Несмотря на то что захоронения в каменных ящиках известны с эпохи бронзы, погребальный инвентарь позволяет отнести данное погребение к эпохе поздней античности – раннему средневековью. Расположение жертвенника и погребения в каменном ящике свидетельствует о том, что они представляли собой единый погребальный комплекс. Конструкции с заполнением из ракушки («лари») были достаточно широко распространены в святилищах позднеантичного времени на Европейском Боспоре (Масленников. 2007. С. 160), однако, в них всегда присутствовал какой-либо votивный инвентарь. Использование ракушки, возможно, связано с культом Афродиты или Деметры.

Таким образом, итоги раскопок поселения Волна-4 2006–2010 гг. позволяют прийти к следующим выводам.

Поселение Волна 4 представляло собой сельское поселение с разреженной структурой и межусадебной и приусадебной территорией. Вплотную к восточной границе поселения был выявлен могильник эпохи бронзы; причём античные хозяйственные комплексы (ямы) практически не затрагивают территорию могильника. Локализация и характер погребений в выявленной части могильника эпохи бронзы позволяют с большой степенью вероятности классифицировать его как именно курганный могильник. Вполне возможно, что в древности по памятнику или вдоль него проходила дорога, вдоль которой располагались курганы эпохи бронзы, часть которых в античную эпоху ещё читалась в рельефе местности, а часть уже была не видна. Скорее всего, эта дорога вела от исследованной территории на юго-юго восток в сторону т. н. урочища Макитра (балка Матросская). В 1954 г. В. Д. Блаватский выявил там остатки небольших древних поселений-временок. Однако, открытие в 2010 г. к северо-западу от поселения двух погребений катакомбного типа, а также погребального комплекса к северо-востоку, имеющего черты подкурганного обряда захоронения, говорит о том, что курганный могильник эпохи бронзы не следует также однозначно трактовать как цепь курганов вдоль древней дороги направлением «север–юг». Вероятно, данные погребальные комплексы связаны с ещё одной цепью курганов, расположенной по направлению «запад–восток» в сторону мыса Панагия. Следует отметить, что на расстоянии около 200 м к западу расположены ещё два кургана, а далее к западу – поселение эпохи бронзы.

О существовании захоронений под курганами жителям античного поселения было известно. Это подтверждается отсутствием культурного слоя античного времени на участках раскопа, где расположены северная и южная группы погребений. Также в пользу этой гипотезы служит наличие в непосредственной близости от южной группы погребений парного античного захоронения. Его расположение практически на самом поселении (на расстоянии примерно 15 м от крайних ям) нехарактерно для сельского памятника. Однако эта близость может быть вполне объяснена находившимся на этом месте в античное время курганом, в который и было впущено данное погребение. Обнаруженный к северо-востоку погребальный комплекс также содержит погребение, которое можно датировать античным временем.

Следует отметить также, что рядом с юго-западной окраиной поселения выявлен колодец, функционировавший с эпохи бронзы вплоть до античного времени.

Таким образом, поселение Волна 4 расположено на перекрестке дорог, существовавших начиная с эпохи бронзы, и рядом с колодцем, также существовавшим в предшествующую греческой колонизации эпоху. Иными словами, мы наблюдаем некоторую преемственность между «догреческим» и «греческим» периодами в истории Таманского п-ова.

Появление греческих поселений на дорогах и у колодцев, функционировавших с более раннего времени (напр., Волна 4 и, вероятно Волна 1), на перекрестках «догреческих» в основе дорог-аллей, маркированных курганами (Фанагория, Кепы, Гермонасса и т. д.), заставляет с сомнением отнести к господствующей ныне теории, согласно которой греки прибыли на пустующие земли с целью исключительно сельскохозяйственного освоения этой территории. Видимо стоит вновь вспомнить об эмпориальном периоде греческой колонизации, который предшествовал «сельскохозяйственному» освоению данной территории. Впрочем, это тема отдельного исследования.

Литература

- Блаватский. 1959 – *Блаватский В. Д.* Пятый год работ в Синдике // КСИИМК. 1959. Вып. 74.
- Масленников. 2007 – *Масленников А. А.* Сельские святилища Европейского Боспора. М., 2007.
- Паромов 1992 – *Паромов Я. М.* Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992 / Депонирована в ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992.
- Соколов. 1919 – *Соколов В. В.* Карта древних поселений и могильников в районе станции Таманской // ИТУАК. 56.
- Sparkes, Talcott. 1970 – *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. // AA. 1970. Vol. XII.

**Жертвоприношение собаки на поселении Береговой 4:
ещё один сюжет в сакральной жизни Боспора**

О поселении Береговой 4 нами уже делались сообщения и доклады (Завойкин, Сударев. 2009. С. 174–188; Сударев. 2006. С. 271–281; и др.). В данном сообщении речь пойдет о работах, которые велись в северной части поселения, где в предыдущие годы было выявлено здание круглой формы – «толос». Здание погибло в пожаре во второй четверти V в. до н.э. Впоследствии в течение второй половины V–IV в. до н.э. на данной территории ничего не строится, она используется в качестве сакральной свалки-зольника. Именно к этому времени относится описываемый комплекс – захоронение собаки, обнаруженное в яме № 16.

Костяк собаки лежал по направлению запад–восток, головой на восток к вулкану Куку-Оба. Собака была явно положена, а не хаотично сброшена, что доказывает положение костяка. Хвост был ровно вытянут, что видно по положению хвостовых позвонков. Вызывает интерес то, что у собаки отсутствуют все четыре лапы, и, как установил остеологический анализ, они были отрублены. Можно предположить культовое значение данного захоронения собаки, а отсутствие у собаки лап имеет скрытый для нас смысл и явно связано с проведением какого-то обряда.

Собака была первым животным, которое приручил человек (Гальперина, Доброва. 2002. С. 125; Формозов. 2003. С. 48). Со временем появились многочисленные породы собак, которых использовали в различных сферах жизни. Но, кроме того, эти животные имели и значение, связанное с религиозным и сакральным мировоззрением. В религиозном сознании древних греков собака тесно связана с идеей смерти, она сопутствует божеству, особенно в его хтонической ипостаси (Завойкин. 2006а. С. 161). В ней видели один из образов воплощения души человека (Сорокина. 1997. С. 26) в виде хтонических собак (Лосев. 1957. С. 42). Нередко собаки выступают как спутники Гермеса-Психопомпа (Завойкин. 2006а. С. 161), провожающего души умерших в подземное царство.

По мнению Н. В. Молевой, «вполне вероятно, что в религиозном мировоззрении греков, собака как символ нижнего мира, связанного со смертью, была заимствована с Ближнего Востока ещё в микенский период» (Молева. 2002. С. 115). Занимая пограничное положение между жизнью и смертью (Там же. С. 108–110; Сударев. 2004. С. 175–176), собака как бы выступает предвестником смерти, но и одновременно является существом, сопутствующим возрождению (Завойкин. 2006а. С. 161).

Появление звезды Сириус связано с периодом ужасной жары в Греции, поэтому звезда, с появлением которой она начиналась, считалась сулящей несчастье (Кереньи. 2007. С. 62). Являясь спутником великана-охотника Ориона, Сириус служил ему псом (Там же. С. 44). Этот миф отражён в сцене на чернофигурном блюде, где изображена охота Ориона с собакой на зайцев. Под ловчей сетью охотника среди двух змей притаился скорпион. Это изображение отражает древнюю зодиакальную легенду, возникшую на основе астрономического наблюдения: когда созвездие Ориона начинает заходить – восходит созвездие Скорпиона (Там же. С. 45. Илл. 18). Гомер также называет Сириус «псом Ориона»:

Словно звезда, что под сенью с лучами огнистыми всходит
И, между звёзд неисчётных горящая в сумраках ночи
(Псом Ориона её нарицают сыны человеков)
Всех светозарнее блещет, но знаменьем грозным бывает;
Злые она огневицы наносит смертным несчастным...

Появление этой звезды, когда от жары увядали и сохли растения, у греков ассоциировался с образом собаки, как символа смерти. Связь собаки с загробным миром отражена в мифе о Цербере, адской собаке, страже подземного царства (Гесиод. 1990. С. 200–201; Кун. 2008. С. 162–164).

Для Гериона сперва родила она Орфа-собаку;
Вслед же за ней – несказанного Цербера, страшного видом,
Медноголового адова пса, кровожадного зверя...

Собаки выполняли карательные функции. По велению Артемиды собаки растерзали сына фиванского царя Кадма – юного Актеона (Кун. 2008. С. 33–34. Овидий. 2007. С. 59–61). Этот сюжет отражён в греческой скульптуре и вазописи (Сорокина. 1987. Рис. 15).

Собака выступает посредником между богами и людьми. Охотник Оресфей, сын прародителя людей Девкалиона, пришёл в Этолию в поисках царства. Его собака родила кусок дерева, который Оресфей закопал в землю. И из него с тех пор начал произрастать виноград (Кереньи. 2007. С. 63; Завойкин. 2006а. С. 161). Виноград является даром небесного Пса, которого взял на небо Дионис и через которого послал людям свой дар – виноградную лозу.

Собаки иногда выступали в Греции в качестве жертвенных животных в культах Гекаты, Ареса, Геракла, Асклепия (Шауб. 2007. С. 107). Использование собаки пролеживается в обрядах в честь Деметры и Керы, Артемиды, Кибелы (Великой Матери) (Молева. 2002. С. 117). Собаки приносились в жертву Аполлону перед охотой, Аресу в Карии, другим божествам в дорических полисах перед сражениями, Афродите на празднествах Фесмофорий в Афинах (Сорокина. 1987. С. 26). В качестве священных собак они содержались при храмах Гефеста (у Этны) и Асклепия. Собаки имели отношение

и к Элевсинским мистериям. Посвящаемый в мистерии погружался во тьму, проходя тёмными переходами и лабиринтами, выходил на свет (Гиро. 2002. С. 309). Эта тема выражена в терракотовой статуэтке собаки со светильником в пасти из Беотии V века до н.э. (Археология войны. 2005. С. 43. Илл. 44). Видимо, в контексте элевсинского культа статуэтки сцен с собаками, как залог возрождения или загробного блаженства, клались в погребения (Завойкин. 2006а. С. 161–162).

Известны захоронения собак или их голов в качестве строительной жертвы под стенами зданий и фортификационных сооружений, которые неоднократно зафиксированы на Боспоре (Завойкин. 2007. С. 2–3; Молева. 2002. С. 118, 121–122). Иногда для этого использовались не настоящие собаки, а их керамические изображения (Завойкин. 2007. С. 1).

По мнению И. Ю. Шауба, «культовая практика принесения собак в жертву была распространена всё же относительно мало и имела место (за исключением Ареса) только в обрядах, связанных с женскими божествами, прежде всего с Гекатой» (Шауб. 2007. С. 104)⁹⁰. Это животное также нередко связывалось с Великой Матерью, принимавшей обличье Кубабы, Кибелы, Артемиды, Гекаты (Пругло. 1974. С. 20; Шауб. 2007. С. 104).

Жертвоприношения собак в погребальных культах известны со времён Гомера и корнями уходят в ещё более древние времена (Гомер. 1984. С. 360).

Со временем принесение собак в жертву было, по-видимому, заменено вотивными приношениями статуэток собак. Найденные в Ольвии статуэтки собак являются вотивами, в дар Гекате, Аполлону Ликейю и Асклепию в V–IV вв. до н.э. (Сорокина. 1987. С. 28).

Обряды, связанные с собаками, имели место и в окружающей греков варварской среде. Можно отметить характерное для племён лесостепной Скифии VI–V вв. до н.э. наличие зольников с жертвоприношениями собак (Рыбаков. 2002. С. 295–296).

Религия эллинов предполагает существование локальных вариантов как в системе представлений о божествах, так и культах и атрибутике. Непосредственно для Северного Причерноморья это связано с адаптацией греков на их новой родине, особенностями экологической среды, в которой они оказались (Завойкин, Добровольская. 2007. С. 117–125). В центральной части поселения Береговой 4 находилось святилище Деметры и Кору (Завойкин. 2006б. С. 63). При раскопках здесь были выявлены культовые площадки для жертвоприношений, ограда святилища, алтари. В процессе работ также

⁹⁰ Богине Гекате приносили в жертву собак будто бы потому, что они лают на луну; собаки же как животные сварливые, в Спарте приносились в жертву богу войны Аресу (Античная мифология. 2007. С. 330).

обнаружены терракотовые статуэтки, изображающие Деметру, Кору, Диониса, Кибелу и Геракла, вотивы из обожжённой глины, многорожковые светильники и пр. Среди костных останков домашних животных, выявленных на святилище, собачьи кости стоят на втором месте – 19 экз. (22,1 %), после костей мелкого рогатого скота – 31 экз. (36,1 %), и превышают даже численность свиней – 16 костей (18,6 %; Там же). В сочетании с представленными костями зайца (8 экз. – 9,3 % среди костей диких животных) как его антипода «псу-смерти» допустимо говорить об использовании на святилище жителями поселения жертвоприношений собаки в культурах, связанных с идеями возрождения, плодородия, а так же в защитных и очистительных обрядах⁹¹.

В исследуемом погребении собаки обращает на себя внимание отсутствие всех четырёх лап. Собака положена на дно ямы, с краю в южной её части. Важно обозначить, что захоронение собаки совершено по традиции, принятой у ионийских греков: вытянутое положение с восточной ориентацией, характерной для грунтовых некрополей VI–V вв. до н.э. (Масленников. 1981. С. 31, 97).

В связи с отсутствием у собаки лап следует отметить строительную жертву из Фанагории. У одной из фигурок собак утрачены передние и задние лапы. Несомненно, это вотивы, а не испорченная ребёнком игрушка. Видимо, отсутствие у одной из фигурок собак лап имело для людей, проводящих обряд, скрытый от нас смысл. По мнению А. А. Завойкина, данные фигурки собак «предназначались подземным богам». «В новых для греческих колонистов географических условиях, в зоне сейсмической активности, получили значительное распространение культы подземных богов и были реанимированы древние обряды жертвоприношений собак, которые почти исчезают в Греции на рубеже архаической эпохи» (Завойкин. 2007. С. 6).

Учитывая сейсмическую активность данной местности, близость грязевого вулкана Куку-Оба, рядом с которым расположено поселение Береговой 4 (Завойкин. 2006б), положение собаки головой к вулкану, жерло которого – вход в преисподнюю, можно предположить связь исследуемого погребения собаки с культами подземных божеств.

В отсутствии у собаки лап, возможно, кроется какой-то архаический аграрный обряд, сохранившийся у жителей данного поселения,

⁹¹ В случаях, когда жертвоприношения совершались с целью защиты от волшебства Гекаты, очищаемого трижды натирали кусками жертвенного мяса собаки и затем бросали их в сторону, при этом произнося соответственные случаю молитвы или заклинания. В Беотии при всенародных очищениях куски мяса принесённых в жертву собак клали на землю и люди должны были проходить между ними (Античная мифология. 2007. С. 320).

который видимо, связан с Рождением, почитанием Жизни и Матери Земли. Например, у Овидия в «Метаморфозах» есть такие строки:

Разных по виду потом животных своим изволением
Вскоре Земля родила <...>
Много животных тогда хлебопашцы находят под каждым
Камнем земли: одних в зачаточном виде, при самом
Миге рожденья, других ещё при начале развития,
Вовсе без членов, и часть единого тела нередко
Жизнь проявляет, а часть остаётся землёй первобытной.

(Овидий. 2007. С. 17).

Хотя произведение Овидия относится к более позднему времени, всё же оно представляет собой своего рода мифологическую энциклопедию классической древности. А миф – это способ познания и освоения человеком окружающего мира (Античная мифология. 2007. С. 10). И в двух последних выделенных строках можно увидеть (пусть пока и гипотетично) некую смысловую сторону отсутствия у собаки передних и задних лап⁹² и использования их в аграрном обряде, связанном с плодородием. Особо следует отметить, что у разных народов мира собака выступала в роли хлебного духа (Фрэзер. 1980. С. 495–496).

Ведь наряду с официальной стороной древнегреческой религии, отражением которой являлся мир мифологических образов Олимпа, в среде народа была распространена так же вера в магию и колдовство, культ животных, камней, деревьев, явлений природы. И основой, быть может самой глубокой, религиозного чувства человека античности – было сознание таинственной жизни окружающей его природы (Античная мифология. 2007. С. 103)

В различных религиях не только изображения животных, но и части тела: кости, зубы, шкура, рога, черепа и т. п. – обладали охранительным и защитным свойством, служили амулетами-оберегами. Подобные обычаи уходят своими корнями к глубокой древности (Соколова. 1972. С. 39–41).

Возможно, отсутствие у собаки лап связано с представлениями о влиянии животных на плодовитость женщины и связанные с этими верованиями обряды. Они были широко распространены у разных народов в разное время. Например, подобные взгляды свойственны среднеазиатским народам. Самаркандские узбеки для облегчения родов роженице клали на постель волчью жилу, надевали на руку или привязывали волчью челюсть, лапу или зуб (Там же. С. 115).

Собачьи лапы или амулет из собачьих лап могли использоваться женщинами поселения как защитный и охранительный апотропей

⁹² Можно вспомнить «заячьи лапки», как брелок на счастье, встречаемый и в наши дни.

для защиты роженицы и ребёнка, чтобы заручиться покровительством богини Гекаты.

Породу нашей собачки определить трудно, но предположить, как она выглядела, представляется возможным. В античном мире существовало до пяти основных семейств и, кроме того, много помесей (Сорокина. 1987. С. 28). Но судя по сохранившемуся костяку, черепу и хвостовым позвонкам, наша собака относится к т. н. собакам «сухого типа», но с достаточно крупными лапами. Подобную породу можно увидеть на росписи канфара из святилища кабиров в Фивах VI–V вв. до н.э. (Там же. С. 27. Рис. 16) и на золотом перстне из Пантикапея IV в. до н.э. (Неверов, 1983. Вклейка 3, № 17).

В завершение хотелось бы сказать, что в найденном в яме скелете собаки без передних и задних лап и положенной по линии восток–запад, безусловно, имеется видимый для греческих жителей данного поселения сакральный смысл. Возможно, данное погребение связано с идеями плодородия и возрождения (рождения), проведении защитных и очистительных обрядов на бытовом уровне, с использованием самих лап как амулетов.

Литература

- Античная мифология. 2007 – Античная мифология. М., 2007.
- Археология войны. 2005 – Археология войны: Каталог выставки. М., 2005.
- Гальперина, Доброва. 2002 – *Гальперина Г. А., Доброва Е. В.* Популярная история археологии. М., 2002.
- Гиро. 2002 – *Гиро П.* Быт и нравы древних греков. Смоленск, 2002.
- Гесиод. 1990 – *Гесиод.* О происхождении богов. Теогония / Пер. с древнегреч. В. В. Вересаева. М., 1990.
- Гомер. 1984 – *Гомер.* Илиада / Пер. с древнегреч. Н. И. Гнедича. М., 1984.
- Завойкин. 2006а – *Завойкин А. А.* Два сюжета в комплексе терракоты на святилище элевсинских богинь (Береговой 4) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья, М., 2006.
- Завойкин. 2006б – *Завойкин А. А.* Святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове: природная среда и сакральная топография // ВДИ. 2006. № 3.
- Завойкин. 2007 – *Завойкин А. А.* О строительной жертве из Фанагории // Из истории античного общества: Сб. науч. трудов к 60-летию проф. Е. А. Молева. Нижний Новгород, 2007. Вып. 9–10.
- Завойкин, Добровольская. 2007 – *Завойкин А. А., Добровольская Е. В.* Боги, люди, животные и птицы в святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове // VIII БЧ. 2007.
- Завойкин, Сударев. 2009 – *Завойкин А. А., Сударев Н. И.* Поселение и святилище Береговой 4 // АО 1991–2004 гг. Европейская Россия. 2009.
- Кереньи. 2007 – *Кереньи К.* Дионис: прообраз неиссякаемой жизни. М., 2007.
- Кун. 2008 – *Кун Н. А.* Легенды и мифы Древней Греции. СПб., 2008.
- Лосев. 1957 – *Лосев А. Ф.* Античная мифология в её историческом развитии. М., 1957.

- Масленников. 1981 – *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981.
- Молева. 2002 – *Молева Н. В.* Очерки сакральной жизни Боспора (избранные статьи). Нижний Новгород, 2002.
- Неверов. 1983 – *Неверов О. Я.* Геммы античного мира. М., 1983.
- Овидий. 2007 – *Овидий.* Метаморфозы / Пер. с лат. С. Шервинского. М., 2007.
- Пругло. 1974 – *В. И.* Терракоты из городов и поселений Боспора как исторический источник: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 1974.
- Рыбаков. 2002 – *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 2002.
- Соколова. 1972 – *Соколова З. П.* Культ животных в религиях. М., 1972.
- Сорокина. 1997 – *Сорокина Н. П.* Религия и коропластика в античности. М., 1997.
- Сударев. 2004 – *Сударев Н. И.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Сударев. 2006 – *Сударев Н. И.* Поселение и некрополь Береговой 4 // VII БЧ. 2006.
- Устинова. 1988 – *Устинова Ю. Б.* Частные культовые сообщества у греков // Быт и нравы в античности. М., 1988.
- Формозов. 2003 – *Формозов А. А.* Древнейшие этапы истории Европейской России. М., 2003.
- Фрэзер. 1980 – *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь. М., 1980.
- Шауб. 2007 – *Шауб Ю. И.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э. СПб., 2007.

С. В. Кашаев, Н. А. Павличенко

Письмо из Гермонассы (предварительное сообщение)

Свинцовая пластинка, в настоящее время находящаяся в одной из частных коллекций в Краснодарском крае, была случайно обнаружена в водах Таманского залива в районе городища Гермонассы летом 2011 г. (рис. 1). Находки писем на свинце встречаются довольно редко – всего известно около двадцати опубликованных и неопубликованных писем, из них примерно половина происходит из Северного Причерноморья (Vinogradov. 1998. P. 153, 154; Jordan. 2000. P. 91, 92; Сапрыкин, Федосеев. 2010. С. 50 сл.).

Размеры пластины: 3,1–3,2 × 20,2–20,4 см, толщина – около 1,5 мм. Буквы нацарапаны острым предметом, их высота 3–5 мм. Текст располагается на одной стороне и состоит из двух частей, разделённых прочерченной вертикальной линией. В левой части пластины – шесть строчек, в правой – две строки. В целом сохранность пластины довольно хорошая. Большинство букв очень чёткие и хорошо читаются. Наиболее пострадала от действия морской воды левая половина пластины, края которой изъедены коррозией. На её поверхности заметны следы бурого налёта и белой патины, некоторые буквы

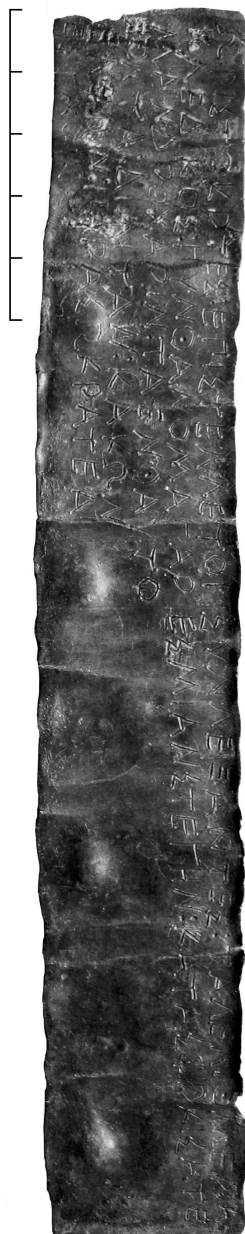

Рис. 1. Гермонасса, свинцовая пластинка с греческим текстом

в этой части (особенно в последней строке) плохо читаются. Незначительное потемнение металла также присутствует вдоль верхнего края пластины, но оно не затрудняет чтение. Примечательно, что в нескольких случаях заметны следы исправления ошибочного написания – буквы затёрты, а на их месте прочерчены новые. В некоторых словах пропущенные буквы надписаны сверху.

Как и большинство остальных писем на свинце, письмо из Гермоны относится к документам бытового содержания, по характеру шрифта его можно отнести к концу V или рубежу V–IV вв. до н.э. (Болтунова, Книпович. 1962. С. 8).

Литература

- Болтунова, Книпович. 1962 – *Болтунова А. И., Книпович Т. Н.* Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. Т. III.
- Сапрыкин, Федосеев. 2010 – *Сапрыкин С. Ю., Федосеев Н. Ф.* Фрагмент хозяйственного письма на свинце из Пантикапея // ВДИ. 2010. № 1.
- Jordan. 2000 – *Jordan D.* A personal letter found in the Athenian agora // *Hesperia*. 2000. Vol. 69.1.
- Vinogradov. 1998 – *Vinogradov Y.* The Greek colonisation of the Black Sea region in the light of private lead letters // *Tsetskhladze G. R.* (ed.). *The Greek Colonisation of the Black Sea Area*. Stuttgart, 1998.

В. Г. Бездудный

Геофизические исследования (магнитометрия) поселения Вестник-1

Во время полевого сезона 2010 г., в рамках совместной экспедиции ИА РАН, ЮРЦАИ, ИИМК РАН, на части поселения Вестник-1 (Анапский р-н, Краснодарского края), автором были проведены геофизические исследования. К моменту начала проведения геофизических исследований завершались археологические работы (Вестник 2010 Р-1) под руководством О. Д. Чевелева (Открытый лист № 1045).

Магнитометрические исследования проводились одним участком (Рис. 2; 3). Задача геофизических исследований – провести тестовые измерения на части поселения с каменными конструкциями, лежащими близко к поверхности; проверить возможность выявления с последующей фиксацией фундаментов сооружений магнитометром на плане участка геофизического исследования. Участок размерами 30 × 45 м и площадью 1350 м² размечен южнее раскопа таким образом, чтобы максимально захватить распаханную территорию огородов и локальную возвышенность на них. Поверхность участка представляет собой глубокую вспашку, без разборонования.

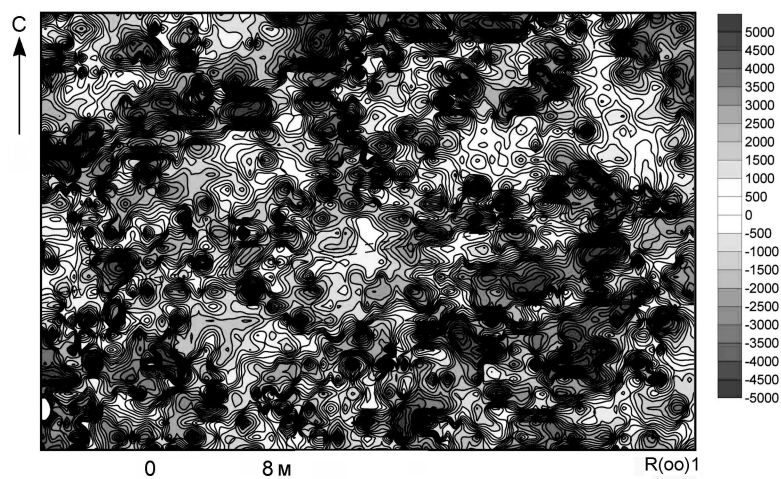

Рис. 1. Поселение Вестник-1 (Анапский р-н Краснодарского края). Распределение градиента магнитного поля в цвете, с фильтрацией участка геофизического исследования. Справа – шкала цветового распределения градиента ($1000 - 1$ нТл/2 м)

Участок пересекает глубокая борозда (канавка), предположительно межа огородов (Рис. 2). В борозде зафиксировано два фрагмента обработанных известняковых блоков: К2 и лежащего *in situ* К1 (Рис. 2). На поверхности участка исследования визуально зафиксированы множественные фрагменты керамики и черепицы. Кроме того, наблюдались зацепы плугами за остатки фундаментов каменных сооружений, произошедших во время вспашки огородов. Плугом был вывернут из культурного слоя и перемещен по поверхности за границы участка геофизического исследования обработанный известняковый блок К3 (Рис. 2).

Для магнитометрического исследования использовался процессорный оверхаузеровский датчик POS-2 в его градиентометрической (двухканальной) модификации. Фиксировался вертикальный градиент магнитного поля. Расстояние между датчиками – 2 м, высота нижнего датчика над дневной поверхностью – 0,3 м. Использовалась непрерывная съёмка, время одного измерения – 1/2 сек. В рамках участка исследования профили проходов располагались на расстоянии 0,5 м, шаг измерений по профилю (расстояние между точками измерения) – в пределах 0,5 м. На момент проведения магнитометрических исследований среднее магнитное поле составляло 49000 нТл. Применяемая аппаратура и методика дали возможность получить измерения с точностью $\pm 0,2$ нТл/2 м. Приведены чёрно-белые шкалы распределения величин градиента магнитного поля (Рис. 1).

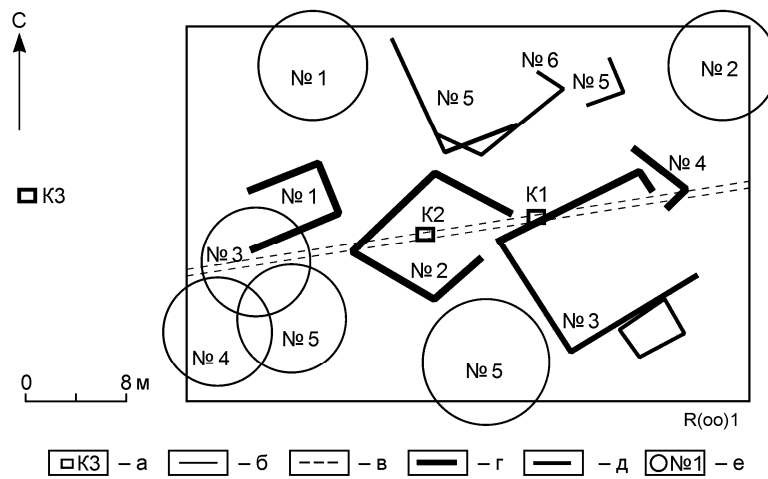

Рис. 2. Поселение Вестник-1 (Анапский р-н Краснодарского края). Схема контуров аномалий магнитного поля и обработанных блоков известняка на участке № 1.

Условные обозначения: а – фрагменты обработанных известняковых блоков;
 б – граница участка геофизического исследования; в – граница межевой канавы;
 г – предполагаемые контуры сооружений (чётко читаемые);
 д – предполагаемые контуры сооружений (не чётко читаемые);
 е – аномалии, не имеющие чётких границ (номер по порядку)

Шаг изменения величины градиента в шкалах выбран $0,5 \text{ нТл}/2 \text{ м}$, что позволяет говорить об адекватности полученной картины распределения, без влияния аппаратных погрешностей на конечный результат. Результаты работ представляются в виде распределения градиента магнитного поля на участках исследования. Наличие всплесков магнитного поля от железа в приповерхностном слое позволило применить фильтрацию значений магнитного поля до значений $\pm 5 \text{ нТл}/2 \text{ м}$. Был проведен тестовый замер фрагмента обработанного известнякового блока K3 при помощи магнитометрии. Замеры магнитного поля на поверхности вытасченного плугами фрагмента фундамента и замеры магнитного поля рядом с ним показали пониженную намагниченность блока, разница (контраст) в величинах магнитного поля составила около $3 \text{ нТл}/2 \text{ м}$ (3 измерения на камне и 3 измерения рядом).

Анализ распределения градиента магнитного поля на участке № 1 позволяет сделать несколько выводов:

Выявлены аномалии, связанные с человеческой деятельностью.

Зафиксировано множество мелких, сильноконтрастных аномалий, вероятно, остатки современной сельхозтехники, по всей видимости, сконцентрированные вблизи каменных конструкций на незначительной

глубине (по аналогии с тем, как в результате многолетней распашки курганов с каменными конструкциями, по периметру насыпи кургана накапливаются обломки плугов, бороны и т. д.).

Зафиксированы две параллельные линейные аномалии повышенной намагниченности, по сравнению со средним магнитным полем. Расстояние между ними – 15 м (Рис. 1). Возможное объяснение – сдвиги вспашкой межи современного сельскохозяйственного происхождения, хотя может быть и другая интерпретация. Межа, наблюдаемая визуально на участке исследования, не контрастна и не фиксируется в магнитном поле.

Произведено оконтуривание линейных аномалий, наблюдаемых на участке исследования (Рис. 2). Аномалии без чётких контуров выделены окружностью. Утолщённой линией выделены чёткие аномалии, более тонкой линией – менее чёткие. Предполагаемые контуры сооружений № 1–4 читаются чётко. Взаимное расположение двух аномалий № 5 позволяет предположить их объединение в одно сооружение, они читаются менее чётко, так же как и № 6. Анализ взаимного расположения контуров аномалий позволяет разделить их на две группы: I – № 1, 3, 5 и II – № 2, 4, 6. Контур аномалий группы I прямоугольной формы. Контур аномалий группы II прямых углов не имеют. Возможное объяснение – разный уровень залегания камней в слое и, соответственно, различная степень разрушения, или же два различных строительных горизонта, один из которых был разрушен в процессе строительства другого. Зафиксированный фрагмент обработанного известнякового блока K1, скорее всего, относится к сооружению в месте аномалии № 3. Блок K2 выпал из чётких аномалий. Возможное объяснение – блок K2 сдвинут в процессе вспашки, либо же является частью плохо читаемого сооружения. Аномалии без чётких границ №1–5 при данном геофизическом исследовании в систему не выстраиваются.

Сопоставление ориентировки контуров выявленного античного сооружения (P-1) и контуров аномалий на участке № 1 показывает схожую ориентировку сооружения и группы аномалий II (№ 2, 4, 6; Рис. 3). Делать вывод об одновременности существования этих комплексов пока оснований мало, но дальнейшие археологические исследования позволят уточнить данный факт.

Проведённые исследования демонстрируют положительные результаты применения геофизических методов (магнитометрия) при исследовании античных памятников археологии. Выявлено некоторое количество линейных аномалий магнитного поля с пониженной намагниченностью, которые можно интерпретировать как остатки каменных сооружений. В связи с неглубоким залеганием остатков сооружений в культурном слое возможны их сильные разрушения современной человеческой деятельностью, соответственно и ошибки при оконтуривании аномалий от археологических объектов.

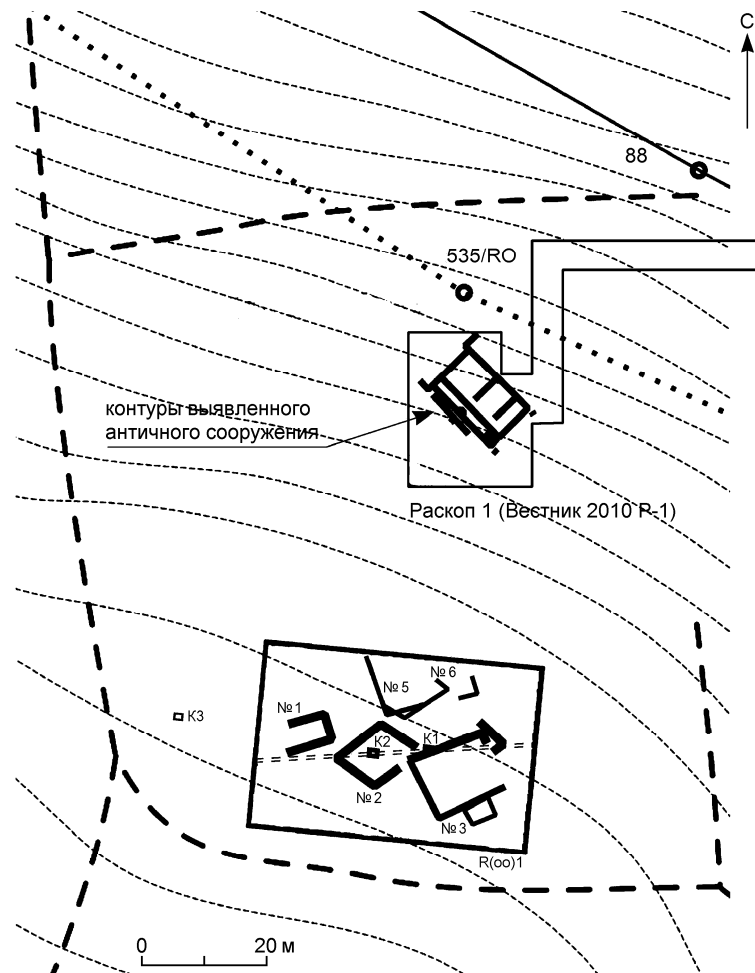

Рис. 3. Поселение Вестник-1 (Анапский р-н Краснодарского края).

Контуры раскопа 1 и выявленного сооружения.

Контуры аномалий магнитного поля на участке геофизического исследования № 1

При дальнейших геофизических исследованиях поселений магнитометрией необходимо использовать поточечную съёмку, со временем одного измерения 3 сек., и сетью измерений 0,25 м. Однако такая съёмка увеличила бы время её проведения в десятки раз на одной площади. Возможный выход: исследование производительной по площади, непрерывной съёмкой максимальной площади поселения Вестник-1, с последующими исследованиями в высокоточном режиме лишь отдельных участков.

Для получения дополнительной информации о памятнике неразрушающими методами целесообразно провести дополнительные геофизические исследования, применяя различную аппаратуру и методы.

М. И. Медведев

Счастливики и власть

В 1887 г. Императорская Археологическая комиссия (ИАК) издала циркуляр, в котором говорилось, что необходимо смотреть на памятники России как на общее достояние Отечества. Право производства раскопок и разведок принадлежит исключительно ИАК и никакое общество или частное лицо не вправе предпринимать раскопок на казённых, общественных, городских и церковных землях. На практике этот циркуляр практически не соблюдался. Кроме того, находки на собственных землях сопровождались разрушением памятника даже при наблюдении археолога (пример – находка в 1894 г. в Керчи, в саду Абдул-Керима каменного склепа с кипарисовыми гробами). Военное ведомство в 1892 г. планировало в Керчи добывать камень на Митридатской эспланаде, при этом интересы археологии во внимание не принимались. Лишь вмешательство ИАК позволило приостановить этот процесс. Позднее Военное ведомство отдало Археологической комиссии в 1899 г. на горе Митридат 5000 квадр. саж. для производства розысканий.

Все эти события связаны с именем Карла Евгеньевича Думберга. Выпускник историко-филологического факультета Дерптского университета (Тарту), молодой человек (28 лет) рьяно принялся за исправление обязанностей заведующего Керченским музеем. Его усилия по искоренению нелегальных раскопок и упорядочиванию раскопок следует признать первыми в истории реальными шагами в этом направлении.

К. Е. Думберг в рапорте в ИАК писал: «Керченским административным и полицейским властям предписывается запретить всякого рода кладоискательства и следить за точнейшим исполнением в этом роде законов, но все приказания дали до сих пор очень микроскопические результаты. Городовые, например, и их в Керчи 60 человек скорее сочувствуют счастливицам, чем Заведывающему Музею, и чего можно ожидать от урядника, находящегося в самом близком родстве с Ермолаем Запорожским и живущим даже у последнего?» (НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1891 г. № 37. Л. 45). Однако в городе стали появляться не только люди, которые занимались кладоискательством, но и те, кто боролся против него, например – городской судья Михаил Тимофеевич Головин. За его деятельность Думберг просил ИАК выразить ему благодарность (Там же. Л. 204, 204 об.).

В 1891 г. К. Е. Думберг просил ИАК ввести «для надсмотрщиков и сторожей Керченского Музея видимый знак исправляемой ими должности, а именно бляху с императорским орлом и круговую надпись “надсмотрщик” или “сторож Керченского Музея Древностей”. Лица, снабжённые бляхою, получают таким образом официальный характер, они будут приведены к присяге» (НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1891 г. № 37. Л. 47).

Однако выше К. Е. Думберг замечает, что «окончательное искоренение кладоискательства недостижимо. Его можно только ограничить, но и то не сразу, а мало-помалу» (Там же. Л. 46). Из дел Музея следует, что правление Музея даже заключало с частными лицами контракты и допускало раскопки на казённых и общественных землях. Керчь-Еникальский градоначальник контр-адмирал М. И. Кумпан сообщает в ИАК, что с прибытием Думберга кладоискательство, если не совсем прекратилось, то пошло на убыль. Он предлагал виновных сажать в тюрьму «первый раз на месяц, если будет пойман второй раз – на 3 месяца, а в третий раз высылать за пределы градоначальства» (Там же. Л. 140 об.). «По горе Митридат днем и ночью ходили обходчики с револьверами, и если застигнут людей на раскопках, то звали полицию» (Гарф. 1991. С. 91–94). Эти меры всё же принесли некоторый результат – в Отчёте ИАК за 1892 г. указано: «Преследуемые надсмотрщиками Музея кладоискатели уже в начале минувшего года стали сокращать свою деятельность на Митридатовой горе и уходить в более отдаленные от города места» (ОАК за 1892 г. 1894. С. 32).

Интересы К. Е. Думберга касались и Таманского п-ова: темрюкский мещанин Егор Серебряк обратился к Думбергу с предложением раскопать «на Сенной место с большими богатствами», а именно с татарскими деньгами на Артюховском хуторе во дворе, принадлежавшем теперь крестьянину Федору Литвину. 3 ноября 1891 г. Думберг шлёт из Тюрюка в ИАК телеграмму с просьбой разрешить раскопать «место с большим богатством на Сенной». ИАК направляет его надсмотрщиком на Сенную, давая подробные инструкции: «В случае невозможности провести раскопку по наступающему зимнему времени, потрудитесь принять меры к охране указанного места, нанять сторожа и пригласить к устройству должного надзора местное станичное управление. Коммисия, в случае надобности, со своей стороны обратиться с просьбою об охране места к начальству Области» (НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1891 г. № 165. Л. 4 об.).

Кравец сообщил Думбергу и владельцу станции Сенной Митрофану Ивановичу Посполитаки, что 35 лет назад копал яму и на глубине 1/2 аршина наткнулся на известковую плиту. Думберг пошёл навстречу, но с условием, что раскопки будут произведены за его счёт. Владелец хутора согласился. «Кравец и его два товарища

с величайшей ревностью принялись к работе, вырыли две кубические сажени земли», но не нашли ничего, кроме нескольких амфорных ручек и частей от черепицы. <...> Убедившись в фантастическом характере рассказа Серебряка, кладоискатели разбежались (Там же. Л. 6 об.).

Думберг писал: «Так как время от времени являются ко мне люди с подобными рассказами и просьбами, то я нахожусь в затруднительном положении. Насколько мне известно, расследования, предпринятые на основании разных преданий и сомнительных указаний ещё никогда не имели успеха. Ввиду этих обстоятельств я имею честь просить предписаний ИАК в ответ на следующие вопросы:

Имеет ли Заведующий Керченским музеем древностей предпринимать раскопки на основании вышеупомянутых указаний?

Имеет ли Заведующий музеем просто, без разрешения Императорской АК предпринимать неотлагательные раскопки, например в Кубанской области, извещая Комиссию лишь о своем выезде?

Само собой разумеется, что Заведующий музеем и в том и в другом случае будет поступать возможно осторожно в интересах казны» (Там же. Л. 7).

Граф А. А. Бобринский ответил, что информацию о кладах следует оставлять без внимания, а поездки в округе Керчи и в Кубанской области совершать только с разрешения ИАК.

24 апреля 1892 года Думберг обратился в ИАК с рапортом о том, что Темрюкские жители, мещанин Григорий Стародубов и турецкоподданный Панаи Феми-Оглу «желают раскопать на собственный счёт три или четыре кургана, находящиеся на Темрюкской городской земле и один на войсковой земле Петровской станицы, лежащей в 80 верстах от гор. Темрюка. Последний курган уже отчасти раскопан тамошними кладоискателями, при чем были найдены, по словам Стародубова, большой железный шлем и кольчуга, кусок которой он, Стародубов, мне представил. Гробница принадлежит по всей вероятности к IV веку до Р. Х.

По полученным мною из гор. Темрюка известиям один из просителей, Феми-Оглу, человек довольно богатый и пользующийся хорошо репутациею, содержит в городе Темрюке гостиницу и разные другие заведения. Другой проситель, Стародубов, не имеет средств и играет в этом деле роль “вещего” кладоискателя.

Просителям было мною сообщено, что: 1) разрешение зависит от благоусмотрения Вашего Сиятельства. 2) раскопки могут быть произведены только по указаниям и под надзором делегата Императорской Археологической Комиссии. 3) все вещи, находимые при раскопках, должны быть предоставлены в Комиссию и 4) что вознаграждение за труды и находки также зависят от благоусмотрения Вашего Сиятельства, на что просители изъявили своё согласие.

Так как курганы Кубанской области подвергаются частым нападениям со стороны незаконных копателей, то Императорская Археологическая Комиссия могла бы воспользоваться данным случаем для дешёвого и вместе с тем систематического расследования Темрюкских курганов, заключивши с просителями формальный контракт. По всей вероятности приедет сюда на счёт Дерптского Университета Магистр В. Мальмберг, под надзором которого могли бы производиться раскопки. Просители согласились нанять в Керчи на свой счёт одного или двух опытных и надёжных копателей-надсмотрщиков» (НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1891 г. № 37. Л. 85, 85 об.). ИАК ответила отказом, вместе с тем просила Думберга «обследовать и раскопать два кургана на счёт отпущенного Вам аванса...» (Там же. Л. 88).

Таким образом, любое сотрудничество населения с археологами пресекалось ИАК. Выделяемые на исследования и охрану памятников средства были явно скудны, чтобы нормализовать процесс. Планы и проекты инициативного директора Керченского музея К. Думберга были встречены прохладно и не были реализованы. К тому же между ним и председателем ИАК графом А. А. Бобринским зрел конфликт. Подорвавший на раскопках здоровье К. Е. Думберг 12 апреля 1900 г. подал графу Бобринскому заявление об освобождении его от должности Заведующего музеем. Скорее всего, это был повод, а причина была в другом – все его начинания за 10 лет на посту директора наталкивались на непонимание в столичных кабинетах. В ответ граф А. А. Бобринский согласился принять отставку, но лишь после исследования Думбергом Ольвийского некрополя. Думберг не поехал в Ольвию и был уволен 26 июля 1901 г. Он вернулся в Лифляндию. Однако вскоре мы встречаем его имя среди сотрудников Статистического комитета Керчи. С археологией его имя больше никогда не связывалось.

Попытки прекратить разграбление памятников путем издания циркуляров провалились. На местах к указаниям из столицы относились в лучшем случае сочувственно. Инициатива с мест, поиск новых методов решения вопросов ни тогда, ни позже не приветствовались. Столичное руководство было озабочено перемещением эффективных находок в центр, рассматривая Юг России как донора, провинцию, поставляющую новые памятники и хранящие второстепенные объекты. С этих позиций и формировались решения по охране памятников. Лишь смещение акцентов могло бы переломить ситуацию, однако этого не произошло...

Литература

Гарф. 1991 – *Гарф А. Счастливицы Пантикапея // Юность. 1991. № 11.*

III ХЕРСОНЕС И КРЫМ

С. Н. Сенаторов

Керамика кизил-кобинской культуры второй половины VI – первой половины IV в. до н.э.

Значительное количество лепной керамики кизил-кобинской культуры второй половины VI – первой половины IV в. до н.э. украшено ранним типом гребенчатого орнамента в виде различных геометрических фигур, выполненных гребёнкой-штампом. Важность изучения такой керамики обусловлена тем, что её бытование приходится на время существенных изменений в материальной культуре племён кизил-кобинской культуры, связанных с освоением Крыма греческими колонистами и кочевыми скифами. Впервые кизил-кобинская керамика с ранним типом гребенчатого орнамента была выделена О. Д. Дашевской (1963. С. 205), однако, детальное исследование этой посуды (более 300 экз.) не проводилось.

Целью настоящей работы является краткое описание керамических комплексов второй половины VI – первой половины IV в. кизил-кобинских памятников Горного и Предгорного Крыма⁹³. Всю посуду данного периода по назначению можно разделить на две группы: хозяйственную и столовую. По форме сосуды делятся на два отдела: закрытые и открытые и на пять категорий: горшки, корчаги, кувшины, кубки (черпаки) и миски.

К группе хозяйственной керамики относятся горшки, остальные категории сосудов – к столовой. Отдел открытых сосудов представлен мисками, остальные категории являются закрытыми. Фрагменты горшков с плавно отогнутым венчиком и слабовыпуклым туловом имеют в основном грубую, реже – заглаженную внешнюю поверхность чёрного и бурого цвета. В единичных случаях горшки имеют петлевидную ручку на плече (Крис. 1970. С. 112. Рис. 36, 3). В основном, сосуды украшались пальцевыми вдавлениями, нанесёнными на закраину венчика. Известны также фрагменты горшков с гребенчатым орнаментом на поселениях Ташлы-Баир (Власов. 2011. С. 264. Рис. 6, 1) и Инкерманское (Рис. 1. 3, 5).

Горшки с вдавленным орнаментом найдены в закрытых комплексах вместе со столовой посудой, украшенной гребенчатым орнаментом раннего типа, и составляют с ней единый керамический набор.

⁹³ Выражаю искреннюю благодарность Ю. П. Зайцеву, М. И. Золотарёву, В. А. Колотухину, О. Ю. Соколовой, В. П. Толстикову и И. Н. Храпунову за помощь в работе.

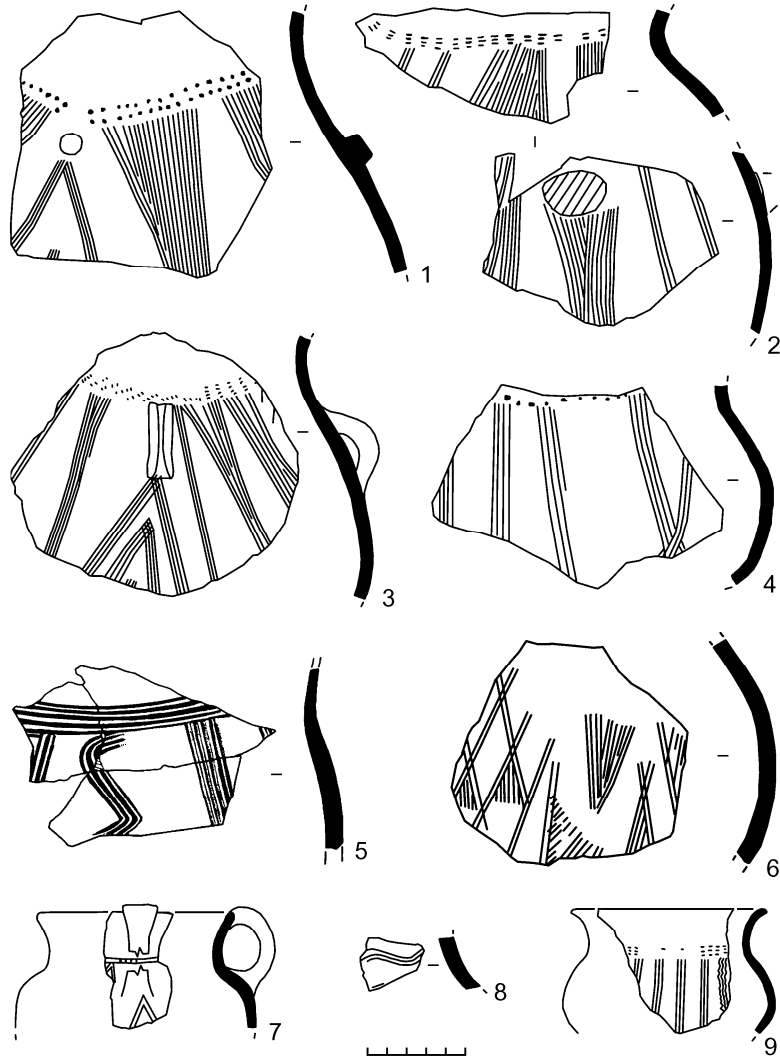

Рис. 1. Кизил-кобинская керамика с ранним типом гребенчатого орнамента:
 1, 3 – Инкерманское, 1948 г.; 2 – Кизил-Коба, 1920-е гг.; 4 – Нейзац, 1920-е гг.;
 5 – Ташлы-Баир (по: Власов. 2011); 6 – Тас-Тепе, яма 1а (по: Зайцев. 1998);
 7 – Заветное, 1959 г.; 8–9 – Инкерманское, 1950 г.

К таким комплексам относятся материалы, найденные:

1) в хозяйственной яме третьей четверти VI в. до н.э. Пантикапея (Толстиков. 1992. С. 61. Рис. 8, 12);

2) в слоях Херсонеса конца VI – первой половины V в. до н.э. (раскопки М. И. Золотарёва 1984 г.; Сенаторов. 2003. С. 15. Рис. 1, 1–3, 6–7) и второй половины V – первой половины IV в. до н.э. (Там же. С. 22. Рис. 6, 1–10);

3) в слоях V – первой половины IV в. до н.э. Керкинитиды (Кутайсов. 1987б. С. 144; Кравченко. 2009. С. 191, 194. Рис. 1, 6, 10, 14, 17; 2, 1, 5, 13);

4) в погребении Е-3 могильника Черкес-Кермен (Крис. 1981. С. 122. Табл. 42, 12–13);

5) в хозяйственной яме № 54 поселения Шпиль (Храпунов. 1994. Рис. 23, 2);

6) в хозяйственной яме № 1а поселения Тас-Тепе (Зайцев. 1998. С. 81. Рис. 73, 2).

К *корчагам* относятся крупные сосуды с высокой шейкой и сильно выпуклым округлым туловом (Рис. 1. 1). Кроме основного гребенчатого орнамента на корчагах встречаются налепы различной формы (Рис. 1. 1; 2. 4).

Кувшины представлены сосудами с плавно отогнутым венчиком и выпуклым туловом (Рис. 1. 2, 4, 6; 2. 1–3). В единичных случаях на плече сосудов располагалась вертикальная ручка петлевидной формы (Рис. 1. 2). Кувшин из погребения у с. Гришино имел плоское дно и, вероятно, вертикальную петлевидную ручку (Вдовиченко, Колтухов. 1986. С. 237. Рис. 3, 2).

Черпаки (Рис. 1. 7; 2. 3) по своей форме отличаются от кубков (Рис. 1. 9; 2. 6–7) лишь наличием петлевидной ручки, которая едва возвышается над закраиной венчика. Все сосуды имеют плавно отогнутый венчик (диаметром 10–12 см), переходящий в округлое, слегка приплюснутое тулово.

Миски имеют полусферическую или коническую форму тулова. Орнаментация на сосудах этой категории отсутствует.

Отличительной характеристикой столовых сосудов является наличие на них гребенчатого орнамента раннего типа, который условно можно разделить на четыре варианта.

Типология и хронология раннего гребенчатого орнамента

Для раннего типа гребенчатого орнамента характерна композиция, состоящая из трёх частей. Верхняя часть композиции расположена в месте основания горла или плеча закрытых столовых сосудов и состоит из горизонтального ряда или пояса округлых вдавлений, а также из насечек или горизонтальных линий, нанесённых двух-трёхзубчатым штампом. Основная часть композиции находится на плече и тулове сосудов и представлена различными геометрическими фигурами в виде треугольников, заштрихованных двух-трёх (или более) зубчатым штампом-гребёнкой, а также из вертикальных или наклонных полос, нанесённых этим же штампом. Нижняя часть

орнаментальной композиции состоит из горизонтального ряда округлых вдавлений, а также насечек или сплошных линий, нанесённых гребёнкой. Эти элементы располагаются на придонной части сосудов и снизу ограничивают основной орнамент.

Различия в декоре верхней части орнаментальной композиции позволяют выделить не менее пяти вариантов раннего типа гребенчатого орнамента.

Первый *вариант Ia* (Рис. 1. 1, 4; 2. 6–7) – горизонтальный ряд округлых вдавлений, нанесённых острием какого-либо инструментального орнамента. Иногда вдавления расположены в два (Рис. 1. 1) или три (Савеля. 1997. С. 94. Рис. 2, 1–2) ряда. В единичных случаях (Рис. 2. 2) орнаментальная композиция сосудов замыкалась такими вдавлениями снизу (Колотухин. 1984. Рис. 27, фото; 2000. С. 100. Рис. 20, 7).

Второй *вариант Ib* (Рис. 1. 2–3, 9) состоит из насечек, нанесённых двузубой (реже трезубой) гребёнкой.

Третий *вариант Ic* (Рис. 1. 5, 8; 2. 1, 3, 8) представлен сплошным горизонтальным поясом, выполненным двузубой гребёнкой (Веселов. 2005. С. 100, 255. Рис. 339). Этот пояс иногда сочетается с вдавлениями (Рис. 1. 7) или насечками (Рис. 2. 1) на плече сосудов (Троицкая. 1957. С. 230–231. Рис. 5, 2).

Четвёртый *вариант Id* состоит только из основной орнаментальной композиции и не имеет верхнего и нижнего ограничительных поясов (Рис. 1. 6; 2. 4).

Наконец, пятый *вариант Id* характеризуется рядом нанесённых гребёнкой геометрических фигур, которые расположены на горле сосуда выше верхней и основной части орнаментальной композиции (Рис. 2. 5).

Хронология рассмотренной керамики надёжно определяется по греческим керамическим импортам второй половины VI – первой половины IV в. до н.э. различных памятников Крыма, а также по бронзовым наконечникам стрел скифского типа.

Посуда с гребенчатым орнаментом варианта Ia найдена:

1) в хозяйственной яме Пантикапея третьей четверти VI в. до н.э. (Голстиков. 1992. С. 61. Рис. 8, 10);

2) в слоях Херсонеса (раскопки М. И. Золотарёва 1980 и 1984 г.) конца VI – первой половины V в. до н.э. (Сенаторов. 2003. С. 16. Рис. 2, 1, 5–6, 8) и второй половины V – первой половины IV в. до н.э. (Там же. С. 24. Рис. 7, 4, 7).

3) в слоях Керкинитиды V в. до н.э. (Кутайсов. 1987а. С. 30, 32. Рис. 2, 1; 4, 36; Кравченко. 2009. С. 191. Рис. 1, 19) и первой – третьей четверти IV в. до н.э. (Кутайсов. 1987а. С. 30, 32. Рис. 2, 2, 6; Кравченко. 2009. С. 194. Рис. 2, 17).

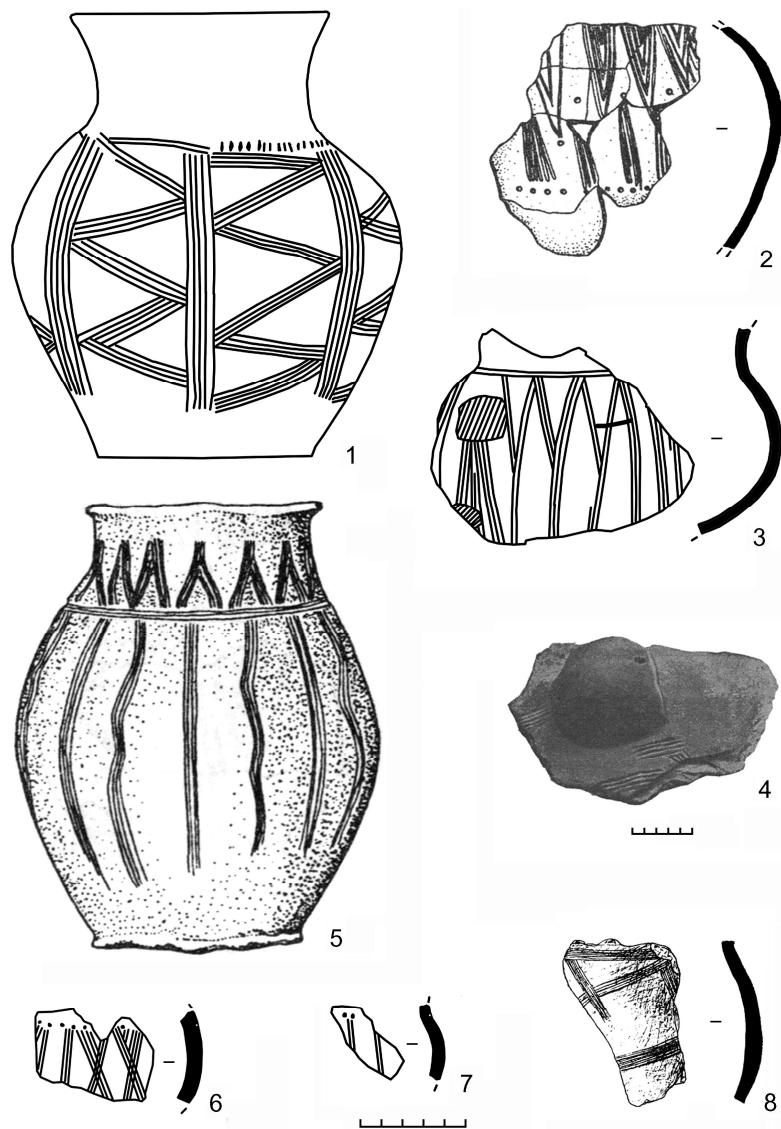

Рис. 2. Кизил-кобинская керамика с ранним типом гребенчатого орнамента:
 1 – бывш. имение Э. Б. Бобовича, курган 1/1, 1895 г.; 2 – Октябрьское, погр. 4/1
 (по Колотухин. 2000); 3 – Тавкель-Найман; 4 – Тиритака (по: Книпович, Славин.
 1941); 5 – Григорьевка, погр. 5/9 (по: Колотухин. 2000); 6 – Отар-Алан, погр. К/6
 (по: Веймарн. 1933. С. 272. Рис. 47, рисунок У. А. Боданинского); 7 – Черкес-Кермен,
 погр. Е-4; 8 – Митридатский хребет, подъемный материал (по: Веселов. 2005).

4) в хозяйственной яме № 2 кизил-кобинского поселения «на 5 км Балаклавского шоссе» вместе с обломком ионийского сосуда (Савеля 1997. С. 94. Рис. 2, 1–2, 8–9), вероятно, конца VI – начала V в. до н.э.;

5) в погребении 4/1 у с. Октябрьское второй половины V – первой половины IV в. до н.э. (Колотухин 2000. С. 100. Рис. 20, 7);

6) в погребении 1/1 у с. Колоски конца V–IV в. до н.э. (Ольховский 1982. С. 61, 63. Рис. 2а);

7) в погребении у с. Гришино рубежа V–IV вв. до н.э. (Вдовиченко, Колтухов. 1986. С. 237–238. Рис. 3, 2).

Керамика с гребенчатым орнаментом варианта Iб найдена:

1) в землянке № 2 Нимфея второй половины VI в. до н.э. (раскопки О. Ю. Соколовой 1990 г.; Сенаторов. 2007. С. 208. Рис. 1, 5).

2) слое Херсонеса второй половины V – первой половины IV в. до н.э. (раскопки М. И. Золотарёва 1980 г.; Сенаторов. 2003. С. 24. Рис. 7, 2, 5–6, 8);

3) слое Керкинитиды первой – третьей четверти IV в. до н.э. (Кутайсов. 1987а. С. 30, 32. Рис. 2, 13; 4, 10, 12, 24, 30–31);

4) погребении 5/5 у с. Колоски (Ольховский. 1982. С. 63. Рис. 2, б) конца VI – начала V в. до н.э. (Сенаторов. 2003. С. 25);

Здесь можно отметить синхронное бытование двух вариантов гребенчатого орнамента. Однако, судя по материалам из Керкинитиды и Херсонеса, вариант Iа чаще встречается во второй половине VI – первой половине V в. до н.э., а вариант Iб – во второй половине V – первой половине IV в. до н.э. При этом оба выделенных варианта являются самыми многочисленными и включают около 90 % всех определимых орнаментальных композиций.

Посуда с гребенчатым орнаментом варианта Iв найдена:

1) в ранней землянке Керкинитиды, засыпанной в первой трети V в. до н.э. (Кутайсов. 2004. С. 324. Рис. 121; Кравченко. 2009. С. 191. Рис. 1, 5);

2) в перемешанном слое Херсонеса конца V – начала III в. до н.э. (Савеля. 1970. С. 49. Рис. 17, 5; Сенаторов. 2010. С. 69–71. Ил. 2, 2 и 3, 1);

3) в погребении № 1 у с. Березовка (быв. Тавкель – Найман) второй половины VI – первых десятилетий V в. (Колтухов. 2010. С. 41. Рис. 9, 1);

4) в хозяйственной яме № 54 поселения Шпиль (Храпунов. 1994. Рис. 23, 2; Храпунов, Власов. 1995. С. 18, 177. Рис. 7, 18);

5) в слое кизил-кобинского поселения у с. Заветное (Дашевская. 1963. С. 206. Рис. 1, 2).

Фрагменты сосудов с гребенчатым орнаментом варианта Iг найдены:

1) в слое Тиритаки середины VI – конца V в. до н.э. (Книпович, Славин. 1941. С. 40. Рис. 53, 1; Кастанаян. 1981. С. 12–13. Рис. 1, 1; Сенаторов. 2007. С. 210);

2) в хозяйственной яме № 1а кизил-кобинского поселения Тас-Тепе (Зайцев. 1998. С. 81. Рис. 73, б).

Керамика с гребенчатым орнаментом варианта 1д представлена пока только одним сосудом из погребения 5/9 у с. Григорьевка второй половины V – первой половины IV в. до н.э. (Колотухин. 2000. С. 35–37, 102. Рис. 22, 9).

Важно подчеркнуть, что в закрытых комплексах кизил-кобинских памятников вместе с греческим керамическим импортом второй половины VI – первой половины IV в. до н.э. или с наконечниками стрел второй–третьей хронологических групп (Мелюкова. 1964. Табл. 7–8; Полін. 1987. С. 31–32) найдена столовая посуда в основном с ранним типом гребенчатого орнамента (исключения единичны).

Таким образом, проведенный анализ позволяет выделить керамику с ранним типом гребенчатого орнамента в целом пласте памятников Горного и Предгорного Крыма (около 20 закрытых комплексов) и отнести их к третьему этапу кизил-кобинской культуры (Сенаторов. 2002. С. 18). Для этого этапа характерны: 1) столовая посуда с ранним типом гребенчатого орнамента и хозяйственные горшки с вдавлениями на закраине венчика; 2) предметы узды и вооружения скифского типа конца VI – первой половины IV в. до н.э. (Алексеев. 2003. С. 27, периоды 5–7); 3) греческий керамический импорт, который и датирует третий этап кизил-кобинской культуры второй половиной VI – первой половиной IV в. до н.э.

Литература

- Алексеев. 2003 – *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003.
- Веймарн. 1933 – *Веймарн Е. В.* Работы на втором кордоне лесничества Отар-Алан // НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933 г. Д. 139а.
- Веселов. 2005 – *Веселов В.В.* Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. М., 2005. ДБ. Suppl. II.
- Власов. 2011 – *Власов В. П.* Таврское поселение на склоне горы Ташлы–Баир // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
- Дашевская. 1963 – *Дашевская О. Д.* О таврской керамике с гребенчатым орнаментом // СА. 1963. № 4.
- Вдовиченко, Колтухов. 1986 – *Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г.* Курган скифского времени в Северном Крыму // СА. 1986. № 2.

- Зайцев. 1998 – *Зайцев Ю. П.* Отчёт об охранных исследованиях позднеантичных могильников в с. Тенистое Бахчисарайского р-на в 1995 году // Архив Крымского филиала ИА НАНУ. Симферополь, 1998.
- Кастанаян. 1981 – *Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981.
- Книпович, Славин. 1941 – *Книпович Т. Н., Славин Л. М.* Раскопки Юго-Западной части Тиритаки // МИА. 1941. № 4.
- Колотухин. 1984 – *Колотухин В. А.* Отчёт о работах Северо-Крымской экспедиции в 1984 г. // Архив отдела археологии Крыма ИА АН УССР. Симферополь, 1984.
- Колотухин. 2000 – *Колотухин В. А.* Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь, 2000.
- Колтухов. 2010 – *Колтухов С. Г.* Забытые курганы Тарханкута или старые материалы к археологической карте Западного Крыма // Музейний вісник. № 10. Запоріжжя, 2010.
- Кравченко. 2009 – *Кравченко Е. А.* Кизил-кобинська кераміка Керкінити VI–IV ст. до н.е. // Эпоха раннего железа. К.; Полтава, 2009.
- Крис. 1970 – *Крис Х. И.* Некоторые новые формы керамики из поселений кизил-кобинской культуры // КСИА. 1970. Вып. 123.
- Крис. 1981 – *Крис Х. И.* Кизил-кобинская культура и тавры. 1981. САИ. Вып. ДІ-7.
- Кутайсов. 1987а – *Кутайсов В. А.* Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма. К., 1987.
- Кутайсов. 1987б – *Кутайсов В. А.* О туземном компоненте в составе населения Керкинитиды // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. Омск, 1987.
- Кутайсов. 2004 – *Кутайсов В. А.* Керкинитиды в античную эпоху. К., 2004.
- Мелюкова. 1964 – *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. 1964. САИ. Вып. ДІ-4.
- Ольховский. 1982 – *Ольховский В. С.* О населении Крыма в скифское время // СА. 1982. № 4.
- Полін. 1987 – *Полін С. В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. 59.
- Савеля. 1970 – *Савеля О. Я.* О керамике с врезным орнаментом из Херсонеса // КСИА. 1970. Вып. 124.
- Савеля. 1997 – *Савеля О. Я.* Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. // ХСб. 1997. Вып. VIII.
- Сенаторов. 2002 – *Сенаторов С. Н.* Лепная керамика кизил-кобинской культуры: Типология и хронология: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.
- Сенаторов. 2003 – *Сенаторов С. Н.* Кизил-кобинская керамика конца VI – первой половины IV в. до н.э. из раскопок в Херсонесе // ХСб. 2003. Вып. XII.
- Сенаторов. 2007 – *Сенаторов С. Н.* Кизил-кобинская керамика с ранним гребенчатым орнаментом середины VI – первой половины IV в. до н.э. из Восточного Крыма // БФ. 2007. Ч. 2.
- Сенаторов. 2010 – *Сенаторов С. Н.* Дополнительные материалы к классификации кизил-кобинской керамики с ранним гребенчатым орнаментом из раскопок в Херсонесе // АСГЭ. 2010. Вып. 38.
- Толстиков. 1992 – *Толстиков В. П.* Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.

- Троицкая. 1957 – *Троицкая Т. Н.* Погребение у села Белоглинки // СА. 1957. XXVII.
- Храпунов. 1994 – *Храпунов И. Н.* Отчёт об археологических исследованиях в окрестностях с. Дружное в 1993 г. Часть 1. Раскопки кизил-кобинского поселения Шпиль // Архив Крымского филиала ИА НАНУ. Симферополь, 1994.
- Храпунов, Власов. 1995 – *Храпунов И. Н., Власов В. П.* Кизил-кобинское поселение Шпиль // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.

Т. Н. Смекалова

Система расселения, коммуникаций и сигнализации в античное время в Северо-Западном Крыму⁹⁴

Северо-Западный Крым попал в орбиту интересов Херсонесского государства во второй половине – конце IV в. до н.э. Вся прибрежная зона северо-западного побережья и глубинные территории Тарханкутского п-ова оказались в руках Херсонеса, который основывает здесь целую сеть поселений. За исключением немногочисленных памятников начала IV в. до н.э. (Калос Лимен, Панское I, некрополь Караджи, Кульчук), большинство античных поселений в Северо-Западном Крыму возникают практически одновременно, в последней трети – конце IV в. до н.э. Создаётся впечатление, что система античных усадеб сооружается согласно единой государственной программе, целенаправленно и по заранее продуманному плану, разработанному городской общиной Херсонеса (Сапрыкин. 1986. С. 146, 149; Зубарь. 2004. С. 52–60; Ланцов. 2008. С. 57).

Открытие в 2007–2010 гг. многочисленных «аборигенных» поселений в глубинной части Тарханкута (Смекалова. 2010а; 2010б) дало новую почву для продолжения научной дискуссии о характере экспансии Херсонеса в Северо-Западный Крым. В настоящее время представляется, что греческие поселения возникли прежде всего как форпосты Херсонесского государства в область, возможно, уже занятую оседлым населением, и, соответственно, они должны были иметь необходимые элементы системы обороны.

Одним из таких, практически обязательных, фортификационных атрибутов отдельно стоящих усадеб являлись башни. Следует, вероятно, присоединиться к мнению тех исследователей, которые предполагали, что башни прежде всего строились для защиты населения в случае опасности (Блаватский. 1949. С. 148; Щеглов. 1981. С. 212; Сапрыкин 1986. С. 212). В спокойное время они, безусловно, могли служить в качестве жилищ или хранилищ сельскохозяйственной продукции, но изначально их предназначение было оборонное.

⁹⁴ Исследования проводились при поддержке гранта РФНФ № 11-01-00546а.

Необходимо специально рассмотреть ещё один, весьма важный, аспект защитной роли башен, а именно, их сигнально-коммуникативную функцию. Сигналы с башен должны были уменьшить риск внезапного нападения, возвещать о помощи, приходе и отплытии судов, а также облегчать навигацию каботажного плавания вдоль берегов Северо-Западного Крыма. Поэтому очевидно, что возведённые Херсонесом по специальному плану поселения должны были быть связаны не только морскими и сухопутными путями, но также системой визуальной сигнализации и оповещения. Об этом косвенно говорит то, что все усадьбы строятся как небольшие крепости, и имеют, как минимум, одну башню, которая воздвигается в топографически наиболее высокой части усадьбы. Сигналы с башен могли подаваться разными способами, вероятнее всего, с помощью дыма в дневное время и огнями ночью. Прямым свидетельством подобного способа передачи сигналов может быть большое количество обгоревшего материала внутри башен.

Долгое время предполагалось, что античные усадьбы в Северо-Западном Крыму располагаются исключительно вдоль берега моря. Действительно, наиболее равномерно греческие поселения следуют вдоль южного и северо-западного побережья Тарханкута, где расстояние между ними выдерживается в пределах 3–4, иногда 5 км. Однако за последние (2008–2011) годы открыто уже пять крупных усадеб в глубинных частях полуострова (Рис. 1) и число их, возможно, возрастёт после очередных тщательных разведок.

Одним из необходимых ландшафтных критериев расположения античных памятников было условие обеспечения взаимной визуальной связи между ними. Исходя из предположения её существования, с помощью программы Mapinfo и её дополнения Vertical Mapper был проведён анализ прямой взаимной видимости (Viewshed analysis) античных населённых пунктов на Тарханкутском п-ове (Смекалова, 2011. С. 32–36). Этот анализ позволяет определить, какие из областей на местности видны из того или иного пункта, установить, которые из античных центров находились в пределах прямой взаимной видимости, а также выяснить, где располагались возможные недостающие звенья в цепочке сигнально-оповестительной сети. Успешному применению анализа прямой видимости в Северо-Западном Крыму способствуют природные особенности местности: волнистый невысокий рельеф, преимущественно степная растительность и отсутствие деревьев и других препятствий, затрудняющих обзор.

Наивысшая точка Тарханутского п-ова, находящаяся в его центральной части (Рис. 1, точка 27), играла, вероятно, ключевую роль в этой системе. Это единственный пункт на Тарханкутском п-ове, от которого одновременно видно как юго-восточное, так и северное морское побережье, включая и главный центр – Калос Лимен (Рис. 1).

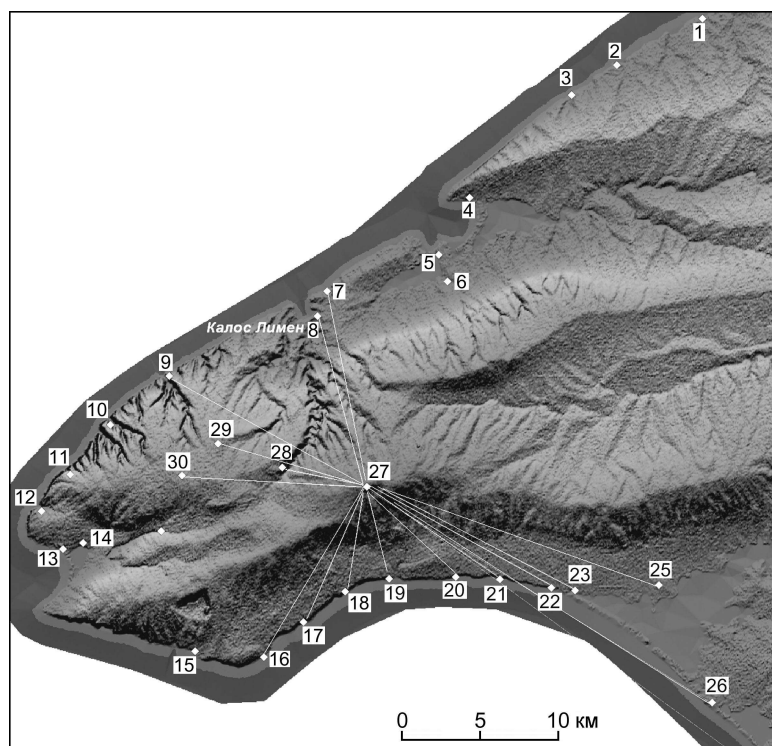

Рис. 1. Карта, построенная по результатам анализа прямой видимости (viewshed analysis), проведённого для наивысшей точки Тарханкутского п-ова (отмечена цифрой 27). Античные поселения: 1 – Маслины; 2 – Бурнель; 3 – Скалистое; 4 – Межводное; 5 – Панское I; 6 – Панское III; 7 – усадьба в бухте Ветреной; 8 – Ак-Мечетское городище (Калос Лимен); 9 – Кипчак; 10 – Большой Кафель; 11 – Джангуль-Мысовое; 12 – Очеретай-Южное; 13 – усадьба у Караджинского городища; 14 – Караджинское городище; 15 – Меловое; 16 – Ойрат; 17 – Джан-Баба; 18 – Ак-Сарай; 19 – Тарпанчи; 20 – Джага-Кульчук; 21 – Кульчук; 22 – Беляус; 23 – Западно-Донузлавское; 25 – Озеровка (Тереклы-Асс); 26 – Поповка; 27 – Чокрак-Верхнее; 28 – Кунан; 29 – Кипчак 1; 30 – Кипчак 2

Поэтому кажется вполне закономерным, что в непосредственной близости от предполагаемой античной сигнальной башни, находящейся на курганообразном возвышении в наивысшей точке Тарханкутского п-ова, П. Н. Шульцем в 1933 г. было выявлено «турецкое укрепление» (Шульц. 2010. С. 21), а нами в июне 2010 г. было открыто крупное античное поселение Чокрак Верхнее (Смекалова. 2011. С. 11–14). Очевидно, что и «турецкое укрепление», и «башня» выполняли охранно-сигнальную функцию, контролируя дорогу, идущую

от Евпатории по побережью, поднимающуюся к наивысшей точке всего полуострова и далее идущую к Ак-Мечетской бухте, где, как известно, располагался крупнейший центр полуострова, начиная с античного времени (предположительно, Калос Лимен) вплоть до нового времени (Ак-Мечеть) и до настоящих дней.

Как показывает проведённый компьютерный анализ прямой видимости (Viewshed analysis), от сигнальной башни в наивысшей точке Тарханкутского п-ова открывается прямой вид на все античные памятники южного побережья Тарханкута: крепости Джан-Баба, Ак-Сарай («Пристань № 15»), Тарпанчи, Джага-Кульчук, Кульчук (Красный Курган), Беляус, Западно-Донузлавское, Поповка, Аирчи (Рис. 1). Видны также вершина холмистой гряды над Межводным на северо-востоке. На северо-западе можно увидеть побережье только вплоть до горы Кипчак, которая закрывает вид на остальную часть Тарханкута от бухты Кармыш до Очеретая. Именно здесь А. Н. Щегловым и К. В. Шишкиным в ходе разведок в августе 1981 г. была открыта античная усадьба Кипчак 1, которая, однако, не была описана в научной литературе. В мае 2011 г. на этой усадьбе автором была проведена детальная магнитная съёмка, которая позволила выявить её размеры (примерно 37 × 35 м) и планировку. Согласно этим данным, усадьба Кипчак 1 является типичной крупной усадьбой херсонесского типа с башней размерами 12 × 12 м в юго-восточном углу (Рис. 2).

Несмотря на то, что из наивысшей точки Тарханкутского п-ова открывается поистине широкий и впечатляющий вид, она не могла обеспечить связь со всеми античными пунктами Тарханкута. За пределами видимости от наивысшей точки остаются центры на северо-западном побережье: усадьбы в бухтах Большой Кафель, Джангуль Мысовое, Очеретай Южное, Караджинское городище, а на южном берегу – пос. Меловое. Кроме того, не видны все античные поселения к северо-востоку от Панского I. Для того чтобы найти недостающие звенья в системе сигнализации и наблюдения между античными пунктами, был проведён мультиточечный анализ прямой взаимной видимости (Multi-point Viewshed analysis).

Данный вид анализа позволяет понять и реконструировать систему расположения античных центров на Тарханкутском п-ове и выявить промежуточные сигнальные башни или усадьбы с башнями. С помощью этого анализа можно определить области и GPS координаты примерного положения недостающих звеньев в цепочке наблюдательных и сигнальных пунктов. Археологические разведки на местности, проведённые в мае 2011 г. с целью их выявления, дали обнадеживающие результаты. Так, на южном склоне Джангульского увала, помимо усадьбы Кипчак 1, была обнаружена усадьба Кипчак 2 в 300 м к северу от кургана Высокая могила. Эта усадьба находится

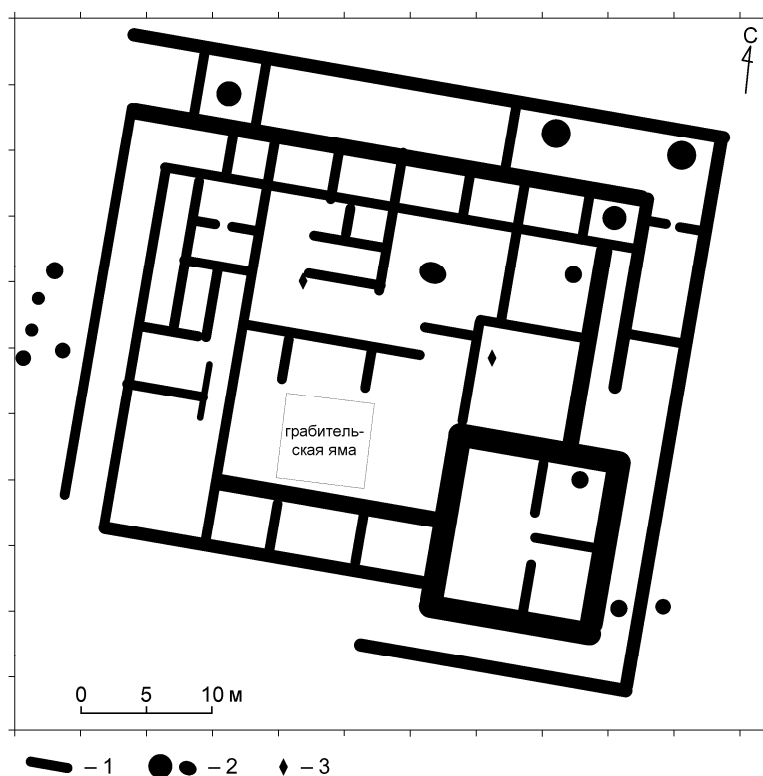

Рис. 2. Результаты интерпретации магнитной съёмки на усадьбе Кипчак 1:

1 – предполагаемые стены; 2 – сильномагнитные объекты (очаги, ямы, места горения); 3 – железные предметы

в пределах области, в которой, согласно компьютерному анализу, можно было предполагать местонахождение недостающей сигнальной башни (Смекалова. 2011. С. 32–35).

Итак, длительное время продержавшееся в науке мнение о том, что в античности в Северо-Западном Крыму была освоена только узкая прибрежная полоса, должно быть полностью пересмотрено. В ходе полевых работ 2009–2011 гг. были обнаружены пять крупных усадеб херсонесского типа, а также более 120 «аборигенных» поселений в глубинных частях Тарханкутского п-ова, что является прорывом в вопросе о расселении в данной части Крыма и структуре дальней хоры Херсонеса. Казавшиеся ранее пустынными глубинные территории Тарханкута, напротив, в античные времена были плотно заселены.

Открытие античного укрепленного поселения Чокрак Верхнее у наивысшей точки Тарханкутского п-ова позволяет поставить вопрос о существовании системы сигнализации и визуальной связи между греческими усадьбами. Геоинформационный анализ прямой видимости дал возможность понять и восстановить систему расположения античных центров на Тарханкуте. С его помощью удалось предложить вариант реконструкции античной коммуникационной сети, включающей сухопутные и морские пути, а также систему визуальной связи. С помощью этого анализа удалось выявить гипотетические области нахождения недостающих звеньев в цепочке прямой взаимной видимости между античными центрами (промежуточные сигнальные башни), в двух из которых обнаружены античные усадьбы с башнями (Кипчак 1 и Кипчак 2).

Литература

- Блаватский. 1949 – *Блаватский В. Д.* Северопонтийские города в конце II–I в. до н.э. // Вестник МГУ. 1949. № 7.
- Зубарь. 2004 – *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. К., 2004.
- Ланцов. 2008 – *Ланцов С. Б.* Владения Херсонеса в Западном Крыму (Проблема определения территории, причин и хронологических этапов её освоения // Калос Лимен – Ак-Мечеть – Черноморское – 2400 лет: Сб. докл. I Международной научно-практической конф. Черноморское, 2008.
- Сапрыкин. 1986 – *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М. 1986.
- Смекалова. 2010а – *Смекалова Т. Н.* Космические снимки как инструмент для выявления археологических памятников на полуострове Тарханкут // Археологические разведки на п-ове Тарханкут. 2010. МАКК. Вып. III.
- Смекалова. 2010б – *Смекалова Т. Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: Каталог. 2010. МАКК. Вып. II.
- Смекалова. 2011 – *Смекалова Т. Н.* Дистанционные и геофизические исследования поселений античной эпохи в Северо-Западном Крыму. 2011. МАКК. Вып. V.
- Шульц. 2010 – *Шульц П. Н.* Дневник полевых исследований 1933 г. // Археологические разведки на п-ове Тарханкут. 2010. МАКК. Вып. III.
- Щеглов. 1978 – *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.

М. В. Новиченкова, Н. Г. Новиченкова

Комплексы предметов из металла эпохи эллинизма из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло и из Артюховского кургана

Святилище у перевала Гурзуфское Седло до настоящего времени является единственным из обнаруженных и исследованных археологических памятников Южной части Горного Крыма, в котором

выявлено наибольшее количество предметов эллинистического времени (конец IV–I в. до н.э.). Исследование коллекции святилища ведётся с начала проведения раскопок (1981–1993 гг.). Большинство находок этого периода происходит из слоя светлой глины с непережжёнными костями (IV – середины I в. до н.э.) и зафиксировано в чётком стратиграфическом контексте. Другие предметы эллинистического периода найдены в более позднем слое второй половины I в. до н.э. – II в. н.э., что, вероятно, было обусловлено их вторичным использованием в обрядах жертвоприношения (Новиченкова. 1994б. С. 59–86).

Слой светлой глины с непережжёнными костями был насыщен фрагментами керамики, главным образом, тарных сосудов. Преобладала продукция Родоса, Синопы, Гераклеи, а также ранние типы светлоглиняных амфор. Обнаружены редкие фрагменты чернолаковой посуды. Выявлены развалы тарных, лепных сосудов, фигурного терракотового кувшина с изображением собаки, имеющего чернолаковое покрытие (Новиченкова. 2004. С. 256). Немало стеклянных литых сосудов, имеются отдельные экземпляры из мозаичного стекла.

Самыми ранними монетами на Гурзуфском Седле являются медные пантикапейские 375–340 гг. до н.э. (1 экз.) и 325–300 гг. до н.э. (1 экз.). В святилище обнаружены четыре статера Лисимаховского типа, один из них (г. Каллатис) лежал на материке под слоем светлой глины с непережжёнными костями. Из этого же слоя происходит одна из двух найденных тетрадрахм Митридата Евпатора, три херсонесские монеты первой четверти I в. до н.э. и 70–60 гг. до н.э. Боспор представлен ещё двумя ранними монетами – последней четверти II в. до н.э. и 73–63 гг. до н.э. Восемь монет принадлежат Понту, из них шесть медных амисских времени правления Митридата Евпатора и одна монета Амастрии (Новиченкова. 1994а. С. 54; 2002. С. 47). Имеются монеты и других эллинистических центров: Хиоса, Вифинии, Каппадокии, Дионисополя.

Среди многочисленных находок изделий из металла – сосуды из эллинистических и латенских центров производства, украшения (ожерелье, браслеты, кольца, серьги), детали одежды (портупейные крюки, фибулы среднелатенской схемы, в т. ч. неапольского варианта), оружие (наконечники стрел и копий, крупные части шлемов – железного и бронзового, бронзовые и железные детали оковки овального щита «скутум»), конская упряжь (псалии), спортивный инвентарь (стригили), детали мебели (ложе), металлические пластины (среди них серебряная позолоченная пластина с рельефным изображением орлиноголового грифона).

Примечательно, что, помимо предметов повседневного обихода (ножи и оселки, пинцеты, инструменты), большое количество находок относится к категории престижных вещей, причём ряд изделий

из металла эллинистического периода имеет прямые аналогии среди предметов погребального инвентаря Артюховского кургана, одного из самых выдающихся археологических комплексов II в. до н.э., получившего мировую известность (Максимова. 1979). Особо можно отметить сходство деталей ложа, посуды, украшений, стригилей.

Металлическая посуда. Интересна находка на Гурзуфском Седле серебряного бальзамария с поясным орнаментом на тулове в виде нитей жемчуга, листьев и перекрещивающихся линий (рис. 1. 1). Сходный поясной орнамент на крышке пиксиды из Артюховского кургана (Арт. 65), тулове унгентария (Арт. 107). Орнамент чашечки бальзамария из листьев аканфа и закрученных побегов перекликается со сходным оформлением тулова парадного канфара (Арт. 61; Там же. С. 80). Фрагментированные бронзовые черпаки с Гурзуфского Седла также близки по форме и декору ручкам, найденным в Артюховском кургане.

Детали мебели (рис. 1. 2, 3). Среди камней жертвенника в северо-восточной части святилища на Гурзуфском Седле обнаружен комплекс из бронзовых предметов: цепь, пластина в форме лунницы, несколько бронзовых деталей ложа (Новиченкова. 1994б. С. 65. Рис. 7, 8). Другие части позднее попали в слои ритуального комплекса с ямками, некоторые пострадали от действия огня. Обкладки ножек ложа представлены несколькими типами деталей, вставлявшихся друг в друга. Детали отливались, впоследствии обрабатывались на токарном станке и полировались. Одна из них в виде куполообразного перекрытия венчала верхний конец ножки. Она имеет широкую круглую выпуклую поверхность с рельефными концентрическими окружностями и ножку в виде широкого гладкого кольца. На поверхности процарапан знак в виде косоугольного креста, в то время как на подобных деталях ложа из Артюховского кургана видны вырезанные буквы «альфа» и «дельта» (Арт. 129; Максимова. 1979. С. 95). Детали обкладки ножек другого типа не имеют завершения, т. к. они вставлялись друг в друга в виде широких одинарных и двойных колец. Сложную форму имела деталь нижнего конца ножек. Поверхность украшена рельефными и нарезными ободками. Деревянные ножки, судя по разному размеру деталей их оковки, равномерно и постепенно сужались книзу, начиная от той их части, которая примыкала снизу к раме ложа (Там же. С. 96). Подобный тип мебели получил распространение в середине – второй половине II в. до н.э. и бытовал в римское время, получив название «делосского ложа». Самые ранние образцы происходят из Пеллы (300–168 гг. до н.э.), Артюховского кургана (140 г. до н.э.), кораблекрушений около Антикиферы и Махдии (80-е гг. – вторая четверть I в. до н.э.) и Приены (II–I вв. до н.э.) (Новиченкова. 2002. С. 97).

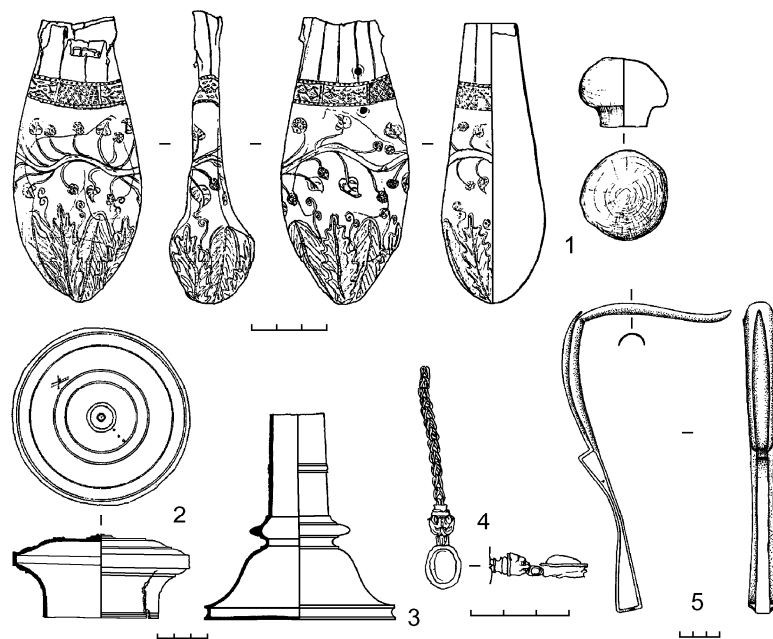

Рис. 1. Находки эллинистического времени из святилища у перевала Гурзуфское Седло: 1 – алабастр (серебро); 2, 3 – детали оковки ложки (бронза); 4 – фрагмент ожерелья (золото, стекло); 5 – стригиль (железо)

Украшения. В святилище было найдено более 100 фрагментов венков из золотой фольги с листками в форме лавра; все листья одного типа, овальной удлинённой формы, с продольной прожилкой. По технике изготовления наиболее сходны с венком (Арт. 37) Артюховского кургана (Максимова. 1979. С. 42–43). В аналогичной технике выполнено и украшение в виде лунницы с Гурзуфского Седла.

Из других однотипных украшений из Артюховского кургана и святилища на Гурзуфском Седле нужно назвать золотые ожерелья. В святилище это два одинаковых фрагмента из тонкой четырёхрядной плетёнки, с петельками на обоих концах, у каждого из фрагментов одна из двух петель разомкнута. Техника изготовления цепочки и петельных соединений та же, что и у Арт. 6, Арт. 43. Третий фрагмент из святилища состоит из мелкой цепочки (рис. 1. 4) со звеном в виде головки рыси, соединённой шарниром с завершением в виде овальной стеклянной вставки тёмно-фиолетового цвета в золотой оправе. Он имеет наибольшее сходство с Арт. 6, где головки рысей также являются внутренними звеньями. Оправа овальной формы со стеклянной вставкой из святилища изготовлена в той же технике, но

имеет более округлую форму. Техника изготовления цепочки аналогична технике изготовления подобных находок из Артюховского кургана: Арт. 3, Арт. 102 (Там же. С. 55–57). На Гурзуфском Седле в один гарнитур с ожерельем входили две золотые проволочные серьги в виде кольца с украшениями из скульптурных головок рыси.

Стригили. Среди десятка стригилей имеется несколько экземпляров с глубокой ложкой и рукояткой прямоугольных очертаний (Новиченкова. 2002. С. 98. Рис. 47, 2). Они изготавливались из удлиненного листа металла, имели глубокую изогнутую ложку с верхней отогнутой частью. Ложка переходила в плоский стержень, образующий ручку, имевшую прямоугольные очертания (Максимова. 1979. С. 101). Изделия, близкие по типу, найдены в этрусских погребениях второй половины III в. до н.э. в Олимпии (300 г. до н.э.). Три подобных экземпляра происходят из Артюховского кургана (Арт. 99, Арт. 100, Арт. 126), из них два – с прямоугольной ручкой (140 г. до н.э.) (Там же. С. 10. Рис. 36). Бронзовый стригиль подобного типа (рис. 1. 5) также был найден в слое светлой глины с непережжёнными костями (Новиченкова. 2002. С. 99).

Выводы. Сравнительный анализ металлических предметов эллинистического периода в составе votивного инвентаря из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло и погребального инвентаря из Артюховского кургана показывает взаимовстречаемость определённых находок в этих двух памятниках. Налицо общие хронологические рамки (II в. до н.э., точнее, его середина), близость по составу комплексов, присутствие отдельных рассмотренных предметов, возможно, изготовленных в одних мастерских. Все эти факты свидетельствуют о сходном механизме, об определённой закономерности попадания однотипных изделий как на азиатскую сторону Боспора, так и на территорию Горного Крыма.

Район этот, по-видимому, не входил в территорию какого-либо античного государства. Это свидетельствует о том, что контакты населения Горного Крыма с античной цивилизацией, в первую очередь, с таким крупным античным центром, каким являлся Боспор, наметились раньше, до заключения союза между Митридатом Евпатором и варварами, вовлеченными в Митридатовы войны. В свете новых исследований о начальной дате сложения позднескифской культуры и связи правителей Неаполя Скифского с Боспором встаёт вопрос о причастности Горного Крыма к этому процессу.

С комплексом погребального инвентаря из Артюховского кургана его сближают найденные в святилище на Гурзуфском Седле посуда, украшения, предметы быта. Взаимосвязь с комплексом Артюховского кургана прослеживается и в находках монет – статов Ли-симаховского типа (Максимова. 1979. С. 51), черпаков для вина, в оформлении некоторых типов украшений. С главным погребением

мавзолея Неаполя Скифского вотивный инвентарь эллинистического времени Гурзуфского Седла сближает железный шлем и присутствие латенских вещей. Детали оковки ложа, судя по имеющейся информации, среди памятников Северного Причерноморья обнаружены только в Артюховском кургане и в святилище на Гурзуфском Седле. Остальные известны благодаря подводной археологии, из исследований, проводившихся в Средиземном море – на местах кораблекрушений, что определяет морской характер связей.

Проблема контактов населения Горного Крыма с Боспором на рубеже нашей эры на основе анализа археологического материала уже освещалась одним из авторов данной публикации. Однако эти контакты установились уже в IV и усилились во II в. до н.э. в связи с большими изменениями, происходившими в период формирования позднескифской культуры Крыма. Сходство двух групп престижных металлических вещей с Таманского п-ова и святилища на Гурзуфском Седле является ещё одним подтверждением усиления этих контактов. Предметам, обнаруженным на Гурзуфском Седле, можно привести и другие аналогии, происходящие с восточной, окраинной территории Боспорского царства и его пограничья, в частности, стеклянные канфары эллинистического времени из богатых «дружинных» погребениях Золотого кладбища (Гущина, Засецкая. 1994).

Литература

- Гущина, Засецкая. 1994 – *Гущина И. И., Засецкая И. П.* «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
- Максимова. 1979 – *Максимова М. И.* Артюховский курган. Л., 1979.
- Новиченкова. 1993 – *Новиченкова Н. Г.* Археологическая коллекция Ялтинского историко-литературного музея // ВДИ. 1993. № 1.
- Новиченкова. 1994а – *Новиченкова Н. Г.* О контактах населения Горного Крыма с Боспором по материалам святилища у перевала Гурзуфское Седло // БСб. 1994. 4.
- Новиченкова. 1994б – *Новиченкова Н. Г.* Святилище Крымской яйлы // ВДИ. 1994. № 2.
- Новиченкова. 2000 – *Новиченкова Н. Г.* Фибулы из святилища у перевала Гурзуфское Седло // РА. 2000. № 1.
- Новиченкова. 2002 – *Новиченкова Н. Г.* Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта, 2002.
- Новиченкова. 2004 – *Новиченкова Н. Г.* Святилище на Гурзуфском Седле // Античные памятники Крыма. К., 2004.

Граффити на краснолаковой посуде из могильников Крымской Скифии

В позднескифских могильниках Крыма на краснолаковой посуде часто встречаются граффити (Сымонович. 1983; Богданова. 1989; Пуздровский. 1987. С. 205–207; 1997. С. 167–180; Зубар, Савеля. 1989. С. 74–83; Журавлёв. 2001. С. 187–193; Труфанов. 2005. С. 318, 319). Среди них преобладают примитивные знаки собственности в виде геометрических фигур (крест, треугольник, круг) или переплетений линий, загадочных значков или рисунков. Реже изображены более сложные в исполнении сарматские тамги. Достаточно много прочерчено как отдельных букв греческого алфавита, так и композиций из них (посвящения богам, полные и сокращённые имена, различные аббревиатуры и монограммы).

Мнения исследователей разошлись в вопросе этнической принадлежности создателей надписей, сделанных буквами греческого алфавита (ср.: Пуздровский 1997: 176, 178, 180; Журавлёв 2001: 192, 193; Зубарь 2002: 506, 507; Труфанов 2005: 318, 319), а смысловая нагрузка других знаков и рисунков во многом остаётся неизвестной.

Новые находки граффити из Юго-Западного (Усть-Альма, Брянское) и Центрального (Битак) Крыма позволили вновь обратиться к этой теме, что дополнило наши сведения об этнических связях населения Крымской Скифии с Херсонесом, Боспором и Сарматией. Предлагаемый обзор составлен по памятникам, а внутри них – по комплексам.

Усть-Альма

1. Склеп 424а. Над погребением VIII, среди многочисленного инвентаря сдвинутых в юго-западный угол остатков ранних погребений, найден обломок чашки (группы ESB2) с усечённо-коническим туловом, на внешней стенке которого прочерчена сарматская тамга в виде свастики или гаммированного креста (Рис. 2. 10; в ракурсе). По горизонту и сопровождающим находкам чашка датируется рубежом I–II или началом II в. н.э.

2. Могила 636. В ней находилось погребение женщины в деревянном гробовище и совершённое поверх него погребение ребёнка. На краснолаковой чашке (группы ESB2) с усечённо-коническим туловом и вертикальным бортиком, на внешней стенке тулова прочерчена монограмма. Нижняя часть её составлена из букв Π и Α (с ломаной гастой), а верхняя представляет букву Ξ, средняя поперечная линия которой передана в виде миниатюрного овала (Рис. 1. 6). Нижняя часть монограммы могла представлять собой посвящение Деве или сокращение имени (Граффити... 1978. № 1356, 1367, 1379). Дата комплекса: конец I – начало II в. н.э.

Рис. 1. Граффити из могильников Крымской Скифии. Усть-Альма: 1 – могила 396; 2 – склеп 520/25; 3, 13 – склеп 316; 4 – могила 476; 5 – склеп 750; 6 – могила 636; 8 – могила 928; 9 – могила 691; 10 – склеп 775/1; 11 – могила 536; 12 – склеп 777/III; 14 – могила 866; 15 – склеп 871; 16 – склеп 920. Брянское: 7 – могила 9/Б. Битак: 17 – могила 47; 18 – могила 147/II; 19 – 166; 20 – п. м.; 21 – могила 176/ II; 22 – могила 157

3. Могила 691. Обнаружено два детских захоронения. Среди инвентаря нижнего – краснолаковая тарелка (группы ESB2) с оттиском именного штампа и граффити APTE на дне (Рис. 1. 9). Ломаная гаста в букве А передана буквой Υ, хотя такое начертание имеют и сарматские знаки (см. № 8). Посвящение Артемиде, либо начало теофорного имени. Комплекс датируется по тарелке и сильно профилированной бронзовой фибуле западного типа 70–80 гг. н.э. (Пуздровский. 2007. С. 176, 177).

4. Склеп 750. В центре камеры, среди инвентаря разграбленных погребений I–II вв. найден фрагмент миниатюрной краснолаковой чашки с усечённо-коническим туловом и вертикальным бортиком (группы ESB2) с граффити AP на дне (Рис. 1. 5). Часть второй буквы осталась за пределами обломка. С большой степенью вероятности граффити можно рассматривать как посвящение Аполлону, а не как сокращение теофорного имени. Чашка датируется второй половиной I в. н.э.

5. Склеп 775. В женском погребении 1 среди разнообразного и богатого инвентаря, в комплекте с другой посудой найдена миниатюрная краснолаковая чашка с усечённо-коническим туловом (группы ESB2). На внутренней стороне дна – оттиск штампа в виде розетки, на внешней – граффити из трёх букв греческого алфавита: MEN (Рис. 1. 10). Граффити на публикуемой чашечке, возможно, представляет собой начальные буквы имени владельца сосуда (Граффити... 1978. № 1210), однако вариант чтения «оставайся» – обращение к сосуду (Толстой. 1953. № 9, 79, 103, 104, 152), сомнителен. Возможно, надпись указывала на характеристику содержимого чашки и связана со словом μένος в значении «сила», «мощь», «стремительность», «неукротимость» или «кровь». Более заманчива версия о связи граффити с греческими словами μήν (месяц) и μήνας (луна). Μήνη (= Σελήνη) – богиня Луны. Издатели граффити ΜΗΝ (в лигатуре и в виде монограммы) на чернолаковых сосудах из Херсонеса, хотя и указывают на их связь с «луной», тем не менее считают их началом имени владельца (Граффити... 1978. № 1214, 1215). Греческая богиня Селена или Мена часто отождествлялась с Артемидой. В жизни Понтийского царства особую роль играл лунно-хтонический бог Мен, он выступал паредром женской богини Луны. На Боспоре почитание Мена засвидетельствовано его изображениями на монетах и в коропластике.

Написание имени божества через эпсилон вместо эты на альминской чашечке, скорее всего свидетельствует, что граффити нанесено лицом малограмотным. Комплекс датируется рубежом I–II вв. н.э.

6. Склеп 777. Мужское погребение III. Инвентарь представлен мечом, диадемой из золотых трилистников с золотой пластиной с рельефным изображением женского божества, комплектом золотых

лицевых пластин, ажурными золотыми пластинами, гарнитуром из серебряной пряжки и наконечника ремня. Краснолаковая тарелка (неизвестный центр) с невысоким бортиком и граффити на внешней стороне дна стояла в ногах. Среди хаотично прочерченных линий можно увидеть две буквы греческого алфавита: КО (рис. 1. 12). Возможно, это начальные буквы имени. Близкие варианты надписи (Рис. 1. 3) известны в Усть-Альме (Пуздровский 1997. С. 167, 168) и в Херсонесе (Соломоник. 1996. № 6, 9). Имена, начинающиеся на Ко..., встречаются на Боспоре (Крыкин 1993. С. 68–71). Дата комплекса: около середины I в. н.э.

7. Могила 816. Ограблена в древности. Среди инвентаря – обломок костяной пиксиды и фрагментированная краснолаковая чашка с полусферическим туловом и двумя знаками, грубо прочерченными на вогнутой внутренней стороне стенок напротив друг друга (Рис. 2. 19, 20). Знаки схожи между собой и представляют фигуру с незамкнутыми волютами – составная часть многих сарматских тамг (Соломоник. 1959. Табл. 31–74).

8. Склеп 830. Среди инвентаря разграбленных погребений – тарелка и чашка с прочерченным знаком, близким по начертанию к греческой букве Υ. Граффито на тарелке (группы ESB2) небольшого размера, нанесён на внешнюю сторону дна (Рис. 2. 17). Знак на полусферической чашке (понтийская сигиллата?) – крупнее, выполнен на внешней стенке двойной линией (Рис. 2. 18). Такая тамга известна у сармат (Соломоник. 1959. Табл. 177–179). Находки из склепа датируются концом I–II в. н.э.

9. Могила 866. Содержала два детских разновременных захоронения. В районе ног нижнего лежала краснолаковая тарелка (группы ESB2) с оттиском фигурного штампа и граффити на внешней стороне дна в виде расположенных друг к другу под углом букв: ΙΔ (Рис. 1. 14). Возможно, начало имени. Не исключено, что это цифровое обозначение. Дата комплекса: последняя четверть I в. н.э.

10. Склеп 871. Среди инвентаря разграбленных захоронений найдена миниатюрная чашечка (группы ESB2), на дне которой прочерчены буквы ΚΥ и короткая вертикальная черта, обозначающая вероятно точку – сокращение слова (Рис. 1. 15). Возможно, начало имени (см. № 6). Дата комплекса: вторая половина I – начало II в. н.э.

11. Склеп 920. Среди инвентаря разграбленных захоронений найдена чашечка с коротким туловом и вертикальным бортиком (группы ESB2), с оттиском фигурного штампа и буквами CI на внешней стороне дна (Рис. 1. 16). Сигма (лунарная) изображена прямыми линиями, вторая буква расположена под углом к первой. Вероятно, начало имени (Толстой. 1953. № 194; Граффити... 1978. № 1510). Дата комплекса: вторая половина I – первая половина II в. н.э.

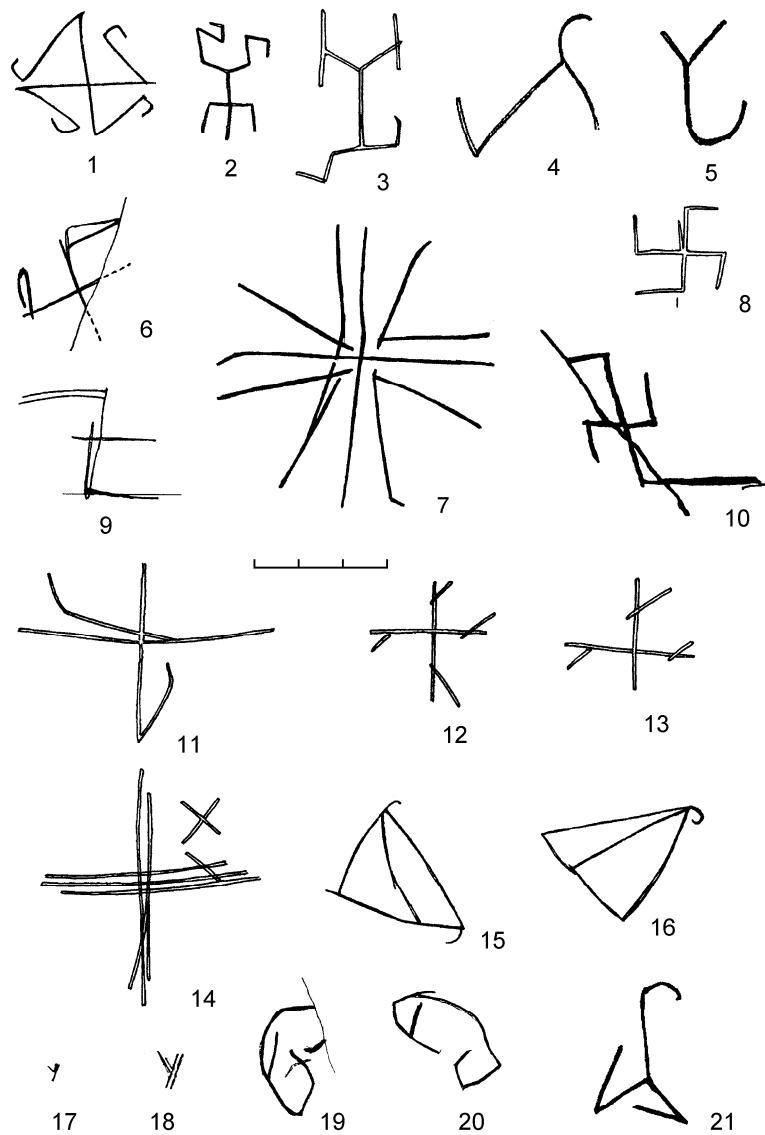

Рис. 2. Граффити из могильников Крымской Скифии. Усть-Альма: 2 – склеп 316; 3 – могила 329а; 6 – раскоп III 1995 г.; 7 – могила 364 (лепной сосуд); 8 – могила 537; 9 – могила 542; 10 – склеп 424а; 11 – могила 422; 12, 13 – могила 482; 14 – могила 495; 15, 16 – могила 584; 17, 18 – склеп 830; 19, 20 – могила 816. Брянское: 4 – могила 9/А; 5 – могила 9/Б. Битак: 1 – могила 40/2; 21 – могила 23

12. Могила 928. В детском захоронении среди разнообразного инвентаря найдена краснолаковая тарелка (группы ESB2) с усечённо-коническим туловом, вертикальным бортиком и оттиском фигурного клейма. На внешней стороне дна грубо прочерчено граффити: ΘΕΑ (Рис. 1. 8). Посвящение неизвестному божеству. Аналогичная надпись (Рис. 1. 1) на чашке из могилы 396 Усть-Альмы нанесена рядом с посвящениями Аполлону и Кибеле (Пуздровский. 1997. С. 169, 170). Дата комплекса: первая половина II в. н.э.

Брянское

13. Могила 9. Подбойная камера А. В погребении мужчины найдена краснолаковая тарелка (группы ESB2) с оттиском именного штампа ΡΟΥ|ΦΟΥ и граффито в виде сарматского знака на внешней стороне дна (Рис. 2. 4). Тамга этой схемы, но более сложная, изображена на деревянной арфе из Козырки (Яценко. 2001. Рис. 25, I, 6).

14. Могила 9. Подбойная камера Б. В погребении женщины обнаружена краснолаковая чашка (группы ESB2) с оттиском штампа в виде розетки на дне и граффити на внешней стороне стенки. Первые две буквы ΗΡ (в лигатуре) – посвящение Гераклу. Монограмма из букв Π, Υ (и, возможно, Μ) обозначает имя дедиканта (Толстой. 1953. № 92). Из этого же комплекса – краснолаковая тарелка (группы ESB2) с оттиском именного штампа ΡΟΥ|ΦΟΥ, на внешней стороне дна прочерчено граффито в виде сарматского знака (Рис. 2. 5). Аналогичные тамги хорошо известны в сарматском мире (Соломоник. 1959. № 178, 179). Дата комплекса: последняя треть I – начало II в. н.э. (Труфанов. 2005. С. 319).

Битак

15. Могила 23. В детском погребении на шейных позвонках стояла краснолаковая тарелка (PS – понтийская сигиллата) с прочерченной сарматской тамгой на внешней стенке тулова (рис. 2. 21). Близкий знак известен на мраморном льве из Ольвии (Соломоник. 1959. № 42. Рис. 42ж. Табл. 189). Дата комплекса: вторая половина II в. н.э.

16. Могила 40. В двухкамерной могиле было совершено три захоронения. В подбое 1 – женщины 60–65 л., среди инвентаря – краснолаковая тарелка (PS) с прочерченным косым крестом на внешней стенке. В подбое 2 – ребёнка и женщины 20–25 л. На внешней стенке краснолаковой тарелки (PS) – сарматская тамга (Рис. 2. 1). Аналогичные знаки обнаружены на плите из Кривого Рога и Керчи (Соломоник. 1959. № 43, 51. Табл. 174; Драчук. 1975. № 556, 557). Такие же тамги опубликованы на плитах из Танаиса (Яценко. 2001. Рис. 22А; 23А; Яценко, Раев. 2001. Рис. 1). Дата комплекса: первая четверть II в. н.э.

17. Могила 47. В погребении ребёнка найдена краснолаковая тарелка (PS), на внешних стенках которой, по обе стороны от поддона,

прочерчены буквы (?) Р и Х (Рис. 1. 17). Дата комплекса: конец II – начало III в. н.э.

18. Могила 147. В подбое I были захоронены двое взрослых, а в подбое II – женщина с ребёнком. Среди инвентаря последних – краснолаковая чашка (группы ESB2) с усечённо-коническим туловом и вертикальным бортиком, оттиском фигурного штампа и граффити на дне: ПАС|НРА (Рис. 1. 18). Буквы прочерчены небрежно, что объясняется и рыхлой структурой глины сосуда. Посвящение Гере. Имя дедиканта дано в сокращении (Граффити... 1978. № 1049). Дата комплекса: конец I – начало II в. н.э.

19. Могила 157. В женском погребении найдена краснолаковая тарелка на широком поддоне с оттиском фигурного штампа и пояском из насечек (группы ESB2). На внешней стороне тулова граффити в виде прерывистой ломаной линии или букв: IΛΛN (Рис. 1. 22). Снаружи, на дне – хаотичный набор пересекающихся линий (выполнены более тонким инструментом), в которых трудно видеть буквы (Рис. 1. 22а). Дата комплекса: конец I – начало II в. н.э.

20. Могила 166. В головах погребения III (нижнее) стояла краснолаковая чашка (группы ESB2) с усечённо-коническим туловом и вертикальным бортиком. На внешней стороне дна прочерчено граффити: ΔΟΙ|ZAN (Рис. 1. 19). Вероятно, имя собственное, скорее всего, негреческого происхождения. Дата комплекса: конец I – начало II в. н.э.

21. Могила 176. В подбое II среди инвентаря детского захоронения обнаружена краснолаковая миниатюрная чашка (группы ESB2) с усечённо-коническим туловом, на кольцевой подставке. На внутренней стороне дна – оттиск штампа в виде розетки, на внешней – граффити в виде букв АТ в лигатуре и АН (Рис. 1. 21). Издатели аналогичных монограмм трактуют их как посвящение Артемиде Таврополе или имя владельца (Граффити... 1978. № 362–376; ср.: Яйленко. 1982. № 19). Дата комплекса: последняя четверть I в. н.э.

22. Из разрушенной строительством детской (?) могилы происходит обломок нижней части краснолаковой чашки (группы ESB2) с оттиском фигурного штампа, граффити в виде креста (часть уходит в облом) и букв НР в лигатуре (Рис. 1. 20). Посвящение Гераклу. Дата чашки: последняя четверть I в. н.э.

Известные на сегодняшний день граффити на краснолаковой посуде в позднескифских могильниках Крыма исчисляются десятками и число их продолжает возрастать. Они встречаются на сосудах определённого типа (чашки, тарелки, блюда), преимущественно в детских (девочки) и женских захоронениях, в достаточно узком хронологическом диапазоне (вторая половина I – начало II в. н. э) – времени наибольшего распространения посуды группы ESB2. Среди другого инвентаря нередки предметы сакрально-ритуального облика.

На подавляющем большинстве многочисленных экземпляров посуды ESB2 надписи из греческих букв отсутствуют. В культурных слоях позднескифских поселений аналогичные по характеру находки пока неизвестны. Начиная с рубежа I–II вв. н.э. появляются простейшие знаки собственности и тамги, вероятно, в это время произошли изменения в этносоциальном составе населения.

Использование посуды с греческими граффити возможно только в магическо-ритуальных (погребальных) целях, что исключает массовый сбыт «бывшей в употреблении» продукции. Определённая часть жителей позднескифских городищ, несомненно, была родственная с культурами греческих богов, поскольку эллинизация сарматского населения, продвинувшегося с востока через Боспор, была достаточно высока. Близость к Херсонесу также предполагает влияние античной культуры.

Греческие граффити в виде посвящений и имён дедикантов (часто в сокращении), а также сарматские тамги (в т. ч. – простейшие) указывают на существовавшую практику нанесения имени (тамги) владельца приношения (посвящения). В качестве «посвящений», вероятно, трактовались и оттиски именных штампов на дне краснолаковой посуды вместе с тамгами (№ 13, 14). В целом, уровень грамотности был достаточно высоким, поскольку население Крымской Скифии было знакомо с греческой алфавитной системой счёта и римской метрологией (Соломоник. 1993. С. 102–116; 1995. С. 38–46).

На других варварских территориях Северного Причерноморья греческие граффити и сарматские тамги на краснолаковой посуде единичны (Соломоник. 1959. № 151, 152; 1984. № 37; Шилов. 1968. С. 316. Рис. 5; Шелов. 1972. С. 240; Артеменко, Левченко. 1983. Рис. 15), а по характеру нанесения надписей (как греческими буквами, так и в виде креста, рисунков и сарматских тамг) материалы Крымской Скифии наиболее близки находкам из слоя пожара середины I в. н.э. в боспорской крепости Артезиан (Винокуров. 2007. С. 190–199).

Литература

- Артеменко, Левченко. 1983 – *Артеменко И. И., Левченко Б. М.* Сарматское погребение у с. Баштечки Черкасской области // СА. 1983. № 2.
- Богданова. 1989 – *Богданова Н. А.* Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. Труды ГИМ. Вып. 70.
- Винокуров. 2007 – *Винокуров Н. И.* Находки культовых предметов в слое пожара первой половины I в. н.э. в боспорской крепости Артезиан // БФ. 2007. Ч. I.
- Граффити... 1978 – *Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах)*. К., 1978.
- Драчук. 1975 – *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. К., 1975.

- Журавлёв. 2001 – *Журавлёв Д. В.* Граффити на краснолаковой керамике из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма. 2001. Труды ГИМ. Вып. 118.
- Зубарь. 2002 – *Зубарь В. М.* Ещё раз по поводу позднескифской государственности // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
- Зубар, Савеля. 1989 – *Зубар В. М., Савеля О. Я.* Новый сарматский могильник другой половины I – початку II ст. н. е. в Південно-Західному Криму // Археологія. 1989. № 2.
- Крыкин. 1993 – *Крыкин С. М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993.
- Пуздровский. 1987 – *Пуздровский А. Е.* Погребение в амфоре на некрополе Неаполя Скифского // Материалы к этнической истории Крыма. К., 1987.
- Пуздровский. 1997 – *Пуздровский А. Е.* Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993–1995 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. I.
- Пуздровский. 2007 – *Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- Соломоник. 1959 – *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959.
- Соломоник. 1984 – *Соломоник Э. И.* Граффити с хоры Херсонеса. К., 1984.
- Соломонік. 1993 – *Соломонік Е.І.* Написи на кримських амфорах перших століть нашої ери // Археологія. 1993. № 2.
- Соломоник. 1995 – *Соломоник Э. И.* Две группы надписей на керамических сосудах из Крыма первых веков нашей эры // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
- Соломоник. 1996 – *Соломоник Э. И.* Глиняные урны с надписями из коллекции Херсонесского музея // Крымский музей. 1995–1996. Симферополь, 1996.
- Сымонович. 1983 – *Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства. К., 1983.
- Толстой. 1953 – *Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953.
- Труфанов. 2005 – *Труфанов А. А.* Исследования могильника у с. Брянское в 1995–1996 гг. // ХСб. 2005. Вып. XIV.
- Шелов. 1972 – *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
- Шилов. 1968 – *Шилов В. П.* Позднесарматское погребение у с. Старица // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- Яйленко. 1982 – *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М., 1982.
- Яценко. 2001 – *Яценко С. А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Яценко, Раев. 2001 – *Яценко С. А., Раев Б. А.* Плиты со скоплениями сарматских знаков из Танаиса в собрании Новочеркасского музея // БФ. 2001. Ч. II.

Е. В. Струкова, С. В. Ушаков

Херсонес Таврический на рубеже эр: археологические реалии

Основная канва истории «Херсонеса, что в Таврике» кажется сейчас написанной (напр., Херсонес Таврический... 2004). Правда, сделано это преимущественно на материалах письменных источников (в меньшей степени) и эпиграфики. Археологические материалы пока ещё не использованы в полном объёме – Херсонес не стал «реальностью археологической» (напр., Буйских. 2006). Сказанное касается многих проблем, среди которых: основание и становление одного важнейшего эллинского центра как одного из крупнейших «территориальных» государств Причерноморья, позднеантичный период в истории города и т. д.

Особый интерес вызывают т. н. переходные периоды, когда существенно менялась материальная и отчасти духовная культура, военно-политическая обстановка. Один из них – рубеж эр (I в. до н.э. – I в. н.э.).

Первое впечатление от археологических материалов херсонесского городища этого периода: во-первых, строительные остатки невыразительны или вовсе отсутствуют; во-вторых, археологические слои стратиграфически почти не фиксируются, за исключением небольших «линз». Массового материала, особенно в сравнении с предыдущим (эллинистическим) и последующим (первых веков нашей эры) временем немного⁹⁵. Такова археологическая, подчеркнём, ситуация в Таврическом Херсонесе.

Первоначально к такому заключению мы пришли на основании исследования одного квартала (ХСVII) в Северо-восточном районе города (Ушаков и др. 2010. Табл. 1), где строительные остатки рубежа эр вообще не были обнаружены и в слое встречались лишь единичные фрагменты амфор этого времени. Присутствовали они и в нижней части мешаного слоя в заполнениях двух цистерн и колодца. Аналогичная ситуация зафиксирована неподалёку, на месте будущей базилики «Крузе». В ходе систематических археологических работ, ведущихся с 2005 г., там были зафиксированы слои, строительные остатки и засыпанные колодцы эллинистического времени; в равной степени были представлены материалы первых веков нашей эры; зато к рубежу эр относились лишь единичные находки. Сходная картина и в Портовом районе города, по крайней мере, на месте т. н. Казармы (раскопки 1992–1998 гг.). Насколько можно судить по отчётам

⁹⁵ Исключение составляют помещение XVII и подвал с материалами I в. до н.э. – I в. н.э., раскопанные К. Э. Гриневичем в цитадели (Зубарь, Антонова. 2000. С. 48).

и опубликованным материалам, не сильно отличается в этом смысле и Северный район Херсонеса. Исследовавший его Г. Д. Белов не выделяет материалы этого периода (Белов. 1953. С. 70–76). Гибель эллинистических домов и начало возведения здесь новых зданий были отделены значительным промежутком времени – около столетия (Белов и др. 1953. С. 170–171).

Практически тоже самое мы видим на ближней хоре Херсонеса (Николаенко, 1988), где находки интересующего нас времени немногочисленны и число их начинает увеличиваться лишь со второй половины I в. н.э. Правда, сказанное в значительной степени является «научным фольклором» и сообщено авторам в ходе устных бесед. До сих пор большинство археологического материала из раскопок на Гераклеяском п-ове так и остаётся неопубликованным, не всегда доступны и отчёты о раскопках. Представленного материала немного. Так, Л. А. Ковалевская в ходе своих работ на усадьбах 343 и 344 («Близнецы»), 363 отмечает находки амфор типа Sin I, Sin II, Sin III и C I (по С. Ю. Внукову) (Ковалевская. 2010. С. 388, 393). По её заключению, усадьбы 363, а также 338 и 357 просуществовали до первой половины I в. н.э. и погибли в пожаре (Там же. С. 395).

В качестве примера памятников дальней хоры рассмотрим Прекрасную Гавань. Для рубежа эр В. Б. Уженцев выделял в Калос Лимене два стратиграфических и хронологических яруса – ярус «С» 2 (последнее десятилетие II в. – первая половина I в. до н.э.) и ярус «С» 3 (около середины I в. до н.э. – начало второй четверти I в. н.э.). Для первого из этих ярусов выявлены показательные керамические комплексы, представленные амфорами (Уженцев. 2006. С. 31. Рис. 81). До конца первой – начала второй четверти I в. до н.э. теперь уже скифский Калос Лимен переживает подъём, превращаясь в обширный населённый пункт с обилием керамического импорта (Там же. С. 131): в слоях разрушения второго яруса встречено достаточно много тарных, краснолаковых и лепных сосудов (Там же. С. 31. Рис. 82–84). Следующий хронологический период также представлен значительным количеством материалов (Там же. Рис. 85, 86)⁹⁶.

Возникает вопрос: чем же объясняется столь малое количество находок «переходной эпохи» в Херсонесе? Обычно наибольшее число находок дают т. н. слои разрушений. Однако фиксируемые в городе «слои разрушений» характерны скорее для средневекового Херсонеса, хотя и там встречаются не так часто. Следы строительной деятельности (выравнивание скалы, подсыпки, засыпи ставших ненужными колодцев и цистерн) «рубежной» эпохи также

⁹⁶ Керамического материала в позднескифских погребениях I (I в. до н.э. – первой трети/первой половины I в. н.э.) и II (25/50 – около 70-х гг. н.э.) групп захоронений (по А. А. Труфанову) пока ещё немного (Труфанов. 2009. С. 297–298).

нев्यразительны. Не фиксируется археологически и культурный слой этого периода.

Одновременно немногочисленные письменные источники и эпиграфика (представленная лучше) говорят о бурной политической деятельности и напряжённой военной обстановке и в Херсонесе, и в Крыму, и в Причерноморье в целом (рис. 1. 1). Хорошо известна римско-боспорская война 40-х гг. I в. н.э. (*Tac. Ann.* XII, 15–21; Зубарь. 1994. С. 19). Казалось бы можно констатировать отсутствие прямого соответствия между археологическими и письменными источниками. Однако, возможно, археологические материалы именно этого времени пока ещё просто недостаточно изучены. Исследования некоторых авторов начали восполнять эту лакуну (см. напр., Внуков. 2003; 2006).

Можно констатировать прекращение херсонесского производства амфор и столовой посуды со второй половины II в. до н.э. (Монахов. 1989. С. 94) и глубокий (хотя и временный) кризис винодельческого производства и запустение хоры. Похоже, что южнопонтийские центры керамического производства в это время в своем экспорте скорее ориентируются на поздних скифов, а позднее – на Боспор, нежели на Херсонес (Внуков. 2006. С. 260 сл.) (рис. 1. 2).

Несомненно, существовавшей ранее системы черноморского (и восточно-средиземноморского?) экономического и культурного единства IV–III вв. к рубежу эр уже нет, как и единого греческого мира. В послемитридатовское время Южное и Восточное Причерноморье становится ареной боевых действий и многие греческие центры разрушаются (Внуков. 2006. С. 218–221). Экспорт их продукции сокращается. На Востоке (античного мира) всё больше проявляется экспансия Рима, однако с началом правления Августа военнополитическая обстановка здесь стабилизируется. В регионе начинается кардинальная «перестройка» всей экономической системы. Внешнеторговые связи Херсонеса с прежними партнерами к этому времени если не прекратились совсем, то значительно ослабли и видоизменились.

Изменился не только античный мир (один из структурно образующих семи миров – Щукин. 1994. С. 15–30), изменился и мир варваров – на смену «классическим» скифам приходят сарматы и скифы «поздние». В итоге, в сфере как политики, так и экономики перестраивается вся система взаимодействия «нового» античного мира, теперь уже «римского», с новым миром варваров, что отразилось и на характере материальной культуры Херсонеса, как и всего региона в целом.

В связи со всем сказанным хотелось бы подчеркнуть, что перед полевой археологией Херсонеса стоит задача специального выделения хронологических пластов и материалов «переходного» периода,

в результате чего и ответы на возникающие вопросы могли бы стать более определёнными.

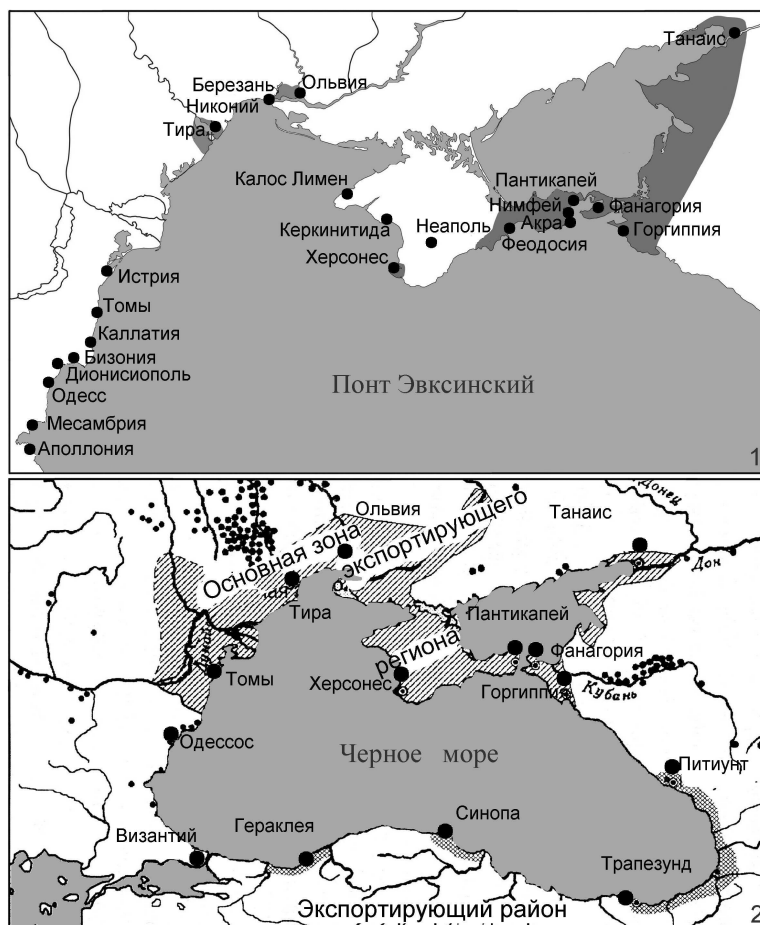

Рис. 1. 1 – Западное и Северное Причерноморье на рубеже эр (по В. В. Дорошко);
2 – распространение находок понтийских амфор римского времени в Причерноморье
(по: Внуков. 2003)

Литература

- Белов. 1953 – Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса (по новейшим раскопкам) // МИА. 1953. № 34.
Белов и др. 1953 – Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XXVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // Там же.

- Буйских. 2006 – *Буйских А. В.* Херсонес Таврический в VI в. до н.э.: реальность историческая или археологическая? // АМА. 2006. Вып. 12.
- Внуков. 2003 – *Внуков С. Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М., 2003.
- Внуков. 2006 – *Внуков С. Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб., 2006.
- Зубарь. 1994 – *Зубарь В. М.* Херсонес и Римская империя. К., 1994.
- Зубарь, Антонова. 2001 – *Зубарь В. М., Антонова И. А.* О времени и обстоятельствах возникновения так называемой цитадели Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.
- Ковалевская. 2010 – *Ковалевская Л. А.* Сельские усадьбы Херсонеса Таврического в римское время. Итоги исследований украинско-польской экспедиции // БИ. 2010. Вып. XXIII.
- Монахов. 1989 – *Монахов С. Ю.* Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Саратов, 1989.
- Николаенко. 1988 – Николаенко Г. М. Херсонесская округа в I в. до н.э. – IV в. н.э. (по материалам Гераклейского полуострова) // Античные древности Северного Причерноморья. К., 1988.
- Труфанов. 2009 – Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Полевой дневник: римское время. STRATUMplus. 2005–2009. № 4.
- Уженцев. 2006 – *Уженцев В. Б.* Эллины и варвары Прекрасной Гавани. Симферополь, 2006.
- Ушаков и др. 2010 – *Ушаков С. В., Макаев И. И., Струкова Е. В.* Цистерны и колодцы античного и византийского города: конструкция, комплексы находок и хронология (на примере ХСVII квартала Северо-восточного квартала Херсонеса) // Судейский сборник. К.; Судак, 2010. Вып. IV.
- Щукин. 1994 – *Щукин М. Б.* На рубеже эр. СПб., 1994.
- Херсонес Таврический... 2004 – Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э.: Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.

Е. Я. Туровский

**Об отношениях Боспора и Херсонеса
во второй половине I в. до н.э. – первой половине I в. н.э.
по нумизматическим данным**

Предваряя основное содержание доклада, хочу отметить, что означенный период в истории как Боспора, так и Херсонеса в равной степени недостаточно освещён письменными источниками и предоставляет большое поле для разнообразных домыслов и спекуляций. Поскольку письменные источники освещают политические события эпохи в регионе крайне поверхностно и недостаточно, сильно возрастает ценность разнообразных косвенных свидетельств, и прежде всего данных нумизматики.

Время после гибели Митридата – одно из самых тёмных в истории города. После поражения Митридата в его борьбе с Римом и гибели царя Херсонес оказался в зависимости от боспорских правителей. Об этой зависимости есть строгое указание у Страбона, не доверять которому нет оснований: «С тех пор (от Митридата Евпатора. – *Е. Т.*) и до настоящего времени город херсонесцев подчинен властителям Боспора». Представляется, что формы этой зависимости при различных правителях и в различные годы значительно отличались – от формального признания симмахии и патроната боспорских властителей над городом до кабальных отношений, связанных с налоговым гнѐтом и политическими обязательствами. При этом, в любом случае, думается, что полностью независимость город не терял никогда.

Первым правителем после Митридата на Боспоре был его сын Фарнак. Существуют разные точки зрения относительно степени зависимости Херсонеса от этого царя. Согласно одной точке зрения, первоначально Фарнак, чтобы не вызывать подозрений Рима (тогда в лице Помпея), согласился с элевтерией Фанагории и фактически номинальной зависимостью от него Херсонеса (Кадеев. 1979. С. 58–60; 1981. С. 12–16). Согласно другой точке зрения, город оставался под властью Фарнака в том же объѐме, что и при Митридате (Зубарь. 1994. С. 12). Согласно третьей, чекан херсонеситами своей монеты при Фарнаке свидетельствует о некоторых элементах полисной автономии под властью Боспора (Дьяков. 1940. С. 74; Голубцова. 1951. С. 58; Сапрыкин. 2002. С. 25).

Обратимся непосредственно к херсонесскому выпуску, который большинство исследователей связывают с годами правления царя Фарнака (63–47 гг. до н.э.). Это крупная медная монета (обол) с изображением мужской головы и Девы с копьем и луком (Анохин. 1977. № 199). Это одни из наиболее редких из монет Херсонеса, до сих пор известно не более пяти экземпляров, один из которых впервые издал А. В. Орешников. На лицевой стороне монеты изображена мужская голова с явно портретными чертами, в которой А. В. Орешников (1913. С. 36. Рис. 12; 1922. С. 235) и вслед за ним А. Н. Зограф (1922. С. 337) видели портрет одного из членов дома Митридата VI. Правда, А. В. Орешников усматривал в персонаже на монете черты сына Митридата VI – Ариарата IX, царя Каппадокии. К. В. Голенко полагал, что на херсонесских оболах изображен Асандр (Голенко. 1962. С. 55). Однако, на мой взгляд, наиболее оправдано видеть в данном персонаже всё-таки именно царя Фарнака. Асандр, как известно, не был потомком Митридата Евпатора, а мужской портрет на херсонесских монетах имеет явные черты сходства с великим царем. Именно ко времени Фарнака относит выпуск оболов В. А. Анохин, который при этом воздерживается от точной идентификации портрета, лишь в одном месте указывая – голова (Фарнака?) (Анохин. 1977. С. 60).

Следует остановиться и на надчеканке «звезда-полумесяц», неизменно присутствующей на этих херсонесских оболых. Согласно сложившимся в историографии представлениям эти контрамарки были проставлены на монетах во времена правления царицы Динамии (Анохин. 1963. С. 16; 1977. С. 60–61). Именно этот родовой знак понтийской царской фамилии присутствует на золотых статерах боспорской царицы (Фролова. 1997. Табл. Ша. № 12). К. В. Голенко датировал надчеканку первыми годами правления Асандра (Голенко. 1962. С. 53). Хочу отметить, что все аргументы в пользу таких датировок достаточно неоднозначны, херсонесские надчеканки наносились в самом городе, а не на Боспоре. Надчеканки одной из эмблем царской династии могли производиться в Херсонесе и во времена Фарнака, законного наследника Митридата, имевшего все права на царскую ахеменидскую эмблему. Чрезвычайная редкость оболых с портретом Фарнака предполагает, очевидно, что они были изъяты из обращения. Произойти это изъятие могло как во времена 1-й элевтерии, так и в первые годы правления Асандра.

Смерть Фарнака, разбитого солдатами Цезаря, на короткое время вернула Херсонесу независимость. А. В. Орешников выдвинул гипотезу, принятую другими исследователями, что за разгромом Фарнака последовала «первая элевтерия», которую город получил от Цезаря в 45 г. до н.э. (Орешников. 1922). Свобода (по-гречески элевтерия) явилась плодом долгих дипломатических усилий Херсонеса. Вероятно, что получение элевтерии было связано с посольством в Рим к Цезарю, которое возглавлял Г. Юлий Сатир, сын Феагена (IOSPE. P. 691). По мнению Ю. Г. Виноградова, этот человек имел римское гражданство и одновременно был гражданином Гераклеи Понтийской, у которой в те времена были особенно доверительные отношения с Римом. В результате ходатайства граждан херсонесской метрополии перед Цезарем городу была дарована элевтерия, которая, вероятно, была оформлена в виде договора (foedus). В результате, город на время освободился от боспорской зависимости (Виноградов. 1997. С. 20; Ростовцев. 1917. С. 1–3; Анохин. 1977. С. 74; Кадеев. 1981. С. 14; Зубарь. 1994. С. 13). Очевидно, с получением элевтерии в городе был восстановлен политический режим, существовавший там до его подчинения Митридату. Возвращение прежней независимой жизни было воспринято жителями Херсонеса с восторгом. Около этого года был осуществлен выпуск, запечатлевший столь славное событие в истории полиса. Это выпуск медных оболых, имеющих две разновидности: первая имеет надпись ΕΛΕΥΘΕ ΧΕΡΣΟΝΗΣ, изображение бодающего быка на лицевой стороне и Деву, поражающую лань, а также монограмму ΠΑΡ на оборотной; вторая представлена монетами с теми же типами, меняющимися местами: на лицевой стороне Дева с ланью и надпись ΧΕΡΣ ΕΛΕΥ, на оборотной – бык и имя ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΟΥ (Рис. 1. 1).

Рис. 1. Монеты Херсонеса времени первой элевтерии:

1 – с личным именем в легенде; 2 – с удалённым личным именем

На оболе второй разновидности в последний раз в монетной практике Херсонеса в легенде монеты появляется личное имя. Думается, что сам этот монетный выпуск был наполнен для херсонеситов глубоким символизмом и смыслом: типы аверса и реверса дают два наиболее популярных сюжета полисных монет эпохи независимости, которые, очевидно, выступали в качестве городских символов Херсонеса. Интересно, что на целом ряде подобных монет из их легенды с помощью напильника (его следы хорошо видны под слоем патины) удалено личное имя ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΟΥ (Рис. 1. 2). Кем же был этот Аполлонид? Почему он вызывал такую ненависть, очевидно, у представителей новых городских властей или, возможно, присланных в город представителей боспорского правителя, мы не знаем. Можно только констатировать этот факт. Причём, чаще всего на монетах с удалённым в древности именем ту часть легенды, где речь шла о свободе Херсонеса, не трогали. Очевидно, что Аполлонид не был обычным монетным магистратом, которые контролировали выпуск монеты в Херсонесе в домитридатовскую эпоху. К сожалению, ближе Аполлонид нам неизвестен. Можно только гадать был он тираном, предводителем антибоспорской оппозиции, первым архонтом или ещё кем-то иным. Однако в любом случае, свою важную роль на определённом этапе херсонесской истории он сыграл, коль скоро был удостоен такого способа политической мести, как удаление имени из легенды монет.

Считается, что период первой элевтерии не был продолжительным. Однако о том, сколько времени он длился, судить тяжело. Можно предполагать, что он не ограничивался тремя – четырьмя годами, как полагает В. А. Анохин, выпуски монет имеют все признаки эволюции от полновесных монет с весьма качественными штемпелями в сторону их весовой и стилистической деградации. Считается, что Август не подтвердил полученный от Цезаря статус Херсонеса как свободного города, и он вновь был отдан под контроль Боспора. Была ли это инициатива Августа или политика боспорского узурпатора Асандра, который военным путём или путём политических интриг и заговоров внутри Херсонеса, установил над городом

свой контроль – тоже вопрос. Однако говорить о полной утрате Херсонесом независимости, наверное, не стоит. По крайней мере, монетной регалии город никто не лишал. Выпуски осуществляются, хотя и достаточно нерегулярно. Ко временам Асандра и его ближайших приемников относится ряд медных выпусков, на лицевой стороне которых в одном случае изображение головы Девы (Анохин. 1977. № 202), во всех остальных – голова бородатого мужчины (Там же. № 203–207). По мнению В.А. Анохина, изображение принадлежит Зевсу (Там же. С. 148). Две монеты из названных (№ 204, 205) действительно близки к каноническим изображениям божества; изображения на других, напротив, больше напоминают индивидуальные портреты, а длинноволосые прически очень похожи на прически боспорских царей (№ 206, 207). Однако ни Асандр, ни Аспург бороды не носили, возможно, это изображение Котиса I или Митридата II, но, скорее, всё-таки Митридата III (39–45 гг. н.э.). В этом случае факт такого изображения указывает на подчинённое состояние Херсонеса Боспору.

Нужно сказать, что рассматриваемый исторический этап во многом покрыт пеленой неизвестности не только для Херсонеса, но и для Боспора. В период от поражения Фарнака при Зеле в 47 г. до н.э. до начала междоусобной войны сыновей Аспурга в 45 г. н.э., как в своеобразном калейдоскопе, правители и правительницы сменяли друг друга на боспорском престоле: Асандр, Митридат Пергамский, Динамия, Скрибоний, Полемон I, Пифодорида, Аспург, Гипепирия, Полемон II, Митридат II, Котис I. Для многих из этих правителей точно неизвестны даже годы их правления (Виноградов. 1992. С. 130).

В начале правления Клавдия (41–54 гг. н.э.) в нумизматике Херсонеса прочно утверждается новый тип изображения – стилизованный портрет римского императора. Подчеркнём, что художественный уровень изображений штемпелей монет во времена близкие к рубежу двух эр в Херсонесе весьма невысок. Однако черты императоров династии Юлиев-Клавдиев, такие как высокая шея легко угадываются даже в этих весьма несовершенных произведениях. Мнение о том, что на монетах второй группы изображено городское божество – Херсонас, основано на недоразумении, поскольку это божества, упомянутое в декрете в честь Диофанта, имеет женскую природу, а на монетах явно мужские портреты (Сидоренко. 2001. С. 436–453.). Возможно, такие перемены в монетной типологии маркируют и перемены в политическом положении города, его устремленность к свободе под эгидой Рима.

В Херсонесе где-то около середины второй половины I в. до н.э. происходит два важнейших события. Первое – изменение общественного строя. Реальным отражением этого факта стало изменение формул декретов, которые стали приниматься не от лица номофилаков

и диоикета, а от лица проэдров. Это обстоятельство, по мнению большинства специалистов, свидетельствует об изменении характера политического режима, вероятно, от умеренно-демократического к аристократическому. Это мнение подтверждает большое число эпиграфических памятников римского времени, где ведущие административные должности из поколения в поколение занимают представители наиболее знатных херсонесских родов.

С изменением политического режима примерно совпадает и второе выдающееся событие – введение городской эры. На мой взгляд, не представляется слишком смелым связать эти два события. Быть может, аристократы, утвердившиеся у власти, решили ознаменовать это выдающееся, на их взгляд, событие введением нового городского летоисчисления. При этом вызывает удивление, что обозначение дат херсонесской эры на монетах начинается спустя более полувека, а на декретах – ещё позднее. Объяснить такое положение можно, скорее всего, политическими обстоятельствами, а именно зависимостью города от Боспора. Обозначение на монетах или официальных надписях дат по городской эре, по-видимому, было бы слишком явной демонстрацией стремления к полной независимости, чего херсонесские чиновники, управлявшие городом, стремились избегать. Напротив, появление таких дат на городских монетах с большой степенью вероятности свидетельствует об изменении статуса города и его отношении к Боспору в годы правления императора Клавдия.

Малоизвестный факт в нумизматике Херсонеса: появление датированных выпусков в Херсонесе началось не с золотых и медных монет, как считалось ранее, а с серебряных. Известно два выпуска серебряных монет, чеканенных, по-видимому, по стандарту римских денариев (обе монеты уникальные). Эти выпуски не прижились в обращении и вскоре, по-видимому, были из него изъяты. На одном из этих херсонесских денариев, по мнению В. А. Сидоренко, обозначен год херсонесской эры (42 или 43 г. н.э. = 66 или 67 г. х.э.). Серебряные монеты можно считать переходным звеном к монетам с датами (Сидоренко. 2001. С. 436–453).

В заключение отмечу, что возможности нумизматических источников для реконструкции многих недоуменных вопросов истории Херсонеса, особенно в контексте его взаимоотношений с Боспором и Римом, до конца не исчерпаны и будут ещё долго новыми своими гранями проливать свет на тёмные страницы истории.

Литература

- Анохин. 1977 – *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). К., 1977.
Виноградов. 1992 – *Виноградов Ю. Г.* Херсонес, Боспор и Рим // ВДИ. 1992. № 3.
Виноградов. 1997 – *Виноградов Ю. Г.* Цезарь, Херсонес и Боспор // Херсонес в античном мире: Историко-археологический аспект. Севастополь, 1997.

- Голенко. 1962 – *Голенко К. В.* К датировке некоторых монет Херсонеса // НЭ. 1962. III.
- Голубцова. 1951 – *Голубцова Е. С.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже н.э. М., 1951.
- Дьяков. 1940 – *Дьяков В. Н.* Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. 1940. № 3–4.
- Зограф. 1922 – *Зограф А. Н.* Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики // Известия РАИМК. 1922. Т. II.
- Зубарь. 1994 – *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерк военно-политической истории. К., 1994.
- Кадеев. 1979 – *Кадеев В. И.* Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 1979. № 2.
- Кадеев. 1981 – *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первые века н.э. Харьков, 1981.
- Орешников. 1913 – *Орешников А. В.* Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского // Нумизматический сборник. М., 1913. Т. II.
- Орешников. 1917 – *Орешников А. В.* Херсонас, божество Херсонеса Таврического // Известия ИАК. 1918. Вып. 65.
- Орешников. 1922 – *Орешников А. В.* Олицетворение общины Херсонеса Таврического на монетах // Известия РАИМК. 1922. Т. II.
- Ростовцев. 1917 – *Ростовцев М. И.* Цезарь и Херсонес // Известия ИАК. 1917. Вып. 63.
- Сапрыкин. 2002 – *Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
- Сидоренко 2001 – *Сидоренко В. А.* Золотая монетная чеканка Херсонеса I–II вв. н.э. // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
- Фролова 1997 – *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора. М., 1997. Ч. I.

А. А. Филиппенко

О римских войсках в Таврике в свете археологических открытий последних лет

Основные исторические вопросы о взаимоотношениях Рима Херсонеса и Боспора, о характере и масштабах римского присутствия, о роли римских военных и многие другие, были поставлены основоположником изучения римских древностей на юге России, выдающимся русским учёным М. И. Ростовцевым и не потеряли актуальности до настоящего времени. Взгляды на различные стороны жизни римских военнотружущих в Северном Причерноморье сформулированы в трудах Т. Сарновского, В. М. Зубаря и др. Несмотря на ограниченность и скупость информативных реалий, большинство выводов и заключений обросли канвой различных исторических реконструкций, содержащих всевозможные оговорки, допуски и домыслы. Это в значительной степени касается привлечения памятников эпиграфики, имеющих неоднозначное прочтение, датировку и интерпретацию.

За последние два десятка лет появился ряд эпиграфических находок, связанных с деятельностью римских войск в Северном Причерноморье и в Таврике и обогативших наше представление о тех событиях. Часть материалов была опубликована или представлена на научных форумах. В настоящей работе мы рассмотрим ряд спорных вопросов.

Основными местами находок последнего десятилетия прошлого века и первого десятилетия нынешнего стали вновь открытые пункты римских войск вблизи от Херсонеса – Кадыковское городище (Taurogum civitas Placia), пост на высоте Казацкой и др. Эпизодически продолжались и раскопки Ай-Тодорского укрепления и городища Алма-Кермен, расположенных в отдалении от полиса. Важнейшими из них стали латинские надписи строительного и посвятельного характера, надписи на надгробиях. Целая группа надписей происходит из раскопок здания храма. Они неоднократно опубликованы (Сарновский, Савеля. 2000), но требуют некоторых разъяснений, уточнений и дополнительного анализа. Остановимся на некоторых из них. Строительная надпись с лицевой стены храма (Рис. 1), фрагмент надписи алтаря Геркулесу, надпись на фасаде постамента статуи Геркулеса, посвящение Юпитеру Лучшему Величайшему Долихену на торцевой грани жертвенного стола с маскаронами выполнены одним и тем же резчиком. На постаменте и столе совпадает имя дедиканта – Новия Ульпиана. Строительная надпись начинается так же, как и на торце стола, посвящением I. O. M. Dolicheno. В 1997 г. в кладке одной из стен, был обнаружен вторично использованный фрагмент посвящения Геркулесу от имени Vexillatio excercitus... (sic! – А. Ф.). Такое прочтение надписи стало весомым подтверждением справедливости чтения клейм типа VEMI и VEM как V(exillatio) E(xcercitus) M(oesia) I(nferior), предложенного Т. Сарновским. Абсолютно логично, на наш взгляд, считать центуриона I Италийского легиона Новия Ульпиана не только воссоздателем храма в Кадыковке, что следует из надписей, но также непосредственным руководителем строительства и иных, связанных со строительством работ. Вероятно, под наблюдением этого человека производились строительные керамические материалы. Надписи из храма позволили предположить новую дешифровку клейм Opus Nov, и связать изготовление черепиц с такими клеймами с деятельностью этого офицера. На наш взгляд, Новый Ульпиан мог иметь отношение ко всему производству черепиц и кирпича солдатами вексилляции, обозначавшими выпускаемую продукцию штампом с аббревиатурой наименования своего воинского подразделения – VEMI. Это могло бы быть безоговорочно принято, если следовать восстановлению второй строки строительной надписи из храма, предложенному авторами, опубликовавшими весь комплекс.

Рис. 1. Кадыковское городище.

Строительная надпись со стены храма Юпитера Долихена и Геркулеса

Палеография и другие особенности четырёх надписей, ряд перекрёстных совпадений имён и наименований, в т. ч. имени военного трибуна Антония Валента на постаменте статуи и фрагментированном алтаре Геркулесу, позволили с уверенностью отнести их к одному периоду – времени между 139 и 161 гг., и связать с деятельностью одних и тех же людей. Во второй строке надписи после *vexillat(io)* и разделительного знака, по их мнению, следует *exercitus*. В отличие от надписи на фрагменте алтаря: *Herculi sacr(um) sub cur(a) Ant(onii) Val(entis) trib(uni) milit(um) vexill(atio) exerc(itus)...*, которую можно дополнить как *M(oesia) i(nferior) etc.*, где *exercitus* прописано в сокращении, восстановление этого слова в строительной надписи невозможно. Плита, скорее всего, была вмонтирована в стену храма перед входом в помещение А. Основной фрагмент надписи был найден лежащим среди развала стен здания лицевой частью вниз. Условия находки позволяют утверждать, что упав при обрушении стены на лицевую сторону, он находился на месте падения до момента его обнаружения. Рядом был также обнаружен кусок известняковой колонны от конструкции одного из антов, при разрушении здания упавшей в северном направлении. К сожалению только один из четырёх камней с надписями был обнаружен на месте установки – постамент статуи Геркулеса, занимавший дальнюю левую часть целлы храма. Он был установлен на полу, а в последующее время в процессе функционирования комплекса оказался частично погребён, как говорится, врос в землю. Такое положение было зафиксировано и для ножек столов, расположенных в два ряда вдоль

длинных стен помещения святилища. Всё это свидетельствует о сложной строительной истории комплекса. Но вернёмся к надписям.

Сразу после находки и промывки плиты водой на месте было очевидно, что прорези букв были заполнены красной краской, выделявшей их на белом фоне камня. Тогда же были проведены тщательные обмеры и прорисовки надписей. Сделанные наблюдения, к сожалению, остались без внимания, хотя уже тогда не возникало сомнений в том, что после знака разделения, на грани скола табулы видна верхняя часть гасты знака или начальной буквы следующего слова. Характерный небольшой наклон и отсутствие разрыва в верхней части апекса гасты, сравнение с другими буквами надписи позволили заключить, что после разделителя могут быть восстановлены исключительно буква L или цифра I, в меньшей степени – буква H, которая не имеет характерного незначительного наклона гасты вправо. Вот другой вариант восстановления надписи:

I(ovi) o(ptimo) m(aximo) Doliche[no]
 vexillat(io) [leg(ionis) I Ital(icae) M(oesia)] *varia lectio: I*
Ital(icae) Moes(ia)
 inf(erioris) quae est [in Tauricae] *in Placia etc.*
 sub cur(a) [Ant(onii Valen)]
 tis trib(uni) [milit(um) leg(ionis) I Ital(icae)]
 templ(u)[m a solo res]
 titui(t) [per Novium]
 Ulpi(a) [n (=centurionem) leg(ionem) I Ital(icae)] *leg(ionem) eiusd(em)*

На *eiusd(em)* (того же. – *A. Ф.*) оканчиваются надпись на постаменте статуи Геркулеса и ещё одна надпись из раскопок храма, вероятно висевшая также при входе в целлу.

Периодизация и хронология строительной истории храма Юпитера Долихена и Геркулеса требуют отдельного разбирательства и не являются целью настоящей работы. Здесь мы попробуем уточнить время создания этих надписей. Как уже отмечалось, эти четыре надписи одновременны, изготовлены одним резчиком и взаимно дополняют друг друга. На постаменте статуи Геркулеса указаны соправители Антонин Пий август и Марк Аврелий цезарь, что само по себе датирует эту надпись между 139 г. (начало их соправления) и 161 г. (умер Антонин Пий, Марк Аврелий стал августом с 7 марта – Цезарь Марк Аврелий Антонин Август). Однако напомним, что в надписи указана следующая титулатура – Антонин (Пий) август и Марк Аврелий цезарь и уточним, что Марк Аврелий был объявлен цезарем 5 декабря, а в 140 г. стал первый раз консулом совместно с Антонином Пием. Они носили титулатуру: император Антонин Пий и Марк Элий Аврелий Вер цезарь. Второй раз они совместно стали консулами в 145 г. и стали титуловаться: император Антонин Пий и Марк Аврелий Цезарь. На наш взгляд, нижнюю датировку памятников

стоит отнести к этому времени. В дальнейшем их титулатуры изменялись. В 150–151 гг. Антонин Пий вновь ненадолго вернулся к полному титулу, что нашло отражение в легенде на монетах и в надписях. Таким образом, если прописанный циркуляр при исполнении надписей неукоснительно выполнялся, мы можем достаточно уверенно датировать наши надписи периодом между 145 и 150 гг. и 151 и 161 гг., когда титулы императоров звучали соответствующе.

Из Кадыковки происходит надгробие Юлия Валента, кавалериста алы Атеторигианы, где есть аббревиатура AER. На надгробии солдата I Сугамбрской ветеранской когорты из Херсонеса Гая Юлия Валеса читаем AERES. В публикациях надписи по поводу термина высказывались различные предположения относительно вариантов его значения. На самом деле AER(ES), AEREDES = HERES, HEREDES – наследник. Надгробие солдата когорты *Sugambrogum veteranorum I* происходит с западного участка херсонесского некрополя. Недавно в музей был передан уникальный поясной набор римского армейского образца, который по легенде находился в одной могильной яме с плитой. Как бы там ни было, эта находка сама по себе заслуживает отдельного рассмотрения (см. статью В. Дорошко в настоящем сборнике). К слову, благодаря фондовым и архивным изысканиями, проводимым В. Дорошко, Д. Костромичёвым и другими исследователями в последние годы, в научный оборот были введены различные металлические детали римского вооружения и амуниции.

Интересные наблюдения о составе херсонесской вексилляции можно провести, проанализировав данные о размещении подразделений в самой провинции Нижняя Мёзия. Подмечено, что военнослужащие из всех вспомогательных частей были равномерно распределены между местами назначения. Они находились в оперативном подчинении офицеров легиона. Состав вексилляции Херсонеса имел аналогичную структуру. Есть вероятность на основании перекрестного сравнения дополнить к херсонесским частям наименования подразделений, которые пока не известны в Херсонесе, но упоминаются в пунктах Нижней Мёзии с тем же составом подразделений, что и в Херсонесе.

В последнее время из разных источников появились сведения о находках латинских надписей, бюстов и рельефов. Эти данные противоречивы и требуют проверки. Укажем, что с участка Девичьей горы происходит нижняя часть надгробия римского солдата, из Карантинной бухты – мужской бюст с посвящением I. O. M., из Кадыковки – бюст с женским портретным изображением. К сожалению, для работы доступ к этим материалам в настоящее время практически невозможен. В лучшем случае имеются фотографии, не всегда желаемого качества.

Раскопки Кадыковского городища и поста на Козацкой дали новые латинские клейма на черепицах: VEM, CAI, CLAq и др. Наши наблюдения позволили связать между собой клеймо из Тиры – LEG ▼ I ▼ IT ▼ LEG / V ▼ M ▼ LEG XI CL / ETAVX ▼ S ▼ AT ▼ P > ▼ L ▼ I ▼ I (подобно по форме и содержанию клеймо из Харакса PER LAC > / LEG I IT PRAEP / VEX MOES INF) с деятельностью Аттилия Примиана. Эти наблюдения дают возможность проследить *corsus honoium* этого офицера, известного нам из переписки по поводу проституционной подати, от центуриона тирской вексилляции до военного трибуна, возглавлявшего херсонесскую вексилляцию и возможно все римские войска в Таврике (Филиппенко. В печати).

Литература

- Сарновский, Савеля. 2000 – *Сарновский Т., Савеля О. Я.* Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долхена. Варшава, 2000.
- Филиппенко. В печати – *Филиппенко А. А.* К дешифровке клейм на керамических строительных материалах римских воинских мастерских Северного Причерноморья. (В печати).

В. В. Дорошко

Пояс солдата I Сугамбрской когорты из Херсонеса

В археологии Северного Причерноморья очень редко удается определить имя владельца той или иной вещи. Чаще всего это возможно, когда имя хозяина присутствует на самом предмете. Реже – когда вещь обнаружена в погребении, над которым *in situ* находилась плита с именем погребённого. Именно о таком случае и пойдет речь.

В марте 2011 г. в фонды Херсонесского музея поступили детали римского поясного набора (Рис. 1), которые передал научный сотрудник НЗ ХТ А. А. Филиппенко⁹⁷. По легенде информатора, вещи были найдены в одном комплексе вместе с надгробной плитой солдата I Сугамбрской когорты в 1995 г. на участке западного некрополя. Тогда в музей была передана сама плита, пояс же поступил только сейчас, после смерти находчика. О контексте находки можно будет сказать только после исследования места обнаружения плиты.

Справедливости ради следует сказать, что это не первое погребение римского военнoслужашего, где *in situ* была обнаружена стела над погребением. В 1907 г. так был обнаружен надгробный памятник Марка Антония Валента, солдата II Луцензиевой когорты. Плита лежала поверх черепиц, покрывавших вырубленную в скале могилу № 2389 с трупосожжением (Архив НЗ ХТ. Д. 36. Л. 3).

⁹⁷ Выражаю благодарность А. А. Филиппенко за возможность опубликовать находку.

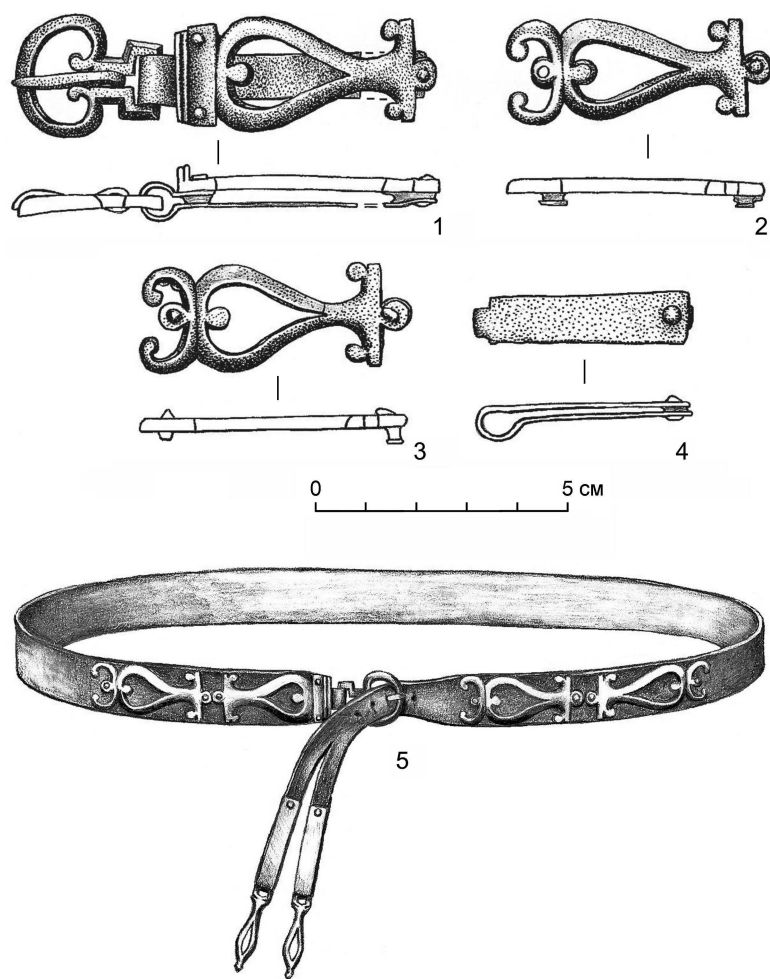

Рис. 1

Следует отметить, что детали римской воинской экипировки – сравнительно редкая категория находок в Северном Причерноморье. И если информация находчика верна, то уж тем более уникальным случаем следует считать определение имени хозяина подобных вещей. Из текста эпитафии известно, что им был Гай Юлий Валент, солдат I Сугамбрской ветеранской когорты, из центурии Павлини (Туровский, Филиппенко. 1996. С. 141).

В наборе сохранились четыре вещи: пряжка с прикрепленным щитком, две поясные накладки и основание для подвешивания

поясного наконечника. Пряжка (Рис. 1. 1) имеет овальную рамку, украшенную двумя завитками, и прямоугольный выступ для крепления щитка. Между ними находится ось, к которой крепится язычок, изготовленный из прямоугольной в сечении проволоки. Прорезной щиток изготовлен в технике *opus integrasile*. Основная часть имеет каплевидную форму с вырезом. Окончание оформлено в виде двух завитков с поперечной планкой и округлым выступом, через который продета клёпка. Со стороны пряжки располагается трапециевидный выступ, украшенный двумя валиками. Снизу, в соответствии с формой этого выступа, двумя клёпками крепится основание пластины, которая продевается длинным выступом шириной в 1 см через пряжку и на самом конце её фиксируется клёпкой, продетой через окончание щитка пряжки.

Полностью повторяют форму щитка две поясные накладки (Рис. 1. 2–3), которые вместо трапециевидного выступа имеют пельтавидное украшение и посередине – округлый выступ-ушко для клёпки.

Последняя деталь в наборе – основание поясного наконечника (Рис. 1. 4), изготовлена из тонкой пластины, сложенной вдвое. Сама подвеска, по всей видимости, была утрачена ещё в древности. Возможно тогда же была утрачена и вторая подвеска с основанием. Весьма вероятно, что в состав набора входила и третья поясная накладка, которая создавала симметрию расположения пластин (Рис. 1. 5).

Из технических особенностей следует отметить, что все пластины изготовлены в разных литейных формах. Судя по разной форме шляпок заклёпок, пояс чинили. Сам пояс имел небольшую толщину – около 2–2,5 мм. От него остались небольшие фрагменты, сохранившиеся рядом с заклёпками.

Круг аналогий имеет обширную географию. Схожие по форме поясные накладки и щитки пряжек находили в местах дислокации римских войск: Dura-Europos (James. 2004. Fig. 38, 79), Schirenhof (Oldenstein. 1977. Nr. 242), Saalburg (Oldenstein. 1977. Nr. 825), а наиболее точные аналогии – из лагеря Zugmantel (Oldenstein. 1977. Nr. 824) и из самого Херсонеса (Костромичёв. 2006. С. 64. Рис. 10, 1). К сожалению, среди перечисленных вещей нет точно датированных по контексту обнаружения и все они суммарно относятся ко времени второй половины II – первой половины III в.

Пряжка из публикуемого набора имеет многочисленные аналогии как в Северном Причерноморье, так и почти на всей территории римского пограничья (см.: Трейстер. 2000. С. 118; Труфанов. 2004. С. 167–168), которые датируются II – началом III в. Небезынтересно сравнить публикуемый поясной набор с другим, найденным там же, на западном некрополе Херсонеса, и датированным также II – началом III в. (Костромичёв. 2004. С. 101–105. Рис. 8). И хотя на первый взгляд пояса покажутся разными, тем не менее у них почти одинаковые

пряжки, также как и способ их крепления к щитку. Схожей по форме с поясными накладками является фигурная пластина из второго набора. Кроме перечисленного, оба пояса имели раздваивающиеся концы ремней.

Таким образом, можно заключить, что публикуемый поясной набор следует датировать второй половиной II – началом III в. В несколько более узких пределах было датировано надгробие Гая Юлия Валента – второй половиной II в. (Туровский, Филиппенко. 1996. С. 142). Трудно представить, чтобы массивная надгробная плита с латинской эпитафией могла оказаться на месте другого погребения, где бы находился римский поясной набор и при этом не противоречили датировки.

Как уже было отмечено, погребение с деталями римского военного костюма на территории западного некрополя не является единственным. Ещё К. Э. Гриневич и В. И. Кадеев полагали, что помимо т. н. цитадели, римские военнослужащие располагались и у западных оборонительных стен (Кадеев. 1981. С. 28; Гриневич. 1959. С. 95). Картография находок, связанных с пребыванием римских военнослужащих в Херсонесе, подтверждает это предположение. На прилегающих к указанным районам участках некрополя были найдены как надгробия с латинскими эпитафиями, так и погребения с римскими военными вещами. В 1910 г. у западных оборонительных стен были найдены два захоронения римских военнослужащих (Костромичёв. 2004. С. 107). Кроме этого, там же, в склепах были найдены ещё две вещи (Костромичёв. 2006. С. 111, 123), к ним следует добавить и две неопубликованные пряжки.

Здесь же были найдены надгробные памятники с латинским эпитафиями (стела Аврелия Виктора, солдата I Италийского легиона (Соломоник. 1983. № 20) и фрагмент надгробия дочери Антония Прокула из облицовки 5-й куртины (Соломоник. 1983. № 24).

Несмотря на слабую изученность района городища возле его юго-западных оборонительных стен, здесь также были обнаружены вещи, доказывающие присутствие здесь римских военнослужащих. В этой части городища результате раскопок Р. Х. Лепера в 1909 г., К. Э. Гриневича в 1929 г. и В. А. Кутайсова в 1978 г. найдены пять черепичных латинских клейм с аббревиатурами VEM I (3 шт.) и VEX LE XI (2 шт.), а также четыре предмета, относящиеся к римской военной амуниции⁹⁸.

Несомненно, что место обнаружения надгробной стелы Гая Юлия Валента необходимо обследовать и тогда, возможно, будут получены новые сведения о погребении римского военнослужащего.

⁹⁸ Материал готовится к публикации.

Литература

- Гриневич. 1959 – *Гриневич К. Э.* Стены Херсонеса Таврического. Часть III // ХСб. 1959. Вып. V.
- Кадеев. 1981 – *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первые века н.э. Харьков, 1981.
- Костромичёв. 2004 – *Костромичёв Д. А.* Три погребения римских солдат из некрополя Херсонеса // МАИЭТ. 2004. Вып. XI.
- Костромичёв. 2006 – *Костромичёв Д. А.* Римское военное снаряжение из Херсонеса // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
- Соломоник. 1983 – *Соломоник Э. И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.
- Трейстер. 2000 – *Трейстер М. Ю.* Местные подражания деталям римского военного костюма на Боспоре // РА. 2000. № 3.
- Труфанов. 2004 – *Труфанов А. А.* Пряжки ранних провинциально римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 3.
- Туровский, Филиппенко 1996 – *Туровский Е. Я., Филиппенко А. А.* Новое надгробие римского солдата из некрополя Херсонеса Таврического // Археология. 1996. № 2.
- James. 2004 – *James S.* Excavations at Dura Europos: Final Report VII: Arms and Armour and other Military Equipment. L., 2004.
- Oldenstein. 1977 – *Oldenstein J.* Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten: Studien zu Beschlägen und Zierat an der Ausrüstung der römischen Auxiliareinheiten des obergermanisch-raetischen Limesgebietes aus dem zweiten und dritten Jahrhundert n. Chr. // Bericht der Römisch-Germanische Kommission. 1977. Bd. 57.

С. В. Ушаков

**Херсонес Таврический на рубеже эпох
(конец IV – первая половина V в.): экономика и культура**

Близился к окончанию IV век. Одна эпоха заканчивалась, чтобы дать дорогу новой. В итоге у каждого из античных центров Северного Причерноморья складывалась своя судьба: «счастливая» Ольвия более не возродилась (Крапивина. 1993. С. 6, 157), Боспор катился к закату (Болгов. 1996), будущее Херсонеса было неясно – римские легионы его окончательно покинули (Зубарь. 2004. С. 211, 212, 223), к стенам подступали новые волны варварских племён.

Как правило, учёные не проявляли большого интереса к античному Херсонесу этого времени. Обычно свои труды они заканчивали IV в. (напр., Кадеев. 1970). Традиция эта несколько была поколеблена в последние годы. Работами В. М. Зубаря, С. Б. Сорочана (Зубарь, Сорочан. 1998), А. В. Сазанова рамки античной эпохи применительно к Херсонесу и Северному Причерноморью оказались раздвинуты, но конкретных исследований о времени позднее IV в. всё-таки немного. Однако обозначить основные вехи и выявить проблемы уже можно.

Оставим пока в стороне государственное устройство – источников по этой проблеме не так много и они требуют специального анализа. Обратимся к материальным свидетельствам жизни города – они позволяют более определённо говорить об архитектуре того времени. Хотя оборонительные стены и перестраивались (Гриневич. 1927; Якобсон. 1959. С. 114, 115; Самойленко. 2011), они стояли на прежнем месте – город занимал ту же территорию. Однако строительные остатки жилых домов и производственных комплексов в целом столь невыразительны, что позволяют говорить только о некоторых из них – таких, как здание «Казармы» в Портовом районе, которое пусть и с существенными перестройками, но продолжает функционировать. А также ещё несколько зданий, атрибуированных как латрина, зернохранилище, термы в южном районе и цитадели (Рис. 1. А-2, А-4; Буйских. 2008. С. 216–226).

Отдельно нужно сказать о городских винодельнях. Так, например, «дом винодела» (Рис. 1. А-3) теперь перестраивается в склад, где в пифосах хранится соленая рыба (Белов. 1952. С. 232). Своё существование прекращает и винодельня в III квартале (Рис. 1. А-6) (Ушаков, Струкова. 2008. С. 154). Пифоссарий винодельни в ХСVII квартале демонтируется в начале второй четверти V в. (Рис. 1. А-5; Ушаков, Струкова. В печати). Случайно ли это? Новые исследования позволяют утверждать, что нет.

Хорошо известно, что в позднеклассическое и эллинистическое время экономика Херсонеса базировалась на товарном производстве вина, которое дополнялось выращиванием злаков на дальней хоре в Северо-Западном Крыму. В первые века нашей эры владения Херсонеса распространялись только на его ближнюю хору, но и этого до поры было достаточно для более-менее сносной жизни: экспорт вина по-прежнему приносил значительный доход (Сорочан. 1997. С. 112–113). Правда, винодельни теперь стали располагаться в городе, и, если они все прекратили своё существование, то произошло нечто серьёзное.

Меняется характер материальной культуры, по крайней мере, тот аспект, который может оценить археология. Именно с середины – конца IV в. (или чуть позже), распространяются новые типы амфор, ставшие широко известными в Причерноморье: Делакеу (Рис. 2. 7, 8), с перехватом (Рис. 2. 9), «Газа» (Рис. 2. 6), тонкостенные «самосские» (Рис. 2. 10, 11), с рифлением стенок типа «набегающая волна» (Рис. 2. 2–4) и др. Одновременно появляются и новые типы краснолаковой посуды: понтийской позднеримской группы (Рис. 2. 21–23, 26–30), фокейской сигилляты (Рис. 2. 18–20, 24). Есть и керамика североафриканского происхождения, хотя её относительно немного. Подходит к концу цикл бытования херсонесской (Ушаков. 2004. С. 293) сигилляты (Рис. 2. 33–38). Новые формы стеклянных сосудов также широко распространяются именно с этого времени (Голофаст. 2001).

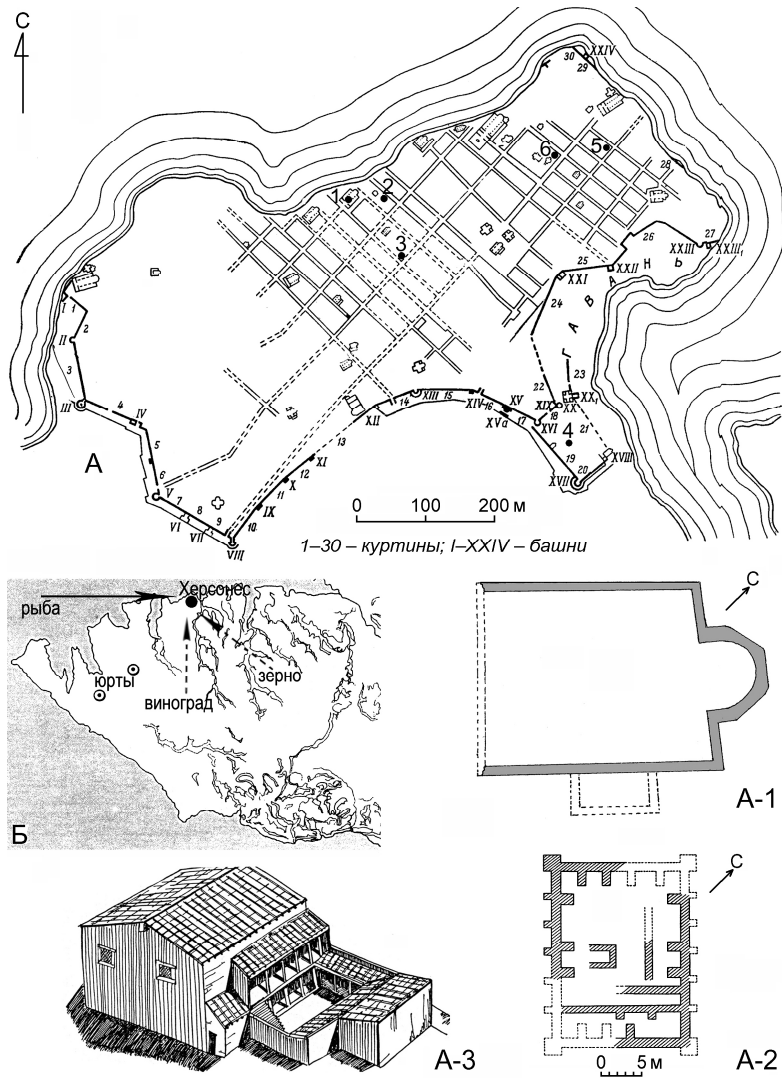

Рис. 1. Херсонес Таврический в конце IV – первой половине V в. А – схематический план Херсонеса (по: Якобсон. 1959) и некоторые комплексы этого времени: 1 – базилика V в. (№ I; «Базилика 1935 г.»; по: Коробков. 2001); 2 – зернохранилище; 3 – «дом винодела»; 4 – термы в цитадели; 5 – винодельня в ХСVII квартале; 6 – винодельня в III квартале. Б. Гераклейский полуостров, экономическая ситуация

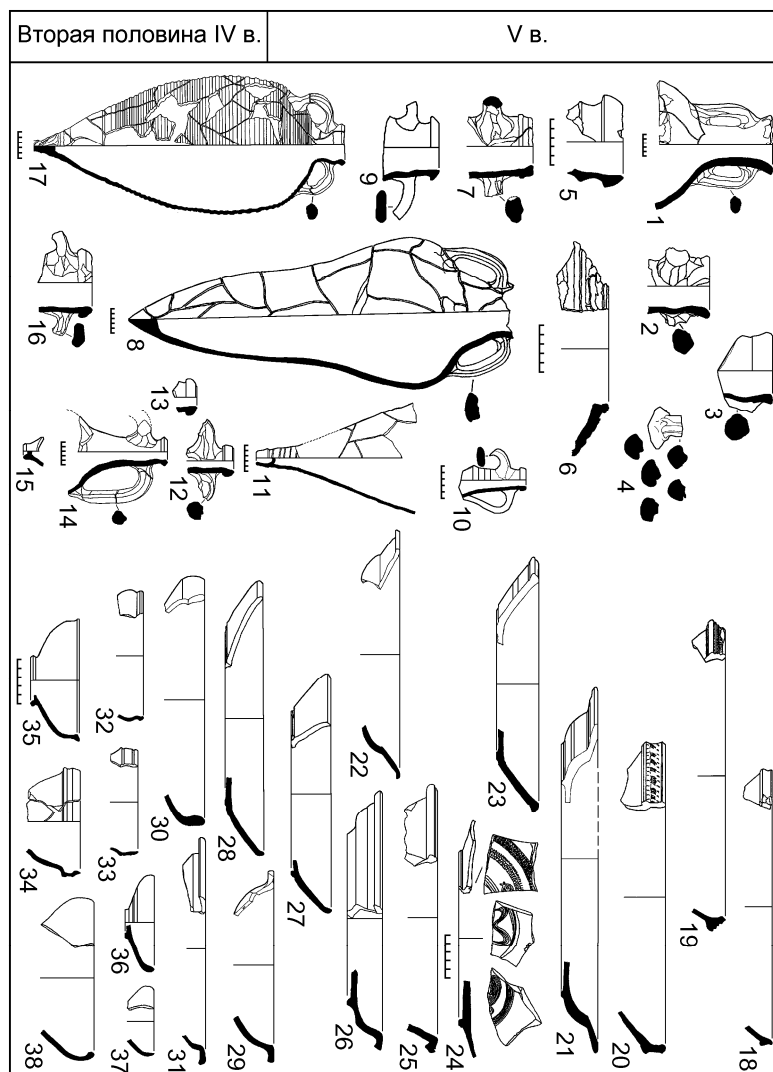

Рис. 2. Амфоры и краснолаковая керамика Херсонеса ранневизантийского времени (по материалам Северо-восточного района)

Смена материальной культуры хорошо видна по итогам многолетних масштабных раскопок в Северо-восточном районе Херсонеса (кв. I–III, ХСVII, С, базилика Крузе), в Портовом районе («Казарма»), у базилики 1935 г., а также в других районах города (Сазанов. 1999. С. 226–230; Голофаст, Рыжов. 2000). Предварительный анализ

находок позволяет заключить, что экономические связи Херсонеса в значительной степени замыкаются на бассейн Чёрного моря – восточно-средиземноморской и североафриканской керамики относительно немного.

В это время начинает складываться свой «византийский мир», а Херсонес, превращаясь в Херсон, постепенно становится его составной неотъемлемой частью. Это помогает, в свою очередь, противостоять новым волнам варваров, которые заселяют долины Юго-Западного Крыма и постепенно перенимают новую (христианскую) веру. Гунны утверждают не только на дальних подступах к этой части полуострова, но и зимуют в глубине ближней херсонесской хоры (Зубарь. 2004. С. 215–216, 224).

Этно-конфессиональная ситуация в городе тоже не проста: в преимущественно эллинском «языческом» море существует иудейский островок со своей синагогой в Северном городском районе (Оверман и др. 1997). Небольшая христианская община конца IV – начала V в. (Виноградов. 2010) получает новый импульс в связи с экспедицией Капитона, и иудейская синагога перестраивается (Коробков. 2001) в пока единственно известный христианский храм – базилику V в. (Рис. 1. А-1). Другие христианские храмы появляются, по всей видимости, не ранее эпохи Юстиниана I. В частности, последние археологические раскопки комплекса базилики № 7 («Крузе») позволяют утверждать это уже определённо (Ушаков. В печати).

О масштабных перестройках в городе можно судить не столько по строительным остаткам или слоям разрушений, сколько по засыпанным колодцам и водосборным цистернам (Голофаст, Рыжов. 2000; Ушаков и др. 2006). Зато в большом количестве продолжают строиться новые рыбозасолочные цистерны (Кадеев. 1970. С. 11–15; Суров. 1948). Ясно, что экономическая «парадигма» в это время меняется окончательно следующим образом: место товарного виноделия замещает масштабное производство солёной рыбы (распространяемое ещё с первых веков нашей эры), которое не столько кормит горожан, сколько, наряду с посреднической торговлей и развитием ремёсел, начинает приносить основной доход городу и его жителям (Рис. 1Б).

Что же касается идеи континуитета материальной и духовной культуры, то применительно к Херсонесу он очень неполон. С середины/конца IV – начала V в. идёт кардинальная смена керамического (шире – вещевого) комплекса (Рис. 2), затем начинают строиться новые культовые (христианские) комплексы, что отражает и смену культуры духовной. Впрочем, в рамках самого переходного периода, который длился примерно до середины VI в., относительная преемственность основных элементов культуры наблюдается. Но именно эта переходная эпоха и создала условия для плавной «византинизации»

когда-то одного из крупнейших центров античной культуры в Причерноморье.

В итоге можно заключить, что этот период ознаменовался в археологическом смысле хорошо документированными и всё возрастающими разнообразными материалами. В результате материальная и духовная культура Херсонеса (Херсона) как и Восточной Римской империи (Византии) постепенно трансформировалась в нечто новое, что было связано как с глубинными изменениями в самом позднеантичном мире, так и в системе его взаимодействия с окружающим миром варваров.

Литература

- Белов. 1952 – *Белов Г. Д.* Херсонесские винодельни // ВДИ. 1952. № 2.
- Болгов. 2006 – *Болгов Н. Н.* Закат античного Боспора. Белгород, 2006.
- Буйских. 2008 – *Буйских А. В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008.
- Виноградов. 2010 – *Виноградов А. Ю.* «Миновала уже зима языческого безумия...» Церкви и Церкви Херсона в IV в. по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010.
- Голофаст. 2001 – *Голофаст Л. А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
- Голофаст, Рыжов. 2000 – *Голофаст Л. А., Рыжов С. Г.* Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X Б в Северном районе Херсонеса // ПИФК. 2000. Вып. IX.
- Гриневич. 1927 – *Гриневич К. Э.* Стены Херсонеса Таврического // ХСб. 1927. Вып. II.
- Зубарь. 2004 – *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. К., 2004.
- Зубарь, Сорочан. 1999 – *Зубарь В. М., Сорочан С. Б.* О положении Херсона в конце V–VI в.: политический и экономический аспекты // ХСб. 1999. Вып. IX.
- Кадеев. 1970 – *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Харьков, 1970.
- Коробков. 2001 – *Коробков Д. Ю.* Об особенностях планировки здания позднеантичной синагоги в Херсонесе // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001.
- Крапивина. 1993 – *Крапивина В. В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. К., 1993.
- Оверман и др. 1997 – *Оверман Э., Макленнан Р., Золотарёв М. И.* К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археология. 1997. № 1.
- Сазанов. 1999 – *Сазанов А. В.* Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V в. // ПИФК. 1999. Вып. VII.
- Самойленко. 2011 – *Самойленко В. Г.* Новые данные о крепостном строительстве Херсонеса (по материалам работ на 19 куртине) // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск V (II). Серия А. Античность и Средневековье: Избранные материалы VIII Междунар. науч. конф. «Лазаревские чтения». Севастополь, 2011.

- Сорочан. 1997 – *Сорочан С. Б.* Об экспортных возможностях херсонесского виноделия // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект: Тез. докл. междунар. конф. Севастополь, 1997.
- Суров. 1948 – *Суров Е. Г.* Херсонесские цистерны // Учёные записки Свердловского государственного педагогического института. Свердловск, 1948. Вып. 3.
- Ушаков. 2004 – *Ушаков С. В.* Херсонесская сигиллята (к постановке проблемы) // ХСб. 2004. Вып. XIII.
- Ушаков. В печати – *Ушаков С. В.* Базилика «Крузе» в Херсонесе: основные итоги исследований. (В печати).
- Ушаков и др. 2006 – *Ушаков С. В., Дорошко В. В., Кропотов С. И., Макаев И. И., Струкова Е. В.* Керамический комплекс засыпи цистерны V–VI вв. в ХСVII квартале Херсонеса (предварительная информация) // ХСб. 2006. Вып. XV.
- Ушаков, Струкова. 2008 – *Ушаков С. В., Струкова Е. В.* Позднеантичный винодельческий комплекс в Северо-восточном районе Херсонеса (III квартал) // Кондаковские чтения-II. Белгород, 2008.
- Ушаков, Струкова. В печати – *Ушаков С. В., Струкова Е. В.* О дате прекращения работы винодельческого комплекса в ХСVII квартале Херсонеса. (В печати).
- Якобсон. 1959 – *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. 1959. МИА. № 63.

IV СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Д. А. Мачинский

Время основания поселения Борисфен на острове Березань и древнейшие этапы освоения эллинами северных берегов Понта

Посвящается Людмиле Копейкиной (1941–1981)⁹⁹

Но не волна размочит сушу
Твою, мой Остров. Каждый раз
Ты уменьшаешься на душу
Со смертью одного из нас...

Д. Б. Беленький. 2000

В истории человечества были периоды и события, которые на тысячелетия вперёд определяли её магистральное направление. Таким событием является эллинская колонизация Средиземноморья VIII–VI вв. до н.э., заложившая основы Европейской цивилизации и, в частности, колонизация в VII–VI вв. до н.э.¹⁰⁰ Северного Причерноморья, приведшая к возникновению особого мира Европейской Скифии (позже – Европейской Сарматии), порождением коей являются в конечном счёте Русь, Россия и Украина. Посему следует пытаться максимально точно определить территориально-хронологические параметры, этапы, причины и обстоятельства этого явления.

Не являясь специалистом в том круге проблем, который очерчен заголовком статьи, считаю необходимым в сжатой форме заострить внимание специалистов на некоторых из них.

Дата основания Борисфена содержится в ряде рукописей, восходящих в этом к «Хронике Евсевия». Ю. Г. Виноградов в вопросе «о датах в разных рукописях» отсылает читателя к книге В. В. Латышева (Виноградов. 1983; Латышев. 1887), который как наиболее вероятную принимает 4-й г. 33-й ол. (т. е. 645/4 г.). Эту же дату принимает и Л. В. Копейкина (1982). При этом обычно не замечают, что тот же Латышев в 1890 г. уже принимает дату 1-й г. 34 ол. (644/3 г.) по другой рукописи (SC. I. 670–671). Ю. Г. Виноградов с соавторами принял дату 2-й г. 33 ол. (647/6 г.), даваемую большинством рукописей (Виноградов и др. 1990). Если суммировать даты почти всех

⁹⁹ В 2011 г. исполнилось 70 лет со дня рождения и 30 лет со дня ухода Людмилы Владимировны Копейкиной, посвятившей жизнь раскопкам и изучению материалов Борисфена-Березани.

¹⁰⁰ Далее «до н.э.» опускается.

рукописей, то основание Борисфена по Евсевию следует помещать в диапазоне 649–643 гг. Ещё в одной рукописи «основание городов Аканфа, Стагиры, Истра, Лампсака, Абдер и Борисфена приписано между прочими историческими событиями к периоду времени от 4-го г. 30 ол. до 3-го г. 31 ол. (657–654 до Р. Х.)». Исходя из этого, «основание Борисфена поставлено под 3-м г. 31 ол.» (Латышев. 1887), т. е. под 655/4 г.

Основание Истрии по Евсевию обычно относят к 657/6 г., В. В. Латышев относит его к 656/5 г. Даты основания Борисфена и Истрии, территориально ближайшего к нему полиса в Понте, хронологически максимально сближены – разница около 10 лет, а в последней упомянутой рукописи – не более 3 лет. Судя по археологическим материалам (учитывая материалы и расположенного рядом с Истрией поселения Orgame), они возникли практически одновременно. Немаловажно, что в сообщении Евсевия (по крайней мере в рукописях, использованных В. В. Латышевым) Истрия, в отличие от Борисфена, названа полисом, что не акцентируется исследователями¹⁰¹. Возможно, это говорит об отличии первоначального статуса двух поселений, о характере их взаимной соотносённости.

В юриспруденции всем опытом Европейской цивилизации выработан принцип «презюмции невиновности» подсудимого. Так же и в историковедении следует исходить из принципа «презюмции достоверности» источника. И нужно собрать серьёзные доказательства, чтобы иметь право ставить под сомнение достоверность его сообщений. В отношении Евсевия вся письменная античная традиция не даёт никаких оснований сомневаться в точности его взаимосвязанных сообщений об основании Истрии и Борисфена.

Обычно с сообщением Евсевия об основании Борисфена сопоставляют свидетельство Псевдо-Скимна о том, что полис Ольвия, позднее переименованный в Борисфен, был основан милетянами «во время мидийского владычества». Но, во-первых, это сообщение относится к Ольвии, а не к древнейшему Борисфену-Березани, во-вторых, хронологический диапазон «мидийского владычества» (начало VII – середина VI в.) таков, что не даёт сколько-нибудь значимого временного репера. Ввиду теснейшей территориальной и хронологической соотносённости оснований Истра и Борисфена, куда более информативно свидетельство Псевдо-Скимна об основании Истрии: «Полис Истрос, получивший название от реки. Этот полис основали милетяне, когда перешло в Азию войско скифов, преследовавшее киммерийцев от Боспора» (*Ps.-Skymn. 767–773*). Как известно

¹⁰¹ Отметим одно исключение: «Определение Борисфена как *civitas* в сирийской версии “Хроники” Евсевия, разумеется, ничего не даёт, ибо это лишь эмендация позднеантичного времени, поясняющая читателю, что такое Борисфен» (Яйленко. 1982. С. 266).

из восточных источников, киммерийцы впервые фиксируются у границ Урарту в последней четверти VIII в., а скифы появились у северных границ Ассирии в 670-х гг. Серьёзные военные успехи киммерийцев имеют место лишь в 670-х гг., когда они занимают господствующее положение в северо-восточной части Малой Азии. Однако первое появление киммерийцев близ Урарту, а возможно, и первое вторжение их в Малую Азию происходили за пределами тогдашнего географического и политического кругозора эллинов. Определённые сведения о вторжении киммерийцев (а за ними позднее и скифов) в Лидию, Ионию и Эолию греки получают начиная с 660-х гг. Стих поэта Каллина, сообщающий о нападении киммерийцев, ныне относят к 644 г. (Тохтасев. 1993). Таким образом, и Псевдо-Скимн в общих чертах подтверждает дату основания Истрии, а следовательно, и дату основанного чуть позднее Борисфена по Евсевию, помещая их в диапазоне 670/660–640/630-х гг., т. е. не позже третьей четверти VII в. Данные Псевдо-Скимна об основании и Истрии, и Борисфена именно милетянами подтверждаются целым рядом античных источников. Существенно, что, судя по свидетельству Псевдо-Скимна, древнегреческая историко-географическая традиция связывала основание Истрии и Борисфена со временем вскоре после ухода киммерийцев из Северного Причерноморья и замещения их здесь скифами. Исходя из вышеизложенного, уход киммерийцев отсюда следует относить либо ко времени не позднее 720-х гг., либо (что менее вероятно) к началу VII в. Создаётся впечатление, что эллины ещё до основания колоний знали о доминировании киммерийцев в Северо-Западном Причерноморье до изгнания их скифами.

Суммирование прямых данных Евсевия и косвенных Псевдо-Скимна позволяет уверенно помещать основание Борисфена между 650 и 630 гг.

Лишь начиная с 1920 г. ряд исследователей начал склоняться к тому, что древнейший Борисфен VII в. – это не Ольвия, а поселение на острове Березань (Bilabel. 1920 и др.). Но только в 1970–1986 гг. это положение, равно как и дата основания по Евсевию, получают, благодаря статьям Л. В. Копейкиной, обоснованное подтверждение в археологическом материале Березани: она выявляет целую серию фрагментов греческих сосудов, датируемых третьей четвертью VII в. Л. В. Копейкина глубоко любила Борисфен-Березань и осознавала его историческую уникальность. Она была призвана дать «археологическую плоть» древнейшему периоду существования Борисфена и успела это сделать за свою короткую 40-летнюю жизнь. Но она работала в ту эпоху, когда непосредственные контакты с Западом были затруднены и поэтому не могла ни в достаточной мере пользоваться консультациями лучших исследователей, знающих «вживе» архаическую керамику Ионии, ни сама изучать её в музеях и на раскопках.

Поэтому некоторые её датировки ныне представляются не вполне точными и несколько удревнёнными. Однако даже её нынешний оппонент С. Л. Соловьёв, автор новой даты возникновения постоянно-го поселения на Березани (ок. 610–600 гг. «по Соловьёву») признаёт наличие здесь «нескольких десятков» фрагментов керамики третьей четверти VII в. и значительно большего количества в пределах второй половины VII в. (Соловьёв. 2005. С. 14, 16).

Чрезвычайно важное значение для нахождения «археологических соответствий» дате основания Борисфена «по Евсевию» имело хорошо аргументированное датирование Л. В. Копейкиной «плоской ойнохой» из скифского погребения в кургане Темир-Гора 640–630 гг. (Копейкина. 1972; 1986). Эта дата для сосудов такого типа принята и ныне – 650–630 гг. (Kerschner, Schlotzhauer. 2005.). Как бы в ответ на точное определение даты ойнохой из Темир-Горы, на Березани в 1975 г. были найдены крупные фрагменты такой же ойнохой. Всё, что мы знаем об этой ойнохое, сообщено Л. В. Копейкиной: «Фрагменты ойнохой, расписанной в том же стиле, что и ойнохоя из Темир-Горы, были найдены в 1975 г. на участке О (АБ75-448, 572) – хранятся в Киеве» (Копейкина. 1981. С. 196, прим. 9). О том, где именно (в каком сооружении или в культурном слое, в каких квадратах, на какой глубине) были найдены эти бесценные фрагменты Л. В. Копейкина, видимо, не смогла узнать. Год спустя она даёт подробное описание всей росписи этой ойнохой, датирует её третьей четвертью VII в. и, объединяя её с другими находками близкого времени, заключает: «Это массовый материал, который позволяет уверенно говорить о слое VII в. до н.э. на Березани <...> Во второй половине VII в. поселение активно функционировало». Подобная керамика на Березани «это не только предмет торговли, но прежде всего это керамическая продукция, которая изготовлялась в метрополиях и привозилась оттуда переселенцами, использовавшими её в быту» (Копейкина. 1982. С. 31). Наконец, она приходит к выводу, что ойнохой из Темир-Горы и Березани происходят из одной мастерской (Копейкина. 1986). Позднее никто не изучал и не публиковал ойнохою из Березани.

Поражает абсолютное совпадение даты этих ойнохой и даты основания Борисфена по письменным источникам (650–630 гг.).

Подобные и синхронные им сосуды неоднократно встречены в курганах и на городищах Скифии (связанных речными и сухопутными путями с Борисфеном и его окрестностями) и число их умножается (Рис. 2)¹⁰². Уже одно это говорит о широко развитых торговых и политических связях Борисфена с варварской периферией не

¹⁰² Приношу глубокую благодарность Ю. И. Ильиной и М. Ю. Вахтиной за чрезвычайно ценные консультации.

позднее 630–625 гг. А подобного уровня торгово-политические связи свидетельствуют о существовании постоянного организованного коллектива жителей Борисфена (т. е. протополиса или стационарного эмпория), поскольку невозможно представить, чтобы греки на весь зимний сезон уезжали отсюда и бросали на произвол всё завезённое и построенное. Действительно, каких-либо сооружений ранее самого конца VII в. до н.э. пока не обнаружено, но это естественно при бурном строительстве в последующее время, разрушающем древнейшие сооружения, при поглощении прибрежной части острова морем и т. д.

Необходимо продолжить начатую Л. В. Копейкиной работу по каталогизации всех фрагментов керамики VII в. из Березани, хранящихся в разных музеях, произвести точное (насколько возможно) картирование этих находок с указанием сооружений и глубинных отметок культурного слоя, где они были найдены. Не окажется ли, что большинство наиболее ранних фрагментов керамики происходят с северо-восточного побережья острова (участки Г и О), где логично локализовать гавань и древнейшее поселение? Только после проведения такой работы появится право говорить о полном подтверждении или уточнении с позиций археологии пока единственно достоверной даты основания Борисфена по Евсевию и Псевдо-Скимну.

С. Л. Соловьёв, возглавлявший (вместе с Я. В. Доманским) Березанскую экспедицию после преждевременного ухода из жизни Л. В. Копейкиной, пошёл по пути радикального омоложения древнейшего постоянного поселения на Березани, не проявляя должного внимания к письменным источникам и игнорируя древнейшие пласты археологических материалов, обнаруженных как на Березани, так и на путях, ведущих к ней и от неё. В его монографии о Березани, среди множества фотографий сосудов и их фрагментов нет ни одной фотографии фрагментов, датируемых VII в. (Solovyov. 1999). Нет фрагментов VII в. – нет и проблемы? Неким резюме построений С. Л. Соловьёва является вводная статья к каталогу выставки «Борисфен-Березань» в Эрмитаже. На первой же странице этого сочинения встречаем категоричное утверждение, что именно от Евсевия «мы также узнали, что метрополией Борисфена был Милет» (Соловьёв. 2005. С. 6). У Евсевия подобные сведения начисто отсутствуют, а об основании Борисфена и Ольвии милетянами мы узнаём от Геродота, Псевдо-Скимна, Страбона и др., а никак не от Евсевия. При таком невнимании к основополагающему источнику, что можно ждать от дальнейших построений С. Л. Соловьёва?

На следующей странице узнаём, что лишь «со второй половины VII в. до н.э.» греки начали интересоваться Северным Причерноморьем, что также не соответствует ни письменным, ни археологическим источникам. Далее, сначала сообщается, что возникновение

постоянного поселения на Березани не выходит «за рамки последней четверти VII в. до н.э.», а затем уточняется, что это произошло «в последнем десятилетии VII в. до н.э.» (Там же. С. 16), что и является окончательной датой «по Соловьёву» (610–600 гг.). Походя говорится, что дата Евсевия «вступает в непримиримое противоречие с археологическими данными» (Там же. С. 13), под которыми С. Л. Соловьёв понимает лишь датировку древнейших могил и жилищ на Березани. Но в реальности появление археологически уловимого хронологического горизонта древнейших могил должно отстоять от времени возникновения поселения лет на 20, что уводит нас в конец третьей четверти VII в.; кроме того, некрополь находится у самого края постоянно разрушающегося берега... Что касается следов стационарной жизни, то древнейшими её свидетелями выступают две медеплавильные мастерские, открытые на северо-востоке острова (раскоп О) и возникшие в конце VII в. По мнению авторов публикации, сырьё для выплавки березанской меди поступало из Карпато-Дунайского бассейна, а сама медь в основном предназначалась для вывоза в метрополию – в Милет (Доманский, Марченко. 2007). Но для установления такой дальней цепочки налаженных торгово-производственных связей (Карпаты–Березань–Милет) требуется определённое время и постоянное проживание эллинов на Березани в период, предшествующий концу VII в.

В предыдущем «Боспорском феномене» опубликована остропроблемная статья (Мачинский, Мусбахова. 2009), серьёзные отклики на которую нам пока не известны. Поэтому в краткой форме напомним и разовью некоторые её положения и выводы, которые подробно будут изложены и аргументированы в других наших статьях.

Древнейшим отголоском знакомства эллинов с Северо-Западным Причерноморьем, в особенности с районом Днепро-Бугского лимана, является рассказ в «Одиссее» о посещении Одиссеем преддверья Аида, рядом с которым автор поэмы помещает «окутанных мглой и тучами» киммерийцев (Od. XI. 12–19). Наиболее важным для нас эпизодом представляется встреча Одиссея с тенью Ахилла. Одиссей говорит ему: «Раньше мы, аргивяне, тебя живого чтили наравне с богами <...> Теперь же ты мощно властвуешь над мёртвыми, находясь здесь» (Od. XI. 484–486). Учитывая наиболее вероятную дату древнейшей устной и письменной фиксации «Одиссеи», а также локализацию киммерийцев у преддверья Аида, заключаем, что эти тексты отражают знакомство эллинов с Северо-Западным Причерноморьем не позднее второй половины VIII в. Обращённый к Ахиллу стих «ты мощно властвуешь над мёртвыми, находясь здесь» (т. е. в Аиде, расположенном в земле киммерийцев) поразительно перекликается со стихом Алкея (ок. рубежа VII–VI вв.): «Ахилл, ты, который властвуешь над Скифией» (SC. I. С. 195, 321). Если Алкей на Лесбосе

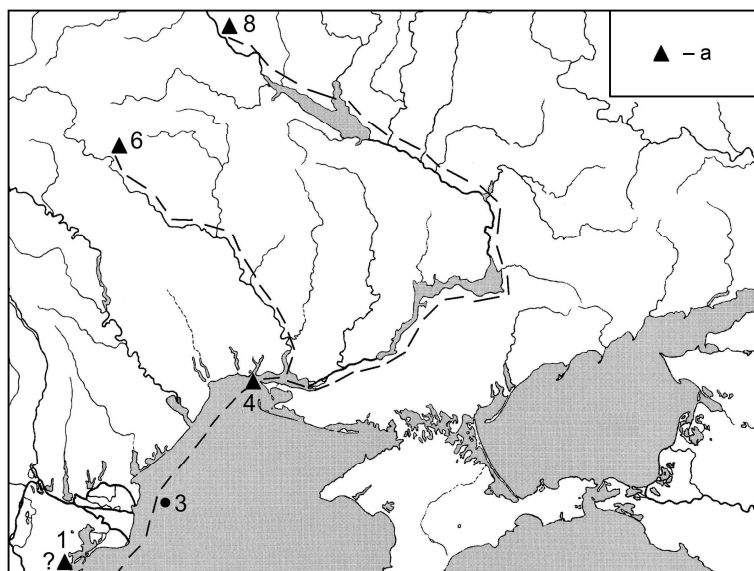

Рис. 1. Греческие сосуды конца VIII – середины VII в. до н.э. и пути их распространения в Северном Причерноморье: а – фрагменты сосудов конца VIII – середины VII в. до н.э.

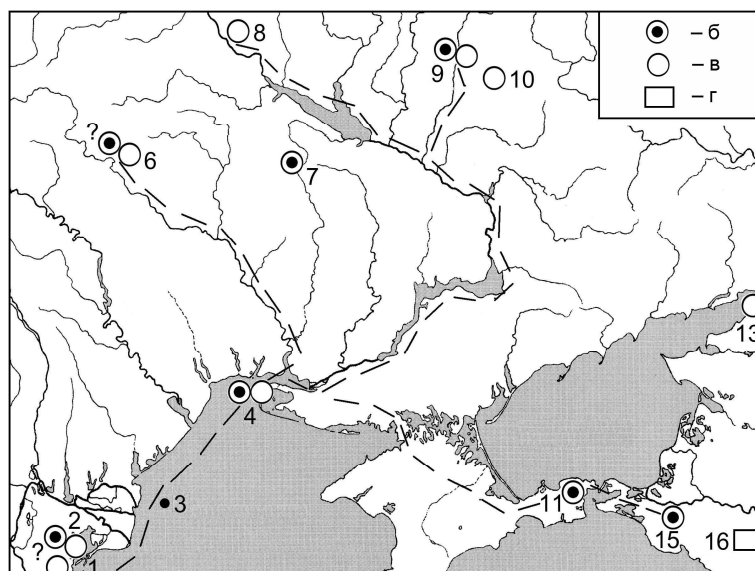

Рис. 2. Сосуды третьей четверти VII в. до н.э. в Северном Причерноморье: б – ойнохои типа Темир-Горы; в – другие сосуды третьей четверти VII в. до н.э.; г – Келермес

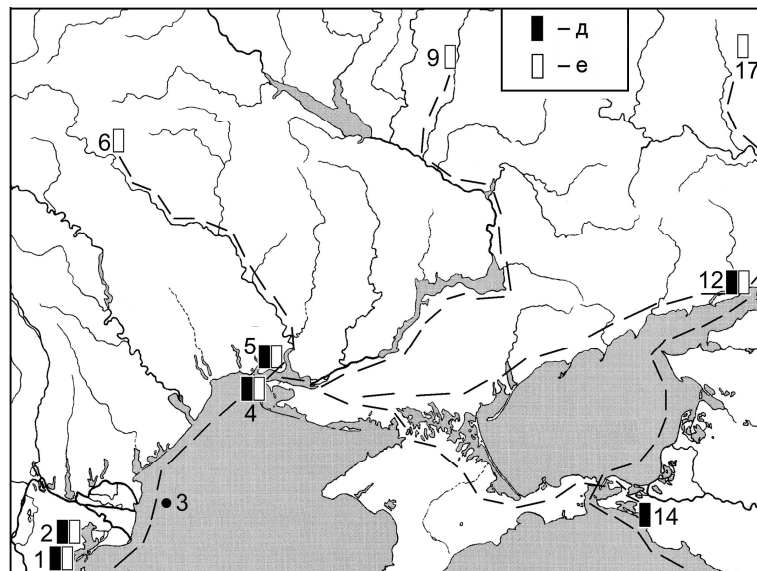

Рис. 3. Сосуды последней трети VII – рубежа VII–VI вв. до н.э. в Северном Причерноморье: д – поздние *Vogelschale* 630–590 гг. до н.э.; е – другие сосуды последней трети VII в. до н.э.

Географические обозначения для рис. 1–3: 1 – Истрия; 2 – Оргаме; 3 – о. Левка; 4 – Борисфен-Березань; 5 – Ольвия; 6 – Немировское; 7 – Болтышка; 8 – Трахтемировское; 9 – Бельское; 10 – Коломак; 11 – Темир-Гора; 12 – Таганрогское (Карна); 13 – Красногоровка; 14 – Алексеевское (около Синдской гавани); 15 – курган у г. Крымск (устная информация Т. В. Рябковой о раскопках Н. Ф. Шевченко в 2007 г.); 16 – Келермес; 17 – Хопёрская

на рубеже VII–VI вв. определённо знал, что Ахилл как божество владычествует над Скифией, то ясно, что культ Ахилла уже существовал в Северо-Западном Причерноморье не позднее конца VII в. С этим хорошо коррелирует известное святилище «хтонического Ахилла» на мысе Бейкуш (с разрушенной древнейшей частью), уже существовавшее в начале VI в.

Второе описание пути в Аид, где главенствует среди мёртвых Ахилл, даётся в рассказе о полёте туда душ женихов Пенелопы. Они летят «по мглистым дорогам, <...> мимо скалы Левкада» и «там, где живут души умерших» их первым встречает Ахилл в сопровождении Патрокла, Антилоха, Аякса (Od. XXIV. 9–17). В обоих случаях Ахилл проявляется не как «тьма», он обладает всей полнотой сознания и памяти и не нуждается в испытании жертвенной крови, чтобы обрести их.

Упоминание в «Одиссее» «скалы Левкада» как последнего ориентира перед прибытием к месту обитания душ умерших и Ахилла переключается с пересказом стиха Арктина Милетского (VIII в.) из поэмы «Эфиопида»: «Фетида, похитив из костра сына, переносит его на остров Левка» (SC. I. C. 319). Гесиод (рубеж VIII–VII вв.) уже знает Истр, чьи устья соседят с Левкой.

На священном острове Левка, по зафиксированным позднее мифам, наряду с Ахиллом посмертно обитали Патрокл, Аякс и Антилох, в окружении которых Ахилл и по «Одиссее» дважды является в преддверье Аида на полуострове, образованном слиянием двух рек. Культ Ахилла на Левке изначально находился под особым покровительством жителей Борисфена и Ольвии. «Именно борисфениты, главные адепты культа Ахилла в Причерноморье, учредили его на острове Левка с филиалами на территории своего полиса» (Тохтасьев. 2010).

Из всего вышеизложенного следует, что посмертная сакрализация, а затем и культ Ахилла на той территории, которая позднее вошла в состав хоры Борисфена и Ольвии, зародились никак не позже зарождения их на Левке и, меняясь по форме, развивались со второй половины VIII в. по конец VII в. и далее.

По Геродоту именно от эмпория борисфенитов (т. е. от Березани), находившегося «в самой середине побережья всей Скифии», производится перечисление этногрупп, живущих по Южному Бугу и Днепру (вдоль путей торговых и иных контактов). Но кроме того, от этого же центра отсчитывается путь на восток и северо-восток, вплоть до священных аргиппеев и исседонов, рассказывающих, что «выше» живут одноглазые аримаспы и грифы (*Hdt.* IV. 17–20). Но ведь так же только до исседонов дошёл и Аристей из Проконнеса и от них услышал рассказы об аримаспах, грифах и гипербореях. Он же сообщает: «Киммерийцы же, обитавшие у южного (Чёрного. – *Д. М.*) моря, под натиском скифов покидают страну» (*Hdt.* IV. 13), а киммерийцы, по «Одиссее», Эсхилу и Геродоту, обитали в Северо-Западном Причерноморье. Путешествие Аристея, после внимательного анализа источников, датируется, вероятнее всего, не позднее 660-х гг. (Мусбахова. 2011 – в этом сборнике). На этих основаниях полагаю, что путь Аристея, целью которого было достижение земли священных гипербореев, мог пролегать в начальном его отрезке через район Березани и Днепро-Бугского лимана, который в конце VIII – середине VII в. уже посещался греками из Ионии, обязательно проезжавшими при этом мимо Проконнеса.

Археологические данные в основном подтверждают картину, складывающуюся при сопоставлении архаических письменных источников. Обломки *Vogelkotile* (первая треть VII в.) обнаружены в лесостепи на Трахтемировском городище в Среднем Поднепровье, а

фрагмент ранней *Vogelschale* (первая половина и середина VII в.) – на Немировском, в бассейне Южного Буга. Подобные уникальные находки столь архаичной керамики более не отмечены нигде во всём Причерноморье. Найдены эти фрагменты вдали от моря, «в скифской глубинке» и происходят из Северной Ионии, а не из Южной, откуда поступала на Березань, а через неё – в Скифию, расписная керамика, начиная с третьей четверти VII в. и позднее (Kerschner. 2006.). При этом столь ранние сосуды уже хорошо вписаны в систему сакральных представлений населения Скифии. «С так называемым культовым комплексом Трахтемировского городища связана находка ионийского килика с изображением утки <...> Этот сосуд находился в помещении 1 большой наземной постройки, содержащем жертвенник жаботинского типа, скопление птичьих костей, обломки лепной посуды; здесь же был найден уникальный лепной птицеобразный сосуд» (Вахтина. 2005. С. 315).

Эти сосуды могли попасть в лесостепь лишь по путям, идущим по Днепру и Южному Бугу или вдоль них, только через Березань и Днепро-Бугский лиман. О появлении эллинов в столь раннее время на Березани кричит фрагмент «ионийской ойнохой с граффито», опубликованный С. Р. Тохтасьевым. И до публикации, и после неё С. Р. Тохтасьев уверенно говорил мне, что это граффито, написанное справа налево, палеографически датируется VIII в. Но при публикации он, ориентируясь на искусственную дату основания Борисфена по С. Л. Соловьёву, датировал этот фрагмент и надпись «ок. 625–600 г. до н.э.» (следовало бы «ок. 610–600 гг.»). Однако, ниже мелким шрифтом приписано: «Палеографически надпись, по-видимому, является наиболее древней из обнаруженных на сегодняшний день на Березани, в других милетских колониях и в самом Милете» (Тохтасьев. 2005. С. 136). Таким образом, рядом даются две взаимоисключающие даты – VIII в. (вероятнее, его конец – ок. 725–700 гг.) и 625–600 гг.

Исходя из законов статистики и вероятности, невозможно предположить, что ойнохоя (?) с граффито была единственным сосудом столь раннего времени, привезённым эллинами на Березань. С. Л. Соловьёв, допуская, что число фрагментов третьей четверти VII в. соответствовало количеству целых сосудов (около 30 расписных сосудов?! – Д. М.), сожалеет, что первые борисфениты пользовались «скудной утварью» (? – Д. М.), предназначенной «для проведения праздничных застолий» (Соловьёв. 2005). Но в таблице, приведённой Л. В. Копейкиной, отмечается также большое количество «ионийской полосатой» керамики (Копейкина. 1986), хронология которой в применении к материалу Березани разработана плохо. А ведь фрагмент с граффито конца VIII в. относится именно к разряду этой «ионийской полосатой», среди фрагментов

которой и могут вероятно скрываться наиболее ранние обломки сосудов конца VIII – начала VII в.¹⁰³

Три точки, где обнаружена керамика, суммарно датируемая концом VIII – серединой VII в. (Трахтемиров, Немиров, Березань), резко выделяют район вокруг Березани и Днепро-Бугского лимана из всех районов греческой колонизации на всех берегах Понта (Рис. 1). Данные археологии хорошо коррелируют с показаниями письменных источников, а вместе они доказывают, что эллины «начали интересоваться» северо-западным побережьем Понта не «со второй половины VII в.», а со второй половины VIII в. («Одиссея», Арктин, Гесиод), а с конца VIII в. и до середины VII в. приезжали сюда сезонно (?), вступая в разнообразные отношения с местным населением степи и лесостепи. Первоначальное освоение этих северных мест, где греки попадали в совершенно иную природно-климатическую зону, чем в Средиземноморье и на других побережьях Понта, наряду с практическими целями, имело характер «сакральной колонизации», постепенного переосмысления и оптимизации устрашающих мифологических образов, первоначально соотнесённых с этими областями, расположенными на самом краю ойкумены (людоедство лестригонов, коварство Кирки, жуткий Аид с томящимся в нём, несмотря на владычество над мёртвыми, Ахиллом). Должно было произойти «освящение» этих мест, чтобы можно было бы основывать здесь стационарное круглогодичное поселение. Необходимо было изжить образ Аида в земле киммерийцев, превратить Ахилла из владыки над мёртвыми во владыку Скифии, основать его святилища и святилища великих богинь («мать богов», Геката), «эллинизировать» происхождение самих скифов, сочетая образы туземной мифологии с эллинскими. Миф о посмертном переносе Ахилла на Левку (VIII в. по Арктину) возник в связи с тем, что остров находился на прямом пути к «преддверью Аида», где (по «Одиссее») томился и царствовал герой. То, что культ Ахилла на Левке был под покровительством борисфенитов и, вероятно, был основан ионийскими греками, ещё

¹⁰³ Необходимо уточнить время и место изготовления маленького сосуда (MG II, первая половина VIII в.?), с 1909 г. хранящегося в Эрмитаже (ныне в Отделе античного мира), и попытаться выяснить состав собрания, откуда он происходит. Б. В. Фармаковский, участвовавший в приобретении сосуда и хорошо представлявший масштаб разграбления приморской части некрополя Березани, был склонен доверять утверждению продавца, что сосуд происходит именно с Березани (Farmakovskiy. 1911. S. 227. Abb. 27; Мачинский, Мусбахова. 2009). Полная сохранность сосуда предполагает его происхождение из погребения, а его дата близка палеографической дате фрагмента сосуда из поселения на Березани по С. Р. Тохтасьеву. Обнаружение в материалах Березани фрагмента сосуда конца VIII в. позволяет по новому взглянуть на ставившуюся под сомнение находку в Истрии фрагмента сосуда, датируемого ок. 720 г. (Boardman. 1991. S. 388; Грэхем. 2007. С. 149).

сезонно приезжавшими на Березань, и то, что к нему не имела прямого отношения Истрия, расположенная ближе к Левке, чем Борисфен, доказывает изначальную сакральную связь Левки именно с Березанью и её окрестностями.

Отметим, что древнейший эллинский сосуд из Трахтемирова был использован именно в сакральном контексте. Возможно, элементом сакрального освоения и очищения этих мест была и поездка Аристея, направленная в земли священных гипербореев.

И только после длительного периода сезонных поездок и относительной «сакральной гармонизации» этих мест, могло возникнуть «вскоре после середины VII в.» (Копейкина. 1979) постоянное поселение Борисфен, с чем связана резкая активизация торгово-политических связей со Скифией, отчётливо отражённых в археологическом материале (Рис. 2, 3).

Процессы, прослеженные в Северо-Западном Причерноморье, имели место и на Боспоре, и в Меотиде. Здесь свидетельством ранних стабильных контактов эллинов с местной знатью уже ок. 660-х – 620-х гг. являются зеркало и ритон из Келермеса. О ранней (не позднее рубежа VII–VI вв.) колонизации побережья Меотиды говорят перекликающиеся свидетельства Страбона, Плиния, Птолемея. Открытие Таганрогского поселения, возникшего не позднее последней трети VII в., предполагает возникновение в это же время или ранее греческих поселений у Боспора, на северо-востоке Понта (Керченский п-ов, Синдика?) (Мачинский, Мусбахова. 2009).

Само же уникальное историческое «событие» – «греческое чудо» VIII–V вв., важнейшей составляющей коего является колонизация Средиземноморья и Понта в VIII–VI вв. – имело место в рамках особого периода истории, именуемого в историософии «осевым временем» (Jaspers. 1949), а в опирающейся на данные физики археологии – «Гальштат-плато». В этот период, в связи с резкими изменениями интенсивности космического излучения, солнечной активности и напряжённости магнитного поля Земли, происходит взрывообразное возрастание человеческой энергии, проявляющееся по-разному у разных этносов (напр., «эпоха пророков» и создание ядра Ветхого Завета у евреев в VIII–V вв.; Мачинский. 2009). Глубже «дежурных причин» греческой колонизации (демографическая, социально-политическая, потребность в земле, торговле, металле) лежит это, судя по всему связанное с вышеозначенными глобальными изменениями, мощное возрастание действенной энергии эллинов во взаимосвязанных сакрально-мифо-эпической и социо-политико-экономической сферах, находящее выражение и в процессах колонизации. Сопоставимый по силе энергетический взрыв наблюдается в конце IX–VII в. на востоке Евразийских степей, что вызывает миграцию на запад, в результате чего в Причерноморье появляются скифы, встречающие

тут сначала сезонно приезжающих, а с третьей четверти VII в. постоянно живущих здесь эллинов.

Литература

- Вахтина. 2005 – *Вахтина М. Ю.* Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–IV вв. до н.э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- Виноградов. 1983 – *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. I.
- Виноградов и др. 1990 – *Виноградов Ю. Г., Доманский Я. В., Марченко К. К.* Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Письменные источники и археология. Тбилиси, 1990.
- Грэхэм. 2007 – *Грэхэм А.-Дж.* Колониальная экспансия Греции // Кембриджская история древнего мира. М., 2007. Т. III, 3.
- Доманский, Марченко 2007 – *Доманский Я. В., Марченко К. К.* К вопросу о базовой функции первоначального Борисфена // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского. СПб., 2007.
- Копейкина. 1972 – *Копейкина Л. В.* Расписная родосско-ионийская ойнохоа из кургана Темир-Гора // ВДИ. 1972. № 1.
- Копейкина. 1979 – *Копейкина Л. В.* Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979.
- Копейкина. 1981 – *Копейкина Л. В.* Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период // СА. 1981. № 1.
- Копейкина. 1982 – *Копейкина Л. В.* Родосско-ионийская керамика VII в. до н.э. с о. Березань и её значение для изучения раннего этапа существования поселения // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982.
- Копейкина. 1986 – *Копейкина Л. В.* Расписная керамика архаического времени из античных поселений Нижнего Побужья и Поднепровья как источник для изучения торговых и культурных связей // АСГЭ. 1986. Вып. 27.
- Латышев. 1887 – *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887.
- Мачинский. 2009 – *Мачинский Д. А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII – середине XI в. // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. ТГЭ. Т. XLIX.
- Мачинский, Мусбахова 2009 – *Мачинский Д. А., Мусбахова В. Т.* Остров Кирки и изображения на келермесском ритоне, преддверье Аида и древнейшая греческая расписная керамика в Северном Причерноморье (по «Одиссее» и археологическим материалам) // БФ. 2009.
- Соловьёв. 2005 – *Соловьёв С. Л.* Начало античной эпохи в Северном Причерноморье // Борисфен-Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье: Каталог выставки. СПб., 2005.

- Тохтасьев. 1993 – *Тохтасьев С. П.* Античная литературная традиция о киммерийцах // *Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтасьев С. П.* Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993.
- Тохтасьев. 2005 – *Тохтасьев С. П.* Каталогные описания (кат. 256–273) // Борисфен-Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье: Каталог выставки. СПб., 2005.
- Тохтасьев. 2010 – *Тохтасьев С. П.* Контакты Борисфена и Ольвии с Боспором в архаический период в свете эпиграфических источников // АСГЭ. 2010. Вып. 38.
- Яйленко. 1982 – *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М., 1982.
- Bilabel. 1920 – *Bilabel F.* Die ionische Kolonisation. Untersuchungen über die Gründungen der Ionier deren staatliche und kultische Organisation und Beziehung zu den Mutterstädten. Leipzig, 1920.
- Boardman. 1991 – *Boardman J.* Early Greek pottery on Black Sea sites? // *Oxford Journal of Archaeology*. 1991. Vol. 10.
- Farmakovskiy. 1911 – *Farmakovskiy B. V.* Archäologische Funde in Jahre 1909 // *AAAn. Beiblatt zum Jahrbuch des Archäologischen Instituts*. 1910. Berlin, 1911. Bd. XXV.
- Jaspers. 1949 – *Jaspers K.* Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Zürich, 1949.
- Kerschner. 2006 – *Kerschner M.* Zum Beginn und zu den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer // *Eurasia Antiqua*. 2006. Bd. 12.
- Kerschner M., Schlotzhauer 2005 – *Kerschner M., Schlotzhauer V.* A new classification system for East Greek pottery // *Ancient West and East*. Leiden. Boston, 2005. Vol. 4. No. 1.
- Solovyov. 1999 – *Solovyov S. L.* Ancient Berezan. Leiden; Boston; Köln, 1999.

В. Т. Мусбахова

Аристей Проконнеский и время создания «Аримаспеи»

Участники многолетней дискуссии о времени создания «Аримаспеи» обычно обсуждают две даты, извлекаемые из двух наших основных древних свидетельств о жизни Аристее: начало VII в. до н.э.¹⁰⁴ (*Hdt.* 4. 15) и 58 Олимпиада или 548–545 гг. (*Suda*), причём в последние десятилетия очевидна тенденция к отказу от сведений Геродота в пользу предполагаемой датировки Суды. Однако поскольку обе эти даты текстологически далеки от полной определённости, начать нужно с картины, которую дают наши источники.

1. Согласно рукописям Геродота «Аримаспея» была написана за 240 (ABC) или за 340 (DRSVP) лет до появления Аристее в Метапонте (*Hdt.* 4. 15), имевшего место до того, как там побывал Геродот. Хотя первая дата засвидетельствована наиболее авторитетными рукописями и в её пользу свидетельствует цитирование этого пассажа в ряде древних источников, появление в рукописях Геродота второй

¹⁰⁴ В дальнейшем сокращение «до н.э.» везде опускается.

даты также нуждается в каком-то истолковании. Если исходить, как это обычно делают, из первой даты, которая кажется менее фантастичной, «Аримаспея» была написана не позднее 660 г. (см. ниже), согласно же второй дате, она была создана до 760 г.

2. Согласно данным рукописей словаря Суды, Аристей жил во время либо восьмой (η' : 748–745 гг.), либо пятидесятой Олимпиады (ν' : 570–567 гг.). Однако большинство исследователей, прибегающих к данным Суды, принимают предположение Роде, полагавшего, что первоначальным чтением нужно считать 58 Олимпиаду ($\nu' < \eta' >$) или 548–545 гг.; в пользу этого предположения как будто говорит использованный Судой синхронизм Аристее с Киrom и Крезом, т. е. со временем взятия Сард (Rohde. 1901. S. 136)¹⁰⁵. Число 58 получается простым сложением двух рукописных чтений, однако совсем не просто объяснить, почему оно распалось в последующей рукописной традиции.

Таким образом, если первая дата засвидетельствована наиболее авторитетной частью рукописей Геродота, то вторая дата, завоевывающая в последнее время всё большее число сторонников, представляет собой конъектуру, о надёжности которой подробнее будет сказано ниже. Кроме того, современные исследователи обходят вниманием странный факт, на который в своё время указал Роде, оставив его, впрочем, без объяснения: александрийские учёные, к которым, как считал Роде, восходит реконструированная датировка в тексте Суды, полностью игнорируют сведения об Аристее, приводимые Геродотом. Таким образом, отдельной проблемой остаётся непримиримость этих двух традиций.

Между тем более чем вековой промежуток времени, разделяющий две датировки, о которых идёт речь, представляет собой, особенно в эту эпоху, огромную дистанцию, ведь его нижняя граница приходится ещё на начальную стадию, а верхняя – уже на начало завершающей фазы грандиозного процесса, именуемого Великой греческой колонизацией. Это верно и для освоения Понта, включая его северное побережье, если понимать под начальной фазой период нащупывания путей и предварительного ознакомления с особым миром, каковым для греков Эгеиды безусловно был мир по ту сторону проливов (Мачинский, Мусбахова. 2009. С. 345 сл.). Поэтому от того, насколько мы приблизимся к истине в вопросе о времени создания «Аримаспеи», во многом зависит правдоподобие восстанавливаемой нами картины ранних контактов эллинов с миром Северного Причерноморья и уходящих от него вглубь материка территорий. Исходя из этого и наши представления о самом Аристее,

¹⁰⁵ Болтон принимает рукописное чтение ν' , т. е. 580/577 г. (Bolton. 1962. P. 126). Дополнительно см. ниже.

в противоположность парадоксальному выводу новейшего исследования на эту тему (Щеглов. 2010. С. 29), будут радикально другими в зависимости от того, отнесём ли мы его к VII или к VI в.

Здесь в порядке краткого методологического отступления следует сказать, что традиция об Аристее, передаваемая Геродотом, несмотря на авторитетность источника, обычно отвергается потому, что она как будто не соответствует существующей картине колониационного освоения Северного Причерноморья. С. Уэст прямо пишет, что геродотовский подсчёт требует допущения слишком ранних контактов греков с кочевниками евразийских степей и что наши представления об Аристее и его поэме зависят главным образом от того, доверяем мы или нет датировке, подсказываемой этим допущением (West. 2004. P. 45). Тем самым геродотовские сведения о путешествии Аристея и содержании его поэмы, которые по своей природе имеют характер источника по контактам греков с обитателями североприпонтийских степей, ставятся в зависимость от того, что мы о об этих последних знаем. Нечто подобное происходит в вопросе о времени появления греков на Березани. Здесь разрозненные, но весьма яркие свидетельства ранних контактов греков с этой территорией, включая и доколониационный период, в последнее время оказались в тени в угоду картине, создаваемой массовым материалом, на основании которой отстаивается явно заниженная датировка Борисфена (см. статью Д. А. Мачинского в этом сборнике).

Не ставя перед собой цели входить в подробное обсуждение традиции об Аристее из Проконнеса, остановлюсь лишь на некоторых вопросах, связанных с определением времени создания его поэмы. При установлении времени создания текста мы обычно имеем дело с двумя группами данных: со стилистическими особенностями самого текста (внутренние свидетельства), с одной стороны, и со всевозможными обстоятельствами, позволяющими очертить исторический контекст, в котором он создавался, с другой (внешние свидетельства).

1. Внешние свидетельства

а) Ключевым внешним свидетельством для датировки поэмы Аристея является хорошо известный пассаж Геродота, в котором он пересказывает содержание поэмы Аристея, *Hdt.* 4. 13:

ἔφη δὲ Ἀριστέης ὁ Καῦστροβίου ἀνὴρ Προκοννήσιος, ποέων ἔπει, ἀπικέσθαι ἐς Ἴσσηδόνας φοιβόλαμπτος γενόμενος, Ἴσσηδόνας δὲ ὑπεροικέειν Ἀριμασπούς ἀνδρας μονοφθάλμους, ὑπὲρ δὲ τούτων τοὺς χρυσοφύλακας γρύπας, τούτων δὲ τοὺς Ὑπερβορέους κατήκοντας ἐπὶ θάλασσαν· τούτους ὦν πάντας πλὴν Ὑπερβορέων, ἀρξάντων Ἀριμασπῶν, αἰεὶ τοῖσι πλησιοχώροισι ἐπιτίθεσθαι, καὶ ὑπὸ μὲν Ἀριμασπῶν ἐξοθέεσθαι ἐκ τῆς χώρας Ἴσσηδόνας, ὑπὸ δὲ Ἴσσηδόνων Σκύθας, Κιμμερίουσ δὲ οἰκέοντας ἐπὶ τῇ νοτίῃ θαλάσσει ὑπὸ Σκυθέων πιεζομένους ἐκλιπεῖν* τὴν χώραν.

Аристей же, сын Каистробия, муж Проконнесский, рассказал в (своей) поэме, что он прибыл к исседонам по воле Аполлона, что за исседонами живут аримасы, мужи одноглазые, за ними – сторожащие золото грифоны, а за этими – гиперборей, до самого моря; что все они, кроме гипербореев, постоянно нападают на соседей, при том, что зачинщиками являются аримасы, и что исседонов вытесняют из их страны аримасы, а скифов исседоны, киммерийцы же, обитавшие у южного моря, под давлением скифов покинули свою страну¹⁰⁶.

* В тексте имеется лишь одно существенное разночтение, ἐκλιπεῖν/ἐκλείπειν; каждый из вариантов поддерживается примерно половиной основных рукописей, но чтение ἐκλείπειν представлено наиболее авторитетной частью традиции (АВСР). Между тем смысл сказанного весьма существенно меняется в зависимости от времени инфинитива. При чтении ἐκλείπειν, информация о киммерийцах должна была передаваться Аристею в настоящем времени (см. прим. 4): киммерийцы же, обитающие у южного моря, под давлением скифов покидают страну. Однако легко представить, что исходный Inf. Aor. ἐκλιπεῖν кем-то из переписчиков был заменен на Inf. Praes. под влиянием серии предшествующих Inf. Praes. Поэтому, учитывая, что в начале VII в. уход киммерийцев из Северного Причерноморья должен был уже быть в прошлом, при том что движение кочевых племён степи ещё могло продолжаться, мы предпочитаем чтение ἐκλιπεῖν, принятое в оксфордском издании Геродота. В ряде других изданий, снабжённых параллельным переводом, принимается инфинитив ἐκλείπειν, однако в переводе он без каких-либо пояснений передаётся прошедшим временем (Godley. 1921; Legrand. 1945; Доватур и др. 1982).

Чрезвычайно важно, что этот текст является одновременно и внутренним свидетельством, поскольку Геродот в нём пересказывает (ἔφη δὲ Ἀριστέης) содержание самой эпической поэмы (ποέων ἕπεα; границей этого пересказа является резюмирующая фраза о том, что и версия Аристея отличается от скифской: Οὕτω οὐδὲ οὗτος συμφέρεται περὶ τῆς χώρας ταύτης Σκύθησι). Поэтому М. Дэвис совершенно справедливо помещает этот пассаж среди фрагментов Аристея (Davies. 1988). Выделенные в тексте инфинитивы, зависящие от ἔφη и входящие в оборот accusativus cum infinitivo, собственно и передают рассказ Аристея, и на основании их временного соотношения мы восстанавливаем картину распределения времён в исходном тексте¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Переводы греческих текстов здесь и далее мои, за исключением специально отмеченных случаев.

¹⁰⁷ Inf. Praes. после ἔφη в данном случае может соответствовать только настоящему времени в прямой речи (Inf. Praes. после ἔφη может соответствовать имперфекту пря-

Итак, по свидетельству Геродота, а точнее самого Аристея, он побывал у исседонов, когда степь ещё находилась в том движении, которое привело к вытеснению киммерийцев из их страны у южного моря. Сторонники ранней датировки Аристея нередко оценивают этот текст через призму свидетельства Геродота о времени жизни Аристея, которое, как будто придает ему больший вес (Алексеев. 2003. С. 90), сторонники поздней даты предпочитают и вовсе его не анализировать, ссылаясь на заведомую невозможность контактов с северными территориями ранее «времени, когда в Северном Причерноморье уже были греческие колонии» (Тохтасев. 1993. С. 29), т. е. VI в., хотя наиболее естественным представляется, наоборот, рассматривать предполагаемые даты жизни Аристея, и в т. ч. геродотовскую, исходя из этого важнейшего свидетельства о содержании самой поэмы. Вопрос должен быть поставлен следующим образом: какой из имеющихся датировок соответствует информация о содержании поэмы Аристея, пересказанная Геродотом?

Кстати говоря, рассказ Аристея в своем историческом ядре совпадает со второй версией появления скифов в Северном Причерноморье (*Hdt.* 4. 11), происходящей, как полагают, из мидийских источников. В обоих случаях скифы-кочевники приходят из Азии и вытесняют киммерийцев из их земли, только в одном случае это происходит под давлением исседонов, а в другом – массагетов. Хотя Геродот не отмечает этого сходства, ясно, что перед нами один рассказ, переданный разными источниками¹⁰⁸. Поскольку он отражает события конца VIII – начала VII в., очевидно, к этому времени и надо относить сложение обеих версий. В пользу их сближения свидетельствует фрагмент Симмия, в котором в связи с гиперборейями упоминаются не аримаспы, как обычно в традиции, восходящей к Аристею, а массагеты (см. ниже). В отличие от массагетской версии, история, записанная Аристеем от исседонов, отличается большей полнотой, несмотря на легендарное обличье, которое явно помешало Геродоту увидеть её историческую достоверность: здесь мы наблюдаем большую цепочку народов, пришедших в движение (аримаспы – исседоны – скифы – киммерийцы), и видим его исходную точку (некий крайний предел зоны кочевания, на границе которого находятся сторожащие золото грифы).

мой речи только при наличии индикаторов прошедшего времени, см. Goodwin. 1998. § 120). Останавливаюсь на этом хрестоматийном положении только в силу того, что оно не соблюдается практически ни в одном из известных мне переводов с очевидным ущербом для понимания того, что нам сообщает здесь Геродот.

¹⁰⁸ Исседоны и массагеты – родственные кочевые племена иранской группы; скифы наверняка продвигались волнами по значительному пространству степи и в течение определённого периода времени, поэтому естественно, что какая-то их часть была теснима на запад исседонами, тогда как другая могла соприкасаться с массагетами.

Таким образом, если воспринимать рассказ Аристея как достоверное свидетельство о современных ему реалиях жизни того мира, который оказался объектом его описания, то, опираясь на известные факты, можно сказать, что он вполне может быть локализован в конце первой трети VII в., но смотрится полным анахронизмом в середине VI в. до н.э. В самом деле, может ли в середине VI в. идти речь о вытеснении скифов исседонами, т. е. об их передвижении с востока на запад и о водворении в Северном Причерноморье? Возможно ли в это время говорить о вытеснении киммерийцев с их родины как о недавнем событии? Это обстоятельство полностью игнорируется всеми, кто предпочитает датировку Суды в интерпретации Роде, в т. ч. и теми, кто отвергает данные Геродота без каких-либо аргументов (West. 2004. P. 444), или в качестве таковых ссылаются на их «заведомую невероятность» (Тохтасьев. 1993. С. 29).

Здесь уместно более подробно взглянуть на свидетельство Суды.

Suida alpha. 3900: <'Αριστέας,> Δημοχάριδος ἢ Καύστροβίου, Προκοννήσιος, ἐποποιός: τὰ Ἀριμάσπεια καλούμενα ἔπη... γέγονε κατὰ Κροῖσον καὶ Κῦρον, Ὀλυμπιάδι ν' [η' F; ὀγδόη V]. ἔγραψε δὲ οὗτος καὶ καταλογάδην Θεογονίαν.

Аристей, сын Демохарида или Каустробия, проконнесец, этический поэт: эпос, именуемый Аримаспея... жил во время Креза и Кира, в 50-ю Олимпиаду [8 F; восьмую V]. Написал он также и прозаическую «Теогонию».

Сомневаться в надёжности этого свидетельства заставляют очевидные признаки контаминации в нём двух персонажей: два разных патронимика и два разных приписываемых им произведения (Щеглов. 2001. С. 7; 2010. С. 25)¹⁰⁹, тем более что ни один другой источник не называет Аристея из Проконнеса сыном Демохарида и не приписывает ему авторство также и «Теогонии». Кроме того, как уже отмечалось выше, непонятно, каким образом предполагаемая изначальная датировка Суды, Ὀλυμπιάδι ν' <η'>, распалась впоследствии в разных рукописях на две, что, конечно, уменьшает доверие к соображениям Роде. В связи с этим можно предположить, что и даваемый рукописями набор дат отражает контаминацию двух лемм словаря, посвящённых двум разным Аристеям, один из которых, сын Каустробия и автор Аримаспеи, был известен в 8 Олимпиаду, а другой, сын Демохарида и автор прозаической Теогонии, жил в 50 Олимпиаду и был синхронизирован со временем Кира и Креза. Некоторую сложность создаёт несоответствие 50-й Олимпиады (570–567) времени Кира и Креза, если понимать под последним год взятия Сард (548). Но, во-первых, это необязательно, т. к. при

¹⁰⁹ Предположение о том, что у Суды речь может идти о двух персонажах, высказывалось ранее в устной форме Д. А. Мачинским.

необходимости у Суды прямо говорится об этом событии (например, об Анаксимене: γέγονεν ἐν τῇ νε' ὀλυμπιάδι, ἐν τῇ Σάρδεων ἀλώσει, ὅτε Κῦρος ὁ Πέρσης Κροῖσον καθεῖλεν), а во-вторых, неточность во временном отнесении для Суды вполне характерна (в предыдущем примере взятие Сард отнесено к 55-й Олимпиаде; об Ивике у Суды сказано, что он жил при Крезе в 54-ю Олимпиаду, – возможно, дело в том, что время Креза приходилось в основном на пятидесятые Олимпиады).

При такой интерпретации мы получаем для нашего Аристея маловероятную, с точки зрения принятого понимания сведений Геродота, дату в середине VIII в. (748–745). Она, однако, может быть связана с традицией отнесения Аристея к догомеровскому пласту греческой литературы, о существовании которой имеется ряд свидетельств: *Str.* 14. 1. 18: τινὲς δὲ διδάσκαλον Ὀμήρου τοῦτον φασιν, οἱ δ' οὐ τοῦτον [Κρεώφυλον] ἀλλ' Ἀριστεάν τὸν Προκοννήσιον (*некоторые же называют его учителем Гомера, другие же не его [Креофила], а Аристея Проконнеского*); *Str.* 1. 2. 10, *Euseb. Prep. Evangelica* 10. 2. 27. Любопытно, что с этой датой сближается и хронология, следующая из части рукописей Геродота (до 760 г., см. выше). Появление в них цифры 340 в таком случае также можно понять как исправление, сделанное переписчиком, знакомым с этой традицией. Скорее всего, толчком к её возникновению послужила возможность объяснить сведения Гомера о киммерийцах знакомством с поэмой Аристея (Тохтасьев. 1993. С. 12), что даёт возможность относить её к изысканиям эллинистической эпохи. Исходя из этих соображений, данные Суды невозможно использовать как свидетельство о времени жизни исторического Аристея.

б) *Келлермесское зеркало*. Система изображений, украшающих электровую обкладку зеркала, как это признано специалистами, была создана греческим мастером из Ионии, работавшим на заказ, вполне возможно, непосредственно в Северном Причерноморье (Максимова. 1954; Вахтина. 2001). Поэтому имеющаяся на зеркале сцена борьбы двух существ с грифонами давно интерпретируется как иллюстрация эпизода «Аримаспеи» (Bowra. 1970. P. 83f; Bolton. 1962. P. 90f), т. е. как сцена борьбы аримаспов и грифонов за золото (*Hdt.* 3. 116). Очевидно, что благодаря этому обстоятельству, время создания зеркала может рассматриваться как *terminus ante quem* для поэмы. Большое значение зеркалу как датирующему свидетельству придавал Болтон, но принятая в его время заниженная датировка (ок. 575 г.) повлияла среди прочего на отнесение им путешествия Аристея к третьей четверти VII в. Согласно обновлённым датировкам, зеркало могло быть создано в интервале 650–620 гг. (Кисель 1993. С. 125; Галанина. 1997. С. 142). Эта дата прекрасно согласуется как с данными

Геродота, так и со временем, на которое указывает передаваемое историком содержание поэмы Аристея (см. п.а.).

Можно, однако, указать на конкретную деталь, дополнительно свидетельствующую в пользу того, что художник создал сцену на зеркале под впечатлением поэмы Аристея. Находящаяся на зеркале под ногами «аримаспов» и грифона «плетёнка» была убедительно отождествлена с водным пространством и сопоставлена в частности, со златотекущим потоком, упоминаемым в посвящённом аримаспам и грифонам пассаже трагедии «Прометей Прикованный» (Мачинский. 1998. С. 115; Вахтина. 2001. С. 110). Эта деталь не упоминается ни у Геродота, ни в других пересказах «Аримаспей», и поскольку Эсхил, конечно, не видел зеркала, естественно думать, что она восходит к самой поэме. Это означает, что и «плетёнка» на зеркале является образом, восходящим непосредственно к «Аримаспее».

в) *Алкман*. Из трёх предполагаемых «северопричерноморских» аллюзий Алкмана (fr. 3. 59 C: Κολαξάιος (ἴππος); fr. 162 C: ῥίπας (ὄρος); fr. 192 C: Ἐσσηδόνας) в связи с путешествием и поэмой Аристея наиболее интересно упоминание им эсседонов, более известных как исседоны и, вероятно, впервые упомянутых Аристеем (fr. 2(i) Davies: Ἴσσηδοί). Прежде всего, потому что Алкман единственный, как это специально оговаривает Стефан Византийский, использовал это имя с непривычным вокализмом первого слога: Ἰακμᾶν δὲ μόνος Ἐσσηδόνας αὐτοὺς φησι (Steph. Byz. Eth. 339.18). Если верно объяснение такой огласовки исходя из лидийского языка (Ivantchik. 2002. P. 261)¹¹⁰, то оно, прежде всего, свидетельствует в пользу связи Алкмана с Сардами, а во-вторых, позволяет сделать некоторые наблюдения о времени и источниках знакомства с ним поэта. Если Алкман покинул Сарды в третьей четверти VII в. (Ivantchik. 2002. P. 263), то это событие могло быть связано с киммерийской угрозой, нависавшей над Лидией с 660-х гг., а, может быть, даже непосредственно с захватом Сард в 644 г. В любом случае, уехал ли Алкман из Сард до или после этого события, впечатление, произведённое им на поэта, как и в целом реакция малоазиатских греков на киммерийскую угрозу (ср. знаменитый стих Каллина), должно было быть огромно. Именно в виду непосредственной киммерийской угрозы среди местного (прежде всего, греческого) населения могло стать особенно актуальным содержание уже известной поэмы Аристея из Проконнеса, основными информаторами которого были как раз исседоны. Поэма объясняла происхождение могущественного врага и придавала возможному столкновению с ним эсхатологические черты (их словно настигала неумолимая сила, изгонявшая

¹¹⁰ Путаница ε и ι возможна в древнегреческом при передаче иноязычных имён (Calame. 1983. P. 602; Hinge. 2006. S. 92).

народы с насиженных мест). Алкман мог слышать как устный пересказ, так и устное же исполнение поэмы Аристея, причём в обоих случаях произнесение имени исседонов с изменённым вокализмом, 'эсседоны', легко представимо.

Гипотеза о том, что упоминание исседонов у Алкмана могло происходить из скифского эпоса (Ivantchik. 2002. P. 261f) невероятно прежде всего потому, что она держится на недоказанном предположении о тождественности киммерийских и скифских преданий, к которому её автору приходится прибегать, чтобы избежать анахронизма (скифы появились в поле зрения лидийцев, когда Алкман уже, вероятнее всего, был в Спарте). Кроме того, идея об эпосе киммерийцев (= скифов) как источнике сведений Алкмана предполагает какую-то форму мирного сосуществования с ними лидийцев/греков, когда только и может произойти какой-то культурный обмен, чего в интересующую нас эпоху не было ни в Лидии, ни в Ионии. Наконец, гипотезе о «скифском» эпосе как источнике аллюзий Алкмана препятствует использование им для обозначения Рипейских гор выражения Ρίπας ὄρος (fr. 162 C), поскольку эта форма слова не соответствует предположению Иванчика об уже совершившемся в языке скифов переходе $r(i) \rightarrow l$, о котором, как будто, свидетельствует форма $\text{Κολαξαίος} < *xola-xšaya < *hvarya-xšaya$ (Ivantchik. 2002. P. 258). Дело в том, что имя Липоксай, которое, как мы знаем из Геродота, вместе с именем Колаксай относится к триаде мифических предков скифов (*Hdt.* 4. 5), посредством такого же перехода связывают с названием Рипейских гор (Бонгард-Левин, Грантовский. 2001. С. 89). Поэтому в рамках гипотезы о скифском эпосе требуется, чтобы либо имя Липоксай не было связано с Рипами, либо чтобы имя Рипа было заимствовано греками раньше, чем произошел упомянутый переход, или из диалекта, в котором он почему-то не произошел¹¹¹. В любом случае форма слова, употреблённая Алкманом, препятствует допущению, что оно происходит из того же скифского эпоса, что упоминание Колаксаева коня¹¹². При этом вполне допустимо, что и то, и другое сведения были заимствованы у Аристея, который вполне мог пользоваться разными источниками. Но если возможность упоминания Колаксы у Аристея относится к разряду гипотез, то в

¹¹¹ Наименее вероятно отождествление горы Рипы с упоминанием Рипы у Гомера, II. 2. 606, где оно определённо обозначает населённый пункт.

¹¹² В своей первой статье об Аристее Иванчик вполне осознаёт эту трудность и отказывается считать, что название Рипейских гор было заимствовано греками у иранских народов (Иванчик. 1989. С. 39), однако позднее упоминание Рипы уже включается им в число трёх скифских аллюзий Алкмана (Ivantchik. 2002. P. 261), но при этом трудность, связанная с формой слова и её соотношением с именами Колаксы и Липоксы, не поясняется, хотя исследователь принимает для имени Колаксы этимологию Грантовского.

том, что он в своей поэме писал о Рипеях, едва ли могут быть сомнения, поскольку целью его путешествия были гипербореи¹¹³.

Таким образом, все основные внешние свидетельства согласуются с датой, «вычисленной» Геродотом, а два последних ясно показывают, что к середине VII в. поэма Аристея малоазийским грекам была хорошо известна. Что касается самой даты, приводимой Геродотом, казалось бы, должен вызывать доверие сам факт того, что историк её «вычислил» (*Hdt.* 4. 15: *συμβαλλόμενος εὐρίσκοι*), сопоставляя сведения разных источников, как проконнесских, так и метапонтинских. При этом, поскольку речь идет об относительной цифре, не имеет никакого значения, является ли метапонтинский рассказ «полностью фантастичным» (Щеглов. 2010. С. 24), или за ним стоит какая-то реальность.

Исследователи нередко отказываются от геродотовского подсчёта, ссылаясь на произвольность или искусственность счёта по поколениям, которая, возможно, стоит за цифрой 240 лет (Иванчик. 1989. С. 44 сл.; Тохтасев. 1993. С. 28). Уместнее, однако, говорить не об искусственности, а о приблизительности получаемого таким способом результата. При этом, если Геродот переводил имевшееся у него число поколений в годы, исходя из расчёта 3 поколения = 100 лет, но продолжительность поколения, на которой основывался его источник соответствовала более распространённому представлению о 30 годах (Иванчик. 1989. С. 44), то на каждые 100 лет Геродота приходится лишнее десятилетие, и поэтому геродотовскую цифру 240 мы можем уменьшить примерно на 20 лет. Это не даёт нам результата, на котором можно было бы настаивать, имея в виду общую приблизительность и неясность расчётов Геродота, но показывает, как приводимые им датировки могли удревняться при пересчёте из поколений в годы (из расчёта 10 лет на каждое столетие).

Гораздо важнее другое. Насколько бы ни ошибался Геродот в своих вычислениях, он очевидным образом соотносил Аристея с временем появления в Лидии и Ионии киммерийской угрозы, которая, как он совершенно определённо знает, имела место до Креза (*Hdt.* 1. 6), при сыне Гигеса Ардисе, когда киммерийцами были, за исключением акрополя, взяты Сарды (*Hdt.* 1. 15). То есть Геродот безусловно относит Аристея не позднее чем к VII в. до н.э.

¹¹³ Этому предположению не препятствует то обстоятельство, что Геродот, пересказывая Аристея, не упоминает о Рипеях. Во всём объёмном труде Геродота Рипеи не упоминаются ни разу, и этот удивительный факт требует отдельного осмысления. Ключом к молчанию Геродота в этом вопросе может быть изменение представлений о локализации Рипеев с течением времени: если у Аристея они должны были находиться на крайнем северо-востоке, то ко времени Пиндара в Рипеях уже находятся истоки Истра. В этой ситуации от Геродота можно было бы ожидать комментария в виде отповеди тем, кто верит во всякую фантастику, вроде океана, гипербореев и др.

Сомнения в расчётах Геродота, доходящие до отрицания их значимости, вызывает у исследователей и то обстоятельство, что он, в противоположность своей обычной практике отсчитывать древние даты от своего времени или синхронизировать их с другими, как будто бы не привязывает метапонтинские данные ко времени собственной жизни (West. 2004. P. 46). В самом деле, неужели Геродоту трудно было сообщить нам, за сколько лет до него произошли связанные с Аристеом события в Метапонте? Ведь не мог же он этого не знать! Наиболее естественное и простое объяснение этого парадокса может состоять в том, что события эти произошли совсем недавно и были достаточно хорошо известны современникам.

Подтверждение этому, и тем самым уточнение абсолютной даты для Аристея по Геродоту, между тем можно извлечь непосредственно из текста Геродота. Аристей, как мы знаем, явившись метапонтинцам, велел им соорудить алтарь Аполлону, а рядом с ним поставить свою собственную статую (*Hdt.* 4. 15). Несомненно, событие это было столь необычно, что метапонтинцы вряд ли долго думали, прежде чем послать за советом в Дельфы, и поскольку был получен положительный ответ, едва ли мешкали с выполнением воли по сути дела Аполлона. «И теперь, – пишет Геродот, – рядом с самой статуей Аполлона стоит скульптура с надписанным на ней именем Аристея» (καὶ νῦν ἔσθηκε ἀνδρῶς ἐπωνυμίην ἔχων Ἀριστέω παρ' αὐτῶι τῶι ἀγάλματι τοῦ Ἀπόλλωνος...). Мне кажется, что исследователи недостаточно точно оценили смысл выражения καὶ νῦν ἔσθηκε, возникающий благодаря использованию результативного перфекта ἔσθηκε, в котором скрыта хронологическая близость описываемых событий к настоящему времени Геродота: «и теперь стоит» значит не «и до сих пор стоит» (в этом случае потребовалось бы, напр., наречие ἔτι), но «и теперь поставлена и стоит» (где νῦν противопоставлено прошлому, когда статуи не было). Видимо, языковое чутьё не подвело Иоанна Цеца, истолковавшего текст Геродота именно так, что метапонтинские события имели место незадолго до того, как о них узнал при своём посещении города Геродот, ибо он связывает появление Аристея через 240 лет после исчезновения из Проконнеса непосредственно со временем Геродота, прямо ссылаясь при этом на его текст, Tzetzes Chil. 2.733–735:

καὶ μετὰ διακόσια δις εἴκοσι τὰ ἔτη
 ἔφ' Ἡρόδοτου γέγονε καὶ πάλιν ἀνεφάνη,
 ὥσπερ φησὶν Ἡρόδοτος...
*и через двести и дважды двадцать лет
 при Геродоте появился и снова исчез,
 как говорит Геродот...*

Таким образом, если Геродот посетил Метапонт около 443 г., то «явление» там Аристея вполне могло иметь место около 450 г. Тогда

дата второго исчезновения Аристея из Проконнеса с поправкой на счёт по поколениям локализуется около 670 г. (690 минус 20, см. выше). Однако надо иметь в виду, что Геродот мог посетить Метапонт и в промежутке ок. 446 – ок. 425 гг. Поэтому второе исчезновение Аристея из Проконнеса наиболее разумно датировать отрезком 670–650 гг., и тогда время его путешествия к гиперборейям, протекавшее 7 лет (или какие-то из семи лет) между первым и вторым исчезновением, нужно локализовать в промежутке 680–660 гг. Полу-датный таким образом результат прекрасно соответствует не только датировке келермесского зеркала, но и довольно близко подходит ко времени основания Истрии и Борисфена, без сомнения приходясь на время доколониационного освоения этих территорий (см. статью Д. А. Мачинского в этом сборнике).

2. Внутренние свидетельства

Скудные фрагменты «Аримаспей» (в общей сложности 12 гекзаметров) анализировались неоднократно (Bowra. 1970; Bolton. 1962; Иванчик. 1989), но выводы исследователей далеко не согласуются между собой как в понимании деталей, так и в оценке их стилистических особенностей. Любопытно, что такой тонкий знаток греческой поэзии, как Баура, считал фрагменты подлинными и особо подчёркивал искусство, с которым поэт использовал знакомый эпический язык для изложения необычных сюжетов (Bowra. 1970. P. 85). Баура не делал хронологических выводов на основе стиля фрагментов, но признавал влияние поэмы на келермесское зеркало и, следовательно, необходимость датировки поэмы временем до его создания (таковым он ошибочно считал середину VI в.). Болтон, интерпретируя как поздние ряд словоупотреблений, имеющих в фрагментах, склонялся к признанию их неподлинности, полагая тем не менее, что отрывки процитированные Цецем (fr. 2 Davies, см. далее), всё-таки восходят к Аристею, через посредство Гекатея или кого-то другого из ионийских географов (Bolton. 1962. P. 19). Наконец, А. И. Иванчик возвел в абсолют сомнения Болтона и попытался сделать их твёрдым основанием для поздней датировки поэмы (Иванчик. 1989. С. 29–37).

При этом Болтон с осторожностью, а Иванчик категорично основывают свою попытку стилистического определения хронологии фрагментов «Аримаспей» на синхроническом принципе датировки лексики, когда «возраст» слова или значения определяется по его употреблению в других, датированных текстах. Подробное обсуждение методологической необоснованности такого подхода к установлению датировки текста потребовало бы отдельной работы. Здесь можно лишь отметить, что его применение может быть относительно оправдано при наличии массового материала, но совершенно не работает, когда мы имеем дело с редкими словами и значениями,

или с тематикой, не засвидетельствованной другими текстами. Так Иванчик, вслед за Болтоном, рассматривает прилагательное $\sigma\tau\iota\beta\alpha\rho\acute{o}\varsigma$, которое у Аристея является целокупной характеристикой аримаспов, в отличие от гомеровского эпоса, где оно многократно употребляется как устойчивый эпитет отдельных частей тела (рук, шеи и плеч героя: *Il.* 12. 397; *Od.* 18. 335 и др.), как признак позднего времени создания поэмы, ссылаясь на аналогичный случай у Аристофана, *Ar. Thesm.* 639 (Иванчик. 1989. С. 34). При этом не принимается во внимание, что пример Аристофана является единственным, так же как в ещё более позднее время мы встречаем ещё один изолированный случай подобного употребления $\sigma\tau\iota\beta\alpha\rho\acute{o}\varsigma$ в Сивиллиных Оракулах (II в.)¹¹⁴, в то время как в эллинистической литературе сохраняется архаический узус. Эта ситуация с семантикой слова требует более детального анализа, но очевидно, что аристофановское употребление ничего нам не говорит о времени появления нового узуса, если он и в самом деле был новым.

Другой пример показывает, сколь разные выводы можно извлечь из одних и тех же данных. Так А. И. Иванчик полагает, что употребление не засвидетельствованного в эпосе наречия $\kappa\acute{\alpha}\rho\tau\alpha$ ('очень, весьма') «выдаёт принадлежность Аристея к тому же кругу, что и ионийские логографы» (слово действительно частотно у Геродота), хотя ему и известно, что слово впервые встречается у Гиппонакта. Но ямбографа Гиппонакта (середина VI в.) мы не можем отнести к тому же «кругу», поскольку он на добрых полвека старше Гекатея (ок. 500 г.), которого отделяют от Геродота ещё не менее полувека. К тому же принадлежность поэта к ямбической традиции, учитывая ямбо-трохаическую ритмическую структуру $\kappa\acute{\alpha}\rho\tau\alpha$, делает вполне вероятным его употребление и в более раннее время, а Архилох, по нашим подсчётам, оказывается практически современником Аристея. Широкое использование слова в аттической трагедии обязано, скорее всего, влиянию не ионийской прозы (Иванчик. 1989. С. 32), а ионийской ямбической поэзии. Поэтому $\kappa\acute{\alpha}\rho\tau\alpha$ у Аристея естественно объяснять его родным ионийским диалектом, общим с Гиппонактом, а позднее – и с ионийскими логографами.

Парадокс состоит в том, что, опираясь только на подобные лингвостилистические выводы, А. И. Иванчик должен был бы датировать фрагменты Аристея даже более поздним временем, чем на это указывает знакомство с «Аримаспеей» Ксенофана, Пиндара и Эсхила, т. е. серединой или даже второй половиной V в. Это по сути дела и выдаёт их ложность, ибо в противном случае мы должны были бы вместе с Болтоном признать неподлинность самих фрагментов

¹¹⁴ Sibyll. 1.100, ib. 300. Это едва ли свидетельствует об изменившейся норме. Напротив, поздние эпические тексты часто ориентируются на редкие и ранние употребления.

и отделить вопрос их датировки от проблемы хронологии жизни самого Аристея. Только наличие свидетельства Суды в трактовке Роде, как кажется, потребовало от исследователя предложить датировку в более широких пределах: вторая половина VI – первая четверть V в. (Иванчик. 1989. С. 37). Но натяжки и здесь избежать не удаётся, поскольку столь большой период времени не согласуется с пониманием γέγονε у Суды как времени акмэ поэта (Rohde. 1901). На некоторых аргументах А. И. Иванчика мы по необходимости остановимся в последующем обзоре фрагментов.

Предпринимаемый далее филологический анализ касается лишь части фрагментов и ни в коей мере не претендует на полноту. В нём лишь предпринята попытка понять основные образы Аристея и сопоставить их с теми внешними данными о времени путешествия Аристея и создания его поэмы, которыми мы располагаем.

Fr. 2 (ii) Davies:

καὶ φασ' ἀνθρώπους εἶναι καθύπερθεν ὁμοῦρους
 πρὸς βορέω, πολλοὺς τε καὶ ἐσθλοὺς κάρτα μαχητὰς,
 ἀφνειοὺς ἵπποισι, πολὺρῥηνας πολυβοῦτας.
*и говорят, что дальше есть люди, соседствующие (с ними)
 в сторону борея¹¹⁵, многочисленные и весьма превосходные воины,
 изобильные конями, имеющие множество овец и коров.*

Отвлечемся ненадолго от локализации аримаспов, описанной в первом – начале второго стиха и обратимся к их характеристике. Согласно ст. 3–4, аримаспы являются превосходными воинами, владеющими в изобилии лошадьми и многочисленным мелким и крупным рогатым скотом. Перед нами ёмкое и точное описание народа кочевников-скотоводов, для которого главным средством передвижения является лошадь. Последний стих фрагмента состоит из двух эпических формул, ἀφνειοὶ μῆλοισι (Hes. Op. 120) и πολὺρῥηνας πολυβοῦται (Il. 9. 154, 296), в первой из которых Аристей заменяет одно слово: вместо μῆλοισι пишет ἵπποισι, благодаря чему и получается этнографически точный портрет отдалённого народа¹¹⁶.

¹¹⁵ При переводе выражения πρὸς βορέω необходимо сохранить название ветра (также Bolton. 1962. P. 8), поскольку перевод 'к северу' дал бы искажённую картину. Борей противопоставлен Ноту только в упрощённой четырёхсоставной розе ветров (Od. 5. 294f). Это отнюдь не исключает того, что он покрывал и какую-то часть северо-восточного сектора. В восьмисложной розе ветров Борей соответствует северо-северо-восточному ветру (RE 3. S. 720f). Одним из подтверждений тому, что Борей соответствовал северо-северо-восточному направлению может быть культ Аполлона Борея, засвидетельствованный в Ольвии.

¹¹⁶ Попытка Иванчика показать зависимость стиха Аристея от фрагмента Каталога женщин (VI в.), Fr. 240 M-W (Иванчик. 1989. С. 33), в котором также используются эти две формулы, так же как и попытка Болтона показать обратную зависимость представляется несостоятельной.

Это говорит о предельно осмысленном использовании Аристеом эпического языка. Картина, данная в ст. 2–3, не противоречит геродотовскому пересказу содержания поэмы (*Hdt.* 4. 13), где аримаспы сопоставлены с исседонами, скифами и киммерийцами, т. е. с известными кочевыми народами, хотя сам Геродот склонен отмечать только заведомо фантастические для него черты аримаспов (*Hdt.* 3. 116). Но гораздо более разительным является её соответствие характеристике аримаспов как конного войска в «Прометее Прикованном» (PD 805: *στράτων ἰπποβάμων*¹⁷), для которой она, вероятно всего, и послужила прямым источником. Слово «войско» соответствует образу аримаспов как воинов, и его можно сопоставить с выражением «войско киммерийцев» в известном стихе Каллина (*Callin.* Fr. 5a W: *Κιμμερίων στρατός*), который, по нашим подсчётам, оказывается практически современником Аристея, а эпитет *ἰπποβάμων*, возможно, специально созданный Эсхилом для описания аримаспов (Мусбахова. 2010. С. 8), указывает на то, что это войско передвигалось на лошадях.

Можно привести ещё одно соображение в пользу того, что в ранней традиции сохранялось представление о связи аримаспов с лошадьми. Начиная по крайней мере с конца V в., аримаспов нередко путали с гиперборейцами. Это не случайная путаница, но особая и весьма любопытная традиция, на которой здесь можно остановиться лишь вскользь: Антимах (Колофонский, конец V в.), как сообщает Стефан Византийский (*Steph. Byz.* 650. 3), полагал, что гиперборейцы это те же аримаспы (*Antim.* 141M)¹¹⁷, у Каллимаха гиперборейские девы приходят от белокурых аримаспов (*Call. Del.* 291), согласно Ференику (*Pheren.* 671. 5), гиперборейцы заселили пашню Борея и породили царя Аримаспа. Весьма любопытным образцом этой традиции является фрагмент Симмия (начало III в.), согласно которому в стране гипербореев живут массагеты, *Simm.* 1. 1–3:

τηλυγέτων δ' ἀφνειὸν Ἵπερβόρων ἀνὰ δῆμον...
 ἔνθα δὲ Μασσαγέται τε θοῶν ἐπιβήτορες ἵππων
 ναίουσιν τόξοισι πεποιθότες ὠκυβόλοισιν
*через богатую землю далеких гипербореев...
 где массагеты, наездники быстрых коней
 живут, уверенные в (своих) быстроразящих луках.*

Выше уже было сказано о том, что этот текст свидетельствует о близости рассказа Аристея и мидийской версии в пересказе Геродота. В данном случае мы видим, что массагеты выступают в роли аримаспов. Нужно особо отметить близость характеристики массагетов

¹¹⁷ Нумерация фрагмента дана по изданию V. J. Matthews. *Antimachus of Colophon.* Leiden: New York; Köln, 1996. Там же см. комментарий в пользу принадлежности фрагмента Антимаху.

как всадников (ἐπιβήτορες ἵππων) с определением аримаспов у Эсхила (см. выше), а также указание на их вооружение луками, сближающееся с описанием скифов в «Прометее Прикованном» (PD 711: ἐκτεβόλοις τόξοισιν ἐξήρτυμένοι, оснащённые быстроразящими луками).

Существует, однако, одно весьма раннее свидетельство того, что имело место и обратное, т. е., что гипербореев путали с аримаспами. Это упоминание конных гипербореев в «Каталоге женщин» (Hes. Fr. 150. 63: Ὑπερβορέων ἐῖππων). Если это так, то эпитет εἰπποῖ очевидным образом исходно был связан с аримаспами. Кроме того, при таком понимании время создания каталога (VI в.) оказывается дополнительным *terminus ante quem* для «Аримаспеи».

Эти соображения подтверждают справедливость поисков индоиранской этимологии имени, в рамках которой, как указывали многие, имя аримаспов рассматривается как композит, вторая часть которого убедительно связывается с иранским названием лошади (Hinge. 2006. P. 19f. n. 16)¹¹⁸. Первая часть слова, вероятно, претерпела какое-то искажение при адаптации к греческому языку, но предположение о том, что это произошло под влиянием Ἀγίμοι, обиталища Тифона в Малой Азии (Hinge. 2006. P. 93), кажется неприемлемым по причинам географическим и ассоциативным. С учётом того, что первая часть композита могла быть эпитетом, напр., от основы агуа- большой интерес представляет сопоставление имени аримаспов с такими этнонимами восточных кочевников, как turjja (туры) и saka (олени), второй из которых соответствует одному из основополагающих образов скифского звериного стиля (Мачинский. 2001. С. 106). Кроме того, интересно, что именно на востоке степной зоны засвидетельствованы многочисленные петроглифы с изображениями «властелина коней», относимые к раннему этапу скифо-сибирского звериного стиля, т. е. к VIII–VII вв. до н.э. (Шер. 1993. С. 17). Это делает весьма привлекательной восходящую к Бенвенисту этимологию аримаспов: 'друзья коней' (Доватур и др. 1982. С. 275, прим. 249).

Во фрагменте локализация аримаспов дана относительно места обитания исседонов (информаторов Аристея: φασί), которые с ними соседствуют. Отмечалось наличие в этом тексте сразу трёх слов – καθύπερθευ, ὁμοῦρους, πρὸς βορέω, которые используются как термины в ионийской географической литературе (Hdt., Hecat.). Этот факт служит по сути дела краеугольным камнем для поздней датировки, предлагаемой Иванчиком, по мнению которого «чисто географическое сочетание καθύπερθευ... πρὸς βορέω совершенно чуждо эпосу, однако вполне естественно в ионийской географической

¹¹⁸ Они же показывают неприемлемость монгольской этимологии имени аримаспов, к которой склоняется Болтон (Bolton. 1962. P. 198 n. 15).

литературе» (Иванчик. 1989. С. 32). Отметим, однако, что сочетание всех трёх слов не встречается нигде больше не только в географической, но и в какой-либо другой литературе. Поэтому его никак нельзя назвать клише.

С другой стороны, сочинение Аристея не является героическим эпосом, и ничто не препятствует допущению, что в силу самой тематики поэмы в ней были использованы языковые средства, которые позднее стали использоваться как термины в географической литературе. В самом деле, из того, как передаёт содержание «Аримаспеи» Геродот, ясно, что Аристей давал в ней описание всей цепочки народов от южного моря (Понта) до моря, у которого живут гипербореи и что геродотовские термины ὑπεροικέειν, ὑπὲρ δὲ τούτων должны были иметь какие-то соответствия в тексте поэмы. Из другого пассажа Геродота мы узнаем дополнительно, что Аристей добрался только до исседонов, а о том, что дальше, говорил с их слов, (*Hdt.* 4. 16: οὐδὲ οὗτος προσώτερω Ἴσσηδόνων αὐτὸς ἐν τοῖσι ἔπεισι ποιέων ἔφησε ἀπικέσθαι, ἀλλὰ τὰ κατύπερθε ἔλεγε ἀκοῆι, φάσ Ἴσσηδόνας εἶναι τοὺς ταῦτα λέγοντας). Любопытно, что, сообщая об этом, Геродот вновь ссылается на поэму Аристея, как на свой источник (ср. *Hdt.* 4. 16: ἐν τοῖσι ἔπεισι ποιέων ἔφησε / *Hdt.* 4. 13: ἔφη... ποιέων ἔπεια). Таким образом, хотя цель путешествия Аристея была мистическая, он совершил его, выражаясь современным языком, как честный исследователь, фиксируя все этапы своего пути, видимо, в полном сознании того, что является первопроходцем.

И здесь уместно задать вопросом: когда появилась потребность в таких описаниях и, соответственно, когда стал вырабатываться подходящий для них языковой инструментарий? Наиболее естественно допустить, что и то и другое было неотъемлемой частью колонизационной активности греков. Те, кто уже в VIII в. достиг о-ва Питекуссы (Исихия) на западе, должны ведь были сообщить подробности своего пути следовавшим за ними соотечественникам. Созданный почти два века спустя труд Гекатея стал лишь обобщением, колоссальным сводом всех географических знаний, накопленных за время великой колонизации. Его истоки кроются в естественной потребности греков этой эпохи осмыслить и обозначить пределы стремительно расширяющегося мира. Путешествие Аристея, если мы отвлечёмся от его религиозной составляющей, не обсуждаемой нами в этом тексте, укладывается именно в эту логику, ведь гипербореи, которых он стремился достичь, живут у крайних пределов обитаемого мира. И если уж отрицать возможность употребления слов, позволяющих точно описать путь в раннее время, нужно отрицать саму возможность его совершения, чему препятствуют данные об эпохе Великой колонизации. Что касается путешествия Аристея, то оно могло быть совершено лишь тогда, когда описанное им

передвижение народов ещё имело место или было событием совсем недавней истории (см. 1а).

Fr. 2 (iii) Davies:

ὄφθαλμὸν δ' ἔν' ἕκαστος ἔχει χαρίεντι μετώπῳ
χαίτησιν λάσιοι, πάντων στιβαρότατοι ἀνδρῶν
*один же глаз каждый имеет на прекрасном лбу
косматые волосами, самые могучие из всех мужей*

Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что между первым и вторым стихом фрагмента нет очевидной синтаксической связи. Поэтому мы по сути дела не можем быть уверены, что это не два фрагмента, вырванных из контекста поэмы¹¹⁹. Для удобства рассмотрим их по отдельности.

а) В древней традиции прочно утвердилось представление об аримаспах как об одноглазых существах, подобных киклопам (*Str.* 1. 2. 10), и действительно детали описаний эллинистических киклопов, вероятно, восходят именно к образу аримаспов у Аристея (см. ниже). Но очевидно, что Аристей изображал не киклопов. Как мы видели выше, аримаспам дана точная этнографическая характеристика: это превосходные конные воины, владеющие стадами. Тем больший интерес приобретает наличие у них на лбу одного глаза: Аристей использовал эту черту, несмотря на риск того, что его аримаспы будут приняты за киклопов. Не свидетельствует ли это о том, что за этой деталью портрета аримаспов стояла определённая реальность?

Итак будем исходить из того, что поэт должен был дистанцировать своё описание от известных литературных или устных образцов. В этой связи интересно рассмотреть наиболее близкое к нашему фрагменту архаическое описание киклопов у Гесиода, Th. 143–145:

(139 γείνατο δ' αὖ Κύκλωπας ὑπέρβιον ἦτορ ἔχοντας,
Βροχῦτην τε Στερόπην τε καὶ Ἄργην ὀβριμοθύμον,
οἱ Ζηνὶ βροντὴν τε δόσαν τεύξάν τε κεραυνόν.
Οἱ δὴ τοι τὰ μὲν ἄλλα θεοῖς ἐναλίνκιοι ἦσαν,)
143 μῶνος δ' ὄφθαλμὸς μέσσωι ἐνέκειτο μετώπῳ.
Κύκλωπες δ' ὄνομ' ἦσαν ἐπώνυμον, οὐνεκ' ἄρα σφέων
κυκλοτερῆς ὄφθαλμὸς ἔεις ἐνέκειτο μετώπῳ.
*(затем она родила киклопов злокозненных духом
Бронта и Стеропа, а также могучего Арга,
Тех, что Зевесу дали гром и сковали перуны.
всем другим они богам подобными были,)
только единственный глаз был (у них) на лбу посредине.*

¹¹⁹ Цитируя 6 гексаметров Аристея, Цец поясняет, что приводит всё, что ему удалось найти под его именем (Tzetzes Chil. 7. 679). Это, конечно, означает, что поэмы он не читал. Похоже, он даже не понял, что речь в пяти из процитированных им гексаметров идёт об аримаспах, поскольку непосредственным поводом для цитирования Аристея послужило для него упоминание исседонов в цитате из другого автора.

*имя ж циклопы им было наречено, потому что
круглый глаз один был (у них) на лбу посредине.*

Несмотря на несомненную близость образов Гесиода и Аристея, несмотря даже на некоторую ритмическую близость двух гексаметров, гораздо существеннее оказываются два основных отличия стиха Аристея от Th. 143.

1) Лоб аримаспов назван прекрасным (*χαρίετι μετώπωι*), подобно лбу и лицу Ахилла (II. 16. 798: *χαρίεν τε μέτωπον, 18.24: χαρίεν ... πρόσωπον*). Это определение сразу выводит аримаспов, несмотря на такую необычную деталь, как один глаз, из круга представлений о тератоморфных существах вроде тех же циклопов, кинокефалов и др. Кроме того, благодаря ассоциациям с Ахиллом, оно, вполне возможно, включалось в характеристику аримаспов как превосходных воинов (см. выше) и придавало ей дополнительный героический оттенок.

2) Во фрагменте Аристея сказано, что глаз на лбу у аримаспов – один (*ὀφθαλμὸν δ' ἕνα*), тогда как у Гесиода глаз единственный (*μόνους δ' ὀφθαλμὸς*). Между этими двумя выражениями есть существенная разница: нахождение на лбу *одного* глаза не препятствует допущению, что у аримаспов имелись и обычные два физических глаза¹²⁰, тогда как наличие на лбу *единственного* глаза исключает такую возможность. Это соображение не позволяет нам считать глаз аримаспов заведомо фантастической деталью и заставляет объяснение ему искать в пространственно-временном контексте, на который указывают остальные свидетельства. Если мы пойдём по этому пути, то мы должны учесть интерпретацию, согласно которой глаз на лбу (третий глаз) мог быть приписан представителям племени, обитавшего в зоне распространения трёхглазых ликов афанасьевской и окуневской культур (Хакасско-Минусинская котловина), почитание которых продолжалось со второй половины III тыс. до н.э. до VIII в. до н.э., и даже в последующие VIII–VI вв. при вторичном использовании для сооружения могил другой культуры стелы с ликами использовались осмысленно и с почтением (Мачинский. 1997. С. 279). Эта гипотеза была высказана независимо от Христингера, который сопоставлял аримаспов с хакасско-минусинскими стелами, но основывался при этом на неверном представлении о хронологии и культурной принадлежности последних (Christinger. 1961) и, как и некоторые другие исследователи, прямо отождествлял аримаспов с циклопами (Доватур и др. 1982. С. 256).

¹²⁰ Нельзя также исключать возможности того, что выражение *ὀφθαλμὸν δ' ἕνα* с помощью *δέ* было противопоставлено упоминанию двух физических глаз в предыдущем предложении: а один глаз у каждого имеется на лбу. Но на этом, конечно, нельзя настаивать.

Интересно, что третий глаз на хакасско-минусинских ликах является круглым, как и другие два, но на лучших изображениях он выделен особыми средствами (показан крупнее или в виде солярного символа) и часто, в отличие от других двух, находится в основании некоего восходящего над ликом канала. Таким образом, в отличие от схематически представленных физических глаз, третий глаз определённо мог считаться круглым. И здесь оказываются любопытными ст. 144–145 из приведённого отрывка «Теогонии», с помощью которых объясняется само имя киклопов: их так зовут, потому что посреди лба у них находится *круглый глаз* (κυκλωτῆρης ὀφθαλμός)¹²¹. Любопытно, что кроме Гесиода, ни один другой греческий автор не акцентирует внимание на форме глаза киклопов, и, таким образом, для позднейшей традиции отличительной особенностью киклопов оказывается не округлость глаза, а его единичность¹²².

Таким образом, минимальность отличий фрагмента Аристея от описания киклопов в Теогонии, которое ему скорее всего было известно, свидетельствует о значимости и правдивости сообщаемой им информации о глазе на лбу у аримаспов. С другой стороны, эти отличия находят вполне реалистическое объяснение. Если же посмотреть на сходство этих описаний со стороны Гесиода, то, поскольку у нас нет оснований думать, что он ориентировался в своем описании киклопов на аримаспов Аристея, нам остаётся предположить, что круглый глаз киклопов Гесиода восходит к тому же представлению о третьем глазе, которое запечатлено как на афанасьевско-окуневских стелах, так и в образе обитавших по соседству с их ареалом аримаспов.

б) Интерпретация выражения *χαίτησιν λάσιοι*, согласно которой аримаспы покрыты волосами как шерстью (Bowra. 1970. P. 83), визуально подтверждается изображением на келермесском зеркале. По мнению Иванчика, однако, речь здесь идёт о лохматых и запущенных волосах аримаспов, поскольку *χαίτη* как будто бы может означать «либо шевелюру, либо гриву», а *λάσιος* не применимо к человеческим существам целиком.

Абсолютное употребление прилагательного *λάσιος* действительно характерно в первую очередь в отношении животных (этому, пожалуй, странно удивляться, поскольку люди отличаются от животных в т. ч. отсутствием сплошного волосяного покрова). Гораздо интереснее, однако, его использование по отношению к людям или

¹²¹ В некоторых изданиях объясняющие стихи Th. 144–145 атрибутируются. Уэст, однако, справедливо указывает, что эти стихи совершенно в духе эпической этимологии, тогда как более поздний автор избежал бы столь очевидного повтора ст. 143 (West. 1966. P. 208).

¹²² Очень любопытно, что представление о круглом глазе вновь возникает лишь у Вергилия, где он выразительно сравнивается с аргосским щитом и со светочем Фебы (т. е. луны), Verg. Aen. 3. 635–637.

антропоморфным существам, среди которых имеются и примеры абсолютного употребления. Так, Антимах Колофонский, эпический поэт конца V в., в своей поэме Фиваида характеризует этим словом самого Кроноса (*Antim.* 52. 2 M: *λάσιος Κρόνος*)¹²³. Правильному пониманию *λάσιος* у Антимаха содействуют, на наш взгляд, эпические употребления слова с положительным значением 'мужественный, могучий', как в выражении «власатые перси» Ахилла (Π. 1. 189), или, ещё более определённо в формульном сочетании *λάσιον κῆρ* (Π. 2. 851, «храброе сердце». – *Пер. Гнедича*). Исходя из этого, волосатый Кронос Антимаха – это, конечно, могучий Кронос, так же как и волосатая грудь Ахилла свидетельствует о его мужестве. Эти соображения позволяют допустить, что и применительно к аримаспам *λάσιοι* было положительной характеристикой, говорившей об их мужестве и силе.

Тем не менее обращает на себя внимание, что *λάσιοι*, характеризующее аримаспов, имеет при себе пояснение *χαίτησιν*, тогда как Кронос назван *λάσιος* без каких-либо оговорок. С учётом изображения на зеркале это наводит на мысль о том, что мы здесь, возможно, имеем дело с какой-то антропологической деталью. Во всяком случае, художник, украсивший зеркало, понял текст Аристея буквально.

Небезынтересно также, с точки зрения датировки, что и во всех других поздних случаях *λάσιος*, как и у Антимаха, употребляется абсолютно (*Ar. Nub.* 349, *Call.* 67. 11, *Theoc.* 11. 50)¹²⁴, тогда как в нашем фрагменте – с *Dat. χαίτησιν*. Дело обстоит так, как если бы Аристей писал в то время, когда *λάσιος* действительно абсолютно употреблялось только о животных и поэт испытывал потребность пояснить, что аримаспы, как животные шерстью, покрыты *волосами*.

Что касается возможности употребления *χαίτη* применительно к волосяному покрову не только головы, но и других частей тела, здесь мы можем указать на свидетельство Каллимаха, у которого в гимне к Артемиде этим словом названы волосы на груди киклопа (*Call. Hymn. Art.* 76: *στήθεος ἐκ μεγάλου λασίης ἐδράξαο χαίτης*)¹²⁵. Однако ввиду единичности этого примера нельзя исключать, что Каллимах ориентировался непосредственно на текст Аристея (см. ниже).

Таким образом, приведённые доводы вполне подтверждают толкование Бауры, согласно которому *χαίτησιν λάσιοι* означает

¹²³ По мнению комментатора, фрагмент мог относиться к описанию щита одного из семерых героев. Характер поэмы не позволяет сомневаться в серьёзности описания Кроноса.

¹²⁴ Из этих случаев наиболее интересен пример из Аристофана, поскольку речь идёт о человеке; остальные примеры относятся к Силену и Киклопу.

¹²⁵ «Ты же с пространной груди густые влася ухватила», об Артемиде, которая, будучи ещё девочкой, вырвала клочок волос с груди киклопа, не испугавшись того, кем обычно пугают детей.

‘покрытые волосами как шерстью’, и, кроме того, у нас появилась возможность считать эту характеристику признаком не звероподобности и дикости аримаспов, как в случае Силена или киклопов, а мужества и отваги, как у эпических героев.

Абсолютное употребление прилагательного $\sigma\tau\iota\beta\alpha\rho\acute{o}\varsigma$ в выражении $\pi\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu\ \sigma\tau\iota\beta\alpha\rho\acute{o}\tau\alpha\tau\omicron\iota\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\nu$ (самые могучие из мужей), по причинам, о которых было сказано выше, мы также не можем считать свидетельством поздней даты фрагмента. Любопытно, что $\sigma\tau\iota\beta\alpha\rho\acute{o}\varsigma$ как и $\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\varsigma$ используются для описания киклопов эллинистическими поэтами, хотя в соответствующих рассказах Гомера и Гесиода они не встречаются: *Call. Hymn. Art. 76* $\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\eta\varsigma\ \chi\acute{\alpha}\iota\tau\eta\varsigma$; *Theoc. 11. 50*: $\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\acute{\omega}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$; *Call. ibid. 75* $\sigma\tau\iota\beta\alpha\rho\acute{o}\iota\sigma\iota\nu\ \gamma\omicron\nu\acute{\alpha}\tau\epsilon\sigma\sigma\iota$. Учитывая повышенный интерес учёных эллинистических поэтов к редким мифам и вообще к редкостям в древней традиции можно предположить, что эллинистический образ киклопа восходит к аримаспам Аристея¹²⁶.

Fr.1.2 Davies:

$\acute{\alpha}\nu\delta\rho\epsilon\varsigma\ \ddot{\upsilon}\delta\omega\rho\ \nu\acute{\alpha}\iota\omicron\upsilon\sigma\iota\nu\ \acute{\alpha}\pi\omicron\ \chi\theta\omicron\nu\acute{o}\varsigma\ \acute{\epsilon}\nu\ \pi\epsilon\lambda\acute{\alpha}\gamma\epsilon\sigma\sigma\iota$
люди обитают на воде вдали от земли на (водном) просторе

Исследователями уже отмечалось, как необычная черта, абсолютное употребление во фрагменте P1. $\pi\epsilon\lambda\acute{\alpha}\gamma\epsilon\sigma\sigma\iota$, тогда как обычно в эпических текстах при нём используется Gen.S. $\acute{\alpha}\lambda\omicron\varsigma$ ($\acute{\alpha}\lambda\omicron\varsigma\ \acute{\epsilon}\nu\ \pi\epsilon\lambda\acute{\alpha}\gamma\epsilon\sigma\sigma\iota$, см. Od. 5.335, Hymn. Ap.73, Arch. 8.1). Тем не менее нет никаких оснований считать, что P1. означает здесь множество конкретных морей (Иванчик. 1989. С. 36)¹²⁷. Напротив, отсутствие Gen. удивительно соответствует, как мы покажем, описываемой в этих стихах ситуации.

Напомним, что согласно наиболее убедительной трактовке фрагмента, некий исседон рассказывает своим соплеменникам как поразительный факт, о людях, живущих мореплаванием (Bowra. 1970. P. 74–83). Исходя из этого естественно ожидать, что в языке рассказчика и его слушателей нет слова ‘море’. Поэтому Аристей, который, очевидно, и был источником передаваемых сведений о греках, употребляет слово $\pi\acute{\epsilon}\lambda\alpha\gamma\omicron\varsigma$, означающее по сути дела большую воду и совершенно естественно опускает $\acute{\alpha}\lambda\omicron\varsigma$, которое и придаёт формульному выражению значение ‘на морском просторе / в открытом море’. То, что $\pi\acute{\epsilon}\lambda\alpha\gamma\omicron\varsigma$ изначально имеет значение большой воды

¹²⁶ В связи с $\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\varsigma$ на это указывает Болтон (Bolton. 1962. P. 199, n. 20). Гораздо труднее предположить, что описание Аристея и эллинистических поэтов имеют общий источник в каком-то недошедшем эпосе (Иванчик. 1989. С. 35), поскольку совершенно очевидно, что Аристей описывал не киклопов (см. выше).

¹²⁷ Это невозможно в рамках той интерпретации, из которой исходит Иванчик и которой следуем мы (Bowra. 1970. P. 74–83): невозможно представить себе, что люди, не имеющие представления о море, могут говорить о плаваниях в разных конкретных морях.

(по преимуществу, но не исключительно морской), хорошо показывает пиндаровское выражение $\epsilon\upsilon \text{ } \omicron\kappa\epsilon\alpha\nu\omicron\upsilon \text{ } \pi\epsilon\lambda\acute{\alpha}\gamma\epsilon\sigma\sigma\iota$ (*Pi.* P. 4. 251, на просторе Океана), использование слова для обозначения большого озера у Эсхила (A. Pe. 867: $\Sigma\tau\rho\upsilon\mu\omicron\iota\omicron\upsilon\upsilon \text{ } \pi\epsilon\lambda\acute{\alpha}\gamma\omicron\upsilon\sigma$) и большой пресноводной поверхности у Геродота (*Hdt.* 7. 129). Рассказчик фрагмента потрясён образом жизни далёкого морского народа и по сути дела трижды, словно подыскивая подходящие слова, говорит одно и то же: люди живут на воде (!), вдали от земли (!), на водном просторе (!). Таким образом «опускание» ожидаемого слова $\acute{\alpha}\lambda\omicron\varsigma$ позволяет автору добиться желаемого эффекта, так что при $\pi\epsilon\lambda\acute{\alpha}\gamma\epsilon\sigma\sigma\iota$ мыслится Gen. S. $\upsilon\delta\alpha\tau\omicron\varsigma$ (воды), слова которое уже прозвучало в начале стиха.

Болтон с сомнением относился к этому фрагменту, полагая, что сам приём, когда в уста варвара вкладывается рассказ об образе жизни греков, является слишком изысканным для VII в. (Bolton. 1962. P. 19). Если он имел в виду отсутствие литературных аналогий, то этот вывод, пожалуй, поспешен. Наиболее естественная интерпретация этого фрагмента в контексте путешествия Аристея такова: на пути к гиперборейцам Аристей добирается до людей, которые ничего не знают о существовании моря, и даже слово такое отсутствует в их языке. Эта ситуация поразительным образом напоминает осуществление пророчества, данного Тиресием Одиссее, по которому герой, чтобы избавиться от гнева Посейдона должен будет, взяв весло, идти вглубь материка, пока не придет к людям, не знающим моря, едящих хлеб без соли, не знающих ни кораблей, ни вёсел (Od. 11. 121–130). Причём любопытно, что в Одиссее предвосхищена сама имеющая характер бурлеска сцена, цель которой продемонстрировать степень чуждости моря для обитателей материка: знаком, что он достиг своей цели, послужит для Одиссея вопрос встречного о том, что за лопату для обмолота зерна он несет на плече. Аристей, словно развивает дальше этот приём. Он рассказывает своему встречному о море, корабле и вёслах, а затем живописует впечатления последнего в пересказе, адресованном его соплеменникам. Встречный Одиссея принимает весло за лопату, собеседник Аристея воспринимает корабль, описание которого он только что услышал, как дом, плавающий по воде. На фоне изощрённой композиции Одиссеи возможность такого оформления этого сюжета не представляется слишком экстравагантной.

В предпринятом частичном обзоре фрагментов мы стремились, прежде всего, показать осмысленность образов Аристея и адекватность языковых средств, с помощью которых она достигается. Одновременно на ряде примеров была продемонстрирована несостоятельность попыток свести своеобразие их стилистики к влиянию позднейшего узуса. Важным итогом представляется интерпретация деталей, позволяющих прояснить портрет аримаспов как доблестных воинов,

конников и скотоводов. Это позволяет вывести образ аримаспов из круга представлений о фантастических существах, в котором, видимо, с утратой полного текста поэмы, он оказался уже в древности, и показать его соответствие пересказу поэмы у Геродота, где аримаспы предстают как этнос, ставший ударной силой грандиозного процесса переселения степных народов, фиксируемого не позднее начала VII в., который был чутко уловлен Аристеем.

Литература

- Алексеев. 2003 – *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003.
- Бонгард-Левин, Грантовский. 2001 – *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. Ф.* От Скифии до Индии. СПб., 2001.
- Вахтина. 2001 – *Вахтина М. Ю.* О северо-ионийских элементах в изобразительной системе электровой обкладки Келермесского зеркала // БФ. 2001. Ч. 2.
- Галанина. 1997 – *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. М., 1997.
- Доватур и др. 1982 – *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Иванчик. 1989 – *Иванчик А. И.* О датировке поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнесского // ВДИ. 1989. № 2.
- Кисель. 1993 – *Кисель В. А.* Стилистическая и технологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса // ВДИ. 1993. № 1.
- Максимова. 1954 – *Максимова М. И.* Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. XXI.
- Мачинский. 1997 – *Мачинский Д. А.* Уникальный сакральный центр III – середины I тыс. до н.э. в Хакасско-Минусинской котловине // Окуневский сборник. СПб. 1997.
- Мачинский. 1998 – *Мачинский Д. А.* Страна аримаспов, простор ариев и «скифские» зеркала с бортиком // История и культура древних и средневековых обществ. СПб., 1998.
- Мачинский. 2001 – *Мачинский Д. А.* «Ось мировой истории» Карла Ясперса и религиозная жизнь степной Скифии в IX–VII в. до н.э. // БФ. 2001. Ч. 2.
- Мачинский, Мусбахова. 2009 – *Мачинский Д. А., Мусбахова В. Т.* Остров Кирки и изображения на келермесском ритоне, преддверье Аида и древнейшая греческая расписная керамика в Северном Причерноморье (по «Одиссее» и археологическим материалам) // БФ. 2009.
- Мусбахова. 2010 – *Мусбахова В. Т.* Сравнительно-историческое изучение текста и проблемы авторства (на материале трагедии «Прометей Прикованный»): Автореф. дис. ... канд филолог. наук. СПб., 2010.
- Тохтасьев. 1993 – *Тохтасьев С. Р.* Античная литературная традиция о киммерийцах // *Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтасьев С. Р.* Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993.
- Шер. 1993 – *Шер Я. А.* «Господин коней» на берегу Енисея // ΣΚΥΘΑΙ. SARMATAE. СЛАВЯНЕ. РУСЬ. СПб., 1993.
- Щеглов. 2001 – *Щеглов Д. А.* Путешествие Аристея Проконнесского: проблема датировки // БФ. 2001. Ч. 1.

- Щеглов. 2010 – *Щеглов Д. А.* Аристей из Проконнеса: факты и интерпретации // Аристей. 2010. Т. 1.
- Bolton. 1962 – *Bolton J. D. P.* Aristeas of Proconnesus. Oxford, 1962.
- Bowra. 1970 – *Bowra C. M.* A Fragment of the Arimaspeia // On Greek Margins. Oxford, 1970.
- Calame. 1983 – *Calame C.* Alcman. Rome, 1983.
- Christinger. 1961 – *Christinger R.* Les Arimaspes // Asiatische Studien. 1961. Vol. XIV.
- Davies. 1988 – *Davies M.* Epicorum Graecorum Fragmenta. Göttingen, 1988.
- Hinge. 2006 – *Hinge G.* Herodot zur Skythischen Sprache Arimaspen, Amazonen und die Entdeckung des Schwarzen Meeres // Glotta. 2006. Vol. 81.
- Ivantchik. 2002 – *Ivantchik A. I.* Un fragment de l'épopée scythique: "le cheval de Colaxais" dans un partheneion d'Alcman // Ktema. 2002. Vol. 27.
- Rohde. 1901 – *Rohde E.* Γέγονε in den Biographica des Suidas // Kleine Schriften. I. Tübingen; Leipzig, 1901.
- West. 1966 – *West M. L.* Hesiod Theogony. Oxford, 1966.
- West. 2002 – *West S.* Scythians // Brill's Companion to Herodotus. Leiden; Boston; Köln, 2002.
- West. 2003 – *West S.* Herodotus on Aristeas // Pontus and the Outside World: Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology. Leiden, 2003.

Д. Е. Чистов

**Новые исследования в восточной части
Березанского поселения: хозяйственно-промысловая зона
середины – второй половины VI в. до н.э.?**

В результате работ экспедиции Эрмитажа участка «О» в восточной части о. Березань в 2008–2010 гг. раскрыты строительные остатки комплекса построек, датирующихся концом VI – первой четвертью V в. до н.э., имевших, судя по особенностям их планировки, общественную функцию (Рис. 1; Чистов. 2011). На части площади, занимаемой этими объектами, подстилающие их напластования были доследованы до материка. В результате удалось раскрыть строительные остатки различных хронологических этапов существования Березанского поселения: полуземлянки и хозяйственные ямы рубежа VII–VI – первой половины VI в. до н.э. и объекты второй половины VI в. до н.э. Данное сообщение посвящено описанию последних, имевших достаточно нетипичный для Березанского поселения характер.

На всей раскрытой площади был выявлен ярко выраженный горизонт разрушения, представлявший собой золистые слои (мощностью до 0,5–0,7 м), перемежавшиеся заплатами сырца. Указанные напластования сформировались в результате пожаров, следы которых были выявлены ранее практически по всей площади участка «О», исследовавшегося в 2005–2010 гг. Наиболее вероятная дата этих

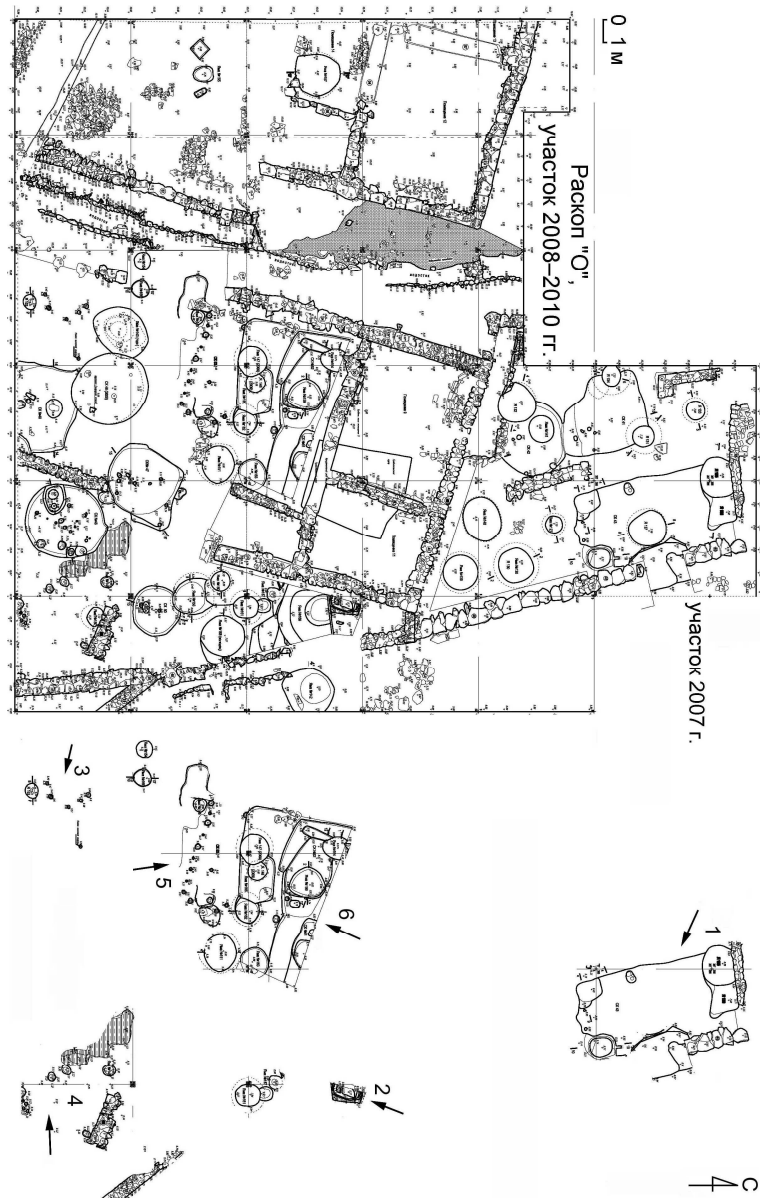

Рис. 1. Берзанское поселение, раскоп «О», участок работ 2008–2010 гг., горизонт середины – третьей четверти VI в. до н.э. Стрелками отмечены: 1 – полуземлянка СК 43; 2 – купольная сырцовая печь; 3, 4 – скопления столбовых ямок, 5 – глиноплетнёвое сооружение СК 53; 6 – котлованы СК 51, 52

катастрофических событий находится в пределах последней четверти VI в. до н.э., хотя может оказаться и несколько более ранней (Чистов. 2007). Мощные слои разрушения заставляли ожидать раскрытия хорошо сохранившихся строительных остатков каменно-сырцовых построек третьей четверти VI в. до н.э., аналогичных помещениям погибшего в пожаре жилого дома, находившегося северо-восточнее, однако проведённые в 2008–2010 гг. раскопки выявили совершенно иную картину. На исследованной территории почти не оказалось каменных кладок – цоколей стен сооружений, которых можно было бы отнести к данному периоду¹²⁸. Вместе с тем обнаружены несколько необычных объектов. В их числе – одна прямоугольная полуземлянка весьма значительных размеров, следы, по меньшей мере, трёх столбовых конструкций, представлявших собой лёгкие наземные плетнёвые постройки или навесы, два котлована неясной формы и назначения, а также несколько хозяйственных ям, находки из заполнения которых позволяют датировать их серединой – третьей четвертью VI в. до н.э. Приведём их краткое описание.

Строительный комплекс № 43 (Рис. 1. № 1) представляет собой полуземлянку прямоугольной формы, ориентированную вдоль городской улицы. Её границы определены не полностью, поскольку она взаимопересекается с несколькими разновременными хозяйственными ямами, а с востока уходит под подошву восточной ограды комплекса общественных сооружений конца VI – первой четверти V в. до н.э. (кладки 48). Размеры СК 43 можно оценить как $6,8 \times 4,9$ м ($33,3 \text{ м}^2$). Зафиксированная глубина – 0,2–0,35 м.

В юго-западном углу полуземлянки раскрыто углубление под прямоугольной формы размерами $1,1 \times 0,8$ м и глубиной около 0,45 м. Ещё одно углубление (шириной 1,8 и глубиной 0,2 м) частично раскрыто вдоль восточной границы комплекса. В полу комплекса выявлены три столбовые ямки, однако определить характер перекрытия СК 43 по их взаимному расположению невозможно. Каких-либо следов каменных или сырцовых кладок вдоль стенок котлована не обнаружено (помимо кладки 44 с севера, связь которой с этим комплексом неочевидна). В заполнении полуземлянки обнаружен мощный завал камней, положение которых указывало на то, что они падали с восточной стенки, однако при исследовании участка под подошвой стены 48 каких-либо следов каменной кладки *in situ* вдоль восточной границы СК 43 найдено не было.

В юго-восточной части полуземлянки раскрыта глинобитная круглая купольная печь хорошей сохранности (Рис. 2. 1; 2. 3).

¹²⁸ Исключение составляют два обрывка кладок, раскрытых в восточной части исследованного участка – № 61 и 68. Эти строительные остатки предшествуют горизонту пожара, однако, судя по их взаимному расположению и разному уровню залегания подошв, они разновременны и не принадлежали одной постройке.

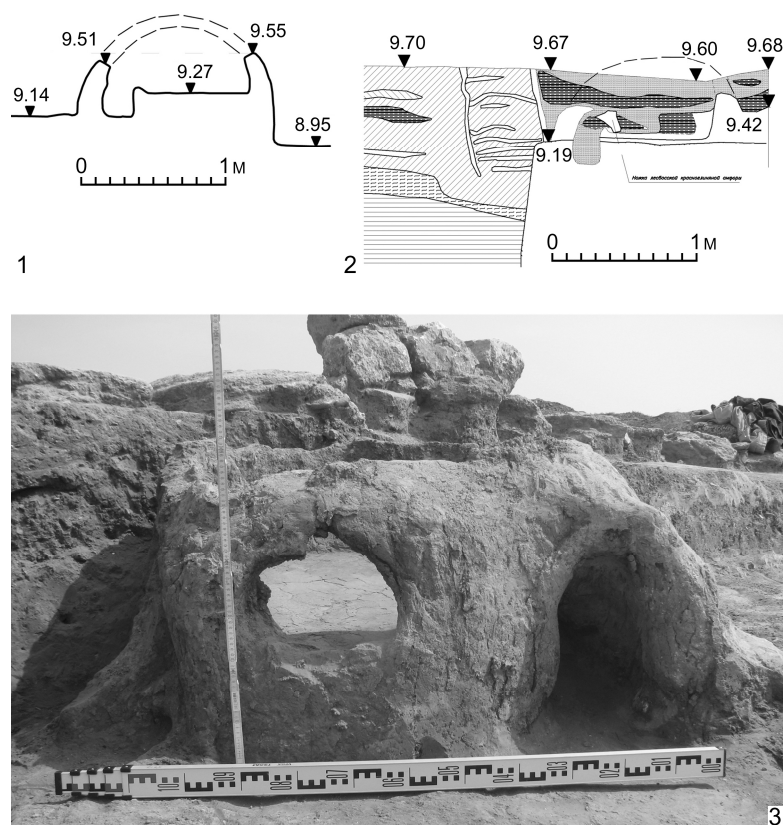

Рис. 2. Березанское поселение, раскоп «О»:

1, 3 – купольная сырцовая печь полуземлянки СК 43; 2 – стратиграфический разрез купольной сырцовой печки и сложенной из дёрна (?) стены

По всей видимости, печь имела бытовую функцию (разновидность тандыра для выпечки хлеба, приготовления пищи и т. п.). Диаметр печи – 0,9–1,1 м, купол сохранился на высоту до 0,4–0,45 м. Большую часть его внутреннего пространства занимает хорошо промазанная слоем прокалённой глины площадка размерами 0,77 × 0,75 м. С юго-запада она отделена промазанным невысоким бортиком от топочной камеры. Последняя имела поддувало, обращённое к западу. Она была забита золой и угольками, состоящими из тонких волокон: по всей видимости, топливом служил тростник или прутья мелкого кустарника. К западу также обращено отверстие в самом куполе печи.

Поскольку полуземлянка ориентирована вдоль городской улицы и соседствует с ней с запада, не приходится сомневаться в том, что СК 43 синхронен наиболее раннему периоду существования улицы.

Возможно, этот комплекс представлял собой не полуземлянку, а наземную постройку со слегка заглубленным уровнем пола, имевшую совершенно не сохранившиеся сырцовые стены.

Остатки ещё одной постройки, перекрытой напластованиями пожара, удалось исследовать на очень небольшом участке на квадрате 49. Изучить этот объект полностью не позволили перекрывающие их строительные остатки здания № 1 позднеархаического комплекса общественных сооружений. Можно лишь отметить, что этой постройке принадлежала плохо сохранившаяся стена толщиной около 0,5 м, сложенная, по всей вероятности, из нарезанного дёрна, скрепленного глинистым раствором, и обмазанная по фасадам глиной: проследить её структуру удалось лишь благодаря стратиграфическому разрезу. К стене примыкала сырцовая печь, по своему устройству практически идентичная печи СК 43 (Рис. 1. № 2; 2. 2)¹²⁹.

В южной части исследованного участка, на квадратах 47–48, выявлены два объекта, представлявшие собой заглублённые в погребённую почву и материковый суглинок котлованы неясной формы (СК 51, 52; Рис. 1. № 6). Находки керамики, сделанные в их заполнении, а также данные стратиграфии свидетельствуют о том, что эти комплексы предшествуют слоям разрушения и могут быть датированы второй половиной VI в. до н.э. Также в южной части участка обнаружены следы, по меньшей мере, трёх столбовых конструкций, на описании которых мы остановимся подробнее.

Строительный комплекс 53 представляет собой выявленное с уровня погребенной почвы скопление из 14 столбовых ямок, взаиморасположение которых позволяет предполагать, что в древности они принадлежали одному сооружению (Рис. 1. № 5; 3. 1). По всей видимости, этот объект представлял собой легкую наземную глиняно-плетнёвую постройку размерами около 4,5 × 1,95 м. Постройка в плане была прямоугольной, однако её восточная стенка имела форму полукруглой апсиды. На центральной оси сооружения выявлена одна столбовая ямка диаметром 0,14 м и глубиной 0,16 м – возможно, она могла служить для установки одного из столбов, поддерживавших двускатную кровлю. В ещё одной ямке, расположенной в пределах апсиды постройки, была обнаружена нижняя часть амфоры неизвестного центра производства (Рис. 3. 2 – БЭ 2010 25/518).

На квадратах 88–89 была раскрыта часть другой столбовой конструкции, планировка которой, к сожалению, не может быть уверенно восстановлена по раскрытому участку. Возможно, на данной

¹²⁹ По-видимому купольная печь данного типа характерна для Березанского поселения середины – второй половины VI в. до н.э. Две печи точно такой же конструкции (в т. ч. одна хорошо сохранившаяся) были раскрыты на участке «О» В. В. Лапиным в 1976 г. Определить, к каким комплексам они принадлежали, в ходе раскопок не удалось, однако одна из них, возможно, находилась в землянке (Лапин. 1976. С. 32–34. Табл. VI).

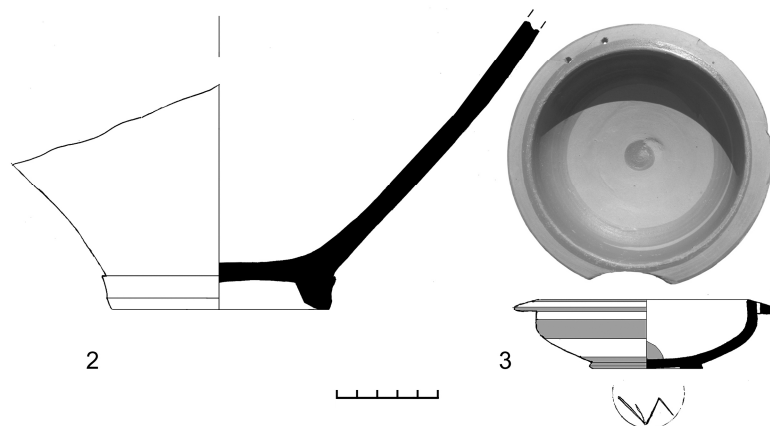
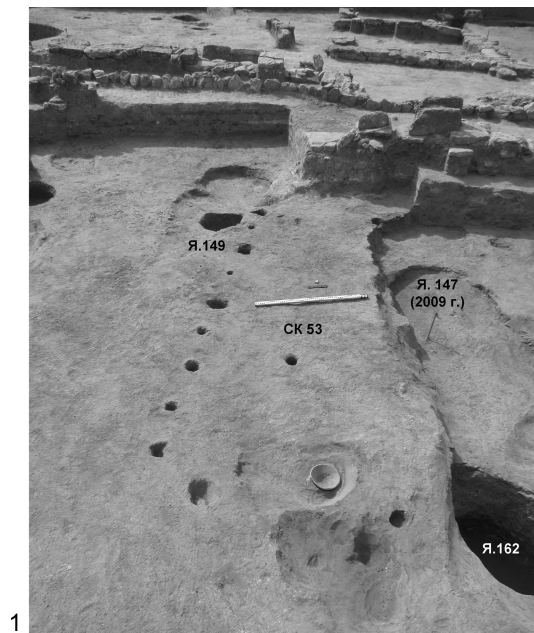

Рис. 3. Березанское поселение, раскоп «О»: 1 – столбовая конструкция СК 53, вид с востока; 2 – дно амфоры, установленной в апсиде СК 53; 3 – ионийская тарелочка из заполнения ямы 153

территории располагалось какое-то лёгкое сооружение типа навеса (Рис. 1. № 4). Раскрыты, в общей сложности, шесть ямок от больших столбов диаметром 0,25–0,47 м и глубиной 0,16–0,25 м. В одной из

ямок находилось углистое заполнение – остатки сгоревшего деревянного столба диаметром 0,22 м. Между двумя ямками у южного борта раскопа (включая ямку с остатками сгоревшего столба) выявлена цепочка ямок меньшего диаметра, расположенных в «шахматном» порядке близко друг к другу (расстояние между этими ямками составляло от 0,03 до 0,12 м). Стратиграфия южного борта участка 2010 г. свидетельствует о том, что слои пожарища, имеющие на этом участке мощность до 0,5 м, «затекают» в верхнюю часть заполнения столбовых ям. Таким образом, данная конструкция принадлежала какому-то наземному сооружению, существовавшему непосредственно перед пожаром последней четверти VI в. до н.э.

Ещё одно скопление из пяти столбовых ямок раскрыто западнее, на квадрате 86 (Рис. 1. № 3) В одной из этих ямок была обнаружена *in situ* вкопанная ножка хиосской амфоры. Севернее найдена ещё одна небольшая яма (№ 153) диаметром 0,64 м и глубиной 0,35 м. Её форма (стенки сужались ко дну) свидетельствует о том, что яма использовалась для установки столба или сосуда (амфоры). В нижней части заполнения найдена целая ионийская тарелочка с отогнутым венчиком и отверстиями для подвешивания (Рис. 3. 3 – БЭ 2010 29/256) второй половины VI в. до н.э. (Boardman, Hayes. 1973. P. 5. Pl. 11).

Хорошо известно, что апсидные и овальные в плане постройки, зачастую представлявшие собой столбовые глиняно-плетнёвые конструкции с каменным цоколем или без него, являлись одним из распространённых типов греческих жилых домов приблизительно до середины VIII в. до н.э., но к VII в. до н.э. «криволинейные» сооружения повсеместно замещаются многокомнатными домами прямоугольных очертаний. Эта трансформация жилища интерпретируется как отражение глубоких перемен в общественной жизни, связанных с формированием полисных структур, а также с сопутствующими изменениями в гендерной идеологии греческого общества (Morris. 2002. P. 16–18, 27). Вместе с тем и для позднеархаического периода имеются редкие примеры использования небольших апсидных жилых домов. Так, в ходе исследований горизонта второй половины VI в. до н.э. в Клазоменах было найдено несколько подобных апсидных и «криволинейных» построек (F, K на участке В, Н на участке С, D на участке С: Ersoy. 2007. P. 156–169. Fig. 2, 6, 7). Показательно, что все они связаны с одним коротким хронологическим этапом, непосредственно следовавшим за временным запустением города после персидского завоевания в 546 г. до н.э., и являлись, по всей видимости, жилищами первых поселенцев, возвратившихся в старые Клазомены не более чем двумя десятилетиями позже, в 530/20 гг. до н.э. Эти сооружения имели каменные цоколи, надстроенные, по всей видимости, глиняно-плетнёвыми стенами (Ibid. P. 162, 169).

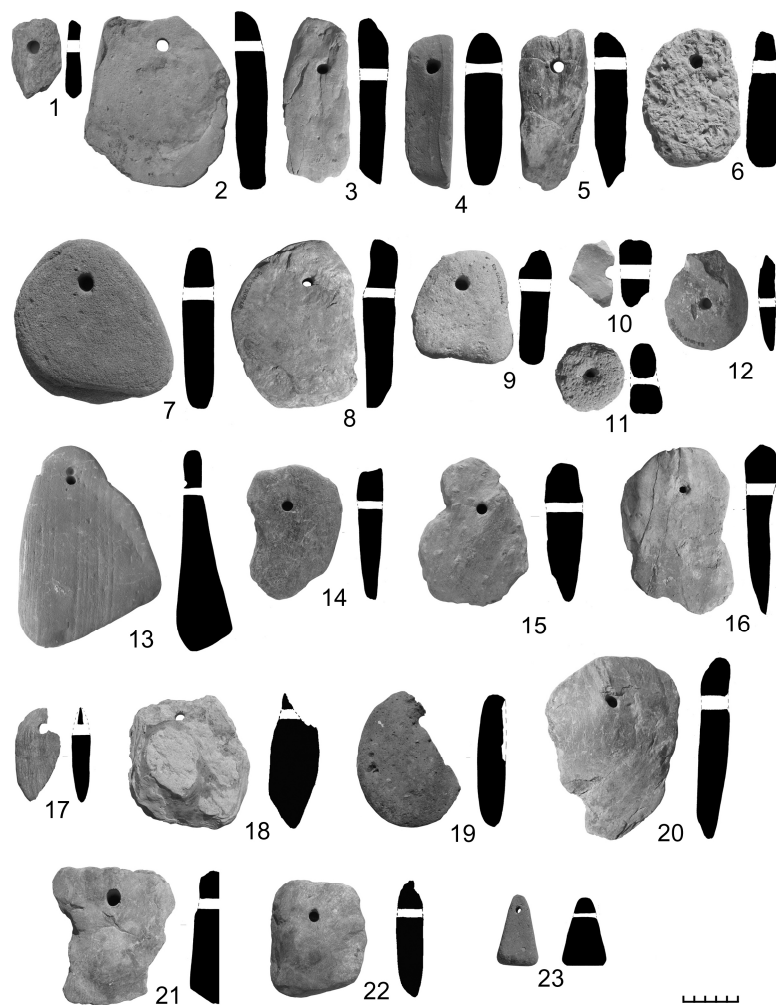

Рис. 4. Берзанское поселение, рыболовные грузила из комплексов и напластований середины – второй половины VI в. до н.э.

Интересен опубликованный в материалах Панионийского симпозиума комментарий М. Кершнера к докладу Я. Эрсоя (Ibid. P. 178), сопоставившего функцию небольших позднеархаических апсидных построек в Клазоменах как временных жилищ с полуземлянками первых греческих колонистов в Северном Причерноморье. По всей видимости, берзанская плетнёвая апсидная конструкция также представляла собой недолговечную постройку жилого или хозяйственного

назначения. Хотя следы подобных наземных глиноплётневых построек архаического периода на Березани редки, для северопричерноморского региона их нельзя считать чем-то исключительным. Следы глиноплётневых стен иногда фиксируются у полужемлячных комплексов архаического периода. Такие находки известны на Березани, на Бейкушком поселении (Мазарати, Отрешко. 1987. С. 12), на поселении Широкая Балка (Там же. С. 14), в материалах Ольвии (Крыжицкий. 1982. С. 20), а в Фанагории исследованы многокомнатные дома V в. до н.э. с глиноплётневыми стенами. По мнению исследователей, последние представляли собой временные жилища новых колонистов, прибывших в город после разгрома Ионийского восстания (Долгоруков, Колесников. 1993. С. 130–131), хотя В. Д. Кузнецов настаивает на их интерпретации в качестве ремесленных мастерских (Kuznetsov. 1999. P. 558).

Апсидный план постройки фиксировался ранее на Березанском поселении, однако лишь для зданий значительных размеров, имевших каменные цоколи – в их числе «дом с апсидой», раскрытый В. В. Лапиным (1966. С. 119, Крыжицкий. 1993. С. 67), а также апсидная постройка на участке некрополя, исследованном Г. Л. Скадовским (Лапин. 1966. С. 112, 121). Оба здания могут быть интерпретированы как нежилые сооружения, имевшие какую-то общественную функцию (Крыжицкий. 2007).

На основании вышеизложенного можно предположить, что территория, занятая в конце VI – первой четверти V в. до н.э. комплексом построек, имевших, по всей видимости, общественное назначение, на предшествующем этапе (т. е. в середине – третьей четверти VI в. до н.э.) не была застроена жилыми домами с каменными цоколями¹³⁰. Возможно, причину этому следует искать в специфической функции, отведённой для данного участка территории поселения.

Интересной особенностью исследованных комплексов и напластований середины – второй половины VI в. до н.э. является аномально большое количество находок каменных рыболовных грузил. В общей сложности на исследованной в 2010 г. площади (около 200 м²) обнаружено 22 грузила. Большая часть грузил изготовлена из сланцевых пород камня, очевидно, наиболее лёгких для обработки и сверления; два – из песчаника (Рис. 4. 4, 7), два – из известняка-ракушечника (Рис. 4. 6, 11), два – из вулканической породы – игнимбрита (Рис. 4. 9, 19). Из них в слое пожара найдено три грузила (Рис. 4. 1–3 – БЭ 2010 20/155, 25/515, 25/516), в слое под подошвой печи на квадрате 49 – четыре каменных грузила (Рис. 4. 4–7 – БЭ 2010 44/375–378) и одно – керамическое пирамидальное (Рис. 4. 23 – БЭ 2010 44/372),

¹³⁰ В отличие от соседнего квартала, находившегося к востоку, где раскрыты строительные остатки погибшего в пожаре здания (Чистов. 2007)

в котловане СК 51 третьей – начала последней четверти VI в. до н.э. – два грузила (Рис. 4. 8–9 – БЭ 2010 51/465–466), в заполнении двух ям (154 и 164) того же времени – по одному грузилу (Рис. 4. 10, 11 – БЭ 2010 39/316 и 53/489). Ещё четыре аналогичных грузила (Рис. 4. 12–15 – БЭ 2010 47/402–405) найдены в заполнении ямы № 159, часть материалов из которой датируется началом V в. до н.э. Следует тем не менее заметить, что нижняя часть этой ямы была полностью выкопана в заполнении котлована СК 52 третьей четверти VI в. до н.э., поэтому весьма велика вероятность попадания материалов из этого комплекса в её заполнение. Примечательна находка каменных рыболовных грузил в заполнении ещё двух ям (№ 151 и 161). В первой из указанных ям найдено одно грузило (Рис. 4. 16 – БЭ 2010 37/529), а в заполнении второй (№ 161) – целая серия из шести грузил (Рис. 4. 17–22 – БЭ 2010 49/429–434). Достаточно представительный керамический комплекс, происходящий из этих ям, позволяет датировать их засыпку около середины VI в. до н.э. (560-е – 550-е гг. до н.э.).

Недолговечный характер всех сооружений, располагавшихся на данном участке (полуземлянки, навесы и глиноплётневые постройки, возможно, сырцовые и даже дерновые постройки, не имевшие каменных цоколей), а также большое количество находок рыболовных грузил позволяет предполагать, что этот участок поселения в середине – третьей четверти VI в. до н.э. использовался, преимущественно, для хозяйственных и промысловых нужд. Это могло быть связано с рыболовецкой специализацией группы жителей, проживавшей в этой части поселения.

В заключение отметим, что именно отсутствие или малое количество капитальных построек с каменными фундаментами в пределах исследуемого квартала могло стать одной из причин выбора этого участка для возведения общественных зданий в последующий период, поскольку нивелировка поверхности под строительство после пожара здесь была существенно облегчена.

Литература

- Крыжицкий. 1982 – *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). К., 1982.
- Крыжицкий. 1993 – *Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. К., 1993.
- Крыжицкий. 2007 – *Крыжицкий С. Д.* К вопросу о функциональном назначении ранних нежилых сооружений Березани и Ольвии // БЧ. 2007.
- Долгоруков, Колесников. 1993 – *Долгоруков В. С., Колесников А. В.* Новый тип строительных комплексов Фанагории // РА. 1993. № 1.
- Лапин. 1966 – *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья (Критические очерки отечественных теорий колонизации). К., 1966.

- Лапин. 1976 – *Лапин В. В.* Отчёт о раскопках древнегреческого поселения на о. Березань в 1976 г. // НА ИА НАНУ. Д. 1976/116.
- Мазарати, Отрешко. 1997 – *Мазарати С. Н., Отрешко В. М.* Полуземлянки и землянки // Культура населения Ольвии и её окрестностей в архаическое время. К., 1997.
- Чистов. 2007 – *Чистов Д. Е.* Новый комплекс с пожарищем второй половины VI в. до н.э. из раскопок на участке «О» античного поселения на о. Березань // Древности Северного Причерноморья в античное время. Симферополь, 2007. МАИЭТ. Suppl. 4.
- Чистов. 2011 – *Чистов Д. Е.* Новый комплекс построек общественного назначения на Березанском поселении: традиция сакральных пиров в Северном Причерноморье? // БЧ. 2011.
- Boardman, Hayes. 1973 – *Boardman J., Hayes J.* Excavations at Tocra 1963–1965: The Archaic Deposits II and Later Deposits // BSA suppl. L., 1973. Vol. 10.
- Morris. 1998 – *Morris I.* Archaeology and archaic Greek history // Fisher N., von Wees H. (eds). Archaic Greece: New approaches and new evidence. Duckworth, 1998.
- Ersoy. 2007 – *Ersoy Y.* Notes on History and Archaeology of Early Clazomenae // Cobet Y. J., von Graeve V., Niemeier W.-D., Zimmermann K. (eds). Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme, Panionion-Symposium Güzelcamli 26. September – 1. Oktober 1999. Mainz, 2007. Milesische Forschungen. Bd. 5.
- Kuznetsov. 1999 – *Kuznetsov V. D.* Early types of Greek dwelling houses in the North Black Sea // Tsetskhladze G. R. (ed.) Ancient Greeks West and East. Mnemosyne suppl. 196. Leiden, 1999.

Н. Ю. Новосёлова

Остров Березань и Подунавье в первые века нашей эры: к вопросу об импорте мезийской сигиллаты

Березань – опорный памятник греческой архаики в Северном Причерноморье. Римский период существования поселения на острове изучен слабо, а материалы первых веков н.э. всегда оставались в тени находок архаического и классического времени.

Между тем строительные комплексы II–III вв. были обнаружены на всех исследованных участках острова (Solovoyv. 1999. P. 114–127). На восточном берегу В. В. Лапин (см. об этом: Назаров. 1997. С. 54–58) и К. С. Горбунова исследовали наземные дома первых веков нашей эры (Горбунова. 1969. С. 18–19). На северо-западной оконечности острова были обнаружены фрагментированные наземные сооружения и полуземлянки второй половины II – третьей четверти III в. н.э. (Доманский и др. 1989. С. 33–60).

На северном берегу, на участке В8, Э. фон Штерн и М. Ф. Болтенко также обнаружили наземные и углубленные строительные комплексы II–III вв. н.э. (Болтенко. 1927. С. 6–7). На южной границе

поселения в 1989–1994 гг. экспедиция ИА НАНУ открыла наземное здание II–III вв. (Nazarov. 1997. S. 5–21).

Обнаруженный при исследовании строительных комплексов и слоя поселения массовый керамический материал укладывается в рамки второй половины II – третьей четверти III в. н.э.

Репрезентативную группу массового материала составляют фрагменты краснолаковой керамики. Часть коллекции краснолаковых сосудов из раскопок экспедиции ГЭ в 1962–1980 гг. была опубликована И. В. Ксенофонтовой, которая выделила формы краснолаковой керамики, характерные для поселения на о. Березань в первые века нашей эры (Ксенофонтова. 1984. С. 139–143). По результатам раскопок экспедиции ГЭ в 1982–1991 гг. и, главное, с учётом новых исследований в области изучения краснолаковой керамики, характеристика этой группы находок может быть откорректирована.

Подавляющее большинство фрагментов краснолаковой керамики составляют фрагменты понтийской сигиллаты, изделия других керамических центров – единичны. Прежде всего, следует назвать единичные фрагменты сосудов производства мастерских Чандарли и Книда.

Среди фрагментов краснолаковой керамики, хранящихся в коллекции ГЭ, особый интерес представляют фрагменты краснолаковой керамики, произведённые на территории Подунавья, и составляющие небольшую группу импортной, вероятнее всего, мезийской сигиллаты.

Прежде всего следует отметить фрагмент верхней части кубка (ГЭ. Инв. Б.88-49; Рис. 1. 2)¹³¹, относящийся к мезийской сигиллате, обнаруженный на Северо-Западном участке Б при исследовании слоя Березанского поселения. Сосуд был сформован из серой плотной глины и покрыт равномерным густым красно-коричневым лаком. Горло кубка украшено орнаментом в виде выпуклых точек, образующих косые линии, тулово покрыто орнаментом в виде «чешуек ананаса» (pinecone-shaped).

По данным Б. Султова, сосуды, орнаментированные таким образом, производили преимущественно в мастерских Бутово, начиная со II в. (Sultov. 1985. Tabl. XXXII, 4). Аналогичные кувшины найдены при исследовании Singidunuma и датированы II–IV вв. (Рис. 1. 1; Vojovic. 1977. Tabl. XXXIII, 305).

При исследовании слоя поселения на участке Г в 1968 г. был обнаружен ещё один фрагмент верхней части мезийского кубка (ГЭ. Инв. Б.68-91), также относящийся к продукции мастерских Подунавья. Сосуд изготовлен из серой глины, покрыт красно-коричневым

¹³¹ Выражаю благодарность хранителю Березанской коллекции Государственного Эрмитажа С. Л. Соловьеву.

лаком с подтеками и украшен резным орнаментом из линий, образующих треугольники, заполненные точками.

По данным Б. Султова производство таких кубков относится к середине II – началу III в. (Рис. 1. 3; Sultov. 1985. Tabl. XXXV). Тожественные сосуды были найдены при раскопках крепости Singidunum и датированы II–IV вв. (Bojovic. 1977. Tabl. XXXIII, 308). Интересно отметить, что, по мнению Б. Султова, подобные сосуды могли использовать для религиозных обрядов (Sultov. 1985. P. 77–78).

В 1987 г. при исследовании полуземлянки римского времени на участке Северо-Западный Б в кв. 861 был обнаружен аналогичный сосуд с резным орнаментом из линий, образующих треугольники, заполненные точками, но с сохранившейся ручкой (ГЭ. Инв. Б.87-89; Рис. 1. 4). Совместно с этим сосудом в заполнении полуземлянки римского времени были найдены две краснолаковые тарелки, которые по характеру глины и лаковому покрытию с большой долей вероятности относятся к мезийским изделиям (ГЭ. Инв. Б.87-90 и Б.87-91; Рис. 1. 6 и 5). Обе миски изготовлены из серой глины, покрыты красно-коричневым лаком с подтёками, их горизонтально отогнутые венчики украшены глубокими желобками. Аналогичные изделия с венчиком, орнаментированным глубокими желобками, при раскопках керамических мастерских в Мезии не найдены, но известны сосуды близкие по форме (Ibid. Tabl. XXVII). Схожие формы, но относящиеся уже к позднему римскому времени, были обнаружены при исследовании крепости Singidunum (Vjelajac. 1995. Fig. 2, 7). По всей видимости, все три предмета составляют своеобразный мезийский «сервиз».

Для определения датировки этого «сервиза», следует сказать, что при исследовании заполнения полуземлянки совместно с данными изделиями мезийской сигиллаты были обнаружены фрагменты стеклянного кубка кельнского производства с пояском шлифованного орнамента (ГЭ. Инв. Б.87-271) середины III в. н.э. (Fremersdorf. 1967. Taf. 75, 78, 80, 81).

Исходя из этого представляется возможным определить широкую дату существования сосудов мезийского «сервиза» из полуземлянки на кв. 861 Северо-Западного раскопа Б первой половиной – серединой III в. н.э.

При исследовании Северо-Западного раскопа Б в слое поселения был обнаружен ещё один фрагмент края кувшина (ГЭ. Инв. Б.83-106; Рис. 1. 7), изготовленного из серой глины, покрытого красновато-оранжевым лаком и с врезным орнаментом из косых борозд. Подобные сосуды производили в мастерских Павликен и Хотнице с середины II в. н.э. до начала III в. н.э. (Sultov. 1985. Tabl. XXXV, 3).

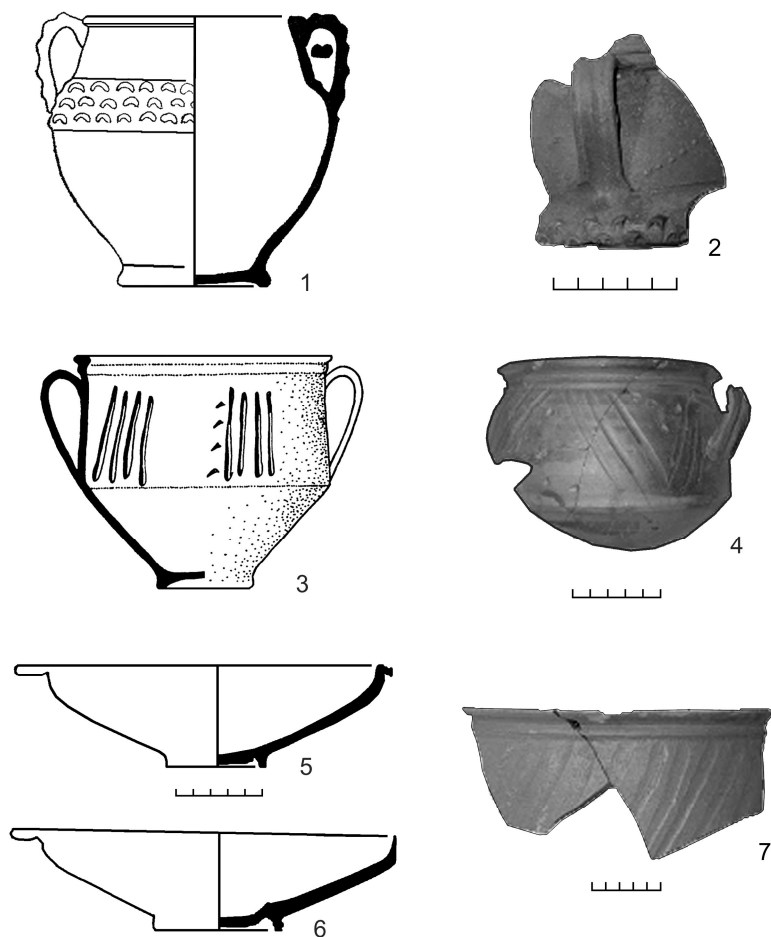

Рис. 1. Остров Березань, мезийская сигиллата из коллекции ГЭ (2, 4-7) и её аналогии с территории Подунавья (1, 3): 1 – кубок из Singidunuma (по: Vojović. 1977. Tabl. XXXIII, 305); 2, 4 – фрагменты кубков (ГЭ. Инв. Б.88-49, Б.87-89); 3 – кубок (по: Sultov. 1985. Tabl. XXXV); 5 и 6 – фрагменты мисок (ГЭ. Инв. Б.87-91 и Б.87-90); 7 – фрагмент края кувшина (ГЭ. Инв. Б.83-106)

Таким образом, с учётом новых данных по атрибуции мезийской сигиллаты, керамический импорт на о. Березань в первые века нашей эры представляется более мозаичным.

В заключение необходимо отметить, что изделия мастерских, расположенных на территории Подунавья, достаточно хорошо известны в Северном Причерноморье (Кадеев, Сорочан. 1989. С. 44-45;

Крапивина. 1993. С. 117; Zuravlev. 2000. С. 152). Существует предположение, что импорт мезийской керамики начинается с введением в северопричерноморские города мезийских вексияций (Zuravlev. 2000. Р. 152). Тем более это справедливо для всего ольвийского региона, т. к. известно, что в 197–198 гг. н.э. Ольвия была включена в состав провинции Нижняя Мезия (Крапивина. 1993. С. 149).

Литература

- Горбунова. 1969 – *Горбунова К. С.* Древние греки на острове Березань. Л., 1969.
- Доманский и др. 1989 – *Доманский Я. В., Виноградов Ю. Г., Соловьев С. Л.* Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги археологических экспедиций. Л., 1989.
- Кадеев, Сорочан. 1989 – *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья (I в. до н.э. – V в. н.э.). Харьков, 1989.
- Крапивина. 1993 – *Крапивина В. В.* Ольвия: материальная культура I–IV вв. н.э. К., 1993.
- Назаров. 1997 – *Назаров В. В.* Лапип як дослідник античної Березані // Археологія. 1997. № 4.
- Bjelajac. 1995 – *Bjelajac L.* Late Roman glazed Pottery in Singidunum (Moesia I) // *Rei Cretariae Favtorum Acta. Alba Regia*, 1995. No. 34.
- Bojovic. 1977 – *Bojovic D.* Die Römische Keramik von Singidunum. Belgrad, 1977.
- Fremersdorf. 1968 – *Fremersdorf F.* Die Römischen Glaser mit Schliff, Bemalung und Goldauflagen aus Köln. Köln, 1968. Bd. 8.
- Nazarov. 1997 – *Nazarov V. V.* Archäologische Untersuchungen auf Berezan // *EIKON*. 1997. Bd. 4.
- Solovyov. 1999 – *Solovyov S. L.* Ancient Berezan. The architecture, history and culture of the first Greek colony in the Northern Black Sea // *Colloquia Pontica*. Leiden, 1999. No. 4.
- Sultov. 1985 – *Sultov B.* Ceramic production on the territory of Nicopolis ad Istrum (II–IV centuries). Sofia, 1985.
- Zuravlev. 2000 – *Zuravlev D.* Terra Sigillata and Red Slip pottery from the Late Skythian *neropoleis* of the South-Western Crimea (1–3 centuries AD) // *Rei Cretariae Favtorum Acta. Abingdon*, 2000. No. 36.

Д. С. Гречко

К вопросу о демографическом потенциале Ольвии в VI–V вв. до н.э.

Палеодемографические исследования уже давно заняли важное место в работах археологов. Вопросы демографии затрагивались несколькими ведущими антиковедами (подробнее см.: Смекалов. 2009). Целью данной работы является попытка обосновать возможность

колонизации Нижнего Побужья во второй половине VI в. до н.э. и реконструкции Ольвии в конце архаического периода, опираясь, в основном, на демографический потенциал ольвиополитов, без участия значительного количества эпойков.

Большинством исследователей отмечается появление значительного числа переселенцев из Ионии во второй половине VI в. до н.э. (Русяева. 1986. С. 49–52), которые стихийно освоили часть территории Нижнего Побужья. Также в литературе принято считать, что в конце первой трети V в. до н.э. всё население большой хоры одновременно переселяется в Ольвию и начинает активно строить городские кварталы, оборонительные сооружения, культовые постройки, административные и общественные здания (Крыжицкий и др. 1989. С. 95).

Не совсем понятно, как ольвиополитам удалось заставить всё свободное сельское население Нижнего Побужья бросить свои домохозяйства¹³², земельные участки и пойти строить для них жилые кварталы, которые наверняка уже были разделены между первыми колонистами, а естественный рост населения Ольвии уже начал создавать дефицит территории в городе.

Я присоединяюсь к мнению исследователей, которые считают, что причины реконструкции античных городов Северного Причерноморья следует искать в окончании адаптации колонистов к местным природным условиям и в демографическом взрыве, который фиксируется при жизни третьего поколения первопоселенцев (Виноградов. 1999. С. 108; Рогов. 1996. С. 84). Увеличение населения в 2,5 раза фиксируется и в Ольвии в конце архаического периода (Отрешко. 2009. С. 120), как раз в преддверии реконструкции города. Демографический взрыв и формирование городской структуры, спустя 70–80 лет с момента основания, зафиксированы на Березани, в Мирмекии, Керкинитиде, Пантикапее (подробнее см. Виноградов. 1999. С. 106).

Приблизительные темпы роста численности ольвиополитов, согласно разработкам Е. Я. Рогова¹³³, представлены в таблице.

¹³² Жители Старой Богдановки 2, Козырки IX и XI бросили не землянки, а уже наземные дома с сырцовыми стенами на каменных цоколях (Марченко, Доманский. 1999. С. 52; Отрешко. 1980. С. 103–104). Исследователи считают, что в начале V в. до н.э., когда и в Ольвии и на поселениях хоры начинается наземное строительство, ещё не предполагалось переселения сельских жителей в город (Крыжицкий, Отрешко. 1986. С. 14). Тогда остаётся неясным, что повлияло на решение о синойклизме спустя несколько лет, когда строительные работы уже велись на полную мощность и подходили к завершению.

¹³³ Утроение предшествующего числа жителей к следующему поколению (Рогов. 1996. С. 83–84).

Т а б л и ц а

Динамика роста населения Ольвии в VI–V вв. до н.э.¹³⁴

Годы до н.э.	570–530 ¹³⁵	530–490 ¹³⁶	490–450	450–410 ¹³⁷
Семей / населения	80/640	240/1920 (640 выселяется на хору)	480/3840	1440/11520

Как показывают данные, приведённые в таблице, именно естественный прирост населения Ольвии и мог создать к последней четверти V в. до н.э. необходимые предпосылки для собственной колонизации Нижнего Побужья. В последнее время ведущие исследователи хоры Ольвии изменили свою точку зрения (Крыжицкий и др. 1989. С. 40) и считают, что её освоение в архаический период носило не стихийный, а организованный характер (Буйских С. Б., Буйских А. В. 2010. С. 29).

Это позволяет присоединиться к мнению тех учёных, которые считают, что Ольвия как государство сформировалась не в результате синойкизма сельских поселений, а была изначально заложена как

¹³⁴ При средней продолжительности жизни поколения в 40 лет. Незначительное число захоронений середины – третьей четверти VI в. до н.э. и строительных остатков в городе не позволяет считать число первопоселенцев более чем 80 мужчин – глав семей (Отрешко. 2009. С. 119).

¹³⁵ Возникновение древнейшего опубликованного ольвийского комплекса на сегодняшний день датируется не позднее начала 60-х гг. VI в. до н.э. (Буйских. 2005. С. 185). В целом, следует отметить всю условность выделенных поколений и демографических подсчётов, поскольку отсутствуют многие исходные данные (число первопоселенцев и точная дата основания Ольвии, количественное соотношение горожан и тех, кто осваивал хору, механизм этого процесса, точные данные о миграции и эмиграции в данный период, информация о потерях в результате войн и эпидемий и др.). Приведённая гипотетическая реконструкция призвана показать реальность освоения Нижнего Побужья Ольвией, опираясь лишь на свои внутренние ресурсы и демографический потенциал без определяющего значения миграции из Ионии во второй половине VI в. до н.э.

¹³⁶ В это время (в конце жизни первого поколения колонистов, третья четверть VI в. до н.э.) на берегах Бугского лимана появляются сельскохозяйственные поселения, которые, предположительно основываются ольвиополитами (Старая Богдановка 2, Закисова Балка, Чертоватое 7 и др.), поэтому видимо необходимо вычесть приблизительно треть населения (одна семья остаётся в доме родителей, вторая обживается в городе, а третья, гипотетически, может основывать свои домохозяйства недалеко от Ольвии).

¹³⁷ В это время и до освоения всего Нижнего Побужья весь демографический потенциал ольвиополитов обеспечивал прирост городского населения. Население поселений ольвийской ближней хоры (Широкой и Закисова Балки) обладало достаточным потенциалом для самостоятельной репродукции. Вероятно, уже в третьей четверти V в. до н.э. перенаселённость города повлекла за собой новое освоение некоторых брошенных поселений (Чертоватое 7, Лупарево 2; Крыжицкий и др. 1989. С. 99). В это же время максимальную площадь занимает предградье (Крыжицкий. 1985. С. 63).

один из центров греков Нижнего Побужья (Русяева. 1986. С. 52), и в результате увеличения количества населения в первой половине V в. до н.э. окрепла как государство. Здесь необходимо отметить и тот факт, что синойклизм зачастую не представлял собой переселения всего населения в один центр. Чаще всего, синойклизм подразумевал объединение не физическое, а прежде всего политическое (Виноградов. 1999. С. 102–103).

Вполне вероятно, что часть населения ольвийских поселений хоры всё же оказалась в городе и соседних поселениях, но речь, скорее всего, должна идти о вынужденном, кратковременном (до стабилизации ситуации в Степи) возвращении к городским родственникам сельских жителей. Нельзя исключать гибель или пленение скифами части греческого населения Нижнего Побужья. Это особенно вероятно в отношении Березани и её хоры. А. С. Русяева не исключает возможности возвращения определённого числа нижнебугских греков в освобождённую от персов Ионию (Русяева, Супруненко. 2003. С. 61).

Здесь важно подчеркнуть, что Березань не смогла успешно пережить смену власти в Степи в первой половине V в. до н.э. и приходит в упадок. Возможно, это также следы дипломатической деятельности ольвиополитов. На территории Нижнего Побужья во второй четверти V в. до н.э. возникает несколько скифских могильников (Гречко. 2010. С. 116–135). Всё это хорошо согласуется с информацией Геродота о Скиле (*Herod. IV. 78*).

О скифском протекторате речь едва ли может идти (Крижицкий. 2001. С. 21–35), но выплата дани и дары вождям кочевников, скорее всего, имели место. Греки компенсировали свои убытки неэквивалентной торговлей с номадами. В частности, можно предположить, что номады поставляли грекам часть вооружения, рабов, скот¹³⁸. Подобный симбиоз создал эффективную систему, которая обеспечивала рост благосостояния как греков, так и скифов. Именно исчезновение конкурентов и установление взаимовыгодных отношений со скифами сделало возможным широкую колонизацию ольвиополитами Нижнего Побужья в конце V в. до н.э., вызванную самым естественным ростом населения города.

Символично, что благополучие Ольвии и скифов увеличивается практически синхронно и исчезновение Скифии приводит к упадку Ольвии. Видимо, Ольвия прекрасно себя чувствовала под «опекой» скифов, а стабильная этнополитическая ситуация способствовала развитию ремесла и торговли.

¹³⁸ Появление скифского скота у греков надёжно фиксируется данными палеозоологии (Журавлёв. 2009. С. 264).

Таким образом, на сегодня правомерно считать, что освоение земель в окрестностях Ольвии происходило организованно, в результате естественного роста числа ольвиополитов. Временное сворачивание хоры в конце первой трети V в. до н.э. можно связывать с нестабильной ситуацией в Степи. После установления мирных отношений со скифами Ольвия, обладавшая во второй половине V в. до н.э. значительными людскими ресурсами, приступает к широкому освоению земель, на этот раз всего Нижнего Побужья.

Литература

- Буйских. 2005 – *Буйских А. В.* Новая землянка VI в. до н.э. в Ольвии: новый взгляд на старые проблемы // БФ. 2005.
- Буйских С. Б., Буйских А. В. 2010 – *Буйских С. Б., Буйских А. В.* К хронологии архаических поселений хоры Ольвии понтийской // БИ. 2010. Вып. XXIV.
- Виноградов. 1999 – *Виноградов Ю. А.* Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // STRATUMplus. 1999. № 3.
- Гречко. 2010 – *Гречко Д. С.* Курганы Нижнего Побужья VI – первой половины V в. до н.э.: греки или скифы? // Древности 2010. Харьков, 2010. Вып. 9.
- Журавлёв. 2009 – *Журавлёв О. П.* Животноводство и охота в Ольвийском государстве // Ольвийские древности. К., 2009.
- Крыжицкий. 1985 – *Крыжицкий С. Д.* Ольвия. Историкографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. К., 1985.
- Крижицький. 2001 – *Крижицький С. Д.* Ольвія і скіфи у V ст. до н.е. До питання про скіфський протекторат // Археологія. 2001. № 2.
- Крыжицкий, Отрешко. 1986 – *Крыжицкий С. Д., Отрешко В. М.* К проблеме формирования Ольвийского полиса // ОО. 1986.
- Крыжицкий и др. 1989 – *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. К., 1989.
- Марченко, Доманский. 1999 – *Марченко К. К., Доманский Я. В.* Два поселения Нижнего Побужья архаического времени (опыт сравнительной характеристики) // STRATUMplus. 1999. № 3.
- Отрешко. 1980 – *Отрешко В. М.* Раскопки раннегреческих поселений у с. Козырка // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. Днепропетровск, 1980.
- Отрешко. 2009 – *Отрешко В. М.* Население Нижнего Побужья в архаическое время // Ольвийские древности. К., 2009.
- Рогов. 1996 – *Рогов Е. Я.* Экология Западного Крыма // ВДИ. 1996. № 1.
- Русяева. 1986 – *Русяева А. С.* Милет–Дидимы–Борисфен–Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2.
- Смекалов. 2009 – *Смекалов С. Л.* Оценки численности населения Европейского Боспора (введение в тему) // ДБ. 2009. Т. 13.

Проблемы реколонизации хоры Ольвии рубежа V–IV вв. до н.э.

Новое обширное освоение ольвиополитами аграрных территорий в Нижнем Побужье в конце V – начале IV в. до н.э. имело свои политические, социально-экономические и демографические предпосылки и причины. В первую очередь, это было связано с политическим переустройством в государстве после свержения тирании (Зуц. 1970. С. 71–79; Рубан. 1979. С. 60–80; 1985. С. 33–34; Виноградов. 1981. С. 63 сл.; 1989. С. 138; Крыжицкий и др. 1989. С. 99; Снытко. 2000. С. 49; 2010. С. 137–139; Николаев, Снытко. 2009. С. 186–189; Буйских. 2009. С. 230). Социально-политические изменения во второй половине V – начале IV в. до н.э. характерны не только для Ольвии, но и для многих древнегреческих полисов Северо-Западного Причерноморья. В Аполлонии олигархия была свергнута в результате борьбы граждан против знати (*Arist. Pol.* VIII. V. 5. 7). В Истрии постепенное расширение круга граждан обратило в конце концов олигархию в демократию (*Arist. Pol.* VIII. V. 5. 2). Предположение о возможном существовании и свержении тирании или власти олигархии в Тире выдвинуто П. О. Карышковским и И. Б. Клейманом на основании того, что уже в IV в. до н.э. Тира обладает всеми признаками демократического государства в античном смысле этого термина (Карышковский, Клейман. 1985. С. 44). Аналогичные события, очевидно, происходили в Никонии, где на рубеже V–IV вв. до н.э. на левом берегу Днестра и Днестровского лимана вновь возникает густая сеть античных поселений (Охотников. 1983. С. 101–102; 2008. С. 127–128). Этот всплеск демократических преобразований в городах Северо-Западного Причерноморья, очевидно, имеет общий знаменатель, корни которого уходят к 437 г. до н.э. – ко времени экспедиции Перикла и Ламаха. Внутриполитическая борьба, обострившаяся на рубеже V–IV вв. до н.э. и завершившаяся победой демократии, для каждого из этих городов, очевидно, была обусловлена и некоторыми локальными внешнеполитическими факторами. Что касается Ольвии, можно привести гипотезу Ю. Г. Виноградова о существовании и падении в последней трети V в. до н.э. скифского протектората над полисом, в результате чего реально воплотилось в действие стремление ольвиополитов восстановить одну из главных отраслей своей экономики – сельское хозяйство, ранее разрушенное диктатом варваров (Виноградов. 1989. С. 118–119; Vinogradov. 1992. S. 21–22). Однако предположение имеет достаточно много слабых мест (см.: Крижицкий. 2001. С. 21–35). В действительности, процесс редукции позднеархаической и реннеклассической хоры Ольвии был неодновременным, а имел 10–20-летний диапазон. Гипотеза, по которой

жизнь на хоре была приостановлена из-за миграционного потока скифов (Марченко. 1980. С. 142–143), археологическими данными не подтверждается (Буйских. 1986. С. 21; Крыжицкий и др. 1989. С. 22, 94, 96; 1990. С. 42–43; 1999. С. 94–95; Крыжицкий. 2001. С. 31; Буйских. 2009. С. 230). Сомнителен и тезис о варварской угрозе, ставшей причиной свёртывания сельских поселений (Яйленко. 1982. С. 290–291). В Северном Причерноморье в конце VI – первой половине V в. до н.э. не наблюдается ощутимых следов мощного объединения варваров, которое могло бы в какой-либо мере подчинить себе Ольвию (Крыжицкий. 2001. С. 31; Буйских. 2009. С. 230), хотя не исключено, что доброжелательное отношение между степняками и ольвиополиитами могло подкрепляться со стороны последних «дарами по случаю приезда» (Крыжицкий и др. 1989. С. 99), как это документально зафиксировано уже в несколько более позднее время (IOSPE. I². 32). Плановый процесс переселения в Ольвию был проведён для усиления развития города и лучшей организации населения полиса (Крыжицкий, Отрешко. 1986. С. 15; Крыжицкий и др. 1989. С. 95; Крыжицкий, Лейпунская. 1997. С. 23–24; Буйских. 2009. С. 230). Вероятно, это было связано с государственной, централизующей деятельностью ольвийских тиранов, ибо при ином, менее эффективном управлении полисом, проведение такой массовой радикальной акции было бы маловероятным. Ориентировочная дата установления тиранического режима – около 440 г. до н.э. (Виноградов. 1989. С. 121). К этому времени плановое свёртывание поселений хоры по археологическим данным было практически завершено. Исходя из этого можно допустить, что тирания была установлена, как минимум, на десятилетие ранее. Отметим, что даже этот временный период отсутствия интенсивной жизнедеятельности т. н. большой хоры не был таким уж длительным. Новые материалы раскопок некоторых памятников периферии, в комплексе с более ранними исследованиями (Штителман. 1958. С. 131–132; Русяева. 1968. С. 212) свидетельствуют о том, что процесс нового расширения хоры был начат уже в последней трети V столетия (Марченко. 1985. С. 50–51; Виноградов, Марченко. 1985. С. 14–15; 1986. С. 59, 66–67; Марченко, Доманский. 1986. С. 48, 55; Буйских. 1985б. С. 263–264), хотя массовый характер он приобрёл на рубеже V–IV вв. до н.э. (Крыжицкий и др. 1989. С. 99). Возобновление жизнедеятельности некоторых поселений и возникновение отдельных усадеб вблизи Ольвии в последней трети V в. до н.э. объясняется многими обстоятельствами. Прежде всего, плановое переселение в Ольвию не касалось профессиональных скотоводов. В частности, район Аджигола, где зафиксированы поселения и некрополи последней трети V в. до н.э., для населения хоры Ольвии, с хозяйственной точки зрения в свете экономического районирования территории полиса, имел ярко

выраженную скотоводческую (отгонное скотоводство) специализацию (Отрешко. 1979. С. 151–158; Буйских. 1985а. С. 8–10; 2008. С. 35; 2009. С. 234; Крыжицкий и др. 1989. С. 75, 94; Буйских, Ольговский. 1995. С. 5 сл.; Одрін. 2001. С. 91–92). Уместен и вариант сезонного использования земельных угодий, близлежащих к городу. Не исключено, что первые индивидуальные усадьбы этого времени в окрестностях Ольвии могли принадлежать семьям отдельных переселенцев и беженцев типа синопского экстирана Тимесилея и его брата Теопропа, которым ольвиополиты, стеснённые жесткой стенохорией, кроме политики, предоставили и привилегию энктесиса (Виноградов 1981. С. 65–90; 1995. С. 16). Заметим, что уже само предоставление политики в античном понимании этого термина предполагает право приобретения земли. Ольвиополитами этот *modus* был принят на протяжении IV в. до н.э., когда среди многочисленной серии проксенийных декретов, где присутствует политика, ни разу не зафиксирован энктесис (Виноградов. 1981. С. 87).

В качестве условной даты упразднения тиранического режима принято считать рубеж V–IV вв. до н.э. (Рубан. 1985. С. 33–34; Виноградов. 1989. С. 138.). Позднее Ю. Г. Виноградов и В. В. Крапивина, проводя анализ ольвийского лапидарного памятника, содержащего два документа на одной плите – декрет в честь боспорского правителя Сатира и договор с его сыном Левконом, допустили возможность того, что в хронологический промежуток 392–389 гг. до н.э. ольвиополиты ещё находились под властью тирана (Виноградов, Крапивина. 1995. С. 75–76). Н. И. Николаев, исследуя каталог ольвийских эпонимов (IOSPE. I². 201), связывает время низвержения тирана с введением в Ольвии эпонимата Аполлона Дельфиния в 401 гг. до н.э. (Николаев. 2008. С. 38, 63). Но вычисленная сугубо математическими расчётами дата не может считаться окончательно верной, т. к. автор опирается на условное время падения тирании. Эта дата может быть отодвинута как на десятилетие ранее, так и на десятилетие позднее, имея, как минимум, 20-летний диапазон (Снитко. 2010. С. 139).

События политического характера способствовали проведению экономических реформ и кардинальным изменениям в земельном законодательстве, что стимулировало основание и развитие поселений хоры (Снитко. 2000. С. 49; Буйских. 2009. С. 230). Кроме того, после окончательного обустройства Ольвии во второй половине V в. до н.э. в классический греческий город со всей необходимой атрибутикой, высвободились значительные людские ресурсы, а усиление аграрной отрасли стало экономической необходимостью (Крыжицкий и др. 1999. С. 114; Буйских. 2009. С. 231). На протяжении первых двух третей IV столетия на хоре Ольвии появляется целая сеть урбанизованных поселений с достаточно развитым каменным домостроительством, которые возникли на местах бывших архаических,

либо на новых участках (Крыжицкий и др. 1980. С. 11; Буйских. 2008. С. 230–231), и первые индивидуальные усадьбы (Буйских. 1990. С. 51–52). В это время сельская округа не только достигает размеров территории архаического–раннеклассического периодов, но в её рубежах осваиваются новые площади. Поселения компактно размещаются на побережьях Бугского, Днепровского и Березанского лиманов. В этом новом освоении хоры чётко прослеживается регламентация, целенаправленность, а также сознательный рациональный расчёт (Буйских. 1997. С. 16–17). Заселение хоры происходило не в одиночасье, а последовательно, на протяжении как минимум, полу-столетия (Снытко. 2000. С. 58; Буйских. 2009. С. 230). Если ближай-шие к Ольвии поселения и усадьбы возникают в начале IV в. до н.э., то одно из самых удалённых к северу от города поселение Сиверсов Маяк-I основано не ранее 360–350 гг. до н.э. (Снытко. 1995. С. 148; Jefremow, Snytko. 2004. S. 38). Последовательность по времени за-стройки наблюдается и на ближайших к Ольвии памятниках. Так, на поселении Чертоватое-I имеются участки, которые датируются ру-бежом V–IV вв. до н.э. и есть сооружения, возведённые не ранее второй четверти IV столетия (Снытко. 1994. С. 152–156; 2000. С. 58). В связи с этим отметим, что, возможно, термины «реколонизация» и «реорганизация», предложенные В. М. Отрешко и В. В. Рубаном, как причина воссоздания т. н. большой хоры, не совсем удачно соответ-ствуют процессу нового освоения сельской округи (Отрешко. 1982. С. 36–38; Рубан. 1985. С. 33–36). Корни его, на наш взгляд, прежде всего следует искать в темпах экономического, социального и демо-графического роста самого Ольвийского государства и в целом хро-нологический отрезок, связанный с увеличением сети поселений на хоре, характеризовать как очередной обширный этап внутренней ко-лонизации полиса (Снытко. 2009. С. 186), что более соответствует традиционной античной практике постепенного расширения зоны непосредственного хозяйственного воздействия (Яйленко. 1983. С. 135). В общих чертах новое освоение хоры было процессом внут-риполисным в политическом, экономическом и демографическом аспектах, происходившим преимущественно за счёт внутренних ре-сурсов Ольвийского государства (Крыжицкий и др. 1989. С. 100; Снытко. 2000. С. 57–58; 2009. С. 186; Буйских. 2009. С. 231), хотя и не исключается определённое участие в новом заселении сельской округи выходцев из Малой Азии (Отрешко. 1982. С. 38) и особенно из метрополии – Милета, с которым у ольвиополитов существовал договор об исополитии, дополнительно подтверждённый в 329/8 г. или несколько позднее (Milet. 1. 3. № 136 = Syll.³ 286; Виноградов. 1983. С. 390).

Достаточно сложно моделировать социальную структуру насе-ления возрождающейся «большой хоры». Исходя из традиционной

античной практики можно предположить, что подавляющее большинство населения сельской округи составляли представители гражданского коллектива полиса, что подтверждается и данными археологии (Крыжицкий и др. 1989. С. 148; Буйских. 2009. С. 238–241; Снытко. 2009. С. 186–187; Снитко. 2009. С. 32). Среди контингента сельских жителей могли быть и иностранцы – ксены, как ранее проживавшие в городе, так и из числа новых колонистов. Безусловно, определённую прослойку составляли домашние и сельскохозяйственные рабы, именуемые в ольвийских лапидарных источниках ойкетами (IOSPE. I². 32). Отметим, что сложная социальная и имущественная стратификация населения возобновлённой хоры Ольвии наметилась уже в первой половине IV в. до н.э., о чём свидетельствуют различные типы населённых пунктов (урбанизованные поселения с каменным домостроительством, поселения с земляночной и полуземляночной архитектурой, отдельные усадьбы и хутора, пастушьи и рыбацьи стоянки) и погребальный обряд (Снитко. 2009. С. 32). Усиление классовой дифференциации и политической борьбы в государстве, скорее всего, происходило уже во второй трети IV столетия, ознаменовавшееся возможной победой радикальной демократии в период после македонской агрессии (Виноградов. 1989. С. 175–176).

Литература

- Буйских. 1985а – *Буйских С. Б.* Некоторые итоги изучения Ольвийской хоры // ПИО. 1985.
- Буйских. 1985б – *Буйских С. Б.* Работы в сельской округе Ольвии // АО 1983 г. 1985.
- Буйских. 1986 – *Буйских С. Б.* Некоторые вопросы пространственно-структурного развития ольвийской хоры (VII–II вв. до н.э.) // ОО. 1986.
- Буйских. 1990 – *Буйских С. Б.* Древнейшие античные сельскохозяйственные усадьбы Нижнего Побужья // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1990. Ч. 2.
- Буйских. 1997 – *Буйских С. Б.* К проблеме территориальных владений Ольвийского полиса в IV в. до н.э. // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект: Тез. докл. междунар. науч. конф. Севастополь, 1997.
- Буйских. 2008 – *Буйских С. Б.* Греческая колониальная хора в Нижнем Побужье // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VI Междунар. науч. конф., посвящённой 150-летию со дня рождения академика В. П. Бузескула. Харьков, 2008.
- Буйских. 2009 – *Буйских С. Б.* Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // Старожитності степового Причорномор'я та Криму. Запоріжжя, 2009. Т. XV.
- Буйських, Ольговський. 1995 – *Буйських С. Б., Ольговський С. Я.* До історії населення Ольвійської хори // Питання історії культури України. К., 1995.
- Виноградов. 1981 – *Виноградов Ю. Г.* Синопа и Ольвия. // ВДИ. 1981. № 2. Ч. 1.
- Виноградов. 1983 – *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. Гл. 8.

- Виноградов. 1989 – *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.
- Виноградов, Крапивина. 1995 – *Виноградов Ю. Г., Крапивина В. В.* Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья: Материалы междунар. науч. конф. «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура». Севастополь, 1995.
- Виноградов, Марченко. 1985 – *Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* О начале второго этапа развития сельскохозяйственных поселений Нижнего Побужья античного периода // ПИО. 1985.
- Виноградов, Марченко. 1986 – *Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Античное поселение Лупарево 2 // ОО. 1986.
- Зуц. 1970 – *Зуц В. Л.* Державний лад Ольвії // Український історичний журнал. 1970. № 9.
- Карышковский, Клейман. 1985 – *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира. К., 1985.
- Крыжицкий. 2001 – *Крыжицкий С. Д.* Ольвія і скіфи у V ст. до н.е. До питання про скіфський «протекторат» // Археологія. 2001. № 2.
- Крыжицкий и др. 1980 – *Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. Б., Рубан В. В.* К истории ольвийской сельской округи // Исследования по археологии Северного Причерноморья. К., 1980.
- Крыжицкий и др. 1989 – *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. К., 1989.
- Крыжицкий и др. 1990 – *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М.* Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). К., 1990.
- Крыжицкий и др. 1999 – *Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В., Лейпунская Н. А., Скржинская М. В., Анохин В. А.* Античное государство в Северном Причерноморье. К., 1999.
- Крыжицкий, Лейпунская. 1997 – *Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А.* Ольвия. Раскопки, история, культура. Николаев, 1997.
- Крыжицкий, Отрешко. 1986 – *Крыжицкий С. Д., Отрешко В. М.* К проблеме формирования Ольвийского полиса // ОО. 1986.
- Марченко. 1980 – *Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Северного Причерноморья // ВДИ. 1980. № 1.
- Марченко. 1985 – *Марченко К. К.* Сравнительная характеристика двух поселений Нижнего Побужья позднеархаического периода – Старая Богдановка 2 и Куцуруб 1 // ПИО. 1985.
- Марченко, Доманский. 1986 – *Марченко К. К., Доманский Я. В.* Античное поселение Куцуруб 1 // АСГЭ. 1986. Вып. 27.
- Николаев. 2008 – *Николаев Н. И.* Политическая и культовая элита Ольвии IV–I вв. до н.э. Николаев, 2008.
- Николаев, Снытко. 2009 – *Николаев Н. И., Снытко И. А.* Некоторые вопросы социально-политической истории Ольвии второй половины V – первой половины IV в. до н.э. // Ольвийские древности. К., 2009.

- Одрін. 2001 – *Одрін О. В.* Виробництво і торгівля вовною та виробами з вовни в Ольвії VI–V ст. до н.е. // Ольвія та античний світ: Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України. К., 2001.
- Отрешко. 1979 – *Отрешко В. М.* К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Цхалтубо, 1979.
- Отрешко. 1982 – *Отрешко В. М.* З історії Ольвійського поліса в IV–III ст. до н.е. // Археологія. 1982. 41.
- Охотников. 1983 – *Охотников С. Б.* Археологическая карта Нижнего Поднестровья в античную эпоху (VI–III вв. до н.э.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. К., 1983.
- Охотников. 2008 – *Охотников С. Б.* Античные поселения Нижнего Поднестровья (VI в. до н.э. – III в. н.э.) // ПОНТИКА 2006. Krakow, 2008.
- Рубан. 1979 – *Рубан В. В.* О датировке поселения Козырка-II // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К., 1979.
- Рубан. 1985 – *Рубан В. В.* Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV–III вв. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1.
- Русяєва. 1968 – *Русяєва Г. С.* Поселення Петухівка-1 біля Ольвії // Археологія. 1968. XXI.
- Снытко. 1994 – *Снытко И. А.* Исследования поселения Чертоватое-I на Бугском лимане // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 1994.
- Снытко. 1995 – *Снытко И. А.* Исследования поселения Сиверсов Маяк-I на Бугском лимане (краткая информации о раскопках) // Античные полисы и местное население Причерноморья: Материалы междунар. науч. конф. «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура». Севастополь, 1995.
- Снытко. 2000 – *Снытко И. А.* Реколонизация хоры Ольвии рубежа V–IV вв. до н.э. Политический, социально-экономический, демографический и хронологический аспекты // Актуальні проблеми історії та культури України. Миколаїв; Одеса, 2000.
- Снытко. 2009 – *Снытко И. А.* Культ Аполлона на древнегреческих поселениях Нижнего Побужья и некоторые аспекты культурно-исторического развития региона в античную эпоху // Старожитності степового Причорномор'я та Криму. Запоріжжя, 2009. Т. XV.
- Снитко. 2009 – *Снитко І. О.* Поховальний обряд населення хори Ольвії IV–III ст. до н.е. // Археологія. 2009. № 3.
- Снитко. 2010 – *Снитко І. О.* Рец.: *Н. И. Николаев.* Политическая и культовая элита Ольвии IV–I вв. до н.э. Николаев, 2008 // Археологія. 2010. № 3.
- Штителъман. 1958 – *Штителъман Ф. М.* Поселення біля Закісової балки // АП. 1958. Т. II.
- Яйленко. 1982 – *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М., 1982.
- Яйленко. 1983 – *Яйленко В. П.* Архаическая Греция // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. Гл. 3.

- Jefremow, Snytko. 2004 – *Jefremow N., Snytko I.* Altgriechische Keramikstempel von den Ausgrabungen in der Wasserscheide Siversov Majak bei Olbia // Münstersche Beiträge z. antiken Handelsgeschichte. 2004. Bd. XXIII. H. 2.
- Milet – Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899.
- Syll.³ – *Dittenberger W.* Sylloge inscriptionum Graecarum. Ed. 3. Leipzig, 1915–1924. Vol. I–IV.
- Vinogradov. 1992 – *Vinogradov J. G.* Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle einheit und die epigraphik // Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура: Материалы к конф. в Херсонесском заповеднике 26–30 октября 1992 г. Севастополь, 1992.

В. В. Назарчук

Новый фрагмент надписи на свинцовой пластине из Ольвии

В 2010 г. при раскопках жилого дома в Ольвии был найден небольшой фрагмент свинцовой пластины. После её распрямления и расчистки (предварительная расчистка и консервация была произведена А. И. Калашником) обнаружены остатки строк надписи, которая, безусловно, представит интерес для эпиграфистов. С этой целью здесь представлены её прорисовка (рис. 1), место находки, краткое описание пластины и надписи.

На участке Т-3, расположенном в террасной части Ольвии, ниже Восточного теменоса, на протяжении нескольких лет ведутся археологические исследования раннеэллинистического большого жилого дома, получившего условное название «Дом Артимидора» (согласно имени, указанном на первой свинцовой пластинке с магическим текстом, происходящей из развалин западного ряда помещений этого дома) (Назарчук. 1996. С. 75). Скорее всего, он был сооружён на искусственной террасе «в годы астиномии Микоя в Синопе» (319 или 321 гг. до н.э.; Назарчук. 1995. С. 38) и разрушен около середины II в. до н.э. К сожалению, предлагаемый вниманию специалистов фрагмент свинцовой пластины обнаружен не непосредственно при исследовании остатков этого дома, а в верхнем слое каменного завала бута (№ 142), образовавшегося в первые века нашей эры над выборкой кладок восточного ряда его помещений. При этом, естественно, нельзя исключать, что свернутая пластина попала сюда случайно при разборе дома, в уже фрагментированном виде. Вместе с тем следует отметить, что под остатками раннеэллинистического дома в первой половине V в. до н.э. находились каменные (каменно-глинобитные) жилые городские постройки, разрушенные около середины этого века вследствие, вероятно, оползня (или селя) и впоследствии перекрытые мощными слоями свалки V–IV вв. до н.э.

Рис. 1. Ольвия, фрагмент надписи на свинцовой пластине:

1 – фотография пластины; 2 – прорисовка текста (с линиями направлений сгибов)

Общие размеры сохранившейся части пластины в развернутом виде – приблизительно $8,2 \times 4,1$ см; толщина после реставрации – до 0,1 см. Изначально она после нанесения надписи была согнута внутрь впятеро по горизонтали строк, начиная с левой стороны, со сгибами от 1,2 см (внутри) до 1,6 см (снаружи). Внешняя сторона двух последних сгибов (и их верхняя часть), вероятно, несколько оплавлены. Характер оплавленной части наружной поверхности позволяет также считать, что в завале обломок пластины оказался уже после того, как несколько обгорел снаружи. Исходя из этого, точное местонахождение её изготовления, а тем более адресат автора надписи (имеется в виду собственно Ольвия, Березань либо одно из поселений хоры) установить сложно.

Внешняя поверхность пластины гладкая; текст надписи размещен, скорее всего, в прямоугольной рамке в виде не совсем ровно проведенных линий только на внутренней стороне. Слева ширина прямоугольной рамки – около 0,2 см; снизу – до 0,4 см. Отсутствие сходных прямых линий сверху и справа, возможно, указывает на то, что с этих сторон пластина полностью была обломана ещё в древности. Наличие рамки и относительно ровные строки позволяют также предполагать, что автор надписи стремился разместить её на заранее очерченной прямоугольной плоскости.

Предварительно эту надпись можно воспроизвести следующим образом:

.....ΝΡΔ	Α(?)ΡΗΜΑ(?)....
ΥΙ ΠΕΟΥΙ	ΚΑΙΤΟ...
ΑΓΗΣΜΗΤΡΟ	ΗΙ ΗΝΠΕΝ....
ΕΚΤΑΣΙΔΕΜΗ	ΑΥΤ ΠΟΗΜ(?).....
ΕΣΣΙΤΟΝΟΙΚΟΝΕΥΝ.....	
ΤΑ	

Первая строка обломана слева, в средней части и в конце. Кроме того, неясно, находилось ли именно здесь начало текста. Во второй строке также значительные повреждения, у среднего облома слева прослеживаются нечёткие завитки от каких-то букв. Сравнительно хорошо сохранилась левая часть надписи с началами последующих трёх строк, конец которых также оборван, и перенос из двух букв в самой нижней строке. Средняя высота букв – 0,35–0,4 см. Они прочерчены тонким острием, сравнительно чётко, но в отдельных местах небрежно, на разных расстояниях одна от другой, разными по высоте и с разными наклонами. В особенности это заметно по таким буквам, как *альфа*, *эпсилон*, *каппа*, *кси*, *пи*, *сигма* и другие. Обращает внимание неодинаковая форма *ипсилона*: только в нижней строке в виде латинской буквы V, а в верхних строках – с вертикалью внизу. Наличие такой буквы, наряду с применением в данной надписи крупного *омикрона*, *эпсилона* с наклонными удлинёнными горизонталями, высокой *сигмы* с косыми верхними гасками, размашистой *мю*, *кси* с вертикальной гаской, но *альфы* с прямой перекладиной и отсутствие лунарной *сигмы* позволяют нам только предположительно датировать найденную нами надпись раннеклассическим временем (ср., напр.: Толстой. 1953. С. 45, 48, 108, 123, 211 и др.; Виноградов. 1971; Яйленко. 1980. № 61, 69, 73 и др.; Белецкий, Русяева. 1984. С. 52–56; Виноградов, Тохтасьев. 1998. С. 32–42).

Не настаивая на абсолютной правильности датировки и воспроизведения сохранившейся части текста, мы предлагаем эту предварительную публикацию новой находки надписи на свинцовой пластине из Ольвии для скорейшего введения её в научный оборот и дальнейшего изучения эпиграфистами.

Литература

- Белецкий, Русяева. 1984 – *Белецкий А. А., Русяева А. С.* Граффити магического содержания из Ольвии // Северное Причерноморье. К., 1984.
- Виноградов. 1971 – *Виноградов Ю. Г.* Древнейшее греческое письмо с о. Березань // ВДИ. 1971. № 4.
- Виноградов, Тохтасьев. 1998 – *Виноградов Ю. А., Тохтасьев С. Р.* Новые посвященные граффити из Мирмекия // *HYPERBOREVS. Studia classica. Petropoli*, 1998. Vol. 4. Fasc. 1.
- Назарчук. 1995 – *Назарчук В. И.* Основные результаты раскопок участка «Т-3» в Ольвии (1989–1995 гг.) // Тези першої обласної наукової конф. „Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження”. Миколаїв, 1995.
- Назарчук. 1996 – *Назарчук В. И.* Новая находка надписи на свинцовой пластинке в Ольвии // Древнее Причерноморье: III чтения памяти П. О. Карышковского. Одесса, 1996.
- Толстой. 1953 – *Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953.
- Яйленко 1980 – *Яйленко В. П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3.

Н. И. Николаев

**Просопография в интерпретации и датировке
лапидарных надписей догетской Ольвии**

При реконструкции фрагментированных имён в лапидарных надписях Ольвии используется, как правило, ономастика; из нескольких возможных вариантов восстановления предпочтение отдаётся имени, которое чаще всего встречается в Ольвии. Однако, синхронизация (в первом приближении) эпонимного календаря Ольвии IOSPE 201 и основы ольвийской догетской просопографии (Николаев. 2008; Николаев. 2010б; Nikolayev. In print) создали реальную возможность использования традиционных методов просопографии в реконструкции имён, интерпретации и датировке лапидарных надписей Ольвии IV–I вв. до н.э. Для просопографии характерно построение фрагментов родословных ветвей и отождествление конкретного исторического лица, упоминаемого в реконструируемой надписи. Метод базируется на бесспорном замечании П. О. Карышковского об «узости круга лиц, из которых формировались ольвийские эпонимы и магистраты» (Карышковский. 1978). Установлен ограниченный круг элитных ольвийских родов (около 93 % лапидарных надписей догетской Ольвии изданы пятью родами) и перечень имён, характерных для каждого рода, что соответствует известной традиции их чередования. Разработан специальный метод отождествления персонажей (Николаев. 2008; Николаев. 2010б). Предлагаемые ниже примеры, иллюстрируют возможности просопографии для реконструкции, интерпретации и датировки лапидарных надписей догетской Ольвии.

Рис. 1. 1 – надпись Эпикрата Исократова; 2 – надпись с рельефом

1. Надгробная надпись (рис. 1. 1) Ἐλικράτες Ἴσοκράτεος (Белецкий, Козуб 1977) с позиций просопографии трактуется однозначно: усопший является отцом эпонима 332 г. до н.э. Ποσειδώνιος Ἐλικράτου (IOSPE 201) из рода Аристокритидов–Сократидов. На этой основе памятник датируется 350–330 гг. до н.э. (Nikolayev. In print); издатели по палеографии относят его к 400–350 гг. до н.э.

2. В 2003 г. в Ольвии найден фрагмент мраморного надгробия (рис. 1. 2) с рельефом и надписью (Диатроптов 2006). Сохранившийся фрагмент надписи, содержит в двух строках имена Ἐκατωνύμου τοῦ Νικ[...] и Ἐ[ρ]μ[ο]λάιου τοῦ Μητρο[...]. Издателем они предположительно реконструированы как Ἐκατωνύμου τοῦ Νικ[ηράτου](?), Ἐρμολάιου(?) τοῦ Μητροδώρου(?). Реконструкция имени Νικ[ηράτος], из ряда возможных, принята издателем на основе ономастики. Датировка памятника по палеографии и особенностям рельефа – ранний III в. до н.э.

Рельеф афинской работы указывает на принадлежность памятника элите, что создает возможность использования просопографии. На основе датировки издателя, исследование должно сосредоточиться на первой колонке эпонимного календаря Ольвии IOSPE 201 (357–292 гг. до н.э.). Характерное имя Ἐκατωνύμος позволяет реконструировать патроним усопшего как Νικ[οκλέους]. Он относится к роду Никоклов (Николаев. 2010б), который дважды представлен в календаре IOSPE 201: 348 г. до н.э. – Νικокλῆς Ἐκατωνύμ[ο]υ, 304 г. до н.э. – Νικόστρατος Νικокλέους. Имя и патроним эпонима 348 г. до н.э. Νικокλῆς Ἐκατωνύμ[ο]υ зеркально отражают имя персонажа исследуемой надписи, Ἐκατωνύμος Νικ[οκλέους?]. Хронологические соответствия позволяют обозначить Νικокλῆς Ἐκατωνύμ[ο]υ, эпонима

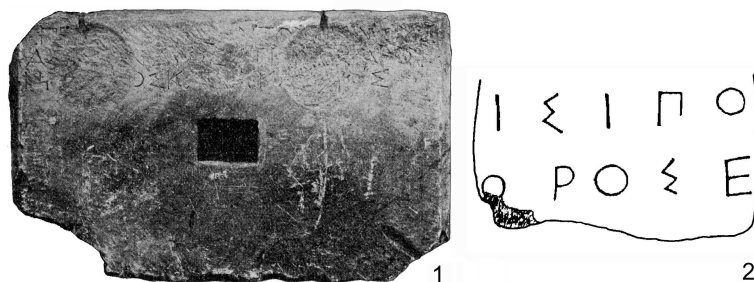

Рис. 2. 1 – надпись IOSPE 178; 2 – надпись IOSPE 219

348 г. до н.э. и усопшего Ἐκατωνύμος Νικ[οκλέους?], соответственно, как отца и сына. Тогда эпоним 304 г. до н.э. Νικόστρατος Νικοκλέους приходится ему родным младшим братом. Хронология этого эпонима и стеностроителя исследована мною ранее (Николаев. 2008). В 304 г. до н.э. он находился в преклонном возрасте. Старший брат, Ἐκατωνύμος Νικ[οκλέους?], по крайней мере, на один год старше и надгробную плиту ему установили, очевидно, на рубеже IV–III вв. до н.э. или в раннем III в. до н.э. Рассматриваемое надгробие является уже третьим документом с упоминанием Никоклов – одного из элитных родов «второго эшелона». Расцвет рода приходится на последнюю треть IV – ранний III в. до н.э. О втором персонаже надписи просопография не даёт информации. Имя Μητροδώρος, в связи с широким распространением, рискованно использовать в просопографии, имя Ἐρμολαῖος впервые упоминается в Ольвии. Прав издатель надписи, П. Д. Диатроптов, утверждая, что неизвестно, как были связаны Ἐκατωνύμος и Ἐρμολαῖος.

3. Надпись IOSPE 178 (рис. 2. 1) опубликована Б. В. Фармаковским (1914. С. 140–144). Камень использовался трижды, надпись иссечена. Чтение В. В. Латышева: ἐλε[με]λήθησαν το[ῦ] τεῖχ[ου]ς Ἀ[λέξα]νδρος Στη[σάν]δρου, Νί[καρχ]ος Καλλικ[λέο]υς – Позаботились о стенах Александр Стисандров, Никарх Калликлиев. Издатель относил надпись к концу IV в. до н.э. Для реконструкции имени второго стеностроителя В. В. Латышев предлагал иные имена: Νί[κανδρ]ος, Νί[κόμαχ]ος, Νί[κηράτ]ος и др. Эта надпись привлекла мое внимание тем, что указанные издателем имена не находят соответствия в группе ольвийской элиты, которая реально финансировала ремонт стен. Палеография надписи на основе написания «Ο», «Κ» и «Σ» (Виноградов, Карышковский. 1978) тяготеет, приблизительно, ко второй – третьей четверти IV в. до н.э. К сожалению, я не осматривал камень, а на фото, в патрониме Καλλικ[λέο]υς, будто-бы заметно основание левой гасы «Λ». Однако издатель поместил эту букву в скобки. Поэтому, обращаясь к характерным родовым именам

ольвийской знати, на основе восстановления лакуны, предполагаю, что второй стеностроитель имел патроним не Καλλικ[λέο]υς, а Καλλικ[ράτο]υς, который относится к роду Никератов. Тогда, с учётом характерных имён рода, возможно восстановление его имени как Νικηράτος, что соответствует одному из предлагаемых издателем. В целом строка реконструируется как Νικηράτος Καλλικράτους. В календаре IOSPE 201 упоминается эпоним 211 г. до н.э. Καλλικράτης Νικηράτου из рода Никератов, что является зеркальным отражением восстанавливаемой мною строки. Этот факт, в сочетании с датировкой надписи на основе палеографии и данных о роде Никератов из календаря IOSPE 201 позволяет вычислить (Nikolaev. In print) годы достижения среднего возраста личностью по имени Никерат Калликратов: около 366–353 гг. до н.э. К этому периоду, вероятно, следует отнести датировку надписи стеностроителей IOSPE 178.

Просопография стеностроителя по имени Α[λέξ]ανδρος Στ[ησάν]δρου недоступна. Имя Στησάνδρος известно по списку из афинского акрополя (IG II² 2469) и, возможно, из посвяtitельной надписи III в. до н.э. (НО. 1968. 119).

Укрепление городских стен, как известно, часто предпринималось перед лицом военной угрозы. Таким образом, предполагаю военный конфликт около 366–353 гг. до н.э. в Ольвии либо его угрозу. Исследователи отмечают не менее двух разрушений оборонительных стен Ольвии, произошедших в первой половине IV в. до н.э. (Крыжицкий и др. 1999. С. 155–156). Предложенное чтение надписи, безусловно, нуждается в подтверждении (опровержении) путем осмотра памятника.

4. Фрагмент IOSPE 219 (рис. 2. 2). В. В. Латышев отнес к надгробным и датировал IV в. до н.э.; особенности написания «Е», «Π», «Ο» и «Σ», следы апексов и заметная нестабильность букв позволяют уточнить датировку по палеографии – первая половина IV в. до н.э. (Виноградов, Карышковский. 1978). Чтение надписи В. В. Латышев привёл в редакции издателя: [Κτ]ησιλό[λεος] [Ἰσάν]ορος ε[ἰ] μὴ μῆμα] (Штерн. 1901). Однако В. В. Латышев выразил сомнение в правильности восстановления имени, поскольку первая сохранившаяся буква в строке суть «Ι», а не «Н». К этому следует добавить и произвольное восстановление имён, ранее в Ольвии не зафиксированных. Фрагмент обломан со всех сторон, кроме верхней части; длина строк не известна, как и их количество. Не претендуя на восстановление всей первой строки, однако, предлагаю чтение типичной «поэтической» фразы по аналогии с надгробием Мойродора (IOSPE 226) и др. ...ἀθανάτοισι ποθεινόν... Отсюда следует, что фрагмент IOSPE 219 действительно является titulus memoriae. Фрагмент второй строки надписи с учётом просопографии Ольвии IV в. до н.э., восстанавливаю, как патроним[Αντιμῆστ]ορος ε[.....]... из рода Агатинов.

Стемма Агагинов прекрасно читается в эпонимном календаре, также, известен ряд памятников этого рода (Николаев. 2010а). Достижение среднего возраста усопшим, согласно генеалогическим расчётам (Там же), тяготеет к 387 г. до н.э., отсюда, надгробная плита IOSPE 219 относится примерно к 370–350 гг. до н.э.

Литература

- Белецкий, Козуб. 1977 – *Белецкий А. А., Козуб Ю. И.* Стихотворная эпитафия Эпикрата из Ольвии // ВДИ. 1977. № 1.
- Виноградов, Карышковский. 1976 – *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.* Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимости драгоценных металлов на Понте в IV в. до н.э. // ВДИ. 1976. № 4.
- Диатроптов. 2006 – *Диатроптов П. Д.* Надгробие с рельефом сюжета «загробной трапезы» и надписью из раскопок Ольвии // HYPERBOREYS. 2006. Vol. 12.
- Карышковский. 1978 – *Карышковский П. О.* Ольвийские эпонимы // ВДИ. 1978. № 2.
- Крыжицкий и др. 1999 – *Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В., Лейтунская Н. А., Скржинская М. В., Анохин В. А.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. К., 1999.
- Николаев. 2008 – *Николаев Н. И.* Политическая и культовая элита Ольвии IV–I вв. до н.э. Николаев, 2008.
- Николаев 2010а – *Николаев М. І.* До реконструкції присвятого напису жерців-Леократидів з Ольвії // Наукові праці Чорноморського Державного університету ім. Петра Могили. Миколаїв, 2010. Вип. 116. Т. 129.
- Николаев 2010б – *Николаев М. І.* Синхронізація епонімного літочислення та просопографія Ольвії IV–I ст. до н.е. // Археологія. 2010. № 4.
- НО. 1968. – Надписи Ольвии (1917–1965). Л., 1968.
- Фармаковский 1914 – *Фармаковский Б. В.* Памятники античной культуры, найденные в России // Известия ИАК. 1914. Вып. 51.
- Штерн 1901 – *Штерн Э. Р.* Новый эпитафический материал, найденный на Юге России // ЗООИД. 1901. Т. XXIII.
- Nikolayev. In print – *Nikolayev N. I.* The eponym's calendar synchronization and the new facts of the history of Olbia Pontica in the V–I centuries B.C. (In print).

Т. Л. Самойлова

Несколько замечаний об эллинах и варварах Нижнего Поднепровья в доримскую эпоху (контакты и конфликты)

Эллины, появившиеся достаточно поздно в Нижнем Поднепровье – конец VI в. до н.э., первоначально не имели, как даёт возможность судить уровень изученности доступных источников, варварского окружения. Тем не менее и в Тире, и в Никонии выявлены фрагменты сосудов как фракийского, так и скифского облика, датируемые

VI–V вв. до н.э. В последующее время источники дают возможность более аргументировано судить о варварском окружении античных центров Нижнего Поднестровья. Наиболее полные сведения о Северном Причерноморье и народах, его населявших, содержатся в труде Геродота, который рассказывает о кочевниках скифах, пришедших на эту землю с востока, о битве между собой царей киммерийцев. Историк говорит, что «всех павших в братоубийственной войне народ киммерийский похоронил у реки Тираса (могилу царей там можно видеть и поныне)» (*Herod. IV. 11*). Геродот упоминает и другие племена, проживавшие в непосредственной близости от эллинов Поднестровья. В его времена на западе скифы граничили с фракийцами, и разделяла их р. Истр. Фракийцы занимали в то время огромные пространства, куда входили Прикарпатье, Балканы, вся территория современной Румынии, Молдовы, Болгарии. По своему географическому положению фракийцы должны были соприкасаться и сталкиваться и с греками, и со скифами, а позднее, и с другими этносами и государствами, включая Римскую империю.

По р. Гипанису (Южный Буг) Геродот помещает племя каллипидов, которых он называет «эллино-скифами» (*Herod. IV. 17.1*). Их земли простираются до восточного берега Нижнего Днестра. За ними в месте сближения Тираса и Гипаниса обитало племя алазонов. Эти сведения дополняет Помпоний Мела, который сообщает, что к западу от каллипидов, между реками Асиак и Тирас проживали в конце VI–V в. до н.э. асиаки, к западу от которых за рекой Тирас проживают истрийцы (*Herod. II. 1.7*). К западу от среднего течения Тираса античные авторы помещали племя агафирсов. Достаточно подробно Геродот (*IV. 100, 102, 104*) описывает соседей скифов – агафирсов, ирано-фракийское племя, которое обитало в Среднем Поднестровье, Северо-Восточном Прикарпатье (Доватур и др. 1982. С. 346–347) и которое связывают с культурой Чиумбруд (Vulpre. 1970). Взаимоотношения с последними у скифов были достаточно враждебными. Агафирсы отказались поддержать скифов во время их конфликта с персами, в ответ скифы организовали поход в земли непокорных агафирсов, но впоследствии скифский царь Ариапиф погиб от руки Спаргапифа, их царя (*Herod. IV. 78*).

Скифы конфликтуют и с другими народами, проживавшими в Дунайском регионе. После их похода к Херсонесу Фракийскому начинается период военных конфликтов с фракийскими племенами, которые оказывают сопротивление продвижению скифов на запад. Это логически проистекает из той демографической ситуации, которая сложилась в конце VI – начале V в. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье. Относительно безлюдье земель в Днестро-Дунайском междуречье к западу от него сменяется достаточно плотной заселённостью. Воинственные геты, хотя и пострадавшие от персов во

время похода Дария, были той стеной, которую скифы должны были преодолеть, чтобы двигаться на запад. Сопротивление скифам оказали на Балканах и одрисы. В результате скифы были вынуждены вернуться за Дунай, а противостояние закончилось миром между скифами и фракийцами, который был закреплён династическим браком царя скифов Ариапифа и дочерью одрисского царя Тереса. Затем был заключен ещё один брак этого же царя с истрианкой (*Herod. IV. 78*).

Трудно судить точно о характере взаимоотношений эллинов и скифов в это время. Но две новеллы, приводимые Геродотом, о скифском мудреце Анахарсисе и царе Скиле позволяют видеть, что скифы, контактируя с греками в экономической сфере, очень враждебно относились к любым попыткам некоторых соплеменников заимствовать образ жизни и обряды греков (*Herod. IV. 76–80*). Принимая греков как торговых контрагентов, скифы тем не менее не воспринимали их в полной мере как дружественных соседей. Эту точку зрения можно подтвердить и фактом участия греков в походе Дария, что, вполне вероятно, было известно и скифам. Если для периода конца VI–V в. до н.э. можно предполагать не слишком теплые отношения между скифами и эллинами, то по поводу отношений греков и фракийцев сказать что-то вразумительное практически невозможно. Единственным аргументом, говорящим в пользу каких-то контактов между ними, может быть только факт находки керамики фракийского облика этого периода на памятниках греков в Нижнем Поднестровье. Говоря о соседстве скифов и гетов, Геродот основную массу скифских племён размещал к северу от Истра, а гетов – к югу. Эту же картину показывает и Фукидид, у которого геты обитают «по эту (т. е. южную. – Т. С.) сторону Истра, ближе к Эвксинскому Понту» (*Фуц. II. 96*).

В V в. ситуация для греческих поселений Нижнего Поднестровья, как и для других полисов Северо-Западного Причерноморья, осложняется, что подтверждается некоторыми фактами. В V в. до н.э. значительная часть сельских поселений, составлявших хору греческих городов Северо-Западного Причерноморья, прекращает своё существование. В середине V в. до н.э. исчезают и сельские поселения в Нижнем Поднестровье, составлявшие хору Никония. Сокращение хоры Ольвии может быть объяснено стремлением реорганизовать её и упорядочить, а также необходимостью преобразовать Ольвию в городской центр полиса, что привело к «стягиванию населения большой хоры в Ольвию» (Крыжицкий и др. 1999. С. 94). Возможно, сходный процесс имел место и в Нижнем Поднестровье. Развитие Никония и Тиры, которая не имела хоры в виде системы сельских поселений, приводило к необходимости привлечения дополнительного населения внутрь этих центров. Недаром расцвет Тиры прослеживается после прекращения жизни на сельских поселениях

правого берега Тираса (Самойлова. 1988). Сложность ситуации подтверждается и повсеместным строительством систем оборонительных сооружений. Появляются они в конце V в. до н.э. и в Тире, и в Никонии. Таким образом, взаимоотношения между варварами развивались по двум направлениям: экономическое сотрудничество, которое было взаимовыгодным, и военное давление. Следует отметить, что мы традиционно говорим о военной угрозе эллинам, жившим в Нижнем Поднестровье, со стороны скифов, однако нам неизвестно, была ли такая же ситуация в отношениях с фракийцами-гетами.

В период эллинизма происходят значительные изменения в варварском мире. Исчезли, растворились, слились с другими новыми племенами многие скифские племена. Страбон уже не помещает их к северу от Истра, оба берега которого заняты фракийским племенем гетов, территорию же между Истром и Тирасом он называет «гетской пустыней, ровным безводным пространством» (VII. 3, 14). К северо-востоку от гетов находились тирегеты. Имя этого племени получил остров между двумя рукавами Тираса. Здесь с V в. до н.э. формируется экономический регион с доминантой в Тире. Причём варварская составляющая этого региона двуэтнична: скифы и геты, граница которых до начала III в. проходит в широтном направлении.

Литература

- Доватур и др. 1982 – Доватур А. И., Калистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Крыжицкий и др. 1999 – Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В., Лейпунская Н. А., Скряжинская М. В., Анохин В. А. Ольвия – античное государство в Северном Причерноморье. К., 1999.
- Самойлова. 1988 – Самойлова Т. Л. Тира в VI–I вв. до н.э. К., 1988.
- Vulpe. 1970 – Vulpe A. Archäologische Forschungen und historische Betrachtungen über das 7 bis 5 Jh. In Donau-Karpatenraum // Memoria Antiquitatis. 1970. Bd. II.

П. В. Остапенко

Варварское население Тиры в доримское время по данным материальной культуры

На протяжении всего времени проживания греков в Северо-Западном Причерноморье, начиная с момента основания крупных городских центров, таких как Истрия, Никоний, Тира, многочисленное варварское население стало неотъемлемой частью повседневной жизни эллинов. В доримский период здесь сосуществуют две основные этнические группы: скифы и гето-фракийцы, разные не только по этносу, но и по экономическому укладу и традициям: кочевники (скифы) и земледельцы (гето-фракийцы). К римскому периоду, помимо

других племён поблизости Тиры, на смену скифам приходят иные кочевники – сарматы, а фракийский компонент остаётся неизменным и на протяжении римской эпохи. Античная Тира была одним из центров, где осуществлялся непосредственный контакт разных культур – греческой, скифской или сарматской и гетской или дакийской.

Исследователей давно уже интересует вопрос, как происходило взаимодействие античной цивилизации и варварского мира. В основном это проблематика, связанная с военными столкновениями и стремлением варваров подчинить себе античные центры, а также вопросы экономической сферы, диктовавшие установление торговых связей и культурных контактов (Карышковский, Клейман. 1985; Самойлова. 1988). Античные города в Северо-Западном Причерноморье, как и в других регионах побережья Понта Евксинского, не располагали большим военным потенциалом, хотя и имели оборонительные сооружения. Они в целом стремились к мирным и выгодным в экономическом смысле связям с варварами. И скифы, и геты были заинтересованы в прочных торговых контактах с античными центрами, что было возможно только в условиях достаточно мирного сосуществования, хотя последнее не всегда соблюдалось. В этой связи необходимо понимать, что наиболее уязвимыми в военном отношении были сельские поселения, основная масса которых не обладала даже примитивными оборонительными сооружениями. В междуречье Дуная и Днестра преобладающим было фракийское население, но сказывалась и близость скифов. Соседство эллинов с постоянно меняющимся миром варваров накладывало свой отпечаток как на жизнь эллинов, так и варваров.

В целом Тира как греческий полис имеет вид классического античного центра, на что указывают система городской застройки, оборонительный комплекс, керамика и пр. Отличием от других центров может служить лишь отсутствие развитой хоры, что могло стимулировать с греческой стороны установление более тесных контактов с варварами. Отдельные категории материала указывают на присутствие весьма значительной варварской прослойки среди городского населения. В комплексах домов эллинистического времени, наряду с предметами греческого обихода, мы обнаруживаем и вещи варварского происхождения. Помимо керамики, варварские влияния можно установить в такой сфере жизни горожан как культы (Самойлова. 2000). Это подтверждают находки достаточно большого числа лепных терракот, обладающих явным сходством с аналогичными предметами на гетских памятниках. Несомненно, какая-то часть населения Тиры была варварами или имела варварские корни, но пока неизвестно, каким статусом в системе греческого полиса она обладала.

Основной группой материалов, на основе которой выделяется варварский компонент среди населения Тиры, является лепная керамика. Комплексное исследование лепной керамики Тиры, проведённое Н. А. Гаврилюк, а также сравнение с материалами других синхронных античных, скифских и фракийских памятников дало интересные результаты (Гаврилюк. 2010. С. 10 сл.). В целом в слоях Тиры лепная посуда составляет 28,9 %, а в синхронных слоях Ольвии – от 1 до 4 % (Крыжицкий и др. 1987. С. 105). Около 71 % лепной посуды Тиры происходит из помещений, кладок, вымосток и т. п. античного времени. Около 30 % керамики можно связать с помещениями, которые относятся к другим эпохам.

Помимо лепной керамики, подтверждением присутствия в среде населения античной Тиры варваров могут служить и определенные категории терракот. В ходе раскопок исследователями найдено большое число лепных терракот, а также сделанных в формах, но отличающихся от греческих образцов самобытностью и оригинальностью. Это антропоморфные статуэтки различных типов, а также изображения синкретических божеств, в процессе изготовления которых мастера-варвары использовали приёмы греческих короoplastов. При этом местные мастера вносили свои элементы, которые и позволяют нам говорить о варварском происхождении этих вещей. Терракоты имеют определённое сходство с антропоморфными идолами фракийских памятников Подунавья и Румынии, что позволяет связать их с гето-фракийской группой населения Тиры.

Тесные связи Тиры с гето-фракийским миром подтверждаются и нумизматическими данными. Хотя такие монеты не являются массовым материалом, они, тем не менее, служат дополнительным источником, подтверждающим существование контактов между варварами региона с греками. Для раннего периода истории Тиры известны некоторые монеты фракийских царей: серебряный диабол Спародока – 40-е гг. V в. до н.э., медная монета 383–359 гг. до н.э. с безбородой мужской головой на аверсе. За последние несколько лет количество этих монет увеличилось до 11 экз. Хотя до сих пор большую часть составляют монеты эмиссий времени Реметалка I (10 г. до н.э. – 12 г. н.э.) (Самойлова, Остапенко. 2007).

В решении вопроса об этническом составе населения Тиры и доли варварского компонента могут помочь и эпиграфические источники. Несмотря на свою малочисленность, они всё же дают определённую информацию, особенно их часть, содержащая личные имена жителей города. Конечно, невозможно установить этническую принадлежность человека по имени, особенно в условиях смешения различных групп населения в границах городского пространства. Собственно для доримского времени нам известен всего один случай упоминания смешанного имени: Сын Кратина (личное имя

не сохранилось) (IOSPE. P. 5). В римское время количество таких имён значительно больше.

Всё выше сказанное даёт возможность сделать некоторые выводы о варварском населении Тиры доримского времени. Скифская лепная керамика в Тире не многочисленна и очень однообразна. В основном это горшки средних размеров, в которых в Тиру привозились молочные продукты или мёд с территории лесостепной полосы (Гаврилюк. 1999). Говоря о скифской группе керамики, можно говорить лишь о контактах между скифами и обитателями Тиры, а не о постоянном проживании скифов в городе.

С достаточной уверенностью можно фиксировать прямое влияние гето-фракийцев, проживавших в непосредственной близости, на жизнь Тирасского полиса, а также присутствие в составе жителей города значительной гето-фракийской прослойки. На данном этапе мы не можем говорить о компактности проживания варварского населения в определённом районе города. Комплексы гетской керамики найдены в домах классического греческого облика, наряду с комплексами, содержащими греческую керамику. Лепная керамика фракийского облика содержит полный набор посуды (кухонная, столовая посуда и тара), что свидетельствует о длительном характере проживания в границах Тиры этого населения. По утверждению Н. А. Гаврилюк, найденная в Тире фракийская посуда «позволяет предположить, что основная масса фракийцев – обитателей Тиры по происхождению ближе к фракийцам северной группы, т. е., скорее к карпатским дако-фракийцам, а не гетам, появившимся в районе Тиры позже дакийцев». Иную картину можно предположить, основываясь на анализе антропоморфных идолов и варварских терракот, ближайšie аналогии которым встречаются в регионе Придунавья. Впрочем это не противоречит общей картине присутствия варварского населения в Тире, которое могло состоять из представителей различных фракийских племён.

Решить проблемы связанные с составом населения античной Тиры в целом и величине варварской прослойки в частности пока невозможно. Ответ на этот и другие вопросы могут дать лишь дальнейшие исследования.

Литература

- Гаврилюк. 1999 – *Гаврилюк Н. А.* История экономики Степной Скифии VII–III вв. до н.э. К., 1999.
- Гаврилюк. 2010 – *Гаврилюк Н. А.* Лепная керамика Тиры // Тира–Белгород–Аккерман. Одесса, 2010.
- Карышковский, Клейман. 1985 – *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира. К., 1985.

- Крыжицкий и др. 1987 – *Крыжицкий С. Д., Козуб Ю. И., Русяева А. С.* Культура населения Ольвии и её округа в архаическое время. К., 1987.
- Самойлова. 1988 – *Самойлова Т. Л.* Тира в VI–I вв. до н.э. К., 1988.
- Самойлова. 2000 – *Самойлова Т. Л.* Эллинское и варварское в духовном мире греков Нижнего Поднестровья в VI–I вв. до н.э. // Пам'ятки археології Північного Західного Причорномор'я. Одесса, 2000.
- Самойлова, Остапенко. 2007 – *Самойлова Т. Л., Остапенко П. В.* Основные направления торговых связей античной Тира по нумизматическим данным // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средних веках. Ростов-на-Дону, 2007.

В. В. Кративина

**Об этническом составе населения Ольвии в первые века н.э.
(к проблеме корреляции данных археологии и лингвистики)**

Проблема корреляции данных археологии и лингвистики не нова. В зависимости от направления, избранного в качестве приоритетного, исследователи приходят к различным, иногда противоположным выводам. Ярким примером подобной ситуации является решение вопроса об этническом составе населения Ольвии в первые века нашей эры. При этом обычно используются следующие источники: Борисфенитская речь Диона Хрисостома (Ог. XXXVI), посетившего Ольвию в конце I в. н.э.; ономастика Ольвии этого времени; данные археологии (в меньшей степени).

Дион Хрисостом писал о большом количестве варваров, нахлынувших в восстановленные греческие города Северо-Западного Причерноморья. По его мнению, это отразилось на некоторых деталях быта ольвиополитов. Так, описывая их военный костюм, Дион находит в нём сходство со скифской одеждой. Кроме того, он отмечает и недостаточно чистый греческий язык жителей Ольвии (Ог. XXXVI). Однако в ольвийской эпиграфике практически нет отклонений от норм греческого языка (Латышев. 1887. С. 177). Заимствование же «варварского» костюма было вызвано его лучшей приспособленностью к местным климатическим особенностям (Подосинов. 1984. С. 153). В то же время и сам Дион Хрисостом отмечает, что ольвиополиты – эллины по характеру, в их облике много ионийского, все они на древний манер длинноволосы и бородаты, почитают греческих богов, любят и знают наизусть Гомера, а некоторые – и Платона (Ог. XXXVI). Конечно, определённая часть того, что описывает Дион соответствует действительности, но что-то он видел так, как хотел (Bähler. 2007. P. 160). При этом Дион ни разу не упоминает варваров внутри Ольвии и не говорит об этнической пестроте населения города.

Следующая категория источников – ономастика Ольвии¹³⁹. Наиболее влиятельные граждане города носили не только греческие, но также иранские, фракийские и смешанные имена. Из 261 имени ольвиополитов 89 – греческие, 5 – римские, 60 – иранские, 3 – фракийские, 64 – греко-иранские, 17 – греко-римско-иранские, 3 – римско-иранские, 20 – неизвестного происхождения (Книпович. 1956. С. 134–135; Трешева. 1977. С. 156–182). Обзор имён ольвийских магистратов в посвящениях Ахиллу показывает, что греческие имена составляют 54 %, с римскими и семитскими именами 57 % (Нуре. 2006. S. 206–208).

Иранские имена связываются как со скифами, так и с сарматами. Первые исследователи истории Ольвии считали варварский элемент достаточно важным и связывали его со скифами. В. Ф. Миллер, в частности, связывал его со скифами-пахарями Геродота, но подчёркивал, что они сохранили от предков только иранские имена (Миллер. 1886. С. 232–382). В. В. Латышев писал, что варвары составляли часть гражданской общины Ольвии и растворились в ней, придав ей некоторое своеобразие. По его мнению, смесь эллинских и варварских элементов началась от нескольких скифских, но эллинизированных, семей (Латышев. 1887. С. 115–120, 172–182, 186–189). Позднее мнения исследователей разделились. Некоторые из них считали, что скифская прослойка увеличилась, наиболее богатые скифы получили политические права и приняли участие в управлении государством (Славин. 1971. С. 284). Другие писали о скифском и сарматском влиянии без разделения их и подчёркивали сарматизацию Ольвии (Гайдукевич. 1955. С. 57–63; Wasowicz. 1975. S. 116–117). Часть исследователей связывала иранские имена из Ольвии с сарматами (Книпович. 1956. С. 134–135; Карышковский. 1982б. С. 74). А. С. Русяева писала, что во второй половине I – начале II в. н.э. часть сарматского племени сираков вместе с боспорскими приверженцами Митридата VI поселилась в Ольвии и образовала общину вместе с жителями Ольвии (Русяева. 1982. С. 192–193). Позднее исследовательница писала о могущественном государстве, созданном сарматским правителем Фарзоем вместе со скифами с центром в Неаполе Скифском, а Ольвия была под их протекторатом. Множество сарматских имён объяснялись смешанными браками (Русяева. 1995. С. 24–37). В. М. Зубарь пытался объяснить ситуацию предположением образования нового этнического сообщества «борисфенитов», как результат ассимиляции варваров нижнеднепровского региона греками из Ольвии. Он также предполагал присутствие некоторого количества сармат среди жителей, но не граждан Ольвии (Зубарь. 1996. С. 130–132).

¹³⁹ Именно она изучается методами лингвистики.

Автор в своё время предположила, что появление иранских и смешанных имён среди ольвиополитов могло быть связано, прежде всего, с длительным процессом ассимиляции и эллинизации скифов а не с включением в состав общины вновь прибывших в эти земли сармат. Община Ольвии после гетского нашествия была создана заново из ольвиополитов и жителей нижнеднепровских городищ, принявших участие в восстановлении города (Крапивина. 1994. С. 124–125).

Фактически это была попытка корреляции данных археологии и лингвистики, при этом предпочтение отдавалось данным археологии. Одновременное вхождение большого количества сармат, которые значительно отличались по своему быту от населения античной Ольвии, в её гражданскую общину не могло не отразиться на материальной и духовной культуре населения города. Однако данные археологии, подтверждающие это, отсутствуют. Ольвия полностью сохраняет структуру греческого демократического полиса (Карышковский. 1982б. С. 6). Материальная культура сохраняет античный характер и не отражает влияния сармат (Крапивина. 1993. С. 141–144). Духовная культура ольвиополитов также остаётся преимущественно античной, влияние скифских, сарматских и фракийских элементов незначительно (Русяева. 1982. С. 5–6; 1986. С. 19–21).

В первые века сохраняются те же типы погребальных сооружений, что и в предшествующие эпохи. Ни в конструкциях могил, ни в обряде погребения существенных изменений не наблюдается (Герцигер. 1985. С. 16–17). Западное плато Заячьей балки использовалось в качестве некрополя Ольвии со второй половины II в. до н.э. до середины III в. н.э. Для этого времени это был основной участок массовых захоронений. Большинство погребений относится к I – первой половине II в. н.э. Погребальные комплексы свидетельствуют, с одной стороны, об этнической однородности населения, и, с другой – об углублении процесса социально-имущественной дифференциации. Погребальный обряд этого периода, безусловно, является результатом развития обряда предыдущей эпохи, наиболее красноречивым свидетельством чему было продолжение использования эллинистических склепов в первые века нашей эры. Вместе с тем прослеживаются некоторые изменения отдельных черт обряда, как например, нарушение принципа восточной ориентации погребённых, разнообразие способов захоронений при кремации (Козуб. 1985. С. 38–39).

Исследования антропологического типа жителей Ольвии в первые века нашей эры показывают, что они связываются с т. н. понтийским вариантом средиземноморского типа (Покас. 1981. С. 87). Сравнение с варварскими сериями черепов демонстрирует определённое сходство со скифскими IV в. до н.э. и значительные различия с сарматскими. В то же время серии черепов из Ольвии и нижнеднепровских городищ имеют морфологическое сходство (Назарова. 1994. С. 85–92).

Предметы с сарматскими знаками, найденные в Ольвии, относятся к трём категориям. Первая категория – это собственно сарматские предметы, неоднократно упоминавшиеся в публикациях. К ним относятся: четыре зеркала, флакон, браслет и кинжал с кольцевым навершием (Соломоник. 1959. С. 17, 30, 31, 36, 42, 120–123, 126, 127, 130, 131, 143–146; Симоненко, Лобай. 1991. С. 86). Вторая категория – т. н. энциклопедии (скопления) сарматских знаков. Это выявленные в кургане римского времени мраморные скульптуры львов архаического времени, покрытые сарматскими знаками и небольшими углублениями. Знаки на них наносили на протяжении длительного промежутка времени – от II–I вв. до н.э. до середины IV в. н.э. (Соломоник. 1959. С. 29, 87–97; Яценко. 2001. С. 61, 66–67). Третья категория – это имитации сарматских знаков ольвиополитами, они единичны (Крапивина. 2011). Таким образом, предметы с сарматскими знаками, выявленные в Ольвии в течение многолетних раскопок, немногочисленны. Их наличие может свидетельствовать только о контактах между ольвиополитами и сарматами, а не о значительном воздействии последних на культуру Ольвии, что была бы неизбежным при одновременном вхождении значительного количества сармат в элиту общества.

Изучение сарматских памятников нижнебугского региона показывает, что с середины I в. н.э. они располагаются вокруг Ольвийского государства (Симоненко, Лобай. 1991. С. 86–87), а в последней четверти I в. н.э. Ольвия находится в сильном сарматском окружении (Симоненко. 1999. С. 116). Кроме того, во второй половине I в. н.э. существовала безусловная зависимость Ольвии от сарматских правителей Фарзоя и позднее Инисмея, живших к северо-западу от границ Ольвийского государства. Степень этой зависимости определяется исследователями по-разному, однако этот вопрос не является предметом рассмотрения в данной публикации. Очевидно одно, что Фарзой, а затем Инисмей чеканили здесь свои монеты. Возможно, в Ольвии работала ювелирная мастерская, ориентированная на вкусы сарматской знати и изготавливавшая украшения с сарматскими тамгами (Трейстер. 2006. С. 254).

Следствием контактов ольвиополитов с сарматами, вероятно, является погребение конца I – начала II в. н.э. двух знатных сармат, выявленное в 1918 г. в 10 км к северу от Ольвии (Bachmann. 1994. S. 112–113; Симоненко. 1999. С. 106–118). Оно соединяет черты античного и сарматского погребального обряда, а также содержит ряд предметов с сарматскими тамгами, в т. ч. деревянную арфу. Однако это свидетельствует о влиянии античной культуры на сарматскую, а не наоборот.

В последнее время С. Р. Тохтасьев провёл анализ иранских имён Ольвии. Приоритетными в своих исследованиях он сделал именно

данные лингвистики и на основании анализа ономастики Ольвии пришёл к выводу о том, что ольвиополиты – выходцы из северопричерноморской иранской среды, вошедшие в элиту общества, были преимущественно сарматского происхождения (Тохтасьев. 5. 3. 2)¹⁴⁰. Этот вывод автора, как мне кажется, абсолютно не согласуется с археологическими и антропологическими данными, изложенными выше.

С. Р. Тохтасьев фактически напрямую связывает имя с этносом его носителей. Использование иноязычного личного имени, безусловно, свидетельствует о языковом влиянии, но отнюдь не о смешении различных этнических элементов в рамках общины. Следует различать языковую принадлежность имени и этнос его носителя (Білецький. 1957. С. 21–25). Личные имена могут заимствоваться одним народом у другого, поэтому этот источник не может быть основным в решении сложных этнических проблем (Миллер. 1886. С. 236). При этом сам С. Р. Тохтасьев отмечает, что в связи с тем, что для конца II – начала I в. до н.э. языковые свидетельства, которые были бы определены в источниках как скифские *expressis verbis* отсутствуют, отделить скифское от сарматского часто невозможно (Тохтасьев. 6. 1. 2). А ко второй половине I в. н.э., когда в надписях Ольвии вновь появляются иранские антропонимы, предполагаемые предсарматские иранские говоры Поднепровья и Побужья в течение не менее полутора столетий должны были сосуществовать в условиях интерференции с сарматскими. Ко II–III вв. н.э. сохранившиеся в Причерноморье со времён Скифского царства группы ираноязычного населения, скорее всего, понемногу ассимилировались в сарматской среде, во всяком случае, в языковом отношении. Во множестве случаев мы можем выделить бесспорно сарматские имена (Тохтасьев. 8–9), но происхождение какой-то части их носителей лингвистически определить невозможно (Тохтасьев. 6. 1. 3). Часть ольвийских имён сарматского происхождения отражают более архаическое состояние языка, чем боспорские (Тохтасьев. 6. 1. 1).

Кроме того, ранее С. Р. Тохтасьев опубликовал остракон IV в. до н.э. с поселения Козырка Ольвийской хоры, где упоминается имя Коконакос (Κοκονακος). Автор определяет его как скифское (Тохтасьев. 2002. С. 84). При этом имя Кукунаг (Κουκουναγος) из надписи коллегии агораномов первой половины II в. н.э. (IOSPE. I². 129) определяется как сарматское (Тохтасьев. 2002. С. 84–85), хотя местное северопричерноморское происхождение обоих имён не вызывает у автора сомнений (Там же. С. 92).

Значительное внимание С. Р. Тохтасьев уделяет населению нижднепровских городищ. По его мнению, оно могло быть самого

¹⁴⁰ Я благодарю С. Р. Тохтасьева за разрешение использовать его подготовленную к публикации статью «К демографической истории Ольвии римского времени».

разного происхождения. В частности, ими могли стать миксэллины (Тохтасьев. 5. 2), а также тисаматы и савдараты декрета в честь Протогена (IOSPE. I². 32; Тохтасьев. 5. 1). Однако, археологически все эти выводы не подтверждены.

Передатировка времени возникновения этих городищ В. П. Былковой концом II в. до н.э. (Вулкова. 2005. Р. 231) приводит С. Р. Тохтасьева к выводу о том, что вряд ли в их основании могли принять участие жители ольвийской хоры, прекратившей своё существования в середине II в. до н.э. Однако, не рассматривая специально этот вопрос, хочу отметить, что датировка материалов городищ ольвийской хоры также уже нуждается в уточнении в соответствии с современными исследованиями. Кроме того, население ольвийской хоры могло первоначально переселиться в Ольвию. В конце II в. до н.э. происходит отток населения из Ольвии (Крапивина. 2005. Р. 254), которое вполне могло принять участие в создании нижнеднепровских городищ. Во всяком случае, наличие греческого компонента в их составе сомнений не вызывает.

Таким образом, отсутствие корреляции между данными археологии и лингвистики значительно осложняет решение вопроса об этническом составе населения Ольвии в первые века нашей эры и при этом определяющими должны оставаться данные археологии. Появление большого количества сарматских имён среди элиты Ольвии в первые века нашей эры всё ещё не имеет убедительной интерпретации.

Литература

- Білецький. 1957 – *Білецький А. О.* Про власні імена з ольвійських написів // Археологія. 1957. Т. XI.
- Гайдукевич. 1955 – *Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955.
- Герцигер. 1985 – *Герцигер Д. С.* Материалы из римского некрополя Ольвии в Эрмитаже // ПИО. 1985.
- Зубар. 1996 – *Зубар В. М.* Ще раз про етнічний склад населення Ольвії в перших століттях н.е. // Археологія. 1996. № 4.
- Карышковский. 1982а – *Карышковский П. О.* Ольвия и Рим в I в. н.э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К., 1982.
- Карышковский. 1982б – *Карышковский П. О.* О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. К., 1982.
- Книпович. 1956 – *Книпович Т. Н.* Население Ольвии в VI–I вв. до н.э. по данным эпиграфических источников // МИА. 1956. № 50.
- Козуб. 1985 – *Козуб Ю. И.* История развития западной окрестности Ольвии (Предградье и некрополь: конец VI в. до н.э. – середина III в. н.э.) // ПИО. 1985.
- Крапивина. 1993 – *Крапивина В. В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. К., 1993.

- Крапівіна. 1994 – *Крапівіна В. В.* Про етнічний склад населення Ольвії в перші століття нової ери // *Археологія*. 1994. № 2.
- Крапівіна. 2011 – *Крапівіна В. В.* О предметах с сарматскими знаками из Ольвии // XII БЧ. 2011.
- Латышев. 1887 – *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887.
- Миллер. 1886 – *Миллер В. Ф.* Эпиграфические следы иранства на юге России // *Журнал Министерства народного просвещения*. СПб., 1886. Вып. 247.
- Назарова. 1994 – *Назарова Т. А.* К антропологической характеристике населения Ольвии и Березани // *Археологія*. 1994. № 3.
- Подосинов. 1984 – *Подосинов А. В.* Овидий и Причерноморье: Опыт источниковедческого анализа поэтического текста // *Древнейшие государства на территории СССР*. М., 1984.
- Покас. 1981 – *Покас П. М.* К антропологии населения Ольвии в первые века н.э. // *Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. республиканской конф. молодых учёных*. К., 1981.
- Русяева. 1982 – *Русяева А. С.* Негрецькі елементи в релігії Ольвії римського часу // *Археологія*. 1982. 37.
- Русяева. 1986 – *Русяева А. С.* О культурной жизни Ольвии послегетского времени // *Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э.* К., 1986.
- Русяева. 1995 – *Русяева А. С.* Ольвійсько-сарматські відносини у другій половині I ст. н.е. // *Археологія*. 1995. № 2.
- Симоненко. 1999. – *Симоненко О. В.* Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави // *Археологія*. 1999. № 1.
- Симоненко, Лобай. 1991 – *Симоненко А. В., Лобай Б. И.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. К., 1991.
- Славін. 1971 – *Славін Л. М.* Ольвія. Місто // *Археологія УРСР*. К., 1971. Т. II.
- Соломоник. 1959 – *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959.
- Тохтасьев. 2002 – *Тохтасьев С. Р.* Остракон с поселения Козырка XII Ольвийской хоры // *HYPERBOREUS. Studia Classica*. Petropoli, 2002. Vol. 8. Fasc. 1.
- Тохтасьев. В печати – *Тохтасьев С. Р.* К демографической истории Ольвии римского времени. (В печати).
- Трейстер. 2006 – *Трейстер М. Ю.* Ювелирная мастерская I в. н.э. в Северном Причерноморье (К находке из сарматского погребения в Петриках) // *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья*. М., 2006.
- Трещева. 1977 – *Трещева Ю. Н.* Просопография должностных лиц Ольвии I–III вв. н.э. // *ВДИ*. 1977. № 4.
- Яценко. 2001 – *Яценко С. А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Bäbler. 2007 – *Bäbler B.* Dio Chrysostom's Construction of Olbia // *Classical Olbia and the Scythian Word*. Oxford, 2007. Proceedings of the British Academy. Vol. 142.
- Bachmann. 1994 – *Bachmann W.* Die Skythisch-Sarmatische Harfe aus Olbia. Vorbericht zur Rekonstruktion eines unveröffentlichten in kriege verschollenen musikinstrumentes // *Sons originels. Prehistoire de la musique*. Liege, 1994.

- Bylkova. 2005 – *Bylkova V. P.* The Chronology of Settlements in the Lower Dnieper Region (400–100 BC) // *Chronologies of the Black Sea Area in the period c. 400–100 BC.* 2005. BSS. 3.
- Hupe. 2006 – *Hupe J.* Die olbische Achilleus-Vereherung in der römischen Kaiserzeit // *Internationale Archäologie.* Rahden Westf., 2006. Nr. 94.
- Krapivina. 2005 – *Krapivina V. V.* Problems of Chronology of the Late Hellenistic Strata in Olbia // *Chronologies of the Black Sea Area in the period c. 400–100 BC.* 2005. BSS. 3.
- Wasowicz. 1975 – *Wasowicz A.* Olbia Pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace. Paris; Besancon, 1975.

P. A. Козленко

Новые укрепленные пункты в контексте Ольвийской оборонительной системы первых веков нашей эры

Ольвийская оборонительная система римского времени, состоявшая из земляного вала¹⁴¹, перекрывавшего вход на территорию хоры, и комплекса городищ вдоль Днепро-Бугского и Березанского лиманов, является уникальной в своем роде (Рис. 1). Максимально выгодно используя географическое положение и ландшафтные блага, укрепления были серьезными препятствиями против вторжения в глубину Побужья извне.

Комплекс укреплений имеет свою типологию (Буйских. 1991. С. 87), однако в данном исследовании рассматриваются т. н. римские военные лагеря, дискуссия об интерпретации которых длится вот уже несколько десятков лет (Буйских. 1988; 1989а; 1989б; 1989в; 1991. С. 67–68; 1992; Виноградов. 2006. С. 200; Зубарь. 1998. С. 48–50; Крыжицкий и др. 1999. С. 307; Рубан, Буйских. 1976; Щукин. 1994. С. 216). Речь идет об археологических памятниках Дидова Хата III (Рис. 2. 1) и Дарьевка (Рис. 2. 3). Первый, официально открытый В. В. Рубаном в 1974 г., размером 65 × 65 м, расположен у с. Малая Корениха Очаковского р-на Николаевской обл. (Рубан. 1978). Второй, ныне полностью уничтоженный, был обнаружен Г. П. Крысиным (Крисин. 1929) и располагался у с. Дарьевка в Херсонской обл.

Безусловно, главной проблемой в этой теме является недостаточная изученность этих памятников, что и породило широкий спектр аргументов и домыслов. Однако всё же кое-какие археологические работы

¹⁴¹ Вал между Анчекракской (у с. Каменка) и Крутой (у с. Козырка) балками длиной около 15 км и шириной 20 м впервые был частично зафиксирован В. И. Гошкевичем (Фабрициус. 1951. С. 62), а позже – с помощью аэрофотосъемки (Буйских. 1991. С. 114). Ныне, вследствие физической деятельности человека, следов данного оборонительного сооружения не обнаружено.

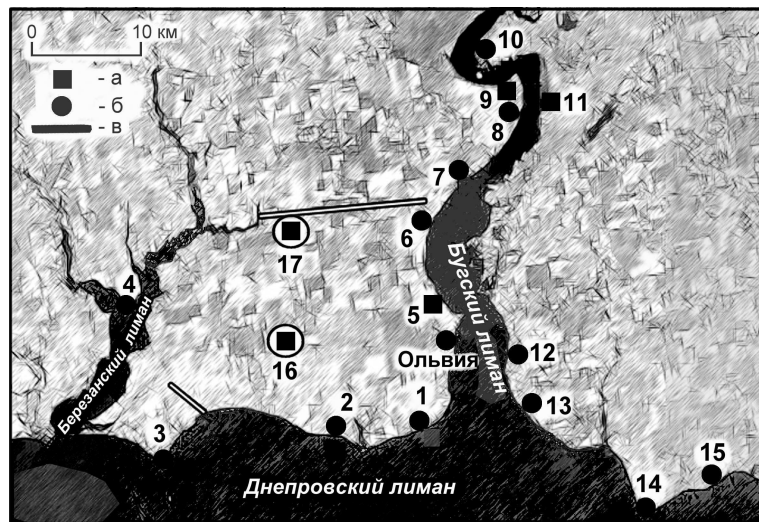

Рис. 1 – Карта Нижнего Побужья первых веков нашей эры с лимесной структурой укрепления: 1 – Днепровское II; 2 – Петуховка II; 3 – Очаков; 4 – Мыс; 5 – Чертоватое; 6 – Козырка I; 7 – Старая Богдановка I; 8 – Радсад; 9 – Дидова Хата III; 10 – Попова Балка; 11 – Сиверсов Маяк; 12 – Семёнов Рог; 13 – Скелька; 14 – Станислав; 15 – Золотой Мыс; 16 – Островка; 17 – Каменка

на одном из вышеупомянутых памятников проводились. Так, в ходе работ С. Б. Буйских на Дидовой Хате были частично исследованы ров и вал, а также найдены фрагменты итальянских амфор середины I в. н.э., фибулы и обломок солдатского жетона с надписью «LEG...» (Буйских. 1989б).

В пользу интерпретации укрепления в Дидовой Хате как римского военного лагеря косвенно также могут свидетельствовать и неслучайные находки «искателей», а именно фляга с надписью «Matrus», которая вроде бы найдена в могиле недалеко от лагеря (Гаврилов. 2010). И это не единичные сведения о существовании некрополя римского времени в окрестностях Малой Коренихи.

Что касается памятника у с. Дарьевка, то на плане Г. П. Крысина 1920-х гг. чётко видно планировку лагеря, которая свидетельствует об идентичности с полевой практикой римских войск. Более того, в частных коллекциях имеются ауреусы, найденные в окрестностях села (Пиворович. 2009. С. 135). Отмечу, что памятников римского времени поблизости там не обнаружено.

Однако, имея свои аргументы, далеко не все согласны с подобной трактовкой данных памятников. Так существуют противоположные взгляды:

- возможно, объект в Дидовой Хате – коллективная усадьба;

– интерпретация Б. В. Магомедовым укрепления под с. Дарьевка как возможного поселения черняховской культуры и уничтоженный вследствие застройки культурный слой порождает сомнение в реконструкции данного памятника как римского военного лагеря;

– перед тем как отождествлять эти памятники с военными лагерями, необходимо провести там полноценные исследования (Зубарь. 1998. С. 49–50).

Возражая этим доводам, отмечу следующее. Первое: интересно, как в «коллективную усадьбу» в урочище Дидова Хата попали солдатские жетон и фибулы?

Второе: известно, что представители черняховской культуры селились на заброшенных в III в. н.э. городищах Нижнего Побужья (Левада. 2006. С. 60–72; Магомедов. 2004), и Дарьевка с её укреплениями могла не стать исключением.

Третье: действительно, культурный слой данного памятника уничтожен и проверить всё путём раскопок невозможно, но игнорировать план, сделанный в конце 1920-х гг. (Рис. 2. 3), когда укрепление ещё было нетронутым, нельзя.

Четвёртое: действительно, подтвердить или опровергнуть эти версии могут только дальнейшие исследования. В связи с этим напомним, что в 1951 г., на севере Британии, за оборонительным валом Антонина Пия, профессором Джозефом с помощью аэрофотосъёмки было найдено укрепление размером $61,7 \times 67,8$ м, трактованное после археологических раскопок как римский военный лагерь (Joseph. 1951)¹⁴². Есть предположение, что он служил тренировочным местом для легионеров. Учитывая что кастел под Дидовой Хатой, расположенный в 12 км от вала между Анчекракской и Крутой балками, имеет приблизительно такие же размеры, с абсолютной уверенностью можно провести параллели, в т. ч. и с лimesной структурой укреплений в целом (Филиппенко. 1996. С. 191).

В продолжение темы следует сказать, что использованию термин «лimes» к оборонительным сооружениям Нижнего Побужья мешало несколько факторов:

– вдоль основного вала не было укреплений, характерных для таких оборонительных систем;

– городища, учитывая природный ландшафт, располагались только вдоль Бугского, Днепровского и Березанского лиманов, что делало невозможным контроль за центральной частью хоры Ольвии (Зубарь, Сон. 2007. С. 146–147; Крыжицкий и др. 1989. С. 78);

¹⁴² В контексте данной работы довольно любопытными являются исследования в рамках проекта Gask Ridge на территории Британии, где также исследуется комплекс укреплений римского времени. Адрес сайта: <http://www.theromangaskproject.org.uk/>

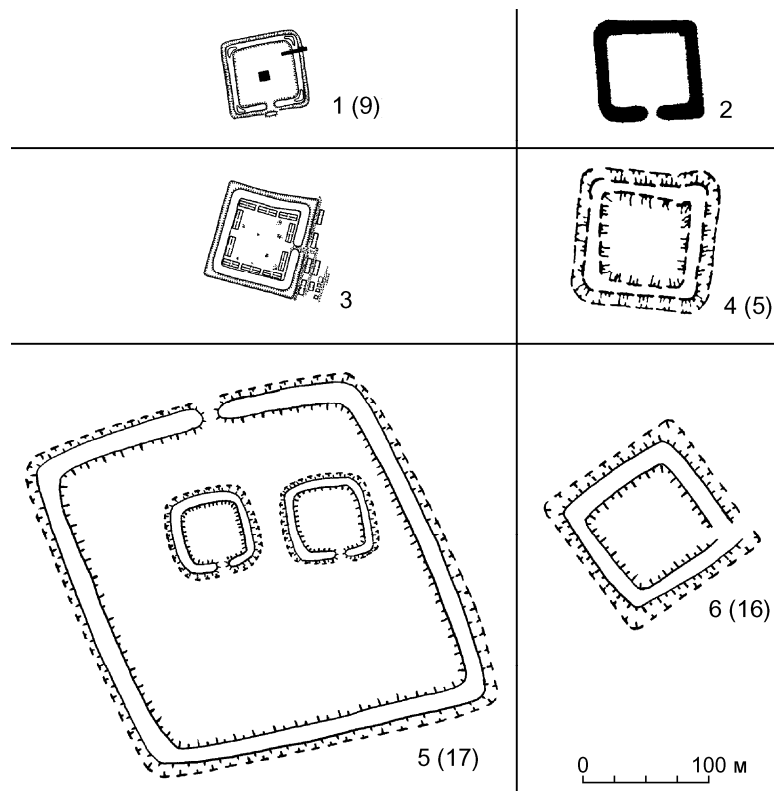

Рис. 2 – Военные лагеря: 1 – Дидова Хата III (по: Рубан, Буйских. 1976; 2 – Domstadt-Tomerdingen (по: N. Venclova – см. Ancient Landscape... 2004); 3 – Дарьевка (по: Крисін. 1929); 4 – Чертоватое (по: Буйских. 1991); 5 и 6 – Каменка и Островка (чертежи Р. А. Козленко). Номера в скобках соответствуют номерам памятников на карте (рис. 1)

– оппоненты идеи лимеса отмечают, что недостаточная исследованность, в т. ч. и кастелов, не позволяет делать однозначных выводов по поводу интерпретации тех или иных памятников.

Первые два из этих утверждений стали безосновательными в связи с открытием новых памятников римского времени. Так, в результате проведённой мною в апреле–мае текущего года археологической разведки, на территории Очаковского р-на Николаевской обл. выявлено 9 новых памятников античного времени, в числе которых два римских лагеря. Один из них является самым крупным в Побужье и уникальным по своей планировке.

Оказалось, что в центре хоры Ольвии существовало сразу несколько кастелов. Так, в окрестностях с. Каменка расположен большой

римский лагерь площадью 7 га (Рис. 2. 5). В плане он прямоугольной формы (260 × 270 м). Окруженный валом, шириной 10–15 м, и рвом, лагерь имеет проём в северо-восточной части (южная часть объекта частично упирается в грунтовую дорогу, что не исключает наличия там ещё одного прохода). А вот внутренняя планировка является самым интересным в данном памятнике: почти в его центре расположено два кастеллума размерами 65 × 65 м! По отдельности они являются точной копией Дидовой Хаты III. Расположенные во внутренней части лагеря, каждый из них окружён своим валом и рвом. Вход у них, как и в укреплении под Малой Коренихой, находится в южной части. Этот крупный лагерь, который состоит из двух небольших, расположен возле 5-метрового кургана, который мог использоваться как дозорный пост (кстати, такая же ситуация прослеживается и в урочище Дидова Хата, где лагерь расположился в 200 м от 6-метрового кургана). В южной части Каменского лагеря, на довольно большой площади мог располагаться кампус (campus) – площадка для тренировок. Расположению двух небольших лагерей в одном большом также может найтись объяснение. Дело в том, что ольвийский гарнизон, как известно, состоял из подразделений нескольких легионов (Ростовцев. 1915), и такая планировка, вероятно, связана с тем, что в Каменке их располагалось два, которые по отдельности таким образом сосуществовали в одном большом лагере. Базироваться в нём, судя по площади и стратегическому расположению, могло от 400 до 600 легионеров. Хотя, так или иначе, проверить это можно будет лишь в процессе полевых исследований.

Но самое главное, что он примыкает к основному оборонительному валу между Анчекракской и Крутой балками, что полностью идентично лимесной системе с лагерями, расположенными вдоль вала. И, принимая общепризнанный смысл термина «лимес» – комплекс фортификационных сооружений на границе империи – учитывая, что Ольвийское государство полноценно входило в состав Римской империи (Крапивина. 1998. С. 404), это весомый аргумент в пользу существования лимеса в Нижнем Побужье.

Следующий памятник находится в самом центре Нижнего Побужья – у современного с. Островка. Расположенное в 15 км на запад от Ольвии это прямоугольное укрепление (90 × 100 м) с валом и, вероятно, рвом (Рис. 2. 6). Вход – с восточной стороны. Скорее всего, это был временный нестационарный лагерь, так сказать, перевалочный пункт. Расположенный чётко в центре хоры, он соединял все городища в единый узел. Конечно, аналогами этому объекту являются уже обрушившееся в обрыв укрепление в уроч. Чертоватое (Рис. 2. 4) и на левом берегу Бугского лимана – Сиверсов Маяк (Буйских. 1991. С. 69).

В то же время наблюдается очень интересное совпадение: в оборонительной системе Ольвийского государства лагерей размером 65×65 м – три (два – в Каменке и один – в Дидовой Хате); размером приблизительно 90×100 м тоже три (Чертоватое, Сиверсов Маяк, Островка). Не распределены ли они были чётко среди подразделений?

Сиверсов Маяк, который по плану и размерам схож с укреплением у с. Островка, возможно, также имел вход в углу основного периметра, т. к. его западная часть ныне упирается в обрыв, а сохранившаяся не имеет проёма (Там же. С. 65).

Вполне возможно, что укрепления Сиверсов Маяк, в уроч. Чертоватое и у с. Островка были временными римскими лагерями – *castra aestiva*, тем более что лагерь с одним входом в самом углу основного периметра известны (Там же. С. 66–67). Но выяснить это можно только в процессе археологических исследований, которые, ввиду частичной сохранности первого и полного разрушения второго, полноценно возможны теперь только на Островском укреплении.

Нетрадиционные формы лагерей с одним входом вместо стандартных четырёх наталкивают на проведение аналогий римских кастелоав Побужья с кельтскими укрепленными поселениями латенской культуры (Wieland. 2009). Так, например, огороженное поселение Dornstadt-Tomerdigen (La Tene C1) (Рис. 2. 2) идентично по плану с уже известными нам лагерями 65×65 м, даже учитывая расположение входа и ориентацию по сторонам света. Сопоставить можно также Дидову Хату с четырёхугольным укрепленным поселением Kucer размерами 65×68 м (Ancient Landscape... 2004. P. 263–265).

Такие совпадения, прежде всего, можно связать с исторической цепочкой заимствований. Кельты, утвердившись во Фракии, создали целое государство с центром в Тилисе (Виноградов. 2006. С. 112) и фракийцы, освободившись от их господства, безусловно, много позаимствовали у галатов по части фортификационного опыта. Этот опыт на территории Нижнего Буга мог воплотиться в такой, довольно нестандартной форме полевых лагерей. А как известно, основная масса легионеров, присутствовавших на территории Ольвийского государства, была именно фракийского происхождения (Каде-ев, Дьячков. 1985. С. 33; Книпович. 1968. С. 189; Крапивина. 1998. С. 407–408), о чём дополнительно может свидетельствовать надпись из односоставного имени «Matrus» на уже упомянутой нами фляге.

Данное сравнение косвенно может натолкнуть на размышления о возможном галатском нашествии III в. до н.э. и следах его присутствия, однако тут весомым препятствием становится исследование С. Б. Буйских в Дидовой Хате и подъёмный материал первых веков с территории недавно обнаруженных городищ.

Резюмируя, следует сказать, что версия о существовании отдельного стационарного базового пункта, в котором могла бы находиться

основная масса римских войск, за пределами Ольвии, имеет все шансы подтвердиться. Тогда таким пунктом можно определить Каменский лагерь с его уникальной планировкой и площадью в 7 га, что, в свою очередь, является дополнительным аргументом в пользу существования лimesной структуры укреплений на Нижнем Буге и полноценного вхождения Ольвийского государства в состав Римской империи. Но даже учитывая вышесказанное, без сомнения, очень многое в понимании данных памятников «зависит от будущих исследований» (Виноградов. 2006. С. 200).

Литература

- Буйских. 1988 – *Буйских С. Б.* Типы ольвийских укреплений римской эпохи // *Античные древности Северного Причерноморья*. К., 1988.
- Буйских. 1989а – *Буйских С. Б.* К проблеме Таврического лimesа // *Скифия и Боспор*: Тез. докл. Новочеркасск, 1989.
- Буйских. 1989б – *Буйских С. Б.* Новые данные о походе Плавтия Сильвана в Таврику // *Проблемы исследования античных городов*: Тез. докл. М., 1989.
- Буйских. 1989в – *Буйских С. Б.* Римские лагеря в Буго-Днестровском междуречье // *История и археология Нижнего Подунавья*: Тез. докл. Рени, 1989.
- Буйских. 1991 – *Буйских С. Б.* Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). К., 1991.
- Буйских. 1992 – *Буйских С. Б.* Просопография Ольвийской вексилляции // *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и в средние века*: Тез. докл. Ростов-на-Дону, 1992.
- Виноградов. 2006 – *Виноградов Ю. А.* Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). СПб., 2006.
- Гаврилов. 2010 – *Гаврилов С.* Фляга римского легионера // *Николаев. Наш город* № 40 (254) 6–12 октября 2010 г.
- Зубарь. 1998 – *Зубарь В. М.* Северный Понт и Римская империя. К., 1998.
- Зубарь, Сон. 2007 – *Зубарь В. М., Сон Н. А.* Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Основные тенденции экономического развития. Симферополь, 2007. Вып. 3.
- Кадеев, Дьячков. 1985 – *Кадеев В. И., Дьячков С. В.* Римские гарнизоны Ольвии и Херсонеса в I–III вв. // *ПИО*. 1985.
- Книпович. 1968 – *Книпович Т. Н.* К вопросу о римлянах в составе населения Ольвии I–III вв. н.э. // *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Л., 1968.
- Крапивина. 1998 – *Крапивина В. В.* Ольвія у другій половині I ст. до н. е. – третій чверті III ст. н. е. // *Давня історія України*. К., 1998. Т. 2.
- Крыжицкий и др. 1989 – *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М.* Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). К., 1990.
- Крыжицкий и др. 1999 – *Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В., Лейтунская Н. А., Скржинская М. В., Анохин В. А.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. К., 1999.

- Крисін. 1929 – *Крисін Г. П.* Археологічні досліді берегів Нижньої течії р. Інгульця // Летопись Херсонского музея за 1927–1928. Херсон, 1929. Вып. 9.
- Левада. 2006 – *Левада М. Е.* Миф о городищах Черняховской культуры // Готы и Рим: Сб. науч. статей. К., 2006.
- Магомедов. 2004 – *Магомедов Б. В.* Городища-крепости ольвийской округи в поздне-римское время // BORYSTHENIKA-2004: Материалы междунар. науч. конф. к 100-летию начала исследований острова Березань Э. Р. фон Штерном. Николаев, 2004.
- Пиворович. 2009 – *Пиворович В. Б.* Монеты и клады юга Украины. Херсон, 2009. Т. 2.
- Ростовцев. 1915 – *Ростовцев М. И.* Военная оккупация Ольвии римлянами // Известия ИАК. 1915. Вып. 58.
- Рубан. 1978 – *Рубан В. В.* Комплексы памятников античного времени в урочище Дидова Хата на Бугском лимане // КСИА. 1978. Вып. 156.
- Рубан, Буйских. 1976 – *Рубан В. В., Буйских С. Б.* Исследования в урочище Дидова Хата // АО 1975 г. 1976.
- Фабрициус. 1951 – *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. К., 1951. Вып. 1.
- Филиппенко. 1996 – *Филиппенко А. А.* Основные вехи и итоги в изучении римского пограничья Северного Причерноморья и Таврики // Мир Ольвии: Материалы юбилейных чтений, посвящённых 90-летию со дня рождения профессора Л. М. Славина (1906–1996). К., 1996.
- Щукин. 1994 – *Щукин М. Б.* На рубеже эр. СПб., 1994.
- Ancient Landscape... 2004 – Ancient Landscape, Settlement, Dynamics and Non-Destructive Archaeology / *Gojda M.* (ed.). Praha, 2004.
- Wieland. 2009 – *Wieland G.* Die keltische Viereckschanze von Hardheim-Gerichtstetten, Neckar-Odenwald-Kreis Ein Meilenstein in der Erforschung einer archäologischen Denkmälergruppe // Denkmalpflege in baden-wuerttemberg nachrichtenblatt der landesdenkmalpflege. 38, Jahrgang. 4/2009.
- Joseph. 1951 – *Joseph St.* Air Reconnaissance of North Britain // Journal of Roman Studies. 1951. Vol. 41.

V
ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

А. И. Иванчик, С. Н. Савенко

**Греческое надгробие из Ставропольского края:
самая восточная находка боспорской надписи?**

В сентябре 2007 г. отряд археологической экспедиции ГУП «Наследие» (Ставрополь) под руководством С. Н. Савенко проводил полевые исследования зимнего стойбища хазарского времени (VIII–X вв. н.э.) «Новомарьевское-1» в окрестностях станицы Новомарьевской Шпаковского р-на Ставропольского края, в 5–6 км к юго-западу от неё.

Во время работ уроженец и житель станицы К. А. Труфанов, работавший в отряде водителем, сообщил С. Н. Савенко, что его товарищ, старший кошары бывшего Новомарьевского колхоза им. Свердлова (сейчас – СПХ колхоз «Новомарьевский») Н. В. Падальцев, в 1984–1985 гг. примерно в районе раскопа обнаружил две или три каменных плиты с надписями. Тогда они лежали или стояли на небольшом возвышении луга, где пасся скот. Позднее на травянистых склонах стали вести механизированный покос трав. Крупные камни этому мешали, поэтому их убрали на края полей или вообще разбивали и увозили. Но две плиты с надписями Н. В. Падальцев видел ещё 2–3 года назад. При этом он обратил внимание, что одна плита была мраморной, а вторая – из какого-то местного камня. На обеих плитах были надписи и Н. В. Падальцев их сравнивал между собой. Как ему казалось, на них были и какие-то даты, а на мраморной плите – изображение вазы с цветами.

Сначала С. Н. Савенко не обратил особого внимания на этот рассказ, восприняв его как одну из широко распространённых в здешних местах легенд о древних находках и сокровищах. Но 12 сентября 2007 г. Н. В. Падальцев нашёл фрагмент одной из плит и показал его археологам. Она действительно была мраморной, вероятно, прямоугольной. Верхний и нижний края обломаны. Лицевая и боковые поверхности хорошо обработаны и заглажены, оборотная – обработана грубыми сколами. Высота плиты – 73 см, ширина – 44–45 см, толщина – 13–25 см. На лицевой поверхности плиты, в верхней её части, нанесена греческая надпись (Рис. 1), от которой сохранилось четыре строки (первая повреждена).

Члены экспедиции и сам Н. В. Падальцев предпринимали неоднократные попытки найти остальные плиты или их фрагменты, но они не увенчались успехом. Информация о том, что они действительно

Рис. 1

были, независимо подтверждалась и другими жителями станицы. Так, тракторист-бульдозерист Новомарьевского рыбхоза Шпаковского р-на М. М. Палионов (1943 г. р.), подтвердил, что ещё мальчишкой в 1951–1952 гг. он бывал на холме, где сейчас ведутся раскопки, и на западном его окончании жители станицы находили

старинные обработанные каменные плиты и кресты. Они были уверены, что это старое кладбище, принадлежавшее какому-то древнему народу, возможно, грекам, а остатки их поселения находились выше по склону на гребне возвышенности, где встречалось много черепков глиняной посуды. Неподалеку, в верховье русла пересыхающей речки Беспутки, у Русского леса бульдозерист видел остатки крупных прямоугольных каменных строений и высеченные каменные желоба с пазами для соединения, тянувшиеся вниз по склону десятки метров.

Надпись была сфотографирована и прорисована, а затем перевезена в Ставрополь, в ГУП «Наследие», где и хранится в настоящее время. По предложению директора «Наследия» А. Б. Белинского фотография и прорисовка надписи были отправлены одному из авторов этой статьи, А. И. Иванчику, для подготовки публикации.

Текст надписи читается следующим образом:

[Α]φιανός . . . ΝΣΕ . [- - -]
 ἀγωνοθέτης ἐνθάδε κεί[ται]
 ζήσας ἔτη{1} · κβ vac. 1 litt. χαῖρε
 vac. παροδείτα vac.

Афиан, *сын такого-то*, агонотет здесь покоится. Жил 22 года. Прощай, прохожий.

Буквы надписи вырезаны ровно и аккуратно, украшены небольшими апексами, их высота ок. 2 см. *Альфа* имеет горизонтальную перекладину, правая гаста несколько выступает за точку пересечения с левой; *дельта* имеет ту же особенность. *Тета* овальная, горизонтальный штрих не касается окружности буквы и украшен расширениями на концах. *Омега* имеет форму дуги с загнутыми внутрь концами, под которой находятся два не соприкасающихся с ней горизонтальных штриха. По форме букв надпись датируется серединой II – началом III в. н.э.; особенно характерна форма *омеги*.

В первой строке, по-видимому, называется имя и отчество покойного. К сожалению, эта строка повреждена; в начале есть место для одной несохранившейся буквы, затем довольно надёжно читаются нижние части букв ΦΙΑΝ, затем полностью сохранившийся омикрон и остатки буквы, которая может быть интерпретирована как сигма. Скорее всего, строка начиналась с имени умершего (переносы в надписи отсутствуют), и в таком случае единственный подходящий вариант – имя Αφιανός. Это имя, по происхождению являющееся римским cognomen Arrianius, нередко встречается в римскую эпоху, особенно в Малой Азии, в формах Αλφιανός, Αφφιανός, реже Αφιανός, как в нашей надписи (см. TAM V, 1, 511; 822; MAMA I, 283). Отчество, к сожалению восстановлению не поддается – от него сохранилось три буквы.

Должность агонотета в греческих полисах известна по меньшей мере с V в. до н.э. (*Thuc.* III, 38). В Северном Причерноморье упоминания агонотетов засвидетельствованы, хотя и встречаются редко. На Боспоре до сих пор было известно лишь два таких упоминания, причём оба относятся к эпохе ранних Спартокидов. Это обнаруженное в Нимфее посвящение входа в святилище Диониса, совершённое агонотетом Теопротидом в правление Левкона I (ок. 389–349 гг. до н.э.) (Соколова, Павличенко. 2002. С. 99–121; SEG LII, 741), а также посвящение эпохи Перисада I (349–310 гг. до н.э.) из Горгииппии (КБН 1039). Данная надпись является первым свидетельством существования на Боспоре (если она происходит с Боспора, ср. ниже) должности агонотета в римское время. К сожалению, из неё невозможно выяснить, об устройстве каких состязаний идет речь.

Как явствует из самого названия, в обязанности агонотета входила организация состязаний. Начиная с эллинистической эпохи, и в особенности в римское время, агонотеты как правило берут на себя не только организацию состязаний, но и их финансирование, в т. ч. и оплату призов для выигравших. Понятно, что это требовало значительных расходов. Поэтому отправление этой должности, как и других должностей, требовавших личных расходов, все более становилось формой эвергетизма, а чем выше были сопряженные с исполнением должности затраты, тем больше почта доставалась эвергету. Разумеется, в римскую эпоху такие должности занимали представители немногих семей, входивших в элиту того или иного полиса. В нашей надписи обращает на себя внимание молодость погребённого: уже в 22 года он исполнял должность агонотета. Впрочем, это тоже не редкость в римскую эпоху – эвергетами, тратившими значительные суммы на государственные нужды, были не только главы семейств: зачастую они добивались почётных должностей, связанных с большими расходами, и для своих сыновей, в результате чего те уже смолоду удаивались почестей от благодарных сограждан. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с одним из таких случаев.

Происхождение надписи остаётся неясным. А. Б. Белинский отмечал присутствие античных традиций в архитектуре ряда склепов, распространённых во второй половине I тыс. до н.э. в ряде районов Ставропольской возвышенности и Кавминвод (верховья рек Вербовки и Беспутки, гора Брык) и предполагал на этом основании присутствие в данном районе греческих переселенцев с Боспора (Белинский. 1990. С. 31–32; 1994. С. 51). Находку данной надписи он склонен связывать с этими гипотетическими переселенцами. Однако упоминание должности агонотета, да и само исполнение надписи профессиональным резчиком и её хорошее качество, свидетельствуют о происхождении надгробия не из какого-то периферийного поселения, а из полиса, где греческие культурные традиции, как и

некоторые полисные институты, сохранялись в полной мере. Существование такого полиса на Ставрополье, в сотнях километров от побережья, невозможно предполагать. Даже и в существование более скромного греческого поселения, не только существовавшего веками, но и сохранявшего в течение всего этого времени греческий язык, греческую культуру и идентичность трудно поверить.

Представляется поэтому, что мы имеем дело с одним из *pièrres erantes*, достаточно хорошо известных в греческой эпиграфике. Скорее всего, камень происходит из одного из городов азиатского Боспора – ближайшего района, где существовали греческие полисы. Впрочем, полной уверенности в этом быть не может. Необычной является не удаленность места происхождения надписи от места её находки, а то, что камень мог быть доставлен туда лишь по суше, а не морским путем (наиболее часто камни перемещались на большие расстояния в составе балласта кораблей). Можно предположить, что камень попал на западные отроги Ставропольской возвышенности вместе с кочевниками хазарами, стойбище которых, собственно, и исследовалось на месте находки надписи. Зона годового цикла кочевания хазарских родовых групп охватывала районы от Нижней Кубани и Приазовья до Ставропольских высот; хазары и другие племена в составе Хазарского каганата имели на Ставропольской возвышенности не только летники и зимники, но и более стационарные поселения, укрепленные каменными стенами и башнями, защищенные рвами и т. п. (Татарское городище, Бударский комплекс и другие). Нельзя поэтому исключать, что камень привезли с территории Азиатского Боспора именно хазары. Впрочем, трудно предположить, зачем им могло понадобиться везти тяжелую плиту так далеко, к тому же в район, где недостатка в камне не было. Если в верхней части надгробной стелы был рельеф, он мог привлечь их внимание.

Более вероятной представляется поэтому гипотеза, согласно которой камень был перемещен на Ставрополье в новое время. Интерес к античным древностям стал проявляться у русских офицеров, солдат и казаков ещё в конце XVIII в., когда Причерноморье и Предкавказье стали прочно включаться в состав России и с античными памятниками можно было соприкоснуться непосредственно. Любители древностей были и среди высшего командования, и среди представителей администрации Юга России и Кавказа. Появилась даже мода на древние изваяния, плиты, фрагменты архитектурных деталей и т. п. Так, один из первых начальников Кавказской области с центром в Ставрополе генерал-лейтенант Г. А. Еммануель во второй половине 1820-х гг. предполагал создать парк древностей на территории своего имения «Еммануелевская дача» (Беликов, Савенко. 2007. С. 267). В частности, генерал перевёз на свой хутор под Ставрополем античную плиту с надписью, о чём караимский любитель древностей и археолог

А. Фиркович узнал во время своего путешествия по Кавказу в 1848–1849 гг. от казачьего есаула Абукова (Фиркович. 1857. С. 371–373).

Преемник Г. А. Еммануеля, командующий Кавказской линией и Черноморией и начальник Кавказской области генерал-лейтенант А. А. Вельяминов в середине 1830-х гг. организовал первую выставку древностей в ставропольском городском саду при Доме командующего в центре города. Кроме «каменных баб» на ней были древние плиты и другие памятники. Тот же А. Фиркович нашел в Ставропольском Казенном саду «...мраморную колонну в 2,5 аршина высоты с греческой надписью, привезённую, по словам почётного гражданина Ивана Волобуева, из-за Кубани...» (Там же). Не могла ли одна из плит этих собраний оказаться, спустя какое-то время, у станции Новомарьевской?

Пока этот вопрос остаётся без ответа. Если в будущем в Ставропольском регионе удастся найти другие античные памятники, аналогичные публикуемому надгробию, возможно, они приблизят к его решению.

Литература

- Беликов, Савенко. 2007 – *Беликов Г. А., Савенко С. Н.* Облик старого Ставрополя. Пятигорск, 2007. Кн. 2.
- Белинский. 1990 – *Белинский А. Б.* К вопросу о культурной принадлежности склеповых сооружений раннежелезного века Ставропольской возвышенности // XVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Ставрополь, 1990.
- Белинский. 1994 – *Белинский А. Б.* Склеповые сооружения раннежелезного века Ставропольской возвышенности и Кисловодской котловины и проблема их культурной принадлежности // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Кисловодск, 1994.
- Соколова, Павличенко. 2002 – *Соколова О. Ю., Павличенко Н. А.* Новая посвятельная надпись из Нимфея // *Hyperboreus. Studia classica.* 2002. 8.
- Фиркович. 1857 – *Фиркович А. С.* Археологические разведки на Кавказе // Записки Императорского Археологического общества. СПб., 1857. Т. IX.

В. Р. Эрлих

Бронзовые ситулы из элитных погребений Кавказа как пример внутрикавказской коммуникации (к вопросу о центре производства и верхней дате бытования)¹⁴³

Бронзовая посуда первой половины I тыс. до н.э. кавказского производства так или иначе рассматривалась большим кругом исследователей-кавказоведов, в числе которых А. А. Иессен, Б. А. Куфтин,

¹⁴³ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 11-01-00532а).

Е. И. Крупнов, Л. С. Сахарова, Б. В. Техов, О. Д. Лордкипанидзе, В. И. Козенкова, С. Л. Дударев, Л. К. Галанина, В. Г. Петренко, В. Р. Эрлих. Среди этой посуды выделяется несколько категорий – миски, кружки с литыми зооморфными ручками, а также кавказские ситилы двух основных типов – ситилы с зооморфными «ушастыми» ручками¹⁴⁴ и «ситилы-ведёрки». В настоящем докладе пойдет речь о последней категории посуды.

Наиболее представительная сводка ситил *первого типа* с литыми зооморфными ручками (Эрлих. 2007. С. 82) имеется в публикации В. Г. Петренко (2006. С. 85. Табл. V). Она включает в себя 15 экз. Сейчас можно несколько расширить эту сводку, включив неизвестные исследователю экземпляры из Кескемского клада в Ингушетии (Рис. 1. 14; Дударев. 2005. С. 87. Рис. 8, 9) и четыре ситилы с территории Северо-Западного Кавказа: могильник Пшиш, погребение 110 (Рис. 1. 6); погребение 9 кургана 2 могильника Уашхиту-I (Рис. 1. 9), а также случайную находку (Рис. 1. 7) и бронзовую «ушастую» ручку от такой же ситилы из района аула Уляп (Адыгея) (Сазонов. 2004. С. 397. Рис. V; Эрлих. 2007. С. 82–83. Цв. вкл., рис. 13; 14, 1; С. 339. Рис. 146, 1; Эрлих и др. 2009. Рис. 8, 7; 10). Сюда же я бы добавил и знаменитую жемталинскую амфору (Рис. 1. 10), которая, несмотря на некоторую узкогорлость, по размерам и назначению являлась тем же, что остальные ситилы с «ушастыми» ручками – переносным котлом для варки мяса и кипячения воды.

Кроме того, необходимо указать и на более поздние (V в. до н.э.) находки бронзовых ситил этого же типа на территории Колхиды – могильник Вани, погребение 11 (Рис. 1. 18) и могильник Саирхе, погребение 13 (Рис. 1. 17), которые практически идентичны ранним котлам, обнаруженным к северу от Кавказского хребта (Вани-I. Рис. 186; Makharadze, Tsereteli. 2007. Photo 163). Очевидно с этой же линией развития связаны ещё два близких по форме котла из Закавказья. Один из них – случайно обнаруженный бронзовый котёл с литыми ручками с «зооморфными» выступами из с. Анхуа в Абхазии (Рис. 1. 20; Бжания, Гунба. 2006. С. 116. Рис. 1). Котёл из Абхазии уже практически лишён горла, его литые ручки имеют не «ушастые», а скорее рогатые выступы и крепятся к верхней части сосуда. Второй котёл, являющийся ближайшей аналогией ему по форме и размерам, имеет крышку (Рис. 1. 19). Он происходит из погребения 13 могильника Вани (Матиашвили. 1977. С. 190. Рис. 92, 97). Это богатое, но к сожалению ограбленное «всадническое» погребение, судя по встреченным здесь украшениям, может относиться уже к раннеэллинистическому времени (Bill. 2003. S. 236, 237. Taf. 180; 181, 1–9).

¹⁴⁴ Я вполне осознаю, что этот прижившийся термин не вполне верен (*situla* лат. «ведро»), поэтому в равной мере здесь применим термин «котёл».

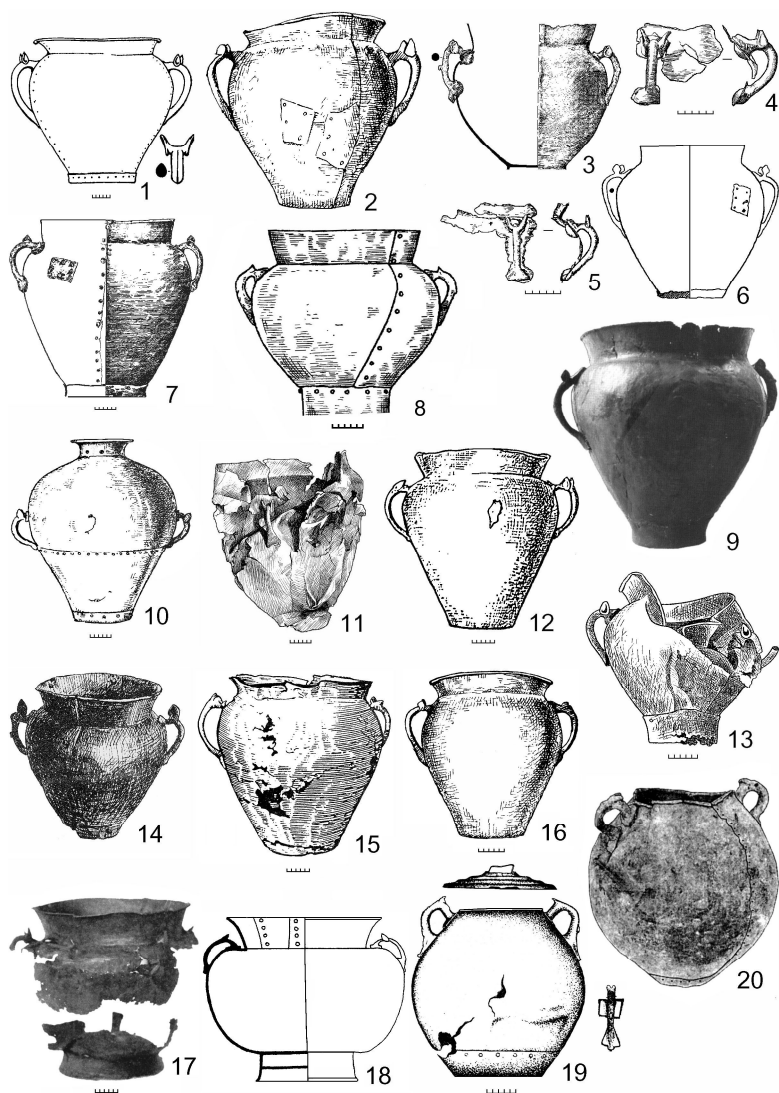

Рис. 1. Бронзовые ситулы с «ушастыми» ручками первого типа: 1 – Квитки; 2 – Жаботин; 3 – Уашхиту-I, курган 1; 4 и 5 – Келермесский могильник, курган 2/В и курган 19, погребение 5; 6 – Пшиш, погребение 110; 7 – аул Уляп; 8 – Холмский, курган 4, погребение 1; 9 – Уашхиту-I, курган 2, погребение 9; 10 – Жемталинский клад; 11 – Красное Знамя, курган 6; 12 – Пятигорск; 13 – Нартан, курган 20; 14 – Кескем, клад; 15 – Терезе, гробница 3; 16 – Лечхуми, клад; 17 – Саирхе, погребение 13; 18 и 19 – Вани, погребения 11 и 13; 20 – Анхуа (Абхазия)

Таким образом котлы-ситулы с литыми зооморфными ручками на Кавказе в наиболее поздних своих модификациях доживают до эпохи эллинизма.

Распространение ситул первого типа сейчас распределяется так. В Украинской лесостепи мне известно 4 экз.: Жаботин – 2 экз.; Квитки и Таганча (Рис. 1. 1–2). На Северо-Западном Кавказе – 9 экз.: Холмский-I; Келермесская – 2 экз.; Пшиш; Уашхиту-I – 3 экз., Уляп – 2 экз. (Рис. 1. 3–9). Чуть меньше ситул этого типа известно в Центральном Предкавказье – 6 экз.: Терезе, Нартан, Кескемский клад, Красное Знамя – 2 экз., Жемтала (Рис. 1. 10–15). Из закавказских находок мне известны 5 экз. котлов этого типа: Окуреша – Лечхумский клад; Вани, погребения 11 и 13; Саирхе, погребение 13; с. Анхуа (Рис. 1. 16–20). Все ситулы изготовлены по единой схеме, основной объём сосуда сформован из листовой бронзы, листы бронзы скреплены заклёпками. Отдельно приклёпывалось дно, которое чаще имеет вид полого кольцевого поддона, а иногда, как в случае с жемталинской «амфорой», подобный поддон отсутствует. В пробитые отверстия на корпусе приливались ручки, причём практически все сосуды сохраняют следы литников на внешней части ручек. Исключение из этой схемы составляют два сосуда из курганов 3 и 6 возле хут. Красное Знамя, у которых, как указала В. Г. Петренко, отсутствует заклёпка, а листы бронзы заварены ковкой (Петренко. 2006. С. 83). Осмотр ситулы этого типа первой половины V в. до н.э. из погребения 13 Саирхе в фондах Музея искусств Грузии показал, что она практически ничем не отличается от экземпляров VIII–VII вв. до н.э., обнаруженных на территории Северного Кавказа.

Если рассматривать хронологию находок к северу от Кавказского хребта, то она ограничивается предскифским и раннескифским временем. Наиболее ранним комплексом, в котором встречена ситула этого типа является гробница 3 могильника Терезе, в которой обнаружена новочеркасская узда «предклассического» времени, дату которой мы определяем в пределах последней четверти VIII в. до н.э., а к наиболее поздним относятся ситулы раннекелермесского горизонта (РСК-II): из Келермесского могильника, кургана № 2 Веселовского и погребения 5 кургана 19; кургана 20 Нартановского могильника; кургана 4 у с. Холмского; а также ситулы из курганов 3 и 6 Красного Знамени, датировать который мы можем в пределах третьей четверти – второй половины VII в. до н.э.

Существенной чертой является то, что ситулы-котлы этого типа встречены в погребальных комплексах самого высшего сословия предскифского и раннескифского времени – в погребениях всадников (Терезе, Келермес, Холмский, Нартан) и «колесничих» (Квитки; Уашхиту, курган 1 и курган 2, погребение 9; Красное Знамя, курганы 3 и 6). Остальные находки произведены в ритуальных конских

захоронениях (Пшиш, погребение 110), встречены в кладах (Кескем, Жемтала), либо обнаружены случайно. Функционально ситулы с зооморфными ручками, очевидно, могли использоваться для приготовления пищи, в частности, варки мяса. Так например, в кургане Уашхиту в ситуле, стоявшей в углу погребальной площадки, была обнаружена специальная железная вилка для доставания мяса из котла. В. И. Козенкова отмечает, что ситула из Терезе была густо покрыта копотью, что говорит о её использовании в качестве котла (Козенкова. 1998. С. 109; 2004. С. 96). О долгом использовании ситул до того как они попали в комплекс свидетельствуют и часто встречающиеся на них «заплаты» – следы ремонта. Подобные «заплаты» прослеживаются на котлах из Уашхиту, Уляпа, могильника Пшиш-I, Жаботина, а также на знаменитой «вазе» из Жемталы (Крупнов. 1952. Табл. IV, 2; С. 19. Рис. 1, 4; Эрлих. 2007. Рис. 66, 32; 146, 1). Таким образом, мы можем предполагать, что ситулы этого типа были одним из наиболее престижных атрибутов мобильного быта представителей высшей воинской элиты на протяжении предкифского и раннекелермесского времени, т. е. до той поры, пока в Предкавказье и в Причерноморье не вошли в употребление литые котлы.

2. Бронзовые ситулы *второго типа* (Эрлих. 2007. С. 83, 84) – «ситулы-ведёрки», имеют петельчатые ручки-«ушки», к которым крепилась бронзовая дужка для подвешивания сосуда над огнём. Распределение «ситул-ведёрок» таково. Северо-Западный Кавказ – 3 экз.: Кубанский могильник, погребение 50; Келермесский курган 1/Ш и погребение 3, кургана 15 Келермесского могильника (Рис. 2. 2, 3, 5; Анфимов. 1975. С. 38. Рис. 1, 4; Галанина. 1997. Кат. 42; Алексеев. 2003. С. 388. Рис. 15, 1). В двух случаях дужки ситул не сохранились. В Центральном Предкавказье известно 8 экз.: Терезе, Кескемский клад – 2 экз.; Эшкакен; Учкеекен; Тырнаузский клад; Бедыкский могильник – 2 экз. (Рис. 2. 4, 6–10; Козенкова. 1998. С. 109. Табл. XLII, 5, 7, 9; Дударев. 2005. С. 74, 75. Рис. 3–5; Батчаев. 1985. С. 9. Табл. 2, 1; С. 11. Табл. 3, 4). Среди бронзовых сосудов Украинской лесостепи к этому типу можно отнести сосуд из кургана 15 у с. Константиновка (Рис. 2. 1; Ильинская. 1975. Табл. XIV, 6).

В то же время наибольшее количество «ситул-ведёрок» представлено к югу от Кавказа. В Тлийском могильнике их известно не менее 26 экз., которые Б. В. Техов датирует VII–VI вв. до н.э. (Техов. 1977. С. 76; 2002. С. 182). Кроме того, как и ситулы первого типа, ведёрки встречаются в элитных комплексах Колхиды V в. до н.э.: Итхвиси, погребение 1962 г. (Рис. 2. 15); Вани, погребение 11 (2 экз., одно небольшое ведёрко имело крышечку; Рис. 2. 13, 16); Саирхе, погребение 13 (маленькое ведёрко с крышкой); Пичвнари, погребения 21 и 50 (Рис. 2. 17, 18; Гагошидзе. 1968. Табл. II, 8; Гагошидзе и др. 2006. Табл. XXII, 91, 92; Вани-I. Рис. 186, 224; Makharadze, Tsereteli.

2007. P. 95, fig. 91; Kakhidze. 2007. P. 361, fig. 62, 3; P. 373, fig. 75, 8). Ещё одна недавно опубликованная ситула происходит из слоя конца VI – начала V в. колхидского поселения Намарну недалеко от Вани (Рис. 2. 14; Папуашвили Р., Папуашвили Н. 2006. С. 46–66. Табл. XXVIII, 20).

Следует отметить, что от первого типа «ситулы-ведёрки» существенно отличаются размерами, некоторые экземпляры гораздо меньше, чем ситулы первого типа и, скорее всего, не могли быть котлами. Кроме того, среди северокавказских экземпляров можно выделить два варианта вёдер – с литыми ручками (Рис. 2. 2, 3, 9; Кескемский клад – 2 экз., Келермес, курган 3/Ш и курган 15, погребение 3) и ручками-«ушками» из толстых полосок бронзы (Рис. 2. 4, 7, 8; Терезе, Тырнаузский клад, Бедыкский могильник). В остальных случаях отнесение к тому или иному варианту затруднено. Для тлийских экземпляров, по мнению Б. В. Техова, более характерны литые ручки-«ушки» (Рис. 2. 11) и лишь поздние экземпляры (Рис. 2. 12) имеют «весьма изящные ушки из “ложновитой проволоки”» (Техов. 2002. С. 183). Отметим, что «ушки» наиболее поздних «ситул-ведёрок» из Колхиды, судя по публикациям, по большей части – литые. В четырёх случаях они имеют вид строенных ложновитых «косичек», полученных отливкой (Рис. 2. 13–15, 18; Вани, погребение 11; Итхвиси; Пичнари, погребение 21 и Намарну). Очевидно, что все эти ситулы, являясь продукцией одной мастерской. Необходимо указать, что «ложновитое» рифление имеют и некоторые ручки кружек с «ушастыми» выступами, обнаруженные в Лечхуми, Игдырском «колумбарии», Тли, а также в ряде памятников Колхиды (Цаиши, погребальная яма 1; Эргета-I, погребальная яма № 6)¹⁴⁵ (Куфтин. 1944. Табл. 12, 1, 2; Техов. 1980. С. 30, Рис. 10, 5; 2002. Табл. 155–157). Все находки «ситул-ведёрок» происходят из колхидских памятников V в до н.э., о более поздних находках этих сосудов мне неизвестно.

Говоря о центре производства рассмотренных нами двух типов бронзовых ситул, отметим, что мнения исследователей на этот вопрос были не всегда однозначны. Ещё в 1935 г. А. А. Иессен предположил, что все кавказские сосуды являлись продукцией Западного Закавказья, связанной с Лечхумскими и Рачинскими месторождениями меди (Иессен. 1935). Этой же точки зрения придерживались грузинские исследователи О. Д. Лордкипанидзе и Л. С. Сахарова, считая, что одним из производственных центров могла быть Колхида (Лордкипанидзе. 1972. С. 61; Сахарова. 1965). Е. И. Крупнов нанеся места находок бронзовой посуды на карту, включил в область производства этих сосудов и северные склоны Большого Кавказского

¹⁴⁵ Благодарю за информацию Р. Папуашвили.

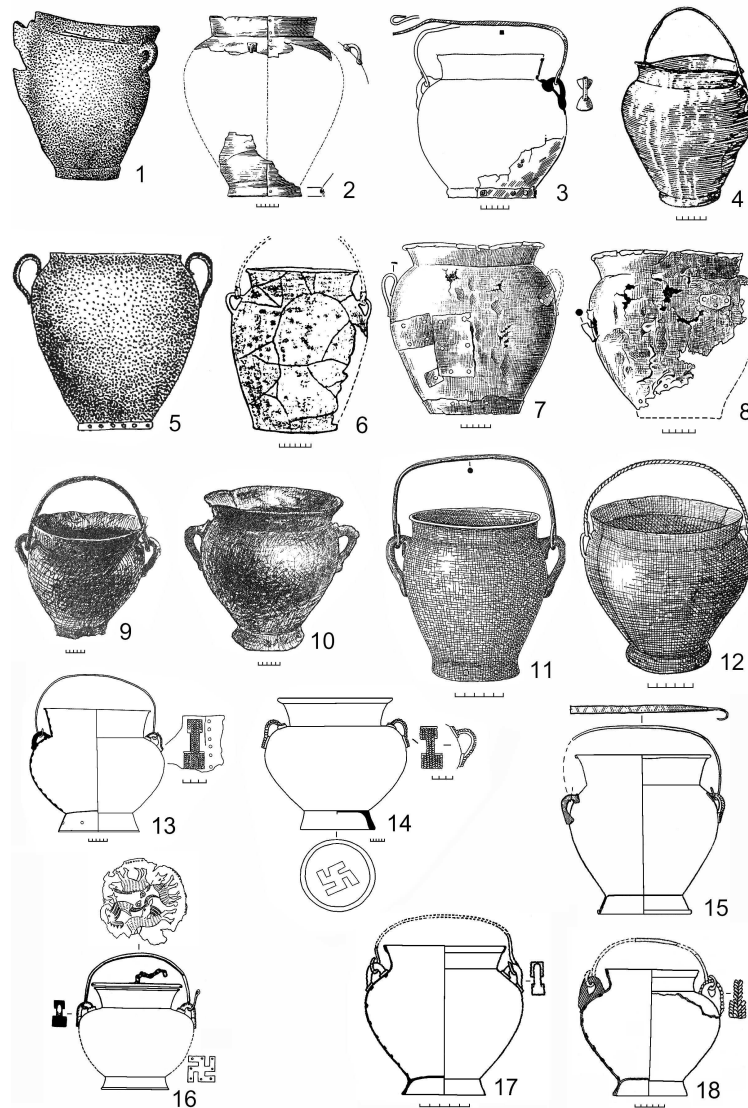

Рис. 2. Бронзовые «ситулы-ведёрки» второго типа (1–16) и колхидские котлы IV в. до н.э.: 1 – Константиновка, курган 15; 2 и 3 – Келермес, курган 1/Ш и курган 15, погребение 3; 4 – Терезе, гробница 3; 5 – Кубанский могильник (вне комплекса); 6 – Учкекен; 7 – Тырнаузский клад; 8 – Бедыкский могильник; 9, 10 – Кескем, клад; 11 и 12 – Тли, погребения 347/2 и 68; 13, 16 – Вани, погребение 11; 14 – поселение Намарну; 15 – Итхвиси, погребение 1962 г.; 17 и 18 – Пичвнари, погребения 50 и 21

хребта (Крупнов. 1952. С. 29–30). Ныне этой точки зрения придерживается отчасти В. И. Козенкова, которая считает, что ситулы первого типа с «ушастыми» ручками производились в северо-западной части Кавказа (Козенкова. 1998. С. 110). Этому выводу противоречит относительная редкость бронзовой посуды в целом в ареале западно-кобанской культуры и протомеотской группы памятников.

Находки огромного количества бронзовой посуды в Тлийском могильнике, прежде всего, ситул второго типа, кружек с зооморфными ручками и мисок, в настоящее время позволяют большой группе исследователей считать, что центр производства бронзовой посуды в конце VIII–VI в. до н.э. находился на южных склонах Центрального Кавказа (Галанина. 1997. С. 150; Техов. 2002. С. 182–183; Петренко. 2006. С. 84, 86; Эрлих. 2007. С. 84). Здесь бронзовая посуда была обыденным явлением. Б. В. Техов специально подчёркивал, что она присутствует не только в наиболее богатых воинских погребениях, но и в могилах женщин и детей (Техов. 2002. С. 182).

В. Г. Петренко и В. Р. Эрлих предположили, что большие бронзовые котлы с «ушастыми ручками» первого типа, не встречавшиеся в предскифский и раннескифский период в Тлийском могильнике, производились здесь специально «на заказ» для формирующейся северокавказской элиты времени древнейших походов в Закавказье и Переднюю Азию (Петренко. 2006. С. 84, 86; Эрлих. 2007. С. 84). В связи с этим интересна находка таких же котлов в двух наиболее богатых колхидских комплексах V в. до н.э. Очевидно «отзвук» раннескифской моды на бронзовые ситулы первого типа как престижный предмет сохраняется в Закавказье в то время, как к северу от Кавказского хребта уже более столетия используются литые котлы. Котлы без выраженного горла с литыми ручками с «зооморфными» рогатыми выступами из погребения 13 могильника Вани и с. Анхуа, скорее всего, являются наиболее поздними образцами этой серии и датируются раннеэллинистическим временем.

Судя по имеющимся данным, к V в. до н.э. центр производства кавказской бронзовой посуды смещается в Колхиду. Сосуды становятся более разнообразными по форме и размерам, у них появляются крышки, встречаются серебряные подражания бронзовым ситулам второго типа. В более позднее время в Колхидском очаге производства бронзовой посуды процесс формотворчества приводит к появлению новых типов, не известных к северу от Кавказского хребта.

Литература

- Алексеев. 2003 – *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии. VII–IV веков до н.э. СПб., 2003.
- Анфимов. 1975 – *Анфимов Н. В.* Новый памятник древнемеотской культуры могильник у хут. Кубанского // Скифский мир. К., 1975.

- Батчаев. 1985 – *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1985. Вып. II.
- Бжания, Гунба. 2006 – *Бжания Д. С., Гунба Б. В.* Бронзовый котел из Гудаутского музея // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухуми, 2006.
- Вани-І. 1972 – Вани-І. Археологические раскопки 1947–1969 гг. Тбилиси, 1972.
- Галанина. 1997 – *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. М., 1997.
- Гагошидзе. 1968 – *Гагошидзе Ю. М.* Погребение из Итхвиси // ВГМГ. 1968. Вып. 25В (на груз. яз., рез. рус.).
- Гагошидзе и др. 2006 – *Ю. Гагошидзе, Н. Гогиберидзе, Г. Махарадзе.* Итхвисис самаровани (Итхвисский могильник) // Археологури журналі. Тбилиси, 2006. IV (на груз. яз.).
- Дударев. 2005 – *Дударев С. Л.* «Кескемский» клад бронзовых предметов (полная публикация) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2005. Вып. 5.
- Иессен. 1935 – *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. Л., 1935. Вып. 120.
- Ильинская. 1975 – *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. К., 1975.
- Козенкова. 1998 – *Козенкова В. И.* Материальная основа быта кобанских племён. Западный вариант. М., 1998. САИ. Вып. В2-5.
- Крупнов. 1952 – *Крупнов Е. И.* Жемталинский клад. М., 1952.
- Куфтин. 1944 – *Куфтин Б. А.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит // ВГМГ. 1944. Т. XIII.
- Лордкипанидзе. 1972 – *Лордкипанидзе О. Д.* Ванское городище (Раскопки. История. Проблемы) // Вани-І. Археологические раскопки 1947–1969 гг. Тбилиси, 1972.
- Матиашвили. 1977 – *Н. Н. Матиашвили.* Металлические сосуды // Вани-III. Археологические раскопки. Тбилиси, 1977.
- Папуашвили Р., Папуашвили Н. 2006 – *Папуашвили Р., Папуашвили Н.* Намарну. Памятники II–I тыс. до н.э. // Гурия. Тбилиси, 2006. IV (на груз. яз., рез. рус.)
- Петренко. 2006 – *Петренко В. Г.* Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо, 2006.
- Сазонов. 2004 – *Сазонов А. А.* О хронологии протомеотских погребений Закубанья // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci: Księga poświęconą pamięci Profesora Tadeusza Sulimirskiego.* Kraków, 2004.
- Сахарова. 1965 – *Сахарова Л. С.* Бронзовые художественные сосуды Грузии // Сабчота хеловнеба. Тбилиси, 1965. № 12.
- Техов. 1977 – *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.
- Техов. 1980 – *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. М., 1980.
- Техов. 2002 – *Техов Б. В.* Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002.
- Эрлих. 2007 – *Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М., 2007.
- Эрлих и др. 2009 – *Эрлих В. Р., Вальчак С. Б., Маслов В. Е.* Протомеотские погребения из кургана 2 могильника Уашхиту-І // Эпоха раннего железа: Сб. науч. трудов к 60-летию С. А. Скорого. К.; Полтава, 2009.

- Bill. 2003 – *Bill A.* Studien zu den Gräbern des 6. bis 1. Jahrhunderts v. Chr. in Georgien unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvölkern. Bonn, 2003.
- Kakhidze. 2007 – *Kakhidze A.* The Classical World in the Eastern Black Sea area. The Fifth century BC Greek necropolis at Pichvnary // Pichvnary. Batumi; Oxford, 2007. Vol. II.
- Maxaradze, Tsereteli. 2007 – *Maxaradze G., Tsereteli M. Saikhe.* Tbilisi, 2007 (на груз. яз., рез. англ.).

Р. И. Папуашвили, З. Ч. Джанелидзе

Палеогеографические условия и археологическая ситуация в окрестности устья р. Риони (к проблеме локализации Фасиса)

Сопоставительный анализ географических и археологических данных по устьевому району р. Риони (черноморское побережье Грузии) важен как с точки зрения реконструкции палеогеографических условий, так и в аспекте археологических исследований. Известно, что река Риони отождествляется с неоднократно упомянутой в античных и византийских источниках (Скилак Кариандский, Страбон, Арриан, Агафий и др.) рекой Фасис, в устьевом районе которой, у берега моря (по тем же источникам) был расположен город Фасис.

Несмотря на то что научный интерес к проблеме локализации Фасиса имеет более чем вековую историю, идентификация его местоположения к конкретным ориентирам ещё не решена. Этот факт частично объясняется произвольной интерпретацией сведений, которые содержатся в письменных источниках. В основном же неясность этой проблемы обусловлена неправильной оценкой (порой пренебрежением) литолого-стратиграфических, геоморфологических и палеогеографических свидетельств о районе устья р. Риони. Вместе с тем учёт этих свидетельств – настоящая необходимость, т. к. город Фасис всегда был расположен вблизи морского берега – между рекой Фасис (Риони) и озером (подразумевается оз. Палиастоми, которое расположено у восточной окраины г. Поти).

Исходя из этого в исследовании проблемы локализации Фасиса должное внимание следует обратить на вопрос идентификации контуров современных и древних (времен существования города Фасиса) берегов моря, р. Риони и оз. Палиастоми. Важное значение имеет также точная фиксация границ прибрежных торфянистых болот, непосредственно примыкающих с севера-востока и юга к району устья р. Риони. Эти болота расположены вблизи морского берега, отделяясь от уреза моря узкой полосой древних береговых дюн шириной 150–250 м. Поверхность болот лежит на 0,2–0,5 м выше уровня моря, а мощность единого торфяного горизонта в них колеблется в пределах 4–10 м (следовательно, основная часть торфяных пластов залегаёт

ниже уровня моря). Начало торфообразовательных процессов в этих болотах, по нескольким радиоуглеродным датировкам, определено интервалом времени 5800–6200 л. н. Пласты торфа в болотах имеют монолитное строение, что подтверждает непрерывность процесса торфонакопления с момента заболачивания этой местности до настоящего времени. Приведённые выше данные по болотам устьевого района р. Риони показывают, что места, занятые этими болотами в пору существования Фасиса, были покрыты пластами торфа. Следовательно, наличие культурных слоёв античного периода и последующих эпох под торфяными пластами исключено. К северным и южным окраинам города непосредственно примыкают торфяники Набада и Малтаква соответственно, а к востоку – западный берег оз. Палиастоми, Черноречинское и Имнатское торфяные болота (Рис. 1).

Литолого-фациальный анализ материала буровых скважин, заложённых на дне оз. Палиастоми, с привлечением данных определения абсолютного возраста радиоуглеродным методом, показал, что на месте этого водоёма и на близлежащих к нему территориях 6000–6500 л. н. был развит ландшафт влажных Колхидских лесов и слабозаболоченных лугов. Около 5800–6000 л. н. в этом районе начинается процесс интенсивного заболачивания, развитие которого на месте нынешнего оз. Палиастоми было прервано 3800–4200 л. н. (в фазу новочерноморской трансгрессии) в результате возникновения морского залива, который позже превратился в озеро. На дне последнего происходило отложение алевритоглинистых сапропелевых осадков, обогащённых пресноводными диатомовыми водорослями, что указывает на озёрный режим развития этого водоёма. Лишь на дне узкой прибрежной полосы северо-западной акватории оз. Палиастоми отсутствуют сапропелевые отложения озёрного происхождения. Они здесь замещаются глинистыми песками подвижного мелководья озера. Это свидетельствует, что подводный склон северо-западной части озера шириною около 150–200 м оказался под водой в сравнительно недавнем прошлом. Примечателен тот факт, что на дне этой части озера гидроархеологическими исследованиями был зафиксирован археологический материал античного и византийского периодов.

По вышеприведённым фактам оз. Палиастоми образовалась как минимум на 1000–1200 лет раньше создания города Фасиса. Поэтому наличие следов этого города на большей части дна озера следует исключить.

По мнению некоторых исследователей, Фасис из-за выдвигания или отступления морского берега менял своё местоположение. Однако этому противоречат находение в непосредственной близости уреза моря торфяных болот и оз. Палиастоми, существовавших здесь до создания Фасиса.

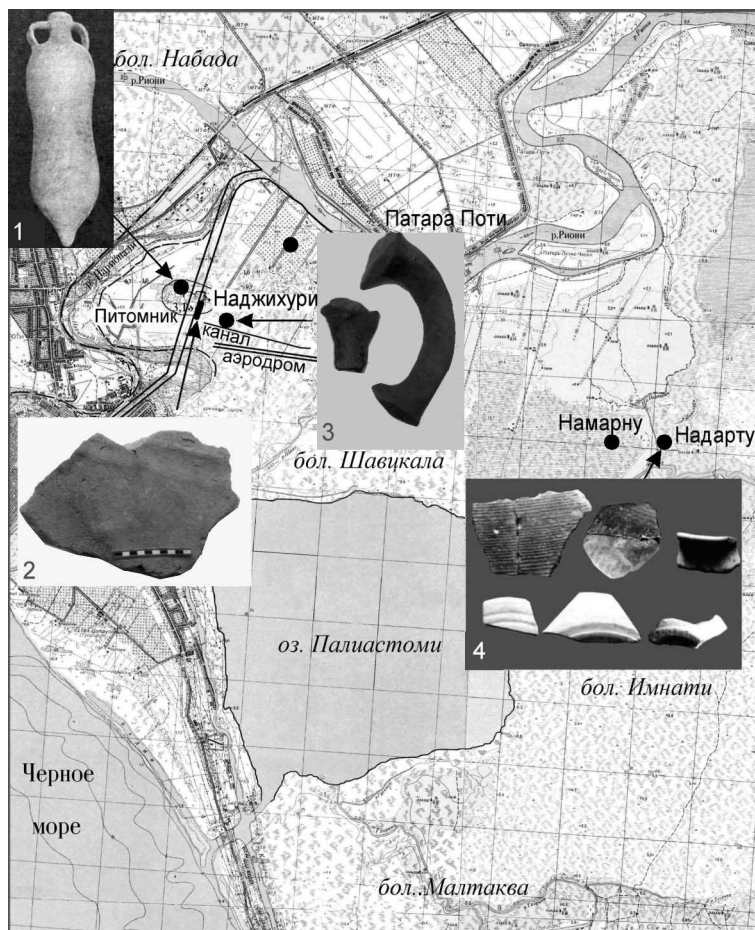

Рис. 1

Факт расположения Фасиса вблизи современного берега моря подтверждается также наличием реликтовых береговых дюн вдоль береговой линии моря. В районе устья Риони, к югу и северу от центральной части г. Поты, вдоль современной береговой линии представлена полоса дюн, которая расположена между приморскими краями прибрежных торфяных болот и урезом моря. Возраст полосы этих береговых дюн надёжно определён на основе археологических фактов, а также с привлечением данных радиоуглеродного анализа органогенных образцов, взятых из разрезов этих же дюн. Полоса береговых дюн появилась 3400–3800 л. н. (в фазе максимального развития новочерноморской трансгрессии), в результате аккумуляции

прибрежных морских осадков, при более высоком, чем в настоящее время среднемноголетнем уровне моря. Это означает, что полоса береговых дюн, расположенная на расстоянии не более чем 100–250 м от уреза моря, как геоморфологический элемент береговой зоны была оформлена на 10–15 веков раньше создания города Фасиса. Следовательно, наличие вблизи современного уреза моря появившейся около 3400–3800 л. н. полосы береговых дюн является неопровержимым доказательством того, что со времён создания Фасиса береговая линия моря в районе устья р. Риони никаких отступаний вглубь суши не испытывала.

На основе результатов литолого-фациального анализа позднеголоценовых отложений района устья р. Риони, можно заключить, что территория, площадью около 1500 га, расположенная к северу-востоку от центральной части г. Поти – между оз. Палиастоми и р. Риони, в течение последних 2500–3000 лет развивалась в условиях сравнительно спокойного морфо- и гидродинамического режима. Поэтому эта территория (которая отстоит от берега моря на 1,3–5 км) выгодно отличалась от других частей устьевых районов р. Риони более-менее подходящими условиями для возникновения и существования населённых пунктов. По всей вероятности, именно в пределах этой территории, под слоем аллювиально-болотных глинисто-песчаных отложений мощностью не более 1–3 м должны были сохраниться остатки древнего поселения.

Заслуживает внимания тот факт, что центральная и западная части отмеченной территории занимают поверхность бывшего дугообразного меандра р. Риони. После 1939 г., когда русло р. Риони было переброшено от г. Поти в северном направлении, морфология названного меандра полностью была стёрта из-за интенсивного хозяйственного освоения его территории. Следует отметить, что этот меандр был расположен между южной частью Набадского торфяного болота, торфяником Шавцкала и северо-западным берегом оз. Палиастоми (Рис. 1). Расположение меандра между этими гидрологическими объектами указывает на его древний возраст, т. к. торфонакопление в болотах, как было отмечено выше, непрерывно происходит в течение последних 5500–6000 лет, а история оз. Палиастоми насчитывает не менее 3000–3400 лет. Исходя из этого, меандр р. Риони существовал до возникновения города Фасиса.

Все параметры этого меандра (глубина и ширина русла, тихое течение и защищённая от морских штормов спокойная гидродинамическая обстановка), по сравнению с открытым, незащищённым от воздействия волн морским берегом, создавали благоприятные условия для устройства тихой гавани.

Поверхность устьевых районов р. Риони со второй половины XIX в. испытала ощутимые морфологические и гидродинамические

изменения. Это было вызвано, в первую очередь, быстрым возрождением портового г. Поты, созданием сети кирпичных заводов с множеством карьеров добычи глины, проведением мелиоративных работ по осушению заболоченных земель, переброской русла р. Риони, прокопом городского канала санитарного назначения, строительством аэропорта и т. д. Очевидно, что процесс интенсивного освоения устьевых районов р. Риони мог вызвать сильное разрушение, а местами полное уничтожение археологического слоя, залегающего под покровом поверхностных отложений. Это – одна из основных причин трудности решения проблемы локализации города Фасиса путём археологических изысканий.

Несмотря на это, отмеченная территория с археологической точки зрения не является полностью стерильной. Так, например, в районе потийского аэропорта – вдоль левого берега городского канала, на расстоянии около 200 м, прослеживаются слои глин и глинистых песков, содержащих фрагменты кирпича, черепиц и глиняной посуды. На некоторых фрагментах кирпича имеется диагональный жёлоб (Рис. 1. 2) – характерная деталь строительной керамики ранневизантийской эпохи (IV–V вв.). Здесь, по всей вероятности, мы имеем дело с остатками одной из стен крепости, упомянутой Дюбуа де Монпере в 1833 г. Он же соотнёс эти руины с крепостью, на которую имелось указание в перипле Арриана. Здесь же в 1970 г. при пробных раскопках на глубине 1,4 м были зафиксированы фрагменты керамики, самые древние из которых были датированы II в. н.э.

В 1960-е гг. Колхидской археологической экспедицией в районе бывшего потийского питомника, расположенного вдоль правого берега городского канала, были зафиксированы остатки строения на известковом растворе, строительная и бытовая керамика. Обнаруженные здесь амфоры (Рис. 1. 1) были датированы IV–VI вв. Следует отметить, что территория бывшего питомника и местонахождение теперь уже разрушенной крепости (Наджиху) расположены в пределах вогнутой части рионского меандра, поверх которого был прорыт городской канал. Видимо в пределах этого канала полностью были уничтожены культурные остатки.

Особый интерес вызывают несколько фрагментов керамических изделий, найденных в 2009 г. вдоль края дренажной канавы, расположенной на расстоянии около 200 м от левого берега городского канала. В первую очередь следует отметить горлышко колхидского глиняного кувшина и ручку амфоры (Рис. 1. 3). Последнюю по коричнево-красноватой окраске, форме и структуре глины можно связать с фасоскими амфорами или амфорами фасоского круга, датруемыми V–IV вв. до н.э.

В районе отмеченного меандра – в окрестностях местонахождения ранее существовавшей здесь крепости, описанной Дюбуа де Монпере,

обнаружены артефакты разных времён, среди которых самыми поздними являются остатки амфор и строительной керамики ранне-византийской эпохи. Поэтому есть основания для отнесения к этой эпохе крепости, описанной Дюбуа де Монпере (Рис. 2. 1). Следует отметить, что контуры развалин этой крепости достаточно чётко отражены на аэрофотоснимках (Рис. 2. 2) и крупномасштабных картах (1 : 25000), снятых в 1950-е гг. (Рис. 1).

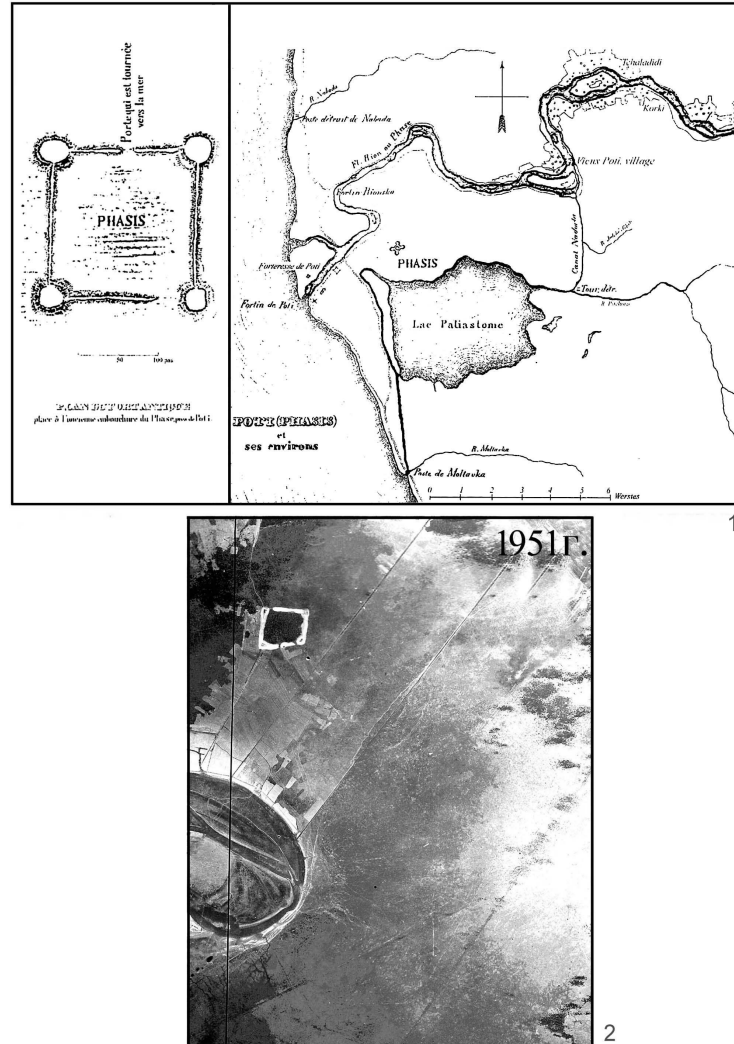

Рис. 2

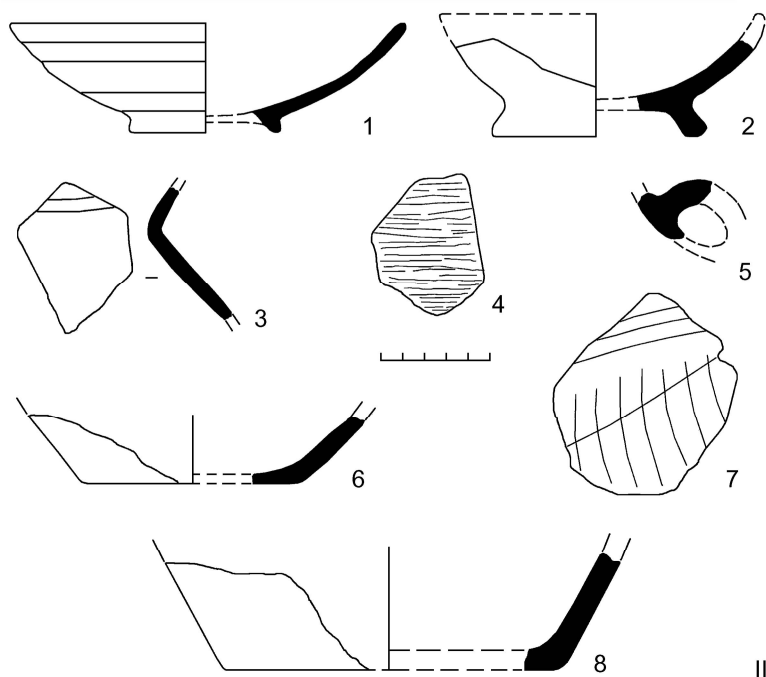
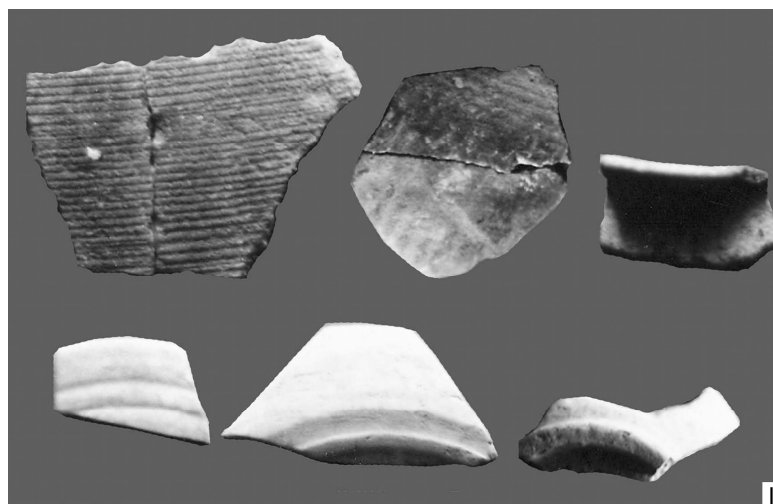

Рис. 3

Вместе с тем обнаруженные в этом же районе в 1970 г. в разрезе пробной траншеи краснолаковая керамика и медная монета, отчеканенная во время императора Адриана, во многом повышает надёжность идентификации сведений Арриана (II в.). Находка здесь же в 2009 г. местных и импортных артефактов раннеантичной и эллинистической эпохи указывает, что вероятность нахождения в этом районе остатков поселений этих периодов достаточно велика. Можно утверждать, что территория, расположенная в пределах старого ринонического меандра, между городским каналом (выпрямленное русло Риони) и аэропортом, была освоена если не с классической, то наверняка с эллинистической эпохи. Поселения на этой территории существовали до VI в. включительно.

В связи с этим заслуживают внимания следы античного поселения, зафиксированного в 1978 и 2003 гг. Колхидской археологической экспедицией в 5–7 км к востоку от потийского аэропорта, вдоль левого берега речки Надарту. Здесь в шурфах, на глубине около 2 м был обнаружен культурный слой, содержащий остатки срубных деревянных домов, фрагменты местной (колхской) и импортной (греческой) керамики (Рис. 1. 4; 3. I). Последняя обнаруживает связь с простыми образцами ионийско-родосского типа и с керамическим материалом из слоёв известных археологических объектов Колхиды – Симагре, Кобулет-Пичвнари, Кулеви, Эргета, Очамчире, Эшера и др., датируемых VI–IV вв. до н.э.

Представленные нами географические и археологические свидетельства дают основания считать эту территорию перспективной с точки зрения археологических изысканий.

VI СКИФИЯ И САРМАТИЯ

М. Т. Кашуба, О. Г. Левицкий

Круглые жилища раннескифского времени в Северо-Западном Причерноморье: население и контакты, истоки и традиции домостроительства

1. Введение – о жилищах. В Северном Причерноморье раннескифского времени известны жилые сооружения, распространённые как в варварском хинтерланде, так и в греческой среде (Рис. 1). Речь идёт о сравнительно небольших постройках с круглым или округлым котлованом, стены которого были отвесные или слегка отклонённые наружу, а дно – горизонтальное и плотно утрамбованное, иногда подмазанное глиной. Большая часть котлованов имеет небольшой диаметр (около 4–5 м), глубина их составляла от 0,3–0,65 м (у полуземлянок) до 1,1–1,3 м (у землянок). Соответственно, площадь таких жилищ была от 3,9–4,3 до 9–12,5 или 17–19,6 м², причём их размеры в некоторых случаях могли достигать 26–28 м². Круглые жилые сооружения иногда имели дополнительные конструктивные особенности: центральный столб и/или дополнительные столбики по периметру, в нескольких случаях засвидетельствован фиксированный вход: канавообразные ямы («хвосты»), ступеньки. Организация домашнего пространства, по-видимому, была вертикальной и формировалась из несохранившихся деталей, т. к. в котлованах этих жилищ (за исключением нескольких случаев) не зафиксированы лавки или лежанки из материковой глины. В некоторых круглых жилых постройках обнаружены остатки стационарных купольных печей или очагов, при этом наличие следов обожжённости на полах других – предполагает обогрев таких помещений переносными отопительными сооружениями типа жаровен.

2. Круглые/округлые жилища в варварском хинтерланде Северного Причерноморья. Они относятся к раннескифскому времени (VII или вторая половина VII – рубеж VI–V вв. до н.э.) и обнаружены в центральной части Среднеднестровского бассейна (Селище [1], Долиняны [8]) и в Среднем Побужье (Севериновка [1], Немиров [3]) (Мелюкова. 1953. С. 67; Смирнова. 1961. С. 90. Рис. 3; 1997. С. 82–101. Рис. 3, 8, 16; 2000. С. 84–87. Рис. 2, 1–8). Несколько позднее, в среднескифское время (VI – первая четверть V в. до н.э.), на больших городищах Днепровского Правобережья (Мотронино, Пастырское, Трахтемировское) также засвидетельствованы круглые жилые постройки, имеющие отдельные отличительные признаки: земляные

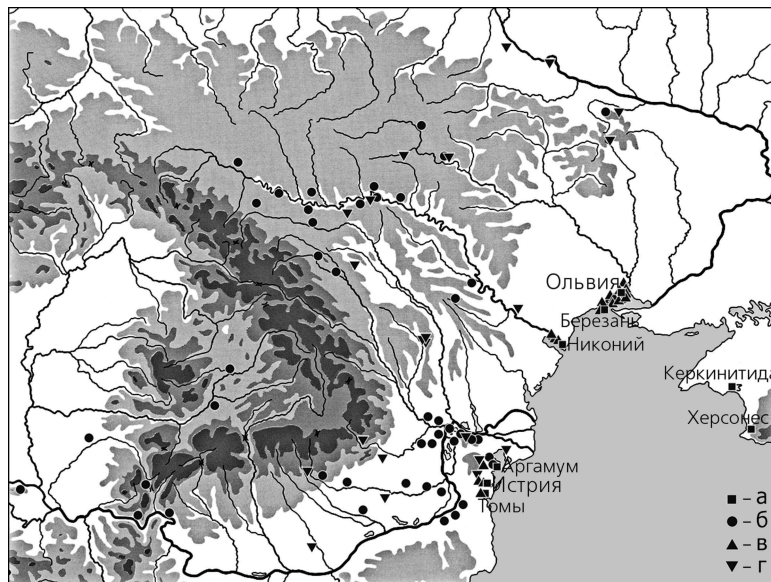

Рис. 1. Распространение круглых/округлых углублённых жилищ X–VI вв. до н.э. в Среднем Подунавье, Трансильвании, Южном Прикарпатье, Нижнем Подунавье и Северном Причерноморье. Условные обозначения: а – греческие колонии, б – местонахождения доколониционного периода, в – колонии и поселения хоры, г – варварские поселения колониционного периода (предварительный вариант)

нары вдоль стен (Трахтемиров [2]) или хозяйственные ямы в интерьере (Пастырское [1], Мотронино [1]) (Тітенко. 1956. С. 53, 54; Ковпаненко, Бессонова, Скорый. 1989. С. 15, 16; Бессонова, Скорый. 2001. С. 36–44).

Как правило, хозяйственные ямы находились за пределами жилищ (Смирнова. 2000. С. 84 сл.). Соответственно, в круглых жилищах варварского хинтерланда не сочетались жилая и хозяйственная части, и они выполняли одну (большой частью) жилую функцию. Имеющиеся наблюдения по характеру застройки поселений, в т. ч. с круглыми жилищами, показывает преимущественно усадебную («кустовую») планировку. Так, в Долиниях из Среднеднестровского бассейна хозяйственно-бытовые комплексы были отделены друг от друга значительными, ничем незастроенными участками (Смирнова. 1981. С. 60). На более поздних больших городищах из Днепроовского Правобережья также прослежена свободная «кустовая» застройка. На Мотронинском городище жилищно-хозяйственные комплексы были расположены с небольшими интервалами вокруг незастроенного пространства «улицы» в форме вытянутого овала ($30 \times 4,8\text{--}6$ м; Р. VI) или вытянуты цепочкой направлении ЮЗ–СВ (длиной около

30–35 м, Р. I–II) (Бессонова, Скорый. 2001. С. 52, 53). На Трахтемировском городище постройки (40 жилых и свыше 50 хозяйственных сооружений) располагались группами по краю холма, в то время как середина и площадка перед валом оставались незастроенными (Ковпаненко, Бессонова, Скорый. 1989. С. 15). Всё же общее количество круглых жилищ в варварском хинтерланде остаётся сравнительно небольшим (Таблица).

Т а б л и ц а

Местонахождения с круглыми/округлыми углублёнными жилищами
X–VI вв. до н.э. в Среднем Подунавье, Трансильвании,
Южном Прикарпатье, Нижнем Подунавье и Северном Причерноморье
(предварительный вариант)

КОНТЕКСТ РЕГИОН	Доколони- зационный контекст (I)	Колонизационный контекст (II)		ИТОГО
	варварская среда (I.1)	варварская среда (II.1)	греческая среда (II.2)	
Среднее Подунавье, Банат	5			5
Трансильвания	2			2
Южное Прикарпа- тье, Олтения, Мун- тения	9	5		14
Восточное Прикар- патье (лесостепь)	13	4 (5)		17 (18)
Нижнее Подунавье/ Добруджа	11	4	2+2 (коло- нии + хора)	19
Северное Причер- номорье (лесостепь и побережье)	5 (лесостепь)	9 (10)	2+10 и > (колони + хора)	26 (27) и >
ВСЕГО	45	22 (24)	16 и >	83 (87) и >

3. *Землянки и полуземлянки на греческих архаических памятниках Северо-Западного Причерноморья.* Они являлись наиболее ранними типами построек и открыты на Березани, в Ольвии и ряде сельских поселений Березанского, Днепровского, Бугского, Днестровского лиманов и др. По форме в плане выделяются два сосуществовавших основных планировочных типа: прямоугольные (с чётко вырезанными углами и с закруглёнными углами) и круглые (правильный круг или овал)¹⁴⁶ – повсеместно количественно преобладали четырёхугольные. Землянки и полуземлянки округлой в плане

¹⁴⁶ Общее количество круглых землянок, раскопанных на Березани, Ольвии и архаических поселениях Нижнего Побужья остаётся невыясненным, т. к. многие материалы не опубликованы.

формы (в т. ч. хозяйственного или культового характера – см. Буйских. 2007. С. 113, 114), за редким исключением, представляют собой сооружения небольших размеров с вертикальными стенами и ровным материковым полом (глубина 0,5–1 м). Площадь большинства из них составляла от 4 до 10 м². Среди конструктивных особенностей отмечается: наличие ямок от столбов, укрепление бортов каменными или сырцовыми кладками, каменно-сырцовые или глиноплетневые стены наземной части строения. Землянки отличались друг от друга также способом устройства входа, наличием или отсутствием ямки от центрального столба, очагов, отопительных устройств в бортах котлована, глинобитных «лежанок» и «столиков», хозяйственных ям, углублений для сосудов и т. д. (Мазарати, Отрешко. 1987. С. 8–27; Крутилов. 2007. С. 26–35; Чистов, Зуев, Кашаев. 2007. С. 418–422; Марченко. 2005. С. 54 сл.; Отрешко, Мазарати. 2009. С. 81–92; Буйских, Отрешко. 2009. С. 136–144; Буйских. 2009. С. 225–247; Охотников. 1990. С. 10–19; Марченко, Доманский. 1981. С. 62–74. Рис. 5, 3, 6; и др.).

В северопонтийском регионе переход от земляночного к наземному сырцово-каменному домостроительству повсеместно происходил с заметной асинхронностью, примерно через 70–80 лет (Виноградов, Рогов. 1997. С. 66–72), 60–70 лет (Бутягин. 1997. С. 98) или через 30–50 лет (Отрешко. 2009. С. 98–102) после основания поселения. Регулярная каменно-сырцовая застройка и образование городской структуры Борисфена возникает ещё в третьей четверти VI в. до н.э. (Виноградов, Рогов. 1997. С. 68; Чистов, Зуев, Кашаев. 2007. С. 421; и др.) или не ранее последней четверти VI в. до н.э. (Отрешко, Мазарати. 2009. С. 87), а кардинальная перестройка в Ольвии и на её хоре – происходит не ранее V в. до н.э. (Виноградов, Рогов. 1997. С. 68) или в первой четверти V в. до н.э. (Буйских. 2009. С. 229).

Характер застройки поселений прослежен для Березани и Ольвии, а также для их сельскохозяйственной округи. Несмотря на кажущуюся хаотичность земляночной застройки, здесь были характерны и определённые элементы регламентации в строительстве и планировочной организации. На хоре все стационарные поселения имели т. н. кустовую структуру, состоящую из разного количества жилищно-хозяйственных ячеек: первичных модулей или ойкоса – включавших в себя жилое ядро из несколько землянок и землянок с примыкавшей к ним хозяйственно-бытовой застройкой. Каждое домохозяйство располагалось на определённом расстоянии от соседнего аналогичного блока сооружений. Определённая система во взаиморасположении подобных жилых и хозяйственных комплексов зафиксирована и на Березани (Буйских. 2007. С. 114; 2009. С. 228; Буйских, Отрешко. 2009. С. 138; Чистов. 2006. С. 70; Марченко. 2005. С. 53 сл.; и др.).

4. Дискуссии о происхождении круглых углублённых жилищ в Северном Причерноморье. Круглые/округлые жилища варварских раннескифских поселений Поднестровья, Побужья и среднескифских городищ Днепровского Правобережья обнаруживают типологическую сопоставимость (с незначительными различиями в деталях конструкции) с круглыми жилищами греческих архаических памятников Северопонтийского региона. Это обстоятельство, а также сходный характер застройки поселений («кустовая» структура) способствовали выработке нескольких важных направлений исследований. Среди последних особые дискуссии вызвали вопросы о «взаимозависимости» округлых жилых строений варварских лесостепных и архаических греческих поселений Северного Понта, и, соответственно, вопросы происхождения таких построек на указанных территориях в отдельности.

Вопрос соотношения «варварских» и «греческих» круглых углублённых жилищ рассматривается антиковедами, в основном, в рамках проблематики греко-варварских взаимоотношений и взаимодействий в Северном Причерноморье и имеет довольно обширную историографию. В настоящее время дискуссия в этой области, затрагивающая и проблему генезиса землянок, ведётся, главным образом, среди специалистов – сторонников «варварской» и «греческой» концепций (см.: Марченко. 1999а. С. 333–353; 1999б. С. 145–172; 2005. С. 42–96; Соловьёв. 1989; 2000. С. 94–111; Крыжицкий. 2007. С. 18–25; Буйских. 2004. С. 46–50; 2007. С. 110–115; Отрешко. 2009. С. 28–37; и др.). В ходе развернувшегося обсуждения было высказано много важных наблюдений и выводов, среди которых весьма перспективным в свете затронутого в настоящей статье вопроса является мнение, что эллинская и варварская традиции земляночного и полуземляночного домостроительства не связаны между собой (Бутягин. 2001. С. 36–41). Также выяснилось, что в греческой среде древнейшие из известных жилищ датируются не ранее первой четверти VI в. до н.э., судя по времени появления архаических поселений Нижнего Побужья (ср. Буйских, Буйских. 2010. С. 3–64).

Вопрос о генезисе круглых/округлых углублённых жилищ варварского хинтерланда Северопонтийского региона продолжает также оставаться в области дискуссий (Скорый. 1996. С. 8–14; Смирнова. 2000. С. 80–93; Бессонова, Скорый. 2001. С. 43, 44; Гуцал. 2005. С. 36–46; Носова. 2005. 31–43; 2009. С. 128–131). Выдвинутая гипотеза о кочевнических истоках домостроительной традиции круглых жилищ, принесённой продвинувшимися с востока ранними скифами (Скорый. 1996. С. 8 сл.), была подвергнута критике (Смирнова. 2000. С. 89 сл.), особенно в отношении жилых комплексов из Среднего Поднестровья (Гуцал. 2005. С. 42 сл.). В свою очередь, было высказано предположение, что «в переломный момент в истории населения

лесостепной зоны, когда шёл процесс преобразования культуры предскифского времени в скифскую <...> мог выработаться более совершенный тип жилого сооружения правильно округлой планировки» (Смирнова. 2000. С. 90; Гуцал. 2005. С. 42, 43). Дальнейшая разработка идеи конвергентности в появлении круглых жилищ нашло воплощение в т. н. фракийской версии, согласно которой ранние округлые постройки из лесостепи связаны с западным–юго-западным, фракийским влиянием, а именно: с влияниями носителей культуры Фериджиле-Бырсешть из юго-западной Румынии, особенно Добруджи (Носова. 2005. С. 31 сл.; 2009. С. 128 сл.).

Было справедливо указано (Носова. 2005. С. 31 сл.) на известный факт присутствия в Олтении (поселение Инсула Банулуй) округлых грунтовых жилищ с центральным столбом ещё в период НаВ (см. Morintz, Roman. 1969. P. 395–399. Fig. 3–6; Gumă. 1993. P. 232–235; Кашуба. 2000. С. 269) и распространение таких жилых построек в среде носителей последующей среднегальштаттской культуры Басарабь (Gumă. 1993. P. 217 сл.). Наличие на раннескифских лесостепных памятниках Среднего Поднестровья и Побужья, где были найдены и круглые углублённые жилища, характерной керамики Фериджиле-Бырсешть (см. Смирнова. 2000. С. 81 сл.; 2001. С. 41–43. Рис. 6), по мнению Л. В. Носовой (2005. С. 33 сл.), является дополнительным аргументом в пользу высказанной ей гипотезы.

Представляется, что выбранное направление поисков истоков традиции круглых/округлых углублённых жилищ варварского хинтерланда Северопонтийского региона – западные–юго-западные импульсы – перспективно. Однако современные исследования показывают, что такие импульсы не были связаны с носителями культуры Фериджиле-Бырсешть. Остановимся на этом подробнее.

5. Роль гальштаттских культур Карпато-Подунавья¹⁴⁷ в происхождении круглых углублённых жилищ раннескифского времени из лесостепных областей Северо-Западного Причерноморья. Традиция сооружения круглых углублённых жилищ известна в среде гальштаттских культур Карпато-Подунавья ещё с периода НаА, XII–XI вв. до н.э. (рис. 1; 2). На раннегальштаттском поселении Буку-Покинэ/Яломица в Южном Прикарпатье из 22 исследованных жилищных комплексов – 10 были наземными и 12 землянками. Среди

¹⁴⁷ Археологические культуры раннего железного века Карпатского бассейна, Среднего и Нижнего Подунавья, включая Восточное Прикарпатье и лесостепь Днестровско-Прутского междуречья, описываются как ранне- (XII–IX вв. до н.э.), средне- (VIII в. до н.э.) и позднегальштаттские (VII–VI вв. до н.э.) согласно принятой археологической систематики для этих регионов (см. Vulpe. 1990. S. 102–130. Taf. 62). Применение таких обозначений позволяет при характеристике культур раннего железного века этих регионов избегать названий «фракийская» или «иллирийская», что вызывает закономерные вопросы.

последних наряду с овальными/округлыми обнаружено круглое жилище (3,15 × 3,0 м и глубиной 0,5 м – Rența. 2008). На поселениях второй фазы культуры Бабадаг (X–IX вв. до н.э.) в Нижнем Подунавье, при преобладании овальных землянок и полуземлянок, существовали также небольшие круглые полуземлянки с почти вертикальными стенами и горизонтальным дном: на городище Жижил-Четэузе в Добрудже их диаметр составлял 2,5–2,6 м, глубина 0,35–0,4 м (Sîrbu, Ailincăi, Simion. 2008. P. 26, 29. Fig. 11, 12), а на поселении Силиштеа-Попина/Брэила на Левобережье Дуная они имели диаметр 2,5–2,9 м при глубине 0,5 м (Pandrea, Stoian. 2006. P. 233).

В Банате небольшие землянки круглой формы бытуют, начиная с периода HaB: у населения культур Горня-Калакача – поселение Горня-Кэуница де Сус (небольшие круглые землянки с наклонными стенами; Gumă. 1979. P. 117. Pl. III) и городище Калакача (наземные жилища, овальные и большое количество круглых полуземлянок диаметром 2,3–3,7 м и глубиной 0,3–0,7 м; Medović. 1988). В Олтемии они также бытуют с HaB – уже упоминаемое поселение Инсула Банулуй: правильно округлой формы полуземлянки с ямкой от центрального опорного столба в центре, неоднократно отремонтированные (диаметры 3,0–3,8 м, глубина 0,6–0,7 м; Morintz, Roman. 1969. P. 393 сл.).

Далее, в среднегалыштатский период в Банатском Подунавье полуземляночные круглые жилища продолжают бытовать у населения культуры Басарабь (VIII – середина-конец VII в. до н.э.), образовавшейся на основе предшествующих культур Горня-Калакача и Инсула Банулуй (Gumă. 1993. P. 232–235). Культурный комплекс Басарабь широко распространился, в т. ч. в северо-восточном–восточном направлении, где охватил территории Трансильвании, Восточное Прикарпатье и лесостепную часть Днестровско-Прутского междуречья. Влияния культурного комплекса Басарабь, включая сакральную сферу, достигли центральной части Среднего Поднестровья, Южного Побужья, Правобережья и даже Левобережья бассейна Среднего Днепра (Vulpe. 1986. Abb. 19; Смирнова. 2001. С. 33 сл.; 2002. С. 218; Kaşuba. 2008. P. 37 сл. Fig. 1; Кашуба, Дараган. 2009. С. 65–86; Kaşuba, Zanosi. 2010. P. 50 сл. Fig. 18; и др.).

Именно в среде носителей культуры Басарабь, в конечном итоге, и был выработан тип круглого жилища, впоследствии характерного для раннескифских поселений варварского хинтерланда Северного Причерноморья. Это подтверждается разработками и удревнением европейской хронологической схемы периода HaC; публикациями старых и новых материалов из Трансильвании, южной части Восточного Прикарпатья и Северной Буковины; новыми разработками периодизации и хронологии культуры Басарабь-Шолдэнешть из Среднеднестровского бассейна; новой интерпретацией ранних материалов

Немировского городища на Южном Буге; новой периодизацией и хронологией Жаботинского поселения Правобережного Поднепровья; удревнением начальных этапов существования Бельского городища Левобережного Поднепровья и др.¹⁴⁸

Землянки круглой формы на поселениях культуры Басарабь Реметя Маре-Гомила луй Габор в Банате (Gumă. 1993. P. 217, 218), Ернут-Рытул Морий в Трансильвании (Gogâltan, Ursuțiu. 1994. P. 81. Fig. 2, 3), Писку-Чимитирул Векь в южной части Восточного Прикарпатья (Brudiu. 1991. P. 233, 234. Fig. 9) и Мэшкэуць-Ливада Бойерулуй в южной лесостепи Днестровско-Прутского междуречья (Musteață, Sîrbu. 2010. P. 131. Fig. 1, 3; Kaşuba, Zanoci. 2010. P. 50 сл. Fig. 18), а также жилища чернолесско-жаботинского времени поселений Перебыковцы-Передустье в Среднем Поднестровье (Могилев. 2010. С. 105. Рис. 6, 1), Немировского городища в Южном Побужье (ранний/первый «доколониционный» горизонт – Смирнова. 1997. С. 82, 88, 98. Рис. 3, 8, 16; 2002, 217 сл.) и поселения Жаботин-Тарасова гора (Покровская. 1973. С. 169–172; Дараган. 2006. С. 10–13), согласно современных представлений, синхронны и относятся к одному и тому же хронологическому горизонту: середина VIII – первая половина VII в. до н.э.

Эти круглые жилища имеют фактически все параметры, которые далее станут характерными признаками для раннескифских круглых жилых сооружений из лесостепной зоны Северного Причерноморья:

1) котлован с вертикальными стенами, горизонтальным или слегка понижающимся от стен к центру утрамбованным материковым дном;

2) сравнительно небольшие размеры – площадь от 4,9 до 5,47 м² и глубина от 0,5 до 1 м (площадь 12–15 м² при глубине около 1 м имело строение из поселения Жаботин-Тарасова гора. Немировские землянки площадью 26, 28 и 17 м² были, скорее, исключением;

3) место входа в помещение в виде ступенчатого узкого коридора зафиксировано в Ернута-Рытул Морий, Перебыковцах-Передустье, Жаботине-Тарасовой горе (землянка 2 раскопа XVI) и, возможно, Немирово (землянка 3);

4) ямки от центральных опорных столбов имеются только в землянках из Реметя Маре-Гомила луй Габор, Немирово (землянки 1 и 2) и Жаботине-Тарасовой горе, в Писку-Чимитирул Векь отмечены две ямки, расположенные друг перед другом по сторонам помещения;

5) стены наземной части строений – глиноплетневые, а крыши – конические;

¹⁴⁸ Детальное обсуждение затронутых вопросов, в т. ч. развёрнутые библиографические ссылки, не входит в задачи настоящей статьи.

б) наличие отопительных устройств – Перебыковцы-Передустье (остатки купольной печи с каменным подом овальной формы размерами 0,8 × 0,6 м), Немирово (остатки разрушенных очагов во всех землянках) и Жаботин (очажок в виде пятна обожжённой глины);

7) только в жилище из Перебыковцы-Передустье имелся уступ (шириной 0,35 м и высотой 0,3 м) возле стены.

Общим для сравниваемых построек является также обычай восстановления разрушенных жилищ на основе старого котлована (или вторичная застройка), зафиксированный на раннегалльштаттском поселении Инсула Банулуй (Mogintz, Roman. 1969. P. 398), среднегалльштаттском поселении Писку-Чимитирул Векь (Brudiu. 1991. P. 233, 234) и Немировском городище в раннескифское время (Смирнова. 1997. P. 88, 98. Рис. 8, 16), а также обмазка пола, иногда и стен котлована, слоем глины (кроме землянки на поселении Писку-Чимитирул Векь).

Что касается культуры Фериджиле-Бырсешть Южного Прикарпатья и позднегалльштаттских древностей Добруджи, то обнаружение там круглых жилищ является, скорее, исключением, чем правилом. В этой связи важны несколько обстоятельств.

Позднегалльштаттский период представлен в Южном Прикарпатья культурами (или культурными группами) Бырсешть, Фериджиле, Гогошу, которые сложились на основе местного культурного комплекса Басарабь. Эти культуры известны, в основном, в результате исследований погребальных памятников, при этом число раскопанных поселений весьма незначительно. На всех известных раскопанных бытовых памятниках жилища типа землянок и полуземлянок исследовались на поселениях слабозаселённой в этот период Дунайской Равнины: Александрия-Ла Вий/Телеорман (Preda. 1959. P. 251–262; 1961. P. 209–217) и Крэсаний де Жос-Пискул Крэсань/Яломица (Copovici. 1979. P. 143–145), а также в холмистой зоне: Бэлень-Ромынь/Дымбовица (Muscă, Muscă. 1980. P. 423–429; Muscă. 2006. P. 57–71), Петросу-Костешть/Бузэу (Constantinescu, Pandrea. 1999. P. 9–14) и Млэжет/Бузэу (Leahu, Bătrâna, Bătrâna. 1997. P. 145–161). Именно эти области являлись территорией, занятой населением группы Фериджиле-Бырсешть (Mândescu. 2005. Fig. 1). На всех раскопанных поселениях не зафиксированы круглые жилища с вертикальными стенами и ровным дном, ямками от центрального столба и отопительными сооружениями, жилища площадью 4,9 и 12,5 м² и глубиной 0,8–1,0 м 1,2 м известны только на поселении Александрия-Ла Вий, датированном концом VI – первой половиной V в. до н.э. (также не исключается возможность его датировки в пределах второй половины VII в. до н.э. – Vulpe. 2001. P. 471).

Для поселений всего галльштаттского периода на Левобережье Нижнего Дуная землянки круглой формы не характерны. Так, в

Северной Болгарии на протяжении всей эпохи (XI – первая половина VI в. до н.э.) преобладают прямоугольные углублённые постройки (Топчева. 1980. Р. 25, 62, 104; Антонова, Попов. 1984. С. 160–184). В Добрудже на памятниках всех трёх фаз культуры Бабадаг (XI – первая половина VII в. до н.э.), кроме вышеупомянутого городища Жижила-Четэцуе, преобладают прямоугольные с округлёнными углами и овально-удлинённые жилища (Jugăraşu. 2005. Р. 25–27).

В связи с рассматриваемым вопросом, в т. ч. «поисками» в Добрудже круглых жилищ позднегалльштатского времени, интерес представляют данные по Истрии и поселениям её хоры. Для архаического периода (последняя четверть VII – последнее десятилетие VI в. до н.э.) в Истрии раскопками 1952–1962 гг. выявлены 53 наземных жилища, представленных во всех трёх горизонтах, соответственно: в I – 7; II – 5; III – 41. И всего одна обнаруженная землянка (участок X/1956) относилась ко II архаическому горизонту. Разрушенная пожаром землянка была почти прямоугольной формы (площадь 8 м² и глубина 0,55 м), имела неширокий уступ вдоль западной стороны котлована и дерево-глинобитные стены наземной части. Постройка датируется в пределах первой четверти VI в. до н.э. (II архаический горизонт датируется началом VI в.: 570–560 гг. до н.э.). Для строительной системы архаической Истрии землянка является исключением (Pirpidi et al. 1959. Р. 296–300. Pl. VIa; Dumitriu. 1966. Р. 21–37. Fig. 3).

Для Аргамума-Капул Доложман/Тулча I и II горизонтов архаического периода (конец VII – вторая половина VI в. до н.э.) характерны исключительно наземные жилища. Раскопанные здесь овальные землянки относятся к доколониальному периоду и принадлежат поселению третьей фазы культуры Бабадаг, соответственно, VIII–VII вв. до н.э. (Соја. 1971. Р. 179–190; 1972. Р. 33, 34). В Томах/Констанца самый ранний тип жилищ представлен землянками, которые в количественном отношении преобладают над наземными жилищами. Землянки овально-удлинённой формы и трапециевидного профиля (глубина 0,3–0,6 м) или прямоугольные с вертикальными стенами (глубина 0,7 м). Они относятся к XII–XI горизонтам, которые датируются второй половиной VI–V в. до н.э., что соответствует уровню III архаического горизонта Истрии. Считается, что наличие землянок является свидетельством «притягивания» окружающих варваров (Rădulescu, Scorpan. 1975. Р. 9–54; Vuzoianu. 2001. Р. 233, 234).

На поселении Тариверде/Констанца обнаружено несколько землянок округлой или овальной формы. В раскопе S. I/1952 пять землянок круглой или овальной формы (глубина до 0,8 м) были расположены двумя параллельными рядами (по греческой архаической и местной лепной керамике комплексы датируются VI – самым началом V в. до н.э.). В раскопе S. II/1955–1956 землянка 1 имела форму двух смежных овалов (два помещения, размерами 7 × 2,9–4 м;

купольная печь). По фибуле типа Гласинац и аттической чернофигурной керамике землянка датируется VI в. до н.э. Ещё одна землянка 2 раскопа S. I/1956 имела овальную форму (4,5 × 4 м, глубина 2,3 м от уровня современной дневной поверхности). Следы отопительного сооружения *in situ* не найдены. Очаг с сильно обожжённым подом находился за пределами жилища – напротив входа с восточной стороны. Также у восточной стороны имелась круглая яма, диаметром 1,6 м (Condurachi et al. 1957. P. 77–85; Pippidi et al. 1959. P. 318–323; Verciu, Preda. 1961. P. 273–279; Vuzoianu. 2001. P. 138, 139). И, наконец, на поселении Челик-Дере/Тулча также были выявлены полуземлянки круглой формы (диаметром около 6 м и глубиной 0,7 м) с ямой от центрального столба. Борты котлованов были укреплены глинобитной стеной (толщиной 0,4–0,5 м), фиксировались столбы для стен, наземная часть которых была глиноплетневой конструкции. Полуземлянки датируются VI–V вв. до н.э., они были разрушены пожаром где-то в середине V в. до н.э. (Simion. 1989. P. 218, 219; 1997. P. 237–252; 2003. P. 213 сл.; Vuzoianu. 2001. P. 136, 137).

Таким образом, проведённый анализ показал фактическое отсутствие углублённых жилищ круглой/округлой формы в ареале культуры Фериджиле-Бырсешть и в среде гальштаттских общностей Левобережья Нижнего Подунавья. Хотя анализ жилой застройки Истрии и поселений её хоры подтвердил наличие круглых землянок, однако их датировка оказалась сопоставима с землянками архаических поселений Нижнего Побужья (ср. Буйских, Буйских. 2010. С. 3–64), но значительно моложе по сравнению с аналогичными жилыми комплексами раннескифского времени из лесостепи Северопонтийского региона.

6. Предварительные итоги изучения круглых землянок раннескифского времени в Северо-Западном Причерноморье позволяют прийти к следующим выводам:

а) известные в варварской среде раннескифского времени Северо-Западного Причерноморья круглые углублённые жилища восходят к гальштаттскому домостроительству. Традиция строительства круглых углублённых жилищ была принесена в Северо-Западное Причерноморье, начиная с НаА (раннегальштаттская культура Кишинэу-Корлэтенъ и группа Тэмзоань-Холеркань-Балта). Она продолжилась в период НаС, когда продвинувшаяся сюда какая-то группа населения культурного комплекса Басарабь, сохраняя свои традиции, построила круглые жилища на поселениях Среднеднестровского региона и Южного Побужья. Удобство и простота формы таких жилищ не требовала от переселенцев приносить с собой какие-то наиболее ценные конструктивные детали и пр. При непосредственном участии или влиянии носителей басарабских домостроительных

традиций круглые углублённые жилища появились также у населения лесостепи раннескифского времени;

б) новые аспекты роли и вклада гальштаттского населения Карпато-Подунавья в культурно-исторические процессы в лесостепных областях Северного Причерноморья демонстрируют возрастающую актуальность исследований, так или иначе затрагивающих проблему гетерогенности состава колонистов, осваивающих Северопонтийский регион (из последних работ см.: Носова. 2009. С. 103 сл.; и др.).

Дальнейшее изучение рассмотренного вопроса, дискуссионность проблемы происхождения круглых жилищ и другие перспективные исследовательские направления, несомненно, будут способствовать прояснению некоторых процессов взаимоотношений между варварской и эллинской культурами первых этапов греческой колонизации Северного Причерноморья.

М. С. Бандрицкий

Многогорлые сосуды типа керносов на памятниках раннежелезного века Правобережной Украины

В последнее время несколько оживился интерес к крайне своеобразным керамическим сосудам ритуального назначения, которые в научной литературе принято обозначать термином «кернос». Происхождение керноса большинство исследователей связывает с Эгейским регионом позднебронзовой эпохи, откуда этот тип сосудов распространился в Переднюю Азию, Иран, Закавказье (Погребова. 1977). Причём если раньше древнейшие керносы (libation vase) упоминались лишь в связи с Эгейским бассейном и Анатолией, в частности, с Кипром и Троей (Schmidt. 1902. Fig. 160–161; Гаврилюк, Соколова. 2007. С. 285), то сегодня заговорили о керносах и керносообразных сосудах позднебронзовой эпохи в Центральной Европе, в частности, в культурах Верхнего Подунавья, приальпийском регионе и даже более восточных областях – западной части Украинской лесостепи, а точнее – в верховьях Западного Буга (Delnef. 2006. Abb. 116; Kusnierz. 2010).

Долгое время открытым оставался вопрос о керносах и похожих на них сосудах в памятниках Правобережной Украины, включающей как степную – причерноморскую часть, так и лесостепную (Рис. 1). С одной стороны, здесь в степной части, в Нижнем Приднепровье и Нижнем Побужье ранние типы керносов почти неизвестны (кроме пятигорлого сосуда из Великой Александровки), однако здесь представлены их поздние варианты. Например, в нижнеднепровских памятниках конца III–II в. до н.э. – Золотая Балка, Любимовка. Обломки керносов обнаружены также в эллинистических слоях Нимфея и в

Ольвии (Гаврилюк, Соколова. 2007. С. 285)¹⁴⁹. С другой стороны – в расположенной севернее лесостепной части Украины ситуация полностью противоположная: в настоящее время здесь известно уже около десятка целых и фрагментированных керносов и керносообразных сосудов конца бронзового (период HaB3) и начала раннежелезного века (период HaC1) и всего один недавно обнаруженный, полностью сохранившийся «поздний» пятигорлый кернос из Жукова в Западном Побужье (Czopek. 1985. Рис. 5; 1992. Tabl. XLI; Kusnierz. 2010. 288–295. Рис. 2, 1), датируемый временем не позднее V–IV вв. до н.э. (Рис. 2. 3).

Постановка проблемы. Рассматриваемые керамические ритуальные сосуды раннежелезного времени из Центральной и Восточной Европы от посуды бытового предназначения отличает, как известно, нетипичная (чаще всего – усложнённая) форма и нередко специфическая орнаментация. В культурах раннежелезного времени Украинского Правобережья – чернолесской, висоцкой и степной (киммерийской?) в последние два–три десятилетия найдено несколько новых сосудов рассматриваемого типа. Среди последних привлекает внимание небольшая группа, которую можно обозначить как многогорлые корчаговидные сосуды. Исходя из формы и размеров, их можно разделить на две подгруппы: первая – пятигорлые сосуды

¹⁴⁹ Так, фрагменты керносов обнаружены в нижнем городе Ольвии на участке НГС в помещении 618 в доме VII-1 (Гаврилюк, Соколова. 2007. С. 285). В связи с исследуемой темой интерес представляет объёмная протома Афродиты в Херсонесе из раскопок 1975 г. эллинистического помещения в I квартале северо-восточного района городища. Это – погрудное изображение богини Афродиты Урании («небесной»), голова которой увенчана керносом – высокой подставкой с чашечкой. Конечно, это сравнение может показаться некорректным, но похожие по назначению (ритуальному ношению на голове?) керносы известны ещё в Древней Греции в период SHIIC (пр. 1200–1100 гг. до н.э.) и имели вид керамического кольцевидного полого сосуда, к которому были прикреплены миниатюрные бокаловидные сосудики, фигурки птиц и зверей. Один из таких кольцевидных полых керносов имеет диаметр 26,7 см (коллекция Museum of Fine Arts. Boston. USA. No. 35.735). Другой тип керносов – в виде цилиндрического сосуда без дна, с внешней стороны венчиков имел прикрепленные один возле другого бокаловидные миниатюрные сосудики (коллекция Лувра – www.davidrumsey.com). Здесь уместно вспомнить о формуле (некоторые называют её паролем), которая сопутствовала в инициации «бессмертия» в мистериях Аттиса и Кибелы и которую приводит Климент Александрийский: «Я ел под тамбури; я пил под кимвалы; я носил кернос; я входил под балдахин» (Protreptikus. II. 15). Аналогию с элевсинской *synthema* (пароль) считают очевидной; здесь было или заимствование, или развитие общей формулы, которая безусловно относится к обрядам посвящения. Что касается керноса, то считают, что в культе посвящения Аттиса эту керамическую вазу использовали не для жертвоприношения в виде пищи, а для того, чтобы приносить Матери половые органы быка или барана «под балдахин» (Буркерт. 2004. № 207. Гл. XXVI).

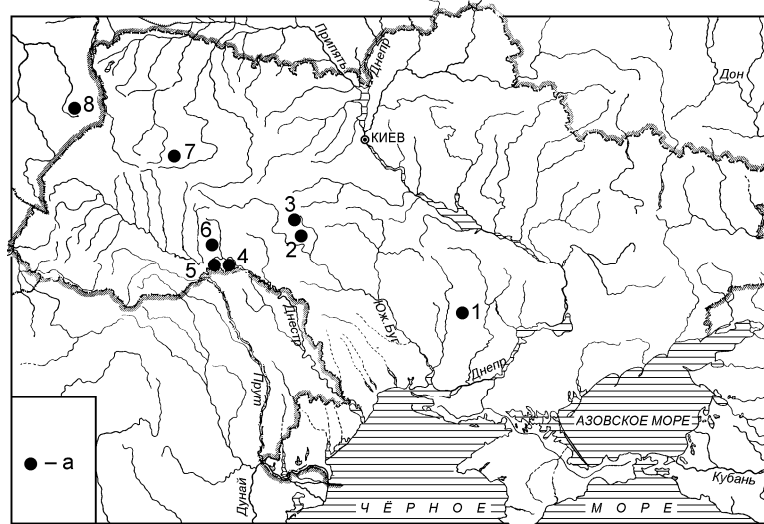

Рис. 1. Карта с указанием местонахождений керносов и керносообразных (многогорлых) сосудов в культурах Правобережной Украины (период НаВЗ–НаС1)

с расширенными боками; их особенностью являются четыре вертикальные полые «отростка» в виде труб, соединяющиеся с полостью сосуда (вариант 1)¹⁵⁰. В трёх из четырёх случаев такие полые трубообразные «отростки» размещены симметрично на плечиках сосудов (Великая Александровка, Немиров и Жуков – Рис. 2. 1, 2 и 3). Иногда вместо таких «отростков» на шейке прикреплены бокалообразные сосудики со сквозным отверстием в дне, через которое жидкость вливалась (?) в полость основного сосуда (вариант 2).

Ко второй группе многогорлых сосудов отнесены трёхгорлые сосуды, преимущественно, миниатюрных форм, из Комарова (2 экз.) на Среднем Приднестровье, Андрушевки (1 экз.) и Сокилец (1 экз.) на Центральном и Восточном Подолье, а также один двухгорлый сосуд из Ясенова возле Бродов на Львовщине (Рис. 3. 3) и один четырёхгорлый сосуд из Тарношина (ин.-Tarnoszyn) в верховьях Западного

¹⁵⁰ Неожиданную параллель вышеупомянутые пятигорлые керносы из Правобережной Украины находят в керамическом комплексе в Филистее и на Кипре в слоях, которые относятся к SHIIC, оставленных, как принято считать, переселенцами-филистимянами, которые сохраняли верность микенским традициям. Здесь, например, кроме керносов в виде полых кольцевидных сосудов с прикрепленными на венчиках кувшинчиками и керносовидными чашами с полыми венчиками и «носиком»-сливом, оформленном в орнито-зооморфном стиле, обнаружен также культовый сосуд с пятью горловинами-отверстиями, в котором росли священные растения (www.historica.ru) и который напоминает пятигорлые керносы из Правобережной Украины.

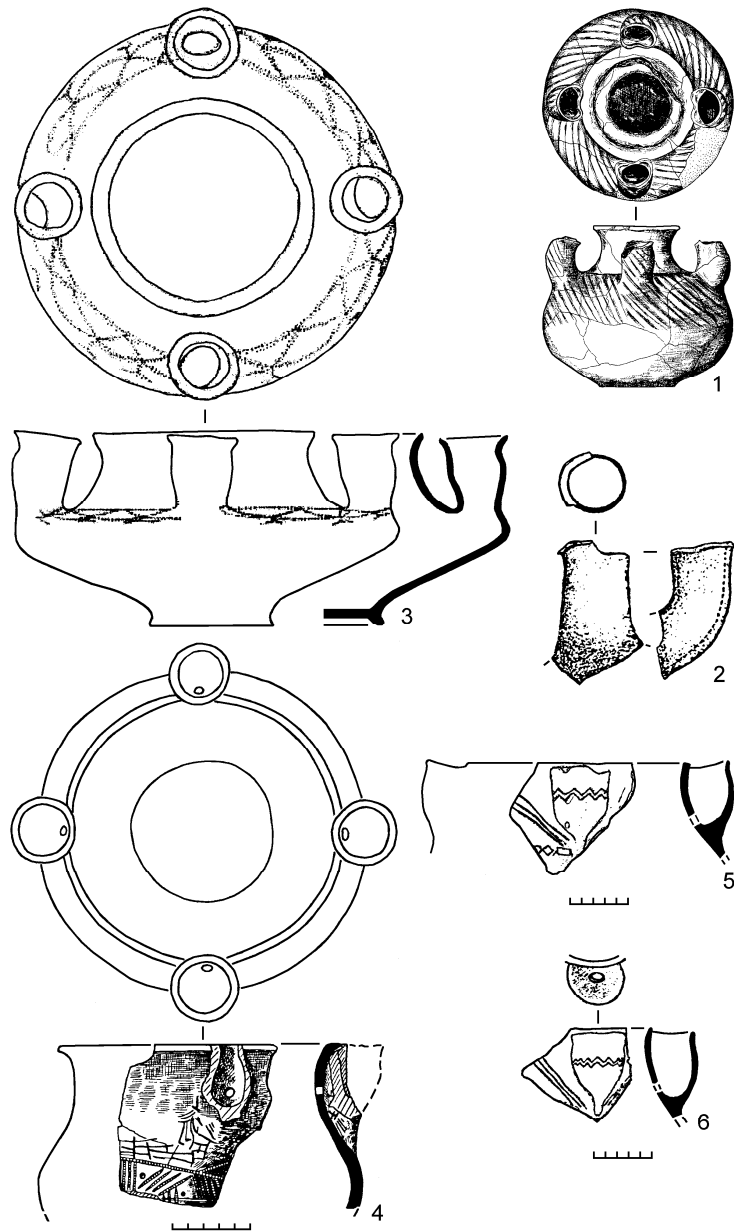

Рис. 2. Керносы периода NaV3: 1 – Великая Александровка; 2 – Немиров;
3 – Жуков; 4 – Непоротив; 5 – Wollischofen; 6 – Lago di Ledro

Буга (Kłosinska. 2007. S. 230. Рис. 2). В литературе принято называть все многогорлые керамические сосуды керносами (Кубышев и др. 1985. С. 147–148). Называют керносами даже миниатюрные сосуды с маленькими мисочками на краю венчиков, не соединяющиеся с полостью сосуда (Гаврилюк, Соколова. 2007. С. 285)¹⁵¹.

Краткий перечень известных в настоящее время керносов и керносообразных (многогорлых) сосудов ранних типов из Украинского Правобережья. Первая группа исследуемых сосудов представлена пятигорлым керносом высотой 33 см и диаметром 39 см из кургана Великая Александровка на Ингульце в Нижнем Приднепровье (Кубышев и др. 1986. С. 144–153), а также фрагментом такого же большого пятигорлого (?) керноса из Немирова на Южном Побужье (Kusnierz. 2010. Рис. 4, 12). Недавно введенный в научный оборот целый пятигорлый кернос из погребения в Жукове (Западное Надбужье на широте Луцка, ныне пограничная с Украиной территория Польши), представляет собой один из наиболее сохранившихся, хотя и позднейший образец сосудов рассматриваемого типа, появление которого в этом далёком западном регионе первооткрыватели связывают с более восточными украинскими землями. Высота керноса из Жукова – 22,5 см, диаметр тулова – 33 см (Czopek. 1985. Рис. 5; 1992. Tabl. XLI; Kusnierz. 2010. С. 288–295. Рис. 2, 1).

Ко второй группе – многогорлые керносообразные сосуды – отнесён экземпляр с тремя горловинами на одном цельном корпусе и петельчатой ручкой, который был обнаружен в 1990 г. в погребении № 1 в кургане Андрушевка на Житомирщине в Восточной Подолии (Шевченко. 2004. С. 102; Дараган. 2010) и который формой и профилем стенок напоминает трёхгорлый изыскано декорированный сосудик из могильника высоцкой культуры в Ясенове возле Бродов на Львовщине из раскопок К. Гадачека 1904 г. (Крушельницька. 1976. С. 51. Рис. 18, 36; Бандрівський, Крушельницька. 1998. С. 242. Рис. 34, 4). Оба этих сосудика, в свою очередь, очень похожи на миниатюрный трёхгорлый сосуд из позднечернолесской хозяйственной ямы в Сокильце возле Дунаевец на Хмельничине на берегу Ушицкого каньона из раскопок автора 2002 г. (Рис. 3. 2). Существует также информация о том, что на поселении в Комарове в том же Среднем Приднестровье в зольнике № 2 Г. Т. Ковпаненко были «обнаружены остатки двух трёхгорлых сосудов типа керносов» (Ковпаненко. 1998. С. 33; Кубышев и др. 1985. С. 148).

¹⁵¹ Н. А. Гаврилюк уточняет, что форма керносов характеризуется наличием центральной чашки на ножке, в которой разжигали огонь, и рядом прикреплённых со всех боков к центральному стержню боковых миниатюрных чашечек для размещения в них различных даров земли: зерна, вина, масла, мака и др. (Гаврилюк, Соколова. 2007. С. 285).

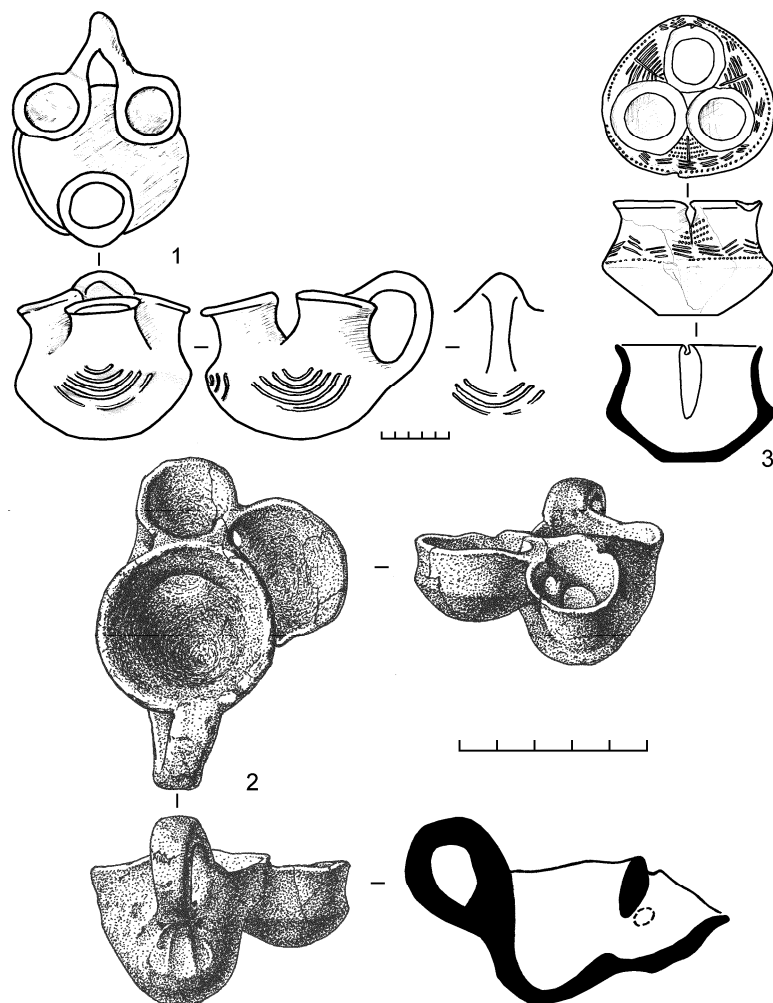

Рис. 3. Трёхгорлые (кересообразные) сосудики периода НаС1 из Восточной Европы: 1 – курган Андрушівка в Восточном Подолье (по: Воронцов. 1990; Шевченко. 2004; Дараган. 2010); 2 – Сокилец на Среднем Днестре (раскопки автора 2002 г., рисунок М. Билька); 3 – из могильника висоцкой культуры в Ясенове на Львовщине (раскопки К. Гадачека 1904 г.)

И, наконец, на эпонимном поселении чернолесской культуры в Непоротове на Среднем Днестре Л. И. Крушельницкой был обнаружен фрагмент керноса, который находился в сооружении № 23 (10),

неподалеку от круглого каменного жертвенника диаметром 1,65 м, который был обмазан сверху слоем жёлтой глины. В этом же небольшом сооружении собрано свыше 3800 фрагментов керамики, 280 костей животных 6000 кусков обмазки, фрагмент бронзового псаля и др. (Крушельницка. 1985. С. 118. Рис. 37, 9; 1998. С. 110, 115. Рис. 70, 12; Бандрівський. 2009. С. 7–8). Непоротовский кернос представлял собой широкогорлый вазообразный сосуд диаметром около 21 см с округлыми боками, стройным высоким горлом и отогнутыми наружу венчиками. На шейке сохранились следы излома прикреплённого бокалообразного полого сосудика с маленьким отверстием в боковой стенке у дна. Своей верхней частью сосудик «перерезал» венчик (Рис. 2. 4). На боках кернос орнаментирован колёсно-штемпельным врезным декором, который заполнен белой пастой. Во-первых, форма следов излома в месте прикрепления бокалообразного сосудика на шейке и венчиках непоротовского керноса свидетельствует о том, что рассматриваемый экземпляр следует относить к группе ранних керносов, когда вышеупомянутые бокалообразные сосудики на шейке и венчиках ещё не эволюционировали в трубообразные полые «отростки», которые уже отчётливо отделены от венчиков и шейки и которые, например, мы видим на плечиках керносов из Великой Александровки и Жукова (Рис. 2. 1, 3). Во-вторых, принимая во внимание тот факт, что фрагмент непоротовского керноса (Рис. 2. 4) обнаруживает наиболее близкие параллели с североитальянскими орнаментированными керносами периода НаВ3 с поселения Lago di Ledro (Рис. 2. 6) и, в меньшей мере, с сосудом из Wollischofen (Рис. 2. 5), то кажется логичным увязывать появление на Среднем Приднестровье керносов этого типа именно с этими (или схожими) процессами, которые привели к появлению упомянутых керносов в приальпийской зоне.

Для датировки фрагмента керноса из Непоротова особенно важным является обнаружение в том же объекте № 23 (10) отломанной лопасти от бронзового трёхпестельчатого псаля (Крушельницка. 1998. С. 116. Рис. 71, 10), который похож на окончание бронзовых псалий классического варианта типа Новочеркасск (Вальчак. 2009. С. 279. Рис. 92, 4), а также на окончание бронзовых псалий типа Енджа, целый комплект которых был обнаружен неподалеку от Непоротова в сел. Теремци (Горішний. 1978). Псалии из Теремци до недавнего времени датировали серединой VIII в. до н.э. (Metzner-Nebelsick. 2002. S. 288. Abb. 135 (50)), а сегодня, после уточнения (переноса) начальной даты периода НаС1 на 30–20-е гг. IX в. до н.э. за М. Траксиллом (2004)¹⁵², можно прийти к выводу о том, что

¹⁵² Датировки начала периода НаС1 и ссылки (здесь и далее) оставлены в редакции автора (Ред.).

использование бронзовых псалий с верболистными лопастями с продольным рельефным ребром может заходить вглубь первой половины VIII в. до н.э. Исходя из этого, верхняя дата упомянутого фрагмента керноса, найденного в одном сооружении с отломанной лопастью бронзового псалия, может соответствовать времени не позднее первой половины VIII в. до н.э., в то время как нижняя граница бытования рассматриваемого керноса из Непоротова, исходя из аналогий, может охватывать конец периода НаВЗ, т. е. датироваться временем не позднее второй половины IX в. до н.э.

Последнее удревнение даты керноса из Жукова (конец НаВЗ – начало НаС) (Kusnierz. 2010. С. 293) не может быть принято, поскольку орнаментация жуковского керноса, профилированная форма его боков, а, главное, отчётливо моделированный кольцевой поддон, который на лепных сосудах появляется (как реплика) лишь с распространением гончарных изделий, противоречат столь ранней дате. Да и поморская культура, к которой Й. Куснеж относит кернос из Жукова, в указанное время (во всяком случае, на рассматриваемой территории), ещё не существовала. В то же время слишком поздно, на наш взгляд, датировку керноса из Жукова предложил С. Чопек, отнесший этот ритуальный сосуд к периоду НаЕ, т. е. примерно к 400/375–300 гг. до н.э. (Czopek. 1992. S. 88).

Возвращаясь к ранее упомянутой группе ритуальной керамики на западе Украинской лесостепи – керносообразным многогорлым сосудикам, преимущественно миниатюрных форм, отметим, что их появление в этом регионе обусловлено кардинальными изменениями в идеологической сфере местного населения, которое прослеживается с начала НаС1, т. е. с конца IX в. до н.э. (резкое изменение погребального обряда, появление городищ и др.). Возможно, это простое совпадение, но именно в это же время в восточноальпийском регионе в среде носителей одной из наиболее ярких культур восточногальштатского круга – каледенбергской, в подкурганых погребальных комплексах появляются керносы, причём как с несколькими бокалообразными сосудиками на плечиках и на венчиках (Rabensburg), которые фактически дублируют форму керносов VIII в. до н.э. из Урарту, например, из крепости Тейшебаини (Кармир-Блур), так и керносы на высоком полове поддоне с двумя или тремя сосудиками или чашечками на краю венчиков (курганы I и III из Nove Kosariska в Словакии; Podborsky. 2001. S. 191, 193. Obr. 101, 21; 103, 20). В том же периоде НаС1 в грунтовых могилах восточногальштатской культуры в Южной Моравии появляются керносообразные посудинки в виде трёх, соединённых между собой сосудиков, в стенках между которыми специально оставлены сквозные каналы, через которые жидкость (?) их равномерно заполняла (Stegmann-Rajtar. 1992. Taf. 103, 2). Вот эта «трёхкорпусность» сосудов, известных на нашей территории

(Днестровка, яма № 30; Сокилец; возможно, Григоровское городище), которая пришла на смену несколько более ранним по времени «трёхгорлым» сосудикам (Ясенив, Андрушівка, Комарив – 2 экз.) выражала, возможно, ту же самую мировоззренческо-религиозную идею, но с некоторыми коррективами, которые были продиктованы временем.

Следует особо подчеркнуть, что всё увеличивающееся число известных нам керносов и керносообразных (многогорлых) сосудов в культурах Украинской Правобережной лесостепи вовсе не является чем-то уникальным. Как свидетельствуют последние разработки Г. Дельнефа, рассматриваемый тип ритуальных сосудов с конца бронзового века был достаточно широко распространён в культурах верхнедунайского региона, с которым носители и висоцкой, и чернолесской культур поддерживали не только торгово-обменные контакты, но и могли иметь много общего в идеологической сфере. Об этой возможности свидетельствует тот факт, что появление керносов и керносообразных сосудиков в чернолесской и висоцкой среде происходило параллельно с появлением на территории этих культур (прежде всего висоцкой) целого ассортимента других, ранее здесь неизвестных, ритуальных керамических сосудов, таких как полые керамические рога, ритоннообразные керамические сосуды, остродонные черпаки, глиняные модельки человеческих ног (отбитых от каких-то сосудов, которые на них опирались), модельки колес от культовых повозок, а также большое количество образцов орнито- и зооморфной пластики, в т. ч. богато украшенных врезным орнаментом, заполненным иногда белой пастой (Бандрівський, Крушельницька. 1998). Абсолютное большинство этих ритуальных поделок обнаруживает прямые аналогии в культурах Верхнего Дуная, особенно в восточноальпийской зоне и Чешско-Моравском регионе.

Таким образом, причины появления керносов и керносообразных (многогорлых) сосудов в Украинском Правобережье нельзя рассматривать в отрыве от местного материала, в частности, от ритуальных предметов, изготовленных непосредственно на месте и использовавшихся, как и керносы, в культовой практике того времени. Поэтому рассматриваемый тип необычных сосудов олицетворяет собой, в первую очередь, какие-то особенно важные моменты в идеологической сфере, которые, судя по всему, были одинаково понятны как обитателям Среднего и Верхнего Приднестровья, так и населению верхнедунайских областей того времени.

Литература

- Бандрівський. 2009 – *Бандрівський М. Лариса Крушельницька: штрихи до наукової біографії (до 80-річчя з дня народження) // Взаємозв'язки культур епох бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи: Збірник наукових праць на пошану Л. І. Крушельницької. К.: Львів, 2009.*

- Бандрівський, Крушельницька. 1998 – *Бандрівський М., Крушельницька Л.* Основні періоди розвитку Високої культури (за матеріалами поховальних пам'яток) // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Праці Археологічної комісії. Львів, 1998. Т. 235.
- Буркерт. 2004 – *Буркерт В.* Грецька релігія. Архаїка і класика. М., 2004.
- Вальчак. 2009 – *Вальчак С. Б.* Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. М., 2009.
- Гаврилюк, Соколова. 2007 – *Гаврилюк Н., Соколова О.* Лепная керамика Нимфея I в. до н.э. – III в. н.э. // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М.; К.; Запорожье, 2007.
- Горішний. 1978 – *Горішний П. А.* Бронзові вудила з с. Теремці // Археологія. 1978. 27.
- Дараган. 2010 – *Дараган М.* Памятники раннескифского времени Среднего Поднепровья и Галыштатт: поиск хронологических реперов // *Revista Archeologica*. Chisinau, 2010. Vol. VI, nr. 2.
- Ковпаненко. 1998 – *Ковпаненко Г.Т.* Поселение предскифского времени у с. Комаров на Днестре // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. СПб., 1998.
- Крушельницька. 1976 – *Крушельницька Л.* Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза. К., 1976.
- Крушельницька. 1985 – *Крушельницька Л.* Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи. К., 1985.
- Крушельницька. 1998 – *Крушельницька Л.* Чорноліська культура Середнього Придністров'я. Львів, 1998.
- Кубышев и др. 1986 – *Кубышев А. И., Полин С. В., Черняков И. Т.* Погребение раннежелезного века на Ингульце // СА. 1986. № 4.
- Шевченко. 2004 – *Шевченко Н. П.* Нові дані до вивчення поховального обряду населення Середнього Подніпров'я передскіфської доби // Від Кіммерії до Сарматії. К., 2004.
- Шрамко. 2006 – *Шрамко І. Б.* Ранній період в історії геродотівського Гелону (за матеріалами зольника № 5) // Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень). К., 2006.
- Czopek. 1985 – *Czopek S.* Problematyka badawcza południowo-wschodniej strefy kultury pomorskiej // *Archeologia Polski*. 1985. T. XXX. Z. 2.
- Czopek. 1992 – *Czopek S.* Południowo-wschodnia strefa kultury pomorskiej. Rzeszow, 1992.
- Delnef. 2006 – *Delnef H.* Kernos et pseudo-kernos au Britzgyberg (Illfurth, Dep. Haut-Rhin) // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 2006. T. 36.
- Klosinska. 2007 – *Klosinska E.* Lubelszyzna i Ukraina w młodszych odcinkach epoki brązu i we wczesnej epoce żelaza – pytania o losy wspólne i niespolne // Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski. Warszawa, 2007.
- Kusnierz. 2010 – *Kusnierz J.* Naczynie kultowe (kernos) kultury pomorskiej z Zukowa // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів, 2010. Вип. 14.
- Metzner-Nebelsick. 2002 – *Metzner-Nebelsick C.* Der "Thrako-Kimmerische" Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder und Hallstattzeit im sudostlichen Pannonien. Rachden. Westf., 2002. T. 1.
- Podborsky. 2001 – *Podborsky V.* Dejiny praveku a rane doby dejinne. Brno, 2001.

- Schmidt. 1902 – *Schmidt H. Keramik // Dorpfeld W. Troja und Ilion. Athen, 1902.*
- Stegmann-Rajtar. 1992 – *Stegmann-Rajtar S. Grabfunde der älteren Hallstattzeit aus Sudmahren. Kosice, 1992.*
- Trachsel. 2004 – *Trachsel M. Untersuchungen zur relativen und absoluten Chronologie der Hallstattzeit. Bonn, 2004.*
- Protreptikus. II. 15 – *Clementis Alexandrini. Stromata // Patrologiae cursus completus. Series Graeca. Paris, 1857. T. VIII–IX.*

Т. М. Кузнецова

Северное Причерноморье – население и контакты архаического периода

1. Вопрос о взаимодействии греческого и скифского населения в Припонтском регионе всегда был и остаётся актуальным для исторических исследований, также как и определение времени, с которого это взаимодействие начинается.

Ранее уже была предложена хронологическая схема, демонстрирующая время появления скифов в Северном Причерноморье, основанная на сопоставлении данных античной традиции, древневосточных клинописных текстов, астрономии и археологии, где сопоставления были проведены в соответствии с текстом «Истории» Геродота (Кузнецова. 2009б).

Хронологическим репером предложенной схемы, определившим конец мидийско-лидийской войны и разделившим «взбунтовавшихся скифов» и «скифов царя Мадия», стало, согласно источнику (*Herod. I. 73, 74*), затмение Солнца, датируемое 608 г. до н.э. В таком случае время 28-летнего скифского пребывания в Передней Азии приходится на 614/613 гг. до н.э. – 585 г. до н.э. («*взбунтовавшиеся скифы*» – виновники мидийско-лидийской войны – **5/6 лет** + «*скифы царя Мадия*» – **23 года**: Кузнецова. 2009б).

2. Хронологическая шкала, связанная со скифами, была построена от времени падения Ниневии в 608 г. до н.э. (*14-й год правления Набопаласара в Вавилоне – в отличие от современной датировки, относящей эти события к 612 г. до н.э.*), что не только позволило согласовать между собой данные античных авторов, но и нашло обоснование в клинописном материале Вавилона (до воцарения Набопаласара) и времени Ахеменидов (Кир, Камбиз, Дарий), а также в данных Манефона о Египте.

Все абсолютные даты, используемые далее, даны в соответствии с предлагаемой хронологической шкалой.

3. Выявилось, что непосредственная связь между «киммерийской» и «скифской» хронологией приемлема только для Переднеазиатского региона.

Сообщения о скифах в первой половине VII в. до н.э. зафиксированы в клинописных документах времени ассирийского царя Асархаддона. Скифская история конца VII – начала VI в. до н.э. освещена в основном античными письменными источниками, согласно которым взбунтовавшаяся (изгнанная) группа скифов ушла в Переднюю Азию, устроилась на службу к Киаксару Мидийскому (поселились на каппадокийском берегу) ещё до начала мидийско-лидийской войны, т. е. перед 614/613 гг. до н.э.

Позднее скифы, разорвав отношения с Киаксаром, бежали в Лидию к Алиатту, что послужило поводом к войне между Лидией и Мидией. Окончание этой войны через 5 лет было определено солнечным затмением 608 г. до н.э., и привело к заключению мира между мидийским царем Киаксаром и лидийским царем Алиаттом при посредничестве киликийца Сиеннесия и вавилонянина Лабинета (*Herod. I. 73, 74*) а, возможно, к полной или частичной ликвидации причины конфликта (скифы были «изменнически убиты вследствие заговора народов» – *Iust. II. 5*).

4. Появление скифов в Лидии и начало военных действий, связанных с ними, могло быть воспринято в Милете как вторжение скифов в Азию, и это событие, видимо, фиксирует один из наиболее ранних контактов милетян со скифами.

К этому времени, вероятнее всего, относится выведение колонии и основание милетянами города Истрии (между 616/615–614/613 гг. до н.э.) на западном берегу Понта (согласно Псевдо-Скимну – *Pseudo-Scymn. 766–770 Diller*, город Истрию «основали милетцы, когда войско скифов – варваров напало на Азию, изгнав киммерийцев с Боспора»). В соответствии с предлагаемой хронологией, скифы в это время ещё не появились в Северном Причерноморье, поскольку регион, наполненный воинственными кочевниками, вряд ли мог привлечь милетян, достаточно измученных войной с Лидией, происшедшей в рассматриваемый период (*Herod. I. 17–23*).

Заключение мира между Милетом и Лидией (613/612 гг. до н.э.) произошло во время правления Фрасибула – тирана Милета [*время правления Фрасибула в Милете определяется в настоящее время как 610 г. до н.э.* (Бикерман. 2000. С. 245), *так и 600 г. до н.э.* (*Lexikon der Antike. 1982. С. 572*)].

5. В интервале между временем основания Истрии и временем основания Борисфена в Северном Причерноморье появляются скифы царя Мадия, вытесненные из Азии массагетами или исседонами. Исходя из того, что грекам известно о появлении скифов именно «в пустой земле», можно предполагать, что скифы появились в регионе тогда, когда Истрия уже существовала, т. к. легенда, где упоминается р. Тирас, связавшая киммерийцев и скифов «преследованием» (*Herod. IV. 12*), происходит из западных греческих колоний. Скифы,

таким образом, впервые вторгаются в Северное Причерноморье между 614/613 гг. до н.э. – 608 г. до н.э. Вполне вероятно, что эта дата фиксирует время первого контакта греков и скифов уже в Северопонтийском регионе.

Скифское войско, пройдя по лесостепной территории Северного Причерноморья, западному и северному берегам Понта, покидает Северопонтийский регион к осени 608 г. до н.э. и уходит через Кавказский регион в Мидию (Кузнецова. 2009б).

После ухода скифов из Северного Причерноморья (608 г. до н.э.), Милет основывает новый город – Борисфен (согласно Псевдо-Скимну [*Pseudo-Scymn.* 814 Diller] Борисфен был основан «во время мидийского владычества», но власть Мидии над «Верхней Азией», как показало исследование источников, существовала в VII в. до н.э. только от разгрома Ниневии до появления скифов в 608 г. до н.э.), а несколько позже и Ольвию (до 585 года до н.э., обусловившего возвращение скифов), т. к. уход скифов предполагал мирное развитие колоний.

6. Из Северного Причерноморья, через Кавказ, скифы достигают Мидии, когда Киаксар, победив ассирийцев в битве (в союзе с царем Вавилона – Набопаласаром) осаждает Ниневию (*Herod.* I. 103). Совместное выступление Вавилона и Мидии против Ассирии, отмеченное в документальных нововавилонских текстах (Gadd. 1923; Wiseman. 1956: BM 21901), согласуется со сведениями «Истории» Геродота, где сказано, что мидийцы: «подчинили своей власти ассирийцев, за исключением области Вавилона» (*Herod.* I. 106). В сражении со скифами мидийцы терпят поражение, а скифы, разбив Киаксара, направляются в Египет, но египетский фараон Псамметих откупается от них дарами (*Herod.* I. 104, 105), после чего скифы возвращаются в «Верхнюю Азию» и продолжают свои рейды и грабежи в переднеазиатских государствах (608–585 гг. до н.э.).

7. В 585 г. до н.э. во время пира, устроенного Киаксаром, большая часть скифов царя Мадия была уничтожена, а оставшиеся, возвращаясь в Припонтийские степи, в районе «от Таврских гор до Меотийского озера» встретили сопротивление тех, кого называли «детьми рабов» (*Herod.* IV. 3).

Сведения о том, что в указанном регионе «скифы терпели поражения в многократных битвах» (*Herod.* IV. 4) и значительное число ближневосточных предметов в могилах Келермеса, Ульских и Костромском курганах, позволили считать эти памятники усыпальницами скифских воинов царя Мадия (Кузнецова. 1993; 2008). Соотнесение этих памятников со временем скифского царя Бартатуа (Прототия) было бы возможно при наличии сведений о пребывании этого царя в Предкавказье и Северном Причерноморье, однако источники указывают, что только его сын – Мадий пришел в Северопонтийский регион, прошел оттуда через Кавказ в Переднюю Азию и вернулся,

следовательно, обитание скифов, возглавляемых царем Бартатуа, не было связано с указанными регионами.

Более ранний Краснознаменский могильник (Петренко. 2006), судя по погребальному обряду, не имеет отношения к скифам и является отражением не связанных с ними исторических процессов. Относительно могильника Нартан я разделяю точку зрения М. П. Абрамовой и В. И. Козенковой (1985. С. 3–5) о его «кобанской» принадлежности (Кузнецова. 2007).

Преодолев сопротивление тех, кого скифы считали своими рабами, скифы стремительно направляются в Лесостепь, о чём свидетельствуют курганы у с. Люботин (Бандуровский и др. 1998) и кенотаф в Мельгуновском кургане (Бокий. 1992).

8. Возвращение скифов из Азии, их малочисленность (известно не более 220 архаических памятников, соотносимых со скифами – Кузнецова. 2002), обусловленная результатами мидийских и Северокавказских событий, и их уход в Лесостепь, не затронули развитие колонизационного процесса в Северном Причерноморье, усилившегося после перемещения скифов в Азию (608 г. до н.э.) и продолжавшегося на протяжении всего периода их «ближневосточных» предприятий (608–585 гг. до н.э.), что и позволило грекам осваивать северные берега Понта (Кузнецова. 1994; 2008).

Изгнанные Киаксаром Мидийским скифы, возвратились в Северное Причерноморье уже после 585 г. до н.э. Эта дата фиксирует начало постоянных контактов греков и скифов в указанном регионе.

Скифы, обосновавшись в Северном Причерноморье, постепенно преодолевали (в условиях освоения нового региона) возникшую дестабилизацию в скифском сообществе после мидийского и северокавказского разгромов. Восстановление социальной иерархии у скифов и, видимо, её «реорганизация» (Кузнецова. 2009а), прослеживается на материалах памятников конца V в. до н.э. (курган Солоха) и IV в. до н.э. (курган Чертомлык).

В это время значительно увеличивается число скифских курганов, что свидетельствует о притоке нового кочевнического населения, видимо, со второй половины V в. до н.э.

Изменение численности скифского населения привело и к изменению характера взаимоотношений их с греками. Исследователями установлено, что конфликтная ситуация в Северном Причерноморье возникает как на начальном этапе скифской архаики, так и позднее, в V в. до н.э. (Доманский. 1981. С. 159–160).

Литература

- Абрамова, Козенкова. 1985 – *Абрамова М. П., Козенкова В. И.* Предисловие // *Батчаев В. М., Барцева Т. Б., Керемов Б. М.* Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985.

- Бандуровский и др. 1998 – *Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В., Дегтярь А. К.* Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина // Люботинское городище. Харьков, 1998.
- Бикерман. 2000 – *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. Сретенск, 2000.
- Бокий. 1992 – *Бокий Н. М.* Киммерийцы и скифы // Тез. докл. Международной науч. конф., посвящённой памяти А. И. Тереножкина. Мелитополь, 1992.
- Доманский. 1981 – *Доманский Я. В.* Ольвия и варвары в V в. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981.
- Кузнецова. 1991 – *Кузнецова Т. М.* Этюды по скифской истории. М., 1991.
- Кузнецова. 1993 – *Кузнецова Т. М.* Как возник Келермес // Вторая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. конф. Краснодар, 1993.
- Кузнецова. 1994 – *Кузнецова Т. М.* Припонтный регион в период скифской архаики // БСб. 1994. 4.
- Кузнецова. 2007 – *Кузнецова Т. М.* Были ли киммерийцы кочевниками? // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007.
- Кузнецова. 2008 – *Кузнецова Т. М.* Келермес – единый скифский памятник периода архаики // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008.
- Кузнецова. 2009а – *Кузнецова Т. М.* Вопросы скифской хронологии // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2009. № 10.
- Кузнецова. 2009б – *Кузнецова Т. М.* Хронология скифского присутствия на Ближнем Востоке (по следам Геродота) // STRATUMplus. 2009 (2005–2009). № 3.
- Петренко. 2006 – *Петренко В. Г.* Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо, 2006.
- Gadd. 1923 – *Gadd C. J.* The Fall of Nineveh. L., 1923.
- Lexikon der Antike. 1982 – *Lexikon der Antike.* Leipzig, 1982.
- Wiseman. 1956 – *Wiseman D. J.* Chronicles of Chaldaean Kings (626–556 B.C.) in the British Museum. L., 1956.

Е. А. Савостина

**Скифы, греки и языки их искусства.
Об изобразительных системах культур,
встретившихся в Северном Причерноморье**

*К 90-летию Ирины Владимировны Яценко
с пожеланиями здоровья и благодарностью*

Одной из важнейших характеристик какого-либо народа бесспорно является его изобразительный язык. Как и устный язык, и письменный, язык искусства представляет собой систему символов, предназначенную для восприятия адресатом – понимания, интерпретации,

осмысления или конструирования его значения. Сопоставляя культуры, на определённом этапе их истории контактировавшие в Северном Причерноморье, мы не можем обойти такой вопрос, как изучение конкретных свойств и обобщённых принципов построения их изобразительных систем.

Подчеркнём, что в данном случае речь хотелось бы вести не о контактах и взаимовлияниях (Вахтина. 2005), а именно о сопоставлении культур (Савостина. 1993) и оригинальной природы их искусства.

Искусство скифов изучалось в нескольких направлениях – от построения эволюционных теорий (Артамонов. 1968), создания исторических панорам (Яценко. 1971) до концептуального моделирования, как можно было бы охарактеризовать систему мировосприятия скифов, реконструируемую Д. С. Раевским (2006. С. 406). Все они опирались на материал, наиболее информативный в сфере скифского искусства. Таковым считается продукция, выполненная в зверином стиле, где нет натуралистических изображений, но все образы зверей (основные – «кошачьи хищники» и «копытные») переданы с той или иной степенью условности, и это касается как манеры трактовки фигур, так и их построения, пластического и образного решения.

В сложившейся традиции сам звериный стиль понимается как большая и сложная система (Переводчикова. 1994. С. 27), а изображение воспринимается как «текст», записанный в кодах звериного стиля (Раевский. 2006. С. 406). В толковании, прочтении передаваемого текста не существует единой точки зрения (ср. Королькова. 2001; Канторович. 1999 и др.), поскольку тому препятствует одно весьма сложное обстоятельство. Оно касается раскрытия смысла через знаки-символы: в отличие от условного знака, значение в символе не обозначается, а выражается (через него). Это мотивированный и интуитивный знак, и потому его смысл переменчив. С этим свойством изображения связана одна из основных проблем его интерпретации для современного исследователя. Она осложнена ещё и тем обстоятельством, что в искусстве скифов прослеживается несколько стилистических направлений, и сама эта культурная общность составлена из отдельных частей, которые перемещались, постоянно изменяя историко-культурную ситуацию в регионе.

С толкованием звериных символов связан наш опыт в изучении античного искусства. Помимо традиционного декоративного значения (фризы шагающих зверей), фигурки животных используются здесь также в качестве знаков-символов, раскрывающих смысл изображения. Изобразительный комментарий в виде дополнительных знаков-диакритик наблюдаем в середине VII и в VI в. до н.э. в коринфской, лаконской, аттической вазописи и торевтике, где в качестве дополнений к действующим лицам, а то и целым повествованиям приводятся изображения зверей и птиц. Фигурки характеризуют

персонажи, компенсируя, вероятно, недостаточность художественного определения. Но иногда (сцена на коринфском Кратере Амфиарая, ок. 560 г. до н.э.) они участвуют и в прояснении всего сюжета.

Звериная символика в искусстве архаики позволяет как бы сблизить на некоторое время греческую и скифскую традиции, – но лишь затем, чтобы острее понимать их дальнейшее расхождение.

Язык зверей и его пояснительная роль в греческом искусстве даёт основания углубиться в ещё более ранние исторические времена и толковать рудиментарные геометрические знаки, остающиеся при изображениях появившихся фигур (росписи дипилонских амфор и кратеров середины VIII в. до н.э.), также как комментирующий знак. Так свастика, крылья которой закручены по ходу, куда обращены фигуры, обозначает их движение. Это относится к погребальному выезду, процессии воинов, а позднее – к жестам персонажей, – к тому, что на переломном этапе становления фигуративного искусства пока не было очевидно зрителю. Замена геометрической системы фигуративной наблюдается нами как процесс, а не механическая смена стилей, и это доказывают также росписи-биллингвы (одна сторона фриза кратера – меандр, другая – вереница воинов).

Таким образом, следует признать, что до появления на Боспоре, перед возможной встречей со Скифией, греческая изобразительная традиция прошла не только долгий, но и конструктивный эволюционный путь, выразившийся не просто в череде меняющихся стилей – как отдельных этапов и художественных и направлений, но в развитии художественного языка от абстрагированной геометрики к фигуративному изобразительному искусству.

Уже упоминавшаяся роспись Кратера Амфиарая является одним из примеров следующей ступени – организации многоуровневого понятийного аппарата архаики: смыслового сопровождения сцены. Здесь есть и надпись, и атрибут при персонаже, и звериный язык символов. Здесь поясняется каждая деталь и исход предприятия. Сюжет, посвящённый походу Семерых против Фив, не только фокусируется на моменте отъезда Амфиарая, он построен как полное повествование, с упомянутым началом и обозначенным завершением.

Подобный приём заключения всей истории в одну сцену, когда в одном изображении содержатся и истоки, и конец рассказа, был характерен для архаического времени (не будет ли здесь снова параллелей со скифским искусством?). Его можно видеть, напр., в сюжете ослепления Полифема, в котором показаны причина и следствие происходящего: Полифем одновременно пьёт, пожирает людей и тут же за это подвергается нападению Одиссея с товарищами (лаконский килик ок. 565–560 гг. до н.э., мастер Всадника).

Постепенно во всех областях греческого искусства происходит развитие формы повествования – от общего к частному. И в архитектуре,

и в вазописи в решении их декора от универсальных, глобальных тем, связанных с судьбой мироздания: образа универсума, битвы титанов, гигантов, или с событиями героических мифов и сказаний: троянская война, амазономахия и т. д., – наблюдается переход к локальному сюжету и эпизоду. И на основании «части» – одного эпизода, сцены или изображения персонажа образное мышление зрителя-грека конструирует целый рассказ.

Сопоставляя линии развития художественного языка греков и скифов, можно выявить следующие тенденции. В греческой культуре развитие идёт от аниконического, геометрического знака-символа к сложению фигуративного изобразительного языка, что особенно проявилось на примере развития вазописи. Первоначально в её сюжетных композициях отмечена тенденция к подробному повествованию (VII–VI вв. до н.э.), постепенно смысл передается частным эпизодом (V–IV вв. до н.э.), но никогда в искусстве эллинов мы не встречаем ни возврата к его аниконическим началам, ни обращений к попытке «зашифровать» смысл в какой-то схематической фигуре, составленной из частей других фигур.

От геометрического знака античное искусство раз и навсегда переходит к фигуративному, и с этого момента изменяется только его образное решение.

В культуре (или культурах) скифов, напротив, мы не видим стадии аниконической (нефигуративной) геометрии декора. Уже на известных нам ранних этапах скифы оперируют изобразительными, наглядными формами-образами, и именно образы – полновесные либо трансформирующиеся, «превращающиеся» из одного в другое либо «накладывающиеся» друг на друга, создают язык их искусства. Всевозможные «превращения», в которых «оконечности» фигуры одного животного трактуются как части другого (например, как «клюв и глаз» (Ростовцев. 2001. С. 290) – тоже своего рода превращение образа, где изображение переходит в схему, в разряд знака, в изобразительную формулу.

Что она означает? Возможно, в изображении оленя, рога которого оканчиваются клювами грифона, можно видеть сокращённую схему – формульную комбинацию знаков или иной способ передачи «понятия» терзания оленя грифоном? Или это уже итог некоей его трансформации? Оставим этот заманчивой сюжет специалистам. Для нас важен уже сам факт создания такой схемы, демонстрирующей своеобразный отход от образности реальных. Но не менее важно и её (схематизации) усиление, наблюдающееся в V–IV вв. до н.э. Наиболее яркие примеры происходят из Прикубанья (Переводчикова. 1994. С. 167, 170), в т. ч., гравированный налобник конской узды IV в. до н.э., где образ оленя воплощают увенчанная пышными рогами, оканчивающимися клювами оленья голова, опирающаяся на

согнутую ногу. К древу рогов добавлены ещё два схематических от- ветвления, в левом из которых также видим голову оленя с харак- терной трактовкой рогов (Галанина. 2006. С. 72. Илл. 103). И это именно то, что кардинально отличает скифское искусство от искус- ства греков: здесь «часть» также символизирует целое, но совершен- но другим способом, представляя предмет в упрощённо-обобщённом виде схемы, составленной элементами фигур.

Сразу после создания Среднеазиатских советских республик вы- дающиеся психологи Лурия и Выготский предприняли уникальную экспедицию в те края, в т. ч., с целью изучения психологии мышле- ния кочевых народов и его особенностей. По приведённым данным, опрашиваемым трудно было отрешиться от конкретных значений форм: так, прямоугольник ассоциировался у них только с входом в юрту, круг – с ниткой бус. Интересны данные наблюдений психоло- гов также о пространственных и временных представлениях, на ос- новании которых были сделаны выводы о специфике характера мышления кочевников, не склонных к абстрагированию, к отвлечён- ным понятиям, обобщениям...

Очевидно, что те явления, которые мы отмечаем в истории раз- вития искусства кочевников-скифов и греческого искусства, – если рассматривать их глубже того времени и шире тех территорий, когда и где они соприкоснулись (Куклина. 1985) – связаны с особенностью их образа жизни, образа мыслей, что, несомненно, обуславливает и особенности художественного мышления. Таким образом, вот во- прос, который можно поставить по отношению к культурам, контак- тирующим в Северном Причерноморье: греки и скифы – какие они?

И как они пересеклись – такие разные...

Литература

- Артамонов. 1968 – *Артамонов М. И.* Происхождение скифского искусства // СА. 1968. № 4.
- Вахтина. 2005 – *Вахтина М. Ю.* Греческое искусство и искусство Европейской Ски- фии в VII–IV вв. до н.э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скиф- скую эпоху. СПб., 2005.
- Галанина 2006 – *Галанина Л. К.* Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа. СПб., 2006.
- Канторович. 1999 – *Канторович А. Р.* Зооморфные превращения в зверином стиле степной Скифии как изобразительный феномен // Проблемы сарматской археоло- гии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова). Запорожье, 1999.
- Королькова. 2001 – *Королькова Е. Ф.* «Зооморфные превращения» и «цитаты» в ски- фо-сибирском зверином стиле (к проблеме художественного образа и компози- ции) // Ювелирное искусство и материальная культура: Тез. докл. участников 8 коллоквиума. СПб., 2001.

- Куклина. 1985 – *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
- Переводчикова. 1994 – *Переводчикова Е. В.* Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994.
- Раевский. 2006 – *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. // Мир скифской культуры. М., 2006.
- Ростовцев. 2001 – *Ростовцев М. И.* Юг России и Китай – два центра развития звериного стиля // Миф. София, 2001. № 7.
- Савостина. 1993 – *Савостина Е. А.* Античность и варвары: возможность сопоставления культур // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III археологического семинара). Новочеркасск, 1993. Ч. II.
- Яценко. 1971 – *Яценко И. В.* Искусство скифских племён Северного Причерноморья // Искусство первобытного общества и древнейших государств. М., 1971. История искусства народов СССР. Т. 1.

Н. А. Гаврилюк

Этнические процессы в Северном Причерноморье в раннем железном веке

Проблема взаимоотношений различных этносов в Боспорском царстве и контактов населения Боспора с другими народами и державами античного мира на разных этапах тысячелетнего существования царства чаще всего рассматривается через призму взаимоотношений греков – варваров. Цель же этой работы рассмотреть проблему как тройственную – взаимоотношения «греки – варвары – население лесостепи». Определяющим в этой проблеме является понятие «скифизация», применяемое для определения влияния степных кочевников скифов на население античных центров Северного Причерноморья (Греки и варвары... 2005) и на обитателей лесостепной зоны.

Так, С. С. Бессонова пишет: «Глубокая и ранняя скифизация Лесостепи ныне совершенно очевидна, и это постепенно приводит к возрождению представлений о том, что в Причерноморье VII – первой половины VI в. до н.э. основные центры Скифии находились в лесостепной зоне». Не объясняя смысла этого модернизированного и сильно политизированного в современном мире понятия, исследовательница толкует «скифизацию» «с точки зрения объединяющей широтные и меридиональные направления связей, согласно которой явления „протономадизации” в Причерноморской Лесостепи (как результат меридиональных перемещений пастушеского населения степь–лесостепь–степь) рубежа II–I тыс. до н.э. были перекрыты волной (волнами) пришлого кочевого населения широтной направленности, что привело вначале к поверхностной, а затем более

глубокой номадизации местного чернолесского населения и вовлечение его в миграции номадов» (Бессонова. 2005–2009. С. 17)

Оставив на совести автора возможность «объединения широтных и меридиональных связей», незнание классификации скотоводческих хозяйств («пастушество» не всегда предполагает кочевание, скорее наоборот), а также перемещения «степь–лесостепь–степь» (Гаврилюк. 2005; 2006), остановлюсь подробнее на критериях «скифизация» или «варваризации» и на том, как эти влияния прослеживаются в культуре северных соседей степных скифов – населения лесостепи, и южных – населения античных центров Северного Причерноморья.

Археологическим подтверждением «варваризации» античных центров Северного Причерноморья, в первую очередь, памятников Боспора, принято считать лепную керамику (Кастанаян. 1981; Марченко. 1988; и др.). Работа с лепной керамикой Восточного Крыма и проведённые в Институте археологии НАН Украины рентгенофлуоресцентные исследования лепной посуды античных центров Восточного Крыма свидетельствуют о том, что основная масса лепной посуды изготовлена из местных глин. По химическому составу формовочной массы лепных сосудов выделено три группы керамики, которые можно соотносить с месторождениями местных глин. Эти группы слабо коррелируют с разными по происхождению группами, выделенными по формам и орнаментации сосудов (Гаврилюк. 2011), где преобладает группа лепной керамики, морфологически близкая к греческой кухонной гончарной керамике. Подобное явление наблюдается и в керамическом комплексе Ольвии и её хоры и Тиры. Другие этноопределяющие элементы материальной культуры (погребальный обряд, жилища, планировка поселений) также свидетельствуют о том, что этнической доминантой в античных центрах Северного Причерноморья остаётся греческая культура и об этнической «скифизации» или «варваризации» культуры населения античных центров Северного Причерноморья говорить не приходится. Скорее всего, имело место приспособление греков-переселенцев к новым эколого-экономическим условиям.

Рассматривая «скифизацию» в раннем железном веке населения лесостепной зоны, авторы сосредотачиваются на анализе погребальной обрядности (Скорый. 2003), комплексов вооружения и конского снаряжения, игнорируя почти полное несовпадение основных этнических критериев бытовой культуры древних народов – керамического комплекса, украшений, жилищ, возникновение городищ и т. п. населения степи и лесостепи. Именно на анализе этих категорий материальной культуры основаны концепции, противоположные идеям С. А. Скорого (напр., Шрамко. 1999). Более подробно все мнения рассмотрены в работе М. Н. Дараган (2010).

Всё сказанное выше позволяет усомниться в «глубокой и ранней скифизации Лесостепи», которая так очевидна для некоторых исследователей, и высказать мнение о том, что «возрождение представлений о том, что в Причерноморье VII – первой половины VI в. до н.э. основные центры Скифии находились в лесостепной зоне» не столь очевидно и остаётся пока гипотезой.

Классическая «триада» Северного Причерноморья «греки – скифы – оседлое население лесостепи» находилась в постоянном развитии и взаимодействии составляющих этносов. Наша задача отслеживать эти контакты не однобоко, а с учётом комплекса данных не только по этнической истории населения Северного Причерноморья, но и социально-политической и экономической.

Литература

- Бессонова. 2005–2009 – *Бессонова С. С.* Каменные изваяния в контексте этнополитической истории Скифии // STRATUMplus. 2005–2009. № 3.
- Бессонова, Скорый. 2001 – *Бессонова С. С., Скорый С. А.* Мотронинское городище скифской эпохи. К.; Краков, 2001.
- Гаврилюк. 2005 – *Гаврилюк Н. О.* Рец.: С. А. Скорый. Скифы Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения индо-иранского этнокультурного компонента). К., 2003 // Археологія. 2005. № 3.
- Гаврилюк. 2006 – *Гаврилюк Н. О.* Про замулене “русло лісостепової тематики” (до дискусійної відповіді С. А. Скорого «Стадо скіфів-кочовиків» у напрямку «Укрлісостепу» (з приводу рецензії Н. О. Гаврилюк) // Археологія. 2006. № 1.
- Гаврилюк. 2011 – *Гаврилюк Н. А.* Исследование лепной керамики античных центров Северного Причерноморья методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) // Древнее Причерноморье. Одесса, 2011. Вып. IX.
- Греки и варвары... 2005 – Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- Дараган 2010 – *Дараган М. Н.* Геоинформационный анализ трансформации поселенческих структур в начале раннего железного века в Среднем Поднепровье: состояние проблемы и перспективы исследования. М., 2010.
- Кастанаян. 1981 – *Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981.
- Марченко. 1988 – *Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н.э. Л., 1988.
- Скорый. 2003 – *Скорый С. А.* Скифы Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения индо-иранского этнокультурного компонента). К., 2003.
- Шрамко. 1999 – *Шрамко Б. А.* Возникновение Бельского городища // Древности. 1997–1998: Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1999.

**Драгоценные сосуды в ритуалах меотов
по материалам святилищ у аула Уляп
(к вопросу о связях населения Прикубанья в скифское время)**

Среди памятников меотской археологической культуры существенную группу составляют святилища и ритуальные комплексы, известные в Прикубанье начиная с протомеотского времени и, по крайней мере, до II в. до н.э. (Эрлих. 2001; Канторович, Эрлих. 2005; Беглова. 2004). Судя по остаткам ритуальных комплексов, меотский ритуал включал в себя элементы жертвенной трапезы и возлияния. Об этом говорят многочисленные находки черепов и костей ног коней, мясо которых было употреблено в пищу, а также битая посуда, предназначавшаяся для жидкости. С IV в. до н.э. в меотском ритуале начинает использоваться привозное вино, о чём свидетельствуют образцы импортной амфорной тары. В данном случае речь пойдёт о сосудах из драгоценных металлов, использовавшихся в ритуалах меотов на протяжении IV в. до н.э. Предметы были обнаружены в комплексах святилищ, располагавшихся на нескольких курганах Уляпского могильника (Республика Адыгея, неподалеку от аула Уляп).

«Ритон» с протомой Пегаса (Рис. 1. 1). Наиболее ярким примером сосуда для ритуального возлияния является ставший всемирно известным сосуд с протомой Пегаса из кургана 4. Серебряный с позолоченными деталями сосуд (высотой 37,7 см) имеет форму рога, завершающегося полуфигурой крылатого галопирующего взнузданного коня. Верхняя часть высокого тулова сосуда украшена снаружи и изнутри накладными пластинами с орнаментом, включающим мотивы цветов лотоса и пальметт с волютами. Ниже располагался накладной орнамент из пальметт и четырёх пластинок с изображением Силен (сохранилась только одна). Под ним находится фриз со сценами борьбы богов и гигантов. Сосуд установлен на высокой рюмкообразной ножке, аналогичной ножке аттических киликов. Многократно опубликованный, этот ритуальный сосуд до сих пор вызывает научные споры о времени его изготовления и последующей перделки (Ксенофонтова. 1997; Власова. 2002. С. 148, 149). И. В. Ксенофонтова считает, что он был выполнен в середине V в. до н.э. греческим мастером, предположительно скульптором-монументалистом, работавшим в Афинах (Ксенофонтова. 1997. С. 75). Уже изначально сосуд имел завершение в виде протомы крылатого коня, однако не со сложенными, а расправленными крыльями. Об этом свидетельствует наличие позолоты и оперения с противоположной, сейчас не видимой зрителю стороны. Сосуд подвергался ремонту и некоторой перделке. Она заключалась в прикреплении – «стягивании» крыльев

к тулову сосуда, в появлении в нижней части тулова ленты с точечным орнаментом, а также в добавлении или замене наиболее важного и интересного элемента декора уляпского ритона – фриза со сценами гигантомахии.

Этот фриз был оттиснут с матрицы, изготовленной для какого-то другого изделия. Основанием к этому заключению является повтор одной сцены – единоборства Гермеса с гигантом, а также имеющееся в одном месте фриза незаполненное пространство на позолоченной пластине. Кроме того, пальметки, расположенные под фризом, и нижняя часть фриза были перекрыты крыльями Пегаса. По мнению И. В. Ксенофоновой, мастер, изготовивший матрицу для этого фриза, находился под впечатлением сцен кентавромахии, изображенных на метопах восточной стороны Парфенона, строительство которого было закончено 432 г. до н.э.

В целом можно с уверенностью утверждать, что этот уникальный сосуд был изготовлен в Аттике во второй половине V в. до н.э. В первой же половине IV в. до н.э. он попал, возможно, в качестве дара меотскому вождю, который принёс его в жертву местному божеству (Ксенофонтова. 1997).

Сосуд в виде рога (Рис. 1. 2). Среди кубанских сосудов в форме рога с коленчатым изгибом, оканчивающихся головой кошачьего хищника, также известен золотой «ритон» из Уляпского кургана 4. В месте перегиба сосуд опоясан широкой пластиной, всё поле которой украшено накладками, выполненными из проволоки в виде сдвоенных волют. На основание надет наконечник в виде трубочки, украшенной четырьмя накладными плетёными поясками, завершённый скульптурным изображением головы пантеры с раскрытой пастью (Шедевры... 1987. Кат. 100). А. М. Лесков относил этот сосуд к работе мастеров Ахеменидского Ирана, датируя не позже V в. до н.э. (Leskov. 1990. S. 41).

В то же время, известна значительная серия подобных сосудов, происходящих из Прикубанья. В берлинской части коллекции Мерля де Массино, в т. н. Майкопском кладе – четыре золотых ритона с наконечниками в виде головок пантер, близких наконечнику уляпского ритона (Greifenhagen. 1970. Taf. 35, 1, 2; 36, 1–5; Leskov. 2008. P. 128–130. Cat. 163, 164). Фрагменты двух ритонов с аналогичными окончаниями хранятся в Краснодарском музее (Анфимов. 1987. Рис. на с. 130; 175, 4; L'Or des Amazones. 2001. Cat. 43). Окончания трёх золотых наконечников рогов обнаружены 1887 г. в кургане 19 у станицы Некрасовской и ныне хранятся в Музее искусств в Тбилиси (Эрлих. 2009. С. 258, 259. Рис. 6). К окончаниям ритона В. И. Мордвинцева отнесла и наконечник с головой хищника из Курджипского кургана (Мордвинцева. 2010. С. 66).

1

2

Рис. 1. Уляп, курган 4: 1 – сосуд в форме рога с головкой пантеры (золото);
2 – сосуд в форме рога с протомой Пегаса (серебро, позолота)

Два ритона из «Майкопского клада» декорированы пластиной с повторяющимся штампованным изображением копытного с повернутой назад головой и одним рогом – «лосекозла», близким имеющимся на бляхах из святилищ Уляпа и Некрасовкой. Кроме того, в

Уляпском кургане 1 обнаружена золотая подвеска в виде головки пантеры. При её изготовлении была использована та же форма, что и для наконечника ритона, но без последующей доработки деталей. Таким образом, мы сейчас считаем возможным поддержать гипотезу Е. В. Власовой, о том, что ритуальные сосуды в виде рога, подобные уляпскому, могли изготавливаться по иранским образцам, собственно в одной из мастерских в Прикубанье (Власова. 2002. С. 139–141). Однако нельзя ограничивать существование этой мастерской только V в. до н.э., как считает Е. В. Власова. Этому противоречат комплексы курганов у аула Уляп, станицы Ивановской, кургана 19 у ст. Некрасовской и Курждипса. Скорее наоборот, все комплексные находки рогов и их наконечников относятся к первой половине IV в. до н.э. Ещё одним подтверждением существования мастерской на территории Кубанского региона является находка в комплексе кургана 5 двух ювелирных штампов для изготовления золотых бляшек с изображением пантеры и половинки амфоровидной подвески.

Серебряный тонкостенный кубок (Рис. 2. 1) был обнаружен на ритуальной площадке кургана 1. Кубок из очень тонкого серебра¹⁵³ изготовлен в технике выколотки (репуссе) по деревянной форме-основе. Высота сосуда – 17,7 см (Сокровища... 1985. Кат. 361; Шедеры... 1987. Кат. 104; Leskov. 1990. Nr. 59).

Сосуд имеет слегка уплощённое дно, тулово яйцевидной формы, высокое горло с небольшим перегибом в средней части, завершающееся слабо отогнутым краем-венчиком. Горло сосуда и его тулово богато украшены семью ярусами орнаментальных фризов, причём верхний ярус представляет собой сцену преследования хищником козла (Рис. 2. 2). Уплощённое дно сосуда представляет собой медальон с крестовидной композицией из бутонов и цветков лотоса.

Вне всякого сомнения, сосуд, обнаруженный в 1-м Уляпском кургане-святилище, по своей орнаментации является уникальным среди сосудов лидийско-ахеменидского круга. В то же время и форме, и отдельным орнаментальным мотивам, украшающим поверхность этого сосуда, находятся аналогии, которые были приведены М. Ю. Трейстером и В. Р. Эрлихом (Treister. 2007. P. 69–71; Эрлих. 2011. С. 39–43).

Следует отметить, что наиболее близок данный кубок двум сосудам, обнаруженным в комплексах первой половины V в. до н.э. на территории Колхиды. Зооморфный фриз, проходящий по горлу, находит ближайшие аналогии в изображении на малом кубке из погребения 13 могильника Саирхе (Makharadze, Tsereteli. 2007. P. 91–92. № 33. Fig. 85. Photo 150). По орнаментации тулова кубок из Уляпа наиболее близок композиционной схеме, представленной на арибалле

¹⁵³ В настоящее время в связи с очень большой хрупкостью, этот сосуд хранится в прозрачной вакуумной колбе.

из погребения 11 1969 г. из Вани (Вани-І. 1972. Илл. 210). Принадлежность последнего сосуда лидийской традиции торевтики обосновал М. Ю. Трейстер, который сопоставил ручки арибалла из Вани в виде фигур обернувшихся назад птиц-уток с ручками-упорами лидийских парфюмерных сосудов (Treister. 2007. P. 74, 75). Основываясь на приведённых выше соответствиях, можно предположить, что сосуд из Уляпа мог быть сделан в конце VI – первой половине V в. до н.э. в Закавказье, на территории Колхиды мастером-лидийцем, либо его учеником, работавшим в духе традиции лидийской торевтики.

Фиала из ритуального комплекса Уляпского кургана 4 первой половины IV в. до н.э. (Рис. 2. 3, 4). Предмет выполнен в технике выколотки, имеет полусферическую форму с гладким, чуть загнутым внутрь краем. Вся поверхность украшена орнаментом из чередующихся миндалевидных бутонов и цветков лотоса. Ближайшие аналогии уляпской фиале находятся на территории Северной Греции и происходят из комплексов конца VI – начала V в. до н.э. Одна фиала найдена в позднеархаическом погребении западного некрополя Архондикио в районе Пеллы (Chryssostomou A., Chryssostomou P. 2005. P. 516. Figs. 16–17). Другая происходит из датированного 480 гг. до н.э. комплекса, добытого грабителями в Халкидиках. Хранится ныне в Римско-Германском музее г. Майнца (Egg, Pare. 1995. Nr. 307. Col. Pl. XIV, 1).

Следует указать и на ещё одну важную находку фрагмента такой же чаши. Она происходит из Ульского кургана 1/1909, комплекс которого по ряду признаков относится ко второй хронологической группе Ульских курганов, датирующихся в пределах второй половины VI в. до н.э. (Erlikh. 2010. P. 48, 49, 51. Fig. 4, 13).

Таким образом, мы имеем всего четыре случая встречи чаш «уляпского типа» или их фрагментов. Два из них – на Кубани, в одном микрорегионе аула Уляп и два – на севере Греции, в Македонии.

Скорее всего, эти предметы, являющиеся продукцией одной мастерской, попали одновременно (а возможно и вместе с кубком из кургана 1 Уляпа) во второй половине VI в. до н.э. и использовались как сакральные предметы при совершении ритуалов, чем и объясняется долгое бытование одной из фиал. Одна фиала практически сразу попала в святилище – Ульский курган 1/1909. Вторая, как и серебряный кубок из Уляпского кургана 1, также попадают в святилища, но спустя более столетия. Совсем не обязательно предполагать производство фиал «уляпской серии» именно в Македонии. Они вполне могли быть сделаны в Малой Азии, в мастерских лидийско-ионийского круга и через Закавказье попасть на Кубань. Судя по находке чаши из «Львиной гробницы» в Милете, фиалы, орнаментированные гирляндами бутонов и цветков лотоса, известны уже с первой половины VI в. до н.э.

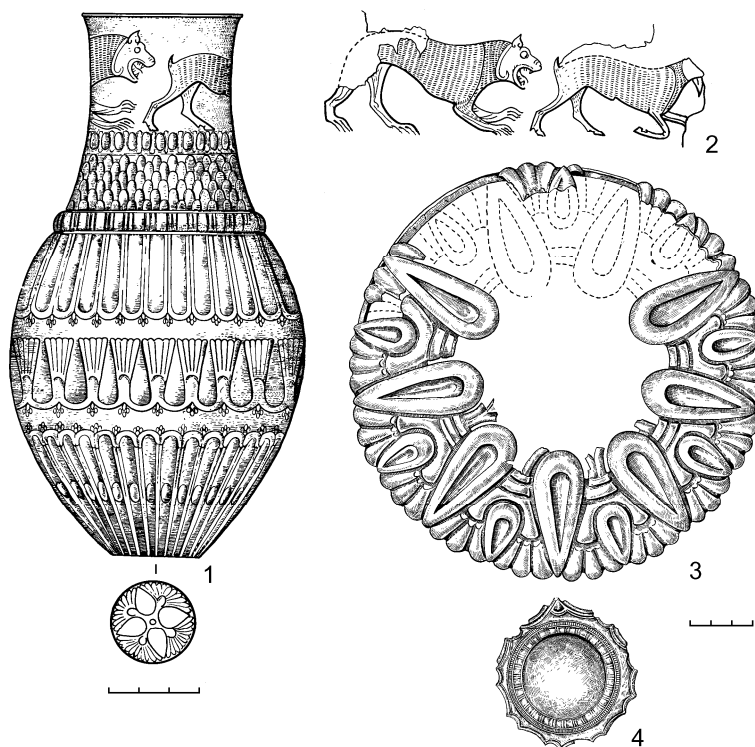

Рис. 2. 1–4 – Уляп, серебряные сосуды: 1, 2 – курган 1, кубок (1 – общий вид и 2 – сцена преследования); 3, 4 – курган 4, фиала с вырванным омфалом

Малоазийская версия производства этих фиал кажется нам наиболее предпочтительной, поскольку других свидетельств второй половины VI в. до н.э. о связях Кубани с территорией Северной Греции у нас не имеется, а из Малой Азии эти сосуды могли попасть в это время в оба региона.

Подводя итоги, можно заключить, что для IV в. до н.э. для меотской ритуальной практики был характерен обряд ритуального возлияния вина, для которого специально использовались сосуды из драгоценных металлов. Эти дорогие сосуды, поступавшие к меотам из разных мест и, очевидно, в разное время, объединяет только одна функция – все они предназначались для питья. Некоторые из них возможно хранились и утилитарно использовались долгое время – 50–100 лет. Однако однократное использование предмета в ритуальной практике означало его вечное «погребение» среди других остатков ритуального возлияния и жертвенной трапезы. У большинства

современных народов Кавказа существует запрет на последующее утилитарное использование сосудов для питья, употребляемых для ритуального возлияния. Очевидно, этим объясняется с одной стороны преднамеренная порча ряда сосудов (напр., «ритонов», кубка, фиалы), с другой – само присутствие этих драгоценных вещей в составе приношений в святилища. Очевидно, что участники жертвоприношений, боясь кары богов, не покушались на ценности, помещённые в святилище.

В то же время можно говорить и о стандартном для IV в. до н.э. сосуде, употреблявшемся в ритуальной практике меотов – это сосуд в виде рога, с окончанием в виде головки хищника. Эти сосуды изготавливались в мастерских Прикубанья.

Отметим также, что использование для ритуальных возлияний деревянных чаш с золотыми обивками, характеризующих ритуалы степняков-скифов, для меотов характерно в меньшей степени, нам известно лишь два случая находок обивок этих чаш в меотских святилищах IV в до н.э. – во Втором кургане некрополя II Тенгинского городища и в кургане 11 у ст. Некрасовской (Эрлих. 2005. С. 326. Рис. 3 и 4; 2009. С. 458. Рис. 2).

Литература

- Анфимов. 1987 – *Анфимов Н. В.* Золото Кубани. Краснодар, 1987.
- Беглова. 2004 – *Беглова Е. А.* Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии.* М., 2004. Вып. 3.
- Вани-И. 1972 – *Вани-И.* Археологические раскопки 1947–1969 гг. Тбилиси, 1972.
- Власова. 2002 – *Власова Е. В.* О рогах для питья из Уляпского кургана № 4 // *Таманская старина: Сб. науч. трудов.* СПб., 2002. Вып. 4.
- Канторович, Эрлих. 2006 – *Канторович А. Р., Эрлих В. Р.* Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М., 2006.
- Ксенофонтова. 1997 – *Ксенофонтова И. В.* Серебряный ритон с протомой Пегаса из IV Уляпского кургана // *ВДИ.* 1997. № 2.
- Мордвинцева. 2010 – *Мордвинцева В. И.* Атрибуция вещевого комплекса «впускного погребения» Курджипского кургана // *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий.* М., 2010.
- Сокровища... 1985 – *Сокровища курганов Адыгеи: Каталог выставки.* М., 1985.
- Шедевры... 1987. *Шедевры древнего искусства Кубани: Каталог выставки.* М., 1987.
- Эрлих. 2001 – *Эрлих В. Р.* Святилища в меотской культуре Закубанья скифского времени (к постановке проблемы) // *БФ.* 2001. Ч. 2.
- Эрлих. 2005 – *Эрлих В. Р.* «Скифский» культовый набор в меотском святилище // *Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл.* Краснодар, 2005.
- Эрлих. 2009 – *Эрлих В. Р.* Курганы из окрестностей станицы Некрасовской: новые обращения к старым материалам // *Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конф.* Краснодар, 2009.

- Эрлих. 2011 – *Эрлих В. Р.* Два серебряных сосуда из святилищ у аула Уляп // От палеолита до средневековья: Сб. к юбилею профессора Г. А. Федорова-Давыдова, М., 2011.
- Chryssostomou A., Chryssostomou P. 2005 – *Chryssostomou A., Chryssostomou P.* Δυτική νεκρόπολη του Αρχοντικού Πέλλας: συστάδα τάφων αριστοκρατικής οικογένειας των αρχαϊκών χρόνων // Το Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και Θράκη 17, 2003. Θεσσαλονίκη, 2005.
- Egg, Pare. 1995 – *Egg M., Pare C.* Die Metallzeiten in Europa und im Vorden Orient. Die Abteilung Vorgeschichte im Römish-Germanischen Zentralmuseum. Mainz, 1995. Römish-Germanischen Zentralmuseum. Kataloge vor- und frühgeschichtlicher Altertümer. Bd. 26.
- Erlikh. 2010 – *Erlikh V. R.* Recent Investigation of the Ulski kurgans // Achemenidian impact in the Black Sea. Communication of Powers. 2010. BSS. 11.
- Greifenhagen. 1970 – *Greifenhagen A.* Schmuckarbeiten in Edelmetall. Berlin, 1970. Bd. I.
- Leskov. 1990 – *Leskov A. M.* Grabschätze der Adygeen. München, 1990
- Leskov. 2008 – *Leskov A. M.* The Maikop Treasure. Philadelphia, 2008.
- L'Or des Amazones. 2001 – L'Or des Amazones. Peuples nomads entre Asie et Europe. VI siecle av. J.-C. – IV siecle apr. J.-C. Paris, 2001.
- Makharadze, Tsereteli. 2007 – *Makharadze G., Tsereteli M.* Sairkhe. Tbilisi, 2007 (на груз. яз., рез. англ.).
- Treister. 2007 – *Treister M. Ju.* The Toreutics of Colchis in the 5th–4th Centuries BC. Innovations, local traditions, outside influences // ACSS. 2007. No. 13.

Е. Е. Филалко

Боспорские саркофаги из скифских могил

Скифская культура на ранних этапах своего развития была достаточно закрытой для инокультурных (и особенно эллинских) влияний и заимствований. Этот факт был общеизвестен, недаром на нём сделан явный акцент в «Истории» Геродота (IV. 76–80). Со временем такое положение меняется, и кочевое сообщество становится более восприимчивым и открытым. Разноплановые контакты с внешним миром отразились на материальном комплексе скифских памятников.

Наиболее явственно, особенно в погребальных памятниках, проступает греческий вектор контактов. На рубеже VII–VI вв. до н.э. в погребальных памятниках скифов появляются греческие изделия. С V в. до н.э. количество их неуклонно растёт. На первых порах преобладал импорт из материковой Греции, затем его постепенно вытеснила продукция причерноморских колоний и, прежде всего, Боспора.

Наибольшая доля импорта приходится на посуду. В быту номадов появляются изящные керамические сосуды с лаковым покрытием и росписью. В могилах скифов отмечены не только единичные находки чаш для питья, но и сервизы. Деревянные чаши – характерный

атрибут скифского воинства, постепенно, но неуклонно, вытесняют металлические килики. В обиходе представителей скифской аристократии появляются более практичные и в то же время роскошные образцы металлической посуды – амфоры, блюда и тазы, ойнохои, ситулы, киафы и прочие формы, укомплектованные подчас в большие сборные сервизы.

Усиливается приток украшений из драгоценных металлов. Среди них серьги роскошного стиля, изящные многоярусные ожерелья, шейные и наручные украшения с фигурными окончаниями и проч., не говоря уже о ставших практически заурядным атрибутом скифянок бусах и подвесках различных форм из цветного стекла.

Среди дорогих импортных атрибутов греческого производства можно отметить предметы мебели – это, прежде всего, табуреты с точёными ножками.

Особое место в ряду античных импортов занимают деревянные саркофаги, заменившие в могилах представителей скифской знати характерные для кочевников решётчатые погребальные лежа или гробовища. Количество известных в могилах скифов саркофагов невелико. Думается, объяснение тому может быть двояким. С одной стороны, в саркофагах погребали представителей скифской элиты самого высокого уровня. С другой стороны, роскошные деревянные конструкции практически не сохраняются в степном регионе. Как правило, о присутствии в могиле саркофага говорят осыпавшиеся в процессе ограбления элементы декора и отпечатки (или следы) цветных красок на полу помещения. Сохранившиеся детали орнамента, преимущественно из кости и дерева, находят ближайšie параллели среди изделий Боспора, сохранившихся в каменных склепах. Благодаря им можно судить о форме и некоторых конструктивных и орнаментальных особенностях саркофагов из скифских гробниц.

Находки деталей саркофагов при раскопках кургана Огуз стимулировали поиск аналогий и попытку проследить, насколько широко использовались подобные деревянные конструкции в церемонии похорон скифов на территории Нижнего Поднепровья. В середине 1980-х гг., кроме кургана Огуз, предположительно следы саркофагов удалось проследить ещё в шести погребальных комплексах (Фиалко, 1987). За последние годы к ним добавились ещё два случая. Позволю себе ещё раз обратиться к этим находкам¹⁵⁴.

В кургане Огуз остатки саркофагов отмечены в двух могилах.

В Южной могиле сохранились два фрагмента разных частей деревянного резного бордюра со следами красной (по описаниям ещё и жёлтой) краски, украшавших края стенок (по типу саркофагов из

¹⁵⁴ См. Фиалко Е. Е. Костяные изделия из кургана Огуз // Скифы Северного Причерноморья. К., 1987. С. 133–140. Там же приведена библиография.

некрополя у Сидона и Тамани, гробницы 48 пятого кургана на Юз-Обе и Змеиного кургана), либо ограничивавших филёнку (на манер Анапского саркофага).

В Северной могиле сохранились только детали костяных резных аппликаций двух типов. 1. Антропоморфные изображения из слоновой кости (20 экз.), среди которых различаются фигуры амазонок и растительные элементы. Пластины с антропоморфными изображениями включают человеческие фигурки небольших размеров, вырезанные по контуру, и пластины более крупных размеров, с выгравированными на них фигурами. 2. Растительные изображения (25 основных элементов) из простой трубчатой кости, среди которых прямые и спиралевидные стебли, листья плюща, лепестки, лавровые и аканфовые листья, пальметки, цветы лотоса и арацеи, виноградные грозди, розетки и проч., сюда же отнесены и птицы. Соответствий элементам декора, и, следовательно, и вариантов орнаментации различных деталей саркофага немало (Фиалко. 1987. С. 136–137). Учитывая возможность их сочетания, остановиться на каком-то одном, говоря об огузском экземпляре, невозможно. Исходя из наличия разновеликих пластин с антропоморфными изображениями, можно предположить, что орнамент размещался ярусами. Кроме элементов декора здесь обнаружены и детали шарнирного крепежа крышки саркофага.

Помимо костяных аппликаций и шарниров, в этой могиле сохранились отпечатки голубой и красной краски на полу погребальной камеры и обрывки золотой фольги, которая вероятно, осыпалась с рельефных деталей декора саркофага.

В *кургане Таценак*, в одной из двух могил – Западной, подвергшейся двукратному ограблению, сохранилось полтора десятка вырезанных по контуру гладких костяных пластин в виде лепестков (Болтрик. 1990. С. 6–7), того же типа, что и найденные в Северной могиле Огуза.

В основной могиле *кургана Близнец-2*, тоже подвергшейся ограблению, сохранилась серия костяных пластин трёх типов, вырезанных по контуру: антропоморфные изображения; растительные и архитектурные детали; геометрические и растительные элементы. Пластины двух первых типов дополнены гравированным рисунком и несут следы чёрной и красной краски (не исключено, что последней была покрыта филёнка). Пластины третьего типа – с гладкой поверхностью. Антропоморфные изображения предположительно украшали торцы саркофага, а геометрические (и растительные?) – продольные стенки (Ромашко, Скорый. 2009. С. 47–55).

В *Гаймановой Могиле* остатки деревянного саркофага отмечены в одной из ниш (южной) Северной могилы. На полу этой ниши сохранились деревянный тлен со следами голубой и красной краски и

остатки алебастрового декора (Бідзіля. 1971. С. 46), к сожалению, совершенно утратившего первоначальный вид.

В кургане *Толстая Могила* в боковой гробнице отмечены остатки саркофага, в котором похоронили ребёнка. В этом случае деревянные детали дополнял алебастровый декор. Сохранился выразительный бордюр, расположенный, очевидно, по всему периметру саркофага, и, как будто, иные остатки алебастрового декора, отмеченные на дне могилы и над погребенным (Мозолевский. 1979. С. 110).

В центральной могиле кургане *9 у с. Марьевка* остатки саркофага обнаружены вдоль южной стенки одного из дромосов (№ 1) и в центре камеры. Дерево почти полностью истлело, но рисунок отчётливо сохранился на полу. В камере зафиксирован яркий овал голубовато-зелёного цвета, окружённый ярко-синим узором. В дромосе сохранились остатки крышки саркофага, покрытой красочной росписью, расположенной тремя горизонтальными ярусами, разделёнными орнаментальными поясами. Каждый ярус представлял один из эпизодов батальной сцены – амазономахии (Бунятян, Фіалко. 2009. С. 55–69; Fialko. 2010. С. 215–226). Роспись выполнена с использованием белой, кремовой, голубой, синей, розоватой, ярко-красной, коричнево-бордовый, чёрной красок.

В кургане *Чертомлык* остатки деревянного саркофага (одного или двух?) зафиксированы в двух местах. В центре пола Центральной гробницы отмечены отпечатки дерева с красной и голубой красками (Забелин. 1865–1867. С. 83). Под стенкой камеры 4 (северо-западной) этой же гробницы зафиксирован деревянный тлен от саркофага со следами полихромной росписи – отмечены голубая, синяя, зелёная и жёлтая краски (Строганов. 1864. С. V; Забелин. 1865–1867. С. 86–87; Алексеев, Мурзин, Ролле. 1991. С. 62). Сведений о характере и расположении росписи не сохранилось.

В *Мелитопольском кургане*, в камере Северной катакомбы (№ 1) знатная скифянка лежала в большом деревянном гробу, от которого сохранились часть боковых рам и планки от перекрещивающихся переплёттов (Тереножкин. 1955. С. 25). В этом случае не отмечено следов декора. Однако здесь описан сплошной деревянный «настил» (в отличие от решетчатого настила служанки) (Тереножкин, Мозолевский. 1988. С. 31–33, 27) с боковыми рамами. Возможно, этот саркофаг украшала деревянная резьба, истлевшая вместе с основой.

В кургане *Вишневая Могила* на полу во входной яме № 2, дромосе и камере отмечены отпечатки деревянных досок разного размера с полихромной росписью, с использованием белой, красной, розовой и синей красок (Отрощенко, Бессонова, Болтрик. 1976. С. 80–81). Причисление этих фрагментов к остаткам саркофага не бесспорно. Ограбленность комплекса и обстоятельства находки частей расписного

саркофага в кургане 9 у с. Марьевка не исключают такой интерпретации. Однако, судя по количеству расписных деталей и их локализации, можно предположить, что в этой могиле могли быть и детали разобранной повозки, и деревянный саркофаг. К последнему могут быть отнесены, прежде всего, три небольших фрагмента лежавших поперёк тонких дощечек со следами росписи. На одном из них угадывается красный квадрат с тёмной окантовкой из прямоугольников с синими лепестками в ёлочку. Эти «дощечки» вполне могли быть обломками филеночной части стенки саркофага.

Приведённый выше перечень памятников демонстрирует степень эллинизации скифской аристократической верхушки. В роскошных импортных саркофагах погребали царей и номархов, членов их семей, и, очевидно, вельмож второго (по Ю. В. Болтрику) социального уровня (Болтрик. 1998. С. 76–80; 2001. С. 78–80; 2004. С. 85–91).

С учётом стиля и характера орнаментации, деревянные саркофаги из скифских могил условно делятся на три типа:

1) с орнаментальными фризами из вырезанных по контуру костяных фигурных пластин, составлявших сложные сюжетные и декоративные композиции;

2) с комбинированным декором, включавшим деревянную (а возможно и костяную) резьбу и алебастровые украшения, возможно, лакированные золотом;

3) с полихромной росписью.

К числу наиболее ранних относится саркофаг из кургана Блинец-2, дата которого определяется исследователями концом V в. до н.э. (Ромашко, Скорый. 2009. С. 61). Среди наиболее поздних – саркофаги из кургана Ташенак (конец IV в. до н.э.; Болтрик. 1990. С. 7) и кургана 9 у с. Марьевка (рубеж IV–III – начало III в. до н.э.; Буянтян, Фіалко. 2009. С. 67). Остальные происходят преимущественно из курганов второй половины IV в. до н.э.

Из сказанного выше следует, что скифы предпочитали погребать своих усопших в деревянных саркофагах, декорированных разнообразными костяными узорами. Этот тип саркофагов присутствует в могилах номадов с конца V до конца IV в. до н.э. Саркофаги с комбинированным декором известны в курганах третьей четверти IV в. до н.э. Расписные саркофаги с использованием полихромии появляются в скифских могилах в конце IV – начале III в. до н.э.

Таким образом, приведённые выше сведения демонстрируют, что в IV в. до н.э. связи скифского и греческого населения (особенно Боспора) усиливаются настолько, что некоторые черты собственно скифского погребального обряда отступают на задний план, уступая место чужеродным элементам.

О скифской клятве в *Лис.*, *Тох.*, 38

Предметом настоящего доклада будет анализ сообщения Лукиана Самосатского (II в. н.э.) о скифской клятве в диалоге «Токсарис или Дружба» (*Toxaris vel amicitia*). Имя скифского героя, собеседника Мнесиппа, очевидно, неиранское: *Τόξαρης* – производное от греч. *τόξα* (мн. ч. от *τόξον* «лук») – «лук и стрелы» (Liddell, Scott. 1996. P. 1805; ср. *τοξάρχος* «лучник (персидский)» (Ibid.). К этой же корневой основе близки имена амазонок Токсарис, Токсис и Токсафила (Скржинская. 1998. С. 219), и оно хорошо подходило для стереотипной характеристики номада в глазах эллинской публики. Вместе с тем, отображенные в самом сочинении данные о скифском обществе уже давно обратили на себя внимание специалистов (см.: Грантовский. 1981. С. 69, 76 [анализ терминов для обозначения понятий «родства»]; Писаренко. 2004. С. 68–77 [анализ термина *ζῆτις*]; Иванчик. 2004. С. 88 [анализ имени *Κοράκο*]). Крайне важно и то, что для создания своего описания Скифии (позднеэллинистического времени), Лукиан использовал достоверные и независимые от Геродота источники (Ростовцев. 1925. С. 106–108; Лелеков, Раевский. 1979. С. 75; Бессонова. 1984. С. 4; Шауб. 2007. С. 134).

«Токсарис. ... Впрочем, сначала я поклянусь тебе нашей клятвой, т. к. я условился об этом вначале. Итак, клянусь Ветром и Мечом, что не скажу тебе, Мнесипп, ничего ложного о скифских друзьях¹⁵⁵.

Мнесипп. В твоей клятве я не очень нуждался; впрочем, ты хорошо сделал, что не поклялся ни одним из богов¹⁵⁶.

¹⁵⁵ Перевод Д. Н. Сергеевского имеет отличия: «Однако я раньше поклянусь: по нашему обычаю, как мы в начале условились. Клянусь Ветром и Акинаком, скифским Мечом, я ничего тебе не поведаю, Мнесипп, ложного о скифских друзьях» (Лукиан. 2001. С. 204).

¹⁵⁶ Высмеивание характерных черт варварских религий, что мы видим здесь и далее у Лукиана, вполне соответствует духу римских произведений, в особенности, эпохи Империи. Особенно это заметно на примере египетских культов животных (*Cicero. Tusc. V. 78; Dio Cas. L. 24. 6; Plin. NH. II. 5; Juven. XV*), что отнюдь не характерно для более ранней греческой литературой традиции (Зелінський. 2010. С. 270–273). Не в последнюю очередь это явление может быть связано с многочисленными декретами римских властей, направленных как против различных культов (Великой Матери, Исида, Христианства) в самом Риме (59, 58, 53, 48 гг. до н.э.), так и в провинциях (напр., действия декретов римского перфекта Египта Эмилиуса Сатурнинуса времени Септимуса Севера 199 г. н.э. или Константина 359 г. н.э. против «инорелигиозных» оракулов) (Ritner. 1992. P. 195–196).

Токсарис. Что ты говоришь? Разве Ветер и Меч, по-твоему, не боги? Стало быть, ты не знаешь, что для людей нет ничего выше жизни и смерти? Поэтому, когда мы клянемся Ветром и Мечом, то клянемся именно потому, что Ветер есть виновник жизни, а Меч причиняет смерть».

(Лис. Тох. 38; перевод П. И. Прозорова; по: Латышев. 1948. С. 308).

В скифской клятве, вложенной в уста Токсариса, фигурируют «Ветер» (Ἄνεμος) и «Меч» (Ἀκίνακης), в связи с чем возникают два вопроса. Во-первых, говорит ли скиф об одном или двух божествах? Во-вторых, возможна ли персонификация этого божества или этих божеств? Часть исследователей полагает, что под Ἄνεμος и Ἀκίνακης подразумеваются два различных бога (напр.: Ставицкий, Яценко. 2002. С. 44), на что может указывать и само пояснение Токсариса. Однако, в пользу понимания Ἄνεμος и Ἀκίνακης как характеристики одного божества говорит само сакрализованное отношение к клятве в древних и традиционных обществах. В этой связи невозможно не вспомнить ту ключевую роль, которую играют обет и клятва, а также мотив их нарушения в скандинавской мифо-эпической традиции (см. напр.: Лебедев. 2005. С. 338 и сл.; Гуревич. 2008. С. 16). Святость клятв состоит в том, что «они даются и заключаются перед богами. Это придает им безусловную действенность и непреложную обязательность. Боги нужны для контроля их соблюдения. Поэтому, когда боги, в случае несоблюдения клятвы или договора, вершат наказание, они вмешиваются в человеческие дела именно там, где люди недвусмысленно призывали их ко вмешательству» (Ассман. 2004. С. 274). При заключении межгосударственных (или межкультурных) договоров, «скреплявшихся» богами двух разных народов, крайне важным было соблюдение принципа *талиона*, подразумевавшего их равнозначность, чему примером может служить знаменитый мирный договор между Рамсесом II и Хаттусилисом I 1280 г. до н.э., закрепленный царскими клятвами тысячей богов и богинь Египта и тысячей богов и богинь Хеттского царства (Петровский. 2002. С. 86). В этом ракурсе совершенно понятным является требование Токсариса к Мнесиппу принести клятву говорить правду, после которой он уже не сможет ему «не доверять», именем божества. Мнесипп находит наиболее подходящей для Токсариса клятву Зевсом Филием. Ζεὺς ὁ Φίλιος – «Зевс отчий / отец / отеческий» – покровитель дружеских союзов (*Plat. Phaedr.* 234 e), следивший за соблюдением клятв (*Paus.* V. 24. 9). Культ этой ипостаси имел широкое распространение в Афинах, где по замыслу Лукиана и происходил диалог Мнесиппа и Токсариса, но известны посвящения Зевсу Филию и на Боспоре (Болтунова. 1977. С. 176–183; Сапрыкин. 2009. С. 39 и сл.), т. е., возможно, он мог быть известен и кочевникам.

Токсарис отвечает, что когда придёт его очередь говорить, он поклянется своим «отеческим (богом)» (ἐπιχώραιον – прил. муж. р. ед. числа) (*Luc. Tox.* 11), и далее, подобно Мнесиппу, произносит клятву именем одного бога, но, как и у эллина, оно двухсоставное. В остальных случаях упоминаний культа меча или клятвы мечём у Лукиана (*Luc. Scyth.* 3; *Zeus. trag.* 42) и других авторов подобных ситуаций нет, чем, вероятно, и может объясняться отсутствие дополнительной номинации.

Присутствие в клятве Меча указывает, что клятва произносится именем скифского воинского божества, чье подлинное имя неизвестно, но уже у Геродота оно названо греческим эквивалентом Арес (Ἄρης) (*Herod. Hist.* IV. 62). Причины, по которым ни Геродот, ни более поздние авторы, не называют имени скифского бога войны, могут быть следующими: табуированность имени (Мачинский. 1980. С. 148); искусственное слияние культа меча (как культа Гойтосира), с именем Ареса (Алексеев. 1980. С. 45); значительное функциональное совпадение между образами скифского бога войны и Ареса (Бессонова. 1983. С. 46); именем или частью имени-эпитета бога и есть Ἀκινάκης (Ельницкий. 1960. С. 52; Дарчиев. 2008. С. 163, Прим. 24); отсутствие имени и антропоморфного воплощения у скифского божества войны вообще, имевшего чисто фетишистский культ, как Меча (Артамонов. 1961. С. 77; Шауб. 2007. С. 135). Отметим, что Токсарис, исходя из данных Лукиана (*Luc., Scyth.* 1), не принадлежал к высшему «царскому» роду, но к «сословию» свободных полноправных воинов (Грантовский. 1981. С. 69), а наиболее почитаемым в их среде должно было быть именно воинское божество, в отличие от «царских» скифов, которые приносят «священную клятву» царскими Гестиями (*Herod. Hist.* IV. 68). Вместе с тем, Приск Панийский сообщает, что скифские цари почитали «Аресов меч», как символ верховной власти (*Prisc. Pan.* IV. 10). Лукиан даёт описание обычая, сопровождавшего клятву дружбы между воинами-скифами, где также фигурирует меч: надрезав пальцы, скифы собирают кровь в чашу и, омочив в ней концы своих мечей, вместе выпивают смешанную кровь (*Luc. Tox.* 37). Подобный обычай приводит и Геродот, но в нём, помимо меча, в вино с кровью погружают также стрелы, секиру и копьё (*Herod. Hist.* IV. 70). Обращает внимание, что античные письменные источники неоднократно упоминают, что скифы обладают только двумя личными предметами – это меч и чаша – в то время как их остальное имущество, а также жены и дети, находятся в коллективной собственности.

Если упоминания о культе меча у скифов и других ираноязычных кочевников, отобразились в произведениях античных авторов (*Herod. Hist.* IV. 62; *Pomp. Mela.* II. 15; *Clim. Alex. Log. Protr.* IV. 46; V. 64; *Arnob. Adv. Nat.* IV. 11; *Amm. Marc.* XXXI. 2. 23; *Prisc. Pan.*

IV. 10; *Jord. Get.* 35) и существуют археологические подтверждения такого культа (Болтрик. 1978. С. 61–62; Бессонова. 1984. С. 10; Шауб. 2007. С. 137), то о поклонении скифов ветру, как заметил уже В. В. Латышев (1948. С. 307. Прим. 6), достоверно ничего не известно. В. В. Латышев связывает это упоминание с фракийским почитанием Ветра (это находит себе определённое обоснование в том, что в других сочинениях Лукиана в связке с Мечем названо фракийское божество Замолксис (*Luc. Scyth.* 3; *Zeus. trag.* 42), а также с греческими хтоническими культами ветров и жертвоприношениями Анемону, как жизненному дыханию (Латышев. 1948. С. 308. Прим. 5). Также и М. И. Ростовцев полагает, что упоминание ветра – изобретение Лукиана (Ростовцев. 1925. С. 106–107). Вместе с тем, наличие в индийском и иранском пантеонах сразу нескольких значимых божеств, воплощавших ветер, даёт основания полагать, что за словами Токсариса скрываются реальные представления.

Номинация скифского воинского божества, как Ветра (Ἄνεμος), способна уточнить его персонификацию на основе иранских аналогий. В историографии на этот счёт сложилось несколько гипотез. Ж. Дюмезиль, Л. С. Клейн и А. В. Дарчиев сближают скифского Ареса с индийским Индрой (с которым был тесно связан бог ветра Ваю) (Дюмезиль. 1990. С. 14; Клейн. 1987. С. 69–71; Дарчиев. 2008). Л. А. Ельницкий и А. Ю. Алексеев связывают скифского Ареса с иранским богом ветра Вайу (*Vāyū*) (Ельницкий. 1977. С. 175; Алексеев. 1980). Л. А. Лелеков и Е. Е. Кузьмина персонифицируют его как иранского бога войны и победы Веретрагну (*Vərəθraγna*) (при этом, первый относит культ меча к «центральноевропейской мифологической изоглоссе») (Лелеков. 1979. С. 185; Кузьмина. 2002. С. 17 и сл.). Наиболее детальную разработку образа скифского Ареса, как божества грозы, бури, молнии и ветра предложил А. Ю. Алексеев (1980). Исследователь считает вполне допустимым усматривать в скифском боге войны совмещение нескольких образов иранского и индийского круга: Веретрагны, Вайи и Ваты, а также Индры, Ваю и Рудры (Там же. С. 43–44). Одним из главных элементов упомянутых божеств ветра, сближающих их с описанием Лукиана, называется их амбивалентность: совмещение как «благих», так и «разрушительных» качеств. Однако, наделение подобными качествами, например, Вайу (ср.: Мейтарчиян. 2001. С. 207), которому специально посвящен *Yiut* 15, – довольно позднее наслоение Сасанидского времени (Дрезден. 1977. С. 354). Но именно Вайу, по мнению А. Ю. Алексеева, наиболее соответствует скифскому Аресу, который прямо сопоставляется с Гойтосиром, имя которого, по этимологии В. И. Абаева, связывается с Вайу. В. И. Абаев предлагает считать написание *Οἰόβυρος* у Геродота (IV, 59) ошибочным вместо *Οἰύβυρος*, которое он трактует как *Vayuka-sūra* – «Могучий Вайу» (Абаев. 1962.

С. 450; 1965. С. 111–115). Имя Οἰτόσυρος действительно передано неточно – корректней Γοῖτόσυρος (Тохтасьев. 2005. С. 102 [6]). Видимо, более приемлемой будет этимология М. Фасмера как *Gaeto-sūra* – «Добром (/скотом) богатый», сближающая Гойтосира с иранским Митрой (Бессонова. 1983. С. 43). Функционально иранские и индийские божества ветра (в частности, Вайу / Ваю и Вата) были отнюдь не тождественны и их механическое соединение в единый мифологический образ недопустимо (Топоров. 1992. С. 219). Отождествление же скифского Ареса с Гойтосиром ставит под сомнение саму структуру скифского «семибожного» пантеона, последним в котором, по Геродоту, является Арес (*Herod. Hist. IV. 59*). Вместе с тем интересно отметить наблюдение С. С. Бессоновой, что в порядке перечисления богов Геродот передает некий ритуальный «литургический текст» (Бессонова. 1984. С. 15) и весьма показательно, что в перечислении семи бессмертных Язат в одном из пехлевийских зороастрийских текстов (рукопись Paris, Bibl. Nat., Supplément Persian 2045) последним назван именно Вахрам (*Vahrām*), т. е. Веретрагна (*de Menasce. 1947. P. 9–16*; Лелеков. 1979. С. 176; Бессонова. 1984. С. 16).

Звенном, связывающим образы скифского Ареса и иранского Веретрагны выступает герой осетинского нартовского эпоса Батраз. С одной стороны, уже Ж. Дюмезиль обратил внимание на явное сходство между Батразом и скифским Аресом (Дюмезиль. 1976. С. 58–64; 1990. С. 14–38), а с другой, само имя Батраза, как доказывает Л. Г. Герценберг, этимологически восходит к имени Веретрагны (Герценберг. 1970. С. 37–38; ср.: Клейн. 1987. С. 70). Если меч, как воплощение Батраза, уже неоднократно привлекал к себе внимание специалистов, то следует вспомнить и о тесной связи Батраза с ветром: он мог превращаться себя в ветер и создавать (напр., кашлем) разрушительные ветра (ураганы), его победа над врагом создавала редкие атмосферные явления, его смерть вызывает бурю и т. п. (Шанаев. 1876. С. 251, 253, 249; Дюмезиль. 1976. С. 60–61, 257). Напомним, что поклонение мечу античные авторы отмечали у савроматов (*Clim. Alex. Log. Protr. V. 64*) и алан (*Amm. Marc. XXXI. 2. 23*), предков осетин. Характерно и то, что при описании скифского ритуала человеческих жертвоприношений в честь Ареса, отрубленные до плеча правые руки убитых бросали в воздух, после чего к ним уже не прикасались (*Herod. Hist. 62*), – посвящение этой жертвы воздушной стихии несомненно (Алексеев. 1980. С. 43; Бессонова. 1984. С. 7). Т. А. Прохорова небезосновательно сопоставляет этот ритуал с индоевропейским мифом о победе грозового божества над змеем, в частности, Индры над Вритрой (Прохорова. 1998. С. 20–24). Это не противоречит сопоставлению скифского Ареса с Веретрагной. Само имя *Vərəθraγna* восходит к эпитету Индры «В(и)ртрахан» – «Поражающий Вритру» (Benveniste, Renou. 1934; Дрезден. 1977.

С. 352–353), но если в самом Иране Веретрагна полностью утратил змееборческие функции (Дрезден. 1977. С. 353; Крюкова. 2005. С. 83), то можно предположить их сохранение в скифской среде (ср.: Клейн. 1987. С. 70–71), в особенности, с учётом явной близости мифологических образов осетинского Батраза и Индры (Дюмезиль. 1976. С. 65, 253–257; Клейн. 1987. С. 70; Дарчиев. 2006. С. 201–223; 2008. С. 226–250).

В *Яште* 14 посвящённом Веретрагне, приведены десять его инкарнаций. Первой из них выступает ветер (*vāta*)¹⁵⁷, а последней – воин с коротким мечем (остальные его облики: бык, конь, верблюд, вепрь, пятнадцатилетний юноша, птица-*vāra*(/ə)ṇna, баран и козел):

ahmāi paoiryō ājasaṣ vazəmnō-vərəθraṇnō ahuraδātō vātahe kəhrpa darəšōiš srīrahe mazdaδātahe vohu x'arənō mazdaδātəm baraṣ x'arənō mazdaδātəm baēšazəm uta amətča (Davoud. 1999. P. 403) – «Этому (Заратуштре) впервые явился стремительный Веретрагна, созданный Ахурой, в облике (букв. «в теле») сильного Ветра (Ваты), красивого, Маздой сотворенного, хорошее Хварно¹⁵⁸, созданное Маздой неся, Хварно, Маздой сотворенное, Исцеление и Могушество» (*Яшт* 14. 2).

ahmāi dasəmō ājasaṣ vazəmnō-vərəθraṇnō ahuraδātō vīrahe kəhrpa raēvatō srīrahe mazdaδātahe baraṣ karətəm zarənyō-saorəm frapixštəm vīspō-raēsaṇhem avəθa ājasaṣ vohu x'arənō mazdaδātəm baraṣ x'arənō mazdaδātəm (Davoud. 1999. P. 409) – «Этому (Заратуштре) (в) десятый раз явился стремительный Веретрагна, созданный Ахурой, в облике могучего Мужа, неся (короткий) меч с золотой рукоятью, (который) весь разукрашен роскошно, так явился, хорошее Хварно, созданное Маздой неся, Хварно, Маздой сотворенное» (*Яшт* 14. 27).

Таким образом, можно предположить, что воинским божеством, которым клянется Токсарис в сочинении Лукиана, чьими «обличиями» названы Ἄνεμος и Ἀκινάκης, и есть скифский Арес-Веретрагна, что хорошо соотносится с приведёнными иранскими представлениями о сущностях этого бога (характерно, что и греческий Арес, возможно, первоначально имел функции бога ветра и бури (Бессонова. 1984. С. 5); в традиции сопоставления иранских и греческих богов эллинистического и римского времени с Веретрагнай обычно ассоциировались Геракл и Арес (Кузьмина. 2002. С. 34. Прим. 39), а в

¹⁵⁷ Вата (*Vāta*) также божество ветра. У древних иранцев Вата – это бог дующего ветра, приносящего дождевые тучи, а в Ригведе – бог ураганного, губительного ветра (Мейтарчиян. 2001. С. 207). В отличие от Ваю, Вата менее персонифицирован и не связан с Индрой, – он ассоциируется с Парджаньей, богом грозовой тучи и дождя (Ригведа. 1989. С. 751 (IV, 46)).

¹⁵⁸ Тесная связь образа Веретрагны как Ветра-Ваты с *фарном* вызывает ассоциации с сарматским божеством *Оуатофарно*, известным по посвячительной надписи на золотом амулете, найденном на Кубани (Миллер. 1891. С. 129–134; Алексеев. 1980. С. 44).

иранской астрологии Сасанидского периода Веретрагна воплощал планету Марс (Чунакова. 2004. С. 61). На возможность отображения в скифском искусстве других зооморфных воплощений Веретрагны (бык, вепрь, конь, верблюд, фантастический грифобаран) уже указывали специалисты (Болтрик. 1998. С. 80–82; Кузьмина. 2002. С. 17–18, 28–29; Королькова. 2006. С. 85; Дарчиев. 2008. С. 143–161, 203–215; Гуляев. 2010. С. 225). Не исключена возможность существования и антропоморфных воплощений Ареса в скифском искусстве, например, в изображении орнитоморфного божества на золотой пластине горита из Соболевой Могилы. Геродот упоминает, что для изготовления колчанов скифы использовали кожу с правой руки убитого врага (*Herod. Hist. IV. 63*), т. е. именно той, которую они жертвовали Аресу во время его ритуалов. Кроме того, нельзя не обратить внимание на то, что в Иране Веретрагна был одним из наиболее популярных божеств и ему было посвящено наибольшее количество зороастрийских храмов (Крюкова. 2005. С. 83–84), что сопоставимо с данными Геродота (*Herod. Hist. IV. 62*) о существовании святилищ Ареса во всех областях Скифии.

Литература

- Абаев. 1962 – *Абаев В. И.* Культ «семи богов» у скифов // *Древний мир*. М., 1962.
- Абаев. 1965 – *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- Алексеев. 1980 – *Алексеев А. Ю.* О скифском Аресе // АСГЭ. 1980. Вып. 21.
- Артамонов. 1961 – *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. Вып. 2.
- Ассман. 2004 – *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М., 2004.
- Бессонова. 1983 – *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. К., 1983.
- Бессонова. 1984 – *Бессонова С. С.* О культе оружия у скифов // *Вооружение скифов и сарматов*. К., 1984.
- Болтрик. 1978 – *Болтрик Ю. В.* Святилище Арея в урочище Носаки // *Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг.*: Тез. докл. XVII конф. ИА УССР. Ужгород, апрель 1978 г. Ужгород, 1978.
- Болтрик. 1998 – *Болтрик Ю. В.* Вепрь – один из символов скифского Ареса // *Скифы, Хазары, Славяне, Древняя Русь: Междунар. конф., посвящённая 100-летию со дня рождения проф. М. И. Артамонова*. Санкт-Петербург, 9–12 декабря 1998 г. Тез. докл. СПб., 1998.
- Болтунова. 1977 – *Болтунова А. И.* Зевс Отчий и Зевс Спаситель // ВДИ. 1977. № 1.
- Герценберг. 1970 – *Герценберг Л. Г.* Xämicî-Fugd // *Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания*. М., 1970.
- Грантовский. 1981 – *Грантовский Э. А.* О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // *Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура)*. М., 1981.

- Гуляев. 2010 – *Гуляев В. И.* На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М., 2010.
- Гуревич. 2008 – *Гуревич А.* Средневековый героический эпос германских народов // Старшая Эдда. СПб., 2008.
- Дарчиев. 2006 – *Дарчиев А. В.* Детство героев: Индра и Батраз // Б. А. Калоев и проблемы современного кавказоведения. Владикавказ, 2006.
- Дарчиев. 2005 – *Дарчиев А. В.* Скифский военный культ и его следы в осетинской нар-тнаде. Владикавказ, 2008.
- Дрезден. 1977 – *Дрезден М.* Мифология древнего Ирана // Мифологии древнего мира. М., 1977.
- Дюмезиль. 1976 – *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология / Пер. с фр. М., 1976.
- Дюмезиль. 1990 – *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты / Пер. с фр. М., 1990.
- Ельницкий. 1960 – *Ельницкий Л. А.* Из истории древнескифских культов // СА. 1960. № 4.
- Ельницкий. 1977 – *Ельницкий Л. А.* Скифия Евразийских степей: Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977.
- Зелінський. 2010 – *Зелінський А. Л.* Александрійські фараони та їх піддані. Зміщення влади перших Птоломеїв. К., 2010.
- Иванчик. 2004 – *Иванчик А. И.* Фрагмент скифского эпоса: «Жолаксаев конь» в «Парфении» Алкмана // ВДИ. 2004. № 2.
- Клейн. 1987 – *Клейн Л. С.* Индоарии и скифский мир: общие истоки идеологии // НАА. 1987. № 5.
- Королькова. 2006 – *Королькова Е. Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен нижнего Поволжья и южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб., 2006.
- Крюкова. 2005 – *Крюкова В. Ю.* Зороастризм. СПб., 2005.
- Кузьмина. 2002 – *Кузьмина Е. Е.* Мифология и искусство скифов и бактрийцев: (культурологические очерки). М., 2002.
- Латышев. 1948 – *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 1.
- Лебедев. 2005 – *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
- Лелеков. 1979 – *Лелеков Л. А.* Ранние формы иранского эпоса // НАА. 1979. № 3.
- Лелеков, Раевский. 1979 – *Лелеков Л. А., Раевский Д. С.* Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и историческая информативность // НАА. 1979. № 6.
- Лукиан. 2001 – *Лукиан Самосатский.* Сочинения / Под общ. ред. А. И. Зайцева. СПб., 2001. Т. I.
- Мачинский. 1978 – *Мачинский Д. А.* Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
- Мейтарчян. 2001 – *Мейтарчян М.* Погребальные обряды зороастрийцев. М.; СПб., 2001.
- Петровский. 2002 – *Петровский Н. С.* Мирный договор между Рамсесом II и хеттским царем Хаттусилисом // История Древнего Востока: Тексты и документы. М., 2002.
- Писаренко. 2004 – *Писаренко Ю. Г.* Договір «зірін» у Лукіана Самосатського // Східний світ. 2004. № 2.

- Прохорова. 1998 – Прохорова Т. А. Обряд отсечения правой руки – специфическая черта культа грозового божества скифов и сарматов // Донские древности. 1998. № 1.
- Ригведа. 1989 – Ригведа. Мандалы I–IV / Пер. Т. Я. Елизаренковой. М., 1989.
- Ростовцев. 1925 – Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Сапрыкин. 2009 – Сапрыкин С. Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула, 2009.
- Скржинская. 1998 – Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.
- Ставицкий, Яценко. 2002 – Ставицкий Б. Я., Яценко С. А. Искусство и культура древних иранцев. М., 2002.
- Топоров. 1992 – Топоров В. Н. Вата // МНМ. 1992. Т. 1.
- Тохтасьев. 2005 – Тохтасьев С. Р. Проблема скифского языка в современной науке // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iași, 2005.
- Чунакова. 2004 – Чунакова О. М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифических символов. М., 2004.
- Шанаев. 1876 – Шанаев Г. Из осетинских сказаний о нартах // Сборник сведений о кавказских горах. 1876. Вып. 9. Отд. 2.
- Шауб. 2007 – Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э. СПб., 2007.
- Benveniste, Renou. 1934 – Benveniste E., Renou L. Vrtra et Vrtragna. Paris, 1934.
- Davoud 1999 – Davoud P. Introduction to the Yashts / Transl. by D. J. Irani (1928). Teheran, 1999.
- Liddell, Scott. 1996 – Liddell H. G., Scott R. A. Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.
- de Menasce. 1947 – de Menasce P. J. La promotion de Vahrām // Revue de l'histoire des religions. 1947. Т. 133.
- Ritner. 1992 – Ritner R. K. Egyptian Magic: question of legitimacy, religious orthodoxy and social deviance // Studies in Pharaonic Religion and Society in honour of J. G. Griffiths. L., 1992.

А. С. Балахванцев, Е. А. Беглова

Арифарн – царь фатеев или сираков?

Благодаря красочному и подробному рассказу Диодора (*Diod. XX. 22–23*) о развернувшейся в 310/309 г. до н.э. борьбе за власть между сыновьями Перисада I Сатиром II и Евмелом I, этот сюжет является одним из наиболее известных событий в истории Боспора. Однако текст Диодора порождает и ряд проблем, которые всё ещё далеки от своего решения. Одним из наиболее дискутируемых является вопрос о том, царем какого племени был союзник Евмела I Арифарн? Напомним, что в тексте Диодора Арифарн именуется царём фракийцев, что представляет собой явную ошибку переписчика, вызванную, скорее всего, тем, что фракийцы в качестве наёмников Сатира II были упомянуты несколькими строчками выше. Поэтому

было предложено две конъектуры: одни авторы предполагают, что у Диодора был использован этноним фатеи, а другие – сираки (Иванчик. 2010. С. 343–344).

Представляется, что ответ на вопрос о том, царём какого народа был Арифарн, неразрывно связан с определением района, где происходили боевые действия. При решении последней задачи нужно принять в расчёт следующие обстоятельства. Первое: двинувшись в поход против Евмела, Сатир захватил с собой большое количество повозок с продовольствием (*Diod. XX. 22. 3*). Это свидетельствует о том, что армия Сатира шла по безлюдной или малонаселённой местности, где было нельзя достать провиант для 34 тыс. воинов, не считая нестроевых. Второе: в битве на реке Фат, в которой Арифарн должен был задействовать все свои силы, его войско состояло из 20 тыс. конных и 22 тыс. пеших воинов (*Diod. XX. 22. 4*). Такой состав армии, а также наличие в области, подконтрольной Арифарну, большого количества деревень (*Diod. XX. 23. 1*), не позволяет считать его подданных кочевым народом. На это можно было бы, конечно, возразить, что кочевой образ жизни скифов не помешал им послать на помощь Сатиру войско, в котором пехота и конница соотносились друг с другом в пропорции 2 : 1. Однако данное обстоятельство не может опровергнуть наш вывод. Дело в том, что для скифского царя Агара война на Азиатском Боспоре значила несравнимо меньше, чем для Арифарна, поэтому первый, в отличие от второго, не имел оснований для проведения всеобщей мобилизации. Кроме того, переправа конницы через пролив была делом значительно более сложным, чем переброска пехоты. Этим, на наш взгляд, и объясняется тот факт, что среди скифских союзников Сатира пехота численно преобладала над конницей. Третье: расположенная на реке Фат резиденция Арифарна была окружена высокими горами и густым лесом (*Diod. XX. 23. 1*). Причём это был именно лес, а не «низкорослый кустарник и другая болотная [? – А. Б., Е. Б.] растительность» (Виноградов. 2003. С. 80). Это неопровержимо доказывает замечанием Диодора, согласно которому в процессе продвижения к цитадели воины Сатира «из-за лесной чащи не могли ни разглядеть метательные снаряды, ни дать отпор метателям» (*Diod. XX. 23. 4*).

Из всего сказанного выше следует, что область Арифарна находилась на довольно значительном расстоянии от Боспора и была отделена от него полосой незаселённой или малонаселённой территории в несколько дней пути. Вместе с тем то обстоятельство, что в жаркое время года тело убитого Сатира смогли по реке доставить в Пантикапей для погребения (*Diod. XX. 23. 8*), не позволяет отнести район боевых действий слишком далеко на восток. Область Арифарна не может быть локализована на равнинах Прикубанья, а царский

замок явно располагался в предгорьях Большого Кавказа, на одном из левых притоков Кубани – реке Фат. Однако для того, чтобы уточнить границы этой области и сузить список претендентов на роль её обитателей необходимо обратиться к анализу археологических данных.

Археологические разведки, проводившиеся в Закубанье с 1950-х гг., выявили некую «мёртвую зону», тянущуюся по границе предгорий от Крымска до р. Псекупс, очень слабо насыщенную памятниками меотской культуры. По мнению И. С. Каменецкого, проводившего разведки в этих районах в 1995 г., в V–IV вв. до н.э. примерно на 70–100 км на восток от границ Азиатского Боспора простиралась зона запустения. Здесь обнаружено менее десятка городищ и поселений, на которых найден материал IV в. до н.э. (Каменецкий. 2001. С. 17. Рис. 1). Пустота этой зоны объясняется прежде всего исторической ситуацией: возникновение Боспорского царства вынудило местные племена покинуть данную территорию и уйти на восток. В районах к востоку от современной станицы Северской количество поселений и городищ IV–III вв. до н.э. резко увеличивается. Археологические разведки последних десятилетий, проведённые Кавказской археологической экспедицией ГМИНВ, выявили в Закубанье восточнее Псекупса не менее 50 памятников интересующего нас периода. При высокой плотности городищ и поселений в Центральном Закубанье количество собранных Арифарном воинов представляется вполне реальным. Эти условия, а также близость предгорий Большого Кавказа, где могла располагаться крепость Арифарна, делают район Центрального Закубанья наиболее вероятным для описываемых событий.

О том, что у меотов было широко распространено коневодство, свидетельствуют многочисленные конские погребения в грунтовых могильниках, а также массовые жертвоприношения лошадей на меотских святилищах (Уль, Уляп). Большое количество погребений безлошадных воинов-копейщиков, исследованных в грунтовых могильниках, подтверждает возможность быстрой мобилизации пешего ополчения. По данным С. П. Кожухова, 70–80 % воинских погребений в меотских могильниках Закубанья принадлежали пешим копейщикам (Кожухов. 1994. С. 15).

Локализовав район действий, мы хотели бы остановиться на возможном присутствии здесь представителей сарматской культуры, основываясь на данных археологии. По наиболее полной сводке И. И. Марченко в памятниках правобережья Кубани выявлено 410 сиракских погребений, датированных со второй половины IV в. до н.э. по начало III в. н.э. Из них на первую хронологическую группу второй половины IV – начала III в. до н.э. приходится 17 комплексов (4,2 %), из которых лишь два имеют обоснованную дату конца IV в. до н.э. (Марченко. 1996. С. 84).

На сегодняшний день на левобережье Кубани нам не известно ни одного (! – *А. Б., Е. Б.*) комплекса сарматской культуры конца IV в. до н.э. Наиболее ранние сарматские подкурганые погребения появляются здесь не ранее конца II в. до н.э.

Таким образом, Арифарн никак не мог быть царём сираков, но мог ли он быть царём фатеев? Ю. М. Десятчиков, не считавший, по всей видимости, фатеев иранским народом, полагал, что у их царя не могло быть иранского имени Арифарн – «(носитель) арийского фарна» (Десятчиков. 1977. С. 46). Однако нет никаких оснований утверждать, что иранские имена могут носить цари только иранских племён. Так, иранские имена были распространены среди представителей царского дома синдов (Иванчик. 2010. С. 344), их носили цари иберов (Балахванцев. 2005. С. 46) и колхов (Балахванцев. 2010. С. 46). Иногда высказывается мнение о том, что союзники Евмела были независимы от Боспора, а их страна воспринималась Сатиром II как вражеская, в то время как фатеи являлись подданными Перисада I (Десятчиков. 1977. С. 47; Молев. 1994. С. 60, прим. 50; Виноградов. 2003. С. 84). Представляется, что упомянутые здесь исследователи грешат чрезмерной доверчивостью по отношению к данным, почерпнутым из царских надписей, и не учитывают присущих этому виду исторических источников особенностей. Между тем царские надписи всех времён и народов стремились вовсе не к адекватному отражению современной им политической ситуации, а – прежде всего – к пропаганде пусть даже и мнимых достижений того или иного правителя. Поэтому упоминание фатеев среди подчинённых Перисаду I народов могло означать лишь обложение их данью или даже один сравнительно удачный поход против них, а отнюдь не действительное включение данного племени в пределы Боспорского царства. О подлинных границах Боспора в IV–III вв. до н.э. следует судить не по декларативным заявлениям Спартокидов и даже не по находкам кладов боспорских монет (Аптекарев. 1989. С. 63–64) – клад пантикапейских статов обнаружен и в Сванетии (Зограф. 1935. С. 187; Лордкипанидзе и др. 2008. Илл. 6), – а по местам находок царских надписей. Только последние чётко маркируют территории (напр., Синдику), полностью инкорпорированные в состав Боспорского царства. К тому же временное признание фатеями верховной власти Боспора вполне могло сочетаться с сохранением у них собственной царской власти. Следовательно, нет никаких оснований отрицать возможность восстановления в тексте Диодора имени фатеев. Если же учесть, что описываемые им события разворачивались на берегах реки Фат, то такое восстановление выглядит наиболее вероятным.

Литература

- Аптекарев. 1989 – *Аптекарев А. З.* К вопросу о восточной границе Боспорского царства во второй половине IV – первой половине III в. до н.э. // Первая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 1989.
- Балахванцев. 2005 – *Балахванцев А. С.* Царь Флавий Дад // НЭ. 2005. Т. XVII.
- Балахванцев. 2010 – *Балахванцев А. С.* Колхида во второй половине VII в. до н.э. // Грузинская археология на рубеже веков: итоги и перспективы. Материалы международного науч. конф., посвящённой 80-летию со дня рождения О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 2010.
- Виноградов. 2003 – *Виноградов Ю. А.* Усобица сыновей боспорского царя Перисада I // МИАК. 2003. Вып. 3.
- Десятчиков 1977 – *Десятчиков Ю. М.* Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977.
- Зограф. 1935 – *Зограф А. Н.* Античные золотые монеты Кавказа // ИГАИМК. 1935. Вып. 110.
- Иванчик. 2010 – *Иванчик А. И.* Античная литературная традиция // Античное наследие Кубани. М., 2010.
- Каменецкий. 2001 – *Каменецкий И. С.* У границ Азиатского Боспора // МИАК. 2001. Вып. 1.
- Кожухов. 1994 – *Кожухов С. П.* Вооружение и конское снаряжение у племён Закубанья меото-сарматского времени (III в. до н.э. – III в. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- Лордкипанидзе и др. 2008 – *Лордкипанидзе Г., Квициани З., Герадзе Г.* Сванетия – грузинский монетный двор античной эпохи. Тбилиси, 2008.
- Марченко. 1996 – *Марченко И. И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996.
- Молев. 1994 – *Молев Е. А.* Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.

Е. А. Попова

**Поздние скифы и Боспор:
к вопросу об истоках позднескифской культуры**

Одна из проблем, связанных с позднескифской культурой – проблема её истоков. В современной археологической литературе до сих пор бытует точка зрения, ставшая общепринятой, о непосредственной преемственности носителей т. н. позднескифской культуры от культуры скифов-кочевников, переселившихся на территорию Крыма из Приднепровья после оседания их на землю в III в. до н.э. (Шульц. 1971). Однако археологические материалы приходят в противоречие с этой концепцией. В своё время автором предлагаемого сообщения в гипотетической форме было высказано предположение о возможности появления нового населения на городище «Чайка» в Евпатории во второй половине II в. до н.э. с Боспора (Попова. 1998).

Чтобы продолжить поиски истоков позднескифской культуры, следует строго очертить территориальные и хронологические рамки, в пределах которых можно попытаться прояснить ситуацию и предложить вариант решения. Речь будет идти только о памятниках позднескифской культуры Северо-Западного Крыма II в. до н.э. – первой половины I в. н.э. Выбор именно этого хронологического отрезка обусловлен значительным количеством археологических материалов, а также письменных и эпиграфических источников. Городище «Чайка» занимает первое место по исследованности среди памятников этого региона.

Наиболее обширным свидетельством, относящимся к этому времени, является глава Страбона о Малой Скифии (*Strabo*. VII. IV, 3), где говорится о подчинении Херсонеса Боспору с конца II в. до н.э., а верхняя хронологическая граница обозначена словами «и до настоящего времени» и может быть датирована первой четвертью I в. н.э. (Грацианская. 1988. С. 32–33). А. Н. Щеглов предположил, что «власть боспорских царей, под опекой которых находился Херсонес в I в. до н.э. – первой половине I в. н.э., распространилась и на Северо-Западный Крым» (Щеглов. 1978. С. 134). Это подтверждается археологическими материалами, демонстрирующими смену греческих херсонесских поселений позднескифскими.

Встаёт вопрос: позволил бы Боспор поздним скифам занять подчинённую ему территорию, если бы они были враждебным ему образованием? Это вводит нас в область проблемы взаимоотношений скифов с боспорским государством. Традиционно принято было считать, что скифы находились во враждебных с ним отношениях, обострившихся именно в III–II вв. до н.э. (Гайдукевич. 1959. С. 276). Однако археологические материалы свидетельствуют о другом: два памятника лапидарной эпиграфики заставляют изменить прежнюю точку зрения практически на противоположную. Это надпись на жертвенном столе из Пантикапея и эпитафия царя Аргота из Неаполя Скифского. Надпись на жертвенном столе дочери царя Скилура, бывшей замужем за знатым боспорцем, а также анализ текстов Страбона и декрета в честь Диофанта позволили Ю. Г. Виноградову сделать предположение о том, что Боспор не был враждебен Скифскому царству, а, напротив, оба царства связывали тесные узы, скрепленные династическими браками (Виноградов. 1987. С. 73). Это предположение получило подтверждение после находки эпитафии Аргота, ставшего мужем боспорской царицы около середины II в. до н.э. (Зайцев. 2000. С. 52–54). Находка на Неаполе Скифском тарелки царицы Гипеппии говорит о долговременности этих связей (Яценко. 1962). О дружественных отношениях Боспора и позднескифского царства писал А. Н. Щеглов (1988. С. 37).

Непосредственная преемственность позднескифской культуры от ранней скифской культуры Приднепровья археологическими материалами не подтверждается. Судя по археологическим материалам, это общество с земледельческой хозяйственной основой, без каких бы то ни было признаков кочевого быта. Тем более что памятников скифской оседлости III в. до н.э. в этом регионе нет. Если искать недостающее звено между кочевыми и оседлыми скифами, то оно прослеживается на Боспоре. Именно там находился очаг прочной оседлости скифского населения в IV–III вв. до н.э. В это время территория здесь покрыта сетью сельскохозяйственных поселений (Кругликова. 1975. С. 80–113). О том, что Восточный Крым был зоной прочной оседлости скифов уже с V в. до н.э. писали И. Т. Кругликова (1963. С. 65) и Э. В. Яковенко (1970. С. 133). Э. В. Яковенко считала, что исследуемые ею могильники и близлежащие поселения оставлены рядовым земледельческим населением «скифской принадлежности» (Там же). К оседлому образу жизни скифы-кочевники Восточного Крыма переходят под влиянием греков-земледельцев (Там же. С. 134). О значительном скифском компоненте среди жителей поселений Боспора свидетельствуют материалы Акташского могильника (Бессонова и др. 1988. С. 103).

В III–II вв. до н.э. на хоре Боспора происходят значительные изменения. Начинают исчезать неукреплённые поселения, а на их месте возникают большие усадьбы (Масленников. 1981. С. 67–68). А. А. Масленников даёт картину экономических изменений на Боспоре в середине III в. до н.э. (Там же. С. 68). Интересно его предположение о мерах, которые предпринимались боспорскими властями для урегулирования возникшей ситуации путем переселения жителей скифских деревень в укрепленные поселки и усадьбы боспорской знати в качестве полусвободных земледельцев и скотоводов (Там же). Однако проблема сокращения земель для массы свободных земледельцев могла решаться и обычным для греков способом – путем переселения на другие, отдаленные территории с целью расширения земледельческого потенциала и предотвращения социальных конфликтов. Это, возможно, и было сделано с помощью Скифского царства, т. к. Херсонесское государство, владевшее хорошими землями на своей дальней хоре, сопротивлялось такому ходу событий. А о том, что Херсонес был подчинен Боспору, мы уже говорили. Археологические материалы свидетельствуют о различных вариантах появления нового населения на греческих городищах. Керкини-тида и Калос-Лимен – опорные пункты Херсонеса в Северо-Западном Крыму, были захвачены военным путем, а такие пункты, как «Чайка», оставлены греками задолго до этого.

На какой политической основе существовали поселения поздних скифов сказать трудно. Принадлежали они Скифскому царству или

непосредственно Боспору? В связи с этим надо обратиться к проблеме наличия государственности у поздних скифов. В своё время К. К. Зельин охарактеризовал Скифское царство в Крыму как типично эллинистическое (Зельин. 1953. С. 149). А. Н. Щеглов развил это положение, считая, что развитие позднескифского государства происходило в формах, присущих эллинистическим государствам и формально-типологические признаки позволяют видеть в нём варварское государство эллинистического типа с крепкой центральной властью и сильно эллинизированной верхушкой, стремившейся к династическим связям с правителями Боспора (Щеглов. 1985. С. 107). Эпитафия царя Аргота позволяет сделать предположение, что уже с первой половины II в. до н.э. существовало политическое объединение Скифии и Боспора (Сидоренко. 2005. С. 68). Раскопки поселений Северо-Западного Крыма и, в частности, городища «Чайка», выявили сильнейшую степень эллинизации всего населения этих поселков, а не только верхушки. Вся культура, как показывают материалы городища «Чайка», очень сильно эллинизирована. «Варварский элемент» прослеживается в иной строительной технике и наличии большого количества лепной керамики в керамическом комплексе. Однако детальное рассмотрение этой категории вещей показывает, что крымская керамика в целом отличается от нижнеднепровской и не может служить подтверждением гипотезы о переселении нижнеднепровских скифов в Крым во II в. до н.э. Материалы лепной керамики Нимфея подтверждают этот тезис и демонстрируют разительное сходство нимфейской посуды с комплексом чайкинской лепной керамики (Гаврилюк, Соколова. 2007). В обоих комплексах значительная часть форм является подражанием греческой гончарной посуде, а также присутствуют формы, характерные для «позднескифского» населения Крымского п-ова.

Домостроительство несет на себе, безусловно, традиции строительства греческих античных поселений, причём исследователи проводят аналогию именно с боспорскими поселениями (Яценко. 1970. С. 38; Колтухов. 1999. С. 61).

Исследования некрополя у пос. Заозерное свидетельствуют о присутствии уже на греческом поселении населения, связанного с погребальными традициями Боспора, т. к. здесь открыты каменные склепы с коллективными захоронениями, аналогичные боспорским. Поздние скифы использовали для своих погребений именно эти сооружения, потому что, видимо, этот обряд был им знаком и привычен.

И ещё один объект, открытый на городище «Чайка», позволяет провести аналогию с боспорскими поселениями. Это зольник – характерная черта боспорских поселений (Масленников. 2007. С. 406). Сходство культовых объектов представляется очень важным моментом. Аналогий с боспорскими памятниками конца II–I в. до н.э. на

«Чайке» набирается немало. В «предместье» открыто культовое помещение, где некоторые вещи аналогичны вещам из Таманского толоса (Попова, Коваленко. 2005. С. 86). Очень напоминает это помещение и святилище на поселении «Полянка», датируемое рубежом II–I вв. до н.э. – второй половиной I в. до н.э. (Масленников. 2006. С. 75). Совершенно аналогичны домашние жертвенники, ямки с захоронениями частей животных, которых довольно много на «Чайке» (Попова. 1990. С. 196–203).

Вся совокупность фактов подводит к выводу, что поздние скифы поселений Северо-Западного Крыма были потомками скифского земледельческого населения, которое давно жило на Боспоре, сохраняя автономию, и было использовано Боспором для заселения херсонесских земель. Это предположение является лишь гипотезой и требует дополнительной проверки. Однако вопрос о пересмотре взглядов на позднескифскую культуру витает в воздухе, и высказанная мысль может рассматриваться как попытка поставить проблему.

Литература

- Бессонова и др. 1988 – *Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. К., 1988.
- Виноградов. 1987 – *Виноградов Ю. Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1.
- Гаврилюк, Соколова. 2007 – *Гаврилюк Н. А., Соколова О. Ю.* Лепная керамика Нимфея // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М.; К.: Запорожье, 2007.
- Гайдукевич. 1959 – *Гайдукевич В. Ф.* Боспор и скифы // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- Зайцев. 2000 – *Зайцев Ю. П.* Аргот – супруг царицы Комосарии (к реконструкции династийной истории Боспора и крымской Скифии) // Таманская старина. Греки и варвары на Киммерийском Боспоре (VII–I вв. до н.э.): Тез. докл. междунар. конф. СПб., 2000.
- Зельин. 1953 – *Зельин К. К.* Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) // ВДИ. 1953. № 4.
- Колтухов. 1999 – *Колтухов С. Г.* Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999.
- Кругликова. 1963 – *Кругликова И. Т.* Исследование сельских поселений Боспора // ВДИ. 1963. № 2.
- Масленников. 1981 – *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981.
- Масленников. 2006 – *Масленников А. А.* Античное святилище на Меотиде. М., 2006.
- Масленников. 2007 – *Масленников А. А.* Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 2007.
- Попова. 1990 – *Попова Е. А.* Позднескифские жертвенники с городища «Чайка» // СА. 1990. № 3.

- Попова. 1998 – *Попова Е. А.* О северо-причерноморском домостроительстве I в. до н.э. – I в.н.э. (по материалам квартала Запад-II городища «Чайка») // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998.
- Сидоренко. 2005 – *Сидоренко В. А.* Эпитафия скифского царя Аргота // Материалы по археологии, истории и этнографии Таври. Симферополь, 2005.
- Шульц. 1971 – *Шульц П. Н.* Позднескифская культура и её варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. 1971. МИА. № 177.
- Щеглов. 1978 – *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
- Яценко. 1962 – *Яценко И. В.* Тарелка царицы Гипепирии из Неаполя Скифского // Историко-археологический сборник. М., 1962.
- Яценко. 1970 – *Яценко И. В.* Исследование сооружений скифского периода на городище «Чайка» в Евпатории (1964–1967 гг.) // КСИА. 1970. Вып. 124.

Ю. П. Зайцев

**«Позднескифский» костюм как этноиндикатор
(на примере элементов поясной гарнитуры III–I вв. до н.э.)**

Детали поясной гарнитуры занимают заметное место среди артефактов, характеризующих ранний (III–I вв. до н.э.) этап позднескифской археологической культуры Крыма.

Однако, несмотря на очевидную информативность, упомянутая категория материала ни разу не рассматривалась детально и в полном объёме. В качестве недавнего примера можно привести соответствующий раздел в монографии, посвящённой погребальным памятникам Крымской Скифии II в. до н.э. – III в. н.э. (Пуздровский. 2007). В нём представлен, правда, не всеобъемлющий перечень взглядов исследователей на интересующий нас материал, в качестве аналогий приведены преимущественно савроматско-раннесарматские образцы облачения воинов с общей отсылкой к иллюстрациям «новых находок». В итоге автор приходит к заключению о том, что «портупейно-поясные наборы, колчаные крюки и другие детали воинского снаряжения свидетельствуют о его смешанном характере: при сохранении традиций скифской эпохи широкое распространение получают западные (латенские)¹⁵⁹ и восточные (сарматские) типы экипировки» (Там же. С. 72). В развитие этого тезиса говорится, что в эллинистический период «в Северном Причерноморье происходит встречное движение двух миграционных потоков: скифо-фракийского и сармато-меотского.» (Там же. С. 77).

¹⁵⁹ Стоит заметить, что в монографии приводится мнение Н. Н. Погребовой относительно традиции ношения кельтами кожаных поясов с металлическими деталями, тогда как другие «латенские влияния и заимствования» не упомянуты.

Насколько же такой вывод подтверждается фактическим материалом – в данном случае позднескифской «портупейно-поясной гарнитурой» III–I вв. до н.э.?

Источниковая база. Отобранные для анализа предметы происходят из грунтовых некрополей, коллективных каменных подкурганых гробниц Центрального и Западного Крыма, а также из святилищ горного Крыма (Гурзуфское Седло, Туар-Алан). Всего в данном контексте учтено более 20 топографических пунктов, более 300 погребальных сооружений и около 4000 погребений. Все предметы – общим числом более тысячи попадают в хронологические рамки III–I вв. до н.э. (в основном II–I вв. до н.э.).

Основные категории: поясные бляхи, поясные (портупейные) крюки, поясные пряжки, соединительные кольца ремней. Также в эту группу включены наконечники кожаных футляров ножей, которые долго считались наконечниками кожаных поясов.

1. Поясные бляхи (пластины) с крюком. Практически все известные экземпляры изготовлены из железа, имеют трапецевидную форму и горизонтальное расположение на поясе. Бронзовых экземпляров только два – в виде рельефных изображений скачущих всадников. Круг формально близких аналогий за пределами Крыма ограничен памятниками Тираспольской группы, ареалом поянешти-лукашевской культуры и отдельными находками из Северо-Западного Причерноморья и Предкавказья. Наиболее ранние экземпляры по контексту могут быть датированы III в. до н.э., основное количество же относится ко II – первой половине I в. до н.э. Особый интерес представляет серия таких пластин с рельефными и прорезными сюжетными изображениями (Зайцев. 2009).

2. Поясные (портупейные) крюки. Большая часть экземпляров изготовлена из железа, меньшая – из бронзы. Зафиксированное положение в погребении – вертикальное, справа или слева выше пояса, крючком вниз. В специальной литературе такие предметы также упоминаются под названием портупейных или колчаных.

С шаровидным навершием (Рис. 1. 3, 4). Конструктивно наиболее сложные и состоят из изогнутого пустотелого стержня с заостренными концами, на одном из которых находится крючок а на другом – сферическое навершие, состоящее из двух полушарий. В средней части стержня расположено Т-образное крепление для кожаного ремня. Известны железные и бронзовые экземпляры; последние украшены гравированным геометрическим орнаментом. Датировка: вторая половина II – первая половина I в. до н.э. или Lt D. За пределами Крыма известны только два полностью аналогичных экземпляра, происходящие из ареала ясторфской культуры: Annaburger Heide, kr. Herzberg и Artern, Bezirk Halle (Рис. 1. 1, 2; Müller. 1985).

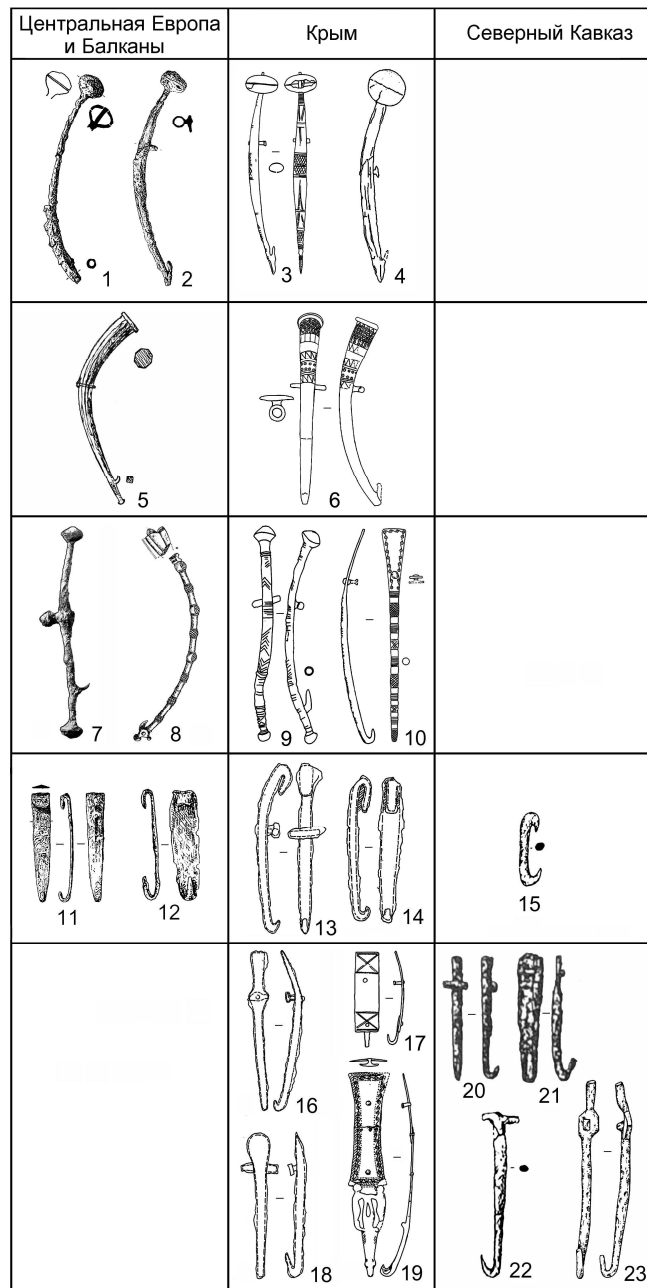

Рис. 1

Конические (Рис. 1. 6) представляют собой изогнутый конический стержень с крючком на узкой стороне и Т-образным креплением для кожаного ремня. Изготовлены из железа и бронзы, бронзовый экземпляр украшен гравированным геометрическим орнаментом. Единственная аналогия за пределами Крыма – Danziger Höhe, Северная Польша, ареал Оксывской культуры (Kostschewski. 1911).

С расчленёнными зонами орнамента (Рис. 1. 9, 10), *нестандартные*. Сделаны из бронзы, в виде изогнутых стержней, с зонами гравированного геометрического орнамента, в одном случае – с биконическими навершиями на концах. Наиболее близкие аналогии известны в зоне ясторфской культуры (Рис. 1. 8) и в Чехии, на одном из крупнейших кельтских оппидумов Hradischt bei Stradonitz (Рис. 1. 7; Рис. 1906).

С двумя крючками (Рис. 1. 14). Бронзовые и железные пластинчатые и стержневидные экземпляры, у которых отсутствует Т-образное крепление для ремня, а оба конца загнуты в крюки. Территориально наиболее близкие аналогии происходят из погребений Тираспольской группы, где их известно 14 экземпляров¹⁶⁰. Также представительная серия подобных крюков зафиксирована в памятниках ясторфской культуры (Рис. 1. 11, 12; Müller. 1985). Среди крымских находок выделяется «гибридный» экземпляр с двумя загнутыми концами и Т-образным креплением (Рис. 1. 13).

Стержневидные (Рис. 1. 16, 18) представляют собой прямой или слабоизогнутый стержень с крючком на конце и Т-образным креплением для ремня на верхней половине. Верхние окончания и места прикрепления Т-образных креплений часто уплощены. Практически все экземпляры изготовлены из железа. Аналогии за пределами Крыма известны только в степных, предгорных и горных памятниках Северного Кавказа II–I вв. до н.э (Рис. 1. 22, 23; Абрамова. 1993).

Пластинчатые (Рис. 1. 17, 19) представляют собой слабоизогнутые вытянутые пластины различных форм с крючками и Т-образными креплениями. Изготовлены из бронзы и железа; почти все бронзовые экземпляры украшены растительным или геометрическим орнаментом. Немногочисленные аналогии за пределами Крыма известны только на Северном Кавказе (Рис. 1. 21).

3. Пряжки

Изготовлены из железа и бронзы, в погребениях найдены в области таза.

Прямоугольные, с прямыми или вогнутыми продольными сторонами и стилизованными утиными головками-выступами (Рис. 2. 3, 4).

¹⁶⁰ Материалы не опубликованы. Выражаю искреннюю благодарность сотрудникам Археологической лаборатории Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко (Тирасполь) Н. П. Тельнову, В. С. Синике и И. В. Четверикову за предоставленную информацию.

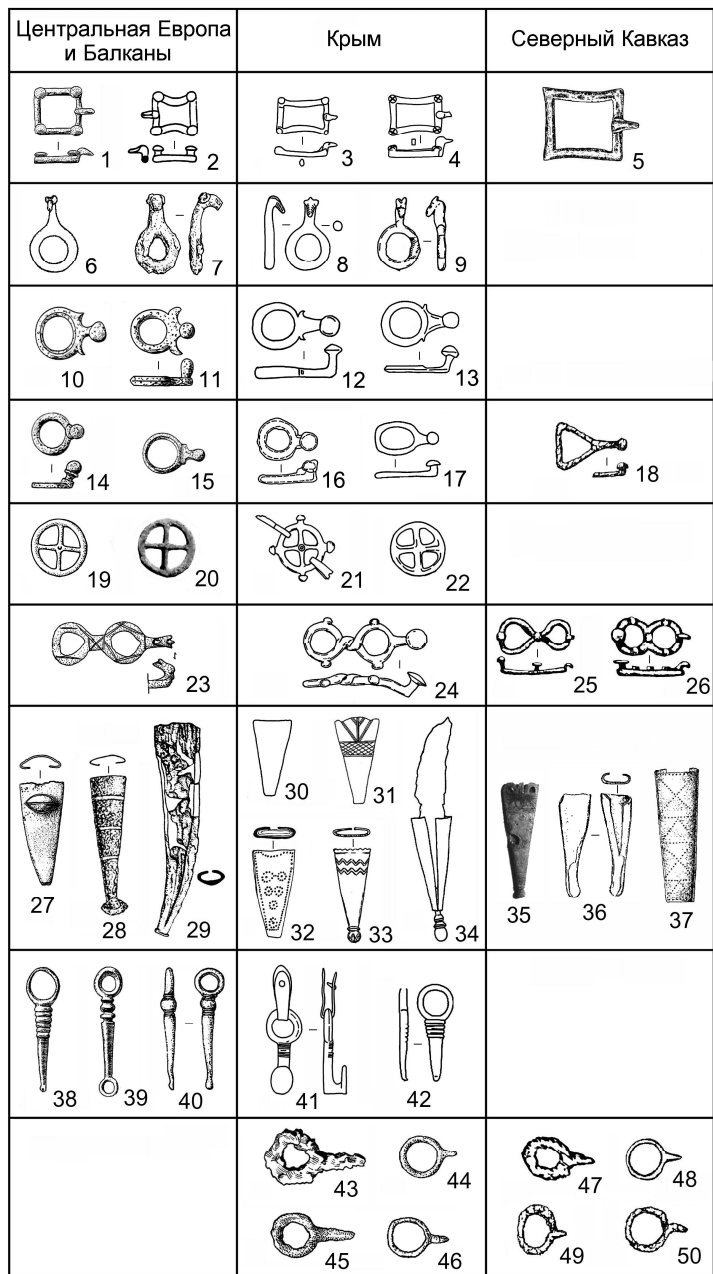

Рис. 2

Все известные экземпляры изготовлены из бронзы и по углам украшены полусферическими выступами. За пределами Крыма подобные пряжки известны на территории вдоль Дуная от Балкан до Швейцарии (Werner. 1979). Наиболее близкий крымским экземпляр происходит, в частности, из некрополя Sementina (Южная Швейцария; Рис. 2. 2). Примечательно, что Й. Вернер считал европейские железные пряжки подобной формы производными от бронзовых (Werner. 1979), хотя на территории Северного Причерноморья подобная конструкция была характерна для крупных подпружных железных и бронзовых пряжек – элементов конской узды (Рис. 2. 5).

Круглые с зооморфными крюками (Рис. 2. 8, 9). Бронзовые пряжки в виде кольца с неподвижным крючком, оформленным в виде стилизованной головы животного. За пределами Крыма такие предметы дважды встречены в ритуальных (вотивных)кладах Северо-Западного Причерноморья. Они хорошо известны в Чехии, Словакии, Венгрии, Южной Германии (Рис. 2. 6, 7) и Швейцарии как Tierkopfgürtelhaken (Dorothea van Endert. 1991) или как промежуточная форма между Tierkopfgürtelhaken и Ringknopfhaken (Jacobi. 1977); период Lt C или Lt C2.

Круглые с выступом-кнопкой (Рис. 2. 16, 17). Бронзовые и железные пряжки в виде кольца с неподвижным выступом, оформленным в виде утолщения-«кнопки». На соседних с Крымом территориях неизвестны, но широко представлены в Центральной и Западной Европе под названием Knopfgürtelhaken (Рис. 2. 14, 15). На Северном Кавказе известен единственный подобный экземпляр, но с треугольной рамкой (Рис. 2. 18).

Особый интерес представляет экземпляр из сдвоенных колец с кнопкой (Рис. 2. 24). Считается, что подобные пряжки, помимо прочего известные на Северном Кавказе (Рис. 2. 25, 26), являются признаком раннесарматской культуры. Однако подобная конструкция (в сочетании с зооморфными крюками и кнопками) была также известна и в Центральной Европе (Рис. 2. 23).

Круглые «крылатые» (geflügelten) с выступом-кнопкой (Рис. 2. 12, 13). Бронзовые пряжки в виде кольца с неподвижным выступом, оформленным в виде утолщения-«кнопки», по бокам от которой расположены заостренные выступы-«крылья». В других местах Северного Причерноморья такие пряжки неизвестны, зато в большом количестве представлены в центрально- и западноевропейских древностях периода Lt D1 (Рис. 2. 10, 11; Werner. 1979).

Круглые с неподвижным заостренным стержневидным выступом (Рис. 2. 43–46). Изготовлены из бронзы и железа. Происхождение этого типа традиционно связываются с ареалом раннесарматской археологической культуры (Храпунов. 2004; Пуздровский. 2007. С. 72). Вместе с тем необходимо обратить внимание на наличие железных

пряжек такой конструкции среди находок из погребений Тираспольской группы III – первой половины II в. до н.э. и полное их отсутствие в синхронных степных «раннесарматских» погребениях Северного Причерноморья.

Из сдвоенных колец с неподвижным заостренным стержневидным выступом. Два известных экземпляра бронзовые, украшены рельефными масками актера. По общепринятому мнению, такой тип пряжек считается характерным для сармат, но антропоморфные украшения в данном случае признаются античным влиянием (Пуздровский. 2007. С. 70). При этом для большинства сдвоенных «раннесарматских» пряжек характерна другая конструкция выступа-фиксатора.

В виде прямоугольной рамки с неподвижным заостренным стержневидным выступом. Обе известные пряжки бронзовые, украшены объёмными стилизованными фигурами животных (мавзолей Неаполя Скифского). Сколько-нибудь близких аналогий неизвестно.

Подковообразные или U-образные с подвижным язычком. Бронзовые пряжки с уплощённой дуговидной рамкой и подвижным язычком, который закреплен на железной или бронзовой оси. Вывод А. А. Труфанова о распространении этих пряжек с конца I в. до н.э. (Труфанов. 2004) недавно признан ошибочным. На самом деле прямые аналогии пряжкам такого типа известны в различных пунктах Средиземноморья в хронологическом диапазоне второй половины II – середины I в. до н.э. (Масякин. 2007. С. 130).

«Сюльгамы». Предметы, представляющие собой разомкнутое кольцо с расклепанными и закрученными концами, на котором подвижно закреплена игла или заостренный стержень, во многих случаях сильно выступающий за рамку. Изготовлены из железа, бронзы или серебра. Вызывает недоумение то обстоятельство, что все без исключения исследователи отмечали их сходство с застежками-«сюльгамами» северных культур Восточной Европы, но всегда относили к пряжкам (Дашевская. 1991; Пуздровский. 2007). На самом деле эти предметы являются специфическим типом фибул¹⁶¹; подобная конструкция была популярна, например, у носителей зарубинецкой культуры (Еременко, Журавлёв. 1992) а также в Центральной и Западной Европе в позднелатенское время.

4. Соединительные кольца ремней. *Кольца с перекрестиями* (Рис. 2. 21, 22). Все известные экземпляры – бронзовые, литые, в одном случае известен комплект из четырёх штук, снабжённых пластинчатыми зажимами для крепления к кожаным ремням. Аналогии в большом количестве известны в латенское время на территории Центральной и Западной Европы под именем колесовидных подвесок (Radanhänger; Рис. 2. 19, 20).

¹⁶¹ Сюльгама, сюлгам, сыльг – женское украшение, нагрудная брошь у финно-угорских народов Восточной Европы.

Гладкие и гофрированные кольца. Все экземпляры изготовлены из железа и бронзы, некоторые снабжены пластинчатыми зажимами для закрепления на кожаной основе. Большинство таких колец в захоронениях находится комплектами от двух до четырёх штук. Также в некоторые комплекты входят подобные сдвоенные кольца, иногда украшенные орнаментом. Практически больше нигде неизвестные в Северном Причерноморье, соединительные кольца кожаных и металлических поясов являются типичной находкой на памятниках Галлии, Южной Германии, Чехии и т. п. периодов Lt C и Lt D.

Треугольные наконечники ножен (Рис. 2. 30–34). Изготовлены из серебра, железа или бронзы, многие украшены гравировкой и пуансонным орнаментом, у некоторых края оформлены фигурными вырезами. Долгое время считалось, что такие «обоймы» являлись наконечниками ремней (Сыманович. 1983. С. 95), но случаи достоверных находок таких наконечников со вставленными в них железными ножами позволили откорректировать прежнюю ошибочную интерпретацию (Зайцев, Мордвинцева. 2003. С. 148–149). В небольшом количестве подобные предметы известны на Северном Кавказе; другой ареал распространения таких наконечников, украшавших ножи изогнутых фракийских ножей – Среднее и Нижнее Подунавье. Наиболее западной территорией распространения подобных изделий является Центральная Европа (верхнее течение Дуная – см. Зайцев. 2009)

Выводы. Таким образом, в «позднескифских» захоронениях Крыма представлен устойчивый набор элементов мужской поясной гарнитуры (крюки, комбинированные ремни с пряжками и соединительными кольцами, ножи в кожаных футлярах с металлическими наконечниками), который имеет свои характерные особенности. Во-первых, практически полное отсутствие подобных предметов в синхронных древностях на остальной территории Северного Причерноморья (за исключением Северного Кавказа). Во-вторых, количественное и типологическое доминирование упомянутых категорий вещей в Крыму по сравнению с Северным Кавказом. В-третьих, обширный и разнообразный круг аналогий практически по всей Центральной и Западной Европе; полное повторение основных элементов мужской экипировки (крюк, комбинированный ремень с металлическими деталями) которые в сочетании с фибулами были типичны только для европейского костюма эпохи латена C и D.

Легко заметить, что такая реконструкция трудно согласуется как с традиционными представлениями о происхождении позднескифской культуры, так и с выводами о значительной её «сарматизации». С другой стороны, приведённые примеры демонстрируют вполне отчётливую связь варварского населения Крыма с несколько более ранними памятниками Тираспольской группы, которая прослеживается и по другим категориям материала.

В таком контексте теперь уместно вспомнить пассаж Плутарха о том, что: «Кельтика такая обширная страна, что она от Внешнего океана и холодных стран идет в сторону солнечного восхода и Меотиды, где граничит с Понтийской Скифией. Именно оттуда, где смешались эти племена <...> всё их войско называлось кельтоскифами» (*Plut. Mac. VI*).

В своё время В. Е. Еременко и М. Б. Щукин, обратившие внимание на этот отрывок, отмечали, что «Не удаётся найти следы кельтоскифского смешения и на собственно позднескифских памятниках» и «Единственным бесспорным свидетельством кельто-скифского “смешения” пока остаются комплексы мужских погребений Чаплин» (Еременко, Щукин. 1992. С. 108). Очевидно, что приведённый материал теперь может внести принципиальные коррективы в подобные выводы.

В. И. Мордвицева

Контакты варваров Нижнего Поволжья с античными центрами (III в. до н.э. – середина III в. н.э.)

Сравнительная удаленность Нижнего Поволжья от античных центров сказалась на ничтожно малом количестве информации о проживающих здесь племенах и их обычаях, которая содержится в трудах древних авторов. Из письменных и эпиграфических источников создаётся впечатление, что население, жившее в греческих полисах Северного Причерноморья и Боспорского царства, рассматривало окружающих их варваров, прежде всего кочевников, как враждебную и угрожающую их существованию периферию. Однако этих данных недостаточно, чтобы составить мнение о том, как относились обитающие в степях к северо-востоку от Боспорского царства кочевые племена к наличию в сравнительной близости от них эллинской цивилизации. Восполнить недостающую информацию помогают, в какой-то мере, археологические источники.

Представление о том, как относилась периферия к некоему «излучающему» центру (Dobesch. 2004. S. 35–36), может быть составлено на основе сравнительного анализа погребений знати. Одним из перспективных подходов является анализ комплексов, содержащих предметы из драгоценных металлов. В большинстве случаев речь идёт об инсигниях власти – знаках, призванных отличать лица особого социального статуса от обычных людей. Одни знаки могут быть выработаны самим обществом, другие – навязаны или восприняты извне. С помощью анализа этих знаков можно определить центры концентрации варварской элиты, показать направления её внешних контактов и их изменение с течением времени.

Комплексы анализировались по трём географическим зонам региона (Заволжье, междуречье Волги и Дона, Нижняя Волга – южнее Волгограда) и трём хронологическим группам, в соответствии с принятыми в настоящее время рамками сарматских культур: III–I вв. до н.э. (65 компл.), I – первая половина II в. н.э. (65 компл.), вторая половина II – первая половина III в. н.э. (17 компл.) (Рис. 1).

1. В наиболее ранний временной отрезок первого периода (III – первая половина II в. до н.э.) в регионе отсутствует развитая иерархия погребальных комплексов. Предметы из драгоценных металлов представлены, в основном, личными украшениями местного производства, найденными исключительно в женских погребениях, с наибольшей концентрацией в районе Левобережья Волги. Для них характерны височные кольца простых форм и, в более редких случаях, перстни с гладкими выпуклыми щитками, аналогии которым имеются в скифских древностях Северного Причерноморья и Прикубанья.

2. Ситуация меняется с середины – второй половины II в. до н.э. Появляются комплексы, которые по составу и качеству инвентаря резко отличаются от большинства других захоронений.

В *женских погребениях* стандартные наборы и наборы среднего уровня представлены украшениями, первые из которых включают в себя простые височные кольца, а вторые – перстни и височные кольца с филигранью и зернью местного производства. Единственным импортным украшением являются серьги с головками львиных грифонов (Химкомбинат), которые были изготовлены, видимо, в Танаисе. Комплексы высшей элиты, кроме украшений, в т. ч. выполненных в зверином стиле, включают и другие категории инсигний импортного производства. Среди них важное место занимают чаши производства селевкидского Ирана (Майеровский, Калиновский). К импортным предметам относятся также зеркало с золотой ручкой, перстни и височные подвески, ближайшие аналогии которым известны на Кубани (Майеровский: Скворцов, Скрипкин. 2008. С. 104).

В *мужских захоронениях* знати всех уровней обнаружены неизвестные здесь до середины II в. до н.э. категории статусных вещей из драгоценных металлов: украшения (золотые бляшки), предметы вооружения, ритуальные пластины (жезлы?), поясные наборы, украшения упряжи. Многие из них являются прямыми импортами с далёких восточных территорий (Западная Сибирь, Монголия) или сделаны на месте по этим образцам.

Прежде всего это касается поясных пластин. Они найдены в четырёх погребениях района Нижней Волги (Барановка, Кривая Лука, Яшкуль, Косика) и двух комплексах Левобережья (Питерка, Верхнепогромное) и отличаются друг от друга по форме, стилю и технике изготовления. В мужских погребениях Нижнего Поволжья встречаются также поясные пластины и пряжки, изготовленные из недрагоценных

материалов. До середины II в. до н.э. у населения Нижнего Поволжья была другая традиция ношения поясов, где вместо пряжек использовали заканчивающиеся ворворками завязки (Клепиков. 2002. С. 78–79). Появление новой традиции свидетельствует об инокультурных влияниях (Скрипкин. 1997. С. 12), в числе которых могло быть и продвижение в Нижнее Поволжье нового населения.

Другим новшеством является захоронение украшений упряжи – фаларов, в погребениях (Нижняя Волга) и ритуальных комплексах (междуречье). При этом обнаруженные в северной части региона типы и стилистические группы фаларов имеют сходство с находками в Северном Причерноморье (налобники, фалары оголовья, причерноморский графический стиль), а фалары южной группы (Нижняя Волга) являются либо иранскими импортами (седельные фалары из Косики), либо подражают фаларам греко-бактрийского стиля I типа упряжи (Яшкуль, Кривая Лука).

Новым явлением в северной части Нижневолжского региона стали ритуальные пластины вытянутой подпрямоугольной формы с зооморфными изображениями (Питерка, Жутово, Короли, Писаревка). Они были изготовлены местными мастерами в единой художественной традиции, также демонстрирующей далекие восточные корни.

В комплексе из Верхнепогромного обнаружены несколько импортных сосудов, один из которых относится к селевкидской школе торевтики.

Особое место среди мужских захоронений высшей элиты занимает погребение 1 Косики, которое датируется М. Ю. Трейстером второй половиной I в. до н.э. (Treister. 2005). Оно содержало большое количество статусных вещей, очевидно, прикубанского производства: браслет-наручь, ложка с головкой хищника на конце (полная аналогия – Песчаный 1-9), малые фалары, футляр для бритвы. Из этого погребения происходит серия серебряных сосудов, в т. ч. чаша из эллинистического Ирана, италийский таз, сосуд с крышкой и ручками в виде кабанов, возможно выполненный сарматским мастером, а также пиксида с гравированным орнаментом. К восточным импортам относятся: меч в ножнах с выступами, фалары и поясные пряжки в зверином стиле, ложковидные подвески. Важной с точки зрения возможностей интерпретации находкой являются найденные здесь золотые листья от погребального венка, характерные для греческих погребений. На варварской периферии Боспора, в могильниках Нижнего Поволжья, Прикубанья и Северного Кавказа остатки погребальных венков в это время неизвестны. Захоронение Косики – единичный случай использования этой типичной детали греческого обряда на обширной территории от Кубани до Волги.

3. Комплексы I – первой половины II в. н.э., в целом, демонстрируют постепенное сокращение количества инсигний восточного происхождения и дальнейшее распространение в регионе элементов западной культуры.

Наборы статусных вещей в *женских погребениях* представлены, как и раньше, в основном, украшениями. Возможно, под влиянием эллинистической ювелирной традиции распространяются височные кольца с шумящими подвесками, ожерелья, подвески и бусы античных типов. Знаменательна находка деталей шкатулки в одном из элитных погребений (Бердия 3-1), поскольку подобные предметы встречаются преимущественно в некрополях греческих городов и их ближайшего окружения. Погребения высшей знати сопровождается драгоценная импортная посуда. Предметы звериного стиля представлены только чашами с ручками в виде грифонов.

В *мужских погребениях* региона среди портупейных наборов становится меньше поясных пластин и пряжек восточных типов. На смену им приходят пряжки обычных форм, хотя и выполненные из драгоценных металлов. Среди украшений упряжи появляются новые их типы: гладкие бляхи с прорезями (Барановка; Никольское). Наборы фаларов с зооморфными и растительными мотивами выполнены в Северном Причерноморье (Жутово, Ветютнев, Октябрьский; Комсомольский).

Драгоценные сосуды в элитных наборах датируются часто более ранним временем, чем погребения, в которых они найдены. При этом «запаздывающие» предметы происходят из тех же центров, что и сосуды, обнаруженные в погребениях нижеволжской элиты в предыдущий период. А синхронные погребению сосуды чаще всего изготовлены в западных центрах (Жутово, курган 28). В мужских погребениях найдены браслеты из драгоценных металлов западных типов. Погребения знати концентрируются в этот период в междуречье Волги и Дона.

4. В период второй половины II–III в. н.э. развитая иерархия погребального обряда уступает место стандартизации. Элитные погребения незначительно отличаются от стандартных по количеству и качеству сопровождающего инвентаря, как это было в период с III по первую половину II в. до н.э. Личные украшения и в мужских, и в женских погребениях относятся теперь к тем же типам, что и распространённые в Северном Причерноморье. В поясных наборах не встречаются крупные поясные пластины. Украшения упряжи характерны для наборов, наибольшее распространение которых наблюдается в комплексах Боспорского царства и ближайших к нему территорий. Полностью отсутствуют предметы звериного стиля. Каких-либо центров концентрации погребений знати в этот период не отмечено.

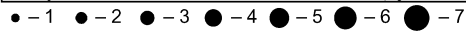
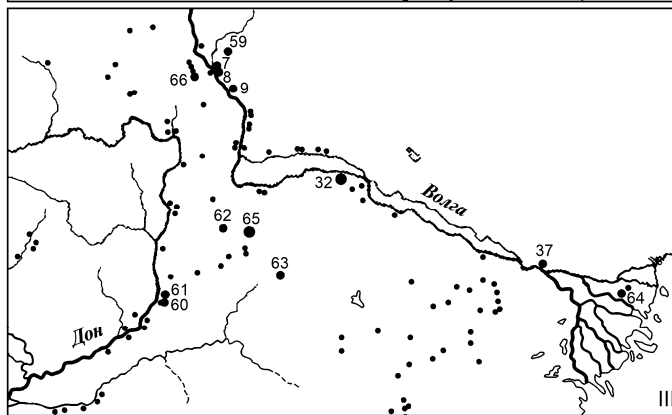
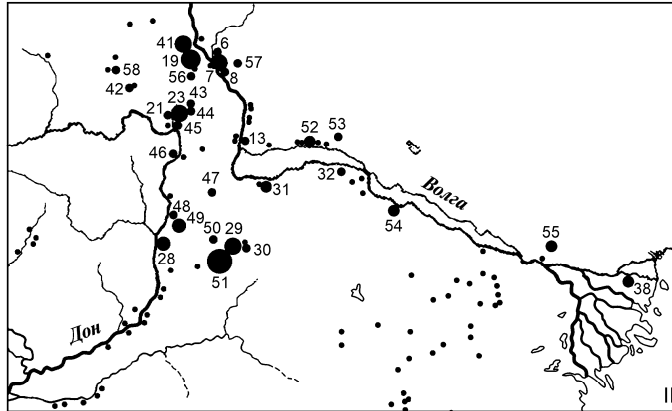
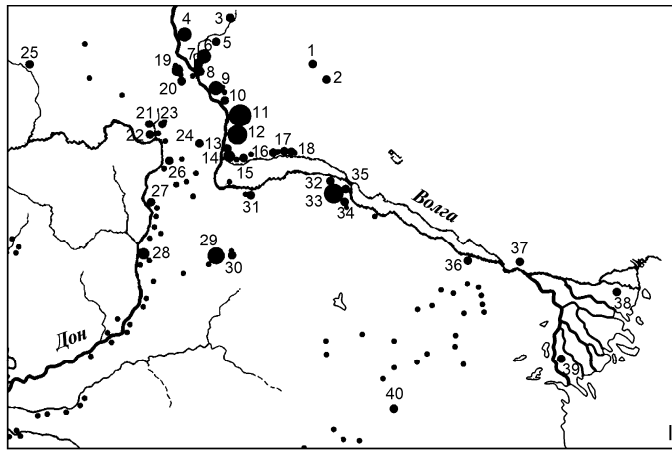

Рис. 1. Карта распространения погребений знати в Нижнем Поволжье в III в. до н.э. – середине III в. н.э.: I – комплексы III–I вв. до н.э.; II – комплексы I – первой половины II в. н.э.; III – комплексы второй половины II – первой половины III в. н.э. Условные обозначения: 1–7 – количество комплексов с предметами из драгоценных металлов в могильнике (от 1 до 7)

Выводы. В III – первой половине II в. до н.э. Нижнее Поволжье предстаёт как регион, который для античных центров Северного Причерноморья был не просто внешней периферией, а, скорее, «непериферией» (Dobesch. 2004. S. 38). Античная цивилизация, видимо, также мало привлекала кочевников Нижнего Поволжья, ничто не указывает на существование между этими двумя территориями каких-либо значимых связей.

Ситуация меняется со второй половины II в. до н.э. В это время наблюдается объединение культур степного пояса Евразии, которое привело к образованию дальних социальных или иных связей населения региона. Хотя Волго-Донское междуречье демонстрирует определённые контакты с варварами Северного Причерноморья (клады), основная масса элитных комплексов указывает на восточное и южное направление связей. В Нижнем Поволжье формируются центры сосредоточения власти (Рис. 1. I). В конце I в. до н.э. появляются погребения высшей элиты (Косика) с инсигниями, отражающими контакты с античными центрами (отголосок войн Митридата VI?) и некоторые специфически греческие погребальные традиции (листья венка). Это можно воспринимать как определённое признание греческих ценностей и культуры в варварской среде Нижнего Поволжья.

В первых веках нашей эры связи местного населения с оседлыми цивилизациями Северного Причерноморья заметно усиливаются, и, судя по набору инсигний, становятся преобладающими. В то же время эллинизация обряда в этих комплексах не отмечается. Только типы ювелирных изделий постепенно перенимаются местными варварами. В I – начале II в. н.э. сильный центр образуется в Волго-Донском междуречье (Рис. 1. II). Со II в. н.э. в Нижнем Поволжье не наблюдается сколько-нибудь выраженных центров сосредоточения власти (Рис. 1. III), которая в это время концентрируется на Нижнем Дону, а Нижнее Поволжье выступает теперь как внутренняя периферия по отношению к донским центрам.

Литература

- Клепиков. 2002 – *Клепиков В. М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград, 2002.
- Скворцов, Скрипкин. 2008 – *Скворцов Н. Б., Скрипкин А. С.* Погребение сарматкой знати из Волгоградского Заволжья // *Нижеволжский археологический вестник.* Волгоград, 2008. № 9.

- Скрипкин. 1997 – *Скрипкин А. С.* Эпюды по истории и культуре сарматов. Волгоград, 1997.
- Dobesch. 2004 – *Dobesch G.* Zentrum, Periferie und „Barbaren“ in der Urgeschichte und der Alten Geschichte // H. Friesinger, A. Stuppner (Hrsg.). Zentrum und Peripherie – Gesellschaftliche Phänomene in der Frühgeschichte. Wien, 2004.
- Treister. 2005 – *Treister M.* On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and once more on the “Ampsalakos School” // ACSS. 2005. No. 11.

А. В. Симоненко

Конский убор из большого кургана Васюринской горы

В недавней статье О. В. Шаров (2008. С. 283–346) на основании текста В. Г. Тизенгаузена сделал попытку реконструкции последовательности и количества конских погребений в большом кургане Васюринской горы. Анализируя работы коллег, О. В. Шаров уделил некоторое внимание и автору этих строк, писавшему в своё время о кургане № 1 в связи с находкой там кольчуги (Симоненко. 1986. С. 109; Simonenko. 2001. S. 278), налобников с крючком (Симоненко. 1999. С. 86) и оковки нагрудника (Симоненко. 2007. С. 108–109; 2008. С. 257). Недавно эти соображения были сведены в одной книге (Симоненко. 2010. С. 129, 191, 211–212).

О. В. Шаров, к сожалению, полностью исказил моё мнение о хронологии конских захоронений Васюринской горы и приписал мне совершенно иные позиции. Допускаю, что это произошло не потому, что уважаемый коллега невнимательно читал мой текст, а потому, что я изложил свои мысли не совсем ясно. Чтобы разобраться в этом, проанализируем ещё раз те места из моих работ, которые по своему трактовал О. В. Шаров.

Он не прав, утверждая, что я отношу всё конское снаряжение, найденное в кургане № 1 Васюринской горы к одному погребению – я никогда так не считал (пусть даже вслед за М. И. Ростовцевым) и нигде не писал об этом. Впервые эти находки упоминаются мной в следующем контексте: «*Н. И. Сокольский, Е. В. Черненко и А. М. Хазанов считают, что древнейший образец кольчуги происходит из погребения IV–III в. до н.э. в кургане Васюрина гора. Основанием для такого вывода послужило то обстоятельство, что, по мнению Е. В. Черненко, более поздних погребений там нет. Однако среди опубликованных М. И. Ростовцевым материалов из конских погребений этого памятника имеются вещи явно более поздние, чем IV–III в. до н.э. Это кольцо с обоймами для ремня и грибовидная*

подвеска – типичные детали позднесарматской узды¹⁶². Без сомнения, при тогдашней несовершенной методике была допущена ошибка, и находившийся в кургане позднесарматский комплекс остался незамеченным, либо он был разрушен при ограблении, и вещи из разновременных погребений смешались в грабительском ходе» (Симоненко. 1986. С. 109).

Таким образом, я обратил внимание на детали позднесарматской узды в Васюринской горе ещё четверть века назад, а слова «конских погребений» ясно указывают на то, что я не считал все материалы принадлежащими одному захоронению. Но из-за отсутствия конкретных данных я и сейчас не уверен в том, где именно были найдены детали узды, кольчуга и другие позднесарматские вещи – в грабительском ходе, насыпи или склепе. Ясно одно – они были смешаны с остальными находками и опубликованы вместе с ними на таблице в книге М. И. Ростовцева¹⁶³. Мне непонятно, по каким данным О. В. Шаров реконструировал «конское захоронение у входа, в котором были найдены кольца с прямоугольными фацетированными пластинами и грибовидные подвески» (Шаров. 2008. С. 292) – ни Тизенгаузен, ни Ростовцев о нём не говорят ни слова. Кроме того, у поздних сарматов не было обычая конских захоронений и вряд ли они сделали бы исключение для Васюринской горы – скорее всего, туда была положена лишь узда. Учитывая путаницу в материалах и тексте отчёта, установить место находки этих вещей с уверенностью невозможно.

Мой уважаемый коллега не понял меня, как минимум, дважды. Он почему-то решил, что в одной из работ (Симоненко. 1999. С. 86) я отнёс всё снаряжение к позднесарматскому времени и приписал мне абсурдную мысль о том, что головки грифонов, подобные васюринским, могли служить образцом для позднесарматских мастеров (Шаров. 2008. С. 289). Такой вывод О. В. Шаров сделал из следующего моего пассажа: «С. В. Полин справедливо считает, что иконография головок грифонов типична для классического скифского звериного стиля и сомневается в том, что в сарматское время такой стиль мог сохраниться. Замечу, что мастера этого времени могли иметь перед собой образцы такого стиля – об этом свидетельствует серебряный сосуд этрусского происхождения VII–V вв. до н.э. из кургана Хохлач» (Симоненко. 1999. С. 86). На мой взгляд, достаточно ясно, что речь идёт о сарматском времени в целом, в противовес скифскому. В данном случае я имел в виду, что с архаической

¹⁶² На самом деле колец с обоями двое, а подвесок четыре, но тогда я ориентировался на таблицу в книге М. И. Ростовцева (1914. Табл. XVIII, 10, 11).

¹⁶³ М. И. Ростовцев ошибался, связывая эти вещи с С-видными псалями, хотя и предварил своё соображение оговоркой «м. б.» (Ростовцев. 1914. С. 41).

иконографией грифонов мог быть знаком мастер II в. до н.э.¹⁶⁴, изготовивший налобники из Васюринской горы. Как пример такой возможности я привёл подобные головки грифонов, «дожившие» до конца I в. н.э. и попавшие в погребение кургана Хохлач. Так что напрасно О. В. Шаров приписывает мне сомнительную честь, с которой я вышел из «щекотливой ситуации», созданной его воображением или невнимательным чтением моего текста.

Исходя из ошибочного вывода о моей «позднесарматской» датировке, О. В. Шаров утверждает, что в более поздней работе я удревнил дату комплекса «на целых пять столетий» (Шаров. 2008. С. 291). Он имеет в виду мою датировку набора фаларов, псалиев, налобников, перстневидных блях и ворворок эллинистическим временем (Симоненко. 2007. С. 108). О. В. Шаров вновь не заметил, что я не включил в этот набор кольца с зажимами и грибовидные подвески. Мой критик решил, что, «пытаясь соединить несоединимое», я распространил на них дату всего набора, и они по моей милости «попали во II в. до н.э.». Мне очень жаль, что О. В. Шаров считает меня столь невежественным в вопросах типологии позднесарматских вещей и методики датировки – кажется, я своей работой повода к этому не давал.

О. В. Шаров предлагает собственное прочтение следующего описания В. Г. Тизенгаузена: *«Головы коней были украшены круглыми и овальными бронзовыми позолоченными бляхами, в которые вставлены белые матовые стекла, серебряными с позолотой удилами и принадлежащими к ним железными мундштуками и кольцами. На одном коне находился род хомута, состоящий из широкой бронзовой узорчатой пластины <...> а у двух коней найдено по железному, обтянутому листовым золотом налобнику...»* (ОАК за 1869 г. 1871. С. VIII). Примечательно первое предложение: слова **«головы коней»** ясно дают понять, что это – **общее** перечисление **всех** найденных предметов упряжи, поскольку «круглые и овальные бронзовые позолоченные бляхи» могли украшать голову **только одного** коня. О. В. Шаров увидел здесь последовательное описание конских захоронений: на первом коне был «род хомута», на втором и третьем были найдены налобники, на четвёртом – бронзовые позолоченные бляхи со стеклянными вставками (Шаров. 2008. С. 284). Но из приведённого текста абсолютно не вытекает именно такое распределение находок – там просто перечисляется всё, что было найдено при погребениях четырёх коней, и именно эта неопределённость сбивала с толку М. И. Ростовцева.

Мне кажется, что по тексту Тизенгаузена точно распределить находки по комплексам невозможно, и не стоит тратить на это время.

¹⁶⁴ Надеюсь, никто не сомневается, что это тоже сарматское время.

Следует обратиться к самим вещам и сгруппировать их по принципу возможности одновременного использования. Этому условию удовлетворяют фалары со стеклянными вставками, налобники с головой грифона, С-видные псалии и перстневидные бляхи. Вещи такого типа бытовали в III–II вв. до н.э. Этим же временем датируются и пластинчатые нагрудники (Симоненко. 2010. С. 213). Судя по количеству, фалары украшали одно оголовье, при этом большая овальная бляха, возможно, находилась в центре храпа¹⁶⁵. Вряд ли это оголовье украшали налобники с крючком – они, как и удила с С-видными псалиями, входили в состав наборов двух других уздечек. Нагрудник мог принадлежать любому из четырёх коней, а не обязательно отдельному, как считает О. В. Шаров (2008. С. 301–302) – захоронение боевого коня в таком роскошном нагруднике, но без узды маловероятно. Лично я склоняюсь к тому, что нагрудник находился на коне, взнузданном уздой с фаларами¹⁶⁶. Таким образом, уверенно реконструируются уборы трёх из четырёх конских захоронений. Не исключено, что четвёртый конь был погребен без убора.

Никоим образом я не могу согласиться с предложенным О. В. Шаровым «омоложением» фаларов со стеклянными вставками и объединением их с деталями позднесарматской узды (Там же. С. 299–301). Параллель с комплектом из могильника Дачи конца I в. н.э. на основании одинакового крепления вставок неправомерна – обе вещи уникальны, и не исключено, что большие вставки иным способом закрепить было просто невозможно. Однако даже датировка фаларов из Васюринской Горы I в. н.э. не поможет объединить их в один комплект с кольцами с зажимами и грибовидными подвесками – в позднесарматских уздечных наборах с такими вещами полихромные фалары неизвестны, а подобные васюринским кольца и подвески не встречаются в сарматской узде I в. н.э., они более поздние.

Хронологическими признаками васюринских фаларов являются техника изготовления (позолоченная бронза) и орнаментация «бегущей волной». Если первую можно при желании «омолодить» (что и делает О. В. Шаров), хотя в этой технике изготовлены все фалары II–I вв. до н.э., то орнамент «бегущая волна» не встречается на изделиях римского времени. Пик его распространения приходится на II в. до н.э. Например, «бегущей волной» украшены некоторые шлемы типов Монтефортино и Манхайм II–I вв. до н.э. (Schaaf. 1988. S. 318–322). О. В. Шаров со значением выделил курсивом мое замечание о

¹⁶⁵ Это может установить система крепления на обороте бляхи. Однако она не описана ни в одной работе, а для осмотра *de visu* мне недоступна.

¹⁶⁶ Предваряя возражения типа «а где удила с этой узды», хочу заметить – где угодно. Они могли распасться в могиле, потеряться после раскопок; их могли не взять в силу плохой сохранности и не упомянуть об этом, они могли отсутствовать вообще.

том, что фалары указывают на **сравнительно позднюю дату** погребения (Шаров. 2008. С. 291). Однако я имел в виду не позднесарматское время, а II в. до н.э., в противовес III или ещё более ранним датировкам.

Совокупность всех перечисленных признаков и аналогов указывает на II в. до н.э. как наиболее вероятную дату всех конских захоронений кургана № 1 на Васюринской горе. Кольца с фасетированными зажимами и грибовидные подвески не имеют к ним отношения и попали в курган во второй половине II – начале III в. н.э. в составе инвентаря позднесарматского погребения (?).

Литература

- Ростовцев. 1914 – *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914.
- Симоненко. 1986 – *Симоненко А. В.* Военное дело населения степного Причерноморья в III в. до н.э. – III в. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. К., 1986.
- Симоненко. 1999 – *Симоненко А. В.* Сарматы Северного Причерноморья: хронология, периодизация и этнополитическая истории: Дис. ... докт. ист. наук. К., 1999.
- Симоненко. 2007 – *Симоненко А. В.* Мечи и кинжалы прохоровского типа на территории Украины // Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология: Доклады к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007.
- Симоненко. 2008 – *Симоненко А. В.* Тридцать пять лет спустя (послесловие-комментарий) // *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008.
- Симоненко. 2010 – *Симоненко А. В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
- Шаров. 2008 – *Шаров О. В.* О конских погребениях Большого кургана Васюринской горы // БИ. 2008. Вып. XXII.
- Shaaff. 1988 – *Shaaff U.* Etruskisch-Römische Helme // *Antike Helme.* Mainz, 1988. RGZM Monographien. Bd. 14.
- Simonenko. 2001 – *Simonenko A. V.* Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet // *Eurasia Antiqua.* 2001, Bd. 7.

VII ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: КОНТАКТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

В. П. Яйленко

Балканское происхождение имени киммерийского царя Лигдамиса

Согласно топонимическим данным, основная область обитания киммерийцев – Боспор, соответственно, Геродот (IV. 12) пишет о восточном пути их вторжений в Малую Азию. Из его сообщения о могилах киммерийских царей явствует и вторая область их обитания – при р. Тирас (IV. 11), чему соответствует нападение их на Дельфы (Scholia vetera in Od. XI. 14), куда они прошли через Западное Причерноморье. С этим регионом связывают киммерийцев и сообщения Страбона о киммерийцах-трерах фракийского происхождения. Полагаем, на балканские связи боспорских и тирасских киммерийцев указывает также имя их царя VII в. Λύδαμις (ассир. Tugdammī, все даты – до н.э.). Мнение о его анатолийском происхождении покоится на ошибочном представлении о карийском очаге имени и на свойственной хетто-лувийским языкам альтернативы начального d:l (лит. Zgusta. 1964. § 834; Иванчик. 1996. С. 123). Популярна и догадка И. Маркварта об иранском характере имени: к *Duyda-maēši «владеющий кормящими молоком овцами» (лит. (Kretschmer. 1935. S. 49; Тохтасьев. 2002. С. 303). Однако мнению о малоазийском или иранском происхождении противоречит хронологическое и географическое распределение имени (источники: Pape, Benseler. 1884. S. 817; Lehmann-Haupt. 1921. 417/8; Zgusta. 1964. § 834; LGPN. I. P. 289; IV. P. 213; Тохтасьев. 2002. С. 299). В ассирийских и греческих источниках первыми по времени упоминаются киммерийский царь, у Павсания (V. 8, 8) – олимпионик 33 ол. (648–645) из Сиракуз, они современники! Третий – тиран Наксоса времени Писистрата (*Herod.* I. 61, 64), далее идут отец (Лигдамис I) и внук (Лигдамис II; Syll.³ 45 от 454 г.) карийской царицы Артемисии (она участница Саламинской битвы 480 г., т. е. её отец получил имя не позже конца VI в.), частные лица эллинистического и римского времени (LGPN I. P. 289; IV. P. 213: Крит, Кирена, Македония, Фракия, IV–I вв. Solin. 1982. S. 252: Рим). Очевидны несколько ареалов распространения имени. 1. Греция: В. Папе, Г. Бензелер связали имя Лигдамис с глоссой Гесихия λύδη· τὸ δέυδρον ἢ λευκή «серебристый тополь» (Pape, Benseler. 1884. S. 817); глосса греческая, соответственно, греческое же имя сиракузского олимпионика, наксосского

тирана, киренца и, возможно, критянина III в. (LGPN. I. P. 289, № 1). 2. Кария: у отца карийского династа середины V в. Лигдамиса II карийское имя Писинделис (Syll.³ 45, комм. 3), у отца критского Лигдамиса III в. тоже карийское имя, по отцу он кариец Ραῖκος (Zgusta. 1964. § 834; Шеворошкин. 1965. С. 258; Откупщиков. 1988. С. 209; Тохтасьев. 2002. С. 300). 3. Киммерийцы Северного Причерноморья. 4. Македония, Фракия (→ Мисия). 5. Рим.

Полагаем, имя киммерийского Лигдамиса связано с Мисией, где в области Пергама был город Λύδασιον (*Plini N. h. V.* 30), название которого происходит от имени некоего исторического Лигдамиса (Zgusta. 1984. S. 345). Население Мисии состоит из фригийцев и фракийцев, выселившихся из Фракии и Македонии, на пограничном с Лидией ареале они перемешались с лидийцами (*Strabo. VII.* 3, 2; XII. 3, 21; 5, 8; 8, 1–4). Мисия – область распространения фригийского языка; у северо-восточных фригийцев культ Мидаса вынесен из Македонии (Naas. 1966. S. 16–17, 30, 233/4). Страбон не упоминает этот город, стало быть, он мал, и можно предположить, что это поселение, сложившееся при святилище некоего Лигдамиса. Аналогичным образом подобное поселение называлось Μιδάσιον «город Мидаса» (совр. Язылыкая) и сложилось при святилище Кибелы и полубогендарного Мидаса в северо-восточной Фригии (Pape, Benseleg. 1884. S. 920; Naas. 1966. S. 12, 187/93) (Мидас – македонское божество плодородия; названия возникших вокруг святилища поселений обычно образуются суффиксом -σιον, однако есть топонимы и другого образования: так, наряду с названием города в Великой Фригии Γορδίσιον, образованным от имени царя Гордия, были по нему же названные города Γόρδος, Γόρδοι в Мисии и Лидии (Zgusta. 1984. S. 143).

Поскольку население Мисии исторически происходит из Македонии и Фракии, начиная ещё с микенского времени, а с VIII в. здесь появилась новая волна фракийцев и в их числе – киммерийцы-треры, эпонима поселения Λύδασιον следует связать с фрако-трерской или киммерийско-трерской средой. Основанием служит, во-первых, упомянутое наличие имени Лигдамис в Македонии и Фракии IV и III вв., во-вторых, сообщение Страбона (I. 3, 21): «И киммерийцы, которых называют также трерами, или какое-либо племя из их числа, часто вторгались в правые области Понта и смежные области, обрушиваясь подчас на Пафлагонию, а то и на Фригию, в то время, когда Мидас, как говорят, будучи отравленным бычьей кровью, шел к своей участи. Лигдамис же на челе со своими воинами дошел до Лидии и Ионии и взял Сарды, а погиб в Киликии». В этом пассаже Страбона (его источники ранние – Каллин, Каллисфен, автор II в. Деметрий Скепсийский, – XIII. 4, 8) налицо интересные нам лица, этносы, события: киммерийцы, их царь Лигдамис, фрако-киммерийские треры,

их вторжения во Фригию, её царь Мидас. Это и есть среда, к которой принадлежит имя Лигдамис; поскольку оно есть у киммерийцев Северного Причерноморья, его следует связать с киммерийцами-трерами, из них и происходил эпоним поселения Λύδαμοι.

Согласно Аристотелю (у Стефана Виз., s. n. Ἀντανδρος), город Антандр в мисийской Троаде «назывался Эдонидой по причине поселения в нём фракийских эдонов, также Киммеридой вследствие проживания в нём киммерийцев в течение ста лет». Судя по расположению в Троаде, давнем мисийском ареале пребывания переселенцев из Фракии и Македонии (что подтверждено археологией), этими киммерийцами были треры; по Страбону (XIII. 1, 8), вслед за фракийцами и фригийцами в Троаде поселились треры, «тоже фракийский народ». Вековое пребывание их здесь предполагает, что у их царей было довольно времени для свершения таких деяний, за какие потомки могли бы почитать одного из них, Лигдамиса, устроив памятное святилище, подобное святилищам македонского же Мида-са или фригийского же Гордия. Глосса Гесихия λύδῆ «серебристый тополь», также слово λύδος «белый мрамор» восходят к нулевой ступени индоевр. *leuk- «светить, белый, блестящий» и пр. (Гиндин. 1967. С. 100), отсюда соответствующее значение киммерийско-трерского имени Λύδαμις. Связь с балканским ареалом, а не малоазиатским, удостоверяется наличием в нём характерного для палеобалканских языков сочетания заднеязычного с дентальным, в т. ч. gd (Откупщиков. 1988. С. 127); в перечнях карийской лексики В. В. Шеворошкина и Р. Гусмани примеров с gd нет (С. Р. Тохтасьев), так что имя Лигдамис не карийского происхождения; скорей всего карийские династы заимствовали его у фригийцев как царское имя). Имя Лигдамис у царя северочерноморских киммерийцев, шедших в Лидию и Ионию с востока, свидетельствует об их связях с трерами через Зап. Причерноморье – там оно было заимствовано. По заимствованию в киммерийско-индоарийскую среду трерское имя Λύδαμις могло произноситься с церебральным l, у которого в индоарийском был аналог ḷ, отсюда ассирийская транскрипция Tugdammī (по нашему мнению, киммерийцы были индоариями; см. «Индоарии – киммерийцы – тавры: Северное Причерноморье VIII–VII вв. до н.э. в мифологической традиции и ономастике». ДБ. Т. 15 и сб. статей в честь А. Эйне «В царстве Клио». В печати).

Треры исторический народ. По Фукидиду (II. 96), в 429 г. фракийский царь Ситалк призвал их в своё войско, обитали они близ горы Скомий (в районе нынешней Софии). В основном сведения о них даёт Страбон, для него они тоже исторический народ, но давней истории. Наряду с только что приведёнными данными он сообщает следующее. Они соседи фракийцев, их города затоплены (I. 3, 18); они совершали ближние и дальние походы (XI. 8, 4); подобно амазонкам и

киммерийцам они явились в Троаду из-за р. Галис (XII. 3, 24, т. е. со стороны Каппадокии); после Троянской войны переселения греков и треров, а также нашествия киммерийцев и лидийцев привели всё в расстройство и смешение (XII. 8, 6); Сарды в первый раз взяты киммерийцами, потом трерами и ликийцами (XIII. 4, 8, со ссылкой на Каллина и Каллисфена); в давние времена (т. е. в VII в.) магнеты совершенно истреблены трерами, киммерийским народом (XIV. 1, 40). Плутарх (Mog. 330d) добавляет: походы их имели грабительский характер. Треры были настолько сильны, что греческие учёные мифологи возвели их происхождение к первопредку Триеру, сыну сторукого Обриарея и Фраки (Arg. apud St. Byz., s. n. Τριήρες). Из приведённых данных явствует, что в VII в. треры сильный, подвижный народ, совершали из Фракии дальние и ближние грабительские походы. К V в. они уже небольшой народ, оттеснённый в угол между цепью Родоп и горой Скомий. Говоря о войске Ситалка, Фукидид отметил, что все фракийские воины всадники и лучники на скифский манер, что подтверждается археологически. Таковы и треры VII–V вв. Треры Страбона фракийский и киммерийский народ, что обусловлено использованием разных источников или скорее действительно смешанным составом населения (Kretschmer. 1935. S. 50). Из 8 упоминаний Страбона о трерах в 6 фигурируют и киммерийцы, что говорит о тесной их взаимосвязи. Казалось бы, треры должны нападать на Фригию и Ионию через Фракийский Боспор, но два сообщения Страбона (I. 3, 21; XII. 3, 24) указывают на их вторжения в Пафлагонию, Фригию, Ионию с востока вместе с киммерийцами, т. е. из Фракии они двигались в Северное Причерноморье, где соединялись с киммерийцами и следовали в Закавказье. На это же намекает и сообщение Страбона о дальних походах треров. Маршрут, на первый взгляд, странный, но краткому пути могла препятствовать необходимость войны в одиночку с сильными фригийским и лидийским царствами, кроме того, походы на Урарту и в Северную Месопотамию сулили хорошую добычу (не зря же сюда устремлялись и киммерийцы, и скифы). Восточные походы треров нашли отражение в учёной греческой мифологии и тореvтике Фракии: с этнонимом треров связано имя амазонской царицы Ὀτρήρη, дочери Ареса и Армении (! *Apoll. Rhod.* II. 387 и др. – Pape, Benseler. 1884. S. 1083); имя с начальным o-collectivum (Яйленко. 2010. С. 350). Благодаря этим походам во фракийской тореvтике VI–V вв. проявились сильные восточные влияния (бляшки, блюда и др. с изображениями грифонов, сцен терзания и пр., см. рис. на с. 153/8, 168/70 в сб. Pulpuđeva. 1980. Т. 3). Тесные связи киммерийцев-индоариев и треров-фракийцев находят некоторое соответствие в проникновении части белозерских и киммерийских памятников X–VIII вв. на территорию Молдовы, Румынии и Болгарии – захоронения всадников с оружием и конским

убором (Мелюкова. 1979. С. 35–36, 64–65). Не исключено, связь треров и киммерийцев обязана давнему пребыванию последних в Западном Причерноморье.

Литература

- Гиндин. 1967 – Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967.
- Иванчик. 1996 – Иванчик А. И. Киммерийцы. М., 1996.
- Мелюкова. 1979 – Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- Откупщиков. 1988 – Откупщиков Ю. В. Догреческий субстрат. Л., 1988.
- Тохтасьев. 2002 – Тохтасьев С. П. Имя киммерийского царя *Λύδασις* // История и языки Древнего Востока. СПб., 2002.
- Шеворошкин. 1965 – Шеворошкин В. В. Исследования по дешифровке карийских надписей. М., 1965.
- Яйленко. 2010 – Яйленко В. П. Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М., 2010.
- Haas. 1966 – Haas O. Die Phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966.
- Kretschmer. 1935 – Kretschmer P. Zum Balkan-Skytischen // Glotta. 1935. Bd. 24. Hft. 1–2.
- Lehmann-Haupt. 1921 – Lehmann-Haupt K. F. Kimmerier // Revue Epigraphique. 1921. Hft. 21.
- Pape, Benseler. 1884 – Pape W., Benseler G. E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1884.
- Pulpuđeva. 1980 – Pulpuđeva. Sofia, 1980.
- Solin. 1982 – Solin H. Die griechischen Personennamen in Rom. Berlin; New York. 1982. Bd. 1.
- Syll.³ – Dittenberger G. Sylloge inscriptionum Graecarum. Lipsiae. 1915. Vol. 1.
- Zgusta. 1964 – Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964.
- Zgusta. 1984 – Zgusta L. Kleinasiatische Ortsnamen. Heidelberg, 1984.

В. Ю. Зуев

Скифский логос Геродота: композиция линий повествования

Скифский логос (*Hdt.* IV. 1–143)¹⁶⁷ интересен, помимо содержания, ещё и той сложностью композиции литературного текста, которой вообще отличается повествовательный стиль Геродота. Ведь именно благодаря насыщенности текста его книги разнородными и разноплановыми линиями повествования, сплетёнными воедино, Геродот ещё в древности снискал славу «отца истории» в значении искусного рассказчика (*Cicero. De leg. I. I* [5]).

¹⁶⁷ Логос о Скифии в данном случае – это взятый из текста Геродота фрагмент повествования, имеющий в силу законченности значение отдельной исторической новеллы. Подробнее о таком понимании и использовании слова *λόγος* см. Доватур. 1957. С. 65.

Историческая новелла о походе Дария в Скифию – это не последовательное повествование, цельное само по себе. Это серия разнохарактерных известий о стране и народах, объединённых вокруг одного сюжета и героя – царя Дария и его действий, как вождя большой армии. По структуре эта большая новелла или логос, делится на осевую линию повествования и многочисленные парентезы, введённые в текст, которые образуют разноплановые комментарии. Такой сложный текст по своему характеру требует тщательно разработанной и очень продуманной композиции, структура которой во многом определена проблемой увязки разных по природе своей источников информации, имеющих различное происхождение. Анализируя сплетение нитей основной сюжетной линии и самостоятельных по своей природе парентез, можно получить общее представление о том, какой широкий круг источников имелся у Геродота, как по-разному он их использовал, увязывая разнородные тексты в единое повествовательное полотно. Определить точно перечень источников для Скифского логоса через анализ повествовательных линий рассказа, конечно же, нельзя, но почувствовать разницу, особую логику соподчинений и направления связей таких повествовательных нитей, безусловно, можно. Это, на мой взгляд, делает анализ композиции Скифского логоса не только интересным источниковедческим делом, но и важным для того, чтобы избежать ошибочного восприятия образа Скифии, созданного Геродотом, как цельного исторического феномена.

Осевая линия «Скифского логоса», её структура и характер.

Ещё в древности стиль изложения Геродота называли «нанизывающим» (Зелинский. 1919. С. 56). Осевые линии новелл, сменяя друг друга, служили канвой повествовательного полотна в целом, на которые как пояснения и дополнения «нанизывались» все парентезы, имеющие самостоятельное значение. Стилистически такой приём сочетания повествования с комментариями (ретардация) – один из характернейших в творчестве Геродота. Насколько «крепка» была линия основы новеллы, сколько она была способна выдержать пояснительных отступлений, хорошо можно почувствовать на примере осевой линии Скифского логоса (Hdt. IV: 1.1 – ...4 – 46... – 83–85.1 – 87.1 – 88, 89 – 91–93 – 97–98 – 102.1 – 118–129... – 130–136 – 140–143)¹⁶⁸. Общее соотношение объёмов повествования осевой линии и парентез соотносится в пропорции 1 : 3,12. Но это далеко не равномерно распределённое соотношение. Начинаясь в параграфе *Hdt. IV. 1. 1* («После взятия Вавилона был поход самого Дария на скифов»), и

¹⁶⁸ Я придерживаюсь структурирования текста, принятого А. И. Доватуром (вслед за С. Hude) для издания: Доватур и др. 1982. а также: Herodoti historiarum libri IX. Ed. H. R. Dietsch, H. Kallenderg. Lipsiae, 1899.

намеченная пунктиром лишь в конце *Hdt. IV. 4* и в начале *Hdt. IV. 46*, Геродот возвращается к главной линии повествования только в последней фразе *Hdt. IV. 82* («Я же перехожу к тому, о чём соби-рался рассказать с самого начала»). В этой части Скифского логоса соотношение текста осевой линии повествования к введённым парентезам составляет 1 : 71,4 (sic!) При этом логика ввода такого объёма комментариев легко понимаема и тщательно оговорена автором, о чём ещё будет речь далее.

В следующей части новеллы *Hdt. IV. 83–98* осевая линия повествования, где описан путь Дария от Суз до переправы через р. Истр (*Hdt. IV. 83, 85, 87–89, 91–93, 97–98*), в соотношении с парентезами составляет 1,06 : 1 их общего объёма – поразительный контраст с предыдущей частью!

В заключении Скифского логоса *Hdt. IV. 99–143*, где излагается весь ход военной кампании персов и скифов, соотношение осевой линии, посвящённой действиям Дария и скифов (*Hdt. IV. 102.1, 118–128, 130–136, 140–143*), и отступлений от них, меняется ещё более радикально в пользу главной фабулы повествования. Их пропорция составляет 1,38 : 1. Такова структура Скифского логоса.

Говоря о его характере и стиле повествования Геродота, уместно вспомнить определение, данное А. И. Доватуром исторической новелле, каковой и является Скифский логос – рассказ об одном из эпизодов жизни царя Дария. Историческая новелла, λόγος у Геродота, имеет ярко выраженный фольклорный характер. «Стиль этих фольклорных рассказов характеризуется хорошо известными признаками: прямая речь, характеристика героев их действиями, избегание всего абстрактного, стремление к наглядности, любовь к контрастам, выделение главной фигуры, часто – второго действующего лица, центр тяжести – в конце или близко к концу рассказа, иногда второй акцент в начале, обилие вещей снов, чудес, предзнаменований, смысловая (а не хронологическая) последовательность событий, своеобразная манера введения пропущенных ранее подробностей, любовь к детальным описаниям, излюбленные числа (три, семь и некоторые другие), ретардация, как один из важнейших приёмов рассказа, стремление рассказчика не выступать вперёд» (Доватур. 1957. С. 65). Рассмотрим эти признаки в осевой линии повествования Скифского логоса.

Композиционное построение его уже таково, что кульминационная составляющая рассказа – его центр тяжести – поход Дария за Истр и борьба со скифами, отодвинута в самый конец логоса (*Hdt. IV. 102.1, 118–128, 130–136, 140–143*). Другой акцент – описание страны к северу и востоку от Понта и её места в ойкумене, заселённой невежественными племенами, исключение из которых составляют скифы, составляет второй план повествования. Он занимает

начало и среднюю часть логоса и, чтобы не затмить основную линию повествования, целиком поглощён парентезами (*Hdt.* IV. 5–45, 46–82).

Рассказ Геродота целенаправленно конкретен всеми своими деталями. Никаких абстрактных рассуждений в осевой линии повествования не содержится. Причём сам Геродот выступает критиком любых абстракций, относящихся, прежде всего, к географическим представлениям эллинов об ойкумене. Показательна в этом отношении его полемика с теми, кто описывает землю, чертя её пределы с помощью циркуля. Геродот именно в Скифском логосе, решая задачу дать определение границ Скифии, приводит свою схему соотношения материков: Европы, Скифии и земель, лежащих за нею в восточном направлении, Азии и Ливии. Необъяснимой остаётся только парентеза (*Hdt.* IV. 99–101), где приводятся сведения о «скифском квадрате» – сведения, диссонирующие абстрактностью с другими частями логоса настолько, что возникает ощущение текстуальной неаутентичности этой парентезы.

Главным героем Скифского логоса, безусловно, является персидский царь Дарий. Именно его замыслам, эмоциям, решениям и действиям посвящено внимание Геродота. Личное желание Дария отомстить является поводом войны со скифами. Это – излюбленная Геродотом мотивировка исторических событий (Доватур. 1957. С. 112–113). Глагол *τείσασθαι* повторяется дважды: в самом начале Скифского логоса (*Hdt.* IV. 1.1) и в заключении *Hdt.* IV. 4, когда Геродот делает акцент на теме мести, причину которой он напоминает в отступлении *Hdt.* IV. 1.2–3, отсылая читателя к рассказу о владычестве скифов в Азии (*Hdt.* I. 103–106).

Интересна характеристика Дария как героя через его действия. В *Hdt.* IV. 85.1, 87 он смотрит на море у переправы персов через Боспор. Это затянутое действие даёт Геродоту возможность ввести парентезу о Понте, его размерах и о том, как измерялось море (*Hdt.* IV. 85.2–4, 86). Причём, когда эти данные были введены в рассказ, Геродот не забывает отметить, что его герой всё это время смотрел на Понт (*Hdt.* IV. 87), т. е. действие осевого повествования не прерывается парентезой. При этом Геродот подчёркивает его восторг как от моря, так и от сооружённой переправы (*Hdt.* IV. 88). Не менее эмоционален Дарий и у истока реки Теара, повелевая высечь на стеле у понравившейся ему реки, наряду со словами восхищения природой и то, что в эти благодатные места, «*ведя войско на скифов, прибыл муж самый лучший и самый прекрасный из всех людей – Дарий, сын Гистаспа*» (*Hdt.* IV. 91.2). Столь же пафосна прямая речь Дария, обращённая к вождю митиленцев – Кою, сыну Эрксандра (одному из важных персонажей второго плана), удержавшего Дария от разрушения моста через р. Истр (*Hdt.* IV. 97.6): «*Чужеземец лесбосец,*

когда я благополучно вернусь назад в мой дом, явись ко мне непременно, чтобы я отблагодарил Тебя за добрый совет добрыми делами»¹⁶⁹. Именно благодаря совету Коя, Дарий примет решение, о котором он рассказал сам ионийским тиранам (*Hdt.* IV. 98) и которое спасёт жизнь уцелевшей в походе части персидского войска.

В кульминационной части логоса образ Дария отчётливо блекнет – никаких деталей похода персов и их царя по землям Северного Понта Геродот не приводит от момента перехода через Истр (*Hdt.* IV. 98.3) вплоть до поворотного события – строительства укреплений на р. Оар (*Hdt.* IV. 124)¹⁷⁰. И только на обратном пути к Истру по землям Скифии Дарий вновь выделяется как герой, но уже в контексте антитезы Дарий – скифский царь Идантирс и даже более уничтожительно – цари скифов. В *Hdt.* IV. 126, 127 происходит диалог двух вождей персов и скифов. Причём слова Дария передаются царю скифов через персидского вестника, а Идантирс отвечает прямой речью, более пространной и эмоциональной, что делает скифского вождя более значимой фигурой в этом месте осевого повествования. И это при том, что образ Идантирса в общем-то эпизодичен в рассказе о скифо-персидской войне. Следует также отметить, что передавая многое из полемики вождей народов, живущих у Понта, в прямой речи, Геродот (вероятнее всего, вслед за *новым* источником) ни разу в их уста не вкладывает имени Дария, называя его просто Персом (*Hdt.* IV. 118, 120, 127)¹⁷¹.

Чем ближе к финалу логоса, тем характеристика главного героя становится всё более негативной. В *Hdt.* IV. 131 сказано даже о безвыходном положении Дария, о котором узнают цари скифов! Описывает Геродот и ошибку Дария, пребывающего в подавленном состоянии, при истолковании скифского послания – птицы, мыши, лягушки и пяти стрел (*Hdt.* IV. 132.1). Геродот подчёркивает, что на совете Дарий, вопреки всем традициям, первым предлагает своё

¹⁶⁹ Дарий сделает Коя тираном Митилены, но тот будет изгнан из города и побит камнями во время восстания ионийцев (*Hdt.* V. 11, 37–38).

¹⁷⁰ Возникает ощущение, что у Геродота не было вообще персидских источников о походе Дария по землям Понта, а его рассказ о действиях скифов (и в контексте их – о действиях Дария), заимствуются автором из какого-то другого – несомненно, фольклорного источника, в котором образ Дария становится негативным до анекдотичности и ироничного отношения к нему. Я имею в виду продолжение осевой линии Скифского логоса после очень странной парентезы (*Hdt.* IV. 99–101) об абстрактном «Скифском квадрате», поглотившем своей тьмою (как на картине К. Малевича «Чёрный квадрат») все детали повествования о походе Дария по землям к северу от Понта.

¹⁷¹ Это не пренебрежение к врагу, а свойство источника, использованного Геродотом для кульминационной части Скифского логоса. Интересно отметить, что цари племён, живущих у Понта, также названы вместо имён этниконами: Гелон, Будин, Савромат, Агафирс, Невр, Андрофаг (*Hdt.* IV. 119).

толкование, выдавая желаемое за действительное. И его мнение, мнение «самого лучшего и самого прекрасного из всех людей – Дария, сына Гистаспа, царя персов и всего материка», опровергает Горбий – один из тех, кто привёл Дария к власти (*Hdt.* IV. 132.2–3). В этих деталях заключена уничижительнейшая характеристика главного героя новеллы явно фольклорного, анекдотичного происхождения. Этот риторический эффект усилен Геродотом в прямой речи самого Дария после несостоявшейся битвы со скифами: «*Эти мужи относятся к нам с большим презрением, и мне теперь ясно, что Горбий правильно сказал о скифских дарах. Поскольку и мне самому теперь уже кажется, что дело обстоит именно таким образом, необходимо хорошо подумать, чтобы НАШЕ возвращение назад было вполне безопасным*» (*Hdt.* IV. 134.2). Под безопасностью Геродот явно имеет в виду самого царя, а не персов вообще, что оттенено в *Hdt.* IV. 136 важным смысловым штрихом: оставленные в лагере персы понимают: «*что они преданы Дарием*». Более о деяниях Дария в исторической новелле не говорится ни слова. Драматично и последнее, косвенное, упоминание Дария в контексте рассказа о походе на скифов: владыку материка спасает безымянный египтянин, «человек из свиты», обладающий громким голосом, которому Дарий приказывает на берегу Истра докричаться до милетянина Гистиэя (*Hdt.* IV. 141). Таков образ главного героя Скифского логоса и такова характеристика его действий в устах Геродота.

Помимо Дария, в основном повествовании Скифского логоса есть ещё 30 персонажей, которые действуют как герои второго плана. Это четверо персов, одиннадцать вождей народов, живущих в землях к северу от Понта, четырнадцать тиранов эллинов из Геллеспонта и Ионии и один анонимный египтянин.

Из четырёх персов, упомянутых на втором плане повествования, трое, в целом, негативно относятся к походу Дария на скифов. Таковы позиции Артабана, брата Дария, уговаривающего царствующего брата не совершать поход (*Hdt.* IV. 83). Таков и приближённый к царю перс Ойобаз, заботящийся о сохранении своего рода и умолявший царя оставить одного из трёх сыновей в столице. В ответ Дарий проявляет коварную назидательную жестокость: обещая Ойобазу оставить всех сыновей в столице, Дарий распорядился их всех умертвить (*Hdt.* IV. 84). Интересно, что оба эти сюжета – о мудром советнике-родственнике царя и о пресечении рода сомневающегося в успехе подчинённого – Геродот развивает позднее ещё раз в новелле о походе Ксеркса на эллинов (совет Артабана Ксерксу – *Hdt.* VII. 10; 44; Ксеркс и сыновья лидийца Пифия – *Hdt.* VII. 38–39). Противником Дария, чьё мнение царь вынужден был признать и действовать, согласно с ним, выступает и Горбий – один из тех, кто привёл Дария к власти. Его истолкование скифских даров (*Hdt.* IV. 132.2–3) и план

отступления, принося в жертву обоз и часть персидского войска (*Hdt.* IV. 134.2–3) является кульминационным моментом персидской экспансии за Истром. Четвёртый перс, весьма ценный Дарием, – Мегабаз, получает в управление персидскую армию во Фракии, после отплытия Дария в Азию (*Hdt.* IV. 143). Любопытно отметить, что композиционно персидские герои второго плана введены в логос посредством образа брата царя: с Артабана этот ввод начинается, и заканчивается на Мегабазе, о достоинствах которого Дарий рассуждает всё с тем же Артабаном.

Из числа противников персов – предводителей народов, живущих к северу и востоку от Понта, выделяется только один персонаж – скифский царь Идантирс, племянник знаменитого Анахарсиса (*Hdt.* IV. 76.2, 120, 126–127). Его Геродот называет царём самой большей части Скифии. Остальные десять персонажей только упомянуты в перечислении участников совета о стратегии борьбы с персидским вторжением.

Из четырнадцати ионийцев, упомянутых в Скифском логосе, активными персонажами второго плана являются только четверо – десять тиранов упомянуты в отступлении, поясняя, кто присутствовал на совете по поводу предложения скифов разрушить мост через Истр (*Hdt.* IV. 138). Первым выступает Мандрокл, самосец, построивший мост через Боспор (*Hdt.* IV. 87, 88). В рассказе о нём Геродот очень подробно описывает картину переправы персов через Боспор, подаренную Мандроплом в храм Геры на Самосее, наглядно описывая её детали и приводя все обстоятельства появления этого шедевра Мандрокла. Далее на втором плане повествования появляется Кой, сын Эрксандра (*Hdt.* IV. 97), стратег и будущий тиран Мителены, давший Дарию мудрый совет сохранить переправу через Истр. Дарий, после похода на скифов, исполнил желание Коя о власти в Митилене, но он погибнет в восстании ионийцев под стенами родного города, забитый камнями, за свою верность персидскому владыке (*Hdt.* V. 11, 37–38). Верным Дарию тираном Милета выступает Гистизей, будущий подстрекатель ионийского восстания. Именно в его уста вложены Геродотом убедительные слова, обращённые к эллинским тиранам о том, почему нужно быть верным им персидскому владыке (*Hdt.* IV. 137), и именно к нему взывает глашатай Дария с призывом спасти армию на северном берегу Истра (*Hdt.* IV. 141). Единственным противником Дария в контексте Скифского логоса из числа эллинов выступает один из главных героев «Истории» Геродота – афинянин Мильтиад, предводитель геллеспонтийских эллинов, призывавший принять предложение скифов разрушить мост через Истр (*Hdt.* IV. 137). Нелогичность такого поступка Мильтиада рядом исследователей объясняется тем, что Геродот выделяет его как будущего врага Дария уже в контексте событий

Скифского логоса, *post factum*, желая «обелить» будущего вождя эллинов в борьбе с персидским нашествием (Доватур и др. 1982. С. 383. Комм. 695). Но мне представляется, что к этому допущению есть ещё одно немаловажное дополнение, связанное с композицией Скифского логоса. Дело в том, что все персонажи второго плана в этой исторической новелле очень чётко и симметрично распределены Геродотом по их отношению к Дарию и его действиям. Они делятся на 10 активных персонажей и 20 имён, только упоминаемых на втором плане Скифского логоса. Из первой десятки пять героев являются верными сподвижниками Дария (перс Мегабаз, трое ионийцев: Мандрокл, Кой и Гистизэй, а также – анонимный египтянин из свиты Дария). Столько же героев второго плана активно выступают как критики и противники персидского царя (трое персов: Артабан, Ойобаз, Горбий, скиф Идантирс и афинянин Мильтиад). Из числа неактивных героев в логосе упомянуты 10 эллинских тиранов, которых уравнивают 10 имён предводителей народов, живущих у северного побережья Понта. Такая симметрия в распределении персонажей – характернейшая черта фольклорной природы повествования Геродота о скифо-персидской войне в целом, где распределение ролей и мотивация действий отдельных героев определяется во многом фабулой повествования и отношением к главному герою исторической новеллы.

В этом же контексте следует оценить и завершающие историческую новеллу слова Геродота о том, что ионийцы, с одной стороны, «самые подлые и трусливые из всех людей, с другой стороны, утверждают, что если судить об ионийцах, как о рабах, то это невольники, любящие своего господина и ни в малейшей степени не склонные к бегству от него» (*Hdt.* IV. 142). Геродот формулирует этот вывод, не выделяя себя, как автора, этого мнения. Он вуалирует его, ссылаясь на мнения скифов об ионийцах и их коварстве. Это тоже важный штрих, характеризующий стиль Геродота, как рассказчика. Ведь на этом фоне афинянин Мильтиад противопоставлен Геродотом ионийцам совершенно закономерно, дабы выделить его, как единственного из эллинов, враждебно относящегося к персидскому владыке, не предвосхищая этим будущее героя. Свою роль Мильтиад играет абсолютно независимо от реальности – так определяют его позицию законы фольклорного жанра повествования: он единственный из эллинов, не иониец, который жаждет уже по этому определению поражения царю персов. И для фабулы новеллы неважно – были ли это в реальности, или же интерполировано *post factum*, оставляя необъяснимым, почему Дарий не покарал Мильтиада за фактическую измену. Для новеллы важно, чтобы общая симметрия противодействующих сил была гармонично и симметрично распределена согласно законам жанра рассказа.

Такова в общих чертах характеристика осевой линии повествования Скифского логоса (*Hdt.* IV. 1.1 – ...4 – 46... – 83–85.1 – 87.1 – 88, 89 – 91–93 – 97–98 – 102.1 – 118–129... – 130–136 – 140–143). Её структура и фольклорный генезис хорошо выявляется при дополнительном анализе парентез, нанизанных на осевые нити повествования, которые в полной мере дают возможность оценить изящество приёма ретардаций, которыми Геродот владел в совершенстве.

Парентезы и круг их источников. Осевая линия исторической новеллы о походе Дария на скифов прерывается парентезами одиннадцать раз (*Hdt.* IV: 1.2 – 4; 5–45; ...46–82; 85.2 – 86; 87.2; 90; 94–96; 99–101; 102.2 – 117; ...129; 137–139).

Первая парентеза (*Hdt.* IV. 1.2–4) является завершением рассказа Геродота о владычестве скифов в Азии. То, что рассказ о скифах, вернувшихся к своим очагам и встретивших там враждебное им молодое поколение номадов, рождённых от скифянок и рабов, вставлено в осевое повествование, оговорено Геродотом в начале и в конце данного отступления. Рассказывая о несправедливостях скифов в Азии, Геродот вводит первую парентезу Скифского логоса словами: «Ведь, как у меня было сказано прежде...» (*Hdt.* IV. 1.2). Далее следует парентеза и в конце её Геродот возвращает читателя к тому моменту повествования, с которого он начал отступление: «Итак, скифы властвовали над Азией и потом, изгнанные мидийцами, возвратились в свою страну именно таким образом» (*Hdt.* IV. 4). В этой фразе подводятся итог всего, что было рассказано Геродотом в *Hdt.* I. 103–106 и IV. 1.2 – ...4. Как отмечает А. И. Доватур, подобные формулировки являются излюбленными у Геродота заключительными формулами, завершающими парентезы при возвращении к главным сюжетным линиям повествования (Доватур, Каллистов, Шишова. 1982. С. 206. Комм. 137). При этом парентеза введена как продолжение рассказа (*Hdt.* I. 103–106) и к нему сделано дополнительное отступление – типичный повествовательный приём ввода дополнительных подробностей у Геродота – о слепых рабах и способах доения кобылиц. Геродот явно имел в своих руках записанное с подробностями предание о судьбе скифов после их гегемонии в Азии. Он явно сокращает свой источник, желая быть лаконичнее его и при этом, вероятно, допустил ошибку (или текст его был испорчен позднее), увязав воедино ослепление скифских рабов с их основной деятельностью – доением кобылиц.

В специальной работе я имел возможность привести доказательства в пользу того, что новелла об ослеплении рабов связана с темой ревности скифов к своим жёнам, оставляемым с рабами во время похода в Азию (Зуев. 1995. С. 175–182). Этот логический сбой, на мой взгляд, позволяет ощутить то, как именно Геродот вводит пояснительные парентезы в основное повествование, сжимая в пересказе

источник вплоть до потери логических звеньев его фабулы, но не теряя при этом ярких черт, характеризующих быт номадов, их обычаи и нравы.

Вторая парентеза (*Hdt.* IV. 5–45) имеет более сложную структуру. Она не имеет соподчинения вводными словами с осевой линией повествования. Всё отступление является двойной парентезой, составленной из разных источников. Первая часть парентезы (*Hdt.* IV. 5–7, 8–10, 11–12, 16–24, 25–27, 28–34) – это рассказы, объясняющие происхождение скифов и перечень народов, живущих по соседству с ними. Вторая часть парентезы состоит из сведений Геродота об Аристее из Проконнеса, заимствований из его поэмы «Аримаспейя» и, через изложение взглядов на гипербореев, рассуждений о формах материков, заселённых реальными людьми (*Hdt.* IV. 13–15, 25–27, 32–35, 36–40, 41–43, 44, 45).

Первая часть парентезы имеет интересную композиционную особенность: первый и последний сюжет в ней завершается, по сути, одним и тем же текстом о падающих с неба перьях (*Hdt.* IV. 7 и 31), а находящаяся в середине парентезы часть (*Hdt.* IV. 11–12) – версия происхождения скифов, которой Геродот доверяет больше всего, – является по логике началом рассказа о вторжении скифов в Азию, их гегемонии и исходе в Скифию, во время которого скифы были вынуждены бороться с поколением номадов, родившемся от скифянок и рабов.

Первые три сюжета, поясняющие кто такие скифы, посвящены их генезису (т. н. «скифская» (*Hdt.* IV. 5–7), «эллинская» (*Hdt.* IV. 8–10) и «азиатская» (*Hdt.* IV. 11–12) версии происхождения скифов). К этому рассказу примыкает и диафеса племён, живущих от гавани Борисфенитов до окраин ойкумены (*Hdt.* IV. 16–31). Но перед тем как начать это перечисление, Геродот ссылается на свой основной источник о землях, лежащих за Скифией – поэму Аристея из Проконнеса «Аримаспейю», рассказав в *Hdt.* IV. 13–15 кто такой автор поэмы и какова его судьба. С поэмой Аристея связана вторая часть парентезы (*Hdt.* IV. 25–27, 32–35, 36–45) – то, что Геродот считает нужным откомментировать особо, применительно к сведениям Аристея. Эти отступления к отступлению так вписаны в общую парентезу, что они оттеняют главное в его повествовании – ведь «никто точно не знает, что находится выше страны, о которой начато это повествование» (*Hdt.* IV. 16). Упомянув об Аристее, как об источнике части сведений, Геродот здесь же косвенно характеризует остальное: «то, что мы смогли как можно более точно выяснить по слухам, – всё это будет изложено». Этим Геродот подчёркивает, что созданное им полотно этногеографии Скифии и земель, лежащих за нею, сплетено из нитей устных рассказов, данных поэмы Аристея, и, возможно, поэмы о путешествии Аполлона к гиперборейцам Абариса.

В *Hdt.* IV. 17–20 приводится диафеса племён Скифии от гавани Борисфенитов (вероятнее всего, милетской колонии на о. Березань) до Танаиса. В *Hdt.* IV. 21–24 перечисляются народы, живущие за Скифией в северо-восточном направлении – от савроматов до плешивых людей. В *Hdt.* IV. 25–27 содержатся сведения, определённо заимствованные Геродотом у Аристея. И здесь обе части парентезы пересекаются.

Последний блок первой части парентезы содержит климатическую характеристику земель, лежащих выше Понта. Понимая, что эти комментарии уже очень далеко уведут читателя от осевой линии повествования, Геродот в оправдание замечает: *«ведь моё повествование с самого начала требовало вставных замечаний»* (*Hdt.* IV. 30) и продолжает комментировать сведения своего названного источника – поэмы Аристея. Этот комментарий превращается в самостоятельный экскурс о гиперборейцах (*Hdt.* IV. 32–35) и его Геродот обрывает сам, явно недоговорив многое, отказываясь рассказывать *«ещё об Абарисе, которого считали гиперборейцем»* (*Hdt.* IV. 36).

Чтобы понять значение заключительной части второй парентезы (*Hdt.* IV. 36–45), ещё раз акцентирую внимание на диафесе скифских и нескифских племён, составленной Геродотом как описание земель, находящихся за *«страной, о которой начато это повествование»* (*Hdt.* IV. 17–31). Геродот поясняет, что поскольку никто не знает и не приводит цельного описания земель и народов от гавани Борисфенитов, через Скифию, до гипербореев, то он перечисляет эти народы, заимствуя сведения из разнородных источников. И в этой композиции существует один серьёзный недостаток сугубо географического характера. Используя понятие «выше» в значении «далее, за чем-либо», Геродот движется в своей диафесе не в системе географических координат «север = верх, юг = низ», как мы привыкли осмыслять эти понятия, а условно переходя в земли других народов. Движение его задано аристеевским порывом дойти до земель народа, живущего на краю ойкумены – гипербореев. Но, как мы знаем, путешествие Аристея в этом направлении достигло лишь земель, где обитали исседоны. Геродота эта неопределённость в точности географического вектора перечисления народов, живущих за Скифией, явно беспокоила. Вот почему в *Hdt.* IV. 36 он выступает с пространственным рассуждением о неудовлетворительности общих географических представлений эллинов, о вычерченности «по циркулю» карты ойкумены с океаном по краям и против абстрактных представлений о гиперборях и «гипернотиях», живущих по краям обитаемой земли. *«Смешно видеть, как уже многие составили описание земли, но никто не дал разумного объяснения. Они изображают Океан, обтекающий вокруг Землю, которая имеет вид круга, словно начертана*

циркулем, а Азия у них равна Европе. **В немногих словах я опишу и величину каждой из этих частей, и их очертания»** (*Hdt.* IV. 36.2).

Х. Штейн объяснял переход Геродота от рассказа о гиперборейцах к рассуждениям о формах и величине Европы и Азии бесхитростностью автора и логикой связи авторских размышлений о мифическом народе, живущем на краю ойкумены с сюжетом об очертании материков (Stein. 1869. Komm. 295, 312). Но, как мне представляется, этот переход не так прост. Он демонстрирует особое мастерство Геродота, путём создания повествовательной линии комментариев второго плана, уточнить то неясное, что смущало его в парентезе к осевой линии логоса. При такой оценке зашедших далеко от осевой линии повествования отступлений, становится понятным, что всё рассказанное Геродотом в *Hdt.* IV. 36–45 является развёрнутым комментарием к диафесе племён Скифии и живущих за нею народов (*Hdt.* IV. 17–31). Сравнивая Европу и Азию и рассказывая о размерах последней и порядке расселения в ней народов, Геродот выстраивает этим самым параллельный азиатский вектор народам, живущим в Скифии и за её пределами. Пониманию того, что отступление *Hdt.* IV. 36–45 является на самом деле географической параллелью к *Hdt.* IV. 17–31, мешают только два обстоятельства. Современное понимание слов «*выше, за*» в *Hdt.* IV. 17–31, как указание на северный вектор расселения народов, живущих за пределами Скифии¹⁷². Вторым обстоятельством, весьма характерным для повествовательного стиля Геродота, является своеобразная манера введения пропущенных ранее подробностей, что характеризует именно отступление *Hdt.* IV. 36–45, как продолжение рассказа о населении Азии в *Hdt.* III. 89–102, которые нужно понимать как единый текст о диафесе азиатских народов (Зуев. 2000. С. 61–66). Сведения, содержащиеся в *Hdt.* IV. 37–40, дополняют описание западной и крайней восточной части Азии, начатое в *Hdt.* III. 90–91, где вплоть до *Hdt.* III. 102 характеризуется (по сатрапиям, учреждённым Дарием) внутренняя и крайняя восточная часть Азии, известная в эпоху Геродота не далее западных и южных отрогов Памира (Рис. 1).

Взаимодополнение частей описания Азии в III и IV книгах «Истории» оказывается настолько точным, что объяснением ему может быть только одно: Геродот, опираясь на свои источники о различных частях ойкумены (одним из которых был Аристей), хорошо представлял себе, что диафесы народов, живущих в Скифии и за нею, а также в Азии, расположены географически не перпендикулярно по отношению друг к другу, а параллельными векторами с запада на восток (Рис. 1).

¹⁷² В этом отношении сошлюсь на рассуждения об особом «полярном» цикле сведений у Геродота (Бонгард-Левин, Грантовский. 1974) и на бесплодные поиски гиперборейцев, локализуемых то на побережье Белого моря, то на п-ве Таймыр (Рассадин. 1999).

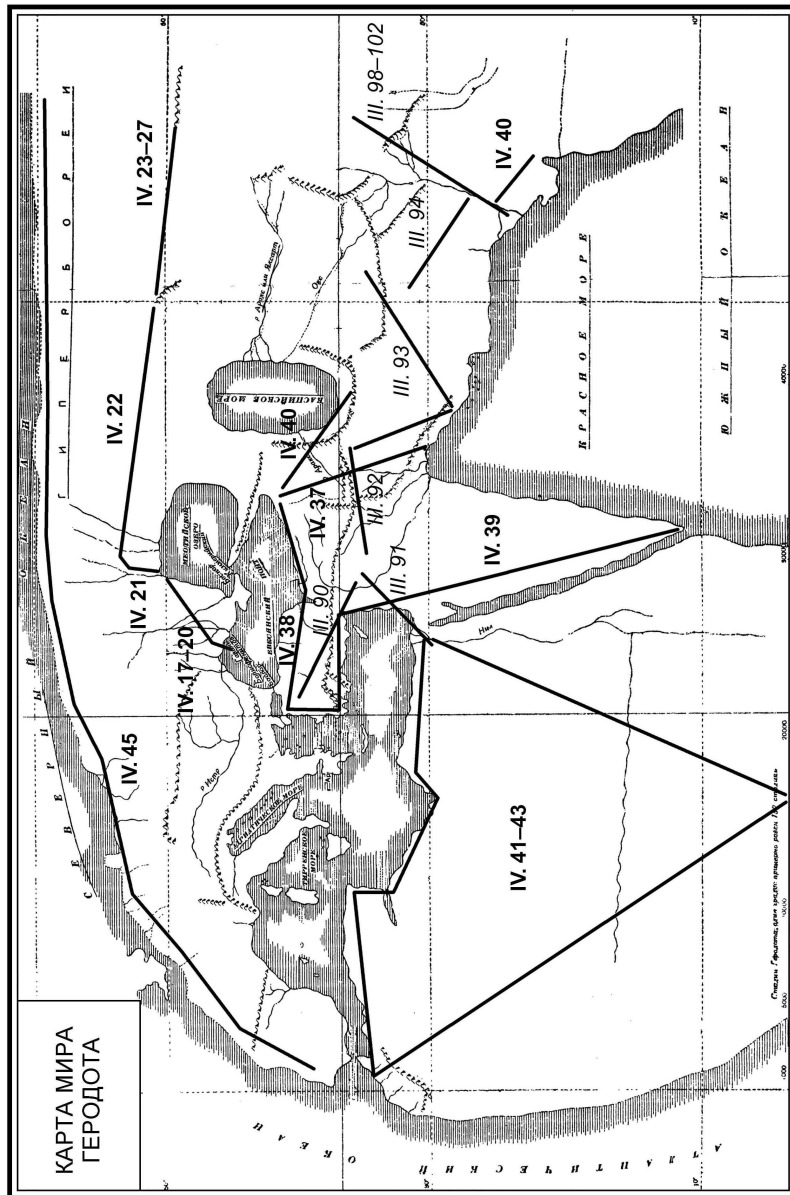

Рис. 1

В пользу такого понимания значения географических отступлений в начале «Скифского логоса» говорят следующие наблюдения:

1). Описание народов, живущих в Скифии и за нею, а также в Азии, начинается с запада и ведётся по направлению к окраинам ойкумены. Оба этих направления в представлениях Геродота заканчиваются неизвестностью – что находится далее («*выше*») их, – что противоречит абстрактным теориям, существовавшим до Геродота, о том, что на краю ойкумены живут на берегу Океана гиперборейцы.

2). Описание народов в обеих диафесах ведётся в широтном направлении, причём встречаются интересные совпадения (ср. описание кровожадных обычаев исседонов в «скифском» векторе и падеев в азиатском векторе, которые одинаково пожирают заболевших и старых членов своих родов – *Hdt. IV. 26* и *Hdt. III. 99*).

3). Интересно, что обе диафесы народов кончаются землями, в которых фантастические животные добывают и охраняют от людей золото – муравьи и «воинственные индийцы» вблизи Пактики в Азии, грифоны и аримаспы в землях за Скифией (*Hdt. III. 102* и *IV. 24*).

4). В контексте сопоставления народов Азии и стран, лежащих за Скифией, интересно отметить рассуждения Геродота о северных и восточных окраинах Европы, где он также упоминает золото и аримаспов (*Hdt. III. 115–116* и *IV. 45*).

Оценивая содержание второй парентезы (*Hdt. IV. 5–45*) и её значение для Скифского логоса в целом, отмечу, что она содержит составленную Геродотом диафесу племён, живущих в Скифии и за её пределами (с опорой на поэму Аристея для народов, живущих «за Скифией»), и авторский комментарий к этой диафесе, в котором он рассуждает о пропорциях и этнографии материков ойкумены, отсылая в «*немногих словах*» к надёжному описанию протяжённости и населения Азии, составленному по данным персидских сатрапий, которое служит географическим вектором, помогающим историку лучше представить северные земли этой части света, лежащие за Скифией.

Третья парентеза (*Hdt. IV. 46–82*) введена после указания, что поход Дария совершился в земли у Понта, населённые самими невежественными племенами, исключение из которых составляют скифы. Парентеза начинается с авторских рассуждений о скифах, которые содержат мотивы идеализации, в духе гомеровской традиции о номадах, с которой Геродот не полностью согласен. Он приводит три объяснения, почему скифы являются исключением из всех «невежественных» народов, живущих у Понта. Первым из них, раскрывающим антитезу «невежественности», является судьба скифского царевича Анахарсиса, его образованность и стремление понять и принять религию и культуру эллинов (*Hdt. IV. 46.1*). Вторым достижением скифов Геродот считает их способность победить любого

врага, вторгшегося в страну. Третьей особенностью он называет образ жизни кочевников, которые не имеют городов и укреплений, их свободу перемещения по необъятным просторам родины, что, собственно и делает скифов непобедимыми (*Hdt.* IV. 46.2–3). «*А всё прочее я не одобряю*» – резюмирует Геродот и это можно отнести к теме «справедливости бедных» в гомеровской традиции о кочевниках. Это размышление самого Геродота о скифах и Скифии, порождает потребность подробно объяснить сказанное, что организует третью парентезу в ряд самостоятельных отступлений, объединённых образом страны, населённой кочевниками.

Геродот отмечает, что непобедимости скифов способствует природа: бескрайняя равнина, богатая сочными травами – естественным кормом коней и скота – и полноводные реки, описанию которых он посвящает первую часть третьей парентезы (*Hdt.* IV. 47–57, 58 – о травах).

Далее Геродот переходит к описанию обычаев скифов. Эта тема охватывает вторую часть парентезы, разбиваясь на ряд отдельных сюжетов (*Hdt.* IV. 59–80 = 59–63 – о богах и жертвах им; 64–66 – об отношении скифов к войне; 67–70 – о прорицателях, о клятвах царским очагом и наказаниях за ложные клятвы, о способах закрепления клятвенных договоров; 71–75 – о могилах скифских царей и о погребальных церемониях и обрядах скифов; 76.1 – об отрицательном отношении скифов к чужим обычаям и о нарушении этого царевичем Анахарсисом [76.2–6 – 77] и [78–80] царём скифов – Скилом).

В заключительной части третьей парентезы Геродот приводит сведения о численности скифов (*Hdt.* IV. 81) и говорит о достопримечательностях Скифии (*Hdt.* IV. 82). И здесь происходит композиционный сбой, относящийся ко всей третьей парентезе. Геродот пишет: «*Эта страна не имеет ничего замечательного за исключением рек величайших и многочисленных. О том, что представляется достойным удивления, помимо рек и обширности равнины, будет рассказано*». Это обещание дано уже после того, как о «достойном удивления» Геродот рассказал в рассматриваемой парентезе. Объяснить этот логический сбой можно тем, что начало *Hdt.* IV. 82 являлось черновой конспективной заметкой Геродота о третьей парентезе, которая ещё не была вставлена в текст логоса, а после вставки – осталась в качестве анахронизма. Возможно и другое объяснение этого логического абсурда как следа манипуляций с текстом «Истории» Геродота александрийских библиотекарей, которые препарировали рукопись Геродота, разделяя её на девять книг, перестраивая при этом части текста. В любом случае, данный логический сбой – интересное свидетельство нарушения композиционного строя повествования Геродота. И далеко не случайно, что именно здесь находится фраза Геродота, завершающая серию больших парентез

Скифского логоса и возвращающая читателей к осевой линии повествования: «*Я же перехожу к тому, о чём я собирался рассказать с самого начала*». Восемь последующих парентез имеют характер кратких комментариев и не идут ни в какое сравнение с разобранными выше тремя большими отступлениями от осевой линии повествования.

Четвёртая парентеза (*Hdt. IV. 85.2–4 – 86*) посвящена описанию Понта и Боспора, а также способов измерения их размеров. Отступление введено, как комментарий о море, на которое со скал Кианей смотрел Дарий. А. И. Доватур отмечает, что это характерный для Геродота литературный приём ввода парентезы в текст, который, для примера, он сравнивает с описанием Аписа, которого в *Hdt. III. 87* рассматривал Камбиз (Доватур и др. 1982. С. 325. Комм. 508). Важно также отметить, что и возвращение к осевой линии повествования Геродот осуществляет фразой: «*Дарий же, когда насмотрелся на Понт...*» (*Hdt. IV. 87*).

Пятая парентеза (*Hdt. IV. 87.2*) является ремаркой Геродота о том, что стало после похода с камнями стел, на которые при переправе через Боспор, Дарий повелел нанести ассирийские и греческие тексты, описывающие переправу его армии.

Шестая парентеза (*Hdt. IV. 90*) содержит описание реки Теар и удивительных свойств её воды. Парентеза введена после слов, что Дарий с армией на три дня расположился лагерем у этой реки (*Hdt. IV. 89*) и закончена в *Hdt. IV. 91* словами: «*И вот, прибыв к этой реке, Дарий расположился лагерем*».

Седьмая парентеза (*Hdt. IV. 94–96*) посвящена отдельному рассказу о вере гетов в бессмертие и о судьбе божественного Залмоксиаса. Парентеза введена как комментарий к сообщению о том, что геты, верящие в бессмертие, оказали сопротивление Дарию, за что были поработаны им (*Hdt. IV. 93*). А закончена она словами, явно продолжающими сказанное в *Hdt. IV. 93*: «*И когда они [геты], имевшие вот такой образ мысли, были покорены персами, то последовали за остальным войском*» (*Hdt. IV. 96*).

Восьмая парентеза (*Hdt. IV. 99–101*) посвящена пространному описанию «скифского квадрата» – странной схематичной географической характеристики Скифии, уже подробно и совершенно иначе описанной Геродотом во второй парентезе. Восьмое отступление резко отличается от всех других парентез. Она никак не выводится и не вводится затем в осевую линию Скифского логоса, а просто разрывает связанное повествование, как раз в том месте, где Дарий, переправившись через Истр, (и, следовательно, уже прошедший Фракию), двинулся вглубь Скифии. Тем более странно и бессмысленно звучит начало этой парентезы: «*Перед скифской землёй лежит Фракия, выступающая в море*». Причём ряд издателей текста переводят

эту фразу иначе: «*Дальше (глубже) Скифии вдаётся в море Фракия*» (Stein. 1869). Трудность понимания этого неожиданного по смыслу перехода, неясности формулировок ряда географических позиций в характеристике «скифского квадрата», породили много споров среди комментаторов этой парентезы Геродота. Большая часть мнений исследователей о трудности понимания *Hdt. IV. 99–101* подробно разобрана уже с историографической точки зрения (Доватур и др. 1982. С. 335–336. Комм. 571, 572). Я сошлюсь в дополнение к этому лишь на оригинальное предложение Б. Браво, предложившего рассматривать *Hdt. IV. 99–101*, а также данные «полярного» цикла (*Hdt. IV. 7.3* и *Hdt. IV. 31*) как поздние – вероятно, византийских времён – вставки в текст «Истории» Геродота (Bravo. 2000. Р. 21–112). Замечу, что с композиционной точки зрения, предложение Б. Браво выглядит резонно – указанные параграфы «полярного цикла» находятся в конце соответствующих частей парентез и могли быть внесены в текст, как стилизованные «под Геродота» вставки. А восьмая парентеза, выбивающаяся своим абстрактным географическим «скифским квадратом» из всего, что до этого написал Геродот о Скифии и землях, лежащих за нею, – статья стилизованной парентезой поздних авторов, неловко копирующих приёмы повествовательного стиля Геродота.

Девятая парентеза (Hdt. IV. 102.2–117) посвящена этнографической характеристике восьми народов, цари которых собрались на совет по поводу вторжения персов в земли, севернее Понта. Парентеза вводится сообщением, что скифы посылают послов к собравшимся вместе вождям восьми народов (*Hdt. IV. 102.1*) и завершается словами: «*Итак, послы скифов, прибыв к собравшимся вместе царям этих перечисленных племён...*» (*Hdt. IV. 118*).

Интересным свидетельством единства текста заключительной части осевой линии повествования с большими парентезами в начале Скифского логоса, служит описание действий Дария в пустыне, простирающейся на семь дней пути за землями будинов (*Hdt. IV. 123.2–3 – 124.1*), о которой Геродот писал во второй парентезе, конструируя из различных источников диафесу народов, живущих за пределами Скифии (*Hdt. IV. 22*). То же демонстрирует и содержание *десятого отступления (Hdt. IV. 46)*, посвящённое описанию крика ослов и внешнего вида мулов, которые пугали скифов. Геродот замечает при этом: «*Ведь на скифской земле, как прежде было у меня объяснено, не рождается ни осёл, ни мул; и во всей скифской стране из-за холодов вообще нет ни одного осла или мула*» (*Hdt. IV. 129.2*). Тем самым читателю даётся отсылка к тому, что написано Геродотом во второй парентезе при характеристике климата Скифии (*Hdt. IV. 28.4*).

Одиннадцатая парентеза (*Hdt.* IV. 137–139), заключительная в Скифском логосе, посвящена описанию совета ионийских тиранов по поводу предложения ионийцам скифов разрушить мост и погубить Дария и его войско на левом берегу Истра. Значение ввода этой парентезы выше уже было объяснено при характеристике героев второго плана новеллы о скифском походе Дария.

Такова в общем обзоре структура Скифского логоса Геродота и композиция основных линий его повествования. Их анализ позволяет лучше чувствовать разнородный характер нитей повествования «отца истории», искусно сплетённых им в единое полотно романической эпопеи о скифо-персидской войне. Завершая этот обзор Скифского логоса, хочу подчеркнуть ещё раз фольклорный характер этой новеллы, фабула которой очень похожа на сюжет главной темы «Истории» Геродота – описание хода греко-персидской войны. С. А. Тахтаджян, рассматривавший тему непобедимости скифов в «Истории» Геродота как проявление идеализирующей тенденции, привёл двенадцать совпадений в деталях описания скифо-персидской и греко-персидской войн, которые разделяло более трёх десятков лет: «1 – в обоих случаях причина войн – мотив мести (*Hdt.* IV. 1.1 и *Hdt.* VII. 5.2–3; 8); 2 – реальная цель войн – покорение Европы (*Hdt.* IV. 118 и *Hdt.* VII. 5.3, 8, 50.4, 54.2); 3 – Дарий и Ксеркс отказываются следовать советам Артабана не воевать со скифами (*Hdt.* IV. 83) и греками (*Hdt.* VII. 10–11); 4 – в походах участвуют представители всех народов персидской державы, включая и только что покорённых (*Hdt.* IV. 87.1; 96.2 и *Hdt.* VII. 21, 185); 5 – упоминавшееся выше повторение судеб детей перса Ойобаза и лидийца Пифия (*Hdt.* IV. 84 и *Hdt.* VII. 27–29); 6 – в обоих случаях сооружается мост между Европой и Азией (*Hdt.* IV. 83.1, 87–88, 118.1 и *Hdt.* VII. 33–36); 7 – подробно описывается марш Дария от Боспора к Скифии (*Hdt.* IV. 89–93) и марш Ксеркса от Геллеспонта в Грецию (*Hdt.* VII. 58–59; 108–128); 8 – по схожему сценарию проходят совещания вождей народов, живущих у Понта (*Hdt.* IV. 102, 118–119) и представителей греческих государств на Истме (*Hdt.* VII. 145); 9 – в ходе обоих походов большинство ионийцев сохраняет верность персидским царям (*Hdt.* IV. 137 и *Hdt.* VII. 52; *Hdt.* VIII. 85.1); 10 – оба похода завершаются бегством Дария и Ксеркса (*Hdt.* IV. 135 и *Hdt.* VIII. 115); 11 – в спасении Дария и Ксеркса большую роль играет возможность разрушения переправ, причём Ксерксу на эту опасность, как в случае с Дарием, напоминает Артабан (*Hdt.* IV. 137 и *Hdt.* VII. 10; *Hdt.* VIII. 97.1, 108.2–109.1, 117.1); 12 – «скифы у Геродота пытаются организовать коалицию племён для отпора персам (*Hdt.* IV. 118), выступая таким образом в роли защитников Европы. Они также предлагают свободу ионийцам (*Hdt.* IV. 133.2, 136.4). От исхода борьбы греков с персами зависит свобода всей Европы: по

словам Ксеркса, никакое государство или племя в Европе не будет в состоянии противостоять персам, если им удастся одолеть афинян и пелопоннесцев (*Hdt.* VII. 8.3)» (Тахтаджян. 2001). На этом основании С. Тахтаджян сделал допущение, что военная часть скифского лого-са могла быть реконструирована по аналогии с событиями греко-персидского столкновения ретроспективно – т.е. «рассказ об одном из этих походов послужил образцом для другого». Но при этом он всё же не решил окончательно, имеется ли в этих совпадениях проявление анахронизма как метода построения сходных новелл (т. е. поход Дария реконструирован Геродотом по подобию похода Ксеркса на эллинов, как полагал об этом Р. Масап (Macan. 1895. P. LXV–LXVI)¹⁷³, или же совпадения имеют независимое происхождение. Ответ на этот вопрос может стать темой отдельного исследования, в котором также тщательно должна быть проанализирована композиция повествовательных линий новеллы о походе Ксеркса в Грецию.

Литература

- Бонгард-Левин, Грантовский. 1974 – *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М., 1974.
- Доватур. 1957 – *Доватур. А. [И.]*. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
- Доватур и др. 1982 – *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Зелинский. 1919 – *Зелинский Ф. Ф.* Древне-греческая литература эпохи независимости. Пг., 1919. Ч. 1. «Круг знания».
- Зуев. 1995 – *Зуев. В. Ю.* К вопросу об $\delta\kappa\tau\upsilon\phi\lambda\omega\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\omega\nu\ \delta\omicron\upsilon\lambda\omega\nu$ (Herod. IV. 2) // ВДИ. 1995. № 2.
- Зуев. 2000 – *Зуев. В. Ю.* Скифия, земли, лежащие за ней, и Азия в представлениях Геродота об ойкумене // Отделу Востока 80 лет: Тез. юбилейной науч. конф. СПб., 2000.
- Рассадин. 1999 – *Рассадин С. Е.* Племена и народы «заскифского» Севера и Северо-Востока: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Минск, 1999.
- Тахтаджян. 2001 – *Тахтаджян С. А.* Скифы Эфора: источники идеализации: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. СПб., 2001.
- Bravo. 2000 – *Bravo B.* Pseudo-Herodotus and Pseudo-Thucydides on Scythia, Thrace and the regions «beyond» // *Annali della Scuola Normale superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia.* Pisa, 2000. Serie IV. Vol. V. 1.
- Macan. 1895 – *Macan. R. W.* Herodotus, the IVth, Vth and VIth Books. L., 1895. Vol. 1.
- Stein. 1869 – *Stein H.* Herodotos. Berlin, 1869.
- Herodoti historiarum libri IX. Ed. H. R. Dietsch, H. Kallenderg. Lipsiae, 1899.

¹⁷³ Как осторожно при этом замечает С. Тахтаджян: «Масап имеет в виду, конечно, лишь оформление рассказа о походе Дария под влиянием рассказов о походе Ксеркса».

**По поводу упоминания в классической драме
экстравагантного «боспорского феномена»
(Soph. Frag. 473 TrGF 4 Radt)**

Тема, предложенная на сей раз организаторами конференции «Боспорский феномен», предполагает обсуждение проблем взаимоотношений и взаимовлияния этносов Боспора с другими народами античного мира, исследование различных аспектов межэтнических связей, которые нашли отражение в памятниках классической древности. Вековые контакты греков Эгеиды с варварами северо-восточной окраины ойкумены, бесспорно, оказали влияние на «акторов» этих отношений, и влияние это было взаимным и значительным. Элементы инородных культур были восприняты греческой культурой, что проявилось в искусстве и языке эллинов, нашло отражение в литературе, иконографии и пластике (см., напр.: Vascon. 1961; Grecs et barbares. 1962; Raeck. 1981; Long. 1986; Nippel. 1990; Скржинская. 1991; 1998; 2010; Hall. 1991; Müller u. a. 1992; Romilly. 1993; Dihle. 1994; Detel. 1995; Bähler. 1998; Harrison. 2002; Савостина. 2004; Греки и варвары... 2005; Pallantza. 2005. S. 297–310; Шауб. 2007; Mitchell. 2007). Примеров таких отражений и заимствований множество, большинство из них исследованы, но всё же некоторые остаются проблемными и требуют дополнительного обсуждения. Здесь я остановлюсь на одном исключительном и весьма показательном упоминании в классической трагедии такого экстравагантного феномена варварской культуры, как скифские «скальпы-ручники» – *хейромактроны*.

Благодаря археологическим находкам последних десятилетий, сделанным в разных частях Евразийского континента, современная наука располагает значительными сведениями о практике скальпирования в Европе и Азии у разных племён и народов, начиная с эпохи неолита до средневековья (см.: Клейн. 1961; Anger, Diek. 1978; Бородовский. 1997; Ortner, Ribas. 1997; Медникова, Лебединская. 1999; Кнауэр. 2001; Knauer. 2001; Медникова. 2000; 2001; 2003; Бородовский, Табаров. 2001; 2005; Карачаров, Ражев. 2002; Murphy et al. 2002; Перерва. 2005а; 2005б; Ortner, Frohlich. 2008; Ражев, Пошехонова. 2009; Перерва, Лукьяшко. 2011). Как известно, обычай скальпирования был распространён у скифских племён, расселившихся на огромной территории от Дуная до Алтая и Сибири (об этом: Руденко. 1949. С. 100, 108; 1952. С. 134 сл.; 1953. С. 264; Müller. 1972. S. 101–131; Ельницкий. 1977. С. 230; Rolle. 1980. S. 91, 93, 94, 117; 1991. S. 115 f.; Медникова. 2000. С. 59, 60, 64–65; Murphy et al. 2002 (с лит.); Перерва. 2005б. С. 41 сл.; Parzinger. 2007. S. 105 ff.).

Нарративные источники сообщают о скифской практике скальпирования убитых врагов, изготовлении и использовании скифами-воинами различных предметов из добытых ими скальпов и человеческой кожи. Такого рода военные трофеи – головы, черепа, скальпы, челюсти, кожа с правой руки и проч. – считались у древних своеобразными воинскими «знаками отличия» и являлись украшением одежды степных «джигитов» или деталями украшения сбруи – седельных и нагрудных подвесок – их скаковых лошадей (Степанов. 1973; Rolle. 1979. S. 86. Anm. 133; 1980. S. 89 – илл., 90, 91, 93–94; Riedlberger. 1996; Хлобыстина. 1999; Бергеман. 2001. С. 122, 124, 130; Ольховский. 2001. С. 154–155, 160 – илл.; Кнауэр. 2001; Knauer. 2001. P. 287 ff. – в обеих статьях Эльфриды Кнауэр дан обзор источников, литературы и собраны иллюстрации по теме; Перерва. 2005б. С. 41–44; Раев. 2007. С. 378; Corcella. 2007. P. 628–629; Перерва, Лукьяшко. 2011. С. 381–386).

О практике скальпирования врагов, распространенной у варваров, эллины наверняка знали со времени своих первых столкновений с «нецивилизованными» народами, жившими севернее Эгеиды. И припонтийские колонисты знали о ней, вероятно, не только понаслышке; многие из них стали жертвами воинственных соседей, и скальпами этих несчастных степняки-кочевники красовались как трофеями, добытыми в результате частых «межкультурных контактов» с пришельцами из далекой Греции. Отношения боспорских эллинов с различными варварскими племенами были тесными и, обыкновенно, не добрыми (из новых исследований на эту тему: Виноградов, Горончаровский. 2009. С. 14 сл., 17, 25 сл., 31, 33, 46 сл. и др., с указанием лит. по теме). Ю. А. Виноградов так представляет «проблемы сосуществования» греков и варваров на Боспоре: «Во время греческой колонизации северного берега Чёрного моря в степях региона господствовали скифы, <...> эти воинственные кочевники представляли для переселенцев немалую опасность, их отряды могли стремительно налететь из степей, разграбить поселения земледельцев и так же стремительно исчезнуть в бескрайних степных пространствах» (Там же. С. 17). И после удачных набегов лихие воины-всадники возвращались с большой добычей, в которой особую ценность представляли захваченные головы и скальпы. Геродот свидетельствует (*Herod.* IV. 64–66) о скифской практике отрубать головы у убитых ими врагов, которые они забирали с собой, чтобы предъявить их своему царю; эти трофеи обеспечивали им долю при дележе общей военной добычи (*Ibid.* 64. 1) и почетное место на общем пиру воинов (*Ibid.* 66).

Варварский обычай обезглавливания и скальпирования побежденных врагов, несомненно, шокировал цивилизованных поселенцев, порождая слухи о свирепости их соседей-скифов. Такого рода

истории о степных номадах греческие купцы и путешественники привозили из колоний Северного Причерноморья в малоазийские и балканские полисы, чтобы насытить интерес соотечественников рассказами о варварских диковинках. И в эллинской среде, задолго до появления здесь «вживую» самих скифов, создавались легенды об их дикости и необузданности, здесь сложился ксеномиф об их кровавой жестокости,

Примечательно, что древние греки связывали практику скальпирования с конкретным этносом, а именно со скифами (Stein. 1896. S. 64, ad loc. *Herod.* IV. 64. 2; Доватур и др. 1982. С. 302–303. Прим. 408 – со ссылкой на Г. Штайна; Rolle. 1991. S. 115; Riedlberger. 1996. S. 53, 56). В древнегреческом языке на это указывают слова с корнем σκυθ-. Например, формы глаголов σκυθίζειν, ἀποσκυθίζειν и περισκυθίζειν в активном или медиальном залогах – (ο)скифить, -ся либо даже с более «резким» качественным значением отделения чего-л. (с приставкой ἀπο-) – отскифить, т. е. «удалять (срезать / сдирать) с головы человека волосы вместе с кожей», «скальпировать»; эти глаголы встречаются в пассивном залоге – быть оскифленным кем-либо, т. е. быть «обритым», «лишённым волос», «оскальпированным»¹⁷⁴. Это специфическое содержание глаголов, имеющее конкретную «этническую» характеристику, сохранили и многие позднеантичные и средневековые лексиконы (*Ael. Herodian.* De prosod. cathol. P. 62, 13 Lentz; *Hesych.* Lex. A 6638; Σ 1157 Schmidt; *Steph. Byz.* Ethn. P. 578, 16 Meineke; *Phot.* Lex. A 2658 Theodoridis; *Suda.* A 3062; 3533; Π 1287 Adler; *Mich. Psell.* Poem. VI. 292 Westerink; *Etym. Magn.* P. 125, 55–57 Gaisford; другие словари предлагают сходные толкования).

Причерноморские колонисты, состоявшие в прямых контактах с соседями-кочевниками, или эллины средиземноморских метрополий под впечатлением от рассказов о чудовищных нравах варваров, стали

¹⁷⁴ См. словари: Pape. 1908. Bd. 1. S. 325, s.v. ἀποσκυθίζω: «nach Scythen Art die Kopfhaut mit dem Haare abziehen»; Bd. 2. S. 591, s.v. περισκυθίζω: «die Haut des Hirschädels nach skythischer Art abziehen, scalpiren, τινά, übh. die Haut abziehen, entblößen»; Bd. 2. S. 906, s.v. Σκυθίζω: «das Haar nach skythischer Sitte beschneiden, es glatt wegscheeren»; Вейсман. 1991. Стлб. 178, сл. стат. ἀποσκυθίζω: «сдирать кожу с головы, по обычаю Скифов»; Дворецкий. 1958. Т. 1. С. 215, сл. стат. ἀποσκυθίζω: «на скифский лад сдирать кожу с головы»; Passow. 1993. Bd. 1.1. S. 358, s.v. ἀποσκυθίζω: «die Kopfhaut mit dem Haare nach skythischer Sitte abziehen, skalpiren, bis auf die Haut kahl scheeren»; Bd. 2.1. S. 872, s.v. περισκυθίζω: «die Haut des Hirschädels nach skythischer Art abziehen, scalpiren» и «die Haut oder das Fell abziehen, entblößen»; Bd. 2.2. S. 1469, s.v. σκυθίζω (с): «das Haar nach skythischer Sitte beschneiden, d. i. es glatt wegscheeren»; Liddell, Scott. 1996. P. 218, s.v. ἀποσκυθίζω (1): «scalp [as the Scythians did]»; P. 1386, s.v. περισκυθίζω (1): «scalp in Scythians fashion»; P. 1616, s.v. Σκυθίζω (2): «from the Scythian practice of scalping slain enemies». См. также: Hudson-Williams. 1912. P. 122; Hartog. 1991. P. 173; Rolle. 1991. S. 115; Riedlberger. 1996. S. 55–57.

называть экстравагантные «скифские трофеи» словом χείρομακτρον (= χείρομακτρον, см.: Hoffmann. 1898. S. 365; Frisk. 1960. S. 1083–1084). В древнегреческом языке это было общеупотребительное слово, означавшее «полотенце», «утиральник» (первая основа χείρ – «рука», поэтому, точнее, «полотенце для рук», «ручник»), а также головной убор – «платок» или «косынка» (см.: Mau. 1899; Pottier. 1904; Pape. 1908. Bd. 2. S. 1346, s.v.; Passow. 1993. Bd. 2.2. S. 2438, s.v.; Liddell, Scott. 1996. P. 1985, s.v.; Riedlberger. 1996. S. 54, 55–56). В литературных памятниках архаического и классического периодов слово χείρομακτρον обыкновенно употребляется без какой-либо экзотической и этнической специфики (примеры: *Sappho*. Frag. 44 *PLG* 3 Bergk; *Hecat.* Frag. 358 *FGrH* 1 Jacoby; *Herod.* II. 122. 1; *Aristoph.* Frag. 502 *CAF* 1 Kock; *Xen.* Суг. I. 3. 5; ср.: *Athen.* IX. 410b–f).

Самые ранние источники, в которых слово χείρομακτρον встречается в связи с практикой скальпирования у скифов, – это четвертая книга «Истории» Геродота и трагедия Софокла «Эномай». Первый рассказывает об этом военном обычае детально, будто бы, со знанием дела (*Herod.* IV. 64. 2–4), второй (*Soph.* Frag. 473 *TrGF* 4 Radt) только «намекает» на него, но подразумевает, по-видимому, тот же самый обычай. Геродот описывает процедуру снятия скальпа с головы убитого, мездрение, дубление человеческой кожи и изготовление из неё «хейромактронов». Сам он, разумеется, не видел «вживую» ни процедуру изготовления такого рода «ручников», ни подвешенные к конской сбруе человеческие скальпы. Об этом, как и о многих других скифских обычаях, «первый европейский этнограф» рассказал с чужих слов. Автор комментариев к IV книге «Истории» Альдо Коркелла замечает: «возможно, Геродот записывает впечатление свидетеля, который рассказывал, что видел кожу» (Corcella. 2007. P. 629, ad loc.). Д. С. Раевский рассматривает этот «скифский пассаж» Геродота как «восходящий к собственно скифской фольклорной традиции» (Раевский. 2006. С. 350).

Рассказ Геродота об изготовлении скифами из скальпов своеобразных «ручников» считается первым в мировой литературе письменным свидетельством о воинских трофеях такого рода. Это мнение можно встретить в десятках работ филологов и историков, археологов и антропологов, специалистов по антиковедению и скифологии (см., напр.: Stein. 1896. S. 64, ad loc. *Herod.* IV. 64. 2; Rasch. 1912. P. 21 sq.; 1913. P. 20–22, 123; Höfer. 1929. S. 168; Зелинский. 1914. С. 256; Pearson. P. 127; Lattimore. 1958. P. 77; Bacon. 1961. P. 77–78, 80; *TGF* 4 Radt. S. 382; Kiso. 1984. P. 53–54; Скржинская. 1985. С. 144; 1991. С. 118 сл.; 1998. С. 141 сл.; Rolle. 1991. S. 115; Riedlberger. 1996. S. 53, 54, Anm. 15, 55, 60; Медникова. 2000. С. 59, 60; Murphy et al. 2002. P. 5, 8; Перерва. 2005. С. 41; Corcella. 2007.

P. 629, ad loc. *Herod.* IV. 64. 2–4). В основе такого взгляда лежит убеждение, что многие сюжеты, реалии и термины этнографического характера (и не только) были заимствованы Софоклом из Геродотовой «Истории» и, в частности, из «Скифского логоса». В нескольких публикациях на эту тему (Синицын 2006; 2008а; 2008б; 2008в) я попытался оспорить некоторые «параллельные места» и высказал сомнение в том, что совпадение на лексико-фразеологическом уровне сведений обоих источников о скальпировании может быть признано топором заимствования, тем паче прямой цитации.

В статье о Софокле и «Скифском логосе» Геродота (Синицын. 2008а) было высказано предположение, что «скифские хейромактроны» впервые упоминаются не в «Истории» Геродота, а в сохранившемся стихе из Софокловского «Эномае». Оттолкнувшись от гипотезы У. М. Колдера III (Calder. 1974) о ранней датировке этой пьесы, я привёл дополнительные аргументы, свидетельствующие в пользу того, что она была создана в первый период творчества Софокла, – с большей вероятностью, в пер. пол. 460-х гг. до н.э., – когда молодой драматург начинал свою театральную карьеру. Публичное чтение Геродотом в Афинах фрагментов своего сочинения обыкновенно относятся к середине 440-х годов. Разумеется, байки о скифах могли быть известны афинскому трагику задолго до появления в его родном полисе Геродота (см. Синицын. 2008а. С. 271–279).

Гипотезу о ранней датировке Софокловского «Эномае» поддержал И. Е. Суриков. В своей критической статье (Суриков. 2010) оппонент согласился с моим утверждением, что упоминание о хейромактронах историком и драматургом не является показателем заимствования одного у другого. И. Е. Суриков предложил свои аргументы за раннюю дату пьесы Софокла о Пелопсе и Эномае, связав выбор автором сюжета трагедии с политическими событиями в Элиде на рубеже 470–460 гг. до н.э. (Суриков. 2010. С. 136 сл., ссылаясь на диссертацию П. А. Евдокимова). Несмотря на разногласия с оппонентом по многим принципиальным моментам, в данном случае признаю правомерность предложенного И. Е. Суриковым объяснения и вернусь ещё раз к рассмотрению вариантов датировки «Эномае» в специальной статье на эту тему.

Свидетельства Софокла и Геродота об экстравагантном «хейромактроне» первым сопоставил автор II–III вв. н.э. Афиней. Рассуждая об омовении и вытирании рук, о словах греческого языка, обозначающих салфетки и полотенца, он привёл строку из несохранившейся Софокловой драмы, чтобы проиллюстрировать слово χείρομακτρον, имевшее значение «полотенце», «ручник»: «А ручником называется грубое льняное полотно для вытирания рук <...> Софокл в “Эномае”: “По-скифски на ручник остриженный”, и Геродот во второй [книге]» (*Athen.* IX. 410b, с: χείρομακτρον δὲ καλεῖται

ᾧ τὰς χεῖρας ἀπεμάττοντο ὠμόλινο... Σοφοκλῆς Οἰνομάω · Σκυθιστὶ χεῖρομακτρον ἐκκεκαρμένος¹⁷⁵. καὶ Ἡρόδοτος ἐν δευτέρῳ). И в данном случае автор «Пирующих мудрецов» очевидно «не попадает» в тему, поскольку слово χεῖρομακτρον, которое используют и драматург, и историк, означает «полотенце» особого рода. Таким образом, два этих уникальных свидетельства о хейромактронах въедливый грамматик-эрудит почему-то оставил без комментария, сделав к тому же неточную ссылку на «Историю» (nota: Геродот говорит о скальпах-ручниках в IV книге, т. н. «Скифском логосе», а не во II, как указал Афиней, поскольку в «Египетском логосе» речь идет о золотом полотенце, подаренном Деметрой Рампсиниту: II. 122. 1). И, несмотря на то что в «Пирующих» ссылка на наши источники оказалась неуместной по смыслу, автор верно соотнёс друг с другом оба эти показания о специфическом значении слова χεῖρομακτρον. Примечательно, что Афиней привёл здесь именно стих из трагедии Софокла, а в подтверждение сослался на историка Геродота.

Если Софокл был первым автором, который упомянул (причём, упомянул, в прямом смысле, публично – на сцене афинского театра) о скифских «ручниках-скальпах», то, что же хотел поэт показать этой отсылкой к странному, страшному и отвратительному (не только с позиции цивилизованных эллинов) феномену варварской культуры, для чего он здесь использовал сравнение σκυθιστί, «поскифски»? Рассмотрим содержание сохранившегося стиха из «Эномая» и возможный контекст, в котором в драме возникает намёк на практику скальпирования у скифов (см. комментарии к этому фрагменту: Nauck. S. 234–235; Pearson. P. 127; TGF 4 Radt. S. 382–383; обсуждение: Welcker. 1839. S. 354; Ribbeck. 1875. S. 438; Rasch. 1912. P. 21 sq.; 1913, 20 sqq., 123; Robert. 1919. S. 386 f.; Höfer. 1929. S. 168; Riedlberger. 1996. S. 55).

Миф об Эномае, его дочери Гипподамии и сыне Тантала Пелопсе был популярен в античности, о чем свидетельствуют и многочисленные нарративные источники, и памятники изобразительного искусства (они собраны в фундаментальном издании LIMC: Triantis. 1999a. Bd. 7. 1. S. 19–23; Bd. 7. 2. S. 17 f.; 1999b. Bd. 7. 1. S. 282–287; Bd. 7. 2. S. 219–223; см. статьи в классическом словаре В. Рошера: Höfer. 1884–1890; Weizsäcker. 1897–1902; Bloch. 1897–1902). Пелопс упоминается уже у Гомера, в «Илиаде» он назван «укротителем коней» (πλήξιππος, II. 104); легенду о славном герое-ристантале излагает Пиндар в первой Олимпийской оде (Pind. Ol. I и схолии к стихам). «Биографии» Эномая и Пелопса пересказывают мифографы Аполлоний Родосский, Аполлодор и Гигин, историк Диодор, географ

¹⁷⁵ Согг. ἐκκεδαρμένος, Herwerden. 1862. P. 21; ср.: Nauck. S. 234–235; Blaydes. 1894. P. 51, 284.

Павсаний и многие другие авторы (*Apoll. Rhod.* I. 752 и Schol. ad loc.; *Apollo.* Epit. II. 3–9; *Lycoph.* Alex. 154 sqq.; *Hug.* Fab. 84; *Diod.* IV. 73; *Paus.* V. 1. 6–7; 10. 6–7; 13. 1–7; 14. 6–7; 17. 7; 20. 6–8; VI. 20. 17–19; 21. 6–22. 1; VIII. 14. 10–12; *Philostr.* Imag. I. 17).

Как миф о Пелопсе и Эномае был разработан в драме Софокла, восстановить фактически невозможно из-за скудной сохранности пьесы, от которой через нескольких «посредников» дошли только семь отрывков (Frag. 471–477 *TrGF* 4 Radt. S. 380–385) – неполные 17 строк. Хотя известно, что в классической филологии предпринимались опыты реконструкции сюжета и структуры трагедии «Эномай» (напр.: Welcker. 1839. S. 352–357 [§ 62]; Ribbeck. 1875. S. 431–444; Calder. 1974. P. 205–211). Вероятно, одной из сюжетных линий этой драмы была любовь Пелопса и Гипподамии, на что указывает самый большой из сохранившихся фрагментов – Frag. 474 Radt и, возможно, ещё два небольших отрывка: Frag. 475, 477. Что же касается главной темы этого героического сказания – противоборства Эномае и Пелопса, – ни один из фрагментов не говорит об этом.

О степени осведомлённости Софокла об экзотических хейромактронах судить сложно, поскольку строка, процитированная Афинеем, была, по-видимому, единственным указанием на знание драматурга об ужасающем скифском обычае (ср. Ellendt. 1872. P. 783, s.v. *Χειρόμακτρον*). Любопытно, что термин *χειρόμακτρον*, обозначающий скифский трофей, является *ἄπαξ* во всей античной поэзии. По-видимому, слово *χειρόμακτρον*, в обычном ли его значении «полотенце» или со специфическим этническим оттенком как «ручник-скальп», казалось неподходящим для языка и стиля трагического искусства. В классической драме оно ещё раз встречается во фрагменте несохранившейся комедии Аристофана «Тагенисты» («Поджариватели»). У афинского комедиографа слово *χειρόμακτρον* означает «ручник», которым пользуются по прямому назначению – для вытирания вымытых рук (после еды): «Принеси, малец, скорее на руку воды, подай полотенце» (Frag. 502 *CAF* 1 Kock = *Athen.* IX. 410b: *φέρε, παῖ, ταχέως κατὰ χεῖρὸς ὕδωρ, // παράπερτε τὸ χειρόμακτρον*).

Рассматриваемый стих Софокла иногда вызывает трудности и кажется не вполне ясным. Так, В. В. Латышев сделал перевод цитируемой Афинеем строки из «Эномае»: «Остриженный по-скифски как ручник» и оставил его со знаком «?» (Латышев. 1948. С. 290). Нельзя принять перевод Н. Т. Голинкевича, поскольку он не отвечает ни грамматическим, ни логическим требованиям: «По-скифски полотенце обкорнав» (Афинея. 2010. С. 62). Здесь *ἐκκεκαρμένως* передано причастием действительного залога, и можно заключить, что в пьесе Софокла речь идет о каких-то «урезанных утиральниках»: кто-то поступил как скиф, «обкорнав» (= обрезав, укоротив) полотенце. И к этому бессмысленному переводу Н. Т. Голинкевич делает

примечание, которое всё окончательно запутывает: «То есть наголо (*sic!* – А. С.)» (Афиней. 2010. С. 448. Примеч. 136). Но из такого перевода и пояснения выходит, что в обычаях скифов было урезать, обстригать полотенца, что значит, делать их (или кого-то/что-то ещё?) «лысыми». Английский комментатор Софокловых фрагментов предложил следующий перевод: «остригши для полотенца на скифский манер» (*shorn for a napkin in the Scythian fashion*; Pearson. P. 127, ad loc. *Soph. Frag.* 473). Похожий перевод встретим и в недавнем Лойбовском издании фрагментов Софокла, однако Хью Ллойд-Джонс использовал здесь иное причастие, сделав фразу более понятной, прозрачной, но, на мой вкус, менее изящной: «оскальпированный для полотенца на скифский манер» («...*scalped* for a napkin in Scythian fashion», Sophocles. 1996. P. 245; с неточной отсылкой к пассажу IV книги Геродота). А в новой английской версии Афиней, которая сейчас публикуется в той же серии, С. Д. Олсон попытался прозаически передать этот стих, просто отказавшись от перевода замысловатого термина «хейромактрон»: «With his head sheared so that it looked like a *cheiromaktron*, Scythian style» (Athenaeus. 2008. P. 419). Клаус Фридрих в немецком варианте «Пирующих» также отказался от стихотворного перевода этой софокловой строки в пользу смысловой ясности: «Полотенце для рук из остриженных волос головы по скифскому обычаю» (*Ein Handwischtuch aus abgeschornem Kopfhair nach der Skythen Art*, Athenaios. 1999. S. 230).

В данной фразе причастие мужского рода ἑκκεκαρμένος не согласовано с существительным среднего рода χείρομακτρον. Полагаю, что последнее слово здесь можно рассматривать как *accusativus respectivus*, таким образом состояние, выраженное перфектным причастием, относится к логическому подлежащему. А ἑκκεκαρμένος – форма *participium perfecti passivi* (здесь, скорее, пассивный, нежели медиальный залог) глагола κείρω, – следует передать как «остриженный», «лишённый волос» (кто-то кем-то), или в кавычках – «остриженный», как, напр., в немецком переводе В. Виллиге: «Skythisch “geschoren”, gab sein Haupt ein Handtuch ab» (Sophokles. 1966. S. 331), поскольку подразумевается не стрижка волос в прямом смысле, а скифский обычай снимать с побеждённых скальпы. И названный хейромактрон – это «полотенце для рук», разумеется, только в переносном значении.

Понять содержание Софокловского стиха нам действительно помогает процитированный выше рассказ Геродота об изготовлении и использовании скифами «ручников» (IV. 64). Разъяснение к специфическим «скифским хейромактронам» содержит энциклопедический словарь Гесихия: «С голов захваченных врагов скифы сдирали кожу [вместе с волосами] и использовали как ручник» (*Hesych. Lex.* Σ 1157, 1–2 Schmidt: οἱ Σκύθαι τῶν λαμβανομένων πολεμίων τὰς

κεφαλὰς ἐκδέροιντες [ῆσαν] ἀντὶ χειρομάκτρων ἐχρῶντο). Для толкования редко встречающегося (но, видимо, всё же встречавшегося неоднократно) в литературных текстах словосочетания σκυθιστὶ χειρομάκτρον позднеантичный лексикограф приводит, скорее всего, расхожую «страшилку» о нравах скифов. Понятным становится и смысл Софокловой фразы: в ней упоминается какой-то человек (явно мертвый), с головы которого был снят скальп и из него изготовлен «ручник» так, как это делают скифские воины; либо здесь указывается на голову оскальпированного человека или говорится собственноручно о скальпе-хейромактроне, сделанном по-скифски. Проблемный стих из «Эномая» можно перевести как «По-скифски *на* ручник остриженный». Логическим подлежащим в этом предложении является, по-видимому, кто-то из несчастных женихов Гипподамии, голова которого была «острижена» на хейромактрон. Согласно Софоклу, Эномай в качестве трофея брал скальп проигравшего соперника.

Говоря о ком-то, как об «остриженном на ручник», Софокл осознает, что скальпирование жертвы – это феномен скифской культуры, поэтому для характеристики известного ему феномена поэт использует наречие σκυθιστὶ («Scytharum more», Ellendt. 1872. P. 687, s.v.). Замечу, что и это слово тоже более не встречается нигде в сохранившихся стихах Софокла. У Геродота σκυθιστὶ трижды встречается в «Скифском логосе» (IV. 27; 52. 3; 59. 2) и во всех случаях только применительно к наречию: «по-скифски» = «на языке скифов» (Powell. 1977. P. 334, s.v.: «in Scythian»; Pape. 1908. Bd. 2. S. 906, s.v.: «in scythischer Sprache», с примерами из Геродота). Обычай использования в качестве трофеев голов и скальпов убитых врагов «отец истории» не называет скифским и, по-видимому, не считал его присущим исключительно скифам. В пассаже об обычаях исседонов, Геродот рассказывает об операции с черепами умерших: их очищают от кожи, покрывают позолотой и хранят как святыню (IV. 26). Правда, смысл этого обряда, если верить Геродоту, иной: так поступают родственники из уважения к покойному.

Теперь сделаем следующий логический ход: афинский драматург связывает практику скальпирования с конкретным этносом, следовательно, так же должны были воспринимать это афинские (и не только) граждане, следившие за перипетиями Софокловского «Эномая» в афинском театре. Этим указанием на варварский феномен Софокл хотел «зацепить» внимание своей аудитории. Расчёт драматурга, участника театрального агона, был на то, что его слова найдут отклик. Иначе, для чего он привёл это, как может показаться на первый взгляд, неуместное сравнение? Вызывает эмоции то, что известно. Принципиально важно, что Софокл должен был принимать во внимание подготовленность публики к восприятию, учитывать её осведомленность. В противном случае, его намёк на скальпирование

у скифов как на феномен варварской культуры, неведомый афинской публике, просто бы не сработал (о психологии классического искусства см. новый обширный труд: Позднев. 2010, – в работе много интересных наблюдений, хотя суждения и выводы автора небесспорны).

На что же указывал Софокл, упоминая этот экстравагантный феномен? К содержанию нашей трагедии, как и к известному мифу об учреждении Пелопсом Олимпийских игр, ни скифы, ни какие-либо реалии скифской культуры не имели никакого отношения. Единственным «чужаком» в этом сказании и, надо полагать, в этой Софоловой пьесе был победитель царя Эномая лидиец Пелопс, сын Тантала, прибывший в Элиду из Малой Азии. Но в этом стихе Софокл подразумевает, очевидно, иного «ксеноморфа».

Мифического царя Писы античные литературные источники представляют героем жестоким и необузданным в своих действиях. Победённым в колесничном состязании женихам своей дочери Эномай отрубал головы и прикреплял их у входа в свой дворец. Таким способом он расправился с двенадцатью женихами Гипподамии (о 12-ти говорит Аполлодор [Erit. II. 5]; другие источники указывают, что до Пелопса их было 13 (*Pind. Ol. I. 79*; ср.: *Pind. Frag. 135. 1 Snell-Maehler; Philostr. Imag. I 17. 4*); а Павсаний (VI. 21. 7, 10–11) перечисляет имена 18-ти её женихов). Пелопс, владевший крылатой колесницей, подаренной ему Посейдоном, был очередным претендентом на руку писейской царевны и новым соперником Эномая. В гонке на колесницах он одолел горделивого владыку и заполучил Гипподамию в жены и царство в придачу. Согласно легенде, передававшейся элейцами (*Paus. VI. 21. 9, 11*), победитель Пелопс насыпал большой памятный холм над общей могилой своих предшественников, женихов Гипподамии, и установил для них ежегодные жертвоприношения. Миф о победе Танталида, пришельца из Малой Азии, над Эномаем был основополагающим местным мифом о начале Олимпиад (литература: Berger. 1935; Lacroix. 1976; Burkert. 1983. P. 93–103; O'Brien. 1988; Brulotte. 1994; Instone. 2007. P. 76; Ekroth. 2007. P. 109 ff.).

Намёк в трагедии на «скифский хейромактрон» свидетельствует о том, что Софокл заменил Эномаевы «трофеи», которыми до этого были либо черепа, либо головы убитых соперников (*κραίον* или *κεφαλή* у других авторов), на скальпы, диковинные и устрашающие «ручники». Тем самым драматург «обновил» элементы традиционной (как для всей литературы, так и, надо полагать, для устного предания) версии мифа. Пример Софокла исключителен (*nota bene!*): такой вариант жуткой «коллекции» писейского царя не встречается ни у кого из античных авторов, кроме нашего драматурга (ср. замечание А. Пирсона: «Софокл, кажется, единственный источник, который

сообщает, что Эномай скальпировал женихов своей дочери», Pearson. P. 127, ad loc. *Soph. Frag.* 473).

Упоминание в «Эномае» «скифской» экзотики акцентировало свирепость героя, чересчур зарвавшегося в своих «игрищах». Сравнение *σκυθιστί* выглядит этическим осуждением необузданности поведения мифического царя Писы, поскольку практика суда, который он вершил над побеждёнными в состязании женихами дочери, была тождественна практике расправы с противниками у диких скифов. И драматург хотел показать, что Эномай ведет себя недостойно эллина, поступки, которые он совершает, обличают в нём «варвара», сущего «скифа».

Если изложенные здесь соображения верны, то упоминание Софоклом экстравагантного «боспорского феномена» отнюдь не выглядит абсурдным и «притянутым за волосы». Не казалось оно, по-видимому, таковым и современникам афинского трагика, которые, несомненно, слышали о скифах и о скальпировании именно как о «скифском феномене». Это подтверждает тезис, высказанный в начале очерка, о том, что в первой половине V в. до н.э. в греческой культуре уже сложился ксеномиф, в котором байки о скифах занимали определённое место.

Издания текстов и переводы

- Афиней*. Пир мудрецов. В пятнадцати книгах. Кн. IX–XV / Перев. и примеч. Н. Т. Голинкевича. М., 2010.
- Геродот*. История в девяти книгах / Перев. и примеч. Г. А. Стратановского. М., 2002.
- Софокл*. Драмы / Перев. с предисл. и введ. Ф. Зелинского. М., 1914. Т. 3.
- Athenaeus*. The Learned Banqueters. Books 8–10. 420 e / Ed. and transl. by S. D. Olson. Cambridge Mass.; L., 2008.
- Athenaios*. Das Gelehrtenmahl. Buch VII–X / Eingeleitet und Übers. von C. Friedrich; Kommentiert von Th. Nothers. Stuttgart, 1999.
- CAF 1 Kock* – Comitorum Atticorum fragmenta / Ed. T. Kock. Leipzig, 1880. Vol. 1.
- FGrH* – Die Fragmente der griechischen Historiker / Jacoby F. (Hrsg.). Berlin; Leiden, 1923–1958.
- R. W. Macan*. Herodotus. The fourth, fifth, and sixth Books with introduction, notes, appendices, indices, maps. L.; New York, 1895. Vol. 1.
- A. Nauck*. Tragicorum Graecorum fragmenta / Ed. A. Nauck. Suppl. adiec. B. Snell. Hildesheim; Zürich; New York, 1983.
- A. C. Pearson*. The Fragments of Sophocles. Cambridge, 1917. Vol. 2.
- PLG 3 Bergk* – Poetae Lyrici Graeci / Ed. Th. Bergk. 4. Aufl. Vol. 3. Leipzig, 1882.
- Sophocles*. Fragments / Ed. and transl. by H. Lloyd-Jones. Cambridge Mass.; L., 1996.
- Sophokles*. Tragödien und Fragmente / Hrsg. und übersetzt. von W. Willige; überarb. von K. Bayer. München, 1966.
- H. Stein*. Herodotos / Erkl. von H. Stein. 4. Aufl. Berlin, 1896. Bd. 4.
- TrGF 4 Radt* – Tragicorum Graecorum fragmenta. Vol. IV: Sophocles / Ed. S. Radt. Göttingen, 1977.

Литература

- Бергеман. 2001 – *Бергеман И.* «Смешанный стиль» поздней классики – или эллинистическая традиция изображения битвы? О стилистике и типологии рельефа со сценой сражения с Таманского полуострова // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.; СПб., 2001.
- Бородовский, Табарев. 2001 – *Бородовский А. П., Табарев А. В.* Корреляция обычая скальпирования в Северной Америке и Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. трудов. Нальчик; Омск, 2001.
- Бородовский, Табарев. 2005 – *Бородовский А. П., Табарев А. В.* Скальпирование в Северной Америке и Западной Сибири по данным археологии // АЭАЕ. 2005. № 1.
- Бородовский. 1997 – *Бородовский А. П.* Проблема исторических корней обычая скальпирования в Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V итоговой сессии ИАЭ СО РАН. Новосибирск, 1997. Т. 3.
- Вейсман. 1991 – *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. 5-е изд. М., 1991 (репр.).
- Виноградов, Горончаровский. 2009 – *Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб., 2009.
- Греки и варвары... 2005 – Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- Дворецкий. 1958 – *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь / Под ред. С. И. Соболевского. М., 1958. Т. 1–2.
- Доватур и др. 1982 – *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота: тексты, перевод, комментарий. М., 1982.
- Ельницкий. 1977 – *Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977.
- Зелинский. 1914 – *Зелинский Ф.* [Софокл.] Отрывки // Софокл. Драмы. М., 1914. Т. 3.
- Карачаров, Ражев. 2002 – *Карачаров К. Г., Ражев Д. И.* Обычай скальпирования на севере Западной Сибири в средние века // ВИАЭ. 2002. Вып. 4.
- Клейн. 1961 – *Клейн Л. С.* Черепа, покрытые смолой в погребениях эпохи бронзы // СЭ. 1961. № 2.
- Кнауэр. 2001 – *Кнауэр (Кезия) Э. Р.* О «варварском» обычае подвешивания отрубленных голов противника к шее коня // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.; СПб., 2001.
- Латышев. 1948 – *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 2.
- Медникова, Лебединская. 1999 – *Медникова М. Б., Лебединская Г. В.* Пепкинский курган: данные антропологии к реконструкции погребения // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999.
- Медникова. 2000 – *Медникова М. Б.* Скальпирование на Евразийском континенте // РА. 2000. № 3.
- Медникова. 2001 – *Медникова М. Б.* Трепанации у древних народов Евразии. М., 2001.
- Медникова. 2003 – *Медникова М. Б.* Ритуальное посвящение у древних народов Евразии по данным археологии: символические трепанации // АЭАЕ. 2003. № 1.

- Ольховский. 2001 – *Ольховский В. С.* Рельеф с поселения Юбилейное I: этнографические и фольклорные реалии // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.: СПб., 2001.
- Перерва. 2005а – *Перерва Е. В.* Население сарматской эпохи по антропологическим материалам из могильников Нижнего Поволжья и Нижнего Дона: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- Перерва. 2005б – *Перерва Е. В.* О скальпировании у сарматов (по материалам могильника Новый) // РА. 2005. № 3.
- Перерва, Лукьяшко. 2011 – *Перерва Е. В., Лукьяшко С. И.* О семантике обряда скальпирования у ранних сарматов // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов-на-Дону, 2011. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. 3.
- Поздnev. 2010 – *Поздnev М. М.* Психология искусства. Учение Аристотеля. М., 2010.
- Раев. 2007 – *Раев Б. А.* Вторичное использование элементов античного доспеха варварами Прикубанья // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Казань; Нижний Новгород; Саратов, 2007. Вып. 2: Война, армия и военное дело в античном мире.
- Раевский. 2006 – *Раевский Д. С.* Мир скифской культуры. М., 2006.
- Ражев, Пошехонова. 2009 – *Ражев Д. И., Пошехонова О. Е.* Обычай срубания кос у средневековых воинов Западной Сибири // ВААЭ. 2009. Вып. 10.
- Руденко. 1949 – *Руденко С. И.* Культура Алтая времени сооружения пазырыкских курганов // КСИИМК. 1949. Вып. 26.
- Руденко. 1952 – *Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952.
- Руденко. 1953 – *Руденко С. И.* Культура населения горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Савостина. 2004 – *Савостина Е. А.* Эллада и Боспор. Историко-культурные взаимосвязи и греческий импульс в развитии пластики Северного Причерноморья: Дис. ... д-ра иск. наук. М., 2004.
- Синицын. 2006 – *Синицын А. А.* Геродот, Софокл и египетские диковинки (об одном историографическом мифе) // АМА. 2006. Вып. 12.
- Синицын. 2008а – *Синицын А. А.* Софокл и Скифский логос Геродота // АВЕС. 2008. Вып. 6.
- Синицын. 2008б – *Синицын А. А.* Свежо предание..., или Историографический миф о близости двух античных писателей-современников (замечания к «Софокловой» эпиграмме из Плутарховых «Моралий») // *Ложь права?: Теоретический альманах «Res cogitans»*. М., 2008. Вып. 4.
- Синицын. 2008в – *Синицын А. А.* *Plut. Mor. 785b*: критические замечания о достоверности источника // Мнемон. СПб., 2008. Вып. 7.
- Скржинская. 1985 – *Скржинская М. В.* Тема Северного Причерноморья в творчестве Софокла // ВДИ. 1985. № 2.
- Скржинская. 1991 – *Скржинская М. В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. К., 1991.
- Скржинская. 1998 – *Скржинская М. В.* Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.
- Скржинская. 2010 – *Скржинская М. В.* Древнегреческие праздники в Элладe и Северном Причерноморье. СПб., 2010.

- Степанов. 1973 – *Степанов П. Д.* Воинские трофеи в погребениях Андреевского кургана Мордовской АССР // КСИА. 1973. Вып. 136.
- Суриков. 2010 – *Суриков И. Е.* Софокл и Геродот, не заметившие друг друга? (К оценке одной недавней гипотезы) // ВДИ. 2010. № 4.
- Хлобыстина. 1999 – *Хлобыстина М. Д.* Ритуал «череп и головы» в культурах Северной Евразии эпохи раннего голоцена // STATUMplus. 1999. № 1.
- Шауб. 2007 – *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2007.
- Anger, Diek. 1978 – *Anger S., Diek A.* Skalpieren in Europa seit dem Neolithikum bis um 1767 nach Chr. Eine Materialsammlung // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. 1978. Bd. 17.
- Bäbler. 1998 – *Bäbler B.* Fleißige Thrakerinnen und wehrhafter Skythen: Nichtgriechen im klassischen Athen und ihre archäologische Hinterlassenschaft. Stuttgart, 1998.
- Bacon. 1961 – *Bacon H. H.* Barbarians in Greek Tragedy. New Haven, 1961.
- Berger. 1935 – *Berger O.* La légende de Pélops et d'Oinomaos. Louvain, 1935.
- Blaydes. 1894 – *Blaydes F. H. M.* Adversaria in tragicorum Graecorum fragmenta. Halis, 1894.
- Bloch. 1897–1902 – *Bloch L.* Pelops // LGRM. 1897–1902. Bd. 3. 1.
- O'Brien. 1988 – *O'Brien M. J.* Pelopid History and the plot of "Iphigenia in Tauris" // Classical Quarterly. 1988. Vol. 38. No. 3.
- Brulotte. 1994 – *Brulotte E.* The "Pillar of Oinomaos" and the location of Stadium I at Olympia // AJA. 1994. Vol. 98.
- Burkert. 1983 – *Burkert W.* Homo Necans: The Anthropology of Ancient Greek Sacrificial Ritual and Myth. Berkeley; Los Angeles, 1983.
- Calder. 1974 – *Calder W. M. III.* Sophocles, *Oinomaos*, and the East Pediment at Olympia // Philologus. 1974. Bd. 118. Hft. 2.
- Corcella. 2007 – *Corcella A.* [Comm. on Herod.] Book IV // A Commentary on Herodotus Books I–IV / Murray O. & Moreno A. (eds). Oxford, 2007.
- Detel. 1995 – *Detel W.* Griechen und Barbaren. Zu den Anfängen des abendländischen Rassismus // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1995. Bd. 43. Hft. 6.
- Dihle. 1994 – *Dihle A.* Die Griechen und die Fremden. München, 1994.
- Ekroth. 2007 – *Ekroth G.* Heroes and Hero-Cults // Ogden D. (ed.). A Companion to Greek Religion. L., 2007.
- Ellendt. 1872 – *Ellendt F.* Lexicon Sophocleum / Ed. altera emendata a H. Genthe. Berolini, 1872.
- Frisk. 1960 – *Frisk H.* Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. Bd. 2.
- Greco et barbares. 1962 – Greco et barbares. Entretiens sur l'Antiquité classique. Genève, 1962. Fondation Hardt. T. 8.
- Hall. 1991 – *Hall E.* Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy. Oxford, 1991.
- Harrison. 2002 – *Harrison Th.* (ed.) Greeks and Barbarians. Edinburgh, 2002.
- Hartog. 1991 – *Hartog F.* Le miroir d'Hérodote: Essai sur la représentation de l'autre. 2 éd. P., 1991.
- Herwerden. 1862 – *van Herwerden H.* Exercitationes criticae in poeticis et prosaicis quibusdam atticorum monumentis. Hagae, 1862.

- Höfer. 1884–1890 – *Höfer U.* Hippodameia (1) // LGRM. 1884–1890. Bd. 1.
- Höfer. 1929 – *Höfer U.* Zu Sophokles // Rheinisches Museum für Philologie. 1929. Bd. 78.
- Hoffmann. 1898 – *Hoffmann O.* Die griechischen Dialekte. Göttingen, 1898. Bd. 3.
- How, Wells. 1912 – *How W. W., Wells J.* A Commentary on Herodotus. Oxford. 1912. Vol. 1–2.
- Hudson-Williams. 1912 – *Hudson-Williams T.* A note on ΣΑΡΚΙΖΕΙΝ // Classical Review. 1912. Vol. 26.
- Instone. 2007 – *Instone St.* Origins of the Olympics // Pindars's Poetry, Patrons, and Festivals from Archaic Greece to the Roman Empire / Hornblower S., Morgan C. (eds.). Oxford, 2007.
- Kiso. 1984 – *Kiso A.* The Lost Sophocles. New York et al., 1984.
- Knauer. 2001 – *Knauer (Kezia) E. R.* Observations on the “Barbarian” Custom of Suspending the Heads of Vanquished Enemies from the Neck of Horses // AMIT. 2001. Bd. 33.
- Lacroix. 1976 – *Lacroix L.* La légende de Pélopes et son iconographie // Bulletin de correspondance hellénique. 1976. Vol. 100.
- Lattimore. 1958 – *Lattimore R.* The Poetry of Greek Tragedy. Baltimore; L., 1958.
- Liddell, Scott 1996 – *Liddell H. G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Rev. H. St. Jones, with new supplement. Oxford, 1996.
- Long. 1986 – *Long T.* Barbarians in Greek Tragedy. Carbondale, 1986.
- Mau. 1899 – *Mau A.* Χειρόμακτρον // Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neue bearb. begonnen von G. Wissowa / Hrsg. von W. Kroll, K. Mittelhaus und K. Ziegler. Stuttgart, 1899. Bd. 3.2 (Hbd. 6).
- Mitchell. 2007 – *Mitchell L. G.* Panhellenism and the Barbarian in Archaic and Classical Greece. Swansea, 2007.
- Müller u. a. 1992 – *Müller C. W. u. a.* (Hrsg.). Zum Umgang mit fremden Sprachen in der griechisch-römischen Antike. Stuttgart, 1992.
- Müller. 1972 – *Müller K. E.* Geschichte der antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung. Wiesbaden. Bd. 1. 1972.
- Munson. 2001 – *Munson R. V.* Telling Wonders: Ethnographic and Political Discourse in the Work of Herodotus. Ann Arbor, 2001.
- Murphy et al. 2002 – *Murphy E. et al.* Prehistoric Old World Scalping: New Cases from the Cemetery of Aymyrlyg, South Siberia // AJA. 2002. Vol. 106. № 1.
- Nippel. 1990 – *Nippel W.* (Hrsg.). Griechen, Barbaren und «Wilde»: alte Geschichte und Sozialanthropologie, Frankfurt am Main, 1990.
- Ortner, Frohlich 2008 – *Ortner D. J., Frohlich B.* The Early Bronze Age I tombs and burials of Bab edh-Dhra', Jordan. Lanham, 2008.
- Ortner, Ribas. 1997 – *Ortner D. J., Ribas C.* Bone changes in a human skull from the Early Bronze site of Bab Edh-Dhra', Jordan, probably resulting from scalping // Journal of Paleopathology. 1997. Vol. 9.
- Pallantza. 2005 – *Pallantza E.* Der Troische Krieg in der nachhomerischen Literatur bis zum 5. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 2005.
- Pape. 1908 – *Pape W.* Griechisch-Deutsches Handwörterbuch. 3. Aufl. / Neu bearb. von W. Sengbusch. Braunschweig, 1908. Bd. 1–2.
- Parzinger. 2007 – *Parzinger H.* Die Skythen. 2. Aufl. München, 2007.

- Passow. 1993 – *Passow F.* Handwörterbuch der griechischen Sprache / Neu bearb. und zeitgemäß umgestaltet von V. Chr. F. Rost, F. Palm. Darmstadt, 1993. Bd. 1–2.
- Pottier. 1904 – *Pottier E.* Mantele // Dictionnaire des antiquités grecques et romaines / Daremberg Ch., Saglio E., Pottier E. (éd.). Paris, 1904. T. 3. 2 (L–M).
- Powell. 1977 – *Powell J. E.* A Lexicon to Herodotus. Hildesheim, 1977.
- Raeck. 1981 – *Raeck W.* Zum Barbarenbild in der Kunst Athens im 6. und 5. Jahrhundert v. Chr.: Diss... klass. Archäologie. Bonn, 1981.
- Rasch. 1912 – *Rasch J.* Sophocles quid debeat Herodoto in rebus ad fabulas exornandas adhibitis. Diss... Lipsiae.
- Rasch. 1913 – *Rasch J.* Sophocles quid debeat Herodoto in rebus ad fabulas exornandas adhibitis. Lipsiae.
- Ribbeck. 1875 – *Ribbeck O.* Die Römische Tragödie im Zeitalter der Republik. Leipzig, 1875.
- Riedlberger. 1996 – *Riedlberger P.* Skalpiere bei den Skythen. Zu Herodot IV.64 // Klio. 1996. Bd. 78. Hft. 1.
- Robert. 1919 – *Robert C.* Die antiken Sarkophag-Reliefs. Bd. 3.3. Berlin, 1919.
- Rolle. 1979 – *Rolle R.* Totenkult der Skythen. Teil 1: Das Steppengebiet. 1. Text und Tafeln. Berlin; New York, 1979.
- Rolle. 1980 – *Rolle R.* Die Welt der Skythen. Stutenmelker und Pferdeboegner: Ein antikes Reitervolk in neuer Sicht. Luzern; Frankfurt am Main, 1980.
- Rolle. 1991 – *Rolle R.* Haar und Barttracht der Skythen // Gold der Steppe / Rolle R. (Hrsg.). Neumünster, 1991.
- Romilly. 1993 – *Romilly, de J.* Les barbares dans la pensée de la Grèce classique // Phoenix. 1993. Vol. 47.
- Triantis. 1999a – *Triantis I.* Oinomaos // LIMC. 1999. Vol. 7. 1.
- Triantis. 1999b – *Triantis I.* Pelops // Ibid.
- Weizsäcker. 1897–1902 – *Weizsäcker P.* Oinomaos (1) // LGRM. 1897–1902. Bd. 3. 1.
- Welcker. 1839 – *Welcker F. G.* Die Griechischen Tragödien mit Rücksicht auf den epischen Cyclus. Bd. 1. Bonn, 1839.

Т. Н. Джаксон, А. В. Подосинов

Название Азовского моря у греков, римлян, готов, варягов¹⁷⁶

Доклад посвящён истории названия Азовского моря от греков до варягов, но начать мы хотим с конца, а именно, с его возможного варяжского наименования. Древнеисландский гидроним, о котором пойдет речь, это гапакс, хоть он и зафиксирован трижды, но лишь во взаимозависимых саговых текстах, посвящённых норвежскому конунгу Харальду Суровому Правителю (1046–1066).

В своде королевских саг «Красивая кожа» (около 1220 г.) рассказывается о путешествии (практически бегстве) Харальда из

¹⁷⁶ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 10-06-00397а).

Константинополя на Русь. Маршрут его описан следующим образом: «выбрался Харальд из Миклагарда (Константинополя. – *Авт.*) и поплыл так в Свартахав (Чёрное море – *Авт.*) <...> Тогда поплыл он на север в Эллипалтар (*norðr í Ellipalta*), оттуда поехал назад по Аустрики (Восточной державе; здесь – Руси. – *Авт.*)». Почти в тех же словах об этой поездке рассказывается в «Круге земном» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.) и в «Хульде» (XIV в.). Итак, Харальд плывет из Константинополя в Чёрное море, оттуда в какой-то загадочный *Ellipaltar*, чтобы затем попасть на Русь.

Нередко в гидрониме *Ellipaltar* видят обозначение устья Днепра (Бьярни Адальбьярнарсон, Э. Морсен, А. Х. Смит, Л. М. Холландер, М. И. Стеблин-Каменский). Такое толкование вызвано, по-видимому, логикой путешествия Харальда: ведь путь «из Грек в Варяги», по которому он следовал, вел – чисто умозрительно – из Чёрного моря в Скандинавию через Русь, в первую очередь, по Днепру. При этом не раз отмечалось, что слово *Ellipaltar*, возможно, образовано из греч. ἔλη и лат. *paludes*, имеющих значение «болото» (Н. М. Петерсен, А. Стендер-Петерсен, Бьярни Адальбьярнарсон). Нам, однако, обозначение низовьев Днепра как «болота» ни в античной, ни в средневековой литературе не известно. Второе мнение относительно *Ellipaltar* – отождествление его с древним обозначением пролива Дарданеллы – *Hellespontus* (см., напр., А. И. Лященко). Наконец, имеются исследователи, которые понимают *Ellipaltar* как обозначение Азовского моря (составители аннотированного указателя к «*Forrnanna sögur eptir gömlum handritum*», О. Прицак). Из трёх предложенных толкований гидронима *Ellipaltar* нам видится наиболее предпочтительным последнее.

Прежде всего подчеркнём, что путь по Дону и Северскому Донцу на Днепр существовал и был реальностью уже в IX в. Как показывает анализ монетных кладов, «основными путями поступления куфических монет на Русь в IX в. были Дон и Северский Донец, выводящие к славянским поселениям в бассейне Оки и Днепра. В северные районы Руси серебро поступало по Днепру» (А. Е. Леонтьев; см. также: А. В. Григорьев).

Остановимся подробнее на античных названиях Азовского моря. Со времён Геродота греческие авторы называли Азовское море *Меотидой* (Μαιῶτις) или *Меотийским озером* (ἡ Μαιῆτις λίμνη – *Herod. I. 104* в ионийском варианте и др.). Слово λίμνη означает как «озеро», так и «болото», т. е. имеется в виду водоём со стоячей водой, отсюда – «пруд, озеро, болото».

Латинское обозначение Азовского моря передает греческое название. Римляне называли это море Меотидой (*Maetotis*), или же как *Lacus Maeoticum* «Меотийское озеро», или как *Paludes Maeoticae* «Меотийские болота», а часто просто *Paludes* «Болота». Таким образом, одно

греческое слово λίμνη переводилось на латинский двумя словами «озеро» и «болото», которые свободно заменяли друг друга. Так, описывая Северное Причерноморье, римский автор I в. н.э. Помпоний Мела в I. 112 в рамках одной фразы называет Азовское море и Болотом, и Озером: «Затем в сторону уходит не очень широкая область, простирающаяся между Понтом (Чёрным морем. – *Авт.*) и Болотом (*Paludem* – Азовским морем. – *Авт.*) до Босфора (Керченского пролива. – *Авт.*); река Кораканда (Кубань. – *Авт.*), впадая одним руслом в озеро (*in lacum*), а другим в море, превращает её в полуостров (Таманский п-ов. – *Авт.*)».

Что касается греческого слова (τὰ) ἔλη, то это – множественное число от τὸ ἔλος «болотистое место, заливной луг», и в этом смысле оно полностью соответствует множественному числу латинского *paludes* «болота» (а также – заметим пока в скобках – др. иссл. *Ellipaltar*). Хотя А. Стендер-Петерсен утверждал, что «греки использовали это слово (τὰ ἔλη) для обозначения болот Меотиды, т. е. Азовского моря», мы тем не менее практически ни разу не встречаем этого названия Азова в античных источниках. Только один текст может указывать на употребление слова ἔλη в качестве наименования Азовского моря. Мы имеем в виду известное место из Иордана (VI в.), который пишет следующее о победах готского царя Германика, дошедшего в своих завоеваниях до Меотиды (*Get.* 117): «По сообщению историка Аблавия, вышеуказанное племя (*Heruli* – херулы = герулы. – *Авт.*) жило близ Меотийского болота (*iuxta Meotida palude*), в топких местах (*in locis stagnantibus*), которые греки называют «эле» (*ele*), поэтому и именовалось элурами (*Eluri*)» (перевод Е. Ч. Скржинской). Итак, Иордан даёт греческое (в латинской транскрипции) название Азовского моря в форме «Эле», а народ, живущий близ Азовского моря, называет «элурами». Как до этого текста, так и после него, речь идет о том же племени, но только как о *герулах* – готском племени, вышедшем из Скандинавии. Следует заметить, что другие авторы, называвшие элуrow, считали их местным, «скифским» народом (Дексипп, Георгий Синкелл, Иоанн Зонара, Стефан Византийский; см. также мнение Е. Ч. Скржинской и В. П. Будановой).

Из сообщения Иордана можно сделать вывод, что от греч. ἔλη («болото») было образовано имя народа *элуры* – «жители болота», т. е. Азовского моря. Поскольку информацию об элурах Иордан позаимствовал от Аблавия, писавшего Готскую историю, да ещё – не исключено – на готском языке, можно предположить готское посредничество в передаче гидронима *Эллипалтар*. Фигура самого Иордана – родившегося на Нижнем Дунае в готской семье, выросшего в греческом Константинополе и писавшего в Равенне по-латыни, очень символична для соединения всех трёх этнолингвистических

начал. Можно думать, что уже в этой среде произошло соединение греческого (идушего от Дексиппа) и латинского (от латинизированных готов – Аблавия и Иордана) корней.

Говоря о местной греческо-готской устной традиции, следует иметь в виду существование готского эпоса, который мог на протяжении столетий передавать историческую информацию. Так, Иордан, рассказав о победах готов над народами Восточной Европы, пишет (28): «Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблавий, выдающийся описатель готского народа, в своей достовернейшей истории» (перев. Е. Ч. Скржинской). Отметим в этом тексте географическую привязку готского песенного фольклора (Северное Причерноморье) и его связь с историческим трудом Аблавия, который, по-видимому, составлял основу описания Северного Причерноморья в готскую эпоху. В связи с этим Х.-Ф. Байер остроумно заметил: «Песни отзвучали в Италии уже в VI веке, но в Крыму пелись ещё, как кажется, готскими девушками в конце XII в.». Имеется в виду место из «Слова о полку Игореве» (строки 263–266), где говорится: «Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю <...>, поють время бусово...». Считается, что здесь говорится о том, что готские девушки, живущие у побережья Азовского моря (= *Эллипалтар*?), продолжают петь песни о героическом прошлом готов и о победе, которую готский король Винитарий одержал в 375 г. над антским (славянским?) королем Бозом (или Божом) (А. А. Шахматов, А. С. Орлов, М. Н. Тихомиров, А. А. Васильев, Х.-Ф. Байер и др.). Таким образом, историко-эпическая традиция готов Приазовья могла сохраняться долго, вплоть до появления здесь варягов.

Более того, известно, что в скандинавском эпосе, сагах и даже в географических сочинениях обнаруживаются вполне ощутимые следы готской традиции. Предполагается, что крымские готы, нередко служившие в византийской армии и жившие в Греции, никогда не теряли контакта со своей прародиной – островом Готланд (А. Стендер-Петерсен), и этим можно было бы объяснить перенос названия *Эллипалтар* из Северного Причерноморья в Скандинавию.

Если мы принимаем греко-латинско-готское обозначение Азовского моря как соединение греч. *Ελη* и лат. *Paludes*, возникает естественный вопрос, как мог возникнуть гидроним, в котором обе части сложного слова означают одно и то же («болото»), хотя и восходят к разным языкам. И здесь возможны различные – конечно, чисто гипотетические – варианты объяснения. Один из них основывается на исходной письменной передаче информации. Выходец из готской среды, владеющий греческим и латинским языками, встретив в греческом

тексте слово ἔλη, означающее Азовское море, пишет на полях латинскую глоссу *paludes*, а в последующей традиции эти два слова соединяются в одно, которое закрепляется в языке древних скандинавов в звучании, близком к тому, которое позднее отразится в *Ellipaltar* «Саги о Харальде Суровом Правителе».

Другое объяснение может быть связано с устным функционированием в готской среде этих слов, из которых одно могло выступать обозначением моря (*Эле*), а второе – прибрежных жителей (*элурь*). В нашем случае оба существительных – греческое и латинское по происхождению, – употребляемые рядом, могли бы означать что-то вроде «Болота», «болотных жителей». Будучи синонимами, они звучали, тем не менее, совершенно по-разному. Возникшее таким образом готское название Азовского моря могло стать известным в Византии, где на протяжении IX–XI вв. постоянно присутствовала варяго-русская дружина. В процессе дальнейшей передачи этого имени в скандинавской среде оно оформилось древнеисландским окончанием множественного числа (*-ar*).

Ещё один момент, заслуживающий комментария, – это факт существования в германских языках двуязычных двусложных слов с тавтологическим значением двух компонентов. А. Стендер-Петерсен – в параллель к гидрониму *Ellipaltar* – указал на два таких слова: *tapar-öx* и *pólútasvarf*. Первое встречается в англосаксонских источниках и в древнескандинавских сагах и обозначает небольшой топорик; оно состоит из древнерусского и германского корней со сходным значением «топор». Слово *pólútasvarf*, по Стендер-Петерсену, – также тавтологично, содержит перевод самого себя: оба его корня, первый – русский (*полюдь*), второй – скандинавский (*svarf*), означают «поворот, оборот, круговое движение». И хотя толкование Стендер-Петерсеном слова *pólútasvarf* вызывает некоторые возражения, сам факт существования таких тавтологичных словообразований несомненен. Впрочем, Стендер-Петерсен указал на другие возможные источники второй составляющей слова *Ellipaltar*: слав. **bolto*, церковнослав. *blato* и русск. *boloto*, как, впрочем, и греч. *πόρος* («путь, переправа, переход»), *πορθμός* («пролив, переправа, переезд»), или *πόρτος* («море»).

Нам представляется, что предложенная нами греко-латино-готско-скандинавская гипотеза возникновения названия Азовского моря, зафиксированного в «Красивой коже» в рассказе о Харальде Суровом Правителе в форме *Ellipaltar*, также имеет право на существование, и это название прилагалось к Азовскому морю, а не к низовьям Днепра, как полагает большинство исследователей.

А. В. Котина

К вопросу о значении термина «амазонка»

О значении слова «амазонка» вели споры ещё в древности, выводя его из разных греческих слов и словосочетаний (Петрова. 1994. С. 29). Античные авторы, упоминая или рассказывая об амазонках, использовали ту или иную трактовку этого термина (Скрипник. 1988. С. 29).

Самое раннее упоминание слова «амазонки» встречается у Гомера, где рассказывается о герое Беллерофонте, который победил легендарную Химеру и воинственных амазонок (*Hom. II. VI, 155–203; XVI, 328*).

Древнегреческий эпос, говорит о воинственных женщинах-амазонках, живущих в Скифии, дочерях бога войны – сурового Ареса и вечно юной и ветреной богини красоты и любви Афродиты. Эпос называет амазонок *ἀντίανδρα* (по словарю А. Д. Вейсмана – «подобная мужу» – эпитет, состоящий из слов *ἀντί* и *ἀνήρ*), что значит «равные мужам», «противные мужам» или «мужененавистницы» (*Hom. II. Schol. 6, 186, 2, 3, 189*). Здесь же «амазонка» переводится как лишенная груди с целью стрельбы из лука, «безгрудая» (*Hom. II. Schol. 3, 189*). В Объяснении к «Илиаде» Гомера несколько иная трактовка этого термина: «амазонки – значит жавшие в поясах, т. к. они жали и косили вооруженные, надевая пояса» (*Eustaph. Schol. ad II. 3, 189*).

В словаре древнегреческого языка А. Д. Вейсмана (1991. С. 61–62), можно обнаружить следующие значение и формы рассматриваемого термина:

Ἀμαζόνες, ед. число *Ἀμαζών* – Амазонки, мифический народ, состоявший исключительно из женщин, и отличавшийся воинственностью.

Другая форма:

Ἀμαζονίδες, единственное число: *Ἀμαζονίς* (амазониды).

Прилагательное:

Ἀμαζονικός – амазонский;

Дословно «безгрудые» (искаж.):

-α – частица, означающая отрицание, «без»;

-μαστός – грудь (Вейсман. 1991. С. 783).

Существуют и другие варианты происхождения и значения слова «амазонка». Например, Геродот в своем сочинении, указывает на следующее: «скифы называют амазонок «эорпата», что по-эллинически означает мужеубийцы; «эор» ведь значит муж, а «пата» убивать» (*Herod. IV. 110*). Происхождение слова, приписываемое скифам, несомненно, греческое.

Известный исследователь мифологии Р. Грейвс полагает, что слово «амазонки» вообще древнеармянского происхождения, и обозначает оно – «лунные женщины». То есть смысл, указывающий на принадлежность к некоему тайному женскому обществу (Грейвс. 1992. С. 270). Оснований, приведших его к подобному выводу, автор, к сожалению, не указывает. Однако у Г. К. Ротери в рассуждениях о толковании слова «амазонки» приводится слово «*maza*», означающее «луна» (Ротери. 2004. С. 6; возможно, его же имел в виду и Р. Грейвс). Но, в конце концов, автор подводит итог следующим образом: «Слово это является гибридным в греческом языке и, не будучи туземным названием, может рассматриваться как прозвище, значительно уступающее в возрасте предположительно существовавшему государству. В таком случае его можно считать описательным в той самой мере, которую только способен изобрести человек» (Там же).

Интересна версия, изложенная в статье И. Ю. Шауба, где он приводит мнение Л. А. Ельницкого, который в свою очередь полагает, что слово «амазонки» может восходить к арамейскому эпитету сирийской Афродиты – *amamazon* – «сильная, великая мать», что близко по значению к эпитету Санерга из известного боспорского совместного посвящения этому богу и Астарте, в которой М. И. Ростовцев видел имя Великой меотской богини, некогда безымянной (Шауб. 1993. С. 83).

Э. Б. Петрова в числе прочих вариантов указывает ещё на одно понимание слова по свидетельствам древних авторов. Амазонки – «бесхлебные» – назывались так потому, что не употребляли в пищу хлеба, предпочитая черепах, змей, ящериц, скорпионов (Петрова. 1994. С. 30).

Античный автор Эфор, фрагмент сочинения которого сохранен у Стефана Византийского в его словаре «Этникон» (VI в.) под словом «амазонки» понимает следующее: «Амазонки – женское племя у Термодонта, которых поныне называют савроматидами. О них рассказывают, что физической силой они превосходят мужчин, и объясняется это климатическими условиями местности, которая будто бы обыкновенно производит женщин более сильных и рослых, чем мужчин (Стефан Византийский. Этникон. «Описание племён. Амазонки»). Данная версия восходит к мифу о происхождении сарматов, где они непосредственно связываются с амазонками. Стоит отметить устойчивость данной традиции, которая, начиная с Геродота, бытует в трудах древних авторов вплоть до заката античной эпохи.

В попытках «укоренить» скифов, сарматов и амазонок как «главнейшие древности Российские» некоторые энтузиасты приходили к неправдоподобным и забавным результатам (Богаченко. 1998. С. 18). Так, В. Тредьяковский считал, что слово «амазонка» имеет

славянское происхождение: «Были они подлинно не Амазоны по-гречески, но Омужоны по словенски, т. е., были они жёны мужественные, и омужонными как себя сами, так и другие равно их называли» (Тредьяковский. 1849. С. 350–351).

«А мазаники» (Азбуковники – толковые словари, XII–XV вв.);

– «омуженные»;

– «посвящённые в священный женский союз».

Данный пример показывает, как фантастически могло истолковываться слово «амазонка».

Кроме указанных вариантов, понятие «амазонки» могло означать «живущие вместе, без мужей». Однако самым распространённым вариантом толкования термина в классической мифологической традиции, всё же является «безгрудые». Именно это, т. е. отсутствие груди, считалось одной из главных отличительных черт амазонок. Хотя выражение «безгрудые» могло пониматься ими и аллегорически – в том смысле, что амазонки были лишены кормления грудью, а питались коровьим или кобыльим молоком (Богаченко. 1998. С. 13).

Т. А. Скрипник объясняет вариант трактовки «безгрудые» тем, что обычай, который подчёркивают Псевдо-Гиппократ, Старбон, Диодор Сицилийский и Помпей Трог, состоящий в лишении девочек-амазонок правой груди, отражает, по-видимому, популярный у греков культ одной из древнейших богинь, охотницы Артемиды, которой, по преданию, женщины приносили в дар, как символ плодородия, свои отрезанные груди. Поэтому и сама Артемида изображалась как многогрудая богиня, которая своим молоком вскармливала всё живое и охраняла женщину во время рождения ребенка (Скрипник. 1998. С. 32).

Большая распространённость понимания слова «амазонка» как «безгрудая» по сравнению с другими вариантами, вероятно, может объясняться и тем, что вообще грудь – сугубо женская часть тела – указывает на принадлежность к этому полу. Указание на женский пол амазонок, но в то же время непохожесть на остальных его представительниц акцентируется посредством отрицательной частицы -а. Амазонки не имеют одной груди, их основное занятие – война. Эти черты призваны указывать на резкое отличие женщин-воительниц от всех остальных обычных женщин. Кроме того, асимметричность тел амазонок с одной стороны указывала на дикость и варварское происхождение этого племени, а с другой – асимметрия присуща фантастическим или потусторонним существам в древнегреческой мифологии.

Интересен тот факт, что на памятниках античного искусства эти девы-воины изображены в виде прекрасных женщин с развитой мускулатурой, без следов увечья. Лишь некоторые статуи демонстрируют амазонок с вырезанной грудью (Вардиман. 1990. С. 35). Но и в

этих шедеврах нет извращения женской сути (Там же. С. 34), несмотря на несоответствие традиционному женскому образу. Греческие мастера не любили изображать увечья, т. к. были убеждены, что человек во всех отношениях прекрасный, должен оставаться таковым (Андреев. 1999. С. 282). Поэтому знаменитые статуи раненых амазонок, созданные для храма Артемиды Эфесской – это прекрасные женщины, без каких-либо физических недостатков.

Литература

- Андреев. 1999 – *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1999.
- Богаченко. 1998 – *Богаченко Т. В.* Амазонки – женщины-воительницы // *Донская археология.* 1998. № 1.
- Вардиман. 1990 – *Вардиман Е. Е.* Женщина в Древнем мире. М., 1990.
- Вейсман. 1991 – *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. М., 1991.
- Грейвс. 1992 – *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции / *Тахо-Годи А. А.* (ред.). М., 1992.
- Петрова. 1994 – *Петрова Э. Б.* Озябшие в Тавриде боги. Северное Причерноморье в античных мифах и легендах. Симферополь, 1994.
- Ротери. 2004 – *Ротери Г. К.* Амазонки // *Ротери Г. К., Беннет Ф. М.* Золотой век амазонок. М., 2004.
- Селиванова. 2009 – *Селиванова Л. Л.* Боспорский рельеф со сценой сражения: скифы или амазонки? // *ПИФК.* 2009. № 1 (23).
- Скрипник. 1988 – *Скрипник Т. А.* Амазонки в античной традиции // *Известия Ростовского областного музея краеведения.* 1988. Вып. 5.
- Тредьяковский. 1849 – *Тредьяковский В. К.* Сочинения. М., 1849. Т. 3.
- Шауб. 1993 – *Шауб И. Ю.* Амазонки на Боспоре // *Скифия и Боспор.* Новочеркасск, 1993.

Н. В. Кузина

К вопросу о распространении культа Диониса среди местного варварского населения Северного Причерноморья

Существует достаточно большое количество трудов, посвящённых проблемам религиозной жизни греческого и варварского населения в северопонтийском регионе. К ним относятся работы Д. Б. Шелова, И. Ю. Шауба, М. В. Русяевой, М. И. Артамонова, С. С. Бессоновой, А. А. Масленникова, Н. В. Молевой, Н. И. Винокурова. Некоторые из них затрагивают вопросы, связанные с распространением культа Диониса среди местного варварского населения Северного Причерноморья. Однако специальные работы на эту тему по-прежнему немногочисленны. Во многом такая ситуация объясняется состоянием источниковой базы. Сведения письменных источников по этому вопросу весьма скудны. Так, косвенные свидетельства об

участии некоторых представителей скифской знати в церемониях дионисийского культа содержатся в «Истории» Геродота (*Herod. IV, 76–78*). Но это, пожалуй, единственное сообщение подобного рода. Весьма неоднозначны в трактовке и археологические источники, представленные находками изображений дионисийского круга в курганах скифской и синдской знати IV–III вв. до н.э. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении источники всё же позволяют сделать ряд предположений относительно распространения культа Диониса в среде варварского населения северопонтийского региона в период с V по III в. до н.э.

Вероятно, культ Диониса, будучи популярным среди греческого населения, был известен в варварской среде, преимущественно скифской элиты. Элементы дионисийского культа восприняли представители варварской знати, которые имели тесные экономические и политические связи с греческими городами Северного Причерноморья. Распространению дионисийского культа среди варварской элиты способствовало заключение смешанных браков с гречанками и фракиянками (Масленников. 1981. С. 92–93). Так, в уже упоминавшемся выше пассаже Геродот, повествуя о событиях V в. до н.э., сообщает о скифском царе Скиле, женатом на гречанке и имевшем дом в Ольвии. Скил, склонный к соблюдению греческих обычаев, был посвящен в таинства Диониса-Вакха (*Herod. IV, 76–78*). Основная же часть скифов проявляла враждебность к заимствованию эллинских обычаев и религии (*Herod. IV, 76, 1*). Проникновению в среду варваров дионисийского культа в значительной мере препятствовало отсутствие в скифском пантеоне божества, обладавшего функциями, близкими функциям Диониса – бога плодородия, виноградарства и виноделия. Скифы не культивировали виноград и не занимались виноделием, поэтому у них отсутствовало божество, аналогичное Дионису. Но возможно, осваиваясь с греческой традицией винопития, скифы восприняли и некоторые стороны почитания бога вина (Винокуров. 2002. С. 38). Можно предположить, что и идеи хтонического культа Диониса оказались близки варварам. В конце VI–V в. до н.э. получает распространение орфический культ Диониса, где бог выступал в архаической ипостаси Загрея – покровителя душ умерших, способствующего возрождению. Косвенным свидетельством существования орфизма в северопонтийском регионе является бронзовое зеркало, найденное в архаическом погребении Ольвии (Розанова. 1968. С. 248–250). С орфическим религиозно-философским учением связаны три костяные пластинки V в. до н.э., обнаруженные в районе ольвийского теменоса, в которых имя бога упоминается в сочетании с названием его почитателей – орфиков (Русяева. 1978. С. 87–95). Орфические и вакхические таинства имели много общего (*Herod. II, 49*) и, вероятно, в V в. до н.э. фиас,

объединявший посвящённых в мистерии, среди которых был Скил, находился под каким-то влиянием орфических учений. Участие в фиасе скифского царя позволяет предполагать, что эллинизированным варварам не оставалось чуждым учение мистов о загробном блаженстве и бессмертии души. Как отмечает М. И. Артамонов, туземные культы с их шаманским исступлением, толкуемым как наитие божества, представляли хорошую основу для усвоения мистических обрядов (Артамонов. 1961. С. 85). С хтоническими представлениями, близкими дионисийскому культу, могут ассоциироваться находки изображений Сатиров и Силенов в погребениях эллинизированных скифов и синдов – насыпи нимфейского кургана (Силантьева. 1959. С. 55) и втором Трёхбратнем кургане (Piotrovsky et al. 1986. Pl. 79). Изображения божеств – спутников Диониса могли попасть в погребения как апотропеи, связанные с идеей круговорота жизни и смерти.

В IV в. до н.э. появляется довольно много памятников, ассоциируемых с Дионисом и его фиасом. К этой группе источников относятся произведения античной торевтики с изображением персонажей дионисийского круга, найденные в крупнейших скифских курганах в степях Северного Причерноморья, Приднепровья и Побужья. Образы Диониса и его спутников – сатиров, силенов и менад широко представлены на нашивных бляшках и пластинках, служивших украшениями головных уборов, парадных и погребальных одежд варварской знати (Онайко. 1970. Табл. XLI, 493, *и*; 494, *жс, е*; 500, *г, е*; 501, *в, г*; Табл. XXXIV, 447, *в*; С. 116, № 787, *в*; Артамонов. 1966. Табл. 216, 219; Русяева. 1995. С. 23–25; Фиалко. 2003. Кат. № 14, *а–в*). Персонажи дионисийского круга изображены на чеканной посуде, а также встречаются в декоре оружия и конской сбруи. Упомянутые памятники торевтики с дионисийскими сюжетами были выполнены боспорскими мастерами и представленные на них божества имели греческую иконографию. Так, Дионис изображался юным, с правильными чертами лица, с пышной прической, увенчанный венком из плюща, который был его неотъемлемым атрибутом. Венок из плюща встречается и на бляшках, представляющих собой изображения бородатых сатиров, в ряде случаев с ярко выраженными звериными чертами. Тирс, растерзанное жертвенное животное – характерные атрибуты экстатических спутниц Диониса – присутствуют в иконографии менад в памятниках торевтики. Несомненно, изделия с дионисийскими сюжетами, выполненные греческими торевтами, соответствовали вкусам заказчиков и имели какое-то значение в религиозных воззрениях верхушки синдских и скифских племён в этот период.

Следует отметить, что IV в. до н.э. был временем, когда наметилась новая фаза во взаимодействиях эллинов с северопонтийскими племенами. В этот период создались благоприятные условия для расцвета экономики и культуры окраинных античных государств, в

т. ч. Боспора. При Спартокидах сложилось и процветало греко-варварское государство, объединившее эллинские полисы и территории местных племён. В IV в. до н.э. увеличился приток негреческого населения в боспорские города. Туземная племенная верхушка втягивалась в торговые операции, переселялась в города, вступала в браки с представителями греческой аристократии, перенимала некоторые элементы эллинской культуры (Масленников. 1981. С. 92–93). О браках между знатными боспорянками и скифскими правителями говорят захоронения в курганах Куль-Оба и Огуз. Эпиграфические данные также свидетельствуют о том, что в IV–III вв. до н.э. межэтнические браки были довольно частым явлением на Боспоре (КБН 168, 193, 196, 225, 227). В рассматриваемый период появляются иранские имена и среди правящей династии Спартокидов. О том, что браки заключались между детьми Спартокидов и синдскими царями свидетельствует рассказ Полиэна о меотянке Тиргатао (*Polyen.* VIII. 55). Боспорские тираны стремились поддерживать тесные дипломатические, союзнические отношения с местной знатью, в т. ч. и со скифами (Шелов-Коведяев. 1985. С. 136. Молев. 1994. С. 30. 2003. С. 135, 139).

Интенсивное участие представителей варварской знати в экономической и политической жизни северопонтийских центров и усиление эллинизации верхушки автохтонных племён создали предпосылки для активного усвоения местной аристократией отдельных элементов дионисийского культа. Следует упомянуть, что в IV в. до н.э. значительно возросла роль культа Диониса в общественной и политической жизни античных государств Северного Причерноморья: Ольвии, Херсонеса, Боспора. Так, в Боспорском государстве культ Диониса и его фиаса активно поддерживался представителями правящей династии Спартокидов. На аверсе монет, являвшихся в античности основным средством пропаганды, боспорские правители чеканили изображения сатиров – спутников Диониса (Анохин. 1986. С. 140. Табл. 3, 99, 100, 102). По мнению С. С. Бессоновой, сатиры и силены могли ассоциироваться со второстепенными персонажами скифской мифологии – демонами природы (Бессонова. 1983. С. 95). Изображения сатиров, близкие образцам на монетах, широко представлены на бляшках. Следует отметить присутствие на голове некоторых персонажей плющевого венка – традиционного атрибута Диониса, что свидетельствует о причастности божеств, изображенных на бляшках, дионисийскому кругу. Может быть, обилие находок в погребениях варварской знати памятников торевтики с изображением сатиров, Пана, менад и самого Диониса, не имевшего аналогов в скифском пантеоне, объясняется целенаправленным распространением греками дионисийского культа и связанных с ним персонажей в среде скифской элиты в IV–III вв. до н.э. (Русяева. 1995. С. 33).

Так, по мнению А. С. Русяевой при Спартокидах на Боспоре получил популярность культ Диониса, включавший в себя взаимосвязанные с ним культы Сатира и Пана. Символика пантикапейских монет указывает на чрезвычайно важное значение в политике и идеологии Спартокидов такого синкретического культа. Вероятно, культ Диониса и его фиаса служил своеобразным политическим инструментом, наряду с культами Геракла и Афины, для устойчивости внешне-экономических и культурных контактов с окружающими племенами, элита которых, по-видимому, восприняла его основные элементы и включила на какое-то время в число почитаемых божеств (Русяева. 1992. С. 37–38; 2005. С. 69). Монеты с изображением сатиров, божеств, близких как грекам, так, возможно, и варварам, ассоциируемых с боспорскими правителями, а также изображения на бляшках самого Диониса, культ которого поддерживался государством, могли использоваться для пропаганды правящей династии среди эллинизированного варварского населения, вошедшего в состав государства или имевшего тесные контакты с ним. В частности, на Боспоре почитание Диониса или божеств, близких его кругу, представителями скифской знати, обладавшими влиянием в делах государства, могло быть внешним выражением приверженности официальной идеологии и лояльности боспорским правителям. В этом отношении показателен тот факт, что изображения самого Диониса найдены только в погребениях скифских царей и их родственников, в то время как бляшки с изображениями сатиров представлены более широко в погребениях знати и жреческих захоронениях. Это обстоятельство указывает на достаточно строгую регламентацию в использовании определённых типов дионисийских изображений (Фиалко. 2003. С. 129).

Второстепенные персонажи дионисийского круга – сатиры и менады, возможно ассоциируемые с персонажами варварской хтонической мифологии и экстатическими формами местных культов, приобрели наибольшее значение и популярность, что, вероятно, связано с отсутствием в варварском пантеоне бога, тождественного Дионису. Есть основания предполагать, что в результате греческого влияния, в эллинистический период элементы хтонического культа Диониса могли включаться в систему религиозных представлений варварского населения, связанных с идеей круговорота жизни и смерти и проникать в культы хтонических божеств, в частности Великого женского божества, воплощённого в греко-скифском искусстве в образе змея, паредром которой выступало сатириобразное существо, близкое дионисийскому кругу (Шелов. 1950. С. 65).

Итак, в заключение следует отметить следующее. Вероятно, представления, связанные с Дионисом и его фиасом были известны среди варварской (скифской, синдской) элиты, имевшей тесные экономические и политические отношения с северопонтийскими

городами и воспринявшей некоторые элементы почитания бога вина. Не исключено, что культ Диониса, активно поддерживаемый государством, мог рассматриваться как своеобразный «критерий эллинизации» осваиваемых греками чужих земель, в IV–III вв. до н.э. и играл какую-то роль в греко-варварских отношениях в это время.

Идеи хтонического культа Диониса, получившие широкое распространение в эллинистический период, могли включаться в систему религиозных представлений варваров, связанных с круговоротом жизни и смерти и проникать в культы местных хтонических божеств.

Литература

- Анохин. 1986 – *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. К., 1986.
- Артамонов. 1961 – *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. Вып. 2.
- Артамонов. 1966 – *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Л.; Прага, 1966.
- Бессонова, 1983 – *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. К., 1983.
- Винокуров. 2002 – *Винокуров Н. И.* Античный социум: культ вина и винограда // БИ. 2002. Вып. II.
- Масленников. 1981 – *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981.
- Молев. 1994 – *Молев Е. А.* Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.
- Молев. 2003 – *Молев Е. А.* Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. М., 2003.
- Онайко. 1970 – *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье. М., 1970. САИ. Вып. Д1-27.
- Розанова. 1968 – *Розанова Н. П.* Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- Русяева. 1978 – *Русяева А. С.* Орфизм и культ Диониса в Ольвии // ВДИ. 1978. № 1.
- Русяева. 1992 – *Русяева А. С.* Основной сюжет на пекторали з Товстої Могили // Археологія. 1992. № 3.
- Русяева. 1995 – *Русяева М. В.* Діонісійські сюжети на пам'ятках торевтики із скіфських курганів // Археологія. 1995. № 1.
- Русяева. 2005 – *Русяева А. С.* Региональные особенности культа Диониса в Причерноморье // БИ. 2005. Вып. IX.
- Силантьева. 1959 – *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69.
- Фиалко. 2003 – *Фиалко Е. Е.* Золотые бляшки из кургана Огуз // РА. 2003. № 1.
- Шелов. 1950 – *Шелов Д. Б.* К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье // КСИИМК. 1950. Вып. 34.
- Шелов-Коведяев. 1985 – *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985.
- Piotrovsky et al. 1986 – *Piotrovsky B., Galanina L., Grach N.* Scythian Art. The legacy of the scythian world: mid. 7th to 3rd. Leningrad, 1986.

Новые гераклейские магистраты

Менее ста лет назад, в 1926 г. Б. Н. Граков предположил, что амфоры и черепица с энглифическими клеймами производились в Гераклее Понтийской. С тех пор появилось пять хронологических схем гераклейского клеймения, была разработана их типология, однако список магистратских имён по-прежнему не может считаться окончательно установленным. В последней по времени появления хронологической схеме, принадлежащей В. И. Кацу (2007. С. 429–430), список магистратских имён значительно расширен, но, как представляется, не для всех имён это было оправдано.

1. ἸΑθαπόδορος

На основании нескольких оттисков редкого для Гераклеи рельефного ретроградного штампа В. И. Кац и С. Ю. Монахов вводят в число магистратов хронологической группы ПА магистрата Атанодора. С. Ю. Монахов пишет, что помимо двух клейм на фрагментах горл, засвидетельствованы четыре целых амфоры с этим клеймом одного и того же штампа (Монахов. 2003. С. 131). Я не имела возможности ознакомиться с клеймами на фрагментах, об оттисках же на целых амфорах можно заметить следующее:

– о клейме из ольвийского склада 1947 г. Ю. Г. Виноградов сообщает, что «рельефное клеймо стёрто» (Виноградов. 1972. С. 47. Прил. I. 4. 37). Вероятно, именно крайне плохая сохранность штампа не позволила С. Ю. Монахову дополнить описание этого комплекса прорисовкой данного оттиска (Монахов. 1999. С. 194 сл.).

– клеймо из порфмийской ямы 1987 г. сохранилось чуть лучше, но в этом оттиске полностью отсутствует первая строка. Восстановление С. Ю. Монахова: [ἐ]τὶ ἸΑθαπόδορος/Εὐκλέ(ι)ωνος (Там же. С. 260. Табл. 105, 4).

– в клейме с поселения Козырка-ХII (полевой № Коз-ХII/86-20) в первой строке прорисовки С. Ю. Монахов отмечает вертикальную гасту и рядом с ней кружок. Вертикальная гаста, судя по лучше сохранившимся штампам, принадлежит *йоте*, непосредственно за которой, без сомнения, следует *тхета* (Монахов. 2003. С. 131, 319. Табл. 89, 8).

– в клейме из Елизаветовского городища (ГЭ. Инв. ТЕ.1911.290; Там же. С. 319. Табл. 89, 7) И. Б. Брашинский прочёл первую и вторую строки как [ἐ]τὶ Θε/οδόρο[ο] (Брашинский. 1989. С. 116. № 89). На мой взгляд, в первой строке достаточно хорошо читаются *пи*, *йота* и *тхета*. Это даёт основание согласиться с восстановлением Брашинского, и, поскольку все вышеупомянутые клейма оттиснуты одним штампом, можно, следовательно, утверждать с большой долей

уверенности, что имя магистрата – Θεόδωρος, а штамп должен читаться как ἐπὶ Θε/οδώρο/Εὐκλέ(ι)/ωνος (ретроградно).

Имена некоторых магистратов 2-й магистратской группы В. И. Каца, например Μολοσσός и Στύφων, встречаются и в сильно сокращённой форме – Μο(---)/Μολ(---) и Στ(---)/Στυ(---), возможно, Θε(---) также является сокращённой формой имени магистрата Θεόδωρος.

2. Μένιπλος

В. И. Кац относит Мениппа также к хронологической группе ΠΑ. Насколько мне известно, имя встречается в гераклейской амфорной эпиграфике только один раз – в происходящем из Каллатиса клейме Μένιπλου (Gramatorol, Roenagu-Bordea. 1969. P. 240. No. 839), которое не даёт достаточных оснований считать Мениппа магистратом.

3. Ἰστρός / Σύρος

К клеймам магистратов конца 50-х – 30-х гг. IV в. до н.э. В. И. Кац отнёс штамп, во второй строке которого читается ΣΤΡΟΥ (Миллюкова. 1975. С. 28. Рис. 9, 7; Кац. 2007. С. 243, 430). Первоначально В. И. Кац восстанавливал ΣΤΡΟΥ как Ἰστρου (Кас. 2003. P. 276). Затем С. Р. Тохтасьев, предположив, что имела место ошибка резчика, вырезавшего Т вместо Υ, предложил вариант Σύρου, и, таким образом, мы получаем генитив уже засвидетельствованного, хотя и только в качестве фабрикантского, имени Σύρος.

Ошибки резчиков, хотя и относительно нечастые, в керамических клеймах Гераклеи Понтийской иногда всё же встречаются. Помимо случаев замены долгих гласных соответствующими краткими есть и несколько примеров, когда вместо имени в штампе вырезано сочетание букв, которое далеко не всегда удастся восстановить. К их числу относятся, напр., ΕΜΩΙΝ/Κερκίνο (Херсонес. НЗ ХТ № 137/37000), Εὐάρχο/семи лучевая звезда ἐπὶ ΡΡΥΠΙ (IOSPE. III. 270). В последнем штампе имя магистрата обычно восстанавливают как Κρππ(---). На мой взгляд, т. к. среди магистратских имён встречается имя Σάτυρος, для ΣΤΡΟΥ е. г. можно предложить и другое восстановление – Σ(α)τ(ύ)ρου. Наконец, в ΣΤΡΟΥ можно видеть и сокращение от любого из имён с основой Στρουθ- – Στροῦθος, Στρούθιος, Στρουθίων и т. п. (LGPN. s. v.).

Литература

- Брашинский. 1989 – *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980.
- Виноградов. 1972 – *Виноградов Ю. Г.* Керамические клейма острова Фасос // НЭ. 1972. Т. X.
- Кац. 2007 – *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII.

- Мелюкова. 1975 – Мелюкова А. И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М., 1975.
- Монахов. 1999 – Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов. 1999.
- Монахов. 2003 – Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов. 2003.
- Gramatopol, Poenaru-Bordea. 1969 – Gramatopol M., Poenaru-Bordea Gh. Amphora stamps from Callatis and south Dobrudja // Dacia. 1969. Vol. 13.
- Кас. 2003 – Кас В. I. A New Chronology for the Ceramic Stamps of Herakleia Pontike // The Cauldron of Ariantas. 2003. BSS. 1.

А. В. Куликов, Д. В. Бейлин

Особенности организации торговли и обмена между греками и варварами Северного Причерноморья в VI–III вв. до н.э.

1. В решении вопроса о господствующих формах товарообмена между греками и представителями варварских племён Северного Причерноморья остаётся пока много неясного. Эпизодический обмен продуктами труда в рамках патриархального общественного и семейного устройства, присущего причерноморским варварам в доколониционный период, сам по себе ещё не являлся товарообменом. Более того, даже большие запасы прибавочного продукта (напр., зерно в пашенных ямах), которые являлись гарантиями экономической стабильности общества, сами по себе ещё не выступали как товар.

Если говорить об экономическом развитии ионийских греков эпохи перехода от бронзового века к железному, следует отметить далеко зашедший процесс социального и имущественного расслоения. И всё же, на протяжении ещё нескольких столетий в греческом обществе господствующими формами товарообмена остаются натуральные: в роли денег выступают скот и изделия из металла, пока их не вытеснили слитки благородных металлов различного веса и формы. Даже к началу Великой греческой колонизации VIII–VII вв. до н.э. экономика греков ещё не достигла той степени товарности, когда появляется потребность во всеобщем денежном эквиваленте. Таким образом, начальные формы обмена между греческими мореходами и представителями туземных народов Причерноморья могли быть только самыми примитивными – на уровне эпизодических представительских или «дипломатических» даров.

Характерная для древних обществ неравномерность социального и экономического развития приводила к тому, что к началу массового колониционного процесса в Причерноморье складываются крупные локальные этнические массивы населения с разным стадийным

уровнем экономического развития. К VI в. до н.э. греческое общество в своём социальном и экономическом развитии намного опередило периферийные варварские народы. Греческие купцы, будучи заинтересованными в получении прибыли от контактов с северопричерноморскими варварами, всячески стимулировали процессы переорождения традиционных обществ и появления субъектов самостоятельной предпринимательской деятельности, чтобы вовлечь их в сделки обмена и торговли.

Рассмотрим специфику социально-экономической организации общества северопричерноморских народов в конце VII – первой половине VI в. до н.э. Местное население, хотя ещё находилось в своём развитии на догосударственной стадии, уже было чётко социально и имущественно стратифицированным. Каким образом строились конкретные формы социальных и экономических отношений внутри варварских обществ, ввиду крайней ограниченности в достоверных источниках, говорить затруднительно. Можно предположить, что основной социальной и экономической ячейкой древнего общества северопричерноморских варваров являлась большая патриархальная семья во главе со старейшиной (в римском праве *pater familias*). Именно ему как старшему в роде, единоличному носителю социальных, сакральных и имущественных ценностей, принадлежало исключительное право принимать **по своему усмотрению** все значимые решения. Современная этнография называет такое общество постарным.

В торговых контактах с греками все рядовые члены патриархальной семьи не могли выступать как абсолютно независимые субъекты – они просто не располагали достаточным количеством товарного продукта. В качестве легитимного контрагента для греческих оптовиков мог выступать только глава клана, большой семьи. Автаркичные черты социально-экономической организации варварского общества являлись главной причиной слабого развития торговых контактов с греками на ранних этапах колонизации в VI – первой половине V в. до н.э.

2. В VI в. до н.э. у греков появляется чеканная монета, которая к концу столетия начинает связывать воедино внутренние рынки государств Восточного Средиземноморья. Разработки россыпных месторождений золота и электра, полиметаллических руд, содержащих большие запасы серебра, обеспечивают расширение денежного обращения за счёт бесперебойных поставок сырья на монетные дворы. Разработка медных месторождений в Малой Азии, на Кавказе и во Фракии обеспечивает металлом не только местное население, но и ориентируется на спрос обитателей самых отдалённых территорий. Золото и электр в силу своей высокой ценности не смогли монополизировать денежный обмен в средиземноморской торговле и

удовлетворить разносторонние требования формирующегося международного денежного рынка. Эту функцию выполняло серебро.

Но вот парадокс: если в греческой среде серебро являлось всеобщим денежным эквивалентом, то в среде варварских причерноморских народов ценностные свойства этого металла оставались мало востребованными. Серебряной монетой северопричерноморские греки рассчитывались преимущественно в своей среде. Господство мелких номиналов серебряных монет говорит о том, что в денежной розничной торговле преобладали мелкие расчёты. Логика подсказывает, что эмитентом ранних серебряных денег, обращавшихся в греческих апойкиях, скорее всего, выступало не государство (в виде локальных монетных дворов отдельных городских общин), а отдельные торговые объединения-землячества греческих купцов метрополии, которые вели свои дела на Боспоре: самосцев, митиленцев, милетян и т. д. Этим, видимо, следует объяснять отмеченное нумизматами «заимствование» основных монетных типов лицевых сторон боспорских монет, абсолютное господство анэпиграфных типов реверса, а также «импульсный», дискретный характер ранней серебряной чеканки. Вероятно, что ранняя серебряная монета, чеканенная для обращения на Боспоре, была привозной. Самые популярные номиналы монетных серий – диоболы и триоболы.

Два-три обола – это, к примеру, размер дневного заработка афинского гражданина, который, как известно, компенсировался из общественной казны во время проведения народных собраний, отрывавших ремесленников от их повседневной работы. Вероятно, что и на Боспоре мелким серебром рассчитывались с греческими подёнщиками, выполнявшими разовую работу в порту, на складах товара и т. д. Держать для такой работы постоянный штат рабов было, очевидно, невыгодным. Привлекать в качестве подёнщиков представителей местных племён также было затруднительно, поскольку распределением трудовых ресурсов внутри большой патриархальной семьи мог заниматься только её глава.

Большая часть заработанных мелких серебряных денег расходовалась греческими подёнщиками в своей среде на повседневные нужды – пропитание, отопление, ночлег, одежду и обувь. Всё это можно было получить на местных рынках у греческих розничных торговцев. Ограниченный характер собственного сельскохозяйственного производства жителей греческих апойкий создавал постоянный дефицит продуктов питания, который компенсировался, главным образом, за счёт меновой торговли с представителями местной варварской знати через посредство греческих оптовиков.

3. В глазах туземного населения Северного Причерноморья именно медь, а не золото и серебро, была воплощением товарной ценности. В своём металлическом качестве она воплощала в себе

потенциальные орудия труда, оружие, элементы конского убора, женские украшения и различные аксессуары, которые можно было из неё изготовить. В глазах северопричерноморских варваров главной ценностью меди является возможность создания стратегического запаса металла. Поэтому как товар медь интересовала представителей варварских кланов не только в виде готовых изделий, но и в своем первоначальном, металлическом виде.

Известно, что в варварской среде Северного Причерноморья денежную функцию часто выполняли наконечники стрел и слитки различного вида. Если для Северо-Западного Причерноморья, сравнительно богатого медью, наблюдается большое разнообразие форм медных денег (от «стрел», «дельфинчиков» до крупных «дельфинов» и «ассов»), то на Боспоре оно не отмечено. И в то же время на варварских поселениях Европейского Боспора отмечается широкое распространение обрубков бронзовых гвоздей: как длинных корабельных (шляпки, стержни, острия), так и мелких «обойных». Кроме гвоздей, на варварских селищах встречаются обрубки бронзовых разъёмных браслетов. Иногда это сегменты изделия (половина или четверть), или обрубки краёв, изогнутые в виде петли или колечка. Встречаются даже целые наборы изделий из соединённых между собой нескольких звеньев. Ещё одной формой суррогатных денег могли выступать свинцовые пряслица тиражированных форм (усечённо-конические или биконические с декором в виде расходящихся от центра лучей). Вероятно варвары в своих расчётах этими слитками различной формы расплачивались не по весу, а по счёту. Существовал ли этим суррогатным деньгам стабильный денежный эквивалент в чеканном греческом серебре и меди (или в других видах товара), можно только догадываться.

Медные монеты Пантикапея появились в первых десятилетиях IV в. до н.э. Их облик настолько напоминает синхронное серебро, что не остаётся сомнения, что в денежном обращении они играли роль мельчайших номиналов монетных серий. На варварских памятниках Восточного Крыма эти типы монет сравнительно многочисленны. Иное дело – серии бронзовых монет середины – третьей четверти IV столетия: сатир-грифон, сатир-пегас, сатир-горит. Точно так же как и синхронные им ольвийские «борисфены», медные пантикапейские монеты в кладах чаще встречаются не в греческих городах, а на поселениях варварской периферии Керченского и Таманского п-вов. Если сопоставить хронологию и объёмы эмиссии медных пантикапейских монет с изменениями в политическом устройстве Боспорского государства, становится очевидной их прямая связь. Борьба за подчинение Феодосии была невозможной без установления полного военно-политического и экономического контроля

династии Спартокидов над глубинными степными территориями Восточного Крыма.

Итак, в греко-варварской среде формы обмена были неоднозначными и многоуровневыми: в тех или иных конкретных условиях могли преобладать расчёты бартером, товаро-деньгами, суррогатными деньгами и т. д. Вероятно, сами греческие купцы в большей степени были заинтересованы в сосуществовании разных способов расчётов с варварами. За счёт заниженной оценки товаров местного производства (скот, зерно, шерсть) и завышенной оценки греческих товаров (вино, ткани, изделия из металлов) могла поддерживаться исключительно высокая доходность боспорской торговли.

На протяжении столетий у греческого населения Боспора и его варварской периферии товарная доля экономического производства оставалась несоизмеримо малой по сравнению с традиционными формами распределения и потребления. Экономическое развитие местных варварских народов тормозилось изъятием реальных товарных ценностей в обмен на суррогатные и медные деньги. К рубежу IV–III вв. до н.э. стоимостный разрыв в товарной оценке меди с одной стороны, и серебра – с другой, достиг критического уровня. Серебряные драхмы, дидрахмы и тетрадрахмы Пантикапея официально заменяются медными и в таком качестве наводняют внутренний рынок Боспора. Кризис платёжеспособности владельцев медных денег на фоне стремительного сокращения сельскохозяйственного производства привёл экономику Боспора к длительному периоду упадка и стагнации, охватывавшему большую часть III в. до н.э.

Д. В. Григорьев

Война как фактор этнического взаимодействия в Северном Причерноморье

На раннем этапе существования античная община сама по себе подразумевалась как сравнительно замкнутый, в т. ч. этнически изолированный коллектив. Поэтому изначально следует иметь в виду влияние этнического компонента на взаимодействие между эллинским полисом и другими народами. Особенно это подразумевает военная деятельность.

Этническое взаимодействие может оказывать влияние как стимул к развитию, но может привести и к деградации. Война также оказывает противоречивое влияние на развитие общества и в целом является одним из способов этнического взаимодействия. В Северном Причерноморье, населённом различными этническими группами, это могло проявиться особенно ярко.

Поскольку влияние войны отражается в разных сферах жизни общества, нас в большей мере интересует собственно военная деятельность. Значимость войны для защиты территории и приобретения новых ресурсов (земельные владения, рабы, сырьё и др.) определяет и стремление к совершенствованию в этой области, в т. ч., путем заимствований. Возникает вопрос в какой мере подобные заимствования можно связать именно с этническим взаимодействием и когда наступает момент, после которого возможно говорить о признаках «эллинизации» и «варваризации». Необходимо учитывать и то, что военная организация общества и вооружение (как отдельные элементы системы) часто связаны с традициями и особенностями общественно-политической структуры. Поэтому, можно предполагать не единовременное и быстрое, а постепенное (по отдельным элементам) проникновение в форме заимствований «чужеродных» черт в военном деле тех или иных обществ. В связи с этим важными свидетельствами взаимодействия являются вещественные следы использования «чужого» вооружения, которые могут прямо или косвенно сообщать нам и об особенностях используемых военных методов.

Всё вышесказанное проявляется в разнообразии представлений исследователей о начале изменений в военном снаряжении эллинов Северного Причерноморья и особенностях протекания этого процесса.

Высказывалось мнение о довольно раннем начале изменений в военном деле эллинских полисов, в связи с влиянием скифов (Черненко. 1986. С. 399; Ершова. 2005. С. 106). В противоположность этой точке зрения говорится и о большей продолжительности эллинских военных традиций в Северном Причерноморье, несмотря на заимствования в области вооружения у местного населения (Блаватский. 1954. С. 63–70; Назаров. 1999. С. 82–83; Виноградов. 2004. С. 9, 11; 2006. С. 27–28; Виноградов, Горончаровский. 2009. С. 13).

Поскольку заимствования и изменения в военной сфере могли произойти только после начала, вероятно, масштабных столкновений, то косвенно мы получаем возможность предполагать и характер взаимоотношений эллинов с местными народами. При этом нельзя исключать, что ситуация в разных районах Северного Причерноморья могла несколько различаться.

Обращаясь к конкретным фактам, мы сталкиваемся с тем, что в скифских курганных погребениях присутствуют предметы греческого защитного доспеха. Самые ранние из них – шлемы (погребение у Ромейковки – коринфский тип; Нимфейский некрополь: в кургане № 16 1876 г. – халкидский тип, в кургане 1868 г. – иллирийский; Черненко. 1968. С. 82) и кнемиды (Там же. С. 114; Галанина, 1965), относятся к V в. до н.э. Панцири греческого происхождения в архаических погребениях местной аристократии не обнаружены. Дискуссия

о дате изготовления панцирного нагрудника из Елизаветинского кургана № 6 (Виноградов. 2005; Трейстер. 2009), по-видимому, не препятствует выводу о попадании этого предмета к варварам не ранее конца V в. до н.э.

Доспехи и скифское по своему облику оружие появляются на греческих поселениях гораздо раньше. На территории Ольвии остатки наборного пластинчатого панциря обнаружены в землянке второй половины VI в. до н.э. (Русяева, Черненко. 1980. С. 100). Следы производства такого же доспеха известны в Пантикапее в первой половине V в. до н.э. (Марченко. 1972. С. 150). Очевидно, к этому времени эллины полностью убедились в большей эффективности данного доспеха, по сравнению с традиционной кирасой и начали его собственное производство. Следовательно, чтобы это произошло, в течение VI в. до н.э. должно было состояться достаточное количество военных столкновений. С другой стороны, археологические материалы не дают реальной картины степени распространения пластинчатого панциря среди греческого населения Северного Причерноморья. Все находки данного доспеха архаического периода оказались на территории крупных городов. В погребениях этого периода их нет. Это позволяет выдвинуть предположение о гораздо большей распространённости более простых конструкций панцирей – льняных, войлочных, кожаных. Поэтому появление пластинчатого доспеха в античных городах Северного Причерноморья в ранний период можно связывать и с событиями невоенного характера. Тем не менее данный факт не обязательно свидетельствует об изменении военной организации греков. Такие предметы могли иметь статусный характер.

Более показательными являются находки в греческих погребениях и на территории поселений скифских мечей и наконечников стрел. В частности, предполагается начало изготовления мечей скифского облика на Березанском поселении около середины VI в. до н.э. (Чистов. 2008. С. 309).

В ряде погребений боспорских некрополей мечи скифского облика также появляются в VI в. до н.э. (Гайдукевич. 1959. С. 158, 173; Грач. 1999. С. 48, 74). Это, очевидно, является результатом и производственной, и боевой традиции, сложившейся в течение VI в. до н.э. Данные факты наводят на мысль о раннем знакомстве греков со скифским оружием. Поскольку оружие является более доступным предметом, чем составной доспех, то оно является более убедительным доказательством периодических столкновений между греками и скифами.

Наиболее ранний элемент вооружения, который был заимствован греками – наконечники стрел. Производство этого оружия было налажено на Ягорлыцком поселении в первой половине VI в. до н.э. (Назаров. 1988. С. 182; Виноградов. 2006. С. 21).

Таким образом, можно предполагать, что греки Северного Причерноморья заимствовали отдельные элементы скифского оружейного комплекса постепенно и происходило это, вероятно, в результате боевых столкновений, которые требовали адекватного ответа со стороны греческих поселенцев. Тем не менее степень заимствований была разной и на основании только факта заимствования сложно сделать вывод о степени изменения военной организации эллинов в целом под воздействием скифов в архаический период.

Литература

- Блаватский. 1954 – *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
- Виноградов. 2004 – *Виноградов Ю. А.* Там закололся Митридат. СПб.; М., 2004.
- Виноградов. 2005 – *Виноградов Ю. А.* Бронзовый панцирь из Елизаветинского кургана // БФ. 2005.
- Виноградов. 2006 – *Виноградов Ю. А.* Счастливый город в войне. СПб., 2006.
- Виноградов, Горончаровский. 2009 – *Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб., 2009. *Historia Militaris*.
- Гайдукевич. 1959 – *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. № 69.
- Галанина. 1965 – *Галанина Л. К.* Греческие поножи Северного Причерноморья // АСГЭ. 1965. Вып. 7.
- Грач. 1999 – *Грач Н. Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
- Ершова. 2005 – *Ершова А. В.* Вооружение и тактика на Боспоре в VI–IV вв. до н.э. // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья. СПб., 2005.
- Марченко. 1972 – *Марченко И. Д.* Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее // СА. 1972. № 2.
- Назаров. 1988 – *Назаров В. В.* Новые находки наконечников стрел на архаических поселениях Нижнего Побужья // Античные древности Северного Причерноморья. К., 1988.
- Назаров. 1999 – *Назаров В. В.* О военном деле ольвиополитов (структура сухопутного войска) // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. М., 1999.
- Русяева, Черненко. 1980 – *Русяева А. С., Черненко Е. В.* Новые находки оружия из Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. К., 1980.
- Трейстер. 2009 – *Трейстер М. Ю.* Бронзовый нагрудник панциря с изображением головы Медузы из кургана № 6/1914–1915 у ст. Елизаветинской в Прикубанье // БИ. 2009. Вып. XXI.
- Черненко. 1968 – *Черненко Е. В.* Скифский доспех. К., 1968.
- Черненко. 1986 – *Черненко Е. В.* Вооружение античных государств Северного Причерноморья // Археология Украинской ССР. К., 1986. Т. 2.
- Чистов. 2008 – *Чистов Д. Е.* Новая находка фрагментов меча из комплекса середины VI в. до н.э. на участке «О» Березанского поселения // IX БЧ. 2008.

Социолингвистическая ситуация в Боспорском царстве и особенности языковой политики эллинистических государств

Значительный список этносов, засвидетельствованных на территории Боспорского царства, позволяет предполагать наличие целого ряда языков, ни один из которых не выполнял функции государственного. Тем не менее устройство Боспорского царства требовало наличия переводчиков для предоставления населению официальной информации.

Надпись КБН 698, купленная в Керчи (откуда, возможно, и происходит), представляет собой эпитафию переводчика (ἑρμηνεύς) Перисала, сына Саврофа и его сына Ревсинала. Издатели сопоставляют этот текст с надписью CIL VI, № 5207: Ἀσποῦργος Βιομάσου υἱὸς ἑρμηνεύς Σαρματῶν Βωσπορανός (Рим). Правдоподобно, что речь в римской надписи должна идти не о сарматах в целом, а о языках (Тохтасев. 2005. С. 294).

Переводчики, как можно предполагать на основании найденного в Тамани текста 208 г. н.э. КБН 1053, где упомянут Герак, ἀρχερμηνεὺς τῶν Ἀλανῶν, могли организовываться в своего рода коллегии, во главе которых и должен был стоять упомянутый в этой надписи Герак. Следует, впрочем, иметь в виду, что в Танаисе существовали отдельные должности архонта и эллинарха, что может указывать на двойное управление: общее (включая местное население) и отдельное для греческого населения. Для целого ряда племенных объединений (по крайней мере с момента их вхождения в Боспорское царство) засвидетельствован в качестве главы собственный βασιλεύς, при том что боспорские цари из числа спартокидов первоначально обозначались как правители (ἄρχων) Боспорского царства. Сохранение местных традиций предполагало и сохранение языка: можно думать, что не одни аланы имели своих переводчиков, необходимых для поддержания связей с греческим государственным аппаратом.

Практика перевода официальных документов с греческого на местные языки возникает в эллинистических царствах не сразу, хотя ситуация мультилингвизма отличала все без исключения эллинистические государства.

Следует специально отметить различия в понимании билингвизма современной лингвистикой и представлениями, бытовавшими в античности.

Для греческого восприятия характерно употребление слова «варвар», которое первоначально не имело коннотаций с дикостью, речь шла только о людях, которые бормочут что-то непонятное,

откуда обычно этимологи и восстанавливают внутреннюю форму слова βάρβαρος (Chantraine. 1968).

Вместе с тем необходимость в переводчиках была, и зачастую синонимами к обычному греческому ἑρμηνεύς выступают слова δίγλωσσός, δίφωνος, πολύγλωττος ‘двуязычный и многоязычный’, а также γλώττης ἀλλοτρίας ἐπιστήμων (знарок чужого языка, ср. Pollux. V. 154) (Dubuisson. 1983. P. 203–225). Практические нужды требовали людей, обладающих знанием языков Малой Азии, ср. у Квинта Курция описание лидийца, ставшего переводчиком Александра Македонского: Graecae Persicaeque linguae peritus *Q. Curt.* V. 4, 4 ‘опытный в греческом и персидском языках’, что соответствует ἀνὴρ δίγλωττος, εἰδὼς τὴν Περσικὴν διάλεκτον *Diodor.* XVII. 68, 5 ‘муж двуязычный, знающий персидскую речь’. Такой билингвизм, как кажется, может обозначаться как δίγλωσσος ἐς τὰ βαρβαρικά γράμματα *Arrian.* III. 6, 6 букв. ‘двуязычный в отношении варварской письменности’, где, впрочем, слово γράμματα, собственно «письменность», безусловно ставит много проблем.

Наряду с этим кругом свидетельств имеются определённые данные о людях, которые употребляют язык смешанный с сильной тенденцией к созданию местного языка, приближающегося к креольскому. Среди таких описаний особенно показателен пассаж, в котором Квинт Курций говорит о языковой ситуации в Согдиане и замечает по поводу греков: mores patrii nondum exsolverant, sed iam bilingues erant, paulatim a domestico externo sermone degeneres ‘они не сберегли отеческие нравы, но уже были «двуязычными», постепенно отойдя от домашнего языка к чужому языку’ (*Q. Curt.* VII. 5, 29)¹⁷⁷. В данном контексте важно слово degeneres, которое отчетливо указывает на порчу языка и отказ не только от греческих нравов, но и от греческой речи. В приведённом пассаже явно (как бы мы ни понимали детали данного текста), речь идёт о том, что языковая ситуация до некоторой степени приблизилась к состоянию, напоминающему креольский язык, в котором часть греческих языковых средств заменяется формами согдийского языка. Мишель Дюбуиссон отчетливо показывает, что такое значение для слова bilinguis подкрепляется и некоторыми текстами, не относящимися к восточному ареалу. Сложность проблемы заключается ещё и в том, что тем же словом bilinguis могли обозначать неискреннего в речах человека, у которого «два языка».

Как мы знаем, античной традиции не было свойственно внимание к живому употреблению речи в разных частях греческого мира.

¹⁷⁷ Хорошей иллюстрацией такого положения дел могут служить греческие тексты из Бактрии, показывающие сильные отступления от норм греческого языка, ср. Иванчик. 2011.

Даже древнегреческие диалекты в большей степени описывались как диалекты литературные. Эти тексты могли цитироваться в эллинистическое время историками, в том числе – историками-краеоведами¹⁷⁸. Дошедшие до нас свидетельства позволяют думать, что такого рода истории отдельных регионов бытовали достаточно широко, так что «существование боспорских историков представляется тем более вероятным, <что> местные историки были и в других античных греческих государствах Северного Причерноморья, менее значительных, чем Боспор» (Гайдукевич. 1949. С. 161–162). Такого рода сочинения могли включать в себя местные письменные источники. Это предположение позволяет объяснить присутствие в словаре Гезихия глосс, которые соотносятся с текстами дошедших до нас эпиграфических памятников. Для отдельных диалектов возможно реконструировать на основании дошедших до нас глосс нечто вроде связного текста (см., напр., Казанский. 1987. С. 72–76). В эпоху эллинизма известны также случаи, когда делается попытка придать государственный статус местному диалекту. Особенно показательна в этом отношении надпись IG IX 2, 517 = DGE 590 из Лариссы, где в 214 г. до н.э. письмо Филиппа VI Македонского сперва воспроизводят так, как оно было написано на койне, а затем власти города переводят его на фессалийский диалект. Такого рода случаи фактически неизвестны по литературным греческим источникам и связаны с нормализаторской деятельностью и с попытками обретения если не политической, то культурной автономии. В любом случае они отражают институционализированную попытку опереться на устойчивый статус местного диалекта.

Тем самым о билингвизме (и тем более о местных «креольских» языках в античное время) мы можем судить, как правило, только по отрывочным свидетельствам античных писателей, не имея возможности проверить лингвистическую ситуацию на основании реальных текстов: такой язык не мог обладать достаточным статусом для того, чтобы претендовать на использование в официальных надписях.

Исключение составляют материалы греко-индийского билингвизма, значительные по объёму и подкреплённые свидетельствами двух литературных традиций (Казанский, Крючкова. 2002. С. 69–81; 2003. С. 214–231; 2006. С. 339–349; 2007. С. 159–169). При этом следует иметь в виду, что к моменту встречи древнегреческой и древнеиндийской культурных и языковых традиций и та и другая обладала уже устойчивыми и выработанными способами фиксации текста, а также определёнными наборами жанров, которые лишь отчасти

¹⁷⁸ Ср.: Ростовцев. 1915. С. 151–170, а также: Струве. 1968, где на основании поздних античных свидетельств делается попытка восстановить фрагменты не дошедшего до нас текста по истории Боспорского царства.

совпадают между собой. Разумеется, в интересующее нас время¹⁷⁹ контакты происходили на периферии обеих культур, в первую очередь в Гандхаре, которая располагалась на территории, в настоящее время относящейся к Северному Пакистану и Восточному Афганистану (Rapin. 1983. P. 315–372). Это была основная зона контактов Индии с западом, но отсюда же буддизм распространялся из Индии в Среднюю Азию и Китай.

Проблема билингвизма для античного мира оказывается в высшей степени важным и непростым для понимания социолингвистическим явлением, поскольку на протяжении многих исторических периодов, в т. ч. и плохо документированных, возникали многочисленные ситуации, которые можно определить как ситуацию билингвизма.

В ряде случаев мы располагаем прямыми свидетельствами билингвизма, поскольку административное управление требовало учёта двуязычной ситуации. Двуязычие диктовалось и торговыми отношениями на территориях, заселённых носителями индоиранских языков, особенно в ионийских городах на западном побережье Малой Азии, которые подпали под власть персидского сатрапа (Christol. 1999. P. 107–123).

Начиная с эллинистического времени владение греческим языком становится желательным для местного населения, вовлечённого в орбиту государственного влияния эллинистических царств, а некоторое знакомство с языками и нравами местного населения – желательным для греков. Грекам, впрочем, во многом мешала т. н. *interpretatio Graeca*, оберегавшая их от знания других языков.

О языковой принадлежности жителей Боспорского царства известно немного, в т. ч. сведения о самих языках и их генетической принадлежности недостаточны. Можно лишь предполагать на основании ономастикона значительную иранскую составляющую. Приблизительные подсчёты акад. С. А. Жебелёва демонстрируют для Пантикапея примерно 25 % отчётливо негреческих имён, а в Танаисе – в полтора раза больше (Жебелёв. 1934. С. 45). Эти данные позволяют говорить о значительно меньшем числе негреческих имён в центральных городах Боспорского царства. Следует специально отметить, что особенно много негреческих имён появляется в первые века новой эры (Гайдукевич. 1949. С. 236–238). Преимущественно к этому времени (после Митридата) относятся и фракийские имена¹⁸⁰.

¹⁷⁹ Насколько можно судить, первые непосредственные контакты греков с индийцами относятся к 480/479 г., поскольку в составе армии Мардония находились контингенты бактрийцев и индийцев (Дандамаев. 1985. С. 28, 108).

¹⁸⁰ Общую сводку материала см.: Сојосаги. 2004. P. 143–145. То, что фракийские имена по преимуществу встречаются в римское время, показал С. Р. Тохтасьев: «От времени до рубежа эр, который выбран нами как условная граница, мы имеем в лучшем

Нам известны по названиям племена фатеев, меотов, синдов (при этом имена собственные Скиф и Синд в надписи III в. до н.э. КБН 1137 могли принадлежать грекам). Выделение «сармато-меото-синдских» племён (Гайдукевич. 1949. С. 324)¹⁸¹ мало проясняет лингвистическую ситуацию, сводя возможное разнообразие языков к одному иранскому ареалу, но и попытка абсолютизировать значение одного из них приводит, как правило, к аберрации. Так, акад. О. Н. Трубочёв в какой-то момент абсолютизировал значение синдских племён для истории Боспорского царства и сделал попытку индоарийской интерпретации материалов, которые легли в основу изучения синдского языка (Трубочёв. 1999).

Между тем всё, что мы знаем о языковой ситуации в эллинистических царствах, свидетельствует в пользу того, что местные языки относительно массово проявляются только в первые века новой эры, а исключения, которые обнаруживаются для более раннего времени, лишь подтверждают правило. Первое, что необходимо отметить – это недвусмысленная и жёсткая привязка государственного аппарата к греческому языку, распространённому по всей территории Восточного Средиземноморья и достаточно жёстко нормированному как в плане грамматики, так и политической терминологии. При этом была возможность сохранения имён местных правителей в том виде, в каком их демонстрирует местная традиция. Для Боспорского царства такую возможность демонстрируют фракийские имена правителей. Следует сразу же отметить, что традиционные имена способны продемонстрировать приверженность представителей царского рода к своей исконной этничности, но не дают оснований предполагать участие негреческого этноса в политической жизни государства: кельтские имена галатских цариц никоим образом не свидетельствуют об употреблении кельтского языка на территории Галатии. Также фракийские имена в Боспорском царстве от Спартока I до конца античной эпохи не свидетельствуют о том, что какой-то из палеобалканских языков продолжал употребляться наряду с греческим в сколько-нибудь официальной обстановке.

Ситуация резко меняется в первые века новой эры, когда по всему Средиземноморью от Испании и по всем эллинистическим государствам, включая греко-индийские царства на территории современной Индии, Пакистана и Афганистана, возникает стремление противопоставить язык местного населения государственному, т. е. латинскому для запада и греческому языку для востока. Особенно

случае пять надёжно фракийских личных имён, принадлежавших восьми лицам; необходимо подчеркнуть, что лишь два относятся к домитридатовской эпохе» (Тохтасьев. 1992. С. 192).

¹⁸¹ О многих из них, напр., о тарпитах, таретах и пессах мы фактически ничего не знаем.

отчётливо это видно на территории Гандхары, где с первых десятилетий II в. до н.э. чеканятся двуязычные монеты, а в местных эпиграфических памятниках встречаются заимствованные названия должностей, например, *στρατηγός* в надписи из Таксилы: *asṛavarmasa strategasa* (Marshall. 1929–1930. P. 62); кроме того, *vago stratego* в индо-сакских надписях (Fussman. 1980. P. 1–43) также представлено и в других текстах (Sircar. 1966. P. 325)¹⁸². Наряду с греческими обозначениями встречается и заимствованное из древнеперсидского *kṣatrapa-* (Mayrhofer. 1956. S. 284) и даже *mahākṣatrapa-* 'великий сатрап' (Sircar. 1966. P. 178), слово, существование которого могло поддерживаться хорошо известным грекам словом *σατράπης*.

Несомненно греческим по происхождению является обозначение «необходимого лица при царе (*ἀναγκαῖος*)», что, как мы пытались показать, относится не к кровной близости к царю, как предполагает Глер, основываясь на письмах Аттала II и Эвмена II: «probably an honorary title, *kinsman*, cf. *συγγενής* in OGI 315, 49, 763.31» (Glare. 1996. P. 26), а скорее обозначает должность приближенного к царю человека, ср. надпись на шлеме из Баджаура: *višpīlena aṇaṃkaena* (Fussman. 1993. P. 109). Термин *μεριδάρχης* появляется только в эллинистическое время (LSJ. 1996. P. 1103–1104) и происходит от греческого слова *μερίς*, обозначающего «часть», включая часть земли или область. Можно думать, что в индийские надписи обозначение должности *μεριδάρχης* в форме *meridarkhena*, *meridakhena* (Tarn. 1951. P. 241–242, 358), *meriakheṇa* (Bailey 1981. P. 21–29; Fussman. 1982. P. 1–46) попало из бюрократического языка.

Напротив, в греческий язык проникали заимствования, обозначающие местные реалии. Так в переводе эдиктов Ашоки на греческий язык встречаются индийские термины *брахманы–шраманы–грхастха*¹⁸³, переданные как *βραμᾶναι ἢ σραμῆναι ἢ καὶ ἄλλοι τινὲς οἱ περὶ τὴν εὐσέβειαν διατρέβοιτες, τοὺς ἐκεῖ οἰκοῦντας*. Список такого рода слов приводит Гезихий (Karttunen. 1997).

Уже в первые века меняется тип заимствованной лексики: фактически нет греческих текстов, и заимствование из греческого в местные языки происходит отчётливо устным путем (Казанский, Крючкова. 2007. С. 159–169). Последнее указывает на вытеснение греческого языка из местной культурной традиции. На противоположном конце ойкумены в первые века новой эры начинают записывать с помощью местного (отчасти слогового) алфавита тексты на кельтиберском языке (см.: Llavador et al. 1996; Untermann. 1997). Римляне

¹⁸² Это греческое слово заимствовалось и в другие языки, например в ликийский (Melchert. 2004. P. 59). Как отмечает Д. Сиркар, в Индии это обозначение в дальнейшем переходит в титул правителя области.

¹⁸³ Подробнее об этих терминах применительно ко времени Ашоки см.: Вигасин, Сазмозванцев. 1984.

воевали с кельтиберами по крайней мере с III в до н.э.; романизация Испании прошла успешно как на культурном, так и на языковом уровне. Целая династия римских цезарей происходит из Испании, и (несмотря на очень небольшие отличия местной латыни от латинского языка Италии) в Риме эти особенности замечали (Adams. 2004). Мы можем констатировать для Пиренейского п-ова контакты с Грецией и Финикией с VI в. до н.э. и контакты с Римом не позднее III в. до н.э., при этом возвращение к письменности, которая могла считаться для этих мест исторической, и её массовое использование происходит только в начале новой эры. Самый показательный пример представляет собой использование фригийского языка, который засвидетельствован несколькими десятками старофригийских надписей, и после перерыва почти в восемь веков надписями новофригийского периода. Эти тексты во многом зависят от греческих и одновременно отражают желание местного населения возродить древний фригийский язык, к этому времени уже вышедший из употребления.

Исходя из этих общих тенденций развития эллинистических государств, можно было бы предполагать, что Боспорское царство также не избежало такого рода попыток возродить языки местного населения. Однако прямых свидетельств такого рода в нашем распоряжении нет. Наоборот, стремление представить себя греками прослеживается вполне надёжно.

Литература

- Вигасин, Самозванцев. 1984 – *Вигасин А. А., Самозванцев А. М.* «Артхаша-стра». Проблемы социальной структуры и права. М., 1984.
- Гайдукевич. 1949 – *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Дандамаев. 1985 – *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
- Жебелёв. 1934 – *Жебелёв С. А.* Боспорские этюды // ИГАИМК. 1934. Вып. 104.
- Иванчик. 2011 – *Иванчик А. И.* Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. 2011. № 4. (В печати).
- Казанский. 1987 – *Казанский Н. Н.* Пафосские глоссы в словаре Гесихия // Язык и стиль памятников античной литературы. Л., 1987. *Philologia classica*. III.
- Казанский, Крючкова. 2002 – *Казанский Н. Н., Крючкова Е. Р.* Материалы по греко-индийскому билингвизму эллинистической эпохи // ИЯКФ. 2002. VI.
- Казанский, Крючкова. 2003 – *Казанский Н. Н., Крючкова Е. Р.* Древнегреческо-древнеиндийский билингвизм // *Scripta Gregoriana*: Сб. в честь 70-летия академика Г. М. Бонгард-Левина. М., 2003.

- Казанский, Крючкова. 2006 – *Казанский Н. Н., Крючкова Е. П.* Лексические свидетельства греко-индийских контактов // *Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций: Сб. статей к 75-летию профессора Александра Леоновича Грюнберга (1930–1995)*. СПб., 2006.
- Казанский, Крючкова. 2007 – *Казанский Н. Н., Крючкова Е. П.* Греческая ученость в индийском преломлении // *Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова*. М., 2007.
- Ростовцев. 1915 – *Ростовцев М. И.* Сирик – историк Херсонеса Таврического // *Сб. статей по классической филологии*. Год 43, вып. 2. Пг., 1915.
- Струве. 1968 – *Струве В. В.* Древнейший историк на территории СССР // *Этюды по истории Северного Причерноморья*. Л., 1968.
- Тохтасьев. 1992 – *Тохтасьев С. П.* Из ономастики Северного Причерноморья II. Фракийские имена на Боспоре // *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. СПб., 1992.
- Тохтасьев. 2005 – *Тохтасьев С. П.* *Sauromatae – Sarmatae – Syrmatae* // *ХСб.* 2005. Вып. XIV.
- Трубачёв. 1999 – *Трубачёв О. Н.* *Indoarica* в Северном Причерноморье. М., 1999.
- Adams. 2004 – *Adams J. N.* *The regional diversification of Latin 200 BC–600 AD*. Cambridge, 2004.
- Bailey. 1981 – *Bailey H. W.* A kharoṣṭhī inscription of Senavarma, King of Oḍi // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1981.
- Chantraine. 1968 – *Chantraine P.* *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris, 1968. Vol. I.
- Christol. 1999 – *Christol A.* Le grec au contact des iraniens et des indiens // *Blanc A., Cristol A. (eds.). Langues en contact dans l'Antiquité: Actes du Colloque Rouenlac III (Mont-Saint-Aignan, 6 février 1997)*. Nancy, 1999.
- Cojocaru. 2004 – *Cojocaru V.* Populația zonei nordice și nod-vestice a Potului Euxin în secolele VI–I a. Chr. pe baza izvoarelor epigrafice. Iași, 2004.
- Dubuisson. 1983 – *Dubuisson M.* Recherches sur la terminologie antique du bilinguisme // *RPh*. 1983. Vol. 57, 2.
- Fussman. 1980 – *Fussman G.* Nouvelles inscriptions śaka: Ère d'Eucratide, ère d'Azès, ère de Vikrama, ère de Kaniška // *Bulletin de l'École Française de l'Extrême-Orient*. 1980. T. 67.
- Fussman. 1982 – *Fussman G.* Documents épigraphiques kouchans (III). L'inscription kharoṣṭhī de Senavarma, roi d'Oḍi // *Ibid.* 1982. T. 71.
- Fussman. 1993 – *Fussman G.* L'indo-grec Ménandre ou Paul Demiéville revisité // *Journal Asiatique*. 1993. Vol. 281.
- Glare. 1996 – *Glare P. G. W.* *Greek-English Lexicon. Revised Supplement*. Oxford, 1996.
- Karttunen/ 1997 – *Karttunen K.* *India and the Hellenic World*. Helsinki, 1997. *Studia Orientalia*. Vol. 83.
- Llavador et al. 1996 – *Llavador Fr. B., Hoz J. de, Untermann J.* El tercer bronce de Botorrita (Contrebia Belaisca). Gobierno de Aragón, 1996.

- LSJ. 1996 – Liddell, Henry George and Robert (eds.) A Greek-English Lexicon compiled by Henry George Liddell and Robert Scott revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones. With a revised Supplement 1996. Oxford, 1996.
- Marshall. 1929–1930 – *Marshall J.* Excavations at Taxila // Archeological Survey of India, Annual Report. 1929–1930.
- Mayrhofer. 1956 – *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. A Concise Etymological Sanskrit Dictionary. Heidelberg, 1956. Bd. 1.
- Melchert. 1983 – *Melchert H. C.* A Dictionary of the Lycian Language. Ann Arbor; New York, 2004.
- Rapin. 1983 – *Rapin Cl.* Les inscriptions économiques de la trésorie hellénistique d’Aï-Khanoum (Afganistan) // BCH. 1983. Vol. 107.
- Sircar. 1966 – *Sircar D. C.* Indian Epigraphical Glossary. Delhi; Varanasi; Patna, 1966.
- Tarn. 1951 – *Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951.
- Untermann. 1997 – *Untermann J.* Monumenta Linguarum Hispanicarum. IV. Die tartessischen, keltiberischen und lusitanischen Inschriften. Wiesbaden, 1997.

C. P. Тохтасьев

Греческий язык на Боспоре: общее и особенное

История греческого языка на античном Боспоре никогда не вызвала особого интереса у исследователей. Причины этого лежат на поверхности. Во-первых, на Боспоре не было принято составлять характерные для всех остальных греческих государств пространные декреты, а дошедшие до нас объёмные и содержательные тексты других жанров единичны – это два письма царя Аспурга горгиппийцам (Heinen. 1999) и изданный Ю. Г. Виноградовым энкомий в честь некоего важного государственного деятеля времени Савромата I (Виноградов, Шестаков. 2005; Сапрыкин. 2005; Bowersock, Jones. 2006). Основной объём всех прочих довольно обширных текстов, а именно надписей фиасов, занимают списки имён. Поэтому понятно, почему в своём «Кратком очерке грамматики боспорских надписей» А. И. Доватур написал (и не без оснований): «Очерк не представляет собой историю греческого языка на Боспоре. Написать такую историю в настоящее время и невозможно: для этого слишком значителен имеющийся в нашем распоряжении материал» (Доватур. 1965. С. 797). И это при том, что «Корпус боспорских надписей» (КБН) включает в себя 1319 текстов! Во-вторых, в нашей стране никогда не было достаточно специалистов по исторической грамматике греческого языка, а те, что были и есть, предпочли заниматься более благодарным материалом – данными литературных памятников и надписями

средиземноморской метрополии. В зарубежной же науке античным Северным Причерноморьем вообще традиционно пренебрегали как глухой провинцией античного мира, хотя материал наших надписей время от времени привлекался отдельными лингвистами (см. особенно, Dieterich. 1898). В результате лингвистические работы по боспорским надписям можно пересчитать по пальцам.

Начало было положено лаконичным перечнем грамматических и орфографических особенностей во II, боспорском, томе IOSPE В. В. Латышева (*Grammatica et orthographica*. P. 334–336), вышедшем в 1890 г. Следующий важный и ничуть не утративший донныне значения труд появился лишь спустя 45 лет; это книга А. С. Коцевалова о синтаксисе надписей из городов Северного Причерноморья (Koswallow. 1935). Ещё через несколько десятилетий к боспорским данным обратился в не самой удачной своей статье И. И. Толстой, усмотревший в склонении мужских имен -ους (скорее всего -οῦς, как в Ἰησοῦς) с gen. -οι в надписях Танаиса II–III вв. н.э. «живую архаику» (Толстой. 1954). Спустя два года вышла основательная статья чешского лингвиста Л. Згусты об особенностях склонения антропонимов в текстах римского времени (Zgusta. 1956), очевидно, в качестве одной из работ, подготавливавших или сопровождавших его большой труд о личных именах в надписях Северного Причерноморья (Zgusta. 1955). Затем следует упомянутый уже «Краткий очерк» А. И. Доватура. Хотя он носит преимущественно описательный характер, сам сбор и систематизация огромного разновременного материала, причём проделанный столь тонким знатоком греческого языка и вообще выдающимся исследователем, делает этот труд поистине бесценным¹⁸⁴. Всё же необходимо отметить, что, в отличие от аналогичных сочинений, например, по языку аттических надписей К. Meisterhans или по языку пергамских надписей Эд. Швицера, у А. И. Доватура материал не всегда учтён исчерпывающим образом. Далее следует

¹⁸⁴ Ср. (Зайцев. 2003. С. 548): «Как показывает составленный Аристидом Ивановичем очерк грамматики боспорских надписей, Аристид Иванович мог бы написать обширную монографию о греческом генетиве или об употреблении пассивного аориста в медиальном значении...». Я не просто так оборвал цитату на полуслове, продолжение этой великолепной характеристики (а это речь на заседании филологического факультета ЛГУ 4 февраля 1972 г. к юбилею А. И. Доватура) способно многое объяснить: «... но предпочел использовать основанное на непрерывном внимательном чтении текстов понимание всех грамматических тонкостей греческого языка как филолог, для которого единичное и неповторимое является не менее ценным объектом изучения, чем общее и закономерное». Внимательно изучая всё, сделанное А. И. Доватуром по части боспорской эпиграфики, я не могу отделаться от впечатления, что делалось это во многом *ex officio* (не только как плановая тема, но и ради памяти учителей – С. А. Желёва и И. И. Толстого), а не по велению души, и, уверен, оно меня не обманывает. Тем более впечатляет результат.

упомануть полезную статью Б. Б. Ходорковской о синтаксисе падежей в боспорских надписях римского времени, вышедшую почти одновременно с очерком А. И. Доватура, но носящую более аналитический характер (Ходорковская. 1966). Затем снова следует значительный перерыв, и только с середины 1990-х гг. вновь появляются работы, специально посвящённые языку надписей Боспора, главным образом фонетике и морфологии на материале личных имён. Принадлежат они автору этих строк (Тохтасев. 1994; 2006; 2007; 2009; 2011; Tokhtasiev. 2009¹⁸⁵). Некоторые из них являются *papera*, побочными продуктами работы над изданием нового свода боспорских надписей (IOSPE II³), в рамках которого планируется подготовить и существенно доработанное переиздание «Очерка» А. И. Доватура. Разумеется, пригодятся эти статьи и при анализе самих надписей.

Обратимся теперь к самому материалу, разделяя его по периодам.

I период: от начала колонизации Боспора и приблизительно до третьей четверти IV в. до н.э. принадлежит диалектной эпохе, т. е. времени, когда на Боспоре господствовал ионийский диалект; наиболее ранними его памятниками являются две надписи с Азиатского Боспора, относящиеся ещё к VI в. до н.э. (Агафонов. 2004¹⁸⁶; КБН 1234, около середины VI в.; Тохтасев. 1986. С. 138. Прим. 1¹⁸⁷; 2010. С. 51. Прим. 5; Tokhtasev. 2010. P. 103. No. 5). Все лапидарные надписи и большинство граффити написаны стандартизованным ионийским языком, практически таким же, что и синхронные надписи Ольвии, других милетских колоний Причерноморья и самого Милета; то же касается надписей из Фанагории, основанной теосцами, хотя, согласно Геродоту (I. 142), в Теосе говорили на наречии, несколько отличном от милетского. Однако граффито на чернолаковом килике из Пантикапея второй половины VI – начала V в. до н.э., опубликованное А. В. Агафоновым (Толстикова и др. 2004. С. 348 сл., 365. Рис. 11.1), способно дать представление о действительном положении вещей: Ἰλικράτης : ἀναίρηται : στατήρας : λευτήκοντα¹⁸⁸. Очевидно, перед нами свидетельство подлинно народного языка, который в лапидарной эпиграфике обычно отражается много позже появления и даже утверждения инноваций в живом языке. Переход ε > ι, как в

¹⁸⁵ Переработанная французская версия статьи Тохтасев. 2006; к сожалению, редактор тома Г. Воттеро не учёл ни одной из присланных ему мною корректурных поправок, так что эту работу, способную иногда лишь дезориентировать читателя, никак нельзя рекомендовать коллегам.

¹⁸⁶ Автор впервые дал правильное чтение надписи и, по сравнению с *editio princeps*, существенно удревнил датировку, хотя и она неверна (якобы конец VI – начало V в. до н.э.; на самом деле – первая половина VI в.).

¹⁸⁷ С ошибочной датировкой (вслед за издателями КБН).

¹⁸⁸ Перевод А. В. Агафонова: «Эпикрат получает 50 статов»; по-видимому, правильное «забирает».

Ἰλικράτης (< Ἐλικράτης), находит прямые аналогии в письме Апатурия из Ольвии конца VI в. до н.э. (Dana. 2004): σισύλημαι, ἰάν; то же встречаем в ольвийском граффито V в. до н.э.: Κλαίνιτός μι ἀνέθηκεν (Яйленко. 1980. С. 81. № 73); κ εἰ > ι, как в ἀναίριται, ср. в ранних граффити Ἀχιλλῆ из Ольвии и Ἐσπλῆν с Левки (Тохтасьев. 1999. С. 185, к № 50). Эти факты (особенно ярким является переход ε > ι) указывают на общие черты развития исконно одного и того же диалекта (или, лучше сказать, говора), вероятно, зародившиеся ещё в метрополии.

Подтверждение этого тезиса обнаруживается в склонении личных имён на -ᾶς; если в Ионии известны только генетивы -ᾶδος, то на Боспоре, в Ольвии и Синопе в надписях V–IV вв. до н.э. находим едва ли не исключительно -ᾶτος, а в Ольвии и Аполлонии в это же время известно параллельное образование гесп. склонение на -οῦς -οῦτος; тем не менее едва ли можно сомневаться, что и этот феномен зародился ещё в милетском говоре (Тохтасьев. 2009).

Только что упомянутые имена на -οῦς как женские, так и мужские (судя по всему, развитие fem. на -ῶ -οῦς), тоже относятся к специфике причерноморского милетского диалекта. Впоследствии они делаются всё более и более популярными, но на Боспоре известны только с III в. до н.э. в граффити на стенах святилища Афродиты в Нимфее, а в лапидарной эпитафике – с конца II или начала I в. до н.э. (Зинько, Тохтасьев. 2004. С. 118 сл.; Тохтасьев. 2006. С. 302; 2007. С. 114); мы ещё вернёмся к ним ниже.

Как известно, Гермонасса была основана митиленцами, однако все попытки обнаружить какие-либо эолизмы в её эпитафике не привели к убедительным результатам. Судя по всему Гермонасса очень рано подверглась сильнейшему ионийскому языковому влиянию: все ранние эпитафические памятники, происходящие из этого города, написаны по-ионийски (Тохтасьев. 2010. С. 55. Прим. 15; Tokhtasev. 2010. P. 107. No. 19).

II период: третья четверть IV в. до н.э., когда происходит вытеснение ионийского диалекта аттическим, вернее, смешение обоих с преобладанием аттических черт. Как известно, стремительное падение древней Ἰάς под натиском Ἀθής во многом облегчалось значительной близостью обоих диалектов и утратой Милетом культурного лидерства после подавления Ионийского восстания с последующим взлётом культурного и политического авторитета Афин.

С этого времени можно уже говорить о функционировании койне, чему, надо думать, способствовало появление в боспорских городах довольно значительного количества неионийских, прежде всего дорийских переселенцев (Зинько, Тохтасьев. 2004. С. 120 сл.). Наиболее яркими внешними признаками является замена омикрона для обозначения долгого закрытого /ō/ диграфом ου, что

впервые засвидетельствовано в надписях времени Левкона I из Лабриса (Тохтасьев. 2004. С. 146: τοῦν стк. б) 370-х – 360-х гг. до н.э., КБН ба, по-видимому, 360-х гг. ([- -]αίουв стк. 1¹⁸⁹) и др., а также переход имен с *s-основами в парадигму α-основ с аттическим генетивом на -ου, как напр., Παῖρσιάδου вместо Παῖρσιάδου, начиная с Перисада II, т. е. после 284/283 г. (Доватур. 1965. С. 819. § 10.3).

III период: с начала III в. до н.э. примерно до рубежа эр, это время эллинистического койне; рубеж эр выбран эпохальной датой по причине появления в это время первых, довольно редких примеров итацизма, перехода η > /i/, т. е. смешения η с ι и (реже) с ει (Доватур. 1965. С. 800. § 2.9–10; Бутягин, Бехтер. 2007. С. 79). В аттических надписях итацизм засвидетельствован уже с конца IV в. до н.э., но примерно до середины II в. н.э. в лапидарной эпиграфике крайне редок (Threatte. 1980. P. 165–171).

Лапидарные надписи этого периода как будто не содержат никаких особенностей, которые позволили бы чётко выделить их язык из массы свидетельств из других областей распространения ионийско-аттического койне; более или менее характерна, пожалуй, лишь нарастающая популярность мужских имен на -οῦς, хотя они распространяются с I в. до н.э. и в Малой Азии, Фракии и Египте. Однако эта картина обманчива: это стало ясно, как только были частично опубликованы обнаруженные при раскопках Н. Л. Грач в Нимфее многочисленные граффити на стенах одного из помещений святилища Афродиты. Большинство их датируется в пределах 250/249–240 гг. до н.э. (Тохтасьев. 2006б. С. 419–423; 2007. С. 89 сл. Прим. 39) и они содержат факты, доказывающие, «что между языком лапидарных надписей, не говоря уже о литературе, и разговорным языком по меньшей мере с конца IV в. до н.э. существовал такой существенный разрыв, о котором до открытия этих памятников трудно было и подозревать» (Тохтасьев. 2006а. С. 304). Приведу наиболее яркие свидетельства:

- первые свидетельства мужских имен на -οῦς: Καλοῦς (см. выше);
- «синкопа» в именах на -ιος > -ις (в лапидарных надписях с I в. н.э.);
- σθ > στ, совсем как в новогреческом (в лапидарных надписях с I в. н.э.);
- аккузативы πατέραν, θυγατέραν, πύγίζονταν (в лапидарных надписях со II–III вв. н.э.);
- генетив [Καλα]μαῶνου с параллелью в граффито (опять граффито!) из Горгиппии конца IV – начала III в. до н.э.: Μοσχῶνου;

¹⁸⁹ К чтению см. Tokhtas'ev 2006. P. 24. No. 59.

– ослабление функций датива с намечающейся заменой его аккумулятивом (в лапидарных надписях, главным образом из Танаиса, с III в. н.э.; вообще же процесс вытеснения датива завершился лишь к X в.).

IV период: от рубежа эр до 70-х гг. III в. н.э., этап трансформации древнегреческого койне в среднегреческий. В это время характерной особенностью языка боспорских надписей в области вокализма является сосуществование двойного произношения ω : древнего – /ō/ (/ō̄/) и нового – /ō̄/ (Доватур. 1965. С. 801 сл. § 4.7–8). Это выясняется прежде всего благодаря греческим записям сарматских имён, имеющих вполне надёжные этимологии. Ср., напр., Βωροβαρακος (КБН 1287₃₁) < *Bōr(a)barak ‘скачущий на гнедом коне’¹⁹⁰, Χωδονακος (КБН 1280₁₆) < *Xōdānak, к *xauda- (осет. дигор. xodæ) ‘шлем’. В области консонантизма примечательно полное отсутствие примеров передачи сармат. *v (*w) через *βету*; зато мы располагаем многочисленными свидетельствами, в которых *βета* передает звук, соответствующий древнеиранскому *b, но в сарматском, по всей видимости, уже перешедший в спирант *β (ср., напр., то же Βωροβαρακος или Βατοραστος [КБН 1245₇] < *Baivarasp ‘имеющий мириады коней’, см. Zgusta. 1955. § 79); А. И. Доватур (1965. С. 808. § 2.3.) отмечает лишь два случая передачи бетой лат. v (КБН 47₇: [Φλα]βιανοῦ; 743: Σεβέρο<υ>), которые лишь воспроизводят обычный с I в. н.э. способ записи римских имён в более романизированных, чем Боспор, областях Средиземноморья и Причерноморья.

Впрочем, совершенно так же передаются сарматские имена в синхронных надписях Ольвии, где вдобавок неоднократно встречается передача *ē (< *ai) через η, ε; ср. Κηνεζαρθος (IOSPE I² 333₄) < *Kēnaxšarθ ‘обладающий владычеством мести’ (Zgusta. 1955. § 123), Ουμβηουορος (IOSPE I² 95₆) < *Va(h)mbēwar ‘снискавший мириады похвал’ (Тохтасьев. 2005. С. 104 сл.), Ιωδεσμαγος (IOSPE I² 103₄) < *Yōdēšmag ‘стремящийся в битву’ (Weber. 1966. S. 90 f.), и др. Подобные факты известны и в некоторых других регионах. В знаменитой греко-парфяно-среднеперсидской победной надписи Шапура I 260–262 гг. (Huysse. 1999) иранские /ē/ и /ō/ передаются через η и ω; ср., напр., Δηνακη < /Dēnag/, Πηρωζ < /Pērōz/, Ρωδακ < /Rōdak/, Ωρμισδ < /Ormīzd/.

В области морфологии следует отметить дальнейшее распространение имён на -ις < -ιος, что, судя по всему, отчасти связано с латинским влиянием, как и в остальном греческом мире (Тохтасьев. 2007. С. 83–101); внезапный взлёт популярности имён на -εις, а также -αις, почти исключительно негреческих (аналогично в Ольвии и

¹⁹⁰ См. с лит.: Zgusta. 1955. § 123, 153, 88, 317; но Βοραστος (КБН 1237₁₆) не к *baura- (как Zgusta. 1955. § 86), ак *būrī- (осет. būr) ‘богатый’.

Херсонесе), совпадает с массовым внедрением в боспорские города варварского (преимущественно ираноязычного) населения¹⁹¹.

Почти эксклюзивным на общем причерноморском фоне является распространение особого склонения *regisromena* на *-ās*, параллельного типу *-ās -ātos*, *-oūs -oūtos*, а именно *-ās -ānos*, *-oūs -oūnos*, *-(ε)ῖς* *-(ε)ῖνος*, *-ῆς -ῆνος*; кроме Боспора такое склонение известно только в Македонии (включая Пеонию и Эгейскую Фракию, кроме Византия) и, много реже, во Фракии севернее Родоп, в т. ч. в некоторых приморских городах, кроме Малой Скифии; центром иррадиации этого склонения, вне сомнений, является Македония (в широком смысле слова). Уже одна эта географическая дистрибуция указывает на иноземное происхождение феномена на Боспоре. Показательно, что ни одного примера подобного склонения до сих пор не обнаружилось в богатом надписями Танаисе – там практически нет и фракийских имён, в других городах Боспора в римское время довольно многочисленных (Тохтасьев. 2011).

Только в надписях Танаиса II–III вв. н.э. встречаются упомянутые выше генетивы *-οι* от имён на *-οῦς*, до сих пор не получившие убедительного объяснения.

Для греческого синтаксиса наступают трудные времена: почти повсеместно, но особенно в надписях Танаиса и Горгиппии встречаются несогласованность в роде и числе (ср. *ἐν πολλοῖς θλίψεῖς* КБН 64₁₆₋₁₇; *[τῆ]ν ἑαυτῶν σ[ώτειραν καὶ εὐε[ργέτι]ν ὁ δῆμος ὁ Ἀγριπ[λέω]ν* 979) и ошибочные замены одного падежа другим, как, например, в КБН 82 (уже в I в. н.э.): *γραμματέα Δημήτριον καὶ τῶν λοιπῶν θεσεῖτων* или в КБН 1248₂₋₃: *ἐπὶ βασιλεῖ Ῥησκούλорίδος* (Доватур. 1965. С. 824–826. § 2, 4; Ходорковская. 1966). Подобные явления только отчасти могут быть объяснены за счёт собственного развития греческого языка (как, напр., замена датива аккузативом). По всей видимости речь идёт о явлении, которое именуют пиджинизацией (ср. Тохтасьев. 2006а. С. 304). В свою очередь, это предполагает весьма высокий процент более или менее грецизированных варваров в составе населения боспорских городов (о чём, собственно, мы и так знаем благодаря богатым ономастическим данным) и широко распространённое двуязычие, из-за которого, наверное, многие и не освоили греческий язык как следует. Отметим, что в Ольвии, которую в послегетский период тоже заполонили варвары, грамотность стоит неизмеримо выше и ничего подобного в её эпиграфике не наблюдается.

¹⁹¹ Сам по себе суффикс *-εῖς*, изредка выступающий (благодаря итацизму) в качестве орфографического варианта *-ις*, исконного или из *-ιος*, по всей видимости, появился на Боспоре под малоазийским влиянием и был приспособлен для передачи сармат. **-iu< *-iua*, **-ī(š)*, **-i(š)*; суфф. *-αις* в иранских (сармат.) именах отражает усечение древней флексии: **-ауа> *ау* (Тохтасьев. 2007. С. 101–118).

V период: с 70-х гг. III – примерно до конца IV в. н.э. (от готского до гуннского нашествия), финальный этап античной истории Боспора. Как я писал в другом месте, «активное внедрение инноваций в письменность всегда связано с какими-то крупными политическими, социальными и экономическими потрясениями, за которыми неизбежно следует и культурный кризис. (В массовом порядке вульгарные суффиксы личных имён -ις < -ιους, -αις, -ειςι -οῦς появляются в боспорской лапидарной эпиграфике тоже лишь после бурных событий конца II–I в. до н.э.). На Боспоре в римское время они имели место в 70-е гг. III в.; помимо прочего, этот рубеж отмечен резким падением числа эпиграфических памятников. И хотя в дальнейшем, с конца III в. и примерно до 325 г., политическая и экономическая ситуация на Боспоре выглядит довольно благополучной, письменная культура уже не смогла оправиться, и упадок её, учитывая катастрофический разрыв в традиции, должен был год за годом только усугубляться» (Тохтасьев. 2007. С. 117 сл.).

Этот период характеризуется прежде всего тем, что разом исчезают имена на -ειςι -οῦς, а все неравносложные склонения *perisromena*: -ᾶς -ᾶτος, -ᾶς -ᾶνος и т. д. замещаются генетивами на -ᾶ (они были в ходу и раньше, свободно чередуясь с *περιττοσύλλαβα*). Здесь нет ничего специфически боспорского или северопонтийского, примерно то же происходило везде, где говорили по-гречески. Всё происходит одновременно: нашествия варваров, общий культурный и экономический упадок, резкие изменения в грамматике, в частности в склонении личных имён, а также смена самого репертуара имён ещё до распространения христианства: традиционные благородно звучащие имена наподобие Λεώστρατος, Μολλαγόρης, Στρατοκλῆς, Φαίνιπλος, Ἀριστόνικη, Κρέουσα вытесняются на задний план примитивно-сентиментальными Ἀγαθοῦς, Ἐρως, Καλοῦς, Μακάριος, Πόθος, Τρύφων, Χαρίτων, Χρηστίων, Ψυχάρίων, Ἀγαθόν, Ποθοῦσα, Χρύσιον, Ψυχάριον и т. п., не говоря уже о великом множестве варварских. Немногочисленные лапидарные надписи демонстрируют окончательный переход языка в среднегреческое состояние, поверхностно завуалированное традиционной грамматикой и орфографией.

Литература

- Агафонов. 2004 – *Агафонов А. В.* О надписи на надгробии из Тузлинского некрополя // Тез. конф. молодых сотрудников ГМИИ им. А. С. Пушкина (5–6 апреля 2004 г.). М., 2004.
- Бутягин, Бехтер. 2007 – *Бутягин А. М., Бехтер А. П.* Новые надписи из Мирмекия // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб., 2007.
- Виноградов, Шестаков. 2005 – *Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А.* *Laudatio funebris* из Пантикапея // ВДИ. 2005. № 2.

- Доватур. 1965 – *Доватур А. И.* Краткий очерк грамматики боспорских надписей // КБН. 1965.
- Зайцев. 2003 – *Зайцев А. И.* Аристид Иванович Доватур: научная деятельность // *Зайцев А. И.* Избранные статьи. СПб., 2003. Т. 2.
- Зинько, Тохтасьев. 2004 – *Зинько В. Н., Тохтасьев С. Р.* Эпитафия Гефестиона из Нимфея // БИ. 2004. Вып. VII.
- Сапрыкин. 2005 – *Сапрыкин С. Ю.* Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э // ВДИ. 2005. № 2.
- Толстиков и др. 2004 – *Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* Новые материалы к хронологии и истории раннего Пантикапея // ДБ. 2004. Т. 7.
- Толстой. 1954 – *Толстой И. И.* Живая архаика в языке греков Северного Причерноморья // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1954. Т. XIII. Вып. 1.
- Тохтасьев. 1986 – *Тохтасьев С. Р.* Апатур. История боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. 1986. № 2.
- Тохтасьев. 1994 – *Тохтасьев С. Р.* Из ономастики Северного Причерноморья: III–IV // *Hyperboreus*. 1994. Vol. 1/1.
- Тохтасьев. 1999 – *Тохтасьев С. Р.* Рец.: *Dubois L.* Inscriptions grecques dialectales d’Olbia du Pont. Genève, 1996 // *Hyperboreus*. 1999. Vol. 5/1.
- Тохтасьев. 2005 – *Тохтасьев С. Р.* Проблема скифского языка в современной науке // *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest*. Iași, 2005.
- Тохтасьев. 2006а – *Тохтасьев С. Р.* Новые материалы по истории койне // ИЯКФ: Материалы междунар. конф. 19–21 июня 2006. 2006. X.
- Тохтасьев. 2006б – *Тохтасьев С. Р.* К политической истории Боспора III в. до н.э. // ДБ. 2006. Т. 10.
- Тохтасьев. 2007 – *Тохтасьев С. Р.* Из ономастики Северного Причерноморья. XX: Заметки по морфологии // *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ*. Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб., 2007.
- Тохтасьев. 2009 – *Тохтасьев С. Р.* Тип склонения атропонимов -ᾶς -ᾶτος, -οῦς -οῦτος // ИЯКФ. 2009. XIII.
- Тохтасьев. 2010 – *Тохтасьев С. Р.* Контакты Борисфена и Ольвии с Боспором в архаический период в свете эпиграфических источников // АСГЭ. 2010. Вып. 38.
- Тохтасьев. 2011 – *Тохтасьев С. Р.* Редкий тип склонения антропонимов в боспорских надписях: -ᾶς -ᾶνος и т. п. // ИЯКФ. 2011. XV.
- Ходорковская. 1966 – *Ходорковская Б. Б.* Синтаксис падежей в греческом языке боспорских надписей // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966.
- Яйленко. 1980 – *Яйленко В. П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3.
- Bowersock, Jones. 2006 – *Bowersock G. W., Jones C. P.* A New Inscription from Panticapaeum // *ZPE*. 2006. Bd. 156.

- Dana. 2004 – *Dana M.* Lettre sur plomb d'Apatourios à Léanax. Un document archaïque d'Olbia du Pont // ZPE. 2004. Bd. 148.
- Dieterich. 1898 – *Dieterich K.* Untersuchungen zur Geschichte der griechischen Sprache von der hellenistischen Zeit bis zum 10. Jh. n. Chr. Leipzig, 1898.
- Heinen. 1999 – *Heinen H.* Zwei Briefe des bosporanischen Königs Aspurgos // ZPE. 1999. Bd. 124.
- Huyse. 1999 – *Huyse Ph.* Die dreisprachige Inschrift Šābuhr I. an der Ka'ba-I Zardušt (ŠKZ). L., 1999 Bd. I–II. Corpus inscriptionum Iranicarum. Pt. III. Vol. I. Texts I.
- Kocewalow. 1935 – *Kocewalow A.* Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum Graecarum orae septentrionalis Ponti Euxini (Eus Suppl. 12). Leopoli, 1935.
- Threatte. 1980 – *Threatte L.* The Grammar of Attic Inscriptions. Vol. I. Boston: New York, 1980.
- Tokhtas'ev. 2006 – *Tokhtas'ev S. R.* The Bosphorus and Sindike in the Era of Leukon I. New Epigraphic Publications // ACSS. 2006. Vol. 12. No. 1–2.
- Tokhtasiev. 2009 – *Tokhtasiev S. R.* De nouvelles données sur l'histoire des formes les plus anciennes de la koiné dans le nord du Mer Noire // Le grec du monde colonial antique. I. Le E. et N.-O. de la Mer Noire. Actes de la table ronde de Nancy 28–28 septembre 2007. Nancy, 2009. Etudes anciennes. 42.
- Tokhtasev. 2010 – *Tokhtasev S. R.* Die Beziehungen zwischen Borysthenes, Olbia und Bosporos in der archaischen Zeit nach den epigraphischen Quellen // Archaic Greek Culture: History, Archaeology, Art & Museology: Proceedings of the International Round-Table Conference, June 23–25, St. Petersburg, Russia 2005. Oxford, 2010. BAR. International Series. 2061.
- Weber. 1966 – *Weber D.* Zwei pontisch-iranische Personennamen // Die Sprache. 1966. Bd. 12.
- Zgusta. 1955 – *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.
- Zgusta. 1956 – *Zgusta L.* Die Deklination der Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste // Archiv orientální. 1956. XXIV.

A. И. Фалилеев

Кельты-танаиты: попытка интерпретации

В недавней работе (Фалилеев. 2009. С. 287–292) мною были рассмотрены лингвистические данные, свидетельствующие о кельтском присутствии вблизи от Меотиды. Два этнонима, по крайней мере допускающих кельтскую (*resp.* галльскую) лингвистическую интерпретацию, дошли до наших дней благодаря Иордану (*Get.* 126) и Приску Панийскому (1): *боиски* и *итимары*. Первый из них связывали с известным галльским племенным названием *бойи* такие известные учёные как А. Хольдер и Дж. Отто Маэнхен-Хелфен. Интерпретация

второго этнонима более проблематична: традиционно он считается гуннским (В. Томашек, А. В. Гадло, Н. Н. Болгов); в этой связи можно отметить, что многие историки позволяют себе использовать термины «гуннский» и «тюркский» как абсолютные синонимы, хотя, как отмечал Г. Дёрфер (1986. С. 113), «мы не знаем, на каком языке говорили европейские гунны». Впрочем, уже в 40-х гг. прошлого века Е. А. Томпсон осторожно высказал предположение, что перечисляемые Иорданом племена, в том числе и итимары, были отличны от гуннов, и (Фалилеев. 2009. С. 290–292) предлагается кельтская этимология этого этнонима, который возводится к галльск. **itu-māro-* (по поводу и.-е. этимологии первого компонента см. теперь Malzahn. 2011), равно как и уточняются морфологические детали анализа племенного названия *боиски* как кельтского. Как было показано мною неоднократно, в Восточной Европе географические названия кельтского происхождения локализуются группами, и нередко эти анклавы совпадают территориально с ареалом распространения археологических памятников, ассоциируемых с кельтами. Нередко о присутствии кельтов на этой же территории сообщают и историки древности. В этом отношении данный регион не является исключением: достаточно вспомнить о том, что, согласно Плутарху (Mac. VI), «Кельтика такая обширная страна, что она от Внешнего океана и холодных стран идет в сторону солнечного восхода и Меотиды, где граничит с Понтийской Скифией».

В этой связи представляется необходимым вернуться ещё раз к проблемам абсолютной хронологии. Напомню, что в районе Азовского моря и бассейна р. Кубань археологами были обнаружены артефакты, ассоциируемые с кельтами (по поводу т. н. кельтоскептицизма в историко-археологических построениях в применении к Восточной Европе см. Falileyev et al. 2010. С. 3–4), однако они датируются временем, значительно отстоящим от эпохи гуннского нашествия, и их часто связывают с галатами-наёмниками на службе Боспора (о кельтских археологических памятниках этой территории см. теперь Казакевич. 2010. С. 155–167, с дальнейшей библиографией). Однако одной ссылкой на наёмников наличие галльских этнонимов в регионе несколько веков спустя объяснить трудно (впрочем, ср. ситуацию в Малой Азии), и, к счастью, в нашем распоряжении имеется сегмент VII. 5 т. н. Певтингеровой карты, содержащий словосочетание *Tanasis. Galatiae*. Как отмечает А. В. Подосинов (2008. С. 338–339), «не исключено, что этот топоним отражает присутствие здесь кельтов-галатов», хотя он допускает и возможность писцовой ошибки (вместо *Gazaria* 'Хазария', ср. *Gazari* «Равеннского анонима»). Однако, как представляется, традиционная отсылка (Э. Вебер, К. Миллер) на населённый пункт, т. е. 'жители (города?) Танаита', здесь может быть и неуместна, и речь идёт в данном случае о более

обширных территориях, ср. в этой связи пассаж Аммиана Марцеллина (XXI. 3. 1) о земле аланов, обычно называемых танаитами. Что же касается второй части этого словосочетания, то Подосинов также ссылается на старое сопоставление Миллера с фрагментом “Notitia episcopatum”, Maeotis palus quae nunc Galatia ‘Меотийское болото теперь называется Галатией’. Действительно, Μαῖωτις λίμνη ἢ νῦν Γαλατία (var. γαλαντία) встречается в достаточно поздней византийской метономасии (версия В по Диллеру, ср. Бородин. 1991. С. 394–395) и этот пассаж был признан загадочным А. Диллером (Diller. 1970. P. 31, 38).

Каким же образом можно синхронизировать эти данные? Племена, известные благодаря Приску и Иордану, находились в регионе во время гуннского вторжения, об этом периоде истории ареала см. (Болгов. 2004. С. 53–59). Когда же они могли прийти на эти территории? Исторические источники хранят молчание: фраза Плутарха достаточно неконкретна и по-разному интерпретируется историками древности, хотя в этой связи можно вспомнить о том, что Павсаний (1. 35. 5) упоминает кельтов, «живущих на самом краю по соседству с пустыней – такова она вследствие холода» (ставшая традиционной их ассоциация с галлами Роны представляется неоправданной). Свидетельство же Певтингеровой карты (об этом документе см. недавно Talbert. 2010) может оказаться и поздней интерполяцией или даже ошибочным; об ареале в ранней картографической традиции в целом, и в том числе о переносе географических объектов южного побережья Понта на северное, что может, в принципе, объяснить и появление Галатии в этом регионе (см. Подосинов. 2007. С. 58–69). Однако в недавнем исследовании (Charalampakis. 2011) было показано, что подобный подход не всегда оправдан, а то, что *Галатия* применена здесь не к известному малоазиатскому региону, не является проблемой – Нижней Галатией именуется территорию балканских скордискос Плутарх (см. подробно: Фалилеев. 2011). Византийская метономасия, по словам Диллера, содержит много неправильных и даже абсурдных сопоставлений и не является надежным источником (Diller. 1970. P. 42). Однако Диллер также отмечает и эрудированность компиляторов этих текстов. Таким образом, сведения рассмотренных исторических источников могут быть применены в качестве аргумента в пользу рассматриваемой гипотезы только с большими оговорками. В таком случае, на первый взгляд, если в действительности итимаы и боиски проживали в районе Азова, а не ближе к Дунаю, как свидетельствует Приск, эти кельтские этнонимы повисают в воздухе, так как ни прямых абсолютно надежных исторических свидетельств об относительно длительном присутствии кельтских племён в этом регионе, ни археологических подтверждений кельтских (resp. галльских) поселений в ареале в нашем распоряжении нет.

Однако остается теоретическая возможность синхронизировать появление этих «приазовских кельтов», к примеру, с событиями, происходящими к западу от Боспора, и нашедшими отражение в декрете Протогена, в котором, между прочим, кельты упоминаются совместно с германцами: я связываю их с кельтским анклавом на Днестре, где мы находим четыре вероятно кельтских топонима и ни следа поселений, идентифицируемых как галльских (см. с библиографией Фалилеев. 2009. С. 286–7). В таком случае удивительным оказывается отсутствие более ранних упоминаний об этих (и, возможно, других) галльских племенах, которые, впрочем, могли находиться в это время и вдали от Танаиса (ср. возможные «сельскохозяйственные» коннотации этнонимов). Впрочем, авторы исторических источников особенно не затрудняют себя точной этнической атрибуцией варварских племён, и в этой связи сообщение Поллиона об участии причерноморских кельтов в походе готов 269 г. к устью Дуная является исключительно важным свидетельством об их присутствии в регионе, если, конечно, под кельтами, как полагают некоторые исследователи, не имеются в виду бастарны. В любом случае, остается лишь только гадать, могли бы появиться боиски и итимары в регионе, к примеру, вместе с первыми германцами во времена Боспорских кризисов середины III в. н.э., или, скажем, в качестве членов готских союзов, в которые, как известно, входили и негерманские племена (об этой фазе истории Боспора с новыми важными датировками см. недавно Шаров. 2009. С. 18–31). Однако, если в действительности они оказались в ареале только вместе с германцами, то их, скорее, следует связывать не с кельтами бассейна Днестра, а, скажем, с боранами, в которых некоторые исследователи видели «одно из лугийских племён» (см. обзор вопроса в Приоро. 1990. С. 39): о племенном союзе лугиев (ср. *Lugiorum nomen* у Тацита), в состав которого входили как кельты, так и германцы, см. Falileyev. 2009; Фалилеев. 2010. Впрочем, гипотеза о «лугийской» принадлежности боранов, как кажется, не имеет серьёзных подтверждений, но возможность того, что группа кельтских племён, включающая итимаров и боисков, о которой отсутствуют письменные свидетельства, существовала с германцами (скажем, на территории современной Польши) и позднее переместилась в район Меотиды, как представляется, исключить нельзя. Отсутствие археологических памятников в этом регионе и в это время, которые можно надёжно ассоциировать с кельтским присутствием, не является проблематичным: достаточно вспомнить, скажем, о сходной ситуации у кельтов Приднестровья, Дунайской дельты или малоазиатской Галатии. Впрочем, при рассмотрении этого комплекса вопросов не следует забывать и о том, что языковая принадлежность этнонима может и не совпадать с эт-

нической принадлежностью соответствующего племени, примеры чего известны в кельто-германской контактной зоне¹⁹².

Литература

- Болгов. 2004 – *Болгов Н.* Между империей и варварами: финал античности на Боспоре Киммерийском // *Україна в Центрально-Східній Європі.* 2004. Т. 4.
- Бородин. 1991 – *Бородин О. Р.* Развитие географии в поздней Византии // *Культура Византии. XIII – первая половина XV в. М., 1991.*
- Дёрфер. 1986 – *Дёрфер Г.* О языке гуннов // *Зарубежная тюркология.* Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986.
- Казакевич. 2010 – *Казакевич Г.* Кельты на землях України: археологічна, мовна та культурна спадщина. К., 2010.
- Подосинов. 2001 – *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002.
- Подосинов. 2007 – *Подосинов А. В.* Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии // *Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В.* «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007.
- Приоро. 1990 – *Приоро И. С.* Крымская Готия. К., 1990.
- Фалилеев. 2009 – *Фалилеев А. И.* Кельтские лингвистические остатки юго-восточной Европы: некоторые результаты и перспективы исследования // *Acta Linguistica Petropolitana.* 2009. Т. 5. Ч. 1.
- Фалилеев. 2011а – *Фалилеев А. И.* К лингвистической принадлежности этнонима лугии // *Gaudeamus igitur: Сб. статей к 60-летию А. В. Подосинова.* М., 2010.
- Фалилеев. 2011б – *Фалилеев А. И.* Некоторые вопросы лингвистической истории Нижней Галатии // *Acta Linguistica Petropolitana.* 2011. Т. 7. Ч. 1.
- Шаров. 2009 – *Шаров О. В.* Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV в. н.э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009.
- Charalampakis. 2011 – *Charalampakis P.* Trapezus in the Crimea: A Re-examination of the Sources // *ACSS.* Vol. 17.
- Diller. 1970 – *Diller A.* Byzantine lists of old and new geographical names // *Byzantinische Zeitschrift.* 1970. Bd. 63.
- Falileyev. 2009 – *Falileyev A.* The Silesian *Harii* // *Studia Celtica* 2009. Vol. 43.
- Falileyev et al. 2010 – *Falileyev A., Emilov J., Theodossiev N.* “Celtic” Bulgaria. A Select Bibliography. СПб., 2010.
- Malzahn. 2011 – *Malzahn M.* Back into the fields and into the woods: Old Irish *íath* ‘land, field’ and *fiad* ‘wild; deer; uncultivated land’ revisited // *Journal of Indo-European Studies.* 2011. Vol. 39.
- Talbert. 2010 – *Talbert R.* Rome’s world: the Peutinger map reconsidered. Cambridge, 2010.

¹⁹² Настоящее исследование выполнено в рамках проекта РГНФ 11-04-00220а.

**VIII
MEMORABILIA**

Ю. А. Виноградов

Вспоминая о друге¹⁹³

28 мая 2011 г. исполнилось 60 лет со дня рождения Евгения Яковлевича Рогова, а 15 июля исполнится 10 лет со дня его смерти. Так близко сошлись эти даты, значение которых понятно любому! Между ними протекла целая человеческая жизнь! Как определить её, чем подытожить, на что обратить главное внимание?

В связи с этим приведу цитату из приказа по Институту, изданного в связи с 50-летием Жени (позволю себе называть его именно так): «Е. Я. Рогов является одним из виднейших сотрудников своего Отдела, высококвалифицированным специалистом в области античной культуры и её взаимосвязей с варварскими культурами. Талантливый полевой исследователь Е. Я. Рогов много сделал для исследования и подготовки к публикации эталонного комплекса античного

¹⁹³ Публикуемая фотография Е. Я. Рогова сделана С. В. Яблочкиным.

Крыма – усадьбы и могильника Панское. Талант полевого исследователя ярко проявился и в его экспедициях в Среднюю Азию. Е. Я. Рогов бескорыстно предан науке, его отличает широкая эрудиция, блестящее знание археологических материалов, основательность научных разработок».

Сухие строчки канцелярского приказа... И в них всё абсолютно правильно! Но вот человека Е. Я. Рогова мы всё-таки вспоминаем совсем иначе. Пусть эти воспоминания будут несколько сумбурными, не связанными между собой хронологической последовательностью, даже субъективными, но они связаны с человеком, который жил на земле и жил очень ярко.

Женя родился в г. Чудово Новгородской обл. в семье железнодорожных рабочих. Назову имена его родителей: Рогова Мария Ивановна и Диткин Яков Иванович. Оценивая жизнь Жени, эти имена невольно воспринимаешь с огромным уважением, хотя прекрасно знаешь, что семья-то, в общем, не сложилась.

Там же в Чудово Женя начал обучение в школе, а затем после 9 класса по причине материальных затруднений вынужден был пойти работать. Кем он только не трудился за свою жизнь! Сколотчиком тары, матросом 2-го класса, затем послужил матросом в ВМФ, далее – кровельщиком, плотником, кочегаром, уборщиком, просто рабочим, старшим лаборантом Азовского краеведческого музея (сентябрь–декабрь 1976 г.), старшим лаборантом Каахкинской экспедиции, наконец, старшим лаборантом ЛОИА АН СССР. Последнее случилось в январе 1978 г., и Женя, наконец, обрёл постоянное место работы. В ИИМК РАН в марте 1999 г. он дослужился до научного сотрудника, кандидата исторических наук. Звание, признаем, не слишком высокое...

В Ленинградский университет, на кафедру археологии Женя поступил в 1969 г., потом был призван во флот. Прослужил он совсем недолго и, демобилизовавшись, продолжил учёбу с осени 1970 г. Приблизительно через год (т. е. 40 лет назад!) в Университете произошла наша встреча с ним. Наша – это моя и некоторых других античников, которые трудятся сейчас в ИИМКе и Государственном Эрмитаже.

Невозможно забыть этого высокого, элегантного блондина со светло-кариими глазами и усами, кончики которых по моде того времени были несколько опущены вниз. Привычная бородка появилась у него несколько позднее. Этот молодой человек оказался на редкость общительным, горящим любовью к античной культуре, желанием посвятить свою жизнь изучению античного Северного Причерноморья. Уже тогда его особенно увлекали греко-варварские связи. Весь мир, казалось, лежит у его ног.

За свою жизнь мне приходилось встречать многих археологов: хороших, плохих, никаких. Женя был особым явлением! Его талант полевого исследователя, как мне представляется, невозможно превзойти. На раскоп он часто выходил в широкой белой рубашке, которая действительно напоминала парус. В руке он обычно держал косметичку, в которой лежали скальпели, кисточки и прочие инструменты, необходимые при ювелирной археологической работе. Во время раскопок Женя был схож с высококлассным хирургом, проводящим сложнейшую операцию. Иногда он также чем-то напоминал знаменитейшего профессора Паганеля или Шерлока Холмса или просто ковбоя из американских вестернов. Его чувство юмора было глубоким и оригинальным, шутки порой были солёными, даже слишком солёными, можно сказать, горько-солёными. Как тут не вспомнить, что ему пришлось поработать матросом, да и послужить в военном флоте.

Профессиональная жизнь сложилась так, что Женя не ограничился изучением античного Херсонеса или Западного Крыма, который он прекрасно знал и любил. Ему пришлось поработать и на Ольвийской хоре, и в донской дельте, и на Боспоре. В данном случае я специально не говорю о Туркмении – это особое явление. Главное, на что следует обратить внимание, заключается в том, что специалист формировался, принимая самое активное участие в исследованиях всех главных античных центров Северного Причерноморья. Много ли сейчас среди молодых учёных таких, которые могут похвастаться столь глубоким знанием разнообразных археологических памятников? Женя их знал, он открывал для науки многие из них, и это знание создавало фундамент для его удивительно стройных, логичных научных концепций.

Постижение древней истории захватывало всю его жизнь. Никогда не забуду эпизод, случившийся на научной конференции, проходившей в Севастополе в 1992 г. Нас там возили на экскурсии, и из окна автобуса можно было наблюдать пригородные дома, домики и настоящие дворцы, разраставшиеся тогда в окрестностях города, как грибы после дождя. Российское государство в эти годы находилось в состоянии глубокого кризиса, украинское только становилось на ноги, а «поселения хоры», как Женя назвал эти разнокалиберные постройки, процветали. Сразу же было отмечено несходство этой картины с явлениями античной истории Северного Причерноморья. Хотя потом вспомнилась такая фигура, как Протоген Ольвийский, или такой археологический памятник, как Артюховский курган на Тамани. В общем, пришлось признать, что и в древности случались такие времена, когда государственная казна пустела, а у отдельных граждан скапливались немалые денежные суммы.

Знал ли Женя о своих талантах? Всякое тщеславие было чуждо его натуре, но о своей одарённости он, безусловно, знал и очень высоко ценил её. Порой, нарезаая овощи к обеду (а он делал это просто артистично), Женя повторял: «Настоящий талант должен быть талантлив во всём!» Фраза произносилась с известной долей юмора, но произносилась не один раз. Поверьте, что я не хочу создавать образ друга, как некий идеальный, лишённый недостатков или чуждый страстей. Нет, Женя был земным человеком, а земные люди, как известно, – не ангелы. Обладая удивительным аналитическим умом, он порой был до странности неорганизованным, рассеянным, мог допускать элементарные ошибки, забыть о какой-то важной договорённости, перепутать название собственной статьи и т. п.

Да, жизнь сложна... И в нашей жизни мы так или иначе зависим от некоторых обстоятельств и от некоторых людей. Так уж получается, что слишком часто многое в нашей судьбе зависит от людей, которые стоят выше нас по социальной или служебной лестнице, а эти люди, увы, бывают недалёкими, эгоистичными, жадными, жестокими, а к тому же весьма деятельными и влиятельными... У Жени была масса прекрасных друзей, но и люди той категории, о которых я сказал выше, увы, тоже попадались на его жизненном пути. Я не буду называть их имена! Просто признаю, что они своими действиями нанесли огромный вред одному из самых одарённых археологов нашей страны, а значит и всей нашей науке.

Библиография Е. Я. Рогова сравнительно невелика, она насчитывает около 70 работ, в основном, не очень крупных по объёму. Да и сам автор, как представляется, не слишком стремился к увеличению их числа, во всяком случае, не считал это самоцелью. Основные публикации стали появляться в конце его жизни или даже после смерти. В их ряду назову несколько: «Экология Западного Крыма в античное время» (ВДИ. 1996. № 1); «Сарматы и гибель Великой Скифии» – над этой статьёй Е. Я. Рогов трудился совместно с К. К. Марченко и со мной (ВДИ. 1997. № 3); главы на различные темы в фундаментальной публикации «Панское I», вышедшей в Дании (Орхус, 2002); глава «Греки и варвары в Западном Крыму» в коллективной монографии «Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху» (СПб., 2005).

Е. Я. Рогов ушёл из жизни слишком рано, когда он, как представляется, только-только достиг своего акмэ. Но и того, что он успел сделать, хватит на судьбу нескольких «хороших работников». Горечь от потери с годами притупляется, но не проходит.

Для некоторого успокоения можно привести цитату из стихотворения известного поэта:

Ненадолго разлука, всего лишь на миг,
А затем отправляться и нам
По следам по его, по горячим.

Мне скажут, что за десять лет следы успели остыть... Но что такое десятилетие для вечности? Ничто... Вспоминая ушедшего друга, острее ощущаешь, что между миром живых и миром мёртвых не существует страшной преграды, напоминающей крепостную стену или непреодолимую горную гряду. Нет, эта грань тонка, тонка как паутинка. В такие моменты с безусловной убедительностью осознаёшь, насколько важно хранить память об усопших. Память эта может материализоваться в словах, памятниках, пароходах, книгах. Мне приятно сообщить, что осенью этого года в Керчи опубликована книга Е. Я. Рогова – его кандидатская диссертация «Некрополь Панское в Западном Крыму». А это означает, что он не просто живёт, но и трудится в нашем Институте.

В. Ю. Зуев, Ю. И. Ильина

**Людмила Владимировна Копейкина
(1941–1981)**

Людмила Владимировна Копейкина прожила недолгую, но очень насыщенную научным творчеством жизнь, оставив после себя заметный след в изучении греческого искусства эпохи архаики. В год её юбилея мы по немногим сохранившимся документам, восстановили канву её жизненного пути, оставляя в стороне многие детали её биографии и то влияние, которое она оказала на окружающих её коллег и друзей. Поставив эту задачу главной в данном очерке, мы не стали давать оценку сделанного ею в науке. Эта оценка a priori очень высока и в её лице наша наука потеряла одного из крупнейших специалистов в области изучения античной культуры эпохи архаики. В том, что это так, убеждает список её работ. Л. В. Копейкина прожила только 40 лет. И при жизни вышло около 50 публикаций её статей и заметок. Работы продолжали выходить в свет ещё пять лет после её смерти, сданные ею в печать ещё при жизни. Что-то осталось так и не увидевшим свет по различным обстоятельствам (среди этого отметим текст её доклада, посвящённого исследованию Келермесских древностей). Но в мистике этих цифр заключено поистине феноменальное явление личности, археолога, искусствоведа – интересного и талантливого человека, какой была Людмила Владимировна Копейкина.

Она родилась в Ленинграде 29 января 1941 г. в рабочей семье. Её отец, Владимир Семёнович Копейкин, с юных лет работал на заводе «Светлана» сначала рабочим, а потом – технологом производства. В июле 1941 г. он добровольцем пошёл на Ленинградский фронт и в конце 1941 г. получил звание лейтенанта. Как высококвалифицированного технолога по оборонной программе, его в начале 1942 г.

готовились демобилизовать, чтобы организовывать военное производство на родном заводе, но он погиб в бою, когда ему шёл 33 год. Мать, Елена Ивановна Гнёздышева, родилась в г. Устюжне и в 1920-х гг., приехав в Петроград, устроилась на тот же завод, где и познакомилась со своим мужем. Она до 1962 г. оставалась рабочей в цехах «Светланы», а после – на пенсии – вела домашнее хозяйство. Люся, пережив всю блокаду в Ленинграде, в 1948 г. поступила, а в 1958 г. закончила среднюю школу № 204 (Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 15. Д. 98. Л. 6, 10, 41)¹⁹⁴. Училась Люся хорошо, но трудности жизни в семье без отца не давали возможности продолжить учёбу. И поэтому два года после школы она проработала заготовщицей в цехе № 13 завода п/я 729 объединения «Светлана». Ещё в школе Л. В. Копейкина стала интересоваться историей искусства. Этому способствовала её дружба с семьёй одноклассницы А. Л. Раковой, мать которой – А. И. Вошинина – работала в Эрмитаже.

В 1960 г. Л. В. Копейкина поступила на искусствоведческое отделение исторического факультета Ленинградского университета. С первых же курсов вместе с подругой и её мамой Люся стала регулярно ездить на раскопки Ольвии под руководством Елены Ивановны Леви. Это во многом определило выбор её специализации в искусстве – «счастливый город» пленил её сердце древностью, историей колонизации эллинами северных берегов Понта, а общение с А. И. Вошиной, специализировавшейся на изучении римской культуры, вызывало интерес к искусству великой Империи. Надо заметить, что А. И. Вошинина очень заботливо относилась к судьбе подруги своей дочери. Сохранилось одно её письмо – в известной мере судьбоносное, – отправленное Люсе Копейкиной в Парутино в последний полевой сезон перед окончанием университета, 23 сентября 1964 г.: «Дорогая Люся! <...> Я, конечно, постараюсь получить Тебе отсрочку¹⁹⁵. Но вот какое дело. Беляев уходит в аспирантуру. На место, м. б., переведут Дору¹⁹⁶. Тогда на её место я буду прочить Тебя¹⁹⁷. Пока это 50 руб., но, во-первых, после юбилея¹⁹⁸ это будет значительно больше (это уже известно), а потом при первой возможности переход на научную ставку обеспечен. Люся! Меня только беспокоит профиль этой работы, которая требует чёткости, а Ты её не очень практикуешь. Но ведь это для Твоего любого будущего

¹⁹⁴ Далее при ссылке на архивные материалы указание на Архив ГЭ, ф. 1 опускается.

¹⁹⁵ Речь идёт о времени возвращения из экспедиции на учёбу.

¹⁹⁶ Д. С. Герцигер. Следует отметить, что несмотря на почти двухлетнее опережение событий, всё сложится в судьбе Л. В. Копейкиной именно так, как «прелиминарно» прогнозировала А. И. Вошинина.

¹⁹⁷ Имеется в виду должность научно-технического сотрудника в Отделе культуры Античного мира Эрмитажа (ОАМ).

¹⁹⁸ Имеется в виду юбилей Государственного Эрмитажа, отпразднованный в конце 1964 г.

важно выработать. Я говорю это по собственному горькому опыту. Я ведь очень страдала от своей неорганизованности и поэтому особенно остро реагирую на эти качества в Насте¹⁹⁹ и в Тебе. Ксана²⁰⁰ уже говорила с Пиотровским об аспирантуре для Тебя у нас. Возможно, что это выйдет, даже при условии, если Неверов будет взят. Я говорила с Артамоновым по линии Университета, но боюсь, что он будет брать своих, а на поддержку Каргера я не очень рассчитываю. В случае удачи с местом в Эрмитаже на этот год (чтобы зацепиться) я Тебе телеграфирую, Ты пришли мне сейчас на всякий случай заявление <...> Прошу зачислить меня на должность научно-технического сотрудника <...> Всё, что я пишу – крайне прелюмилярно, но я боюсь пропустить... Ответ мне немедленно Авиа. Целую и очень хочу Тебе самого лучшего. Я тогда напишу авиапочтой Елене Ивановне, она поймёт, как это Тебе важно. Если Ты хочешь?!

Теперь о теме. Я думаю, что диплом следует сделать по римскому причерноморскому искусству. Это важно для будущего. <...> А потом... Тебя никто не держит. Имей в виду, что архаикой занимаются и Москва, и Киев, и Ленинград... А вот Римом – почти никто...».

Л. В. Копейкина последовала совету своей руководительницы. Работу на тему: «Античные мозаики в СССР» она успела подготовить и защитить, получив летом 1965 г. диплом об окончании Университета с отличием и рекомендацию Учёного совета исторического факультета ЛГУ для поступления в аспирантуру (Оп. 15. Д. 98. Л. 1, 6, 7, 10).

В Государственный Эрмитаж Л. В. Копейкина была принята 1 июня 1965 г. на экзотично звучащую теперь должность старшего музейного служителя (рудимент штатного расписания ещё Императорского Эрмитажа). Но сразу же была определена научно-техническим сотрудником в негатеку Отдела Западноевропейского искусства. А с 1 июля её перевели временно научным сотрудником Отдела Античного мира. В декабре того же года, как и предсказывала это А. И. Вошинина, в отделе освободилось место научно-технического сотрудника – Д. С. Герцигер была переведена на ставку научного сотрудника и её место заняла Л. В. Копейкина. 1 января 1966 г. в связи с новым штатным расписанием, должность Копейкиной стала официально называться лаборантом и таким образом она стала первым лаборантом в истории своего отдела (Оп. 15. Д. 98. Л. 2–6).

В ноябре 1966 г. Л. В. Копейкиной было предложено поступить «без отрыва от производства» в аспирантуру музея. В характеристике, данной ей по этому поводу, заведующая отделом К. С. Горбунова

¹⁹⁹ А. Л. Ракова.

²⁰⁰ К. С. Горбунова – заведующая ОАМ.

писала следующее: «Работая в Эрмитаже, Л. В. Копейкина сосредоточила свои интересы на изучении архаического греческого искусства, главным образом восточно-греческой керамики на основе материалов, происходящих из раскопок на острове Березань. Л. В. Копейкина проявила себя способным, инициативным исследователем, уделяющим большое внимание как историческим, так и чисто художественным вопросам, связанным с избранною ею проблематикой. Хорошая подготовка, чрезвычайная работоспособность Л. В. Копейкиной позволяет надеяться, что за время пребывания в аспирантуре ею будет обработан очень важный материал, ценность которого значительно возрастает в связи с происхождением его из самого раннего греческого поселения на территории Советского Союза. Л. В. Копейкина за время работы в Античном отделе подготовила к печати две статьи, прочла несколько докладов. Активное участие принимает она и в научно-просветительской работе: подготовила ряд экскурсий, проводит занятия со студентами» (Оп. 11. Д. 1645^а. Л. 2).

Сохранившиеся в архиве документы позволяют восстановить в подробностях, как проходили экзамены в аспирантуре Эрмитажа в те годы, когда эта система была отлажена в музее и ею руководила А. В. Банк. Приказом директора Эрмитажа для экзаменации Копейкиной была образована приёмная комиссия в составе: докт. ист. наук М. И. Максимовой, канд. ист. наук А. А. Передольской, канд. иск. К. С. Горбуновой (Заведующей ОАМ) и канд. ист. наук А. В. Банк (заведующей аспирантурой музея). 17 декабря 1966 г. Приёмная комиссия приняла вступительный экзамен Л. В. Копейкиной по специальности (История античного искусства), немецкому языку и Истории КПСС²⁰¹. Л. В. Копейкиной по теме истории античного искусства были заданы следующие вопросы и поставлены оценки за ответы: 1. Письменные источники по истории античного искусства (отлично); 2. Акрополь (отлично); 3. Основная литература по родосской керамике (отлично); 4. Творчество К. Брюллова (отлично); Творчество В. Мухиной (отлично).

По немецкому языку было предложено письменно перевести: А. Мау. *Rompeji in leben und Kunst*. Leipzig, 1908. S. 34 (хорошо); и устно перевести фрагменты текстов из книг – А. Мау. *Rompeji in leben und Kunst*. Leipzig, 1908. S. 92–93 (отлично); *Begegnung mit antiker Kunst*. 1964. S. 51 (отлично).

По Истории КПСС были заданы вопросы: 1) Развитие В. И. Лениным теории социалистической революции (хорошо); 2) Изменение тактики большевиков после июльских событий (Отлично); 3) XXIII съезд КПСС (отлично) (Там же. Л. 12–14).

²⁰¹ Для принятия последнего экзамена в комиссию были введены ст. науч. сотр. Эрмитажа, докт. ист. наук И. Г. Спасский и канд. ист. наук В. Б. Донской.

30 декабря 1966 г. Л. В. Копейкина стала аспирантом Эрмитажа «без отрыва от производства по специальности: история искусства Античного мира (на территории СССР)»²⁰². 15 мая 1968 г. Л. В. Копейкина успешно сдала кандидатский минимум, о чём свидетельствует выписка из протокола заседания экзаменационной комиссии: «Состав комиссии: Зав. Отделом античной культуры ЛО ИИМК, докт. ист. наук Т. Н. Книпович; Зав. ОАМ Эрмитажа, канд. иск. К. С. Горбунова; ст. науч. сотр. канд. ист. наук Я. В. Доманский; Зав. асп. Эрмитажа канд. ист. наук А. В. Банк. Кандидатский экзамен: Культура и искусство Греции и Северного Причерноморья в архаический период. Вопросы и оценки: 1. Греческая колонизация северо-западного Причерноморья (отлично); 2. Современный этап в изучении восточно-ионийской керамики архаического периода (отлично); 3. Аттический импорт на Березань в архаический период (отлично). Общая оценка «ОТЛИЧНО» (Там же. Л. 17).

В октябре 1968 г. Л. В. Копейкина стала научным сотрудником Отдела античного мира «с окладом 90 руб. в месяц». В феврале 1969 г. её назначают «хранителем с возложением материальной ответственности, и передают на хранение археологический материал из раскопок острова Березань с шифром (Б-62, Б-63, Б-64, Б-65)» (Оп. 15. Д. 98. Л. 19). Так постепенно К. С. Горбунова готовила Копейкину к приёму всей работы по руководству эрмитажной Березанской экспедицией. Будни Копейкиной в Эрмитаже складывались из хранительской работы – обработки материалов раскопок Березанской экспедиции, написания диссертации и научных статей, а также научно-просветительской деятельности – на неё было возложено проведение занятий со студентами, проходящими практику в Эрмитаже. А ещё каждый год в летние месяцы она трудилась в экспедициях на Березани и в Ольвии, где принимала активнейшее участие в изучении агоры и особенно – здания гимнасия²⁰³, а с 1969 г. десять лет вела самостоятельные работы на участке Е-8.

²⁰² В архиве Эрмитажа хранятся отчёты за каждый аспирантский год Л. В. Копейкиной, в конце которых ставилась резолюция её научной руководительницы К. С. Горбуновой: «Считаю, что работа заочного аспиранта Л. В. Копейкиной начата и продолжается успешно. Дальнейшее её пребывание в аспирантуре считаю целесообразным» (Оп. 11. Д. 1645^а. Л. 15).

²⁰³ Сохранилось фото исследования знаменитого колодца ольвийского гимнасия. Дело в том, что проводить исследования в узкой шахте этого колодца, на глубине более пятнадцати метров, мало кто мог из археологов. На это решалась только Люся Копейкина – её рост был чуть больше полутора метра. Она лихо опускалась в каменное жерло древнего источника, извлекая из его заполнения много уникальных находок. По воспоминаниям К. К. Марченко работы в колодце были остановлены только тогда, когда Копейкиной и свече, при которой она работала на дне, стало не хватать воздуха.

Рис. 1. Людмила Владимировна Копейкина. Ольвия, 1968 г.

В декабре 1970 г. Л. В. Копейкина была отчислена из аспирантуры, как «выполнившая учебный план и предоставившая диссертацию». В официальной характеристике, необходимой для защиты диссертации, подписанной руководством Эрмитажа, отмечалось: «За время работы над диссертацией Л. В. Копейкина показала себя творческим научным работником, тяготеющим к решению больших, обобщающих исторических вопросов. Незаурядные способности Л. В. Копейкиной в сочетании с большим трудолюбием и целеустремлённостью позволяют ей одновременно с научной работой вести большую хранительскую и научно-просветительскую работу. Л. В. Копейкина – постоянный участник Березанской и Ольвийской археологических экспедиций, где она возглавляет работу на самостоятельном участке. Она работает над изучением архаических материалов обеих экспедиций. В настоящее время Л. В. Копейкина – научный сотрудник ОАМ; принимает активное участие в общественной жизни музея в качестве агитатора в период предвыборных

кампаний и в качестве политинформатора по экономическим вопросам в ОАМ» (Оп. 11. Д. 1645^а. Л. 21).

10 июня 1971 г. Л. В. Копейкина блестяще защитила на историческом факультете ЛГУ диссертационное исследование: «Формирование и развитие ориентализирующего стиля в родосско-ионийской керамике (по материалам раскопок Березани)» и стала кандидатом искусствоведения. В том же году её научный руководитель К. С. Горбунова официально передала своей ученице руководство эрмитажной Березанской экспедицией. Изменился в этом же году и её статус в отделе. В ноябре 1971 года, в связи с новым штатным расписанием, Копейкину, как не проработавшую ещё пять лет в музее, перевели на должность младшего научного сотрудника, кандидата искусствоведения, с окладом в 120 рублей. После выслуги пяти лет ей прибавили к окладу 10 рублей. После выслуги десяти лет работы добавили ещё 10 рублей (Оп. 15. Д. 98. Л. 22, 24, 36). Шли годы, рос её научный авторитет, работала одна из важнейших эрмитажных экспедиций, но Л. В. Копейкина так и оставалась младшим научным сотрудником. Всё упиралось в штатное расписание и отсутствие ставок. Не помогло даже вступление Л. В. Копейкиной в партию осенью 1978 г. Терпеливый по своей натуре человек, Копейкина мало с кем делилась теми трудностями, которые были в их маленькой семье, потерявшей на войне отца и мужа. Сказывались и последствия блокадного детства, пережитая дистрофия. Но это всегда было где-то глубоко в ней самой. И только немногие близкие друзья понимали все тяготы её повседневной жизни. Внешне же она была бойцом, активной, жизнерадостной женщиной.

Ситуация изменилась только со смертью К. С. Горбуновой. Ю. П. Калашник, временно исполняя обязанности заведующего отделом, написал тогда на имя директора Эрмитажа служебную записку с просьбой «перевести мл. науч. сотр. Л. В. Копейкину на вакантную должность ст. науч. сотр., канд. наук с окладом 220 руб.» (Там же. Л. 38). Перевод состоялся. И в случае с Копейкиной это было более чем заслуженно. В последние годы жизни ей удалось попутешествовать. Она была в Венгрии, Болгарии, ГДР, Англии и Швеции. В основном это были музейные командировки, которые тогда обставлялись большими церемониями согласований у партийных чиновников города. В одной из характеристик, подписанных руководством музея для получения разрешения на служебный выезд за границу, читаем интересные по стилю и сочетанию деталей аттестации Л. В. Копейкиной: «Целеустремлённая и трудолюбивая, тов. Копейкина является автором многих научных работ, одним из лучших хранителей отдела. Её работа неоднократно отмечалась приказами дирекции, а также она была награждена значком “Победитель соц. соревнования”. Требовательность к себе позволяет ей быть столь же требовательной

и к подчинённым. Л. В. Копейкина с 1971 г. успешно руководит Березанской археологической экспедицией, она пользуется большим авторитетом в коллективе.

Тов. Копейкина представляет собой образец дисциплинированности, она обладает твёрдостью и добросовестностью, отзывчива и контактна. Участвует в общественной жизни музея: является членом профсоюзного бюро научных сотрудников, председателем секции Общества дружбы «СССР–Болгария». Тов. Копейкина идеологически выдержана, политически грамотна, морально устойчива. Тов. Копейкина не замужем, живёт с матерью. Отношения в семье нормальные. Тов. Копейкина неоднократно была за границей. В командировках в ГДР (январь 1977) и в Англии (сентябрь 1978). Дирекция, партбюро и местком рекомендуют тов. Копейкину для поездки в командировку в Швецию по сопровождению выставки с 25 октября 1979 г. сроком на 40 дней» (Там же. Л. 39–40). Сейчас многое в этом тексте вызывает улыбку, и даже смущение. Но он точно передаёт атмосферу жизни того времени.

Оценивая сделанное Л. В. Копейкиной в науке, отметим, прежде всего, её диссертационное исследование. Эта работа, к сожалению оставшаяся неопубликованной, была прорывом в изучении родоскопической керамики ориентализирующего стиля с учётом достижений мировой науки. Материалы из раскопок на Березани позволили сделать исследователю важные выводы, о стилистических особенностях росписи этой керамики. Мастер тонкого стилистического анализа Л. В. Копейкина по-настоящему ввела в научный оборот знаменитую вазу из Темир-Горы. В последние годы жизни она обратилась к рассмотрению дискуссионных проблем взаимодействия культур Запада и Востока, где ярко проявился её талант и умение видеть вещь. Её публикации материалов из раскопок на Березани всегда имели научный резонанс и даже по прошествии многих лет не утратили научной значимости. Основы методики полевых исследований она получила, работая со студенческих лет в Ольвии, в Нижнем Побужье и Поднепровье. Наряду с изучением вещественных материалов исследовательница занималась вопросами планировки и развития поселения, реконструкции жилищ и строительной техники. Также она внесла большой вклад в разработку концепции исторического развития Борисфена на раннем этапе его существования. К большому сожалению, жизнь Людмилы Владимировны оборвалась слишком рано. Она трудилась до последней минуты жизни. Сорок лет прошло с того момента, когда прямо на работе в Эрмитаже 5 июня 1981 г. Л. В. Копейкиной не стало... Сказались страшные условия детства, трудные условия ежегодных полевых работ на острове, напряжённейшая научная работа, нервные хлопоты организации очередной экспедиции и общественных поручений... Людмила

Владимировна Копейкина ушла для всех неожиданно, воплотившись в сделанном ею для науки и любимом ею Эрмитаже. И потому она до сих пор ощущается как соратник, как коллега, как единомышленник, чьи дела продолжает новое поколение эрмитажников.

Материалы к библиографии Л. В. Копейкиной

1966

1. Мозаика «Атрибуты Геракла» и вопросы натюрморта в античной монументальной живописи // Тез. докл. науч. сессии, посвящённой итогам работы Государственного Эрмитажа за 1965 г. Л.; М. 1966. С. 27–28.

1968

2. Группа родосских амфор с острова Березань // СГЭ. 1968. Вып. 29. С. 44–47.

1970

3. К вопросу о формировании чернофигурного стиля в восточнореческой керамике // СГЭ. 1970. Вып. 31. С. 57–59.
4. Особенности развития родосско-ионийской керамики в первой половине VI в. до н.э. и вопросы локализации некоторых её групп // ВДИ. 1970. № 1. С. 93–106.
5. Родосско-ионийская керамика «ориентализирующей» группы из раскопок на острове Березань // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universitat Rostock, 1970. Jg. 19. S. 559–566. – (Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. Hft. 8).
6. Фрагмент родосско-ионийской тарелки из раскопок 1966 г. на острове Березань // СА. 1970. № 3. С. 198–202.

1971

7. Античная мозаика «Атрибуты Геракла» // Культура и искусство античного мира. Л., 1971. С. 76–79.
8. Формирование и развитие ориентализирующего стиля в родосско-ионийской керамике (по материалам раскопок Березани): Автореф. дис. ... канд. искусствовед. Л., 1971. 20 с.

1972

9. Березанская экспедиция Эрмитажа в 1970–1971 г. // Тези пленарних і секційних доповідей (Результаті польових археологічних досліджень 1970–1971 рр. на території України). Одеса, 1972. С. 211–212. – (Академія наук УРСР. Інститут археології. 15-я наукова конференція, присвячена 50-річчю утворення СРСР). (Совместно с К. С. Горбуновой).
10. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир Гора // ВДИ. 1972. № 1. С. 147–159.

1973

11. Березанская экспедиция. 1971 год // СГЭ. 1973. Вып. 36. С. 100.

12. Из истории Нижнего Побужья в VII–V вв. до н.э. (Березань, Ольвия, Ольвийская округа) // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир: Краткие тез. докл. науч. конф. Л., 1973. С. 12–13. (Совместно с Я. В. Доманским, К. К. Марченко).
13. Фрагменты родосско-ионийской керамики с острова Калюмнос // СГЭ. 1973. Вып. 37. С. 36–39.
14. Раскопки Ольвийской агоры // АО 1972 г. 1973. С. 302–303. (Совместно с Е. И. Леви, К. К. Марченко, Н. С. Беловой, И. Б. Брашинским, Ю. Г. Виноградовым, Я. В. Доманским).
15. Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на острове Березань // СА. 1973. № 2. С. 240–244.

1974

16. Березанская экспедиция. 1972 год // СГЭ. 1974. Вып. 38. С. 86–87.
17. Исследования центральной части Ольвийского городища // АО 1973 г. 1974. С. 299–300. (Совместно с Е. И. Леви, К. К. Марченко, Ю. Г. Виноградовым, Н. В. Головачёвой, Я. В. Доманским).
18. Материалы Березанской археологической экспедиции 1973 г. // Памятники культуры и искусства, приобретенные музеем в 1973 году: Каталог временной выставки. Л., 1974. С. 11.
19. Северо-западный участок Березанского поселения // АО 1973 г. 1974. С. 290–291.

1975

20. Березанская экспедиция. 1973 год // СГЭ. 1975. Вып. 40. С. 105.
21. Западная граница Березанского поселения // АО 1974 г. 1975. С. 297–298.
22. Исследование Ольвийского городища // Там же. С. 314. (Совместно с Е. И. Леви, К. К. Марченко, М. П. Ваулиной, Ю. Г. Виноградовым, Я. В. Доманским, В. И. Пругло, К. К. Шиликом).
23. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период: истоки строительной традиции // СА. 1975. № 2. С. 188–199.
24. Ориентализирующий стиль, предпосылки и особенности его формирования в Восточноионийской Греции (К вопросу о влиянии Востока на искусство раннеархаической Греции) // ВДИ. 1975. № 1. С. 103–116.
25. Северо-западный участок Березанского поселения (результаты работ 1970–1974 г.) // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф. К., 1975. Ч. 2. С. 95–96.

1976

26. Березанская экспедиция. 1974 год // СГЭ. 1976. Вып. 41. С. 72.
27. Жилые кварталы Березанского поселения // АО 1975 г. 1976. С. 340–341.
28. Некоторые итоги исследования архаической Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 131–142.

29. Некоторые особенности развития искусства в Восточно-ионийской Греции IX–VII в. до н.э. // ТГЭ. 1976. Т. XVII. С. 11–21.

1977

30. Березанская экспедиция. 1975 год // СГЭ. 1977. Вып. 42. С. 71.
31. Березанская экспедиция Государственного Эрмитажа // АО 1976 г. 1977. С. 309.
32. Березанская экспедиция // Новые поступления Эрмитажа 1966–1977: Каталог выставки. Л., 1977. С. 117–120. Кат. 792–824.
33. Комплекс архаических терракот с Березани // ВДИ. 1977. № 3. С. 92–104.
34. Особенности развития Березанского поселения в архаический период в связи с ходом колониационного процесса // Симпозиум по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья: Тез. докл. симпозиума. Тбилиси, 1977. С. 34–35.

1978

35. Березанская экспедиция. 1976 год // СГЭ. 1978. Вып. 43. С. 75.
36. Березанская экспедиция Эрмитажа 1977 г. // АИУ в 1976–1977 гг. 1978. С. 76–77.
37. Из истории Нижнего Побужья в VII–V вв. до н.э. (Березань, Ольвия, Ольвийская округа) // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 72–79. (Совместно с Я. В. Доманским, К. К. Марченко).
38. Раскопки Березанского поселения // АО 1977 г. 1978. С. 334–335.
39. Die Besonderheiten der Entwicklung der Siedlung auf Berezan in der archaischen Epoche // XI International Congress of Classical archaeology. London, 3–9 September 1978. Final programme. L., 1978. P. 48–49.

1979

40. Березанская экспедиция. 1977 год // СГЭ. 1979. Вып. 44. С. 74.
41. Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колониационного процесса // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 106–113.
42. Развитие чернофигурного стиля в клазоменской керамике (по материалам из раскопок на о. Березань) // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 7–25.
43. Раскопки Березанского поселения // АО 1978 г. 1979. С. 345–346.
44. Элементы местного характера в культуре Березанского поселения архаического периода // Материалы 2-го Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 99–101.

1980

45. Березанская экспедиция. 1978 год // СГЭ. 1980. Вып. 45. С. 84.

46. Исследование архаического некрополя Березанского поселения (1976–1979) // АИУ в 1978–1979 гг.: Тез. докл. XVIII конференции Института археологии АН УССР. Днепропетровск, 1980. С. 104.

1981

47. Березанская экспедиция. 1979 год // СГЭ. 1981. Вып. 46. С. 63.
48. Древнее искусство греческих островов Эгейского мира: Каталог выставки. М.; Л., 1981. 112 с. (Совместно с А. К. Коровиной, Н. А. Сидоровой, Е. Н. Ходзой).
49. Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по результатам раскопок на северо-западном участке) // СА. 1981. № 1. С. 192–208.
50. Результаты работ Березанской экспедиции // АО 1980 г. 1981. С. 263–264.
51. Элементы местного характера в культуре Березанского поселения архаического периода // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации. Тбилиси, 1980. С. 163–174.

1982

52. Березанская экспедиция. 1980 год // СГЭ. 1982. Вып. 47. С. 73.
53. Родосско-ионийская керамика VII в. до н.э. с острова Березань и ее значение для изучения раннего этапа существования поселения // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982. С. 6–36.
54. Чернофигурная аттическая амфора из раскопок древнегреческого поселения на острове Березань // СГЭ. 1982. Вып. 47. С. 38–41.

1983

55. Культура и искусство Причерноморья в античную эпоху. Выставка из собраний музеев Болгарии, Румынии и Советского Союза: Каталог. М., 1983. (Совместно с В. С. Забелиной, А. Ю. Кахидзе, А. К. Коровиной, Е. И. Леви, Л. Огненовой-Мариновой, В. П. Толстикovým, С. И. Финогеновой).

1986

56. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. Л., 1986. С. 28–63.
57. Расписная керамика архаического времени из античных поселений Нижнего Побужья и Поднепровья как источник для изучения торговых и культурных связей // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 27–47.

Memorabilia

- Н. Л. Грач.* Л. В. Копейкина (1941–1981) // СГЭ. 1983. Вып. 48. С. 73–74.
- Ю. И. Ильина.* Копейкина Людмила Владимировна (1941–1981) // Памятники истории и археологии на о. Березань. (http://www.borysthenes.org/content/researchers/researchers_08.htm)

Список сокращений

- АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
 АГСП – Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. – (Археология СССР).
 АИБ – Археология и история Боспора.
 АИУ – Археологические исследования на Украине. К.
 АМА – Античный мир и археология. Саратов.
 АН – Академия наук.
 АО – Археологические открытия. М.
 АП – Археологічні пам'ятки УРСР.
 АСГЭ – Археологический сборник ГЭ. Л.; СПб.
 АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
 БГН – Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Междунар. науч. конф., посвящённая 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н. Л. Грач: Тез. докл. СПб. 1999.
 БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
 БС – Балтийская система.
 БСб. – Боспорский сборник. М.
 БФ – Боспорский феномен. Материалы междунар. науч. конф. СПб.
 БЧ – Боспорские чтения. Керчь.
 ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
 ВДИ – Вестник древней истории. М.
 ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
 ГИМ – Государственный исторический музей. М.
 ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
 ГМИРиА – Государственный музей истории религии и атеизма. Л.
 ГЭ – Государственный Эрмитаж. Л.; СПб.
 ДБ – Древности Боспора. М.
 ДБК – Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. СПб., 1854. Т. I–III
 ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
 ИА – Институт археологии.
 ИАК – Императорская Археологическая Комиссия. СПб.
 ИГАИМК – Известия ГАИМК. М.; Л.
 ИИМК – Институт истории материальной культуры. Л., СПб.
 ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.
 ИТУАК – Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. Симферополь.
 ИЯКФ – Индоевропейское языкознание и классическая филология: Материалы чтений, посвящённых памяти проф. Иосифа Моисеевича Тронского. СПб.
 КБН – Корпус боспорских надписей
 (CIRB) (Corpus inscriptionum Regni Bosporani). М.; Л., 1965.
 К(Г)ИКЗ – Керченский (государственный) историко-культурный заповедник.
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. М.; Л.
 КСИИМК – Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М.; Л.
 ЛГУ – Ленинградский государственный университет.
 ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.

- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь.
- МАКК – Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь.
- МАР – Материалы по археологии России. М.
- МГУ – Московский государственный университет.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
- МНМ – Мифы народов мира. М.
- НА – Научный архив.
- НАА – Народы Азии и Африки. М.
- НАНУ – Национальная Академия наук Украины.
- НЗ ХТ – Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
- НОСА – Новейшие открытия советских археологов. К.
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
- ОАК – Отчеты Императорской Археологической комиссии. СПб.
- ОАМ – Отдел античного мира ГЭ.
- ОАС – Отчётная археологическая сессия ГЭ: Тез. докл. СПб.
- ОИПК – Отдел истории первобытной культуры ГЭ.
- ОО – Ольвия и её округа. К., 1986.
- ПАИБ – Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей: Тез. докл. юбилейной конф. 25–27 июля 1996 г. Керчь, 1996.
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск.
- РА – Российская археология. М.
- РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры. Пг.
- РАН – Российская Академия наук.
- РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд. М.
- РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований. М.
- С.к. – Семибратний курган.
- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников. М.; Л.
- СГАИМК – Сообщения ГАИМК. Л.
- СГК – серая гончарная керамика
- СГМИИ – Сообщения ГМИИ. М.
- СГЭ – Сообщения ГЭ. Л.; СПб.
- СК – Старокорсунское городище.
- СЭ – Советская этнография. М.
- ТГЭ – Труды ГЭ. Л.; СПб.
- ФЦП – Федеральная целевая программа.
- ХСБ. – Херсонесский сборник. Севастополь; Симферополь.
- ЮРЦАИ – Южно-Российский центр археологических исследований. Краснодар.
- АА – The Athenian Agora. Princeton; New Jersey.
- ААп – Archäologischer Anzeiger des Deutsches Archäologisches Institut. Berlin.
- АВС – Antiquités du Bosphore Cimmérien. Paris, 1892.
- АССS – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden.
- АJА – American Journal of Archaeology.
- АМIТ – Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin.
- ВАR – British Archaeological Reports. Oxford.
- ВSА – The British school of archaeology at Athens. Athens.
- ВSС – Black Sea Studies. Aarhus.

- IOSPE – *Latishev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropolis, 1885–1916.*
- IG – *Inscriptiones Graecae.*
- ISM – *Inscriptii din Scythia Minor.*
- JHS – *Journal of Hellenic Studies.*
- LGNP – *A Lexicon of Greek Personal Names. Oxford.*
- LGRM – *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie / Hrsg. von W. H. Roscher. Leipzig.*
- LIMC – *Lexicon iconographicum mythologiae classicae. Zürich; Munich.*
- MAMA – *Monumenta Asiae Minoris Antiqua.*
- SC – *Scythica et Caucasica. Латышев В. В. Известия древних авторов греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890–1906. Т. I–II.*
- SEG – *Supplementum Epigraphicum Graecorum.*
- ZGE – *Zwei Gesichter der Ermitage. Bonn, 1997. I.*
- ZPE – *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

I. НИМФЕЙ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И НАХОДКИ

<i>D. Braund</i> (Экзетер) <i>Gylon, Athens and the Bosphorus</i>	7
<i>С. А. Данильченко</i> (СПб.) Чаши с медальоном из Нимфея	12
<i>А. С. Намойлик</i> (СПб.) Граффити на краснолаковой керамике из Нимфея ..	14
<i>А. Е. Петракова</i> (СПб.) Аттическая белофонная керамика в городах Северного Причерноморья: к вопросу о распространении и культурных контактах	21
<i>В. Ю. Зуев, О. Ю. Соколова</i> (СПб.) Библиография исследований Нимфея. 1991–2011 гг.	26

II. БОСПОР И ЕГО ПЕРИФЕРИЯ

<i>А. А. Масленников</i> (Москва) О боспорской государственности	47
<i>В. В. Вахонеев</i> (Киев) Первые греческие колонисты на Боспоре Киммерийском	51
<i>В. П. Толстиков</i> (Москва) К проблеме «взаимовлияния» эллинской и варварских культур на Боспоре в VI–V вв. до н.э.	54
<i>И. Е. Суриков</i> (Москва) Раннебоспорские землянки: свидетельство контактов с местным населением или модификация эллинских традиций?	59
<i>С. Ю. Сапрыкин</i> (Москва) Боспорские Спартокиды и западнопонтийские города	63
<i>Е. А. Молев</i> (Нижний Новгород) Боспор и Понт до Митридата Евпатора	69
<i>Ю. В. Артюхин</i> (Краснодар) Роль природных катаклизмов в нарушении торгово-экономических связей Боспорского царства	72
<i>А. Е. Терещенко</i> (СПб.) Мотив «терзания» в пантикапейской чеканке	76
<i>В. Л. Строчкин</i> (Темрюк) Афины и финансовая политика Спартокидов	82
<i>О. Н. Мельников</i> (Николаев) Влияние Рима на монетное дело Боспора римского периода (16 г. до н.э. – 341/342 г. н.э.)	88
<i>М. В. Скржинская</i> (Киев) Вазы с накладными рельефами как источник знаний боспорян о редких сюжетах греческих мифов	94
<i>А. Н. Матукина</i> (Нижний Новгород) Идеальный тип боспорянина в эпитафиях позднеэллинистического времени	98
<i>Н. В. Молева</i> (Нижний Новгород) Проблема дат для боспорских антропоморфных изваяний с надписями	103
<i>С. А. Яценко</i> (Москва) Северное Причерноморье и Ахемениды: некоторые аспекты взаимоотношений	109

<i>М. Ю. Трейстер</i> (Бонн) Ахеменидские «импорты» на Боспоре Киммерийском. Анализ и интерпретация	113
<i>Е. В. Власова</i> (СПб.) Предметы вооружения из кургана Куль-Оба.....	121
<i>И. Ю. Шауб</i> (СПб.) Морские монстры в религиозно-мифологических представлениях боспорян и скифов	131
<i>С. Б. Буйских</i> (Киев) Боспор в контексте феномена сероглиняной гончарной керамики	137
<i>М. А. Котин</i> (Керчь) Сосуды с зооморфными ручками на Боспоре	143
<i>Н. Л. Кучеревская, Н. Ф. Федосеев</i> (Керчь) Некоторые проблемные вопросы в изучении тамг Боспорского царства	148
<i>С. В. Воронятов</i> (СПб.) Наконечник копья с сарматской тамгой из погребения, открытого в 1841 г. в Керчи: к функции и статусу предмета.....	154
<i>О. В. Шаров</i> (СПб.) Тамга конского убора из погребения с Золотой маской в Керчи	161
<i>В. В. Масыкин</i> (Симферополь) Римские шарнирные дуговидные фибулы Боспора.....	166
<i>С. Л. Сmealов</i> (СПб.) Ещё раз к вопросу о производстве зерна и численности населения Европейского Боспора	174
<i>А. М. Бутягин</i> (СПб.) Меоты в Мирмекии в VI–V вв. до н.э.....	178
<i>В. Н. Зинько</i> (Керчь) Население Тиритаки в VI–V вв. до н.э.....	180
<i>Ю. А. Виноградов</i> (СПб.) Курган у села Баксы в Восточном Крыму.....	185
<i>Ю. А. Виноградов, Е. В. Логдачёва, С. В. Швембергер</i> (СПб.) Компьютерные трёхмерные реконструкции расписных склепов Боспора Киммерийского. Склеп 1872 г. (Стасовский)	192
<i>И. В. Тункина</i> (СПб.) К вопросу о греческом характере курганного некрополя Феодосии (по материалам раскопок 1851–1852 гг.)	197
<i>М. Ю. Вахтина</i> (СПб.) Об оборонительных сооружениях и планировке Порфмий.....	202
<i>А. Л. Ермолин, Н. Ф. Федосеев</i> (Керчь) Переправа – Порт-Мион – «традиционный Порфмий»	210
<i>З. В. Ханутина</i> (СПб.) Терракоты из погребально-поминальных комплексов Илуратского плато	219
<i>И. А. Тульпе, В. А. Христановский</i> (СПб.) Новый комплекс хазарского времени на Илуратском плато	228
<i>Н. И. Винокуров</i> (Москва) Греко-варварское взаимодействие в Крымском Приазовье в римское время (по материалам некрополя городища Артезиан).....	236
<i>В. Г. Зубарев</i> (Москва) К вопросу о западной границе Боспора во второй половине IV – начале V в. н.э.....	244
<i>Н. Н. Болгов, М. Л. Рябцева, А. М. Болгова</i> (Белгород) Ещё раз о Саваге – магнате из Китея (V в.)	247
<i>А. В. Зинько</i> (Керчь) Этноконфессиональный состав населения боспорского города Тиритаки в V–VI вв.....	250

<i>Е. Д. Артеменко</i> (Керчь) Раннесредневековое изваяние из Керчи: к интерпретации сюжета.....	254
<i>А. А. Завойкин</i> (Москва) Эллины Таманского полуострова и их соседи: первые контакты	259
<i>Д. В. Журавлёв, У. Шлотцауер</i> (Москва, Берлин) Греки и варвары на берегах Боспора Кубанского.....	264
<i>В. А. Горончаровский</i> (СПб.) Синдика в период возведения Семибратних курганов.....	271
<i>А. В. Иванов</i> (Краснодар) О восточной границе Боспорского царства.....	279
<i>В. В. Улитин</i> (Краснодар) Упадок греко-меотской торговли в первой половине III в. до н.э. и начало заката боспорского хлебного экспорта	282
<i>С. Чандрасекаран</i> (Берлин/Оксфорд) Утерянный фригийский шлем из кургана Большая Близница	288
<i>С. В. Кашаев</i> (СПб.) Демографическая характеристика и погребальный обряд некрополя Артющенко-2.....	293
<i>Я. М. Паромов</i> (Москва) Ранние погребения с оружием в могильниках Таманского полуострова	299
<i>Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко</i> (Краснодар) Меотские канфары из могильника городища Спорное (к вопросу об античном влиянии на меотскую керамику).....	304
<i>Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко, С. Ю. Монахов</i> (Краснодар, Саратов) Новая «прикубанская» серия эллинистических амфор	310
<i>А. Н. Ворошилов</i> (Москва) О всадниках Фанагории	316
<i>О. М. Ворошилова</i> (Москва) Об имитациях деталей ременной гарнитуры из некрополя Фанагории.....	321
<i>А. П. Медведев</i> (Воронеж) Об эллинском и варварском в культуре населения Фанагории I–V вв. н.э.....	324
<i>Н. И. Сударев, А. А. Крайнева, Г. К. Русин</i> (Москва, Краснодар) Погребальные памятники поселения Волна-4	329
<i>В. В. Абрамов, Н. И. Сударев</i> (Москва) Жертвоприношение собаки на поселении Береговой 4: ещё один сюжет в сакральной жизни Боспора	337
<i>С. В. Кашаев, Н. А. Павличенко</i> (СПб.) Письмо из Гермонассы (предварительное сообщение).....	343
<i>В. Г. Бездудный</i> (Ростов-на-Дону) Геофизические исследования (магнитометрия) поселения Вестник-1	345
<i>М. И. Медведев</i> (Краснодар) Счастливики и власть.....	350

III. ХЕРСОНЕС И КРЫМ

<i>С. Н. Сенаторов</i> (СПб.) Керамика кизил-кобинской культуры второй половины VI – первой половины IV в. до н.э.	354
<i>Т. Н. Смекалова</i> (СПб.) Система расселения, коммуникаций и сигнализации в античное время в Северо-Западном Крыму	362

<i>М. В. Новиченкова, Н. Г. Новиченкова</i> (Киев, Ялта) Комплексы предметов из металла эпохи эллинизма из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло и из Артюховского кургана.....	367
<i>А. Е. Пуздровский</i> (Симферополь) Граффити на краснолаковой посуде из могильников Крымской Скифии	373
<i>Е. В. Струкова, С. В. Ушаков</i> (Севастополь) Херсонес Таврический на рубеже эр: археологические реалии	382
<i>Е. Я. Туровский</i> (Севастополь) Об отношениях Боспора и Херсонеса во второй половине I в. до н.э. – первой половине I в. н.э. по нумизматическим данным	386
<i>А. А. Филиппенко</i> (Севастополь) О римских войсках в Таврике в свете археологических открытий последних лет	392
<i>В. В. Дорошко</i> (Севастополь) Пояс солдата I Сугамбрской когорты из Херсонеса.....	397
<i>С. В. Ушаков</i> (Севастополь) Херсонес Таврический на рубеже эпох (конец IV – первая половина V в.): экономика и культура	401

IV. СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Д. А. Мачинский</i> (СПб.) Время основания поселения Борисфен на острове Березань и древнейшие этапы освоения эллинами северных берегов Понта	408
<i>В. Т. Мусбахова</i> (Салоники) Аристей Проконнеский и время создания «Аримаспеи»	421
<i>Д. Е. Чистов</i> (СПб.) Новые исследования в восточной части Березанского поселения: хозяйственно-промысловая зона середины – второй половины VI в. до н.э.?	445
<i>Н. Ю. Новосёлова</i> (СПб.) Остров Березань и Подунавье в первые века нашей эры: к вопросу об импорте мезийской сигиллаты.....	455
<i>Д. С. Гречко</i> (Киев) К вопросу о демографическом потенциале Ольвии в VI–V вв. до н.э.....	459
<i>И. А. Снытко</i> (Николаев) Проблемы реколонизации хоры Ольвии рубежа V–IV вв. до н.э.	464
<i>В. В. Назарчук</i> (Киев) Новый фрагмент надписи на свинцовой пластине из Ольвии.....	471
<i>Н. И. Николаев</i> (Николаев) Просопография в интерпретации и датировке лапидарных надписей догетской Ольвии	474
<i>Т. Л. Самойлова</i> (Одесса) Несколько замечаний об эллинах и варварах Нижнего Поднепровья в доримскую эпоху (контакты и конфликты).....	478
<i>П. В. Остапенко</i> (Одесса) Варварское население Тиры в доримское время по данным материальной культуры.....	481
<i>В. В. Крапивина</i> (Киев) Об этническом составе населения Ольвии в первые века н.э. (к проблеме корреляции данных археологии и лингвистики)	485

- Р. А. Козленко (Николаев)* Новые укрепленные пункты в контексте Ольвийской оборонительной системы первых веков нашей эры..... 492

V. ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

- А. И. Иванчик, С. Н. Савенко (Москва, Пятигорск)*
Греческое надгробие из Ставропольского края:
самая восточная находка боспорской надписи? 500
- В. Р. Эрлих (Москва)* Бронзовые ситутлы из элитных погребений Кавказа
как пример внутрикавказской коммуникации
(к вопросу о центре производства и верхней дате бытования)..... 505
- Р. И. Папуашвили, З. Ч. Джанелидзе (Тбилиси)* Палеогеографические
условия и археологическая ситуация в окрестности устья р. Риони
(к проблеме локализации Фасиса)..... 514

VI. СКИФИЯ И САРМАТИЯ

- М. Т. Кашуба, О. Г. Левицкий (СПб., Кишинёв)* Круглые жилища
раннескифского времени в Северо-Западном Причерноморье:
население и контакты, истоки и традиции домостроительства..... 522
- М. С. Бандрицкий (Львов)* Многогорлые сосуды типа керносов
на памятниках раннежелезного века Правобережной Украины..... 533
- Т. М. Кузнецова (Москва)* Северное Причерноморье –
население и контакты архаического периода..... 543
- Е. А. Савостина (Москва)* Скифы, греки и языки их искусства.
Об изобразительных системах культур,
встретившихся в Северном Причерноморье 547
- Н. А. Гаврилюк (Киев)* Этнические процессы
в Северном Причерноморье в раннем железном веке 552
- И. В. Ксенофонтова, В. Р. Эрлих (Москва)* Драгоценные сосуды
в ритуалах меотов по материалам святилищ у аула Уляп
(к вопросу о связях населения Прикубанья в скифское время)..... 555
- Е. Е. Фиалко (Киев)* Боспорские саркофаги из скифских могил..... 562
- А. В. Вертиенко (Киев)* О скифской клятве в *Лис., Тох., 38*..... 567
- А. С. Балахванцев, Е. А. Беглова (Москва)* Арифарн – царь фатеев
или сираков? 575
- Е. А. Попова (Москва)* Поздние скифы и Боспор:
к вопросу об истоках позднескифской культуры 579
- Ю. П. Зайцев (Симферополь)* «Позднескифский» костюм
как этноиндикатор (на примере элементов
поясной гарнитуры III–I вв. до н.э.)..... 584
- В. И. Мордвинова (Симферополь)* Контакты варваров Нижнего Поволжья
с античными центрами (III в. до н.э. – середина III в. н.э.)..... 592
- А. В. Симоненко (Киев)* Конский убор из большого кургана
Васюринской горы 598

VII. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: КОНТАКТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

<i>В. П. Яйленко</i> (Москва) Балканское происхождение имени киммерийского царя Лигдамиса	603
<i>В. Ю. Зувев</i> (СПб.) Скифский логос Геродота: композиция линий повествования.....	607
<i>А. А. Сеницын</i> (Саратов) По поводу упоминания в классической драме экстравагантного «боспорского феномена» (<i>Soph. Frag. 473 TrGF 4 Radt</i>)	626
<i>Т. Н. Джаксон, А. В. Подосинов</i> (Москва) Название Азовского моря у греков, римлян, готов, варягов	641
<i>А. В. Котина</i> (Керчь) К вопросу о значении термина «амазонка»	646
<i>Н. В. Кузина</i> (Нижний Новгород) К вопросу о распространении культа Диониса среди местного варварского населения Северного Причерноморья.....	649
<i>Н. А. Павличенко</i> (СПб.) Новые гераклейские магистраты	655
<i>А. В. Куликов, Д. В. Бейлин</i> (Керчь) Особенности организации торговли и обмена между греками и варварами Северного Причерноморья в VI–III вв. до н.э.....	657
<i>Д. В. Григорьев</i> (Москва) Война как фактор этнического взаимодействия в Северном Причерноморье.....	661
<i>Н. Н. Казанский</i> (СПб.) Социолингвистическая ситуация в Боспорском царстве и особенности языковой политики эллинистических государств.....	665
<i>С. Р. Тохтасьев</i> (СПб.) Греческий язык на Боспоре: общее и особенное ...	673
<i>А. И. Фалилеев</i> (СПб.) Кельты-танаиты: попытка интерпретации	682

VIII. MEMORABILIA

<i>Ю. А. Виноградов</i> (СПб.) Вспоминая о друге	687
<i>В. Ю. Зувев, Ю. И. Ильина</i> (СПб.) Людмила Владимировна Копейкина (1941–1981)	691
Список сокращений	703
Содержание.....	706

БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН
Население, языки, контакты

Материалы международной научной конференции
Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.

Выпускающий редактор *М.В. Безлецова*
Корректор *Г.С. Якушева*
Техническая редакция текста,
обработка иллюстраций и верстка *Л.Б. Кирчо*

Подписано в печать 03.11.2011. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 44,5. Заказ № 2429
Тираж 400 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru; www.rossica.su

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23